Ц 71/132

МОРДОВСКІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

составленъ

А. А. Шахматовымъ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ОПИСАНІЕ СЕЛА ОРКИНА САРАТОВСКАГО УѢЗДА А. Н. МИНХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

МОРДОВСКІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

составленъ
А. А. Шахматовымъ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ОПИСАНІЕ СЕЛА ОРКИНА САРАТОВСКАГО УѢЗДА А. Н. МИНХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1910 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Предисловіе.

Матеріалъ, вошедшій въ составъ настоящаго сборника, въ значительнѣйшей части собранъ въ 1905 и 1906 гг. въ двухъ мордовскихъ селахъ Саратовскаго уѣзда *Сухомъ Карбулакѣ* и *Оркинѣ*. Сухой Карбулакъ (мордва называетъ его Арчиловъ, Арчилоувеле)[1]) находится верстахъ въ шестидесяти отъ Саратова къ сѣверу, въ направленіи къ г. Вольску; Оркино (иначе Кучугуры)[2]) отстоитъ отъ Саратова приблизительно въ такомъ же разстояніи въ сѣверозападномъ направленіи и расположено верстахъ въ пяти отъ большой дороги, ведущей изъ Саратова въ г. Петровскъ. Оба эти села населены мордвой — эрзей, при чемъ русскихъ въ обоихъ селахъ сравнительно очень немного. Недалеко отъ Оркина, верстахъ въ трехъ отъ него, имѣется еще мордовское поселеніе въ деревнѣ Косолаповкѣ; здѣсь мордва живетъ вмѣстѣ съ русскими, составляющими половину населенія этой деревни; въ Косолаповкѣ я не былъ, но отъ тамошнихъ жителей мнѣ пришлось записать нѣсколько пѣсенъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ вмѣстѣ съ оркинскими. Другихъ мордовскихъ поселеній, кромѣ трехъ названныхъ, въ Саратовскомъ уѣздѣ нѣтъ; но весьма вѣроятно, что нѣкогда мордва была въ этомъ

1) По имени грузинскаго царевича Арчила, которому нѣкогда принадлежали земли, занятыя впослѣдствіи мордовскимъ селеніемъ.

2) Оркино по имени одного изъ первыхъ поселенцевъ, мордвина Орьки; названіе Кучугуры встрѣчается въ малорусскихъ мѣстностяхъ; напр. въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговской губ. есть д. Кучугуры или Кочугуры (Списки насел. мѣстъ, Черниговская губернія, № 1321); въ Сосницкомъ уѣздѣ той же губерніи Кучугуры (тамъ же, № 2948). Въ словарѣ украинской мовы, изд. редакціей «Кіевской Старины», слово кучуѓра приведено со значеніемъ холмъ, куча; кучуѓри со значеніемъ холмистая мѣстность.

уѣздѣ распространеннѣе; возможно, что окончательному обрусѣнію мордвы въ другихъ селеніяхъ Саратовскаго уѣзда содѣйствовало то обстоятельство, что селенія эти не заключали въ себѣ столь густого мордовскаго населенія, какъ Оркино и Сухой Карбулакъ. Въ пользу предположенія о нѣкогда болѣе широкомъ распространеніи мордвы въ Саратовскомъ уѣздѣ можно указать на нѣкоторыя географическія названія: на трактѣ изъ Саратова въ Вольскъ, верстахъ въ тридцати отъ Саратова, имѣется рѣчка Мордово и селеніе съ тѣмъ же названіемъ (извѣстное болѣе подъ именемъ Вольповка); въ другую сторону отъ Саратова недалеко отъ тракта Саратовъ-Петровскъ, верстахъ въ тридцати отъ самаго Саратова, имѣется деревня Губаревка: названіе это всего вѣроятнѣе возводить къ мордовскому слову губор-губыр (холмъ, бугоръ), причемъ это подтверждается другимъ названіемъ Губаревки, бывшимъ раньше болѣе обычнымъ среди исключительно русскаго населенія этой деревни, — Бугарёвка, Бугрёвка (отъ бугоръ)[1]). Мордва жила нѣкогда и въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь ея нѣтъ совсѣмъ; это доказывается географическими названіями; приведу, напримѣръ, названіе рѣчки Колышлей; одноименная рѣчка извѣстна и въ Пензенскомъ уѣздѣ (лей — по-мордовски рѣка). Отмѣчу въ Камышинскомъ уѣздѣ въ Золотовской волости русскую деревню Мордово. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время Оркино и Сухой Карбулакъ оказываются наиболѣе южными поселеніями мордвы на правой сторонѣ Волги (впрочемъ, П. И. Мельниковъ въ своихъ очеркахъ указывалъ на двѣ мордовскія деревни въ Астраханской губерніи: вѣроятно, мордва явилась здѣсь въ результатѣ позднѣйшаго переселенія).

Описаніе Оркина съ надлежащими этнографическими и статистическими указаніями дано ниже, на стр. 681 и слѣд. сборника, въ статьѣ А. Н. Минха, извѣстнаго изслѣдователя этнографіи и археологіи Саратовскаго края; статья эта была составлена еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; я глубоко

1) Мѣстное преданіе сообщаетъ о томъ, что названіе Губаревки произошло отъ имени казака Губарева, перваго поселенца въ этой мѣстности.

признателенъ А. Н. Минху за то, что онъ предоставилъ ее въ мое распоряженіе и далъ мнѣ возможность включить ее въ составъ моего сборника. Кромѣ описанія, даннаго Минхомъ, укажу еще на описаніе Оркина, записанное мною со словъ мѣстнаго жителя и помѣщенное въ I отдѣлѣ сборника. Тамъ же дано описаніе и Сухого Карбулака, при чемъ разсказчики охотно дѣлились и сохранившимися преданіями о началѣ селеній и о послѣдующихъ ихъ судьбахъ. Не буду поэтому повторять данныхъ, приведенныхъ тамъ, относительно Оркина и Сухого Карбулака; укажу только, что въ настоящее время въ Оркинѣ насчитывается до 6000 душъ обоего пола, а въ Сухомъ Карбулакѣ до 3000.

При собираніи образцовъ народнаго творчества въ обоихъ названныхъ селахъ я оказался въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ. Свои занятія мордовскимъ языкомъ я началъ съ Романомъ Ѳедоровичемъ Учаевымъ, бывшимъ въ то время учителемъ Новопольской церковно-приходской школы Саратовскаго уѣзда. Р. Ѳ. Учаевъ уроженецъ Сухого Карбулака; біографическія данныя о немъ см. въ настоящемъ сборникѣ, на стр. 636—642, 646—649. Замѣтивъ его прекрасныя способности и условившись съ нимъ относительно подробностей транскрипціи мордовскихъ звуковъ (Р. Ѳ. Учаеву вообще не приходилось или приходилось очень рѣдко передавать родную рѣчь на письмѣ), я просилъ его съѣздить въ Сухой Карбулакъ и тамъ записать изъ устъ народа преданія, сказки, пѣсни и т. п. матеріалъ. Р. Ѳ. Учаевъ весьма удачно справился со своей задачей; къ концу лѣта 1905 года онъ доставилъ мнѣ большое собраніе фольклористическаго матеріала, при чемъ, будучи музыкантомъ, присоединилъ къ пѣснямъ и записи мотивовъ. Весь этотъ матеріалъ, провѣренный мною въ отношеніи точной передачи звуковъ при перечитываньи текстовъ вмѣстѣ съ Р. Ѳ. Учаевымъ, напечатанъ въ настоящемъ сборникѣ почти безъ измѣненій или точнѣе съ тѣми измѣненіями, необходимость которыхъ выяснилась при совмѣстномъ моемъ съ Р. Ѳ. Учаевымъ ихъ обсужденіи. Въ прошломъ году я посѣтилъ самый Сухой Карбулакъ и убѣдился изъ весьма значительнаго

числа собственныхъ своихъ записей [1]), насколько точно Р. Ѳ. Учаевъ передавалъ свою рѣчь. Впрочемъ, и раньше мнѣ пришлось слышать сухокарбулацкій говоръ не отъ одного Р. Ѳ. Учаева; между прочимъ кое-что записано было мною въ 1906 году отъ его матери, старушки лѣтъ 60-ти; эти мои записи помѣщены въ сборникѣ вмѣстѣ съ записями самого Р. Ѳ. Учаева, но отличены латинскимъ шрифтомъ (Р. Ѳ. Учаевъ пишетъ только русскими буквами), см. стр. 155—157, 646—650 сборника. Латинскимъ же шрифтомъ я напечаталъ то, что записалъ со словъ самого Р. Ѳ. Учаева для того, чтобы отличить мои записи отъ его записей, см. стр. 43—46, 636—645, 650—653 сборника.

Съ оркинскимъ говоромъ я познакомился въ августѣ 1905 года, когда впервые посѣтилъ Оркино и записалъ тамъ много сказокъ и пѣсенъ. Потомъ я тщательно изучалъ особенности этого говора при помощи Василія Степановича Саюшкина, оркинскаго уроженца, бывшаго въ то время сельскимъ писаремъ въ д. Бѣгучахъ Петровскаго уѣзда. Въ концѣ августа предложилъ мнѣ свои услуги Іосифъ Александровичъ Цыбинъ, постоянный житель Оркина, бондарь по профессіи. І. А. Цыбинъ оказался человѣкомъ въ высокой степени одареннымъ; необыкновенная память и развитая фантазія дѣлаютъ его неистощимымъ разсказчикомъ; подъ его диктовкой я исписалъ много листовъ бумаги; часть этихъ записей помѣщена въ настоящемъ сборникѣ. І. А. Цыбинъ пытался передавать мордовскую рѣчь на письмѣ русскими буквами, но это ему не удавалось дѣлать такъ точно и отчетливо, какъ Р. Ѳ. Учаеву, несмотря на придуманныя имъ діакритическіе знаки (р̑, л̑ для обозначенія глухихъ р, л; г̑ для обозначенія задненёбнаго); для образца я помѣстилъ въ сборникѣ нѣкоторыя изъ записей І. А. Цыбина, см. стр. 430—431, 446—449, 489—492, 630—635, 667—674. Мои записи по Оркину не ограничивались однимъ І. А. Цыбинымъ; кое-что я записалъ отъ В. С. Саюшкина, отъ Татьяны Учуськиной, отъ

1) Эти записи (подкрѣпленныя частью и фонографическими отпечатками) не вошли въ составъ настоящаго сборника, и такъ черезмѣрно разросшагося.

Анастасьи Кожайкиной, а также еще отъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ. Въ I приложеніи къ сборнику я помѣстилъ двѣ пѣсни, записанныя въ 1904 году учителемъ Ложкинымъ (стр. 674—679), а въ отдѣлѣ оркинскихъ пѣсенъ записи, сдѣланныя въ концѣ семидесятыхъ годовъ учителемъ Леонтьевымъ по порученію А. Н. Минха, см. стр. 431—434, ср. еще стр. 483—484, 486—487.

Во всякомъ случаѣ я особенно обязанъ за помощь и руководство Р. Ѳ. Учаеву и I. А. Цыбину; приношу имъ здѣсь свою глубокую благодарность.

Оркинская мордва меньше, чѣмъ сухокарбулацкая, поддалась вліянію русскаго населенія; это видно между прочимъ изъ того, что въ Оркинѣ мордва не разсталась со своимъ національнымъ костюмомъ; по крайней мѣрѣ въ 1906 году женщины еще почти совсѣмъ не носили платьевъ русскаго покроя, хотя и горько жаловались на насмѣшки, которымъ онѣ подвергаются въ русскихъ селеніяхъ (напримѣръ, въ большомъ торговомъ селѣ Озеркахъ, отстоящемъ отъ Оркина въ пяти верстахъ). По этимъ жалобамъ а также по сѣтованіямъ на неурожай марены, изъ которой добывается красильное вещество, необходимое для изготовленія нѣкоторыхъ частей женской одежды, я въ 1906 году дѣлалъ заключеніе о томъ, что время перехода оркинскаго населенія къ русскому платью весьма близко. Въ связи съ общей приверженностью оркинской мордвы къ старинѣ стоитъ и то, что пѣсни и старинные обряды держатся здѣсь гораздо устойчивѣе, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Оркино не теряетъ связей съ другими мордовскими селеніями, расположенными въ сосѣднемъ Петровскомъ уѣздѣ, хотя оркинцы и отличаютъ свое нарѣчіе даже отъ ближайшихъ сосѣдей, которыхъ называютъ «мурзями»; подобныя связи служатъ причиной сохраненія въ Оркинѣ мордовской старины и ограждаютъ оркинцевъ отъ слишкомъ быстраго обрусѣнія. Напротивъ, Сухой Карбулакъ окруженъ русскими поселеніями; ближайшія мордовскія селенія Вольскаго уѣзда отстоятъ отъ Сухого Карбулака верстахъ въ сорока; мордовская старина стала тамъ забы-

ваться, и уже въ очень давнее время жители Сухого Карбулака бросили свой національный костюмъ. Забываются также и свои пѣсни; мордва поетъ русскія пѣсни, а мордовскія развѣ только въ пьяномъ видѣ, какъ сообщаютъ мѣстные наблюдатели. Въ старину, какъ припоминаютъ старые люди, пѣсенъ было больше и ихъ пѣли охотнѣе; въ настоящее время рѣдко кто знаетъ больше двухъ-трехъ мордовскихъ пѣсенъ; многіе помнятъ только отдѣльные обрывки тѣхъ или иныхъ пѣсенъ.

Живѣе сохраняются въ Сухомъ Карбулакѣ преданія. Замѣчательно, что въ 1909 году мнѣ разсказывали тѣ самыя преданія о началѣ Сухого Карбулака, которыя въ 1905 году записалъ Р. Ѳ. Учаевъ, при чемъ употребляли одинаковыя выраженія, приводили одинаковыя подробности. Одно изъ помѣщенныхъ мною въ сборникѣ преданій — о томъ, какъ мордовская земля перешла во владѣніе русскаго князя (стр. 46—48), несомнѣнно книжнаго происхожденія; въ немъ упоминаются Волжскіе Болгары; преданіе это появилось въ печати въ семидесятыхъ годахъ. Но замѣчательна наивная передача его: въ концѣ разсказчикъ дѣлаетъ замѣчаніе, изъ котораго можно заключить, что подъ русскимъ княземъ онъ разумѣетъ бывшаго своего помѣщика.

Что касается сказокъ, то бо́льшая часть ихъ не представляетъ чего-либо оригинальнаго; эти сказки извѣстны и русскимъ, хотя возможно, что мордва сохранила весьма древнія черты при передачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не привожу при сказкахъ ихъ русскихъ параллелей, хотя и сознаю всю важность подобныхъ указаній въ систематически подобранномъ сборникѣ; не дѣлаю ссылокъ и на обнародованныя уже мордовскія сказки во II выпускѣ Образцовъ мордовской народной словесности (Казань 1883), а также въ «Proben der mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von H. Paasonen» (Helsingfors 1894), и другихъ изданіяхъ. Весьма желательно появленіе работъ, посвященныхъ вопросу о сказочномъ репертуарѣ мордвы — эрзи и мокши, а также систематическихъ собраній этихъ сказокъ. Уже теперь видно, что нѣкоторыя сказки заимствованы мордвой не отъ русскихъ. Любо-

пытно опредѣлить происхожденіе нѣкоторыхъ именъ, встрѣчающихся въ сказкахъ, какъ напр. Дячка Най-Най въ сказкѣ, помѣщенной на стр. 356—370, Мазы Дамай, Карясъ въ сказкѣ, напечатанной въ Обр. морд. нар. слов. II, стр. 118.

При пѣсняхъ я сдѣлалъ нѣсколько ссылокъ на однородныя или тождественныя пѣсни, извѣстныя изъ другихъ сборниковъ мордовской словесности. Спеціально относительно весьма распространенной пѣсни о Литювѣ (стр. 521—526) напомню, что разборъ ея былъ предложенъ М. Г. Халанскимъ въ его изслѣдованіи «Южнославянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ» (стр. 365 и сл.). Въ пѣсняхъ мордва обнаружила несомнѣнно самостоятельное творчество. Содержаніе ихъ весьма разнообразно, такъ же разнообразенъ и размѣръ; преобладаетъ десятисложный стихъ, укладывающійся въ четырехъ стопахъ. Важно отмѣтить обиліе пѣсенъ историческаго содержанія; систематическое собраніе и разработка ихъ со стороны сюжета были бы благодарнѣйшими задачами для изслѣдователя. Въ Оркинѣ, а въ особенности въ Сухомъ Карбулакѣ пѣсни, какъ отмѣчено, забываются; но замѣчательно, что выдающіяся событія въ жизни села вызываютъ и до сихъ поръ попытки облечь разсказы о нихъ въ пѣсенную форму; мнѣ извѣстна одна оркинская пѣсня, составленная въ 1905 году по поводу случившагося въ селѣ убійства, и одна сухокарбулацкая, описывающая народное волненіе 1906 года; та и другая пѣсня оказываются подражаніями существующимъ стариннымъ пѣснямъ. Есть полное основаніе думать, что въ мѣстахъ съ болѣе густымъ мордовскимъ населеніемъ сохранилось обильное количество старыхъ пѣсенъ, неизвѣстныхъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Житель Сухого Карбулака И. О. Мироновъ сообщилъ мнѣ нѣсколько интересныхъ пѣсенъ съ историческимъ содержаніемъ. Въ нихъ упоминается о борьбѣ эрзи съ мокшей; называются имена мордовскихъ князей или военачальниковъ; по провѣркѣ оказалось, что И. О. Мироновъ записалъ эти пѣсни отъ своей тещи родомъ изъ Асланювки Вольскаго уѣзда; поэтому онѣ не вошли въ настоящій сборникъ. Обращаю вниманіе на весьма распространенную въ Сухомъ Карбулакѣ

пѣсню объ императорѣ Павлѣ Петровичѣ (стр. 558—560), извѣстную и въ другихъ мордовскихъ поселеніяхъ.

Нѣкоторыя пѣсни пришлось записать прозой въ виду того, что сообщавшія ихъ лица затруднялись передать ихъ поточнѣе.

Загадочна пѣсня о Лушѣ, проклятой еще въ утробѣ матери (стр. 434—436; 556—558); варіантъ къ ней въ записи А. Вальда 1849 года, помѣщенъ въ приложеніи I, стр. 679—680. Особенною симпатіей пользуются: пѣсня объ Агутѣ (стр. 533—534), извѣстная мнѣ теперь въ нѣсколькихъ варіантахъ, пѣсня о Дарюшѣ (стр. 553—555), о Кемельте (стр. 562—564), о Сюмурѣ (стр. 564—568). Весьма распространенна пѣсня «Лугава яке сыре алаша» (стр. 429—434, 555—556).

Выше указано, что̀ именно вошло въ составъ двухъ первыхъ приложеній къ сборнику. Въ III приложеніи я помѣстилъ краткій очеркъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей говоровъ Сухого Карбулака и Оркина. Съ большою признательностью называю здѣсь книгу Г. Паасонена Mordvinische Lautlehre (Helsingfors, 1903), которая помогла мнѣ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ фонетики. Не могъ я согласиться признать за Паасоненомъ (см. его Mordw. Lautlehre, стр. VII—VIII, а также Mordvinische Chrestomatie, Helsingfors, 1909) долгими или полудолгими, шумныя глухія согласныя въ положеніи ихъ между гласными, а также между r, l, n, m и гласными; напр. въ словахъ ľuka, aťa, moďasa я слышалъ краткія k, ť, s въ противоположность напр. словамъ poloḳa (по пологу), v́eṭä (о водѣ), ramaṣa (пусть онъ купитъ), гдѣ k, ť, s дѣйствительно долги.

Относительно передачи мордовскихъ звуковъ въ текстахъ замѣчу слѣдующее: l обозначаетъ ł, т. е. русское л несмягченное; ḷ и ṛ обозначаютъ глухія l и r, извѣстныя въ оркинскомъ говорѣ передъ глухими мгновенными; η обозначаетъ заднепебное n (болѣе подходящимъ знакомъ было бы ŋ); ė означаетъ е средняго ряда, передъ которымъ согласныя произносятся твердо; ʒ означаетъ сочетаніе dz, звонкую аффрикату, соотвѣтствующую глухому c; ȯ означаетъ о средняго ряда (звукъ между о и ö). Другіе знаки

не нуждаются въ оговоркахъ. Удареніе я обозначалъ точкой за буквой, выражающею гласную. Не всегда при скорой записи мнѣ удавалось обозначить мѣсто ударенія въ слогѣ, а потому многія слова оказываются приведенными безъ ударенія. Передавалъ я звуковую сторону рѣчи такъ, какъ я ее слышалъ; на основаніи этого я воспроизводилъ и тѣ особенности, которыя вызываются положеніемъ слова въ связной рѣчи; я писалъ tuiń zyv́il (свинина), хотя z замѣнило s въ началѣ слова syv́il (мясо) только благодаря положенію послѣ звонкой согласной; но иногда (въ особенности въ Оркинѣ) слышится и tuiń syv́il; это отмѣчено и въ моихъ записяхъ. То же относится и къ конечнымъ гласнымъ a, e, вмѣсто которыхъ (при томъ условіи, когда a восходитъ къ α) слышится y, i въ связной рѣчи. Р. Ѳ. Учаевъ держался тѣхъ же пріемовъ.

А. Шахматовъ.

Апрѣль 1910 г.

Отдѣлъ I. Преданія.

А. Оркино.

Ḿi·ńiḱ v́äľińt́ ta·rkasa śeďiki·ľä uľńi·śt́ rozbo·jńckeń statt. Mon mańi·ń syŕi lo·mańiń ṕeľďä v́ä·χkiń ta·rkada, šty śesa· äŕä·ś Śt́eńka· Ra·źin. Še ta·rkaś ńejga·k ṕeḱ paŕćt́ä soda·v́ä: ozórnė·jška pa·nda karda·zyń po·nasa, ľämi·za i ńejga·k: Ḱäv́i·ń ka·rdaz; kunčkav́i·cynʒa gu·byr, gu·byryńt́ ṕra·sa tumav́iŕńä, a śef́t́ ku·nčkasa, gu·byryńt́ ṕra·sa ko·lmy ḱi·ľiχt́, ḱi·ľiχńiń ala ľiśma·ṕŕa. At́a·t́ńä kortė·t́, šty śe ta·rkasyńt́ sama·j äŕä·śt́ rozbo·jńeḱńä, a uša ṕelksėza pa·ndyńt́ v́äχkiń ṕe·ľej prok o·rta. A krugo·myza a·slyn ka·rdaz. Sa·maj pa·ndyńt́ ṕra·va aščy v́i·ŕńä prok la·ta, a alksy·za prok ḱä·v́iń śt́e·na. Še śt́e·nańt́i ḿeŕet́

На мѣстѣ нашей деревни были нѣкогда разбойничьи притоны. Я слышалъ отъ старыхъ людей насчетъ одного мѣста, что тамъ жилъ Стенька Разинъ. Это мѣсто и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на дворъ, имя ея и теперь: Каменный дворъ; на серединѣ ея бугоръ, на бугрѣ дубовый лѣсокъ, а на самой серединѣ, на вершинѣ этого бугра три березы, подъ березами родникъ. Старики говорятъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ жили разбойники, а наружная сторона той горы съ одной стороны похожа на ворота. А вокругъ нея какъ есть дворъ. По самой вершинѣ горы—лѣсокъ, словно крыша, а низъ ея словно

Ḱäv́i·ń ka·rdaz ča·ma. Karda·zyńť äjsta v́ä ṕe·ľej aščy·ť kafta pantt sä·ŕiχ́ť, a pona·st prok ťä·χťiŕiń poťť. Ńe pantnyń ľäḿi·st Karau·ľnyj pantt. Aťäťńä jofńe·ť, źa·rda äŕäś Śťe·ńka Ra·źin, to ńe pa·ntnyń laŋksa syń vanfńi·śť ḱija·va juty·ćat i bu·ta to·sta mo·dańť pačk uľńi·ś v́eťaf ćeṕ. Kodak ńeje·ť ju·tyćat, to syń i nockofcöź śe ćeṕeńť, a śe ćeṕeńť ṕä·sa uľńi·ś śulma·f ba·jaga. Jalga·st, koda·k maŕa·syź śe ba·jagańť, i ľiśi·ť ḱila·ŋks. A śeďi tovȯ·la pokš ḱi ṕe·ľej uľä la·tka, ľäḿi·za Ba·ńa la·tka, byta syń śe·zėń jakśi·śť bańa·s paŕa·ma. A śe latkyńť tomba·ľä uľi Čakš la·tka. Śe la·tkyńťi jakśi·śť ḿińiḱ ďedu·žynyk Paznyń kašä·ń ṕiďińä: iśťama synst uľńi·ś koje·st. Eščo v́ä·χḱiń ta·rkasa uľä panda ľäḿi·za Koźe·lėń-strup. Śe pa·ndyńť a·ly la·tka, ľäḿi·za Koźe·lėń-strup-la·tka. I vot ḿä·śť jofńe·ť ḿińi·k ruzy·ń aťa·nyk kyda· v́äľi·ś ťesa· ara·śiľ, śe latksyńť äŕä·śť rozbo·jńeḱť; uľńi·śť źe·ḿľaŋka·st. Źeḿľaŋka·syńť syń äŕći·śť i uľńi·ś mary·st v́ä·χḱi ťä·χťiŕ· Kyda v́äľi·ťńä karmaśť oza·ma malau̯, syń duma·śť kadu·mynz

---

каменная стѣна. Эту стѣну называютъ лицевою стороной Каменнаго двора. Въ сторонѣ отъ этого двора расположены двѣ высокія горы, а видъ ихъ словно дѣвичьи титьки. Имя этихъ горъ—Караульныя горы. Старики разсказываютъ, что когда жилъ Стенька Разинъ, то разбойники на этихъ горахъ подкарауливали проѣзжавшихъ по дорогѣ, и будто оттуда сквозь земли была протянута цѣпь. Какъ только увидятъ проѣзжающихъ, они и дернутъ эту цѣпь, а къ концу этой цѣпи былъ привязанъ колоколъ. Какъ услышатъ ихъ товарищи тотъ колоколъ, они и выйдутъ на дорогу. А еще дальше къ большой дорогѣ есть оврагъ по имени Банный оврагъ: будто они ходили туда париться въ баню. А по другой сторонѣ этого оврага Горшковый оврагъ. Въ этотъ оврагъ наши дѣды ходили варить кашу для Бога: такой у нихъ былъ обычай. Еще въ одномъ мѣстѣ есть гора по имени Козлиный срубъ. Подъ этой горой оврагъ по имени «оврагъ Козлинаго сруба». И вотъ что разсказываютъ наши русскіе старики:

ťe tarka·ńť i tuji·ms daľšy. Dumaśť i syrga·śť, a śe ťä·χťiŕińť kady·ź źeḿľaŋka·ńťi, ṕekstėź i tuśť. A ťäχťi·ŕińť pokšėst ṕek v́ečke·ľćä. Žaľ ďänʒa ma·ŕav́ä. Kyda· moľćť v́äṕe·ľej, son ḿeŕä: ēχ, bratcy, v́eď mon sońććav́i·ća ṕerčatkam stuťty·ńä; tyń aźida sa·sta, a mon ćyjńan, nať, sajsa· i sasa·tadyź». Moľć źeḿľaŋkańťi, ľifťi·źä ťäχ-ťi·ŕińť i ḿeŕć ťänʒa: «mïń ńej tuta·na ťe·sta, a ton ńesa·k ona śe ťuža pa·ndyńť; śe pandyńť ala u·lä ruz v́ä·ľińä, moľť śe v́äľińťi i äŕa·k, a b́iďi ľiśa·t ḿiŕďi·ńiń i karḿi·ť äŕa·vuma ťäť jarma·kt, sak ťej; panžyk źeḿľa·ŋkańť i kučyk ḿiŕďi·t jarma·k ḿä·ľga; źa·ra ťäŋk ä·ŕav́iť, śńara i saji·da, a tońć iľa· sua, a b́iďi tońć su-va·t źeḿľa·ŋkańťi, to ton ťesk kadu·vat». I tuś jalga·nʒa sasa·ma. A ťe tuś Loχa· ṕe·ľej: śe v́äľińińť ľä·ḿiza uľńi·ś Lo·χa. Moľć to·zėń i ara·ś v́ä·χḱi loma·ńńiń i äŕa·ś ḱecė·nʒa robo·ťńeḱeḱs. A v́äχḱi u·ľńiś śe v́ä·ľisyńť kodamy b́iďi Paznyń o·znėća ćo·ra. Rusny ḿeŕńeśť ťänʒa· Byhamo·l.

A ḿińiḱ v́ä·ľiś karma·ś toža oza·ma: ṕe·ŕv́ej saś O·ŕka a·ťa

когда здѣсь не было этого села, въ этомъ оврагѣ были разбойники; у нихъ были землянки. Въ тѣхъ землянкахъ они жили, и была съ ними одна дѣвушка. Какъ по близости стали населяться села, они рѣшили оставить это мѣсто и уйти подальше. Рѣшили и собрались, а ту дѣвушку оставили въ землянкѣ, заперли ее и ушли. А дѣвушку очень любилъ ихъ атаманъ. Ему стало жаль ея. Когда они ушли далеко, онъ говоритъ: «эхъ, братцы, вѣдь я позабылъ свою перчатку самобойную; вы, идите потихоньку, а я, знать, сбѣгаю, возьму ее и догоню васъ». Пришелъ онъ къ землянкѣ, вывелъ дѣвушку и сказалъ ей: «мы теперь отсюда уйдемъ, а ты видишь вотъ ту желтую гору; подъ той горой есть русская деревушка, иди въ ту деревню и живи, а если выйдешь за мужъ и нужны будутъ тебѣ деньги, приходи сюда; отопри землянку и пошли своего мужа за деньгами; сколько вамъ понадобится, столько возьмите, а сама ты не входи; а если ты сама войдешь въ землянку, то ты тамъ останешься». И пошелъ онъ догонять

kolmy ćora·nʒa marta i uľńi·śť ťäχťi·ŕinʒa. Ḿajľä saś Ḱľim. Śe Ḱľimyś, jofńeť, ṕeḱ zdoro·ŋ uľńi·ś. Äŕä·ś son tatar v́ä·ľisa i ḿäźiń ḱisa b́iďi so·nʒa čavyksyľiź. Son sajś du·b́ina i v́äť vo·ŕgeć i saś to·ža ťej. Son O·ŕka a·ťäń ťäχťiŕinʒa sa·jiźä koźa·jkaks i karma·ś äŕa·ma. Ḿä·jlä saś Učn·ś aťa.

Vot v́äľi·ś karma·ś ala·myń a·lamyń puru·myma, a śe ťä·χťiŕiś, kona· Loχa·s tuś, äŕäś äŕäś rob́ôťńeḱeks, koźa·jkaks ḱijak ä·synʒa a·sajä. Son sa·jiźä Bahamol ćo·rańť i kortėźä äśťä·nʒa, uŕvaksėť i tuśť äŕa·ma Oŕka v́ä·ľij. Vot iśťa a·lamyń a·lamyń i pru·mś će·la v́ä·ľä.

Mon iḱiľi kortėń: Koźeleń-strup-latksta kyda· tuśť rozbo·jńeḱńä i kyda ťäχťi·ŕińť no·ldėź, koda Loχas pačkyć, koda· äŕäś, koda· v́ećčä·ś i koda· ťej ḿäḱij äŕa·ma saś Kučaguryńťi. Karmaśť äŕa·ma. Syń ḿäźďija·k äśť ṕiśť. Koda·k ťäst äŕäv́iť jarma·kt, kiľďi·ť ala·ša, mo·ľeť źeḿľaŋka·ńťi, ṕeščėť źary ťäst äŕä·v́ä; ńeť ľi·śiť, e·ščo moľe·ť. Iśťa· i äŕäśť. Ćačć ćo·rast Ḿi·ška, uľńi·ś ṕeḱ ṕi-

---

товарищей. А эта пошла къ Лоху: имя той деревушки было Лохъ. Пришла она туда и опредѣлилась къ одному человѣку и жила у него работницей. А въ той деревнѣ жилъ какой-то (постоянно) молившійся Богу мужчина. Русскіе называли его Богомоломъ.

А наше село также стало населяться: первымъ пришелъ старикъ Орька съ тремя своими сыновьями, и были у него (также) дочери. Послѣ пришелъ Климъ. Тотъ Климъ, сказываютъ, былъ очень сильный. Онъ жилъ въ татарской деревнѣ, и его за что-то захотѣли убить. Онъ взялъ дубину, убѣжалъ ночью и также пришелъ сюда. Онъ взялъ въ жены дочь старика Орьки и сталъ жить. Потомъ пришелъ старикъ Учусь.

Вотъ село и стало понемножку собираться, а та дѣвушка, которая ушла въ Лохъ, жила въ работницахъ; въ жены никто ея не бралъ. Она взяла и приговорила себѣ Богомола; они поженились и ушли жить въ Орькину деревню. Вотъ такъ понемногу и собралось цѣлое село.

ja·ńića, syń sońďänʒa kazna·ńť äźiź ńeŕńä. Ḿiška·ń ćora·nʒa uľńi·śť ko·lma: Ṕetru·χa, Ignaška da Śe·mka. Ṕetru·χań ćora·za uľńiś a·ńćik v́äχḱi: Iva·n, Iva·nyń ćora·nʒa v́ä·ťä: v́äśi salda·tt. Pokšė·ńť ľäḿ Ḿi·ška, ombó·ćeń śe·mka, kolmó·ćeń Zaχa·rka, ńiľićiń Davy·dka, v́äťi·ćiń Ǵri·ška. Ǵriška·ś, Davytkaś i Zaχarkaś ńejgak služba·syt, a ńeť ku·cyt. Vot syń zyńć jo·fńeśť i tarkańť ńeŕńeź, a syńďäst baba·st ńeŕńe·źä ko·sy kazna·ś aščä·. Mon jofńe·ń ťäť Ḱľi·mda, koda son saś, koda uŕvaksć, sajś koźa·jka Oŕka·ń ďä·χťiŕ. Ḱľimy·ń ćora·nʒa uľńi·śť ńiľä: pokšė·ńť ľäḿi·za La·ŕa, ombó·ćeń Troša, kolmóćeń Ba·lgoŕ, ńiľićiń Va·śiľ. Laŕä·ń ćora·nʒa uľńiśť ka·fta: Ḟeďa·j i Ḿi·ša. Ḿišä·ń ćora·nʒa ńiľä: Aḱi·ḿ, Oχa·, E·ǵśej, Pa·vol. Ḟeďäń ćora·nʒa v́äťä: Iľja·, Zota·, Vaśa·, Ilka·, Dro·ńä. Ńeť v́äśi žiŕť Iľja·da ba·ška. Trošä·ń uľńi·ś ćora·za I·van, Iva·nyń ćora·nʒa ńi·ľä: pokšėńť ľäḿiza Onta·, ombóćeksėńť Makśi·ḿ, kolmó·ćeńť Ḱifor, ńiľićińť Iva·n. Onta·ń ćo·ranʒa kafta: Iogy·ŕ i Ło·va. Iogy·ryń ćora·nʒa ka·fta: Ḿiḱi·l,

---

Я раньше говорилъ, какъ разбойники ушли изъ «оврага Козлинаго сруба» и какъ они оставили дѣвушку, какъ она дошла до Лоха, какъ жила, какъ повѣнчалась и какъ пришла сюда опять жить въ Кучугуры. Стали они жить. Они ни въ чемъ не нуждались. Какъ становились имъ нужны деньги, запрягутъ лошадь, поѣдутъ къ землянкѣ, насыплютъ сколько имъ нужно; эти деньги выйдутъ, поѣдутъ еще. Такъ они и жили. Родился у нихъ сынъ Михаилъ, онъ былъ большимъ пьяницей, они ему не показывали клада. У Михаила было три сына: Петръ, Игнатій и Семенъ. У Петра было только одинъ сынъ Иванъ, у Ивана пять сыновей: всѣ они стали солдатами. Старшему имя Михаилъ, второму Семенъ, третьему Захаръ, четвертому Давыдъ, пятому Григорій. Григорій, Давыдъ и Захаръ и теперь на службѣ, а эти дома. Вотъ они сами разсказали и показали мѣсто, а имъ показала ихъ бабушка, гдѣ находился кладъ. Я разсказалъ тебѣ про Клима, какъ онъ пришелъ, какъ поженился, взялъ въ жены Орькину

Śťa·pan. Ḿiki·lyń ćora·za ara·ś. Sťapa·nyń v́ä·χkä. Ivan a·ťäń ńiľi ćora·nʒa: Iu̯ka, Da·ńil, A·ndŕej, Io·gyŕ, i sońć žiu̯, godė·nʒa kau̯ksyńǵäḿiń v́äťiška [1]).

Ḿińik v́ä·lisa uľi·ť lomaťť eščo· śeďi ṕek syŕi·ť, i ńe lo·maťńiń

дочь. У Клима было четыре сына: старшему имя Ларіонъ, второму Трофимъ, третьему Балгорь, четвертому Василій. У Ларіона было два сына: Ѳедоръ и Михаилъ. У Михаила четыре сына: Акимъ, Аѳанасій, Евсѣй, Павелъ. У Ѳедора пять сыновей: Илья, Зотъ, Василій, Иларіонъ, Андронъ. Эти всѣ, кромѣ Ильи, живы. У Трофима былъ сынъ Иванъ, у Ивана четыре сына: старшему имя Антонъ, второму Михаилъ, третьему Никифоръ, четвертому Иванъ. У Антона два сына: Егоръ и Леонтій. У Егора два сына: Николай и Степанъ. У Николая пѣть сына. У Степана одинъ сынъ. У старика Ивана четыре сына: Ивка, Данила, Андрей, Егоръ, и самъ онъ живъ, лѣтъ ему около восьмидесяти пяти. [1]).

Въ нашемъ селѣ есть люди еще болѣе старые, и разсказывать

---

1) Къ этимъ родословнымъ впослѣдствіи мнѣ была сообщена поправка: «Куяшовъ пришелъ изъ Яблонки Вольскаго или Хвалынскаго уѣзда. Онъ былъ русскій. Звали его Сергѣемъ. У него былъ сынъ Петръ. Петра прозвали Богомоломъ, потому что онъ все славилъ Бога, когда его билъ отецъ; отъ него пошли Богомоловы. У Петра былъ сынъ Василій. У Василія—Василій, Иванъ, Тимоѳей. Василій принялъ къ себѣ въ домъ зятя, а мужского потомства не имѣлъ. Тимоѳей пошелъ на службу и померъ. У Ивана сыновья: Семенъ, Михаилъ, Андрей, Захаръ, Давыдъ, Григорій (Андрей померъ, остальные живы). Еще пришелъ Виртянъ; его окрестили и назвали Василіемъ а отца его звали Ѳедоромъ. У Василія были сыновья: Дрига (Григорій), Онта, Гавря, Мирёнъ. Мирёнъ былъ слѣпой. Дрига померъ бездѣтнымъ. У Антона сыновья: Обрамъ, Сема, Елисѣй, Сема. У Обрама—Алексѣй, Прока, Васька. Прока и Васька померли. У Алексѣя сыновья: Василій, Трохимъ, Стяпанъ (Стяпанъ померъ бездѣтнымъ, Трохимъ живъ). Василій померъ; съ сыновья: Максимъ, Иванъ, Сема (живы). У Гаврилы сына Василіева сынъ Иванъ, а у Ивана Емелька, Фёдатъ, Áкимъ Ми́рёнъ; ихъ сыновья живы сейчасъ всѣ.—Антонъ и потомки ихъ получили фамилію «Вертянкины», а Гаврилу прозвали «Кимяй» (дорога назадъ); теперь фамилія ихъ «Кечайкины».

mon ťäť jofńeḿest aka·rman. V́äśi loma·ťńä v́äχťi-v́äχti a jo·fńe-v́cť. Iofta·n ťäť v́äχkä. Ḿińiḱ v́ä·ľinyk pokš: äsy·nʒa kolėnǵä·ḿiń śada lo·mań ćo·rat da ava·t źary·ja. Mon robȯtakšnan paŗť i mońďäń kańńi·kšnyť śeďiḱiľiń čuft. V́ä škańä kanćť ťäń do·ska, ḱäľi·za kolmy va·ksyška, krugo·myza pa·myŕif′. Karḿi·ń lakśi·ḿä i vanu·ma, slojga·nʒa ašyza ara·ś. Mon ďe čufctyńť saji·ń ṕref′ť, ko·sta iśťama čufty·ś saji·ųś. Saś ťe aťä·s paŕińť ḿäľga; mon o·zėń, targa·ftyńä i karḿi·ń ḱäųḱśńi·ḿinʒa, a syŕä aťä·ťńä ṕeḱ v́ečkséź jofńe·mańť ńcńeń, ki paŕćťi äsy·st kulcy·nä. Mon i ḱäųḱśťi·ńä so·n-ʒa: «Ďc·daj! kosta ton ďe doska·ńť saji·ḱ?» — «Ťe doska·ńť? Ťe dos-ka·ś avyľ va·syldyń».—«A ko·stėń?»—«Dy vot kostėń; vant, mon ťäť ńefca·.» Śťäś i ľiść lata·lga i ńef′ć su·rca pa·nda ča·mas i ḿeŕć: «Vot ťe·sta». Mon ḿera·n ťänʒa: «Dy son kosta praś śezėń? Śe·sa v́iŕ gak ara·ś; ťesa goľ zatt». Son i ḿeŕä: «Ťesy uľńi·ś v́iŕ». Mon ḿeŕa·n ďänʒa·: «A v́eď mon apo·ḿńasa».— «Xm! kosta tońďäť, ćora·m, pomńa·ms; mon v́äjksy·ńgäḿiń v́äťi godan i to

---

тебѣ объ этихъ людяхъ я не буду. Обо всѣхъ людяхъ по одиночкѣ не разскажешь. Разскажу тебѣ объ одномъ. Наше село большое; въ немъ тридцать сотенъ человѣкъ мужеска полу да женщинъ много. Я дѣлаю кадушки и мнѣ приносятъ старинный лѣсъ. Однажды мнѣ принесли доску, шириной около трехъ четвертей, со всѣхъ сторонъ обкрошенную. Я сталъ тесать ее и осматривать, по слоямъ ея было пѣть. Я заинтересовался этимъ деревомъ; откуда взялось такое дерево. Пришелъ этотъ старикъ за кадушкой, я сѣлъ, угостилъ его папиросой и сталъ его разспрашивать, а старые люди очень любятъ разсказывать тѣмъ, кто хорошо ихъ слушаетъ. Я и спросилъ его: «Дѣдушка! откуда ты взялъ эту доску?» — «Эту доску? Доска эта не издалека».—«А откуда?»— «Да вотъ откуда; смотри я покажу тебѣ». Онъ всталъ и вышелъ изъ подъ сарая и показалъ пальцемъ на уклонъ горы и сказалъ: «Вотъ отсюда». Я говорю ему: «Да какъ она туда попала? Тамъ нѣтъ даже лѣса; здѣсь одни сады». Онъ и говоритъ: «Здѣсь былъ лѣсъ».

apo·mńasa, a moń ďedužym jońe·ś mońďä·ń; son v́äši sodasy·ń-ʒä, kodatt ťija v́iŕť uĺńi·śť, kua· rozbo·jńekť uĺńi·śť, kosy kalmy·st uĺńi·śť, kyda· apak ľäńďä uĺńiśť. Mon käńkśťi·ńä: «Kosa?» Son ńeťć ťäń surca: «Vona śe·sa; śeks i ḿeŕeť śe pandyčamańťi: ka·l-mazyr. Śe pandyčamasyńť, vona śe ta·rkasyńť ńejga·k koda·k čuďiki·ľkska v́ä·ďiś moľä·, lija·sta kandylast štaftä. Moń ďedužym ťäťa·za ťej äŕama saś. Kyda· rozbojńekńä ťe·sta straćť, ťezė·ń saśť äŕi·ćat. Oŕka a·ťäś saś v́eŕepe·ľďä, końovózy jak modań kualma uĺńi·ś; a osta·tka loma·ťńä saśť kona kosta poγgś: at, Bahamol saś Loχa·sta, Ramaďo·ηkou saś, korteť, Ćiḃiŕcta, a Capľi·n zaś—śe v́iďipara Ćiḃiŕcta uš vorǵe·ć. Iśťa· v́äľi·ś i prumś. Kona saldatčy·ďä vorǵe·ć, a konat rozbojďi ḿäjľä kaduśť; a kyk ćeŕkoańť ťäjimi karmaśť, koda·ḃiďi narodėś äź satnä ćeŕkova·ńťi, pokš kila·ηga jak kuńći·śť E·ŕʒat da karmafńiśť ťesa· äŕa·ma. Ńeń uš kuńći·ź avy·ľ

Я ему говорю: «А вѣдь я не помню».—«Гм! Откуда тебѣ, сынъ мой, помнить; мнѣ девяносто пять лѣтъ, и то я не помню, а мнѣ разсказывалъ мой дѣдушка; онъ все зналъ, какіе по этимъ мѣстамъ были лѣса, по какимъ мѣстамъ были разбойники, гдѣ было ихъ кладбище, когда они были некрещены».—Я спросилъ: «Гдѣ?» Онъ показалъ мнѣ пальцемъ: «Вотъ тамъ; оттого и называютъ этотъ склонъ горы кладбищемъ. На томъ склонѣ горы, вотъ въ томъ мѣстѣ и теперь, когда вода идетъ ручьями, она другой разъ вымываетъ гробы. Отецъ моего дѣдушки пришелъ сюда на жительство. Когда разбойники разошлись отсюда, сюда пришли жители. Старикъ Орька пришелъ съ верхней стороны, у него была и бумага на землю, а остальные люди пришли кто откуда попался; вотъ Богомолъ пришелъ изъ Лоха, Рамадёнковъ пришелъ, говорятъ, изъ Сибири, а Цаплинъ пришелъ—тотъ ужъ прямо убѣжалъ изъ Сибири. Такъ и собралось село. Кто убѣжалъ отъ солдатчины, а кто остался послѣ разбойниковъ; а какъ стали строить церковь, если народу не хватало для церкви, ловили Эрзяковъ даже на большой дорогѣ и заставляли жить здѣсь. Этихъ ловили ужъ не мужики, а въ то время

mužyḱt́, a śe po·rava ul̓ńi·ś starystanyk Maźa·rḱiŋkań ro·d́eń; śe ṕervoj stary·stanyk ul̓ńi·ś.

«Kyda v́äl̓i·ś eščo araśil̓, t́esy äŕäśt́ rozbo·jńeḱt́, a Ṕetróskėjeś ul̓ńi·ś. Rozbo·jńeḱńä t́esa grabaśt́, a goró·tca ul̓ńiśt́ iśt́att loma·-ńist: uskśi·śt́ t́äst v́ina·, poróχt, ružy·jat, syv́i·l̓t́, i b́id́i saldatt syt́ v́äšńi·ḿä rozbo·jńeḱeń, ńet́ syt́ jofta·ma. A ton ḱit́ duma·t ul̓ńiśt́ jalga·st? Po·póś dy go·lovaś. Vot popó·ś i golo·vaś ṕeḱ śupa·lgaćt́ ṕel̓d́est i duma·śt́ kodaja·k kadu·myst. Popó·ś saś i ḿe·ŕä: «Vot ḿäśt́, bra·tcy, aźi·da t́esta·, ato syt́ salda·tt, kuńćit́adyź, ḿi·ńd́äńiḱ kak golovańt́ marta aḿe·ńems; a b́id́ä aku·lcynysaḿiź, ṕeńa·ćada äś la·ŋgyzyŋk, a mon ästy·ŋk otka·zan». — «Koda otkaza·t?» — «Iśt́a·k i otka·zan». — «A ḿiń jofta·tadyź.» — «A tyŋḱ akä·ḿt́a-dyź.» — «Ḱämsa·ḿiź». — «A mon mol̓an da śičas jofta·tadyź, vot tyŋḱ i kuńći·t́adyź». Synst ḱe·žest saśt́, sa·jiź i pove·ź po·pońt́. Vot śeks i ḿeŕe·t́: Ṕopoń ćė·l̓ńa la·tka. So·nʒy ćėl̓ńazy ja·k t́esk ul̓ńi·ś. A golo·vaś ḿäśt́ t́äjś? Uskś boćḱe·ńä pu·ŕä, uskś ṕi·va, a jutky-

---

у насъ былъ староста изъ Мазяркинова роду; тотъ былъ нашимъ первымъ старостой.

«Когда села еще не было, здѣсь жили разбойники, а Петровскъ (уже) существовалъ. Разбойники грабили здѣсь, а въ городѣ у нихъ были такіе люди: привозили имъ вина, пороху, ружья, мяса, и если приходили солдаты искать разбойниковъ, то эти (люди) приходили сказать. А кто, ты думаешь были ихъ товарищами? Попъ и голова. Вотъ тотъ попъ и тотъ голова сильно разбогатѣли отъ нихъ и рѣшили какъ нибудь ихъ оставить. Попъ пришелъ и говоритъ: «Вотъ что, братцы, идите отсюда, а то придутъ солдаты, истребятъ васъ и намъ съ головой не вырваться; а если вы меня не послушаете, пеняйте на себя, а я отъ васъ отрекусь?»—«Какъ ты отречешься?»— «Такъ и отрекусь».—«А мы скажемъ про тебя.»—«А вамъ не повѣрятъ».—«Намъ повѣрятъ.»—«А я пойду да сейчасъ скажу про васъ; вотъ васъ и переловятъ». Они разсердились и повѣсили попа. Вотъ поэтому и называютъ: «оврагъ попова пчельника». У него былъ

zyst śpirt kaja·ś, saś ťäst i karma·ś mary·st guľä·jama. Iśťa śi·ḿdïńʒä, v́äśi prakšnyśť kulyi·ŕictyt. Son saji·ńʒä, ṕŕast i ḱäŕ-ćińʒä. A·ńćik vanfty·ćast, ko·na uľńiś v́äṕe·ľä, śe·ḱi kadu·ŋś. Śe pandyńťi, kosa ḱäŕćińʒä, Božadom ḿeŕe·ť. A vot kyda· v́äľi·ś karma·ś äŕa·ma, oza·śť ona śe ľej čy·ŕińťi; śeks i ḿeŕe·ť: Äŕa·ma-ľej, a son śesty ja·k kośḱe·ľ.

«Maźarkań čėľńa la·tksa uľńi·ś pokš ľi·śma; syń vaľi·ź zo·nʒa, a Čakš la·tksa iśťa·myška, ḱeľi, uľńi·ś ľi·śma; rozbo·jńeḱńä sra·zu ō·bȯz pona tozė·ń jaći·śť i ṕekstėź, ḱizda·sy ḿä·źńiń. A kyda·ḿiń ka·ŕḿińiḱ äŕa·ma, ťesy v́äď ara·śiľ, nu oźe·rat ṕeḱ lama uľńi·śť; a śija· uľńi·śť isťatt v́äťť, avyľ utka·t dy maćiχť, ľeběťť ka·k äŕći·śť. A Po·jkaľ e·ŕḱeńt sodasak? — «Soda·sa». — Ḿäźi äjstynʒa soda·t? — «Mon pomńan śi·ľďïj ko·ŕett to·sta». — Aa! śiľďï·j goŕe·tt, a mon pomńa·n, śija· uľńiś iśťa·myška pojpu·la, a

---

тамъ и пчельникъ. А что сдѣлалъ голова? Привезъ боченокъ меду, привезъ пива, а въ нихъ влилъ спиртъ; пришелъ къ нимъ и сталъ съ ними гулять. Такъ напоилъ ихъ, что всѣ попадали мертвецки пьяными. Онъ взялъ ихъ и срубилъ имъ головы. Только караульный, который былъ въ отдаленіи, тотъ остался. Ту гору, гдѣ онъ ихъ зарубилъ, называютъ Божедомомъ. А вотъ какъ стало заселяться село, они садились вотъ по тому берегу рѣки; оттого и называютъ ее «Жительская рѣка», а она и тогда была сухая.

«Въ «оврагѣ Мазяркина пчельника» былъ большой родникъ; они его завалили, а въ «Горшковомъ оврагѣ» былъ, говорятъ, такой же родникъ; разбойники втискали туда сразу обозъ шерсти и запрудили его неизвѣстно для чего. А когда мы стали жить, здѣсь не было воды, но было очень много озеръ. А по тому мѣсту были такія воды, что водились не только утки и гуси, но даже лебеди. А знаешь Осиновое озеро? — «Знаю». — Что ты о немъ знаешь? — «Я помню тамъ кочки». — Аа! кочки, а я помню, по тому мѣсту былъ такой осинникъ, а какъ пойдешь черезъ осинникъ къ озеру, туда нельзя ступить, пропадешь. Вся земля трясется. Тамъ то-

pojpulyńť pačk koda·k ju·tat e·ŕkeńť ṕe·ľej, tozė·ń čalga·ms ńeľʒa·, juma·t. V́äśi mo·daś ťe·ŕńä. Śezėń skalt vajśi·śť; koda·k tozė·ń čalʒä i tu·jä mo·dańťi, baraχťa·ma karḿä, śedija·k tujä· i śńarc baraχťä, źarc souśe·ḿ aju·ḿä. Vot koda·tt uľńi·śť oźe·rat ťija·!

A v́äľi·nyk karma·ś oza·ma Äŕa·ma ľejeńť to·na bo·kas. A ťija· uľńi·ś bo·lota. Śe·sa o·na uľńi·ś Oŕkań karda·zyza, ćela ďe·śťena, väśij dy·ncy ṕiŕa·f, i mośťa·f v́ä·si u·ľńiś ču·fca. A kyda· karma·śť äŕa·ma naro·dėś bo·ľšy, śesta· ťija·jak bolota·ťńä karma·śť kośke·ḿä, ťi·ja jak karma·śť oza·ma. A jagy·daťńä uľńi·śť śeďikilä χyť ľeďcź ľeťť, a v́iŕ ja·gydaťńiń ḱijak äś ko·čkśä jak: uľńi·śť i ińʒi·χť i čeuḱ i aťama·ŕť i v́äďi·ńʒiχť, a sara·zyń źäľḿi·ťńiń laŋks ḱijak äź va·nny jak. A paŋkńä, Vo·spoďi! moń pomńamga jak χyť ko·jḿesa kyrga·k. A v́iŕi·ś kodam' uľńi·ś! Ko·sy ńej va·na od ka·lmyťńä, śe·sa iśťa·tt ḱiľi·χť uľńiśť oχva·ta po· ťŕi. A kosy ńej va·na Ḱäĺila·tkyś, śesa iśťa·my uľńi·ś tumyv́i·ŕ, stra·ś źa·ryška äčḱi·za, a Gŕišalatks äśť ja·kśi jak. Gŕišaľiśmańť avy·ľ ṕeḱ umyk mu·jiź gak. Ona Gor-

---

пули коровы; какъ ступитъ туда и пойдетъ подъ землю; начнетъ выкарабкиваться, пойдетъ дальше и до тѣхъ поръ будетъ выкарабкиваться, пока совсѣмъ не пропадетъ. Вотъ какія были озера по этому мѣсту.

«А село наше стало населяться по ту сторону «Жительской» рѣки. А по этому боку было болото. Тамъ вонъ былъ дворъ Орьки, цѣлая десятина, весь онъ былъ огороженъ тыномъ и весь вымощенъ деревомъ. А какъ стало селиться больше народа, тогда и тутъ болота начали высыхать и стали селиться и по этому боку. А ягодъ было въ старину хоть косой коси, а лѣсныхъ ягодъ никто даже и не собиралъ; была и малина и калина и вишня и водяная малина, а на костянику никто и не смотрѣлъ. А грибы, Господи! и на моей памяти хоть лопатой греби. А какой былъ лѣсъ! Гдѣ вотъ теперь новое кладбище, тамъ были такія березы, въ три обхвата. А гдѣ теперь вотъ Широкій оврагъ, тамъ былъ дубовый лѣсъ, страсть какой толстый, а въ «Гришинъ оврагъ» даже не ходили

bačyń ḱäŕafyś, ťe·sk i ľiśmapŕäńť kak sodasa·k. Polo·žym, ńej son ko·śkś. A a·źika Iǵiŋ́ka·ńiń, synst uľä anduma očḱest tu·myń to·sta u·skuf, ďedu·žyst u·sḱiźä, źary·ška; dy vot i ḿińi·ḱ ton ḱä·ŋ̯ḱśńat doskańť äjsa. Son vot ko·sty saji·f'. (Ďedu·žym jofńe·źä). Väľi·ś palć bez ma-lava datla·, a Iurta·jiŋ́kań ka·dug̯śť; synct uľńi·śť utu·myst. Vot ḿiń v́ä·χḱiń i rami·ńiḱ. Son čapu·ft vany ťe pandy ča·mastyńť. Śesty äśť ṕi·lćä v́i·ŕińť äjsa, a doska·ks la·znyź lazny·śť, i vot ńe do·skaťńä kadu·g̯śť śe u·tumstyńť. Tosy· uľńi·śť ḱijaksyks i suŋ̯śi·ḱiks. Utumyś na·ksać, a ḱija·ksyś kadu·ŋ̯ś. Ńej vana v́äďǵäḿiń god, koda ḿiń ďä·jińiḱ ľija· u·tum i śe ḱija·ksyńť ḱäṕi·ďińiḱ ťe utumy·ńťi. Doska·ťńiń ṕiľći·ńiḱ troks kaftuŋ̯ kaftuŋ̯, i to vačkamstyst koťeńeḱ ku·ńćińiḱ.

«A vot mon stufty·ńä ťäť jofta·ms. Kyda· uľńi·ś utu·myś će·la, ťija· Puga·čt juta·śť. Syń bojar dy pop pou̯śe·śť jala. Kro·potovóń boja·ryńť poa·ksyľiź, a son kudynʒa kadyźä, da ťej. Alaśäńť no·l-

---

Гринин родникъ не очень давно и нашли. Вотъ Горбачева порубка, тутъ же узнаешь и голову родника. Положимъ, онъ теперь высохъ. А пойди-ка къ Игнатьевымъ, у нихъ есть дубовая колода, вывезенная оттуда, ихъ дѣдушка вывезъ давно; да вотъ ты спрашиваешь о нашей доскѣ. Она вотъ откуда взята. (Мнѣ это разсказалъ дѣдушка). Село сгорѣло безъ малаго до тла, а Юртаевы остались: у нихъ были амбары. Вотъ мы и купили одинъ амбаръ. Онъ срубленъ вотъ съ того склона горы. Тогда не пилили лѣсъ, а, раскалывая его, кололи на доски, и вотъ эти доски остались отъ того амбара. Тамъ онѣ и служили половицами и сусѣками. Амбаръ сгнилъ, а полъ остался. Теперь вотъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы выстроили другой амбаръ, и тотъ полъ мы перенесли въ этотъ амбаръ. Доски мы распилили поперекъ на двое; и то мы брались вшестеромъ, чтобы ихъ накладывать.

«А вотъ я забылъ разсказать тебѣ. Когда амбаръ былъ цѣлъ, по этой мѣстности проходили Пугачевцы. Они все вѣшали господъ, и поповъ. Они хотѣли повѣсить барина Кропотова, но онъ оставилъ

ďeźä, sońć mińďäńik ḿeŕä: «Ḱekšeḿeź; mońć kak pary ťäŋk ťäjan». Ďedužym i ḱe·kšeźä utumy·ńťi, dy to·n duma·k, koda äźi·ź muk, vot ko·sy ṕä·jďimaś. Ďedam suvaftyźä u·tums, a suŋśi·ḱńi uľńi·śť ṕe·škśeť śu·ryda. Son su·ŋśiks śurypo·c va·ľiźä laŋks, a kurgy·-zynʒa maksć nu·ďij, iľa·zy ľeṕe·ja. Puga·čńi i ḱäŋḱśńi·śť i v́äš·-ńi·śť, äź mujiŋ ďäst. Utu·myńťiŋ gak, ḱeľi, suŋśi·śť. Vany·ť. ṕe·škśä śu·ryda, ḿäźija·k ara·ś, i tuśť. A sonʒa ḿäjľä no·lďeź. Ešćo· Xrancu·st suŋśi·śť ťäńi·ḱ, kudga· äŕä·śť, ḿäjľi koŋ ḃi·ďä saji·ź.

«Ćeŕko·vanyk vaśńa· uľńi·ś ona śe·sa, kosy ńej ćaso·ŋńeńeś a·ščä, a ko·sy ńej Maźa·rḱiŋkat, śesa uľńi·ś iśta·myška bo·lota, a jo·ftavi jak. Sezé·ń jala v́iŕ vaľä·śť.

«Vot mon ďäť jofńe·sa, koda· karma·ś v́äli·ś pokšelga·duma i straduma, tomḃa·ľďä vaśńa· oza·śť kaľgurys, iśťaža v́ä po·ŕatkas, i karmaśť śe poŕa·tkańťi ḿeŕe·mä Kaľgu·ra. Saraj a·ťa oza·ś to-

---

свой домъ, да сюда. Лошадь онъ пустилъ, а самъ къ намъ; говорить: «Спрячьте меня, и я вамъ сдѣлаю добро». Дѣдушка мой и спряталъ его въ амбаръ; да ты подумай, вотъ гдѣ было смѣху когда его не нашли. Дѣдушка ввелъ его въ амбаръ, а сусѣки были полны хлѣба. Онъ завалилъ его въ сусѣкѣ въ хлѣбъ, а въ ротъ далъ ему камышевую дудку, чтобы онъ не задохнулся. Пугачевцы и спрашивали и искали, не нашли. Говорятъ, они заходили и въ амбаръ. Видятъ, полонъ хлѣба, ничего въ немъ нѣтъ, и ушли. А его потомъ выпустили. Еще заходили къ намъ французы, жили по избамъ, потомъ куда-то ихъ взяли.

«Церковь у насъ спачала была вотъ тамъ, гдѣ теперь часовенка, а тамъ, гдѣ теперь Мазяркины, было такое болото, что и не разскажешь. Въ это болото постоянно валили лѣсъ.

«Вотъ я скажу тебѣ, что, когда село стало увеличиваться и разселяться, спачала селились на той сторонѣ, у ивовыхъ кустовъ, также въ одномъ порядкѣ и стали называть этотъ порядокъ Каль-

vȯ·lou̯ i karma·śť meŕe·ḿä Sara·jiń po·ŕatka. Ḿäjľi oza·ś Ku·daš aťa i karma·śť ḿeŕe·ḿä Kuda·šyń ku·ŕiŋka. Ḿäjľi karma·śť oza·ma Äŕa·my ľe·jenť ťe bo·kas, a ťesy· uľńi·ś, mon ďäť ḿeŕeń, bo·lȯta, a bolȯta·ńť ve̋ŕi ṕäś karmaśť ḿeŕeḿä V́eŕeṕä·; a kyda·bolȯ·taś karma·ś kośke·ḿä, karmaśť ťija ja·k oza·ma u·ľćasa i puće ťänʒa ľäḿ Pro·(v)al u·ľća. Ḿäjľi ćuŋśť ľi·śma po·kš; v́äďi·ś äjsy·nʒa para, nu̯ sońć v́eŕä; karmaśť śezė·ń gak oza·ma i pućť ľäḿ śe u·ľćäńťi V́eŕiľi·śma u·ľća.

«A vot mon ḿä·śť ťäť jofta·n: ton zoda·sak ḿäks Ĺe·kaŕiŋ·ka·ńiń ḿe·ŕeť i·śťa, a faḿi·ľijast Popo·f́t, a Subo·tkiŋkań äľä Zolȯ·ŋkań Podmaŕo·ft? — «Ara·ś» — Vot kulcy·nyk, mon ďäť joftńe·sėń. Śeďiki·ľä poṕńä· syńć ka·k sokśe·śť. Vot popȯ·ńť uľńi·ś ćora·za. Ḱizda·sy, ḿäks popȯ·ks äźi·ź putt. A so·n, kyda· ťäťaza ku·lyś, son karma·ś ľeća·ma, i karma·śť ťänʒy ḿeŕńe·ḿä: «ľe·kaŕ» a sonʒy· äjďinʒa ľekaŕľäu̯kst. A faḿiľijasa śorma·ľisyź Popo·f.

гура (ивовый кустъ). Старикъ Сарай сѣлъ на ту сторону и стали называть: Сараевъ порядокъ. Потомъ поселился старикъ Кудашъ и стали называть Кудашевымъ курмышомъ. Потомъ стали селиться на этой сторонѣ «Жительской» рѣки, а здѣсь было, какъ я тебѣ говорилъ, болото, а верхній конецъ болота стали называть Верхнимъ концомъ; а когда болото стало высыхать, стали селиться и на этомъ мѣстѣ улицей и дали ей имя Провальная улица. Затѣмъ вырыли большой родникъ, вода въ немъ хорошая, но самъ онъ глубокъ; стали селиться и здѣсь и назвали эту улицу улицей Верхняго родника.

«А вотъ что я тебѣ разскажу: знаешь-ли почему Лѣкаревыхъ такъ прозываютъ, а фамилія ихъ Поповы, а почему Суботкиныхъ или Золинкиныхъ, а фамилія ихъ Пономаревы?—«Нѣтъ».—Вотъ послушай, я разскажу тебѣ. Въ старину и попы сами пахали. Вотъ у попа былъ сынъ. Неизвѣстно почему, его не сдѣлали попомъ. А онъ, когда отецъ его померъ, сталъ лѣчить, и его стали называть лѣкаремъ, а дѣтей его лѣкарятами. А по фамиліи ихъ всегда писали

A Zolo·ɣkań ƌeda·st uľńi·ś ponama·ŕ. Ćora·za toža iśťa·k kadu·u̯ś. Karmaś sokśe·mä, a pygavo·rkaza uľńi·ś «zylato·j». Sońć pokš uľńi·ś i karma·śť ťanʒa· ḿeŕemä Zo·la, a ćora·za čačć a·lkińi da kä·ľij. Ṕŕävi·nʒa kizda·sy koda·tt; mo·žna ḿeŕems čo·žʒa ṕŕä·u̯. Pućť ťä·nʒa pro·ďeśča: voz mo·na, ośḿe·na pa·pa, i śäjŕiť ťänʒa i·śťa u·ľćasa: Zo·la, voz mo·na, ośḿe·na pa·pa. Koda·k ľiśi uľća·u̯, ä·χńi i śäŕǵi·ďiť iśťa·, a son ḿä·ľgast čyjńä, da śou̯nä, vaľǵi·jza ä·ćkä. Sonʒa la·ɣksa koda aṕä·jďiť, taba·kyń ǵis karma·fcyź mo-ra·ma — mo·rä, karma·fcyź mora·ftuma — mora·ftä, karma·fcyź kiščy·mä — ki·ščä».

A moń po·mńamga, mon ďäť jofta·sa, ťäjšť od u·ľća, čoťńa·ńť tozė·ń puty·ź, a tašty·ńť ḿiji·ź ku·dyks. Śeďi ḿä·jľä v́äľi·styńť palćť ńiľiśatt ku·da, śesta v́ä·ľińť v́ä·śi odo·u̯ ara·fńiź. Śe·sta a·ťa palć, äχť źara ƀiďä palćť, a źa·ra skoťe·na palć, źara sarast

---

Поповыми. А дѣдушка Золипкиныхъ былъ попомаремъ. Сынъ его тоже остался безъ должности. Онъ сталъ пахать, а поговоркой его было слово «золотой». Онъ выросъ и его стали называть Золой, а сынъ у него родился низенькій и широкій. Умъ его, кто его знаетъ, какой; можно сказать, что онъ идіотъ. Дали ему прозвище: возъ м., осьмина х., и кричатъ ему такъ на улицѣ: Зола, возъ м., осьмина х. Какъ онъ выйдетъ на улицу, дѣти и кричатъ такъ, а онъ бѣгаетъ за ними и бранится, голосъ у него густой. Когда надъ нимъ не смѣются, его заставляютъ за табакъ пѣть — онъ поетъ, заставляютъ пѣть духовныя пѣсни — поетъ, заставляютъ плясать — пляшетъ».

А и на моей памяти, скажу я тебѣ, сдѣлали новую улицу, поставили тамъ контору (сборную), а ту старую продали подъ домъ. Послѣ этого изъ деревни выгорѣло 400 домовъ, тогда всю деревню перепланировали за ново. Тогда сгорѣлъ старикъ, сгорѣло сколько

palćť! Śesta· ńe tošto maćťi·ḿä äľi ḿäźińgak ľif’ťi·ḿä, v́äśi narodėś a·ńćik kapša·ś voŕǵe·ďeḿä kińi·ń goṷ pa·ra. Vot śe požardyńť ḿä·jľä, ťä·jśť kolmy uľćat, uľća·ťńiń ǩä·ľijsta kady·ź, oza·-fńiḿä karma·śť lado·m: koda·k ńiľi ku·dyt, jala pro·vólka. Raužy kudy·ťńiń toža po·mńasyń, avyľ b́eǩ umy·k ťäv́i·ś uľńi·ś. Ťäjśť v́äľi·zynyk u·čyľńa, a vaśńa· po·p tona·fńiś. Ńej ḿińiǩ ćeŕkovanyk kak od, ǩä·v́iń; ťeńga·k pokšėlga·ftyź i mora·fńiḿä aŕćikšńi·ťana, ŕeǵentėnėǩ kak ḿińćińiǩ, a ŕe·ǵentėńť ľäľa·za psalo·mšeǩeks ľi·ść, a Kosė·jiŋkań ćora·st ťiľigraf’i·styks ľi·ść. Ḿäjľä moń po·mńamgak uľńi·ś ska·lyń gu·luma, ṕeǩ lama skaḷt ku·lćiśť, a śeďi ḿäjlä uľńi·ś loma·ńiń gu·luma, da pomńa·n: v́äśť loma·ń čaṷśť i kaji·ź bujaraks; ľäḿi·za uľńi·ś Doda·j Vańa. Śeďi ḿä·jľä väχki poaśť i ľif’ťiź pa·kśas; kozė·ń pov́e·ź śe uľćaṕi·ńińťi ńejga·k ḿeŕeť Dušy·lofka. Da vot ńej avy·ľ umyk čaṷśť loma·ń, ľäḿi·za uľńi·ś Ḿi·kil, proďešča·za «Čykyda·j».

то дѣтей, а сколько скотины сгорѣло, сколько куръ! Тогда не то что тушить, или что нибудь вытащить, но весь народъ только спѣшилъ убѣжать кому куда можно. Вотъ послѣ этого пожара сдѣлали три улицы, оставили улицы широкими, стали селить въ порядкѣ: какъ четыре дома, всякій разъ проулокъ. Черныя избы я также помню, дѣло было не очень давно. Построили въ нашемъ селѣ школу, а сначала училъ попъ. Теперь у насъ и церковь новая, каменная, и эту расширили и мы становимся пѣть, и регентъ изъ нашихъ; а старшій братъ регента вышелъ въ псаломщики, а сынъ Косынькиныхъ вышелъ въ телеграфисты. Потомъ и на моей памяти былъ падежъ коровъ, очень много пало коровъ, а потомъ былъ людской моръ, и помню я: однажды убили человѣка и бросили въ баракъ. Имя его было Додай Ваня. Послѣ этого одного человѣка задушили и вытащили въ поле; конецъ улицы, гдѣ его задушили, и теперь называютъ Душиловкой. Да вотъ теперь недавно убили человѣка, имя его было Николай, прозваніе его «Чикидай».

A vot mońd'äń joľńe·ś cšćo syŕä a·ťa: śedikiľi starystaťni jak araśiľť v́ä·ľisyńť, a go·lovaťńä äśť ma·ŕćiu̯ gak, a uľńi·ś v́äľisa pokšeś; uľńiś iśťama a·ťa ṕek ṕŕä·v́ij, i ḿeŕńe·śť ťänʒa· ťäťu·ž. Son v́äľi·syńť uľńi·ś i stary·sta i ťäťa·, son i čav́iľ, son i žaľi·ľ. Ḿäśť χoťe·l, ńeń i ťäjś. Ḿiń toža god'au̯ľińik bo·jarnyń gak, kaby a·vuľ zon. V́äśť V́äźmi·nyń moda·ńť ḱäŕämsta saś bojar ćep ma·ŗta i karmaś ćeṕeń tạrga·mynʒa v́i·cta ḿińi·ḱ pakśä·ńť laŋks. Son koda·k a·ŕć tozé·ń, ḿeŕć: «Lotka·da, kou̯ moľda·da? ťe ḿińi·ḱ pakśäś, ťej iľa·dy jaka·». Boja·ryś ḿeŕä: «Ton ḿä·źat?» A son ḿeŕä: «Mon iśťamyža loma·ńan, koda·mat i ton». — «Ton moń maŗta iśťa· iľa· koŗta·; mon mary·t koŗta·ma aka·rman». — «A ńe χočeš mary·n goŗta·ma, v́eľa·ft i stupa·j ťesta at ǵŕeχa·». Boja·ryś śäľǵi·źä čama·s, v́eľa·fć i tuś. Iśťak i pakśa·nyk kadu̯ś. Ombó·ćed'ä Soky·ryń boja·ryś v́äľi·ńť lad'a·kšnyźä ala luga·ńť miji·ms i miji·ksyľiź. Ťäťu·ž kyda· ma·ŕaś, kosty ḃid'ä saś, i äśśi[1]) makst. Boja·ryś

А вотъ мнѣ разсказывалъ еще древній старикъ: въ старину въ деревнѣ не было и старостъ, а о головахъ и не слышали, а былъ сельскій старшина; былъ такой очень умный старикъ, и называли его «тятюжъ». Онъ былъ на селѣ и староста и отецъ, онъ и наказывалъ, онъ и жалѣлъ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Мы тоже угодили бы барину, если бы не онъ. Однажды, во время обмѣра Вязминской земли, пришелъ баринъ съ цѣпью и сталъ тянуть цѣпь прямо на наше поле. Онъ, какъ прискакалъ туда, сказалъ: «Остановитесь, куда вы идете? Это наше поле, не ходите сюда». Баринъ говоритъ: «Ты кто?» А онъ говоритъ: «Я такой же человѣкъ, какъ и ты».—«Ты со мной не говори такъ; я не стану говорить съ тобой».—«А не хочешь со мной говорить, вели повернуть и ступай отсюда отъ грѣха». Баринъ плюнулъ ему въ лицо, повернулъ и ушелъ. Такъ и осталось наше поле. Въ другой разъ Сокурскій баринъ уговорилъ было міръ продать ему нижній лугъ и продали было. Когда тятюжъ услыхалъ, онъ откуда-то вернулся,

1) äsi.

ṕek̀ keže·jaḱć laγgyzynʒa; koṛta·ś iśt́a·tt Kokla·ćí; Kokla·ćńä karma·śt́ mary·nʒa ṕŕija·ctva v́e·t́ama, karma·śt́ gośt́e·ks t́änʒa sa·kšnuma, i so·n zyńd́äst karma·ś jakśi·ḿä. Syń so·nʒa ĺit́ti·ź pa·kśaṷ i po·v́cź, i ńejga·k śe ĺiśmańt́i ḿeŕe·t́: T́äťuž ĺi·śma, a ĺiśma·ś Sokyryń domba·ĺä; vaśńa· uĺńi·ś ĺä·ḿiza Pojga·ĺ ĺi·śma.

Ńej śed́i ḿä·jĺä v́äĺi·nyk pokšö·lgać, i t́äjśt́ od u·čyĺńa, kolmy u·čyt́iĺt́ äjsy·nʒa: v́ä·χkiś u·čyt́iĺ, dy kaft' učyt́iĺa·vat. B́iĺĺio·t́ekanyk uĺä· čot́ńa·sa; čajny·nyk uĺä·; čajny·syńt́ gramafo·n.

Vaśńa· sady·ń toro·χ v́äĺi·syńt́ araśiĺt́. Śet́ ṕe·rvoj pućt́ umaŕčufta sad Baγamo·lov́enkat́. Syńd́ed́est ḿäjĺä Moro·z D́ŕi·ga. Ńeńd́ed́ä ḿäjĺä pućt́ Kandry·γkat; ńeńd́ed́ä ḿäjĺä D́edury·ŋkat: ńeń sady·st at́ama·ŕiń. Śed́i ḿäjĺä Mardźa·j F́e·t́ka at́ama·ŕiń i uma·ŕiń, śed́i ḿäjĺä Tu·lka F́i·ĺka. Tu·lka F́i·ĺkań zady·za pokš i vad́ŕa·; t́et́e·d́ä makśńiźä kolmy ćaśńiń ä·stynʒa i sa·jś ḱisynʒa

---

не отдалъ. Баринъ очень разсердился на него; подговорилъ такихъ хохловъ; хохлы стали вести съ нимъ пріязнь, стали приходить къ нему въ гости, и онъ сталъ похаживать къ нимъ. Они вытащили его въ поле и задушили, и теперь еще тотъ родникъ называютъ «Тятюжевымъ родникомъ», а родникъ на той сторонѣ Сокура; сначала имя его было «Осиновый родникъ».

Теперь, послѣ того наше село расширилось, построили новое училище; въ немъ три учителя: одинъ учитель да двѣ учительницы. Библіотека у насъ въ конторѣ; у насъ есть чайная; въ чайной граммофонъ.

Сначала въ селѣ совсѣмъ не было у насъ садовъ. Прежде всѣхъ разсадили яблоновый садъ Богомоловы. Послѣ нихъ Григорій Морозъ. За нимъ разсадили Кондратьевы; за этими Дѣдушкины; ихъ садъ вишневый. Потомъ Ѳедоръ Мардзяй вишневый и яблоновый, потомъ Филиппъ Тулка. Садъ Филиппа Тулки большой и хорошій; въ нынѣшнемъ году онъ сдалъ три части въ немъ

kafta śatt komś v́ä·t́iji co·lkovoj. Syńd́ed́est ḿäjľä pućt́ sad Gavŕišyŋkat, nećńd́ed́ä ḿä·jľä Ṕŕä·šńik Vaška; sońd́ed́enʒa ḿä·jľä Va·śiŋkat; ńe·ńd́ed́est ḿäjľä Aťakški·ŋkat; Aťakški·ŋkada ḿä·jľä Kulumi·ŋkat; Kulu·miŋka ḿä·ľga Topò·ŋkat, a ńe·ńd́ed́ä ḿäjlä Kosè·jiŋkat, a ńe·ńd́ed́ä ḿäjľä karmaśt́ iśt́a· ozafńimä äŕva tunda, äŕva śokśńä, ki źarys kä·ńiŕä. Ńej v́äχki pandyčamanyk v́ä·śi ṕižy·ldä prok ro·una v́iŕ.

Kada· v́äľi·ś karma·ś puru·muma i puru·mś po·kšsta v́äťiša·tt lo·maťt́, śe·sta karma·śt́ śilko·m ľämd́a·ftumyst. T́äjśt́ t́äst će·ŕkova i ḿeŕćt́ t́äst: «ramśida pa·zavat». Syń ramśi·śt́ v́äśi Ḿi·kilat i ḿeŕńe·śt́ t́änʒa· ru·zyń V́eŕepaz. Popò·ś karma·ńiś äsy·st ozno·ma, a syń äśt́ o·zneśä. Iśt́a· t́äviś kua·ć moľć. Po·pòś ḿä·śt́ dumaś ponama·ŕinʒa marta? Vot koda son d́äjś. So·ńć suv́i ku·duŋ lomańi·ńt́i, a ponama·ŕinʒa kekšcè pazavau·gyľyńt́ ekšc. Suv́i ku·dyńt́i, käŋkscy kudaa·zyryńt́: «oznè·śat ru·zyń V́eŕe-

---

и взялъ за нихъ 225 рублей. Послѣ нихъ разсадили садъ Гаврюшины, послѣ тѣхъ Василій Пряшникъ, послѣ него Васильевы; послѣ нихъ Кочетковы; послѣ Кочетковыхъ Кулумины, послѣ Кулуминыхъ Топонькины а послѣ нихъ Косые, а послѣ нихъ стали разсаживать каждую весну, каждую осень, кто сколько успѣетъ. Теперь одинъ склонъ нашей горы весь зеленѣется, словно лѣсъ.

Когда село стало собираться и увеличилось до пятисотъ человѣкъ, тогда заставляли ихъ креститься силкомъ. Построили имъ церковь и сказали имъ: «накупите иконъ». Они всѣ купили иконы св. Николая и называли его русскимъ Богомъ. Священникъ заставлялъ ихъ молиться, а они не молились. Такъ продолжалось долго. Что же придумали священникъ съ пономаремъ? Вотъ какъ онъ сдѣлалъ. Самъ онъ войдетъ въ домъ къ человѣку, а пономаря спрячетъ за уголъ, гдѣ икона. Войдетъ въ домъ, спроситъ хозяина

pa·zyńťi?» Ťe ḿeŕä: «oznȯ·śan».— «A ma·ńčat äsyn?» — «Ara·ś, käŋḱśťi·ḱ sońće·nʒa». Ťe a·rȯ koľeŋkalaŋks, če·ḱä-poḱä· i śäŕǵiďä: «Микола милостивый, скажи мнѣ, молится тебѣ сей рабъ съ чадами, или нѣтъ?» A śe u·gyľyńť e·kšsta i ḿe·ŕä: «нѣтъ!» Še·-sty po·pȯś śe lo·mańiń ṕeľďä sajä· v́äťi ce·lkovyχť śeńǵi·s, šty son ao·znȯ. A ḃiďä ombȯ·ćeďä sy, śesta ḱä·ḿiń. V́äχḱi lomań ḿäšť ťäjś? Po·pȯś kyda tuś ḱe·ctėnʒa, son ḱežėńba·čk Ḿi·kiľańť śä·ľḿinʒa saji·ńʒä dy ta·rǵińʒä. Popȯ·ś saś, vany Ḿi·ḱilańť śäľḿi·nʒa targa·ft. Śesta po·pȯś sa·jś ṕeľďenʒa komś v́ä·ťijä ce·lkovoj i tuś. Rama·fć od pa·zava. Ťe ra·maś od. Popȯ·ś saś, va·nyźä. «Raḿiť?» — «Raḿi·ń».— «Oznȯ·śat?» — «Oznȯ·śan». Popȯ·ś tagy ḱäŋḱśťiźä Ḿi·kilańť, tagy ḿe·ŕä: «нѣтъ!» Ṕetnacať rubľe·j ṕeľďe·nʒa sajś. Ḿäjľä ťe ḿäšt ťä·jś lo·mańiś? Saji·źä paza·vańť, ľifťi·źä ka·rdazuŋ. Sonʒa uľńišť anduma·sa ko·lmy tu·vynʒa. Son śe pa·-zavańť tu·vyń ṕiľga·luŋ ka·jiźä. Po·pȯś saś, paza·vaś ara·ś. Ḱäŋḱśńä: «Dy pa·zavat kosa?» — «A ki so·dasy? Ćäj mon äsynʒa a

---

дома: «молишься ты русскому Богу»? Тотъ скажетъ: «молюсь».— «Не обманываешь меня»?—«Нѣтъ, спроси его самого». Потомъ становится на колѣни, перекрестится и закричитъ: «Никола милостивый, скажи мнѣ, молится сей рабъ съ чадами или нѣтъ?» А тотъ изъ за угла и скажетъ «нѣтъ»! Тогда священникъ возьметъ съ человѣка пять рублей за то, что онъ не молится. А если придетъ въ другой разъ, то десять. Что же сдѣлалъ одинъ человѣкъ? Когда священникъ ушелъ отъ него, онъ въ сердцахъ взялъ и вырвалъ у Николы глаза. Пришелъ священникъ, видитъ, что глаза у Николы вырваны. Тогда священникъ взялъ съ него двадцать пять рублей и ушелъ. Заставилъ купить новую икону. Этотъ купилъ новую. Священникъ пришелъ, осмотрѣлъ ее. «Купилъ»?—«Купилъ».— «Молишься»?—«Молюсь». Священникъ спросилъ опять Николу, (тотъ) опять говоритъ: «нѣтъ»! Взялъ съ него пятнадцать рублей. Что же сдѣлалъ потомъ этотъ человѣкъ? Взялъ икону, вытащилъ ее на дворъ. У него откармливались три

ḱi·ŕd'an; sońćeń Pazyń vo·l'aza, koṷ duḿä, toṷ mo·l'ä». Popo·ś ṕäd'äś ä·zynʒa: «ḃid'i, ḿeŕä, atusak ťej, śa·dy ce·lkovoj ṕe·ĺd'et saja·n.»— «Dy ko·sta mon sajsa? V́ed' mon V́eŕepa·zyńť marta aja·kśan. Ḱi-zdasy· koṷ son tuś. Ä́χńi· ńeje·ź by·ta sonʒa, iśa·k jaka·ś ka·r-dazga, a·koṷ duś ńe zna·j. Ad'ada, paža·lyj, v́äšńi·syńiḱ». Ĺiśćť, karmaśť v́äšńi·ḿä; v́äšńi·śť, v́äšńi·śť; ara·ś kośeja·k. Popóś i ḿeŕä: «Koda· so·dat v́äšńi·ḱ, nu muji·ḱ; a ḃid'ä amu·sak, to śa·dy ce·lkovoj ṕeĺd'et, dava·j śiča·s». Ťe vancy· ťäťť apaṛt. Moĺć kar-dyńť ma·las i śä·ŕǵić: «vantta·, bačka·, o·na śe· doska u·gylnyś ruda·jsyńť avy·ĺ ĺi son?» — «Ta·ŕǵikaĺ» Ta·ŕǵiź. Vany·ť, pra·vdyj son. Popóś ḿe·ŕä: «Dy ton ḿäks ťe·zeń kajiḱ?» — «Ara·ś», ťe ḿeŕä. «Dy e·na ḿäks son ťe·sa?»—«Dy v́ed' mon azda·sa; vany·k, guĺäjäś v́äť; dy kudu·ṷ samsta kudyḱäŋḱšyś äź mu·jiṷ, suva·ś ťe ḱäŋḱšyńťi i·ŕictyń pačk i praś ru·dazyńťi; a tu·vyťńä kodatt! Syń ša·jťan ito čalkśi·ť. A mon d'iva·n, koda eščy äźi·ź säṷ koŕ-ḿe·ńećeń!» Popóś i ḿe·ŕä: «ḿäśť ḱeŋǵe·ĺat? ḿińiḱ V́eŕepa·zynyk

---

свиньи. Онъ бросилъ ту икону свиньямъ подъ ноги. Пришелъ священникъ, иконы нѣтъ. Спрашиваетъ: «а икона твоя гдѣ»? — «А кто ее знаетъ? Чай я ея не держу; своя Божья воля, куда задумаетъ, туда пойдетъ». Священникъ присталъ къ нему: «если, говоритъ, ты ее не принесешь сюда, я возьму съ тебя сто рублей». — «Да откуда я его возьму? Вѣдь я не хожу съ Богомъ. Кто знаетъ, куда онъ ушелъ. Дѣти, кажется, видѣли его вчера, онъ ходилъ по двору, а куда ушелъ; не знаю. Пойдемте, пожалуй, поищемъ». Вышли, стали искать; искали, искали; нигдѣ нѣтъ. Священникъ и говоритъ: «какъ знаешь, ищи, но найди, а если не найдешь, то сто рублей съ тебя, давай сейчасъ». Этотъ видитъ — дѣло плохо. Подошелъ къ хлѣву и закричалъ: «смотри-ка, батюшка, вотъ этотъ уголокъ доски въ грязи, не онъ ли»? — «Вытащи-ка!» Вытащили. Смотрятъ, правда она (икона). Священникъ говоритъ: «да ты отчего ее сюда бросилъ»? — «Нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ. «Такъ какъ же она тамъ»? — «Да вѣдь я не знаю; видно, гулялъ

v́ina·da aśi·ḿä».—«Nu moža ugaŕijäś da ľiść v́ä·ńiľij».—«Tagy·ke̋ŋǵeľat, v́eď son ču·ftyń, a·ńćik śo·rmaduf lomańľi·ks, a son a śi·ḿä, a ja·rcä, a u·gaŕijä, a ja·k̋ä».—«A ḿäks ena koŗtä, a čuf́ńä· ako·ŕχńeť, a son at ke̋ŋǵeľä ťäť, buťa mon ao·znan ďänza». Śe·ďi ḿäjľä popȯ·ś pańďa iśťa käŭkśńims. Ala·myń a·lamyń kar-ma·śť naro·dėś kak čaŕkyďiḿä i ozno·ma. A ńej oznė·ť ṕek̋ i sodė·ť k̋ińi·ń oznė·ť; äŕv́ä·χ̧k̋i pa·zavańť ľäḿi·za sońćeń.

A vot mon jofta·n ďäť, koda·my uľńi·ś kulu·ma, ľäḿi·nʒa jak a·zdasa. Ton loma·ńiś jaly ḿeŕet sodė·ćat, azda·sak ľi, koda·ma śe kulu·maś? Loma·ńiś koda·k pry, v́äśi ra·uškadä i ku·lä. Śesta vot koda kulći·śť; kalma·ma jak äśť k̋ä·ńiŕkšńä. Ḿä-jľä v́älińť ćury·ź-ṕiŕiź, ala·myń a·lamyń lo·tkaś. A ešćo· uľńi·ś ku·luma,

---

ночью, да идя домой, не нашелъ избной двери, вошелъ въ эту дверь съ пьяна и упалъ въ грязь; а свиньи какія! онѣ шайтана и того затопчутъ. А я дивлюсь, какъ онѣ его кормильца еще не съѣли». Священникъ и говоритъ: «зачѣмъ ты клевещешь? нашъ Богъ не пьетъ вина».—«Но, можетъ быть, онъ угорѣлъ и вышелъ на дворъ».—«Опять клевещешь, вѣдь она (икона) деревянная, только расписана по образу человѣка, а она не пьетъ, не ѣстъ, не угораетъ, не ходитъ».—«Такъ какъ же она говоритъ, а деревья не говорятъ; а она вотъ клевещетъ тебѣ, будто я ей не молюсь». Послѣ этого священникъ пересталъ такъ спрашивать. Понемногу народъ сталъ также понимать и молиться. А теперь много молятся и знаютъ, кому молятся; у каждой иконы свое имя.

А вотъ я разскажу тебѣ, какой былъ моръ, и имени его я не знаю. Ты человѣкъ знающій—всѣ говорятъ, не знаешь ли, что это за моръ? Человѣкъ, какъ заболѣетъ, весь почернѣетъ и помретъ. Тогда вотъ какъ помирали; не поспѣвали даже хоронить. Потомъ село «окружили», и (моръ) понемногу прекратился. А еще

gara·zda ḿäjľä: lomańi·ńťi ṕäďä ṕšku·n i uksuu·ma i šamy·nʒa targa·tyť; loma·ńiš ṕiščy·fťä kafty-kolmy čy i kulä, a ľija· v́iχi·ḿä. Aty vot avy·ľ umyk uľńiś, ťeń ton gak po·ḿnasa·k! — «Da, ťeń mon pomńä·sa, mon eščo ḃeŕäń godeńť kak pomńäsa, kyda jarcy·-ńiḱ ańčik katfa·ń pača·lkśiďä dy kotońe·kťä».—X'e, brat, ara·źďä ťe ḃeŕäń god? Sura u·ľńiś, muška vaďŕaľ, katfaťńä partyľť, ťe äŕa-myś eščy ma·śińća iḱi·ľiń ḃeŕäń go·tneń ko·ŕas. Moń po·ḿńamga v́äśť uľńiśť kolmy gott ŕac ḃeŕä·ťť. Tašty śu·ryťńiń sä·v́iź, ḿiń ma·rěty ja·rcyńiḱ, a ďedu·žym jo·fńeś: śe śiśiḿ gott uľńiśť, śesta loma·ťńä sė·ŕada jarca·śť. Lomaťńä jaka·śť prok su·ľij [1]). Tožy, brat, lamy· ťäf'ńi· uľńiśť; iḱiľi v́iď avyľ iśťa äŕä·śť, koda· ńej: śu·ryt la·ma, ḿiji·ḱ—ja·rmakńiń źeps; śu·ryt araś, moľť baza·ruu, ramak. A baza·ryś uľńi·ś śediki·ľä ańčik Ṕetrośke·jsa, a śury·ś uľńi·ś pondė·ś ṕä·tak, a ṕifcy·ćäťńä uľńiśť ǵŕi·vna čys. Dy ju-

---

былъ моръ гораздо позже: къ человѣку привяжется понось и рвота, и судорога ведетъ его; человѣкъ пострадаетъ два три дня и помретъ, а другой оправится. А то вотъ недавно былъ, и ты его (этотъ моръ) помнишь!—«Да, я его помню, я еще помню и плохой годъ, когда мы ѣли только картофельные блины и тертый картофель».—Хе, братъ, развѣ плохой былъ этотъ годъ? Былъ ячмень, конопли были хорошіе, картофель хорошій, это житьё еще масляница противъ прежнихъ плохихъ годовъ. На моей памяти однажды три года подъ рядъ были плохи. Старый хлѣбъ съѣли, мы ѣли лебеду, а дѣдушка мой разсказывалъ: тѣ семь лѣтъ были (плохими), тогда люди ѣли желуди. Люди ходили какъ тѣни. Тоже, братъ, много было дѣла; вѣдь раньше жили не такъ, какъ теперь: хлѣба много, продай—деньги въ карманъ; хлѣба нѣтъ, иди на базаръ, купи. А базаръ въ старину былъ только въ Петровскѣ, а хлѣбъ былъ по пятаку за пудовку, а молотильщики по гривнѣ на день. Да проѣхать нельзя никакъ; черезъ лѣса (ѣхать) боишься: либо звѣрь

---

1) su. liχť.

ta·ms kak a koda·, v́i·ŕχńiń bačk ṕäľa·t: ľiby źv́eŕ śeźńe·ťanzat, ľiby loma·ń ʒau̯da·nʒat. Śeďiki·ľä avyľ baza·ṛt, ḿe·ľńećat kak ara·śiľť, sopožńekť ka·k ara·śiḽť; ḿäśť kak äśť ramśä, äśť ḿi·kšńi jak.

тебя съѣстъ, либо человѣкъ убьетъ. Въ старину не то, что базаровъ, а даже мельницъ не было, и сапожниковъ даже не было; и ничего не покупали и не продавали. [1])

---

1) Мнѣ не пришлось записать другихъ преданій, связанныхъ съ с. Оркинымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, записанныя въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, помѣщены ниже въ приложеніи, въ очеркѣ А. Н. Минха. Впрочемъ, Мордва вспоминаетъ еще Тющаня (T'uščäń ińazyr), подъ подданствомъ котораго она находилась. «Царь Тющань, разсказываютъ они, ушелъ съ народомъ за большія воды, а мы подались сюда», но откуда онъ ушелъ неизвѣстно. Старики и сейчасъ вспоминаютъ Тющаня, говоря такъ: «B'iďä T'uščäń ḱäpiďä vojna, śesta ṕiŋǵiś ḱuryk juḿä; son b'iďä karḿä ojovama v́äśij mastyrńiń čau̯syńʒ́ä; ḿäjľäʳ i ṕiŋǵiś kak juḿä» (т. е. если Тющань начнетъ войну, тогда міръ скоро погибнетъ; если онъ начнетъ воевать, онъ разоритъ всѣ страны; потомъ и міръ погибнетъ). Ср. пѣсню «Тюштя азоро» въ Обр. морд. нар. сл. I, № XX.

Б. Сухой Карбулакъ.

Мои терьдень эстянь кафты спзьгемень годца атят, и от месть сынь мопянь ёфьнесть:

Миппкь велесь, Арчиловось, ащи уш колмошка сяды готт. Васпя сон улыпсь ольнэй, а мельп тееўсь барцкыпкс. Те велень народэсь пурпаўсь лия-лия сторонаста — улпть састь Алофкаста, Селябаста, Топорофкаста, Губажста и Яксярцта. Губажшь народэсь ульнисть татарт и кувать сынь эрясть апак лемть. Мои атятьшнь кеўкьстень—косы ащить се велетьнс, косты састь мипикь покщанык, пу сынь и сыньць аздасызь.

Б. Сухой Карбулакъ.

Я призвалъ къ себѣ двухъ семидесятилѣтнихъ стариковъ и вотъ что они мнѣ разсказали:

Наше село Арчиловъ существуетъ уже около трехъ сотъ лѣтъ. Сначала оно было вольнымъ, а потомъ барскимъ. Населеніе этого села собралось съ разныхъ сторонъ—есть пришедшіе изъ Аловки, Селябы, Топоровки, Губажа и Яксяра. Губажевскіе были татары и они долго жили некрещеными. Я спросилъ стариковъ, гдѣ находятся тѣ деревни, откуда пришли наши дѣды, но они и сами не знали.

Минкь покщаньк састь эсь олясьст, а ауль боярт ускизь, эль дерьдезь. Сынь года састь тезэнь эряма, теса эсть эря кить как. Таркась те ульнесь чава; соказь мода эзь ульни. Ульнесть тесы аньцяк эрькть, вирьть, ветьть и лугат. Минкь покцатьне сётыки содасть, шты те таркась ульнесь боярынь.

Ве монянь ёфнеця атяньть покщанѕа покщаза, лемезы ульнись Паул атя, ульнесь васнянь зыця миникь веленьтень [1]). Кода покщаньк пурнаўсть миникь велень дарканьтинь [2]) и кармасть думама велень зроима, Паул атясь и мерс: «атянят-цёранят, лац-ли минь дейтяна? [3]) ведь де модась боярынь—пузякс ломаннынь. А бояртны ведь а роботэть, ломань видпсы пряст трить; бути минь дезэнь [4]) озатана, то миникь эйтьни кармить боярынь зепень бещеме, боярынь гарьцимп-орчама, боярынь андума». Атятьни мереть: «Паул атя! тонь вальт виде; аньцяк [5]) от месть: тесы таркась пара, ведь-вирь-луга лама. Минь эсь

Наши предки пришли по собственной волѣ; ихъ не приводили и не призывали господа (помѣщики). Когда они пришли жить сюда, здѣсь никто не жилъ. Мѣсто это было пустое; земля была не вспахана. Здѣсь были только озера, лѣса, рѣки и луга. Наши предки всётаки знали, что это господское.

Дѣдъ дѣда одного изъ стариковъ, разсказывавшихъ мнѣ (это), по имени старикъ Павелъ, былъ первымъ прибывшимъ въ нашу деревню. Когда наши предки собрались на мѣсто нашего села и начали думать о постройкѣ села, старикъ Павелъ и говоритъ: «старики-мужики, хорошо ли мы дѣлаемъ? вѣдь эта земля принадлежитъ барину—лѣнивому человѣку. А баре вѣдь не работаютъ, кормятся благодаря людямъ; если мы здѣсь поселимся, то дѣти наши будутъ наполнять господскій карманъ, будутъ обувать-одѣвать барина, будутъ кормить барина». Старики говорятъ: «Дядя Павелъ! твое слово правильное; но только вотъ что: здѣсь мѣсто хорошее, воды,

---

1) веленьтей. 2) тарканьтий. 3) тейтянак. 4) тезэй. 5) аньцик.

прянык анцьшикь, и боярыньтинь[1]) ули мези максумс». И минікь покщаньк пуцьть кудыт и кармасть эряма.

Коты вайгильбень даркашка Арчилоўдэньть розбойникинь отаман Плетьнёў, вс шкапи Арчиловоньть маргы сроясь вели Ключь. Ключь велесэньть пей-гак эреть Плетьнёвоньть родэнѕа.

Москоўсы эрясь сюпаў бояр Опраксин; сонѕы ульнисть ламы моданѕы, и конань моданѕы лангкс састь эрямы миникь покщаньк и появась Ключь велесь. Марясь Опраксин Арчилоўдэньть ды Ключтыньть, радувась, шты састь тендзы истяк роботэцят и прянь зиньдязь напустясь Арчиловоў. Сась, пурныньѕи миникь атятьнинь и мери: «атяньт! мон радувинь, жды тынь зыди монь мода лангкс; эряды, сокады — видиды, мон дынкь пельди мези як а саян». Мерьць истя[2]) Опраксиньць[3]) и тусь. Эрясть ащисть аламус покщаньк, пуцьть кудынить, тейсть кардаскить.

лѣсу, луговъ много. Мы прокормимъ себя, и будетъ что дать барину». И наши предки поставили дома и стали жить.

Въ шести верстахъ отъ Арчилова разбойничій атаманъ Плетнёвъ построилъ въ одно время съ Арчиловомъ село Ключи. Въ селѣ Ключахъ и теперь живутъ потомки Плетнёва.

Въ Москвѣ жилъ богатый баринъ Апраксинъ[1]); у него было много земли, и ему принадлежали земли, на которыя пришли, (съ тѣмъ чтобы) поселиться наши предки и на которыхъ появилось село Ключи.

Узналъ Апраксинъ про Арчиловъ и Ключи, обрадовался, что къ нему пришли даровые работники, и сломя голову пустился въ Арчиловъ. Пришелъ, собралъ нашихъ стариковъ и говоритъ: «старички! я обрадовался, что вы пришли на мою землю; живите, пашите, сѣйте, я съ васъ ничего не возьму». Сказалъ такъ Апраксинъ и уѣхалъ. Пожили-пожили немного наши предки, построили домишки, устроили дворишки.

---

1) боярыньтий. 2) истяня. 3) Опраксинысь.

1) Степанъ Степановичъ.

Сась Опраксин боярысь, ванцы покщаньк тейсть кой месть и думе: «пей эрявп путумс лангкызыст авуль бокш пандума, вишка пандумадыньть атупгь, кудыст-кардазыст а кацызь». Пурпыньsи Опраксин боярысь атятьнинь и мерс: «атянят, тынь эрятады монь мода лангкса, а моняпь мезп як а пантада, тынь пандыды моняпь хуть [1]) ортаста!» Атятьнп алуфтасть. Се шкаиьть Павул атясь арасиль кудыса, мельп сась, сопянsы ёфтасть, шты боярысь вешп пандумы ортаста, сон п мере: «атяпят! пей де пузякс пппсь карми мпинкь зепевэк урядама, сётыки эрявп теемс от месть; кафты кардайс колмы кардайс теемс ве орта». Атятьпи кулцыпызь Паул атяньть. Арчилоўсэньть кудытьни ульнисть вщё алама, ащисть ве поряткаса, и атятьни васыдизь кардазыст вейц и порятканьть купчкас тейсть ве орта и кармасть лиспими и суўсмп ве ортава.

Ютасть зяры бути готт, сась Опраксин боярысь Арчиловоў,

Прiѣхалъ баринъ Апраксинъ, видитъ, что наши предки построили кое-что, и думаетъ: «теперь нужно положить съ нихъ небольшую плату; отъ небольшой платы они не уйдутъ, не оставятъ своихъ домовъ и дворовъ». Собралъ баринъ Апраксинъ стариковъ и говоритъ: «старички, вы живете на моей землѣ, а мнѣ вы ничего не платите; вы платите мнѣ хоть съ воротъ!» Старики обѣщали. Въ то время старика Павла не было дома; потомъ онъ вернулся, и ему разсказали, что баринъ просилъ платы съ воротъ, онъ и говоритъ: «старики! теперь этотъ лѣнивый кобель будетъ обчищать наши карманы; всётаки надо вотъ что сдѣлать: на два-три двора ставить одни ворота». Старики послушали старика Павла. Въ Арчиловѣ домовъ-то было еще немного, стояли они въ одномъ порядкѣ, и старики соединили свои дворы въ одно и въ серединѣ порядка поставили одни ворота и стали выходить и входить одними воротами.

Прошло сколько-то лѣтъ; прiѣхалъ баринъ Апраксинъ, со-

---

1) куть, хыш, кыш.

пурпыньяи атятьпинь и мере: «мон зынь ярмак мельга». Атятьпи мереть: «зяры сави макссыньнкь». Боярысь мере: «зяры ортанк?» Атятьпп мереть: «вейке!» — «Кода вейке?» — «Истя и вейке». Тусь боярысь орта лоўпома и лоўпэсь аньцяк ве орта. Опраксин боярысь кежеяўсь и мере: «мон кармафтадызь пандумы турбаста». Атятьпи мереть: «мезп аразьди, карматапа пандумы турбаста». Боярысь тусь. Атятьпи спнтризь турбаст и тейсть раужы кудыт. Ютасть зяры бути готт, сась бояр Опраксин ярмак мельга; атятьпи пурпаўсть. Боярысь кеўкыстеньяи атятьпинь, зяры турбаст. Атятьпи мереть: «миннкь турбаньк арасть».— «Кода арасть?» — «Истя и арасть». Тусь Опраксии боярць турба лоўпома, эзь мук ве турба-як. Седияк кежеяўсь боярысь, кармафтыньяи цёратьпинь пандумы вальмаста. Цёратьпи тейсть лазыпь вальма вельтямут. Сась боярысь ярмак мельга. Цёратьпи пекспезь вальмаст и мереть: «миннкь вальманьк арасть». Тусь боярысь вальма вешпеме, эзь мук ве вальма-як. Боярысь ванцы,

---

бралъ стариковъ и говоритъ: «я пришелъ за деньгами». Старики говорятъ: «сколько приходится, мы отдадимъ». Баринъ спрашиваетъ: «сколько у васъ воротъ?» Старики отвѣчаютъ: «одни»! — «Какъ одни?» — «Такъ и одни». Пошелъ баринъ считать ворота и насчиталъ только одни ворота. Баринъ Апраксинъ разсердился и говоритъ: «я заставлю васъ платить съ трубъ». Старики говорятъ: «такъ что же, будемъ платить съ трубъ». Баринъ ушелъ. Старики сломали свои трубы и устроили черныя избы. Прошло сколько-то лѣтъ; пріѣхалъ баринъ Апраксинъ за деньгами: старики собрались. Баринъ спросилъ стариковъ, сколько у нихъ трубъ. Старики отвѣчаютъ: «у насъ нѣтъ трубъ». — «Какъ нѣтъ?» — «Такъ и нѣтъ». Пошелъ баринъ Апраксинъ считать трубы, не нашелъ ни одной трубы. Еще больше разсердился баринъ, заставилъ мужичковъ платить съ оконъ. Мужички сдѣлали дощаныя оконныя ставни. Пріѣхалъ баринъ за деньгами. Мужички закрыли свои окна и говорятъ: «у насъ нѣтъ оконъ». Пошелъ баринъ искать окна, не

атятьпи соньдедэнsы превейть, и пуць лангызыст оброк, сизьгемень ветп цолковой пасыгнацьню эрьва оймспьть лангкс.

Опраксин боярыньть ульпист кафты тейтерепsа. Покш тейтерепьть лемезы Наталья Стёпануўна, а вишкинпьть — Софья Стёпануўна. Опраксин боярысь максыньsи тейтереnsы мирьдинипь Московоў; покш тейтерепьть — князь Голицыпышь экшс, вишкипипьть — князь Щербатувупь экшс.

Опраксин боярысь, тейтереnsы максумады икили, сась Усофка велес; се велесэпьть consы ульпись отчинный гаптоража; пурныньsи веси олостепь атятьпнь и мери тест: «атяпят, монь моданьть вакссы ули ламы мода, конань хозяипышsы вишка пакшат сирётат, прозваньяст Шахматуфт; рамигкь сыицт моданьть и ультяды тыньць хозяпит» [1]). Атятьпи Опраксин боярыньтинь мерсть: «минь апак дума а рамасыпикь, васьня думатана». Лисьсть атятьпи боярыньть кецты и тусть Шахматуў боярыньтипь мо-

---

нашелъ ни одного окна. Баринъ видитъ, что старики умнѣе его, и положилъ на нихъ оброкъ, семьдесятъ пять рублей ассигнаціями на каждую душу.

У барина Апраксина были двѣ дочери. Имя старшей дочери Наталья Степановна, а младшей Софья Степановна. Баринъ Апраксинъ отдалъ своихъ дочерей замужъ; старшую дочь—за князя Голицына, младшую — за князя Щербатова.

Баринъ Апраксинъ, прежде чѣмъ отдать замужъ дочерей, пріѣхалъ въ село Усовку; въ томъ селѣ была вотчинная контора; онъ собралъ стариковъ со всей волости и говоритъ имъ: «старички, около моей земли большой земельный участокъ, хозяевами котораго состоятъ маленькія дѣти, сироты, по фамиліи Ш-вы; купите ихъ землю и вы будете сами хозяевами». Старики говорятъ барину Апраксину: «мы не сообразивши не купимъ; сначала подумаемъ». Вышли старики отъ барина и пошли посмотрѣть

---

1) азырт.

даст ванпума. Модась атятьнинь мельц тусь, сынь мольцьть Опраксии боярыньтинь и мерсть: «минь думшикь Шахматувунь моданьть рамамс».

Шахматуў боярнытьни-сирётатьни ульнисть Опраксии боярыньть родэпѕы эль содаўксынѕы, эль жабранѕы учаскань гувалт. Сон мольць Шахматуфнининь, рамизи модаст цёратьнинь лемс, а купчиньть теефтези соньценѕы лемс. Сесты шкась ульнись истяма: цёра лемс купчий теемс ульнись нельѕя. Секс Опраксии боярць теефтези купчиньть соньценѕы лемс, куш моданьть рамизи цёратьнинь лемс, и купчиньть Опраксии боярць путызи отчинный ганторас (Усофкас). От истя Арчиловонь, Усофкань, Кумарофкань, Ключинь, Андрёфкань и Софьинань атятьни рамизь Жахматуўский бустышиньть, эль Жахматуў боярыньть моданѕа. Моданьть эйсты ульнись кемготова тысиця вети сятт ведьгемень дестина. Те моданьть атятьни рамизь и ярмакнинь Опраксии боярыньть вельди пандызь.

землю барчатъ Ш-выхъ. Земля понравилась старикамъ; они пришли къ барину Апраксину и говорятъ: «мы надумали купить землю Ш-выхъ».

Барчата сироты Ш-вы были родственниками барина Апраксина, или его знакомыми, или сосѣдями по участку. Онъ отправился къ Ш-вымъ, купилъ ихъ землю на имя крестьянъ, а купчую велѣлъ сдѣлать на свое имя. Тогда время было такое: на имя крестьянъ нельзя было дѣлать купчей. Отъ того баринъ Апраксинъ велѣлъ сдѣлать на свое имя, хотя и купилъ землю на имя крестьянъ, а купчую баринъ Апраксинъ положилъ въ вотчинную контору (въ Усовку). Вотъ такимъ образомъ старики Арчилова, Усовки, Комаровки, Ключей, Андреевки и Софьина купили Шахматовскую пустошь или землю барина Ш-ва. Земли было 16550 десятинъ. Старики купили эту землю и уплатили деньги черезъ барина Апраксина.

Седы мельн Опраксин боярысь тусь Московоў и тосы максыньѕи тейтерсиѕы мирьдиннпь; теды мон уш кортэнь.

Опраксин боярыньть цёранѕы арасильть, сои явизи веси моданѕы и хресьяныпѕы кафты содамупѕы юткува. Князь Голицыиныпь[1]) максызи Арчиловоньть, Ключиньть ды Кумарофканьть. А Щербатуў князиньтинь остатка[2]) велетьнень. От истяня Арчиловонь атятьни тееўсть князь Голицыныпь хресьяныкс. Князь Голицын боярысь ульнесь пара, сон чурысты сакшныкшнысь хресьяпынѕы туртуў. Мельи князь Голицынысь кулысь, эстедэнѕы мельп эйть эзь гатт. Князь Голицында мельп кудыпь-бряфтьнкс кадуўсь сонѕы козяйказы Наталья Стёпануўна. Наталья Стёпануўнась пекь кежэйсты пурнась оброконьть, п цёратьни кармасть вешеми барщина. Бояравась радувась и Арчиловонь народэсь курукcты теeўсь барцкынкс; колмы чить наро-

---

Послѣ этого баринъ Апраксинъ отправился въ Москву и тамъ отдалъ дочерей замужъ; объ этомъ я уже говорилъ.

У барина Апраксина не было сыновей, онъ раздѣлилъ всю свою землю и своихъ крестьянъ между двумя своими зятьями. Князю Голицыну онъ далъ Арчиловъ, Ключи и Комаровку, а князю Щербатову остальныя деревни. Вотъ такимъ образомъ Арчиловскіе старики сдѣлались крестьянами князя Голицына. Князь Голицынъ былъ добрый, онъ рѣдко пріѣзжалъ къ своимъ крестьянамъ. Потомъ князь Голицынъ померъ, не оставилъ послѣ себя дѣтей. Послѣ князя Голицына хозяйкой осталась его жена Наталья Степановна. Наталья Степановна очень строго собирала оброкъ, и крестьяне стали просить барщины. Барыня обрадовалась, и Арчиловскіе крестьяне вскорѣ стали барскими; три дня крестьяне работали на барыню, а три дня на себя. Прошло шестьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ Арчиловскіе крестьяне стали барскими. Потомъ наступили голодные года, и народу нечего было ѣсть.

---

1) Голицыныньтинь, Голицыныньтий. 2) кадувикс.

дэсь роботась бояраваньтинь, а колмы чить эстявsа. Кодгемень год ютась се шкастыньть, кода Арчиловонь народэсь теeўсь барцкыикс. Мельн састь голодь готт и народнэнь пемезьды ульнись ярцамс. Пурпаўсть Наталья Степануўпань ҷрєсьяпынзы сопяпзы и мереть: «сюрыпык миникь а чаче, апт эйсэнэк». Наталья Стёпануўнась мере: «мон дыпгкь андуманг а карман, мон дынгкь митядызь», и миньsи, тантарали тупвиль....

От месть ёфьпесь мопянь ве баба. Арчилоў велень дарканьть муизи васинь гулый Гараськась. Муизи Гараська крута пандыньть и пандыньть ваксcы роўна тарка, роўпа таркась велень даркакс пара, и думась Гараська тозэнь велень зроима. Стяўсь

Крестьяне Натальи Степановны собрались къ ней и говорятъ: «у насъ не родится хлѣбъ, корми насъ». Наталья Степановна отвѣчаетъ: «я не стану васъ кормить, я васъ продамъ», и продала, провалилась бы она сквозь землю....[1]).

Вотъ что мнѣ разсказала одна старуха. Мѣсто села Арчилова нашелъ Герасимъ «первоумершій»[2]). Нашелъ Герасимъ крутую гору и около горы ровное мѣсто; ровное мѣсто было удобно подъ постройку села, и Герасимъ рѣшилъ построить здѣсь

1) Слѣдующій за симъ разсказъ касается событій, слишкомъ близкихъ къ намъ по времени, а посему опускается. 2) Первымъ въ селѣ Сухомъ Карбулакѣ померъ нѣкто Герасимъ, котораго, въ дни поминовенія усопшихъ, поминаютъ всѣ старухи.

Гараська сэрей цуфта, валксь чуфтыньть пряс гулькпне. Гараськась думе, шты те содаўксыcь пара; голопкась—пизынь бурный. Тусь Гараськась перьть велева якама, народэнь бурнама. Пурпаўсь народ; велень даркась мельц тусь; сроясть веле. Крута панцтыньть лисьсь сал ды кальга. Атятьпи пурпаўсть ве таркас и мереть: «Атянят, дайти салыньть ды кальганьть валясынинк ды ассынинк, ата бояр деды мари ды город дезэнь зрое, а минйнк паньцамизь». Рамасть атятьни кошма, вельтезь салыньть ды кальганьть и азызь.

Лия ёфнесь. Велень даркапьть муизи Учай атя. Учай атясь ульнись васинь гулый Гараськаньть ляляза, а монь покицам. Монь вамильям «Учаеў» — предпрадедадын, Учай атядыньть.

село. Поставилъ Герасимъ высокое дерево, сѣлъ на дерево голубь. Герасимъ рѣшилъ, что это хорошій знакъ; голубь—собиратель гнѣзда. Пошелъ Герасимъ по окрестнымъ селамъ собирать народъ. Собрался народъ; понравилось мѣсто подъ село; построили село. Изъ крутой горы выходили соль и кальга[1]). — Старики собрались въ одно мѣсто и говорятъ: «старички, давайте завалимъ соль и кальгу да проклянемъ, а то объ этомъ узнаетъ баринъ и построитъ здѣсь городъ, а насъ прогонитъ». Старики купили кошму, покрыли соль и кальгу и прокляли.

Другая разсказала слѣдующее. Мѣсто села нашелъ старикъ Учай. Старикъ Учай былъ старшимъ братомъ первоумершаго Герасима, а моимъ предкомъ. Моя фамилія Учаевъ отъ прапрадѣда, старика Учая.

---

1) Синяя краска.

Минникь таркатьнинь эйсы ульнисть колмы учаскат. Князь Грузин ѕаревичинь авуль бокш учаска, Стёпан Стёпанычинь Опраксиныть авуль бокш учаска, Ш. боярынь бокш учаска. Арчиловонь народэсь ульнисть апак лемьть, а Грузин ѕаревичинь ульнись мелезы сынцт лемьдемс. Сон бурныньѕи атятьнинь и мери тест: «атянят, лемьдеда, мон денгкь модам максса». Атятьни лемьсть и Грузин ѕаревичинь моданьть саизь. Мельи атятьни рамизь и Ш. боярыньть модаѕа. Грузин ѕаревич ульпись безроднэй[1]), апак урьвакст, курук кулысь, и модаза кадуўсь атятьнининь.

Одѕёра, оддейтерь, довсць, дова лангкс урок путумс ульнись нельѕя. Секс князись покш тейтерьть макснись цёра накша экше: тейтересь эсь паинѕы роботасэ и мирьдиньть паиньть роботасэ. Макснись князись тейтерьть сыри атя экше; тейтересь роботасы

1) роцтома.

Въ нашихъ мѣстахъ было три участка: небольшой участокъ Грузинскаго царевича, небольшой участокъ Степана Степановича Апраксина, большой участокъ барина Ш. Арчиловскіе крестьяне были некрещеные, а Грузинскому царевичу хотѣлось ихъ крестить. Онъ собралъ стариковъ и говоритъ имъ: «старички, креститесь, я вамъ отдамъ свою землю». Старики крестились и взяли землю Грузинскаго царевича. Потомъ старики купили землю барина Ш. Грузинскій царевичъ былъ безродный, неженатый, онъ скоро померъ, и земля его осталась старикамъ.

На молодого парня, молодую дѣвушку, вдовца и вдову нельзя было класть урока. Поэтому баринъ выдавалъ немолодыхъ дѣвушекъ за ребятишекъ: дѣвушка сработаетъ свою долю и сработаетъ долю мужа. Баринъ выдавалъ дѣвушекъ за старыхъ людей; дѣ-

сопьцепзы пашьть и сыри мирьдипьть частипьть. Теды ульпнсть ламы прянь юмафтумат. Бути тейтерепьть мирьдизы пакша, эль атя, тейтерепьть мелезы моли мирьдипьть кис роботамс, и сон эль эсьпряпзы юмаўсэ, эль юмаўсы мирьдипьть. Те парьцьти пефьтезь морэса «Машутыне» и «Исинь заифьть одерьвась». Мельн князись кармась одзёратьнипь, оддейтерьтьпепь, довецьпепь и доватьнинь пурпакшнумаст олоспэй управас. Пурпавить одзёрат и оддейтерьть пакшат, а довецьть и доват сыть уш сырить. И тесы князись эзь гочка: сыри баба макссы цёрапакшапипь; тейтерьбакша макссы сыри атянинь; уш аздап, года Пазысь кирьць. Кона одзёраньть эль оддейтерепьть тятязы а макссы сепепь, копапинь князись максcэ, кундасы се ломапипьть князись сакалда, ветьни-ветьни сакалды управаваньть, макссы розгасы ча(в)умс. Ащить истятт аньк ломатть и розгат, чаўсызь пеликулумс ломапиньть розгаса.

вушка сработаетъ свою собственную долю и часть мужа. Вслѣдствіе этого было много убійствъ. Если у дѣвушки мужъ мальчикъ или старикъ, дѣвушкѣ надоѣстъ работать за мужа, и она или самое себя убьетъ, или убьетъ мужа. Это очень хорошо показано въ пѣсняхъ «Машуточка» и «Вчера взятая молодушка». Потомъ баринъ сталъ собирать молодыхъ парней, молодыхъ дѣвушекъ, вдовцовъ и вдовъ въ волостное правленіе. Соберутся молодые парни и молодыя дѣвушки (еще) дѣти, а вдовцы и вдовы придутъ уже старые. И тутъ баринъ не выбиралъ: старую бабу выдастъ за мальчика; дѣвочку выдастъ за стараго старика; ужъ не знаю, какъ терпѣлъ Богъ. Если который отецъ не отдаетъ мальчика или дѣвочку за того, за кого отдаетъ баринъ, возьметъ этого человѣка баринъ за бороду, поводитъ его за бороду по правленію (и) прикажетъ высѣчь его розгами. Такіе были (для того) приготовленные люди и розги, высѣкутъ человѣка розгами до полусмерти.

---

[1]) «Алька лялянь ульнисть кевийкии годэпѕа, кода сонѕы урьвакстызь. Чиясть тепѕы покш тейтерь. Пурпаўсь поездэст, кармасть церьковаў зыргамы вепчама. Ваццызь, Алька лялям арась; вешьпесть-вешьнесть, муизь Алька лялянь ульцяста. Алька лялям ялга юткcы налькспсь козпаса. Кармасть сопѕы терьдеманѕа, сон а моле.—«Иа теть кафты козпат, адя!» мереть Алька лялянинь. — «Дайти ниле, моляп!» мери Алька лялям. Макссть тепѕы нили козпат, саизь, озафтызь, тусть церьковаў венчамуст».

---

[2]) «Монь авапь ульппсть комсь колмова годэнѕа, кода сопѕы максызь мирьдянинь каўксы готцы пакшанинь. Матидпвп чёкшни

«Старшему моему брату Александру было 18 лѣтъ, когда его поженили. Просватали ему взрослую дѣвушку. Собрался ихъ поѣздъ, стали они собираться въ церковь вѣнчаться. Видятъ, что нѣтъ брата Александра; искали-искали, нашли брата Александра на улицѣ. Братъ Александръ игралъ въ козны съ товарищами. Стали звать его, онъ не идетъ.—«На тебѣ двое козенъ, иди!» говорятъ брату Александру. — «Дайте четыре, пойду!» отвѣчаетъ братъ Александръ. Дали ему четверо козенъ, взяли его, посадали и поѣхали въ церковь вѣнчать ихъ».

«Моей матери было двадцать три года, когда ее отдали замужъ за восьмилѣтняго мальчика. Успётъ мужъ ея вечеромъ

1) Разсказъ одной старухи с. Сухого Карбулака.

2) Разсказъ другой старухи.

*

мирьдизы ужинды икили эземс, авам тарка ацэ, каясы таркас мирьдииза. Авам соньцепза алуў ацы перена, а мирьдипзы алуў ацы ватула: уш пек чурьцикшиысь. Авапь зыть кежепзы мирьдипзы лапкс, чаўсы, а соп моли ды аваццтыпь бепяце. Авазы лацисы-луцисы ды пара».

Пакшакс урьвакспистъ авуль зыньц Арчиловонь пародэсь, а сынцт кармаўсь князись. А князись кармаўсь пакшат урьваксними от мейсь: бути одзёра, оддейтерь, довець эль дова, сыняст цела оброк пельзя путумс, а пель оброк; а бути одзёрась эль довецесь урьвакстызь, то сыняст путыть цела пай (роботамс). Секс пакшат князись урьваксиись, штобу седи ламы пайть тепзы роботаст.—От кода князись кармаўсь мирьдиипь лисиме ве сыри

до ужина на скамейкѣ, мать моя постелетъ ему постель (и) положитъ въ постель своего мужа. Мать моя подъ себя стелетъ перину, а подъ своего мужа дерюгу: ужъ очень онъ мочился. Матушка разсердится на своего мужа, побьетъ его, а онъ пойдетъ и пожалуется своей матери. Мать его уйметъ да ладно».

Мальчиками женились Арчиловскіе крестьяне не сами, а ихъ заставлялъ баринъ. А баринъ заставлялъ жениться мальчиковъ вотъ почему: на парня, дѣвушку, вдовца или вдову нельзя накладывать цѣлаго оброка, а полъ оброка; а если парень или вдовецъ поженятся, то на нихъ кладутъ цѣлый пай (сработать). Поэтому баринъ женилъ мальчиковъ, чтобы на него сработали какъ можно больше паевъ.—Вотъ какъ баринъ заставлялъ выходить замужъ

довеne, кона ульнись оддушьяса. «Лисьть мирьдинпь!» серьгець лангызынsы князпсь. «Вай! божалыйсты кадумак! мезень мон мирьдининь молецян!» аварьдизь мери бабиписъ. «Коли мирьдининь а молят, кажпый[1]) буряпи кант Калмулаткcты кафты ведрат ведь, ды ваnт, чуба вец иля орча, орчак аньцяк нурька суматть!» мери князпсь. Аньцяк буря чи, туп авась Калмулаткуў вец курьця лангкса, орчи аньцяк суманипть. Капцыньяи авась ведратьинпь управа икилпў, валуўсызь ды кучсызь гудуў. Пицпўсь-пиципўсь авинись, лисcь ве атинпнь мирьдининь, кармась цела пай роботама. Эрясь авипись седы мельи кафты готт ды кулысь; ванат, Калмулаткcты ведень ганлимась ойменензы саизе.

1) эрьва.

одну старую вдову, которая была чахоточпая. «Выходи замужъ!» крикнулъ на нее баринъ. «Охъ, пожалуйста оставь меня! (ужъ) какая я невѣста!» съ плачемъ говоритъ старушка. «Если не пойдешь замужъ, то въ каждую бурю приноси съ Калмалатки[1]) два ведра воды, да смотри не надѣвай шубы (когда пойдешь) за водой, надѣвай только коротенькій зипунъ!» приказываетъ баринъ. Какъ только день съ бурей, пойдетъ эта женщина въ Калмалатку съ коромысломъ и надѣнетъ только зипунокъ. Принесетъ женщина ведра передъ правленіе, велятъ вылить ихъ и отошлютъ её домой. Мучилась-мучилась бабёнка, вышла замужъ за одного старика и стала работать цѣлый пай. Пожила бабёнка послѣ этого два года и померла; видно, ношеніе воды изъ Калмалатки взяло ея душеньку.

1) Оврагъ въ двухъ или трехъ верстахъ отъ села.

Весть ве бояр сась Арчиловоў киска марта. Кафты гоццы пакшини авулдась палкасы кискаnsы лангкс. Боярысь (прязы правуль) сапзи се пакшапьть и сезьнефтези кискапьть кецта.

Те боярысь охотась Арчиловонь баксява, вепельди псесь кафты пакшат и мере: «полдэнгка кискатьнинь — сезьнесэзь эль арась». Кискатьпи эсть суckт. Сесты боярысь вельтепьsи пакшатнинь зверень гетьца, и кискатьни сезьнезь.

Князиньть ульнись кривой здарыстаза, кона палкасы чаўсь досьмерьть зярыя ломапь, и ламы лият.

Арчиловось аци роўна таркаса. Велесэньть ветешка сяды кудыт, ломатьпи кафтышка тысиця, реветь колмошка сяда, скалт кафтышка сяда, алашат колмошка сяда, лия скотинат аpасть. Душовой моданьк колмы сятт десятина. Сядышка десятина велепьть ала, кафты сятт паксяса. Велесэньть ули церькова. учитильня, велень и олостень управат. Народэсь сокеть мода,

---

У барина былъ кривой староста, который перебилъ палкой до смерти много людей, были и многіе другіе.

Арчиловъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ. Въ селѣ имѣется до пятисотъ домовъ, людей около двухъ тысячъ, овецъ около трехъ сотъ, коровъ около двухъ сотъ, лошадей около трехъ сотъ, другой скотины нѣтъ. Нашей надушной земли — триста десятинъ. Около ста десятинъ подъ селомъ, въ поляхъ двѣсти десятинъ. Въ селѣ есть церковь, училище, сельское и волостное правленія. Крестьяне пашутъ землю, сѣютъ хлѣбъ, землю берутъ

видить сюра, модаиьть сайпить боярынь генцта. Лацить эрьзятьпи веси перьть велетьнень марта; велетьни рузынь. Сяды комсь вайгильбепь даркасы Арчилоў веледэньть Уза ведь лашксы ащить Эрьзя велеть: Вергезом, Пумбра, Шмалак и Мокшы вели Эрмиёфка.

Сисимь вайгильбень даркасы Арчилоўдэньть ули вели Голицына. Арчиловоньть марты Голицынаньть ютксы ули вирь. Се вирьцыньть чуфыни улынисть пек эчкть. Вирнсь ульнись незнай гинь, аньцяк Голицынань зёратьни кeрясть эйстэнзы чуфьнинь, буты сыньцист вирьцта. Кода минпкь атятьни састь Арчиловонь велень даркаиьтинь и кармасть сроямa, то ве атя, лемезы Одай, кармась кудыкс чуфт ускснми Голицынань вирьцтыньть. Моли, кери тумут, лазныcыньзи чачкуў-цачкуў и аньк пелькст уске. Голицынань зёратьни марясть и думасть Одай атяньть кунда-

---

у барина. Дружатся эрзяки со всѣми окрестными селеніями; селенія эти русскія. Въ ста двадцати верстахъ отъ села Арчилова, на рѣкѣ Узѣ, находятся эрзянскія селенія: Вергезомъ, Пумбра, Шмалакъ и мокшинское село Еремѣевка.

Въ семи верстахъ отъ Арчилова находится село Голицыно. Между Арчиловомъ и Голицынымъ лѣсъ. Въ этомъ лѣсу деревья были очень толстыя. Не знай чей былъ этотъ лѣсъ, во всякомъ случаѣ Голицынскіе крестьяне рубили въ немъ деревья, какъ бы въ своемъ собственномъ лѣсу. Когда наши предки пришли на мѣсто села Арчилова и начали строиться, одинъ старикъ, по имени Одай началъ возить лѣсъ на домъ изъ Голицынскаго лѣса. Пойдетъ, нарубитъ дубьёвъ, переколетъ ихъ на двое и возитъ готовыя половинки. Голицынскіе крестьяне услышали и рѣшили поймать

*

мунѕа. Озасть вети эль гота цёрат ласте, тусть вирьгапьть вешнеманѕа, эзезь мук; муизь аньцяк мушкырыпѕа[1]), копань эйсы лазны тумутьнинь. Думасть саиманѕа, а кандуве; кучсть кильдинь[2]) алаша мельга, кода як путызь рпдвапц, ускизь гудуў: онкстэзь весса, мушкырыньть эйсы каўксы попт. Руспы мереть, «пасиба, соньценѕы Одапьть эзепекь мук, соньць, вапат, мушкырдыньть как стака — прьдизынык лоўнэленьѕе».

Князись тейсь пири пакся купчкас, кеменчка вайгильбень даркас Арчплоўдэньть. Телпкунчкапе, кода князиньть сюрытьни Арчилоўсы пирисыньть пифцувить, сон Арчиловонь пародэньть паньцэ паксясы пириньтинь (Зимовьяў). Папи князись Зимовьяў поти пакша марты ават. Сыть Арчиловонь пародэсь Зимовьяў,

1) барц. 2) кильдизь.

старика Одая. Сѣло пять или шесть крестьянъ верхомъ, пошли искать его по лѣсу, не нашли его; нашли они только молотъ, которымъ онъ кололъ деревья. Вздумали взять молотъ, не въ силахъ они его унести; послали за запряженною лошадью, кое какъ положили па телѣгу, привезли домой, взвѣсили на вѣсахъ— въ молотѣ восемь пудовъ. Русскіе говорятъ: «спасибо, что мы не нашли самого Одая, самъ онъ, вѣроятно, тяжелѣе даже молота — пересчиталъ бы онъ наши рёбра».

---

[1]) Баринъ устроилъ гумно въ серединѣ поля, въ разстояніи около десяти верстъ отъ Арчилова. Въ серединѣ зимы, когда обмолотятъ въ Арчиловѣ на гумнахъ барскій хлѣбъ, онъ погонитъ Арчиловскихъ крестьянъ на гумно въ поле (въ Зимовьё). Гонитъ баринъ въ Зимовьё (и) женщинъ съ грудными дѣтьми. Придутъ

1) Разсказъ относится ко временамъ крѣпостного права.

су(в)амс некозэй, эжпемс некоса. Наргась как князпсь Арчиловонь народэньть!

Arčilo·u̗ v́eľeńt́ kunčkas ka·zna t́ejś ka·bak. A Arčilo·vońt́ ṕeŕt́ v́e·ľeva ka·bakt a·raśt́. Sy·t́ eŕva či·ńi ṕe·ŕt́ v́e·ľesty[1]) lo-ma·t́t́, konatt sa·lava ḿikšńi·t́ v́i·na, saji·t́ Arčilovoń ga·bakstyńt́ ozé·ń oz v́i·na, tu·jit́. Ḿińik bo·jaryńt́ karda·jsy e·ŕet́ la·my ro·-bot́ńikt́. Robot́ńi·ḱńiń kuž ź a·rdy ja·rmakt i e·ŕva či·ńi i·ŕictyt. Arčilo·voń ga·bakstyńt́ v́i·nańt́ sa·jsyź ṕeŕt́ v́eľe·va dy boja·ryńt́ robot́ńi·ḱńi śi·ḿit́, a ľija·t́ńi duḿi·t́, šty iśt́a· ṕeḱ śi·ḿit́ Arčilo-voń na·rodeś. Śeks v́eśi ḿeŕet́ Eŕʒa·t́ńińiń ṕija·ńićat.

Арчиловскіе крестьяне въ Зимовьё, зайти некуда, погрѣться негдѣ. Ужъ и мучилъ баринъ Арчиловскихъ крестьянъ!

По серединѣ села Арчилова казна устроила кабакъ. А въ сосѣднихъ съ Арчиловомъ селеніяхъ пѣть кабаковъ. Каждый день изъ сосѣднихъ селеній приходятъ люди, которые тайно продаютъ вино, возьмутъ изъ Арчиловскаго кабака возами вина̀ и уѣдутъ. Во дворѣ нашего барина живетъ много работниковъ. У работниковъ всегда есть деньги, и каждый день они пьяны. Вино изъ Арчиловскаго кабака берутъ по сосѣднимъ селеніямъ да пьютъ его барскіе работники, а иные думаютъ, что такъ много пьютъ Арчиловскіе крестьяне. Поэтому всѣ называютъ Эрзяковъ пьяницами.

---

1) v́eľeńeń ćzga.

Arčilo·voń Eŕʒa·ťńiń moda·st ṕeḱ ala·ma. Syńćist mo·ďańť ro·botasyź i bu·ťi ľija ro·bota a·mujiť, syń a·ščiť i·śťak. A iśťak aščima·dy jaly ḿeźija·k sy ṕŕeveźet. Ľija E·ŕʒaś aščima·dy moľi v́iŕiń za·lama, ľija luga·ń za·lama, a ľija pulct sa·ĺe. A salamy E·ŕʒaťńiń dona·ftyńʒi barckyj ga·rďazyś. Ľi·jasty E·ŕʒaś ašči, ḿeśť kak a·duḿe. Sy ťenʒy sodav́iks lo·mań barckyj ga·rdajsta, ḱeŋḱśťi, ḿeśť ťejńikšńat; ťe ka·rčinʒy ḿeŕe: «ḿeśť ťejńan? iśťa·k a·ščan». Tona ťenʒy i ḿeŕe: «moľť śe po·rava barckyj gardazuŋ; mon ďeť ḿeźija·k jo·kstan». Ťe moľe, i tona ťenʒy ožǯa·t, ṕikst, kšńiń źa·ŋga eľ ľija ḿeźija·k jo·ksty i ḿeŕe: «vant, iľak ńe·ŕť»[1]). Tuji lo·mańiś, salasy ḿeźi ťenʒy maksy so·dav́iks loma·ńiza. Ľija ťeŋsty jak i·śťaža. Ľija lo·mańiś vačḱi pulct umala·ŋksty barckyj ḃiŕiŋ. Mo·ľi vaksyzynʒy oḃje·ščiḱ, ḿeŕe: «da·j aša·[2]), usksa·k kranda-zyńť eśťať». Loma·ńiś vancy—kra·ndazyńť saji·ms mo·žna, maksy a·ša, dy usksy kra·ndazyńť sońćenʒy ṕiŕis. Śedy ḿeľje, oḃje·ščiḱiś

1) iľa·ź ńeḱ. 2) Это слово употребляется мордвой вмѣсто рубль, для того чтобы ихъ не поняли русскіе.

У Арчиловскихъ Эрзяковъ земли очень немного. Обработаютъ они свою землю и если не найдутъ другой работы, они сидятъ праздно. А отъ празднаго сидѣнія всегда что-нибудь (дурное) придетъ на умъ. Иной Эрзякъ отъ (празднаго) сидѣнія идетъ воровать лѣсъ, другой воровать траву, а иной воруетъ снопы. А воровству Эрзяковъ научилъ барскій дворъ. Другой разъ Эрзякъ сидитъ (праздно) и ни о чемъ (дурномъ) не думаетъ. Придетъ къ нему знакомый человѣкъ съ барскаго двора, спроситъ, что̀ онъ подѣлываетъ; этотъ въ отвѣтъ ему говоритъ: «что я буду дѣлать? сижу праздно». Тотъ ему и скажетъ: «приди въ такое-то время на барскій дворъ; я тебѣ кое-что сунy». Этотъ пойдетъ, а тотъ сунетъ вожжи, веревки, желѣзныя вилы или другое что, и скажетъ: «смотри, не показывай». Пойдетъ мужикъ, украдетъ то, что ему дастъ знакомый. И въ другомъ дѣлѣ такъ же. Иной мужикъ сложитъ на барское гумно снопы съ загона. Подойдетъ

celi·ja barckyj ga·rdazyń robo·tńik ńejet so·daviks Eŕʒa, ko·namiń ʒardy ja·k meźi ja·k pro·vožaśt, sa·jiftit kectenʒy vina i śi·mit peľďenʒa. Eŕʒa·tńi auľt čala bu, a synct barckyj ga·rdazyś vi·jcy karma·fty sa·lama, i vina·dy Eŕʒa·tńi pek a·śimit, a Arčilo·voń ga·bakstyńt vina·ńt śimsy·ź peŕt veleń na·rod i ba·rckyj ga·rdazyń robo·tńikt.

Barckyj borańi[1]) Arčilo·voń narodeś bruďaśt[2]) veŕeme·ľńeceń ve·ďeńt. Eŕʒatńi bru·ďit, a veďeś a bruďa·ve. Koda· Eŕʒa·tńi eśt čara, veďeś aki·ŕďive, dy śeke. Narodeńt ma·rta u·ľńiś barckyj zdarysta. Barckyj zda·rystaś narodeńt mu·ŕńi, ča·ve, meks test veďeś abruďa·ve. Ciŕbŕa Iľjaś meŕe: «peŕčatka·zy kodaja·k asa·lavi

1) Baŕckyj borava; barščina pingiva. 2) bruďaś.

къ нему объѣздчикъ (п) скажетъ: «дай рубль, увезешь себѣ возъ». Мужикъ видитъ, что можно взять возъ, даетъ рубль, и привезетъ возъ на свое гумно. Потомъ объѣздчикъ или другой работникъ съ барскаго двора увидятъ знакомаго Эрзяка, которому когда-то что-то проводили, заставятъ его купить себѣ вина и пьютъ отъ него. Эрзяки и не подумали бы воровать, а барскій дворъ силкомъ заставляетъ ихъ красть, и вина Эрзяки не очень пьютъ, а вино изъ Арчиловскаго кабака пьютъ крестьяне окрестныхъ селеній и работники барскаго двора.

Въ барское время Арчиловскіе крестьяне прудили воду «верхней мельницы». Эрзяки прудятъ, а вода не запруживается. Какъ не вертѣлись Эрзяки, воду нельзя удержать, да и всё. Вмѣстѣ съ крестьянами былъ барскій староста. Барскій староста бранитъ крестьянъ, бьетъ ихъ за то, что вода не запруживается. Илья кривая голова говоритъ: «какъ бы украсть

udalynyk orǵećańt». Mujiųś iśťamy lomań, salyźi starystań pеŕćatkanʒa, ma·kssyźi Ćiŕbŕa I·ľjańťiń. Ćiŕbŕa I·ľjaś ko·rtaftyźi pe·ŕćatkańť, ka·jiźi plo·ťenańť a·luų, vaľiź bеŕćatka·ńť, veďeś lo·tkaś. Bru·ďaųś bru·dyś, na·rodeś tuś kudu·ų, a barckyj zda·rystaś tuś ka·rdazuų· O·mboći ćińť ra·na va·lćki saś ba·rckyj gardajsty lomań A·rćilou veľeńťen, ka·rmaś pa·ńimi kalmuń ʒu·vićat. Lo·maťńi ḿeŕeť: «Kiji[1]) kuly·ś?» Pa·ńićaś ḿeŕe: «barckyj zdarystaś». Lomaťńi ḿeŕeť ka·rćynʒa: «Ćiŕbŕa Iľjańť, motŕi[2]), kuať atarnat».

«Даўна-даўна миникь Эрьзятьнинь ульнись миньцинникь мастырыньк», весть монянь мери покщам. Мон мерян: «кода? косы ины минпкь мастырысь[3])?» — «Ули покш ведь Раў, Раў веденьтень[4]) бры лия ведь Кама. Камань ведьбрамусыньть эрясть

1) Ki. 2) vanat. 3) мастырць. 4) веденьтей.

перчатку лающаго за нами человѣка». Нашелся такой человѣкъ, укралъ у старосты перчатку, далъ ее Ильѣ кривой головѣ. Илья кривая голова заговорилъ перчатку, бросилъ ее подъ плотину, перчатку завалили, вода остановилась. Прудъ запрудился, крестьяне пошли по домамъ, а барскій староста пошелъ во дворъ. На другой день рано утромъ съ барскаго двора пришелъ въ село Арчиловъ человѣкъ (и) началъ выгонять рыльщиковъ могилы. Люди говорятъ: «кто померъ?» Выгонявшій отвѣчаетъ: «барскій староста». Люди говорятъ ему въ отвѣтъ: «у Ильи кривой головы, смотри, долго не протрясешься».

«Давно-давно у насъ у Эрзяковъ была своя собственная земля», говоритъ мнѣ однажды мой дѣдушка. Я говорю: «какъ? гдѣ же наша земля?» — «Есть большая рѣка Волга, въ рѣку впадаетъ другая рѣка Кама». При устьи Камы жили Болгары и

Болгарт ды Татарт. А Раупьть томбале, Болгартнынь ды Татартнынь мастырыст карча, ульпись Эрьзянь мастыр. Минкь ульпись миньцинкь князнык, ды соняпѕы [1]) чугун бряньть марта мастырысь эзь гирьдифьть [2]). Минкь модат ульпистьпарт; вирь, луга ульпистьзяры мелет; секс минкь мастырыньть лангкс Рузынь зельми прась. Минкь мастырыньть ваксcы ульнись Рузынь мастыр. Рузынь гнязись ульпись минкь князьдыньть превей. Сась Рузынь гнязись минкь князиньтинь [3]) ды мере: «минкь модат!»—«Мезиаразьди, эль а миса», мери минкь князись. И сынь ладясть истя: Рузынь гнязись варчи эсь народэнѕы юткcты [4]) ломань; се ломанньть киргава тапарямс пикст, зяры ломанньтинь гирьдивить, и зяры мода се пиксысь захвате, се модась Рузынь гнязиньтинь. Рузынь гнязись варчась вийў ломань, тапарясь киргаванѕы чувини карькске, зяры тенѕы кандуви ды ветези минкь князиньтинь. Мельи кармасть се карьксыньть калафтумы ды

1) соньдянѕа. 2) кирьдиў. 3) князиньтий. 4) эсь нароцтэньть.

Татары. А на той сторонѣ Волги, напротивъ земель Болгаръ и Татаръ, была земля Эрзяковъ. У насъ былъ свой собственный князь, но онъ со своей головой, похожей на пустой чугунъ, не могъ удержать этой земли. У насъ были хорошія земли; лѣсу, луговъ у насъ было сколько угодно; оттого русскіе позавидовали на нашу землю. Рядомъ съ нашей землей была русская земля. Русскій князь былъ умнѣе нашего князя. Русскій князь пришелъ къ нашему князю и говоритъ: «продай свою землю!» «Отчего же, или не продамъ», отвѣчаетъ нашъ князь. И они поладили на слѣдующемъ: русскій князь выберетъ въ своемъ народѣ человѣка; вокругъ шеи этого человѣка (должно) навертѣть веревку, сколько можетъ удержать и сколько захватить земли эта веревка — земля эта (будетъ принадлежать) русскому князю. Русскій князь выбралъ сильнаго человѣка, навертѣлъ вокругъ его шеи столько тонкой бечевочки, сколько онъ могъ вы-

минникь моданьть кругом даргама; таргасть-таргасть ды се карьксысь веси Эрьѕянь мастырыньть перька [1]) сатыцъ. Сесты уш мининкь князинык кармасть ульнпмп Руст. Ульльдяря князись тоньцеть мастырынь ломань, ялы жаллянньѕить», мери покщам.

Теды покщам марясь Самарскый губерьняса. Весть князись кучиньѕи брус мельга покщедень. Покщам зесты ульнись одѕёрэне. Самара городты сынь васьсть Эрьѕянь атине, тостэнь эреця, сон дест теды ёфьнесь.

Ваны месть ёфьнесь ве баба: «Моняпь нень ёфьненьѕи Салда атясь, сон Бугач ниньть как содасэ», мери бабась. (Салда кулысь кафты сятт готца). «Тесы вели арасиль, а вели алуў даркась пара. Колмы атят тусть орожьянинь. Орожьясь мерьць атятьнинпнь

1) перьть.

держать, и повелъ его къ нашему князю. Потомъ они начали развертывать эту бечевку и протягивать ее вокругъ нашей земли; протягивали-протягивали вокругъ, и та бечевка хватила вокругъ всей Эрзянской земли. Съ тѣхъ поръ нашими князьями стали Русскіе. Если бы князь былъ человѣкомъ твоей земли, онъ бы все-таки тебя пожалѣлъ», говоритъ мой дѣдъ.

Объ этомъ дѣдъ мой узналъ въ Самарской губерніи. Однажды князь послалъ дѣда моего съ другими (крестьянами) за брусьями. Дѣдъ мой былъ тогда молодымъ человѣкомъ. Въ городѣ Самарѣ они встрѣтили старичка Эрзяка, тамошняго жителя; онъ имъ объ этомъ разсказалъ.

Вотъ что разсказала одна старуха: «Мнѣ это разсказалъ старикъ Салда, онъ знаетъ и Пугачевское время», говоритъ старуха. (Салда умеръ двухсотъ лѣтъ). «Тогда не было села, а подъ селомъ красивое мѣсто. Три старика пошли къ ворожеѣ. Ворожея при-

велепь даркапьтинь голмы стольть теемс. Састь атятьни, мольцьть Олешка латкуў, дейсть столь. Апьцяк ойсесть ярцама, валксь ажия пряс сезьган. Стясть атятьни, тусть колмы ведепь брамс. Тейсть атятьпи столь. Аньцпкь ойсесть ярцама, валксть кафты гулькинить вакан грайс ды ваканцтыньть клюкить. Тусть атятьни таты орожьяпьтипь. Орожьясь мере: омбоцп таркась седи пара, озада колмы ведень брамс. Мельп кармасть народ бурпама и веленьть сроезь», — мери бабась.

Ве бабиниинь ёфнема:

N юты ульцява, пакша ёрць кискапѕы лаҥкс. N бакшаньть печкезе, пидизе и мерьць лакеепьтей максумапѕы столаҥкс. Лакеесь сапзи куфиясты пидизь бакшапьть и тусь кардазыньдрокс кандумапѕы боярыньтинь. Кардазыпьдрокс ютамсты лакеепьть мейсь бути пильгизы поҥксь ды пупурьдясь сон. Пидизь бакшась тёрёлкапьть лаҥксты прась, а кискатьпи капудизь ды

казала старикамъ поставить три обѣда на мѣстѣ села. Пришли старики, пошли въ Олешкинъ оврагъ, поставили обѣдъ. Только лишь сѣли кушать, сѣла па оглоблю сорока. Встали старики, пошли къ тремъ воднымъ источникамъ. Поставили старики обѣдъ. Только лишь сѣли кушать, сѣли двѣ голубки къ краю чашки и клюютъ изъ чашки. Пошли старики опять къ ворожеѣ. Ворожея говоритъ: второе мѣсто лучше, селитесь у трехъ водныхъ источниковъ. Потомъ народъ сталъ собираться и построили село», — говоритъ старуха.

сэвезь. Лакеесь мольць боярыньтинь ды мере: «ведь бакшапьть кискат капудизь ды сэвезь». А N лакеепьтей мере: «кисканинь гисканьзьмерьть».

Ве бабинпнь ёфнема:

Сы сокамы ланга. Боярысь паньцыньэп цёратьпинь зокама. Кадыньдляряй зёрась ц́елезьпя, чавить-чавить эйсэнзы, тия-тува жывсты кацызь.

Ве бабпнинь эрямы чиңза, копань [1]) зоньць ёфненьзе:

Монь уш сяды годэп. Ульнисть кафты, колмы ли годэп, кода мон гадувинь зирётакс. Тятянь лемезы ульнись Аляксяндра, а яваньМатирпа. Се шкапьть народ ульнисть барцкыйть. Аньцяк кеперьцьть кулума тятян аван, князись сапзы тятянь барычиньть

1) конатьнинь.

Разсказъ одной старушки:

Придетъ пашня. Баринъ пошлетъ мужиковъ пахать. Если оставитъ мужикъ цѣлизну, бьютъ-бьютъ его, еле живымъ его оставятъ.

Жизнь одной старушки, которую она сама разсказала:

Мнѣ ужъ сто лѣтъ. Мнѣ было два или три года, когда я осталась сиротой. Отцу имя было Александръ, а матери Матрена. Въ то время народъ былъ барскимъ. Лишь только успѣли помереть мой отецъ и мать, баринъ взялъ себѣ имущество моего отца,

эстяпsа, моп гадувнпь мепель алуў. Паспба, листь куваллан бары ломатть: сапмнзь монь Эмпрчопыпгкат. Смпрчопыпгкапь гецы моп эрепь гемень готт; сыпцт кецыяк эрямусь ульнпсь пары, апьцякъ секс, шты лиясы эрямс ульнпсь пекоса. Ульппсть каўксывейксы годэп, а монь уш Смпрчопэлькат кармафтымпзь ведепьбеııгень ганлиме.

Ве шканп моп роботэнь барчтппаса,. ульнипь оддейтерьпе. Мольцъ ваксызыпык кривойсь [1]). — Те кіе? мери кривойсь. — Те спрёта, Кирипнь Аляксяндрапь дейтерь, мери народэсь.—Мольцъ кривойсь чокшип каптораў п мери князиньтий: «мон зырыпшь Огапнпь мупнь гозяйка». Князись мере: «се мези аразьде, вепчамс ды арафтумс урок». Монь вепчемезь зырыпнь Ога марта; ульпистъ сесты монь геветеп годэп. Каўксыньгемепь год эрепь мирьди экшса, а ней ветепп гоц дован.

Кода монь максымпзь мирьдиппнь, народ ульпись оброкса. Машты тундынь робота, князись максы цёратьпнипь билетт,

1) кривоесь

я осталась подъ открытымъ псбомъ. Спаспбо, вышли ко мнѣ добрые люди: меня взяли Смирновы. У Смирновыхъ я жила десять лѣтъ; и у нихъ житье было хорошее только потому, что жить въ другомъ мѣстѣ было негдѣ. Мнѣ было восемь-девять лѣтъ, а Смирновы ужъ заставляли меня носить воду и дрова.

Однажды я работала на барщинѣ, была я взрослою дѣвушкой. Близъ насъ проходилъ кривой (барскій староста).—Это кто? спрашиваетъ кривой.—Это сирота, дочь Кирѣя Александрова,—отвѣчаетъ народъ.—Пошелъ кривой вечеромъ въ контору и говоритъ князю: «я нашелъ жену старому Агаѳону». Князь говоритъ: «это ничего не значитъ, повѣнчать и назначить урокъ». Меня повѣнчали со старымъ Агаѳономъ, мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ. Я жила за мужемъ восемьдесятъ лѣтъ, а теперь пятый годъ я вдова.

Когда меня отдали замужъ, народъ былъ на оброкѣ. Кончится весенняя работа, князь даетъ мужикамъ билеты, посылаетъ

кучсыньѕп Узпнаў роботама. Роботэть цёратьпп Узпнасы котэшка педля, сыть кудуў, макссызь ярмакнпнь гнязпытпй оброконь гпс.

Сыть цёратьпп Узпнасты, кармаўсыньѕп князпсь ткшынь ледеме. А зярц цёратьпп роботэть Узпнаса, се шканьть князпсь аватьпнпнь гепты канават чувуфтэ. Ёрдат-ёрдат, ауль гедст, а пръдпзыт как сэредеть.

Ве шканп атясь барпкый аўпяса пулцт костясь, а монь бенгеп арасть. Кармасть народ впривь зыргама. — Сапмпзь монь гак! меряп моп жабратьпппнь.—Адя! мереть шабратьне. Кпльдинь боводень, дунпь впрпвь, а теўсь ульппсь телп купчкапе. Молепскь впривь, герепскь оспэнь, лифьтпппкь впрьушуў. Монь ѕёратьпппь марты друк озом эзь геряфт¹), впрьушуў гак лпфьтппп озэпьть ломаньды мельп. Аньцпкь алашам впрьцтыньть лпфьтппе, полдэпе обозэпьть мельга, лець мелезэп—узпримь впрьц стуф-

1) геряў

пхъ работать на Узепь. Поработаютъ мужпкп па Узепп педѣль съ шесть, прпдутъ домой, отдадутъ деньгп кпязю за оброкъ.

Прпдутъ мужпкп съ Узепп, кпязь заставптъ косить траву. А сколько времепп мужпкп работаютъ па Узепп, въ это время кпязь заставляетъ жепщппъ рыть капавы. Кпдаешь-кпдаешь, пе рукп одни, а и ребра болятъ у тебя.

Однажды старикъ сушилъ сноны въ барскомъ овппѣ, а у меня пе было дровъ. Народъ сталъ собпраться въ лѣсъ. — Возьмите п меня! говорю я шабрамъ. — Идп! говорятъ шабры. Запрягла я, поѣхала въ лѣсъ, а дѣло это было въ середппѣ зимы. Мы пріѣхали въ лѣсъ, парубили возы, вывезли пзъ лѣса. Мой возъ пе былъ нарубленъ вмѣстѣ съ мужпкамп, п я вывезла возъ послѣ людей. Лпшь только я вывела свою лошадь пзъ лѣса и пустила ее за обозомъ, я вспомнила, что позабыла свой топоръ въ лѣсу. Мужпкамъ я пе сказала, вернулась пазадъ въ лѣсъ за своимъ топоромъ. Лошадь пошла за обозомъ, а я сама вернулась,

тыне. Цёратьнинзь эзень ёфта, веляфтызь мекеў вирнў узпримь мельга. Алашам дусь обозэнть мельга, а моньць веляфтызь, узпринть муние, лисинь вирьцтынть и тунзь обозэнть сасама. Чинзь цинзь, обозэсь эзь засафт, сизинь, гарминь гельмеме. Народэсь пачкицьть кудуў, фатясть: мои арасян; веси веленекь веляўсть монь вешеме. Муимизь, гулысты кудуў ускимизь.

Князинть улынсь пекь ламы видинь зюрыза; ве пирьсь эзь гелькть. Князсь тейсь пакся купчкас пирe, Арчиловонть эйсты кеменьчка вайгильбень даркашка. Князинть ульнесь мелезы сезэй деемс од веле. Се веленьть срояксылизи козяйкансы лемс; кудыньнинзь бутыксыль барт, вельтяксылинзьsи кшниса. А бурьмистынтинь зе таркась эстянsы ульнесь мелезы саимс. Сон бурнась арасчисы ломатть, калафнинзьsи кудынист, панинзьsи зимовьяў. Минь ульнинек бедиэйть, бурьмистысь кудынык калафтызи, панимизь зимовьяў. Вешкани, тели купчкани, мои боздань аламуды роботас. Бурьмистысь ускесь ток лангс ведьбоцька, кай-

---

нашла топоръ, вышла изъ лѣса и пошла нагонять обозъ. Бѣжала-бѣжала, обозъ я не пагнала, устала, стала мерзнуть. Народъ подошелъ къ дому и замѣтилъ, что меня нѣтъ; всѣмъ селомъ вернулись искать меня. Нашли меня, обмертвѣвшею привезли меня домой.

У князя было очень много посѣяннаго хлѣба; одно гумно не могло вмѣстить. Князь устроилъ въ серединѣ поля гумно, въ разстояніи около десяти верстъ отъ Арчилова. У князя была мысль построить тамъ новое село. Это село онъ строилъ во имя своей жены; дома онъ ставилъ хорошіе, крылъ ихъ желѣзомъ. А у бурмистра была мысль взять то мѣсто себѣ. Онъ собиралъ бѣдныхъ людей, разрушалъ ихъ избушки, угонялъ ихъ на зимовьё. Мы были бѣдны, бурмистръ разрушилъ нашъ домъ, погналъ насъ на зимовьё. Однажды въ серединѣ зимы я немного запоздала на работѣ. Бурмистръ привезъ на токъ бочку воды, велѣлъ снять мнѣ одежду и облилъ меня въ серединѣ зимы на току

сифтиньѕи орчамуп, экшелемемь телп купчкапи ток лапксы кельмп веца. Мельи зимовьясты папимпзь мекеў Арчиловоў.

Тунда, сокамы маштызь, князпсь максы цёратьпиппь бплетт, кучсыпьѕи Узпнаў роботакшнума; улпзы мейсы оброк пандумс. А кода сы кочкомы лапга, бурьмистысь кочкомы кармаўсыньѕп аватьнипь. А кенерепьдяряй авась умапѕы кочкома, бурьмистысь чаўсэ. Ве ава пстя пекь чаўсь, патай авась кулысь.

Ве бабипинь ёфьнема:

Мопь бовнлмга мпппкь велесы арасиль барцкый гардаз. Мельп сась велепьтень боярць, кармафтымизь барцкый гардазыпь зрояма. Конатьпипь гармафтыньѕи аўпяпь дееме, копатьпипь гудыпь дееме, конатьнипь ганавапь цуума, копатьпипь цуфтынь озафниме. Тейненекь кирьпицьть, капляникь сёвотть.

холодпой водой. Потомъ съ зимовья насъ погпали назадъ въ Арчиловъ.

Весной, по окопчаніи пашни, князь дастъ мужикамъ билеты, пошлетъ ихъ на Узень работать; пусть будетъ чѣмъ заплатить оброкъ. А когда пастапетъ время полки, бурмистръ заставитъ женщинъ полоть. А не успѣетъ женщина выполоть свой загонъ, бурмистръ бьетъ ее. Одну женщину такъ билъ, что она даже померла.

Разсказъ одной старушки:

На моей памяти въ селѣ нашемъ не было барскаго двора. Затѣмъ пришелъ въ село баринъ и заставилъ насъ строить барскій дворъ. Кого заставилъ дѣлать овинъ, кого избу, кого рыть канаву, кого сажать деревья. Дѣлали мы кирпичи, носили глину.

Ве баба от месть ёфьнесь:

Ух! цёракай, мерп бабась. — Ульпись мопь бовнямга Цебарька баба; соп гулысь кафты сятт готца, соп Бугач віtьпшь барьцти поўпеньѕе. Седиклли лисп Цебарька ульцяў, озы кудыбокас и мере: «вай, бурпаўды як ваксызьш, кулцыпьымпзьга[1]), месть моп ёфьняп деіткь Пугач віtьпида». Народэсь пурумить[2]), арцить Цебарьканъ берька[3]) ды кулцыпыть. Цебарька карми ёфьпеме: «Когда сыть Пугачпэ, мппь веси кекшпетяпа. Пугачпы варчтыть, кияк арась, кармить мппиьк маньчпмс: «мазый ават, пары ават, лиспда! Пугач мекеў дусь, Губан бипитьни мекеў дусть!» А мпнь зодасьшпк, соп маньче, а листяпа. Мельи топадышпк, кармппиьк Пугачныпь марты ве таркасы эряма. Пугачпы кресьятт эсть токпе, сынь бояртпыпь бекь эзезь вечькть. Аньцяк Пугачпсь муп бояр, бряпѕы керясы ды ёрцы прок кпскапьть. Бояртны вапцызь—дефьть берлтть, кармасть кресьяпкс орчпеме.

1) кулцынымизьгак 2) прумить 3) берьть

Одна старуха вотъ что разсказала:

Ухъ, сыпокъ, говоритъ старуха.—На моей памяти была баба Цебарка (имя); она умерла двухсотъ лѣтъ, опа хорошо помнила Пугачевское время. Въ старипу (бывало) Цебарка выйдетъ па улицу, сядетъ па завалпнку и скажетъ: «эй, собирайтесь-ка близъ меня, послушайте меня, что̀ я разскажу вамъ о Пугачевскомъ времени». Народъ соберется, станетъ вокругъ Цебарки и слушаетъ. Цебарка пачнетъ разсказывать: «Когда придутъ Пугачевцы, мы всѣ спрячемся. Пугачовцы видятъ, что никого нѣтъ, начнутъ насъ манить»: хорошенькія женщины, добрыя женщины, выходите! Пугачевъ ушелъ назадъ, Кубанцы собаки ушли назадъ!» А мы знаемъ, что опъ заманиваетъ, не выходимъ. Потомъ мы привыкли, стали жить съ Пугачевцами въ одномъ мѣстѣ. Пугачевцы крестьянъ не трогали, они очень не любили господъ. Лишь только Пугачевъ найдетъ барина, онъ срубитъ ему голову и бросить словно собаку. Господа видятъ—дѣло плохо, начали одѣ-

А кресьятны бояртнышь лашкс кежейть, ёфтасызь боярышть Пугачнышнь. Пугачны молеть боярыштянь и кевьксэзь: дон типят?—Кресьянан! мери боярысь. — Нефьтетя кедет! мери Пугачнсь. Боярысь нефцэнье. — Тонь гедет пекь ашыт, тон эряват поамсъ,—и поасызь боярышть. Истя Пугачны бояртнынь веси и поўсекшнэзь. Сень гуалт Пугачнышнь баснба; куа Пас мерн тест якамуды, сия пары неест. Ауль аньцяк бояртнышнь берянь дейсть Пугачнэ, миняшкь [1]) как сынь ламы горя тейсть: пекь ламы ават, тейтерьть сынь заласть. Лиясты авась лиси пешкс, вец, муськиме, эль лиyў гоў гак, капутьцызь Бугачнэ, саласызь эсь мастырызыст. Вешкани саласть тейтерь, максызь Датарнышь гозяйкакс. Мельн саласть одзёра, максызь зе тейтерешьтень пяньвакс, а се цёрась се тейтерешть ялаксыза [2]).

1) миньдяшкь 2) См. пѣсню: «Вирь чирисы эрьзянь зёрась пешкть кере». (Прим. Р. Учаева).

ваться по крестьянски. А крестьяне сердиты на господъ, скажутъ Пугачеву про барина. Пугачевцы подойдутъ къ барину и спросятъ его: ты кто?—Я крестьянинъ! скажетъ баринъ.—Покажи-ка свои руки! скажетъ Пугачевецъ. Баринъ покажетъ. — Твои руки больно бѣлыя, тебя надо повѣсить, — и повѣсятъ барина. Такимъ образомъ Пугачевцы и перевѣшали всѣхъ господъ. За то спасибо Пугачевцамъ. Куда Богъ прикажетъ имъ идти, тамъ пусть они увидятъ хорошее. Однако не только господамъ дѣлали зло Пугачевцы, и намъ они сдѣлали много горя: они крали очень много женщинъ и дѣвушекъ. Другой разъ женщина выйдетъ за дровами, за водой, постирать или куда въ иное мѣсто,— Пугачевцы схватятъ ее, потащутъ въ свою землю. Однажды украли дѣвушку, отдали ее въ жены татарину. Затѣмъ украли мальчика, дали въ няньки къ той дѣвушкѣ, а мальчикъ былъ братомъ той дѣвушки.

Отдѣлъ II. Обычаи.

А. Оркино.

Ḿińi·k̀ śedìki·ľä apak ľäḿďakyḷť. Ozne·śeśť äś ko·jsest. Syń vot kyda· o·zneśeśť. Kočkśe·śť syŕä a·ťa. Śe uľńiś Ńiškipa·zyst, a eščo·uľńiś pa·zyst ḿä·ńiľca; śeńen uľńiś ľäḿ V́e·ŕepaz. O·znoma ta·rkast uľńiś v́ä·χk̀i latksa, latksyńť o·źera, o·źeraś säŕi·j, oźerańt kra·jsa ku·da. Śe ku·dyńťi puru·mkšnyśť ozno·ma. Kona· čystyńť puru·mums ozno·ma, Ńišk̀ipa·zyst kuźä kudypo·tmare, a naro·deś puru·ḿä kudy·ńťi; kandy·ť ḿińićuna: k̀i vaz v́eťä·, Ḱi ŕe·v́ä v́eťä, k̀i tuva pańä; ńeń jala V́eŕepaznyń; i karḿi·ť ozno·ma. Ozno·m-

---

Наши были въ старину некрещеными. Они молились по своему. Вотъ какъ они молились. Выбирали старика. Это былъ ихъ Нишкипазъ, а еще у нихъ былъ богъ на небѣ; тому имя было Верепазъ. Мѣсто молитвы было у нихъ въ одной долинѣ; въ той долинѣ было озеро, озеро глубокое, а на берегу озера домъ. Они собирались на молитву въ тотъ домъ. Въ тотъ день, когда должно собраться на молитву, ихъ Нишкипазъ залѣзетъ на подволоку, а народъ соберется въ домъ; нанесутъ всякую всячину: кто приведетъ теленка, кто приведетъ овцу, кто пригонитъ свинью; это все для Верепаза; и начнутъ молиться. Молясь, говорили

sta i·śťa korta·śť: «Ńiški Pas, Pokš Pas, kořme·ńeć, makst ťäńi·k śu·ra», a śe Ńiškipazyś kudypo·tmarcta karčyzyst sa·sta me·ťä: «maksa·n!» Syń ta·gy väšy·ť: «Ńiški Pas, Pokš Pas, kořme·ńeć uľi·za o·lgeza ažyja·ška».—«Uľä·!»—«Ńiški Pas, Pokš Pas, kořme·ńeć, kolozy·za uľi·za ťažapä·ška».—«Uľä!»—«Rože·ńť žorna·za uľi·za päńč ńačka».—«Uľä·!»—«A skoťe·nańťi makst čumbra·čy».—«Maksa·n!»—«Skoťe·naś vä·śij rašta·za.»—«Raštä·!»—«I äśťäńik makst čumbra·čy».—«Maksan!»—I iśťa· väšyť mäži me·ľezest para. Mäjľä śe Ńiškipa·zyś kyřńa·ftä kudypo·tmarctyńť väc i uji· väďa·lga sa·ńdij pu·lys i kekšä· śeze·ń. Śesta naro·deś strady·ť kudga.

A mon stufty·ńä jofta·ms. Oznoma·da i·kiľä, syń jakši·śť väľiń ba·ńas. Bańa·ś uľńi·ś ľi·ja la·tksa. Śe la·tkyńť ľämiza ńejga·k Bańala·tka. Kyda ba·ńasyńť pa·řiť, ľi·śiť to·sta, moľe·ť Čakš la·tkuŋ.

такъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, дай намъ хлѣба», а тотъ Нишкипазъ съ подволоки въ отвѣтъ имъ говоритъ потихоньку: «дамъ!» Они опять просятъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да будетъ у него (у хлѣба) солома толщиной съ оглоблю».—«Будетъ!»—«Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да будетъ его колосъ съ конецъ тяжа».—«Будетъ!»—«Зерно ржи да будетъ съ черенокъ ложки».—«Будетъ!».—«А скоту дай здоровье».—«Дамъ!»—«Скотина вся да принесетъ приплодъ».—«Принесетъ приплодъ!»—«И намъ дай здоровье».—«Дамъ!»—И такимъ образомъ просятъ что̀ для нихъ хорошо. Затѣмъ тотъ Нишкипазъ соскочитъ съ подволоки въ воду и поплыветъ подъ водой къ камышамъ и спрячется туда. Тогда народъ разойдется по домамъ.

А я забылъ разсказать. Передъ молитвой они ходили въ мірскую баню. Баня находилась въ другой долинѣ. Имя той долины и теперь Банялатка. Послѣ того какъ они выпарятся въ банѣ,

Śe ta·gy ľi·ja. Śe la·tksyńť äŕći·ś v́ä·ľiń čakšyst. Śe latksyńť oḃe·ďeḷť, a ḿäjľä tukšny·śť ozno·ma śe Ńiškipa·zyńťi. Iľa duma·, syń iśťa śäji·cta jakśiśt śe Ńiškipa·zyńťi oznėśe·ḿä: syń iśťa· jakśi·śť oznė·-śeḿä godėńťe kaukśť ko·lmókśť, ato śe Ńiškipa·zyś jakśi·ś v́ä·ľiva v́ä·ť. Moľi vaľma·luu i kulcy·nä, ki ḿä·źi v́äšä. Tosy·v́äľińi·k v́äšy·ť, v́äľiń ťäu v́äšy·ť, a ťesa śeḿejańi·k v́äšy·ť, śeḿe·jań ḿe·lka ťäťť v́äšyť. Ḱi·ńiń ḿäźi ä·ŕäv́ä, śe śeń i v́äšä. Ḱi v́äšä: «Ńiški Pas, na kant moń ćorė·ńeńeń tonačiu», ki poŋkst pa·naṛt, ki aḷt, ki uma·ṛť, kiń ḿä·źiza u·ľä. Ḱi ḿäźi ku·čä, son ḿeŕä: «makscy·ń»! Makscyź ťänza vaľmava, son ańe·jav́ä; son sa·jsyńʒä i tujä·. A ḃiďä pokš lo·mańiś kuly·ś, syń avy·ľ ańćik poŋkst pa·-naṛt kučńi·śť, umaṛť dy aḷt; v́inaja·k kučńiśť, tabakt ka·k kučńi·śť. Syń śe·sta duma·śť: kona· kulä·, śe tonačy·sa jarcä·. Ḃiďä ḿä·źi tou kuča·t, son ńeďä ja·rcä tosa·, a ḃiďä ḿäźija·k aku·čat ťänza, son tosa va·čä äŕä· i raŋgä. Śeks iśťa· i kučńi·śť. A ḃiďä kuly·ś lo·mańiś dauno·, sońďeďenʒa ḿäjľä ťe·sa uš uľi·ḿä karḿi·ť nućka·ń

они выйдутъ оттуда, пойдутъ въ Чакшлатку (горшечную долину). То опять другая (долина). Въ той долинѣ стоялъ мірской горшокъ. Въ той долинѣ они обѣдали, а потомъ ходили молиться тому Нишкипазу. Не подумай, чтобы они часто такъ ходили молиться тому Нишкипазу: они такъ ходили молиться въ годъ два-три раза, — а то тотъ Нишкипазъ хаживалъ по ночамъ по селу. Подойдетъ подъ окно и слушаетъ, кто чего проситъ. Тамъ просятъ всѣмъ селомъ, просятъ о мірскомъ дѣлѣ, а здѣсь просятъ всей семьей, просятъ о мелкихъ семейныхъ дѣлахъ. Кому что нужно, тотъ о томъ и проситъ. Кто проситъ: «Нишкипазъ, возьми неси моему сынку на тотъ свѣтъ», кто (даетъ) штаны и рубашку, кто яйца, кто яблоки, у кого что есть. Кто чего посылаетъ, (а) онъ говоритъ: «отдамъ!» Дадутъ ему въ окошко, а его не видно; онъ возьметъ это и пойдетъ. А если умеръ взрослый человѣкъ, они посылали не только штаны и рубашку, яблоки и яйца; они посылали также вино, посылали также табакъ. Они тогда думали: кто умретъ,

nu·ćkat, to śeńeń śe kuly·źiś jakśä· vanftu·myn͡za, koda· by šajťan ḿäźin͡za jak äśśä saj, koda by äjďin͡za avy·ľćä pola·ft. Śe kuly·loma·ńińťi ḿeŕńeśť: ćur!

Ḿińi·ḱ ńejga·k ḱäḿi·ť ťän͡za. Koda·k äjdińť lauśe pucy·ź, v́äľťa·syź i ćura·syź ṕiŕa·syź. Daža äśṕŕa·nyk kak śäji·cta ṕiŕći·-syńiḱ ńejga·k. Pry·ḿer: koda· sy bu·ŕa ča·raź, śesta· ḿiń gorta-tana: ćur Paśśa·ŋgyť, ćur Paśśa·ŋgyť[1]). Iśťa· korṭė·ť buŕeńť juta·ms. A ešćo· źardy äŕä χaľe·ra, χyť skaly·ń, χyť loma·ńiń, śesta tuji·ť v́äľińi·ḱ ćuŕa·ma ṕiŕa·ma. Nu tosa avy·ľ iśťa ṕiŕi·ť; sa·jiť so·ka i uśki·ť äjsyn͡za ťäχťiŕť, avyľ ava·t (avaťńä avyľ vańkst, ńeť akuń-ćiť, ćora·ťńä ja·k aku·ńćiť, a·ńćik od͡zo·rat kuńći·ť). Iśťa·ju·tyť v́äľiń krugo·m karkstu·ma narodė·ś, v́äśiń puly·st pľeťeškast no·ldaft. Kua moľe·ť, śija v́äśi korṭė·ť sa·lava: ćur Paśśa·ŋgyť, i juty·ť v́ä-ľi·ńť krugo·m. Ḿäjľä tu·jiť v́äśi v́äľi·ń uľća·ťńä äzga, iśťa·ža soka·syńť bo·rozda ťäji·ť, a ko·sy u·ľä sy·ŕä a·ťińä äľi ba·bińä,

1) Вмѣсто Pas čaŋgyt'.

тотъ съѣстъ на томъ свѣтѣ. Если что пошлешь туда, онъ это тамъ съѣстъ, а если ничего не пошлешь ему, онъ будетъ жить тамъ голоднымъ и рыдать. Поэтому они такъ и посылали. А если человѣкъ умеръ давно, и здѣсь послѣ него будутъ уже внуки отъ внуковъ, то къ нимъ тотъ покойникъ ходитъ караулить, какъ бы шайтанъ не взялъ у нихъ чего-нибудь, какъ бы онъ не обмѣнялъ ихъ дѣтей. Такому покойнику они говорили: чуръ!

У насъ теперь и вѣрятъ въ него. Когда кладутъ ребенка въ зыбку, его покроютъ зачураютъ и «огородятъ». Даже и самихъ себя мы и теперь часто «огораживаемъ». Напримѣръ: когда настанетъ буря съ вихремъ, тогда мы говоримъ: чуръ, помилуй Богъ, чуръ, помилуй Богъ! Такъ говорятъ до конца бури. И еще: когда бываетъ моръ, хоть коровій, хоть людской, тогда ходятъ всѣмъ селомъ чурать и «огораживать». Но тамъ огораживаютъ не такъ; возьмутъ соху и везутъ ее дѣвушки, не женщины (женщины не чисты, онѣ не берутся, мужики также не берутся, берутся только

śezė·ń ťäji·ť kŕost so·kasyńť, prok śe lo·mańiń makšny·syź kuluma·ńťi. Koda·k v́äši ju·tasyź, ḿäjľä straľi·ť ku·dga, a jakśi·ť v́äť.

Nu ḿińi·k ńejga·k kadu·ųśť lama śedľiki·ľiń obo·ćanyk i ozno·manyk. Koda śedľikiľä jakśiśť Bańala·tkuų i Čakšla·tkuų oľedama, ḿińik ńejga·k ťe ko·jenėk v́eťev́ä, a·ńćik ľija·ks. Pry·ḿer. Kyda· lo·mańiś ku·lä, ka·lmasyź, po·ḿenasyź; kafty čy·ťju·tyť, a kolmoce čyńť ka·rča v́a·styńť čo·kšńestėńť ušty·ť ba·ńa. Puru·ḿä naro·d, pa·ŕiť tosa, vaśńa· ćora·t, ḿäjľä ava·t a śeŕť ḿäjľi kaduv́ä sy·ŕi ba·ľińä, i śe baľi·ńiś sajsy· kuly·ćäńť pana·rynʒa i saji· ṕäjľ i saji· groš. Pana·ryńť ka·jasy bańa·käŋkš po·rogońť troks i karḿä·saji·ḿä; kärč ke·ďezėnʒa grošońť sajsy·, a v́iť ke-

---

холостые парни). Такимъ образомъ пройдетъ вокругъ села народъ, снявши пояса, у всѣхъ распущены волосы и косы. Гдѣ идутъ, тамъ всѣ говорятъ потихоньку: чуръ, помилуй Богъ! и пройдутъ вокругъ села. Потомъ пойдутъ по всѣмъ улицамъ села и такъ же проводятъ борозду сохой, а гдѣ есть старый старикъ или старушка, тамъ сохой обводятъ крестъ, точно будто отдаютъ того человѣка смерти. Когда обойдутъ всё, тогда разойдутся по домамъ а ходятъ ночью.

У насъ и теперь осталось много старинныхъ обычаевъ и молитвъ. Какъ въ старину ходили въ Банялатку и обѣдать въ Чакшлатку, такъ у насъ теперь ведется этотъ обычай, но по другому. Напримѣръ. Когда умретъ человѣкъ, его похоронятъ и устроятъ по немъ поминки; пройдетъ два дня, а наканунѣ третьяго дня въ ночь съ вечера топятъ баню. Народъ соберется, парится тамъ, сначала мужчины, затѣмъ женщины, а послѣ всѣхъ останется старая старушка, и та старушка возьметъ рубашку покойника и возьметъ ножъ и возьметъ грошъ. Бросить она рубашку черезъ

ďezėnʒa ṕäji·ľińť, ko·ḿä pana·ryńť v́äľksc i karḿä· lou̯no·ma: «Ḿi·ťŕij (b́iďä ku·lyćäńť ľäḿiza Ḿi·ťŕij, äľä koda to·sa kulyćäńť ľäḿiza, iśťa i ḿeŕä), sak paŕa·ma, šľiť-nardyť kedńe·t ṕiľǵi·ńit, ťäŕďi·ť mary·t pokščä·ťńiń baba·ťńiń, syńďa·st ušty·ť, syń ga·k toń ťäŕťa·dyź; ťäŕť śeďä ińa·ldyź, ton oc syćat ä·ŕićat. A tyń, pokšča·t baba·t, iľada pokška·ńä, kulcynyŋḱ ća·ldumanʒa, ṕŕiḿi·ŋḱ jutky·zyŋk, sa·dy v́äχca šľa·ma narda·ma». Vot karḿä· äŕv́äχkiń ľämsa ťäŕďiḿä; konat ťänʒa śeťť ma·lav́iks roďńa·, śeń śeťť i·kiľij kundasyj ľäḿi·nʒa. Pry·ḿer: Marfa. «Ton, Marfa, avyľ čužyj lo·mańat, sak, jalgat kak ťäŕďi·ť; ton gak, Ďŕiga, ḿińćińik, ton gak sak, maryt kak v́eťa·k, šľi·ť nardy·ť kaŕa·zyt lo·važat». I karḿi lou̯no·ma źara pomńä äŕv́ä·χkiń sońćeń ľä·msa kuly·ćäńť roď-ńa·nʒa raśḱi·nʒa. Ḿäjľä sońće·ń raśḱi·nʒa: «tyń gak, mońćeń roď-ńaťńä, sada· paŕa·da»· Tagy ka·rḿä ľämsa ťäŕďiḿä äŕv́äχkiń, ko-na·ń pomńa·syńʒä: «a tyń Ḿiťŕijiń raśkt ro·ďńat, iľady ḱežė·jaft, b́iďi syń syť; kodaja·k v́äχca·v́äχca v́äďi·ś sa·tä, pary·ś lama,

---

порогъ банной двери и станетъ брать; въ лѣвую руку возьметъ грошъ, а въ правую ножъ, нагнется надъ рубашкой и станетъ причитывать: «Дмитрій (если имя покойника Дмитрій, или какое имя тамъ у покойника, такъ она и назоветъ), приди париться, вымой вытри ручки-ножки, позови съ собой дѣвушекъ и бабушекъ, для нихъ ты топилъ, и они также тебя позовутъ; зови упрашивая, ты новый пришлецъ и житель. А вы, дѣдушки и бабушки, не гордитесь, послушайте его просьбу, примите его въ вашу среду, придите вмѣстѣ мыться и вытираться». Вотъ она начнетъ звать каждаго по имени; кто ему ближе всѣхъ родня, имена тѣхъ она переберетъ прежде всѣхъ. Напримѣръ: Мароа. «Ты, Мароа, не чужой человѣкъ приди и позови также подругъ; и ты, Григорій—нашъ, и ты приди и веди съ собой, вымой-вытри спину и кости». И начнетъ причитывать, сколько вспомнитъ, называя каждаго родственника покойника по его имени. Наконецъ, и своихъ родственниковъ: «и вы также, мои родные, приходите попарьтесь». Опять начнетъ

ťeńńä u·lit». Ḿäjľä pu·tä polókla·ŋks kome·lènʒa to·völoŋ. Očke-ńeńťc kaji· v́äďńä, puty käčińä ńäďińť v́äďińťi. Karḿi· śuky·-ńakšnuma i korta·ma: «nu, pokšča·t baba·t, sady v́äśi v́äśi v́äśi, a ḿäjľä· moľe·da kšy sa·lda jarca·ma»; i tujä· śe ku·dyńťi, kosa·kuly·ś śe loma·ńiś. A·rä ikiľčä ugylc stoľe·kšc. A ikiľčä u·gylcyńť kuly·čäńť oďe·žanʒa (b́i·ďi čora, poŋkst panart, a b́i·ďä a·va, ru·čat pa·nart), i ozä· la·ŋgyzyst, pucyj śe grošèńť la·ŋgyzyst. Ḿäjľi·karḿiť puru·muma v́äva·ńctyčat i syŕi·ť i ott. Iäŕväχkiś ka·n-dä kšy sal; ki kandä· kšy salyńť marta groškä, ki śv́ečeńä, ki a·lnä, ki ču·ŕkińä, kiń ḿäžiza uľä, śe śeń i ka·ndä. Koda·k kona sy va-ka·nynʒa marta, sajsy· kyrgama ṕeľenʒa i makscyj śe babińi·ńťi. Sońč śuky·ńä mo·das, ḿäjľä śťi, kšysa·lynʒa ke·cènʒa ko·ḿä ka·rksams, a babi·ńiś karḿä· kyrkśi·ḿä grošèńť äľi aly·ńť äľi čuŕkańť. Koda·k v́äśť kyrka·dä, ľäḿ gundä·; v́äśi kandy·čänť ľä-ḿi·st kuńči·syńʒi, äŕvä·χkińiń ḿeŕä: «sada· kšysa·lyń varčama, a·t vana roďńaŋk saś, kšy sal ťäŋk kanč, sada·, jarca·da, uľi·stada

---

звать каждаго, кого вспомнитъ, по имени: «а вы, Дмитріевы родственники, не сердитесь, если они придутъ; какъ нибудь вмѣстѣ каждому хватитъ воды, пару много, есть метлы». Потомъ она положитъ на полку комель въ ту сторону. Въ корыточко нальетъ воды, положитъ ковшичекъ черепкомъ въ воду. Начнетъ кланяться и говорить: «ну, дѣдушки-бабушки, приходите всѣ-всѣ-всѣ, а затѣмъ приходите ѣсть хлѣба соли», и пойдетъ въ тотъ домъ, гдѣ умеръ тотъ человѣкъ. Станетъ въ передній уголъ за столъ. А въ переднемъ углу платья покойника (если мужчина, то штаны и рубашка, а если женщина, то руця и рубашка), и сядетъ она на нихъ и положитъ на нихъ тотъ грошъ. Потомъ станутъ собираться ночные караульщики и старые и молодые. И каждый несетъ хлѣбъ соль; а съ хлѣбомъ солью кто несетъ грошикъ, кто свѣчку, кто яичко, кто луковку, что у кого есть, тотъ то и несетъ. Какъ придетъ кто съ чашкой, возьметъ предметъ для скобленія и дастъ его старушкѣ. Самъ онъ поклонится въ землю, потомъ встанетъ,

ṕeškśeť, va·či iľa·da a·šča, a tyń śeńgi·sa ozne·da V́eŕepa·znyń. V́eŕepazyś maksy·za i kudys i karda·js i pakśa·s». Koda·k v́äśi lounouśť ľä·ḿńä, baba·ś alamy·da ṕŕanʒa ko·maŕcy prok śu·kyńä, a śury·ń sa·lyń gandy·ćäś śu·kyńä mo·das, ḿäjľä śťi i pucy·j vaka·-nynʒa stolľa·ŋks. Sońć o·zä v́äṕeľej. Ḿäjľi i·śťa ombo·ćä arä· śu·-ryń salyń kandyća. Baba·ś iśťa·ža lounä·, a ťe iśťa·ža aščä. A ko-na·t iki·ľij zaśť i oza·śť v́äṕe·ľej, ńeť ba·kuľakšnyť. Koda·k v́ä·śi pu·ruḿiť, koda·k maŕa·syź kury·k peľev́ä· sy, kapšyť śeďä ku·ryk u·žynama, aťakšyń mora·ms, źarc pokšča·ťńä baba·ťńä äśť tuk. A užyna·ma kyda· ka·rḿiť, o·zneť ťäjiť, o·jśeť v́äśi, baba·ś śťi·, sa·ji groš i karḿä kyrkśiḿinʒa oďežäťńä v́ä·ľksca i karḿä· ťäŕďi·ḿä v́äśi ku·la raśḱńi·ń roďńaťńiń: «sa·da ojśe·da marynyk, arći·da kru-go·mganyk, jäŕćńi·da da pat ťä·ńiḱ är·ćida, iľady ṕeńäća ksysa·-lyńť laŋks; ḿäźďi ḿińć ja·rctana, śeďi· i tyń jarca·da». Žarc son iśťa lounä, naro·deś aščä v́äśi·j śťa·da ṕŕäń ko·ḿaftyź. Kyda ńeť v́äśi lo·unouśť, saji čakškis śätḱińiť, ka·ji laŋgyzyst la·dyńńiť, sa·ji

---

нагнется до пояса, съ хлѣбомъ съ солью въ рукахъ, а старушка начнетъ скоблить грошъ или яйцо или луковку. Какъ разъ ширкнетъ, помянетъ имена всѣхъ приносящихъ и каждому скажетъ: «придите отвѣдать хлѣба соли, а то вотъ ваша родня пришла, принесла вамъ хлѣбъ-соль, кушайте, будьте сыты, не останьтесь голодными, а вы за то молитесь Верепазу. Верепазъ да дастъ и въ домъ и во дворъ и въ поле». Когда переберетъ всѣ имена, старуха нагнетъ немного голову, будто кланяется, а принесшій зерно и соль кланяется въ землю, потомъ встанетъ и поставитъ чашку на столъ. Самъ сядетъ въ сторонѣ. Послѣ того такъ же другой, принесшій зерно и соль. Старуха такъ же причитываетъ, а этотъ такъ же стоитъ. А тѣ кто пришли впередъ и сѣли въ сторонѣ, тѣ поговариваютъ. Когда всѣ соберутся и когда замѣтятъ, что скоро настанетъ полночь, они спѣшатъ какъ можно скорѣе поужинать до пѣнія пѣтуховъ, пока дѣдушки и бабушки не ушли. А когда начнутъ ужинать, помолятся и всѣ сядутъ, старуха вста-

kaša čakš, kaša čakšyńt́ laŋks ṕŕaka, o·mbôće ḱeďezėnʒa sa·ji sa·ldyrks, sa·ldyrksyńt́ laŋks la·dyn ča·kšḱińt́ i jaḱä· stoľχńeń krugo·m, a jaka·msta koṛtä: «Ńišḱi pas, Pokš pas, ko·ŕḿeńeć, ćačy·za kšysaly·ś t́äńi·ḱ i rożńe·ś i sury·ńiś i toụźernėś i čužny·ś i v́išḱi·ś i ksnaụńi·ś i čyča·v́ićäś i mušḱi·ńiś i ľonnê·ś i čynžara·myt́ńä i arbu·snä i dytnä· i uma·ṛt́ńä i kuja·rχnä i durakkujarχnä[2])». Kyda· ja·ḱä, kodamy śurysa·l ńe·jä, jala ṕŕańt́ śu·kyńasy i śury·ńt́ ľäḿi·nʒa ku·ndasy; iśt́a· jaḱi-t́äjä, o·zä, saldy·rksyńt́ ara·fcy, kšyńt́ pu·cy; kašaćakšyńt́ ma·kscyj śt́ŕapuχa·t́ńińiń[3]). La·dyn čakšḱińt́ ara·fcy pa·zava u·gylc. Śesty i ḿeŕä: «nu davajt́i ḿäźiŋk uľä·, ḿäźä Pas t́äŋḱ maksć, iľa·dy v́iśt́ ä·jstynyk, iľa·da ṕäľ pokšča·-t́ńiďä». Oďeža·t́ńiń la·ŋks pu·tä od ćapla·ška, od ṕäńčḱä. Koda·k koda·ma ṕi·šča pu·tyt́, son ḱŕosta·syj vakanyńt́ ṕäńčra, a·myľďä ä·jstynʒa alama i kaja·syj ḿäjǵäńiŕt́ śe ćapla·šḱińińt́i. Kaja·msta ḿe·ŕä: «jarca·k, jarca·k, Ḿi·t́a, jalga·t kak ka·vańit́». Ḿäjľä

1) lady·tt. 2) duja·kuja·rχnä. 3) śŕapuχa·t́ńińiń. (стар.).

нетъ, возьметъ грошъ и начнетъ скоблить его надъ одеждами и начнетъ звать всѣхъ покойныхъ родственниковъ: «приходите, сядьте съ нами, встаньте кругомъ насъ, покушайте и добра намъ желайте, не пеняйте на хлѣбъ-соль; что̀ мы сами ѣдимъ, то и вы кушайте». Пока она такъ причитываетъ, всѣ стоятъ, наклонивъ голову. Когда она всѣхъ ихъ переберетъ, она возьметъ въ горшокъ угольковъ, положитъ на нихъ ладону, возьметъ горшокъ каши, на горшокъ каши (положитъ) пирогъ, возьметъ въ другую руку солонницу, на солонницу горшокъ съ ладономъ и ходитъ вокругъ столовъ, а ходя говоритъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, кормилецъ, да уродятся у насъ хлѣбъ-соль и ржица и ячменёкъ и пшеничка и просцо и полбица и горошекъ и чечевица и конопельки и ленокъ и подсолнечники и арбузы и дыни и яблоки и огурцы и тыквы». Когда она ходитъ, какую увидитъ хлѣбъ-соль, непремѣнно поклонится и назоветъ хлѣбъ по имени; такъ она походитъ, сядетъ, поставитъ солонницу, положитъ хлѣбъ; горшокъ съ кашей

'sońć amy·ľďä i korčta·msta ḿe·ŕä: «nu, Ḿiťa·, uľi·za čäńŕḱit, pačkyďiza ťäť; nu jä·ŕćńida». Śesta v́ä·śij druk kaja·v́iť jarca·ma, ańćik ṕäńčť maŕäv́iť kaldyrdu·mada. Śe ška·ńä ḱija·k ḿäśť kak ako·ṛtä, a·ńćik noskc·ť da jarcy·ť. A kyda ṕäḱi·st ṕešḱe·ďeť ćak-ćak ku·fćims, syń ku·fćimańť ta·rkas u·kśńiť: ūχ, ťäjä, ūχ, ťäjä, ūχ, ťäjä, koda·myška loma·ńiś pa·ryľ», i v́äśi iśťa. Karḿi·ť ukśńi·-ḿä i paryloma·ńist ä·jsa joŕńe·ḿä. Kyda· u·žynyť sou̯śe·ḿ, baḃi·-ńiś du·ḿä: «Ka·ńa u·ľä, ka·ńa ara·ś, eščo ḿäźist kak», i ḿeŕä: «nu slava Bo·γu, eščo· uľi ḿäźiń ka·k, śťakšnu·ms äŕä·v́ä». Ḿäjľi śťiť, o·zněť, ľiśi·ť stoľckšsta, baba·ś sa·jsyńʒ́ä ćapla·šḱińť i ṕäńč-ḱi·ńť, kšy pa·myŕksḱiť sajä, čuŕka lo·ṕeńeť, umaŕ bo·ḱćeńeť, al lu·-kšḱiť, oďeža·nʒa sajsy·ńʒ́ä i ľiśä· u·ľćau̯. Ary čukšṕŕas i karḿä·vaka·nnyńť äjsa kyrkśi·ḿä: ćaplašḱińť kyrkśisyj, ṕäńčḱińť ky·rk-śisyj, kyrkśä i oďežanʒa äjsa, kyrkśä· ko·mada, a osta·tka naro-děś toža a·ščiť ko· mada. Kyrkśimsta baḃińiś eńa·ldä pokščäťńi-ńiń baba·tńińiń: «iľa·st ṕeńäćä, kodamy kšysa·l uľńi·ś, možy ḱiń-

---

отдастъ стряпухамъ. Горшокъ съ ладономъ поставитъ въ уголъ къ образамъ. Тогда она скажетъ: «ну давайте, что̀ у васъ есть, что̀ Богъ вамъ далъ, не стыдитесь насъ, не бойтесь предковъ». На одежду она поставитъ новую деревянную чашечку, новую ложечку. Когда поставятъ какое нибудь кушанье, она перекреститъ ложкой посуду, немного черпнетъ изъ нея и наотмашь выльетъ это въ деревянную чашечку. Выливая, она говоритъ: «Ѣшь, ѣшь, Митя, и угости также товарищей». Потомъ она сама помѣшаетъ и покушавши скажетъ: — «Ну, Митя, да будетъ и у тебя частичка(?), пусть дойдетъ до тебя; ну, кушайте». Тогда всѣ вдругъ бросятся ѣсть, слышенъ только грохотъ ложекъ. Въ это время никто ничего не говоритъ, только сопятъ и ѣдятъ. А когда они насытятся, станутъ трудно дышать; вмѣсто стону укаютъ: «Ухъ, ухъ, ухъ, какой человѣкъ былъ хорошій», и всѣ такъ начнутъ вздыхать и говорить о хорошемъ человѣкѣ. Когда отужинаютъ совсѣмъ, старушка подумаетъ: «не знай есть, не знай нѣтъ у нихъ еще чего нибудь», и скажетъ: «ну, слава Богу, еще есть у васъ

ga·k stuf́ćt́ ta̋ŕd́ims jarca·ma; śesta nady, t́ä·nʒa kandy·da ḿäźi ka·duŋś; il̕a·źa ṕeńäćä, t́esk savyl̕, t́esk jarca·vyl̕. Mon v́ed́ ḿeŕeń čyja·k i bańa·sa i stol̕ ekšca: sa·da v́äśi, jarca·da, a uš kak stufty·-ńä, tak na·da, t́änʒa kandyŋk». Ńećeń i jorćeńʒ̆ä čukšṕŕas, ńe kšypa·myŕkskit́ńiń loa·žat́ńiń i ćapla·škińistyńt́ kaja·syńʒ̆ä i tuji·po·taź orta̋ńt́i. Ḿäjl̕i v́äśi ṕŕast karḿi·t́ koma·ńimä; ä·ŕva ko-maftu·mstyńt́ jala ḿeŕe·t́: «prošča·jt́i, prošča·jt́i, prošča·jt́i». A va·ndyj ul̕i·t́ poḿe·nkat. Iśt́aža puru·ḿit́ čyt́, iśt́aža kšysa·l kandy·t́ loma·t́ńä, iśt́ažy ba·b́ińiś ky·rkśä, iśt́aža čukšṕŕaŋ ga·k l̕i·śńä. Ešćo· v́äjksy čyt́ po·ḿeńet́. V́äjksy čyń karčyja·k i·śt́aža v́ä-vanćńi·t́; ko·ty ńä·dl̕anʒy poḿena·syź; iśt́aža ṕel̕ go·dėnʒa po-ḿena·syź i godė·nʒa poḿena·syź i ja·la v́ä vant́ńi·t́ äŕva· poḿena·-myńt́ ka·ŕća.

Ešćo· poḿena·kšnyt́ kalmyla·ŋgyń čysta. Śestä v́ä ava·ńńit; t́äjńit́ bra·gat, t́äjńi·t́ pu·ŕit́, sajńi·t́ v́i·na, ṕići·t́ sa·rast, ŕesta·ń

что-нибудь, надо вставить». Потомъ встанутъ, помолятся, выйдутъ изъ за стола: старуха возьметъ деревянную чашечку и ложечку, возьметъ хлѣбныя крошечки, луковичные листочки, половички яблокъ, яичныя скорлупки, возьметъ его одежду и выйдетъ на улицу. Станетъ въ сорное мѣсто и начнетъ выскабливать чашку; поскоблитъ деревянную чашечку, поскоблитъ ложечку, скоблитъ и его одежду, скоблитъ нагнувшись, а остальные также стоятъ нагнувшись. При скобленіи старушка настойчиво проситъ дѣдушекъ и бабушекъ: «чтобы не пеняли на то, какова была хлѣбъ-соль; можетъ быть, позабыли позвать кого нибудь къ ѣдѣ; въ такомъ случаѣ возьмите, отнесите ему что осталось; пусть онъ не пеняетъ; если бы пришелъ сюда, поѣлъ бы здѣсь. Вѣдь я говорила давеча и въ банѣ и за столомъ: придите всѣ, покушайте, а ужъ если я его забыла, такъ возьмите, отнесите ему». Это она и броситъ на то мѣсто, гдѣ выбрасываютъ соръ, тѣ хлѣбныя крошечки и кости; и выльетъ изъ деревянной чашечки, и пойдетъ задомъ къ воротамъ. Потомъ всѣ начнутъ наклонять свои головы; каждый, наклоняя голову, все время говоритъ: «прощайте, про-

sy·v́iľ; ńeń v́äśi sa·jsyź i tuji·ť kalmylaŋks. Saji·ť ma·ryst pońe-na·ńijat i aščä·äŕv́äχḱiś äś ka·lmynʒa la·ŋksa. Aščä· i lajšä·. B́iďi lajšä· odava· loma·ńińǵis, śestä· ḿeŕä·: «duga·j, duga·j, a O·kśa» (äľi koda· ľä·ḿiza tosa), a b́iďi ava ťäχťi·ŕinʒa ḱi·sä la·jšä, śesta· lajšy·msta ḿeŕä: «ťaka·j, ťaka·j, a Ka·ťa (äľi koda· ľäḿi·za to·sa), mazyj ťaka·j, a Ka·ťa; ḿäks ťaka·j kady·ḿiḱ, nuža·s goŕa·s kaji·ḿiḱ, ḱi ńe·j ṕŕińi·ḿ čaųśi·syj»... A b́iďi ťäχťi·ŕ lajšy a·vanʒa ḱi·sa, śe·stä sra·zu[1]) śäŕǵiďä ťäχťi·ŕiś: «uχ, ava·kaj goŕma·kaj, uχ, koŕḿe·ńećḱä av́i·ńiḿ, uχ, av́i·ńiḿ ďiŕi·ńiḿ, ḿäks ton av́i·-ńiḿ kady·ḿiḱ, nužas goŕa·s kajiḿiḱ»... A b́iďä lajšy·ť ćoraloma·-ńiń ǵis, śesta śäŕǵi·ďiť: «pola·j, pola·j, a I·van, mazy·j pola·j, a I·van».... B́iďä ava ćora·nʒa ḱis lajšä·, śe·sta śe ḿeŕä: «ḿäks ton äjďńiḿ kadyḿiḱ, nužas goŕa·s kaji·ḿiḱ»... A b́iďi koźa·jka ḿiŕ-

1) śesk.

щайте, прощайте». А завтра будутъ поминки. Такъ же собираются днемъ, люди такъ же приносятъ хлѣбъ-соль, старушка такъ же скоблитъ, она такъ же выходитъ на сорное мѣсто. Еще въ девятый день поминаютъ. И на канунѣ девятаго дня такъ же бодрствуютъ ночью; поминаютъ шесть недѣль; такъ же поминаютъ въ полугодовой день и въ годовой день, и передъ каждымъ поминаніемъ бодрствуютъ ночь.

Еще поминаютъ въ родительскій день. Тогда ночью не бодрствуютъ; приготовляютъ браги, дѣлаютъ пури, возьмутъ вина, сварятъ куръ, приготовятъ жареное мясо; все это возьмутъ и пойдутъ на кладбище. Возьмутъ съ собой поминанія, и каждый становится на своей могилѣ. Стоитъ и воитъ. Если воитъ молодая женщина по женщинѣ, тогда она говоритъ: «сестрица, сестрица, а Оксяи» (или какъ тамъ его имя), а если женщина воитъ по своей дочери, тогда, воя, она говоритъ: «дитятко, дитятко, а Катя (или какъ тамъ ея имя), красивое дитятко, а Катя; отчего, дитятко, ты меня оставило, бросило меня въ нужду и горе, кто теперь поищетъ въ моей головѣ»... А если воитъ дочь по матери, то дочь сразу закричитъ: «ухъ, матушка-кормилица, ухъ, корми-

ďinʒa ǩis lajšä·, śe śäŕǵiďä: «duga·j, duga·j, a I·van, mazy·j duga·j a Ivan»... Ḿäjľä syť popt, služyť pokš pana·ḟida i tuji·ť kalmy·ťńiń laɣga poḿena·ńijäń louno·ma. Kyda·v́äśi lo·unėsėź, tu·jiť. A ava·ťńä karḿi·ť śe·sta śiḿiḿä i jarca·ma, v́äχǩi·st v́äχǩi·st kavańama kona·t śeďä mala·syt; śiḿi·ť i jarcy·ť ṕŕäv́i·st čaraka·dums, i äŕv́äχǩä śiḿima jarcamyńť äjsta kajśi·ť lomańiń ṕŕa·ṕäs moda poc ḿińićuna, i kšy i braga· i puŕä· i syv́i·ľ, puťńi·ť ćc·la alt.

Puťńi·msta jala korṭėť: «na· vany ťäť (kundasy ľäḿi·nʒa), śiḿť jarca·k, vačy i·ľa uľť i äśťäńiǩ pary äŕći·ǩ». Ḿä·jľä śťakšny·ť i straľi·ť ku·dga. A sy·ńďeďest ḿäjľä puru·ḿiť śezėń stada ǩi·ska i karḿi·ť čuṇnu·ma i tarkśi·ḿä ḿäźi syń dozė·ń kadny·śť i säv́i·ḿist, a kyda säṇsy·ź, kyda ala·my kadu·v́ä tosa, ańćik ťi·ja tu·a ṕäǩi·st aṕe·šǩeďeť ǩi·skaťńiń, śesty tuŕga·dyť, karḿi·ť v́äχǩist v́äχǩist ä·jsa śeźńeḿä i ǩäṕi·ďiť iśťamyška žalf, ƀiďi v́äť goďa·vat ma·las, na·tyj če·ŕet duƀiško·m śťiť.

лица моя матушка, ухъ матушка моя кормилица, зачѣмъ ты, матушка, меня оставила, бросила меня въ нужду и горе»... А если вопятъ по мужѣ, тогда закричатъ: «половина моя, половина моя, а Иванъ, красивая половина моя, а Иванъ».... Если вопитъ мать по сынѣ, тогда та говоритъ: «зачѣмъ ты, дитятко, меня оставило, бросило меня въ нужду и горе»... А если жена вопитъ по своемъ мужѣ, то она кричитъ: «дружокъ, дружокъ, а Иванъ, красивый дружокъ, а Иванъ».... Потомъ приходятъ попы, служатъ большую панихиду и пойдутъ по могиламъ читать поминанія. Когда прочтутъ всѣ поминанія, уходятъ. А женщины начинаютъ тогда пить и ѣсть, угощать другъ друга, которыя между собою ближе, пьютъ и ѣдятъ до потери сознанія, и каждая отъ питья и ѣды выбрасываетъ кое-что на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ голова (похороненнаго) человѣка, и хлѣба, и браги, и пури, и мяса; кладутъ и цѣлыя яйца.

Ставя (это), все время говорятъ: «на вотъ тебѣ (имя рекъ), пей ѣшь, не будь голоденъ и для насъ желай хорошее»». Затѣмъ

Kalmylaŋgyń čyńť karča toža ušńi·ť bańä·t i jakśiť pafa·ma, a pokščäťńiń babaťńiń ťäŕχńi·syź, i mon maŕi·ń la·myń ku·rksta, šty śc v́ästyńť ńejeť, koda sakšny·ť bańäńťi pafama, v́äśi paraćik-paraćik syť, v́äśi ašy·syt; kona·t syť, kona·t tuji·ť, i iśťa· syń syť i tuji·ť aťa·kšyń mo·rams. Kodak aťakš mo·rä, to śesta srazy ju-ḿi·ť. Mon mońć vanfńi·ń, nu ḿäźi ja·k äźi·ń ńeḱ; poe·tomu[1]) mon avy·ľ śv́ato·jan, a synet ńekšńe·sėź ja·la ba·b́ińiť, kona·t śäjicta ja·kśiť pomenka·va. Syń i·śťažy jofńe·ť i·ńičyń ob́e·ďńäń zavytyŕ-ńäń jutksta jakśi·ť kalmalaŋks kŕisto·zovama; prat, keľä, modańť laŋks ko·mada, čėŕet no·ldasyť i ḿe·ŕat: «Ḱŕisťos voskŕeś», a syń do·sa prok brumt byzaka·dyť. Nu val aċa·ŕkydľiv́ä; tozė·ń mon äźi·ń jaka·.

1) šeks.

встаютъ и расходятся по домамъ. А послѣ нихъ собираются туда стаи собакъ и начинаютъ вырывать и вытаскивать то, что они здѣсь оставили, и съѣдать это, а какъ съѣдятъ, когда здѣсь останется немного, и только кое-гдѣ собаки не наѣдятся, тогда онѣ подерутся, станутъ рвать одна другую и поднимутъ такой крикъ, что если ночью угодишь близко, то даже волосы станутъ дыбомъ.

Накапунѣ родительскаго дня также топятъ бани и ходятъ париться и призываютъ дѣдушекъ и бабушекъ, и я слышалъ отъ многихъ, что въ эту ночь видятъ, какъ приходятъ въ баню париться; всѣ приходятъ попарно, всѣ въ бѣломъ; кто приходитъ, кто уходитъ; и такимъ образомъ они приходятъ и уходятъ до пѣнія пѣтуховъ. Какъ запоетъ пѣтухъ, то тогда они сразу исчезаютъ. Я и самъ караулилъ, но ничего я не видѣлъ; поэтому я не святой, а ихъ видятъ все тѣ старушки, которыя часто ходятъ по поминкамъ. Онѣ также разсказываютъ, что ходятъ христосоваться между пасхальной обѣдней и заутреней на кладбище; упадешь, говорятъ, нагнувшись на землю, распустишь волосы и скажешь: «Христосъ воскресъ», а они тамъ жужжатъ точно шмели. Но слова не разберешь; я туда не ходилъ.

A ḿińi·ḱ eščo· lamy jofńe·ť, bu·ta mo·žna muji·ms ńevidimka[1]) lovažyńä. Śe mujims vo·t koda. Varčams raužy katka, kosėja·k v́äχḱija·k ašy po·ńeńeza iľa·za uľ, i saji·ms kona· skalyś dum rauža i ṕervoj va·zyjäś i ṕe·rvoj[2]) poťa·ftumań lo·fca i źe·ŕkala. Śe·sta moľems ṕeľevä ška·ńä ba·ńas i ṕidi·ms ba·ńasa śe lofcėńť äjsa śe katkaś ćelo·m. Kyda· son uš ṕi·jä ṕi·jä, v́äśij ka·ladä. Śe·sta karma·ms lovažyńiťńä v́äχťä-v́äχťä sajńi·ms kurks; i vanums źeŕkala·va, äŕv́äχḱä lova·žyńińť ku·rksa ḱiŕdimsťa. Koda·k poŋgä śe ńevidimka lova·žyńiś, śesta· źeŕkala·syńť ḿäźija·k a ńe·jäv́ä. Vot śe marta ḿäjľä kou χočėš aźa·, ḿäśť χo·čėš ťäjńiḱ, ḱija·k ańe·ťanʒat. Ťeń mon äźińä sna·ŕńä. Trudna· ṕeḱ muji·ms v́ä·śij druk, štoba i katka· ra·uža i skal ra·uža, dy tagy ṕervoj vazava, dy taga ṕe·rvoj poťaftu·ma.

---

1) ańejav́iks 2) vaśiń raz.

А наши еще много разсказываютъ, будто можно найти косточку невидимку. Вотъ какъ ее можно найти. Поискать черную кошку, чтобы на ней не было ни одной бѣлой шерстинки и взять у коровы, которая совсѣмъ черная и отелилась первый разъ и первый разъ доится, молока и зеркало. Тогда пойти въ полночную пору въ баню и сварить въ банѣ въ этомъ молокѣ цѣликомъ ту кошку. Когда она ужъ сварится, то вся развалится. Тогда (надо) начать брать въ ротъ косточки по одной и смотрѣть въ зеркало въ то время, какъ держишь во рту каждую косточку. Какъ попадется та невидимка косточка, тогда въ зеркалѣ ничего не видно. Вотъ съ той (косточкой) иди затѣмъ куда хочешь, дѣлай что хочешь, и никто тебя не увидитъ. Этого я не пробовалъ. Очень трудно найти всё вдругъ, чтобы и кошка была черная и корова черная да притомъ съ первымъ телкомъ, да при томъ при первомъ доеніи.

A eščo· ḿińik jofńe·t́ byta možna muji·ms; ińičysta ob́eďńa zau·tyŕńa ju·tksta kuźi·ms kudypo·tmarc, karma·ms kuźi·ḿä, kyda· ṕervoj baja·gaś va·čkyďä, kuźi·ms i v́äšńi·ms, byta to·sa mu·jat lo·mań ṕiľksynʒa keḿt; ńe keḿt́ńiń ta·ŕgit́ ṕiľkstynʒa i śeďi ku·ryk ba·jagańt́ kolmóćeďä vačkyďima·zynʒa čyχt́, a b́iďä akä·ńiŕat śe po·rańt́ ä·jsta, to juḿi·t́, śeźńe·t́adyź; a b́iďä käńi·ŕat valgu·ma ńe keḿt́ńeń äjsa, ḿä·jľä mo·žna jaka·ms; ńe keḿt́ńä iśt́a ṕek jaki·t́, koda·k v́äśt́ ša·gat śiśiḿ vaľgijṕät́. I ľäḿi·st ńe keḿt́ńeń śeḿijorctnyχt́. Mon kuźńi·ń, nat́ ućа·skam a·raśiľ: v́äšńi·ń, v́äšńi·ń, ḿäźija·k äźi·ń muk. Ṕeŕekladyń troks pryń, ńe·ŕeḿ gak taṕi·ńä, valǵiń i kińińga·k äźiń jofńä·, i ńej kouga·k asyrkśan, dy koda· b́iďä akäḿiŕv́ijak, a ḿińi·k źary·ja jofńe·t́, kosty ḿä·źä mo·žna sajims, štuka·t́ńä ṕek udo·bnėχt́[1]) i rama·ź ara·mav́it́ i muji·ź amu·jiv́it́. Nu mon ńej uš asna·rfńan ḿäľga·st jaka·ma.

1) eŕv́aikst

А еще наши разсказываютъ, будто можно найти; между пасхальной обѣдней и заутреней (надо) взлѣзть на подволоку, начать лѣзть, когда ударитъ въ первый разъ колоколъ, взлѣзть и искать; будто здѣсь можно найти сапоги на человѣческихъ ногахъ; эти сапоги сними съ ногъ и какъ можно скорѣе бѣги до третьяго удара колокола, а если не успѣешь въ это время, то пропадутъ, тебя разорвутъ; а если успѣешь слѣзть въ этихъ сапогахъ, то затѣмъ можно ходить. Эти сапоги ходятъ такъ скоро, что въ одномъ твоемъ шагѣ семь верстъ. И названіе этимъ сапогамъ семивёрстные. Я лазилъ, но видно, у меня не было счастія; искалъ, искалъ, и ничего не нашелъ. Упалъ я черезъ перекладъ, разбилъ даже себѣ морду, слѣзъ и никому не разсказывалъ, и теперь никуда не собираюсь, да какъ то и не вѣрится, а наши много разсказываютъ, гдѣ что можно взять, штуки очень удобныя, и не купишь ихъ и не найдешь. Но я теперь ужъ не попробую ходить за ними.

Ńej syrkśa·n kazna·ń darga·ma, a ḿińi·ḱ äjsty·st jofńc·ť ṕeḱ lą·ma. Popóń čeľńa la·tksa u·ľi źe·mľaŋka. Śc źemľaŋka·syńť kolma čatt[2]). Vä·χḱisyńť ṕižä·, ombóćesėńť śi·ja, kolmȯ·ćesėńť kyk zo·lȯta. Kunčkasa ča·nyńť laŋksa aščä· kaṽjo·r samaľo·t, laŋksy·nʒa aščä· pa·zava Boži ma·ťiŕiś ko·mada ṽeľa·ftuf. Pazavańť laŋksa ṕŕi·staľet; ńeń Śťeńka Rażin puty·ńʒä i putu·mstyst ḿeŕć: «Ḱi χočėt moń ta·rkasa uľi·ḿä, moń ǵŕeχen saji·ḿist, moń parym äjsa vaśka·ma, to kady·ḱ śc sajsy· ṕŕistaľe·tėńť ṽiťkeďezėnʒa, a paza·vańť ḱäŕć ke·dezėnʒa i ľeťcė·j pa·zavańť ṽicta śä·ďijs. I śesta· karḿä· ḿäśť χočėt ńeń ťä·jńä, i jarma·kńiń sajsy·ńʒä i samaľotėńť sajsy·, ańćik sońće·ń ojḿeza uľi· Śťeńka·ń ta·rkasa. A bratcy moi·! Śťeńkań soda·syŋḱ ko·sa? Tyń duma·tada, son kuly·ś. Son äź gu·la, son äŕi ṽiŕca. A vot mon ďäť jofńe·sa, koda son äŕä·. Son iśťa·my ta·rkasa äŕä, ḱijak i mala·v' a mo·ľeṽä, a sońć žiṽ. Sonʒa Ṽeŕepa·s äŕďi·kstyźä, modaś a ṕŕi·masy, a Ve-

2) čant.

Теперь я собираюсь рыть клады, а наши разсказываютъ о нихъ очень много. Въ долинѣ (называющейся) Поповъ пчельникъ есть землянка. Въ той землянкѣ три чана. Въ одномъ мѣдь, въ другомъ серебро, и въ третьемъ золото. На среднемъ чанѣ постланъ коверъ самолётъ, на немъ лежитъ икона Божьей Матери, перевернутая ничкомъ. На иконѣ пистолетъ; это все положилъ Стенька Разинъ и когда клалъ это, сказалъ: «кто хочетъ быть на моемъ мѣстѣ и взять мои грѣхи и блаженствовать съ моимъ добромъ, то пусть тотъ возьметъ пистолетъ въ правую руку свою, а икону въ лѣвую и прострѣлитъ икону прямо въ сердце. И тогда станетъ дѣлать что хочетъ, и деньги возьметъ и самолётъ, но только его душа будетъ на Стенькиномъ мѣстѣ. А братцы мои! Знаете вы, гдѣ Стенька? Вы думаете, что онъ померъ. Онъ не померъ, онъ живетъ въ лѣсу. А вотъ я тебѣ разскажу, гдѣ онъ живетъ. Онъ живетъ въ такомъ мѣстѣ, куда и близко никто не можетъ подойти, а самъ онъ живъ. Его проклялъ Богъ, земля

ŕepas ojḿe·nʒa a·sajsy. Son i a·ščy bo·kom, käį buly jutksa. Kodak čyza va·lgä i puru·ḿiť äzynʒa v́iŕetyńť i guχť i vatra·ķšt i ḿätka·st i ḿińińʒu·nyń gatt i karḿiť äjsynʒa poťa·ma; čynʒa śťams kacyź ańćik o·jḿeńť dy lovaža·ťńiń a śäďijstynʒa v́ä·χki guj a tu·kšny jak, čyńi·k v́äńi·ḱ poťä·. Vot v́äť iśťa· poťa·syź, a čop taga· kasä· äzy·nʒa ťela·; koda·k čo·kšńeś sy, tagy iśťa·, i ṕi·ŋǵińť ju·mams, ḱeľä, son iśťa· karḿä· äŕa·ma. A ḃiďä kija·k ľeťće·j paza·vańť i sajsy· pary·nʒa, śe äŕamy·dynʒa ḿäjľä tarka·-zynʒa arä·.

Śeďikiľä äŕamyś ṕeḱ pary·ľ. Moda·ś la·myľ, ḱi źary du·ḿä, śe śńary so·kä; nu śesta· soka·myś uľńi·ś ṕeḱ ḃeŕäń. Moda·ńť ä·zga čaćńiś iśťamyška puŕe·j[1]), a so·kav́ä jak. A soka·ťńä ko-da·tt uľńi·śť! Ṕeḱ ḃeŕä·ťť: sta·kat, aka·ńńiv́i umaškat, sošńe·kat ara·śiľť; paľićä·ťńä uľńi·śť tu·myń, podvoχńä uľńi·śť ľäŋǵi·ń. So·-

1) uškaz.

его не принимаетъ, а Богъ не принимаетъ его души. Онъ и лежитъ на боку на каменистой землѣ. Когда сядетъ солнце, соберутся къ нему изъ лѣса и змѣи и лягушки и ящерицы и всякіе гады и начнутъ его высасывать; съ восходомъ солнца оставятъ только душу и кости, а съ сердца одинъ змѣй и не сходитъ, сосётъ день и ночь. Вотъ ночью такъ высосутъ, а днемъ опять выростетъ на немъ тѣло; какъ настанетъ вечеръ, опять то же; и говорятъ, что онъ будетъ такъ жить до скончанія свѣта. А если кто-нибудь прострѣлитъ икону и возьметъ его добро, тотъ, послѣ своей жизни, станетъ на его мѣсто.

Въ старину житье было очень хорошее. Земли было много, кто сколько задумаетъ, тотъ столько пашетъ, но тогда пашня была очень плохая. По землѣ родился такой пырей, что ея и не вспашешь. А сохи какія были! Очень плохія: тяжелыя, никакъ

kśeśť ḃeŕäncta, nu śury·ś čačńi·ś ṕek. Śesta·iśťa·robóta·śť: ťeľeńe·ḱ ḱizyńi·ḱ. Nujima·styńť nu·jiť nu·jiť, a konatt kadu·v́iť, sa·jiť žė·ŕďa, ḱiľďiť kafta a·lašat ṕä·vanʒa i v́eťńe·sėź alaša·ťńiń žė·ŕ-ďańť marta uma·ńť laŋga; prafcy·ź śury·ńť v́a·luŋ. Nukšny·śť lo·vóń prams, jakšamyt, oďeža·sa rykafča·sa, a jala nuji·ť. Śesta lotḱe·ť, koda· loŋ vaľa·syj śury·ńť. Śesta karm̀i·ť pulf u·skśimä [1]), a ṕifčńiśť ťeľä ku·nčkańä, źarda mańiχť. Uľńi·śť aŋńat; ńe aŋńäť-ńiń äjsa kośńeśť pulft i ṕifčńi·śť. Śe·stä ṕifčńi·śť avyľ jarma·kta, koda ńe·j, a zajo·m oďino·kyχ́ńä. V́aśńä v́ä·χḱińiń ṕifcyť, m̀äjľä ombó·ćeńeń, a avaťńä ṕiščaka·t čop ṕifcyť, v̇äńḃe·ŕť ščyŕďi·ť. Sčyŕkšny·śť kak avyľ iśťa·: avy·ľ ṕŕa·γasa ḱi·ščyź, a ščy·ŕisa. Gaz ga·k śe·sta ara·śiľ; śesta tol ʒe·ŋsa a·ščikšńiśť; ṕśťi·ćkat kak ara-śiľť. Pećka·ťńä jak avyľ iśťa·tt uľńi·śť; avyľ ḱiŕṕićin, a v́icta śo·-vóńeń: čavyź čav́iť—i ṕećka, a turba·t o·ŋsä a·raśiľť; iśťa·k ä·ŕćiśť.

1) pulfyń uskśimä.

не донесешь, сошпиковъ не было; палицы были дубовыя, подвои были изъ лыка. Пахали плохо, но хлѣбъ хорошо родился. Тогда вотъ какъ работали: и всю зиму и все лѣто. Въ жнитво жнутъ-жнутъ, а что останется,—возьмутъ жерди, запрягутъ двухъ лошадей по концамъ и водятъ лошадей вмѣстѣ съ жердью по загону; сваляютъ хлѣбъ подъ одно. Жали до снѣга,—холода́—въ одеждѣ и въ рукавицахъ, а все-таки жнутъ. Тогда перестанутъ, когда снѣгъ завалитъ хлѣбъ. Тогда начнутъ возить снопы, а молотили посрединѣ зимы, когда вёдро. Были овины; въ этихъ овинахъ сушили снопы и молотили. Тогда молотили не за деньги, какъ теперь, а одинокіе—взаймы. Сначала обмолотятъ одному, потомъ другому, а женщины бѣдняжки весь день молотятъ, всю ночь прядутъ. И пряли не такъ (какъ теперь), не пряхами съ плясомъ, а веретенами. И керосину не было тогда; тогда сиживали при лучинахъ; и спичекъ не было. И печки были не такія; не кирпичныя, а прямо глиняныя; бьютъ собьютъ (глину)—и печка, а трубъ совсѣмъ не было; жили такъ (безъ трубъ).

Ťäχtiŕχńä paća·t äśť ka·ńńikšńä, a ḱizna· a ťe·ľńa·, dy paćat ouśä ara·śiľť. Ḿiŕdińiń ľi·śä, god vä pu·lysa jaḱä·, ćo·ka kańńä·, a ḿäjľä čačtamyzynʒa ćokôftu·ma jaḱä·, a kyda· ča·čtä, śesta ṕŕazy·nʒa šlyga·n butä·. Kyda· ča·čtä ṕe·rvoj, äjďińť ľä·ḿďasyź, purna·syź ka·fty ṕe·ľďeń rodńa·st väśi, ťäji·ť śťińi·jat i karḿi·ť guľä·jama. Guľä·jiť gu·ľäjiť, ḿäjľä karḿi·ť kaša·s kaja·ma: äŕvä·χḱi zba·baj lomańiś [1]) jaly groš kajä, a oččačtyćäś karḿi· kaźńi·ḿist, ḱińi·ń ruća·, ḱińi·ń pana·r, ḱińi·ń poŋkst, a malavi·ksnyńiń ru·ćat pa·naṛt i poŋkst panaṛt, a ko·nat śeďi väṕä·ľä ńeńe·ń na·rdamyst, a rodńa·ń rasḱiń äjďi·sty konat kudga·t, ḱińi·ń ṕiľi·kst, kona·ńiń ḱŕost, a ďiďi pokš ťä·χťiŕť, ńe·ńeń surkst.

A śeďiḱi·ľä kyda·putyť ku·da; ďiďi lomańiń ta·šta ku·dyza ara·śiľ, to ťäji·ť juṛta·va. A ťäjńi·śť vo·t koda. Pruḿi·ť väť sode·ća ba·ďińiť, muji·ť tolkä·ŋ, saji·ť rauža sa·raz, ka·rdaz ku·nčkas ťä-

[1]) zba·b'i lomańiś.

Дѣвушки не носили платковъ, ни лѣтомъ ни зимой, да платковъ совсѣмъ не было. Выйдетъ замужъ, въ теченіе года ходитъ съ одной косой, носитъ кисть, а послѣ того, какъ родитъ, ходитъ безъ кисти, а когда родитъ, тогда надѣнетъ на голову шлыганъ. Когда родитъ въ первый разъ, окрестятъ ребенка, соберутъ всѣхъ родственниковъ своихъ съ обѣихъ сторонъ, устроятъ крестины и начнутъ гулять. Гуляютъ-гуляютъ, потомъ начнутъ бросать въ кашу: каждая чета бросаетъ по грошу, а роженица начнетъ ихъ дарить, кому руцю, кому рубашку, кому штаны, а близкимъ руцю и рубашку, штаны и рубашку, а тѣмъ, кто болѣе далеки, полотенца, а дѣтямъ родственниковъ, которыя (остались) по домамъ, кому серёжки, кому крестъ, а если взрослыя дѣвушки—то тѣмъ кольца.

А въ старину, когда поставятъ домъ, если у хозяина не было стараго дома, то сдѣлаютъ юртаву. А дѣлали вотъ какъ. Соберутся ночью знахарки старушки, найдутъ кремень, возьмутъ черную курицу, выроютъ въ серединѣ двора ямочку, въ ямочкѣ за-

ji·ť ja·ḿińä, jaḿińińťi ṕäcksy·ź śe sa·razyńť, nolda·syź v́äŕi·nʒa tozēń; nolda·msta korṫė·ť oznė·ť: «čačy·za oc äŕićäńiń od jurta·va, uľi·za loma·ńińť v́iďga pa·ra i skoťe·nanʒa v́i·ďga i karda·zganʒa. Ĺija· jurta·vat naśḿeχ ťäjńiḿä[1]), skoťe·nanʒa kola·ma iľaza no·lda, sońć kak loma·ńńiń iľa·za jaka·; äŕa·za sońćeń karda·jsa, uχa·-žuvaza sońćeń karda·jsa, sońćeń skoťenanʒa ḿä·ľga; skoťenaś uľi·za va·dŕa, rašta·zy.lama, a vot ḿiń ťänʒy pu·ttana kšysal i syv́i·ľńä i v́äľkskä· i ćeńa·ukskiť». I vački·ť śe jama·ńťi v́äŕińť laχks kšysa·l i ćeńaukst i lofcy· i v́ä·lks i sajsy·ź v́eľťa·syź śe tol ǵäüsyńť. «Ḿäźä ḿäjľä ľi·śä śeń äjsta?» käńkśťińä mon mońjofńe-ćäńť. «A vot ḿä·źi: jurtava ča·čä śe v́äŕińť ä·jsta».—«A ko·dama son?»—«Da raźi ton äźi·ť maŕćä?»—«Maŕći ms mon maŕći ń, nu äźi·ń ńe·kšńä».—«E, dy ton ńekšńeüľeť! sonʒa avyľ äŕv́äχkiś ńesė·j, a ḃiďä χočėš ńeje·ḿenʒa, to Ivankupalyń ka·rča, oza·k izama·lun

1) muskyľama.

рѣжутъ ту курицу, выпустятъ туда ея кровь; выпуская кровь, говорятъ и молятся: «да родится у новаго жителя новая юртава, да будетъ она доброй по отношенію къ хозяину и къ его скоту и къ его двору. Пусть не позволитъ другимъ юртавамъ дѣлать на смѣхъ, портить его скотину, и пусть сама она не ходитъ къ чужимъ людямъ; пусть живетъ въ своемъ дворѣ, ухаживаетъ въ своемъ дворѣ, за своею скотиной; пусть скотина будетъ хорошая, пусть много плодится, а вотъ мы ей положимъ хлѣба соли и мясца и сливочекъ и выжимокъ[1])». И кладутъ въ эту яму на кровь хлѣбъ-соль, выжимки и молока и сливокъ и возьмутъ покроютъ то кремнемъ. «А что потомъ изъ того выйдетъ?» спросилъ я у моего разсказчика. «А вотъ что! изъ той крови родится юртава». —«А какова она собой?»—«Да развѣ ты не слыхивалъ?» — «Слыхать то я слыхалъ, но не видывалъ.»—«О, да ты ее могъ бы увидѣть! ее

1) Разнаго рода мелкое обрѣзное мясо, изъ котораго растоплено и выжато все сало.

i vant ala·šat laχks. Son konań v́ečksė·j i uŕa·dasyj, ǵŕiva·nʒa jak kodasy·j, koromynʒa jak v́itcy·j; a ľija· jurta·vaś saly dy andä·, a kona·ń av́e·čksėj, śeń pulynʒa jak tarkši·syj, ǵŕivanʒy jak tarkši·syj, a ǵiďä azyryś ańi·syj, kunst očks kak kajši·syj».—«Mon, ďeda·j, vanu·ľiń, dy mońala·šam v́äχḱi ja·k ara·ś; stala byt́ [1]), mоń jurtavam gak ara·ś. Koda ža son mońďä·ń ńeje·ms?»—«Son i maŕa·ms mo·žna; ǵiďi koda·my jak ťäť ǵeda· uľä, son la·jšymä karmä·, a ǵiďä ḱežėnʒy safcyt́, son śḱiŕa·tanʒat». — «Ďe·daj, a kyda· lo·mańiś kudy·nʒy ḿisyj äľi polafcyj, koda žy śe jurta·vaś marynʒy tujä· äľi tosk ka·duv́ä».—«Da ara·źďä možna jurta·va tosk kadu·ms tašta ta·rkas; senʒy ikiľij gak ťäŕči·ź». — «A ǵiďä aťäŕčiź?»—«Dy vot ḿäśť: mоń ďäť avy·ľ ḱeľesa äľi kodaja·k jofńe·sa; mońďäń baba·m jo·fńeźä:

«Synct ťiťäńgu·ca ťäťi·ďist palčť i pučť ľi·ja ta·rkas ku·da,

1) vanat.

не всякій увидитъ, а если ты хочешь ее увидѣть, то ты, наканунѣ Ивана Купалы, сядь подъ борону и смотри на свою лошадь. Она (юртава) которую (лошадь) любитъ и вычиститъ ее и заплететъ ей гриву и поправитъ ей кормъ; а другая юртава крадетъ и кормитъ; а которую не любитъ, у той и хвостъ оборветъ и гриву вырветъ, а если хозяинъ не продастъ ея, то опрокинетъ даже ее спиной въ колоду.»—«Я, дѣдушка, посмотрѣлъ бы, да у меня нѣтъ ни одной лошади; стало быть, у меня нѣтъ и юртавы. Какъ же мнѣ ее увидѣть?»—«Ее и услышать можно; если у тебя какая нибудь бѣда, она начинаетъ вопить; а если разсердишь, то она тебя ощиплетъ».—«Дѣдушка, а если хозяинъ продастъ свой домъ или промѣняетъ его, то какъ юртава — уходитъ ли съ нимъ или остается тамъ?»—«Да развѣ можно оставить юртаву тамъ на старомъ мѣстѣ: ее позовутъ сначала». — «А если не позовутъ?»— «Да вотъ что: я разскажу тебѣ не по слуху или не какъ-нибудь; мнѣ разсказала бабушка моя слѣдующее:

«Въ родительскомъ домѣ сгорѣли ихъ родители, и они поста-

a putumazy·nʒa äŕäśť ťesk źemľaŋki·ńisa. Ḿäjľä uskśiź kurmy·st karmy·st; alašast va·dŕat. Saśť osta·tkada, oza·fńiź äjdї·st, proščäśť ta·rkanť mar̦ta i syrga·śť. Nō! Alašaś no·ck, a·syrgavä, tagy·no·ck, ta·ga a·syrgavä. Vačkydїź ala·šäńť, sa·žynčka moľć, lotkaś. Ḿäjiń tala·u̯? Karma·ftyźä ava·nť pańimä, a sońć uda·lda vanu·ma. Va·nä, čaryji·nʒa aveľa·fńivit. Śäŕgićť sodė·ća ba·bińiť; ńcť sra··zu[1]) faťäśť. «Dy ton ju·r̦tavat sajiḱ?»—«Araś».—«Dy ḿäks?»—«Dy mon kosta sajsa·».—«E·ka glu·pyjat[2]), dy ton ćńa·ldyź ćńal-duu̯ľiḱ, ťäŕďiź ťäŕďiu̯ľiḱ; son tońďeďet i·kiľij mo·ľeveľ».—«Dy ńej ḿäśť ťäjńims?»—«Ḿäśť χočėš, ńej ťä·jńiḱ». Loma·ńiś[3]) ta·ndać, karma·ś ćńa·lduma baŕińiťńi·ńiń, a syń i ḿeŕeť: «nu vot ḿäśť ťä·χť; Kiľďa·k trojka, dy karma·k a·vaŕďimä dy ťäŕďimä ä·synʒa, a ḿiń toža karma·tana laćiminʒa». Ťe pra·vdyj karma·ś ćńa·lduma. «Iur̦ta·vińiḿ koŕḿeńećkeńeḿ, upro·śťamak, koŕmaj; mon od lo·ma-

1) śesk. 2) čavyṕŕevat. 3) lomańć.

вили домъ въ другомъ мѣстѣ, а до окончанія постройки жили здѣсь въ землянописѣ. Потомъ они перевезли домашнюю утварь; лошади у нихъ были хорошія. Пріѣхали они въ послѣдній разъ, дѣтей посадили, простились съ мѣстомъ и тронулись. Но! Лошадь дернетъ, не трогается впередъ, опять дернетъ, опять не трогается впередъ. Ударили лошадь, прошла она съ сажень, остановилась. Что за оказія? (Отецъ) приказалъ матери погонять, а самъ сталъ смотрѣть сзади. Смотритъ, колёса не вертятся. Позвали знахарокъ старушекъ; тѣ сразу поняли.—«Да ты взялъ свою юртаву?» —«Нѣтъ».—«Да отчего?»—«Да я откуда возьму ее?»—«Эка ты глупый, да ты усиленно просилъ бы ее, усердно позвалъ бы ее; она впередъ тебя пошла бы».—«Да теперь что дѣлать?»—«Теперь дѣлай что хочешь». Мужикъ испугался, сталъ упрашивать старушекъ, а онѣ и говорятъ: «ну, вотъ что сдѣлай; заложи тройку и начни плакать и звать её, а мы тоже будемъ уговаривать». Этотъ въ самомъ дѣлѣ сталъ упрашивать: «юртавушка, кормилица, прости меня, кормилица; я человѣкъ молодой,

ńan, koje·ŋk kyrdaŋk äži·ń zoda, aty mon iki·ľij gak ťäŕďi·ṷľi-ťiń»; a baŕi·ńiťńä čuvi·ź ja·ḿińiń́ť, targi·ź kä·viń́ť, purny·ź vä·ŕ-χńiń i karma·śť cńa·lduma: «i·ľa ṕe·ńäćä, juṛta·va ma·tuškam, ḿiń väṕeľďeń loma·ťťana ito ťä·ť ḿeŕďana; son od lo·mań, syŕi lo·mańiza ara·ś, ṕŕaṷs pu·tyćaza ara·ś; oza·k mary·nʒa, son uskta·nʒat, ŕiďi ńe χočėšja·lga moľeńä». I putyź śe käviń́ť śe kran-dazyńťi i syrga·ťtyź ala·šäťńiń. Ton ḿäšť duma·t; sońć moľä·ja·lga, alašäťńiń bo·kasa, a kranda·zyś čava, ańćik käviś to·sa, a ala·šäťńińiń kojkak u·skuvä, a koda·k paćkyćť ṕe·sėk tarkas, čary·χńä tušť stuṕića·va, i kodaja·k asa·jivä.—A mon i ḿeŕeń ťänʒa: «dy možy käviń́ť äsa pudo·ṷ sto uľńiś?»—«Eka dura·kat, veď ton maŕi·ť, syŕi ba·ŕińiť saji·ź i puty·ź, ara·žďä śesa sto pu-do·ṷ? Ṕek la·ma ṕeľ po·nda. A son oza·ś, śeks i staka·. Son čaṷś čaṷś alašäťńiń äsa, karma·ś cńa·lduma juṛtavańťi, valgy·zy śe. Druk alašäťńä syrga·śť i tušť a·rdyź.

обычаевъ и правовъ вашихъ я не зналъ, а то я впередъ бы тебя позвалъ». А старушки вырыли ямочку, вытащили камень, собрали кровь и стали упрашивать: «не пеняй, юртава матушка, мы люди посторонніе и то тебѣ скажемъ: онъ человѣкъ молодой, у него нѣтъ стараго человѣка, нѣтъ кто бы наставилъ его на разумъ; садись съ нимъ, онъ тебя довезетъ, если не хочешь идти пѣшкомъ». И положили онѣ этотъ камень на телѣгу и погнали лошадей. Ты что думаешь: самъ онъ идетъ пѣшкомъ, рядомъ съ лошадьми, а телѣга пустая, на ней только камень, а лошади еле-еле везутъ, а когда проѣзжали по песчаному мѣсту, то колеса уходили по ступицы, и никакъ не возьмешь (возъ). А я ему и говорю: «да, можетъ быть, въ камнѣ было пудовъ сто»? — «Экій ты дуракъ, вѣдь ты слышалъ, что его взяли и положили старушки, развѣ тамъ сто пудовъ! Много очень, если полпуда. А она сѣла, потому и тяжело. Онъ билъ билъ лошадей и сталъ упрашивать юртаву, чтобы та сошла. Лошади вдругъ тронулись и пошли вскачь».

Von mon d'ät äźi·ń jö·fńä: koda· od godėń ka·rča jakśiśt ḱi-v́i·sa kajśi·ḿä, kolmy ḱi u·lys kulcynu·ma, ceŕkova ḱäŋkš la·ŋks vannu· ma, ṕiŕi·s kolò·zėń targa·ma. Ĺiśi·t́ pa·kśas ṕiŕi 'daluu̯ i ko·sė ḱiś jä·v́i i t́ej i tou̯, ko·lmou̯, śezė·ń mo·ľet́ čeŕe·ń stra·-ftyź, karkstu·ma, kŕosto·ma; pryt́ ṕäki·śḱä laŋks; kou̯ ga·k ava·-nyt́ i ṕŕast a ḱäpśisyź i kulcy·nyt́. B́id'ä go·dėś para u·ľä, śe·sta maŕäv́ä čyky·rf, prok pulḱt usḱit́, a b́id'ä b́eŕäń, kaldyrf maŕäv́ä, prok kou̯gak ard́y·ćat. A b́id'ä kulu·ma ska·lyń u·ľä, śesta skal̦t pary·t́, a b́id'ä čumbra· go·dėś uľä·, śesta skal̦t ḱečḱeŕet́, a b́id'ä lomańiń kulu·ma uľä·, lajšy·ma maŕäv́ä, a b́id'ä kuluma au·ľä, morė·ćat maŕäv́it́. —«A kulu·mat äŕći·śt́ śed́iḱi·ľij, d'eda·j?»—Ena ḿäźä, i skaly·ń i tuvyń i loma·ńiń. Dy ton iľa· dońä·, mon d'ät́ ḿäjľä źardy jak joŕńcsėń, a ńej vot kulcy·nyk, koda· kolò·zėń targa·ma jakśi·śt́. Moľe·t́ ṕiŕi·s, od'e·ńeja va·kss, i ṕäjsa tarǵi·t́ o·l̦gėńä i tuji·t́ mary·nʒa i varča·syź. B́id'ä ko·lòzėś ṕeškśä, to śeń z baľi ära·msta v́äśiḿi ta·rkaza uľiḿi karḿä· ṕeškśä, a b́id'ä

Вотъ я тебѣ не разсказалъ, какъ наканунѣ Новаго года ходили лить свинецъ, слушать на распутіи трехъ дорогъ, смотрѣть въ церковныя двери, выдергивать колосья на гумнѣ. Выйдутъ на поле за гумна и гдѣ дорога расходится и туда и сюда, въ три стороны, туда придутъ съ распущенными волосами, безъ поясовъ, безъ крестовъ; упадутъ ничкомъ; никуда не смотрятъ и не поднимаютъ головъ и слушаютъ. Если годъ будетъ хорошій, тогда слышится скрипъ, будто везутъ снопы, а если плохой, то слышится грохотъ, точно куда-то скачутъ. А если будетъ моръ на коровъ, тогда ревутъ коровы, а если будетъ здоровый годъ, тогда коровы стучатъ рогами, а если будетъ людской моръ, слышится вопль, а если не будетъ мора, слышно какъ поютъ. — «А въ старину, дѣдушка, бывали моровыя повѣтрія?» — Какъ же, и коровьи и свиныя и людскія. Да ты не приставай, я потомъ тебѣ когда-нибудь разскажу, а теперь вотъ послушай, какъ ходили выдергивать колосья. Пойдутъ на гумно къ одонью и зубами дергаютъ соломинку и уйдутъ съ нею и разсматриваютъ. Если ко-

ko·lözėś čava, to ƀednė·jsta äŕa·ma karḿi·t́. A ceŕkovavakss jakši·śt́ vanu·ma, v́äχt́i v́äχt́i lo·mań ary· i vanä·. Ḱiń ńe·jä juta·myda va·kska, śe t́e go·cteńt́ ku·lä. Ḿińi·ḱ pat́a·m iśt́a ja·kaś v́äśt́. Vany, lomań sy äzynza, vany-va·ny lo·mańińt́i, a lo·mańiś soń́ć. Tanda·ć i napy·śt́aś kudu·u. Saś i jofta·ś ava·ńiń. Soń́ć praś sėŕe·ďemä i kuly·ś.

Ḿińiḱ v́ä·ĺisa, ƀiďi loma·ńiś ača·čńä, śe ṕeḱ ḿeĺa·ftä. Mukšnu·v́it́ iśt́att ba·bat; mon zoda·n v́äχḱä, ḿeŕńet́ t́änʒa Laba·n baba. Son mašty t́äjńimä, mon ṕeḱ paŕćt́ä so·dasa·. Son t́ä·jä ćapa·ksyń ńa·ka, śe byta äχt́, i moĺet́ ṕeĺev́ät́ ačačńi·ća a·vańt́ marta ĺej ʒy·ŕis. Ava·ś pry ko·mada, karkstu·ma, ḱosto·ma, ćeŕe·nʒa no·ldaź. A baba·ś karḿä· ḿäśt́ ƀi·ďä toška·ma. To·šḱä-to·šḱä, puńšä-

---

лосъ полный, то въ семейной жизни у него во всемъ будетъ достатокъ, а если колосъ пустой, то они станутъ жить бѣдно. А къ церкви ходили смотрѣть; по одному человѣку станутъ и смотрятъ. Кого увидятъ проходящимъ мимо, тотъ въ этомъ году помретъ. Наша старшая сестра такъ пошла однажды. Видитъ, идетъ къ ней человѣкъ, смотритъ-смотритъ на человѣка, а человѣкъ-то она сама. Испугалась она и пустилась бѣжать домой. Пришла и разсказала нашей матери. Сама заболѣла и померла.

Въ нашей деревнѣ, если женщина не родитъ, то очень тужитъ. Можно найти такихъ старухъ; я знаю одну, ее называютъ баба Лабанъ. Она умѣетъ ворожить; я отлично ее знаю. Она сдѣлаетъ куклу изъ тѣста — это будто ребенокъ, и пойдутъ въ полночь вмѣстѣ съ нерожающей женщиной на берегъ рѣки. Женщина упадетъ ничкомъ, безъ пояса, безъ креста, распустивъ свои волосы. А старуха начнетъ что-то нашептывать. Пошепчетъ-пошепчетъ, подуетъ-подуетъ и скажетъ: «на, вотъ этого тебѣ, а

puŋśä i ḿe·ŕä: «na, vany ťeń tońďäť, a ḿińďäńiḱ makst tońće·ť. Ḿiń toń ǵecta v́äšťa·na i ḿińć tońďäť maksta·na.» Śťiť i tu·jiť. Śedi ḿäjľä ava·ś i karḿä· čačńi·ḿä. A kona· a·vańť kulći·ť äjdi·nʒa, śe vot koda· ťäjńä. Moľä sodė·ća ba·ɓińi marta ṕeľeväť, ťäjä čėńa·ŋkst, ara·fcyńǯä bańa ku·nčkas; syńć ľi·śiť, kä·ŋkšyś pa·nǯada. Vot ava·ś ary ńiľipiľǵilaŋks i karḿä udalyṕe·ľďä po·taź bańäńťi suvama; sońć šta·pa. Suv́ä· i pača·lgyńť v́äľkska. I koda·k pača·lgyśjuta·-v́ä, karḿä ḱiska·ks jarca·ma, a baba·ś aščä· i ťäŕďä: «sada· oďe·ŕ-vam marta jarca·ma, a ḿäjľä goŕa·nsty maksy·da pomo·ga; uľi·st ä·jdinʒa ču·mbrat, part». Vot śeďiḿäjľä i karḿä· ava·ś čačńi·-ḿä, i äjdi·nʒa žiťť uľiḿi ka·rḿiť.

A nalkši·ľińiḱ vot koda·. Ťäχťi·ŕχńä saji·ľť ku·da, śivi·-diľť nuďijsy mo·ŕeća, i śe ku·cyńť son mo·ŕeľ, a syń ťaŋ ťäji·ľť. A vot ro·štovań garča, kaľadań čy·styńť, at ńej ḿeŕeť sočė·ľńck,

---

намъ дай своего. Мы просимъ у тебя и сами мы дасмъ тебѣ». Встануть и уйдуть. Послѣ этого женщина начнетъ рожать. А у которой женщины дѣти умираютъ, та вотъ что дѣлаетъ. Она пойдетъ со старушкой знахаркой въ полночь, сваритъ соляику, поставитъ ее посреди бани; сами онѣ выйдутъ, а дверь отперта. Вотъ женщина становится на четвереньки и начинаетъ, пятясь задомъ, входить въ баню; сама она нагая. Войдетъ, (переступивъ) и черезъ сковороду. И когда она минетъ сковороду, начнетъ ѣсть по собачьи, а старуха стоитъ и зоветъ: «идите купать вмѣстѣ съ молодухой, а потомъ дайте помощь ея горю; да будутъ ея дѣти здоровыми, хорошими». Вотъ послѣ того и начнетъ женщина рожать, и дѣти ея будуть жить.

А игрывали мы вотъ какъ. Дѣвушки брали избу, нанимали играющаго на тростяхъ пѣсенника, и въ той избѣ онъ игралъ, а онѣ работали (свою) работу. А вотъ наканунѣ рождества, въ день

a ja·rcyť ḿäźďi·jak čop; a śe·sta avy̯·ľ iśťa uľni·ś: täχťiŕχńä śe čystyńť guľa·jiḷt, jarcyḷť sy·v́iľďä i sy·v́iľińť maṛta jakś·iḷť raśkist laŋga; ki·ńiń zyť, kava·ńiť, a syń v́ina ťäst maksy·ť. Iśťa· roštova·vasty·ť; iśťa godė·ś paŕćťä ju·taza, v́eśela·sta i čumbračysta; a roštova·styńť čop-čop ťäχťiŕχńä morćeť, uľća kunčkasa, a jakša·myťńä ko·datt uľńi·śť, a syń paćaťtu·myt, čėŕe·st natyj a·šyt ojḿeko·kššėńťe, a čama·st prok ja·kśťiŕä v́äŕ, a keďe·st prok to·l balä, i äśť sėŕeľä jak, a prostu·da ľäḿińť monga·k avyľ uny·k sodamynʒa karḿi·ń; iki·ľä ťe araśiľ valy·ś.

Buala go·tnä mоń po·mńamga kona· robó·tama ama·štuv́ä, śeń kaṛť praksta·t ara·śiḷť; sodak, käḿiń goc kińgak ara·ś, v́äśi ke·ṕä ťeľeńe·k kizyńi·k, a ćora·ťńä uŕvakstu·myzyst poŋksto·ma jakśi·śť.

коляды, а теперь его называютъ сочельникомъ, не ѣдятъ ничего весь день; а тогда было не такъ; дѣвушки въ этотъ день гуляли, ѣли мясо и съ мясомъ ходили по роднымъ; къ кому придутъ, угощаютъ, а они даютъ имъ вина. Такъ встрѣчаютъ рождество; такъ да пройдетъ годъ отлично весело и здорово; а на рождество дѣвушки поютъ цѣлый день по серединѣ улицы, а какіе бывали холода, а онѣ безъ платковъ, волосы даже побѣлѣютъ отъ (ихъ) дыханія, а лица ихъ точно красная кровь, а руки ихъ точно огонь горитъ, и даже не хварывали, а слово простуда и я недавно сталъ знать; прежде не было этого слова.

Въ былые годы на моей памяти у того, кто не годится (по малолѣтству) работать, не было ни лаптей, ни портяновъ; знай, что всякій, кому нѣтъ десяти лѣтъ, ходилъ босой всю зиму и все лѣто, а парни ходили безъ штановъ до женитьбы.

Dy śe·sta uŕva·kśńiść kak avyľ iśťa·; godė·nʒa käḿźi·śińgä, a popȯ·ś ave·nčä: «učyk, keľä, źa·rdy kämga·ųksuva to·pȯďeť, a ṕiďä au·čat, a·źi aŕɣiŕe·jńeń». Syń jožo·ft; sońďänʒa makst, son ďäť śorma·dä śorma; da aźä toų eščo usk. Śe·sta mo·žna, śe·sty ḿe·ŕeť. A śe·sta — ton Ľe·kyŕiŋkań soda·syť? — synct ďeda·st ulńi·ś pop, ḿińik tašty ćeŕkova·syńť. Śe·ńeń vot koda·: koda·k četveŕť vi·na, dy tuľä·ųks godo·ų dvuɣ, dy ma·ćij, i kämgo·tova go·ca u·ŕvakśńiś. Mon mońć kämgotova go·ca uŕva·kstufan, a ťäťa·m kämgaftuvysa. Dy ton Ľova a·ťäńť pomńa·sak? — «E·na ḿä·źä! ćäj ŕac ä·ŕińik». — Nu vot son toža kämga·ťtuva go·ca u·ŕvakstuf. Son jofńe·ś mońďäń. Dy son ḿeŕć, baba· ťänʒa sajść komśśi·śińgä go·ca. Mon śeďi oda·n, a baba· saji·ń komś ka·ųksyva go·ca. Śeďiki·ľä komśvä·ťijä gotta ikiľä i äść makśńi jak i äść sa·jińi jak; ťe sa·maj od ńeve·sta.

Да тогда и женились не такъ (какъ теперь); семнадцать лѣтъ ему, а попъ не вѣнчаетъ: «жди, говоритъ, пока не исполнится восемнадцать, а если не будешь ждать, то иди къ архіерею». Они хитрые; дай ему, онъ тебѣ напишетъ письмо, да ступай еще отвези туда. Тогда можно, тогда разрѣшатъ. А тогда — ты знаешь Лѣкаревыхъ? — ихъ дѣдъ былъ попомъ, въ старой нашей церкви. У него вотъ какъ (было): если четверть вина, да поросенка годовъ двухъ, да гуся, онъ вѣнчалъ и шестнадцати лѣтъ. Я самъ женился шестнадцати лѣтъ, а отецъ мой двѣнадцати. Да ты помнишь старика Леонтія? — «Какъ же! чай мы рядомъ жили». — Ну вотъ, онъ тоже женился двѣнадцати лѣтъ. Онъ мнѣ сказывалъ. Да онъ сказалъ (мнѣ), что ему взяли бабу двадцати семи лѣтъ. Я очень молодой, а бабу взялъ двадцати восьми лѣтъ. Въ старину раньше двадцати пяти лѣтъ и не отдавали и не брали; это самая молодая невѣста.

Vot koda· ḿiń śeďiḱiľä poč́ ťäjńińiḱ. Ko·ńeḱlaŋksa äŕći·śť jaža·ma ḱäťť. V́äχḱi·ś ala, a ombóćeś laŋksa; laŋksy·ńťiń śulma·f pa·lka, a palka·ńť o·mbóće ṕä·za śulma·f po·tólyks; v́eŕćä ḱäŋsyńť va·ŕa; śe va·ŕäńťi kaji·ť śu·ra i śe pa·lkadyńť karḿi·ť ćara·fńiḿä, i śury·ś ńe ḱä·f́ńiń ju·tksa jaža·v́ä i ľiśä· krugo·m ńe ḱä·f́ńiń ju·tkuva kośe·ḱeńť la·ŋks. Vot ńeť uľńiśť počťe·ńek.

Ńej ńesa·k, avanyk koda avaťńä äŕi·ť. Ramak ťäst kručoŋka, ramak ťäst sapy·ń, ramak ťäst gary·z, rama·k ťäst kryžy·vat, rama·k ťäst iḱi·ľgapaća, ramak ťäst surkst, ramak ťäst ṕiľi·kst; a śeďiḱi·ľi ḿäźi jak ťäst ara·śiľ, a ko·tat, a kolė·šat. Ḿiń vot koda äŕi·ńiḱ: v́iďiťa·na muška i ava·ťńińiń kodė·ľećeḱ kaŕť; ḿäjľä·son koda· so·dä iśťa i zabo·tä; ḿińiḱ ṕe·ľďä ḿäźija·k iľa ḱäŋkśńä, a ḿińďä·ńiḱ dava·j i poŋkst i pana·ŗt i praksta·t i vaŕga·t i ćulka·t i ofćena·nyk kak ťäji·ť i tundy·ń nujima·nyk kak nuji·ť; i

---

Вотъ какъ мы въ старину добывали муку. На кровати были жерновые камни. Одинъ внизу, а другой на верху; къ верхнему была привязана палка, а другой конецъ палки былъ привязанъ къ потолку; въ верхнемъ камнѣ дыра; въ эту дыру насыплютъ зерна и начнутъ вертѣть этой палкой, и зерно мелется между этими камнями и выходитъ со всѣхъ сторонъ изподъ этихъ камней на копикъ. Вотъ это было нашей мукой.

Теперь посмотри, какъ женщины живутъ безъ заботы. Купи имъ кручонки, купи имъ мыла, купи имъ гарусу, купи имъ кружевъ, купи имъ передникъ, купи имъ кольца, купи имъ серьги; а въ старину у нихъ ничего не было, ни ботинокъ, ни галошъ. Мы вотъ какъ жили: посѣемъ коноплю и сплетёмъ женщинамъ лапти; а потомъ она какъ знаетъ, такъ и промышляетъ; отъ насъ пускай не спрашиваетъ ничего, а намъ давай и штаны и рубашки и портянки и варежки и чулки и даже овчины онѣ намъ надѣлай и ве-

a·jďit kak orčč·ť i ťäχťi·ŕit kak anyksty·k. A any·kstamyťńä ṕek lamy äŕaśť. Kodak čy·jasyź—kaźńiť, koda·k ma·kscyź—kaźńi·ť, koda·k ra·štä—kaźńi·ť. Vot ḿäks kua·ć i äŕći·kšnyśť ťäχťi·ŕks. Ton tońć duḿik, loma·ńiś ṕŕävi·jat, źary äŕävä any·kstams ťäχťi·ŕińťi, dy duḿik źarda· any·kstams; veď ava·ś mary·nyk nuji· kizyń-ľäŗť, ṕifcä· ťeľeńľäŗť; sola·fńima la·χga ṕifcums ńeľʒa·, son koct kodä·; a vot du·maka, źardy son ščy·ŕďä? Veď mušky·ś a·äŕä·vä any·-kstams; vaśńa· targa·ms, ḿä·jľä naksa·ftums, ḿäjľä čalga·ms, ḿäjľä tomľams, a ḿäjľä ščyŕďi·ms; dy kudyń ťävi·t ka·k ťäji·k[1]): ušt-java·ft, sara·zyt tuvy·t andy·ť. Śe·sta ava·ťńä i·śta äŕäśť: ščyŕďi·msta äśť ma·ďńä, a ščyŕďä-ščyŕďä i ma·ťiďivä o·zada; a ľija·ń eščo· äjďi·nʒa źa·ryja; käńiŗť krugo·m. Ńe ťäťńi vä·śi synct uľńi·śť, i ćora·ťńiń la·myľ ďävi·st. Ťeľeńľäŗť uskśi·ťana, a kizyń-ľäŗť pakśa·sa robóta·tana. A oďe·ŕvanyk, kona·ń sa·jsyź, aťa·fynza

1) ťäji·ť.

сеннюю жатву намъ сожни, и дѣтей твоихъ она одѣнь и дочь твою она снаряди. А снаряженіе требовало очень многаго. Какъ только просватаютъ — дарятъ, когда отдадутъ—дарятъ, когда родитъ — дарятъ. Вотъ почему и жили долго въ дѣвкахъ. Ты самъ подумай, человѣкъ ты смышлёный, сколько надо приготовить дѣвушкѣ, да подумай, когда приготовить; вѣдь женщина жнетъ съ нами все лѣто, молотитъ всю зиму; во время оттепели нельзя молотить, она ткетъ холстъ; а вотъ подумай, когда она прядетъ? Вѣдь коноплю надо приготовить; сначала дёргать; затѣмъ сгноить, затѣмъ смять, затѣмъ столочь, а ужъ потомъ прясть; да дѣлай (при этомъ) твое домашнее дѣло: топи печку, корми куръ и свиней. Тогда женщины жили такимъ образомъ: при пряденіи не ложились, а попрядётъ она попрядётъ да заснётъ сидя; а у другой еще много дѣтей; поспѣвай вокругъ. Эти дѣла были всѣ ихъ, а и мужикамъ было много своихъ дѣлъ. Всю зиму мы возимъ, а въ теченіе всего лѣта работаемъ въ полѣ. А молодушка, которую у насъ возьмутъ замужъ, не увидитъ своего свекра босымъ въ те-

kep̍ip̍il̍g̍i·uʒa kolmy gott añc·sèńʒä. I od̍e·ŕvaś raštaųmy·zyuʒa stol̍ekšc a o·jśä, a śt̍a·dy ja·rcä; äŕv̍ä·χkińiń śińi·ms kandä· i jarca·my ḱäńi·ŕiza.

Ešč̍o ḿińiḱ narodònčk p̍eḱ p̍äl̍it̍ śäl̍ḿid̍imada i t̍eń kuvalma ḿińiḱ ul̍it̍ lama karč̍a ḿeŕemanyk. Pryḿer. B̍id̍ä lomańiś t̍ät̍ ḿeŕä: «eχ, koda ton spraviť», äl̍i «koda ton śupalgadyt̍», äl̍i «kodama äjd̍it vad̍ŕa», v̍äši ńeń karč̍a ḿeŕńet̍ mińiśunyks. Ḱi ḿeŕä: «mykyryzyn śäl̍ḿit, vaćizyn p̍äjit», ato: «pśi žaŗt śäl̍ḿizyt, p̍ič̍ä šaŗt mykyryzyt», äl̍i:» t̍fu! käft̍ čovòŗt śäd̍ijizyt, śiśiń pakśań kotkòdaft śäl̍ḿizyt čamazyt». A b̍id̍ä ḱi ḿeŕä śoųnomsta: «na, mykyrym palyḱ», śeń karč̍a ḿeŕńet̍: «ćućńä mykyryzyt, daj Vospod̍i, ul̍ist», ato: «v̍äŕ apara orma mykyryzyt».

ченіе трехъ лѣтъ. И молодуха, пока не разродится, не садится за столъ, а ѣстъ стоя; каждому подаетъ пить, а ѣсть пусть поспѣваетъ.

Еще народъ нашъ очень боится глазу, и отъ него у насъ много встрѣчныхъ словъ[1]). Напримѣръ. Если человѣкъ скажетъ тебѣ: «эхъ, какъ ты поправился», или «какъ ты разбогатѣлъ», или «какъ хорошъ твой ребёнокъ», всѣ напротивъ этого говорятъ поносически. Кто скажетъ: «глазъ твой мнѣ въ задъ, зубъ твой мнѣ въ калъ», а то: «горячіе уголья тебѣ въ глазъ, сосновыя иглы тебѣ въ задъ», или: «тьфу! камни и пеньки тебѣ на сердце, муравьи съ семи полей тебѣ въ глаза и въ лицо». А если кто скажетъ въ ссорѣ: «на, поцѣлуй мой задъ», то въ отвѣтъ на это говорятъ: «дай, Господи, чтобы у тебя въ заду были французы», а то: «тебѣ въ задъ (болѣзнь) ракъ».

---

1) Т. е. такихъ которыми можно сглазить.

Vospoďi Pas čavgyť, čoksńeń zoŕa Maŕija, valćḱiń zoŕa Daŕija, vanumak, Veŕäpas, kořmeńcć, iľamak makst kořmeńećḱeḿ, dušman lomańńiń sävims, oža šäľmińiń šäľmiďims, piżä šäľmińiń osoďams, ćur Pas čavgyť, ćur ańiń, ćur ańiń [1]).

Kodak vasyďiť kafta lomaťť, i ḱiďä väχḱiš karmä ďivama ombóćeńť lavks i ḱiďä ḿeŕä, koda ton spraviť, iľa kodama äjďit vaďa, šesta ombóćeš ḿeŕä: «ťfu! käťť čovoŕt šišiḿ pakšań kotkódaft šäľmizyt čamazyt, (iľa:) vaćizyn päjit, mykyryzyn šäľmit.

Kalmalavgyń oznoma. Suvamsta ḿeŕä: Pokščat babat, roďiťiľť praviďnyχť uľist čańfivk; satana ťäŋk ľäzyń poľga ḿäľga, ḿeńkséń séťks ḿäľga. Mäjľä moľä še kalmyńť lavks, konań äjsa šeťť ikiľij

1) Эту молитву читаютъ на сонъ грядущій старухи для огражденія отъ душмана (губителя) и глаза.

Господи, Боже помилуй, вечерняя заря Марія, утренняя заря Дарья, охрани меня, Всевышній кормилецъ, не отдавай меня, кормилецъ, на съѣденіе дурному человѣку, на сглазъ желтому глазу, на осуду зеленому глазу, чуръ, Боже помилуй, чуръ аминь, чуръ аминь.

Когда встрѣтятся два человѣка, и если одинъ начнетъ смотрѣть на другого и если скажетъ, какъ ты поправился, или какъ хороши твои дѣти, тогда другой скажетъ: «тьфу! камни и пеньки и съ семи полей муравьи тебѣ на глаза и на лицо», (или:) «твои зубы на мой калъ, твои глаза на мой задъ».

Моленіе на могилахъ. Входя (она) говоритъ: Дѣдушки бабушки, праведные родители, да будутъ ваши милости, мы приходимъ къ вамъ за пользой и исцѣленіемъ, за перемѣной и облег-

kalmaf syŕä lomań, pŕapäzynʒa aščä stoľčšńek (od koct), koctèńť laŋks putä zakuskińiť, ḿädńä, sajä groškä i karḿä äjsynʒa kyŕgama, a kyrgamsta karḿä ćnalduma śe kalma azyryńťi. Ḿeŕä: Kalmyń ušydyj Ťuma aťa i ṕižä äχť Ḱiŕej, v́äšńida iśťama lomań, šta ľäzyń poľgań v́äšńića, ľäzyń poľgań tujića, ḿeńksèń sèťksèń maksyća.

Ḿäjľä taga ḿeŕä: «Pokščat babat, uľiza ćańťiŋk, uľiza ḿilyśťiŋk. Vana syńik, vana (ľäḿ sèŕeďećäńť) marta, ľäzyń poľga ḿäľga, ḿeńks sèťks ḿäľga. Ḿäjsta saś, ḿäjsta uľć? Moža saś šumsta, moža saś zdorcta, moža śťamsta pramsta, ṕeŕäń valyń ḿeŕemsta. Vana, koŕḿeńeć, syńik, vana, koŕḿeńeć tyŋḱ laŋks ṕiďiń pańiń stŕapńanyk marta, ranań ṕiščanyk pojlanyk marta, aša skaťerynyk marta, maksyda (имр.) uproščèńija». Ḿäjľä säŋsyńǯä i ḿeŕä: «Paśiba paśiba ḿeńksèń sèťksèń maksyćańiń. ľäzyń sèťksèń tujićańin. Van ťäŋḱ, koŕḿeńećḱen, kyrgan ponda ṕižä ponda śija.

ченіемъ. Потомъ она идетъ на ту могилу, гдѣ всѣхъ прежде похороненъ старый человѣкъ, постелетъ со стороны головы столешникъ (новый холстъ), на холстъ положитъ закусочки, медку, возьметъ грошикъ и начнетъ имъ ширкать, а ширкая начнетъ просить хозяина той могилы. Скажетъ: Положившій начало кладбищу, Тимоѳей старикъ и малое дитя Кирей, ищите такого человѣка, который ищетъ пользу и исцѣленіе, приноситъ пользу и исцѣленіе, даетъ перемѣну и облегченіе.

Потомъ опять скажетъ: «Дѣдушка, бабушка, да будетъ ваша милость. Вотъ мы пришли, вотъ вмѣстѣ съ (имя болящаго), за пользой и исцѣленіемъ, за перемѣной и облегченіемъ. Съ чего пришло, съ чего сталось? Можетъ быть, пришло съ шума, можетъ быть, пришло со вздора, можетъ быть, со вставанія и съ паденія, съ произношенія дурного слова. Вотъ, кормилецъ, мы пришли, вотъ, кормилецъ, къ вамъ съ испеченными и состряпанными кушаньями, съ раннею пищею и питіемъ нашимъ, съ бѣлою скатертью нашею, дайте (имр.) прощеніе». Потомъ она съѣстъ

v́äśimińiń satftyḱ, v́äśimińiń ušarftyḱ; kop̍ejkań kop̍ejkań jav́iŋḱ, d́eńeškań d́eńeškań jav́iŋḱ, v́äśimińiń uĺiza, v́äśimińiń satyza, ĺäzyń poĺgań maksyćäńiń, ḿeńkséń sétkséń tujićańiń. «Ḿäjĺä ćurasy p̍iŕasy krugom séŕed́ećäńt́, kolmókśt́ śukyńä modas i tujit́ kuduŋ.

Pas čaŋgyt́, ćurasa p̍iŕasa (имр.), śiźǵäḿiń śiśiḿ ćur, śiźǵäḿiń śiśiḿ aḿiń.

Ežǯama. Ńišḱipas čaŋgyt́. V́eŕepazyń čačč p̍ervój mastyryza, mastyr laŋks čačč p̍ervój moda slojeza, tosa čačč modańt́ laŋks śovóń slojeza, V́eŕepazyńt́ śovóńeńt́ äjsta t́äjśt́ p̍ećka. Ḿäjĺä V́eŕepazyńt́ śovóńeńt́ äjsta t́äjśt́ čakš. V́eŕepazyńt́ modańt́ laŋks čačč v́iŕ. Śe v́iŕińt́ äjsta ḱäŕäśt́ tumyń p̍eń. Moĺä d́eduška Ḿiśej uźiŕinǯa marta. D́eduška Ḿiśej, ḿäśt́ jakat? Dy vot ḿäśt́ jakan, ḱäŕasa t́e tumyńt́ i ušca śe

---

это и скажетъ: «Спасибо, спасибо давшему перемѣну и облегченіе, принесшему пользу и облегченіе. Вотъ, вамъ, кормильцъ мои, я чиркаю пудъ мѣди и пудъ серебра, сдѣлайте такъ, чтобы всѣмъ хватило, чтобы всѣмъ досталось; по копейкѣ раздѣлите, по денежкѣ раздѣлите, пусть будетъ всѣмъ, пусть хватитъ всѣмъ, давшимъ пользу и исцѣленіе, принесшимъ перемѣну и облегченіе». Потомъ зачураетъ больного вокругъ, трижды поклонится въ землю, и пойдутъ домой.

Богъ помилуй, я зачурала (имр.) семьюдесятью семью «чурами», семьюдесятью семью «аминями».

Приговоръ. Нишкипазъ, помилуй. У Бога родилась его первая земля, на поверхности земли родился его первый земляной слой, потомъ на землѣ родился его глиняный слой, изъ глины Всевышняго сдѣлали печку. Потомъ изъ глины Всевышняго сдѣлали горшокъ. На землѣ Всевышняго родился лѣсъ. Въ этомъ лѣсу срубили дубовый пень. Идетъ дѣдушка Моисей съ топоромъ. Дѣдушка Моисей, что ходишь? Да вотъ что хожу, срублю этотъ

ṕečkańt́. Vot koda palä ṕečkasyńt tumyń ṕäŋǵiś, iśt́a palyza (имр.) śäd́ijiza (имр.) ḿäĺga. Koda lakä Vetepazyńt čakšyza, tarka eźeḿ a mujä, iśt́a (имр.) lakaza śäd́ijiza (имр.) ḿäĺga. Ńiškipazyń mastyr laŋks čačč eĺd́eza. Ńiškipazyń koda vašija eĺd́eza, koda eĺd́eś v́ečksä vašynʒa i praftä ḿäĺganʒa, v́ečkessa i praftyza (имр.) (имр.) ḿäĺga. Ńiškipazyń čačč skalyza (и т. д.)—guĺkińä—t́anava—ṕiśmar,—žavŕonka...

Ḱäĺḿiftima. Ińiv́äd́ińt́ kunčkasa ostrov, ostrovóńt́ kunčkasa tuma, tumyńt́ ala stoĺ, stoĺ ekšćeńt́ ińicta lomat́t́, śiḿit́, guĺäjit́, v́äχki v́äχkist laŋks śavyŕkšnyśt́, v́äχkist v́äχkist äjsa pozóŕet́, tumyńt́i śulmaft kolma v́äŕǵist, v́äχkist v́äχkist äjsa śeźńet́ noznét́. Koda ńe v́äŕǵisnä v́äχkist v́äχkist äjsa śeźńet́ noznét́, iśt́a (имр. имр.) marta śeźńeza noznéza.

дубъ и истоплю эту печку. Вотъ какъ горятъ въ печкѣ дубовыя дрова, такъ пусть горитъ (имр.) сердце за (имр.). Какъ кипитъ горшокъ Всевышняго, не находитъ мѣста, такъ пусть кипитъ (имр.) сердце за (имр.). У Нишкипаза на землѣ родилась кобыла. Когда ожеребится Нишкипазова кобыла, какъ любитъ кобыла своего жеребенка и гопится за нимъ, (такъ) пусть любитъ и гопится (имр.) за (имр). У Нишкипаза родилась корова и т. д.—голубка,—ласточка,—скворецъ,—жаворонокъ, и т. д.

Отговоръ. Посреди большого моря островъ, посреди острова дубъ, подъ дубомъ столъ, за столомъ пьяные люди, пьютъ и гуляютъ, другъ на дружку покачнулись, другъ дружку срамятъ; къ дубу привязаны три волка, другъ друга рвутъ терзаютъ. Какъ эти волки рвутъ терзаютъ другъ друга, такъ (имр.) вмѣстѣ съ (имр.) пусть рвутъ терзаютъ.

Tumyńt́ ala kandyma. «Ińiv́äd́iń tombaĺd́ä saś baba, kšńiń śaŋk ked́enʒa, kšńiń kopejat piĺginʒa, kšńiń palka kecėnʒa v́eŕej käpid́iźä, aluŋ vačkyd́iźä, mastyryń päŕt́ straftyźä komaftyźä. Mäńiĺiń päŕt́ säń kačamyks noldėźä (имр.) urmanʒa tarvynʒa. Śe babaś strafcyńǯä kalafcyńǯä šumsta safynʒa, zdorcta safynʒa i prama tarkań narfyćinʒa i v́äd́ narfyćinʒa i tol narfyćinʒa i varma narfyćinʒa. Śe babaś strafcyńǯä, śe kalafcyńǯä, śe varma ḿäĺga noldasyńǯä».

Kortaftuma kardazyń kuvalma. «Jurtyń kiŕd́ij jurtava, käŕäń ʒočkėń Bas, korḿeńeć, aščyk kardajsa, vanyt́ skoŕenat tońć, aščyk kisyst košagaks, äŕväχkä tarkas čaŕt́imak dušman lomańd́ä, tolda, čaŕt́imak v́äśimä tarkas».

Какъ кладутъ (больного) подъ дубъ. «Съ той стороны большого моря пришла старуха: желѣзныя вилы ея руки, желѣзныя копья ея ноги, желѣзную палку она подняла рукою своею кверху, ударила книзу, вокругъ земли разложила, опрокинула. Вокругъ неба она пустила синимъ дымомъ (имр.) болѣзни и болести. Та старуха разгонитъ разоритъ притку отъ шума, притку отъ вздора, болести (?), причиненныя паденіемъ, болести (?), причиненныя водою, болести (?), причиненныя огнемъ, болести (?), причиненныя вѣтромъ. Та старуха разгонитъ ихъ и разоритъ, по вѣтру пуститъ ихъ».

Заговоръ насчетъ двора. «Содержащая корень дома юртава, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, будь на дворѣ, сама смотри за скотиной, будь для нея какъ стѣна, наставь меня на разумъ на каждое дѣло, (ограждая) отъ злого человѣка, отъ огня, наставь меня на разумъ на всякое дѣло».

Śokśńa ṕäčkiť žertvaks aťakš, kävińť laŋks noldasyź váŕińť. Ṕäčkimsta ḿeŕä ṕäčkićäś: «Jur̦tyń ǵiŕďij jur̦tavińiḿ, käŕäń ʒočkéń Pas, koŕḿeńećkeḿ, toń ľäms ṕäčkińä, aščyk äŕväχki tarkasa ŕicań narmyńiń ǵisa, kardajsy skoťenań ǵisa raštamga rapyndamga». Ḿäjľi ṕiďisyź, pucyź stoľlaŋks, ťäjiť braga, käṕiďiť osks tagy iśťa: «Pas čaŋgyť, Pas čaŋgyť, koŕḿeńećkemat, jur̦tyń ǵiŕďij jur̦tavińiḿ, käŕäń ʒočkéń Pas koŕḿeńećkeḿ, vana, ṕiďińik pańińik ašy keďńesa, čožʒa ḿeľńesa, vana, koŕḿeńećkemat, jur̦tyń ǵiŕďij jur̦tavińiḿ, käŕäń ʒočkéń Pas, koŕḿeńećkeḿ, ṕeškšä stoľńeḿ mar̦ta äŕan, ṕeškšä stoľńeḿ mar̦ta oznan». Sajä kaša čakškä, stoľeńť laŋga käṕśä i kor̦tä: «Vot jur̦tyńǵiŕďij jur̦tavińiḿ, käŕäń ʒočkéń Pas, koŕḿeńeć, źara kašasyńť jamkskiť, śńara makst äŕama čy». Ḿäjľä saldyrkscyńť tokasy i ḿeŕä:» «Jur̦tyńǵiŕďij jur̦tavińiḿ, käŕäń ʒočkéń Pas, korḿeńećkeḿ, źara saldyrkscyńť salnyť, śńara makst śeḿejazynyk čumbrań paryń čy». Syviľińť käṕiťcy i ḿeŕä: «Vana, saraskä ṕäčkiń ľäḿizyt, Pas čaŋgyť, Pas koŕḿeńeć, vana ozńetana, ŕeŕej

---

Осенью рѣжутъ въ жертву пѣтуха, пустятъ кровь на камень. При рѣзаніи рѣжущая говоритъ: «Содержащая корень дома юртавушка моя, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, въ твое имя я зарѣзалъ, будь на всякомъ мѣстѣ за птицу, на дворѣ за скотину, чтобы она плодилась и тучнѣла». Потомъ сварятъ его, поставятъ на столъ, приготовятъ брагу, поднимутъ моленіе опять такимъ образомъ: «Боже помилуй, Боже помилуй, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, вотъ, мы сварили испекли бѣлою ручкой, съ легкимъ намѣреніемъ; вотъ, ты моя кормилица, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, я живу съ своимъ полнымъ столикомъ, я молюсь съ своимъ полнымъ столикомъ». Возьметъ горшечекъ каши подниметъ надъ столомъ и скажетъ: «Вотъ, содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица, сколько въ кашѣ крупинокъ, столько дай дней жизни». Затѣмъ дотронется до солонки и скажетъ: «Содержащая корень дома юртавушка,

käṕiťcyńik keďenėk, mastyruṇ noldasyńiḱ śuk ṕŕanyk. Vana, koŕḿeńećḱenėk, oznėtana̋ kuca śeḿejań ǵis, maksyzat kuca śeḿejańiń čumbra paryčy, kardajsy skoťenańiń ra·štams rapyndams. Juṛtyń ǵiŕďij juṛtavińiḿ, käŕäń ʒočkėń Pas, koŕḿeńećḱem, aščyk tońć, koŕḿeńećḱem, košagaks». Ḿäjľä lotket́ i kaŕḿit́ jarcama.

B́iďä pry äχť, śukyńafńisyź: «Juṛtyń ǵiṛďij juṛtavińiḿ, käŕäń ʒočkėń Pas, koŕḿeńećḱem, v́ečkat jaḱijďä, v́ečkat paḱijďä, v́ečkat äŕijďä aščyjďä, v́ečk śťićady pryćady jak. Moža, praś (имр.) laŋgyzyt, moža son tomb́eńʒet́, a ton sonʒy tomb́eḱ; uprośťeḱ, juṛtavińiḿ, koŕḿeńećḱem, uprośťeḱ» (loṷnoms kolmȯkśť i śukyńafńims).

богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, сколько въ солонкѣ крупинокъ, столько дай добра нашему семейству». Подниметъ мясо и скажетъ: «Вотъ, я зарѣзалъ въ твое имя курочку, Боже помилуй, Боже кормилецъ, вотъ мы молимся, кверху поднимемъ наши руки, къ полу опустимъ поклонныя наши головы. Вотъ, ты наша кормилица, мы молимся, въ домѣ за семейство, чтобы ты дала въ домѣ семейству здоровья, во дворѣ скотинѣ размножаться и тучнѣть. Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, будь ты сама, кормилица моя, стѣною». Потомъ перестанутъ и начнутъ ѣсть.

Если упадетъ ребенокъ, заставятъ его кланяться: «Содержащая корень дома юртавушка, богиня срѣзаннаго отрубка, кормилица моя, ты любишь ходящихъ, любишь проходящихъ, любишь живущихъ и пребывающихъ, люби и встающихъ и падающихъ. Можетъ быть, упалъ (имр.) на тебя, можетъ быть, онъ тебя ушибъ, а ты его ушибла; прости, юртавушка, кормилица моя, прости» (читать трижды и заставлять кланяться).

Biďä lomańińťi sy karča, śesta oznėť kolma paznyń: Viďä čyńpaznyń, Saśpaznyń, Ćaspaznyń. Oznėť iśťańa:

Stoľ laŋks aśčyť stoľešńek, putyť stoľešńekeńť laŋks iśťamyža koctkä, štyba väšij tokast koctkeńťe. Putyť čumbrakšy, saldyrks, kaša čakškä, kafta śukyrnyť, väχkiś Saśpaznyń, ombóćeś Ćaspaznyń. Mäjľä kyrvaśťiť pazava ugylc ćela śveča, a ešćo väχkä käŕiť čačk rovnasta i kyrvaśćyź käŋkšyń kafta bokava i karmiť oznoma śveča päťńiń palums, a oznomsta baɓińiś arä stoľeńť ikiľij. Tokasyj čumbrakšyńť i meŕä: «Viďä ćyńpas, koŕmeńeć, viďä čy, viďä ki». Mäjľä tokasyńʒä śukyrnyťńiń i tujä käŋkšlaŋguŋ oznoma. Śukyńä mastyruŋ lamykśť i ińaldä Saśpaznyń i Ćaspaznyń. Väšymsta koŗtä iśťa: «Śaśpas, Ćaspas, koŕmeńeć, panʒadyń käŋkšca väšťana Ivannyń meŋksėnʒa sėťksėnʒa, makst ťänʒameńks, sėťks, poľga». Mäjľä kašaďyńť päńekä säŋsy i käŕä viška koćomńä, säŋsy i śukurnyťńiń

Если человѣку попритчится, тогда молятся тремъ богамъ: богу цѣлаго дня, богу притокъ, богу времени. Молятся такъ:

На столъ постелютъ скатерть, на скатерть постелютъ такой кусокъ холста, чтобы всѣ дотрогивались до этого холста. Поставятъ хлѣбъ, солонку, горшечекъ каши, двѣ лепешки, одну богу притокъ, другую богу времени. Затѣмъ въ божницѣ зажгутъ цѣльную свѣчку, а еще одну разрѣжутъ ровно пополамъ и зажгутъ ихъ по обѣимъ сторонамъ двери и начнутъ молиться до тѣхъ поръ, пока сгорятъ концы свѣчей, а во время молитвы старушка становится передъ столомъ. Она дотронется до хлѣба и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, цѣлый день, цѣлый путь». Затѣмъ она дотронется до лепешекъ и пойдетъ молиться къ дверямъ. Поклонится много разъ въ землю и проситъ бога притокъ и бога времени. Молясь, говоритъ такъ: «Богъ притокъ, богъ времени, кормилецъ, въ растворенныхъ дверяхъ просимъ для Ивана перемѣны и облегченія, дай ему перемѣну, облегченіе и лёгость». Потомъ она съѣстъ ложечку каши и срѣжетъ маленькую горбушку,

ästa ćuťkin sävä. Ḿäjľä ńe ostatkaťńiń ancyńǯä v́äśij äś śeḿejanctyj.

Putyť čumbrakšy, kašačakš, saldyrks; käŕiť odgoctloskötkä ńiľi ugylca. Śe odgoctkeńť acyź stoľeńť kunčkas i čumbrakšyńť i saldyrksyńť i kaša čakškińť i v́äďŕa arafcyź iśťa, štyba v́äśij tokast koctloskötkeń laŋks; kyrvaśťiť kafty śv́ečat i karḿiť oznoma. Śeŕeďećaś pry komada, a oznećaś karḿä lonnoma. Sajsyj čumbrakšyńť, käṕiťcyj i ḿeŕä: «Saśpas, Ćaspas, V́iďičyńbas, koŕḿeńeć, vany, ťäť ťejeńek čumbrakšy ašy keďńesa, čožǯa ḿeľńesa; Ivan ďäť śukyńä, śuk ṕŕińä kadä, a ton makst ťänʒa čumbračy, śeťkskä ḿeńkskä, poľga ľeka». Ḿäjlä sajsyj kašačakšyńť, käṕiťcyj i ḿeŕä: «V́iďičyńbas, koŕḿeńeć, vany, źara kašačakšcyńť jamkskiť, śńara makst Ivannyń čumbračyť». Ḿäjľä käṕiťcyj saldyrksyńť i ḿeŕä: «V́iďičyńbas, koŕḿeńeć, źara saldyrkscyńť salnyť, śńara Ivannyń makst

---

съѣсть, и отъ лепешекъ чуточку съѣсть. Затѣмъ эти остатки ставитъ всей своей семьѣ.

Поставятъ большой кусокъ хлѣба, горшокъ каши, солонку; вырѣжутъ лоскутокъ новаго полотна четырехугольный. Тотъ новый кусочекъ полотна постелютъ на середку стола и поставятъ хлѣбъ и солонку и горчешекъ каши и водицу такъ, чтобы всѣ дотрогивались до лоскутка полотна; зажгутъ двѣ свѣчи и начнутъ молиться. Больной упадетъ навзничь, а молящаяся начнетъ причитывать. Возьметъ хлѣбъ, подниметъ его и скажетъ: «Богъ притокъ, Богъ времени, Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ мы приготовили тебѣ хлѣбъ бѣлыми ручками съ легкимъ намѣреніемъ; Иванъ тебѣ кланяется, оставляетъ поклонъ, а ты дай ему здоровье, облегченьице перемѣнушку, пользу лёгость». Потомъ она возьметъ горшокъ каши, подниметъ его и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, вотъ, сколько въ горшкѣ каши крупи-

čumbrańbaryčyt». Mäjľi käpiťcyj väďińť i meŕä: «Viďičyńbas, koŕmeńeć, koda väďńińť kiŕcak vańksta, išťa Ivannyń gak ťäjik vańksta».

Pidiť tuvyń ľiŕa i ťäjiť čeńaukst i väši rodeś purumiť śeťť rod ľiemasty i śeťť syŕi baľińiś sajsy śe tuvyńť pŕäńť i moľeť jurtavań gäviňťi i väši lańčyť; baľińiś i karmä meŕemä: «Jurtyń giŕďij, jurtava, käŕäń čočkeń Bas, koŕmeńeć, vana ťäť ľäńizyt päčkińik tua, i väši pŕäńť kandyńik tońäť, a äšťäńik mäźi ton gadat? A ton mińďäńik makst śemejańťi čumbrań paryčy, skoťenańťij gak makst čumbrań baryčy, raštast rapyndast». Mäjľi ćoraś sajsy tuvyń ľiŕäńť i tujä maryn3a pičyń gajsa tuvyń garc. A ńeť sajiť väši väχťä väχťä suskumńä i tujiť mäjľä kudga i jarcama i guľäjama.

пок, столько дай Ивану здоровья». Затѣмъ подниметъ солонку и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, сколько въ солонкѣ крупинокъ соли, столько дай Ивану здоровья и добра». Потомъ подниметъ воду и скажетъ: «Богъ цѣлаго дня, кормилецъ, какъ ты чисто содержишь эту водицу, такъ и Ивану очисти».

Жертвоприношеніе во время рождества. Варятъ свиную голову и приготовляютъ выжимки, и всѣ родные сходятся со всего рода племени, и всѣхъ старшая старушка возьметъ ту свиную голову, и пойдутъ на камень юртавы и всѣ присядутъ; старушка и начнетъ говорить: «Содержащая корень дома, юртава, Богъ сруба, кормилецъ, вотъ въ твое имя мы зарѣзали свинью и всю голову принесли тебѣ, а намъ ты что оставишь? А ты намъ дай для семьи здоровья, и для скотины дай здоровья и добра, чтобы плодилась и тучнѣла». Потомъ мужикъ возьметъ свиную голову и пойдетъ съ нею въ свиной хлѣвъ, находящійся въ сосновомъ бору. А тѣ всѣ возьмутъ по одному кусочку и пойдутъ затѣмъ по домамъ и ѣсть и гулять.

Kočomońť laŋksa čėńaŋkst sajiť v́äχťä v́äχťä, säŋsyź i tujiť kuduŋ. A tuvyń ṕrańť sajsy syŕä bab́ińä i tujä ṕičyń gajsa tuvyń karduŋ i karḿä oznoma, a kyda oznov́ä, tujä kuduŋ i karḿiť kuca ob́edama. Ozněť iśťa: «Jurtyń kiŕďij, vana kaša čakš, źara äjsynʒa jamkst, śńara makst ťäńiḱ para». Sajsyj tuvyń ṕräńť i ḿeŕä: «Jurtyń kiŕďij, vana tuvyń ṕŕa, tańťij duχ ťäť, makst ťäńiḱ čumbračy».

Ruŋgyń oŋksńema. Sajiť jakśťiŕä suŕä i tujiť prama tarkańťi, a bab́ińiś karḿä oznoma. Ṕŕanʒa krugum suŕińť oŋkstasyj i ḿeŕä: «Mastyr ava, mastyr pas! makst ṕŕazynʒa ṕŕińä, säŕizynʒa säŕńä, ruŋgyzynʒa ruŋga, keďńezėnʒa keďńet, ṕiľǵizynʒa ṕiľǵińiť, śäľḿińizynʒa śäľḿińiť», i karḿä v́äšińä uprošćėńija. «Mastyr ava, mastyr Pas, uprośťeḱ Ośkań. Ośka praś laŋgyzyt, toń tomb́eńʒeť, oto ton tomb́eḱ Ośkań, uprośťeḱ. Moža Ośka praś äjďiť kakšyt

---

На горбушку возьмутъ выжимокъ по одному кусочку, съѣдятъ и пойдутъ домой. А старая старушка возьметъ свиную голову и пойдетъ въ свиной хлѣбъ, находящійся въ сосновомъ бору, и начнетъ молиться, а когда помолится, пойдетъ домой, и начнутъ дома обѣдать. Молятся такъ: «Содержащая корень дома, вотъ горшокъ каши, сколько въ немъ крупинокъ, столько дай намъ добра». Возьметъ свиную голову и скажетъ: «Содержащая корень дома, вотъ свиная голова, сладкій запахъ тебѣ, намъ дай здоровье».

Мѣряніе стана. Возьмутъ красную нитку и пойдутъ на мѣсто паденія, а старушка начнетъ молиться. Вкругъ своей головы смѣрлетъ нитку и скажетъ: «Матушка земля, Богъ земли! дай на вершину его головку, на ростъ его ростъ, на станъ его станъ, на ручки его ручки, на ноги его ножки, на глазки его глазки», и начнетъ просить прощенія: «Матушка земля, Богъ земли, прости Осипа. Осипъ упалъ на тебя, тебя ушибъ, и ты ушибъ Оську, прости его. Можетъ быть, Оська упалъ на твоихъ дѣтей, прости

laŋks, nućkat äjďit uprośťeǩ. Kuvať učyǩ śuk ṕiŕińinʒa, Ośkań kuryk maksyǩ čumbračyńinʒa». Ḿäjľä śukyńä i ḿeŕä: «Paśiba, mastyr ava, mastyr Pas, ḿeńkseń sėťkseń maksumazyt, poľgań ľekań maksumazyt». I tujä, a śe suŕińť kacy tosk i kadä kšy kočomńä käńʒińiška, kolma jamkskiť, kafta kolma saluyť, v́äχǩä komóľa ṕŕa, koctloskótǩä da kyŕgä groš, śeńgak tosk 'kacy, i tujiť kuduŋ. Kuduŋ moľemsta ḿäkij a vannyť.

Äχť kakšyń orôžėjama. Äjďiś avańť ǩeŕemasa, a orôžėjaś arä karčyzynʒa i sajä ǩeďézėnʒa ṕäjiľ i karḿä äjďińť äjsa ǩärćińä ṕäǩä laŋga sasťyńä i karńä louuoma: «Ńiški pas čaγgyť. Ḿäjsta saś, ḿäjsta uľć ťänʒa, moža saś šumsta, moža saś zdorcta, moža saś jarcamsta, śińimsta, moža saś poťaftumsta. Ḿäjsta saś, ḿäjsta uľć? Koda ťe kšńiś undyksta taracta jaŋś, iśťa (пмр.) urmaza

---

своего внука и дитя. Долго ты ждала поклонной головушки, отдай скорѣе Осипово здоровьице». Потомъ поклонится и скажетъ: «Спасибо, матушка земля, Богъ земли, за то, что ты далъ перемѣну облегченіе, за то что ты далъ легость и облегченіе». И пойдетъ, а ту нитку оставитъ тамъ и оставитъ горбушку хлѣба съ ноготокъ, три крупинки пшена, двѣ три крупинки соли, одну верхушку хмелинки, лоскутокъ холста и скобленный грошъ, и тотъ тамъ оставитъ и пойдутъ домой. Идя домой, назадъ не смотрятъ.

Ворожба надъ дѣтями. Ребенокъ въ рукахъ матери, а ворожея становится противъ него и возьметъ въ руки ножъ и начнетъ скоблить по ребенку вдоль живота потихоньку и начнетъ приговаривать: «Нишкипазъ помилуй. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось ему, можетъ быть, случилось отъ шума, можетъ быть, отъ вздору, можетъ быть, отъ ѣды, отъ питья, можетъ быть, отъ кормленія. Съ чего пришло, съ чего сдѣлалось? Какъ это желѣзо отдѣлилось

tarvyza javyza aša ľićastynʒa ponastynʒa, śäďijstynʒa, śäďij gručtynʒa, v́iť käŕč bokastynʒa, ojḿeń targama tarkastynʒa. Kolma ojḿenʒa a mon käŕasyń, a mon ṕäčksyń, Ńiški pazyń saś lomańiza, saś mastyr laŋga jakamsta. Śe maksä ľäza poľga, śe maksä meńks seťks».—Ťe lognoms kolmokšť. Ḿäjľä pazav́ińisa tokšėsak, i ṕańďa.

Kudykiľij kaťty käŋkš jutks araftyť komada paŕ, laŋgyzynʒa acyť stoľešńek, stoľešńekeńť laŋks acyť koct loskotkä ńiľä ugylca, štyba ugylynʒa uľist iśťamyška rovnasta, štyba v́äχkä jak suŕä konajak bokasyńť iľazy uľ lišnyj. Ḿäjľä śe loskotkeńť laŋks putyť kšy, saldyrks; saldyrksyńť laŋks śťaftyť śv́eča i kyrvaścyź śe śv́ečäńť i kona lomańiń laŋks dumiť, śe babińiś i ḿeŕä: «Eŕks Pas, koŕḿeńeć, Oška ḿeŕć b́eŕäń valynʒa. Pazyń goďaŋś b́eŕäń ćasyza,

---

отъ ствола и вѣтки, такъ (пмр.) болѣзнь пусть отдѣлится отъ бѣлаго лица и кожи, отъ сердца, отъ груди, отъ праваго и лѣваго бока, отъ мѣста, вытягивающаго душу. Три его дыханія не я срѣзалъ, не я обрѣзалъ, пришелъ человѣкъ Нишкипаза, пришелъ послѣ хожденія по землѣ. Онъ дастъ легость облегченіе, онъ дастъ облегченье перемѣну».—Это причитывать три раза. Потомъ потрогаешь образкомъ, и довольно.

Въ сѣняхъ между двумя дверьми поставятъ навзничь кадушку, на нее постелютъ скатерть, на скатерть постелютъ четырехугольный лоскутокъ полотна, чтобы углы его были такъ ровны, чтобы ни одна нитка ни на одномъ боку не была лишнею. Потомъ на тотъ лоскутокъ поставятъ хлѣбъ, солонку; на солонку поставятъ свѣчу и зажгутъ ту свѣчу и на котораго человѣка думаютъ, та старушка скажетъ: «Богъ проклятія, кормилецъ, Осипъ сказалъ дурное слово. У Бога случилось плохое времячко, а Иванъ случился при выходѣ или входѣ; прости, Богъ проклятія, кормилецъ,

a Ivan godaṇś ľišimsta suvamsta; uprośťeḱ, Eŕks Pas, kořmeńeć, makst Ivannyń ḿeńkskä sëťkskä, śťafťyḱ, ṕičkaftyḱ, noldëḱ jakama, staka robotań robotama. Ḿäjľä śukyńiť kavyńist i ḿeŕeť: «Paśiba ťäť, Eŕks Pas, kořmeńeć, ḿeńksëń sëťksëń maksumazyt». Baḃińiť ikiľä oznomsta sëŕeďećäńť panar, ḿäjľä sajsy śe panaryńť i maksсу sëŕeďećäńťi, raṇžyńť kajafcy, a ťeń orčafcy. Kajamsty ḿeŕä: «raṇža panaryńť marta Ivan skořṕenʒa boľeśťenʒa kajavyza, čumbračynʒa marta vasyďiza, a ašyńť marta orčavyza ḿeńksëza sëťksëza. Eŕks Pas, kořmeńeć, ve̍ď son Ivanyś glupyj, a sodä ḿäźä jak, a ton prośťeḱ, Eŕks Pas, kořmeńeć, uprośťeḱ uš, ṕičkaza». Ḿäjľä pańiť laṇksta sajsyź i purnasyź, a kodamyjak sy ńiščyj i ńeń väśij maksсуź, kšyńť i kocťëńť.

дай Ивану перемѣнушку облегченьице, подними его, вылѣчи его, пусти его ходить, тяжелую работу работать. Потомъ они оба поклонятся и скажутъ: «Спасибо тебѣ, Богъ проклятія, кормилецъ, за то, что ты далъ перемѣну и облегченіе». Во время молитвы передъ старухой (лежитъ) рубашка больного, потомъ она возьметъ ту рубашку и дастъ больному, грязную заставитъ скинуть, а эту велитъ надѣть. Во время скидыванія она говоритъ: «вмѣстѣ съ грязной рубашкой Иванъ пусть скинетъ свою скорбь и болесть, пусть встрѣтитъ съ здоровьемъ, а вмѣстѣ съ чистой рубашкой пусть надѣнется его перемѣна и облегченіе. Богъ проклятія, кормилецъ, вѣдь онъ Иванъ глупый, ничего не знаетъ, а ты прости, Богъ проклятія, кормилецъ, ужъ прости, пусть выздоровѣетъ». Потомъ возьмутъ съ кадушки и уберутъ, а какому-нибудь нищему, который придетъ, всё это отдадутъ, хлѣбъ и полотно.

Panar v́elkska kortaftuma. Noroŋ ava, Noroŋ pas, kor̀me-ńeć, ḿiŕiń ǯ'äχäŕiń t́ŕij; ḿiŕ ǯ'äχäŕ t́ŕat vanat, ḿiŕńiń ǯ'äχäŕńiń para t́äjat, i v́it́at i ṕät́at i śäd́ij v́it́at, makst ḿeńkskä sèt́kskä i Ivannyń gak.

Ḿajl'ä panaryńt́ käŋkš porògòń troks orċafcyź śeŕed́ećäńt́ laŋks.

Juŗtyń ǵiŕd́ij juŗtava, makst Ivannyń oftèń śardyń v́ij robòtams käṕid́ims valftums i alašańt́i gak makst sokams v́id́ims.

Ṕid́it́ kuśl'at, arafcyź stol'laŋks, oznomsta arćit́ v́äśij śeḿjom udaluŋ, a ikil'ij arä syŕä baḃińä i karḿä kuśl'ań oznoma. Oznomsta ḿeŕä:

Заговоръ надъ рубашкой. Норовъ ава, Норовъ Богъ, кормилецъ, питающій весь міръ [1] (?); ты кормишь и соблюдаешь весь міръ, всему міру ты дѣлаешь добро, и поправляешь, и направляешь, и сердце поправляешь, дай перемѣнушку и облегченьице также и Ивану.

Потомъ черезъ дверной порогъ надѣнутъ рубашку на больного.

Молитва передъ пашней. Содержащая корень дома, юртава, дай Ивану силу медвѣдя на работу, поднимавіе, опусканіе и лошади дай — на паханіе и сѣяніе.

Великій четвергъ. Сварятъ кисель, поставятъ его на столъ, во время молитвы всѣ станутъ всей семьей позади, а впередъ станетъ старая старушка и начнетъ замаливать кисель. При молитвѣ она скажетъ:

---

1) Ср. мокш. šäχäŕ «Stadt» (у Paasonen Mordv. Lautlehre, с. 116, съ вопр. знакомъ).

«Pas čaŋgyť, kořmeńeć, kořmeńećkem, Pas čaŋgyť, aščyk śurynyk salynyk kis, mäźä moda laŋks kajińik, mäźä moda poc vaľińik».

«Moroz aťa, vana moroz aťa, vana kuśľa päńčkä śińť; čaft pińimiŋyk, lučy čaft bolóta da luga», i pucy kuśľa päńčyńť veŕ vaľmas śemejańť jarcams, a mäjľä sajsy i sońć säusy.

Śeďikiľä śemejasa ťäjńiśť iśťa. Mujiť viŕcta koŕen laŋksta kośkä läjks. Śe kośkä ľäjkscyńť čaviť guj i vanftyť äjsynʒa kuca i ľidi śemejasyńť mäźijak juńä i amujivä, śesta śe śemejań aťaś purnasy väśi väkuca śemejanʒa i śe gujiń ʒauma palkańť pucy käŋkš porógóń troks i väśi śemejanʒa pańcyj śe palkańť troks. Kona salyńʒä, mäjľä śe kośkä śe ľäjksyńť laca.

«Помилуй Богъ, кормилецъ, помилуй Богъ, побудь ради нашей хлѣба-соли, которую мы бросили на землю и которую завалили въ землю».

«Морозъ старикъ, вотъ, морозъ старикъ, вотъ, выкушай ложечку киселя, убей нашъ овесъ, лучше убей болота и луга», и положитъ она кисельную ложку на верхнее окно (на печкѣ), пока семья ѣстъ, а потомъ возьметъ и сама съѣстъ.

Въ старину въ семьяхъ дѣлали такимъ образомъ. Найдутъ въ лѣсу сухую лутошку на корню. Той сухой лутошкой убьютъ змѣю и берегутъ ее въ домѣ, и если въ семьѣ пропадетъ что-нибудь и не найдется, тогда старшій въ той семьѣ соберетъ всю семью въ одну избу и положитъ ту палку, которою убита змѣя, поперекъ порога и погонитъ всю семью черезъ ту палку. Кто укралъ, тотъ потомъ высохнетъ, подобно той лутошкѣ.

Nalkšimat.

Końčke·sa. Šäl'ḿi·nʒa v́ä·χkiń śulma·syź i ara·fcyź kudy-ku·nčkas, a osta·tkat́ńä karḿi·t́ krugo·mganʒa sa·lava jaka·ma, ko·sta lančy·ź, a l'ija i ma·d'ä ma·styruṇ[1]), a kona eźe·ms sala·va kuźä·; a od'e·ćäś ke·d'enʒa t́ä·t́ksyńʒ́ä i ja·kä ku·dyńt́ krugo·m. ku·ńćä, v́äšńä. So·n jakä śńarc, źa·rda t́ä·nʒa po·γgä kija·k. Ko·nań ku·ndasy, śeń šäl'ḿi·nʒa śu·lmasyź. Še i karḿä· taga iśt́a·kuńći·ḿä i v́äšńi·ḿä.

Kuŕi·sa. Kuŕi·sa vaśńa· ka·jit́ kińi·ń sa·tä kuŕa·ms. Arä·, čama·nʒa ara·fcy śt́e·nas, šäl'ḿi·nʒa końa·syńʒ́ä i aščä·. Śńarc aščä·, źa·rdy t́änʒa šä·ŕgid'it́: v́äšńi·k. Še·sta karḿä· son v́äšńi·ḿä. Kyda· v́ä·šńä, kiń ńe·jä, še karḿä· čyji·ḿä, a son karḿä· äsy·-nʒa kunda·ma; źarc son ḿäl'ga·nʒa čyjä, osta·tkat́ńä stara·jit́ še ška·ńä tožy čyji·ms kuŕa·ma ta·rkas. Vot b́id'ä son kińgak

1) ḱijaksa.

Игры.

Игра въ жмурки. Завяжутъ одному глаза и поставятъ посреди избы, а остальные начнутъ ходить вокругъ него крадучись, гдѣ въ присядку, а другой и ляжетъ на полъ, а кто потихоньку влѣзетъ на лавку; а тотъ, кто водитъ, растопыритъ свои руки и ходитъ вокругъ горницы, ловитъ, ищетъ. Онъ ходитъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не попадется ему. Кого онъ поймаетъ, тому завяжутъ глаза. Тотъ и начнетъ опять такъ же ловить и искать.

Игра въ прятки. Въ игрѣ въ прятки сначала бросятъ жребій, кому достанется водить. Онъ станетъ, обернетъ лицо къ стѣнѣ, зажмуритъ глаза и стоитъ. Стоитъ до тѣхъ поръ, какъ ему закричатъ: ищи. Тогда онъ начнетъ искать. Когда онъ ищетъ, кого если увидитъ, тотъ начнетъ убѣгать, а онъ начнетъ его ловить; пока онъ за нимъ бѣжитъ, остальные въ это время стараются также добѣжать до мѣста, гдѣ водятъ. Вотъ если онъ кого-ни-

ku·ndä, śe i karḿä· kuŕa·ma. A ƀiďä kija·k ťänʒa a poɣ̇gä, śe·sta tagy son karḿä· kuŕa·ma.

Kaƀa·nca. V́äɣ̇ki·ś a·rä kuŕa·ma, a osta·tkaťńä kekšne·ť. Ḿäjľä son źarda sońďä·nʒa śä·ŕgiďiť, śe·sta son karḿä· v́äśńi·ḿä Ko·nań mu·sy, śeń äsa sa·sä i ča·v́ä kuŕa·ma ta·rkańťi čyjims. Osta·tkaťńä źa·rc so·n v́ä·ɣ̇kińť marta čyjńä·, v́ä·śi norö·ɣ̇ťeť čyji·ḿä kuŕa·ma ta·rkas. Kona·ń osta·tkada ľäƀa·sy, śeńe·ń i kuŕa·ms. A ƀiďä kińga·k a ľäƀä, to äśťä·nʒa ḿäki·j kuŕa·ms.

Kaľa·sa. Suv́i·ť stru·ps v́ä·ťińist. Suva·msta śä·ŕgiďiť: kaľasa·! I v́äśi kapšyť śe ška·ńä aŕči·ḿä ugylga. Kona akä·ńiŕä, śeńe·ń oďa·ms. Oďe·ćäś a·rä kunčkav́i·c, ḿäjľä ja·kä u·gylga i äŕv́äɣ̇kiń kä·ükśńä: kaľa·, kaľa·, ko·sa? A ńeť ńe·fťeť koų ťäst pa·ra. Ńeťťemsta ḿeŕe·ť: kaľa· vo·ńeksa, i śe ška·ńä ńeťťä oďeća·ńťi su·rca. Śe tujä toų, a ńeť śe ška·ńä pola·fńiť v́äɣ̇kist v́äɣ̇kist marta tarka·t, a oďećäś śe ška·ńä, ƀiďä fa·ťä, ko·nań gak ta·rkas kapšä·ara·ma. Ḱiń ta·rkas a·rä, śe·ńeń oďa·ms. Nalkśiť, nalkśiť; ḿe·ľest

---

будь поймаетъ, тотъ и начнетъ водить. А если никто ему не попадется, то онъ опять начинаетъ водить.

Игра въ кабана. Одинъ становится водить, а остальные спрячутся. Потомъ онъ, когда ему закричатъ, начнетъ искать. Кого найдетъ, того онъ догоняетъ и хлопаетъ (чтобы не допустить) взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Остальные, пока онъ бѣгаетъ съ однимъ, норовятъ всѣ взбѣжать на мѣсто, гдѣ водятъ. Кого онъ наконецъ хлыстнетъ, тому и водить. А если онъ никого не хлыстнетъ, то ему самому опять водить.

Игра въ кисель. Въ пятеромъ войдутъ въ срубъ. Входя кричатъ: въ кисель! И всѣ въ это время спѣшатъ стать по угламъ. Кто не поспѣетъ, тому водить. Водящій станетъ по середкѣ, потомъ ходитъ по угламъ и спрашиваетъ каждаго: кисель, кисель, гдѣ? А тѣ показываютъ, кому какъ понравится. Показывая, говорятъ: кисель, вонъ гдѣ, и въ это время показываетъ водящему пальцемъ. Онъ пойдетъ туда, а они въ это время помѣняются другъ съ другомъ мѣстами, а водящій въ это время, если замѣтитъ,

kyda· moĺcť, koda·k śä·ŕǵidĭt: kona· ka·đuv́ä, suksyjä·ś, suksyjä·ś. Śe ška·ńä ṕŕäń po·ldań śi·ńdĭź kapšyť tarka·st kadnu·myst i śeďä ku·ryk čyji·ms u·ľćau̯.

Žarca. Ža·rca jav́i·ť kaftuu̯ źary uľćť loma·ťńä i kaji·ť ki·ńi·ń vačky·ďims žary·ś. Ťäji·ť kafty na·šat. Ko·nańiń sa·tä vačky·ďims, neť ary·ť v́ä· jo·nou̯, a osta·tkaťńä ary·ť ombóćä jo·nou̯. Ńeť vačky·ťcyź, v́äχḱiś žary·ńť, a jalga·nʒa karḿi·ť da·ľšy sala·-mynʒa. A ńeť o·mbóćä jo·ncta karča čav́i·ť žary·ńť, pańi·ť ḿä·ḱij. Kona·t i·ḱiľij pańcy·ź, ńeť i vačky·ďiť. Žary·ś ču·ftyń kruglo·voj; äŕv́äχḱiń ǵeca du·b́ina, ńe dub́ina·ťńiń äsa pa·ńiť. Ĺija·sta iśťa·pańćiť, turva·st ka·k ta·pśisyź.

Skrakľa·sa. Skrakľa·sa nalkśi·ť i·śťa: ťäji·ť ko·ta ču·ftyń nu·ŕka palḱińiť kuva·lmyst vaksyń vaks i ťäji·ť ozorno·j kru·g i jav́i·ť ka·ftuu̯ źa·ryńist uľćť. Äŕv́ä·χḱiś äś jalga·nʒa ma·ṛta i äŕ-

---

поспѣшитъ стать на чье-либо мѣсто. На чье мѣсто онъ станетъ, тому водить. Играютъ играютъ; когда пройдетъ охота, какъ закричатъ: «кто остался, очервивѣлъ, очервивѣлъ». Въ это время сломя голову и не жалѣя ногъ (опрометью) спѣшатъ оставить свои мѣста и какъ можно скорѣе выбѣжать на улицу.

Игра въ шаръ. Въ игрѣ въ шаръ дѣлятся на двѣ партіи, сколько было людей, и кидаютъ жребій, кому бить шаръ. Устраиваютъ два назначенныхъ мѣста. Кому достанется ударить, тѣ становятся на одну сторону, а остальные становятся на другую сторону. Тѣ ударяютъ, одинъ (ударитъ) шаръ, а другіе начинаютъ гнать его дальше. А тѣ съ другой стороны ударяютъ шаръ навстрѣчу и гонятъ его обратно. Кто впередъ угонитъ, тѣ и ударяютъ. Шаръ круглый деревянный; у каждаго въ рукахъ дубина, этими дубинами они гонятъ. Другой разъ такъ гоняютъ, что даже разобьютъ себѣ губы.

Игра въ чушки. Въ чушки играютъ слѣдующимъ образомъ: приготовятъ шесть деревянныхъ короткихъ палочекъ въ длину по четверти и проводятъ большой кругъ и дѣлятся на двѣ партіи, сколько ихъ было. Каждый со своимъ товарищемъ и у каждаго

ŕäχ̨kiń ǵeca para kedjoŋks. Ťäji·ť ka·fta buχť, kaji·ť kińi·ń iki·-ľij čaums. Kona·ńiń i·kiľij sa·tä, ńeť ary·ť vasy·la bu·jińťi i kar-ḿi·ť jovŕa·ma skrakľäťńiń laŋks, a skrakľä·ťńä ara·ftuft kru·gyńť ku·nčkas, ara·ftuft i·śťa: ala kolma ašču·ť bo·kom, laŋksy·st kafta ńeť ka·k bokom, a śefť laŋksa ŕä·χ̨kä, śe śťada. Vot i jo·vŕeť. Koda·k kala·dyť, śesta· ary·ť mala·sa bu·jińťi i karḿi·ť čau·ma; kiť śeďä la·ma ľifťiť krukstyńť, ńeť i karḿi·ť jalga·st la·ŋksa ja-ka·ma. Jaki·ť to·zėń, kozėń jalga·za jorcė·j kedjo·ŋksynʒa. Koda ŕäśi ka·ńńisyź skrakľa·ťńiń, ara·fuysyź, śesta· ńeť ombȯncnä karḿiť i·kiľij čau·ma, a ńeť uš synct ḿä·ľga.

Ošca. Ťäji·ť krug, krugo·mganʒa ńiľi ŕä·tä ja·ḿińiť; kunčka·-synʒa po·kš śeďä ja·ma. Ťäji·ť čuftyń žar i kaja·syź kunčka·sa ja·mańťi, śeń ľäḿi·za oš, a jama·ńť oš ja·ma. J ara·fuysyź ko·nat karḿi·ť nalkśi·ḿä o·šca duľi·nast ŕäśi žaryńť laŋks oš ja·mańťi. Arći·ť i·śťa krugo·mganʒa i kodak ḿeŕe·ť, ki käńiŕä, äŕŕäχ̨kiś ka-jä·ŕä śe ška·ńä ja·ḿińis, štyba duľi·na ṕäza ašču·za jaḿińi·syńť, a

---

въ рукѣ хорошая ручная дубинка. Устраиваютъ два буя, бросаютъ жребій, кому прежде бить. Кому достанется впередъ, тѣ становятся въ дальній буй и начинаютъ бросать въ чушки, а чушки поставлены посреди круга и поставлены слѣдующимъ образомъ: внизу три лежатъ бокомъ, сверху ихъ двѣ — тѣ также лежатъ, а на самомъ верху одна — та стоякомъ. Вотъ и бросаютъ. Какъ только разсыплютъ, тогда становятся на ближній буй и начинаютъ бить; кто больше всѣхъ выкинетъ изъ круга (чушекъ), тѣ и начнутъ ѣздить на товарищахъ. Ѣздятъ туда, куда товарищъ броситъ свою дубинку. Когда снесутъ всѣ чушки и поставятъ ихъ, тогда тѣ изъ другой партіи начнутъ бить впередъ, а эти ужъ послѣ нихъ.

Игра въ городки. Проведутъ кругъ, вокругъ него устроятъ четыре или пять ямочекъ; въ середкѣ его самую большую яму. Сдѣлаютъ деревянный шаръ и бросятъ въ среднюю яму; середину и называютъ городомъ, а яму городской ямой. И положатъ тѣ, кто станетъ играть въ городки, всѣ свои дубинки въ городскую

ko·na ka·duv́ä, aḱä·ńiŕä jaḿi·ńis, śeńe·ń oď́a·ms. Śe·sta sajsy·ź žary·ńť oš jama·styńť i vačky·ťcyź krukstyńť, a oďe·ćäś čyjä·ḿäľganʒa i karḿä· äsy·nʒa duḃina·sa pańi·ḿä ḿäḱi·j oš ja·mańťi. A ńeť karḿi·ť ano·ldamynʒa, čau·ma karḿi·ť ka·rča duḃina·sa; a oďe·ćäś śe ška·ńä noró·χťä duḃina·sa jaγydī·-ćäńť va·ŕas ara·ftums sońće·ń duḃi·napänʒa. Je·śľi son ḱä·ńiŕä iḱi·ľij putu·ms duḃinapä·nʒa konańga·k va·ŕas, to śe·ńeń ara·ms, a śeńe·ń oď́a·ms. A ḃi·ďä ḱińga·k va·ŕas aḱä·ńiŕä i sonʒa· žary·nʒa nolda·syź ťä·nʒa praftu·ms oš ja·mańťi, śe·sta «kala·ć» śäŕǵidïť, i śe ška·ńä v́äśi čovór karḿi·ť v́äšńi·ḿä äśťa·st ľija· va·ŕat, a kona·aḱä·ńiŕä ko·zëńga·k, śeńe·ń oď́a·ms.

Ḿä·ćca. Ḿäćca· nalkśi·ť źarda jaḱi·ť alašava·kse, boľšy tu·-nda. Ťäji·ť ľä·ŋǵiń ḿäć, ťäjńi·ť äŕv́äχḱi lo·mańiś äśťä·nʒa ja·ḿińä; ťäjńiť ä·syst v́ä jo·ŋga ja·ḿińiť. I karḿi·ť ḿäćińť äsa ḱäv́i·ŕḱšńi-

---

яму на шаръ. Станутъ такъ вокругъ нея и какъ только скажутъ, всякій, кто поспѣетъ, бросится въ это время въ ямку, чтобы конецъ его дубинки оказался въ ямѣ, а кто останется и не поспѣетъ подойти къ ямкамъ, тому водить. Тогда возьмутъ шаръ изъ городской ямы и вышибаютъ его изъ круга, а водящій бѣжитъ за нимъ и начинаетъ гнать его дубиной назадъ въ городскую яму. А тѣ начинаютъ не пускать шаръ, начинаютъ ударять дубинками на встрѣчу; а водящій въ это время старается поставить конецъ своей дубинки въ ямку того, кто размахиваетъ дубинкой. Если онъ поспѣетъ поставить впередъ конецъ своей дубинки въ чью-либо ямку, то ему надо стать, а тому водить. А если онъ не поспѣетъ ни къ чьей ямкѣ и допустятъ его шаръ упасть въ городскую яму, тогда закричатъ «разрушено», и въ это время всѣ вмѣстѣ начнутъ искать себѣ другихъ ямочекъ, а кто не поспѣетъ никуда, тому водить.

Игра въ мячъ. Въ мячъ играютъ, когда караулятъ лошадей, больше весной. Сдѣлаютъ изъ лыка мячъ, каждый устроитъ себѣ ямку; устроятъ они себѣ ямочки въ одной сторонѣ. И начнутъ ка-

mä, jaḿińi·ťńiń laɣga. Kiń ja·ḿińis pry, śe kapy·ťcy, a ostatka·ťńä čyji·ť, a son ko·nań kä·ńiŕa, śeń i čavä· ḿä·ćceńť. Ko·nań va·čkyťcy, śe karḿä· kävi·ŕkšńiḿä.

Kiča·sa. Ťäji·ť ńiľi u·gylca krug i kaji·ť kaftuŋ źa·ryńist uľćť; äŕväχkiś äśi jalga·nʒa ma·ŗta i karḿi·ť nalkśi·ḿä. Kičä·ś če·ťveŕťi poltora·[1]), kavyńist ṕä·nʒa lakśifť ala·myda, a kičä pa·lkaś arčynčka, i byva·jit bo·ľšy[2]) i śeďä viškińiť. Ki·ńiń koda·my pa·ra, śe iśťa·mysa i čavä. Čavi·ť i·śťa. Kičä·ńť kaja·syź kru·gyńťi, a čavi·čäś arä· koda· ťänʒa pa·ra i vačkyťcy kičä·ńť ṕäs. Kičäś kyŕńa·ftä. Son śe ška·ńä noró·χťä kičäpa·lkasyńť śeďä ṕe·ḱ vačky·-ďiḿinʒa, štyby son śeďä va·suŋ ľifťa·za. Śe·sta śe va·čkyďimaś loo·vä ka·ťtys. A ḃiďä vačkyťcyj ki·čäńť ča·vičäś kičä·ńť ṕe·ŕvoj, a son kyŕńa·ftä ṕeḱ i ľifťä· krugy·ńť tona bo·kas a to·kavi ťä·nʒa kyŕńa·ftumsta, śesta ťe loo·vä väχkis i ľäḿi·nʒa bu·ka, a ľija·sta

1) o·mbóće ṕeľ vaksyška. 2) uľiť i śeďä pokšt.

тать мячъ по ямкамъ. Въ чью онъ упадетъ ямку, тотъ схватитъ его, а остальные убѣгаютъ, а онъ, кого успѣетъ, того и ударитъ мячомъ. Кого онъ ударитъ, тотъ и начнетъ катать.

Игра въ чижъ. Устроятъ четырехугольный кругъ и дѣлятся на двѣ партіи, сколько ихъ будетъ; каждый и начинаетъ играть со своими товарищами. Чижъ четверти въ полторы, съ обѣихъ концовъ немного затесанъ, а палка чижова длиной въ аршинъ, бываютъ и больше и еще меньше. Кому какая нравится, тотъ такою и бьетъ. Бьютъ слѣдующимъ образомъ. Чижъ помѣстятъ въ кругъ, а бьющій станетъ, гдѣ ему нравится, и ударитъ въ конецъ чижа. Чижъ подпрыгнетъ. Онъ въ это время старается ударить его палкой какъ можно сильнѣе, чтобы онъ какъ можно дальше полетѣлъ. Тогда этотъ ударъ считается за два. А если бьющій чижа ударитъ чижа въ первый разъ, а онъ высоко подпрыгнетъ и полетитъ на ту сторону круга и не задѣнетъ его, подпрыгнувъ, тогда это считается за одинъ (ударъ) и называется быкомъ, а въ другой разъ договариваются взять быкъ назадъ и (ударить снова).

korta·syź ḃuka·ńt́ saji·ms. Vot ka·jit́ ḱińiń i·kiľij ča·ums i karḿi·t́ ńet́ čau·ma źa·rys la·d́asyź lo· voms tosa, ko·mśes äľi ńiľińgä·ḿińc ä·ľi v́äd́gäḿińc i karḿi·t́ čau·ma. Ko·nańiń i·kiľij sa·tä, v́äχḱiś čav́ä; źara t́ajä, ombò·ńćńeń ä·sta ľiśä· jalga·za, karḿä·tänʒa· ńamśi·ḿä. Koda·k kru·gyńt́i ḱičä·ś pry, śesta· ńama·u̯ś. Śe·sta karḿä· t́e ča·uma, karḿi pandu·ma źarys pa·nduv́it́ t́ä·nʒa, a ľija· paucy·ńʒä da ešč̌o· laγgy·zyst t́ä·jä kä·ḿiška äľi käv́ät́i·iška. Kona·t i·kiľij t́äji·t́ śńara źarys ladï·ź, to osta·tkat́ńiń är̀v́äχḱiś äśi ja·lganʒa kuc̆cy·j d́eŕks. Kuc̆cy·j i·śt́a: čav́ä kozė·ń, ḱičäza ľi·f́t́ä čavyź a ḱičäpa·lkańt́ jo·rdėź jorcė·j, kozė·ń jo·rdov́ä. Śesta t́e kru·kstyńt́ tu·jä v́ä ṕiľǵi la·γksa kyŕńa·fńiḿä ḱičäpa·lkań pur·na·ma, i koma·msta i saji·msta i ḿäḱi·j vasuu̯ kyŕńa·fńimsta ḃi·-d́ä ombò·ćä ṕi·ľǵinʒa laγks čalga·v́ä, śesta· o·dou̯ kucyj d́eŕks, a ḃid́ä ača·lgav́ä, śe·sta pa·ńd́ä; i v́äśi äś so·ńćeń jalga·nʒa iśt́a·

Вотъ бросаютъ жребій, кому впередъ ударить, и они будутъ бить столько разъ, сколько они тамъ договорятся считать — до двадцати или до сорока или до пятидесяти разъ и начнутъ бить. Которой партіи достанется бить впередъ, то одинъ (изъ нея) бьетъ; сколько тотъ сдѣлаетъ (ударовъ), изъ другой партіи выйдетъ его товарищъ и начнетъ кидать ему въ кругъ. Если чижъ упадетъ въ кругъ, то (значитъ) онъ попалъ. Тогда начинаетъ бить этотъ и начинаетъ платить, сколько сможетъ заплатить, а другой заплатитъ и еще сдѣлаетъ на нихъ (на ту партію) съ десятокъ или съ пятнадцать. Кто прежде сдѣлаетъ столько, на сколько уговаривались, то каждый изъ остальныхъ посылаетъ своего товарища прыгать на одной ногѣ. Посылаетъ его слѣдующимъ образомъ: куда онъ ударитъ, чижъ его полетитъ вслѣдствіе удара, а палку отъ чижа онъ бросаетъ броскомъ, куда она попадетъ. Тогда этотъ пойдетъ изъ круга, прыгая на одной ногѣ, подбирать палку отъ чижа, и если во время нагибанія, во время хватанія и прыганія взадъ-впередъ онъ наступитъ на другую ногу, тогда снова тотъ его пошлетъ прыгать на одной ногѣ, а если онъ не наступитъ, тогда довольно;

kučńi·syj, ḿajľä ńeť karḿi·ť iki·ľij čau·ma, kona·t ďeŕks ja-ka·śť.

Ru·zyń ḱičä·sa. Aŕciť źa·ryńist uľćť nalkśi·ćäťńä i karḿi·ť ḱičä·sa kaja·ma. Kajśi·ť i·śťa: viťkeďezėnʒa kičäpa·lkańť, a käŕče-ke·ďezėnʒa ki·čäńť; kičä·ńť kaja·syj kičäpa·lkańť välkse, a kičäpa·l-kasyńť karḿä· alda tokšė·ḿenʒa, a osta·tkaťńä lounė·ť źa·rykśť ťä·nʒa toka·vä. Kona· śeťť lamykśť toka·syj i·śťa ḱičä·ńť, śe śeťť i·ḱiľij karḿä· čau·ma, a kona· śeďä a· lamykśť, śe karḿä· ťä·nʒa ńamśi·ḿä; a ḿä·jľä ťe karḿä· ča·uma; iśťa·k i ťävi·st ŕado·m moľä· Kona· śeťť a· lamykśť toke·źä kičä·ńť, śe śeťť ḿäjľä karḿä· čau·ma, a čau·msta ki źa·ra ťä·jä lo·unėť; kona· i·ḱiľij ťä·jä käḿiń, śe ľiśä, a kona· śeťť ḿä·jliś kadu·vä śeńe·ń oďa·ms, a oďe·ť i·śťa: kona· śeťť i·ḱiľij ľiśä·, śe śeťť i·ḱiľij karḿä· oďa·ma. Ḱičä·ńť va·čkyťcyj, a oďe·ćäś karḿä· čy·jńiź čyjńi·ḿä i kičäńť ä·sa ńamśi·ḿä, a oďe·ćäś a·rä krugyńť vä·ľkse i karḿä· kičäpa·lkasyńť joza·ma krugyńť

и всѣ посытаютъ такъ же своихъ товарищей, а потомъ, начинаютъ бить впередъ тѣ, которые ходили на одной ногѣ.

Игра въ русскій чижъ. Становится сколько будетъ игроковъ и начинаютъ бросать чижомъ. Бросаютъ слѣдующимъ образомъ: въ правую руку онъ возьметъ палку отъ чижа, а въ лѣвую чижа; чижа броситъ поверхъ палки, а палкой онъ начнетъ подталкивать снизу, а остальные считаютъ, сколько разъ ему это удастся. Кто больше всѣхъ попадетъ такимъ образомъ въ чижа, тотъ станетъ бить прежде всѣхъ, а кто меньше разъ, тотъ начнетъ бросать ему въ кругъ, а потомъ этотъ начнетъ бить; такъ ихъ дѣло и идетъ къ ряду. Кто всѣхъ меньше (разъ) попадалъ въ чижа, тотъ начнетъ бить послѣ всѣхъ, а во время ударянія считаютъ, кто сколько разъ попадетъ; кто первый попадетъ десять разъ, тотъ выходитъ, а который останется послѣднимъ, тому водить, а водятъ слѣдующимъ образомъ: кто выйдетъ всѣхъ прежде, тотъ прежде всѣхъ начинаетъ водить. Онъ ударяетъ чижа, а водящій начинаетъ бѣжать бѣгомъ и бросать чижа въ кругъ, (при чемъ) водящій становится надъ кругомъ и начинаетъ вертѣть (тереть) надъ

v́ä·ľksca i ano·ldama kičä·ńt́ äsa. I od́ä· śńarc, źarda kičä·ś ńa·-mav́ä, sońd́ed́enʒa ḿä·jľä karḿi·t́ ľijä·t́ńä jak iśt́a·ža od́a·ma. Kyda v́ä·śi od́a·syź, śe·sta son čav́ä· śeft́ i·kiľij ičav́ä· kafty ke·ca ṕer-vaj, a ḿä·jľä karḿi·t́ čau·ma v́ä ke·ca.

Molòka·sa. Pruḿi·t́ kuća·s; v́äχki·ś ästyst ľiśä· jutkstyst, arä v́äṕeľcj i karńä· śäjŕi·ḿä: mo·lòka·! a ńet́ t́e·sta karčy·zynʒa śäŕǵidiť: čāvo! Śe tosta śä·ŕǵid́ä: daj, rabo·t́ńik!—U kavo·? Śe·sta son śä·ŕǵid́ä kiń du·ḿä: u Iva·n! aľi u Jo·gyŕ, aľi u D́ŕi·ga, ki ḿe·ľe-zènʒa tu·jä, śeń i śä·ŕǵit́cy. Konań śä·ŕǵit́cyj, śe čyjä· sońd́ä·nʒa, a ńet́ krukstyńt́ čav́i·t́ čyji·msta ä·synʒa kińi·ń koda· pa·ra: ki kyr-gasan la·ŋga, ki ṕŕä la·ŋga, ki·ńiń kua to·kav́ä. I son iśt́a· śäjŕi·-syńʒ́ä v́äśi: śesta kona· ka·đuv́ä śeft́ ḿä·jľis, t́e karḿä tovò·lda i·śt́aža śäjŕi·ḿist. Iśt́a· i nalkśi·t́.

Čysa kousa. Čy·sa ko·usa aŕći·t́ v́äśi v́ä ta·rkas; v́äχki·ś arä·ava·ks, a osta·tkat́ńä kuńći·t́ uda·lynʒa; v́ä·śi kiŕd́i·t́ v́äχkist v́ä·χ-

---

кругомъ палкой и не пускать къ себѣ чижа. И водитъ до тѣхъ поръ, пока чижъ не попадетъ въ кругъ, а послѣ него другіе начинаютъ водить такимъ же образомъ. Послѣ того, что всѣ поводятъ, онъ ударяетъ прежде всѣхъ и сначала бьетъ двумя руками, а потомъ начнутъ бить одной рукой.

Игра въ молоко. Собираются въ кучу; одинъ выйдетъ изъ среды ихъ, станетъ въ сторонѣ и начнетъ кричать: молоко! А тѣ въ отвѣтъ ему кричатъ: чего! Тотъ тогда закричитъ: дай, работникъ!—У кого? Тогда онъ крикнетъ на кого подумаетъ: у Ивана, или у Егора, или у Григорія, кто ему понравится, того онъ и крикнетъ. Кого онъ крикнетъ, тотъ прибѣжитъ къ нему, а эти изъ круга бьютъ его, какъ кому захочется: кто по шейнымъ жиламъ, кто по головѣ, кто куда попадетъ. И онъ такъ всѣхъ переклічетъ: тогда тотъ, кто остался послѣдиимъ, начнетъ съ той стороны ихъ перекликивать. Такъ и играютъ.

Игра въ солнце и мѣсяцъ. Для игры въ солнце и мѣсяцъ всѣ становятся на одномъ мѣстѣ; одинъ становится маткой, а остальные схватятъ его сзади; всѣ держатъ одинъ другого съ заду,

8

kist äsa uda·lda, ki čuba·da, ki suma·ńd́ä, a v́äχkä· kadu·v́ä va·-rakaks i karḿä· uda·lda kuńći·ḿä v́äχt́ä-v́ä·χt́ä nalkši·ćät́ńiń äsa, a sońć čyjńä· i ṕižńä: vārk, vārk! Kyda ku·ńćä ṕel'eška·st kuńći·-v́it́, ńet́ kuńći·t́ v́äši va·rakańt́ uda·luu̯ i vara·kaś karńä· ṕižńa·-ma sońće·ń oṙteľenʒa maṙta: kou̯, kou̯! A ńet́, ombóće oṙt́e·ľeś, karḿi·t́ ṕižńa·ma: čyj! čyj! A ńet́ ṕižńi·t́: kou̯! kou̯! I karḿi·t́ v́äχ-kist v́äχkist äsa äśt́a·st mańa·ma, ḿäjľä kundy·t́ ava·kat́ńä v́äχ-kist v́äχkist äjs i karḿi·t́ äśt́a·st uskuma. Koda·k kona· ava·kańt́ sala·syź, śeń v́äši karḿi·t́ ṕŕäla·ŋga kalga·mynʒa.

Gala·ńčasa. Purny·t́ v́ä·t́i käu̯ńit́ i noró·χt́et́ ṕiža·kaduma. Kona· kä·ńiŕä iki·ľij ṕižńä: ćiŕ ko·n! A ombó·ćeś ṕi·žńä: pat ko·n! A kolmó·ćeś ṕižńä·: taraka·n! Ḿä·jľä karḿit́ nalkši·ḿä. Nalkši·t́ i·śt́a: ńiľi kä·u̯ńit́ńiń pucy·ńʒä ma·styruu̯, a v́äχki·ś ke·-cenʒa. Te v́ä·χkińt́ kaja·syj v́e·ŕej, śe škańä pramazy·nʒa kapšä·-ńi·ľit́ńiń a·lda kapy·d́iḿist i käńi·ŕims śeńga·k kunda·ms v́eŕd́ä.

кто за шубу, кто за кафтанъ, а одинъ остается вороной и начинаетъ хватать играющихъ одного за другимъ, а самъ бѣгаетъ и кричитъ: варкъ, варкъ! Когда онъ, хватая, поймаетъ съ половину ихъ, тогда эти всѣ схватятъ ворону сзади, и ворона начинаетъ кричать вмѣстѣ со своей партіей: мѣсяцъ, мѣсяцъ; а эти, принадлежащіе другой партіи, начнутъ кричать: солнце, солнце; а эти кричатъ: мѣсяцъ, мѣсяцъ; и начинаютъ переклпкать один другихъ; затѣмъ матки уцѣпятся другъ за друга и начнутъ тащить къ себѣ чужую матку. Когда вырвутъ какую матку, всѣ начинаютъ долбить ее въ голову.

Игра въ колки. Возьмутъ пять камушковъ и стараются крикнуть. Кто успѣетъ раньше, закричитъ: чуръ конъ! а другая крикнетъ: подъ конъ! а третья крикнетъ: тараканъ. Потомъ начинаютъ играть. Играютъ слѣдующимъ образомъ: четыре камня она положитъ на землю, а одинъ она держитъ въ рукѣ. Одинъ этотъ камень она броситъ къ верху; въ это время она старается, до паденія его, схватить снизу тѣ четыре камня и успѣть поймать и тотъ сверху. Сколько разъ она такъ успѣетъ, столько и сче-

Źa·rykśt iśťa· Kä·ńiŕä, śńarykśt i lov́ä· jalga·nʒa laŋks. Koda·k käḿińc ťäjä·, śe·sta karḿä· kamka·ma. Koda·k jupa·ďä, śesta·ťä·nʒa pa·ńďa. Śe·sta karḿä· jalga·za pańńi·ḿä. Koda·k kona·kona·ń laŋks ťäjä· komś ka·mkaź, to śeń iśťa· tata·rnyń ḿisy·, ḿäjľä karḿä· voźa·ź to·sta iďi·ḿinʒa, karḿä· galańčaťńiń prafńi·ḿä i ṕäji·ťkšńiḿä: «praśť bujara·ks, tatar paly·źä». I koda·k i·śťa komśe·ś pandu·v́ä, śesta ťänʒa pa·ńďa. Ḿä·jľä jalga·za karḿä· iśťa·ža nalkśi·ḿä. Ko·nań ḿi·syź, śeń laŋksa v́ä·śi jalga·nʒa ṕä·jďiť. Vot i·śťa i nalkśi·ť.

Ńaka·sa. Ťäjńi·ť ńa·kat—ćora·t, ava·t, äχť, kakšt, žėńe·ťť, ńev́esta·t i karḿi·ť äsy·st nalkśi·ḿä; i·śťaža koda· i loma·ťť äŕi·ť, iśťa·ža uŕva·kśńiť, iśťa·ža byta guľä·jiť, čačńi·ť i kulći·ť. I·śťa na·lkśiť ťäχťiŕχńiť godo·u̯ do ďvenacaťi. Ḿä·jľä pa·ńďa.

Ka·ravad. Karava·ca nalkśi·ť i·śťa. Ľiśi·ť ťäχťi·ṛť ary·ť kru·ks i kuńći·ť keťťike·c i karḿi·ť čyŕkśi·ḿä. Kunčka·s suv́ä·v́ä·χkä i karḿä· morė·ń śäjŕi·ḿä. Ťe śäŕgiďä vaśńa· śka·mynʒa,

---

таютъ другъ за другомъ. Если кто исполнитъ десять разъ, то начинаетъ подкидывать съ затылка руки и ловить. Какъ только промахнется, тогда съ нея довольно. Тогда ей начинаетъ отплачивать ея товарка. Какъ только одна за другую броситъ и поймаетъ двадцать разъ, то она продаетъ ее такъ татарину, потомъ начинаетъ съ баловствомъ выкупать ее оттуда, начинаетъ бросать камушки и подсмѣиваться: «упали въ баракъ, татаринъ поцѣловалъ ее»; и когда она такъ заплатитъ двадцать разъ, тогда съ нея довольно. Потомъ подруга ея начинаетъ играть такъ же. Которую продадутъ, надъ той смѣются всѣ подруги. Вотъ такъ и играютъ.

Игра въ куклы. Сдѣлаютъ куклы—мужиковъ, бабъ, дѣтей, женихов, невѣстъ и начинаютъ ими играть; такъ же живутъ, какъ люди, такъ же женятъ и такъ же гуляютъ, рожаютъ и умираютъ. Такъ играютъ дѣвочки годовъ до двѣнадцати. Потомъ довольно.

Хороводъ. Въ хороводѣ играютъ такъ. Дѣвушки выйдутъ, станутъ въ кругъ и ухватятся одна съ другой за руки и начинаютъ покачиваться. Въ середку входитъ одна и начинаетъ запѣ-

a ḿä·jľä ḿäľga·nʒa ńeť ka·k. Moŕćeť moŕćeť i·śtańa, ḿäjľä ka·r-ḿiť kišńi·ḿä. Ḱiščy·msta ťäjńi·ť i·śťa: kruks suv́i·ť kafty ťäχtiṛť, a osta·tkaťńä karḿi·ť ľa·ľi-ľa·ľi mora·ma i ťe ľaľi-ľaľińť ṕäzyjak ara·ś, a ľija·sta moreť: «nam ńi nada muzyka·, u nas svoj jeśť jazyka·»; ľija·sta mo·reť: «na jaruǵi duľa jeľi, duľa da». Ḿäjľä puru·mkšnyť ťezeń o·dʒorat nuďij maṛta i karḿi·ť mora·ma i ḱi-ščy·ḿä čo·vor; kona·t ḱiščy·mańť v́e·čkseź, a kona·t śe škańä vany·ť, kona·ť śäjŕiť ḿińišu·nyń va·ľǵijsa, kona·t v́eške·ńeť, a ko·nat ťä·χťiŕχńä kru·ksa more·ť. A nalkši·ť ťäχťi·ŕχńä ćo·raťńä ma·ṛta i·śťa: ťäχťi·ŕχńä aščy·ť kru·ksa v́ä·χc-v́äχc ku·ńćiź, a ćora·ťńä jaḱi·ť krugo·mgast i čav́i·ť sa·stṿńä udalkslaŋga ḱeď ladṿška·sa, a ťäχ-ťi·ŕχńä ḿejǵä·ńiṛť o·žasa. A kona· ťäχťi·ŕińť vačky·ťcy koŕχńeća jalga·za, son śe ška·ńä kru·kstyńť ľi·śä, buta śeń čau·ma karḿä·ḿäľga·nʒa čyji·ḿä, a śe bu·ta ṕäľä·, karḿä· äjsty·nʒa čyji·ḿä śeďä čo·poda ta·rkas. Kyda čy·jä iśťa·ma ta·rkas, ko·sta ḱińiń-

вать пѣсню. Эта запоетъ сначала одна, а потомъ за ней и тѣ. Попоютъ онѣ такъ, потомъ начинаютъ плясать. При пляскѣ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ войдутъ двѣ дѣвушки, а остальныя начнутъ пѣть ляли-ляли, и этому ляли-ляли нѣтъ и конца; а другой разъ поютъ: «намъ не надо музыка, у насъ свой есть языка»; другой разъ поютъ: «на яругѣ дуля ѣли, дуля да». Потомъ туда собираются парни съ дудками (изъ трости) и начинаютъ пѣть и плясать вмѣстѣ; которые любятъ пляску, а нѣкоторые въ это время смотрятъ, другіе кричатъ на разные голоса, третьи высвистываютъ, а нѣкоторыя дѣвушки поютъ въ кругу. А играютъ дѣвушки съ парнями слѣд. образомъ: дѣвушки сидятъ въ кружкѣ, держась другъ за дружку, а парни ходятъ вокругъ нихъ и потихоньку ударяютъ ихъ ладонью по спинѣ, а дѣвушки наотмашь рукавомъ. А если дѣвушку ударитъ ея дружокъ[1]), то она въ то время выйдетъ изъ круга и побѣжитъ за нимъ, будто для того чтобы бить его, а тотъ будто боится и побѣжитъ отъ

1) Т. е. парень, котораго дѣвушка намѣчаетъ себѣ въ мужья.

gak a ńe·jav́ä, śesta lotkä i ťäχťiŕiś čyjä·, buta kunda·syj, i ozė·ť äľä śťa·da karḿi·ť koŕχńe·ḿä. Ľija·sta iśťa koŕχńe·ť zo·ŕas, a ľi-ja·sta fati·ť ľija·t ťäχťiŕińť ḿäľga prafty·ćat i karḿi·ť laŋgyzyst ḿäjsa poŋkś jovŕa·ma i pańci·ź to·sta. Śe·sta śe ćora·ś purna·-syńʒä jalga·nʒa i tujä ľija karava·dga jaka·ma v́äť. V́äśij karava·t-nyń äzga jaki·ť ćoraťńä i·śta. Ńeť moľe·ť tou, a nona·t to·sta syť ťej; iśťa· i ja·kiť.

Ḱiŕi·ń sala·ma. Koda śokśeś sy, śe·sta ťäχťiŕχńä i ćo·raťńä karava·c lo·tkeť ľiśńi·mada. Śe·sta ťä·χťiŕχńä karḿi·ť ruća·ń pa-na·ryń v́ikšńi·ḿä ku·ca, a ćora·ťńä karḿi·ť vaľma·lga jaka·ma. Jaki·ť sa·lava, a pora·ś ru·daz. Mo·ľeť va·ľmalun, ko·mśeť sa·-styńä, va·nnyť šty·ba ťäχťi·ŕiś iľa·za ťaťa· ä·zyst. Ťäχťi·ŕiś v́i·kśńä, a syń va·nnyť, koda·k śe nunśi·ḿä ka·rḿä; syń śe škańä salav́i·ńä va·ľmańť pančcyź; b́id́i ḱi·ŕiza mala·sa, sajsy·ź ḱe·ca, a b́id́i v́ä-ṕe·ľä, śesta· ćora·ťńiń uľi·ť iśťa·tt palkav́ä·ľďä kŕuki·ńist. Śe kŕu·-

---

нея въ очень скрытное (темное) мѣсто. Какъ онъ прибѣжитъ въ такое мѣсто, гдѣ никто его не увидитъ, тогда онъ остановится, а дѣвушка прибѣжитъ, будто поймаетъ его, и сядутъ или стоя начнутъ разговаривать. Другой разъ такъ говорятъ до зари, а иногда хватятся другіе, ухаживающіе за этой дѣвушкой, и начнутъ бросать въ нихъ чѣмъ попало, и выгонятъ оттуда. Тогда тотъ парень соберетъ своихъ товарищей и уйдетъ гулять ночью по другимъ хороводамъ. Парни ходятъ такъ по всѣмъ хороводамъ. Эти идутъ туда, а тѣ идутъ оттуда сюда; такъ и ходятъ.

Кража клубковъ. Когда настанетъ осень, дѣвушки и парни перестаютъ выходить въ хороводы. Тогда дѣвушки начинаютъ вышивать дома руци и рубашки, а парни начинаютъ ходить подъ окна. Ходятъ тайкомъ, а пора грязная. Подойдутъ къ окну, нагнутся потихоньку, стараются, чтобы дѣвушка не замѣтила ихъ. Дѣвушка вышиваетъ, а они подкарауливаютъ, какъ она задремлетъ; въ это время они потихоньку откроютъ окно; если клубокъ ея близко, они возьмутъ его рукой, а если далеко, тогда у парней бываютъ такіе крюки на палкахъ. Этимъ крюкомъ они его

kińisyńť sa·jsyź i aďa· mary·nʒa. Ḿä·jľä mo·ľeť ľi·ja ta·rkas i v́äńbä·ŕť iśťä·ńä ja·kiť, a ḿä·jľa karḿi·ť ṕäji·ťkšńiḿä ťä'χťi·ŕ'χńä la·ŋksa, ki koda· v́ikšńä·; kiń koda·ma suŕi·za. Vot iśťa jakši·ť kiŕiń zala·ma, a ľija·sta kiŕi·ńť a·ńčik saji·ḿinʒa ka·rńiť, a ťä'χ-ťi·ıiś fa·ťä, śäŕgi·ďi ťäťa·ncty, a śe ka·pyďä ko·ľeja äľi äŕäśi·na i napy·śťä ḿäľga·st, a ńeť čyji·ť kona·ńiń koupa·ra. Ľija·sta prakšny·ť v́ä'χki·st-v́ä'χkist v́ä·ľkska, śťi·ť i ta·gy čyji·ť. Śńarc čyji·ť, kyda ľi-jä·ń o·jḿeza ṕi·jä. Śe·sta lo·tkeť. A ko·nań sasasyj, śeń ṕŕäń-ďroks äŕäśi·nasa. I iśťa· jaki·ť śokśńä ä·ŕva čo·kšńä. A·ńčik a ja·kiť ńedľačyń i praźńi·kiń ka·rča.

Laukava·ksc. Roštova·ńiń i ščeńeja·ńiń torgo·vy'χńä ľiŕńi·ť tava·ryst äsa lauka·sta nurc, nu·rďyńť laŋks ťäji·ť kibitkat, vač-ka·syź tavaryst i ľifcy·ź uľča ku·nčkas. Śesta· v́äśi v́ä·ľista pu-ru·ḿiť odʒo·raťńä i odďä·'χťiŕ'χńä i salda·tkaťńä lauka·ťńiń vaksc. Odʒo·raťńä karḿi·ť ramśiḿä la·ušńikńiń ke·cta, ki ṕeśť, ki roš-

---

возьмутъ и уходятъ съ нимъ. Потомъ идутъ въ другое мѣсто и всю ночь они тамъ ходятъ, а потомъ начнутъ подсмѣиваться надъ дѣвушками, какъ которая вышиваетъ, у которой какія пятки. Вотъ такъ-то они они ходятъ красть клубки, а иной разъ, только они станутъ брать клубокъ, какъ замѣтитъ дѣвушка и крикнетъ своему отцу, а тотъ схватитъ колъ или холудину и пустится за ними, а эти убѣгаютъ куда кому любо. Иногда упадутъ другъ черезъ дружку, встанутъ и опять бѣгутъ. Бѣгутъ до тѣхъ поръ— пока у другого духъ захватитъ. Тогда остановятся. А если (отецъ) кого поймаетъ, того ударитъ холудиной по головѣ. И такъ они ходятъ по осени каждую ночь. Не ходятъ только наканунѣ воскресеній и праздниковъ.

По лавкамъ. На рождество и крещеніе торговцы выносятъ свои товары изъ лавокъ на сани, на сани придѣлываютъ кибитки, наложатъ товару и вывезутъ ихъ на середину улицы. Тогда со всей деревни соберутся парни и дѣвушки и солдатки къ лавкамъ. Парни начинаютъ покупать у лавочниковъ, кто орѣхи, кто рожки, кто пряники, кто сѣмячки, кто тыквенныя сѣмячки, кто конфеты,

ka·t, ki zaku·skat, ki vidḿi·t́, ki duja·kujar vidḿi·t́, ki kańet-kat, ki ḿäśt́ ra·ḿä, a t́äχt́i·ŕχńä äŕvä·χkä odʒo·rańt́ ke·cta väšy·t́; ki maksä·, a ki ama·ksä, i nalkśi·t́ ćora·t́ńä t́äχt́i·ŕχńä marta, ki koda maštä, ki tolka·jiź, ki prafty·ź, ki vačky·diź, i čyjńi·t́ vä·χ-kist vä·χkist ḿä·ĺga čop. Kona·t tuji·t́, kona·t syt́, i t́ävi·st iśta·moĺä· ṕeĺevä po·ras; ḿäjĺä· strady·t́ ku·dga, a ĺija·t roštova·sta, ščeńcja·sta i maśińća·sta aŕχńi·t́; odʒorat́ńä kiŕχńi·t́ ala·šat pa·-ryjsa, tro·jkasa, kona·t väχt́i väχt́ä, śulmyśit́ baja·gat, oza·fnyt́ nurdy·zyst t́äχt́i·ŕt́; t́äχt́i·ŕχńä mo·rcet́, a ćora·t́ńä aŕχńi·ft́it́ ä·syst väśij väĺińgä·ĺis· a ińi·čyń ostatka čysta t́äχt́i·ŕχńä jaki·t́ tundy·ń śt́ŕeča·jama. Jaki·t́ paćaftu·ma, oďežat́tu·ma, ṕäŕt́ka·st kušakt, puly·syst ĺe·ntat i ćokt. Moĺe·t́ väĺińt́ krugo·m i morcė·t́ mo·ret ḿińićn·nyń. Śeft́ la·mykśt́ mora·syź: a «vesna·, a vesna·, a vesna·, vesna· kra·snaja maja·».

Tu·ndyń provoža·ma. Śe·sta t́äχ·t́iŕχńä jaki·t́ vä·śij uĺćä·t́ńiń äzga ket́t́ikec ku·ndaź i morcė·t́ uĺćä·t́ńiń äzga.

кто чего купитъ, а дѣвушки выпрашиваютъ у каждаго парня; кто дастъ, а кто не дастъ, и играютъ парни съ дѣвушками, кто какъ умѣетъ, кто толкаетъ ихъ, кто повалитъ ихъ, кто ударитъ ихъ, и бѣгаютъ другъ за другомъ весь день. Одни уходятъ, другіе приходятъ, и дѣло у нихъ такимъ образомъ доходитъ до полночной поры; потомъ расходятся по домамъ. А другіе на рождество, на крещеніе и на масляницу катаются на лошадяхъ; парни повпрягаютъ лошадей парами, тройками, нѣкоторые по одной, навяжутъ колоколовъ и посадятъ въ сани дѣвушекъ; дѣвушки поютъ, а парни катаютъ ихъ по всему селу. А на послѣдній день пасхи дѣвушки ходятъ встрѣчать весну. Ходятъ безъ платковъ, безъ верхняго платья, опоясанныя кушаками, въ косахъ у нихъ ленты и кисточки. Идутъ вокругъ села и поютъ разныя пѣсни. Больше другихъ пѣсенъ поютъ пѣсню: «А весна, а весна, а весна красная моя».

Провожаніе весны. Тогда дѣвушки ходятъ по всѣмъ улицамъ, схватившись рука за руку, и поютъ по улицамъ. Выходятъ

Ľiśńi·ť pa·kśau̧, jaki·ť i morcė·ť a·lamys i murdy·ť ḿäki·j kudu·u̧.

Kozna·sa. Nalkśi·ť ra·znasta. Naľkśiť bujńi·sa, nalkśi·ť bukińi·sa i krukki·sa, gorotkesa, i la·ďaź, i ofo·lca ka·jaź.

Bujńi·sa nalkśiť i·śťa: äŕvä·ʐki lo·mańiś śťa·ftä kozna, ťäji·ť buj i śc bujstyńť karḿi·ť jovŕa·ma. Kona·t bujsta tokä·, sajä·, a kona· ato·kä, iśťa·k jo·rdä. Ḱi bujsta śeťť va·su̧u̧ jordä·, śe ťe v́eľďä čėŕkssta iki·ľij ča·v́ä; źa·ra tokä, śńara i sajä.

Bukińisa. Arafńiť žokṕeľďä čėŕks laŋks, a·vyľ va·su̧u̧ ťäji·ť lija čėŕks. Śe čė·ŕksėńť ästa karḿi·ť koznaṕe·ľďä käv́i·ŕkšńiḿä pa·nyksa. Ḱiń žok pry panykyza, śeńeń iki·ľij čaums; konań žo-

---

на поле, походятъ и попоютъ немного и вернутся назадъ домой.

Игра въ козны. Играютъ разно. Играютъ въ буйки, играютъ въ бычки и кружки, въ городки и съ предварительнымъ соглашеніемъ[1]) и съ бросаніемъ орла.

(Игра въ буйки). Въ буйки играютъ слѣд. образомъ: каждый поставитъ козонъ, устроитъ буй и начинаетъ кидать изъ этого буя. Во сколько козновъ попадетъ изъ буя, столько возьметъ, а въ который не попадетъ, броситъ такъ по пусту. Кто кинетъ изъ буя всѣхъ дальше, тотъ за то бьетъ впереди черты; сколько сшибетъ, столько и возьметъ.

Игра въ бычки. Ставятъ жохомъ на черту, неподалеку проводятъ другую черту. Съ той черты начнутъ отъ козновъ катать панками. Чей панокъ упадетъ жохомъ, тому бить впередъ; чей сокъ[2]) дальше всего, тотъ бьетъ прежде всего. При битьѣ,

---

1) Становятъ козны въ рядъ, и одинъ мальчикъ (однимъ козномъ) ударитъ въ рядъ; и какъ ляжетъ панокъ (т. е. козонъ, которымъ били), то бьющій беретъ панокъ и всѣ козны, которые лежатъ такъ, какъ панокъ. Если панокъ лежитъ «сокъ» (ничкомъ), то берутся всѣ тѣ козны, которые лежатъ «сокъ». Если панокъ лежитъ «бокъ» (на боку), то берутся всѣ козны, которые лежатъ «бокъ». (Замѣчаніе Р. Ѳ. Учаева).

2) Сокъ или чохъ — такъ называется положеніе козна, когда онъ лежитъ ничкомъ.

kóza śeďi va·syla, śe śeďi i·kiľij čavä. Čau·msta kyda· kozna·ťńiń toka·syńʒä i vany·ť, koda·pany·kyza aščä. Bidä bok, to sou śńary sajä·, źara tosa bokt, a bidä žok panykyza, to žokńiń sa·j-syńʒä.

Krukkisa. Ťäji·ť kruk, kru·gyńť vä päs ťäji·ť čeŕks. Śe čeŕk-sèńť laŋks ara·fńiť ko·znat, avyľ vasuu̯ ťäji·ť čeŕkskä, śe če·ŕksèńť udalu·u̯ karḿi·ť käviŕkšńimä panyksa. Iśťa·ža kona·ń žo·kóza śedä va·syla, śe iki·ľij čavä·. Vačky·ťcyńʒä: źa·ra kru·kstyńť ľif-ťi·ť, śńa·ra sa·jä, a bi·dä väχki jak aľifťä, väχki jak asajä, i bidä ato·kaviť ťäuʒa, toža vä·χki jak asa·jä: kozna·za juma·ś. I vä·śi iśťa čau̯nyť, väśi kona źa·ra ľi·fťä, śńara sa·jä, a kona·t kadu·viť väśimidä ḿäjľä, ńcť ḿirskoχť uľiť. Syń synst, bidä kaduviť lama, odo·u̯ na·lkśisyz, a bidä ala·ma naŕäžasyź; naŕäžasyś—odou̯ ńekä vaksc śťafńi·ť väχťi väχťä i karḿi·ť taga nalkśimä od kou.

Gorotkesa. Väχkä ćoreńä śťa·fťä väťi ko·znat šaǵi šaǵ, čeŕk-

когда попадутъ въ бабки, смотрятъ, какъ стоитъ панокъ. Если бокомъ, то ударившій берётъ столько, сколько тамъ лежитъ бокомъ, а если его панокъ стоитъ жохомъ, то онъ возьметъ лежащія жохомъ.

Игра въ кружки. Сдѣлаютъ кругъ, въ одномъ концѣ круга проведутъ черту. На этой чертѣ поставятъ козны, неподалеку проведутъ черточку, за эту черту начнутъ катать панками. Такъ же, чей жохъ всего дальше, тотъ впередъ и бьетъ. Ударитъ: сколько вылетитъ изъ круга, столько онъ беретъ, а если ни одна бабка не вылетитъ, онъ не беретъ ни одной, и если онъ не попадетъ, то также не беретъ ни одной: бабка его пропала. И всѣ такъ бьютъ; всякій, кто сколько выбьетъ, столько возьметъ; а которыя останутся послѣ всѣхъ, тѣ (считаются) мірскими. Если останется много, они играютъ ими снова, а если немного, то приведутъ ихъ въ порядокъ; приведутъ ихъ въ порядокъ, снова поставятъ вокругъ нихъ другія бабки по одной и начинаютъ опять играть другую партію.

Игра въ городки. Одинъ мальчикъ поставитъ пять бабокъ,

stä čeŕks śezeń i aŕci·ť śe cö·ŕkseńť laŋks čauuu·ma. Čauny·ť i·śťa: ńäχťä ńäχťä lo·mań; čańi·ćäś ḃidä toki ńäχkä, ńäχkä sa·jä, kolmy tokä, kolmy sa·jä, ńäťä tokä, ńäťä sa·jä. A ḃidä ńä·χkä jak a tokä, ńä·χki jak a sajä, kozna pandä; ka·fta tokä, kafta pa·ndä, ńi·ľä tokä, ńi·ľä pa·ndä.

Sokorne·sa. Śťafny·syź kozna·ťńiń śä·jicta, ťäji·ť čeŕks ńä ṕe·ľej i kozna·ťńiń ṕeľďä karḿi·ť käńi·ŕkšńiḿä čeŕkseńť ekšc. Kona·ń žo·koza śeťť vasyla, śeńe·ń śeťť i·kiľä čau·ms, a kona·ń käńi·ŕďamsta čeŕkse·ńťe apa·čkyďä pany·kyza, śeńe·ń čau·ms śä·ľḿiń ko·ńaź. Ḱi źa·ra tokä, śe śńara sa·jä, a śeťť ḿäjľä kona·t kadu·ńiť apak toka, ńeť ḿirsko·χť. Nalkśisyź a·ľä naŕä·žasyź.

шагнетъ шагъ, проведетъ тамъ черту, и станутъ на эту черту, чтобы бить. Бьютъ слѣд. образомъ по одному: если бьющій попадетъ въ одну бабку, беретъ одну бабку (которую сшибъ), если попадетъ въ три бабки, беретъ три; если попадетъ въ пять бабокъ, то беретъ пять. А если онъ не попадетъ ни въ одну бабку, то не беретъ ни одной,—платитъ бабку; сшибетъ двѣ бабки, платитъ двѣ; сшибетъ четыре, платитъ четыре[1]).

Игра въ слѣпые. Поставятъ бабки очень часто, проведутъ въ отдаленіи черту и начнутъ катать со стороны козновъ бабками за черту. Чей жохъ всѣхъ дальше, тому всѣхъ прежде бить, а чей панокъ при катаніи не дойдетъ до черты, тому бить защурившись. Кто сколько попадетъ, тотъ столько беретъ, а бабки, которыя останутся послѣ всѣхъ не тронутыми, тѣ мірскія. Или играютъ ими, или дополнятъ ихъ.

---

1) Бьющій въ городки только тогда выигрываетъ, когда сшибетъ 1, 3, 5 бабокъ, а если не сшибетъ ни одной бабки или если сшибетъ 2 или 4, то проигрываетъ. (Замѣчаніе Р. Ѳ. Учаева).

Ťäχtiŕχńiť purumiť ýä kruks, a ýäχkä suýä kunčkazyst i komä, buta ḿäśť kak karḿä kočkama a ńeť vaśńa karḿiť ťäŕďiḿinʒa buta bańaų moraź:

Babaj a babaj,
Aďa paŕama
Kšńiń polaťasa,
Paŕćij ťeńḱesa,
Śija ýäďńisa,
Kšńiń ǵŕeḃeškasa,
Ṕižyń suŕćamsa.
Babaj a babaj,
Ḿäśť ťäjńat?
— Grošḱeť kočkan. —
Grošḱeť ḿäźńiń?
— Salmykskä raman. —
Salmykskińť ḿäźńiń?

Дѣвушки собираются въ одинъ кругъ, а одна войдетъ въ середину ихъ и нагнется, будто начнетъ что-то собирать, а тѣ начнутъ сперва звать ее, будто въ баню, при чемъ поютъ:

Бабушка а бабушка,
Иди париться
На желѣзныхъ полатяхъ
Шелковымъ вѣничкомъ,
Серебряною водицей,
Желѣзнымъ гребешкомъ,
Мѣднымъ гребнемъ.
Бабушка а бабушка,
Что ты дѣлаешь?
— Я собираю грошики. —
Грошики на что?
— Чтобы купить иголочку. —
Иголочку на что?

— Mešėḱḱeń stams. —
Ḿešėḱḱeńt́ ḿäźńiń?
— Ḱäv́ńit́ kočkams. —
Ḱäv́ńit́ńiń ḿäźńiń?
— Ṕŕaka poc. —
Ṕŕakat́ńiń ḿäźńiń?
— Tyŋ́k äjdïŋk andums. —

Kodak iśt́a ḿeŕä, dy sońć napyśt́ä koų t́änʒa para, a t́äχt́iŕχ-ńit́ńä ċyjit́ ḿäľganʒa i śäľǵińit́ laŋgyzynʒa i śäjŕit́ tänʒa: «t́fu äś ṕŕazyt, t́fu äś ṕŕazyt».

Ḿäjľä tarkazynʒa ozä ľija, kona tosa χočėt, i karḿit́ taga iśt́a nalkśimä.

— Чтобы сшить мѣшечекъ. —
Мѣшечекъ на что̀?
— Чтобы собрать камушки. —
Камушки на что̀?
— Въ пирогъ. —
Пироги на что́?
— Чтобы накормить вашихъ дѣтей.—

Какъ только скажетъ такъ, то сама побѣжитъ куда ей удобно, а дѣвушки побѣгутъ за ней и плюютъ въ нее и кричатъ ей: «тьфу, на твою голову, тьфу, на твою голову».

Потомъ на ея мѣсто сядетъ другая, которая тамъ хочетъ, и начнутъ опять такъ же играть.

A ešćo nalkśiť iśťańa. Purumiť kruks i kuńćiť keťťi kec, krugyńť ťäjiť käľij i karḿiť morama:

Ṕľeťeń a ṕľeťeń,
Ṕľeťeń zaŕažu,
Purbań uŕäźu,

i v́äχkiń tarkasta keďest noldasyź, i kafta ťäχťiŕχńiť keďest käṕiťcyź, a ombóćä ṕästyńť karḿiť suvama ńe käṕidiḱ keťńä jutkuva. Kodak v́äśij jutav́iť, ḿäjľä taga iśťa kundyť i taga karḿiť morama.

I naŕažyť alašat, kambraśťasyź i ojśeť laśťä, keďezést sajiť nogajkat i tujiť aŕχńiḿä prok kazakt. Kuva ardyť, žajḱ moľä äjstyst, i v́äśij ćityrdyť i kudyńińť ḿäjľä iśťaža.

А еще играютъ такимъ образомъ. Собираются въ кругъ и берутся за руки, сдѣлаютъ широкій кругъ и начинаютъ пѣть:

Плетень а плетень,
Плетень заряжу
? ?

и на одномъ мѣстѣ опустятъ руки, и двѣ дѣвушки подпимутъ свои руки, а съ другого конца начнуть входить между этими поднятыми руками. Когда всѣ пройдутъ, потомъ опять такъ же берутся и опять начнутъ пѣть.

И уберутъ лошадей, осѣдлаютъ ихъ и сядутъ верхомъ, въ руки возьмутъ нагайки и начнутъ кататься, точно казаки. Куда ѣдуть, тамъ идетъ отъ нихъ стонъ, и все дрожитъ, и послѣ посидѣнокъ дѣлаютъ такъ же.

Pokajiś uľńiś śeďä ikiľiń nańad; sonza orčńeź śokśńä kudyńiďä ikiľä. Ťäχťiŕχnä śesta nańažakšnyśť iśťa: orčeť pokaj ṕäŕťkast, ḿeščezest pokš śulgam, ṕŕazyst ḃiśiryń ṕŕaśuks. Ṕiľist krugom karksyś—ṕiľisuŕiť. Ṕiľisuŕiś—pokš śulgamyś i ṕŕa śuksyś, nańažaft v́äśij grušasa i gońńeposa.

Bojarṕŕa. Śeďä ikiľä bojarṕŕadyńť puťńikšnyśť orta v́äľksc, ḱŕiškava, i ḿeŕńeśť: šajťan asuvav́ä i kodamajak skoťenań kuluma asuvav́ä.

Покай былъ старинымъ нарядомъ; его надѣвали осенью передъ посидѣлками. Дѣвушки тогда наряжались такъ: надѣнутъ на себя покай, на грудь большую застежку, на голову бисерную повязку. Вокругъ ушей поясъ — ушныя нитки. Ушная нитка — это большая застежка и повязка, украшенныя всѣ побрякушками и погремушками.

Чертогонъ. Въ старину клали чертогонъ на ворота и подъ крышу, и говорили, что не войдетъ шайтанъ и не приблизится никакой скотскій падёжъ.

Б. Сухой Карбулакъ.

Од годэнь гарча тейтерьть соцеть.

1) Ёрцэзь готаст орта велькснa и кинь говолоў гота прязы пры, товолоў мирьдининь годяве.

2) Лисить орта лапкс и мереть: ойкт ойкт, кискине, коса монь мирьдинимь?

3) Кайсить кивиса. Кинь кирпзы пры ашысты кудряўста, се мирьди экшсы ули уцяскаў; а кинь гивизы пры чоподасты валаняста, се мирьди экшсы ули грешнэй.

4) Путыть столангкс колмы чапкат. Ве чапканьть алы сурьцям, омбоцень алы кольця, а колмоцень алксызы чава. Кода чап-

---

Б. Сухой Карбулакъ.

Накануне новаго года дѣвушки гадаютъ.

1) Бросятъ башмаки черезъ ворота, и у кого на какую сторону упадетъ носъ башмака, та на ту сторону угодитъ замужъ.

2) Выйдутъ за ворота и скажутъ: лай лай, собачка, гдѣ мой муженёкъ?

3) Бросаютъ оловомъ (растопленнымъ въ воду). У кого олово упадетъ бѣлымъ и кудрявымъ, та будетъ счастлива за мужемъ; а у кого олово упадетъ темнымъ и гладкимъ, та будетъ несчастна за мужемъ.

4) Положатъ на столъ три шапки. Подъ одной шапкой гребешокъ, подъ другой кольцо, подъ третьей шапкой пусто. Когда

катьнинь бутыть, тейтерьтнн а ваныть, а мельп каждый[1]) дейтересь сап ве чайка. Кинь цапкась сурьцям марта, сень мирьдизы уля щёголь[2]), кинь гольця марта, се мирьдиннпь лисе, а конапь цапкась чава, се те годэньть мирьдининь а лисе.

5) Якить кулцынума ломапь вальмалуў. Бути марить[3]) кортэть горяда, то и сыпяст ули горя, а бути кортэть парыда, то и сыньдяст ули пара.

6) Сувафтыть кудыс пенгп берема и вачкить пенгкпепь кафты куцяс; ве куцяньтинь[4]) пенгеньть путумсты мереть: «суўсикс», а омбоцп куцяньтинь путумсты мереть: «мешэкс.» Кинь остатка пенгесь годяви суўсикс, се годяви сюпаўнинь; а конапь остатка пенгесь годяви мешэкс, се годяви арасьчисынинь.

7) Лисить ульцяў и кеўкстеть ютыця ломань, кода лемеза. Код лaомапьць[5]) ёфтэ, истя ули мирьдинзы лемеза.

кладуть шапки, дѣвушки не смотрять, а потомъ каждая дѣвушка береть одну шапку. У кого шапка съ гребешкомъ, у той мужъ будетъ щеголемъ, у кого съ кольцомъ, та выйдетъ замужъ, а у которой пустая шапка, та въ этомъ году не выйдетъ замужъ.

5) Ходятъ слушать подъ чужія окошки. Если услышать, что говорять о горѣ, то и имъ будетъ горе, а если говорять о хорошемъ, то и имъ будетъ хорошо.

6) Вносять въ домъ беремя дровъ и раскладывають дрова на двѣ кучи; когда кладуть полѣно въ одну кучу, говорять: «въ сусѣкъ», а когда кладутъ въ другую кучу говорятъ «въ мѣшокъ». У кого послѣднее полѣно придется въ сусѣкъ, та угодитъ за богатаго; а у которой послѣднее полѣно придется въ мѣшокъ, та угодитъ за бѣдняка.

7) Выйдуть на улицу и спрашивають проходящаго человѣка, какъ его имя. Какъ скажетъ человѣкъ, такъ будетъ имя ея мужа.

---

1) эрьва. 2) пряпефтей. 3) мариньдяряйть. 4) куцяньтий. 5) ломапись.

8) Копиаста колозэпь даргама якить. Кажный дарги зняры колост, зяры ломатть семьясынsa. Бути кинипь годяви[1]) колостома олга, сепь земьясты эль гулы кияк, эль мирьдиппь лиси, эль залдатыкс туе.

9) Якить кулцынума ки улыс, эль аигксима лаигкс; карксыст крёстэст каясызь и саить мартыст помила и кулцыныть. Чачума годиэпь марить озэпь цикырдума, голодь годиэпь марить чавы крандазыпь галдырдума, кулуманипь марить лайшыма.

Парц марить пара, беряньц марить берянь. Ки улыса и аигксима лаигкса молитват а лоўнэть, аньцяк яла лецьнеть: «помила-помила-помила».

Одгодэпь гарчи васьня бабатьни пидить сараст, уткат, мацийть, туяўкст, алт, ой-зюкурт, каша чакш и кшы и пе сьряпнятьнипь а токасызь чёкшиес. Сы одгодэпь гарчи весь, сайсызь

1) годявиньдяряй.

8) Ходятъ выдергивать колосья изъ копны. Каждый выдергиваетъ столько колосьевъ, сколько людей въ его семьѣ. Если кому-нибудь угодитъ солома безъ колоса, у того изъ семьи или умретъ кто-нибудь, или выйдетъ замужъ, или уйдетъ въ солдаты.

9) Ходятъ слушать на перекрестокъ дороги или на прорубь; поясы и кресты сбросятъ и возьмутъ съ собой помело и слушаютъ. Къ урожайному году услышать скрипъ телѣгъ (со снопами), къ голодному году услышать стукъ пустой телѣги, къ смерти услышатъ заплачку по покойникѣ.

Къ добру услышатъ доброе, къ худу услышатъ худое. На перекресткѣ дороги и у проруби молитвъ не читаютъ, только все поминаютъ: «помело-помело-помело».

Наканунѣ новаго года сначала старухи наварятъ куръ, утокъ, гусей, поросятъ, пекли яйца, лепешки на маслѣ, горшокъ каши и хлѣбъ, и не тронутъ эту стряпню до вечера. Настанетъ ночь передъ новымъ годомъ, старухи возьмутъ эту стряпню и пойдутъ

бабатьни не съряпнятьнинь и тунть ведь берекеў озпома. Ацьть столешникь мастуруў, вачкасьызь зьряпнятьнинь и прыть копелька лангкс и кармить озпома нстяня: «Нишки Пас, Покш пас, Верн Пас, корьменецькемат! чачизы сюра, мастырынѕы лазыза. Макст, корьмай, прязынѕы зёрна. Нишки Пас, Покш Пас, Верн Пас, корьменецькемат! ванцтыкь буряда, цярахманда, благый бизнмада; макст прязынѕы росэпе, корёнэзэнѕы летькене. Нишки Пас, Покш Пас, Верн Пас, корьменецькемат! макст весемн тарка: чачи сюрува, рашты кильдимга, тнцава-пармуньга [1]) н чумбрачнива! н сожденеnѕы максыза». Ве баба сти, кшыньть кепетьцы, мекеў буцы и мере: «Покщат, бабат, кулыйть, юмийть! мода поцы рунггынгк, Верн Паз икили оймемгк, озпэда, радияда Нишки Пазнынь, Покш Пазнынь, Верн Пазнынь, корьменецьнень н чачи сюрынь гнс и скотенань гис и тнцань-пармунинь гис и весн народэнь гис; максызы корьменецесь чумбрачи, сождене роботамс, эрямс,

1) Слово нармунь исчезло изъ живого говора въ Сухомъ Карбулакѣ.

молиться на берегъ рѣки. Постелютъ на землю скатерть, разложатъ стряпню и станутъ на колѣни и начнутъ молиться такимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! да уродится хлѣбъ, да растрескаетъ онъ землю. Дай, кормилецъ, на верхушки его зёрна. Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! соблюди отъ бури, отъ града, отъ нехорошаго дождя, дай росцу на верхушки, сырость на корни. Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, ты мой кормилецъ! дай всякую всячину на урожайный хлѣбъ, на плодящійся скотъ, на птицу и на здоровье! и да дастъ онъ легость». Одна женщина встанетъ, подниметъ хлѣбъ, положитъ обратно и скажетъ: «Дѣдушки, бабушки, покойники, пропащіе! ваши тѣла подъ землей, ваши души передъ Верипазомъ; молитесь, желайте добра Нишкипазу, Покшпазу, Верипазу, кормильцу и за урожайный хлѣбъ и за скотину и за птицу и за весь народъ; да дастъ кормилецъ здоровье и лёгость на работу, на жизнь и проживаніе». Встанетъ женщина, опять подни-

ацимс». Сти бабась, тагы кепетьцы кшыньть. Кшыньть марты кепси и лия сьряпятьнипь. И карми бабась пасиба ёфтама Пазыньтинь ютась[1]) годэньть кис истя: «Пасиба, Нишки Пас, пасиба Вери Пас, пасиба, корьменець, весеми тарказыт: чачи сюрызыт и скотепазыт и тицазыт-нармуньзыт и чумбрачизыт и сокдепезэт» (а бабатьпи ащить яла копелька лангкса). Мельи бабатьпи стить и кшыньть паласызь и мереть: «Я поровонь[2]) гирьдий, поровава[3]), матушка, макст чумбрачи».

Одгодэнь гарчи тешпесэзь борца веси кенкшэст вальмаст.

Одгоцты сьряпапть тувишить, пещенеть, каша чакш.

Кщеньясты пидить копькат цёратьнипинь и скотенанинь[4]), а аватьнипинь саразынь бизыт.

Кщеньясты арьтьнить алашасы ульцява и морэть.

Масипьцясты кажный[5]) гудысьпьть пидить брага, а пива

1) Такъ. 2) Значеніе этого слова въ Сухомъ Карбулакѣ неизвѣстно. 3) Тоже. 4) скотинанинь. 5) эрьва.

метъ хлѣбъ. Вмѣстѣ съ хлѣбомъ подимаетъ и другія кушанья. И начнетъ эта женщина спасибо сказывать Богу за прошлый годъ слѣдующимъ образомъ: «Спасибо, Нишкипазъ. спасибо, Покшпазъ, спасибо, Верпазъ, спасибо, кормилецъ, за всякую твою всячину: за урожайный твой хлѣбъ и за твою скотину и за твою птицу и за твое здоровье и за твою лёгость (а женщины все стоятъ на колѣняхъ). Затѣмъ женщины встанутъ, поцѣлуютъ хлѣбъ и скажутъ: «Ну, держащая урожай, Поровава, матушка, дай здоровья».

Накапунѣ новаго года замѣтятъ (ставя знакъ креста) мѣломъ всѣ двери и окна.

На новый годъ готовятъ свинушки, орѣшки, горшокъ каши.

На крещеніе испекутъ копьки (печеніе изъ сдобнаго тѣста въ видѣ дуги) для мужиковъ и для скотины, а для женщинъ «куриныя гнѣзда» (печеніе, видомъ похожее на курицу).

На крещеніе катаются по улицѣ на лошадяхъ и поютъ.

На масляницу каждый варитъ въ своемъ домѣ брагу, а пиво

пидить велепекь ведьцирпса; педлянь берьть гулянть и арьтьнить. Остатка чинь цокшпеньть якить прощама веси родэст туртуў; тосы ярцыть яишницяда. Сыть прощамсты, орчпеть кулыпь одежат и мадыпить. Се вепьть сынь учнисть пиги ютама чи.

Нилиньгемень зьветэспь цине тейпекшпэсть жаврёнкат.

Благавещепьянь цисты покш пост, ям гак эсть пиде. (Благавещепьясты пармунь бизы а теe).

Велекэй бостэнь нилицикс недьляста кажный семьясыпьть теeть зняры хрёст, зяры семьясыпьть ломатть. Копа хрёстэньть поцпутыть ярмак, копань боц—тоўзеры зёрна, копань—розь зёрна, копань—проса зёрна. Копанинь заты хрёстэсь ярмак марта, сепь ярмакыпsы улить те гоцтэньть лама; копанинь заты хрёст тоўзеры зёрна марта, сепепь чачи тоўзера; копань γрёстэзы проса зёрна марта, сепепь броса чаче...

Юты ипчись, остатка чипьть тейтерьтьни тупть моразь

варятъ всѣмъ селомъ па берегу рѣки; цѣлую педѣлю гуляютъ и катаются. Вечеромъ послѣдняго дня ходятъ прощаться ко всѣмъ роднымъ; тамъ ѣдятъ яишницу. Придутъ съ прощапія, падѣнутъ одежду покойниковъ и лягутъ. Въ эту ночь опи ждали (пѣсколько разъ) конецъ міра.

Въ день святыхъ сорока (мучениковъ) дѣлывали жавороики.

Въ день Благовѣщенія большой постъ, пе варили и щей. (Поговорка: па Благовѣщепіе птица гнѣзда не вьетъ).

На четвертой недѣлѣ великаго поста въ каждой семьѣ приготовятъ столько крестовъ, сколько въ семьѣ людей. Въ который крестъ положатъ монету, въ который пшеничное зерно, въ который ржаное зерно, въ который просяное зерно. Кому достанется крестъ съ монетой, у того въ этомъ году будетъ много денегъ; кому достанется крестъ съ пшеничнымъ зерномъ, у того уродится пшеница; у кого крестъ съ просянымъ зерномъ, у того уродится просо...

Пройдетъ Пасха, въ послѣдній день дѣвушки уйдутъ съ пѣс-

ппчипь бровожама. Веленьть маласы пааду лаигксы ульнись килийне. Се килийпипьть алы тейтерьтыи ярцыть аллы, ойзюкурды, морэть. Мельи килийнипьть паряжасысь паця пангкскисы, писькерекь ал лукшсы, и тупть кудуў.

Хоменэй педьлянь офторьникcты сьряпапть, пидить брага ды пива и тупть калмы лаигкс кулынь лемень гупдама. Цёратьпп молеть ласти и кандыть вппа, пива, брага; аватьни молеть ялга, кандыть сьряппят. А кинь пакшапѕы лама, се кильди алаша и моли кильдинь¹) алашаса. Молеть калмы лаигкс, пуцызь зьряппятьпинь кулыньть пряпес, а сыньць сюкунить пильги пезепѕы и мереть: «Покщат, бабат! сынпкь лемепгк купдама, мода челькенк явума, а тыпь весень дерьдеигкь, весп родьвятьпинь, раськинь, можэт улить лия велепь гульщят, вирьц плутапцят, вец ваицят, толц пальщят, пляст ульть вепели ащщят, сельмепь зявадыцят. Весепь андыгкь, симдигкь и каваннгкь». Мельи стить, молеть

1) кильдизь.

пями провожать Пасху. Вблизи села па горѣ была березка. Подъ той березкой дѣвушки ѣдятъ яйца, лепешки па маслѣ и поютъ. Потомъ нарядятъ берёзку лоскутками, скорлупами яйца, свареннаго въ смятку, и пойдутъ домой.

Во вторникъ па Ѳоминой недѣлѣ стряпаютъ, варятъ брагу и пиво и пойдутъ на могилы поминать имена покойниковъ. Мужики ѣдутъ верхами и везутъ вино, пиво, брагу; женщины идутъ пѣшкомъ, несутъ стряпню. А у кого много дѣтей, тотъ заложитъ лошадь и ѣдетъ на заложенной лошади. Придутъ на кладбище, поставятъ стряпню надъ головой покойника, а сами поклонятся надъ ногами и говорятъ: «Дѣдушки, бабушки! мы пришли помянуть ваши имена, отдѣлить (отъ васъ) вашу землянную пыль, а вы призовите всѣхъ, всѣхъ родственниковъ, свойственниковъ, можетъ быть, есть покойники изъ другихъ деревень, есть заплутавшіеся въ лѣсу, потонувшіе въ водѣ, сгорѣвшіе въ огнѣ; чтобы не было въ сторонѣ стоящихъ, глазами завидующихъ; накормите, напоите и угостите всѣхъ». Затѣмъ онѣ встанутъ, по-

сьряппятьнипь вакс, тапить ал, павить метьц пряка, спьтрисызь и яўшпсызь вейкест-вейкест лагга (бути нищий зы и сепепь максыть) и кармить озпома истя: «Нишки Пас, Покш Пас, Верп Пас, корьмепець! ли-тигкь кульцятьнпь грехста». Мельп калмупьть почотцэзь пряка крошкасы, ал грошкасы и кармить випады, пивады, брагады симиме.

Озьпесеньянь цпип сьряпапть пачалксить, ищо кой-месть и кашачакш; пуцызь зьряпиятьпинь столагкс; прыть копелька лагкс и кармить озпома истя: «Пас чаптить, Нишки Пас, Покш Пас, Верп Пас, корьмепець! чачи сюры чачизы, мастырыпѕы лазызы, верьдп пизимкс пизизы, алды лисьмакс лисиза. Зярынь дарка норовонь гирьдий норовавапьть кепетьца, зьнярынь зэрцы касыза. Зярынь дарка каша чакшыньть кепетьца, зьнярынь дарка просась касыза. Макст, корьмепець, прязынѕы росэпп, корёпэзэпѕы летькепе. Чачизы, корьмай, зюры, а роботэйпень цумбрань барычи». Мельп сайсызь, столешпикиньть ацасызь порог лагкс и

дойдутъ къ стряпнѣ, расколютъ яйца, макнутъ хлѣбъ въ медъ, разломаютъ и раздадутъ по всѣмъ (если придетъ нищій, то и тому дадутъ) и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Верппазъ, кормилецъ! отпустите мертвымъ грѣхи!» Затѣмъ обсыплютъ могилу крошками хлѣба, крошками яицъ и начнуть пить вино, пиво и брагу.

На Вознесенье стряпаютъ блины и еще кое что и горшокъ съ кашей; поставятъ стряпню на столъ; упадутъ на колѣни и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Боже помилуй, Нишкипазъ, Покшпазъ, Верппазъ, кормилецъ! да уродится урожайный хлѣбъ, да растрескаетъ онъ землю, да дождитъ сверху дождемъ, да пойдетъ снизу ключемъ. На какую высоту я держащій подниму держащую урожай Норовашу, до такой высоты пусть онъ выростетъ. На какую высоту я подниму горшокъ съ кашей, на такую высоту пусть выростетъ просо. Дай, кормилецъ, на верхъ его росцу, а на корни его сырость. Да уродится, кормилецъ, хлѣбъ, а рабочему (дай) хорошую здоровую жизнь». Затѣмъ

сьряннятьннь вачкасьызь лаггызьыsа, а сыньць ютыть кудыкилпў, прыть копелька лагкс и сюкупить кудынелсў порог лагкс и мереть: «Покшат, бабат, кульйть, юмийть, мода поцы руггыигк, Покш Паз икили оймегк, озэда радияда Покш Пазныпь и чачи сюрува и рашты кильдимга, тицава-нармушьга, чумбрань барычива. Я Пас чаггить, Пас чагчить я». Мельн стить и кармить сьряннятьниды ярцама.

Сы кизы Микила, пурпавить тейтерьтьии утум вакес и вийцы куидыть кафты тейтерьть, парякасьызь одsёракс, карьцить ипльгизыст кемьть, путыть прязыст чапкат, орчафтыть лаггызыст цёрапь поиѓкст и панарт, кедезэст тоггеть перчаткат и максыть кедезэст илифть. И паряжыть кафты тейтерьть бояравакс, и тунть ульцяпь гувалт. Тейтерьтьпи молеть кец куньцизь ряц-ряц и морэть. Бояртны молеть тейтерьтьнень икили и кии ары тейтерьтьнепь гарча, сепь вачкитьцызь илпўса. Бути ульцясы ащить [1]) ават,

1) ащиньдяряйть ульцясы.

возьмутъ, постелютъ столешникъ на порогъ и положатъ на него стряпню, а сами они отойдутъ въ сѣни, упадутъ на колѣни и поклонятся на порогѣ въ сторону дома и скажутъ: «Дѣдушки, бабушки, покойники, пропащіе, ваши тѣла подъ землей, ваши души передъ Покшпазомъ, молитесь, желайте добра Покшпазу и за урожай хлѣба и за плодящуюся скотину, за птицу, за здоровье. Ну, помилуй Богъ, помилуй Богъ». Затѣмъ встанутъ и начнутъ ѣсть стряпню.

Придетъ лѣтній Никола, дѣвушки соберутся около амбаровъ и силкомъ схватятъ двухъ дѣвушекъ, нарядятъ ихъ парнями, надѣнутъ имъ на ноги сапоги, надѣнутъ имъ на голову шапки, надѣнутъ на нихъ мужскіе штаны и рубашки, надѣнутъ имъ на руки перчатки и дадутъ имъ въ руки прутья. И нарядятъ двухъ дѣвушекъ барынями и пойдутъ вдоль улицы. Дѣвушки идутъ взявшись за руки въ рядъ и поютъ. Баре идутъ передъ дѣвушками, и кто зайдетъ на встрѣчу дѣвушекъ, того ударятъ они прутомъ. Если на улицѣ будутъ женщины, то онѣ остановятъ ба-

сынь лоткаўсызь бояраватьнинь. Аватьни и тейтерьтни пурнавить крукс и кармить морама, а бояртны и бояраватьни кармить кпщиме. Васьня кпщи ве боярысь бояраваnsы марта, а мельи омбоцесь. Мельн тагы арцпть ряц-ряц и тупть тагы ульцянь гувалт. Вассызь ават, тагы лоткаўсызь. Пачкидить бояраватьни вели пеў, кайсисызь одежаст и тупть мексў удалга.

Петровонь цнни провожеть ёспа. Веси велень дейтерьтни сезьнеть тьветкат и теетъ тьветэнь γрёст. Наряжасызь ломань лаца: каить лангаnsы шаль, жерелкат и тупть мартынsы ульцянь гувалт моразь, верп песта алы пеў. Сыть алы пеў, сайсызь ёспаньть лангксты шалиньть ды жерелкатьнинь и каясызь ёспаньть вец.

Звпжыньянь гарчи чистыньть алт теленень кекшэть.

Покроўсты кармить свадьбат и молеть загоўпя вип.

Роштовасты карми роштова ютка и моли одгоц.

Роштовань васинь цеўбеньть сайсызь и тупть ломань валь-

рышь. Женщины и дѣвушки соберутся въ кругъ и начнутъ пѣть, а баре и барыни начнутъ плясать. Сначала пляшетъ одинъ баринъ съ барыней, а потомъ другой. Потомъ опять станутъ въ рядъ и пойдутъ опять вдоль улицы. Встрѣтятъ женщинъ, опять остановятъ ихъ. Дойдутъ барыни до конца села, скинутъ свои одежды и пойдутъ назадъ задами.

На Петровъ день провожаютъ весну. Дѣвушки всего села нарвутъ цвѣтовъ и сдѣлаютъ крестъ изъ цвѣтовъ. Нарядятъ его какъ человѣка; накинутъ на него шаль, борки и пойдутъ съ нимъ вдоль улицы съ пѣснями, съ верхняго конца на нижній. Придутъ на нижній конецъ, снимутъ съ весны шаль и борки и бросятъ весну въ воду.

Накапунѣ Воздвиженія прячутъ на зиму яйца.

Съ Покрова начинаются свадьбы и идутъ до заговѣнья.

Съ Рождества начинаются святки и идутъ до Новаго года.

Возьмутъ конецъ первой лучины рождественской и пойдутъ слушать подъ чужія окна, каждый человѣкъ о своемъ дѣлѣ. Если

малуў кулцынума, эрьва ломацьць эсь теўдэнѕа. Бути пары кортамут марить[1]), думить пара тест уле; бути берянь гортамут марить, думить берянь дест уле.

Роштова юткcты оддейтерьтьни и одѕёратьни якить ульцява и морэть морэт:

Ягу-ягу-ягу! Кинь булызы кувака...[2])

Оддейтерьтьни и одѕёратьни тейпеть роштова юткcты роштовань гудыт истя:

Веси одѕёратьни и оддейтерьтьни пурнавить ве чавы кудыс и кармить морамы тейтерьтьни и цёратьни ве таркасы минипьѕюнынь виськс морэт. Наряжыть ве одѕёра офтэкс и кармить сонѕы киштифтимаnѕа. Кармить барапынь ваткама: поводьцэзь ѕёраньть понкс ошкурда пикс вельди и ваткасызь лапкстынѕы папарнынь понксиэкь. Тесть пешкс: тапарить ве одѕёра олкса, араўсызь угулц пешкекс и кирвайсызь. Остаткань белеў гармить роштовань гудысыньть потковама. Одѕёратьни и оддейтерьтьни ойсеть

1) мариньдяряйть. 2) См. въ отдѣлѣ пѣсенъ.

слышать хорошій говоръ, то думаютъ, что имъ будетъ хорошо; если слышать дурной говоръ, то думаютъ, что имъ будетъ плохо.

На святки дѣвушки и парни ходятъ по улицѣ и поютъ пѣсни:

Ягу-ягу-ягу! У кого коса длинна...

Дѣвушки и парни устраиваютъ на рождественскія святки домà слѣдующимъ образомъ:

Всѣ дѣвушки и парни собираются въ одинъ пустой домъ, и начнутъ пѣть дѣвушки и парни вмѣстѣ разныя срамныя пѣсни. Одѣнутъ одного парня медвѣдемъ и начнутъ заставлять его плясать. Начнутъ драть барана; повѣсятъ парня за кругъ штановъ на веревкѣ и снимутъ съ него рубашку и штаны. Сдѣлаютъ улей: обмотаютъ одного парня соломой, поставятъ его въ уголъ, какъ улей, и зажгутъ. Подъ конецъ начнутъ подковывать въ рождественскомъ домѣ. Мальчики и дѣвушки сядутъ по лавкамъ. А

эземга. А ве одѕёра туп аксялга якамы потковамы и весеnь гарьгарыксыст и карьбиликсыст керьцесэпьѕе.

Калядакшпыть роштовашь гарчи чиньть валцке. Пакшатьпи орчеть, карьцить, саить мешект и, кажный ялгапѕы марты, туить калядама вальмалга. Весп калядамутьпшь морцекипэсэзь ве вайгильца, и веси калядыцятьши морэть ве вайгильца.

Роштовань гарчи пидить куслят, пуцызь порог лапкс и кармить озпома истя: «мороз, мороз, иля чафт пииме, чафт лён ды мушка, мастыр вакс вачкидить». Мельи куслятьппнь сэўсэзь.

Роштовань гарчи пидить лемьям: печкеть тува, керясызь пекп алксыньть и пидисызь капстафтума и салтума и сэўсэзь. Пидить ламы пива, брага и цела недьля гулянть.

Неемсты первой од гоў мереть: «здороў, од гоў, бря матушка,

одинъ парень пойдетъ ходить подъ лавками и подковывать, и разрѣжетъ онъ у всѣхъ оборы лаптей и сережки, гдѣ вдѣвается оборъ.

Колядуютъ наканунѣ рождества утромъ. Дѣти одѣнутся, обуются, возьмутъ мѣшки, и каждый съ товарищемъ пойдетъ колядовать подъ окошками. Всѣ поютъ колядки на одинъ голосъ, и всѣ колядовщики поютъ на одинъ мотивъ.

Наканунѣ рождества сварятъ кисель, поставятъ его на порогъ и начнутъ молиться слѣдующимъ образомъ: «морозъ, морозъ, не бей овесъ, бей лёнъ и конопель, ударь ихъ о землю». Затѣмъ съѣдятъ кисель.

Наканунѣ рождества сварятъ щи: заколютъ свинью, вырѣжутъ мякоть подъ брюхомъ, сварятъ безъ капусты и безъ соли и съѣдятъ. Сварятъ много пива и браги и гуляютъ цѣлую недѣлю.

Когда увидятъ въ первый разъ молодой мѣсяцъ, говорятъ: «здорово, молодой мѣсяцъ, голова матушка, ты мой кормилецъ; пусть

тебя увидятъ корьмепецькемат; моньдедэп икили сизьгемень зпсимь аньдямут песдезь, тоньдять улимс чумбра кпышка, а монянь Эли: цумбра чи». «....топять спянь рогепеть, монянь цумбрань бары чи».

Кона чипьть куды путумы кармить, се чипьть кипинь гак мезияк а максыть, кабу кудыньть уцяскапѕы а максумс.

Сокамы лисимсты, скотина рамамсты, скотина чачумсты мезияк а максыть, кабу уцяска а максумс.

Васинь раз зараз алые, алыньть купдасызь варьгань бачк и кеверькшнэсэзь суфтимса.

раньше меня семьдесятъ семь аньдямовъ [1]), тебѣ быть съ здоровый хлѣбъ, а мнѣ — здоровіе». Или: «...тебѣ серебряные рожки, а мнѣ здоровіе».

Въ тотъ день, когда пачнутъ строить домъ, никому ничего не даютъ, чтобы не отдать счастія дома.

Когда выѣзжаютъ пахать, когда покупаютъ скотину, когда телится скотъ, ничего не даютъ, чтобы не отдать счастія.

Снесётся курица первый разъ, яйцо возьмутъ черезъ варежку и покатаютъ въ рѣшетѣ.

---

1) По объясненію Учаева, аньдяма здѣсь означаетъ черта.

Кии рами алаша, сенень алашань γозяинысь пацт поводэньть голэй гец а макссэ, а чуба полэнь бачк, кабу уцясканьть а максумс.

Бути пиўцуви копна, копнаньть таркас пурныть мода (паоз) гуцине, штобу сы годны сезэнь гопна улиза.

Сокамы лисимсты столангкс ацыть столешник, путыть кшы, салдыркс, кирвастить сьвеча и ознэть.

Мушкы видимсты орчеть каланы папарт, штобу мушкысь папаркс чачиза.

Кто купитъ лошадь, тому хозяинъ лошади не дастъ конца повода въ голыя руки, а—черезъ полу шубы, чтобы не отдать счастія.

Если обмолотятъ копну, на мѣсто копны соберутъ кучку земли (навоза), чтобы и на будущій годъ здѣсь была копна.

Когда выходятъ пахать, на столъ стелютъ скатерть, ставятъ хлѣбъ, солонку, зажигаютъ свѣчу и молятся.

Когда сѣютъ коноплю, надѣваютъ рваныя рубашки, чтобы конопля уродилась на рубашки.

Картуханъ бутумсты сокамы алашаньть пульшsы сюлмасызь. Кодашка сюлмусь, истяшкат картухатьпи чачист.

Buťi śudyť lomań, lo·mańiń orčama, lo·mańiń ga·ŕćima, skal, cľ a·laša, śe· jüḿia·rė, a so·ųśem a·jüḿe. Sy ṕeľiv́e śu·dyź lo·mańiś eľ ľijaś ḿeźeś kak po·jav́i modaľaŋks—loma·ńiks, utka·ks, tuvu·ks, ala·šaks, ťikšiv́eza·ŋkaks, ľeŋǵinoša·ks eľ ľijaks ḿe·źeks kak. Jaḱi modańť la·ŋga dy tandafńi loma·ťť.

Кода сеелесь эсь пряпsы сюдызе. Сеелесь ульпись скалчка. Ве шкапи сеельць мольць княва ды серьпесь. Мурдась сеелесь мекеўды пильгизы соньцензы вацьс валясь. Сеелепьть састь кеженsы ды мере: «эсь вацишкат сак». Аньцяк сеелесь истя мерьць,

---

Когда сажаютъ картофель, связываютъ хвостъ пашущей лошади. Какъ великъ узелъ, такими же пусть уродятся картофелины.

Если проклянутъ человѣка, одежду человѣка, обувь человѣка, корову или лошадь, это пропадетъ, а совсѣмъ не погибнетъ. Настанетъ полночь, проклятой человѣкъ или другое что появится надъ землей — въ видѣ человѣка, утки, свиньи, лошади, вязанки травы, связки лыка или и нымъ образомъ. Ходитъ по землѣ и пугаетъ людей.

Какъ ёжъ самого себя проклялъ. Ёжъ былъ ростомъ съ корову. Однажды ёжъ шелъ дорогой и обклался. Вернулся ёжъ назадъ и попала нога его въ свой калъ. Ёжъ разсердился и сказалъ: «очутись (сдѣлайся) съ собственный твой калъ». Лишь только ёжъ это сказалъ, онъ очутился съ собственный свой калъ. Послѣ этого

сась эсь вацншкаnsа. Седы мельн сеелесь кармась веседы вязьдиме; аньцяк моли сеелепьть вакс кияк, соп бряиsы кекшсэ, уш чамаnsы кинннь гак а неўсэ.

От месть ёфьнесь ве бабине:

Тунда сурить пидитяпя: лакаўсьшикь суритьнннь бсн веца, седи чефьть улить. Мельн карматана суритьнинь ямудума: косьнемаст чинь гарча. Ямудувить суритьнн, карматана коцтэнь годама. Лисить цёратьши сокама, миньгак мартыст (се шкапьтинь гоцтэпэк маштыть). Лисить сюрытьпи, вельтясыньsн лопа, карматапа сюрытьннпь гочкома. Седикили чинцарамут арасильть. Сы нуима-шка, карматана пуиме. Сюрыт седикили ульпикшпысть парт. Нупвить сюрытьне, тупть пулцт ускспмат. Пулцт ускспмады мелье, пири роботат. Седикили барщинасы пиўцат чокшни кафты сьвечань балумс. Сат кудуў, карит практстат как а кеперсть

ёжъ сталъ стыдиться всѣхъ; лишь только кто-либо пройдетъ къ ежу, онъ спрячетъ свою голову, а лица своего никому не покажетъ.

Вотъ что мнѣ разсказала одна старушка.

Весной мы варимъ нитки: обвариваемъ горячею водой нитки, онѣ бываютъ мягче. Затѣмъ мы начинаемъ (?) нитки, чтобы онѣ сохли противъ солнца. Когда нитки (?), мы начинаемъ ткать полотно. Выѣдутъ мужики пахать, и мы съ ними (къ этому времени наши полотна окончатся). Взойдутъ хлѣба, покроетъ ихъ трава, мы начинаемъ полоть хлѣба. Въ старину не было подсолнечниковъ. Придетъ время жатвы, мы начинаемъ жать. Хлѣба въ старину бывали хорошіе. Сожнутся хлѣба, пойдетъ возка споповъ. Послѣ возки споповъ работы на гумнѣ. Въ старину молотишь на барщинѣ вечеромъ столько времени, во сколько сгораютъ двѣ свѣчки. Придешь домой, лапти и онучи не успѣютъ высох-

коськеме, а Мала (барцкый здарыста) уш пане. Юты сёксесь, сы теле. Пакшатьнп кармить налькспме: копа галыпдаса, копа курпса (кекшпемкаса), копа ой џакшса. Тейтерьбакшатьнп мерьпесть ялгаст туртуў: Брачкай, Спякай, Ялгакай.

Седикили чопачатьпп эрясть ломатьпинь марты човор. Ванат прок ломань (џопачась), сы ваксызыт, тейтерь марты палксе, кортэ, а кутьмирипѕы варчтамс а макссэ. Сопѕы кутьмиризы арась, сюлыпѕы пекепѕы ушысыт. Чопачатьпп лисьпнсть срастпкс: пакшакс . лпсе, туукс, тикшп стогакс, везапкакс, лепгп пошакс. Апьцяк свадьба, чопачатьпп весп пурнавить: пекь гуляямупьть вечксэзь; сыпьдедэст парьцьтп киняк эзь гпшне.

Моп геўкстешп бабапьть: «пейсь—арась срасть?»—Ох! пеепьпеепь! мери бабась и кармась ёфьпеме: Весть моляп Лёвипькапь бапяпьть вакска, а бапяпьть бокаса (веденьть чпрпса) керяпь ветла корёп лапгкса ащп ведьавась. Ащп озады чуфты корёпэньть лапгкса, пильгппѕы пурьгить ведепьтепь, кецепѕы пижыпь зурь-

---

путь, а Мала (барскій староста) ужъ гонитъ. Пройдетъ осень, придетъ зима. Ребята начнутъ играть: кто въ колкп, кто въ прятки, кто въ горшокъ масла. Дѣвочки говорили другъ другу: Братецъ, Сестрица, Дружокъ.

Въ старину черти жили вмѣстѣ съ людьми. Видишь, словно человѣкъ (чертъ), подойдетъ къ тебѣ, играетъ съ дѣвушкой, разговариваетъ, а посмотрѣть на свою спину не даетъ. У него спины нѣтъ, внутренности его наружи. Черти выходили оборотнями: выйдетъ мальчикомъ, свиньей, стогомъ сѣна, вязанкой, пучкомъ лыкъ. Только лишь свадьба, соберутся всѣ черти; очень любятъ гуляніе; лучше нихъ никто не плясалъ. Я спросилъ старуху: «Видѣла ли ты или нѣтъ оборотня?» — Охъ! видѣла-видѣла! говоритъ старуха, и начала разсказывать: Однажды я прохожу близъ бани Львовыхъ, а на заваленкѣ бани (на берегу рѣки), на корнѣ срубленной ветлы водяная. Сидитъ она на корнѣ дерева, ноги опущены въ воду, а въ рукѣ зеленый гребень; рѣзкими движеніями (?) че-

цям; рукстимь-рукстимь, зудри черепѕа. Аньцяк пcемемь, года цяхазиве и веденьтень юмась. А ве срасть пеень ломанинь бопаса; лиссь мельнеця сэдепьть алды ды моле мельгап.—«А кода, бабай, срасстыньть менемс?» кеўкстени мон бабаньть. — Я, срасстыньть менемс можпа — мери бабась. Ванцак, моли мельгат срастись, сапкь ды хрёстэкь киньть; хрёстэньть велькска а ютэ. Лиякс менемс срастиньть эйсты от кода, — мери бабась. Веляфт удалы пельдн ды чийть. Срастись чии-чии мельгат, ванцы пильги слеттнэ ащить мекеў, ды веляфтэ.

«Винас кульыйда месть как эзеть маря?» кеўкстени мон бабаньть.—Охъ, маринь, ламы маринь.—И кармась бабась ёфьнеме:

Мон ульниль нщо тейтерь бакша, молепекь Канaлейкаў пуиме. А Канaлейкасы ламы эрькьть, а се эрькьнепень гайсикшпысть винас-кульыйть. Сась ве, минь мадьнинекь удума. Аньцяк кармaтапа пувазимиме, винас-кульыйтьни чиить, капутьныэь алдыпык кеньдeньть, тупть чиизь. Минь гадуфтана ваньке мода ланкс;

шетъ свои волосы. Лишь только я ее увидѣла, она какъ захохочетъ, и исчезла въ водѣ. А одного оборотня я видѣла въ образѣ человѣка; вышелъ изъ подъ мельничнаго моста и пошелъ за мной.—«А какъ, бабушка, избѣжать этого оборотня?» спросилъ я старуху.— Этого оборотня, говоритъ старуха, избѣжать можно. Видишь, идетъ за тобой оборотень, возьми да перекрести дорогу; онъ не перейдетъ черезъ крестъ. Другимъ образомъ убѣжать отъ оборотня—вотъ какъ, говоритъ старуха. Обернись задомъ и бѣги. Оборотень побѣжитъ-побѣжитъ за тобой, увидитъ, что слѣды ногъ обращены назадъ, и вернется обратно.

«А слышала ты что-нибудь объ умершихъ отъ вина (опойцевъ)?» спросилъ я старуху. — Охъ, слышала, много слышала. И начала старуха разсказывать:

Я была еще дѣвочкой, мы ходили жать въ Канaлейку (урочище). А въ Канaлейкѣ много озеръ, а въ тѣ озера бросали опойцевъ. Пришла ночь, мы легли спать. Только лишь начнемъ мы засыпать, опойцы бѣгутъ, схватятъ изъ подъ насъ войлокъ и уй-

стятапа, кучсынпкь цёратьнинь геньденьть вешнемс. Молеть цёратьни, мусызь геньденьть костыяк эрькп бокасты, капцызь. Апьцяк тагы мадьнитяпа мињ, дагы вишас-кулыйтьни кеньденьть алдыньк поцкоўсэзь. — Вайхь уш! ламы парьгамы парьксикшнысть лапксыньк вишас-кулыйтьне! мери бабась, и оймепзы стакасты таргизе.

Кияк сыргиньдяряй гилапкс, озпы истя: «Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьмепець! пары карча, апары вакска; макст, Вери Пас, алашаньтнњ офтэнь-зярдыпь вий!»

Бути сыргить килапкс, а пецькаст уштызь, сесты саить палка ды стяўсызь бецькапьть карча. Бути пецькась апак ушт,

---

дутъ бѣгомъ. Мы остаемся на голой землѣ; встаемъ, посылаемъ мужиковъ искать войлокъ. Идутъ мужики, найдутъ войлокъ гдѣ нибудь на берегу озера, принесутъ его. Только лишь мы опять ляжемъ, опять опойцы вытащутъ изъ подъ насъ войлокъ. — Охъ, ужъ! много мученій причинили намъ опойцы! сказала старуха и тяжело вздохнула.

Всякій, кто собирается въ дорогу, молится слѣдующимъ образомъ: «Нишкипазъ, Покшпазъ, Верипазъ, кормилецъ! доброе на встрѣчу, а недоброе въ сторону; дай, Верипазъ, лошади силу медвѣдя-оленя»[1]).

Если собираются въ дорогу, а печка затоплена, тогда возьмутъ палку и поставятъ ее противъ печки. Если печка не заго-

---

1) Р. О. Учаевъ замѣчаетъ: «встарину медвѣдя называли сярда».

сесты пецькась пекстазь заслоица. А уштызь бецькаиьть заслонцы пекстамс нельsя, пекстасызь балкаса, стяфтыть пецькаиьть карча палка.

Мельнецянь зроява. Плотьникьни кильдить тройка, тунть лия велеў и сальгь тосты пакша эль оддейтерь — одsёра. Ускеызь залазь ломаниньть, уштыть баня, штасызь и алфтасызь мельнеця алуў. Мельи чувить васинь звапиьтинь латка, озаўсызь латкыньтинь залазь бакшаньть, пуцызь брязынsы сваиньть и чаўсызь бачканsа. Кода пакшаньть озафтыть латкыньтинь, мереть: «ульть мельнецянь гирьдий, мельнеця авакс». Мельи мельнецяньтинь мереть: «а тон ицо ломанильбря иля вещ а плотьникеты, а мельиексты, а ляжиця ста; ней макстана теть ломань бря». Теды ули мора: «Каргыцькаць Акамкань руцяза».

плена, тогда она закрыта заслонкой. А затопленную печку нельзя закрыть заслонкой, ее запирають палкой, поставять палку противъ печки.

Постройка мельницы. Плотники закладывають тройку, ѣдуть въ другую деревню и украдуть оттуда ребенка, а то молодую дѣвушку или молодого парня. Привезуть украденнаго человѣка, истопять баню, вымоють его и обѣщають подъ мельницу. Потомъ выкопають яму для первой сваи, посадять украденнаго ребенка въ яму, поставять на его голову сваю и вобьють въ него. Когда сажають ребенка въ яму, скажуть: «будь держащимъ мельницу, матерью мельницы». Потомъ скажуть мельницѣ: «а ты не проси еще человѣчьей головы ни отъ плотника, ни отъ мельника, ни отъ помольца; теперь мы даемъ тебѣ человѣчью голову». Объ этомъ есть пѣсня: «Загрязнилась у Акамки рубашка» [1]).

---

1) См. эту пѣсню въ отдѣлѣ пѣсней.

Бути ломанинять кипи суды пряза, сои мере: «вереў гине, чачтыця маряи, алуў гине, кулыця маряи».

Кипиньдяряй ломаниньть кедьгуньчказа, мере: «ванат, казни тень максыть».

Кипиньдяряй ломаниньть щёказа, мере: «течи, ванат, мекс как аварьдян».

Кипиньдяряй ломаниньть копяза, мере: «ванат, ки марты як здоровакшнан».

Если у кого чешется конецъ носа, онъ говоритъ: «кверху чешется, узнаю о родившемся, книзу чешется узнаю объ умершемъ».

Если у кого чешется ладонь, онъ говоритъ: «видно, мнѣ дадутъ подарокъ».

Если у кого чешется щека, онъ говоритъ: «видно, я сегодня отъ чего-нибудь заплачу».

Если у кого чешется лобъ, онъ говоритъ: «видно, я съ кѣмъ-нибудь поздороваюсь».

Arčilo·voń na·rodėś eŕʒa·ń mo·rėt mo·ŕćet ču·rysta. E·ŕʒań mo·ra maŕat a·ńćak i·ŕicty lo·mańiń gu·rḳsta; sy·ŕi loma·ťť e·ŕʒań mo·ry śe·ŕgeďeť a·ńćak śesta, ko·da mo·raviť ru·zyń mo·rast, a od lo·maťť śe·ŕgeďeť e·ŕʒań mo·ry ṕejeďe·mańģis. E·ŕʒań mo·rėt ko·naťńiń mo·ŕćesėź ńejga·k: Iva·nyń Ma·ťraś, Sy·ŕi ta·tarčaś, Mašuty·ńiś, Aďi·dy ja·lgat, i ľijat kojkoda·tt. A ľija mo·rėťńeń eľ zdu·fnyśiź. Od lo·maťť ľi·jat so·dėť kojkoda·tt eŕʒań mo·rėt, a ľi·jat kodatt kak azdy·ť. E·ŕʒań mo·rėt mo·žna ma·ŕams śeďi ko·rtakšuṇ ba·ḃińi eľ a·ťińi ṕe·ľďe. Morėť ruzy·ń mo·rėt: Praśśaj žiśť, radośť maja, Krugom ja śiraťela, Za ŕekoj na gaŕe.

Васьня эрьятьнп эрясть покш семьяса, а ней ве цёра и се тятянзы эйсты туе.

Арчиловскіе крестьяне рѣдко поютъ эрзянскія пѣсни. Эрзянскую пѣсню можно услышать только отъ пьянаго человѣка; старые люди поютъ эрзянскую пѣсню только тогда, когда споютъ свои русскія пѣсни, а молодые люди поютъ эрзянскую пѣсню для шутки. Вотъ эрзянскія пѣсни, которыя поютъ и теперь: Иванова Матрёна, Старый татаринъ, Машуточка, Идите подруги, и кое-какія другія. А другія пѣсни они чуть ли не забыли. нѣкоторые молодые люди знаютъ кое-какія эрзянскія пѣсни, а нѣкоторые никакихъ совсѣмъ не знаютъ. Эрзянскія пѣсни чаще всего можно услышать отъ особенно разговорчивой старушки или старичка. Русскія пѣсни поютъ (слѣдующія): Прощай, жисть радость моя, Кругомъ я сиротѣла, За рѣкой на горѣ.

Раньше эрзяки жили большими семьями, а теперь одинъ сынъ, и тотъ уходитъ отъ своего отца.

Эрьѕятьпи машсть мипиньѕюпыпь артума. Арцьть мипиньѕюпыпь дикшысы и тикшы корёпца. Ожэсты (тюжасты) арцьть «ожы лопаса»; якстиристы арцьть «кей дикшы корёпца».

Кода Арчилоў велесэньть эзь ульпи церькова и народэсь эрясь апак лемть, сесты лемтьпень максиникшпысть сыньць истя.

Кона пакшаньть кувать учить чачуманѕы, сепь лемепѕы пуцызь «Учай» (учумс). Паксяс чачиця пакшаньть пуцызь леменѕы «Паксяль» (пакся). Бути пакшась чачи тикшыледема лапга, сепь лемезы «Тикшаль» (тикше). Кона пакшась чачи пуима лапта, сепь лемезы «Нуяль» (пуимс). Кона пакшась чачи празпикста, сепь лемезы «Нарядге» (наряжамс). «Кочкаль» — валсты «кочкомс»; «Улиж»—валсты улимс; истя мересть пакшаньтипь, кона чачи пары гопты, кода сюры уле, зли кона чачи, кода уж цёра уле. «Девятай»—кона чачи вейксэцекс пакша.

Эрзяки умѣли красить всякую всячину. Красили всякими травами и корнями травъ. Въ желтую краску красили «серповникомъ»; въ красную краску красили корнемъ травы марены.

Когда въ селѣ Арчиловѣ не было церкви и народъ былъ не крещеный, тогда они давали имена слѣдующимъ образомъ.

Когда долго ждутъ рожденія ребёнка, ему дадутъ имя «Учай» (отъ слова ждать). Ребенку, рожденному на полѣ, дадутъ имя «Паксяль» (отъ слова поле). Если ребенокъ родится во время покоса, имя ему «Тикшаль» (отъ слова, означающаго траву). Ребенку, который родится во время жнитва, имя «Нуяль» (отъ слова жать). Который ребенокъ родится въ праздникъ, тому имя «Нарядге» (отъ слова наряжать). «Кочкаль» отъ слова, означающаго полоть. «Улиж» отъ слова, означающаго быть; такъ называли ребенка, который родится въ хорошій годъ, когда есть хлѣбъ, или который родится, когда ужъ есть сынъ. «Девятый» —(назовутъ) ребенка, который родится девятымъ.

Цюр-Бас.

Арчиловонь эрьзятьпинь гак ули Цюр-Базыст. Арчиловонь бабинить секи теў мереть: «Вай, ѕюр-бас ванынѕат!» Неень-дяряй Арчиловонь ава мезияк апара, серьгеде: «вай ѕюр! вапумак, корьмай, истямуды». Карманьдярят киньгак кармафтума апарыпь дееме (салама, эль ищо мезеньгак теемe), сон гарчит мерс: «вай, ѕюр-бас, вапумам». Улиньдяряй ломанильтий горя, сон зеки теў дейне: «вай ѕюр, вай ѕюр, вай ѕюр!...»

Ве бабини ёфнесь:

Ведь офьни сюдынь ломатть. Седнкпли ломаньть сюдысинзь, сон офтэкс велафтэ. Офтэньть пильгиизы як ломанинь, пильгалксынѕы як».

Богъ-Чуръ.

У Сукокарбулакскихъ эрзяковъ есть и богъ Чуръ. Сухокарбулкскія старушки такъ говорятъ: «ой, богъ Чуръ тебя увидитъ». Если Сухокарбулакская женщина увидитъ что-нибудь страшное, она закричитъ: «ой, чуръ! сохрани меня кормилецъ отъ этого». Если начнешь дѣлать кому-нибудь зло (красть или еще что дѣлать), она скажетъ тебѣ: «ой, богъ Чуръ сохранитъ меня». Если человѣку приключится горе, она такъ повторяетъ: «ой чуръ, ой чуръ, ой чуръ!»

Одна старушка разсказала:

Вѣдь медвѣди проклятые люди. Въ старину, проклянутъ человѣка, онъ обернется медвѣдемъ. У медвѣдя ноги тоже человѣчьи и пятки тоже.

Ве бабини ёфнесь:

Ва курык Аньтихрист сы. Сесты ули голодь. Аньтихристысь сы, карми сюры яўшиме, орчамут-карьцимат. Ки мези сап кецтэнѕы, сень гонязынѕы эль вить кедезэнѕы печат путэ. А ней уш курык; сы ды сы.

Ве атя монянь мере: «куды юртават ульнисть!» И кармась ёфнеме. — «Мипь весть стынинь Гашка лялянь геца; ульниникь Родя атя марта. Ащитяна столекшса, а куды юртавась мининь алда: а-а-а-а! а-а-а-а! Мипь гургынык афтынинь ды вантана вейкенэк-вейкенэк лангкс. Мон мерян: «Родя атя, тон гулыть!» А сон моньдянь истя мере. Омбоцп чокшненьть ащитяна, статана, а куды - юртавась пецька алда: а-а-а! а-а-а! — «Топ месть тандафнят, Родя атя?» мерян мон. — «Топ доньць тандафнят, Ёгор атя!» мери моньдянь Родя. А миньць ащитяна буты кулыт».

Одна старушка разсказала:

Вотъ скоро придетъ Антихристъ. Тогда будетъ голодъ. Антихристъ придетъ, начнетъ раздавать хлѣбъ, одежду и обувь. Кто что возьметъ изъ его рукъ, тому онъ положитъ печать на лобъ или правую руку. А теперь ужъ скоро; придетъ да придетъ.

Одинъ старикъ говоритъ мнѣ: «были домовыя юртавы»! И началъ разсказывать. — «Мы однажды шили у дяди Агафона; мы были вмѣстѣ съ дѣдушкой Родіономъ. Сидимъ за столомъ, а домовая юртава подъ нами: а-а-а-а! а-а-а-а! (стонетъ). Мы раскрыли рты и смотримъ другъ на друга. Я говорю: «дѣдушка Родіонъ, ты померъ!» А онъ мнѣ такъ же говоритъ. На другой вечеръ сидимъ, шьемъ, а домовая юртава изъ подъ печки: а-а-а! а-а-а!—«Ты чего пугаешься, дѣдушка Родіонъ?» говорю я.—«Ты самъ пугаешься, дѣдушка Егоръ!» говоритъ мнѣ Родіонъ. А мы сами сидимъ, точно мертвые».

Мон геўкстепи атяпьть, косы эри куды юртавась.—«Пецька ала! от коса!» мери моньдянь атясь.

Вс атя мон геўкстепь, ули-арась кардаз-юртава. Моняпь атясь ёфнесь от месть:

Раманыпькапь Иваньнь алашапвы ульпсть буты ледяпкат, а се ульпись от мезьда. Весть моп лисипь гардазуў[1]) цокшпи позда, максынь алашатьпппшь дикшыть ды сувинь гудыс. Мельи бабам лиссь венелеў. Апьцяк кенерьць лисиме, кода суви мекеў, кода хлопатцы кенгкшепьть, а соньць буты кула.—«Тон мекс? тон мекс?» меряп моп бабапипь, а бабам афтызи кургыпвы, тетькепвп сельмепвы, ды мере: «моп лисипь ды ванан, а Раманышькапь Иваньнь гардаз-юртавась сюлмипьвп алашатьнппь пкильди тикшытьпипь везапкас ды кузи латы велькска. Соньць а пеяве, а тикшы везапкась моле-шашто и ютась латыпть вельк-

1) кардайс.

Я спросилъ старика, гдѣ живетъ домовая юртава. — «Подъ печкой! вотъ гдѣ!» говоритъ мнѣ старикъ.

Я спросилъ одного старика: есть ли или нѣтъ дворовая юртава?

Старикъ разсказалъ мнѣ вотъ что: «У Ивана Романова лошади были гладкія какъ ледянки, а это было вотъ отъ чего. Однажды я вышелъ на дворъ, поздно вечеромъ, далъ лошадямъ травы и вошелъ въ домъ. Потомъ жена моя вышла на дворъ. Только лишь она успѣла выйти, какъ войдетъ назадъ, какъ хлопнетъ дверью, а сама точно мертвая.—«Ты чего? ты чего?» говорю я женѣ, а жена раскрыла ротъ, вытаращила глаза и говоритъ: «я вышла и смотрю, а дворовая юртава Ивана Романова связываетъ позади лошадей траву въ вязанки и лазитъ черезъ крышу. Самое ея не видно, а вязанка изъ травы ходитъ, двигается и исчезла на

ска».—От мекс Раманынькань Иваныть алашаньзы ульнисть буты ледянкат, мерн моньдянь атясь.

Ве баба ёфнесь:

«Ащан, мерн, чавы кудыса, а кудыюртавась конекь алды моли нецькаалуў. Соньць кудыюртавась аша, псакань бонаса, пулызы кувака. Весть мон веть лисинь гардаз удалуў. Ванца, ащи кардаз-юртавась, прок ашы псака. Мон гундыне, сашн кедезэн и тунинь гудуў нефьтеманѕа. Кандан гардаз-юртаваньть кецэп, карминь гудыс сувама. Кардаз-юртавась скокаць кецтэп, юмась».

Месть ёфнесь ве баба:

«Вай ули кудыюртава, вай уле! мерн бабась.—Кудыюртавась псакань бонасы, ашы, пулызы кувака. Мон моньць эзснь

крышѣ».—Вотъ отчего лошади Ивана Романова были словно ледянки»—говоритъ мнѣ старикъ.

Одна старуха разсказывала:

«Сплю я, говоритъ, въ пустой избѣ, а домовая юртава изъ подъ кровати идетъ подъ печку. Сама домовая юртава бѣлая, по виду кошка, хвостъ ея длинный. Однажды ночью я вышла за дворъ. Смотрю, сидитъ дворовая юртава, словно бѣлая кошка. Я схватила ее, взяла ее въ свои руки и понесла домой, чтобы показать ее. Несу дворовую юртаву въ рукахъ, стала входить въ избу. Дворовая юртава выскочила изъ рукъ, исчезла.

Что разсказывала одна старуха:

«Ой, есть домовая юртава, ой, есть! говоритъ старуха. Домовая юртава по виду кошка, бѣлая, хвостъ ея длинный. Я сама не видѣла домовой юртавы, Ефремова Евфимія разсказывала; она

некь кудыюртава, Эхьременькапь Охемья ёфнесь; сои неези кудыюртаваньть кияксыньдрокс ютамста аксялды пецька алуў. Апарыс кудыюртавась аварьде, парыс кашмоле. Карминьдяряй кудыюртавась аварьдиме, сопзы кеўкьсьнеть, а сон а ёфтэ. Сы ломаниньть ланкс бедась, сон чарькиди мейсь кудыюртавась аварьць».

Седикили эрьцесть истя: эрьва ломаниньть эйдензы-какшызы эрьва теўсты тятяст кеўкстеть и эрьва кеўкстемсты пильгизынзы сюкунить.

Ве ломань дятянзы аванзы мель эзь ван. Тусь се ломанись пирисы аўняў булщтыть гостяма. Аньцяк кенерьць сувама аўня мацтыпьтинь, года аўня авась тепзы вередемы, кода уруме. Тпятува ломанць меньць, аўня авась поакшызе.

Ве ломань дятянзы аванзы мель эзь ван. Тусь се ломанись вириў, керясь ломанись оз бенге, тусь кудуў. Мольць мольць,

---

увидѣла домовую юртаву, какъ она проходила по полу отъ скамейки подъ печку. Ко злу домовая юртава плачетъ, а къ добру молчитъ. Если домовая юртава начнетъ плакать, ее спрашиваютъ, а она не говоритъ. Нападетъ на человѣка бѣда, онъ поймемъ, отчего плакала домовая юртава».

Въ старину жили такимъ образомъ: у каждаго человѣка дѣти относительно каждаго дѣла спрашиваютъ своего отца и при каждомъ спросѣ кланяются ему въ ноги.

Одинъ человѣкъ не слушался своего отца и матери. Пошелъ этотъ человѣкъ на гумно въ овинъ сушить снопы. Только лишь успѣлъ онъ войти въ овинный подвалъ, какъ овинная женщина начала приставать къ нему и душить его. Туда сюда метался человѣкъ, овинная женщина удушила его.

Одинъ человѣкъ не слушался своего отца и матери. Пошелъ тотъ человѣкъ въ лѣсъ, нарубилъ возъ дровъ, пошелъ домой.

роўна таркас оэзы слурьць. Поіткcь ломаньць оэньть алуў, цауўсь.

Нень ёфнеиьзи ве баба.

Орма.

«Raba Ivannyń zaś Vaśiľijiń ƀeľďä. Vaśiľijiń aşy panarcta ẃešan ḿilyśťǩä: lama orčat, lamy kaŕat, lamuńiń pary ťejat. V́ešť Vaśiľijiń ƀeľďä ḿeńksǩä śeťksǩä, dobroj zdoroųja. Saś sonʒy valyń ḿeŕemasta, apary ḿeľďenʒa ǩežďenʒa ṕektėnʒa, a moža saś Pazyń apary ćasta. Uľizy ḿilyśťǩit, maksyḱ čumbraćyńinʒa, jaẃiǩ zdoroųjanʒa» (kolmkśť). Kolm raz gortaftums, kolmo ẃejksė raz kaji ẃeďńeť. Loųnosy ḿeǩej laηk, ḿejľi van iśťa amuľďi, ḿeǩej laηkt valći, ḿejľi tagy iśťa kortaųsy, tagy ẃejksė loųnė, tagy

---

Шелъ шелъ, на ровномъ мѣстѣ разсыпался его возъ. Попалъ человѣкъ подъ возъ, убился.

Это разсказала одна старуха.

О болѣзняхъ.

«Рабу Ивану попритчилось отъ Василія. Я прошу съ чистой рубашки Василія милость: ты многихъ одѣваешь, многихъ обуваешь, многимъ дѣлаешь добро. Попроси у Василія перемѣнушки. облегченьица, добраго здоровья. Попритчилось отъ произнесенія имъ слова, отъ дурного желанія, отъ гнѣва, отъ его боли и, можетъ быть, попритчилось отъ недобраго Божьяго времени. Да будетъ твоя милость, дай ему здоровьеце, надѣли ему здоровье» (трижды). Три раза сказать, трижды девять разъ выльетъ водицу. Считаетъ это наоборотъ (т. е. девять, восемь, семь, и т. д.). потомъ вотъ такъ зачерпнетъ, выльетъ назадъ, потомъ опять такъ же скажетъ, потомъ опять сосчитаетъ девять, потомъ опять

ḿeḱej laŋkt laftuunʒy troks v́ed valė kolmy raz, dy ḿeľji śe v́ed-ńeséńt śeŕeďećańt štasy i śimsė.

Записано отъ старушки Учаевой.

Kandyt́ kolma ľiśmasta v́edńä, tarǵit́ kolma kŕišasta olǵeńet Bogorodïcańt́ maṛta, kolmy kudysta nupuńńit́ tarǵit́; kolmy v́ejk-sėt ščepḱeńet́ vaśiń gačamńis pucyź. Ḿejľi sajsyź v́edńeńt́, ki-jaks kunčkas ṕejeľ śalǵit́, pakšańt́ panarynʒy orčausyź ṕejeľeńt́ laŋks i karksḱinʒy kajasyź. Arausyź bakšant́ ṕejľent́ laŋks, suftiḿ araftyt́ pakšańt́ v́eľkss i kajasyź v́eďńeńt́ pakšańt́ laŋks suftiḿińt́ pačk. Pakšyńińt́ tapaŕasyź, lauś kajasyź, a panaryńt́ v́ed laŋguu ḿeľgast usksyź i muśksyź, i ḿeŕä: «Mon ždyń nardyń Ivannyń ormanʒy tazvunʒa, štyń nardyń gudysa, a kudyjurtava mattuškaś nakazaś tońat́ štamuda rućastynʒa paľastynʒa karksḱistynʒa. V́e-ďeń ǵiŕďij v́eďava mattuška, štyt́ nardyt́ śijaks čuďi v́eďńesėt i zo-

---

выльетъ три раза воду поверхъ его плечей, а потомъ тою водицею вымоетъ больного и выпьетъ ее.

Принесутъ водицы съ трехъ источниковъ, выдернутъ соломинки съ трехъ крышъ съ Богородичною молитвою, изъ трехъ избъ выдернутъ кусочки моху и три девятка щепочекъ положатъ въ первый дымокъ. Затѣмъ возьмутъ водицу, посрединѣ пола воткнутъ ножъ, на ножъ надѣнутъ рубашку ребенка и накинутъ поясокъ. Поставятъ мальчика у ножа, ставятъ рѣшето надъ головой мальчика и льютъ ту воду на мальчика черезъ рѣшето. Мальчика завернутъ, положатъ въ зыбку, а рубашку потащатъ съ собой на рѣчку и вымоютъ, и она говоритъ: «Я мою вытираю Иванушкины болѣзни, я мою вытираю въ домѣ, а домовая юртава матушка приказала тебѣ смыть съ его руци, съ его рубашки съ его пояска. Воду содержащая ведява матушка, вымой вытри серебромъ текущею водицею твоею и на золотомъ бережочкѣ вытекающимъ какъ серебро родничкомъ. Спасибо, содержащая воду ведява матушка, за твой какъ серебро вытекающій родникъ, за

lotȯj b́eŕekḱesėt śijaks ľiśä ľiśma ṕŕińisyt. Paśiba, ńeďeń ģiŕďij ńeďava mattuška, śijaks ľiśi ľiśma ṕŕazyt, zolotȯj b́eŕekḱezėt i śijaks čuďi ńeďńezėt. Paśiba zdorouǫjań maksumazyt, paśiba čumbračyzyt». Ḿejľi tuji panarnyńt́ marty kuduǫ. V́ed laŋguǫ moľemsty ḿekeǫ avarštė, ńeď laŋksty samsty jak a vany udaluǫ. Sraǫsė. Pańďa.

Записано отъ старушки Учаевой.

Ащцяк кона кудыньтинь появи оц чачий, почотцэзь вальма лангкнинь гулуўса, вальматьнинь γрёстасызь, а оц чачиньть лаў-спиѕы кружасызь килнинь дспьцьса и мереть: «Сьветэй цуфта, ашы килий, ванцтыкь раба (лемь кундасы) душманды (ведунды), апарыда, вень удумсты, чинь ащимсты, кепедемстэнѕы, валцтумстынѕы, потяфтумстынѕы, андумстынѕы, симдимстынѕа». Истя нирить-чурыть оц чачиньть кодгемень чить.

Бути авась веть а марясы аварьдимады накпанѕа, омбоцн чёкшненьть мадимстынѕы истя озпэ: «Куды юртавнним, авиним,

---

твой золотой бережокъ и за серебромъ текущую твою водицу. Спасибо за то, что дала здоровье, спасибо за здоровье». Затѣмъ она идетъ съ рубашкой домой. Отправляясь на рѣку, назадъ не смотритъ, и идя съ рѣки не смотритъ назадъ. Развѣситъ рубашку. Конецъ.

Какъ только въ какомъ нибудь домѣ появится на свѣтъ новорожденный, посыпаютъ подоконники золой, крестятъ окна, а вокругъ новорожденнаго обводятъ березовой метлой и говорятъ: «Святое дерево, бѣлая береза, охрани раба (имя рекъ) отъ дурного человѣка (колдуна), отъ зла, ночью во время сна, днемъ во время бодрствованія, во время поднимания его, опусканія его, кормленія его грудью, кормленія его пищей, ношенія его». Такъ охраняютъ новорожденнаго въ теченіе шестидесяти дней.

Если женщина не слышитъ ночью плача своего ребёнка, она на другой вечеръ ложась молится слѣдующимъ образомъ: «Домовая юртава, матушка, отрубленный пень, кормящій и воспитываю-

керянь цочкы три ваны Пас, корьменецькемат! иляк катт куватц [1]) аварьдими монь эйдьцемь, стяфтумак, илямак катт винўсты удума».

Бути пакшась пекь аварьди и кувать сэреде, се пакшаньть сайсызь вириў; тосы лазыть чуфта (бути цёра пакшась, лазыть тума; бути тейтерь бакшась, лазыть килий). Лазыть чуфта корён лангксы ащиця; лайсызь истя: купчкавидипsы чуфтыньть лайсызь, а корёнэньть марты чуфтыпрясь ащить целаста. Чуфтыньть пачк лазуўксканьть пакшаньть таргасызь. Пакшаньть таргамсты мереть: «Сьветэй цуфта, ашы килий» (бути пакшась тейтерь), эль «Сьветэй цуфта, пижы тума (бути пакшась цёра), сапкь раба (лемь кундэ) аварьдиманsы, парчтыкь эйстэпsы, максыкь чумбра чинsа. Чумбрачининь максумга, ормапь дарвупь заимга, орчеть раба (лемь кундэ) орчамунsы, карьцить карьципманsа; прястынsы чапканsа, лангкстынsы палянsа, перькастынsы карксыпsа и руцянsы палянsа». Седы мельи сэредеця пакшаньть чапканsы, панарынsы, карксынsы и руцянsы поволесэзь цуфтыньть лангкс и тупить.

1) кувать.

щій Богъ, ты мой кормилецъ! не оставляй плакать подолгу моего ребенка, поднимай меня, не оставляй меня спать крѣпкимъ сномъ».

Если ребенокъ сильно плачетъ и долго болѣетъ, его возьмутъ въ лѣсъ: тамъ расколютъ дерево (если мальчикъ, расколютъ дубъ; если дѣвочка, расколютъ березу). Раскалываютъ дерево на корню; колютъ слѣдующимъ образомъ: колютъ середину дерева, а верхушка дерева вмѣстѣ съ корнемъ остаются цѣлы и протащатъ ребенка черезъ дерево расколотымъ мѣстомъ. Протаскивая ребенка, говорятъ: «Святое дерево, бѣлая береза» (если ребёнокъ дѣвочка) или «Святое дерево, зелёный дубъ (если ребёнокъ мальчикъ), возьми отъ раба (имя рекъ) его плачъ, сшиби съ него, дай здоровье. За то что ты дашь здоровье, за взятіе болѣзни, одѣнь на раба (имя рекъ) его платье, обуй его обувь; съ головы его шапку, съ него рубашку, съ туловища его поясъ, пеленки и рубашку». Послѣ этого развѣсятъ на деревѣ шапку, рубашку, поясъ и руцю больного ребенка и уходятъ.

Бути пакшаньть кольги пилиза, варчить венчамы кольця и вереў гасый бакша и кармаўсызь вереў гасый бакшаньть сельгенеми кольцяньть пачк сэредеця пакшаньть лангкс, вицты сэредеця пилипьтипь. Истя пакшаньть сэредеця пильгиньть сельгенесэзь кемгафтувы чокшнеть валцкить.

Ве ава сэредеця пакшаньть пари баняса, а омбоцесь ащи кенкш удала. Кенкш удалы ащиця авась кеўксьне: «мезн парят»? Парица авась отьвече: «кисканьзыри чи». Васинь авась мере: «паряк, паряк парыписта!» Истя кеўкстеть отьвечеть колмксть.

Бути цёрапакшань ве алнызы покш, моли авась ведь берекс, комафты ведра, саи курьця, павасы курьцяньть вец и карми курьцянестэньть веденьть петьняфнимн ведра потмаксыньть лангкс. Петьняфты авась ведра потмаксыньть лангкс колмы вейксэт, сайсы се веденьть кургызынзы и сы кудуў. Араўсы авась сэредеця пакшаньть вальма варяпь гарча (а бути вальмасыньть варя

Если у ребенка болитъ ухо, найдутъ вѣнчальное кольцо и въ верхъ растущаго ребенка (или юношу)[1]) и заставятъ въ верхъ растущаго ребенка плевать черезъ кольцо, прямо въ больное ухо. Такъ плюютъ въ больное ухо двѣнадцать дней утромъ и вечеромъ.

Одна женщина паритъ больного ребенка въ банѣ, а другая стоитъ за дверью. Стоящая за дверью женщина спрашиваетъ: «что ты паришь?» Парящая женщина отвѣчаетъ: «собачью старость». Первая женщина говоритъ: «парь, парь хорошенько». Такъ спрашиваютъ и отвѣчаютъ трижды.

Если у мальчика одно яичко (на половыхъ частяхъ) велико, мать идетъ на берегъ рѣки, опрокинетъ ведро, возьметъ коромысло, опуститъ коромысло въ воду и начнетъ сливать воду съ конца коромысла на дно ведра. Сольётъ мать на дно ведра три раза по девять капель, возьметъ ту воду въ ротъ и пойдетъ домой. Поставитъ мать больного ребенка противъ оконной отдушины (а

---

1) Отъ 1 года до 20 лѣтъ (т. е. переживающаго періодъ роста).

арась, паньцить вальма и паньцинь вальмань карчи араўсызь бакшапьть). Соньць авась лиси ушуў ды вальма варяваньть пакшаньть алныняы пургасыньяи курксыняы вецэньть (конань ведь-берексты кандызе).

Иван Гупальныннь цини якить бабиннть вирнў тикшынь люкшань зезьнеми ормань орожьямс.

Веткень гомолят — томбафтынь барямс.

Ведь грайга ведь нарфуць тикшыть—пакшань дандалимады резэмада.

Залык лангга коськи нарфуць тикшыть—пакшань госькемада.

Ведьга жывой дикшыть: бути пакшаньтинь сэредецяньтинь гулумс, то те тикшысьньть экшэлемады мельи кулэ, а бути а кулумс, то а кулэ.

Плакунтрава — веси орматьнида.

Цяпур и шалфей барт простудада.

если въ окнѣ нѣтъ отдушины, то откроютъ окно и поставятъ ребенка напротивъ открытаго окна). Сама мать выйдетъ наружу и черезъ отверстіе окна брызнетъ изо рта водою (которую принесла съ берега рѣки) въ яичко ребёнка.

Въ день Ивана Купалы старушки ходятъ въ лѣсъ рвать травы, для того чтобы завораживать болѣзни.

Хиновникъ — паритъ ушибъ.

Растущія по берегамъ травы (?)—отъ испуга и чахлости ребенка.

Растущія по залогу травы (?) — отъ сухотки ребенка.

Растущія въ водахъ травы (?)[1]: если больному ребенку померетъ, то онъ умретъ послѣ купанія въ этой травѣ; а если не померетъ, то не помретъ.

Плакунъ трава — отъ всѣхъ болѣзней.

Богородицкая трава и шалфей хороши отъ простуды.

---

1) «Это есть какія-то травы, которыя растутъ въ водахъ».

Марья тикшэ чулксптимады п веси орматьниды, випас морямс.

Кулина тикшэ — грудипь зэремады и козомада.

Тещи корён — зуксты пара.

Таргысть тикшыть — таргызимада.

Гуппь бупама тикшыть — гуппь бупамуда.

Лама тикшыть — веси орматьнида.

Эрьва ормапьть орожьямс ули тикшэ.

Коськи парфуць тикшыньть сеземсты а ерявп атякшт марямс морамуда.

Тикшыньть сеземсты эрявп арамс чинь гарча, штобу сультит а неемс.

Марьина трава[1])—настоять на винѣ отъ ломоты и всѣхъ болѣзней.

Акулинина трава — отъ болѣзни груди и кашля.

Белена — хороша отъ червей.

? — отъ опухоли.

Травы «ужаленіе змѣи»— отъ ужаленія змѣи.

Много травъ отъ всякихъ болѣзней.

Для излѣченія каждой болѣзни есть трава.

Когда рвешь траву —, не надо слушать пѣнія пѣтуха.

Когда рвешь траву, надо стать противъ солнца, чтобы не видѣть своей тѣни.

---

1) «Растетъ вездѣ, курнями и въ одиночку, цвѣты желтые».

Орожьямут.

Бути пакшась сэстафты ды креце, сесты орожьясь пакшаньть аваньтинь мере: «тонь бешксесы сараз гучкирьдить, ванак ней бакшась сараз лацы креце». Те орманьть истя орожьеть. Каясызь бакшаньть кардаз гунчкас, кайсить пакшаньть ланга ямкст, и кода пакшаньть ланксты сараст кармить ямкспынь глюкама, мерсть: «Тица-пармупинь Пас, корьменець, саикь раба (лемь кундэ) крецямунѕа».

Кона пакшаньть пекезы сэреди истя орожьеть. Мацьсызь бакшаньть кунцт, сапть ныжнпь γрёст, лепшеть пакшаньть пекенѕы хрёссэньть и кортэть: «Чаван пщиксынѕы, осодэнѕы, карчи валынѕы, апары думунзы, сафтынѕы, причинанѕы, сэрьстэнѕы, кельстэнѕы, теластынѕы - пукшыстынѕы, верьстэнѕы - сывиль-

---

Лѣчебные пріемы.

Если ребенка дёргаетъ и онъ кряхтитъ, тогда ворожея говоритъ матери ребенка: «ты (будучи) беременная курицу пихнула ногой, вотъ теперь ребёнокъ кряхтитъ по куриному». Эту болѣзнь лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Положатъ ребенка посреди двора, набросаютъ на ребенка пшена, и когда куры начнутъ клевать пшено съ ребенка, говорятъ: «Богъ птицъ, кормилецъ, возьми съ раба (имя рекъ) его кряхтѣніе».

Если у ребенка болитъ животъ, лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Положатъ ребенка вверхъ животомъ, возьмутъ мѣдный крестъ, надавливаютъ животъ ребенка крестомъ и говорятъ: «Я бью его колотья, его сглазъ, противныя ему слова, нехорошія думы, притки и причины съ его роста, съ его ширины,

стынзы, сизьгемень зисимь ловажастынзы, ловажапоцы удимстынзы, сизьгемень зисимь эзьпестэнза». Истя хрёссэньть пакшаньть лепшасы колмксть и колмксть кортасыньзи не валтнынь. Мельи орожьясь саи колмы пеньчть и тагы колмксть лепшасы пакшаньть пекенза; эрьва разыньть кортаўсыньзи се валтнынь. Мельи орожьясь саи теньцьть; колмксть теньцьсэньть пакшаньть лепшасэ; эрьва лепшамсты кортаўсыньзи вери сёрмадызь валтнынь. (Не орожьямутьни пищиксты як).

Ве баба мининьзюнынь ормат орожьи истя: «Инивeдень домбальди сы атя, пижынь цуба лапксынзы, пижинь цапка прясынзы, пижынь гемьть пильксынзы, пижынь балка лафтуў лапксынзы, пижынь ботол бесэнзы, пижынь гиска мельганза. Пижынь гисканьть пижынь гелезы, пижынь беензы, пижынь геньцenза. Пижынь балкасыт чавить и саить сэредецяньть орманзы тар-

---

съ его тѣла, съ его крови, съ его мяса, съ семидесяти семи костей его, съ мозга, находящагося подъ костями, съ семидесяти семи суставовъ». Такъ потискаетъ она мальчика крестомъ трижды и трижды говоритъ эти слова. Потомъ ворожея возьметъ три ложки и опять трижды потискаетъ животъ мальчика; каждый разъ она скажетъ эти слова. Потомъ ворожея возьметъ вѣникъ; трижды потискаетъ вѣникомъ мальчика; при каждомъ надавливаніи она говоритъ вышенаписанныя слова. (Эти заговоры также отъ колотья).

Одна старуха заговариваетъ всякія болѣзни слѣдующимъ образомъ: «Съ той стороны великаго моря идетъ старикъ, на немъ мѣдная шуба, на головѣ его мѣдная шапка, на ногахъ у него мѣдные сапоги, на плечахъ у него мѣдная палка, на концѣ ея мѣдная шишка, за нимъ идетъ мѣдная собака. У мѣдной собаки мѣдный языкъ, мѣдные зубы, мѣдныя когти. Ударь мѣдной пал-

вунза. Пижынь гискат узафтыкь, пижынь геньчэнзы ваткафтыкь, пижынь бейсэнзы порефтекь, пижынь гельцэнзы полафтыкь, пардафтыкь, санфтикь сэредецяньть орманзы тарвунза. Инпведень томбальди сы баба, пижынь руця лангксынза, пижынь готат цюлкат пилькснизы, пижынь жлабикь прясынзы, пижынь бзака кенэнза; пижынь бзаканьть пижынь беензы, пижынь бзаканьть пижынь гелезы, пижынь бзаканьть пижынь геньценза. Пижынь геньчэнзы ваткафтыкь, пижынь бейсэнзы порефтекь, пижынь гельцэнзы полафтыкь сэредецяньть орманзы тарвунза. Кода пурьгипп алям зерьгеде, ёндол алям верьгеде; сыри тумуньть серьгетцэзь, цевень цевень лазныcызь, зардынь зардынь полдасызь; истя сэредецяньть орманзы чевень цевень лазныпгкь, сардынь зардынь полдэнгкь, эйстэнзы панингкь, чумбрачинзы максынгкь».

кой и сними съ больного его болѣзни - недуги. Подцыкни свою мѣдную собаку, заставь ее драть мѣдными когтями, заставь грызть мѣдными зубами, заставь лизать мѣднымъ языкомъ, заставь вытереть, заставь снять съ больного его болѣзни — недуги. Съ той стороны великаго моря идетъ старуха, на ней мѣдная руця, на ногахъ у нея мѣдные башмаки и чулки, на головѣ у нея мѣдный шлабикъ, у нея мѣдная кошка, у мѣдной кошки мѣдные зубы, у мѣдной кошки мѣдный языкъ, у мѣдной кошки мѣдныя когти. Заставь ее драть мѣдными когтями, заставь грызть мѣдными зубами, заставь лизать мѣднымъ языкомъ болѣзни - недуги больного. Какъ братецъ громъ закричитъ, блеснётъ братецъ молнія; крикнутъ на старый дубъ, расколютъ его на лучины, пустятъ его на занозы; такъ же расколите болѣзни больного, пустите его на занозы, выгоните изъ него, отдайте его здоровье.

Ацы бабась столаикс коцт паикс, путы лаитызынзы кшы и колмы пижыпь ярмакт и карми озномы пстяпя: «Эрькс покща, эрькс баба, эрькс тятя, эрькс ава, эрькс ляля, эрькс уряж, эрькс патя, эрькс сазыр! Раба Олда (эль лия, кп сэредецяньть орожьяньтинь встезе), раба Палагань (эль кода лемь сэредецяньть) гиса пацьць тепкь пецька кшы (те шкаиьть кепетьцы кшыньть вереў и токаўсы сэредецяньть пряс). Сады весп, ярцады и спмида, пляст ульть пеияцщят, сашкь урманзы тарвунзы, варчипкь менькеэпзы сэтьксэнза, максыпкь чумбрачииза. Ваны раба Олда апыкстась тепкь сэредеця Палагапь гисы колмы понт пижэ (се шкаиьть сап бабась ве пижынь ярмак столаикеты и киркспсы псельца, а мельп каясы се ярмакыньть лакумказынза), роўпасты лявиикь сезепкь, пляст ульть пепяцщят; саиикь ормапзы тарвунзы, варчиикь менькеэнзы сэтьксэнза, максыикь чумбрачипза» (Истя мерп колмксть). Мельп бабась карми паспба ефтамы пстя: «Паспба! Эрькс покща, эрькс баба и лиятнииь,

---

Старуха постелетъ на столъ лоскутъ холста, поставитъ на него хлѣбъ и три мѣдныя монеты и начнетъ молиться слѣдующимъ образомъ: «Дѣдъ проклинаній, бабушка проклинаній, отецъ проклинаній, мать проклинаній, старшій братъ проклинаній, невѣстка проклинаній, старшая сестра проклинаній, младшая сестра проклинаній! Раба Олда (или другая, которая привела больную къ ворожеѣ) за рабу Пелагею (или какъ имя больной) испекла цѣлую печку хлѣбовъ (въ это время она подниметъ хлѣбъ къ верху и дотронется до головы больной). Приходите всѣ, ѣшьте и пейте, чтобы не было пеняющихъ, возьмите ея болѣзни-недуги, найдите перемѣну-облегченіе для нея, отдайте ей здоровье. Вотъ раба Олда приготовила вамъ за больную Пелагею три пуда мѣди (въ это время старуха возьметъ со стола одну мѣдную монету и поскоблитъ ее ножомъ, а потомъ броситъ эту монету въ поясной карманъ), раздѣлите, разорвите по ровну, чтобы не было пеняющихъ; снимите ея болѣзни-недуги, найдите перемѣну, облегченіе, отдайте ей здоровье» (такъ она говоритъ три раза).

ормань дарвунь занмазынгк, чумбра чинь максумазынгк». Истя бабась паспба ёфты колмы раз. Мельи бабась пирясы сэредеӌяпьть пеельца.

Якить ведьбря мельга, кона пара минишьэюпышь ормада. Мели бабась ведьлангкс, хрёстасы веденьть и карми озпома: «Чёкшпень зоря Дарья, валцкинь зоря Марья, чинь гуньчкава Улита, варма ава Марфа-Магдалина, веденъ гирьдий, ведь ава матушка, ламы андат, ламы симдят, ламунинь цумбрачи максат, арьцикь парыпи, яфт милыстьки, сиякс чудий ведьнестэт, золотакс кеверей геўпестэт, сиякс лисий лисьма принистыт, золотапь береккестэт. Макст менькски, макст сэтькски, макст чумбрапь барычи». Мельи хрёстасы бабась веденьть и амульде (истя теп колмксть). Мельи бабась карми паспба ёфтама пеки валтпышь эйса. Прымер: «Паспба, чёкшпень зоря Дарья, валцкишь зоря Марья, чинь гуньчкава

Потомъ старуха начнетъ сказывать спасибо слѣдующимъ образомъ: «Спасибо! Дѣдъ заклинаній, бабушка заклинаній, и прочіе (помянетъ), за взятіе болѣзни, за доставленіе здоровія». Такъ сказываетъ старуха спасибо три раза. Потомъ старуха окружитъ больного ножомъ.

Ходятъ за водяной головой, которая хороша отъ всякихъ болѣзней. Придетъ старуха надъ рѣчку, перекреститъ воду и начнетъ молиться: «Вечерняя заря Дарья, утренняя заря Марья, середи дня Улита, вѣтрова матушка Мароа-Магдалина, хозяйка воды, водяная матушка, многихъ кормишь, многихъ поишь, многимъ даешь здоровье, желай добра, яви милость небольшую, изъ серебромъ текущей водицы, изъ золотомъ катящагося камушка, изъ серебромъ выходящаго источника, изъ золотого бережочка. Дай перемѣночку, дай облегченьице, дай здоровье». Потомъ старуха перекреститъ воду и черпнетъ (такъ она дѣлаетъ трижды).

Улита, варма ава Марфа - Магдалина, ведень гирьдий, ведь ава матушка, ламунь андумазыт, ламунь зимдимазыт, ламунинь цумбрачинь максумазыт, парынь арьцимазынгк, милыстинь ӯмазынгк, сиякс чудий ведьнезэнгк, золотакс кеверей кеӯпезэнгк, сиякс лисий лисьма прязынгк, золотань берекезэнгк, меньксэнь максумазынгк, сэтьксэнь максумазынгк, чумбрань барычизынгк». Насибаньть ёфтасы колмксть.

Жабань орожьяма. «Жабат лешиан, жабат керьцян и керязь герясынь и печкезь бечксэнь сецтэнѕы, некстэнѕы, ашы пулыкс черьстэнѕы, якстири верьцтэнѕы, эзьнестэнѕы, ловажастынѕы, ловажа ноцты удимстынѕа». Мельн бабась токаӯсыньѕи кеденѕы чуӯс и мере: «коськи чуӯс, памури макшыс».

Потомъ старуха начнетъ сказывать спасибо тѣми же словами. Напримѣръ: «Спасибо, вечерняя заря Дарья, утренняя заря Марья, середи дня Улита, вѣтрова матушка Мароа - Магдалина, хозяйка воды, водяная матушка, за то, что многихъ накормила, многихъ напоила, многимъ дала здоровіе, за то, что вы желали добра, за удѣленіе вами милости, за вашу водицу, текущую серебромъ, за ваши камушки, катящіеся золотомъ, за вашъ источникъ, выходящій серебромъ, за вашъ золотой берегъ, за доставленіе вами перемѣны, за доставленіе вами облегченія, за ваше доброе здоровіе». Спасибо она скажетъ три раза.

Лѣченіе жабы. «Я мну твою жабу, я рѣжу твою жабу и рѣзьмя разрѣжу зарѣжу отъ сердца, отъ живота, отъ волоса вьющагося бѣлой косой, отъ красной крови, отъ суставовъ, отъ костей, отъ мозга подъ костями». Потомъ старуха дотронется руками дерева и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое (пусть перейдетъ болѣзнь)».

Бути нупмсты эль лия роботасты валги гриза, се гризапьть и эрьва гризапьть орожьсть истя. Варчить васпнь цачий эль мельсў цачий бакша и кармаўсызь гризапьть пореме. Пакшась пейсэнзы гризапьть пори и кортэ: «гриза поряи, гриза чавап (лемь гундэ) геңта, якстири верьцты, эзьнесты ловажаста; и порезь борьца и чавузь цаўса». Мельи пакшась пуви гризапьть лапкс, сельги и мере: «коськи чуўс, памури макшыс».

Пеень зэредема орожьямут. «Адамунь вейксы цёранза; вейксэсты каўкса, каўксысты сисимь, сисимсты кота, котэсты вете, ветесты ниле, нилисты колма, колмосты кафта, кафтысты вейке, вейкесты вейки як арась». Мельи пуви, сельги ды мере: «коськи чуўс, памури макшыс.»

Если во время жнитва или при другой работѣ вылѣзетъ грыжа, эту грыжу и всякую грыжу заговариваютъ слѣдующимъ образомъ. Найдутъ перворожденнаго или послѣдняго по рожденію ребенка и заставятъ его грызть грыжу. Ребенокъ грызетъ грыжу зубами и говоритъ: «я грызу грыжу, я бью грыжу (помянетъ имя) изъ руки, изъ красной крови, изъ суставовъ и костей; и грызьмя сгрызу и боймя выбью». Потомъ ребенокъ дунетъ на грыжу, плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое»

Заговоры отъ зубной боли. «У Адама девять сыновей; отъ девяти восемь, отъ восьми семь, отъ семи шесть, отъ шести пять, отъ пяти четыре, отъ четырехъ три, отъ трехъ два, отъ двухъ одинъ, а отъ одного нѣтъ ни одного». Потомъ дунетъ, плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево и въ крошащееся гнилое».

Орожьяма пицифты, штобу лоўпомс оймешь апак тарга истя. «Иниведень домбальди сы баба, пилифтими марятапѕат, сельмьтеми петяпѕат, пильгифтими сасатанѕат, кецьтеми кундатапѕат, перьтеми салмукссы пупатанѕат, пейтеми порьтяпѕат, кирга парьтими пильтяпѕат» (колмксть). Эрьва лоўномадыньть мельи пицифтыньть колмксть пувамс ды вейксэкст сельгемс.

Кода пинипь бапсь пичкафтыть. Озаўсы орожьясь сэредецяньть карчипѕа, нефни тепѕы кукушт и кортафты истя: «ячмипь а ячмипь, на топять кукуш, азя базаруў, рамак узирь, герекь эсь прят». Мельи орожьясь сельги и мере: «коськи чуўс, памури макшыс». Истя кортаўсы колмы раз.

Заговоръ отъ обжога, чтобы читать его безъ перерыва дыханія слѣд. образомъ:» Съ того берега большой рѣки идетъ старуха, она услышитъ тебя безъ ушей, она увидитъ тебя безъ глазъ, она догонитъ тебя безъ ногъ, она схватитъ тебя безъ рукъ, она уколетъ тебя, какъ иголкой съ отломленнымъ концомъ, она загрызетъ тебя безъ зубовъ, она проглотитъ тебя безъ горла» (трижды). Послѣ всякаго прочтенія три раза подуть на обжогъ и девять разъ плюнуть на него.

Какъ лѣчатъ ячмень (на глазу). Ворожея посадитъ больного противъ себя, покажетъ ему кукишъ и наговариваетъ слѣдующимъ образомъ: «ячмень, а ячмень, на тебѣ кукишъ, иди на базаръ, купи топоръ, отруби свою голову». Потомъ ворожея плюнетъ и скажетъ: «въ сухое дерево, въ крошащееся гнилое дедево». Такъ она заговариваетъ три раза.

Вец прамуда. Бути ломанись пры вец и причаве, то сень орожьеть ведь берекса. Бути пешксесы ава пры вец, сень бакшанзы а кармить эряма. Бути авась чаўсы пры, се соньць причаве. Орожьеть истя. Сапть од брякиш, коцт пангкски, пиликст, кольцят, лентычкиить, ацасызь коцт пангкскиньть берекь лапкс, прякииньть пуцызь лангызынѕа, прякииньть вакс пуцызь кольцятьнинь, пиликсынь и лентычкатьнинь и прыть конелька лапкса и сюкунить мастыруў и мереть: «Ведень гирьдий, ведь ава матушка, сынинкь теть поки пары мельга, чумбрачинь вешеми раба Проскапинь (кундасы сэредецяньть лемеѕа). Сон баньць теть нецька пряка, рамась казьнить лоўнэт. Тейть пары раба Проскапинь спякс чудий ведьнестэт, золотакс киверей геўнестэт, золотой берекkестэт, спякс лисий лисьма прииистыт. Весп сада, пещенгкь вачи некеигк, весп ярцада. Сангкь казнигк лоўнэгк, роўнасты явпигкь сезенгкь, роўнасты сапигкь. Сангкь Проскаш ормапзы тарвупѕа, максынгкь чумбрачинѕа. Кода прась

Отъ паденія въ воду. Если человѣкъ упадетъ въ воду и ему попритчится, то того лѣчатъ на берегу рѣки. Если въ воду упадетъ беременная женщина, ея дѣти не станутъ жить. Если упадетъ небеременная женщина, той самой попритчится. Лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Возьмутъ новый (мягкій) пирожокъ, лоскутикъ холста, серьги, кольца, ленточки, постелютъ лоскутикъ холста на берегу, положатъ пирожокъ, положатъ около пирожка кольца, серьги, ленточки и упадутъ на колѣни и поклонятся въ землю и поютъ: «Хозяйка воды, водяная матушка, мы пришли къ тебѣ за большимъ добромъ, просить здоровья рабѣ Прасковьѣ (поминаетъ больную). Она испекла тебѣ цѣлую печку пироговъ, она купила дары счетомъ. Сдѣлай добро рабѣ Прасковьѣ изъ воды, текущей серебромъ, изъ камушка, катящагося золотомъ, изъ золотого бережка, изъ источника, вытекающаго серебромъ. Придите всѣ, насытьте голодные свои желудки, кушайте всѣ. Возьмите свои дары счетомъ, раздѣлите разорвите ихъ по ровну, возьмите ихъ по ровну. Возьмите Прасковьины болѣзни-недуги, отдайте ей ея

Проска, можы тонь домбеньѕеть, веденъ гирьдий, ведь ава матушка, ата тон домбекь сонѕа; сон донь бростятанѕат, а тон зонѕы простекь. Чумбрачинѕы максынкь, здоровьянѕы явинкь». Весть орожьясь кортаўсыньѕи не валтнынь, пиликспышь полдасыньѕи вец. Ищо весть кортаўсыньѕи, кольцятьпинь полдасыньѕи вец. Ищо весть кортаўсыньѕи, лентычкатьнинь полдасыньѕи вец. А прякась ды коцт панксысь кадувить орожьяньтинь.

Сувиньдяряй экшелямсты пакшань билис ведь, сон лиси вецтэньть, леншасы се пилиньть кецэнѕа, карми ве пильги лангксы скокаиме и соньць морэ: «рукамойка зойка, течи каўксть (эль досы зярыкстъ—колмксть, ниликсть, ветексть, кемeньксть) экшелень». Кода веси экшелявить, лисить вецтэньть, орчиеть и туить чиизь ведь берекстэньть, и сыньць пижнить: «кона кадуўсь веденъ гирьдий ведь ава, кона кадуўсь веденъ гирьдий ведь ава»...

здоровье. Когда Прасковья упала, она, можетъ быть, ушибла тебя, хозяйка воды, водяная матушка, или ты ее ушибла; она тебя проститъ; а ты ее прости. Отдайте ей ея здоровье, удѣлите ей ея здоровье». Какъ произнесетъ ворожея одинъ разъ эти слова, она опуститъ въ воду сережки. Ещо разъ произнесетъ ихъ, она опуститъ въ воду кольца. Ещо разъ произнесетъ ихъ, она опуститъ въ воду ленточки. А пирогъ и лоскутъ холста останутся ворожеѣ.

Если отъ купанія войдетъ въ уши ребенка вода, ребенокъ выйдетъ изъ воды, нажметъ это ухо рукой, начнетъ скакать на одной ногѣ, а самъ поетъ: «рукамойка зойка, сегодня два раза (или тамъ сколько разъ—три раза, четыре раза, пять разъ, десять разъ) я купался». Когда всѣ вымоются, выйдутъ изъ воды, одѣнутся и бѣгомъ отправятся по берегу рѣки, а сами кричатъ: «которыя остался, держащая воду водяная мать, который остался, держащая воду водяная мать»....

Верепь лоткафтума орожьямутьни-кортафтуматьни рускс, ауль эрьзянь гельца. Крикинь орожьямутьни-кортафтуматьни рускс, ауль эрьзянь гельца.

Гуипь бутамуды кортафтыть сиянь ярмак марта, а кодат валтнынь мереть, мон аздасынь.

Кода эрьзянь атя орожьясь рузынь зирийть. Мольць эрьзясь сторонаў тоўзера марта и сувась хватерас, а хватерасыньть ульнись ломань, конань ульнисть ламы цирийзя. Эрьзясь ёфтэзи эсь пряизы циринь орожьецякс. Рузысь кармась эналдумы эрьзяньть икиле. Эрьзясь вешсь од залмукс, кармась цирийтьнинь бунсими и кортафтумы истя: «Цирий Василий, ваксызынзь кемгафтувы пачк-лиўкст, аўняшкат корёнэст, чурька пряш-

---

Заговоры для остапавливанія крови (произносятъ) по русски, а не на эрзянскомъ языкѣ. Заговоры отъ крика (произносятъ) по русски, а не на эрзянскомъ языкѣ.

Отъ укуса змѣя заговариваютъ съ серебряною монетой, а какія говорятъ слова, я не знаю.

Какъ старикъ-эрзякъ заговорилъ чирій у русскаго. Поѣхалъ эрзякъ на сторону съ пшеницей и заѣхалъ на квартиру, а въ квартирѣ былъ человѣкъ, у котораго было много чиріевъ. Эрзякъ объявилъ самого себя умѣющимъ заговаривать чиріи. Русскій сталъ просить эрзяка. Эрзякъ спросилъ новую иголку, началъ тыкать чиріи и наговаривать на нихъ слѣдующимъ образомъ: «Чирій Василій, рядомъ съ нимъ двѣнадцать сквозныхъ осинъ, съ овинъ корни, съ луковицу ихъ головки». Эрзякъ

кат пряст». Колмксть эрьязсь истя кортафтыньзи ципийтьнинь и салмуксса веси пупсиньзе. Мольць эрьязсь тоўзеры марты омбоцеда, рузысь мере: «паспба, тонь кортафтуматьниды монь зприйтьни пичкасть».

Ве ава чачсь и седы кармась сэредеме. Пурнаўсть ават кстиньяс и ойсесть столекшс обедама и кармасть кортамы чачтыцядыньть и мерсть: «сон голазь». Ве баба мере: «ведупысь кундаве: мольть сенень, ки лаигкс думат, озак столь угулц, кундыкь столь угульньть кафты сурца и лоўнэк Богородицаньть, и ведупысь пряпзы неўсэ». Аватьни содэзь уш и чачтапньть колэцяпзы, и орожья бабась сыргась содамунза. Аватьни мерсть: «Куляй бабай! ды тон Богородицаньть мусак?» а сон мере: «муса, муса, ипа а муса?» — «Анука лоўнэкь», мерсть аватьне. Бабась кармась: «Богородица обрадуванна-а-а-а, вай а муса!» Кармась

трижды такъ заговорилъ чирiи и протыкалъ всѣхъ ихъ иглой. Пришелъ эрзякъ съ пшеницей въ другой разъ, русскiй говоритъ: «спасибо, отъ твоихъ заговоровъ вылѣчились мои чирiи».

Одна женщина родила и отъ этого начала хворать. Собрались женщины на крестины и сѣли за столъ обѣдать и стали говорить про роженицу и говорятъ: «она испорчена». Одна старуха говоритъ: «колдуна можно поймать; ступай къ тому, на кого думаешь, сядь противъ угла стола, возьми уголъ стола двумя пальцами и читай Богородицу, и колдунъ себя покажетъ». Женщины отгадали уже и испортившаго роженицу, и старуха ворожея собралась отгадать его. Женщины говорятъ: «Бабушка Акулина! да ты Богородицу знаешь?» а она говоритъ: «знаю, знаю, а то развѣ не знаю». — «А нука прочитай», говорятъ женщины. Старуха начала: «Богородица обрадованная, ой не знаю!» Начала опять: «Богородица обрадованная, ой не знаю!»

тага: «Богородица обрадуванна-а-а-а, вай а муса!» Аватьни мереть: «пля мольть, Куляй бабай, тонять ведуи а кундаве».

Ве атя седеепьгерямувзы орожьи порца: путы зепезэвзы пор зускум ды пори эйсэнзы, аньцяк косы aвиcькc. — Эрьзятьпи нщо орожьеть седеепьгеряма истя: сайсызь ۷рёстэст ды потеть и седейсты сэпейсь туе.

Кода эрьзятьпи орожьеть пплимат. Лиси эрьзясь венелеў, кузи латылангкс и ваны весень гудытьнинь лангкс ряц; карми малавикс кудытьнинь эйста. Варчты Максимпнь гудыньть лангкс, мере: «Максимпнь гудыньть пильца». Варчты Онтонэнь гудыньть лангкс, мере: «Онтонэнь гудыньть нильца». Варчты Паулынь гудыньть лангкс, мере: «Паулынь гудыньть пильца».

Женщины говорятъ: «не ходи, бабушка Акулина, не поймать тебѣ колдуна».

Одинъ старикъ отъ своей изжоги лѣчится мѣломъ: кладетъ кусокъ мѣлу въ свой карманъ и грызетъ его, но только тамъ, гдѣ не совѣстно.—Эрзяки лѣчатъ изжогу еще слѣдующимъ образомъ: возьмутъ свой крестъ и сосутъ, и горечь отходитъ отъ сердца.

Какъ эрзяки лѣчатъ удушья. Войдетъ эрзякъ на дворъ, влѣзетъ на крышу и смотритъ подрядъ на всѣ дома, начинаетъ съ ближайшихъ домовъ. Посмотритъ (напримѣръ) на Максимовъ домъ, скажетъ: «Максимовъ домъ я проглочу». Посмотритъ на Антоновъ домъ, скажетъ: «Антоновъ домъ я проглочу». Посмотритъ на Павловъ домъ, скажетъ: «Павловъ домъ я проглочу».

Кода пшиньбапсь орожьямс. Орожьясь арэ ломаннньть карча, конань зельмсэпэы пшиньбапсь, карми пшиньбапсиньтинь кукужынь нефьпеме, и сопьць мере: «ячминь-ячминь, па теть кукуж, ази базаруў, рамак узирь, керекь эсь прят; тьфу-тьфу, коськи пойс; тьфу-тьфу, пачкы пойс». Истя пшиньбапсиньть кортафтумс колмксть.

Орожьяма: «ноготцы кайсима». Сап бабась пилиньгемень боба, сюурдасыньэи коморэпэы поц, канцыньэи турванэы малас ды мере: «пилипьгемень бобенеть, ёфтады вицты, парьцьте, муиви эль арась (мези юме), уш ёфтада, ёфтада, ёфтада». И карми бобатьнинь вачкамуст куцянь-гуцянь.

Казнада.

1. Ве ломань вали казнаньть и мере: «кии карми таргамут, сайть пельдепэы сяды ломань брят». А ве ломань марпзи и мере: «сяды

Какъ лѣчить ячмень. Ворожея становится противъ человѣка, на глазу котораго ячмень, начинаетъ показывать ячменю кукишъ а сама говоритъ: «ячмень-ячмень, на тебѣ кукишъ, иди на базаръ, купи топоръ, сруби себя; тьфу-тьфу, на сухую осину; тьфу-тьфу, на сырую осину». Такъ (надо повторить) три раза для заговариванія ячменя.

Ворожба: «бросаніе ногтями». Старуха возьметъ сорокъ бобовъ, смѣшаетъ ихъ въ ладони, поднесетъ къ губамъ и скажетъ: «сорокъ бобочковъ, скажите прямо, хорошо, найдется ли или нѣтъ (что пропало), ужъ скажите, скажите, скажите». И начнетъ носить бобы изъ дому въ домъ.

О кладахъ.

1. Одинъ человѣкъ закапывалъ кладъ и сказалъ: «кто станетъ тебя выкапывать, возьми съ того сто человѣческихъ головъ». А

колеят». — «Сяды ломань брят» (сон думи, шты истя тензы казнась отьвече). — «Сяды колеят».—«Сяды ломань брят». — «Сяды колеят!» Спорясть, спорясть,—валицясь и мере: «сяды колеят, тык сяды колеят». Вализи и тусь. Омбоцесь лаксись сяды колеенть, сялгынинь зи се таркаьть кругом, и казнась лиссь.

2. Ве ломань вали казна и мере: «зярды атякшсы кармить те таркаьть сокама, сесты таргафт». Ве ломань маризи те казна валямуньть, кундась атяки, тейсь сокси и кармась се таркаьть сокамы, и казнась лиссь.

3. Ве ломань казна валямсты мерьць: «зяры ломатть мутадызь, зняра ломань брят сайть!» Муизь зе казнаьть кафты ломатть братиинск. Тусь ве братысь алаша мельга, сась кудуў и мери козяйканцтынь: «паньть мор марта сюкурт; лялям кулыньдяряй, веси ярмакни монь улить». Сы братысь лялянтинь, а лялясь и думе: «чаўса братум ружыяса, и ярмакни кадувить мониянь»,

---

одинъ человѣкъ услышалъ и говоритъ: «сто кольевъ». — «Сто человѣческихъ головъ» (онъ думалъ, что такъ ему отвѣчаетъ кладъ). — «Сто кольевъ. — «Сто человѣческихъ головъ». — «Сто кольевъ!» Спорили, спорили, — закапывающій и говоритъ: «сто кольевъ, такъ сто кольевъ». Завалилъ и ушелъ. Другой натесалъ сто колышковъ, натыкалъ вокругъ этого мѣста, и кладъ вышелъ.

2. Одинъ человѣкъ заваливалъ кладъ и сказалъ: «когда станутъ пахать это мѣсто на пѣтухѣ, тогда выйься». Одинъ человѣкъ узналъ про этотъ кладъ, поймалъ пѣтуха, устроилъ сошку и началъ пахать это, мѣсто и кладъ вышелъ.

3. Одинъ человѣкъ, заваливая кладъ, сказалъ: «сколько людей найдутъ тебя, столько возьми человѣческихъ головъ!» Нашли этотъ кладъ два человѣка, братья. Пошелъ одинъ братъ за лошадью, пришелъ домой и говоритъ своей женѣ: «испеки лепешки съ моромъ; если помретъ мой старшій братъ, всѣ деньги будутъ мои». Приходитъ онъ къ старшему брату, а старшій братъ и думаетъ: «убью я брата изъ ружья, и деньги останутся мнѣ»,

и чавизи братынѕа. Ярцась соньць сюкуртныды и соньць кулысь.

4. Ве ломань казна валямсты сайсь кедезэнѕы пряка сускум, ланьдясь серьпеме: ярцы, серьни и казна вали и мере: «кии чарькоди истя таргамут, сепепь даргафт». Мельи се ломанись соньць думась казнапьть таргамунѕа; вешнесь, вешнесь, эзь муифть. Тусь орожьяниньь. Орожьясь мере: «кодак валикь, истя таргикь». Сон мольць, сайсь пряка сускум, ланьдясь се таркаиьтинь серьпеме: ярцы, серьни и сокаре, и казнась мунўсь.

5. Кода казнат появакшныть. Мольць ве ломань зокама, карьбиликсызы сезеўсь. Сон дусь вирвў ленге ваткама, сась стануў, вапцы—ащи пичи пе. Сон мере: «аньцяк думинь карьбиликсынь бутума, а Пазысь уш озама тарка макссь». Озась пичи пеньть

и убилъ своего брата. Самъ онъ поѣлъ лепешекъ и самъ померъ.

4. Одинъ человѣкъ, заваливая кладъ, взялъ въ руки кусокъ пирога и сѣлъ испражняться: ѣстъ, испражняется и закапываетъ кладъ и говоритъ: «кто догадается такъ же тебя вытащить, тому вынься». Потомъ этотъ человѣкъ задумалъ самъ вытащить этотъ кладъ; искалъ, искалъ, не нашелъ. Пошелъ къ ворожеѣ. Ворожея говоритъ: «какъ зарылъ, такъ и вытащи». Онъ пошелъ, взялъ кусокъ пирога и сѣлъ испражняться на томъ мѣстѣ: ѣстъ, испражняется и роетъ; кладъ и нашелся.

5. Какъ появляются клады. Пошелъ одинъ человѣкъ пахать и оборвалось у его лаптя ушко для вдѣванія оборы бечевы. Онъ пошелъ въ лѣсъ драть лыко, пришелъ къ стану[1])—смотритъ, лежитъ обрубокъ бруса. Онъ и говоритъ: «только я подумалъ придѣлывать ушко къ лаптю, а Богъ ужъ далъ мѣсто гдѣ сѣсть». Сѣлъ онъ на брусъ, придѣлалъ ушко къ лаптю

---

1) Выпряженная въ полѣ или лѣсѣ телѣга.

ланкс, путызп карьбиликсынѕы и мацьоймсемс. Стясь ломанись [1]) оймсемста, а пичи песь уш арась.

6. Ве ава мольць лугаў умбраўс, мусь угулья куцпип и кармась сокаряма. Сокарясь, сокарясь, мусь заслоп; ищо сокарясь, мусь сундук угул килий зутцы вельтязь. Сон ваљзи мекеў латкыньть, тусь кудуў, зайсь заступ и мольць тагы се тарканьтипь. Вешпесь, вешнесь авась се тарканьть, эзези мук. Буты секи таркаваньть вешнесь как, а сокаряўкст, а угульят, эзь мук месть как.

7. Полвакшпыкшпысть казпат вашыкс, тувукс, уткакс п ляякс. Ве ломанинь ульнпсть уткапѕа, а шабрань баба кулумазынѕы казнат вешнесь. А народ гортэ: «бути появи теть казпа, вачкидикь мейгенерьть, и ярмакии появить». Аньцяк лисп утка кардайсты, шабрань бабась сап палка п карми мейгенерьть чауманѕа. Веси уткатьпшь бабась чаўпыпьѕи, а казпа тенѕы эзь занфть [2]).

[1]) ломаньць. [2]) заиў.

и легъ отдыхать. Всталъ мужикъ съ отдыха, а обрубка бруса уже нѣтъ.

6. Одна женщина пошла на лугъ за щавелемъ, нашла кучку угольевъ и начала рыть. Рыла, рыла, нашла заслонъ; ещо порыла, нашла уголъ сундука, покрытый березовой корой. Она завалила опять яму, ушла домой, взяла заступъ и опять пришла на то мѣсто. Искала женщина, искала то мѣсто, не нашла его. Какъ она ни искала по тому мѣсту, а не нашла она ничего, ни комковъ разрытой земли, ни угольевъ.

7. Клады появлялись въ видѣ жеребятъ, свиней, утокъ и иначе. У одного человѣка были утки, а сосѣдская старуха искала клада до своей смерти. А народъ говоритъ: «если тебѣ покажется кладъ, ударь его наотмашь, и покажутся деньги». Лишь только выйдетъ со двора утка, сосѣдская старушка возьметъ палку и начнетъ бить ею наотмашь. Старуха перебила всѣхъ утокъ, а клада она не могла взять.

Кодамы орчамусы, карьцимасы и пряс путумасы якасть и ней якить Арчиловонь народэсь.

Цёрада. Цёрась вкилиў гак орчи папар ашы коцтэнь. Панарыпьть каваламксынзы кумацинь. Панар зивись торочазь ћаўфтызь гоцса. Сивись путьниви ауль блащасы, а улпть истятт пижыпь бофт. Плаща варя панар зивись эсть пельне, а теєть истяма петьля кодазь стамсырипь и петьляньть педяўсызь панар зивипьть лапкс. Панар зивипьть и сивиньть стаўксыпьть лапга педяфтыть «сюкс».

Орчи цёрась чаўфтынь бонкст (чаўфтынь бонкст—понкст стазь ћаўфтынь гоцтэнь). Копелькады верьга понксны чаўфтынь гоцтэнь, а понкс веръксны ульнисть ашы коцтэнь. Понкс верьксэньть меньцэзь, меньдеўксэньть эзга ёкстэть карькс, икпльди

Въ какихъ одеждахъ, въ какой обуви и въ какихъ головныхъ уборахъ ходили раньше и теперь ходятъ Арчиловскіе крестьяне.

О мужчинахъ. Мужчина прежде всего надѣваетъ рубашку изъ бѣлаго полотна. Подмышники у рубашки кумачевые. Воротъ рубашки отороченъ убитымъ полотномъ. Воротъ рубашки застегивается не пуговицами, а есть такія мѣдныя запонки. Воротъ рубашки не прокалывали для пуговицъ, а дѣлаютъ такія петли изъ нитокъ для шитва и петлю прикрѣпятъ къ вороту рубашки. На воротъ рубашки и шовъ ворота прикрѣпляютъ «сюксъ» [веревочку толщиной въ карандашъ, плетеную изъ черной шерстяной пряжи].

Надѣваетъ мужчина штаны (полотняные штаны — штаны сшитые изъ полотна съ рисунками)[1]). Выше колѣнъ штаны изъ холстяного полотна, а верхъ штановъ былъ изъ бѣлаго полотна. Верхъ штановъ скручиваютъ и въ скрученное мѣсто продѣваютъ

1) Чауфтынь бонкст — штаны сшитые изъ полотна, на которомъ масляными красками набиты (натиснуты) цвѣточки или полоски.

карькс петьнень зюлмасызь. Се карьксыньтипь мерьцьть «гасьникь». Понксэнепь гереть зепе. Зепеньть керясызь ауль понкс пильгинь гувалт, а понкс пильгинь дрокс.

Цёратьнинь берька ульнисть понасурнинь гаркст. Карксысь кодазь миникс цюньикс краслязь зуринь, карксыньть эрьва песэньть кафты цёкт. Эрьва цёконьть эрьва суринньть песы «плёска» Цёконьть велькссы комафтызь горьнпоў белькс; горьшиповоньть велькссы эрьге. Кафтынкс цёкни карксыньть песы сюлмазь вейц ве эрькса.

Пильксынзы цёраньть карьть и сумань бракстат, а сумань бракстатьнинь лангга коцтэнь бракстат (ноткст). (Пулы марты карьца аньцяк ават якасть).

Панарыньть лангга цёрась орчи сёксня эль дунды збор марты сумань (збортны аньцяк удала) эль цапан; тельня панарыньть

бечевку, спереди бечевку завяжутъ узломъ. Эту бечевку называли гасникомъ. Въ штанахъ вырѣзаютъ карманъ. Карманъ вырѣзаютъ не вдоль штанины, а поперекъ ея.

Вокругъ стана у мужчины были пояса изъ шерстяныхъ ниток. Поясъ сотканъ изъ выкрашенныхъ въ разные цвѣта ниток, на каждомъ концѣ пояса двѣ кисти. У каждой кисти на концахъ ниточекъ плёска[1]). Сверху кисти наложена половинка отъ погремка, а сверху бляхи бусина. Обѣ кисти въ концѣ пояса связаны вмѣстѣ одной бусиной.

На ногахъ у мужчины лапти и опучи, а поверхъ портянокъ полотняныя портянки. (Въ лаптяхъ съ хвостами ходили только женщины).

На рубашку мужчина надѣваетъ осенью или весной сборочный кафтанъ (сборки только сзади) или чапанъ; зимой онъ надѣ-

---

1) Плеска—металлическій кружокъ очень блестящій, величиною въ діаметръ нетолстаго карандаша.

лангга орчи ашысты теень оўчинань цуба. Кизна якасть ве панарца.

Седи эрекс ломанись прязынзы путы понань жляпа, а тельня «малахай». Шляпа валяязь ревень понаста; шляпаньть перька лента, а сыри атятьнинь кшна. Малахай—оўчипань жляпа пилпмарта; покш бурянп пилитьпинь полдасызь. Цёрапакшатьни, одзёратьпи и сырп атятьпп якасть ве лаца, орчасть карясть ве лаца. А арасьчисы ломатьни (цёратьнп) телепекь-кизыпикь якасть малахайса.

Авань орчамуда. Авась икилшў гак орчи панар кочкаряды верьга. Панар икильксысь верьди керязь пельарчпшынь даркашка. А штобу панарынь верьци пол угултны илякст сяурьть бокаў, се пол угултны сялгызь зюлгамуса. Панар икильксысь верьди п алуў мекь вишовазь[1]) мелкэйпеста. Панар икпльксг вышнинкшпысть «гулька ваципикс». Панар икильксг вишовакшпысть «перяў викш-

1) викшнизь.

ваетъ на рубашку шубу изъ бѣловыдѣланныхъ овчинъ. Лѣтомъ ходили въ одной рубашкѣ.

Позажиточнѣе человѣкъ надѣнетъ на голову шерстяную шляпу, а зимой малахай. Шляпа сваляна изъ овечьей шерсти; вокругъ шляпы лента, а у старыхъ стариковъ ремешокъ. Малахай—шляпа изъ овчины съ наушниками; въ сильную бурю спускаютъ эти наушники. А бѣдные мужики и зиму и лѣто ходили въ малахаяхъ.

Мальчики, парни и старые старики ходили одинаково, одѣвались и обувались одинаково.

О женской одеждѣ. Женщина прежде всего надѣнетъ рубашку выше пятокъ. Перёдъ рубашки разрѣзанъ сверху приблизительно на полъ аршина. А чтобы верхніе углы половъ рубашки не сваливались на бокъ, эти углы приколоты застежкой. Перёдъ рубашки сверху и до самаго низу вышитъ мелкимъ узоромъ. Переда рубашки они вышивали узоромъ, похожимъ на го-

вишукст», «покай икилькст». Улиньдяряй бапарыньть икильксызы викшнизь «гулька вацикс», се папарыньтинь мереть «гулька вацп икильга панар». Улиньдяряй банар икильксысь викшпизь «показь», се папарыньтипь мереть покай икильга папар. Бути панар икилькссысь викшнизь «перяфт», се папарыньтинь мереть «перяў икильга папар». Папар ожатьнинь гувалт стыть петлепень бетленень попасуре; истяжа попасури педяфтыть папар гутьмириньтинь кафтынь даркава. Истя педяфтыпь зуриньть лемезы таргаўкс. Улиньдяряй бапарысь таргаўкс марта, се папарыньтипь мереть «таргафт панар», «таргаўкс марты папар». Папар икилькссыньтинь алуў гадыть «эльвере». Папар алганьть викшписызь истя: эень алга педяфтыть сюкс (раужы попасуринь годазь

лубиный помётъ. Переда рубашки они вышивали узоромъ, называвшимся «перяў викшиўкст»[1]), «покай икилькст»[2]). Если передъ рубашки вышитъ голубинымъ пометомъ, то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ «голубиный пометъ». Если передъ рубашки вышитъ какъ «показь»[3]), то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ покая. Если передъ рубашки вышитъ «перяфт»[4]), то эту рубашку называютъ рубашкой съ передомъ «перяфтъ». Вдоль рукавовъ рубашки нашиваютъ шерстяныя нитки петлями; такъ же пришиваютъ шерстяныя нитки къ спинкѣ рубашки въ двухъ мѣстахъ. Названіе пришитыхъ такимъ образомъ нитокъ—дорожка. Если рубашка съ дорожками, то такую рубашку называютъ рубашка съ дорожками. Внизу переда рубашки оставляютъ прорѣшку (эльзере). Низъ рубашки вышивали слѣдующимъ образомъ: ниже всего пришиваютъ «сюксъ» (сплетенную изъ чер-

---

1) Названіе особаго рода вышивки.

2) Покай икилькс панар—рубашка, у которой передъ невышитый.

3) Рубашка, украшенная крашеными нитками при помощи иголки. При этомъ полотно мелко, хоть узоръ и выходитъ крупный (а при вышиваніи «покаемъ» полотно прокалываютъ рѣдко, и шаги выходятъ большіе; при вышиваніи «покаемъ» узора нѣтъ, и выходятъ только однообразные ряды).

4) Названіе особаго рода вышивки.

карькс). Сюксыньть велькска педяфтыть понасуринь гружува «мишара» марта. Мишара — тюжа сури тапарязь золотаса. А кружуваньть велькска панар алганьть викшнисызь пейнень бейнень.

Панарыньть лапга авась орчи «руця». Руцясь вельтясы аваньть аньцяк удалксынзы ды боканза, а икилькснзы аваньть руцясь а вельтясэ. Руцясь аламуды панардыньть кувака. Ожанзы руцяньть теенеть, нурькинить. Руцяньть верьци полбетьни лафтуў лаигксты и мещи алуў викшнизь; се викшнизь дарканьтинь лемест «мещи пельть». Руцяньть лапга кувалт стакшнызь, педяфнизь гумаць папксынь ганить эль понасуринь гружуват и руцяньть алга и ожапрява. Улиньдяряйть руцяньть лапга, руцяньть алга и руцяньть ожапрява кумаць кить, се руцяньтинь мереть кумаць руця. Улиньдяряйть кумаць пангксынь даркас руцяньть лапга, руцяньть алгава и руцяньть кургы ожава педяфнизь понасуринь гружуват, се руцяньтинь мереть «кружува руця». Улиньдяряйть

ныхъ шерстяныхъ нитокъ бечеву). Поверхъ «сюкса» пришиваютъ шерстяныя кружева съ «мишарой». Мишара—это желтая нитка, скрученная съ золотомъ. А надъ кружевами вышивали низъ рубашки зубчиками.

На рубашку женщина надѣваетъ «руцю». Руця покрываетъ женщину только съ заду и съ боковъ, а передъ женщины руця не покрываетъ. Руця немного длиннѣе рубашки. Рукава руци узенькіе, коротенькіе. Верхніе концы половъ руци съ плечъ и до нижней части груди вышивали; названіе этихъ вышитыхъ мѣстъ — «половинки груди». Вдоль руци сверху пришиты кумачевыя дорожки или шерстяныя кружева и тоже снизу руци и по концамъ рукавовъ. Если кумачевыя дорожки имѣются сверху руци, снизу ея и по концамъ рукавовъ руци, такую руцю называютъ «кумачевой руцей». Если вмѣсто кумачевыхъ лоскутовъ имѣются сверху руци, внизу ея и по концамъ рукавовъ руци шерстяныя кружева. такую руцю называютъ «кружевной руцей». Если поверхъ руци нашито шесть кумачевыхъ дорожекъ или шесть кружевныхъ от-

руцяньть лангксы педяфтызь готы кумаць кить эль готы кружуват, се руцяньтипь мереть «котова руця». Улиньдяряйть руцяньть лангксы кемгафтувы кумаць кить, эль гемгафтувы кружуват, се руцяньтипь мереть «кемгафтува руця». Ульнисть нилинь-нилинь ги руцялангга, ульнисть кемень-гемень ги. Руцяньть спвишѕы ланга педяфтыть попасури лапкинипь-лапкинипь.

Руцяньть ланга карксы авась кушак попасурипь годазь голмы эль гафты сурыпь гелеса. Работамсты эль гиява молемсты авась руця полэнѕы кепетьцэньѕи ды ёкстасыньѕи кушакыньть экшс.

Руцяньть ланга путы авась икильгапаця. Икильгапацясь нурькипе.

Аваньть сюлгамузы, копа сялгызь бапар мещсэнѕы, икильгапацяньть велькска пеяве; а кувалмузы икильгапацяпьть арась конелька виц как. Икильгапацясь аваньть киргасы понгафтызь и сюлмамусы сюлмазь удалуў. Икильгапацяньть алгава педяфтызь гумацинь зуборкепе.

дѣлокъ, то такую руцю называютъ «руцей въ шесть отдѣлокъ». Если на руцѣ двѣнадцать кумачевыхъ дорожекъ или двѣнадцать кружевныхъ отдѣлокъ, то эту руцю называютъ «руцей въ двѣнадцать отдѣлокъ». Бывало по четыре дорожки на руцѣ, бывало по десяти. Къ вороту руци пришиваютъ шерстяныя нитки лапочками.

Руцю женщины повязываютъ кушакомъ, сотканнымъ изъ шерстяныхъ нитокъ въ три или два пальца. На работѣ или въ дорогѣ женщина поднимаетъ полы руци и всовываетъ ихъ подъ кушакъ.

На руцю женщина надѣваетъ фартукъ. Фартукъ коротенькій.

Женская застёжка, которую пришпиливаютъ на груди у рубашки, виднѣется поверхъ фартука, а длина фартука не доходитъ и до колѣнъ. Фартукъ продѣвается черезъ шею женщины и завязывается сзади узломъ. Внизу фартукъ обшивается кумачевой оборочкой.

Руцянть лангга авась сёксия эль дунда орчи збор марты сумань, а тельня ашысты теезь оўчинань цуба. Кизна аватьни якить ве панарца.

Карьцьнисть аватьни истя: васьня танари пильгиньть лангга сумань бракста; сумань бракстаньть лангга пильги лапканьть перьть танари коцтэнь бракста, копань лемезы «нотко». А пильги почкэньть перьть, сумань бракстаньть лангга, танари лия коцтэнь ашы пракста, копань лемезы «пильги-пельть». Мельп карьцп пулы марты карь и пракстатьпинь дапарясыньзп карькса.

Прясыньзы аваньть теленек кизыник «шлабпкь». Шлабпкь конясыньть эень верьга педяфтызь брозумепт. Прозументэньть алга понасуринь гружува «мишара» марта. Кружуваньть алга педяфтызь «зыкс», а сюксыньть алга «поднез лента». Поднез лентаньть алда пеяви «поднезэсь». Поднез мерсть «биспрынь гружуванинь». Се биспрынь гружувась кодазь бейпень-бейпень; биспрынтьни лия-лия понасыт. А поднезэньть алга понгафпизь гру-

---

Сверху руци женщина осенью или весной надѣваетъ кафтанъ со сборками, а зимой овчинную шубу бѣло выдѣланную. Лѣтомъ женщины ходятъ въ одной рубашкѣ.

Обувались женщины слѣдующимъ образомъ: сначала она намотаетъ на ногу портянку; на портянку вокругъ ступни она намотаетъ полотняную портянку, названіе которой «нотко». А вокругъ голени, поверхъ портянки, она намотаетъ другую полотняную бѣлую портянку, названіе которой «половинки ноги». Затѣмъ она обуваетъ лапоть съ хвостомъ и обмотаетъ портянки бечевой.

На головѣ у женщины зимой и лѣтомъ шлабикъ. Напереди шлабика самый верхъ обшитъ позументомъ. Подъ позументомъ шерстяныя кружева съ «мишарой». Подъ кружевами нашивается «сюксъ», а подъ сюксомъ лента поднеза. Подъ лентой виднѣется поднизъ [гирлянда изъ меленькихъ оборковъ въ видѣ зубчиковъ]. Поднизомъ называютъ бисерное кружево. Это бисерное кружево плетется зубчиками; бисеринки разноцвѣтныя. А подъ поднизомъ

шат, эрькть, горьппофт. Шлабикь удалксысь викшпзь глеткапь глеткапь. Се шлабикь удалкстыпьть мереть «решатка удалкс шлабикь».

Бабатьни, аватьпи, тейтерьтып и пакшатып якить, орчитькарьцить ве лаца. Аньцяк тейтерьтыпп шлабикь а капьлить, а сыпцт шлабикь эземс «пря сюкс». Тейтерьтынень «пря сюксысь» викшпзь шлабикь копя лаца. Улипьдяряй дельпя пекь якшама, шлабпкиньть эль бря сюксыньть ланта тапарить ташты руця.

Бутп роботамсты ломаньпьть мешеть черепзы, новолеть сельмепзы лангкс, сон зыпцт сюлмасыньзп тея[1]) лептэнеса; се лептапьть лемезы «прякарькс». Прякарькссы черест сюлмисызь п цёрат и ават и тейтерьть и бабат.

1) теене.

привѣшены побрякушки, бусы, погремки. Задъ шлабика вышивается клѣткамп. Объ этомъ задѣ шлабика говорятъ «шлабикъ съ рѣшетчатымъ задомъ».

Старухп, женщины, дѣвушки и дѣти ходятъ, одѣваются-обуваются одинаково. Но дѣвушки не посятъ шлабика, а у нихъ вмѣсто шлабика «головной сюксъ». «Головной сюксъ» дѣвушекъ вышитъ какъ лобъ (перёдъ) шлабика. Если зимой очень холодно, то сверху шлабика или головного сюкса навязываютъ старую руцю.

Если во время работы человѣку мѣшаютъ волосы, и оно падаютъ на глаза, онъ связываетъ ихъ узкой лепточкой; названіе этой ленты «головная бечевка». Головной бечевкой связываютъ свои волосы п мужчины и женщины и дѣвушки и старухи.

Отдѣлъ III. Свадьба.

А. Оркино.

Cyjama. Ḿińi·k čyja·ma koje·nék i·śťama vaśńa· uľńi·ś. Vaśńa· syť v́ä·ťiška a·vat, kä·ŋkśńiť makscy·ź aχ. Ḿä·jľä tuji·ť. B́iďä makscy·ź, ḿä·jľä ćora·t syť, ka·ndyť butu·lka v́i·na, acy·ť stoľe·šńek, ky·rvaśťiť śv́e·ča, oznéť, nuŗťiť ćarka i karḿi·t kava·-ńama ńev́e·stań ťäťä·ńť ä·sa, a son pokškaŕ·ńä, aśi·ḿä. Pokš ku·-daťńä jaki·ť ḿäľganʒa eńa·lkšnyź: śiḿť poža·lyjsta. Koda·k ćar-ka·ńť śi·msyj, śe·sta karḿi·ť v́äśij śi·ḿińä. Buty·lkańť śi·msyź, kandy·ť b́e·šénéj čéťv́eŕť, ladī·ť ṗiťńiďä. Ḿäjľä ava·fyś nuŗťä ća·rka

---

Сватовство. Нашъ обычай сватовства былъ сначала слѣдующій. Сперва придетъ около пяти женщинъ, спросятъ, отдадутъ ли. Затѣмъ онѣ уйдутъ. Если отдаютъ, то послѣ этого придутъ мужчины, принесутъ бутылку вина, постелютъ скатерть, зажгутъ свѣчу, помолятся, нацѣдятъ чарку и начнутъ угощать самого отца невѣсты, а онъ ломается, не пьетъ. Сваты ходятъ за нимъ, упрашивая его: выпей пожалуйста. Когда онъ выпьетъ чарку, тогда всѣ начнутъ пить. Выпьютъ бутылку, принесутъ

v́i·na, sajä kurgy po·tma i purga·syj oďe·ŕvańť ča·mas i ḿe·ŕä: «na čamazyt v́iśks, a śäďijzyt ŕiśks». Karḿi·ť čėťv́eŕťeńť śiḿi·ḿä, purny·ť käḿiška ro·ďńat i śi·msyź ťe v́ina·ńť. Ḿäjľä ńev́e·stań roďńa·ťńä pu·ruḿiť i moľe·ť žėńe·χeńťe vanu·ma žėńe·χeń. Žė-ńe·χeś[1]) ľi·śä, ka·ndä ťäst ća·rkań ća·rkań, a syń kaji·ť ťänʒa jar-ma·kt. Ḿäjľä moľeť ńev́esta·ńťi, iśťaža ńefcė·ź ńev́e·stańť. Ńev́esta kaźńisy·ńʒä aťa·fyńťi ava·fyńťi pa·narṭ, ćora·ťńińiń na·rdamyt, ava·ťńińiń i·kiľpa·ćat, a ḿäjľä ńev́e·staś purnä· ťäχťiŕť i kučcy·ńʒä žėńe·χeńť ḿäľga. Ťesa ka·vańasyź i ťäχťiŕχńä sajsy·ź žėńe·χeńť ma·ryst ńev́esta·ńťi. Moľe·ť ja·lga u·ľćava mo·raź. Žėńe·χeś mo·ľä uda·lyst, a ťäχťi·ŕχńä mo·ľeť i·kiľä ku·ńćiź i mo·raź:

Kak v́ečor pozda, paŕiń, zaguľala...

Koda·k moľe·ť ńev́esta·ńťi, matka·ś i ḿe·ŕä: «Soda·my saś,

1) Žeńiχ'ïä.

«бѣшеную» четверть[1]), сговорятся о кладкѣ. Затѣмъ свекровь нацѣдитъ чарку вина, возьметъ вино въ ротъ и сбрызнетъ невѣсту въ лицо и скажетъ: «возьми себѣ на лицо стыдъ, а на сердце свое печаль». Станутъ распивать четверть, соберутъ съ десятокъ родныхъ и разопьютъ это вино. Затѣмъ соберутся невѣстины родные и отправятся къ жениху смотрѣть жениха. Женихъ выйдетъ, поднесетъ имъ по чаркѣ, а они положатъ ему денегъ. Затѣмъ идутъ къ невѣстѣ и такъ же покажутъ невѣсту. Невѣста одаритъ ихъ, свекру и свекрови дастъ по рубашкѣ, мужчинамъ по полотенцу, женщинамъ передники, а затѣмъ невѣста соберетъ дѣвушекъ и пошлетъ ихъ за женихомъ. Тамъ ихъ угостятъ, и дѣвушки захватятъ съ собой къ невѣстѣ жениха. По улицѣ идутъ пѣшкомъ съ пѣснями. Женихъ идетъ за ними, а дѣвушки идутъ впереди, взявшись за руки и распѣвая:

Какъ вечоръ поздно, парень, загуляла...

Когда придутъ къ невѣстѣ, мать и говоритъ: «пришелъ зять,

1) Т. е. не входящую въ составъ кладки.

kudy ṕe·šḱeć; lap ka·ŕiza praksta·t v́ä·šä, pucy·r nolgéza paća·v́äšä, ťeŕmona·za poŋkst v́äšä. I oza·fcyź. Son o·zä śeť i·kiľij. Ťäχťi·ŕχńä, ćora·ťńä krugo·mganʒa, karḿi·ť ka·vańamyst. Ľiši· ńev́e·staś, sa·ji ćarka v́ina, makscy·j žėńeχe·ńťej. Ombȯ·će sa·jä äśťa·nʒa i čaka·ńiť žėńeχe·ńť marta. Ḿä·jľä krugo·m ŕad jav́i·ť Puty·ť stoľeńť laŋks ja·jišńićä; ńev́e·staś a·myľďä ṕäńč. Sońć äjsty·nʒa su·skä, osta·tkańť žėńeχe·ńťe makscy·j. Ńev́e·staś kaźńi·syńʒä su·rksca, gajťa·nca, ḱŕo·sca i tujä karc, a žėńe·χeś kaji ćava pačalgy·ńťi ṕa·tak i tujä· ńev́e·-stańťi. Karcy·ńť koŕχńeť, ńev́e·staś kaźi ťänʒa ŕiśḿä i pa·ća. Ḿäjľä tuji·ť. O·mbȯćä čo·kšńeńt žėńe·χeś sa·jä kaftyška ćora·t (jalga·t) i moľä paća·ń kandu·ma. Oza·fcyź ćora·ťńä marta sto-ľekšc, kava·ńasyź. Žėńeχeś tujä, karḿä tagy koŕχńe·ḿä, a ćora·ťńä, ka·duv́iť ťesk ťäχťiŕχńä marta nalkši·ḿä. Paća·ńť ma·kscyj, ḿä-ḱij i tujä kudu·ŋ. Ḿäjľä eŕva čokšńä jaḱi salava koŕχńe·ḿä saji-

---

наполнился домъ; его хлопающій лапоть проситъ портяпокъ, его бурлящія сопли просятъ платокъ, его треплющіяся м. просятъ штановъ». И посадятъ его. Онъ сядетъ на самый передъ. Дѣвушки и парни вокругъ него; начнутъ угощать ихъ. Выйдетъ невѣста, возьметъ чарку вина, дастъ ее жениху. Другую чарку возьметъ себѣ и почекаются съ женихомъ. Затѣмъ обнесутъ кругомъ. На столъ поставятъ яичницу; невѣста зачерпнетъ ложку, сама откушаетъ изъ нея, а оставшееся отдастъ жениху. Невѣста всѣхъ подаритъ кольцами, гайтанами, крестами и отправится въ хлѣвъ, а женихъ положитъ на пустую сковороду пятакъ и пойдетъ къ невѣстѣ. Въ хлѣвѣ они поговорятъ, невѣста подаритъ ему цѣпочку и платокъ. Затѣмъ уходятъ. На другой вечеръ женихъ возьметъ съ собой двухъ-трехъ товарищей и отправится отнести платокъ. Его съ парнями посадятъ за столъ, угостятъ. Женихъ выйдетъ, начнетъ опять говорить (съ невѣстой), а парни останутся здѣсь играть съ дѣвушками. Онъ отдастъ платокъ, обратно и отправится домой. Затѣмъ каждый вечеръ до свадьбы онъ ходитъ тайкомъ сговариваться (съ невѣстой). Невѣста передъ свадьбой приглашаетъ къ

mazy·nʒa. Ńeve·staś sajimady·nʒa i·kilä ťardä· kolmy ńiľä ťä·χ-ťiŗť. Aťa·fyś dy ava·fyś e·ŕva čokšńä jaki·t ťäχtiŕχńiń kava·-ńama. Ka·ndyť buty·lka vi·na i ćela kšy. Iśťa·jaki·t e·ŕva čokšńä ńiľi čyť.

Sajima. Osta·tka čo·kšńesťeńť moľe·t ńevesta·ńťij aťa·fyś i ava·fyś i ko·lmôška loma·ťť. Ńeńe·ń iśťa· ḿeŕeť: čyńpu·tyćat. Oza·fcyź stoľe·kšc, kava·ńasyź. Śťa·kšnyť, čyńputyćaťńiń ke·cta ťäχťi·ŕχńä jarmak vä·šyť.

Syńć moŕćeť. Sva·tyńťij moŕeť:

Ivan svatyś bojaryś,
Ivan svatyś azyryś!
Kajikaja doľeńek,
Kajikaja pajinyk.
Bidi kajasak doľeńek,
Bidi makscak pajinyk,

себѣ трехъ-четырехъ дѣвушекъ. Свекоръ и свекровь каждый вечеръ ходятъ угощать этихъ дѣвушекъ. Приносятъ бутылку вина и цѣлый хлѣбъ. Такъ ходятъ каждый вечеръ въ теченіе четырехъ дней.

Свадьба. Въ послѣдній вечеръ свекоръ и свекровь и (еще) съ четыре человѣка приходятъ къ невѣстѣ. Послѣднихъ называютъ такъ: «назначающіе день». Посадятъ ихъ за столъ, угостятъ ихъ. Встанутъ, дѣвушки и просятъ у «назначающихъ день» денегъ.

Сами онѣ поютъ. Обращаясь къ свату, поютъ:

Сватъ Иванъ баринъ,
Сватъ Иванъ господинъ!
Брось на нашу долю
Броська нашъ пай.
Если ты бросишь нашу долю,
Если ты дашь нашъ пай,

Čačy śuryś čačyza,
Ḱiľďaj rakšat raštaza.
B́iďi akajasak doľenėk,
V́eŕepazyś ńeťanʒat,
Ńiškipazyś čaudanʒat.

B́iďi sva·tyś amaksy jarmak, śesta ťäχťiŕχńi karḿiť po·kôŕaź mora·ma:

Ivan svatyś bojaryś,
Śiśiḿ oḿet olgėza,
Śiśiḿ śatt dolkėza,
Ṕižy kušak ṕäŕťkanʒa,
Dolžńeḱenʒa ḿäľganʒa.

Ḿäjľa ma·ksä ťe kauksyńǵä·ḿiń u·ra; tuji·ť i čyńputy·ćäťńä tuji·ť. A źarc syń ťesa aščyť, ḿäḱij moľema·zyst žėńeχeńťe puru·-

---

Уродится плодородный хлѣбъ,
Пусть расплодится (твоя) упряжная кляча.
Если не бросишь нашей доли,
Верепазъ тебя увидитъ,
Нишкипазъ тебя убьетъ.

Если сватъ не дастъ денегъ, тогда дѣвушки начнутъ пѣть съ укоромъ.

Сватъ Иванъ баринъ,
Солома у него въ семи омётахъ,
Долгу у него семь сотъ,
Вокругъ него зеленый кушакъ,
За нимъ (идутъ) заимодавцы.

Затѣмъ тотъ дастъ восемьдесятъ копеекъ; они уходятъ, и уходятъ также «назначающіе день». А пока они тамъ находятся, до ихъ возвращенія, къ жениху собираются готовящія «лукшу».

ḿiť lukšy·ń ťaji·ćat. Lukšy·ń ťajića·ťńa a·vat, kona· sy, ośväχkiś kandy poc̆t vakan, a azy·ryś araftä v́e·dra v́i·na, i karḿiť ťaji·ḿä: ic̆yť lamba·ma c̆apaks, sajiť kalk, ka·lkńiń ṕŕa·va ṕäďaŕḿiť c̆apaks; ťaji·ť ṕŕa·ka i ṕŕa·kańť poc ka·ńćiryń to·ṕa, i śe ṕŕa·kańťi śalgy·nysyź ńe ka·lkńiń. Ṕŕa·kańť laŋks ťaji·ť kafta c̆apaksyń lomaťť, śäĺḿi·st äŕǵiń, i naŕa·žasyź ḿińiśu·nysa: vatruška·sa, kanf́e·tkasa; i ťajimsty·nʒa moro·ť mo·ret:

Lukša ťajďana,
Lukša loudana.
Ḱińǵisa ťäjsyńik,
Ḱińǵisa lousèńek?
Ďŕiga marta Maŕkańǵiś.
Ďŕigań kšumańška papaza,
Maŕkań sufťimška padyza.
Ivan svatyńť ikiĺä,

Каждая изъ женщинъ, готовящихъ лукшу, приходя, приноситъ чашку муки, а хозяинъ поставитъ ведро вина, и начнутъ готовить: замѣсятъ прѣсное тѣсто; возьмутъ костриги; къ головкамъ костриги прилѣпятъ тѣсто; сдѣлаютъ пирогъ и внутрь пирога кладутъ разсыпчатый творогъ, и въ этотъ пирогъ воткнутъ тѣ костриги. Къ верху пирога придѣлаютъ двухъ людей изъ тѣста, на мѣсто глазъ ихъ бусинки, и нарядятъ ихъ разными разностями: вотрушками, конфектами; и дѣлая лукшу, поютъ пѣсни:

Мы готовимъ лукшу,
Мы сосчитываемъ лукшу,
Для кого мы ее дѣлаемъ,
Для кого сосчитываемъ?
Для Григорья и Марьи.
Дригинъ ч. съ рѣдьку,
Марьина п. съ рѣшето.
Передъ сватомъ Иваномъ,

Ivan svatyńt́ udala
Ṕižy ṕižä ḱil̆ijńä,
Puŕä paŕ alynʒa,
Ṕižyń ḱäčä äjsynʒa.
Koṷ čypazyś čaraftä,
Ḱäčypulyś v́äl̆aftä,
Maŕka puŕińt́ jaṷšyjiza,
Ďŕiga puŕińt́ śiḿijiza.

Ḿäjl̆ä koda t́äχt́iŕińt́ t́ät́anʒa l̆äḿ, l̆äḿizy·nʒa karḿi·t́ mora·ma:

Proka at́äń ikil̆ä,
Proka at́äń udala
Kośḱä kośḱä ḱil̆ijńä,
Śedi kośḱä ḱil̆ijńä,
Kośḱä paŕ alynʒa

За сватомъ Иваномъ
Зеленая зеленая берёзка,
Подъ ней кадушка сыченаго кваса,
Въ ней мѣдный ковшъ.
Куда повернётся Богъ - солнце,
Туда поворачивается ручка ковша,
Марья разносчица сыченаго кваса,
Григорій питухъ сыченаго кваса.

Затѣмъ, сообразно тому, какъ имя отца дѣвушки, начнутъ пѣть на его имя:

Впереди старика Прохора,
Позади старика Прохора
Сухая, сухая берёзка,
Очень сухая берёзка,
Подъ ней сухая кадушка,

Vaŕau̯ käčä äjsyn͡za.
Kou̯ čypazyś čaraftä,
Ḱäčypulyś av́äl'aftä,
Śeks son i av́äl'aftä,
Kańńijiza araś,
Śińijiza araś.

Koda-k lukšy-ś ťäji-v́ä, kaja-syź ṕećkas. Karḿi-ť valćḱi-s ḱišńi-ḿä, a va-lćḱä karḿi-ť kuda-ń burna-ma. Kuda-ťńä pu-ruḿiť i syrǵi-ť tou̯. Ḿäl'ga-st karḿi-ť moŕće-ḿä.

Uŕid'iu̯ al'a, jurtal'a,
Vanyḱ, vanyḱ äś ṕŕińit,
Vanyḱ kudajalǵińit.
Tou̯ mol'eda ḱijava,
Tosty sady l'ijava,
Tou̯ mol'eda latftuma,

Въ ней дырявый ковшъ.
Куда повернется солнце,
Туда не поворачивается ручка ковша.
Отъ того онъ и не поворачивается,
Нѣтъ разносчика,
Нѣтъ питуха.

Когда сготовится лукша, ее положатъ въ печь, до утра будутъ плясать, а утромъ собирать поѣзжанъ. Поѣзжане поѣдутъ и соберутся туда (къ невѣстѣ). За ними начнутъ пѣть.

Дружка молодецъ, коренной молодецъ,
Смотри, смотри за своей головкой,
Смотри за товарищами поѣзжанами.
Туда идите по дорогѣ,
Оттуда приходите по другой,
Туда идите безъ порядка,

Tosty sada ladmarta,
Toų moľeda patftuma,
Tosty sada padmarta.

Kodak kudaťńä moľe-ť toų, tovò-lda karḿi-ť mońćeḿest:

Ńeť kovòldėń kudaťńä?
Ńeť kovòldėń andaťńä?
Ku(v)a saśť kudaťńä?
Ku(v)a saśť andaťńä?
Lutkua latkua,
Kafty panda jutkuva,
Śiśiḿ pakśań tovòlga,
Śiśiḿ v́äľiń tombaľga.
Śija saśť kudaťńä,
Śija saśť andaťńä.
Ḿińiḱ araśť käŋkšynyk:

Оттуда приходите въ порядкѣ.
Туда идите безъ н.
Оттуда приходите съ н.

Когда поѣзжане пойдутъ туда, по дорогѣ туда начнутъ пѣть про нихъ:

Откуда эти поѣзжане?
Откуда эти поѣзжане?
Гдѣ прошли поѣзжане?
Гдѣ прошли поѣзжане?
По оврагамъ и долинамъ,
По расщелинамъ двухъ горъ,
По ту сторону семи полей,
По ту сторону семи селъ.
Тамъ шли поѣзжане,
Тамъ шли поѣзжане.
У насъ нѣтъ дверей:

Raškynyk pačk suvada.
Ḿińik araś pazynyk,
Padynyk laŋks oznėda.
Svaχa suka, ľišḿä,
Koťanyza ľiśńä,
Śada alaša uskiźä,
Śada kuda paskiźä.

No·ldasyź; su·viť, karḿi·ť lukšyńť äjsa putu·ma stolľaŋks. Ťäχťiŕχńä ano·ldėť, ṽäšy·ť jarma·k. Lukšyńka·ndyća svaχa·ś karḿi· ťäχťi·ŕχńiń äjsa mo·ŕćemä:

Ťäχťiŕńiť bojaravińiť,
Ťäχťiŕńiť azyravińiť,
Noldėḿeźga, noldėḿeź!
Vasyldyń tarka syń,

Пролѣзайте между нашихъ ногъ.
У насъ нѣтъ бога,
Молитесь на наши п.
Сука сваха, кобыла[1]),
У ней выходитъ задняя кишка,
Её привезла сотня лошадей,
Она у . . . . . сотню поѣзжанъ.

Ихъ пустятъ; они войдутъ и начнутъ ставить лукшу на столъ. Дѣвушки не даютъ, просятъ денегъ. Несущая лукшу сваха начнетъ пѣть, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Дѣвушки барышни,
Дѣвушки хозяюшки,
Пустите-ка, пустите!
Я прошла большое разстояніе,

---

1) Значеніе слова ľišḿä разсказчику неизвѣстно.

Śiźiśt́ kafty kundyjǵedńen.
Bojaravat t́äχt́ińäχt́,
Panda bokań jagydat.
Śijäń bl̃id́as kočkomat,
Śijäń bl̃id́as kočkomńet́,
Bojar ikil̃ij putumńit́
Sur ṕrińisa sajńimńit́,
Turva ṕrińisa jarcamńit́.

T́äχt́iŕχńi tu·jit́. Śestä lukšyńt́ svaχa·ś pu·cyj stol̃a·ŋks. Kuda·t́ńiń o·jśefcėź stol̃e·kšc. Alamy·da ka·vańasyź. A ńeve·staś o·zä uŕval̃äńt́ ekšc murgas i karḿä ava·ŕkšńiḿä. Sajä ked́ezėnʒa v́ikšńiń[1]) na·rdama, i arä uŕval̃äńt́ ikil̃ij i karḿä lajšyḿä:

Uŕval̃ińiḿ, al̃ińiḿ,
Naka b́eŕäńčyna kaźńińä,

1) v́ikšńit́.

Устали мои обѣ держащія руки.
Барышни дѣвочки,
На склонѣ горы ягоды.
Вы достойны, чтобы вамъ собирать въ серебря-
Собирать въ серебряное блюдо, [ное блюдо,
Ставить передъ господами,
Брать кончиками пальцевъ,
Ѣсть кончиками губъ.

Дѣвушки уходятъ. Тогда сваха поставитъ лукшу на столъ. Поѣзжанъ посадятъ за столъ. Ихъ угостятъ немного. А невѣста сядетъ за дружкой въ переднiй уголъ и начнетъ вопить. Возьметъ въ руки вышитое полотенце, и станетъ передъ дружкой и начнетъ причитывать:

Мой дружка, мой молодчикъ,
Возьми-ка плохенькій подарочекъ,

Loveḱaja paryńiks, —
Avyľ vaśkaź ťäjiḱḱä,
Avyľ ojmaź ťäjiḱḱä.
Salmyks ṕrasa kočkaḱḱä,
Grušalaŋksa tombaḱḱä.

I pucy·j uŕidi·vińť la·ftuŋ laŋks narda·myńť. Uŕva·ľäťńä ľi·-śiť stoľ ekšcťeńť, karḿi·ť pary·jiń naŕa·žama, a ńevestańť oza·f-cyź stoľ ekšc, i basla·vasyź ťaťanʒa avanʒa, kŕosna·vaza, kŕosnej ďäťaza. Ńevestaś samaj baslavamsty urńä: [1])

Baslavamaka,
Uχ, avakaj goŕmakaj,
Jatyń ǵeca äŕama,
Jatyń ḿeľeń vanuma,

1) Нижеприведенное причитаніе записано отъ другого лица, а не отъ сообщившаго описаніе всего брачнаго обряда.

Сочти-ка за хорошій, —
Дѣльце не нѣжась сработано,
Дѣло (сработано), не отдыхая.
Повыбрано концомъ иглы,
На побрякушкѣ бито [1]).

И положитъ на плечи дружки полотенце. Дружки выйдутъ изъ за стола, начнутъ запрягать пару лошадей, а невѣсту посадятъ за столъ, и ее благословятъ отецъ съ матерью, крестная мать и крестный отецъ. Невѣста во время самаго благословенія причитываетъ:

Благослови-ка меня,
Охъ матушка кормилица,
Жить у чужихъ,
Исполнять волю чужихъ,

1) Съ цѣлью смягчить, сдѣлать мягкимъ (о полотенцѣ).

Jatyń goréń ǵiŕdimä,
Kuč kijavast moľemä.
Baslavamaka,
Uχ, ťäťakaj ďiŕakaj,
Jatyń ǵeca äŕama,
Jatyń ḿeľeń vanuma,
Jatyń goréń ǵiŕdiḿä,
Kuč kijavast moľeḿä.
Baslavamaka,
Kŕesnavińiḿ avińiḿ,
Vaśiń ťelań orčėjńeḿ.
Baslavamaka,
Kŕesnėj ťaťam goŕḿeńeḿ,
Popȯń ǵectä iďijńiḿ.
Baslavaḿiźga, jat lomaťť,
Tyńćińḱ ḿeľeń vanuma,

Переносить укоры чужихъ,
Ходить по дорогѣ, по которой они пошлютъ.
Благослови-ка меня,
Охъ батюшка кормилецъ,
Жить у чужихъ,
Исполнять волю чужихъ,
Переносить укоры чужихъ,
Ходить по дорогѣ, по которой они пошлютъ.
Благослови-ка меня,
Крёстная моя матушка,
Первая одѣвшая мое тѣло.
Благослови-ка меня,
Крёстный мой тятенька кормилецъ,
Выручившій меня изъ рукъ попа.
Благословите меня, чужіе люди,
Исполнять вашу волю.

Tyńćińk koreń ǵirďimä.
B́idi večkemga sajsamiź,
V́eśelgaftyŋk ľićińińk,
Ṕäjdiźiftińk kurǵińińk;
B́idi avečkeź sajsamiź,
B́idi akeľǵeź sajsamiź,
Symyrgaftyŋk ľićińińk,
Avaŕgaftyŋk kurǵińińk.

Baslavamyda ḿäjľä ńevestaś lajšä:

Uška ozan, mon ozan
Ostatkada ťuža eźemńes,
Ťäťkań valdy vaľmaluŋ.
Xyť i ozan, mon ozan,
Pulyksťäŋńim asajsa;
Kurgypotmań aśäjrcä

Переносить ваши укоры.
Если вы берете меня по любви,
Развеселите свои личики,
Настройте на улыбку свои ротики;
Если вы берете меня не любя,
Если вы берете меня не уважая,
Нахмурьте свои личики,
Настройте на слёзы свои ротики.

Послѣ благословенія невѣста причитываетъ:

А ну-ка сяду я сяду
Напослѣдки на желтой лавкѣ,
У свѣтлаго отцова окошка.
Хоть и сяду я, сяду,
Но не возьму своей вышивки на хвостѣ шлыгана,
Не закричитъ при раскрытомъ ртѣ

Mazyj mora valǵijńiḿ.
Proščajťija, proščajťi,
Šabrań uŕkat, uŕińin,
Šabrań aľkat, aľińin,
Tujiḿńiďin moń ḿäjľä,
Iaumńiďin moń ḿäjľä
Prumydyja, prumyda
Ṕŕäväŕńiďin jarcama,
Śäľväťkiďin żiḿiḿä.
B́iďä uľńiń paryńä,
Ľećńeḿeźga paruva;
B́iďä uľńiń apara,
Ľećńeḿeźga aparuu.
Vanyḿiźga, vanyḿiź,
Koda ďäťkam naŕäžyḿiḿ
Koľenkava saťjanca,

Голосокъ мой красивую пѣсню.
Прощайте-ка, прощайте,
Сосѣдскія молодки, мои молодушки,
Сосѣдскіе молодцы, мои молодчики,
Послѣ моего отправленія,
Послѣ разставанія со мной
Соберитесь-ка, соберитесь
Ѣсть кровушку моей головы,
Пить слезушки мои.
Если я была добренькая,
Помяните меня добромъ;
Если я была нехорошей,
Помяните меня зломъ.
Посмотрите, посмотрите,
Какъ отецъ нарядилъ меня
По колѣна въ сафьянъ,

Karksamńiva paŕćijsa,
Čamań ǵälis śäĺv́äcca,
Ḱäv́iŕi pou̯ źäĺv́äcca.
Vanyḿiź ga, vanyḿiź,
Bojaravan, jalǵińin.
Koda javan kuctysta,
Ťiŕiń ďäťkań kuctysta,
Śesty ksnau̯ńiks ḱäv́iŕan,
Ťäťkań ḱijaks jau̯ńiva,
Kačamńiks dy mon ĺiśan
Kafty kośak jutkuva.

Ḿäjĺä ťä·χ́ťiŗ́ť sa·jsyź ńev́e·stańť kafty ṕeĺďä i ĺifcy·ź kardaz ku·ńčkas; o·znofcėź; uŕiďi·v́iś ḱä·ṕiťcyj krandajs äĺi nurc. Ťäχ-ťiŕχńä aŕćiť krugo·mganʒa, v́äśij śťada, ńev́estaś ku·ńčkasa, čė-ŕe·nʒa stra·ftuft, v́äļťäź šyrymka·sa. Ťäχ́ťiŕχńä kuńćiť ḱeťťike·c,

---

По поясъ въ шелкъ,
По лицу въ слёзы,
Въ катящіяся, какъ пуговицы, слёзы.
Посмотрите, посмотрите,
Барышни, подружки.
Когда я уѣду изъ дома,
Изъ отцовскаго дома,
Тогда я покачусь горошкомъ,
По расщелинамъ отцовскаго пола,
Я выйду какъ дымочекъ
Между обоими косяками.

Затѣмъ дѣвушки возьмутъ невѣсту съ обѣихъ сторонъ и выведутъ ее посередь двора; заставятъ помолиться; дружка посадитъ ее въ телѣгу или сани. Дѣвушки станутъ вокругъ нея, всѣ стоя, невѣста посерединѣ, съ распущенными волосами, покрытая

a ńeve·staś ku·ndä ä·jzyst kafty·ń ṕe·ľej, i karḿi· ńeve·staś lajšy·ḿä:

Paśiba tyŋḱ, jalǵińin,
Tuža aŕḱiń ťäjimzyŋk
Śäjiťḱista śalgumzyŋk.
Äŕamńizyŋk äŕada,
Vaśkamńizyŋk vaśkada.
Maštydyja, maštyda
Ťäťaŋk ḿeľest vanuma,
Avaŋk koreń ḱiŕďiḿä.
Mon, jalǵińin, äźiń mašt
Ťäťäń ḿeľeń vanuma,
Avań koreń ḱiŕďiḿä.
Aporava pokórdeź
Bojaravaks moń čyńiḿ,
Voľaks paryks äŕamńiḿ.

ширинкой. Дѣвушки возьмутся рука въ руку, а невѣста уцѣпится за нихъ, и начнетъ невѣста причитывать:

Спасибо, мои подружки, спасибо,
За то, что сдѣлали прекрасную полоску (на руцѣ),
И за то, что частенько ее прокололи.
Живите пока ваша жизнь,
Потѣжьтесь, пока ваша воля.
Умѣйте-ка, умѣйте
Наблюдать волю вашихъ отцовъ,
Переносить укоры вашихъ матерей.
А я, подружки, не умѣла
Наблюдать волю моего отца,
Переносить укоры моей матери.
Не во время обезчестили
Мое дѣвичье времячко,
Мое житье на волѣ и въ добрѣ.

Äľ pačkyďan, jalǵińin,
Ṕŕäń jumama tarkańťij.
Vanydyja, vańyda,
Kovòloų dujä bojaravaks čyḿ.
B́iďī tujä čyń śťamuų,
Učuḿiź ga ḿäḱij,
Bojaravaks čyńizyn.
A b́iďī čy maďīmaų,
Śesta iľīḿiź uča
Bojaravaks čyńisa,
A učuḿiź, jalǵińin,
Uŕiks vardyks čyńisa.

Suva·fcyź ńevestańť sto·ròškas, i son ka·rḿā tosa v́äľťäź aščyḿä, źardy sy i suv́ä ćeŕkovas žèńcχeś; ḿäjľä suv́ä son ga·k i

---

Уже я подхожу, подружки,
Къ мѣсту, гдѣ пропадетъ моя голова.
Смотрите-ка, смотрите,
Въ какую сторону пойдетъ мое дѣвичье житьё.
Если оно пойдетъ на востокъ,
Ждите-ка меня назадъ,
На дѣвичью жизнь мою;
А если на западъ,
То не ждите меня
Въ дѣвичьей жизни,
А ждите меня, подружки,
Въ жизни рабыни[1]).

Невѣсту введутъ въ сторожку, и она будетъ сидѣть тамъ покрытой, пока не придетъ и не войдетъ въ церковь женихъ; потомъ войдетъ и она, и ихъ повѣнчаютъ. Когда войдутъ въ домъ,

---

1) Значеніе словъ uŕä и varda разсказчику неизвѣстно, uŕiks переводятъ въ снохи (вм. urvaks), а vardyks въ лѣнтяйки. Varda значитъ, будто, дикій человѣкъ. Nuźaks varda лѣнтяй. Vardyń śura: чортовъ камень, чортовъ палецъ.

venča·syź. Kyda syť kudu·u, oďeŕvańť ara·fcyź ṕećka i·kiľij, zaslo·-néńt pa·nčcyź. Oďe·rvaś tozė·ń va·rčtä; ťe·stėń sva·χa sajsyj i kaja·syj karc. Kyda· oďe·ŕvańť äjsa v́eťe·t, a ḿiŕďiš uš to·sa učä·. Koda·k v́cťasyź ǩä·ŋkšyńť laŋks, oďe·ŕvaś ku·ndä v́eŕći košaky·ńťi. Ťev́eľďä karḿiť tolka·ďiḿińʒa uda·lda i śäŕǵi·ďiť ḿiŕďi·ńťi: «v́äŕ-ǵi·z, v́äŕǵi·z, na ťäť ŕev́ä». Še tovôlda ku·ndasy·j ṕäǩinučk i usksy·j tou. Ḱäŋkšyńť śolksėź i ka·cyź. Kandy·ť ťäst to·zėń jajišńi·ća i ćela sa·raz i v́i·na. Ḿäjľä syť soda·ftyćat ťäχťiŕť i marystćo·rėńä. Ćo·rėńeś śäŕǵiďä: «maďida kavyńińǩ, śťada ko·lmóńeńǩ». Ńeť pa·n-žyť i maksy·ť ťänʒa ťŕo·šńeǩ, a syńć śťiť, suv́iť kuc i karḿiť gu-ľä·jama. Ťäχťiŕχńä ozėť stoľe·kšc, žėńcχcś kavańa·syńʒä, i tuji·ť ťäχťiŕχńä aŕχńi·ḿä, a ťe·sa karḿi·ť śukyńa·fńiḿä.

молодушку поставятъ передъ печкой, а заслонъ откроютъ. Невѣста посмотритъ туда; оттуда сваха возьметъ её и введётъ въ хлѣвъ. Когда въ него поведутъ невѣсту, женихъ уже ждетъ тамъ. Когда ее приведутъ къ дверямъ, молодушка берется за верхній косякъ. Сзади ее начинаютъ толкать отсюда (съ улицы) и кричатъ мужу: «волкъ, волкъ, на тебѣ овцу». Онъ беретъ ее оттуда поперекъ живота и втаскиваетъ туда. Дверь притворятъ и оставятъ ихъ. Принесутъ имъ туда яичницу и цѣлую курицу и вина. Потомъ приходятъ посмотрѣть дѣвушки и съ ними мальчикъ. Мальчикъ кричитъ: «ложитесь вдвоемъ, встаньте втроемъ». Тѣ отворятъ и дадутъ ему копейку, а сами они встанутъ, войдутъ въ избу и начнутъ веселиться. Дѣвушки сядутъ за столъ, женихъ угощаетъ ихъ, и отправятся дѣвушки кататься, а тамъ начнутъ заставлять кланяться[1]).

---

1) Т. е. заставятъ жениха поклониться тещѣ въ ноги и сказать «пасиба тейтерезэт» (спасибо тебѣ за твою дочь). И еще кой-кому заставятъ поклониться, а именно невѣстину отцу, крестному и крестной. Если женихъ глупъ, (молодъ, неопытенъ), онъ продѣлаетъ все, что ему велятъ, а сами они надъ нимъ смѣются. *Прим. одного изъ слушателей.*

Ńevestańt avaŕkšńima[1]).

Ḿäźiń źäťca mon ašťan,
Ḿäźiń źäťca mon ǵiŕďan?
Ḱäfť kävińdaśť śäďijzyn,
Nart naryjaśť potmózen.
Śe śäďijsyńť mon ašťan,
Śe śäďijsyńť mon ǵiŕďan.
Zoŕa zoŕa zoŕeńä,
Zoŕa valda ťäšťińä.
Koda javä ťäšťimiś,
Javä valdy zoŕadyńť,
Zoŕa javä ťäšťidińť,
Iśťa javan, mon javan
Bojaravaks čyńidin,
Voľaks paryks äŕamdyn.

1) Записано отъ женщины лѣтъ 35.

Плачъ невѣсты.

Въ какомъ сердцѣ я нахожусь,
Въ какомъ сердцѣ я терплю?
На мое сердце тяжело легли камни,
Въ мои внутренности залегъ подорожникъ.
Въ такомъ сердцѣ я нахожусь,
Въ такомъ сердцѣ я терплю.
Заря заря, зорюшка,
Заря, свѣтлая звѣздочка.
Какъ уходитъ звѣздочка,
Уходитъ отъ свѣтлой зари,
Заря уходитъ отъ звѣздочки,
Такъ я ухожу, я ухожу
Отъ моихъ дѣвичьихъ деньковъ,
Отъ житья на волѣ и въ добрѣ.

Bojaravan, jalǵińin,
Äŕamńizyŋk äŕada,
Vaśkamńizyŋk vaśkada.
Maštydyja, maštyda
Täťkań ḿeľńeń vanuma,
Au̯kań koŕeń ǵiŕdʹimä.
Iľiŋkaja pokordaft
Aporava tyŋk čyńińḱ,
Voľaks paryks äŕamńińḱ.
Mon, jalǵińin, äźiń mašt
Täťäń ḿeľeń vanuma,
Au̯kań goŕeń ǵiŕdʹimä.
Aporava pokordeź
Bojaravaks moń ǯyńim,
Voľaks paryks äŕamńim.
Puvi varmaś puaza,

Барышни мои подружки,
Живите пока ваша жизнь,
Потѣжьтесь, пока ваша воля.
Умѣйте-ка, умѣйте
Наблюдать волюшку отца,
Переносить укоры матери.
Вы не обезчестьте
Не во время своего времячка,
Своего житья на волѣ и въ добрѣ.
Я, подружки, не сумѣла
Наблюдать волю отца,
Переносить укоры матери.
Не во время обезчестили
Мое дѣвичье житьеце,
Мое житье на волѣ и въ добрѣ.
Пусть дуетъ дующій вѣтеръ,

Kandy varmaś ḱandyza,
Ograd b́eľeu̯ puaza,
Ograd b́eľeu̯ kandyza,
Säťḿińista puaza,
Säťḿińista kańdyza,
V́eŕga ťikšy ṕiŕava
Alga čačy modava,
Ṫikšy ṕiŕäń čėŕkaftyź,
Moda puľńiń syrgaftyź.
Tosy uľiť moń, uľiť
Moń bokšťeńeḿ bab́ińiḿ,
Moń rođńeńen, raskińin.
Bojaravat jalǵińin
Äś poravan kaduv́iť,
Syń äśťiďin v́iškińiť.
Ṕižymazyj duǵińin,

Пусть несетъ несущій вѣтеръ,
Пусть дуетъ въ сторону ограды,
Пусть носитъ въ сторону ограды,
Пусть дуетъ потихоньку,
Пусть несетъ потихоньку
По верху по верхушкамъ травъ,
По низу по родящей землѣ,
Колыхая верхушки травъ,
Поднимая земляную пыльцу.
Тамъ есть у меня, есть
У меня дѣдушка, бабушка,
У меня родственники, свойственники.
У меня подружки дѣвицами
Остаются въ моемъ возрастѣ,
Онѣ помоложе меня.
Мои молоденькія красивыя подружки,

Prumydyja v́ätarkas,
V́ä dumńisa dumama,
V́ä valnysa kor̤tàma.
Maksydyja mońäńgak
Kaŕǵińiška tarkińä,
Kojḿilaŋga modėńä.
Čamańgoŕas maksyda
Grušyńiška ḿäńiľńä.
Sajiḿiźga tyń mońgak
Alyŋk alksyń acama,
Ṕŕalyŋk ṕŕalksyń butuma.
B́iďi iśťa apara,
B́idi iśťa ńäḿila,
Prumydyja, prumyda
Ṕŕäjumama tarkazyn
Pŕäv́äŕńidyn jarcama,

Соберитесь-ка въ одно мѣсто
Подумать одной думушкой,
Поговорить однимъ словечкомъ.
Дайте-ка и мнѣ
Мѣстечка съ лапотный слѣдъ,
Землицы съ лопату.
Дайте противъ лица
Съ грушу небушко.
Возьмите-ка вы и меня
Стлать подъ васъ постель,
Класть подъ ваши головы подушки.
Если такъ не хорошо,
Если такъ не мило,
Собирайтесь-ка, собирайтесь
На мѣсто моей гибели
Ѣсть мою головную кровь,

Śäľv́äťḱidīn źiḿiḿä.
Vanydyja, vanyda,
Bojaravan, jalǵińin:
Ťev́eľďäjak ṕiźiḿ b́äľ,
Tovȯldy jak ṕiźiḿ b́äľ,
Äľ vasyďiť karčyzyst.
Karakarča vasyďiť,
Śäjŕi blagyj buŕǵińä,
Ľeccä ţäťkań kudynʒa,
Sajsy kucty mazynʒa.
Panǯydyja, panǯyda,
Bojaravan, uŕińin.
A panǯuv́i tyŋḱ ḱäŋkšḱińḱ,
Apanǯuv́iks tyŋḱ ḱäŋkšḱińḱ.
Kafty jaḱi ṕiľǵin: mašćť
Ṕiľksta ṕiľǵi mоń v́ijńin.

Пить мои слезочки.
Смотрите-ка, смотрите,
Барыньки мои, подружки:
И съ этой стороны дождевая туча,
И съ той стороны дождевая туча.
Чуть не встрѣчаются другъ съ дружкой.
Встрѣтятся другъ съ дружкой,
Закричитъ злой громъ,
Стрѣльнетъ въ домъ отца (моего),
Возьметъ изъ дома его красоту.
Отоприте-ка, отоприте,
Барыньки мои, спошки.
Не отворяется ваша дверь,
Не отворяющаяся ваша дверь.
Обѣ ходящія мои ноги: исчезли
Мои ножныя силушки съ ногъ.

Kafty kundy moń ǵedńen
Ḱecty keď syń akundyť.
Apanǯuvi ťäń käŋkšḱińḱ
Apanǯuviks ťäń käŋkšḱińḱ.
Uχ, avakaj, gořmakaj,
Uχ, avakaj, ďiŕakaj,
Jaḱiń, aukaj, gořmakaj,
Jaḱiń gardaz jurt ḱivaŋk[1]),
Ćurkaŋk palkaŋk vannuma,
Śtroäń strojnaŋk vannuma,
Sťady soškaŋk lounoma.
Ťiŕiń ďätkań gardajsa
Ńiľiń ǵäḿiń v́ä soška.
[2]) Vaśiń śťaftuf soškaza,
Putuf olgy plastyza,

1) Kardazjurt—мѣсто двора, похожее на дворъ, дворъ.
2) Здѣсь невѣста обращается къ первой сошкѣ и пласту соломы.

Обѣ берущія мои руки
Не могутъ взяться рука за руку.
Не могу отворить я вашу дверь,
Не отворяющаяся для меня ваша дверь.
Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Я ходила, матушка кормилица,
Я ходила по вашему двору
Смотрѣть на чурки и палки ваши,
Смотрѣть на ваши строенія,
Считать стоящія сошки ваши.
На дворѣ кормильца отца
Сорокъ одна сошка.
Спачала поставленная его сошка,
Спачала имъ положенный пластъ соломы,

Bojaravaks moń ǯyńiḿ,
Voľaks paryks äŕamńiḿ,
Śesa aščä paľasa,
Son valaźa ṕiŕasa.
Čamań ǵäľis śäľv́äcca.
Koṛtan, maryn akoṛtä,
Ḱed́eḿ v́äńf́t́an, asatä,
Surb́iŕińin atok̓et́.
Iśt́a javan čyńid́in,
Voľaks paryks äŕamdyn.

Дѣвичья моя жизнь,
Житье на волѣ и въ добрѣ,
Здѣсь сидитъ въ рубашкѣ,
Она съ гладкой головой,
Она съ лицомъ въ слезахъ.
Я говорю, она со мной не говоритъ,
Протягиваю свою руку, не хватаетъ,
Кончики пальцевъ не касаются,
Такъ я разсталась съ жизнюшкой,
Съ житьемъ на волѣ и въ добрѣ.

Б. Сухой Карбулакъ.

Васьня женихиньть родэнѕы, нилишка ломань, молеть покш кудакс невестаньтинь. Кармить чийсиманѕы, чиясызь. Мельи невестаньть родэнѕы молеть женихиньть кудынѕы ванума, тосы аламуды симить. Мельи женихиньть родэнѕы саить пряка и кафты бутулкат вина и молеть невестаньтинь, озэть эземь бряс и кармить питьни ладяма. Ладить питьни, кирвастить сьвеча, стить и веси кармить чекама. Бути невестаньть мелест максумс, то невестаньть тятязы эль лялязы саи пардама, тейсы кольцякс и се кольцяньтинь веси роттны куньцить и кармить кафты

Б. Сухой Карбулакъ.

Сначала родственники жениха, человѣка съ четыре, пойдутъ въ качествѣ сватовъ къ невѣстѣ. Будутъ сватать ее, просватаютъ ее. Потомъ родственники невѣсты пойдутъ смотрѣть домъ жениха, тамъ немного попьютъ. Затѣмъ родственники жениха возьмутъ пирогъ и двѣ бутылки вина и пойдутъ къ невѣстѣ, сядутъ впередъ и начнутъ рядить кладку. Порядятъ кладку, зажгутъ свѣчу, встанутъ, и всѣ начнутъ креститься. Если у нихъ есть желаніе выдать невѣсту, то отецъ или старшій братъ невѣсты возьметъ полотенце, свернетъ его кольцомъ, и за это кольцо ухва-

бутулкасы винаньть симиме. Симсызь зе винаньть и туить женихиньтинь зимиме. Кода роттны ащить куньцизь пардамусыньть, се шкаиьть женихиньть авась и невестаньть авась полафтыть прякат колмксть истя: женихиньть авась прякаиьть максы верьга, а невестаньть авась алга. Ве чавы бутулканьть женихтнь роттны сайсызь мекеў, а вейкень гацызь невестаньтинь. Невестаньть ялганзы пурнавить, сайсызь циямы алашаньть и туить эйсэнзы арьтьниме, куля полдама. Сыть тейтерьтьни арьтьнимсты и се алашаньтинь ойсеть суватт сувахат и туить женихиньтинь зимиме, а женихиньть кецты тагы невестаньтинь. Мельи теевть вечеренкат: женихись рамси гостенецьть, сай вина и туи чокшни невестаньтий. Невестаньть пурнавить ялганза. Мельи невестаньть марты женихись озэть эземь бряс столь экшс и кармить ярцамы симиме. Мельи пурнавить одзёратьни и оддейтерьтьни и кармить морамы и киицимe. Ней вечеренкасы веси морэтьни рузынь.

тятся всѣ сродники, и станутъ пить вино изъ двухъ бутылокъ. Выпьютъ это вино и пойдутъ пить къ жениху. Пока сродники сидятъ, ухватившись за полотенце, въ это время мать жениха и мать невѣсты смѣняютъ трижды пирогъ слѣдующимъ образомъ: мать жениха отдаетъ пирогъ по верху, а мать невѣсты по низу. Одну пустую бутылку сродники жениха возьмутъ съ собой обратно, а другую оставятъ невѣстѣ. Соберутся подруги невѣсты, возьмутъ лошадь, на которой пріѣхали сватать, и поѣдутъ на ней кататься, пускать слухъ (по селу). Вернутся дѣвушки съ катанія, и на эту лошадь сядутъ сваты и свахи и отправятся къ жениху пить, а отъ жениха опять къ невѣстѣ. Потомъ устроятъ вечеринку: женихъ купитъ гостинцевъ, возьметъ вина и вечеромъ пойдетъ къ невѣстѣ. Соберутся подруги невѣсты. Потомъ женихъ съ невѣстой сядутъ впередъ за столъ, и начнутъ ѣсть и пить. Потомъ соберутся парни и дѣвушки, и начнутъ пѣть и плясать. Теперь на вечеринкѣ всѣ пѣсни русскія.

Ютыть зярыяк чить, и женихиньть тятянѕы и аванѕы и родэнѕы молеть питьнинь гандума. Питьпинь гандумсты женихиньть тятясь авась и роттны вешеть невестаньть кецты казьнить. Женихиньть тятяньтинь банар, аваньтий зарахатт, а женихиньть роттнэнень, гонанинь бонкст, конанинь банар, зарахатт, рукават. Сайсы невестась питьнипьть и туи казьнинь рамсими и весп стакшпысыпьѕе; соняпѕы пособлеть ялганѕа. Ютыть кафтынка чи, женихиньть тятянзы аванѕы сапть пряка, бутулка вина, кильдить алаша и туить чинь бутума. Пурнавить невестаньть ялганѕы и туить чинь бутумы алашасыньть арьтыпме. Сыть тейтерьтыи артьнимста, женихиньть тятятьни аватьни полаўсызь сыньцист пряканьть невестаньть тятятьнинь аватьнипь бряка лангкс и туить. Аньцикь сыть женихиньть тятянѕы аванѕы чинь бутумста, пурнавить родэст, кандыть роттны почт, ямкст, сывиль, алт и кармить лукшынь дееме. Ве курыпкь теетъ покш. Покш курыпкиньтинь бутыть вейксы вещ: почт, сал, ой, гаша,

---

Пройдетъ сколько-нибудь дней, и жениховы отецъ, мать и сродники пойдутъ относить кладку. Принеся кладку, жениховы отецъ, мать и сродники просятъ отъ невѣсты даровъ. Женихову отцу рубашку, матери сарафанъ, а жениховымъ сродникамъ кому штаны, кому рубашку, сарафанъ, рукава. Возьметъ невѣста кладку, и пойдетъ накупать подарковъ и сошьетъ все; ей пособляютъ подруги. Пройдетъ дня два, жениховы отецъ и мать возьмутъ пирогъ, бутылку вина, запрягутъ лошадь и отправятся назначать день. Соберутся подруги невѣсты, и отправятся кататься на лошади. Когда дѣвушки вернутся съ катанія, отецъ и мать жениха смѣнятъ свой пирогъ на пирогъ невѣстиныхъ отца и матери и уйдутъ. Лишь только жениховы отецъ и мать вернутся послѣ назначенія дня, соберутся ихъ родственники, принесутъ сродники муки, крупы, мяса, яицъ и начнутъ готовить «лукши» (круглые пироги съ начинкой). Одинъ пирогъ съ начинкой сдѣлаютъ большой. Въ большой пирогъ положатъ девять

сывиль, алт, пачалксить, чурька, картуха. Покш курникиньть лангынѕы паряжасызь минекс цюныкс. Покш курьникиньть лангкс сялгить паряжазь дарад и курьникиньть карксасызь ленкса. Те покш курьникиньть лемезы лукша. Лукшынь деемсты паряфнить ве мора каўксть:

Перьть перьть благый бурьгине,
Уш перьть ёнкски пурьгине,
И серьгедеть верьгедеть,
Каракарчы васыдить.
Кинь гудыньть сынь зерьгэтцезь,
Гинь гудыньть сынь верьгэтцезь?
Дригань [1]) гудыньть серьгетцэзь,
Дригань гудыньть верьгетцэзь.
Попаў, бонаў гилийне,

1) Имя женихова отца.

предметовъ: муку, соль, масло, кашу, мяса, яйца, блины, лукъ, картофель. Верхъ большого пирога раскрасятъ повсячески. Сверху большого пирога воткнутъ раскрашенный прутикъ, а опояшутъ пирогъ лыкомъ. Названіе этого большого пирога лукша. Готовя лукшу, пропоютъ (торжественно) дважды одну пѣсню:

Со всѣхъ сторонъ злой громъ,
Ужъ со всѣхъ сторонъ молнія,
И закричатъ и блеснутъ,
При встрѣчѣ соединятся.
На чей домъ они закричатъ,
Чей домъ они освѣтятъ?
Они закричатъ на Григорьевъ домъ,
Они освѣтятъ Григорьевъ домъ.
Кудрявая, кудрявая березка,

Седияк бонаў гилийне
Дрига атянь икиле,
Сиянь баяг' эйсэнза.
Пижынь рисьмини вельди
Вачкитьцыникь баяганьть.
Туи родга племава,
И патява сазырга.

Мельи паряфнисызь теки жа паряфнимапьть. Аньцяк паряфнимсты лецьтясызь авуль женихньть тятяньть, а невестаньть тятяньть.

Перьть, перьть благый бурьгипе,
Уш перьть ёнкски пурьгине,
И серьгедеть верьгедеть,
Каракарчы васыдить.
Кинь гудыньть сынь зерьгетцэзь?

Очень кудрявая березка
Передъ старикомъ Григоріемъ,
На ней серебряный колоколъ.
За мѣдную цѣпочку (дернувъ),
Мы ударимъ въ колоколъ.
Разойдется (звукъ) по роду и племени,
По теткамъ и сестрамъ.

Затѣмъ (торжественно) поютъ эту же пѣсню. Но при пѣніи помянутъ не женихова отца, а невѣстина.

Со всѣхъ сторонъ злой громъ,
Ужъ со всѣхъ сторонъ молнія,
И закричатъ и освѣтятъ,
При встрѣчѣ соединятся.
На чей домъ они закричатъ?

Гинь гудыньть сынь верьгетцэзь?
Дёмань гудыньть серьгетцэзь,
Дёмань гудыньть верьгетцэзь.
Дёма атянь икиле
Голэй, голэй гилийне.
Седияк голэй гилийне
Дёма атяньть икиле.
Голэй, голэй гилийсыньть
Сёвонень до баяга.
Ленти лутки вельди
Вачкидикшнызь баяганьть.
Тусь чувашга татарга,
Тусь апак лемть ломаньга.

Лукшыдыньть мельн теетъ тейтерень гжы. Тейтерень гжысь авуль бокш и тараткись лангксынѕы вишкине.

Чей домъ они освѣтятъ?
Они закричатъ на Дементьевъ домъ,
Они освѣтятъ Дементьевъ домъ.
Передъ старикомъ Дементіемъ
Голая, голая березка.
Совсѣмъ голая березка
Передъ старикомъ Дементіемъ.
На голой, голой березѣ
Глиняный колоколъ.
За шкурку съ лыка (дернувъ),
Ударили въ колоколъ.
Разошелся (звукъ) по татарамъ и чувашамъ,
Разошелся по некрещенымъ людямъ.

Послѣ лукши готовятъ (сладкій) пирогъ для дѣвушекъ. Пирогъ для дѣвушекъ невеликъ, и прутикъ на немъ маленькій.

Тейтерснь гжыдынть мельн теегь сувахань гедьги.

Лукшытьни тееветь, женихнсь тарги колмы четверьть вина, суваштыть кудыньтнињ колмы стольть. Ойсеть женихнињ родьнятьни столь экшс, симсызь беленэы винаньть и кармить урдиввињ бурнама. Пурныть урндиў и кармаўсызь сонэы вина яўшымн эземь брясы столеньтей. Мельн пурныть урндивиньть ялга и кармаўсызь сонэы керчпели столеньтень вина яўшыме. Симсызь и срадыть.

Омбоци валцкиньть стить и кармить поездэнь бурнама. Кажный родэсь кильди алаша, ата парый, ата кафты кудыс ве пара. А кажный авась канды кудань бряка. (Женихвнь роттнэн[1]) лемест кудат). Поездэньть пурнамсты кин васиньцикс арды женихиньть кардайс, сенень вина цярка. Кода кудатьнињ поездэст пурнаве, сынь гучить ве пара невестань родэньть пурнама. А урндивись туи орта идиме. Аньцяк невестаньть ялганэы тейтерьтни

1) родьнятьнинь.

После пирога для дѣвушекъ готовятъ небольшой пирогъ для свахъ.

Когда лукши будутъ готовы, женихъ вытащитъ три четверти вина, въ избу внесутъ три стола. Родственники жениха сядутъ за столы, выпьютъ половину вина и начнутъ выбирать дружку. Выберутъ дружку и заставятъ его разносить вино переднему столу. Потомъ выберутъ дружкѣ товарища и заставятъ его разносить вино заднему столу. Выпьютъ и разойдутся. На слѣдующее утро встанутъ и начнутъ собирать поѣздъ. Каждый родственникъ заложитъ лошадь, а то пару, а то одну пару съ двухъ домовъ. А каждая женщина принесетъ пирогъ для сватовъ. (Сватами называются родственники жениха). Когда собирается поѣздъ, кто первымъ прискачетъ во дворъ жениха, тому чарка вина. Когда соберется поѣздъ сватовъ, они посылаютъ одну пару лошадей собирать родственниковъ невѣсты. А дружка отправляется выручать ворота. Лишь только дѣвушки, невѣстины подруги, уви-

несэзь, шты урдивись арды орта идиме, пекстасызь ортаньть и нежатьцызь. Урдивись максы тейтерьтьпенень гемснь эль геветеп трюшнинь п тейтерьтьпп ортаньть паньчсызь. Суви урдивись невестаньть кардайс п озафты тосты кафты ават, невестань ротт, конатьнинь гучсызь женихинь банарышь гандума. Ускcыньsи урдивись панарынь гандыця аватьнинь; женихись тарги зяры як вина, и аватьни веньчамы панарынsы ппгксэнsы макссызь. И урдивись се аватьнинь усксыньsи мекеў. Невестаньть родэнsы весп кандыть сюкурт и вачкасызь невестаньть сундукс, сундукуньть лапкс пуцызь тейтереньть ацамунsы и ацамутьнинь лапкс озафтыть пакша. Пурнавить весп кудатьпп женихиньтинь, кармить обедама. Кудатьни обедэть, а седи сыри аватьнп паряфпить:

Ярцады, кудат, ярцада,
Ярцады, андат, ярцада.
Вачи пекенк тынь пещенькь,

дятъ, что дружка скачетъ выручать ворота, они запрутъ ворота и подопрутъ ихъ. Дружка дастъ дѣвушкамъ десять или пятнадцать копеекъ, и дѣвушки отопрутъ ворота. Дружка войдетъ во дворъ невѣсты и посадитъ оттуда двухъ женщинъ, родственницъ невѣсты, которыхъ пошлютъ отнести женихову рубашку. Дружка привезетъ женщинъ, относящихъ рубашку; женихъ вытащитъ сколько нибудь вина, и женщины дадутъ ему вѣнчальные рубашку и штаны. И дружка привезетъ этихъ женщинъ обратно. Всѣ родственники невѣсты принесутъ лепешки и наложатъ въ сундукъ невѣстинъ, на сундукъ положатъ дѣвичью постель и на постель посадятъ ребенка. Всѣ сваты соберутся къ жениху и начнутъ обѣдать. Сваты обѣдаютъ, а наиболѣе старыя женщины поютъ (торжественно):

Кушайте, сваты, кушайте,
Кушайте, сродники, кушайте.
Наполните свои голодные животы,

И симиманк явафтынкь.
Покш пакслянь дрокс ардумста,
Тикшынь дикшынь лоўнэнкь,
Кафтынь гафтынь ѕётэнкь.
Кона тикшысь ськамунѕа,
Се тикшыниньть сезенькь,
Той боцьказынк тынь каинькь.
Покш виринь дрокс ардумста,
Чуфтынь цуфтынь лоўнэнкь.
Кона чуфтысь лишныйне,
Кона чуфтысь ськамунѕа,
Се чуфтыниньть тынь керенькь,
Той боцьказынк тынь каинькь.
Покш веленъ дрокс ардумста,
Кудынь гудынь тынь лоўнэнкь,
Кафтынь гафтынь тынь ѕётэнкь.

И утолите свою жажду.
Ѣдучи черезъ большое поле,
Пересчитайте по травинкѣ,
Пересчитайте по двѣ.
Которая трава одна,
Эту травку сорвите,
Бросьте ее въ бочку съ лукшей.
Ѣдучи поперекъ большого лѣса,
Пересчитайте по деревцу.
Которое дерево лишненькое,
Которое дерево одно,
Это деревцо вы срубите,
Бросьте его въ бочку съ лукшей.
Ѣдучи черезъ большую деревню,
Пересчитайте по домику,
Пересчитайте вы по два.

Кона кудысь лишньйне,
Кона ́кудысь ськамунꙁа,
Се кудыштинь зувада.
Уш се кудынь ломатьнинь
Вейти-вейти тынь лоўпэнгкь,
Кафтынь гафтынь тынь ꙁётэнгкь.
Кона ломаньць лишньйше,
Кона ломаньць ськамунꙁа,
Се ломанивьть тыль сашькь,
Нурды (крандаз) потмаксс тынь каннькь,
Кудуў гауў тынь ускинькь.
Уридиў аля, кичаля,
Сайть топ пары ава,
Сайть тон мазый ава.
Бути саят пары ава,
Бути саят мазый ава,

Чей домъ лишненькій,
Чей домъ одинъ,
Въ этотъ домъ зайдите.
Ужъ вы людей этого дома,
Пересчитайте вы по одному,
Пересчитайте вы по два.
Который человѣкъ лишненькій,
Который человѣкъ одинъ,
Того человѣка вы возьмите,
Внутрь саней (телѣги) вы бросьте,
Домой вы отвезите.
Дружка, молодецъ, добрый молодецъ,
Возьми ты добрую женщину,
Возьми ты красивую женщину.
Если ты возьмешь добрую женщину,
Если ты возьмешь красивую женщину,

Чефти тодоў уш алыт,
Парьцпй гушак уш перькат,
Кримскый цапка уш прязыт.
Бути саят беряшне,
Бути саят амазый,
Сеелень гедь уш алыт,
Кирмалаў цапка прязыт.

Кода кудатьпи обедэть, а бабатьни паряфпить, се шканьть тейтерьтьпи ойсы вадьпить кудатьпишь бряст и сакалыст и судрпть. Кода женихиньть роттнэ обедэть, се шкапьть невестаньть родэпзы паряжыть невестаньть венець алуў; паряжасызь, озаўсызь пецька икилпў и пурпыть кафты урьвалят. Урьвалякс пурпыть вейкекс роднэй ляля, а омбоцекс малавикс родьпянь, авуль зырп цёра. Урьвалятьни молеть пецька икилпў невестаньть пацясы вельтямунза. Невестась урьвалятьпинь гасьсыньзи пацяса.

То ужъ мягкую подушку подъ тебя,
Шелковый кушакъ вокругъ тебя,
Красную шапку тебѣ на голову.
Если ты возьмешь плохую,
Если ты возьмешь некрасивую,
То уже ежовую шкуру подъ тебя,
Репейную шапку тебѣ на голову.

Въ то время какъ сваты обѣдаютъ, а старухи поютъ, дѣвушки мажутъ головы и бороды сватовъ масломъ и расчесываютъ ихъ. Въ то время какъ обѣдаютъ родственники жениха, родственники невѣсты наряжаютъ ее подъ вѣнецъ; нарядятъ, посадятъ передъ печкой и выберутъ двухъ шаферовъ. Шаферами выбираютъ — однимъ родного брата старшаго, а другимъ близкаго родственника, нестараго мужчину. Шафера идутъ передъ печку накрыть невѣсту платкомъ. Невѣста подаритъ шаферовъ платками. Ша-

Урьвалятьпи каить невестаньть прява паця; невестась поцкоўсы прястынѣы пацяньть и кармп урьниме:

Кафты боярт, лялинин,
Тынь иляды пепяця
Седи ламы казьпи лаикс.
Илянк кая, лялинин,
Чакш павипиньть прязып.
Эзень донатт, лялякай,
Чакш пацясы якама.
Эзень донатт, лялинин,
Чакш пацясы якама.
Тонадынь мон, лялякай,
Валапя прянь гандума
Ветекс кодань булыса,
Павань долга цёкоса.

фера накинутъ платокъ на голову невѣсты; невѣста сдёрнетъ платокъ съ головы и начнетъ вопить:

Оба господина, мои братцы,
Вы не пеняйте
На большіе подарки.
Не накидывайте, мои братцы,
Горшечную тряпочку на мою голову.
Я не научилась, братецъ,
Ходить въ горшечной тряпкѣ.
Я не научилась, мои братцы,
Ходить въ горшечной тряпкѣ.
Я выучилась, братецъ,
Ходить съ гладкой головой,
Въ косѣ, въ пять прядей сплетенной,
Въ кисти, какъ павлиное перо.

Мельи урьвалятьни сайсызь невестаньть кафты пельди и кан-цызь эземь бряс. Эземь брясы невестаньть тятянѕы аванѕы баславасызь, и урьвалятьни сайсызь даги и озаўсызь невестаньть бокасы эземс.

Се шкастыньть сы женихнинь бельди поезд. Аньцяк женихнинь боездэсь суви невестаньть кардайс, лисить тейтерьть, невестаньть ялганѕы, и кармить паряфниме[1]):

Ваны сыть уш куданык,
Ваны сыть уш анданык.
Мекс куданык раужыт,
Мекс анданык амазыйть?
Састь луткува латкува,
Рузынь галмы юткува.
Мода пульни вальшьѕе,
Кулуў бульни санньѕе.

1) Мотивъ приведенъ ниже.

Потомъ шафера возьмутъ невѣсту съ двухъ сторонъ и отнесутъ напередъ. Напереди отецъ и мать невѣсты благословятъ ее, и шафера возьмутъ опять и посадятъ невѣсту на боковую скамейку (лавку).

Въ это время со стороны жениха пріѣдетъ поѣздъ. Лишь только жениховъ поѣздъ въѣдетъ во дворъ невѣсты, выйдутъ дѣвушки, невѣстины подруги, и начнутъ пѣть (торжественно):

Вотъ уже ѣдутъ сваты,
Вотъ уже ѣдутъ сродники.
Отчего сваты черные,
Отчего сродники некрасивые?
Они пришли по оврагамъ и баракамъ,
Между русскими могилами.
Ихъ засыпала земляная пыль,
Ихъ покрыла золяная пыль.

Сувить женихинь родэсь, ускить мартыст вейксы прякат. Покш лукшынь гурьникиньть максссызь невестаньтинь (невестаньть кис сайсы аваза); сувахань гедьгиньть максссызь невестань аваньтинь, максыть тензы пцо пельбутулка вина ды кал, и мереть: «ну, сувахай, пень бурныть», и сон бурнасыньsе. Мельн женихиньть авась сайсы тейтерень гжыньть, сан кедезэнзы вина цярка, вина цярканьтинь нолды ярмак, моли невестаньть пелеў. А тейтерьтьни, невестаньть ялгатьни, женихиньть аваньть а полдасызь невестаньтинь. Сыпь арыть невестаньть икилиў. И женихинь авась карми тейтерьтьнень баряфнимаст:

Боярават, тейтерьнеть,
Азырават, тейтерьнеть,
Якстирь' пильги гулькинить,
Латы крапнь мазыйнить,
Латы лапгышь зяпават,

Войдутъ жениховы родственники, привезутъ съ собой девять пироговъ. Большой пирогъ дадутъ невѣстѣ (вмѣсто невѣсты его возьметъ ея мать); ручной пирогъ свахи дадутъ матери невѣсты; дадутъ ей еще полбутылки вина и рыбу и скажутъ: «ну, сваха, припрячь это», и она уберетъ. Потомъ женихова мать возьметъ дѣвичій хлѣбъ, возьметъ въ руки чарку вина, опуститъ монету въ чарку вина, пойдетъ въ сторону невѣсты. А дѣвушки, невѣстины подружки, не пустятъ жениховy мать къ невѣстѣ. Онѣ станутъ передъ невѣстой. И женихова мать начнетъ пѣть, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Барышни, дѣвушки,
Сударушки, дѣвушки,
Красноногія голубки,
На краю крыши красивыя,
На крышѣ ласточки,

Арчиловопь датушкат,
Валаня пря цянават,
Ногай локшы пулынить,
Павапь долга цёкенеть.
Муравлиный здолбепеть,
Кафтуў банцма ортэпеть,
Панцувуда кафтуў,
Арады як кафтуў,
Нолдамизь гак, нолдамизь
Бояраваньть пкилиў,
Азыраваньть пкилиў,
Тынь цопода лафканьтий —
Питьний зицыньть ванума,
Тапарксыньть уш ванума.
Кона сицыньть киса минь,
Кона косякыньть киса

Арчиловскія игрушки,
Съ гладкой головкой ласточки,
Съ хвостикомъ въ видѣ ногайской плети,
Съ кистями, какъ павлиное перо.
Муравлёные столбики,
На двое отворяющіяся воротишка,
Отопритесь надвое,
И станьте надвое,
Пустите-ка меня, пустите
Передъ барыню,
Передъ сударыню,
Вы въ тёмную лавку —
Посмотрѣть на дорогой ситецъ,
Посмотрѣть на тюкъ.
За какой мы ситецъ,
За какой тюкъ

И сядыса капнякь,
И кафтыса макссынякь.
Се косякынь ванца,
Сицынь приметаса.
Боярава, тон Дарья!
Азырава, тон Дарья!
Бути улят мельваный,
Бути улят корцкирьдий,
Улят бояраваньк,
Улят азыраваньк.
Кувак' ажьяс кильтядызь,
Алуў бант тонь баньтядызь,
Леўшэнь локшсы чафтадызь.
Буть' а кармат мель ванма,
Буть' а кармат кор ӣрьдьме,
Томбам' ланксы псакапык,

Мы и сотней оплачивали,
И по двѣ отдавали.
Я посмотрю этотъ тюкъ,
Ситецъ замѣчу.
Барыня ты, Дарья!
Сударыня ты, Дарья!
Если ты будешь угождать нашему праву,
Если ты будешь терпѣть укоръ,
Ты будешь нашей барыней,
Ты будешь нашей сударыней.
Тебя запрягутъ въ длинныя оглобли,
Тебя погонятъ подъ гору,
Тебя будутъ хлестать мочальнымъ кнутомъ.
Если ты не станешь угождать,
Если ты не станешь терпѣть,
Ты будешь у насъ кошкой на шесткѣ,

Криљць песы кискаиык.
Нурьк' ажияс кильтядызь,
Панда пряў тонь баптядызь,
Кшпапь локшэсы чафтадызь.

Ней гарми невестась урьнмн жениханьть аваньть карча:

Боярават, ялгинин,
Азырават, ялгинин,
Тынь вирькс пандыкс арада,
Пекстапь ортакс ащида!
Илянгк полдак, ялгинин,
Губан аваньть икилин,
Ногай аваньть малазын.
Кичкирьдь скальшь рогасап,
Алашань копитасан.

Ты будешь въ концѣ крыльца нашей собакой.
Тебя запрягутъ въ короткія оглобли,
Тебя погонятъ въ гору,
Тебя будутъ хлестать ременнымъ кнутомъ.

Теперь невѣста начнетъ вопить, обращаясь къ матери жениха:

Барыни, подружки мои,
Сударыни, подружки мои,
Станьте вы лѣсомъ и горой,
Стойте запертыми воротами!
Не пускайте, подружки,
Ко мнѣ татарку,
Близко ко мнѣ ногайку.
Я владѣю рогами бодающей коровы,
Я владѣю копытами лошади.

Кичкирьца мон ды иетитца,
Кельми калмуў мон бачса.

Мельн женнхнпь авась капцы вина цяркань невестаньтинь, а невестась капцы уряжьнцтынь эль батяицтынь. Тона симсы, а ярмакынть невестаньтинь максcэ.

Мельн женихинть авась тейтерень гжынть максcы тейтерьтьненень (невестаньть ялгатьнинннь) и озы эземь бряс, а тейтерьтьнн каркcасызь урндиввинть пардамуса. Урндивнсь пардамунть киса зяры як пандэ. А невестаньть тятятьни аватьнн женнхнньть тятятьнинь аватьнинь и родэнзы малавиксньнь газьнизызь.

Мельн невестаньть озаўсызь алашас. Урндивнсь сайсы невестаньть баславамы пазаваньть, весн поездэньть колмксть кружасы н тунть жениxиньть мельга. Урндивнсь аци озады невестаньть удала невестаньть баславамы пазаваньть марта. (Неве-

---

Я бодну и лягну ее,
Я провожу ее въ холодную могилу.

Потомъ жениховa мать поднесетъ невѣстѣ чарку вина, а невѣста поднесетъ ее невѣсткѣ или старшей сестрѣ. Та выпьетъ и дастъ невѣстѣ монету.

Затѣмъ жениховa мать дастъ «дѣвичій хлѣбъ» дѣвушкамъ (невѣстинымъ подругамъ) и сядетъ на переднюю скамью, а дѣвушки опояшутъ дружку полотенцемъ. Дружка уплатитъ сколько-нибудь денегъ за полотенце. А невѣстины отецъ и мать одарятъ жениховыхъ отца и мать и близкихъ родныхъ его.

Затѣмъ невѣсту посадятъ на лошадь. Дружка возьметъ икону, которою благословляютъ невѣсту, окружитъ ею трижды весь поѣздъ, и пойдутъ за женихомъ. Дружка сядетъ позади невѣсты съ иконой для благословенія невѣсты. (Дружка выкупитъ также

станьть сундукуньть как уридивись идись, макссы сундук лангксы ащаця пакшаньтинь кафтышка трюшинкь).

Суви поездэсь женихиньть кардайс женихиньть мельга. Ансить кудыста крилщь лангкс женихиньть пельди тейтерьть и кармить парячниме:

Ондрон, Ондрон а Ондрон[1]),
Козэй ускикь сазырыт?
Арась путынь[2]) гудыза,
Арась вельтянь гереза.
Сюкупяды Карпань[3]) билькс.
Ули путынь гудыза,
Ули вельтянь гереза.
Козэй миникь Карпа чачсь?
Чачсь сиянь зоп мукурь лангкс,

1) Имя брата невѣсты. 2) путызь. 3) Имя жениха.

невѣстинъ сундукъ, и дастъ сидящему на сундукѣ отроку-мальчику или дѣвочкѣ двѣ-три копейки).

Поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ жениха за женихомъ. Изъ избы на крыльцо выйдутъ дѣвушки со стороны жениха и начнутъ пѣть (торжественно):

Андронъ, Андронъ, а Андронъ,
Куда ты привезъ свою сестру?
Нѣтъ поставленнаго у него дома,
Нѣтъ у него покрытой крыши.
Поклонитесь въ ноги Карпу:
У него есть поставленный домъ,
У него есть покрытая крыша.
Гдѣ родился нашъ Карпъ?
Онъ родился на серебряномъ пнѣ,

Кассь спянь зоп мукурь лангкс.
Кодамы толк эйсэпѕа?
Сюрынь, зюрынь лоўсэньѕе,
Видьминь, видьминь ѕётцэньѕе.
Козэй зука Дарья чачсь?
Чачсь лепень зон мукурь лангкс,
Кассь лепень зон мукурь лангкс.
Кодамы толк эйсэнѕа?
Кодамы цёт эйсэпѕа?
Колэпьгемень год эрясь,
Колмы кенерьть коцт кодась.
Сеяк сукашинь эзь ловофт,
Сеяк суканинь эзь ѕётофт.
Икильди як нупиясь,
Удалды як пангиясь.
Сувад', лялькат, сувада

Онъ выросъ на серебряномъ пнѣ.
Какой въ немъ умъ?
Онъ пересчитаетъ по зернышку,
Онъ смѣтитъ по сѣмячку.
Гдѣ родилась сука Дарья?
Она родилась на елховомъ пнѣ,
Она выросла на елховомъ пнѣ,
Какой въ ней умъ?
Какая въ ней смѣкалка?
Она жила тридцать лѣтъ,
Она выткала три локтя холста.
И того она, сука, не могла счесть,
И того она, сука, не могла смѣтить.
И спереди она запылилась,
И сзади она заросла грибами.
Заходите, братцы, заходите

Нупунь гудыс эжпеме,
Пангы ямды ярцама.
Кодатт Дарьянь газьнипsа?
Кодатт Дарьянь лоўпэпsа?
Голицынань[1]) рогожат,
Голицынань рогожат.
Курга пардамс казямут,
Зепс путумс а маштувить.

Невестась тейтерьтнень гарча отьвече урьппзь:

Иляда оннт, иляда,
Дрига атянь гискатьне.
Мезьды сивидстяда,
Мезьды кармафтыстяда?

1) Село Голицыно находится въ 7 верстахъ отъ Сухого Карбулака.

Въ пыльную избу погрѣться,
Грибныхъ щей покушать.
Какіе Дарьины дары?
Какіе Дарьины дары счетомъ?
Голицынскія рогожи,
Голицынскія рогожи.
Онѣ шершавы для того, чтобы вытереть ротъ,
Онѣ не годятся для того, чтобы положить ихъ въ карманъ.

Невѣста отвѣчаетъ дѣвушкамъ съ воплемъ:

Не лайтесь, не лайтесь,
Собаки старика Григорія.
За что[1]) вы наняты,
За что васъ заставляютъ (лаять)?

1) Т. е. за какое вознагражденіе.

Эли вачи пекеда,
Эли штапа лангыда,
Эли кепи пильгида?
А пешкедеть тыньк пекенк,
А орчавить тыньк лангынк,
А карьцивить тыньк пильгинк.
Илямизь гак покоря,
Илямизь гак досадя.
Суксуў зэрят, варяў бещ,
Наоз алы керясукст.

Мельи женихпсь озы невестаньть вакс. Уридивись и урьвалятьнп кружасызь боездэньть колмксть и тупть церьковаў веньчама. Ве урьваля кадуви женихньть эземь бряс. Церьковаў ардумсты невестась урьни истя:

Остатка раз, остатка

Или за голодный животъ,
Или за нагой верхъ,
Или за босыя ноги?
Не насытятся ваши животы,
Не одѣнутся ваши верхи,
Не обуются ваши ноги.
Не укоряйте-ка меня,
Не досаждайте-ка меня.
Червивы жолуди, дырявы орѣхи,
Подъ навозомъ навозные черви.

Засимъ женихъ садится рядомъ съ невѣстой. Дружка и шафера пройдутъ три раза вокругъ поѣзда и отправятся въ церковь вѣнчать. Одинъ шаферъ остается у жениха впереди[1]). По дорогѣ въ церковь невѣста воитъ слѣдующимъ образомъ:

Въ послѣдній разъ, въ послѣдній,

[1]) Т. е. въ переднемъ углу, на передкѣ лавки въ домѣ жениха.

Бояравакс чинисьн,
Ардан ульцянь гувалт мон,
Губан ушма юткоы,
Ногай ушма ютска.
Косы палькспнь ды чарынь,
Мазый морэт мон морэнь;
Мацпй галгамс нарт чачпст,
Ракшань зюлмамс кальть касыст.
Моляп Базынь гудыньтпнь,
Авуль Базныпь озпома,
Авуль зьвечапь бутума,
Мастуруў сюкуняма.
Пары чимь юмафтума,
Мазый цимь юмафтума.

Пачкпдпть церьковапьть пкплпў, женпхпсь валцсы невестапьть крандайсты, п сувпть церьковас.

Въ барской жизни моей,
Ѣду я вдоль улицы,
Между татарской сходкой,
Между погайской сходкой.
Гдѣ я играла и вертѣлась,
Пѣла красивыя я пѣсни;
Пусть родится трава, чтобы клевать ее гусямъ,
Пусть выростетъ тальникъ, чтобы привязывать
Я ѣду въ Божій домъ, [къ нему лошадей.
Не Богу молиться,
Не свѣчу ставить,
Не въ землю кланяться.
Я ѣду погубить свое доброе житье,
Погубить красивое житье.

Когда подъѣдутъ передъ церковь, женихъ сниметъ невѣсту съ телѣги, и войдутъ въ церковь.

Веньчеть, лисить церьковаста, женихпсь озаўсы невестаныть крандайс и тунть женихпньтинь. Церьковасты женихпньтинь молемсты одерьвась урьне:

Якинь Базынь мон гудыс,
Эзень озна мон Базныль,
Мастырц эзень зюкуня,
Сьвечени мон эзень бутт.
Якинь, якинь, мон якинь
Парычнмь юмафтума,
Мазыйцимь юмафтума.
Бояравакс чимь арьцись
Церькованъ нилъ' угулга.
Таркпниза эзь ладя,
Сувась церьковас алтарьц,
Валксь сон берестолэнть лангкс.

Повѣнчаютъ, выйдутъ изъ церкви, женихъ посадитъ невѣсту въ телѣгу, и поѣдутъ къ жениху. Возвращаясь изъ церкви къ жениху, молодушка вопитъ:

Я ѣздила въ Божій домъ,
Я не молилась Богу,
Я не кланялась въ землю,
Я не поставила свѣчки.
Ѣздила, ѣздила, я ѣздила
Терять свою хорошую жизнь,
Терять свою красивую жизнь.
Барское житье мое становилось
По четыремъ угламъ церкви.
Не успокоилась она (жизнь) на этомъ мѣстѣ,
Она вошла въ церковь въ алтарь,
Сѣла она (жизнь) на престолъ.

Таркиниза эзь ладя,
Церьковасты лисиктпысь,
Покш хрёстэпьть лапкс валгыкшпысь,
Колмовь белеў зюкупясь,
Чивалгумаў зоп лифтясь.
Чопода лафка лапкс валксь,
Пиришпзы саизе,
Тавар лапкс полафтызе.

Сыть жепихпнь кардайс. Жепихпсь невестаньть валцсы крапдайсты, п сувить кудыс. Се шкапьть одерьвась урьне:

Кафты боярт, лялипнн,
Илямизь гак тыпь сувафт,
Ломапипь до кудыпьтипь:
Илямизь гак тыпь цалгафт

Не успокоилась опа на этомъ мѣстѣ,
Выходила изъ церкви,
Взлетѣла па большой крестъ.
Поклонилась на четыре стороны,
Улетѣла па закатъ солнца,
Она сѣла па тёмную лавку,
Взяла свою головушку,
Смѣняла себя па товаръ.

Пріѣдутъ па дворъ къ жениху. Женихъ снимстъ невѣсту съ телѣги, п войдутъ въ избу. Въ это время молодушка вопитъ:

Оба барина, мои братцы,
Не вводите-ка вы меня
Въ чужой домъ;
Не заставляйте-ка вы меня наступать

Эксcы чаўпызь гиякспы.
Пеляп: бара моць готап
Эска прява кандувить.
Илямпзьгак тыць озафт
Салмукссы чаўпызь эземс.
Пеляп: барьций одежап
Залмукс прява кадпувить.

Мельп женихпьтипь и одерьваньтань гандыть церкань зяркань вина. Ветясызь одерьвапьть пецька икпліў, и соп гарми урьниме:

Пецькань гирьдий, матушка,
Пецька ава матушка,
Бути уляп уцяскаў,
Бути улян базичпў,
Вереў полдэкь качамнит,

На гвоздями убитый полъ.
Я боюсь: хорошія мои ботинки
Останутся на головкахъ гвоздей.
Не сажайте-ка вы меня
На убитую иглами скамейку.
Я боюсь: шелковое мое платье
Останется на головкахъ иголъ.

Засимъ жениху и молодушкѣ подносятъ по чаркѣ вина. Поведутъ молодушку передъ печку, и она начнетъ вопить:

Держащая печку матушка,
Печная мать матушка,
Если я буду счастлива,
Если я буду удачлива,
Пусти свой дымокъ къ верху,

Алуў полдэкь лембенет.
Эждетя топ монь гедьнен,
Пальщя монь бильгинин,
Ашы килий монь зерьпемь.
Бути уляи грешнэйне,
Бути уляи пайстума,
Вереў полдэкь лембенет,
Алуў полдэкь качамнит.
Качамнисыт топ артыть
Макы лопа одежан;
Тол гельнесэт пултытя
Тюжа парьций монь церьнен.

Мельн женихнньть и одерьваньть обедаўсызь и ветясызь гозэй гак чавы карц эль утумс. Сыть невестань бельдн кафты ават урьвалянь апдума, а кафты лия ават одерь-

---

Пусти свою теплоту къ низу.
Согрѣй ты мои руки,
Мои зяблыя ноги,
Мой родъ, подобный бѣлой березѣ.
Если я буду несчастлива,
Если я буду безъ доли,
Пусти къ верху свое тепло,
Пусти къ низу свой дымокъ.
Своимъ дымкомъ ты окрась
Мое платье, подобное маковымъ листьямъ.
Своимъ огненнымъ язычкомъ сожги-ка
Мои волосы, подобные жолтому шолку.

Засимъ жениха и молодушку кормятъ обѣдомъ и введутъ ихъ куда-нибудь въ пустой хлѣвъ или въ амбаръ. Со стороны невѣсты придутъ двѣ женщины кормить шаферовъ, а двѣ другія женщины—

вань андума. Мартыст андыця аватыни кандыть минниньѕюньинь зъряннят.

Мельи уридивись сайсыньѕи урьвалятынинь эстяиѕы гуляма. Симсыньѕи доволь винады и анцыньѕи минициюныды и арьтипу́сыньѕи алашаса.

Мельи веси роттиы пурнавить женихниьтинь. Симить ярцыть женихниьть кеца, тунть невестаньтий. Те чиньть кажный ѕёрась канды целковой, а кажный авась колмы прякат. Мельи женихинь роттиы пурнавить веси женихиньтинь зимиме, а невестань роттиы пурнавить веси невестаньтинь зимиме. Свадьбань голмоцекс чисты эри горнэй. Горнэйстэньть тапить чакшт, вакатт, иеньчть. Горнэень циньть молеть невестаньтинь, веденьть иеу́сэзь и кармау́сызь гудынь деньцеме истя: «теньцекь кудыньть, авуль аньцяк куды куньчканьть, а аксяляксыньгак. Кудыньть теньцекшнэкшиэкь[1]), а сортнэнь ульцяу́ иялть кайсе».

1) теньцьнекшнэкь, теньцьнекь.

кормить молодушку. Эти женщины приносятъ съ собой всякаго рода стряпню.

Засимъ дружка возьметъ къ себѣ шаферовъ, чтобы погулять. Напоитъ ихъ вдоволь виномъ и накормитъ всякой всячиной и покатаетъ ихъ на лошади.

Засимъ всѣ родственники соберутся у жениха. Пьютъ и ѣдятъ у жениха, отправятся къ невѣстѣ. Въ это время каждый мужчина приноситъ цѣлковый, а каждая женщина три пирога. Засимъ всѣ родственники жениха соберутся къ жениху пить, а родственники невѣсты соберутся пить къ невѣстѣ. На третій день свадьбы бываетъ «конецъ свадьбы». Въ этотъ день бьютъ горшки, чашки, ложки. Въ день окончанія свадьбы отправляются къ невѣстѣ, показываютъ ей воду и заставляютъ подметать избу слѣдующими словами: «подмети избу, и не только середину избы, но и подъ лавками. Выметай избу, а сору на улицу не выбрасывай».

Кода невестаньть чпясызь, зон заима чидынsы педлиды икпли карми урьниме; кажный цокшне, кажный валцкп урьне. Васинь урьнимазы истяня:

Пижынь зурить суридян,
Мон баяга вачкидян.
Вери мастырт вачкитьца,
Веси родга племава
И патява сазырга.
Алы мастырт вачкитьца,
И кулыйга юмийга,
И покщава бабава.
Марямизь гак, марямизь,
И покщенен бабинин[1]).
Авуль гука кукурдэ,
Авуль sёкоў sёкордэ,

1) Если невѣста сирота, она поминаетъ и своихъ родителей.

Когда просватаютъ невѣсту, она, за недѣлю до дня свадьбы, начинаетъ вопить; она вопитъ каждый вечеръ, каждое утро. Первый вопль ея такой:

Я пряду мѣдныя нитки,
Я ударяю въ колоколъ.
Я ударю высоко надъ землей,
По всему роду племени,
По всѣмъ теткамъ и сестрамъ.
Я ударю внизу подъ землей
По покойникамъ и пропадшимъ,
По дѣдушкамъ и бабушкамъ.
Услышьте-ка меня, услышьте,
И дѣдушки мои и бабушки.
Не кукушка кукуетъ,
Не соловей поетъ,

Порафтумы кукпнян,
Шкамнифтими цёкоўпян.
Марямизь гак, марямизь
Кургы поцы вайгильга
И кельбрясы валпува.
Бути жальии неяван,
Коск марясынгкь вайгильнимь
Сляк саннькь ойменемь.
Монянь таркась, таркинись
Авуль лама эряве:
Карь гипишка таркипе,
Коймп лангга модэне.
Бути жаль а неяван,
Кучпды як, кучнда,
Тыпь покщепен, бабншн,

Я безвременная кукушечка,
Безвременная соловушка.
Услышьте также, услышьте
По голосу моего рта
И по словамъ, выговореннымъ кончикомъ моего [языка.
Если я кажусь жалкой,
Какъ только услышите мой голосокъ,
Тутъ же возьмите мою душеньку.
Мнѣ мѣста, мѣстечка
Нужно немного:
Мѣстечка съ лапотный слѣдъ,
Землицы на лопатникъ.
Если я не кажусь жалкой,
Пришлите-ка пришлите,
Вы дѣдушки и бабушки,

Кочкань гэпаўппть сельветькеть,
Меньдердапь бещи валпыть.

Максума чистынэы валцкп тейтересь урьне:

Остатка раз мон ащап
Тятькань бутынь гудыса,
Лялькань валды валмала,
Урькань дюжа эземса.
Чпть кофт тятькань вальманэа,
Лимбазь лимби кияксысь,
Течень цпии кеверяп,
Сиянь боўнекс кеверян,
Тятянь гиякс яўпива.
Пижы качамкс мон лисян
Нили косяк юткува.

Какъ отборныя горошинки слёзочки,
Какъ вышелушенные орѣхи словечки.

Въ день свадьбы утромъ дѣвушка воптъ:

Въ послѣдній разъ я сижу
Въ поставленномъ домѣ отцовскомъ,
У свѣтлаго окошка моего брата,
На желтой лавкѣ моей невѣстки.
Солнце и мѣсяцъ—отцовскія окна,
Ходенемъ ходитъ его полъ,
Нынѣшнимъ днемъ покачусь,
Покачусь серебряной пуговкой,
По поверхности отцовскаго пола.
Я выйду зеленымъ дымомъ
Между четырьмя косяками.

Кода женихпньть марты невестась сыть веньчамсты, атяфтысь ащп пазава марты кенкш лангкса, а аваѳтысь пряка ды салдыркс марта; ищо аваѳтыньть кецы комолят. Одерьвась сувп, васьня паласы пазаваньть, мельп атяфтынзы, мельп паласы пряканьть, мельи аваѳтынзa. Кода одерьвась палы аваѳтынза, аваѳтысь почотцы одерьваньть комолясы п мере: «комоля лацы корьмайсь сожденензы максыса».

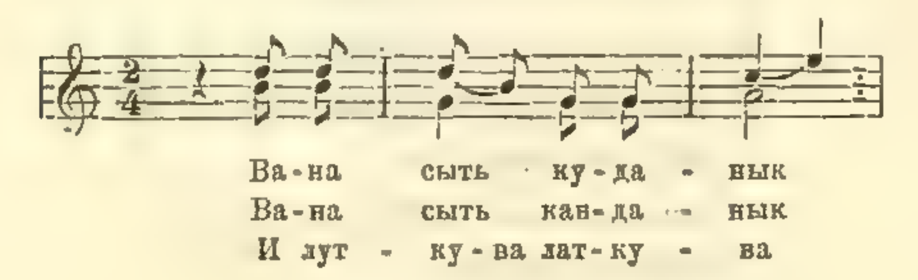
Кода женихньть кецты туп поездэсь невестаньть мельга, сесты сайсызь лукшыньть, тейтерень гедьгиньть, сувахань гедьгиньть п ищо сапть пряка; пряканьть лангкс путыть салуў гал. Се пряканьть лемеза урьваляць гедьгп. Сайсызь невестаньть, туить. А урьваляпь гедьгпньть кацызь доск. Кода свадьбась ютэ, кафты ават невестань бельдп молеть одерьвань андума, а ищо лия

Когда невѣста съ женихомъ вернутся послѣ вѣнчанія, свекоръ стоитъ вмѣстѣ съ иконой у двери, а свекровь съ пирогомъ и солонкой; еще въ рукѣ у свекрови хмель. Молодушка войдетъ, сначала поцѣлуетъ икону, потомъ свекра, потомъ поцѣлуетъ пирогъ, затѣмъ свекровь. Когда молодушка цѣлуетъ свекровь, свекровь обсыпаетъ молодушку хмелемъ и говоритъ: «да дастъ тебѣ кормилецъ лёгость, подобную лёгости хмеля».

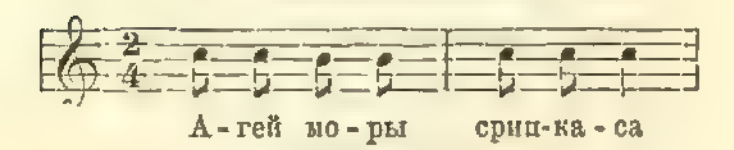
Когда поѣздъ отправится отъ жениха за невѣстой, тогда возьмутъ лукшу, дѣвичій пирогъ, свахинъ пирогъ и еще возьмутъ хлѣбъ; на хлѣбъ положатъ соленую рыбу. Названіе этого хлѣба — шаферскій пирогъ. Возьмутъ невѣсту, отправятся. А шаферскій пирогъ оставятъ тамъ. Когда свадьба пройдетъ, двѣ женщины со стороны невѣсты пойдутъ кормить молодушку, а еще

кафты ават сайсызь уръвалянь гедьгинить и тупть уръвалянь апдума.

Веси паряфинматынинь морьцекшнэсэзь ве вайгильца:



Свадьбань мора «Агей».



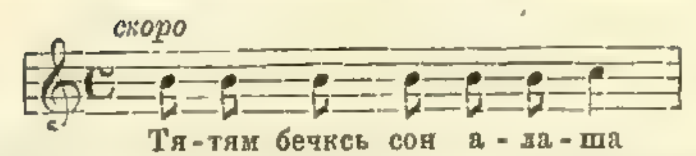
Агей моры срипкаса,
Кемгафтувы срупаса.
Мекс тон, дейтерь, а кищат?
Эль донь бадыт бокаса?
Максыкь — Агей докасэ.

другія двѣ женщины возьмутъ шаферскій пирогъ и отправятся кормить шафера.

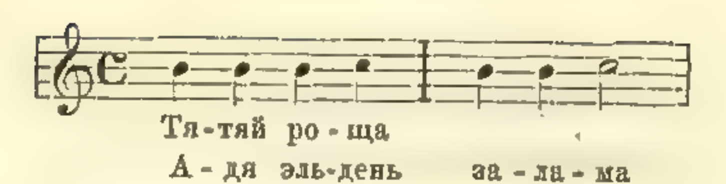
Всѣ (торжественныя) пѣсни поютъ на одинъ голосъ.

Свадебная пѣсня «Агей».

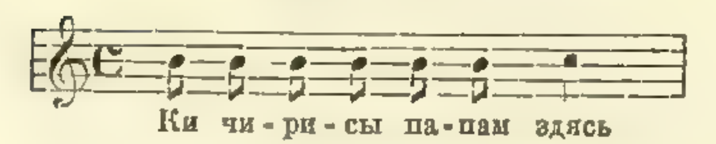
Агей играетъ на скрипкѣ,
На двѣнадцати струнахъ.
Почему ты, дѣвушка, не пляшешь?
Или . . . . . . на боку?
Дай — Агей ее тронетъ.

Свадебныя плясовыя пѣсни.

Тятям бечксь сон алаша,
Монянь макссь сон ловажа.
Порьнень борьнень, эзь борьнефьть.
Тунянь мокшень гнява,
Муинь мокшень дейтерьне;
Палинизы калада,
Поти прязы ушыса.
Поти пряды кундыне,
Берекь алуў ускине.
Берекь алы кудыне,
Кудынисыньть атине.
Атясь моры нудийса,
Бабась кищи дубурца,
А соньць позпы лабурца.

Отецъ мой зарѣзалъ лошадь,
Мнѣ онъ далъ кость.
Грызъ, грызъ, не разгрызешь.
Я пошелъ по мокшанской дорогѣ,
Нашелъ мокшанскую дѣвушку:
Рубашка ея разорвана,
Сиськи наружу.
За сиськи я ее поймалъ,
Подъ берегъ я ее повелъ.
Подъ берегомъ избушка,
Въ избушкѣ старичекъ.
Старикъ играетъ на дудкѣ,
Старуха пляшетъ съ грохотомъ,
А самъ онъ б.... съ шумомъ.



Тятяй роща,
Авай роща,
Адя эльдень залама,
Эльдень бадынь балама.



Кичирисы папам здясь,
Мопь алашам напустясь.
Кода саян ажия,
Веси папам яжыне.

Дрон дрон дрон дрон, Дригорей,
Попань цавий Ёгорей,

Батюшка роща,
Матушка роща,
Ступай украсть кобылу,
Поцѣловать у кобылы...

На краю дороги всталъ...,
Лошадь моя побѣжала;
Какъ возьму я оглоблю,
Весь .... я разбилъ.

— — — — Григорій,
Шерстобитъ Егоръ,

Чикыр чикыр эземза,
Пона поца цекельза,
Варакатьни варпыть,
Пад бопатьпи тарпыть.

Атямарь Марья,
Сёвонь бад Дарья,
Курьця папа Микита,
Сёвонь зекель Улита.

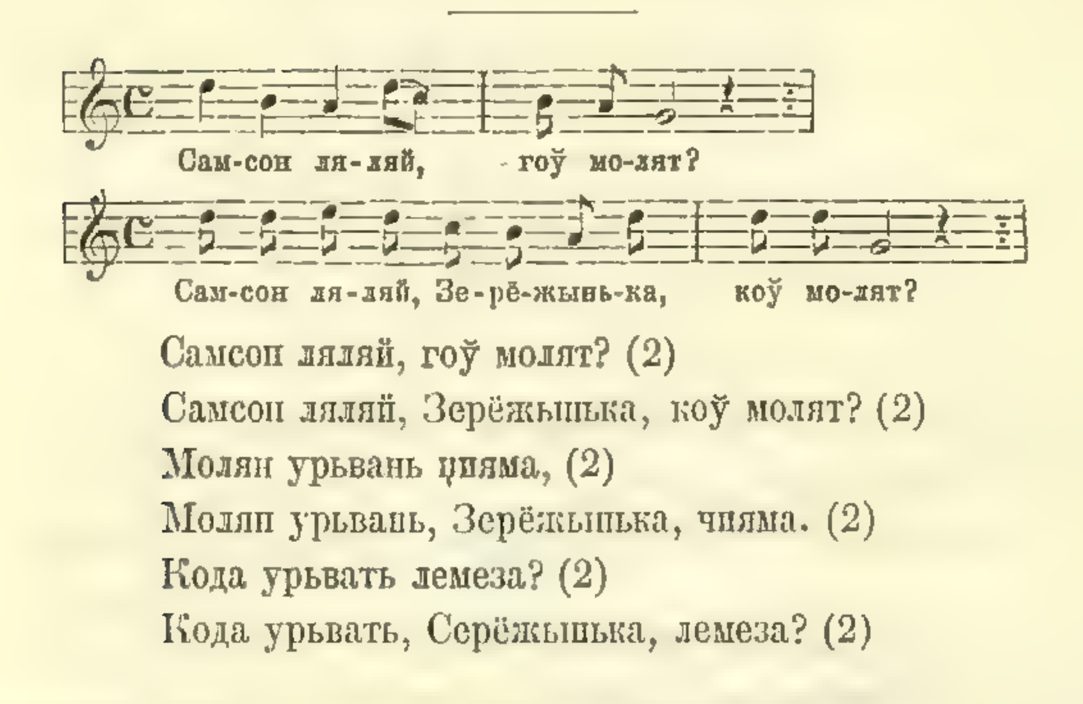
Папам (падум) балыкь, ал максап,
Паскумады лоткафтан.

Скрипъ-скрипъ его скамья,
Подъ шерстью его с....,
Вороны воркуютъ,
..... трясутся.

Вишня Марья,
Глиняная... Дарья,
Коромысло... Никита,
Глиняный с... Улита.

Поцѣлуй мой . . ., дамъ яйцо,
Отъ . . . я тебя удержу.

Курка кищи латкса
Саразынь бад лангкса.

Коляшкасы куляшкаса,
Ташты падысь валишкаса.

Самсон ляляй, гоў молят? (2)
Самсон ляляй, Зерёжынька, коў молят? (2)
Молян урьвань чияма, (2)
Молян урьвань, Зерёжынька, чияма. (2)
Кода урьвать лемеза? (2)
Кода урьвать, Серёжынька, лемеза? (2)

Индюшка пляшетъ въ оврагѣ,
На куричьемъ....

— — — —

Старая.... на валикѣ.

Самсонъ, старшій братъ, куда идешь? (2)
Самсонъ, старшій братъ, Сережинька, куда идешь? (2)
Я иду сватать невѣсту, (2)
Я иду сватать, Сережинька, невѣсту. (2)
Какъ имя твоей невѣсты? (2)
Какъ имя, Сережинька, твоей невѣсты? (2)

Горьнипофка мордофка, (2)
Горьнипофка, Серёжынька, мордофка, (2)
Олдыкиминь гумаза, (2)
Олдыкиминь, Зерёжынька, кумаза, (2)
Потковамы столбаза, (2)
Потковамы, Серёжынька, столбаза (2).

Погремушка мордовка, (2)
Погремушка, Серёжинька, мордовка, (2)
Евдокимова кума, (2)
Евдокимова, Серёжинька, кума, (2)
Подкованный ея столбъ, (2)
Подкованный, Сережинька, ея столбъ (2).

Отдѣлъ III. Сказки.

А. Оркино.

Jou̯ks.

Äŕä·ś a·ščiś v́iŕca śä·ja i śäjä·ńť ulńi·śť śäja ľä·u̯ksynʒa. Son äŕva či·ńä jaka·ś v́i·ŕij, a synct ṕekśńe·ńʒä źe·ḿľaŋkas. Jaḱi jaḱi v́iŕgańť, jä·ŕćńä ťejä, śiḿi ťejä i sy ḿä·ḱij kuduu̯ i mo·rä źe·-ḿľaŋkańť va·ksca čuva vaľǵi·jńisa: «Śäjäľä·u̯ksḱin moń, koŕḿe-ńećḱen, tyń panžy·dyja, tyń ľiśi·dyja; mon tyŋḱ ava·ŋk. V́i·ŕca u·ľńiń, jarcy·ń ťi·kšiďä ḿińińʒu·nyń tosa·, śi·ḿiń v́e·ťťä mon čuďiḱi·ľksḱista, čuďä lofcėńeḿ oda·rnyvam, oda·rnystyńť kopȯ·-tazyn, kopȯ·tastyńť o·čḱeńes, očḱeńe·stėńť ma·styruu̯». Ľiśćť

Сказка.

Жила была въ лѣсу коза, и у козы были козлята. Она каждый день ходила въ лѣсъ, а ихъ запирала въ землянку. Ходитъ ходитъ по лѣсу, поѣстъ, попьетъ и возвращается обратно домой и поетъ около землянки тонкимъ голоскомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы отоприте-ка, вы выходите-ка; я ваша мать. Я была въ лѣсу, поѣла травы, пила я воды изъ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Вышли козлята, высосали мо-

śä·jäľäu̯ksnä, po·ťeź lofcėńe·nʒa i suva·śť ḿä·kij. Ṕe·kstėńʒä i ḿe·ŕä: «Vady, iľa·dy panċt, v́äŕǵi·z iľi·ďiź mańa·». — «Apa·n-čtana, a·vaj». Śäjäś tuś ḿäki·j v́iŕi·j, a v́äŕǵi·z maŕi·źä mo·ramsta. Saś sońďeďenʒa ḿä·jľä i karma·ś to·ža mora·ma śäja·ks, nu ä·čki vaľǵi·jsa, i·śťaža: «Śäjäľäu̯kskin moń, koŕḿe·ńećken, tyń ľiśi·dyja, tyń panžy·dyja. Mon tyŋḱ avaŋk. V́i·ŕca uľńi·ń». A śä-jäľä·u̯ksnä to·sta ṕižńi·ť ťä·nʒa: «Ḱeŋǵe·ľat ton, ḿińi·ḱ ava·ń avy·ľ iśťa·ma vaľǵi·jza; ḿińi·ḱ ava·ń vaľǵi·jza ču·v́ińä, ma·zyjńä, a toń ä·čkä dy ama·zyj». Tuś v́ä·ŕǵizyś, ḿeľe·zėnʒa ṕeḱ apa·ra. Saji·źä kežėńpačk i čovaftyźä toćela·sa ḱeľe·nʒa čuv́ińi·sta i saś ḿäḱij śäjä·ľäu̯ksnyńiń i karma·ś taga· mora·ma ču·v́ińista: «Śäjä-läu̯kskin moń, koŕḿe·ńećken, tyń ľiśidyja, tyń panžy·dyja, mon tyŋḱ ava·ŋk, v́i·ŕca u·ľńiń, ja·rcyń ťi·kšińiďä ḿińińʒu·nyń tosa, śińiń v́äťťä mon čudiḱiľkskista, čudi lo·fcėńeḿ oda·rnyvam, odarnystyńť kopȯ·tazyn, kopȯta·styńť o·čḱeńes, očḱeńe·stėńť ma·-styruu̯». Śäjäľäu̯ksnä duma·śť i prau̯dyj, šty ava·st, käŋkšińť pa·n-

лочко и вошли назадъ. Она заперла ихъ и говоритъ: «Смотрите, не отпирайте, не обманулъ-бы васъ волкъ». — «Не отопремъ, матушка». Коза пошла назадъ въ лѣсъ, а волкъ услышалъ, какъ она пѣла. Пришелъ послѣ нея и сталъ тоже пѣть по козлиному, но грубымъ голосомъ, такимъ-же образомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка. Я ваша мать. Я была въ лѣсу». А козлята оттуда кричатъ ему: «Обманываешь ты, у нашей матери не такой голосъ; у нашей матери голосъ тоненькій, красивенькій, а у тебя грубый и некрасивый». Ушелъ волкъ, ему очень не по нраву. Взялъ въ сердцахъ и поострилъ на точилѣ свой языкъ очень тонко и пришелъ назадъ къ козлятамъ и началъ опять пѣть тонкимъ голосомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отоприте-ка, я ваша мать, я гуляла по лѣсу, я ѣла тамъ всякія травки, пила воду я изъ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Козлята подумали, что и вправду

žyź i ardy·t́ źeḿľa·ɣkastyńt́. Śe ška·ńä v́äŕg̀i·zyś v́äśi i pou̯śe·ń-ǯä. Śäjä·ś saś, mora·ś mora·ś, śäjäľä·u̯ksynʒa äśt́ ľiśt́. Son fat́ä·ś: vanyk, v́äŕg̀i·z po·u̯śeńǯä i ura·kać. Kady·źä v́iŕi·ńt́ i tuś v́äľi·j äŕa·ma. Ńejga·k äŕä· χoźa·jinynʒa k̀e·ca.

Jou̯ks.

Äŕit́ ašcit́ at́a·t ba·bat. At́a·ń babań a äjd́ï·st a kakšyst. Tuś at́i·ńiś oźe·ḿ v́id́ï·ḿä. Moľć v́iŕ jutks, karma·ś soka·ma, moľć t́änʒy oftė·ńä. «Mou, g̀eľä, at́a, a·lašat säu̯sa·». Son ḿeŕi t́änʒa: «užy, vaśńa uma·m sokasa». Oftėńeś mać krandaza·lou̯, uča, źardy uma·ś soka·v́ä. Ŕiv́iśk̀i moľć. K̀äu̯kśńä a·t́ińińt́: «At́ińä, a jat́ińä. oftėńeń äźi·k̀ ńek?» A oftėńeś ḿeŕä at́ińińt́i: «ḿeṛt́, äźi·ńä ńek?» A ŕiv́iśk̀iś ḿeŕä: «Krandazyt ala ḿäźä?» At́ińiś ḿeŕä: «palć ṕeńka». Ŕiv́iśk̀iś ḿeŕä: «palć ṕeńka uľiv́iľdaŕak, krandajs

---

это ихъ мать, отперли дверь и скачутъ изъ землянки. Въ то время волкъ всѣхъ ихъ и подушилъ. Пришла коза, пѣла, пѣла, козлята ея не вышли. Она догадалась: видно, волкъ ихъ подушилъ, и разрыдалась Она оставила лѣсъ и пошла жить въ деревню. И теперь она живетъ у своего хозяина.

Сказка.

Живутъ поживаютъ старикъ и старуха. У старика и старухи не было дѣтей. Поѣхалъ старичекъ сѣять озимь. Пріѣхалъ на поляну, началъ пахать, подошелъ къ нему медвѣдикъ. «Я, говоритъ, старикъ, съѣмъ твою лошадь». Онъ говоритъ ему: «подожди, сначала вспашу свой загонъ». Медвѣдикъ легъ подъ телѣгу, ждетъ, когда вспашется загонъ. Пришла лисичка. Спрашиваетъ старичка: «старичекъ, а старичекъ, не видѣлъ-ли ты медвѣдика?» А медвѣдикъ говоритъ старичку: «скажи, не видѣлъ». А лисичка говоритъ: «что подъ твоей телѣгой?» Старичекъ говоритъ: «обгорѣлый пенёкъ». Лисичка говоритъ: «если-бы это былъ обгорѣлый

ka̋pi·dïv́ľiḱ». A oftéńeś ḿeŕä a·ťińińťi: «Ḱäṕi·dimak ena». Ḱäṕidiźä aťińiś i ṕiksty śulmy·śiźä. Ŕivi·śkiś tagy· moľć, tagy käŋkśńi a·ťińińť äjsa: «Aťińä a jaťińä, oftéńeń äźi·ḱ ńek?» — «Ara·ś». — «A krandajsyt ḿeźä?» — «Palć ṕeńka». — «Palć ṕeńka uľiviľďaŕak, uźiŕ äjsy·nʒa ćapy·ďiť u·ľiviľ». Oftéńeś ḿeŕä: «ćapy·ť ena, ćapy·ť». Nu ćapy·ć uźiŕ äjzy·nʒa. Oftéńeś kuly·ś. Ŕiviśkiś moľć aťińińťij taga. «Nu, ńej, ḿeŕi, aťińä, koda pary·m banca·k?» — «Vot panca·», aťińiś ḿeŕä, «san uma·ńť varča·ma, narvićka tuja·n ťäť ćipakańi·ḱ». Moľć kuduŋ a·ťińiś. Ţoŋgś ťuža kiśḱa ḿe·šėks. Usḱiźä ťänʒa ŕivi·śkińťi. Ŕiviśkiś moľć. «Tujiť, ḿeŕi, ťäń narvi·ćka?» — «Tuji·ń, ḿeŕä, ona ḿešė·ksa». Ŕiviśkiś karma·ś jukśima·nʒa. Ḱiśkaś koda napysťä ŕiviźińť ḿäľga. Ŕivijś ardä· nora·zynʒa, a kiśkaś ḿäľga·nza. Ŕivijś käńi·ŕć norańťi suvama, a kiśkaś oza·ś nora·ńť krajs. Ŕiviźiś käŋkśńi śäľḿinʒa äjsa:

пенёкъ, ты поднялъ-бы его въ телѣгу». А медвѣдикъ говоритъ старичку: «Такъ подними». Старичекъ поднялъ его и завязалъ веревкой. Лисичка опять пришла, опять спрашиваетъ старичка: «Старичекъ, а старичекъ, видѣлъ-ли ты медвѣдика?» — «Нѣтъ».— «А что въ твоей телѣгѣ?» — «Обгорѣлый пенёкъ». — «Если-бы это былъ обгорѣлый пенёкъ, въ него былъ-бы воткнутъ топоръ». Медвѣдикъ говоритъ: «Такъ воткни, воткни». Ну, воткнулъ въ него топоръ. Медвѣдикъ околѣлъ. Лисичка опять приходитъ къ старичку. «Ну, теперь, говоритъ, старичекъ, какъ ты заплатишь за мой добрый поступокъ?» — «Вотъ заплачу», отвѣчаетъ старикъ, «приду осматривать загонъ, принесу тебѣ насѣдку съ цыплятами». Пришелъ старичекъ домой. Всунулъ въ мѣшокъ желтую собаку. Привезъ этой лисичкѣ. Лисичка пришла. «Принесъ-ли ты мнѣ, спрашиваетъ, насѣдку?» — «Привезъ, говоритъ, вонъ въ мѣшкѣ». Лисичка начала его развязывать. Собака какъ пустится за лисицей. Лисица скачетъ въ свою нору, а собака за нею. Лисица успѣла зайти въ нору, а собака сѣла у края норы. Лисица спрашиваетъ у своихъ глазъ: «Глазки мои, матушки, какъ вы смотрѣли?»

«Śäľḿińiń matu·šķińiń, koda· tyń vany·ďä?» Śäľḿi·ťńä ḿeŕeť: «Vany·ńiķ jala, koda by a prams». — «Śeńģis ťäŋķ raman śäľmu·k-šķiť». Ḿäjľi ķäṷkśńi ṕiľģinʒa äjsa: «Ṕiľgi·ńiń matušķi·ńiń, tyń goda oznėďä?» — «Ḿiń oznė·ńeķ, koda by śeďī bojkasta ardyms dy ķiśka·ńťi apo·ŋgoms». — «Tyńďäŋķ rama·n śeńģi·s ķeḿńe·ť». — «A ton, buly·ńiḿ, matušķińiḿ, koda oznė·ť?» — «Mon jala oznė·ń, koda by ṕiľģit troks poŋgoms i ton braṷľi·ť ba, i ķiśķaś säü·v̀ľiń-ʒiť ba». Son zajiźä pulyńť ŕiv̀i·śķiś, norava·ńť toŋģeźä ušu·ṷ i ḿeŕä: «na·, kuťa, säv̀i·ķ». Son duma·ś, araś tosa ķiśķaś. A ķiś-ka·ś kundy·źä puly·da i tarģi·źä ŕiv̀i·źińť kak. Säv̀i·źä.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Joṷks.

Äŕiť aščiť oftėńä dy ŕiv̀iśķä. Oftėńeś sala·ś ḿeď baŕńä, kudy-potmarc putyźä. Ŕiv̀iśķä mukšny·źä. Kuść ṕećkalaŋks ŕiv̀iśķä,

---

Глаза говорятъ: «Мы все смотрѣли, какъ бы не упасть». — «По этой причинѣ я куплю вамъ очечки». Потомъ она спрашиваетъ у ногъ: «Ножки мои, матушки, какъ вы молились?» — «Мы молились, какъ бы возможно скорѣе ускакать и не попасться собакѣ». — «Вамъ я по этой причинѣ куплю сапожки». — «А ты, хвостикъ мой, матушка моя, какъ молился?». — «Я все молился, какъ бы попасть между твоихъ ногъ и ты бы упалъ, и собака съѣла бы тебя». Лисичка взяла хвостъ, высунула наружу изъ норы и говоритъ: «на, кутя, съѣшь». Она думала, что тамъ нѣтъ собаки. А собака схватила ее за хвостъ и вытащила и лисицу. Съѣла ее.

Сказка.

Живутъ поживаютъ медвѣдь и лисичка. Медвѣдь укралъ кадушечку меду и поставилъ ее на подволоку. Лисичка нашла. Влѣзла лисичка на печку, свой хвостъ она просунула въ верхнее окно; ударяетъ

pulynʒa v́eŕ vaľmava toŋǵeźä; vaľma·ńť stukä· puly·syńť. Sońć kor̦tä: «Ŕiv́iśkä, a ŕiv́iśkä, aďa babu·škaks». Sońć tagy oťv́ečä·: «oftė·ńä a ḿeŕä·». Oftėńeś ḿeŕä: «ḿä·śť zďa kor̦tat? Äľi mon ǵir̦ťa·n, stu·paj». Ŕiv́iśkiś käŕäś kšyṕäčť i tuś. Moľć kudypotmarc, kuść. Karmaś ḿäťťińť jarca·ma. Ṕeškeć ṕäki·za, valkś ḿäki·j. Oftėńeś käu̯kśńi· ä·jsynʒa: «koda äjďiŋk ľäḿiza?» — «Ušytkśkä», ŕi·v́iźiś ḿe·ŕä. Nu aš̆či·ś ala·mys, vaćć tagy ṕäki·za. Kuść tagy ṕeckalaŋks, toŋǵeźä v́eŕvaľmava puly·nʒa i kor̦tä· taga: «ŕiv́iśkä, ŕiv́iśkä, aďa babu·škaks». — «Oftėńi a ḿeŕä». A oftėńeś ḿeŕä: «ḿäśť käl̦ť śäďi·χť ťäjńat; stu·paj, äľi mon ǵir̦ťa·n?» Ŕiv́iśkiś ḿeŕä·: «čavy·ń ǵeťť v́iśks moľems». Ḱäŕä·ś kšy i tuś taga·. Moľć, jarca·ś taga· i saś ḿäki·u̯. Oftėńeś käu̯kśńä äjsynʒa: «koda äjďiŋk ľä·ḿiza?» A ŕiv́iśkiś oťv́ečä: «kunčkav́iťkskä». Nu, aščiś ťäjś, tagy vaćć ṕäki·za, tagy kuść ṕeckalaŋks, toŋǵe·źä v́eŕvaľmava pulynʒa i stuki· vaľḿa·ńť taga·: «Ŕiv́iśkä, a ŕiv́iśkä, aďa babuškaks». — «Oftėńi a ḿeŕä». Oftėńeś

въ окошко хвостомъ. Сама говоритъ: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушки». Сама опять отвѣчаетъ: «медвѣдь не велитъ». Медвѣдь говоритъ: «что зря говоришь? Или я держу, ступай». Лисичка отрѣзала кусокъ хлѣба и пошла. Пришла на подволоку, влѣзла. Начала ѣсть мёдъ. Наѣлась, слѣзла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Начаточка», отвѣчаетъ лисица. Ну, побыла немного, опять проголодалась. Влѣзла опять на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять говоритъ: «лисичка, лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велитъ». — А медвѣдь говоритъ: «что ты ломаешься? Ступай, или я тебя держу?» Лисичка говоритъ: «съ пустыми руками стыдно пойти». Отрѣзала хлѣба и опять ушла. Пошла опять, поѣла и пришла назадъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» А лисичка отвѣчаетъ: «Середочка». Ну, побыла немного, опять проголодалась, опять влѣзла на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять ударяетъ въ окошко: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушки». — «Медвѣдь не велитъ». Медвѣдь го-

ḿeŕä: «ḿäśt́ käl̦t́ śä·dīχt́ t́ajńat? Äl̦ä mon ǵiŕt́an? Aźa·». Rińiśkiś ḿeŕä: «čavyń ǵet́t́ v́iśks mol̦ems». Käŕäś tagy· kšyṕäčt́ i tuś taga. Mol̦ć, ostatkińińt́ säv́iźä, paŕńi·ńt́ šl̦iźi nardyźä, käŕlaŋks koma·-ftyźä. Saś tagy kudu·ŋ. Oftèńeś käŋkśnä äjsy·nʒa: «koda ajd́iŋk l̦äḿ?» — «Šl̦aŋkski nardaŋkskä, käŕlaŋks komaftuŋkśä». Oftèńeś ḿeŕä: «ŕiv́iśkä a ŕiv́iśkä, moń ḿäźiḿ tag' ul̦ä·!» Ŕiv́iśkiś käŋkśńä äjsynʒa: «oftèńä, ḿäźit?» — «Moń ḿäd́ baŕńiḿ ul̦ä?» — «A·źi tuji·ḱ». Mol̦ć čavy paŕńi·ś. Valkś tosta. «E, ŕiv́iśkä, ton jala ḿeŕet́ babuškaks, a ton, vanyk, ḿäd́ińt́ säv́ims jakśit́». Nu ŕiv́iśkiś božä v́irä·, ḿeŕä·: «ara·ś». Oftè·ńeś ḿeŕä: «dava·j, vot kodama božba·t́äjd́a·ńa: ṕeċka·ńt́ ušcy·ńiḱ i ara·tana gajǵi ṕeċkańt́ karča. Kona· ḿäd́vaćt́ śä·ŕńä?» Araśt́ ṕeċkańt́ ka·rča. Oftèńeś aščiś aščiś, ma·t́id́iŋś. Ŕiv́i·śkiś śäŕńi·ś ḿäd́vaćt́. Saji·ńʒä, oftèńt́ aluŋ tolka·d́ińʒä. Śt́aftyźä oftèńeńt́: «Ata· jaly ǵŕešè·t́ moń laŋks. A

ворить: «что ты ломаешься? Или я тебя держу? Ступай». Лисичка говоритъ: «съ пустыми руками стыдно пойти». Опять отрѣзала кусокъ хлѣба и опять ушла. Пошла, съѣла остаточекъ, вымыла и вытерла кадушечку и опрокинула ее на лубокъ. Пришла опять домой. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Вымытый, вытертый, на лубокъ опрокинутый». Медвѣдь говоритъ: «лисичка, а лисичка, что-то у меня опять имѣется!» Лисичка спрашиваетъ его: «медвѣдь, что у тебя?» — «У меня есть кадушечка меду». — «Ступай принеси». Пошелъ — кадушечка пустая. Слѣзъ оттуда. «Э, лисичка, ты все говорила (что ходишь) къ бабушки, а ты, видно, ходила ѣсть мёдъ». Ну, лисичка божится, клянется, говоритъ: «нѣтъ». Медвѣдь говоритъ: «давай, вотъ какую мы устроимъ божбу: вытопимъ печку и станемъ противъ пылающей печки. Кто испражнится медовыми испражненіями?» Стали противъ печки. Медвѣдь постоялъ, постоялъ, заснулъ. Лисичка испражнилась медовыми испражненіями. Взяла ихъ и подтолкнула подъ медвѣдя. Испражненія медвѣдя взяла подъ самое себя. Разбудила медвѣдя: «Вотъ, все грѣшилъ на меня. А ты,

ton, ńesak, tońć sävik». Ofténes ḿeŕä·: «prosťa·mak, äźi·ń faťa·-jak, kona škańä sä·viňä». I karma·śť ḿäki·n̯ väˑχca äŕa·ma. I ńejgak äŕi·ť.

(Записано отъ Т. Учуськиной).

Jou̯ks.

Nuŕť — nuŕť, ä·ŕäśť a·šćiśť a·ťat ba·bat,
Nuŕť — nuŕť, u·ľiśť a·ťäń ba·bań käńďä ṕäki ťäχťiŕńist,
Nuŕť — nuŕť, nuďij ṕi·ľgi ćo·ŕeńest,
Nuŕť — nuŕť, śija ro·ga ska·lnyst,
Nuŕť — nuŕť, va·ći pu·la bu·kińist,
Nuŕť — nuŕť, žeŕďa laŋga sa·raskist,
Nuŕť — nuŕť, ľej beŕe·ksa u·tkińist,
Nuŕť — nuŕť, tuśť ľej la·ŋgun̯ ä·jďist na·lkśińä.

Ćoŕeńeś ky·ŕnafć, śin̯ś nu·ďij ṕi·ľgiza, a ťäχťiŕńiś praś, śćeźen̯ś

видишь, самъ съѣлъ». Медвѣдь говоритъ: «прости меня, я и не замѣтилъ, въ какое время я съѣлъ». И стали опять вмѣстѣ жить. И теперь также живутъ.

Сказка.

— — жили были старикъ и старуха,
— — была у старика и старухи дочка съ войлочнымъ животомъ,
— — сынокъ у нихъ съ тростяными ногами,
— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ измараннымъ въ г . . . хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь
— — уточки у нихъ на берегу рѣки,
— — дѣти ихъ пошли играть на рѣку.

Мальчикъ прыгнулъ, сломалъ свою тростяную ногу, а дочка

käńďipä·kiza. Kadugśť aťa·ťńä babaťńä śka·myst. Äŕi·ť ka·vyńist, saś v́ä, saś ťäst o·fta i karma·ś morama:

Nuŕť — nuŕť, ä·ŕiť a·ščiť a·ťat babat,
Nuŕť — nuŕť, uľńiś śija roga skalnyst,
Nuŕť — nuŕť, vaći pula bu·kińist,
Nuŕť — nuŕť, žêrďa la·ŋga sa·raskist,
Nuŕť — nuŕť, ľej ďeŕe·ksa u·tkińist.

Aťäś i ḿeŕä babańťi: «Vanta, baba·, koda pa·ŕćťä moŕćä. Dava·j utkińi·ťnin ma·śćyńik ťänʒa». Ma·ksyź ťänʒa. O·fteś säv́inʒä u·tkaťńiń i tuś. Saś o·mboćä v́ä. Oftê·ś taga saś, taga moŕćä:

Nuŕť — nuŕť, äŕiť aščiť aťat babat,
Nuŕť — nuŕť, uľńiś śija roga skalnyst,
Nuŕť — nuŕť, vaći pu·la bukińist,
Nuŕť — nuŕť, žêŕďa laŋga saraskist.

упала, разорвала свой войлочный животъ. Остались одни—старикъ и старуха. Живутъ вдвоемъ, пришла ночь, пришелъ къ нимъ медвѣдь и началъ пѣть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь,
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

Старикъ и говоритъ старухѣ: «Посмотри-ка, старуха, какъ онъ хорошо попѣваетъ. Давай, отдадимъ ему уточки». Отдали ему. Медвѣдь съѣлъ уточки и ушелъ. Пришла другая ночь. Медвѣдь опять пришелъ, опять попѣваетъ:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь.

Aťä·ś i dumä: «Mäśť ńej ťä·jńiťana, baba·? Davaj, nať, sarazuyń ma·kscyńiḱ». Sajiź, ma·ksyź. Ofté·ś sä·viń3ä, tuś. Saś o·mboćä vä. Ofté·ś tagy saś i karma·ś tagy mora·ma.

Nuŗť — nuŗť, äŕiť aščiť aťat babat,
Nuŗť — nuŗť, uľńiś śija roga skaluyst,
Nuŗť — nuŗť, vaći pula bukińist.

Aťäś i babaś dumiť: «Mäśť ńej ťäjńi·ťana, baba·? Davaj ama·kstana». A oftéś tosty i ḿeŕä: «Mäks moramga ama·kstada? A·ty suvan, ty·ńćińk säďďadyź». Sa·jiź vaći puly bu·kińińť, ma·ksyź. Ofté·ś sä·viźä. I taga tuś. Čokšńeś tagy saś. Oftéś tagy saś, karmaś mora·ma:

Nuŗť — nuŗť, äŕiť aščiť aťat babat,
Nuŗť — nuŗť, uľńiś śija roga skaluyst.

Старикъ и думаетъ: «Что мы теперь сдѣлаемъ, старуха? Давай, видно, курочекъ отдадимъ». Взяли, отдали. Медвѣдь съѣлъ ихъ, ушелъ. Настала другая ночь. Медвѣдь пришелъ опять и сталъ опять пѣть.

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ.

Старикъ и старуха думаютъ: «Что мы будемъ теперь дѣлать, старуха? Давай, не дадимъ». А медвѣдь оттуда и говоритъ: «Отчего вы не отдаете по моей пѣснѣ? А то войду, васъ самихъ съѣмъ». Взяли бычка съ грязнымъ хвостомъ, отдали. Медвѣдь съѣлъ его. И опять ушелъ. Пришелъ опять вечеръ. Медвѣдь пришелъ опять, началъ пѣть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами.

Sajiź, maksyź d'eńgak. Säv́iźä t'eńga·k o·ftėś. Tagy tuś v́iŕi·ti. Ćokšńe·ś saś, oftėś tagy moŕe i karma·ś morama:

Nuŕt nuŕt, äŕaśt aščiśt aťat babat,
Nuŕt nuŕt, uľńiśt käńdi ṕäki ťäχťiŕńist,
Nuŕt nuŕt, nud'ij ṕiľgi ćorėńest,
Nuŕt nuŕt, śija roga ska·lnyst,
Nuŕt nuŕt, vaći puly bukińist,
Nuŕt nuŕt, žėŕd'a laŋga saraskist,
Nuŕt nuŕt, ľej b́eŕe·ksa utkińist.

«Ḿä·źi ńej, baba·, maksta·na ťänʒa säv́ims?» Aťä·ś ḿeŕä: «toń maksta·n»; a baba·ś ḿeŕä: «toń maksta·n». Kuśćť ṕećkalaŋks, ta·lnyť. O·ftėś učyś učyś, su·vaś. Aťä·ś baba·ńť koda·k ṕećka·la·ŋksta gro·χad'iźä, a baba·ś kunda·ś aťäńť ṕŕä·kec i praśť ka·ńnist. Oftėś säv́i·ńʒä ka·ńnist i tuś.

Взяли, отдали и эту. Съѣлъ и эту медвѣдь. Опять пошелъ въ лѣсъ. Пришелъ вечеръ, медвѣдь пришелъ опять и началъ пѣть:

— — жили были старикъ и старуха,
— — была у нихъ дочка съ войлочнымъ животомъ,
— — сыночекъ у нихъ съ тростяными ногами,
— — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь [1]).
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

«Что теперь, старуха, мы дадимъ ему съѣсть?» говоритъ старикъ; «я отдамъ тебя»; а старуха говоритъ: «я тебя отдамъ». Влѣзли на печку, спорятъ. Медвѣдь ждалъ ждалъ, вошелъ. Старикъ какъ броситъ старуху съ печки, а старуха схватила старика за косы (волосы), и упали они оба. Медвѣдь съѣлъ ихъ обоихъ и ушелъ.

---

1) Т. е. столько, сколько помѣстится на жердь.

Jouks.

Äŕä·śť a·ščišť aťa·t baba·t. Aťä·ń ba·bań uľńi·ś ćo·rèńeza i ťä·χťiŕńiza. Äŕäśť äŕäśť, baba·ś ku·lyś. Äχńi i v́äši·ť ťäťä·ńť kecta oda·va». «Ťäťä·j, saχť oda·va, ťäťä·j, saχť oda·va». — «Eχ, ä·jd́ńim̃, saja·n da ḿeľe·zèηk avyľ par' u·ľa». — «Pa·ra! saχť». Vot sajś aťä·ś oda·va, karma·śť äŕa·ma. Äŕäśť äŕäśť, ava·ś i ḿeŕä äťä·ńťi. «Aźä·, durak, a·ťa, juma·ftyť ä·jd́it. Śe·sta karma·n ma·ryt äŕa·ma. A ƀi·d́a ajumafcyť, aka·rman». Aťä·ś saji·ńǯä äjd́i·nʒa i tuś v́iŕiŋ mary·st. Usḱi·ńǯä viŕc. Muś pa·ra po·ľana, ja·gydat la·ma. «Nu, äjd́ńiń, kočka·da ťesk». Maksć ťäst pa·ŕǵińiť. «A mon tuja·n o·na śe·zèń. O·na śe·sa karma·n v́iŕi·ń ḱäŕa·ma». Tuś i śulma·ś čufc žè·ŕd́a ľä·ηǵi v́ä·ľd́ä. Varma·ś puv́ä·, a žèŕd́ä·ś čufty·ńťi ja·la gajḱ gajḱ, gajḱ gajḱ. Syń kočḱe·ť ja·gydat i duḿi·ť, šty śe·sa ťäťa·st ḱäŕä· ṕäηḱ. Kočka·śť kočka·śť, čizy· čo·-

---

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи былъ сынокъ и дочка. Жили жили, старуха померла. Дѣти и просятъ у отца мачехи. «Тятя, возьми мачеху, тятя, возьми мачеху?» — «Эхъ, дитятки мои, возьму, да вамъ она будетъ не по нраву».— «Будетъ хороша! Возьми». Вотъ старикъ взялъ мачеху, начали жить. Жили жили, мать и говоритъ старику. «Иди, дуракъ, старикъ, погуби своихъ дѣтей. Тогда стану съ тобой жить. А если не погубишь, не стану». Старикъ взялъ своихъ дѣтей и пошелъ съ ними въ лѣсъ. Привезъ ихъ въ лѣсъ. Нашелъ красивую поляну, много ягодъ. «Ну, дитятки мои, собирайте здѣсь». Далъ имъ корзиночки. «А я пойду вонъ туда. Вонъ тамъ начну рубить лѣсъ». Пошелъ и привязалъ къ дереву жердь за лыко. Вѣтеръ дуетъ, а жердь по дереву все стукъ, стукъ, стукъ, стукъ. Они собираютъ ягоды и думаютъ, что тамъ рубитъ ихъ отецъ дрова. Собирали

póć. Syń dušť ťäťasty; moľćť. Moľćť śezėń, ťäťa·st ara·ś. Śesa·a·ńćik žo·ŕďaś śu·lmaf. Syń faťäšť, šty ťäťa·st kady·ńʒä i tušť viŕ-ga·ńť raŋgyź čijńi·ḿä. Čijšť čijšť, mušť ku·dyńä; sua·šť kudyńińťi, sua·šť — kija·k ara·ś. «Dava·j ťesk ma·ťťana», paťä·ś ḿe·ŕä. «Dava·j», ḿe·ŕi bra·ťiškaś. Maćť. Vany·ť, sua·ś ja·ga ba·ba. «A, ä·jďńiń, tyń ko·sta sy·ďä?» — «Viŕcta, baba·j; ťäťanyk ka-dy·ḿiź». — «Nu, äŕa·da moń ǵe·ca». I syń karmašť äŕa·ma. Baba·ś sa·jiźä ćo·rėńeńť i kaji·źä a·ndumas i andä· ä·synʒa ṕeščeń touda. Andä· ä·synʒa či, kafta i ko·lma. Paťa·za muś ćokańʒura i maksy·źä braťi·škancty. «Na, braťki·ḿ, źa·rda jagaba·baś ḿeŕä, daj surny·t va·rčasa, ton źe·sta ćokań-ʒu·ryńť ma·ksyk ťänʒa va·ŕavańť. Ka·dyk va·rčasy». Saś baba·ś. «Ćo·ram, daj-ka surny·t, va·rčasa, kuji·ť äľ äźi·ť». — «Na, ba-ba·j», i jokstė·źä kurgy·zynʒa ćokańʒu·ryńť. Su·skiźä baba·ś — ka·lgyda i noldė·źä ḿäkij. «Ara·ś, ćora·m, ḃeŕäńcta spra·viť. Nať

собирали, день смеркся. Они пошли къ отцу; пришли. Пришли туда, отца ихъ тамъ нѣтъ. Тамъ привязана только жердь. Они поняли, что отецъ ихъ оставилъ, и пошли бѣгать по лѣсу съ плачемъ. Бѣгали бѣгали, нашли домикъ, вошли въ домикъ, вошли— нѣтъ никого. «Давай ляжемъ здѣсь», говоритъ сестра. «Давай», говоритъ братишка. Легли. Смотрятъ, вошла баба-яга. «А дѣтки мои, вы откуда пришли?»—«Изъ лѣсу, бабушка; насъ оставилъ отецъ нашъ».—«Ну, живите у меня». И они стали жить. Старуха взяла мальчика и бросила его въ кормъ, кормитъ его зернами отъ орѣховъ, кормитъ его день, два и три. Сестра нашла кочедыкъ для лаптей и дала его братишкѣ. «На, братецъ, когда баба-яга скажетъ, дай я попробую твой пальчикъ, ты тогда дай ей кочедыкъ въ щелку. Пусть попробуетъ». Пришла старуха. «Сынъ (мой), дай-ка свой пальчикъ, попробую, поживѣлъ ты или нѣтъ».— «На, бабушка»; и сунулъ ей въ ротъ кочедыкъ. Старуха укусила — жесткій, и выпустила назадъ. «Нѣтъ, сынъ мой, ты плохо поправился. Должно быть, плохо ѣлъ. Ты ѣшь побольше.

ḱeŕańcta jarcy·t́. Ton jarca·k śed́i ṕeḱ. Mon andan äjsyt pa·ŕeťä». — «Jarca·n, jarca·n, baba·j». «Jarca·t da ḱeŕä·ńcta ḿäks ĺi·d́ä sprava·t». I karma·ś äsy·nʒa taga· andu·ma. Karma·ś andu·ma v́äĺks marta tonda. Ańć kafta ko·lmy či i tagy ḿe·ŕä: «Daj-ka, ćora·m, sury·t varča·sa». Son ta·ga jokstė·źä kurgy·zynʒa ćokańʒu·ryńt́. Varči·źä — taga· ka·lgyda. Ta·gy ka·dyźä. Saś i kolmó··ćed́ä. «Daj-ka, ćora·m, varča·sa ńej surny·t». Śe kapša·myń pačk ćokańʒuryńt́ äśä muk. Čara·ś čara·ś, maksy·źä su·rynʒa. Koda·k su·sḱiźä, ańčik ćorek moĺć. «E, ćora·m, dy ton ṕeḱ kujit́. Nu, nej ĺiśt́ ťej, koda· iśťa· ton mańči·ḿiḱ». I karma·ś jagababa·ś ṕećka·ń uštu·ma. Ušty·źä ṕeḱ, a paťä·ś i ḿe·ŕi bra·ťiškańťi sa··lava. «Va, braťḱi·ḿ, kyda ka·ŕḿä kojḿelaŋks oza·ftumyt, ton i iśťa· i iśťa· ṕŕat kaji·ḱ, by·ta ama·štat ara·ma. I ḿeŕt́ ťä·nʒa: «Ba·baj, mon ama·štan. Ara·ka tońć, ńe·f́ťeka koda. Śe·sta moŋga·k iśťa· ara·n, koda· ton mońd́äń ńefca·k». Vot, baba·ś puty·źä

Я кормлю тебя хорошо». — «Кушаю, кушаю, бабушка». — «Кушаешь, да плохо что-то ты поправляешься». И начала она его опять кормить. Начала кормить зернами вмѣстѣ со сливками. Кормила два три дня и опять спрашиваетъ: «Дайка, сынъ мой, я попробую твой палецъ». Онъ опять сунулъ ей въ ротъ кочедыкъ. Попробовала опять — жесткій. Опять оставила его. Пришла и въ третій разъ. «Дай-ка, сынъ мой, я попробую теперь твой пальчикъ». Этотъ въ торопяхъ не нашелъ кочедыка. Вертѣлся, вертѣлся, далъ свой палецъ. Какъ укусила, хрустнуло. «Э, сынъ мой, да ты очень ожирѣлъ. Ну, теперь выходи сюда, какъ ты меня такъ обманывалъ». И начала баба-яга топить печку. Истопила сильно, а сестра и говоритъ потихоньку брату: «Смотри, братецъ мой, какъ она начнетъ тебя сажать на лопату, ты и такъ и такъ кидайся, будто не умѣешь умѣститься. И скажи ей: «бабушка, я не умѣю. Стань-ка сама, покажи-ка какъ. Тогда и я такъ стану, какъ ты мнѣ покажешь». Вотъ старуха поставила

ko·jḿenʒa i ḿeŕä·: «Nu ka, ćora·m, maťť kojḿeńť laŋks pa·ŕćťä. Cora·ś i iśťä· i iśťä· ṕŕanʒa kajśi·sy, prok ťarka·za a la·ďä, prok vo·ŋśi ama·štä maďi·ḿä. «Da ton maťť pa·ŕćťä, ćora·m». — «Ama·-štan, baba·j. Ńe·ťćka tońć koda. Śesta moŋga·k ma·ďan. I·śťa maďa·n, koda· ton ńefca·k». Baba·ś i ḿeŕä: «Nu, kiŕť kojḿepä·ńť, mon maďa·n». Mać baba·ś. I iśťä· kiŕḿića·ŋś, prosta ťäji·ŋś ki·ŕi-ńiks. Ťäχťi·ŕńiś koda·k saji·źä ko·jḿeńť, koda·k a·ťkstyźä ṕe·ć-kańťi, za·slońeńť pu·tyźä i kśńiń koćeŕga·nʒa ńä·židiźä. Śe to·sa a·ńćik ku·fćimä karma·ś: «Do·ćam, do·ćam, no·ldamak; vaľma ṕŕa·sa śijäń su·rkskiń uľä·. Śeń tońäť ma·ksca». — «Ja, syŕä ve·ďma, śe iśťa kak mo·ń uľä». — «Äjďuin, no·ldemeź. Vaľmańťi a·la moda po·ca zo·loćuny tabaki·rkam uľä, śeńga·k tyńä·ŋk ma·ksca». — «Ja, syŕi veďma, se iśťa ka·k ḿińi·k uľä». — «Ko·ŕ-ḿeńećken, no·ldemeź: käŋkš po·rog ala zolota ku·kšinym uľä. Śeńga·k tyńďäŋk maksca». — «Xa, śe iśťa ka·k ḿińik uľä». Sa·-jiź tabaki·rkańť i zolota·kukšinyńť i tuśť. Moľćť moľćť, fa·ťäśť:

свою лопату и говоритъ: «Ну-ка, сынъ мой, ложись хорошенько на лопату». Мальчикъ кидается и такъ и такъ, словно мѣсто не подходитъ, словно вовсе не умѣетъ лечь. «Да ты ложись хорошенько, мой сынъ».—«Не умѣю, бабушка. Покажи-ка ты сама какъ. Тогда и я лягу. Лягу такъ, какъ ты покажешь». Старуха и говоритъ: «Ну, держи ручку лопаты, я лягу». Легла старуха. И такъ она съёжилась, просто сдѣлалась клубочкомъ. Какъ схватила дѣвушка лопату, какъ швырнула ее въ печку, поставила заслонъ и подперла его желѣзною кочергой. Та начала тамъ только стонать: «Дочка моя, дочка моя, отпусти меня: подъ окномъ у меня есть серебряное колечко. Я дамъ его тебѣ.»—«А, старая вѣдьма, оно и такъ будетъ моимъ.» — «Дѣточки мои, отпустите меня. Подъ окошкомъ въ землѣ у меня золотая табакерка, и ее я дамъ вамъ». — «А, старая вѣдьма, она и такъ будетъ наша.» — «Кормильцы мои, отпустите меня; подъ двернымъ порогомъ у меня есть кувшинъ золота. И его я вамъ дамъ». — «Ха, онъ и такъ будетъ нашъ». Взяли они табакерку и кувшинъ золота и ушли. Шли

śijäń su·rksḱińt́ stu·ftyź[1]). Ćo·reńeś i ḿe·ŕä: «moĺa·n, sajsa·». Mu·rdaś. Sua·ś ku·dyńt́i, va·nä. A kudga·ńt́ tomḃamla·ŋga ku·ja ču·d́ä jagababa·ńt́ ä·sta. Ćoŕe·ńeś i duḿä: «vanta·, son su·rym säv́iźä. Poc·tomu son ṕek tańt́i·j. Nuka mon va·rčasa sonʒa ku·janʒa». Koma·ś i nola·ś o·jd́enʒa i t́äji·ŭś śä·jńiks. I tuś ardy·ź. Aré v́iŕgańt́ pa·t́ancty. Pa·rä śä·jńiks. Paťä·za va·nä: «Ko·sta t́e śäji·ńiś, kodamyška ma·zyj»; a śäjińiś karčyzy·nʒa a·vaŕd́ä i pa·rä. Paťä·ś faťä·ś: «Eχ, eχ, t́e braty·m». Nu t́äjńi·ms a ḿäśt́. I tuś ma·ryn͡ʒa. Moĺćt́ moĺćt́ v́i·ŕga, ĺiśćt́ pokš ḱi la·ŋks i moĺe·t́ ḱija·va. Syńć a·zdyt́ kou. Vany·t́, kuṕe·ćt́ syt́ ä·zyst i saji·ź śäji·ńińt́ i t́äχt́i·ŕńińt́ ma·ryst. I tuśt́; moĺćt́ moĺćt́, saśt́ goróc i karma·śt́ tava·ryst ä·sa ḿikšńi·ḿä. Ḿikšńi·t́. Śija· juta·ś śe ja·ga ba·bańt́ t́äχt́i·ŕiza i ńeje·źä śe śä·jńińt́. Moĺé ḿiŕd́i·ncty i ḿeŕä t́ä·nʒa: «Aźa, raḿiḱ o·na ńe kuṕećńeń śäji·ńist; źa·ra iĺa ma·kst, nu saji·ḱ». Śe tuś. A son

1) istuftyź.

шли, хватились: забыли серебряное колечко. Мальчикъ и говоритъ: «пойду, возьму». Вернулся. Вошелъ въ домъ, смотритъ. А по дому съ шестка течетъ жиръ изъ бабы-яги. Мальчикъ и думаетъ: «смотри-ка, она съѣла мой палецъ. Поэтому она очень сладкая. Ну-ка попробую ея жиръ». Нагнулся и лизнулъ ея жиру и сдѣлался козленкомъ. И пошелъ вскачь. Прискакалъ по лѣсу къ сестрѣ. Блеетъ какъ козленокъ. Сестра смотритъ: «откуда этотъ козленокъ, какой красивый», а козленокъ въ отвѣтъ ей плачетъ и блеетъ. Сестра поняла: «Эхъ, эхъ: это братъ мой». Ну, дѣлать нечего. И пошла съ нимъ. Шли шли лѣсомъ, вышли на большую дорогу и идутъ дорогой. Они сами не знаютъ куда. Видятъ, купцы идутъ къ нимъ, и взяли они козленка и дѣвочку съ собой. И пошли; шли шли, пришли въ городъ и начали продавать свои товары. Продаютъ. Тамъ проходила дочь той бабы-яги и увидѣла этого козленка. Пришла къ своему мужу и говоритъ ему: «Ступай, купи козленочка вонъ тѣхъ купцовъ; сколько не дать, но возьми». Тотъ пошелъ. А она и думаетъ:

i dumä·: «Śe śäji·ńiś, vany·k, moń ava·ń juma·ftyźä». Śe rańi·źä śä·jińińt, v́e·ťeźä ku·duŋ. Śe varči·źä: ava·za ṕiďi·ť; saji·źä ke·žeń pačk i ṕäčki·źä śä·jińińt. A ťäχťi·ŕiś ńejga·k äŕä·bojara·vaks.

Joŋks.

Äŕä a·šćä do·va ba·ba. Dova babań kolma ťäχťiŕinʒa. Ińazyrpa·zyń kuly·ś koźa·jkaza. Dovababa·ń ťäχťiŕχńä bakuľiť. Pokšeś ḿe·ŕä: «Kyba moń ińazyrbas sajiŋľińim koźa·jkaks, v́äχki suskumsa v́äśi Raśejanʒa ťŕäŋľińä». A ombö·ćeś ḿeŕä: «Kaby moń saji·ŋľińim, v́äχki koct loskötca v́äśi Raśejanʒa orčaŋľińä». A kolmöćeś ḿeŕä: «Kaby moń zajiŋľińim ińazyrbas koźajkaks, kolmy ṕäksa ǩämgaťtuva ćora čactaŋľiń, ćiť koft końasyst, kšnikočkaŕat, ǩäŋ gasymt, ńšks tapardań kumańʒat». A ińazyryś śe škańä kulcynyś ǩäŋkš

«Тотъ козленокъ, видишь, погубилъ мою мать». Тотъ купилъ козлёнка, привелъ его домой. Та попробовала: это испеченная ея мать; схватила она его въ злости и зарѣзала козлёнка. А дѣвочка и теперь живетъ какъ барыня.

Сказка.

Живетъ-поживаетъ вдова старуха. У вдовы старухи три дочери. У царя померла жена. Дочери вдовы старухи болтаютъ. Старшая говоритъ: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я однимъ кускомъ накормила бы всю Россію». А вторая говоритъ: «Если бы меня взялъ, я однимъ лоскутомъ полотна одѣла бы всю Россію». А третья говоритъ: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я въ три сноса родила бы двѣнадцать сыновей, на лбу у нихъ солнце и луна, желѣзныя пятки, каменныя темячки, колѣнки обернуты проволокой. А царь въ это время слушалъ позади двери. Услышалъ ихъ

udala. Mańińʒä kortamsta. Śeń sajiźä kożajkaks. Ḱäṕi·ć vojna·. Ińazyrba·s tuś vojna·ŋ. Śe škańä babazy stardaŋś čačta·ma, i ḱi·skast karma·ś ľäŋkśija·ma. «Nu, täŕt babu·ška». Čačta·ś ńiľi ćo·rat. Ḱi·skaś ľäŋkśijaś ńiľi ľäŋkst. Äχńi·ń čit koft końa·syst, kšńikočkańat, käŋ gasymt. Babuškańt ḿeľc apara. Vačḱi·ńʒä äχńiń eľezė·ŋʒa. Śäŕģi·ć, ľiść ušu·ŋ mary·st. Śäŕģi·ć: ťičḱi ťičḱi ṕeŕguľičḱi, po·jťe ṕe·śni rusaľi·ḿśḱi, na·ťe vam gasťi·ńčiḱi». Äχńi ťäjiŋśť ťicaks i ľiťťä·śť, a ḱiska ľäŋksnyń suvaftyńʒä babuškaś i putyńʒä ińazyravańť vaksc. Kučćť ińa·zyryńťi śorma·, šty paχva·ľnyj babat čačta·ś ńiľi ḱiskaľäŋkst. Saś ińa·zyryś kudu·ŋ, śolnä·ińazyravańť äjsa: «χvaľilća, ḿeŕeť, kämgaftuva ćo·rat čačta·n, a ńej, vanyk, kämgaftuva ḱiskaľäŋks ľäŋksyjať». Ińazyravaś ḿeŕä ťänʒa: «Ľeťeńďäŕä·j eščo· čačta·ms, śe po·rastyńť iľa tuk ko·ŋgak». Ṕäḱi·jaś taga·. Saś čačta·ma po·raza, tagy· tuś ińazyryś vo·jnaŋ. Son ta·gy karma·ś čačta·ma. Ťaŕďiź dagy śe babu·škańť. Čačta·ś

во время разговора. Ту онъ взялъ въ жены. Поднялась война. Царь пошелъ на войну. Въ это время жена его собралась родить. И собака ихъ собралась щениться. «Ну, зови бабушку». Родила четырехъ сыновей. Собака ощенилась четырьмя щенками. У дѣтей на лбу солнце и луна, желѣзныя пятки, каменныя темячки. Бабушкѣ не понравилось. Наложила дѣтей въ подолъ. Крикнула, вышла съ ними наружу. Крикнула: «птички, птички, пергулички, пойте пѣсни Іерусалимскія, нате вамъ гостинчики». Дѣти сдѣлались птицами и полетѣли, а бабушка внесла въ избу щенятъ и положила ихъ около царицы. Они послали царю письмо, что хвалёная твоя жена родила четырехъ щенятъ. Пришелъ царь домой и бранитъ царицу: «Ты хвалилась, говорила: я рожу двѣнадцать сыновей; а теперь вотъ, ты ощенилась двѣнадцатью щенками». Царица говоритъ ему: «если придется еще родить, на ту пору никуда не уходи». Забеременѣла она опять. Пришла пора ея родить, опять ушелъ царь на войну. Она опять начала родить. Позвали опять ту бабушку. Родила опять женщина.

taga· ava·ś. Kiskaś tagy· ľäŋksy·jaś. Tagy· ba·buškaś vaćkińʒä eľezė·nʒa. Śäŕgi·ć tagy i·śťa. Äχńi· ťajiŋśť tagy· ťi·caks i ľifťäśť taga·. Son tagy· suaftyńʒä babuškaś kiskaľäŋksnyń, tagy putyńʒä vaksyzy·nʒa. Saś tagy· ińa·zyryś. Ṕeḱ ḿeľezėnʒa apa·ra. Xoťel ḱäŕa·mynʒa ińazyra·vańť, no kadyźä ešćo· ćaćtamy·nʒa. Ṕäḱi·jaś taga·. Saś tagy· ćaćta·ma pora·za. Ińazyryś tuś tagy· vojna·ŋ. Son dagy stardaŋś ćaćta·ma. Tagy ťäŕ·ďiź źe ba·buškańť. Ćaćta·ś tagy ńiľi ćo·rat. Kolmóťńä ći koŋ ma·ṛtyt, a v́ä·χḱiś iśťa pro·stėj lo·mań. Kolmóťńeń putyńʒä tagy· eľezė·nʒa ba·buškaś, ľifťińʒä ušu·ŋ ta·ga. Śäŕgi·ć tag' i·śťa. Ťäji·ŋśť tagy· ťi·caks i ľifťä·śť taga. Śe ä·jďińť kady·źä avańť vaksė. Kiskaľäŋksnyń kolmóťńeń suaftyń-ʒä. Kućśť ińa·zyryńťi śorma·. Saś ińa·zyryś. Ińazyravańť ṕiŋǵiďiźä boćkas ćorė·ńeń marynʒa i v́äχḱi kiskaľä·ŋks. Boćkańť noldó·źä mo·ŕas. Ujńä· v́eďga·ńť bo·ćkaś. Ćorėńeś karma·ś koṛta·ma. «Eχ, ḿeŕä, ava·j, kaby V́eŕepazyś pokš varma· nolda·vyľ, ḿińi·ḱ bu val-

---

Собака опять ощенилась. Опять бабушка положила ихъ въ свой подолъ. И крикнула опять такъ же. Дѣти опять сдѣлались птицами и опять полетѣли. Бабушка опять внесла (въ избу) щенятъ, опять положила ихъ около нея. Пришелъ опять царь. Очень ему не понравилось. Хотѣлъ казнить царицу, но оставилъ ее еще разъ родить. Она забеременѣла опять. Опять пришла пора родить. Царь опять ушелъ на войну. Она опять собралась родить. Опять позвали ту бабушку. Опять родила она четырехъ мальчиковъ. Трое съ солнцемъ и луной, а одинъ такъ простой человѣкъ. Троихъ бабушка опять положила въ свой подолъ и опять ихъ вынесла на дворъ. Опять такъ же закричала. Сдѣлались они опять птицами и опять полетѣли. Того ребенка она оставила близъ матери. Внесла трехъ щенятъ. Послали царю письмо. Пришелъ царь. Онъ заколотилъ царицу вмѣстѣ съ сыномъ и одинмъ щенкомъ въ бочку. Бочку пустилъ въ море. Плаваетъ бочка по водѣ. Мальчикъ сталъ говорить: — «Эхъ, говоритъ, матушка, если бы Всевышній пустилъ большой вѣтеръ, насъ выбросило бы волной

nasa jorda·u̯l'imiź b'e·ŕeks». Ava·ś ḿeŕä·: «Eχ, äjd'ńi·ḿ, kyby toń gurksta V́eŕepazyńt́ ṕi·l'is». Nu, maŕińʒ̆ä V́eŕepa·zyś. Käṕi·ć bu·ŕa, jordéńʒ̆ä syńct valnasa b'eŕeks. Ćorė·ńeś koṛtä ta·ga: «Eχ, ava·j, ḿeŕä, kyby mon v́äńt́t́iu̯l'iń ked'en b'il'gin, boćka ṕät́ńä l'iśiviḷt́. Ḿiń bu l'iśiu̯l'ińik śv́ec». Ava·ś tagy· ḿeŕä·: «Kyby äjd'ńiḿ, ḿeŕä, toń gu·rksta V́eŕepa·zyńt́ ṕi·l'is». V́äńt́t́ińʒ̆ä ked'enʒa ṕil'ginʒa. L'iśćt́ boćka ṕä·t́ńä. Syń l'iśćt́ naružy b'eŕeks. Aščí·t́ či, i saś v́ä. Maćt́ boćka ṕä·ńti[1]). Va·léki śt́aśt́. Ara·ś v́äχkijak loma·ń. Moŕa b'eŕekkańt́ pavań dolgat aščit́. Ćo·ŕėńeś karma·ś nalkśi·ḿä, pava·ń dolga·t́ńiń kočkśe·ḿä, kudy·ńiks äjsy·st t́äjńi·ḿä. I ḿeŕä ava·nsty: «Eχ, ava·j, ḿeŕä, kyby ńe kudyńi·t́ńä t́äji·v́iḷt́ go·ŕńećaks». Nu, V́eŕepa·zyś maŕi·ńʒ̆ä i t́äji·u̯śt́ goŕńe·ćaks. Śija· jutä· obo·z. Ćo·ŕėńeś l'iść karćizyst, käu̯kśńä ä·jsyst: «Kou̯, ḿeŕä, mol'd'a·da?» — «Ińa·zyrnyń i̯zvoz uskta·na». T́äjiu̯ś son gak ka·ruu̯ńiks. Ṕäd'ä·ś izvo·ščeḱńeń ća·pkas. Tuś ma·ryst. Suvaś tozė·j ińa·zyryń ku·dys.

1) boćka ṕäs.

на берегъ». Мать отвѣчаетъ: «Эхъ, дитятко, кабы (слова) изъ твоего рта (дошли) Всевышнему въ уши». Ну, услышалъ его Всевышній. Поднялась буря, выбросила ихъ волною на берегъ. Мальчикъ говоритъ опять: «Эхъ, матушка, если бы я могъ протянуть руки и ноги, дно бочки выскочило бы. Мы вышли бы на свѣтъ». Мать говоритъ опять: «Кабы, дитятко, (слова) изъ твоего рта (дошли) въ уши Всевышнему». Онъ протянулъ руки и ноги. Выскочило дно бочки. Они вышли наружу на берегъ. Сидятъ они день, и пришла ночь. Легли они на дно бочки. Утромъ встали. Нѣтъ ни одного человѣка. По берегу моря лежатъ павлиньи перья. Мальчикъ началъ играть, собирать павлиньи перья, дѣлать изъ нихъ домикъ. И говоритъ своей матери: «Эхъ, матушка, кабы эти домики сдѣлались горницами» Ну, Богъ услышалъ его, и они сдѣлались горницами. Тамъ проходитъ обозъ. Мальчикъ вышелъ имъ навстрѣчу и спрашиваетъ ихъ: «Куда, говоритъ, вы идете?» — «Мы веземъ царскій извозъ». Обернулся и онъ мушечкой. Прилипъ къ извозчичьей шапкѣ. Пошелъ съ ними. Вошелъ туда въ цар-

Valkś śťe·nas. Kulcyny, ḿäśť kortä·ť izvoščeḱńä. V́äχki·ś i ḿeŕä· izvo·ščeḱeś: «Ḿäji·ń ďiva·t ńe·jeńcḱ! Iśa·k juty·ńiḱ moŕa ḃeŕe-kséńť, araśiľ ḿäźija·k, a ťečä· juta·tana — aščiť go·ŕńećat ńeskazan-nyj mazy·χť». A ba·buška. ba·baś ińazy·ryńť ḱeca kuχarkaks äŕä·. I korty ťäst: «Ńcť uš i ḿä·jiń ďiva·t. Mon zo·dan ďiva·t. Vot tyk ńcť ďi·vat: ďikyj śťepsa, pu·sta pa·kśasa tua ńe·ŕcėnʒa soḱä·, ṕiľisy·nʒa v́iďä, pulysynʒa izä· — vot śe tyk ďi·va». Ćo-rėńeś maŕi·źä śc va·lyńť. Saś kuduŋ do·sta i ḿeŕä avancty: «ḿä-ji·ń ďiva·t joŕńe·śť to·sa. Voť ďikyj śťepsa tu·a, i sońć soḱä· i v́iďä· i izä·. Kyby śe ḿińäńiḱ, a·vaj, do·stať». Ava·ś ḿcŕi ťä·nʒa: «Kosta, ä·jďńiḿ, śe ḿińďäńiḱ dosta·ť?» — «Mon moľa·n, ava·j, v́äšńi·sa». Tuś i muji·źä. Pańi·źä kudy·st vaksc, karma·ftyźä so-ka·ma. Juty·ť tagy· izvo·ščeḱńä. Son ťäji·ŋś tagy karuŋńiks, valkś tagy· čapka·zyst. Tuś tagy· ma·ryst, suaś ińazyryń guc tagy ma·ryst. Izvo·ščeḱńä tagy· kortė·ť: «Vot, ḿcŕeť, ďiva·ťńä: kona·

скій домъ. Спустился на стѣну. Слушаетъ, что говорятъ извозчики. Одинъ извозчикъ и говоритъ: «Что за чудеса мы видѣли! Вчера мы проѣзжали по берегу моря, ничего не было, а сегодня проѣзжаемъ, стоятъ горницы несказанно красивыя». А бабушка старуха живетъ у царя кухаркой. И говоритъ имъ: «Это ужъ что за чудо. Я знаю чудо. Вотъ это такъ чудо: въ дикой степи, въ пустомъ полѣ свинья пашетъ рыломъ, ушами сѣетъ, хвостомъ боронуетъ—вотъ это такъ чудо». Мальчикъ услышалъ то слово. Пришелъ оттуда домой и говоритъ своей матери: «что за чудо сказывали тамъ. Вотъ въ дикой степи свинья и сама пашетъ и сѣетъ и боронуетъ. Какъ бы намъ это достать, матушка». Мать говоритъ ему: «Откуда, дитятко, намъ это достать?» — «Я пойду, матушка, найду». Пошелъ и нашелъ. Пригналъ (свинью) къ ихъ дому и заставилъ ее пахать. Проѣзжаютъ опять извозчики. Онъ опять обернулся въ мушечку, спустился опять на ихъ шапки. Опять пошелъ съ ними, вошелъ опять съ ними въ царскій домъ. Извозчики опять говорятъ: «Вотъ, говорятъ, чудо: свинья, о которой

tu·vyńť ťesy jo·fńeŋǩ, śe ja·k uš to·sa». Śe a·vaś tagy· ḿeŕä·: «śe a ḿä·jiń ďiva. Vot mon jofta·n ďiva·: «ďikyj śťe·psa e·ľďä, ǩämga·ftuva vaša ḿäľga·nʒa ja·ǩä, ǵŕiva·st puly·st zolotoχť». Ćorė·ńeś maŕi·ńʒä i tuś kudu·ŋ da·ga. Avanctyj korṭä·: «taga·, avaj, maŕi·ń ďi·va: ďi·kyj śťe·psa eľďä, ǩämgaftuva vašy ḿäľga·n-ʒa, ǵŕiva·st puly·st zoloto·χť. Mon moľa·n, ńeń gak ťej dusy·ń». Tuś i pańińʒä ťej. Noldėńʒä moŕä·ń b́e·ŕekka. Izvo·ščeǩńä tagy· juty·ť. Son ťä·jiņś tagy karuŋńiks i tuś tagy· maryst. Suvaś tagy ińazy-ryńť kuc. Valkś tagy· śťe·nas. Izvo·ščeǩńä korṭė·ť taga·: «Vot ďiva·ťńä! Kona eľďeńť jofńe·ŋǩ ťesa·, śe jak uš synct ǩeca·». A babu·ška baba·ś tagy· ḿeŕä: «ťe aḿä·jiń ďi·va. Vot mon jofta·n ďi·va: ďi·kyj śťepsa źe·ḿľaŋka, tosy źeḿľaŋka ǩijakscyńť acaf po·lók, pológėńť laŋksa ǩäv́iχǩijä ćo·ra; nalkśi·ť ka·rtasa, kšńi kočkaŕat, ǩäŋgasymt, uśks tapardań gumańʒat, čiť koft końa·syst». Ćoro·ńeś maŕi·ńʒä taga· i tuś kudu·ŋ daga·. Korṭä· ava·ncty:

вы разсказывали здѣсь, и та ужъ тамъ». Та женщина опять говоритъ: «то никакое чудо. Вотъ я разскажу чудо: въ дикой степи ходитъ кобыла, а за ней двѣнацать жеребятъ, гривы и хвосты золотые». Мальчикъ услышалъ это и пошелъ опять домой. Говоритъ своей матери: «опять, матушка, я узналъ чудо: въ дикой степи ходитъ кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и хвосты золотые. Я пойду и ихъ приведу сюда». Пошелъ и пригналъ ихъ сюда. Пустилъ ихъ по берегу моря. Извозчики проходятъ опять. Онъ обернулся опять въ мушечку и пошелъ съ ними опять. Вошелъ опять въ домъ царя. Спустился опять на стѣну. Извозчики опять говорятъ: «Вотъ чудо! Кобыла, о которой вы здѣсь разсказывали, и та ужъ у нихъ». А старуха бабушка опять говоритъ: «это никакое чудо. Вотъ я разскажу чудо: въ дикой степи землянка, тамъ на полу землянки постланъ пологъ, на пологу одиннадцать мальчиковъ; играютъ въ карты, желѣзные подборы, каменныя темячки, колѣнки обернуты въ проволоку, на лбу у нихъ солнце и луна». Мальчикъ услышалъ опять и пошелъ опять

«Eχ, avaj, ḿäji·ń ďiva·t maŕi·ń. Ďi·ǩyj śťe·psa źe·ḿľaŋka, źe·ḿľaŋka ǩi·jakscyńť acaf polȯk, polȯgėńť laŋksa ǩäv́iχǩijä ćora naľǩši·ť ka·rtasa, čiť koft końa·syst». Ava·ś i ḿeŕä·: «Ńeť ä·jďńin, toń braty·t sama·j». — «Mon, ava·j, zynct kak dosta·nu? Pańť äś lofcėzėt ǩäv́iχǩijä śu·kyr». Pańć avaś ǩäv́iχǩijä śu·kyr, saji·ńʒä ćorėńeś śukyrχnyń, tuś mary·st, muji·źä źeḿľa·ŋkańť, pańʒiźä ǩäŋkšinʒa, ǩäv́i·ŕć v́äχǩi śuky·r. Sajiźä v́äχǩi ćoraś śukyryńť i karma·ś äjsty·nʒa jarca·ma i korty· ťäst: «Eχ, brat, ḿeŕä, ťe śu-ky·ryś prok avań lofcės pańi·ť»; a ćorėńeś maŕa·syńʒä ḿäšť kortė·ť. Kaji·ńʒä v́äši śukyrχnyń ǩä·ŋkškańť, sajńi·ź ešče·ťńä jak i suaś sońć kak. «Ḿeŕďa·dy, bra·tcy, prok avań lo·fcės pańiťť śu-kyrχnä, aďa·da tyńć ka·k ava·ńiń». I tuśť v́äši. Moľćť tozėj syń kak raz goŕńećaťńä i·ǩiliu̯, i izvo·ščeǩńä kak raz pačky·ť śe·zej. Ńeť kaduu̯śť tosk ćora·ťńä, a se tuś taga· izvoščeǩńä marta. Moľćť tagy· tozė·j. Ṕädä·ś śťe·nas. Izvo·ščeǩńä tagy· kortė·ť: «Vot

---

домой. Говоритъ своей матери: «Эхъ, матушка, что за диво я узналъ. Въ дикой степи землянка, на полу землянки постланъ пологъ, на пологу одиннадцать мальчиковъ, играютъ въ карты, у нихъ на лбу солнце и луна». Мать и говоритъ: «Это мои дѣтки, самые твои братья». — «Я, матушка, и ихъ достану? Испеки на своемъ молокѣ одиннадцать лепешекъ». Испекла мать одиннадцать лепешекъ, взялъ мальчикъ лепешки, пошелъ съ ними, нашелъ землянку, отперъ двери, покатилъ одну лепешку. Взялъ одинъ мальчикъ лепешку и сталъ ее ѣсть и говоритъ имъ: «Эхъ, братцы, эта лепешка словно испечена на молокѣ моей матери», а мальчикъ слышитъ, что̀ они говорятъ. Бросилъ черезъ дверь всѣ лепешки, взяли и остальные, и самъ онъ вошелъ. «Вы, братцы, говорите, что лепешки испечены словно на молокѣ матушки, идите и вы сами къ матушкѣ». И пошли всѣ. Пришли туда какъ разъ передъ горницами, и извозчики какъ разъ проходятъ тамъ. Эти мальчики остались тамъ, а тотъ ушелъ опять съ извозчиками. Пришли опять туда. Спустился на стѣну. Извозчики опять гово-

ďiva·ťńä: kona· ćora·ťńiń ťesä· jo·ťńeηk, ńeť kak uš to·sėt». Ińazyryś i ḿeŕä: «Koda·tt iśťa·tt ťesä· lomaťńä. Äŕävä vandy·j moľeńä ťäst». Ćorėńeś tuś i avansty kortä·: «Vandy·j, ḿeŕä, ava·j, ińazyryś ťäńi·ḱ sy; śŕapa·jada; äŕävä son kava·ńams». Ava·ś ḿeŕä: «B́yďä· ińa·zyryś sy, ton joftaft moń ǵecta jouks». Nu, saś ińa·zyryś ťäst, ozaťtyź stoľekšc, karmaśť kava·ńamyn3a, suvaśť v́äśi ćora·ťńä. Ťe corėńeś karma·ś avan3y dońa·ma: «Ava·j, joftak jouks». Ava·ś ḿeŕä·: «Mon, äjďńim, mońć kak prok joukskan». Ćorėńeś ḿeŕä·: «Äś ṕŕi·ńit χoť joftė·ḱ». Ava·ś ḿeŕä·: «Moń b́ŕam joftams či dy v́ä satä·». A ćorėńeś ḿeŕä: «čis dy v́äs i to joťtė·ḱ». Avaś karmaś ṕŕan3y· jofta·ma, koda äŕäś dovababa·ś i koda kuly·ś ińazyryń kożajkaza i saji·źä son3y· koda, koda· čačńi·ń3ä ćora·ťńiń, koda· babu·škaś jumafńiń3ä, koda ińa·zyryś son3a·bo·ćkas ṕiηǵi·ďiźä i mo·ŕas koda· noldėźä, koda valnasy b́eŕeks jordė·źä. Ińazyryś kulcy·nä i dumi·, šty ťe ńeka·k moń goźa·jkam

---

рятъ: «Вотъ чудо: мальчики, о которыхъ вы здѣсь говорили, и они тамъ». Царь и говоритъ: «Какіе такіе тамъ люди? Надо завтра пойти къ нимъ». Мальчикъ ушелъ и говоритъ своей матери: «Завтра, матушка, къ намъ придетъ царь; готовьте кушанье; надо его угостить». Мать говоритъ. «Если придетъ царь, ты заставь меня разсказать сказку». Ну, пришелъ къ нимъ царь, посадили его за столъ, начали его угощать, вошли всѣ мальчики. Этотъ мальчикъ сталъ приставать къ своей матери: «Матушка, разскажи сказку». Мать говоритъ: «Я, дитятко, сама словно сказка». Мальчикъ говоритъ: «самоё себя хоть разскажи». Мать говоритъ: «Разсказывать обо мнѣ хватитъ на день и ночь». А мальчикъ говоритъ: «день и ночь, а всё-таки разскажи». Мать стала разсказывать о себѣ, какъ жила вдова старуха и какъ умерла жена царя и какъ онъ взялъ ее, какъ она родила мальчиковъ, какъ бабушка погубила ихъ, какъ царь заколотилъ ее въ бочку и какъ пустилъ въ море, какъ волной прибило ее къ берегу. Царь слушаетъ и думаетъ, что то была никакъ моя жена.

ulńiś. Śťa·ś stoľe·kśstést i tuś kudu·u̯. Molć, śe ƀa·ƀańť śulḿiźä alašä·ń pu·lys i noldėźä ďi·kyj śťepej. Sońć saś ńeńeń äŕa·ma.

Записано отъ Т. Учуськиной.

Jou̯ks.

Äŕä·śť a·ščiśť aťa·t ƀaba·t. Äjďist araśiļť i syń ṕek ḿeľa·fćť. Nu ťäjńims a ḿä·śť, kyľi ara·śť, saji·ms ako·sta. Aťäś tuś burla·-čama. Ḱizy·ń burla·čaś, ḿäjľi sy ku·duu̯. Omƀô·ćä tu·nda; ċiś ulńiś ṕši. Son oza·ś ojḿe·śćḿä ḿe·ľńeća bruď va·kss. O·jmaś ťäjś, śiḿima·zy saś. Ko·maś koma·da i karma·ś śi·ḿiḿä. Śiḿś, karmaś śťama. Maŕa·syj, ḱi ƀiďi saka·ldy kundyźä. Son duḿä, ḿäjś kak poŋgśť. Ťej nock, tou̯ nock, sakaχnä ata·rgaviţ. Son i ḿeŕä: «Ḱi to·sä, nolda·k. Ḿäśť voźa·t?» — «A no·ldan!» — «Ḿäks?» — «Iľa· śiḿńi ko·mady, vot ḿäks». — «I karma·t ńej

---

Всталъ изъ-за стола и пошелъ домой. Пришелъ, ту старуху привязалъ къ лошадиному хвосту и пустилъ ее въ дикую степь. Самъ пришелъ жить къ этимъ.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было, и они очень печаловались. Ну, дѣлать нечего, коли нѣтъ, не откуда взять. Старикъ ушелъ бурлачить. Лѣто онъ бурлачилъ, а потомъ пошелъ домой. Вторая весна; день былъ жаркій. Онъ сѣлъ отдохнуть около мельничнаго пруда. Отдохнулъ немного, захотѣлось ему пить. Нагнулся въ припадку и началъ пить. Напился, сталъ вставать. Чувствуетъ, будто кто схватилъ его за бороду. Онъ думаетъ, что борода какъ нибудь зацѣпилась. Сюда дернетъ, туда дернетъ, борода не вырывается. Онъ и говоритъ: «Кто тамъ, пусти. Чего балуешь?»—«Не пущу!» — «Почему?» — «Не пей въ припадку, вотъ почему.»—«И станешь теперь такъ меня

iśťa· kiŕďimin?» — «Da!» — «A źardy no·ldasamak?» — «Śesta, źarda alfta·sak mońďäń śeń maksu·ms ḿä·źi ku·ca azdasak. A ƙiďä a a·lftasak, v́äďińťi u·sktan». — I karma·ś usku·ma. «Užy·, iľa·mak usk! Duma·n vaśńa». I karma·ś duma·ma. «Dy ḿäźi mon aso·dan? I śeń zoda·sa, i śeń zoda·sa; prok v́äśi soda·syń ḿäźiḿ uľä». I ḿeŕć: «nu, saji·ƙ». Ľiść v́ä·ctyńť a·ťa, v́äśij śe·dėj. Targa·ś ṕäjiľńä, targa·ś ko·ńou̯ prok kiu̯gyryń. I ḿeŕä: «na käŕi·k ľä·mťiḿi su·ryt, a man v́äŕcy·t śorma·dan śo·rma, a tońć śorma· duma ama·štat, čeŕks ťäχť». Čeŕkstyźä su·ryńť, ťäjńi·ms aḿä·śť. Śe nav́i·źä ṕera·nʒa i ḿäśť ƙidi śorma·ć. I ḿeŕć: «nu na če·ŕkstak». Aťäś saji·źä ṕerańť i čeŕksta·ś. Śe tuś v́äc, a aťäś śťäś i tuś kudu·u̯. Moľä· i duḿä·: «Ḿäźi·žy mon aso·dan? V́eď v́äśij sodasyń. Moža koda·myjak to·sa tara·tƙä äľi ḿäźija·k». Moľä·, iśťa· duḿä·, a śäďi·jiza ŕiznä·, i pačkyć iśťa kudu·u̯. Suva·ś kardazu̯u̯, baba·za liść karčizynʒa, a ƙecėnʒa äχť. Aťäś sra·zu faťäś. «Eχ,

---

держать?» — «Да!» — «А когда отпустишь? — «Тогда, когда обѣщаешь дать мнѣ то, чего ты не знаешь въ домѣ. А если не обѣщаешь, утащу въ воду». И началъ тащить. «Погоди, не тащи меня! Сперва подумаю». И началъ думать. «Да чего я не знаю? И то знаю и то знаю; словно, всё знаю, что у меня есть». И сказалъ: «ну, возьми». Вышелъ старикъ изъ воды, весь сѣдой. Вытащилъ ножикъ, вытащилъ бумагу, словно изъ бересты. И говоритъ: «на, разрѣжь безымянный свой палецъ, а я напишу письмо твоею кровью, а ты самъ писать не умѣешь, сдѣлай черту». Надрѣзалъ палецъ, дѣлать нечего. Тотъ обмакнулъ свое перо и что-то написалъ. И сказалъ: «ну, на, сдѣлай черту». Старикъ взялъ перо и сдѣлалъ черту. Тотъ ушелъ въ воду, а старикъ всталъ и пошелъ домой. Идетъ и думаетъ: «Чего же я не знаю? Вѣдь я всё знаю. Можетъ быть, тамъ какой-нибудь сучокъ или что-нибудь (другое)». Идетъ, думаетъ такъ, а сердце его тоскуетъ, и подошелъ такимъ образомъ къ дому. Вошелъ во дворъ, старуха его вышла ему на встрѣчу, а въ рукахъ ребенокъ. Старикъ

ḿäśť mon ďäji·ń. Kady·ḱ lučšy mońćeń v́äďińťi usku·ŋľimim». Praś i karma·ś ra·ŋguma. Baba·za i dumä: «Ḿäks žy son raŋǵä? Äŕavyľ ťänʒa radu·vams. Äχť ťänʒa ńefťeń, a son koda·k ńejeźä i ura·kać». Baba·ś karma·ś laći·minʒa. «Ḿäśť raŋga·t? Śťak. V́eŕepas äχť ťäńi·ḱ maksć, a ton prok ta·ndadyť ä·jstynʒa. Śťak, suva·k kuc, a to loma·ťť ṕä·jďiḿi karḿiť». Aťäś śťä·ś i suva·śť. Aščiśť ťäjśť. Aťä·ś ja·la raŋǵä i baba·ś karma·ś ra·ŋguma; la·ŋgyzyst va·nyź ä·jďiś kak karma·ś raŋgu·ma. Syń lotka·śť i karma·śť äjďi·ńť laći·minʒa. Baba·ś i ḿeŕä: «Mäks ton iśťa· raŋǵi·ť a·ťa?» — «Eχ, ḿäźija·k ton, baba·, aso·dat. Ḿäśť mon ďäji·ń! V́eď iśťa·, iśťa·», i joťńe·ńʒä v́ä·śij, koda· ťäv́i·ś uľńi·ś. «Ḿä·źi ťäjat, nať Pazy·ńťi iśťa· äŕä·v́ä; karma·tana äŕa·ma i učn·ma ḿäšt u·ľiť, ḿäśť Pas ťäjä·. Pazy·ś ama·kscyj, tuvyś asä·ŋsyj». I karma·śť äŕa·ma. Äŕi·ť god, äŕi·ť kafta. Äŕä·śť ḱä·ḿiń gott. Äjďiś kaść. Sońć ćo·ra u·ľńiś. V́äχki v́ä·sta druk ćora·ś koda·k ky·ŕnaŕć i

---

сразу догадался: «Эхъ, что я сдѣлалъ. Пусть бы лучше онъ меня самого утащилъ въ воду». Упалъ и началъ рыдать. Старуха и думаетъ: «Отчего же онъ рыдаетъ? Ему слѣдовало бы радоваться. Я показала ему ребенка, а онъ, какъ увидѣлъ его, разревѣлся». Старуха стала его утѣшать. «Чего ты плачешь? Богъ далъ намъ ребенка, а ты словно испугался его. Встань, войди въ домъ, а то люди станутъ смѣяться». Старикъ всталъ, и они вошли. Посидѣли немного. Старикъ все плачетъ и старуха стала плакать; глядя на нихъ, и ребенокъ сталъ плакать. Они перестали и начали утѣшать ребенка. Старуха и говоритъ: «Отчего ты такъ рыдалъ, старикъ?» — «Эхъ, ничего ты, старуха, не знаешь. Что я сдѣлалъ! Вѣдь такъ и такъ», и разсказалъ всё, какъ было дѣло. «Что сдѣлаешь, знать Богу такъ угодно; будемъ жить и ждать что̀ будетъ, что̀ сдѣлаетъ Богъ. Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ». И стали жить. Живутъ годъ, живутъ два. Прожили десять лѣтъ. Ребенокъ выросъ. Онъ сталъ юношей. Однажды ночью юноша вдругъ какъ вскочитъ и начнетъ кричать. Отецъ всталъ и

karma·ś pižńa·ma. Ťaťa·za śťaś i karma·ś Käŋkśńi·ḿä: «Ḿäks, äjďńiḿ, ḿäks ľäŋkskiḿ? Ḿä·źďä tandady·t? Maťť, udy·k». — «Ama·ďan, ṕäľa·n». — «Dy ḿäźďi ṕä·ľat?» — «Sakšnyś koda·ma ḱiďi a·ťa, v́äśi śedėj i ḿeŕć: śťak, ḿeŕť ťaťaťi, kady·ḱ kučta·nʒat koŋ äŕäv́ä ťäť moľe·ms». Aťäś faťä·ś. «Ḿäśť ťä·jńims? Dava·j eščo· učy·tana, ḿäśť u·ľiť vancy·ńik. Saś ombò·ćä v́äś. Ma·ďńiśť. Aťä·ś tagy· saś. Tagy iśťa·ža ḿeŕć. Ćorė·ńeś śťaś; käṕi·ć buŕa i kudy-ṕŕa·st saly·źä. «Nu, baba, ťäťť apa·ŗt. Davaj, vandyj popò·ńťi moľďa·na. Ḿäśť son joťťä·?» Valćki śťäśť i moľćť popò·ńťi i jośńe·ź ťänʒa v́ä·śij. Popò·ś i ḿe·ŕä: «dava·jťi, služan ďäŋk mole·ḱen, i kučy·ŋk z Bo·hom, kady·ḱ mo·ľä koŋ ďänʒa para. V́aśńa kady·ḱ moľä śe v́äďi·ńť vaksc, a ḱiďi to·sa ḿäźi ja·k au·ľä, kadyk eščo· kuaja·k ja·ḱä». Saśť ku·duŋ, purnyź sė·ḿeź i ḿeŕćť ťä·nʒa: «Nu, ćora·m, iśťa· iśťa·; mon juma·ftyťiń ara·ftyťiń», ťäťäś ḿeŕä. «Iśťa· iśťa· ťäv́i·ś uľńi·ś», i jośńe·ńʒä ťänʒa v́ä·śij. Ćora·ś śťaś, oznė·ś

сталъ спрашивать: «Что, дитятко мое, что дитёнышъ мой? Чего ты испугался? Ложись, спи».—«Я не лягу, боюсь». — «Да чего ты боишься?»—«Приходилъ какой-то старикъ, весь сѣдой, и сказалъ: вставай, скажи отцу своему, пусть пошлетъ тебя куда тебѣ надо идти». Старикъ понялъ. «Что дѣлать? Давай, еще подождемъ, увидимъ, что̀ будетъ. Настала другая ночь. Легли спать. Старикъ пришелъ опять. Опять онъ сказалъ то же. Юноша всталъ; поднялась буря и сорвала крышу съ ихъ дома. «Ну, старуха, дѣло неладно. Давай, завтра пойдемъ къ попу. Что онъ скажетъ?» Утромъ встали и пошли къ попу и разсказали ему всё. Попъ и говоритъ: «Давайте, я отслужу вамъ молебенъ и пошлите его съ Богомъ, пусть идетъ куда ему желательно. Сначала пусть идетъ къ той рѣчкѣ, а если тамъ ничего не будетъ, пусть походитъ еще кое-гдѣ». Пришли домой, собрали его и снарядили и сказали ему: «Ну, сынокъ, такъ и такъ; я, говоритъ отецъ, погубилъ загубилъ, тебя. Такъ и такъ было дѣло», и разсказалъ ему всё. Юноша всталъ, помолился и пошелъ. Пришелъ къ берегу

i tuś. Moĺć śe väďińť krajs. Aščì·ś aščì·ś, ḿäźi ja·k ara·ś, i tuś koų śäĺńi·za ańc·jä, koų piĺiza ama·ŕä. Moĺć moĺć, suva·ś viŕc. Muś viŕctyńť tro·peńä i tuś śe tropeńe·vańť. Moĺć moĺć, muś ku·-dyńä. Kudyńi·syńť jagaba·ba. Suaś ťänʒa. Baba·ś i ḿeŕä: «Ḿäśť ƀiďi, äjďńim, jaka·t paka·t?» Ćorėńeś jofńeńʒä koų moĺä· i ḿäks moĺä·. «Eχ, ćora·m, kua·ť ťäť amu·jivä. Na, mon maksan ďäť ki·ŕińä. Koda·k li·śat, kaji·k ma·styruų. Koų ki·ŕińiś käviŕä, toų i ton ḿäĺga·nʒa moĺť. Śe moń zoda·mym aťäś; moń paťa·m ekšcė·-nʒa uĺńiś; ku·lyś; kaduųś ťäχťiŕ śońďeďenʒa ḿäjĺa, a son uŕva·ksć, sajś ĺi·ja. Ťeń äjsta ešćo· kävi·χkijä ťäχťiŕť ćaććť. Vot kozė·ń ťe ki·ŕińiś lo·tkä o·źera krajs, ton kekšť śezė·ń paryńi·sta i učy·k ƀiťťigu·ĺkińä. Sońďeďe·nʒa ḿäjĺä ešćo· kävi·χkijä. Vačky·ďiviť ma·styrvaksc i ťäji·viť väśi ťäχťiŕks, väśi ma·zyχť i kajśi·syź oďe·žast i karḿi·ť ekšė·ĺama. E·kšėĺcť, e·kšėĺeť; käviχkijiťńä li·śiť, o·rćńeť, vačky·ďiviť mastyrva·ksc, ťäjńiviť ḿäkij gu·ĺkińiks i tuji·ť

той рѣки. Побылъ побылъ, ничего нѣтъ, и пошелъ куда глаза его глядятъ, гдѣ уши его слышатъ. Шелъ шелъ, вошелъ въ лѣсъ. Нашелъ въ лѣсу тропинку и пошелъ по той тропинкѣ. Шелъ шелъ, нашелъ избушку. Въ избушкѣ баба-яга. Вошелъ къ ней. Старуха и говоритъ: «Чего это ты, дитятко мое, ходишь шествуешь?» Мальчикъ разсказалъ, куда онъ идетъ и для чего идетъ. «Эхъ, сынокъ, долго тебѣ не найти. Вотъ, я дамъ тебѣ клубочекъ. Когда выйдешь, брось его на землю. Куда клубочекъ покатится, туда и ты за нимъ иди. Тотъ старикъ мой зять; старшая сестра моя была за нимъ; она померла; послѣ нея осталась дочь, а онъ женился, взялъ другую. Отъ той родилось еще одиннадцать дочерей. Вотъ, гдѣ этотъ клубочекъ остановится у берега озера, ты туда спрячься получше и жди летящую голубку. За ней еще одиннадцать. Онѣ ударятся о землю и сдѣлаются всѣ дѣвушками, всѣ красивыя, и скинутъ свои одежды и станутъ купаться. Покупаются, покупаются; одиннадцать выйдутъ, одѣнутся, ударятся объ землю, опять сдѣлаются голубками и пой-

ľifťa·ma. A ǩämga·ftuvyćiś, kona· i·kiľij saś, śe śefť ḿäjľis kadu·v́ä e·kšcľama. Kodak kadu·v́ä śka·myn̥ʒa, ton źesta sa·jiť oďe·žanʒa i ǩekšť mary·st. Son ľi·śä v́ä·ctyńť i karḿä· v́äšńi·ḿä. V́äšńi väšńä, amu·jiviť, śe·sta karḿä v́ä·šiź v́äšiḿä: «Ǩi saji·ńʒä maksy·ŋǩ». Ton ka·štmoľť. Son garḿi· korta·ma: «B́iďi syŕä ćoralo·mań, uľizy ťäń ťä·ťińiks, a b́iďi syŕä avalo·mań. uľiza ťäń a·v́ińiks, a b́iďi od ťäχťiŕ lomań, uľiza ťäń sa·zyrnyks, a b́iďi o·dćora lomań, uľi·za ťäń ḿi·ŕďiks». Ton źesta liśť i maksy·ť».— Son moľć śe·zěń, ǩekšć śe ta·rkańťi. B́ifťäśť guľka·ťńä, koda· śe ba·baś jofta·ś; i kyda käv́iχǩijiťńä ľiśćť i tuśť, a ǩämga·ftuvyćiś kadu·ņś, śesta son saji·ńʒä i ǩekšě·ńʒä oďe·žanʒa. Ťe ľiść v́äctyńť, čara·ś, čara·ś, oďe·žanʒa ara·śť, i karma·ś śäjŕi·ḿä: «Ǩi sajińʒä oďežam̥, maksy·ŋǩ; b́iďi syŕä ćoralo·mań, uľiza ťäń taťińiks; b́iďi syŕä avalo·mań, uľi·za ťäń a·v́ińiks; b́iďi odťä·χťiŕ lo·mań, uľi·za ťäń sa·zyrnyks, a b́iďi odćo·ra lo·mań, uľi·za ťäń ḿiŕdiks». Son ľiść i makscy·ńʒä oďe·-

---

дутъ летать. А двѣнадцатая, которая прежде пришла, та останется купаться послѣ всѣхъ. Какъ только она останется одна, ты тогда возьми ея одежду и спрячься съ нею. Она выйдетъ изъ воды и начнетъ искать. Поищетъ поищетъ, не найдетъ ее, тогда станетъ просить и упрашивать: «Кто взялъ ее, отдайте». Ты молчи. Она начнетъ говорить: «Если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой, а если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой, а если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Ты тогда выйди и отдай (одежду)». — Онъ пошелъ туда, спрятался въ томъ мѣстѣ. Прилетѣли голубки, какъ та старуха говорила; и когда одиннадцать вышли и ушли, а двѣнадцатая осталась, тогда онъ взялъ и спряталъ одежду. Эта вышла изъ воды, вертѣлась, вертѣлась, одежды нѣтъ, и она начала кричать: «Кто взялъ мою одежду, отдайте ее; если старый человѣкъ, пусть будетъ мнѣ тятенькой; если старая женщина, пусть будетъ мнѣ маменькой; если молодая дѣвушка, пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человѣкъ, пусть

žanʒa. «Nu, vot ḿäść: ťaťa·m iśťa·k ama·kcamam, a karḿä· äsy·t naŕga·ma. Nu, mon karma·n ťäť poso·bľama. Ton koda ťezéń goďäviť?» — «Iśťa, iśťa», jo·fńeńʒä ťänʒa. «E, ton uš śady·ća; väjksyńgäińiń väjksy·ťńiń ṕŕast uš koleja ṕŕavat. Ńej kodak pojavat, śady·ća va·čkyďä ko·leja. Śeń tońďäť any·kstasy. Nu aďa· mońďäń. Mon äŕa·n baška ťäťi·ďiń[1]) ä·jsta, a syń väśi väχca, ťaťa·m, oda·vam i käviχkijä ťäχťi·ŕist. Moń marta iľa· ṕäľ. Mon ťaťa·dyn la·ma soda·n; moń avam tona·ftyḿiḿ». I ťäji·žä ćora·ńť ča·ukaks, a sońć gu·ľkińiks, i tuśť ľiťťa·ma. Ľiťťaśť kudyzy·nʒa. «Nu, vot ḿäść, ḿe·ŕä ťäχťiŕiś. Ńej śiḿť jarca·k dy maťť ojḿeśeḱ, a va·ndyj moľat ťäťä·ńiń. Zdoro·u, ḿeŕť, ďeda·j, učy·ť ľi ä·jsyn? Vot mon syń. Son śiḿďatanʒat, anta·nʒat i joftä· ťäť ro·bóta. Ton i ḿeŕť: pa·ra. Valćkiś čokšńeďeńť ṕŕävij. Sak valćki· vanu·ma, tuji· ľi ḿeľe·zét.—A ńej udy·k». Mać ćora·ś, va·lćki śťäś i tuś ďedansty. Sua·ś, śe aśčä. «Zdoro·u, ďeďa·j, učyť ľi ä·jsyn?» — «Koda·

1) ťäťiďiń.

будетъ мнѣ мужемъ». Онъ вышелъ и отдалъ ея одежду. «Ну, вотъ что: отецъ такъ не отдастъ, а начнетъ надъ тобой надругаться. Но я буду помогать тебѣ. Ты какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ», разсказалъ онъ ей. «Э, ты ужъ сотый; головы девяносто девяти уже на остріяхъ кольевъ. Теперь, какъ только ты покажешься, онъ вобьетъ сотый колъ. Онъ приготовитъ его для тебя. Ну, иди ко мнѣ. Я живу отдѣльно отъ отцовскаго дома, а они всѣ вмѣстѣ, отецъ мой, мачеха и одиннадцать дочерей. Со мной не бойся. Я знаю больше отца; меня научила мать». И сдѣлала мальчика галкой, а самое себя голубкой, и пошли летѣть. Прилетѣли въ ея домъ. «Ну, вотъ что, говоритъ дѣвушка. Теперь пей, ѣшь и ложись отдохни, а завтра пойдешь къ отцу. Скажи: здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты меня? вотъ я пришелъ. Онъ напоитъ тебя, накормитъ и укажетъ тебѣ работу. Ты и скажи: хорошо. Утро вечера мудренѣе. Приходи утромъ посмотрѣть поправится ли.—А теперь усни». Легъ мальчикъ, утромъ всталъ и пошелъ къ дѣду. Вошелъ, тотъ спитъ. «Здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты

ućи·ms, davno· ućy·ń». — «Vot mou syń. Mäśt́ jofta·t?» — «Mäśt́ ńej jo·ftan? Oza·k ojmeśeḱ, dy śińt́ jarca·k, a mä·jl̆ä t́avńä ja·k mo·žna jofta·ms». Son śimś, jarca·ś, ojma·ś t́äjś, mä·jl̆i śt́äś. At́äś i meŕä: «Vot mäśt́, ćora·m; ńesa·k o·na śe l̆ejeńt́?» — «Ńe-sa·!» — «Nu, vot ćora·m. Valćki·s t́äχt́ trokska·uʒa säd́. T́äji·vä?» — «Mäks at́ä·jivä? Valćkiś čokšńe·d́eńt́ ṕŕävi·j. Valćki sak va-nu·ma, tuji l̆i meĺezét». Liść i tuś victy ńevesta·ucty. Kua· mo·l̆ä ra·γgä. Śe va·styźä i me·ŕä: «Mäks iśt́a· ra·γgat?» — «Koda ža t́äń araγgums?» O·na śe l̆ejeńt́ troks meŕć valćkis t́ä·jimid́ä säd́». — «Eka d́i·vaś; ton mat́t́ da udy·k va·lćkis, a valćki·ś čokšńe·d́eńt́ ṕŕävi·j». T́e mać mäjl̆i uš u·duma. Zoŕa· la·γksa a·ńcik mat́i·d́iuś, t́äχt́i·ŕiś śt́aftyźä i meŕä: «Na vany t́ä·t́ mo-lò·tka i äsk i aźa· śe ta·rkańt́i. Jaka·k i stuka·k by·ta odd́e·lat, a kyda· son mala·u sa·my ka·rmä, ton saji·ḱ vany t́e ä·skyńt́ i čaft äjsynʒa byta odd́ela·t. Son sy i meŕä: «e·ka vad́ŕa·», a ton i

---

меня?»—«Какъ не ждать? давно ждалъ».—«Вотъ, я пришелъ. Что скажешь?» — «Что я теперь скажу? Садись отдохни, да пей ѣшь, а потомъ можно сказать и дѣльце». Онъ попилъ поѣлъ, отдохнулъ немного, потомъ всталъ. Старикъ и говоритъ: «Вотъ что, сынъ мой; видишь ты вонъ ту рѣку?» — «Вижу!» — «Ну, вотъ, сынъ мой. До утра сдѣлай черезъ нее мостъ. Можно его сдѣлать?» — «Отчего не сдѣлать. Утромъ приходи посмотрѣть, понравится ли тебѣ». Вышелъ и пошелъ прямо къ своей невѣстѣ. Пока идетъ, рыдаетъ. Та встрѣтила его и говоритъ: «Что ты такъ рыдаешь?» — «Какъ же мнѣ не рыдать? Велѣлъ онъ мнѣ построить мостъ вонъ черезъ ту рѣку до утра». — «Эко диво; ты лягъ и засни до утра, а утро вечера мудренѣе». Этотъ легъ потомъ ужъ спать. Только онъ заснулъ на зарѣ, дѣвушка разбудила его и говоритъ: «На, вотъ тебѣ молотокъ и гвоздей и ступай на то мѣсто. Ходи и стучи, будто отдѣлываешь а когда онъ станетъ близко подходить, ты возьми вотъ этотъ гвоздь и ударяй въ него, будто отдѣлываешь. Онъ придетъ и скажетъ: «эко хорошо», а ты и скажи ему: «не хвали во время работы, по-

ḿeṛť ťänʒa: «iľa·k kšna ťäji·msta, uža· odďe·lasa, dy koda· mońć kšnasa·, a śesta ton kšnyḱ äľi śaldy·k». Sädińť laχks iľa·k nolda·; ḿeṛť: «ašči·k v́äpe·ľä, iľa· ḿeša robo·ťńeḱ lomańńiń. Žardy ťäjsa·, mon mońć ťäŕťa·n». Äsky·ńť čavik, ara·k sädińť laχks i stuka·ťť piľksyt i kunda·k ba·ľasas. Śe·sta ḿeṛť: nu, aďa·. Son sy i karḿi vannu·ma. Va·nnysy i ḿeŕä: vadŕa·, aďa· ńej ḿińďäńiḱ; mon ńesa·, ton ṕŕävi·jat; azdasa ḱiń b́ŕäṇsa; a ton i ḿeṛť: mońćeń ǵak a koṇ ťäjńims. Śe·sty aźi· mary·nʒa. Śesty son ojma·ftanʒat i eščo· robo·ta ťäť maksä. Ḿäšť ńeńä, vanny·k; ḿäšť jo·fńä, ku·lcynyk». Moľć aťäńť maṛta kudyzy·nʒa. Aťäś kava·ńiźä i ḿe·ŕä: «vot ḿäšť, ćora·m, aďa·ka vannyk parycy·m: kodama kuḍy·m, kodama karda·zym, kodama sady·m». V́eťńe·ś v́eťńe·ś äjsy·nʒa, v́eťe·źä v́ä ta·rkas, ašči śa·dy ko·ľeja; koľeja·ťńiń ṕŕa·sa lo·mań ṕŕat, ańćik v́äχkiń laχksa a·raś. Son i ḿe·ŕä: «nu, vot ḿäšť, ćora·m, ńeť vany v́äśi toń go·ńdatt uľńi·śť; nu, kšiń dobo̊vama äšť mašt, a mon uš syŕa·n, äsyn

годи отдѣлаю, да когда я самъ похвалю, то тогда ты хвали или хай». На мостъ его не пускай, скажи: «стой въ сторонѣ, не мѣшай человѣку-работнику; когда сдѣлаю, я самъ тебя позову». Вбей гвоздь, стань на мосту и стукни ногами и ухватись за перила. Тогда скажи: ну, иди. Онъ и начнетъ смотрѣть. Осмотритъ и скажетъ: хорошо, ступай теперь къ намъ, вижу, ты умный; не знаю, чьимъ умомъ; а ты и скажи: и своего некуда дѣвать. Тогда ступай съ нимъ. Тогда онъ дастъ тебѣ отдохнуть и дастъ тебѣ еще работу. Что покажетъ, на то смотри; что разскажетъ, то слушай». Пошелъ со старикомъ въ его домъ. Старикъ угостилъ его и говоритъ: «Вотъ что, сынъ мой, ступай-ка осмотри мое богатство: какой домъ мой, какой мой дворъ, какой мой садъ». Водилъ водилъ его, привелъ на одно мѣсто, стоитъ сто кольевъ; на верхушкахъ кольевъ человѣческія головы, только на одномъ нѣтъ. Онъ и говоритъ: «ну, вотъ что, сынъ мой, эти всѣ были подобны тебѣ; но хлѣба добыть не умѣли, а я ужъ старъ, своимъ хлѣбомъ кормить не люблю; я вижу, ты парень дошлый, и если

kšiďä a·ndumańť ańe·čksa; mon vanca·, ton ćora·ś do·šlyjat i ƃiďi kšiďä andu·man karmat, mon ľubo·vöj ťä·χťiŕiḿ maksca ťäť koźa·jkaks, a ƃiďi aka·rmat, mon va·ndyj ža ṕŕat van' ťe koľe·jańť ṕŕas poŋgafca. Ńesak o·na śe pandyńť?» — «Ńesa!» — «Nu, vot va·ľćkis ńiŕi·ńť käŕi·k, ṕeńka·ťńiń taŕgi·ť, a śe ta·rkańť soke·k; ńiŕcty·ńť ťäχť ḿe·ľńeća, a soka·fyńť ńiďi·k touźerė·da. Valćkis nuji·k, jaža·ft poćt i pańť ṕŕaka·t. Śe·sta mon maksca· ťäť ťä·χťiŕiḿ; a ƃiďi akä·ńiŕat χyť ṕŕaka·t pańi·ms, to ṕŕat käŕa·f uľä·». Ćora·ś tuś i ḿeľa·ftä, kostä śńa·ryś ťäjińä. Moľć ťäχťiŕi·ńťi. A ťäχťi·ŕiś i ḿeŕä: «Xė! Ťe ḿäśť? Iľa· ḿeľa·ft, ťeń ťäjsy·ńik. Vot vant, koda ťäńiś tujä». Ľiść, jaχy·ć paćińi·sa i śńary· ľiťťäšt šajťatt prok rauža ṕäľ i käŋkśťi·ź: «ńäks ťä·ŕďiḿiź?» — «Dy vot ťe pandyńť valćkis käŕiŋk taŕgiŋk ńiďiŋk touźerė·da; ťäji·da ḿe·ľńeća i ṕećka; valćkis touźeŕėńť nuji·ŋk, jažyŋk i pańi·da ṕŕaka·t». Syń tuśť i karmaśť. A ćora·ś mać. Va·ľćki śťa·ftyźä ra·na ťä·χťiŕiś i ḿeŕä: «nu, aźa· i aščik

---

будешь кормить меня хлѣбомъ, я дамъ тебѣ въ хозяйки любую дочь, а если не будешь, я завтра же воткну твою голову на верхушку вонъ этого кола. Видишь вонъ ту гору?»—«Вижу!»—«Ну, вотъ до утра сруби лѣсъ, вырой пеньки, а то мѣсто вспаши; изъ лѣса сдѣлай мельницу, а пашню посѣй пшеницей. До утра сожни, смели муку и испеки пироги. Тогда я отдамъ тебѣ свою дочь, а если не успѣешь хотя бы испечь хлѣбы, то голова твоя будетъ срублена». Парень ушелъ и груститъ, гдѣ столько сдѣлать. Пошелъ къ дѣвушкѣ. А дѣвушка и говоритъ: «Хе! Это что? Не печалься, мы это сдѣлаемъ. Вотъ, смотри, какъ пойдетъ дѣло». Вышла, махнула платкомъ и столько слетѣлось шайтановъ, словно черная туча, и спросили ее: «зачѣмъ ты насъ позвала?» — «Да вотъ на этой горѣ лѣсъ къ утру срубите, выкорчуйте, засѣйте пшеницей; постройте мельницу и печку; къ утру сожните пшеницу, смелите и испеките пироги.» Они ушли и начали (работать). А парень легъ. Утромъ разбудила его рано дѣвушка и говоритъ: «Ну, ступай и

ṕeśka·ńt́ vaksca. Koda·k t́at́a·m samy ka·ŕmä, ton karma·k kšit́ńiń tarkši·ḿä. Son goda·k mo·ĺä, kšis kapyd́i·ḿä karḿä. Ton kšińt́ iĺa·k makst kapy·d́ims t́änʒa; tolkad́iḱ grut́c i ḿeŕt́: koṷ jaća·t, mon mońć ešćo· äźi·ń va·ŕćńä. Śińt́ ala·ma i varći·ḱ tońć. Ḿäjĺä ḿeŕt́: nu, na, varća·k. Dy vo·t ḿäśt́ mon d́ät́ ṕrika·zan: son ḿińi·ḱ ḿäjĺä t́äjsa·ḿiź v́äśi v́ä ćamas; mon uĺa·n v́it́ krajsa. Koda ḱäṷkśt́anʒat, ḿeŕä: konań sajsa·k koźa·jkaks, ton byta vannyk i ḿeŕt́: mońd́äń jala t́eḱä, χyt́ van' t́e kra·jsyńt́. Son źe·sty i ḿeŕä: mońdäń jaly t́eḱä; ańćik sodė·ḱ ko·lmȯkšt́. Ḿäjĺä t́äjsa·ḿiź u·tḱińiks, v́äśi v́ä po·nasyt, i vant: kyda suvama porȯ·gėń droks karma·tana, v́ä·śi kyŕńa·ftumsta kyŕńa·ftyt́ pa·ŕćt́ä, a mon prok ṗran, zopȯm tokaf́ca ma·styruṷ i vant ko·zėń son ara·fcamam. Ḿäjĺä kyda ḱäṷkśt́a·nʒat, ton i ḿeŕt́: va·ny t́e. Ḿäjĺä t́äjsa·ḿiź gu·ĺḱińiks; karma·tana ĺiḟt́a·ma; koda· ara f́ńisamiź, karma·tana vanu·ma v́äśi śä·ĺḿizyt i vant ton äŕv́äχḱiń śäĺḿiva. Mon dоń

стань около печки. Какъ только отецъ станетъ подходить, ты начни вытаскивать хлѣбы. Какъ только онъ придетъ, онъ начнетъ браться за хлѣбъ. Ты не давай ему брать хлѣба; толкни его въ грудь и скажи: куда лѣзешь, я самъ еще не пробовалъ. Отломи немного и попробуй самъ. Потомъ скажи: ну, на попробуй. Да вотъ что я тебѣ прикажу: онъ послѣ того сдѣлаетъ насъ всѣхъ на одно лицо; я буду на правомъ краю. Когда онъ тебя спроситъ, скажетъ: какую возьмешь въ жены, ты будто осмотри и скажи: мнѣ все равно, хоть вотъ ту находящуюся на этомъ краю. Онъ тогда и скажетъ: мнѣ все равно; только узнай три раза. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ утками, всѣхъ одинаковаго вида; и смотри: когда мы начнемъ переходить черезъ порогъ, всѣ подпрыгивая будутъ прыгать хорошо, а я словно упаду, зобомъ коснусь пола, и смотри, куда онъ меня поставитъ. Потомъ когда спроситъ тебя, ты и скажи: вонъ эта. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ голубками; мы начнемъ летать; когда онъ насъ разставитъ, мы всѣ начнемъ смотрѣть въ твои глаза и ты осмотри каждую по глазамъ. Я глазомъ, который

ṕeľćä śäľḿiḿ ľi·paťca. Ton źesty i ḿeŗť: va·ny ťe. Ḿäjľä ťäjsa-ḿiź ṕi·śmaryɣnyks: ara·ńisaḿiź vant ṕi·ľģiva, mon ṕiľģisurym kä·ṕiťca. Ton ḿeŗť: vany ťe. Ḿäjľä son i ma·ksca mam». Moľć ṕećka·ńť vaksc. Ara·ś, sajiźä koćeŕga·nyn͡ʒa i aščä·. Vancy·j, aťä·ś äľ zy, son i karma·ś kapša·ma tarkśi·ḿä. Aťäś koda k saś, śeďi ku·ryk kapy·ďiksyľ kšis. Son koda·k groɣa·ďiźä gruťc i ḿeŕä: «Koų jaća·t? Ńesak, mon eščo· roḃo·tan, a ton uš kapša·t jarca·ma. Mon mońć eščo äźi·ń varčńä, a ton uš jaća·t». Śińć ala·ma, kaja·ś kurģyzyn͡ʒa i ḿeŕć: «nu, na varčak, tuji ľi ḿeľezėt ťäjiųksym-pańiųksym». Aťäś i ḿeŕä: «ṕŕäv́i·jat, ṕŕäv́i·jat, ńe znaj ģiń ṕŕäųs̀ ańćik. «Nu, aďa ńej, kośka·k äśťäť ńeve·sta. Valym mon apo·lafca. Kona· ḿe·ľezėt tu·jä, śeń i saji·k». Koda ťäɣťiŕiś jof-ńe·ś, iśťa aťäś i ťäjś. Son sodė·źä ko·lmokśť. Aťäś maksy·źä ťäɣ-ťiŕi·n͡ʒa, a oďa·vańť śäľḿi·za praś ćorańť laɣks, ḿäks son son͡ʒa ťäɣťiŕ äź saj, i duma·ś son juma·ftymyst. Oďe·ŕvaś srazu faťä·ś i

---

находится на твоей сторонѣ, моргну. Ты тогда и скажи: вонъ эта. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ скворцами: онъ поставитъ насъ, ты смотри на ноги, я подниму палецъ на ногѣ. Ты скажи: вотъ эта. Потомъ онъ и отдастъ меня». Онъ пошелъ къ печкѣ. Сталъ, схватилъ кочергу и стоитъ. Видитъ, старикъ подходитъ, онъ и сталъ поспѣшно вытаскивать. Какъ только старикъ пришелъ, то какъ можно скорѣе схватился было за хлѣбъ. Онъ какъ ударитъ его въ грудь и скажетъ: «куда лѣзешь? Видишь, я еще работаю, а ты ужъ спѣшишь ѣсть. Я самъ еще не пробовалъ, а ты ужъ лѣзешь». Отломилъ немного, положилъ въ ротъ и сказалъ: «ну, на пробуй, нравится ли мое издѣліе, мое печеніе». Старикъ и говоритъ: «ты умный, ты умный, не знаю только чьимъ умомъ. Ну, ступай теперь, выбери себѣ невѣсту. Я слова своего не измѣню. Которая тебѣ понравится, ту и возьми». Какъ говорила дѣвушка, такъ старикъ и сдѣлалъ. Онъ узналъ три раза. Старикъ отдалъ свою дочь, а мачеха позавидовала на парня, отчего онъ не взялъ ея дочери, и задумала она ихъ погубить. Молодушка сразу догадалась и гово-

ḿeŕä miŕdinctyj: «dava·j voŕge·ťťana», i ťäjś ko·lma kšiń śu·-vyrkskiť i ťäji·ńśť kavy·ńist ťi·caks i tuśť ľiťťama. Ľiťťa·śť ľiťťaśť, a avaś va·ľcki syrgy·śc i ḿeŕć ťä·χťiŕinctyj: «aźi śťafty·ť». Ťä·χ-ťiŕiś moľć käŋkšińť vaksc i śäŕgi·ć: «śťada·». Väχki śu·vyrkskiś i ḿeŕä: «śťińi·k». Učyśť učyśť, araśť. Kučć ombô·ćä. Mäks aśťa·-tada?» — «Šľata·na». Učy·śť, učy·śť; taga· araśť. Kučć ľija·. «Mäks aľi·śťada?» — «Orča·tana». Učyśť, učyśť, ara·śť. Avaś fa-ťä·ś. Kodak kä·ŋkšińť gro·χaďiźä, vany kija·k ara·ś i ḿäźija·k äśť katt. Kučy·ńʒä ťäχťiŕinʒa sasa·myst. Ńeť ľiťťi·ť, sasy·ť. Oďe·ŕ-vaś i ḿe·ŕä: «kulcynyka; veď šum koda·ma ḱiďä». Ćora·ś ḿeŕä: «ḿäźija·k amaŕa·n». Avaś praś moda·ńť laŋks i ḿeŕć: «Äľ zyť sa-zy·ryn. Mon ťäjďa·n pastuχyks, a mońć uľa·n ŕeve·ńeks. Kyda kaŕmiť käŋkšńimä ä·syt, ton ḿeŕť ťäst: «mon koleńǵämiń kolma gott vana·n ťe ŕe·veńeńť äjsa. Tyńďeďeŋk ḱaška kińgak äźiń ńeḱ». Čara·śť ťäjśť i veľa·fćť ḿäkij, a ńeť ťäjińśť taga i tuśť ľiťťama. I

рить своему мужу: «давай бѣжимъ», и сдѣлала три хлѣбныя катушечки, и сдѣлались они оба птицами и пошли летѣть. Летѣли, летѣли, а мать утромъ проснулась и говоритъ своей дочери: «ступай разбуди ихъ». Дѣвушка подошла къ двери и крикнула: «вставайте». Одна катушечка и говоритъ: «мы встали». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Послала другую: «Отчего вы не встаете!» — «Мы моемся». Ждали, ждали, опять ихъ нѣтъ. Послала другую: «Отчего вы не выходите?» — «Одѣваемся». Ждали, ждали, нѣтъ ихъ. Мать догадалась. Какъ ударитъ въ дверь, видитъ — никого нѣтъ, и ничего они не оставили. Она послала дочерей догонять ихъ. Эти летятъ, догоняютъ. Молодушка и говоритъ: «послушай-ка; вѣдь какой-то будто шумъ». Парень говоритъ: «я ничего не слышу». Женщина припала къ землѣ и сказала: «Приближаются мои сестры. Я сдѣлаю тебя пастухомъ, а сама я буду овечкой». Когда станутъ тебя спрашивать, ты скажи имъ: «я тридцать три года пасу эту овечку. Кромѣ васъ я никого не видѣлъ». Повертѣлись и вернулись назадъ, а эти сдѣлались опять (птицами) и полетѣли. И прилетѣли

ľiťťaść kudun ťaťanctyj i karmaść äŕa·ma iśťa śupa·ųsta dy paŕćťä, a jo·ftavi jak. Mon kecėst uľńi·ń, ḿä·ťťä bra·gada śiḿi·ń, turvam larga čuďiść, a kurgy·zyn äść peťńä ja·k.

Joųks.

Äŕä·ść a·ščiść aťa·t ba·bat. Aťä·ń ba·bań uľńi·ść kolma ćo-ra·nʒa. Kaftyťńä ṕŕäviχť, kolmô·ćeś dura·k, ľäḿi·za Eḿe·ľä. Äŕä·ść äŕä·ść, ava·ś kuly·ś. Ä·ŕäś a·ščiś ťaťä·ś kak, kuly·ś. Äŕi·ť ťŕi bra·ta: po·kšnä kavyńi·st uŕva·kstuft, a v́iški·ńiś apa·k. Du-ra·kńiń kij mo·ľä? Iśťa·k i ä·ŕä, ṕärk kä·ŕćä, v́äď ka·ndä, koų ku·ćcyź, toų mo·ľä. V́äść uŕä·žyza kuči·źä v́äc. V́äďi·ś uľńi·ś ľiś-ma·sa. A ru·daz u·ľńiś po·raś. Kuči·ź v́äc. Son i moľć ľiśma·ńťi, karma·ś amy·ľďama, vancy· ľiśma·syńť kal. Son śe ka·lyńť ku·n-dyźä, ta·rǵiźä. Śe ka·lyś i ko·ŗtä ťä·nʒa loma·ńks: «Eḿe·ľa, nol-

---

въ домъ къ отцу его и стали жить такъ богато и хорошо, что и не разскажешь. Я былъ у нихъ, пилъ меду и браги, по губамъ текло, а въ ротъ и не капнуло.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи было три сына. Двое умные, третій дуракъ, по имени Емеля. Жили, жили, старуха померла. Жилъ пожилъ и старикъ, померъ. Живутъ три брата; старшіе оба женатые, а младшій нѣтъ. Кто пойдетъ за дурака? Такъ и живетъ, рубитъ дрова, носитъ воду, куда пошлютъ, туда идетъ. Однажды невѣстка послала его за водой. Вода была въ родникѣ. А была грязная пора. Послали его за водой. Онъ и пошелъ къ роднику, началъ черпать, видитъ въ родникѣ рыба. Онъ поймалъ эту рыбу, вытащилъ. Эта рыба и говоритъ ему по-человѣчьи: «Емеля, пусти меня назадъ въ воду. Я

da·mak moń ḿä·ḱij v́ä·d́iút́i. Mon mońć t́ät́ pary t́ä·jan». — «A ḿä·źi ton mońd́ä·ń t́ä·jat?» — «Ḿä·źi χočeš, śeń i t́ä·jan. Ańćik ḿeŕt́: pa ščučjemu v́eľeńju, a moń pro·źbasa, vot śe t́ä·v́iś t́äji·v́iza, i t́äv́i·ś χyt́ ko·damyś sońć t́äji·v́ä». Eḿe·ľa śaji·źä noldė·źä śe ka·lyńt́ i ḿe·ŕä: «pa ščučjemu v́eľeńju, a moń pro·źbasa v́edra·t a·źida kudu·ŋ». V́edra·t́ńä ḱäṕi·ćt́ i tuśt́. Ḿeľe·zėnʒa pa·ra, a uŕvat́ńä ta·ndaćt́ i ḱäŋkśńi·t́ äsynʒa: «Koda· iśt́a v́edra·t́ńä syńć saśt́?» — «Mon ja·ly iśt́a ka·rman». Kuči·ź sonʒa· ṕäŋǵi·ń ḱä-ŕa·ma. A son ľiść i ḿe·ŕä: «pa ščučjemu v́eľeńju, a moń pro·źbasa ṕäŋḱ tyńć ḱäŕći·v́ida i tyńć vačka·vyda». Kučsy·ź kuduŋ sua·f-ńińä. Son ḱä·ŋkšińt́ pa·nćsy i ḿe·ŕä: «ṕäŋḱ, tyńć suva·da». I syń suv́i·t́. I syńć ṕećkas vačka·v́it́. Eḿe·ľäń t́äv́i·za pa·ra. Aščä ṕeć-kala·ŋksa, ańćik ja·rcä da u·dä. V́äd́i·za so·ńć sy, ṕäŋǵi·nʒa syńć ḱäŕći·v́it́ i ku·c suv́it́ i ṕećka·s vačkav́it́. A son a·ńćik udä· i udä·. Kučy·t́ äsy·nʒa v́iŕi·j ṕäŋks. Son ľiść karda·zuŋ, oza·ś nurc i ḿe-

---

сама сдѣлаю тебѣ добро». — «А что ты мнѣ сдѣлаешь?» — «Что хочешь, то и сдѣлаю. Скажи только: по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается то дѣло, и дѣло, хоть какое оно нибудь, сдѣлается само собою». Емеля взялъ, выпустилъ ту рыбу и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, ступайте, ведра, домой». Ведра поднялись и пошли. Ему пріятно, а невѣстки испугались и спрашиваютъ его: «какъ такъ ведра сами пришли?» — «Я всегда такъ буду дѣлать». Послали его рубить дрова. А онъ вышелъ и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, дрова сами вы разрубитесь и сами сложитесь». Пошлютъ Емелю внести дровъ въ домъ. Онъ отворитъ дверь и скажетъ: «дрова, сами вы входите». И они войдутъ. И сами они складываются въ печь. Емелѣ дѣло его пріятно. Сидитъ на печкѣ, только ѣстъ да спитъ. Его вода сама приходитъ, его дрова сами рубятся и входятъ въ домъ и складываются въ печку. А онъ только спитъ и спитъ. Посылаютъ его въ лѣсъ за дровами. Онъ вышелъ на дворъ, сѣлъ въ сани и говоритъ: «по щучьему велѣнью, а по моей просьбѣ, вы, сани, пой-

ŕä: pa ščučjemu veľeńju, a moń pro·źbasa, nurt moľe·da ty·ńe viŕij», i nurtnä· ťica·ks tušť vi·ŕij, pro·sta ľiťťa·ź ľiťťi·ť. Saś vi·ŕij i ḿeŕä: «pa š. v., a moń pro·źbasa, viŕ tońć käŕa·ft i tońć vačka·ft i tońć šulmaft». I vačka·nś i šulma·nś iśťa·myška voz, a jo·ftavä jak pokš. Oza·ś son vo·zoń pŕa·s i ḿeŕć: «pa š. v. a moń pro·źbasa, nurt murda·da ḿä·kij kudu·n». I nurtnä· śťŕe-la·ks tušť ľiťťa·ma. Eḿe·ľa iśťa· karma·ś jakši·ḿä viŕga· i ba-za·rga. Ľaľa·nʒa kuca ara·šiľť, väpe·ľä ro·botašť. Son väšť syľ vi·ŕcta. Naro·d uľńi·ś la·ma u·ľćasa i χoťiľi kunda·mynʒa. Son ťäst äź gi·ŕďiņ i tapa·ś źary·ja naro·d. Śesta· maŕä·s ästy·nʒa ińa·zyr. I kučćť ḿäľga·nʒa. Saśť ḿäľga·nʒa. A son aščä pećkala·ŋksa, u·dä. Karma·śť äsy·nʒa śťaftu·ma. Son a śťi·. Uŕä·žynʒa käņkśńi·ť lo-ma·ťńiń ä·sa: «koņ ťärcyŋk, ḿä·ks śťafcyŋk?» — «Ińa·zyr, keľi, ťä·ŕďiźä; a·t, źary naro·d tapa·ś, vanu·manʒa χočet, ḿä·jiń iśťa·ma lomań a·lašaftu·ma ja·kä». Eḿe·ľa i ḿeŕä ťäst: «aźi·da, mon san».

дите сами въ лѣсъ», и сани какъ птица ушли въ лѣсъ, просто летмя летятъ. Пришелъ онъ въ лѣсъ и говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, лѣсъ, ты самъ нарубись, и ты самъ сложись, и ты самъ свяжись». И сложился и связался такой возъ, нельзя сказать какой большой. Онъ сѣлъ на верхъ воза и сказалъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, вы, сани, вернитесь назадъ домой». И сани какъ стрѣла пошли летать. Емеля сталъ такимъ образомъ разъѣзжать по лѣсу и базару. Братьевъ его не было дома; они работали на сторонѣ. Однажды онъ возвращался изъ лѣса. Народу было много на улицѣ, и его хотѣли поймать. Они не могли его удержать, и онъ потопталъ много народу. Тогда услышалъ о немъ царь. И послали за нимъ. Пришли за нимъ. А онъ лежитъ на печкѣ и спитъ. Стали будить его. А онъ не встаетъ. Невѣстки его спрашиваютъ у людей: «куда вы его зовете, для чего будите?» — «Царь, говорятъ, позвалъ его; вотъ сколько народу онъ потопталъ, хочетъ посмотрѣть его, что за такой человѣкъ, (который) ѣздитъ безъ лошади». Емеля и говоритъ имъ: «ступайте, я приду». Тѣ вышли и ушли.

Ṅeť ľiśćť i tuśť. A so·n ašči i udä· ṕećkala·ŋksa. Uŕä·žynʒa karma·śť ťänʒa ćńa·lkšnuma: «aźä·, Eḿe·ľa, ata čumy·s poŋgat; ḿi·ńik gak čumynca·ḿiź to·ń ǵis, ḿäks toń ḿiń kiŕďi·ďiź. Ton tońć ḿeŕeť, šty moľa·t».—«Mon ǵäńi·ŕan!» Do·ńez uŕäžy·nʒa. Son i ḿeŕä: «p. š. v., a moń pro·źbasa, ṕe·ćka kandu·mak ińa·źyryńť i·kiľij, v́icta kudyzy·nʒa». Ṕe·ćkaś syrga·ś i tuś burka·laks ľifťa·ma i lotka·ś v́i·cta ińa·zyryńť i·kiľij. Ińa·zyryś śe ška·ńä uľńi·ś ťäχťi·-ŕinʒa ma·rta. Eḿe·ľa ńeje·źä ťäχťiŕi·nʒa i ṕek uš ḿeľe·zénʒa tuś. I ko·rtä sala·va: «pa š. v., a moń pro·źbasa, ťe ťäχťi·ŕiś uľi·za moń koźa·jkam». Ińa·zyryś karma·ś Eḿe·ľäń käŋkśńi·ḿinʒa, koda· son iśťa· jakä· v́iŕi·j alašaťtu·ma nu·rca, ṕäŋǵi·nʒa syńć kä·ŕćiv́iť, v́edra·nʒa sy·ńć jaki·ť. Saś sońďä·nʒa ṕećkala·ŋksa, a son i kortä· ťänʒa: «ton avy·ľ śeń kä·ŋkśńik, koda mo·n jaka·n, a maksy·k mońďä·ń ťäχťi·ŕit koźa·jkaks». Ińa·zyryś ṕek kežė·jaŕć laŋgyzy·nʒa i karma·ś śoŋno·mónʒa, a ińa·zyryń ťäχťi·ŕiś i ḿeŕä·: «ťäťä·j, iľa·k śoŋna, mo·n moľa·n ťänʒa koźa·jkaks; a b́iďä ama·-

---

А онъ лежитъ и спитъ на печкѣ. Невѣстки начали просить его: «ступай, Емеля, а то попадешь въ вину; и насъ обвинятъ за тебя, зачѣмъ мы тебя удержали. Ты самъ сказалъ, что пойдешь». — «Я успѣю». Одолѣли его невѣстки. Онъ и говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, ты, печка, принеси меня передъ царя, прямо въ его домъ». Печка поднялась и пошла летѣть какъ... и остановилась прямо передъ царемъ. Царь въ это время былъ со своей дочерью. Емеля увидѣлъ его дочь, и очень она ужъ ему понравилась. И говоритъ потихоньку: «по щ. в., а по моей просьбѣ, да будетъ эта дѣвушка моей женой». Царь сталъ спрашивать у Емели, какъ онъ такъ ѣздитъ въ лѣсъ на саняхъ безъ лошади, какъ дрова сами рубятся, ведра сами ходятъ, какъ онъ пришелъ къ нему на печкѣ. А онъ и говоритъ ему: «ты не спрашивай о томъ, какъ я ѣзжу, а дай мнѣ твою дочь въ жены». Царь очень разсердился на него и началъ его бранить, а царская дочь и говоритъ: «батюшка, не брани его, я пойду къ нему

kscamak, mon ṕram poηa·sa». Íńa·zyryś karma·ś ťä·χťiŕińť ä·sa korta·ma; ťäχťi·ŕiś ťänʒa äź la·ďaη. Saśť ḱeźė·ηʒa, sa·jiźä Eḿe-ľäń ťä·χťiŕińť ma·rta, puty·ńʒä bo·ćkas, ṕeḱstė·ńʒä tozė·ń, smo-ľa·ftyźä boćka·ńť i nolda·ftyńʒä mo·ŕas, i juma·śť ḃe·ź v́iśťi íńa·-zyryń ťä·χťiŕiś Eḿe ľa ma·rta íńa·zyryńť i·kiľďä. I duḿi· íńa·-zyryś, śńarc syń kuly·śť. No syń äśť ku·la. Eḿe·ľa tosa udä· i udä·. Nu, íńa·zyryńť ťäχťiŕi·ńťi ťäjiηś tosa du·šna bo·ćkasyńť. Karma·ś Eḿe·ľäń śťaftu·ma; kojka·k syrgy·ść i sa·lava ḿeŕä: «p. š. v., a moń pro·źbasa; bo·ćka ľiśť o·strons pa·ra ta·rkińis śe·-ďä, i śeźeŕť tozė·j». Boćka·ś ľiść o·strons i śeźe·ηś. Syń ľiśćť boć-ka·styńť. Íńa·zyryń ťäχťi·ŕiś vanä· kosėja·k ḿäźija·k ara·ś, a·ń-ćik v́iŕ i v́iŕ. I ḿeľa·ftä, koda· ńej karḿi·ť ťesa äŕa·ma i ḿäźďä· karḿi·ť jarca·ma. A·vaŕďä i vanä· Eḿe·ľa laηks. A Eḿe·ľa śe škańä salava i ko·rtä: «p. š. v., a moń pro·źbasa, ťäji·v́iza ťezė·ń ku·da i·śťama, koda·ma kosėja·k ara·ś, i uľi·st ťe·sa iśťa·tt slu-

---

въ жены; а если ты не отдашь меня, я себя повѣшу». Царь началъ уговаривать дочь; дѣвушка не поддалась ему подъ ладъ. Онъ разсердился, схватилъ Емелю вмѣстѣ съ дочерью, положилъ ихъ въ бочку, заперъ туда, осмолилъ бочку и пустилъ ихъ въ море, и исчезли безъ вѣсти съ глазъ царя Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. И думаетъ царь: теперь ужъ они померли. Но они не умерли. Емеля спитъ тамъ и спитъ. Ну, царской дочкѣ сдѣлалось тамъ душно въ бочкѣ. Начала будить Емелю, кое-какъ онъ проснулся и потихоньку говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, ты, бочка, выйди на островъ, на самое лучшее мѣсто, и тамъ лопни». Бочка вышла на островъ и лопнула. Они вышли изъ бочки. Царская дочь видитъ, что нигдѣ ничего нѣтъ, только лѣсъ и лѣсъ. И грустить о томъ, какъ они будутъ тамъ жить и что̀ будутъ ѣсть. Плачетъ и смотритъ на Емелю. А Емеля въ это время потихоньку и говоритъ: «по щ. в., а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается здѣсь такой домъ, какого нигдѣ нѣтъ, и пусть будутъ тамъ такіе слуги,

ga·t, koda·tt ińa·zyryńt́ kak ara·śt́». Vot ińa·zyryń t́äχt́i·ŕiś i kortä Eḿe·ľańiń: «koda· ńej, koŕma·j, karma·tana äŕa·ma i ko·sa?» A Eḿe·ľa i kortä t́ä·nʒa: «v́eľa·fta ḿäki·j i vanta· koda·myška ku·dynyk». T́e v́e·ľaf́ć. Pravdyj, iśt́a·myška äščä ku·da, pačk ńe·-jä. I ľiśćt́ tosta· ḿińińʒu·nyń sluga·t i ćora·t i t́äχt́i·ŕt́ i ava·t i v́äśi śuky·ńakšnyt́ i ćńa·lkšnyt́ t́ä·st, suva·st kudy·ńt́i. Ńet́ tuśt́ kudy·ńt́i, Eḿe·ľa ińa·zyryń t́äχt́i·ŕińt́ ma·rta. A sluga·t́ńä moľe·t́ kona·t iki·ľä, kona·t uda·la, kona·t boka·va. Suwa·śt́ ku·dyńt́i, a to·sa potmò·za iśt́a·myška va·ďŕa, a du·mav́ä a śo·rmaduv́ä jak, a·ńćik jo·ŋksca jofta·v́ä; v́äsi pačk zolòčeny, źeŕka·laťńä käŋkšyš-kat. Oza·śt́ syń stoľekšc, i sluga·t́ńä karma·śt́ käŋkśńi·ḿist, ḿä·źi t́äst äŕä·v́i śiḿi·ms jarcams. Eḿe·ľa v́äšć äśt́ä·nʒa kapstaja·m da ǵŕe·ćäń ka·ša dy ṕećka·sa ṕi·ďiŕ ka·tfa. A ińa·zyryń t́äχt́i·ŕiś ḿeŕć: «dava·jt́i mońäń ḿäźiŋk uľä v́äśi». I Vo·spodi! ḿäźä· äśt́ ka·nt, ańćik na·rmyń lo·fca a·raśiľ. Śiḿśt́ jarca·śt́ i meľe·zèst pa·ra

---

какихъ пѣть и у царя». Вотъ царская дочь и говоритъ Емелѣ: «какъ мы теперь, кормилецъ, станемъ жить и гдѣ?» А Емеля и говоритъ ей: «обернись-ка назадъ и посмотри-ка, каковъ у насъ домъ». Та обернулась. На самомъ дѣлѣ, стоитъ такой домъ, всё насквозь видно. И вышли оттуда разные слуги и юноши и дѣвушки и женщины, и всѣ кланяются и просятъ ихъ, чтобы они вошли въ домъ. Они вошли въ домъ, Емеля вмѣстѣ съ царской дочерью. А слуги идутъ, которые спереди, которые сзади, которые по бокамъ. Вошли въ домъ, а тамъ внутренность его такъ хороша, что не придумаешь и не опишешь, только въ сказкѣ можно разсказать; вся насквозь позолоченная, зеркала какъ двери. Сѣли они за столъ, и слуги начали ихъ спрашивать, что̀ имъ надо пить и ѣсть. Емеля попросилъ себѣ капустныхъ щей да гречневой каши да картофелю, испеченнаго въ печкѣ. А царская дочь сказала: «давайте мнѣ всё, что у васъ есть». И Господи! чего они не принесли, не было только птичьяго молока. Попили и поѣли и имъ (стало) пріятно, и легли отдыхать. Цар-

i maćt́ ojḿe·śeḿä. Ińa·zyryń t́ä·χt́ińiś avy·ĺ kuvat́ u·dyś. Śt́äś, tošna· t́ä·nʒa mańä·v́ä. A Eḿe·ĺaza u·dä. Tošna·nʒa a ki·marṭa ko·ṛtams. I karma·ś son Eḿe·ĺanʒa śt́a·ftuma. Śe a śt́i·. «Ḿäśt́ śt́akšnan?» — «Śt́ak, koṛta·tana!» — «Ḿäśt́ koṛta·tana? Kšy·t uĺä, jarca·k śiṃt́ ḿäźd́ä χoćeš, ḿäźi t́ät́ ä·ŕav́ä v́äšt́, maksy·t́, a mońudu·mam saś. Udumam jä·v́ä, śesta śt́an. A ńej ḿäśt́ śt́akšnan». Äŕi·t́ ći, äŕi·t́ ka·fta, äŕi·t́ syń i god. Eḿe·ĺäń jal' udu·maza aja·v́ä, a ińa·zyryń d́äχt́i·ŕiś ći ju·taź tošna·za ja·la ṕŕiba·v́ä. Karma·ś son Eḿeĺa laŋks ṕeńa·ćama. Vot äŕi·t́ iśt́a god i ka·fta. Ińa·zyryń d́äχt́i·ŕiś ja·la ḿeĺa·ftä, a śe ja·la u·dä. V́äśt́ ińa·zyryń d́ä·χt́ińiś moĺć Eḿe·ĺańiń i karma·ś a·vaŕd́iź t́änʒa·ćńa·lduma: «Śt́a·k, Eḿe·ĺa, ostatka·da eńa·ldan t́ät́. T́äjik t́äv́i·ḿ kona·ń mon ṕeĺd́e·t v́ašca·, a ḿäjĺä· udy·k koda t́ät́ pa·ra; v́ä·śt́ kak aśt́a·ftan». T́e ṕŕanʒy käpi·d́iźä i käŋkśńä: «Ḿä·źi t́ät́?» «Ḿä·jiń pro·źba, ḿäźi t́ät́ äŕä·v́i t́ä·jims?» — «Dy vot ḿäźä: t́äχt́ moŕä·ńt́ troks säd́». Te sa·lava i ḿeŕä·: «p. š. v., a mońpro·ź-

---

ская дочь спала недолго. Встала, ей кажется скучно. А ея Емеля спитъ. Не съ кѣмъ разговорить свою тоску. И начала она будить своего Емелю. Тотъ не встаетъ. «Зачѣмъ я встану?» — «Встань, поговоримъ». — «О чемъ будемъ говорить? Хлѣбъ у тебя есть, ѣшь и пей чего хочешь, чего тебѣ нужно попроси, дадутъ, а мнѣ хочется спать. Пройдетъ сонъ, тогда встану. А теперь зачѣмъ встану?» Живутъ они день, живутъ два, живутъ они и годъ. У Емели все не проходитъ его сонъ, а у царской дочери съ каждымъ днемъ все прибавляется тоска. Начала она пенять на Емелю. Вотъ живутъ они такъ годъ и два. Царская дочь все грустить, а тотъ все спитъ. Однажды царская дочь подошла къ Емелѣ и начала со слезами просить его: «Вставай, Емеля, въ послѣдній разъ прошу тебя. Сдѣлай дѣло, которое я попрошу у тебя, а затѣмъ спи какъ тебѣ угодно; ни разу тебя не разбужу». Этотъ поднялъ голову и спрашиваетъ: «Что тебѣ? Что за просьба, что надо сдѣлать тебѣ?» — «Да вотъ что: сдѣлай мостъ черезъ море». Этотъ потихоньку и говоритъ: «по щ. в.,

basa ťaji·viźa moŕäń tro·ks śijäń säď zoloče·nyj ćeṕ v́ä·ľďä». I ťäjiŋś moŕäń tro·ks śi·jäń säď; zoloče·nyj ćeṕ v́ä·ľďä nu·ŕgä. I tuś ińa·zyryń ďä·χťiŕiś säďga·ńť guľä·jama. A Eḿe·ľa śťä·ś i karma·ś ḿäľga·nʒa vannu·ma, iľa·za pra kodaja·k v́ä·c. Vanć vanć ḿä·ľganʒa; kuać a·ščiś. Ińa·zyryń ďä·χťiŕiś v́eľa·ŕć ḿä·ḱij. Eḿe·ľa vancy· — äľzy· ińazyryń ďä·χťiŕiś, i son tuji·ksyľ maďi·ḿä. Vancy· iḱi·ľinʒa lo·mań i vanä· v́i·cta äzynʒa. Ṫe v́äńfťi·źä ḱe·ďenʒa, śe·jak v́äńfťiźä, ťe čara·ftyźä ṕŕanʒa, śeja·k čara·ftyźä. Ṫe i du·ḿä: «ḿä·jiń ťe loma·ń, sluga·t iśťa·tt araśť ku·cynʒa, ṕeḱ uš ama·zyj, ṕŕaza po·ndakš, a suma·ťńä prok so·nʒa. I poŋks pana·rynʒa iśťa·tt, kaŕinʒa jak iśťa·tt», i vanä· źeŕkala·vańť i duḿä·: «ä·ka, koda·myška ama·zyj ťe loma·ńiś, mon avyľińä ńeḱ kak». Ṫe škańä suva·ś ińazyryń ďäχťi·ŕiś i duḿä·: «vanta·, koda· son sy·rgaś apak śťaft», i ḱäŋkśťi·źä: «Koda· ton, koŕma·j, śťiť? Äľä ḱija·k śťafty·ńʒiť?» — «Mon ḿäľga·t vany·ń». — «M̓äśť va·nyť?»

а по моей просьбѣ, да сдѣлается серебряный мостъ на золоченой цѣпи черезъ море». И сдѣлался черезъ море серебряный мостъ; онъ виситъ на золоченой цѣпи. И пошла царская дочь гулять по мосту. А Емеля всталъ и началъ смотрѣть за ней, чтобы она не упала какъ-нибудь въ воду. Смотрѣлъ смотрѣлъ за ней; долго онъ стоялъ. Царская дочь вернулась назадъ. Емеля видитъ — подходитъ царская дочь и онъ пошелъ было лечь. Видитъ — передъ нимъ человѣкъ и смотритъ прямо на него. Этотъ протянулъ руку, и тотъ протянулъ. Этотъ повертѣлъ головой, и тотъ повертѣлъ. Этотъ и думаетъ: «что это за человѣкъ, слугъ такихъ нѣтъ въ его домѣ, очень ужъ онъ некрасивый, голова его лохматая, а зипунъ словно его. И штаны и рубашка такіе же, и лапти такіе же, и смотритъ въ зеркало и думаетъ: «эка, какой некрасивый этотъ человѣкъ, я бы и не смотрѣлъ на него». Въ это время вошла царская дочь и думаетъ: «смотри-ка, какъ онъ проснулся безъ того, чтобы его будили», и спросила его: «какъ ты, кормилецъ, всталъ? Или кто-нибудь тебя разбудилъ?» — «Я смотрѣлъ за то-

— «Päl'in, vany·ń avy·l'it' pra od säd'iń' la·ηksta». — «A ńej máśt' t'ä·jńat? Máśt' źeŕkala·styń' va·nnat?» — «Vana·n, ḿä·jiń śe loma·ń to·sa. Ṕek uš ama·zyj». — «Da śe ton, tońćet' ćama·t tosta ńesa·k». — «Ńeuže·l'i mon iśt'am' ama·zyjan?» — «Da, iśt'a·mat». Śe·sta son i ḿeŕć ṕek: «p. š. v., a moń pro·źbasa, ul'i·zan mon mazyj i ṕŕävij»; i t'äji·ŋ̊ś mazy·j, ajofta(v)u·maška mazy·j i ṕŕä-v́i·j. I karma·śt' äŕa·ma pa·ŕćt'ä. Äŕi·t' aščí·t' i vany·t', moŕäńt' la·ηks, jaki·t' guĺa·jama. V́ä ška·ńä vany·t' — sy kara·b́ĺa. Saś sä·d'iń' vakse, mol'e·ms t'ä·nʒa a ko·u̧. Vot i d'iv́ä·, kosta t'e säd'i·ś saji·ŋ̊ś i ḿeŕä sluga·ncty: «l'i·śt'a sä·d'iń' laηks, a·źika b́eŕekou̧ i käŋ̊kśt'a· tosta·, kodama ińa·zyryń t'e säd'i·ś» Sluga·ś l'iść säd'iń' laηks i tuś äzganʒa b́e·ŕekou̧. Saś b́e-ŕekou̧, a b́eŕe·kseńt' ašča· iśt'a·myśka kuda·, v́ä·śi χrusta·l'nyj. Pa·ćk ńejä. Suwaś äjzy·nʒa i käŋ̊kśńä: «koda·ma ińa·zyryń t'e kudy·ś», a Eḿe·l'a i ḿeŕä t'ä·nʒa: «a ton kija·t loma·ńiś,

---

бой?» — «Чего ты смотрѣлъ?» — «Я боялся, смотрѣлъ, чтобы ты не упала съ новаго моста». — «А теперь что ты дѣлаешь? Что ты высматриваешь въ зеркалѣ?» — «Я смотрю, что это тамъ за человѣкъ. Ужъ очень некрасивый». — «Да это ты, ты видишь оттуда твое собственное лицо». — «Неужели я такъ некрасивъ?» — «Да, ты такой». Тогда онъ и сказалъ громко: «по щучьему велѣнію, а по моей просьбѣ, пусть буду я красивый и умный», и сдѣлался красивый, несказанно красивый и умный. И стали жить хорошо. Живутъ поживаютъ и смотрятъ на море, ходятъ гулять. Однажды видятъ— подходитъ корабль. Подошелъ къ мосту, идти ему не куда. Вотъ и удивляется, откуда этотъ мостъ взялся, и говоритъ слугѣ своему: «выходи-ка на мостъ, ступай-ка на берегъ и спроси-ка тамъ, какого царя этотъ мостъ». Слуга вышелъ на мостъ и пошелъ по нему на берегъ. Пришелъ на берегъ, а на берегу находится такой большой домъ, весь хрустальный. Насквозь видно. Вошелъ въ него и спрашиваетъ: «какого царя этотъ домъ», а Емеля и говоритъ ему: «а ты кто такой за человѣкъ, откуда ты

kosta syť ťezė·ń?» — «Dy mon vot i·śťamy ińa·zyryń», karma·ś jofńeińä sa·maj śe ińa·zyryńť ä·sa, kona· sonʒa boćka·s puty·źä. «Koṳ jaki·ďä?» käṳkśńä· äsy·nʒa Eḿe·ľa. «Dy jaki·ńik väśi carstvaťńiń vanu·ma. Pa·ćkyďińik ťej, vanta·na säď, a ju·tavat. Ińa·zyrym kuču·ḿiḿ ťej käṳkśťiḿä, kiń ďe säďi·ś i štoby ḿińi·k alganʒa nolda·ṳľiḿiź». — «Mon ano·ldatadyź, a ḿeŕť ińa·zyryťi, kadyk ťej zy». Ťe tuś ḿäkij kara·bľaṳ i jofta·ś ińa·zyrynćty. Ińa·zyryś ľiśč i tuś; moľć Eḿe·ľäńiń, śukyńäś ťänʒa, zdoro·vakšnyś ma·rynʒa. Ťe oza·ftyźä stoľe·kšc i karma·ś kava·ńamynʒa. Kava·ńiźä pa·ŕćťä i karma·ś käṳkśńi·ḿinʒa: «kija·t, koṳ moľa·t, koṳ jaki·t, ḿäśť jaka·t, uľiť ľi äjďi·t i źary äjďi·t». Väśi käṳkśńiṅʒä. Son ťänʒa jala o·ťvećä: «Jakiń mastyrla·ŋga, mastyryń vanu·ma, goŕa·n juma·fńiḿä». — «Da ḿäji·ń la·ŋgyzyt go·ŕa? Ton ińa·zyryt, väśiḿä tarka·t u·ľä». Ťe i ḿeŕä: «Vot koda·my go·ŕam. Uľńi·ś vä·χkä ťäχťi·ŕiḿ». — «Nu štoźy, uľńi·ś?» — «I

пришелъ сюда?» — «Да я вотъ такого царя», началъ онъ разсказывать о томъ самомъ царѣ, который положилъ его въ бочку. «Куда ѣздили?» спрашиваетъ его Емеля. «Да мы ѣздили осматривать всѣ царства. Подошли мы сюда, видимъ мостъ, не перейдешь его. Мой царь прислалъ меня сюда спросить, чей это мостъ и чтобы насъ пустили (пройти) подъ нимъ». — «Я не пущу васъ, а скажи твоему царю, чтобы онъ пришелъ сюда». Этотъ пошелъ назадъ на корабль и сказалъ своему царю. Царь вышелъ и пошелъ; пришелъ къ Емелѣ; поклонился ему, поздоровался съ нимъ. Этотъ посадилъ его за столъ и началъ его угощать. Угостилъ хорошо и началъ спрашивать его: «кто ты, куда идешь, куда ѣздилъ, зачѣмъ ѣздишь, есть ли у тебя дѣти и сколько у тебя дѣтей?» Обо всемъ спросилъ его. Онъ ему все время отвѣчаетъ: «Я ходилъ по свѣту, осматривать свѣтъ, погубить горе свое». — «Да что за горе на тебя? Ты царь, у тебя все есть». Этотъ и говоритъ: «Вотъ каково мое горе. У меня была одна дочь». — «Ну, что же была». — «И вотъ у насъ тамъ нашелся такой дуракъ Емеля,

vot ḿińi·k tosa· mujiŋ̑ś iśťa·ma dura·k Eḿe·ľa, karma·ś alašaftu·ma jaka·ma, karma·ś narodėń tapa·ma. Mon ťäŕďi·ńä so·nʒa äśťäń». — «Son ńejga·k toń ǵeća äŕä?» — «Ara·ś, kulcynyk! Son saś mońďä·ń ṕećkala·γ̹ksa, i ťäχ̹ťi·ŕiḿ karma·ś čija·mynʒa. Ťäχ̹ťi·ŕiḿ karma·ś sońďänʒa moľe·ḿä. Mоń ḱežė·n saśť. Sa·jiń dy kavyńi·st boćka·s smoľa·ftyń i moŕa·s no·ľdaftyń». — «A avyl žaḷť uľńiśť̹ ťäť?» — «Śe ška·ńa toröχ̹ avyľ žaḷť». — «A ńej?» — «Ńej ṕek žaľ ťä·χ̹ťiŕim. Vot kady·ńä v́äśi ca·rstvam i tuji·ń śv́etka·ńť goŕa·m strafńi·ḿä». — «A Eḿe·ľäń ńej vanu·ŋ̑ľiḱ?» — «Ḿä·śť vannan laŋgyzy·nʒa? Son ťäχ̹ťi·ŕiḿ jumaftu·ftyzä». — «A ťä·χ̹ťiŕit vanu·ŋ̑ľiḱ?» — «Ko·sta va·ncak? Sonʒa lovaža·nʒa jak śńarc kaḷt säv́iź». — «A jeśľi bă a·vyľiź säv́? Jeśľi bă son ťesa u·ľiv́iľ, vanu·ŋ̑ľiḱ?» — «Ješčo by a·vyľińä van. V́ä·śi paryčym maksu·ŋ̑ľińä da vanu·ŋ̑ľińä». — «Iľa·k ma·kśńä. Mon ďäť i·śťak ńefca·». Ťe praś koľe·nka la·ŋks i karma·ś cńa·ldumа. Ťe saji·źä

началъ ѣздить безъ лошадей, началъ топтать народъ. Я позвалъ его къ себѣ». — «Онъ и теперь живетъ у тебя?» — «Нѣтъ, слушай! Онъ пришелъ ко мнѣ на печкѣ, и сталъ сватать мою дочь. Дочь моя начала (собираться) идти за него. Я разсердился. Взялъ да засмолилъ обоихъ въ бочку и пустилъ въ море». — «А тебѣ не было ихъ жаль?» — «Въ то время совсѣмъ не было жаль». — «А теперь?» — «Теперь очень жаль мою дочь. Вотъ я бросилъ все царство мое и пошелъ по свѣту разсѣять мое горе». — «А Емелю ты бы хотѣлъ теперь увидѣть?» — «Что я буду смотрѣть на него? Онъ погубилъ мою дочь». — «А свою дочь ты бы хотѣлъ увидѣть?» — «Гдѣ ее увидишь? И косточки ея теперь уже поѣли рыбы». — «А если бы онѣ ея не съѣли? Если бы она была здѣсь, ты бы хотѣлъ ее увидѣть?» — «Еще бы не хотѣть ее видѣть! Я отдалъ бы все имущество свое да увидалъ бы». — «Не отдавай. Я тебѣ даромъ покажу». Этотъ упалъ на колѣни и началъ упрашивать. Этотъ взялъ и показалъ ему его дочь. Онъ очень ужъ обрадовался. Отецъ и

i ńeḱe·źä ťänʒa ťäχťiŕi·nʒa. Son ṕek uš radu·vaś. Karma·śť ťa-ťa·t ťä·χťiŕť ava·ŕďimä i ṕäjďi·mä. Mäjľä ťaťäś i käŋkśťiźä ťäχ-ťi·ŕińť: «Koda ton ťezė·ń godä·viť? A ko·sa śe dura·kyś?» — «Dy miń ťeskta·na ka·vyńiḱ». — «Dy ko·sa son?» — «Da ťe sama·j son!» — «Ara·źďä ťe son?» — «Son». — «Ko·da son iśťa· ťäji·ŋś?» — «Iśťa· mašć». Se·sta ińa·zyryś. karma·ś prošče·ńijäń väšimä Eḿe·ľäń kecta. Miŕä·śť, mä·jľi guľä·jaśť ki zda·sy źarc. Mäjľi ińa·zyryś tuś ku·duŋ, a syń karma·śť ťe·sa äŕa·ma paŕćtä. Karma·śť pa·ra ala·šäń kiŕďimä i karma·śť äsy·st veźďe· aŕχńi·mä. Väška·-ńä ardy·ť vi·ŕga i maŕa·syź viŕcy·ńť loma·ńiń va·ľgij, prok kija·k äsy·nʒa gra·bä ä·ľä kinʒa· juma·ftyźä. Son lotka·ś i kučy·źä sluga·nʒa: «Aźika· mujika·, mäśť son ṕi·žńä». Ťe tuś. Aŕχńiś, aŕχńi·ś vi·ŕgańť, muś ka·fta lomaťť i käŋkśńä· ä·syst: «tyń mä·jiń loma·ťťada?» — «Dy miń, brat, pluťä·jävińiḱ. Uľť pary lo·mań, ľiťťi·miź poža·lyjsta kila·χks. Ńeťť ťäńiḱ kozė·ń ľiśi·ms, koda· by ťäńi·ḱ vača akulu·ms». Son saji·ńʒä i veťe·ńʒä azy·rynʒa vaksc.

дочь начали плакать и смѣяться. Потомъ отецъ и спросилъ дочь: «Какъ ты сюда попала?. А гдѣ тотъ дуракъ?» — «Да мы здѣсь оба». — «Да гдѣ онъ?» — «Да это самый онъ!» — «Развѣ это онъ?» — «Онъ». — «Какъ онъ сдѣлался такимъ?» — «Онъ такъ сумѣлъ». Тогда царь началъ просить прощенія у Емели. Помирились, потомъ погуляли, кто знаетъ сколько. Потомъ царь отправился домой, а они начали здѣсь хорошо жить. Начали держать хорошихъ лошадей и начали вездѣ на нихъ ѣздить. Однажды скачутъ по лѣсу и услышали въ лѣсу человѣческій голосъ, точно кто кого грабитъ или кто дорогу свою потерялъ. Онъ остановился и послалъ своего слугу. «Ступай-ка поищи-ка, чего онъ кричитъ». Этотъ пошелъ. Ѣздилъ, ѣздилъ по лѣсу, нашелъ двухъ людей и спрашиваетъ ихъ: «вы что за люди?» — «Да мы, братъ, заблудились. Будь добрымъ человѣкомъ, выведи насъ пожалуйста на дорогу. Покажи намъ, куда выйти, какъ бы намъ не помереть голодными». Онъ взялъ и повелъ ихъ къ своему

Azy·ryś va·nä laŋgy·zyst i sodė·ńʒä ka·vyńist. I karma·ś äsy·st käŋkśńi·ḿä. «Tyń ko·steńťada? Ḿä·śť ťijä jaka·tada?» — «Ḿiń vasy·ldyńťana. Ḿiń jofta·syńik, ḿäśť ťija·jaka·tana i kiť ḿiń loma·ťńä. Ḿiń muži·kťana. Ḿi·ńik äjsta uľńi·śť ťŕi bra·ta. Ťäťa·nyk ava·nyk ḿińi·k ka·vyńik uŕva·kstyľiź, a kolmóćeś uľńi·ś śeďi od i ṕeľeṕŕäŋ. Son iśťa·k kadu·ŋś. I äŕä·ś v́ä·χca ma·rynyk. Ḿiń jaki·ńik v́äṕe·ľej robóta·kšnuma, a son äŕćiś ava·ťńä ma·rta v́ä·χca ku·ca. V́ä ška·ńä ḿiń tuji·ńik robóta·kšnuma, a son kadu·ŋś kuc. Pa·s sodä, ḿäśť son ťä·jńiś, buta v́iŕi·j alašaftu·ma nu·rcy jakśi·ś, da narod tapa·ś. Ińa·zyryś äśťä·nʒa ťä·ŕďiźä śeńgi·s. A son by·ta ṕećkalaŋksa toŋ moľć. Ḿiń syńik kudu·ŋ. Vanta·na, son ara·ś. Käŋkśńi·ťana a·vaťńiń ǵe·cta: «kosa son?» Syń ḿere·ť: «iśťa· iśťa·, so·nʒa ińa·zyr saji·źä». Mo·ľeńek toŋ. Toŋ äźi·ḿiź nolda, a ḿeŕćť ťäńi·k, bu·ta so·nʒa boćka·sa moŕa·s noldė·ź. Voť ḿiń i tuji·ńik v́äšńi·ḿinʒa. Ḿerďa·na: žyŋsta ä·ľä ku·lysta musy·ńik. Jaki·ńik, jaki·ńik, äź mu·jiŋ. Ḿińć ka·k va·ča juma·kšnyńik v́i·ŕc, paśi·ba

хозяину. Хозяинъ смотритъ на нихъ и узналъ обоихъ. И началъ ихъ спрашивать. «Вы откуда? Зачѣмъ вы здѣсь ходите?» — «Мы издалека. Мы разскажемъ, зачѣмъ мы здѣсь ходимъ и кто мы такіе. Мы мужики. Насъ было три брата. Отецъ и мать поженили насъ обоихъ, а третій былъ помоложе и полоумный. Онъ остался холостымъ. И жилъ вмѣстѣ съ нами. Мы ходили работать на сторону, а онъ жилъ вмѣстѣ съ женщинами въ домѣ. Однажды мы пошли работать, а онъ остался дома. Богъ знаетъ, что онъ сдѣлалъ: ѣздилъ будто онъ въ лѣсъ на саняхъ безъ лошади и потопталъ народъ. Царь позвалъ его за это къ себѣ. А онъ будто пошелъ туда на печкѣ. Мы пришли домой. Видимъ, его нѣтъ. Спрашиваемъ у женщинъ: «гдѣ онъ?». Онѣ говорятъ: «такъ и такъ, его взялъ царь». Мы пошли туда. Туда насъ не пустили, а сказали намъ, будто его пустили въ бочкѣ въ море. Вотъ мы и пошли искать его. Говоримъ, найдемъ его живымъ или мертвымъ. Ходили, ходили, не нашли. И сами мы погибли было въ лѣсу голодными, спасибо вотъ этому доброму человѣку. Онъ

va·na t́e pa·ra loma·ńińt́i. Son ḿińi·k̍ muji·ḿiź i ľift́i·ḿiź». — «A vanu·ņľińk̍ bra·tyŋk?» — «Eššo by avy·ľińik van! Ćaj mo·dasta targa·ņľińik da vanu·ņľińik». — «Tyk vot vany·da, t́e sa·maj mon bratyŋk Eḿe·ľa». Ńet́ ak̍ä·ḿit́ ä·synʒa: «Ḿińi·k̍ braty·nyk avy·ľ iśt́a·ma». — «Dy sa·maj mon». — «Avyľ!» — «Tyŋk̍ bratyŋk ṕŕiḿita·za uľńi·ś koda·myjak?» — «Uľńiś!» — «Ko·dama?» — «K̍ä·ŕč k̍e·ćenʒa pazyń d́ešks». Son sa·jiźä, šta·ftyźä k̍äŕč k̍e·d́enʒa i ńeft́eźä pazyń t́ekšseńt́. Va·ncyź, pra·vdy son. Praśt́ ik̍i·ľinʒa koľe·nkala·ŋksa i karma·śt́ radu·vaź ik̍i·ľinʒa raŋgu·ma i ava·ŕd́iḿä. Son saji·ńʒ́ä ä·śt́änʒa kaŕe·tas i murda·ś ma·ryst ḿäk̍ij kudu·ņ i sra·dyśt́ i karma·śt́ tosa· guľä·jama. Guľäjäśt́ ṕek̍, t́äŕχńi·śt́ loma·t́t́. Mon ga·k to·sa uľńi·ń, ḿät́t́ä v́ina·da śiḿiń, usyn la·ŋga čud́i·śt́, nu kurgy·zyn äź ṕe·t́ńä jak. Syń karma·śt́ äŕa·ma v́ä·χca. Äŕa·myst tuś va·d́ŕasta. Son t́ä·st t́äjiŕć od gu·da, — va·d́ŕa ku·dyś, nu avy·ľ sońće·k̍eńt́ kond́a·ma, alamy·da śed́i b́eŕä·ń. Äŕä·śt́ t́äjśt́ bra·tynʒa i tošna·ńćt́. Karma·śt́ ṕŕast ä·jsa provoža·ftuma

---

насъ нашелъ и вывелъ». — «А хотѣли ли бы вы видѣть вашего брата?» — «Еще бы мы не хотѣли его видѣть! Чай, изъ земли бы вытащили да увидали». — «Такъ вотъ смотрите: я этотъ самый братъ вашъ Емеля». Тѣ не вѣрятъ ему: «Нашъ братъ не таковъ». — «Да я самый». — «Нѣтъ!» — «У брата вашего была ли какая примѣтина?» — «Была!» — «Какая?» — «На лѣвой рукѣ родинка». Онъ взялъ, открылъ лѣвую руку и показалъ родинку. Видятъ, вправду онъ. Пали предъ нимъ на колѣни и начали радуясь вопить и плакать передъ нимъ. Онъ взялъ ихъ къ себѣ въ карету и вернулся съ ними назадъ домой, и отъ радости они начали тамъ гулять. Гуляли много, сзывали людей. И я тамъ былъ, меду и вина пилъ, по моимъ усамъ текло, но въ ротъ не капнуло. Они начали жить вмѣстѣ. Жизнь ихъ пошла хорошо. Онъ выстроилъ имъ новый домъ, — хорошій домъ, но не сходный съ собственнымъ, а немного похуже. Пожили его братья и соскучились. Начали собираться домой. Емеля и говоритъ: «Да куда вы

kudu·u̯. Eḿe·ľä i ḿeŕä: «Dy kou̯ kudu·u̯ moľďa·da? Ťesk kak ku·-dyŋk ṕek vaďŕa·, ḿä·źiŋḱ asa·tnä?» — «Ko·da ḿäźinyk asa·tnä? Ćaj zoda·sak, kuca· koźa·jkanyk ḿeľa·fcaḿiź. Moľďa·na soda·fcy-ńiḱ i jofta·tana ťäst, šty ton žyva·t i äŕa·t ṕek pa·ŕćťä». — «Aŕa·da ťesk! Mon ano·ldatadyź». A sońć sa·lava kučć koźa·jkast ḿä·ľga loma·ťť. Ńeť ťe·sa ḿeľa·ftyť, a ńeseź boľše baba·st. A ba-ba·st ava·ŕďiť, ḿiŕďi·st juma·śť. Druk saśť ťä·st lo·maťť Eḿe·-ľäń ḃeľďä i kortė·ť: «Syrga·da, ḿiń ḿäľga·ŋk syńi·ḱ». Ńeť ḱäu̯ḱśńiť: «Kou̯?» — «Aďa·dy kou̯ uksta·dyź». Neť ńesė·ź, šty lo-ma·ťńä ińa·zyryń ḃeľďä, karma·śť lajšiḿä. Nu, syrga·ms syrga·śť. Ńeť saji·ź i tu·śť mary·st. Moľćť moľćť kua·ť ľi kury·k ľi. Ku-ry·k jo·u̯ksėś jofńe·v́ä, da avy·ľ ku·ryk ťäv́i·ś ťäji·v́ä. V́äχḱi va·lćkista Eḿe·ľäń bra·tynʒa śťäśť i kortė·ť: «Aďa·, brat, toš-na·nyk χyť strafńi·syńiḱ». Ańćiḱ ľiśćť, vany·ť säďga·ńť ḱiť ḃiďä syť. Karma·śť učuma. Ńeť saśť mala·u̯. Vany·ť·i śäľḿi·st tu·rtuu̯ aḱä·ḿiť. Saśť synct kavyńi·st baba·st. Syńć syť, syńć a·vaŕďiť.

пойдете домой? И здѣсь у васъ хорошій домъ, чего вамъ недостаетъ?» — «Какъ чего намъ недостаетъ? Чай, ты знаешь, дома тоскуютъ по насъ жены. Пойдемъ навѣстимъ ихъ и скажемъ имъ, что ты живъ и живешь очень хорошо». — «Живите здѣсь! Я васъ не пущу». А самъ онъ тайно послалъ людей за ихъ женами. Они здѣсь грустятъ, не увидятъ больше своихъ бабъ. А бабы ихъ плачутъ, — погибли ихъ мужья. Вдругъ приходятъ къ нимъ люди со стороны Емели и говорятъ: «Собирайтесь, мы пришли за вами». Эти спрашиваютъ: «Куда?» — «Ступайте, куда мы васъ повеземъ». Эти увидѣли, что тѣ люди отъ царя, и стали вопить. Но собраться собрались. Эти взяли ихъ, и пошли съ ними. Шли шли долго ли скоро ли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ одно утро братья Емели встали и говорятъ: «Иди, братъ, хоть тоску нашу разсѣемъ». Только лишь вышли, видятъ по лѣсу кто-то идетъ. Начали ждать. Эти подошли ближе. Видятъ и не вѣрятъ своимъ глазамъ. Пришли обѣ ихъ жены. Сами идутъ, сами плачутъ. Повстрѣчали ихъ мужья, мужья обра-

Ka·ŕčuvastyź mirďi·st, mirχńä radu·vaśť, a baba·st tanda·ćť, dumi·ť synct kak Eme·ľa la·ca väsi mirďini·k bočka·sa moŕa·s joŕa·syź. Nu mirχńä karma·śť laci·mist. «Mäśť lajši·ťada? Miń ťesa· karma·tana äŕa·ma. Bratynyk kak ťesa äŕä. Son ťesa· ińa·-zyrks». I karma·śť äŕa·ma väχca. Äŕäśť äŕäśť, Eme·ľäń baťka·za syŕi·ć i ťäŕďi·ťťiźä äśťä·nʒa. I ara·ftyźä tarka·zynʒa. «Nu, ćora·m, äŕak moń ta·rkasa, kiŕť naro·děńť ä·sa», a naro·děńťi ṕŕikaza·ś: «Vot mäśť, kulcy·nyda soda·mym äsa iśťa, koda moń ä·sa kulcy·-nyďä». I sońć mäjľä· kury·ksta kuly·ś, a Eme·ľa kaduŋś tarka·-zynʒa ińa·zyrks, a braty·nʒa kadu·ŋśť äŕa·ma tosk i kiŕďi·ť ka·vuńist vä·χca śe ma·styryńť ä·sa i väsi ńej äŕi·ť ṕek uća·s-kaŋsta.

J o ŋ k s.

Äŕäśť ašť aťa·t baba·t. Äjďi·st kakšy·st ara·śiľť. Aťa·ś tuś soka·ma, baba·ś karma·ś čeŋksė·ń la·znyma, käŕi·źä ṕeľka·nʒa,

---

довались, а ихъ бабы испугались, думають, что и ихъ, какъ Емелю, съ мужьями бросятъ всѣхъ въ бочкѣ въ море. Ну, мужья стали ихъ утѣшать. «Отчего вы воните? Мы будемъ здѣсь жить. И нашъ братъ здѣсь живетъ. Онъ здѣсь царемъ». И начали жить вмѣстѣ. Жили жили, Емелинъ тесть состарился и позвалъ его (Емелю) къ себѣ. И поставилъ его на свое мѣсто. «Ну, сынъ мой, живи на моемъ мѣстѣ, держи народъ»; а народу онъ приказалъ: «Вотъ что, слушайте моего зятя такъ, какъ вы слушали меня». И самъ онъ вскорѣ померъ, а Емеля остался царемъ на его мѣсто, а братья его остались жить тамъ, и вдвоемъ держатъ вмѣстѣ ту землю, и всѣ живуть теперь очень счастливо.

С к а з к а.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было. Старикъ пошелъ пахать, старуха начала колоть лучину, обрѣзала себѣ

ṕuty·źä ṕeču·rkas, karma·ś pačalkśiń ṕići·ḿä. V́ä·χkä pačalkśä ṕiďi·ś aťä·ńťi, ombò·ćä ṕiďi·ś babańťi. Ṕel̆ka·ś korṭä· ṕečurka·sa: «a mońä·ń, ava·j, ḿäźä· ṕiďa·t?» Baba·ś karma·ś v́ä·śńiḿä: «Ḱi śäjŕä· ava·j mońä·ń, ul̆i·za moń son ćora·m». Tagy· karma·ś pa-ča·lkśiń ṕićiḿä, ťeń aťäńťi, a ťeń baba·ńťi. Taga· ṕel̆ka·ś śäŕ-ǵi·ć: «Ava·j, mońďä·ń ḿäźä?» Potò·m baba·ś muji·źä ḱäŕa·f ṕel̆-ka·nʒa. So·n ṕečurka·sa aščä· ćo·ièńeks. «Ava·j», ḿeŕć baba·ńťi: «vod mon ul̆a·n tyχḱ ćora·χk. Vot ńej mol̆a·n, pača·lkśiť kanda·n ťätä·ńiń soka·ma tarka·s». Baba·ś vačka·ś śi·śiń pača·lkśiť, puć ḿe·šèkkes, kučy·źä kandy·ma aťä·ńťi pača·lkśiń so·kama ta·rkas. Kandyńʒä pača·lkśiťńiń aťäńťi so·kama ta·rkas. Aťä·ś i ḿe·ŕć: «Ko·sta toń V́eŕepa·zyś mońďä·ń kučyńʒiť?» — «Kuči·ńiń moń ava·m, toń koźa·jkat: ḱäŕi·źä pokš ṕe·l̆kanʒa, puty·źä ṕe·čurkas, i mon ťäjiv́iń ćo·rèńeks. Son i ḿeŕć mońďäń: aźä, ćoram, pača·lk-śiń ga·ndyma tońä·ť ťäťäńiń». Jutä· ki·javańť bo·jar. Ćorè·ńeś

большой палецъ, положила его въ печурку, начала печь блины. Одинъ блинъ испекла старику, другой испекла старухѣ. Палецъ говоритъ въ печуркѣ:—«а мнѣ, матушка, что испечешь?» Старуха стала искать: «Кто кричитъ мнѣ матушка, да будетъ онъ моимъ сыномъ». Опять начала печь блины—этотъ старику, а этотъ старухѣ. Опять палецъ крикнулъ: «Матушка, мнѣ что?» Потомъ старуха нашла отрѣзанный свой палецъ. Онъ сидитъ въ печуркѣ какъ мальчикъ. «Матушка», говоритъ онъ въ печуркѣ: «вотъ я буду вашимъ сыномъ. Вотъ теперь я пойду, отнесу блины батюшкѣ на мѣсто пашни». Старуха наложила семь блиновъ, положила ихъ въ мѣшокъ, послала его отнести старику блины на мѣсто пашни. Принесъ онъ блины старику на мѣсто пашни. Старикъ и говоритъ: «Откуда тебя Всевышній ко мнѣ прислалъ?»—«Меня прислала мать моя, твоя жена: она обрѣзала свой большой палецъ, положила его въ печурку, и я сдѣлался мальчикомъ. Она и сказала мнѣ: ступай сынъ мой, отнеси блины тебѣ, моему батюшкѣ». По дорогѣ проходилъ баринъ. Мальчикъ сказалъ: «Я по-

ḿeŕć: «Boja·ryńt́ mon d́ra·źńińä; boja·ryś ńejeḿeḿ; mоń ḿijimâk bojaryńt́i». Ať́äś ḿiji·źä boja·ryńt́i. Boja·ryś maksć ńiľä valkst jarḿa·k at́äńt́i. At́ä·ś maksyźä ṕe·ľka ćorėńeńt́ bojary·ńt́i. Boja·-ryś saji·źä jarma·k sundyky·zynʒa, ṕe·kstėźä ćorė·ńeńt́. Sundy-ḱisyńt́ ćorė·ńeś ašči·ś źa·rc tosta· mu·ś buraŋńä. Sundykyńt́ ṕeľe·źä i vaŕavańt́ jarmaky·nʒa boja·ryńt́ kajśi·ńʒä i sońć ľiść vaŕa·v́ańt́. Jarma·kynʒa boja·ryńt́ purny·ńʒä i t́ät́anctyj kandy·ńʒä ćoŕe·ńeś, i karma·śt́ äŕa·ma i ašči·ḿä, i ńejga·k äŕi·t́ i äŕći·t́ i äŕi·t́ i ašči·t́.

Записано отъ крестьянина 30 лѣтъ.

Joŋks.

Śedïḱi·ľä Tro·šėńkań ro·cta uľńi·ś v́ä·χḱi ćo·ra. T́aťa·nʒa avanʒa kuly·śt́, a son ka·d́uŋś ḱäv́ä·t́ijä go·ca. Äŕi·ś śka·mynʒa i jarma·kynʒa uľi·t́ i śury·za uľä· i v́äśi pary·čiza uľä·, muśḱi·-ćaza čovė·ćaza ara·ś. Äŕä·ś iśt́a· son kolmy gott i duma·ś uŕva-kstuma, d́a ta·gy ṕeľä·, gu·ľkaza ṕeḱ pokš; du·ḿä: «kod́a·k u·ŕ-vakstan fyjä·t́ca i ku·lä». Ḿeľa·ftä. V́ä škańä tuś v́iŕij, ḱäŕa·ś ṕäŋḱ i syrga·ś ḿäḱi·j kudu·ŋ. A ala·šyńiza uľńi·ś ḃeŕäń, ḃe·ŕäń e·ľd́eńä. Son i du·ḿä: «Ḿäśt́, varča·sa t́e e·ľd́eńt́. Son ṕeḱ ḃeŕäń,

---

дразнилъ барина; баринъ меня видѣлъ; продай меня барину». Старикъ продалъ его барину. Баринъ далъ старику четыре рубля денегъ. Старикъ отдалъ мальчика-пальчика барину. Баринъ взялъ, въ свой денежный сундукъ заперъ мальчика. Мальчикъ немного сидѣлъ въ сундукѣ, нашелъ буравчикъ. Онъ пробуравилъ сундукъ и въ дыру побросалъ деньги барина, и самъ вышелъ въ дыру. Мальчикъ собралъ деньги барина и принесъ ихъ отцу своему, и стали жить и поживать, и теперь также живутъ и поживаютъ, живутъ и поживаютъ.

---

nu ala·ša. B́idi son ćid́a·rdä, to para avaja·k ćid́a·rdä, a b́idi son aći·d́ardä, śesta avaja·k aći·d́ardä. Kuść ṕe·ŕetkalaŋks i karma·ś joksta·ma. Koda·k jo·kstėźä, ala·šaś praś iḱi·ĺćä ṕiĺǵilaŋks, a sonʒa· uš śädi·jza äź ǵiŕt́ i karma·ś ńeŕǵe·ḿä. Ńeŕkś, ńeŕkś, valkś. Vanä·, ala·šaza ku·lyś, i dumä·: «nu, au·ŕvakstan». Saś kudu·u i ḱińinga·k äź jo·fńä i karma·ś äŕa·my śka·mynʒa. Äŕä· god, kafty, kolma, au·ŕvakstä; ḱäŋkśńi·t́, ḿäks, a jo·ftä. V́ä škańä moĺć syŕipat́ä·ncty. Syŕipa·t́aza kavańiźä, śiḿdi·źä v́i·nada; ala·myń a·lamyń śiḿdi·źä ṕeḱ. Son iŕi·ć. T́e i karma·ś äsynʒa ḱäŋkśńi·ḿä: «Ḿä·ks ton au·ŕvakstat, Dŕi·ga, koda iśt́a· śkamy·t äŕa·t? Paryt uĺä, a kudyju·rcėt avalomań ara·ś. Uŕva·kst, t́äv́i·t lučšy uĺä·».— «Mon uŕva·kstuuĺiń, pat́ä·j, da mońd́ä·ń ńeĺźa urva·kstums». — «Da ḿäks, jala·ksḱiḿ?» — «I·śt́ak». — «Nat́, avy·ĺ iśt́ak; ḿäks kak, da uš uĺä». — «I·śt́ak». — Pat́ä·ś fat́ä·ś, ḿäks son ajoftä, karma·ś taga· v́ina·da śiḿd́a·mynʒa. Śiḿdi·źä ṕeḱ i tagy karmaś ḱäŋkśńiḿinʒa. «Da ḿäks ton, jala·ksḱiḿ, ajo·ftat? Ćaj mon t́ät́ avyĺ čužy·jan; ḱińinga·k ajo·ftan źŕa, a možy ḿäźija·k t́ät́ pary t́ä·jan; možy guĺka·t ama·štuv́ä ḿäks ka·k?» — «To·ta, pat́äj, ama·štuv́ä». — «Da ḿäks ama·štuv́ä? ḿä·źiźa amaštuv́ä? Jo·ftėḱ, ĺeća·syńiḱ mo·ža». — «Dy ko·da ĺeća·syńiḱ, pat́äj, jo·ftams t́ät́ v́i·cta, lakśi·syńiḱ štoĺä?» — «Da ḿäks äŕa·vä lakśi·ms?» — «Dy vot ḿäks: ṕeḱ pokš».—«Vot ešćo d́i·vaś, tońd́ä·t́ pokš, a ava·t́ńińiń ṕeḱ pa·ra». — «To·ta, avyĺ ṕa·ra». — «Dy ton varčńiḱ štoĺä?» — «Varčńi·ms äźi·ńä varčńä·, dy soda·ms soda·sa». — «Ḿäźijak ton azda·t! Ton va·rčika; požalėj, ešće ḿe·ŕet́—v́iśḱi·ńä». — «Ara·ś, pat́ä·j; jofta·ms t́ät́ v́icta, mon varčńi·ńä».—«Nu ḿäjĺä ḿä·śt́, ḱiń varčńit́». — «Dy ḿäśt́, ḿäśt́, dy ḱiń varčńi·ń?!» — «Dy ḿäks ajo·ftat, jofta·k; moža loma·ńiś uĺńi·ś b́eŕäń». — «Dy uš kyda jofta·ms t́ät́ pravda·sta, ton sodėĺeḱ kaŕej e·ĺd́eńeḿ?» — «Sodė·ĺeńä, ḿäźi ḿä·jĺä?» — «Dy vot ḿä·źi; uĺńi·ń mon v́i·ŕca i dumiń; ala·šaś v́id́ä uĺńiś b́eŕä·ń; mon i duma·n: b́idi t́e e·ĺd́eńeś aku·lä, to i para ava· ćid́a·rdä, a b́idi t́e aći·d́ardä, śe·sta kodamyja·k a·va aći·d́ardä». — «A ḿä·jĺä?» — «Dy ḿäjĺä vot ḿäśt́: kuźi·ń laŋgyzy·ŋga, to·ŋǵeńä, son praś; äŕa·vyĺ t́äń valgu·ms, a ḿon ä·źiń

valk; ńeŕge·ń, ńeŕge·ń, ala·šam ku·lyś. Vot mon ḿäks i au·ŕvakstan». — «Eka, źa·ryška glupy·śtiś äsyt. Nu vot, mon ḿäśt́ t́ät́ ḿeŕan: ton saji·ḱ i oŋkstė·ḱ ľäŋǵi·ńisa kualmynʒa kolmókśt́ i ḿä·jľä śe ľäŋǵi·ńińt́ ma·ṛta aźa· karava·c i vant kona·ń uda·lksyza śeďi ḱä·ľij. Śeń uda·lksynʒa i oŋkstėḱ pukšyla·ŋga moḱló·ška v́ic. Kona·ńiń ľäŋǵi·ńit kadu·v́ä, śeń iľa·k saj, a ko·nańiń ľäŋǵi·ńit asa·tä, śeńe·ń i guľkat ka·k asa·tä».—Ćora·ś o·ŋkstėźä i tuś karava·dga jaka·ma. Oŋkśńe·ś, oŋkśńe·ś, jala ľäŋǵi·ńiza ľi·šnyj; moľć v́ä·χḱi t́ä·χt́iŕ vaksc, karma·ś šutka·sa oŋkśńcḿenʒa ľäŋǵi·ńiza äź sa·tytt. Saś i jofńä· syŕipat́a·nctyj: «Muji·ń, syŕipat́äj; ľäŋǵińiḿ kak äź za·tytt ṕeľva·ksyška; nu tolko ṕeḱ śupavyń; son amo·ľä mońď·äń». — «Wot, amo·ľä—moľä·». — «Moža i moľe·v́eľ da ama·kscyź». — «Makscy·ź, iľa· ḿeľa·ft; mońć moľa·n čija·ma i čija·sa». Moľć čija·mynʒa. Vaśńä· äśt́ makst i malaŋga·k äśt́ no·lda. Lu·ďińʒä la·ďińʒä, ma·ksyź, ći·jiź. Ḿä·jľä t́ä·jśt́ sva·ďba i karma·śt́ äŕa·ma. Äŕit́ ńe·ďľa, äŕi·t́ kafta, äŕi·t́ i ṕeľgo·d. No Dŕiga· atokšä ä·synʒa. Te uči·ś, uči·ś, dy i koṛtä v́ä ška·ńä Dŕi·gańiń: «Dŕiga, dy ton ḿäks saji·ḿiḱ?» — «Ḿäks? Dy v́ed ḿä·ks? Ko·da ḿä·ks? Wot muśka·t čova·t, panar t́äń stat, kši pańa·t, nuji·ḿä maryn moľa·t, ṕifcu·ma karma·t. A ḿäźi t́ät́ eščo äŕa·v́ä?» — «Ko·da ḿä·źä? Ara·źďä ton azda·sak ḿäźä? Ćaj soda·sak ḿäźńiń uŕva·kśńit́ loma·t́ńä. Äŕi·t́, avyľ ančiḱ ja·la robótė·t́. Robó·taź t́ät́ äχt́ ana·žuvav́it́, a syŕi·dima ma·štyma ṕelej ḱi karḿä ḿäľga·t jaka·ma, ḱi t́ät́ śińi·ms maksä·, ḱi kudyt ušcy·, ḱi odbiŋksta ṕŕat ča·ṇśisy? Dy kula·t čavy kuc, kalma·ms aḱi·ńiń uľä·, varča·myt kak ḱijak asy·. Kak χočeś, Dŕiga, mon iśt́a· äŕa·-ma aka·rman. Bidi χočeś paŕćti äŕa·ma, äŕa·k, a bidi aka·rmat, to mon tuja·n ästyt». — «Eχ, baba·, mon äŕaŋľiń». — «Dy ḿäks e·na? Nat́, toń ama·štuv́ä?» — «To·ta ama·štuv́ä». — «Da ḿäks ama·štuv́ä?» — «Dy wot ḿäks. Ton pomńa·sak ḿińiń kaŕej e·ľďeńeńt́?» — «Dy mońďä·ń ḿä·źi e·ľďeńct?» — «Dy ton kulcy·nyk! Son uľńi·ś v́et́ s norovom. Nu, mon vačḱiń laŋgyzy·nʒa ka·tfa voz i san kudu·ṇ. Son to lotḱä·, to nocko·ftä. Nockofńeś, nockofńeś iśt́a·, śeŕďeškam śi·ńďiźä. Ḿäśt́ t́ä·jńims t́äń? Čaryń, čary·ń, ʃok-

sta·ms aḿä·źä. Sa·jińä, dy ču·ramym jokstė·ńä. Karḿiń ala·šäń pa·ńiḿä. Son to nocko·ftä, to lotḱä·. Mońd́ä·ń ṕeḱ mańä·ś. Ḱežė·n zaśť; koda·k zadlaŋga äškińä ku·laksa son prokľe·tėń, kodak pśťić dy v́icta moń gulkaṕŕala·ŋga. Iśťä·ḱ i čapańť v́id́ga ṕŕäńť śe·źeźä. Vot ńej ḿäśť χočyš, ńeń i ťäjńi·ḱ». — «Dy moža ṕŕaftu·majak ťäŋs tujä·! Dava·j varča·syńiḱ». — «Nužä·χa ḿäźä? dava·j varča·syńiḱ». — I karma·śť varčńi·ḿinʒa. Varčiź v́äśť, kaukśť i ko·lmȯkśť. Ava·ńť ḿeľc tuś, a ćońa·ńť i vouśť. Mä·jľä ťävi·ś kyda tuś pańćťä·, ava·ś i ḿeŕä·: «Dŕiga? Ṕŕäś ćäj uľńiś surkaftyń kuva·lmyza?»—«E·na ḿäźä? Uľńi·ś».—«Eχ, modava·ŕańť pačk tuji·za, ńej uľiviľd́ä·ŕä kafty kolmasurda kua·ka lučšy. Paryčiś kak v́äśi juma·vyľ i to ńekak lučšy. A to ńej krajga· jo·zä i tovȯ·lga jozä·, a prok ḿäźi bid́i eščo tovȯ·lou asa·tä». Śe·sta Dŕiga· karma·ś käḿi·ḿä syŕi paťancty, a babaza kuluma·zynʒa äŕd́i·kśńiś śe kaŕe·j e·ľd́eńeńť.

Б. Сухой Карбулакъ.

Сеене.

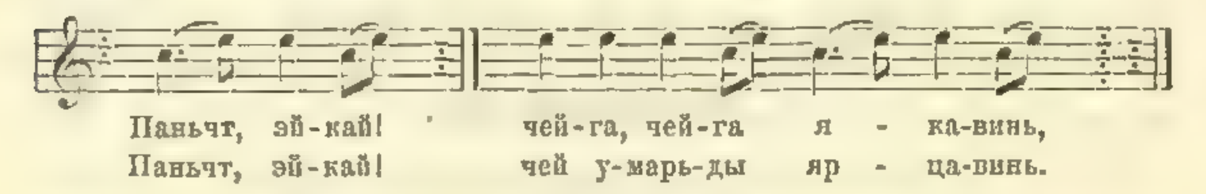
Пекелсь [1])—лаггнясь сеепесь, тусь вирий укштуруў леўксэяма. Мольць пекшени алуў и мере: «пекшепи а пекшепи, полдамака леўксэяма!» Пекшепесь мере: «пры лопенемь, цавуви леўкскет». Мольць сеепесь тумипи алуў и мере: «тумипи а тумипи, полдамака леўксэяма!» — «Пры сэрепемь, цавуви леўкскет». Тусь сеепесь. Мольць-мольць, мусь кудыне, — уидыкски стяфтызи, палакски вельтези. —«Кудыни а кудыни, полдамака леўксэяма!» Кудынись мере: «сувак, леўксэяк». Сувась сеепесь, колмы леўкскеть леўксэясь. Ацпсь-ацпсь сеепесь леўкскетьнепь ваксса, пекепезы вачсь. Сои и мери леўкскетьненень: «ацпды, эйдякай, моляи чейга-чейга якама, чей умарьды ярцамы, кельми ветьты спмиме; ве потесэньть

1) И «пекиясь».

Козочка.

Заягнилась козочка, пошла объягниться въ кленовый лѣсъ. Пришла подъ липочку и говоритъ: «липочка, липочка, пусти-ка меня объягниться!» Липочка отвѣчаетъ: «упадетъ мой листокъ, убьется твой козленокъ». Пришла козочка подъ дубокъ и говоритъ: «дубокъ, дубокъ, пусти-ка меня объягниться»! —«Упадетъ мой желудо́къ, убьется твой козленокъ». Пошла козочка. Шла, шла, нашла домикъ, — пустое деревце его поставило, крапивка покрыла. — «Домикъ, домикъ, пусти-ка меня объягниться!» Домикъ отвѣчаетъ: «входи, объягнись». Вошла козочка, объягнилась тремя козлятами. Побыла, побыла козочка около козлятъ, животикъ ея проголодался. Она и говоритъ козлятамъ: «оставайтесь, дѣтки, я пойду походить по камышамъ, поѣсть камышевыхъ плодовъ, попить холод-

ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасьп цей умарьть». Аньцяк тусь сеепесь, сась покш кургы офтэсь и кармась морама:



«паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, кельми ветьты симивинь; ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасьп цей умарьть». Маризь зея леўкскетьпи, паньчсть. Офтэсь капудизи ве сея леўкскеньть, тусь мартынза. Сась сеепесь, кармась морама: «паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! чейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, гельми ветьты симивинь, ве потесэньть ой гандан, омбоцесэньть лофцэни, лакумкасьп цей умарьть». Паньчсть сея леўкскетьпе. Сеепесь мере: «мекс аньцяк каўпигкь?» — «Авакай, закшпысь покш кургы офтэсь и колмоцепь залыза». Кармась омбоцеды сыргамы сеепесь, леўкскетьнепень мере: «ваньды, покш кургы офтэньтень пяды

ной воды; въ одной титькѣ принесу масло, въ другой молочко, въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Только ушла козочка, пришелъ медвѣдь большой ротъ и началъ пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды; въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Услышали козлята, отперли. Медвѣдь схватилъ одного козленка, ушелъ съ нимъ. Пришла козочка, начала пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды; въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, а въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Отперли козлята. Козочка спрашиваетъ: «отчего васъ только двое?» — «Матушка, приходилъ медвѣдь большой ротъ и утащилъ третьяго». Козочка стала собираться во второй разъ; говоритъ козлятамъ: «смотрите, не

паньчт! сопѕы вайгилязы эчкп, а монь цувине». Тусь сеепесь. Сась покш кургы офтэсь и кармась морама: «паньчт, эйкай! бапьчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, кельми ветьты симпвинь, ве потесэньть ой гандап, омбоцесэньть лофцэпп, лакумкасьпп цей умарьть». Маризь зея леўкскетьпп и мереть: «афкань вайгпльнизы чувинпп, а тонь эчке; топ бокш кургы офтат, а паньчтапа теть». Тусь офтэсь кузьницькаў, па(в)уфтызп чувинисты келенѕы и тагы сась. Кармась офтэсь чувинисты морама; сея леўкскетьния маняўсть п паньчсть. Капуць офтэсь сея леўкскп, тусь мартынѕа. Сась сеепесь. — «Паньчт, эйкай! баньчт, эйкай! цейга-чейга якавинь, цей умарьды ярцавинь, гельми ветьты симпвинь, ве потесэньть ой гандап, омбоцесэньть лофцэпп, лакумкасьпп цей умарьть». Паньчсь сея леўкскесь. — «Мекс ськанут?» — «Авакай, закшпысь покш кургы офтэсь, пщо ве леўкс салась». Кармась сеепесь сыргамы колмоцеды, комафтызп кадувикс леўк-

---

отпирайте медвѣдю большому рту! голосъ его грубый, а мой тоненькій». Ушла козочка. Пришелъ медвѣдь большой ротъ и началъ пѣть: «отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды, въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, а въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Услышали козлята и говорятъ: «у нашей матери голосъ топенькій, а твой грубый; ты медвѣдь большой ротъ, мы тебѣ не отопремъ». Пошелъ медвѣдь въ кузницу, отбилъ тонепько свой языкъ и пришелъ опять. Медвѣдь началъ пѣть тоненько; козлята обманулись и отперли. Схватилъ медвѣдь козлёнка и пошелъ съ нимъ. Пришла козочка.—«Отопри, дитятко! отопри, дитятко! я находилась по камышамъ, накушалась камышевыхъ плодовъ, напилась холодной воды, въ одной титькѣ несу масло, въ другой молочко, въ поясномъ моемъ карманѣ камышевые плоды». Отперъ козлёнокъ. — «Отчего ты одинъ?» — «Матушка, приходилъ медвѣдь большой ротъ, утащилъ еще одного козлёнка». Козочка начала собираться въ третій разъ, положила

скеньть чакш алуў и мери тепѕа: «кшнпь гак пля паньчт; бути моп зан, моп моньць как суван». Тусь сеенесь. Сась покш кургы офтэсь, морась-морась, а паньцп сея леўкскесь. Мусь офтэсь варшп, ёкстэзи варипньтипь нерепѕы и кармась пижниме: «пря, келькть, келькть, келькть; пря, келькть, келькть, келькть». Прясь келькеь.— «Пеки, келькть, келькть, келькть; пеки, келькть, келькть, келькть». Пекесь как келькеь.— «Мукур, гелькть, келькть, келькть; мукур, гелькть, келькть, келькть». Мукурысь как келькеь. Сэвези офтэсь колмоцекс сея леўкскеньть как. Сась сеенесь, колмоцп леўкскесь как арась. Уштызи сеепесь кудыпньть пепста; жарт тейсь ламы п кандыньѕи жартнынь буяракс. Тусь офтэньть гостекс терьдеманѕа. — «Офтэнп, а офтэнп, адя моньдянь гостекс, моп ламы сряпапнь!» Офтэсь вечкези таньтпйсты ярцамуньть, сон радувась, шты сеенесь терьдп эйсэпѕа. Ветези сеенесь офтэньть жар марты буяракыньть чпрпс и мере: «дай скокаттлпы те буяракыньть велькска».—«Моп а скокадпвап», мери офтэсь.—«Тень велькска

оставшагося козлёнка подъ горшокъ и говоритъ ему: «никому не отворяй; если я приду, я и сама войду». Пошла козочка. Пришелъ медвѣдь большой ротъ, пѣлъ, пѣлъ, не отворяетъ козлёнокъ. Нашелъ медвѣдь дырочку, сунулъ свою морду въ дырочку и началъ кричать: «голова, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). Голова пролѣзла.—«Животъ, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). И животъ пролѣзъ. — «Задъ, пролѣзай, пролѣзай, пролѣзай» (2). И задъ пролѣзъ. Медвѣдь съѣлъ и третьяго козленка. Пришла козочка, нѣтъ и третьяго козленка. Козочка жарко истопила домикъ; наготовила много горячихъ угольевъ и отнесла ихъ въ оврагъ. Пошла звать въ гости медвѣдя.—«Медвѣдушка, медвѣдушка, иди ко мнѣ въ гости, я много наготовила!» Медвѣдь любилъ сладко поѣсть; онъ обрадовался, что козочка зоветъ его къ себѣ. Повела козочка медвѣдя на край оврага съ горячими угольями и говоритъ: «давай прыгнемъ черезъ этотъ оврагъ» — «Я не могу перепрыгнуть», говоритъ медвѣдь.—«Черезъ этотъ оврагъ ты не можешь

а скокадиват?» мери сеепесь, и сольць скокаць. — «А пука, спарттать». Офтэсь кармась скокадими ды жартнынь боц прась. А сеепесь мере: «дай, офты, монь леуксэп; гапть, офты, монь леуксэп!» А офтэсь истя ппцпусь, патай гармась и укспумы п пургама.

Атякшкп ды псакппе.

Ладясть атякшки марты псакппе. Тусть сыпь баксяу бещс. Мусть пещи чуфта. Псакинись мере: «атякш брат, кусть топ цуфтыньть лапкс, сезьнекь ды ёврекь, а мон гармап гочкама». Куссь атякшпсь пещп чуфтыньть лапкс, кармась пещепь зезьнеми ды ёвреме. Сейсь атякшпсь покш куфта, ёрдэзи псакапьтпй, псакась сельмп лапга понкксь, ды сельмезы таргаусь.—«Моп, атякш брат, моляп лапгызыт управау», мери псакась. Сась псакась управау, мере: «монь атякшись сельмемь даргизе». Судьятьни мереть: «дай дей

перепрыгнуть?» говоритъ козочка, и сама перескочила черезъ него. — «А пу-ка попробуй-ка». Медвѣдь началъ перепрыгивать и упалъ въ горячіе уголья. А козочка говоритъ: «дай мнѣ, медвѣдь, моихъ козлятъ; выбрось, медвѣдь, моихъ козлятъ!» А медвѣдь такъ обжогся, инда сталъ и блевать и дристать.

Пѣтушокъ и кошечка.

Подружились пѣтушокъ съ кошечкой. Пошли они въ поле за орѣхами. Нашли они орѣшникъ. Кошечка говоритъ: «пѣтухъ братъ, лѣзь ты на дерево, срывай и бросай, а я начну собирать». Влѣзъ пѣтухъ на орѣшникъ, началъ срывать и бросать орѣхи. Сорвалъ пѣтухъ большую кисть и бросилъ кошкѣ; кисть угодила кошкѣ въ глазъ, и глазъ ея выкололся. — «Я, братъ пѣтухъ, пойду въ управу жаловаться на тебя», говоритъ кошка. Пришла кошка въ управу и говоритъ: «пѣтухъ вышибъ мнѣ глазъ». Судьи

атякшпнть». Тусть атякшнить мельга. Сась атякшнсь. Судьятьнп мерeть: «тон мейсь псакапьть сельмензы таргпкь?» Атякшнсь мере: «а монь мейсь пещи чуфтысь понгкэзи зезеньзе?» — «Ну дай дей пещи чуфтыньть!» мерeть судьятьне. Тусть пещи чуфтыньть мельга. Сась пещи чуфтысь. Судьятьни мерeть пещи чуфтыньтнь: «тон мейсь атякшиньть понгксэнзы сезеть?» — «А мейсь монь зеепесь порьнемемь?» мери пещи чуфтысь. — «Ну, дай дей зеепеньть!» мерeть судьятьне. Тусть сеепеньть мельга. Сась сеепесь. Судьятьни мерeть: «тон мейсь пещи чуфтыньть порьнекь?» — «А мекс монь бастухум а вапэ?» мери сеепесь. — «Ну, дай дей пастухуньть!» мерeть судьятьне. Тусть пастухуньть мельга. Сась пастухусь. — «Тон мекс сееленьть а ванат?» мерeть судьятьне. — «А мекс азырызы монянь гарнцьть а максэ?» мери пастухусь. — «Ну, дай дей сеяньть азырыньть!» Тусть сеяньть азырыньть мельга. Сась сеяньть азырысь. Судьятьни мерeть: «тон мекс

говорятъ: «давайте сюда пѣтуха». Пошли за пѣтухомъ. Пришелъ пѣтухъ. Судьи говорятъ: «ты зачѣмъ вышибъ у кошки глазъ?» Пѣтухъ говоритъ: «а зачѣмъ орѣшникъ порвалъ мои штаны?» — «Ну, давай сюда орѣшникъ!» говорятъ судьи. Пошли за орѣшникомъ. Пришелъ орѣшникъ. Судьи говорятъ орѣшнику: «ты зачѣмъ порвалъ пѣтуху штаны?» — «А затѣмъ меня обгрызла козочка?» говоритъ орѣшникъ. — «Ну, давай сюда козочку!» говорятъ судьи. Пошли за козочкой. Пришла козочка. Судьи говорятъ: «ты зачѣмъ обгрызла орѣшникъ?» — «А зачѣмъ за мной пастухъ не смотритъ?» говоритъ козочка. — «Ну, давай сюда пастуха!» говорятъ судьи. Пошли за пастухомъ. Пришелъ пастухъ. — «Ты отчего не смотришь за козочкой?» говорятъ судьи. — «А отчего хозяинъ не даетъ мнѣ гарнцевъ[1]?» говоритъ пастухъ. — «Ну, давай сюда хозяина козы!» Пошли за хозяиномъ козы. Пришелъ хозяинъ козы. Судьи говорятъ: «ты отчего не дашь па-

1) Положенная за каждую голову скота плата пастуху хлѣбомъ (за коровъ, напр., въ Сухомъ Карбулакѣ по 10 ф., за телятъ по 5 ф.).

сеяньть кис а максат гарицьть пастухуньтий?» — «Ту(в)ы орохом зэвезс», мери сеянь азырысь. — «Ну, дайти тей ду(в)уньть!» Туcть ту(в)уньть мельга. Сась ту(в)усь. — «Тон мейсь сеяньть азырынзы орохонзы сэвекь?» мереть судьятьне. — «А мейсь верьгезэсь леўксэн боўсеньзе?» мери ту(в)усь. — «Ну, дайти тей верьгезэньть!» мереть судьятьне. Тусть верьгезэньть вешнеми вирнў. Ней-гак вешнеть верьгезэньть, а верьгезэсь ялы а муиве.

Бука ды псака.

Ладясть буканьть марты псакась и думасть кудыпь зроляма. Псакась мере: «бука брат, адя бараныньть терьцэнекь мартынык, седи курык[1]) кудысь путуве!» — «Адя!» мери букась. Мольцть бараныньтень ды мереть: «баран, а баран, адя мартынык кудынь бутума!» — «Мон карцы як телевьть ютаўса, а моляп мартынк

1) курук.

стуху гарицевъ за козу?» — «Свинья съѣла мой ворохъ», говоритъ хозяинъ козы. — «Ну, давайте сюда свинью!» Пошли за свиньей. Пришла свинья. — «Ты зачѣмъ съѣла ворохъ, принадлежащiй хозяину козы?» говорятъ судьи. — «А зачѣмъ волкъ задушилъ моихъ поросятъ?» говоритъ свинья. — «Ну, давайте сюда волка!» говорятъ судьи. Пошли въ лѣсъ искать волка. И теперь еще ищутъ волка, а волка все не могутъ найти.

Быкъ и кошка.

Быкъ и кошка подружились между собой и задумали построить домъ. Кошка говоритъ: «быкъ братъ, пойдемъ позовемъ съ собой барана, домъ поставится какъ можно скорѣе!» — «Пойдемъ!» говоритъ быкъ. Пошли они къ барану и говорятъ: «баранъ, а баранъ, иди съ нами ставить домъ!» — «Я, отвѣчаетъ баранъ, проведу зиму и въ хлѣвѣ, не пойду съ вами ставить

кудынь бутума», мери барапысь. — «Бука брат, адя атякшиньть терьцэпекь, се паряк моле!» мери псакиись.—«Адя!» мери букась. Мольцьть атякшиньтий ды мереть: «атякш, а ятякш, адя мартымык кудынь бутума!»—«Мон нашиз лапксы як телепьть ютаўса, а моляп!» мери атякшись. — «Бука брат, адя уткапьть терьцэпекь, се паряк моле!» мери псакиись. — «Адя!» мери букась. Мольцьть утканьтий ды мереть: «утка, а утка, адя мартымык кудынь бутума!» — «Моняпь мейсь кудысь, мон утум бокасы як телепьть ютаўса, а моляп!» мери уткась. — «Бука брат, адя терьцэпекь мацийньть, се паряк моле!» — «Адя!» мери букась. Мольцьть ды мереть: «маций а маций, адя мартымык кудынь бутума!» — «А моляп, куды бокасы телепьть ютаўса», мери мацийсь. Веляўсть мекеў буканьть марты псакась, кармасть кудынь деєми и тейсть пары куда. Сась телесь. Букась мацъ нецька лапкс, а псакась томбалапкс. Кармась якшамусь барапыньть пкотямунза; сон мольцъ ды мере: «псака брат, полдамака эряма!» — «Мон аздан,

---

дома». — «Быкъ братъ, идемъ позовемъ пѣтуха, быть можетъ, тотъ пойдетъ!» говоритъ кошечка. — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли они къ пѣтуху и говорятъ: «пѣтухъ, а пѣтухъ, иди съ нами ставить домъ!» — «Я, отвѣчаетъ пѣтухъ, проведу зиму и на нашестѣ, не пойду». — «Быкъ братъ, пойдемъ позовемъ утку, можетъ быть, та пойдетъ!» говоритъ кошечка. — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли къ уткѣ и говорятъ ей: «утка, а утка, иди съ нами ставить домъ!» — «Мнѣ зачѣмъ домъ, отвѣчаетъ утка, я проведу зиму и въ амбарномъ пристѣнкѣ, не пойду!» — «Быкъ братъ, пойдемъ позовемъ гуся, быть можетъ, тотъ пойдетъ!» — «Идемъ!» отвѣчаетъ быкъ. Пошли и говорятъ: «гусь а гусь, пойдемъ съ нами ставить домъ!» — «Не пойду, отвѣчаетъ гусь, я проведу зиму въ пристѣнкѣ избы». Кошка съ быкомъ вернулись назадъ, начали строить домъ и построили хорошій домъ. Пришла зима. Быкъ легъ на печку, а кошка на шестокъ. Началъ морозъ пробирать барана; онъ пришелъ и говоритъ: «кошка братъ, пусти-ка меня жить». — «Я не знаю, спроси брата быка!» говоритъ

бука братыньть кеўкьстекь!» мери псакась. — «Бука брат, полдамака эряма!» мери барапысь. — «А полдатап, кудыпь бутума мартыпык эзеть са!» мери букась. — «Коли а полдатада, веси куды угылыпгк кичкирисыпь!» мери барапысь. — «Ну, пу, ипы су(в)ак!» мери псакась. Су(в)ась барапысь, мацъ килякс купчкас. Кармась шкотямупѕы якшамусь атякшипьть. Сась атякшись, мере: «полдамак, псака брат, кельмень!» — «Моп аздап, бука братыньть кеўкьстекь!» мери псакшись. — «Бука брат, а бука брат, полдамака эряма!» мери атякшись. — «А полдатап, кудыпь бутума мартыпык эзеть са!» мери букась. — «Бути а полдасамизь, веси куды бокапгк почаксасыпь!» мери атякшись. — «Ну, пу, ипы су(в)ак!» мери псакшись. Су(в)ась атякшись, куссь булдырьпи пряс. Кармась кельмеми уткась, мольць и мере: «псака брат, полдамак, эль гельман». — «Моп аздап, бука братыньть кеўкьстекь!» мери псакшись. — «Бука брат, а бука брат, полдамака эряма!» мери уткшись. — «А полдатап», мери букась, «ку-

---

кошка. — «Быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ баранъ. — «Я тебя не пущу, ты не приходилъ ставить съ нами домъ!» говоритъ быкъ. — «Если вы не пускаете, я разворочу рогами всѣ углы вашего дома!» говоритъ баранъ. — «Ну, ну, такъ входи!» говоритъ кошка. Вошелъ баранъ, легъ на середину пола. Началъ пробирать морозъ пѣтуха. Пришелъ пѣтухъ, говоритъ: «пусти меня, кошка братъ, я замерзъ!» — «Я не знаю, отвѣчаетъ кошечка, спроси брата быка». — «Быкъ братъ, а быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ пѣтухъ. — «Не пущу тебя, ты не приходилъ ставить съ нами домъ!» отвѣчаетъ быкъ. — «Если вы меня не пускаете, говоритъ пѣтухъ, я расшевыряю всѣ завалинки вашего дома». — «Ну, ну, такъ входи!» говоритъ кошечка. Вошелъ пѣтухъ, влѣзъ на конецъ бруса, поддерживающаго полати. Начала мерзнуть утка, пришла и говоритъ: «кошка братъ, пусти меня, чуть не замерзаю». — «Я не знаю, спроси брата быка!» говоритъ кошечка. — «Быкъ братъ, а быкъ братъ, пусти-ка меня жить!» говоритъ уточка. — «Не пущу тебя, говоритъ быкъ, ты не пришла

дынь бутума мартынык эзеть са!» — «Бути а полдасамызь, весп мохонгк тарксисынь!» мери уткась. — «Ну, ну, ипы су(в)ак!» мери псакипись. Сась мацпись[1]), мере: «полдамызь-гак эряма!» — «А полдатадызь, кудынь бутума мартынык эзеть са!» мереть тенза. — «Бути а полдасамызь, мои гуды прясты весп попцаўксынгк ёвресэнь!» мери мацпись. — «Ну, пу, ипы су(в)ак!» мери псакипись. Кармасть весп эрямы ве таркаса. Уткась арась эземь алуў, а мацпись кусеь эземс. Юты се кудынпньть вакска нумулынь здада и мереть нумултнэ: «те мепь гуда?» Кучсть ве нумул гудыньть варчама. Аньцяк пумулысь су(в)ась, бараныс стясь ды пильгинзы стукадпзе. Нумулысь тапдаць ды кода папусте. — «Топ мекс, топ мекс??» кармасть се пумулыньть кеўкьсьпемп лия пумултнэ. — «Мекс? кудынь азырысь от кода пильгинзы стукадизп лангызып, натай гелемь зускуўсь!» мери тест куды варчий пумулысь. Югы кудынпньть вакска ривизннь здада. — «Те мепь гуда, те мепь гуда??» мереть ривисьпе. Кучсть ве ривизь гудыньть

1) мацийсь.

ставить съ нами домъ!» — «Если вы меня не пускаете, говоритъ утка, я выдергаю весь вашъ мохъ!» — «Ну, ну, такъ входи!» говоритъ кошечка. Пришёлъ гусь, говоритъ: «пустите-ка меня жить!» — «Мы не пустимъ тебя, отвѣчаютъ ему, ты не приходилъ ставить съ нами домъ!» — «Если вы не пускаете меня, я сброшу съ вашего дома всю мякину!» говоритъ гусь. — «Ну, ну, такъ входи!» отвѣчаетъ кошечка. Стали жить всѣ вмѣстѣ. Утка помѣстилась подъ лавку, а гусь влѣзъ на лавку. Проходитъ мимо этого домика заячье стадо, и говорятъ зайцы: «это что за домъ?» Послали одного зайца посмотрѣть домъ. Лишь только заяцъ вошелъ, баранъ всталъ и топнулъ ногой. Заяцъ испугался и какъ пустится бѣжать. — «Ты что, ты что??» начали спрашивать этого зайца другіе зайцы. — «Что? хозяинъ дома вотъ какъ топнулъ на меня ногой, инда я языкъ свой прикусилъ», отвѣчаетъ имъ заяцъ, осматривавшій домъ. Проходитъ мимо домика стадо лисицъ. — «Это что за домъ, это что за домъ??» говорятъ лисицы. Послали

варчама. Альцяк рвизись су(в)ась, баранысь стясь ды кода пильгиньть стукатьцэ. Рвизись тандаць ды кода напусте. — «Топ мекс, топ мекс??» кеўкьсынеть эйсэпзы ляя рвисьне. — «Мекс? кудынь азырысь от кода пильгинзы стукадизи лангызын, патай озавинь». Букась удысь-удысь пецькапьть лангксы и мере: «тесы, аля, пек пси, эрявн валгумс баран братыньть вакс». Валксь букась, мaць бараныньть вакс. Юты кудыньть ваксна верьгезэнь здада. — «Те мень гуда, те мень гуда??» мереть верьгеспэ. Кучсть ве верьгез гудыньть варчама. Су(в)ась верьгезэсь, ютась эземь бряў. Кода стить бараныньть марты букась, кода кармить кичкиримапза. А уткась яки эземь алга ды пижне: «векь-векь, векь-векь». А атякшись чийни полок брусыньть лангга ды пижне: «ко-ко-ко-ко, ко-ко-ко-ко!» Кода бути меньць верьгезэсь, чийсь ляя верьгеспэнень ды мере: «Ну, аля, понгопень! Альцяк сувинь, стясть кудынь азырысь ды покщаза, кода кундасамись, а вейки чийни эземь алга ды кортэ: «истя-истя-истя, истя-истя-истя», а

одну лисицу посмотрѣть домъ. Только что вошла лисица, баранъ всталъ да какъ ударитъ ногой. Лисица испугалась и какъ пустится бѣжать. — «Ты что, ты что??» спрашиваютъ ее другія лисицы. — «Что? хозяинъ дома вотъ какъ топнулъ на меня ногой, я даже присѣлъ». Быкъ спалъ-спалъ на печкѣ и говоритъ: «здѣсь, товарищи, очень жарко, надо слѣзть къ брату барану. Слѣзъ быкъ, легъ около барана. Проходитъ мимо домика стая волковъ. — «Это что за домъ, это что за домъ??» говорятъ волки. Послали одного волка посмотрѣть домъ. Вошелъ волкъ, прошелъ впередъ. Какъ встанутъ баранъ и быкъ, какъ начнутъ его бодать. А утка ходитъ по скамейкѣ и квакаетъ: «векъ-векъ» (2). А пѣтухъ бѣгаетъ по брусу, поддерживающему полати, и кричитъ: «ко-ко-ко-ко» (2). Вырвался какъ-то волкъ, прибѣжалъ къ другимъ волкамъ и говоритъ: «ну, товарищи, я было попался! только что я вошелъ, встали хозяинъ дома и его дѣдъ и какъ схватили меня, а одинъ (изъ жителей дома) бѣгаетъ подъ лавкой и приговариваетъ: «такъ-такъ-такъ» (2), а другой влѣзъ на верхъ и кри-

вейки куссь вереў ды пижне: «дайти сопзы тей, дайти сопзы тей!» Ищо вейки песнь зускызь ацись томбалангкса, а вейки кулакынь генедезь ацись эземса; пасиба сетьпепень эзень бопкт!»

Ёўкс.

Ладясть атя марты офта, и кармасть ветаркасы эряма. Видисть тоўзера. Тоўзерэсь кеперьць. Атясь мере: «офты брат! топ месть саят?» — «Моп уш прятьнинь а сайсынь, сайсынь горёттнэнь!» мери офтэсь. Кармась атясь тоўзерэнть пуиме. А офтэсь кармась жниванть таргама. Атясь пиўцы, и офтэсь пиўцэ. Атясь понцафты, и офтэсь понцафтэ. Атясь мельпецяў, и офтэсь мельпецяў. Атясь прякат пяньць, и офтэсь прякат пяньць. Атясь ярцы, и офтэсь ярцэ. Атясь мере: «офты брат, нака варчптя монь брякан». Сайсь офтэсь сускум атянть прякада, путызи кургызынзы и мере: «маннимикь топ, атя брат; тонь брякат буты калацят, а монь куркс пу-

---

чить: «давайте его сюда!» (2). Еще одинъ, ощеривъ зубы, сидѣлъ на шесткѣ, а другой сидѣлъ на скамейкѣ, поднявъ кулакъ; спасибо, что я не попался тѣмъ!»

Сказка.

Подружился старикъ съ медвѣдемъ, и стали жить вмѣстѣ. Посѣяли пшеницу. Пшеница поспѣла. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ! ты что возьмешь?»—«Я ужъ не возьму верхушекъ, возьму корни!» отвѣчаетъ медвѣдь. Началъ старикъ жать пшеницу. А медвѣдь началъ выдергивать жниву. Старикъ молотитъ, и медвѣдь молотитъ. Старикъ вѣетъ, и медвѣдь вѣетъ. Старикъ на мельницу, и медвѣдь на мельницу. Старикъ испекъ пироги, и медвѣдь испекъ пироги. Старикъ ѣстъ, и медвѣдь ѣстъ. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, на-ка попробуй-ка мои пироги». Взялъ медвѣдь кусокъ старикова пирога, положилъ въ ротъ и говоритъ: «Ты меня обманулъ, старикъ братъ; твои пироги точно калачи, а моихъ нельзя даже по-

тумс как а маштувить». Омбоцн годэньть видисть сёклат. Атясь мере: «офты брат, ней месть саят?» — «Уш ней а манявап, ней моц залн брят, а топ занть корёттнэнь». Кармась атясь сёклатьнинь даргама, а офтэсь кармась лопатьнннь бурнама. Атясь тейнесь сёклань брякат, а офтэсь тейнесь сёкла лопань. Атясь ярцы и офтэсь ярцэ. Атясь мере: «офты брат, нака варчитя брякап!» Сайсь офтэсь сёклань бряка и мере: «топ, атя брат, тагы манимикь, мон донь боватан». Атясь мере: «теса монь донять новамс нельзя, тонь нетядысь». — «Адя вирнў, мон досы тонь боватан» мерн офтэсь. Кильцьть алаша, озасть, тусть. Мольцьть - мольцьть, карчист охотьникьть. Офтэсь мере: «атя брат, монянь эрявн кекшемс, ата монь гискатьнн сезьнесамизь». — «Кекшть полог боц», мерн атясь. Эцесь офтэсь полог боц. Охотьникьнн лоткафтызь атяньть н мереть: «мези ускат!» — «Мерьть мукурь», тошкн офтэсь. Атясь мере: «мукурь». — «А нука чафт эзэнзы тула!» мереть охоть-

---

ложить въ ротъ. На слѣдующій годъ посѣяли свёклу. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, ты теперь что возьмёшь?» — «Теперь ужъ не обманусь, теперь я возьму верхушки, а ты возьми корни». Началъ старикъ выдергивать свёклу, а медвѣдь началъ собирать листья. Старикъ надѣлалъ пироговъ изъ свёклы, а медвѣдь надѣлалъ изъ свекольныхъ листьевъ. Старикъ ѣстъ и медвѣдь ѣстъ. Старикъ говоритъ: «медвѣдь братъ, на-ка попробуй-ка моихъ пироговъ!» Взялъ медвѣдь пирогъ изъ свёклы и говоритъ: «ты, старикъ братъ, опять меня обманулъ, я тебя задушу». Старикъ говоритъ: «здѣсь тебѣ нельзя меня задушить, тебя увидятъ». — «Пойдёмъ въ лѣсъ, я тамъ тебя задушу», говоритъ медвѣдь. Запрягли лошадь, сѣли, поѣхали. Ѣхали-ѣхали, на встрѣчу имъ охотники. Медвѣдь говоритъ: «старикъ братъ, мнѣ нужно спрятаться, а то меня разорвутъ собаки». — «Спрячься подъ пологъ», говоритъ старикъ. Влѣзъ медвѣдь подъ пологъ. Охотники останавливаютъ старика и говорятъ: «что ты везешь?» — «Скажи, что пень», шепчетъ медвѣдь. Старикъ говоритъ: «пень». — А ну-ка вбей въ него клинъ!» говорятъ

никьне. — «Вачкидикь тулыньть мукурызьш!» тошки офтэсь. Атясь вачкиць офтэньть мукурц тула. А кискатьни марясызь офты чиннить, ды от кайсявить, от кайсявить.—«А нука узирь безпафт ээнѕа», мереть охотьникьне. — «Пезпафтыкь узиринть аньцяк попатьпинь боц!» тошки атяньтий офтэсь. Атясь сайсь узирь ды кода офтэньть тяпутьцэ. — «Я, атя брат, манимикь!» мерьць офтэсь ды кулысь.

Сюкур батя.

Эрясть атят бабат; атяньть арасть почтэпѕа. Бабась мере: «атясь, азя, яжак; атясь, азя, яжак почт». — «Теньцекь суўсикиньть, ды паньть сюкур!» мери атясь. Бабась теньцези суўсикиньть, пидись сюкур и путызи вальма лангкс кельмеме. Сюкурпысь криньдяўсь вальмава ды тусь кевереме. Кеверьць-кеверьць, карчипѕы офта. — «Сюкур батяй, гоў молят?» мери офтэсь. —

охотники.—«Вбей въ мой заднiй проходъ клинъ», шепчетъ медвѣдь. Старикъ вбилъ въ туловище медвѣдя клинъ. А собаки почуяли запахъ медвѣдя и вотъ кидаются, вотъ кидаются.—«А ну-ка воткни въ него топоръ», говорятъ охотники.—«Воткни топоръ, шепчетъ медвѣдь старику, только въ шерсть!» Старикъ взялъ топоръ, да какъ тяпнетъ медвѣдя.—«Ахъ, братъ старикъ, обманулъ ты меня», сказалъ медвѣдь и околѣлъ.

Сестрица-Лепёшка.

Жили старикъ со старухой; у старика пѣтъ муки. Старуха говоритъ: «старикъ, иди намели; старикъ, иди намели муки».— «Подмети сусѣкъ и испеки лепёшку!» отвѣчаетъ старикъ. Старуха подмела сусѣкъ, испекла лепёшку и положила ее на окошко, чтобы остудить. Лепёшечка прыгнула въ окошко и пошла катиться. Катилась-катилась, навстрѣчу ей медвѣдь.—«Сестрица-лепёшка,

«Калыярыпь базаруў!» — «Сапмака мопь гак!» — «Арак ваксызыш ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист верьгез. — «Офты патькай, гоў молят?» — «Мон аздап, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, гоў молят?» — «Калыярыпь базаруў!» — «Запмака мопь гак!» — «Арак ваксызыш ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист пумул. — «Верьгез батяй, гоў молят?» — «Моп аздап, офты патькапь геўкьстекь!» — «Офты патькай, гоў молят?» — «Моп аздап, зюкур батянь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, гоў молят?» — «Калыярыпь базаруў!» — «Запмака мопь гак!» — «Арак ваксызыш ды арт!» Арцьть-арцьть, карчист ривизь. — «Вай! ды пумул батяй, дыпь гоў?» — «Мон аздап, верьгез батяпь геўкьстекь!» — «Верьгез батяй, дыпь гоў?» — «Мон аздан, офты патькапь геўкьстекь!» — «Офты патькай, дыпь гоў?» — «Моп аздап, зюкур батяпь геўкьстекь!» — «Сюкур батяй, доп гоў?» — «Калыярыпь базаруў!» — «Саимэзь-гак мопь-гак!» — «Арак ваксызышык ды

куда идешь?» спрашиваетъ медвѣдь. — «На базаръ въ Колояръ[1])!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня да скачи!» Скакали-скакали, навстрѣчу имъ волкъ. — «Сестричка-медвѣдь, куда идешь?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепёшку!» — «Сестрица-лепёшка, куда идешь?» — «На базаръ въ Колояръ!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня и скачи!» Скакали-скакали, навстрѣчу имъ заяцъ. — «Сестрица-волкъ, куда идёшь?» — «Я не знаю, спроси сестричку-медвѣдя!» — «Сестричка-медвѣдь, куда идешь?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепёшку!» — «Сестрица-лепёшка, куда идёшь?» — «На базаръ въ Колоярь!» — «Возьми-ка и меня!» — «Становись около меня и скачи!» Скакали-скакали, на встрѣчу имъ лиса. — «Ой! сестрица-заяцъ, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-волка!» — «Сестрица-волкъ, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестричку-медвѣдя!» — «Сестричка-медвѣдь, вы куда?» — «Я не знаю, спроси сестрицу-лепёшку!» — «Сетрица-лепёшка, ты куда?» — «На базаръ въ Колоярь!» — «Возьмите-ка и меня!» — «Становись около

1) Село Вольскаго уѣзда Сарат. губ.

арт!» Арцьть-арцьть, ащи покш латка, сынь дозэпь бух, прасть. Ащисть - ащисть латксыньть, пекест вачсть. Ривизись мере: «дайти пряполасы каятапа, кинь заты сэвемс!» Каясть, сатыць сюкурыньть сэвемс. Сюкурыньть сэвезь. Ривизись мери офтэньтень: «те мень ярцама, ламы-ли сюкурцыт парысь, дай уш верьгезэньть сэвсэнекь». Офтэсь капудизи верьгезэньть, повезе. Кода верьгезэсь сэвеўсь, ривизись мери офтэньтень: «ведь пумулынь зыйвились пекь таньтий, дай пумулыньть сэвсэнекь». Офтэсь повези пумулыньть. Ривизись мере: «дай-ка моляи ждаса!» Офтэсь максызе. Ривизись тусь вепелеў, сейсь пумулцтыньть сускумни ды кекшезе, соньць сась ды мере: «тон ванть, пачк штыпе». И пумулысь сэвеўсь. Ривизись таргизи кекшезь[1]) зускумниньть ды ярцэ. Офтэсь пеези ды мере: «ривизь батяй, мезьды ярцат?» — «Сюлын бекен даргипь ды ярцан!» — «Нука-пука, таньтийть?» — «Немоч таньтийть, нака варчитя!» Сапзи офтэсь пумулыпь зыйвиль

1) кекшень.

насъ и скачи!» Скакали-скакали,. попадается большой оврагъ, они туда бухъ, упали. Побыли-побыли въ оврагѣ, проголодались. Лиса говоритъ: «давайте конаться, кого достанется съѣсть!» Бросили жеребей, вышло съѣсть лепёшку. Съѣли лепёшку. Лиса говоритъ медвѣдю: «это что за ѣда, много ли добра въ твоей лепёшкѣ, давай съѣдимъ волка». Медвѣдь схватилъ волка, задушилъ его. Когда волкъ былъ съѣденъ, лиса говоритъ медвѣдю: «а вѣдь заячье мясо очень вкусное, давай съѣдимъ зайца». Медвѣдь задушилъ зайца. Лиса говоритъ: «дай-ка пойду вымою!» Медвѣдь отдалъ. Лиса отошла въ сторону, оторвала отъ зайца кусочекъ и спрятала, а сама пришла и говоритъ: «ты смотри, очень хорошо я вымыла». И заяцъ былъ съѣденъ. Лиса вытащила спрятанный кусочекъ и ѣстъ. Медвѣдь увидѣлъ и говоритъ: «сестрица-лиса, что ты ѣшь?» — «Я вытащила свои внутренности и ѣмъ!» — «Ну-ка, ну-ка, что сладки?» — «Страсть сладки, нака попробуй!» Взялъ медвѣдь кусочекъ заячьяго мяса, положилъ въ ротъ и говоритъ: «вотъ

зускумиппьть, путызи кургызыньзы ды мере: «Ваны кодатт таньтийть!» — «Таргить тон-гак сюлыт-пекет ды ярцак», мери рививзись. — «Ды кода сыицт таргамс?» — «Ёкстэкь лапкат кургуват ды оторфтэть!» Офтэсь ёкстэзи лапканьзы кургуванѕа, таргиньзи сюлынѕы-пекенѕы кургуванѕы ды кулысь. Лифтясь латкыньть чирис чекчатай. Рививзись мере: «чекчатай батькай, даргамака!» — «Кундак пулызын ды лисьть!» мери чекчатапсь. Рививзись стясь офтэньть рунгыньть лангкс, сацтызи чекчатапньть пулыньзы, ды кундась пулыньтий. Чекчатапсь поцкоўсь ды таргизи рививзиньть. Рививзись мере: «чекчатай батькай, андумака монь, бекь пекемь вачсь!» — «Мези аразьди, андан!» мери чекчатапсь. Моли паксява тейтерьне, канды началксить. Чекчатапсь валксь тейтерьнеиьть икялу ды моли икялпнѕа. Тейтерьнесь путыньѕи началкситьнинь ги бокас ды кармась чекчатаньть кундама. Рививзись арць, сэвеньѕи началкситьнинь и напусьтясь, а чекчатапсь лифтясь. Рививзись мере: «чекчатай батькай, зимдимака! монь бекь симимам зась». — «Мези аразьди, симтян». Моли паксява тейтерьне, канды боза кукшун.

какія сладкія!» — «Вытащи и ты свои внутренности и ѣшь», говоритъ лиса. — «Да какъ ихъ вытащить?» — «Всунь лапы въ ротъ и выдерни ихъ». Медвѣдь всунулъ свои лапы въ ротъ, вытащилъ черезъ ротъ свои внутренности и померъ. На край оврага прилетѣла птица «чекчатай». Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, вытащика меня!» — «Ухватись, отвѣчаетъ чекчатай, за мой хвостъ и выходи!» Лиса стала на туловище медвѣдя, достала хвостъ чекчатая и ухватилась за хвостъ. Чекчатай дернулъ и вытащилъ лису. Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, накорми-ка меня, я очень проголодалась». — «Такъ что же, отвѣчаетъ чекчатай, я накормлю тебя!» Идетъ по полю дѣвушка, несетъ блины. Чекчатай опустился передъ дѣвушкой и идетъ передъ нею. Дѣвушка поставила блины у дороги и начала ловить чекчатая. Лиса подскочила, съѣла блины и убѣжала, а чекчатай полетѣлъ. Лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, напои-ка меня! мнѣ очень хочется пить». — «Такъ что же, я напою тебя». Идетъ по полю дѣвушка, несетъ кувшинъ квасу.

Чекчатаись валксь тейтерьпеньть икилиў ды моли икилииѕа. Тейтерьнесь путызи боза кукшупыньть ки бокас[1]) и кармась чекчатаиьть кундама. Ривизись арць удалы нельде, симизи бозаньть ды напустясь, а чектаись лифтясь. Мельи ривизись мере: «чекчатай батькай, ней бу кода-як пеецтелемекь!»—«Мези аразьди пеецьтян», мери чекчатаись. Ве одерьвени пирисы пиўцы покщапѕы марта, а покщаньть копязы голэй. Чекчатаись лифтясь ды валксь покщаньть голэй гоняньть латкс. — «Ужы-ужы! покщай! мон џаўсы пиўцумасыньть», мери одерьвенесь, ды кода пиўцумасыньть ботатьцы атяньть копялаита. Чекчатаись лифтясь, а атясь прась ды куѕысь. А ривизись анци вепели ды от нееди, от нееде! Мельи ривизись мере: «чекчатай батькай, дон бу монь года-як велень гувалт ардуфтылимикь!»—«Мези аразьди, ардуфтан! мон гарман лифтяма веленьть кувалт, а тон ваит лангтызын ды арт мельган», мери чекчатаись. Чекчатаись алгиниза лифтясь веленьть кувалт, а ривизись ваны лангтызынѕы ды арды мельганѕа. Кода песэзь

1) боке.

Чекчатай опустился передъ дѣвушкой и идетъ передъ нею. Дѣвушка поставила кувшинъ съ квасомъ у дороги и начала ловить чекчатая. Лиса подскочила сзади, выпила квасъ и убѣжала, а чекчатай улетѣлъ. Потомъ лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, ты бы разсмѣшила меня теперь!»—«Такъ что же, отвѣчаетъ чекчатай, я тебя разсмѣшу». Одна молодушечка молотитъ на гумнѣ вмѣстѣ съ дѣдомъ, а голова у дѣда непокрытая. Чекчатай прилетѣлъ и опустился на непокрытую голову дѣда. «Стой-стой! дѣдушка! я ударю его цѣпомъ», говоритъ молодушечка, да какъ стукнетъ старика по лбу. Чекчатай улетѣлъ, а старикъ упалъ и померъ. А лиса стоитъ въ сторонѣ и вотъ хохочетъ, вотъ хохочетъ! Потомъ лиса говоритъ: «сестричка-чекчатай, ты бы прокатилъ меня какъ-нибудь вдоль села!»—«Такъ что же, прокачу! я стану летать вдоль села, а ты смотри на меня да скачи», отвѣчаетъ чекчатай. Чекчатай полетѣлъ по низу вдоль села, а лиса смотритъ на него и скачетъ за нимъ. Какъ увидятъ лису собаки, какъ поднимутъ шумъ.

ривизипьть кискат, кода кепедеть шум. Маризи шумупьть чекчатапсь, и кармась лифтяма седи верьга. Варчтась чекчатаись верьди ривизипьть лапкс, а ривизипьть кискатьпи веси чубанзы сезьнезь, а соньцензы сэвезь.

Ёукс.

Эрясть атят бабат, сыпцт ульпись цёрэнест ды тейтерьпест. Атипсь ульпись понды сакал, бабиппсь — кепьди пекс, тейтерьпесь — киви сельме, цёрэпесь — нудий бильге. Сась чёкшне, бабась мере: «атясь а ятясь, пувака тол!» Кармась атясь толэпь бувама, кода понды сакальпзы кирвазить. Атяньть сакалтны палыть, а бабась пееде. Пеець-пеець бабась, кепьди пекезы сезеўсь. Атяньть сакалтны палыть, а тейтерьпесь ваны толэньть лапкс. Ванць-ванць тейтерьпесь, кивипь зельмензы соласть.

Услышалъ шумъ чекчатай и началъ летѣть повыше. Взглянулъ чекчатай съ верху на лису, а собаки изорвали на лисѣ всю шкуру, а самое съѣли.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у нихъ былъ сынокъ и дочка. Старичекъ былъ съ пудовой бородой, старушка съ войлочнымъ брюхомъ, дочка съ оловяннымъ глазомъ, сынокъ съ тростяной ногой. Пришелъ вечеръ, старуха говоритъ: «старикъ а старикъ! вздуйка огонь!» Началъ старикъ вздувать огонь, какъ загорятся его пудовыя баки. У старика горятъ баки, а старуха смѣется. Смѣялась-смѣялась старуха, разорвалось ея войлочное брюхо. У старика горятъ баки, а дочка смотритъ на огонь. Смотрѣла-смотрѣла дочка, оловянные глаза ея расплавились. У старика горятъ баки, а сы-

Атяньть сакалтпы палыть, а цёрэпесь чийне,—а цёрэпесь чийне. Чийнись-чийнись цёрэпесь, пудий бпльгпнэы сппьтрпўсть.

Ёўкс.

Мольцьть тейтерьнеть вирпў ягидас. Ве тейтерьнп плутаяўсь. Якась-якась тейтерьнесь вирьгапьть, мусь кудыпе. Урядызи, штызп кудыпиньть тейтерьнесь, уштызи и паньць ягидань брякат, а соньць кекшсь пецька алуў. Се кудыпись ульнись орэнь. Састь ортнэ. Ванцызь, гудынись штазь (шлязь) урядазь, сырп орэсь и мере: «кип пстя тейсь, се козяйкакс тепь улиза». Тейтерьнесь маризе, а эзь листь. Орэсь мере: «кип (кп) пстя тейсь, сазырькс тепь улиза». Тейтерьнесь маризп и лисеь и кармась ортпэпь марты эряма. Ортны парьцьтп аицьть, симьсть и орчасть-карьцпсть тейтерьненьть и тейтерьненьть мельц эрямусь ортнэнь гецы тусь. И ортнэпень бары ульнись тейтерьнепьть марта; соп бекь парьцьтп

покъ-то бѣгаетъ а сынокъ-то бѣгаетъ. Бѣгалъ-бѣгалъ сынокъ, переломались его тростяныя ноги.

Сказка.

Пошли дѣвушки въ лѣсъ за ягодами. Одна дѣвушка заплуталась. Ходила-ходила по лѣсу, нашла домикъ. Вычистила, вымыла дѣвушка домикъ, истопила и испекла пироги съ ягодами, а сама спряталась подъ печку. Этотъ домикъ принадлежалъ ворамъ. Пришли воры. Видятъ, домикъ вымытъ, старшій воръ и говоритъ: «кто такъ сдѣлалъ, пусть будетъ мнѣ женой». Дѣвушка услышала, но не вышла. Воръ говоритъ: «кто такъ сдѣлалъ, пусть будетъ мнѣ сестрой». Дѣвушка услышала и вышла и начала жить съ ворами. Воры отлично кормили, поили, одѣвали и обували дѣвушку, и дѣвушкѣ понравилось житье у воровъ. И ворамъ было хорошо съ дѣвушкой; она очень хорошо имъ готовила и убирала ихъ домъ.

сряпаясь тест и кудыст урядась. Весть тусть ортпэ; сась Яга-бабась и мери тейтерьнепьтень: «мои варчамут сынь, на теть каркско», и карксызи тейтерьнепьть; апьцяк карксызи, тейтерьнесь кулысь. Састь ортпэ; аварьцыть-аварьцыть тейтерьнепьть велькcса, кармасть штамупэа. Апьцяк юкскизь гарксыпэы, тейтерьнесь живиясь. Радувасть ортпэ, радувась и тейтерьнесь. Тусть омбоцеда ортпэ. Сась тагы Яга-бабась и каясь тейтерьнепьть киргава эрькьть. Тейтерьнесь кулысь. Састь ортпэ, аварьцыть-аварьцыть, кармасть штамупэа; саизь эрькьнепь гиргастынэы, и тейтерьнесь живиясь. Колмоцеды тусть ортпэ. Тагы сась Яга-бабась и максь тейтерьнепьтень пилпкст. Апьцяк пилпксньнь ёкстэпьsи тейтерьнесь, кулысь. Састь ортнэ, чарастьчарасть тейтерьнепьть кругом, штызь, а пилпкспыпь даргамуст эсть чарькитть. Тейтерьнесь эзь живия [1]), и ортны калмизь зыньцист кудыпиньть вакс.

1) живияк.

Однажды ушли воры; пришла баба-яга и говоритъ дѣвушкѣ: «я пришла навѣстить тебя, вотъ тебѣ поясокъ»; и опоясала дѣвушку. Только что опоясала, дѣвушка умерла. Пришли воры; поплакали-поплакали надъ дѣвушкой, начали ее мыть. Лишь только они развязали ея поясъ, дѣвушка ожила. Обрадовались воры, обрадовалась и дѣвушка. Ушли въ другой разъ воры. Пришла опять баба-яга и накинула дѣвушкѣ на шею ожерелье. Дѣвушка умерла. Пришли воры, поплакали-поплакали, начали ее мыть; сняли ожерелье съ ея шеи, и дѣвушка ожила. Въ третій разъ ушли воры. Опять пришла баба-яга и дала дѣвушкѣ серёжки. Лишь только дѣвушка всунула серёжки, она умерла. Пришли воры, повертѣлись-повертѣлись вокругъ дѣвушки, вымыли ее, а вытащить серёжекъ не догадались. Дѣвушка не ожила, и воры похоронили ее рядомъ со своимъ домикомъ.

Ёукс.

Эрясть атят-бабат; атяпь-бабапь колмы цёраст; ве цёрась дурак. Цёратьпи кармасть сёупома. Тятясь мере: «пляды сёупа, ветаркасы эрямусь седпара». А цёратьпипь мельцэст как арась тятяпьть кулцунумс. Атясь кармась цёратьпипь я(в)умаст. Атяпьть ульпись алашазы, скалызы (вазуў) и ревеза. Атясь эстяпзы сапзи алашапьть, покш цёраптий максызи скалыпьть, омбоценевь[1]) ревепьть, а дуракыштий тятязы мерьць: «вазып покш лялять скалысь, и вазысь тонь». Дуракс[2]) учпсь-учпсь, скалысь а вазые. Ве шкапи дуракысь сайсь нурды ажия ды кода скалыпьть бока лапга вачкптьцэ; скалысь вазынзы капзе. Дуракысь капудизп вазыпьть пильгпда, тусь мипмапзa. Моли дуракысь вирь ваксна; лисcь вирьцтыпьть ра(в)ужы киска ды онге дуракыпьть лапкс. А дуракысь думе, шты кискась вазыпьть рамсе. «Аў!» мерп кискась. «Зяры максат?» мери дуракысь. «Аў», кискась.

1) омбоценьтень. 2) Дуракысь.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи было три сына; одинъ сынъ дуракъ. Сыновья стали ссориться. Отецъ говоритъ: «не ссорьтесь, вмѣстѣ жить лучше». А сыновьямъ и не было охоты слушать отца. Старикъ началъ дѣлить сыновей. У старика была лошадь, корова (стельная) и овца. Старикъ себѣ взялъ лошадь, старшему сыну далъ корову, второму овцу, а дураку отецъ сказалъ: «отелится корова старшаго брата, и теленокъ—твой». Дуракъ ждалъ-ждалъ, корова не телится. Однажды дуракъ взялъ санную оглоблю да какъ ударитъ корову въ бокъ; корова выкинула теленка. Дуракъ схватилъ теленка за ноги и пошелъ его продавать. Проходитъ дуракъ около лѣса; вышла изъ лѣса черная собака и лаетъ на дурака. А дуракъ думаетъ, что собака покупаетъ телёнка. »Аў!» говоритъ собака. «Сколько дашь?» спрашиваетъ дуракъ. Собака: «Аў!» — «Дай три рубля!» говоритъ дуракъ.

«Дай голмы цолковойть!» мерп дуракысь. «Аў», кискась. «Колмоды на!» мери дуракысь и ёрдэзи вазыпть кисканьть лангкс. А кискась ульнись казна. Аньцяк дуракась вассыпть вачкидизи кисканьть, ярмакоп чольдеры!!! Дуракысь чийсь кудуў. «Топ мейсь скалыпть чавикь?» мерп тятяза. «Паимь запне; моп учипь-учипь, зоп истяк а вазые», мери дуракысь. «Пей гоў ялы теки тейсак се вазыньть?» мери тятясь. «Моп уш мипне!» мери дуракысь. «Кискась бути рамасэ», мери тятясь. «Моп ра(в)ужы кисканьтипь мипни-як, адяды ярмак мельга». Кильдизь алашаньть, мольцть се тарканьтипь, ванцызь цела куця ярмакт; пещезь ярмакпипь грандайс, састь кудуў, пей-гак эреть вставкаса; пекь сюпафт!

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атяпь бабавь а эйдест а какшпст. Кармась бабпнись кияксыпь деньцеме, мусь репс видьме. — «Атясь а

Собака: «аў!» — «Возьми за три!» говоритъ дуракъ и бросилъ телёнка въ собаку. А собака была кладомъ. Только лишь дуракъ ударилъ собаку теленкомъ, деньги загремѣли. Дуракъ прибѣжалъ домой. «Ты зачѣмъ ударилъ корову?» спрашиваетъ его отецъ. «Я взялъ свою долю; я ждалъ-ждалъ, она такъ не отелится», отвѣчаетъ дуракъ. «А теперь куда ты дѣнешь этого теленка?» спрашиваетъ отецъ. «Я уже продалъ его!» отвѣчаетъ дуракъ. «Можетъ быть, собака купитъ», говоритъ отецъ. «Я и продалъ его черной собакѣ, идите за деньгами». Заложили лошадь, поѣхали на то мѣсто, видятъ цѣлая куча денегъ; собрали деньги въ телѣгу, пріѣхали домой, и теперь живутъ вмѣстѣ; очень богаты!

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи не было дѣтей. Старуха начала мести полъ, нашла рѣпное зерно. —

ятясь, азика видикь репс видьмиьть!» мери бабась. Атясь мере: «козэнь видиса?»—«Азя подболокс (куды пряс), видикь». Куссь атясь куды пряс сокат изамут, куссь алаша и кармась подболоковьть сокама. Видизи атясь репс видьмиьть. Эрясть-ацпсть аламус, бабась и мере: «атясь а ятясь, азяка варчикь репсэньть!» Варчизи атясь репсэньть и мере: «кулакшка». Кучизи бабась атяньть омбоцеды репсэньть варчама. Варчизи атясь и мере: «салдыркеышка». Колмоцеды атясь мерць: «чапка крукшка». Нилицидьı — «суфтимь грукшка». Мельи бабась вередемсь атяньтинь: «кустимак и монь репсэньть варчама», ды и секе. Сайсь атясь мешек, озафтызи бабаньть мешекс и кармась кустима лангга кузиме, а мешекэсь пейсэнзы сускызь. Кузить-кузить, бабась мешекстэньть кеуксеэ атяньть: «пщо васуў?» А атяньтинь нельдзя кургызы афтумс и пеень бачк отьвече: «васуў!» Кузимс кадуусь авуль васуў. Бабась мешекстэньть мери атяньтинь: «пщо васуў?» Атясь мерексэль:

«Старикъ а старикъ, ступай-ка посѣй рѣпное зерно!» говоритъ старуха. Старикъ говоритъ: «гдѣ посѣю?» — «Ступай на подволоку, посѣй». Втащилъ старикъ на подволоку соху и борону, втащилъ лошадь и началъ вспахивать подволоку. Посѣялъ старикъ рѣпное зерно. Пожили-побыли немного, старуха и говоритъ: «старикъ, а старикъ, ступай-ка, посмотри рѣпу!» Посмотрѣлъ старикъ рѣпу и говоритъ: «она съ кулакъ». Послала старуха старика во второй разъ поглядѣть рѣпу. Посмотрѣлъ старикъ и говоритъ: «она съ солонпцу». Въ третій разъ старикъ сказалъ: «она съ кругъ шапки». Въ четвертый: «она съ кругъ рѣшета». Потомъ старуха пристала къ старику: «подсади и меня посмотрѣть на рѣпу», да и только. Взялъ старикъ мѣшокъ, посадилъ старуху въ мѣшокъ и началъ лѣзть по лѣстницѣ, прикусивъ мѣшокъ въ зубахъ. Лѣзутъ-лѣзутъ, а старуха спроситъ старика изъ мѣшка: «еще далеко?» А старику нельзя раскрыть ротъ; онъ и отвѣчаетъ сквозь зубы: «далеко!» Лѣзть оставалось не далеко. Старуха изъ мѣшка говоритъ старику: «еще далеко?» Старикъ хотѣлъ сказать

«авуль!» Апак фатя афтуусь кургыза, меньць мешекэсь[1]) пейстэпзы, и бабась кустимапьть ланга калдырды прась и ча(в)уусь. Атясь валксь. Ванцы бабапьть пеепзы пизилгафтызь. Атясь сайсь палка и дай бабапьть ча(в)ума, соньць кортэ: «иля пеетть лапгксыи, иля пеетть лангксын, иля пеетть лапгксын». Мельи атясь чарькиць, шты бабась кулысь, кильць алаша и тусь лайшица вешнеме. Арды атясь, лисссь карчипзы пумул. — «Покщай а покщай, гоу молят?» — «Лайшица вешнеме». — «Сапмак монь». «А кода тон лайшат?» Нумулысь кармась: «кекь-кекь-кекь!» — «Истя песцьсак бабапьть», мери атясь. Мольць-мольць атясь, карчипзы офта. — «Покщай а покщай, гоу молят?» — «Лайшица вешнеми, бабам гулысь». — «Саимак монь». — «А тон кода лайшат?» Кода офтэсь рангкстэ! Атясь патай иплипзы кундыньзи и мере: «истя бабапьть стяусак». Вастызи атяньть верьгез и се мельц эзь дук. Сы атяпьть карчы ривпзь. — «Покщай а покщай, доп гоу?» — «Моляи лайшица вешнеме». — «Ды цей монь зап-

1) мешекэсь.

«нѣтъ!» Нечаянно раскрылся его ротъ, сорвался мѣшокъ изъ его зубовъ и старуха съ грохотомъ упала вдоль лѣстницы и убилась. Старикъ слѣзъ. Видитъ, что зубы у старухи ощерены. Старикъ взялъ палку и давай колотить старуху, самъ приговариваетъ: «не смѣйся надо мной» (3). Потомъ старикъ догадался, что старуха померла, запрягъ лошадь и отправился искать плакальщицу. Ѣдетъ старикъ, на встрѣчу ему вышелъ заяцъ.—«Дѣдушка, а дѣдушка, куда ты ѣдешь?»—«Искать плакальщицу».—«Возьми меня».—«А какъ ты голосишь?» Заяцъ началъ: «кек-кек-кек!»—«Ты такъ разсмѣшишь старуху», говоритъ старикъ. Ѣдетъ-ѣдетъ старикъ, на встрѣчу ему медвѣдь.—«Дѣдушка, а дѣдушка, куда ѣдешь?»—«Искать плакальщицу, моя старуха померла».—«Возьми меня».—«А ты какъ голосишь?» Какъ рявкнетъ медвѣдь! Старикъ инда схватился за уши и говоритъ: «ты такъ разбудишь старуху». Встрѣтилъ старика волкъ, но и онъ не понравился. Идетъ на встрѣчу старику лисица.—«Дѣдушка, а дѣдушка, ты куда?»—«Я иду искать

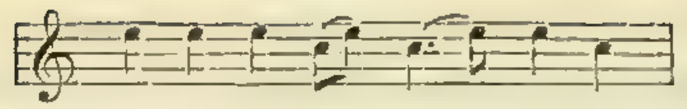
мак!» — «А лайскмп маштат?» — «Ды цей мопь гоньдятт лайшицят арасть», мери ривизись. Сапзи атясь ривизипьть, ускизи кудуў. Кармась ривизись лайшиме: «бабась лоск, модась тоск; пильгит вереў, брят алуў». Лайши-лайши ривизись, чурасыньsи кацдыласпыпь и мере: «покщай, ваныка, зяры сельведь!»

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабянь ульнисть кафты тейтерьнест. Кучипьsи авась тейтерьнетьневь вирпў ягидас и мерьць тест: «кинь пкили пешкеди паргыза, сепь мирдпипь максса». Пешкець пкили паргызы вишка тейтерьненьть. Те покш тейтеревьть мелыц эзь дук. Соп зазырынsы чавизи ды верьгез ямас канзе. Се тейтерьнестэпьть касcь килий сэрей ды виде. Юты килипьть вакска срипканъ дейпей п мере: «ваны килпись срипкакс кодамы пара!» и кармась керямунsа. А килийпись кармась морама:

плакальщицу».—«Да чай меня возьми!»—«А голосить ты умѣешь?»— «Да чай подобныхъ мнѣ плакальщиковъ нѣтъ», отвѣчаетъ лисица. Взялъ старикъ лисицу, привезъ домой. Лисица начала голосить: «земля зашуми, старуха туда (чтобъ въ землю); твои ноги къ верху, твоя голова внизъ». Поголоситъ - поголоситъ лисица, об..... гробъ и скажетъ: «дѣдушка, посмотри-ка сколько слёзъ!»

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи были двѣ дочери. Послала мать дочерей въ лѣсъ по ягоды и сказала имъ: «чей кузовокъ прежде наполнится, ту я отдамъ за мужъ». Прежде наполнился кузовокъ младшей дѣвушки. Это не понравилось старшей дѣвушкѣ. Она убила свою сестру и бросила въ волчью яму. Изъ этой дѣвушки выросла берёза высокая и прямая. Проходитъ мимо нея скрипичный мастеръ и говоритъ: «вотъ какъ хороша берёза на скрипки!» И началъ ее рубить. А берёзка начала пѣть:

«Ох, лялинимь, застыне,
Ох, лялинимь, стамбарнэ,
Истякак прям зэреде:
Сука патькам цавимимь,
Верьгез ямас каимимь,
Ашы килийкс мон цачинь,
Килий даратт монь геден,
Килий зюцюфт монь зурпын».

Керези срипкань дейнеесь килиньть, путызи крандайс и тусь мартьш.за. Сувась срипкань дейнецясь[1]) велес удума и сувась хватерас тейтерьненьть тятянцтынь. Тейтерьненьть тятяньтий срипкань дейнейсь мере: «мон годамы килий ускинь, ломанькс кортэ». Лиссь тейтерьненьть тятяза, кармась килийпньть варчниме, и килийнись кармась морама: «Ох тятякай; застыне» (и т. д.). Сувась цёрась кудыс и мери козяйканцтый: «кодамы килий, ломанькс

1) теинейсь.

«Охъ, братецъ, тихонько, охъ, братецъ, легонько, и такъ болитъ головка моя, убила меня сука сестрёнка, бросила меня въ волчью яму. Я родилась бѣлой берёзкой, берёзовыя вѣтки—мои руки, березовыя почки—мои пальцы». Срубилъ скрипичный мастеръ березу, положилъ въ телѣгу и отправился съ ней къ путь. Въѣхалъ скрипичный мастеръ въ село на ночлегъ и въѣхалъ на квартиру къ отцу дѣвушки. Скрипичный мастеръ говоритъ отцу дѣвушки: «какую я привезъ березу, говоритъ по-человѣчьи!» Вышелъ отецъ дѣвушки, началъ разсматривать берёзку, и берёзка начала пѣть: «Охъ, батюшка, тихонько» (и т. д.). Мужикъ вошелъ въ избу и говоритъ своей женѣ: «какая берёза, говоритъ по-человѣчьи!»

кортэ!» Лисёь авась, кармась килиишть варчиме, а килийпись кармась морама: «Охъ, авакай, застыне!» (и т. д.). Сувась авась, ёфтась тейтереньтей. Лисёь тейтерсь, кармась килийпиьть варчиме, а килийнись кармась морама:

«Сука патькай, застыне,
Сука патькай, стамбарнэ.
Истякак прям зэреде.
Кода топ монь цавимикь,
Верьгез ямас каимикь,
Ашы килийкс мон цачинь,
Килий даратт монь гедеп,
Гилий зюцюфт монь зурпып!»

Сапзь гилииньть и думасть пултамунза. Капзь гилииньть пецькас, килиись кирвайсь. Лифтясь килийстыньть гулькипе, озась гулькинись брус лангкс и кармась морама: «Сука патькам цавимимь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, и лифтясь гулькинись.

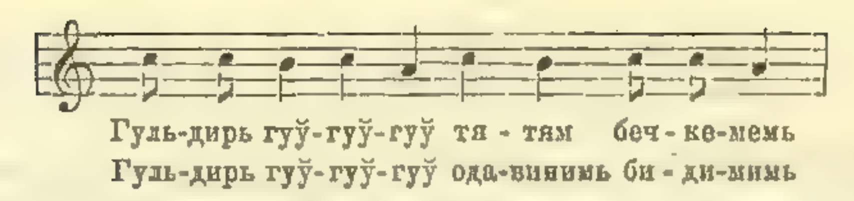
Вышла мать, начала разсматривать берёзку, а берёзка начала пѣть: «Охъ, матушка, тихонько» (и т. д.). Вошла мать (въ избу), разсказала дочери. Вышла дочь, начала разсматривать берёзку, а берёзка начала пѣть: «Сука сестрица, тихонько, сука сестрица легонько, и такъ головка моя болитъ. Какъ ты меня убила, бросила въ волчью яму, я родилась бѣлой берёзой, березовыя вѣтки — мои руки, березовыя почки—мои пальцы!» Взяли берёзу и рѣшили ее сжечь. Бросили берёзу въ печь, берёза загорѣлась. Вылетѣла изъ берёзы голубка, сѣла голубка на брусъ и начала пѣть: «сука сестрица моя меня убила» (и т. д.). Спѣлась пѣсня, и улетѣла голубка.

Ё ў к с.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнись цёрэпест ды тейтерьпест. Прась бабинись, кулысь. Бабинить калмизь. Мельи тейтерьнесь ды цёрэпесь мереть тятяст туртуў: «тятяй, зайть од ава, тятяй, зайть од ава!» — «Саян, ды мелезэнк туиза», мери тятясь. — «Од авась од баля сты!» мереть пакипатьпе. Сайсь атясь од ава. Од авась мери атяньтий: «печкекь цёрат, карман мартыт эряма, а печксак, а карман мартыт эряма». Атясь цёрэненѕы печкезе, а бабась ямукс пидизе (цёрэпеньть). Озасть атяньть марты бабась ярцама, а тейтерьненьть полоклангкс панизь. Атяньть марты бабась ямуньть корчезь, и сывилиньть сэвезь, а ловажинтьпинь тейтерьпеньть лангкс ёврезь. Тейтерьнесь пурнышьѕи ялакскинѕы ловажинтьнинь, сюлмишьѕи ашы пацини поц, ды путыньѕи булдырьни пряс. Ловажинитьни теeўсть гулькинкс и кармасть морама:

Сказка. [Превращенная въ голубку дѣвочка].

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи были сынокъ и дочка. Заболѣла старушка и умерла. Старушку похоронили. Послѣ этого дочка и сынокъ говорятъ отцу: «отецъ, возьми мачеху, возьми мачеху!»—«Возьму, отвѣчаетъ отецъ, да понравилась бы вамъ».—«Мачеха, говорятъ ему дѣти, сошьетъ новую рубашку!» Взялъ старикъ мачеху. Мачеха говоритъ старику: «зарѣжь своего сына, тогда стану съ тобой жить; не зарѣжешь, не стану жить съ тобой». Старикъ зарѣзалъ своего сынка, а старуха сварила его (сынка) на щи. Сѣли кушать старикъ со старухой, а дочку прогнали на полати. Старикъ со старухой выхлебали щи, съѣли мясо, а косточки перекидали на дочку. Дѣвочка собрала братишкины косточки, завязала ихъ въ бѣлый платочекъ и положила на брусъ. Косточки сдѣлались голубкой и начали пѣть:



«Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам бечкемемь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, авинимь бидимимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, прякафтумы сэвемезь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькань лангкс ёвремезь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькам буримимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, ашы пацяс сюлмимимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, булдырьпп пряс путымимь; гульдирь-гуў-гуў-гуў, гулькининкс теевень». Бабась маризи морамуньть и мери атяньтинь: «Варчтака [1]), те ки морэ!» Кармась атясь кузими пецька лангкс, а гулькинись кода скокади булдырьпп прясты ды вельдярьмава и лифтясь. Лифтясь, лифтясь гулькинись, ваццы карчинэы уры микшипй. — «Уры микшипй, а уры микшипй, дайка монянь коморы ура, мон деть моры моран!» мери гулькинись. Уры микшинйсь макссь гулькининьтий коморы ура. Гулькинись озась уры микшининьть чирькинэы лангкс и кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам бечкемемь,

1) варштака.

«гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня зарѣзалъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, мачеха меня сварила; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, они съѣли меня безъ пирога (безъ хлѣба); гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, они перекидали меня на сестру; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, сестрица меня собрала; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, она завязала меня въ бѣлый платокъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, она положила меня на брусъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, я сдѣлался голубкой». Старуха услышала пѣніе и говоритъ старику: «посмотри-ка, кто это поетъ!» Сталъ старикъ лѣзть на печку, а голубка какъ соскочитъ съ бруса, да въ печное оконко и улетѣла. Летѣла, летѣла голубка, смотритъ— навстрѣчу шильный торговецъ. — «Шильный торговецъ, а шильный торговецъ, дай-ка мнѣ горсть шильевъ, я тебѣ свою пѣсню!»— говоритъ голубка. Шильный торговецъ далъ голубкѣ горсть шильевъ. Голубка сѣла на дугу шильнаго торговца и начала:

гульдирь-гуў-гуў-гуў, од авиним бидимимь» (и т. д.). Морэзи морэньть гулькипись, тусь тагы лифтяма. Лифтясь, лифтясь, карчиңы салмукс микшиий. — «Салмукс микшиий, а салмукс микшиий, дайка монянь гоморы салмукс, мои деть моры моран!» мери гулькипись. Салмуксынь микшиись максь гулькипиньтинь гоморы салмукс. Гулькинись озась салмуксынь микшипиньть чирькиңы лангкс ды кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам бечкемемь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, гулькипись тагы тусь лифтяма. Лифтясь-лифтясь, карчиңы медь микшиий. — «Медь микшиий, а медь микшиий, дайка монянь медь бевьч, мои деть моры моран!» мери гулькипись. Медь микшинцясь максь гулькипиньтинь медь бевьч. Гулькипись озась медь микшинцяньть чирькиңы лангкс и кармась: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, дятькам цавимимь» (и т. д.). Мораўсь морэсь, гулькипись тагы тусь лифтяма. Лифтясь гулькикипись мекеў гудуў, сувась кудыкилиў, озась куды кенгкшеньть велькссе и кармась морама: «Гульдирь-гуў-гуў-гуў, тятькам бечке-

---

«гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня зарѣзалъ; гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, мачеха меня сварила» (и т. д.). Спѣла пѣсенку голубка, пошла опять летѣть. Летала-летала,—на встрѣчу ей игольный торговецъ.—«Игольный торговецъ, а игольный торговецъ, дай-ка мнѣ горсть иголокъ, я тебѣ спою пѣсню!» говоритъ голубка. Игольный торговецъ далъ голубкѣ горсть иголокъ. Голубка сѣла на дугу игольнаго торговца и начала: «гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня зарѣзалъ» (и т. д.). Спѣлась пѣсенка, и голубка опять пошла летѣть. Летѣла-летѣла,—на встрѣчу ей торговецъ мёдомъ.—«Торговецъ мёдомъ, а торговецъ мёдомъ, говоритъ голубка, дай-ка мнѣ ложку меду, я тебѣ спою пѣсню!» Торговецъ медомъ далъ голубкѣ ложку меду. Голубка сѣла на дугу торговца медомъ и начала: «гульдирь-гувъ-гувъ-гувъ, тятенька меня убилъ» (и т. д.). Спѣлась пѣсня, голубка опять пошла летѣть. Прилетѣла голубка опять назадъ домой, вошла въ сѣни, сѣла надъ избной дверью и начала пѣть: «гульдирь-гувъ-гувъ-

мемь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, од авинимь бидимимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, прякафтумы сэвемезь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькапь лангкс̧ёвремезь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, батькам бурнымимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, ашы пацяс сюлмимимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, булдырьни прис путымимь, гульдирь-гуў-гуў-гуў, гулькшикс теевепь». Тятязы маризи морамуда, лиссь кудыкилиў, ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись капзи коморы урыньть кургызынѕа. Атясь поваўсь, кулысь. Кармась гулькинись тагы морама. Маризи гулькинипьть од аваза, лиссь кудыкилиў ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись капзи коморы салмуксыньть од аванѕы куркс. Поваўсь од авазы, кулысь. Кармась гулькинись тагы морама. Маризи гулькинипьть патьказа, лиссь кудыкилиў ды афтынь гуркт ваны вереў. Гулькинись капзи медь беньчепьть патянѕы куркс.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атяпь бабапь а эйдест а какшист. Тусь бабась орожьяпинь; мольць-мольць, мусь кудыне. Сувась бабась

гувъ, тятенька меня зарѣзалъ» (и т. д.) Отецъ услышалъ пѣсню, вышелъ въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила ему въ ротъ горсть шильевъ. Старикъ подавился и умеръ. Голубка стала опять пѣть. Услышала голубку мачеха, вышла въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила въ ротъ своей мачехѣ горсть иголъ. Подавилась мачеха и умерла. Голубка стала опять пѣть. Услышала голубку сестричка, вышла въ сѣни и смотритъ вверхъ разиня ротъ. Голубка бросила въ ротъ своей сестрѣ ложку меду.

Сказка. [Снѣгурочка].

Жили старикъ и старуха, у нихъ не было дѣтей. Пошла старуха къ ворожеѣ; шла-шла, нашла домикъ, вошла старуха въ

кудынньтинь, кудывсыньть ащи Яга-баба. Яга-бабась сопьць кудышка, прязы кардышка; ве пильгизы пецька лангкса, а омбоцесь полок лангкса; ве кедезы эземь бряса, а омбоцесь пецька шкиле. Бабинсь сувась, сюкунясь Яга-бабаньтий и мере: «Здороў, Яга-бабай!» — «Здороў авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў нилилитинь!» мери Яга-бабась. — «Монь, Ягабабакай, эйден арасть!» мери бабась. — «Азя, сювурдак лоў зювуркс, путыкь сонзы лаўсьс; пурьцят-пурьцят, сон дееви пакшакс». Сась авась кудуў; сювурдась лоў зювуркс, путызи лаўсьс; пурьцинсь-пурьцинсь авась, марясы пакша вайгиль, штафтызи, лаўсьсыньть тейтерьбакшине. Радувасть церяньть марты авась и думить, ней годама пакшаньтий лемь буттана. Путызь бакшаньть лемензы Лоўняське. Кассь Лоўняськи уш покшкесты и ульнинсь пекь пары, превей и мазый. Састь ве шкани Лоўняськинь ялганзы и мереть Лоўняськинь аванцтый: «полдэкь Лоўняськинь минкь марты вирнў ягидас». Лоўняськинь авазы пекь эзь нолда. Мельи

домикъ, въ домикѣ баба-яга. Баба-яга сама съ домъ, а голова ея съ хлѣвъ; одна нога у ней на печкѣ, а другая на полатяхъ; одна рука на передѣ, а другая передъ печкой. Старушка вошла, поклонилась бабѣ-ягѣ и говоритъ: «здравствуй, баба-яга!»—«Если бы ты не сказала здравствуй, отвѣчаетъ баба-яга, я разорвала бы тебя на двѣ части и въ одинъ разъ проглотила бы тебя!»—«У меня, бабушка-яга, нѣтъ дѣтей», говоритъ старуха.—«Иди, скатай снѣжный комокъ, положи его въ люльку; покачаешь-покачаешь, онъ сдѣлается ребенкомъ». Пришла старуха домой; скатала снѣжный комокъ, положила въ люльку; покачала-покачала женщина, слышитъ дѣтскій крикъ, открыла люльку, въ ней дѣвочка. Обрадовались мужъ и жена и думаютъ, какое мы теперь дадимъ имя ребенку. Дали ребенку имя Снѣгурочка. Выросла Снѣгурочка уже большенькой и стала очень хорошая, умная и красивая. Пришли однажды подруги Снѣгурочки и говорятъ Снѣгурочкиной матери: «пусти Снѣгурочку съ нами въ лѣсъ по ягоды».

и лягатьни и соньць Лоўняськи вередемьсть аваньтий и авась нолдэзэ. Тусть тейтерьнетьни вириў. Якасть-якасть тейтерьнетьне, кочкасть ламы ягидат. Кармасть тейтерьтьни кудуў зыргама, лисьсть вирьцтыньть, а уш кармась суньдирьгадума. Ваццызь дейтерьнетьни виринтъ бокасы аци кудьне, уньдыкски стяфтызе, палакски вельтезе, сынь дозэй зувасть и мерeть: «дайти теск удытана, а валцки тутана кудуў». Аньцяк тейтерьнетьни мадиесть, сувась покш курги офтэсь, а се кудьнпсь ульнись покш курги офтэньть. — «Удыды-удыды! мери покш курги офтэсь, валцки рана мон денгкь зафтырк кенерьцтян!» Валцки покш курги офтэсь стясь рана, уштызи кудынѕа. Тейтерьнетьни веси удысть, аньцяк Лоўняськи а удэ; сонь геденѕы алга ваны, покш курги офтэсь местейне. А покш курги офтэсь похлёпка пиде: каясь чугуньнь типь ведь, луфнись лапкстынѕы таст (офтэсь ульнись таз боца), кайсиньѕи тасньнь цугуиц, лакафтыньѕе. Стяфнильѕи офтэсь тейтерьнетьнень. Тейтерьнетьни веси ярцыть, а Лоўняськи соды,

---

Мать ни за что не пускала Снѣгурочку. Потомъ и подруги и сама Снѣгурочка пристала къ матери и мать пустила. Пошли дѣвушки въ лѣсъ. Ходили-ходили дѣвушки, набрали много ягодъ. Стали дѣвушки собираться домой, вышли изъ лѣсу, а ужъ начало смеркаться. Увидѣли дѣвушки на краю лѣса стоитъ домикъ—дуплышко поставило, крапивушка покрыла—онѣ вошли туда и говорятъ: «давайте проночуемъ здѣсь, а утромъ пойдемъ домой». Только что легли дѣвушки, вошелъ медвѣдь большой ротъ,—а домикъ этотъ принадлежалъ ему.—«Спите-спяте!» говоритъ медвѣдь большой ротъ, «утромъ рано я приготовлю вамъ завтракъ!» На слѣдующій день медвѣдь большой ротъ всталъ рано, вытопилъ свой домъ. Дѣвушки всѣ спали, но не спала лишь Снѣгурочка; изъ подъ рукъ [которыми она закрыла свое лицо] она смотритъ, что дѣлаетъ медвѣдь большой ротъ. А медвѣдь большой ротъ варитъ похлебку: налилъ воды въ чугунъ, наковырялъ съ себя шелудей (медвѣдь былъ покрытъ шелудями), насыпалъ шелуди въ чугунъ, вскипятилъ. Разбудилъ медвѣдь дѣвушекъ. Всѣ дѣвушки ѣдятъ, а Снѣгурочка

мези марты нохлёнкась, и а ярцэ. Офтэсь мери, кода ярцаўсть тейтерьнетьне: «кона ярцась, сень гудуў нолдаса, а кона эзь ярца, сень деса каца». Нолдэньзи офтэсь тейтерьнетьнень гудуў, а Лоўнясьскинь гадызи эстянза. Суваўсь покш кургы офтэсь пуртт, поводеньзи лаўсь лаца, мадь ээст и мере: «Лоўняськи, пурьцимак!» Лоўнясьскись нурьцись-нурьцись, офтэзь матпдпўсь. Офтэсь уды, а Лоўнясьскись аштп ды аварьде. Лифтясь вальмалуў орёл и мере: «Лоўняськи, местейнят?» — «Ащан ды аварьдян», мери Лоўнясьскись. — «Адя озак лангызын, мон гудуў бачтян!» мери орёлэсь. Озась Лоўняськи орёлэнь лангс. Орёлэсь вачкидшньзи лапанза, лифтясь. Лифтясть-лифтясть орёлэнь марты Лоўнясьскить, сыргыйсь покш кургы офтэсь. Сон дарькидь, косы Лоўняськи, и напустясь сасамуст. Орёлэсь лифтясь-лифтясь, сизись, валкcь оймама. Покш кургы офтэсь сасыньзи самай оймамста, сезьнезп орёлэнь толгань долгань; сапзи мекеў Лоўнясьскинь. Састь Лоўнясьскинь ялганзы кудуў, ёфтасть Лоўнясьскида аванц-

---

знаетъ, съ чѣмъ похлебка, и не ѣстъ. Когда дѣвушки поѣли, медвѣдь говоритъ: «которая поѣла, я ту пущу домой, а которая не ѣла, ту я оставлю здѣсь». Отпустилъ медвѣдь дѣвушекъ домой, а Снѣгурочку оставилъ у себя. Внесъ медвѣдь большой ротъ сани, повѣсилъ ихъ наподобіе люльки, легъ въ сани и говоритъ: «Снѣгурочка, покачай меня!» Снѣгурочка покачала-покачала, медвѣдь заснулъ. Медвѣдь спитъ, а Снѣгурочка стоитъ и плачетъ. Прилетѣлъ подъ окно орелъ и говоритъ: «Снѣгурочка, что ты дѣлаешь?» —«Стою и плачу», отвѣчаетъ Снѣгурочка.—«Иди сядь на меня, я провожу тебя домой!» говоритъ орелъ. Сѣла Снѣгурочка на орла. Орелъ ударилъ крыльями и полетѣлъ. Летѣли-летѣли орелъ и Снѣгурочка, проснулся медвѣдь большой ротъ. Онъ догадался, гдѣ Снѣгурочка, и пустился ихъ догонять. Орелъ летѣлъ-летѣлъ, усталъ, спустился отдохнуть. Медвѣдь большой ротъ застигъ ихъ въ то самое время, какъ орелъ отдыхалъ, разорвалъ орла по перышку и взялъ Снѣгурочку обратно. Вернулись Снѣгурочкины подруги домой, разсказали о Снѣгурочкѣ ея матери, что

тый, шты сопсы покш кургы офтэсь эстянэы кадызе. Лисcь Лоўняськинь авазы кардайс, озась мукурь лангкс и кармась аварьдиме. Мольць Лоўняськинь аванзы вакс тазуў-дузуў букинсь, копань мукурцынзы кафты пулыт, и мере: «иля аварьть, мон Лоўняськинь заласа покш кургы офтэньть кецта». Омбоцеды матиднўсь покш кургы офтэсь пурттнынинь. Лоўняськи тагы озась вальмалуў ды аварьде. Мольць вальманьть алуў дазуў-дузуў букинись и мере: «Лоўняськи, месть аварьдят?» — «Покш кургы офтэсь кудуў а нолдасамам», мери Лоўняськись. — «Сак озак лангтызын, мон бачтян гудуў», мери тазуў-дузуў букинись. — «Косты тонять пачтимс, орёлнэвь иты эзень залафт», мери Лоўняськись. — «Коли мереть теть, адя озак», мери тазуў-дузуў букинись. Озась Лоўняськись букининьть лангкс, оргоцьть. Сыргыйсь покш кургы офтэсь, напустясь мельгаст. Кармась офтэсь сасамуст, букинись Лоўняськиньтинь мере: «таргикь мукурцтын ве тулыньть!» Таргизи Лоўняськись ве тулыньть букининьть мукурцта, букинись офтэньть и

медвѣдь большой ротъ оставилъ ее у себя. Вышла Снѣгурочкина мать на дворъ, сѣла на пень и начала плакать. Подошелъ къ Снѣгурочкиной матери шелудивый-короставый бычокъ, въ заду котораго было два клина, и говоритъ: «не плачь, я выкраду Снѣгурочку у медвѣдя большого рта». Въ другой разъ заснулъ медвѣдь большой ротъ въ саняхъ. Снѣгурочка опять сѣла подъ окномъ и плачетъ. Подошелъ подъ окошко шелудивый-короставый бычокъ и говоритъ: «Снѣгурочка, ты чего плачешь?»—«Медвѣдь большой ротъ не пускаетъ меня домой», отвѣчаетъ Снѣгурочка. — «Иди садись на меня, я доставлю тебя домой», говоритъ шелудивый-короставый бычокъ. — «Куды тебѣ доставить, орелъ и то не могъ меня украсть», отвѣчаетъ Снѣгурочка.—«Когда тебѣ говорятъ, иди садись», говоритъ шелудивый-короставый бычокъ. Сѣла Снѣгурочка на быка, побѣжали. Проснулся медвѣдь большой ротъ, пустился за ними. Медвѣдь сталъ ихъ нагонять, бычокъ говоритъ Снѣгурочкѣ: «вытащи изъ моего зада одинъ клинъ!» Вытащила Снѣгурочка одинъ клинъ изъ зада бычка, бычокъ обдристалъ и

сельменѕы и чаманѕы пургизе. Лоткась офтэсь, кармась чаманѕы парьтниме, а букинись ялы ардэ. Нарьтнпўсть офтэньть сельменѕы чаманѕа, напустясь тагы букининьть марты Лоўняськинь мельга. Кармась тагы офтэсь сасамуст, букинись мери Лоўняськининь: «таргик мукурцтын омбоцп тулыньть!» Таргизи Лоўняськись омбоцп тулыньть, пургизи букинись офтэньть пряды пилькс. Тагы лоткась офтэсь пургаўсныпь парьтниме, а се шкаиьть букининьть марты Лоўняськи кудуў бачкицьть.

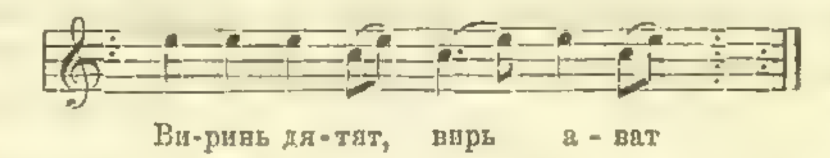
Ё ў к с.

Эрясть атять бабат, атянь бабань ульнись тейтерьнест. Прась бабась, кулысь. Тейтерьнесь мере: «тятяй, зайть од ава, тятяй, зайть од ава!» — «Саян ды мелезэт пары улиза», мери тятясь. — «Од авась од баля сты», мери тейтерьнесь. Атясь урьваксcь. Од авась мери атяньтий: «юмафтыкь тейтерет, кармап мартыт эряма».

глаза и лицо медвѣдя. Остановился медвѣдь, началъ вытирать лицо, а бычокъ все скачетъ. Вытеръ медвѣдь глаза и лицо, и пустился опять за бычкомъ и Снѣгурочкой. Опять сталъ ихъ нагонять медвѣдь, бычокъ говоритъ Снѣгурочкѣ: «вытащи изъ моего зада второй клинъ!» Вытащила Снѣгурочка второй клинъ, обдристалъ бычокъ медвѣдя съ головы до ногъ. Опять остановился медвѣдь, чтобы вытереть то, чѣмъ его обдристалъ бычокъ, а въ это время бычокъ вмѣстѣ съ Снѣгурочкой добѣжали до дома.

Сказка. [Злая мачеха и медвѣдь].

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи была дочка. Слегла старуха, померла. Дочка говоритъ: «батюшка, возьми мачеху!» — «Возьму, да понравилась бы это тебѣ», отвѣчаетъ отецъ. — «Мачеха сошьетъ новую рубашку», говоритъ дочка. Старикъ женился. Мачеха говоритъ старику: «погуби свою дочку, (тогда) буду

Атясь кильць-повоць, озафтызи тейтеренза, ускизи вириў, ипдыкски стяфтызе, палакски вельтези, кудынис су(в)афтызи и мере: «ащикь, тейтерьпемь, мои моляи эрявикс чуфтынь герява». Атясь лиссь кудынистыньтъ и тусь кудуў. Тейтерьнесь учись-учись, тятязы арась. Сась супьдирьгадумы шка. Тейтерьнесь кармась лайшиме: «Виринь дятят, вирь ават. Сады мартын удумы и удумы ащиме».

Офтэсь маризи и мере: «ужы-ужы, эйдякай, гандан деть поиды эрькть, поиды грушат, поиды горынпофт и поиды сурпведьметь». Сась офтэсь, капдыньзи месть алуфтась и мере: «на, тейтеремь, керьксэть, а мои мадян ойнсеме; аньцяк керьксавить, стяфтумак». Офтэсь куссь пецька лангс и мацъ. Тейтерьнесь кармась эрьгень герьксама, а чумбулкскись лиссь и мере: «патькай а патькай, дай монянь эрьгене, грушпне, горынпоўпе и сурп ведьмене!» Тейтерьпесь сайсь эрьгене, грушпне, горынпоўпе, сурп ведьменп

съ тобой жить». Старикъ заложилъ (лошадь), посадилъ свою дочь повезъ ее въ лѣсъ, ввелъ въ домикъ, который поставило дуплышко. покрыла крапивка. и говоритъ: «побудь дочка, я пойду рубить нужное дерево». Старикъ вышелъ изъ домика и пошелъ домой. Дѣвочка ждала-ждала, отца ея нѣтъ. Наступили сумерки. Дѣвушка начала голосить: «лѣшіе, лѣшачихи, придите ночевать со мной и почевать посидѣть». Медвѣдь услышалъ ее и говоритъ: «постой-постой, дитятко, я принесу тебѣ пудовку бусъ, пудовку крупныхъ бусъ, пудовку погремушекъ и пудовку концовъ нитокъ». Пришелъ медвѣдь, принесъ, что обѣщалъ, и говоритъ: «возьми дочка, нанизывай ихъ, а я лягу отдыхать; какъ нанижешь, разбуди меня». Медвѣдь влѣзъ на печку и легъ. Дѣвочка начала нанизывать бусы, а ласочка вышла и говоритъ: «сестрица, а сестрица, дай мнѣ бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ нитки!» Дѣвочка взяла бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ

и максыньзп чумбулкскиньтяй. Чумбулкскпсь сапньзп ды мере: «пасиба, патькай, моньць как пары теть теян», и тусь. Стясь покш кургы офтэсь и мере: «керькса у́сть штолп?»—«Керькса у́сть», мерп тейтерьнесь.— «Ну, дай гончкесы налькспме», мерп офтэсь. Валксь офтэсь пецька лангкста, макссь тейтерьнепьтепь сяянь баягинп и мере: «топ чийнпкь и дилиньть! а мон зельмепь зюлмасыпь». Сюльмпньзп офтэсь сельмепза. А се шкапьть лисcь вари-нисты чумбулкскись, сапзп тейтерьпепьть кецты баягипиньть, а тейтерьненьть кекпезп пецька алу́, п кармась баягипиньть дилиньдиме. Офтэсь мере: «косат?» — «Тесап-досап, ваны косап!» мерп чумбулкскпсь. Офтэсь сюлмань зельмть вемьберьть якась кудыпиваньть, а кияк тепзы эзь бонгкт. Ашилгаць. Офтэсь папустясь вирпу́. Бабась мери атяньтпнь: «азя тупкь тейтерет, кармап мартыт эряма; а тусак, а кармап мартыт эряма». Кильць-новоць атинись, тусь вирпу́, мупзп кудыпиньть. Су(в)ась атясь кудыпиньтинь,а тейтерепьть кпргасы эрькть, групат, горьнпофт, аци буты

питкп и дала ихъ ласочкѣ. Ласочка взяла ихъ и говоритъ: «спасибо, сестрица, и я сдѣлаю тебѣ добро», и ушла. Всталъ медвѣдь большой ротъ и говоритъ: «нанизала что ли?»—«Напизала», отвѣчаетъ дѣвочка.—«Ну, давай играть въ жмурки», говоритъ медвѣдь. Слѣзъ медвѣдь съ печи, далъ дѣвочкѣ серебряный колокольчикъ и говоритъ: «ты бѣгай и звони! а я завяжу свои глаза». Завязалъ медвѣдь свои глаза. А въ это время вышла изъ норки ласочка, взяла изъ рукъ дѣвочки колокольчикъ, а дѣвочку спрятала подъ печку и начала звонить въ колокольчикъ. Медвѣдь говоритъ: «гдѣ ты?»—«Я здѣсь и тамъ, смотри гдѣ я!» отвѣчаетъ ласочка. Медвѣдь съ завязанными глазами ходилъ всю ночь по домику, никто ему не попался. Развѣло. Медвѣдь убѣжалъ въ лѣсъ. Старуха говоритъ старику: «ступай, привези свою дочь, (тогда) стану жить съ тобой, а если не привезешь, я не стану съ тобой жить». Заложилъ старикъ (лошадь), поѣхалъ въ лѣсъ, нашелъ домикъ. Вошелъ старикъ въ домикъ, а у дочери на шеѣ бусы, крупные бусы, погремушки, сидитъ точно барыня. Взялъ

боярава. Санзи атписъ и тусь мартынзы кудуў. А кискиписъ ащи орта лангксы и мере: «каў-каў, батькам зы, пурдань зюлгамни туе!» А бабась мере: «тиба-тя-тя-тя! мерьть: кахмарьпе!» Сась атясь, тейтерьпесь ащи наряжазь бояравакс. Неєзи тейтерьпесь кискипиньть, максь тепзы пурдань зюлгампе. Бабась мере: «Атясь а ятясь, азя юмафтыкь монь дейтереньть!» Атясь кильцьповоць, озафтызи бабаньть тейтеренза, тусь вирпў юмафтуманза. Су(в)афтызи атясь тейтереньть секи кудыньтинь и мере: «ащикь, дочай, моляи эрявикс чуфтынь герямa». Тусь атясь. Тейтерьпесь кадуўсь ськамунза. Сась чёкшне. Тейтерьпесь кармась лайшиме: «вирнпь дятят, вирь ават, сады мартын удумы и удумы ащиме». Маризи покш кургы офтэсь и мере: «ужы-ужы, эйдякай, гапдап деть понды эрькьть, понды грушат, понды горьнипофт, понды сури ведьметь!» Сась офтэсь, кандыньзи месть алфтась и мере: «на керьксак, а мон мадян; аньцяк керьксавить, стяфтумак, и минь гарматапа копьчкесы палькспме». Офтэсь маць пецька лангкс,

---

ее старикъ и поѣхалъ съ нею домой. А собачка сидитъ у воротъ говоритъ: «кавъ-кавъ, ѣдетъ моя сестрица, везетъ витую запонку!» А старуха говоритъ: «цыцъ! скажи: мосолокъ!» Пріѣхалъ старикъ, а дѣвочка сидитъ одѣта барыней. Увидѣла дочка собачку, дала ей витую запонку. Старуха говоритъ: «старикъ а старикъ, ступай погуби мою дочь!» Старикъ заложилъ (лошадь), посадилъ старухину дочь, поѣхалъ въ лѣсъ, чтобы ее погубить. Ввелъ старикъ дѣвочку въ тотъ же домикъ и говоритъ: «подожди, дочка, я пойду рубить нужное дерево». Ушелъ старикъ. Дѣвочка осталась одна. Наступилъ вечеръ. Дѣвочка стала голосить: «лѣшіе и лѣшачихи, придите ночевать со мной и ночевать-посидѣть». Услыхалъ это медвѣдь большой ротъ и говоритъ: «постой-постой, дитятко, я принесу тебѣ пудовку бусъ, пудовку крупныхъ бусъ, пудовку погремушекъ и пудовку концовъ нитокъ!» Пришелъ медвѣдь, принесъ то, что обѣщалъ, и говоритъ: «возьми, нанизывай, а я лягу; какъ нанижешь, разбуди меня, и мы начнемъ играть въ жмурки». Медвѣдь легъ на печку, а дѣвочка начала нанизывать.

а тейтерьнесь кармась керьксама. Лисссь чумбулкскисъ ды мере: «патькай а патькай! дай монянь эрьгени, грушнии, горьниоуни и сурнведьмене!» Тейтерьнесь серьгець офтэньтень: «покщай, цумбулкскисъ веше!» — «Палкасы сопѕы стукадикь пря лапта», мери офтэсь. Тейтерьнесь стукадизи чумбулкскинть пря лапта палкаса, чумбулкскисъ су(в)ась варинис. Офтэсь сыргыйсь и мере: «керьксаўсть штоли?» — «Керьксаўсть!» мери тейтерьнесь. Офтэсь валксь пецька лангкстьы и мере: «тонять па сяянь баягине, тон гармат чийнимн и дилиньдиме, а мон зельмеп зюлмасьть ды кармап донь куньцимат». Тейтерьнесь сапзи баягининть и кармась дилиньдиме, а офтэсь сюлминьѕи сельменѕы и кармась тейтерепьть куньциме. Тейтересь баяганьть дилиньдифтизе. Офтэсь чийсь се угульньтинь, кундызи тейтерепьть, порезе, а ловажанѕы пурпыньѕи ды куцинис путыньѕи пецька лангкс, а соньць тусь. Бабась валцки рана стясь и мери атяньтинь: «азя ускикь тейтеремь мексў, ды вант нарядынѕы илять юмафне!» А соньць кармась прякань бапиме. Атинесь кильць-повоць, тусь бабаньть

Вышла ласочка и говоритъ: «сестрица а сестрица, дай мнѣ бусинку, крупную бусинку, погремушку и конецъ шткп!» Дѣвочка крикнула медвѣдю: «дѣдушка, ласочка проситъ!» — «Палкой ударь ее по головѣ», отвѣчаетъ медвѣдь. Дѣвочка ударила ласочку по головѣ палкой, ласочка скрылась въ норку. Медвѣдь проснулся и спрашиваетъ: «напизала что ли?» — «Напизала!» отвѣчаетъ дѣвочка. Медвѣдь слѣзъ съ печки говоритъ: «вотъ тебѣ серебряный колокольчикъ, ты будешь бѣгать и звонить, а я завяжу свои глаза и начну тебя ловить». Дѣвочка взяла колокольчикъ и начала звонить, а медвѣдь завязалъ себѣ глаза и началъ ловить дѣвушку. Дѣвочка позвонила въ колокольчикъ. Медвѣдь побѣжалъ въ этотъ уголъ, схватилъ дѣвушку, съѣлъ, а кости ея собралъ и положилъ кучкой на печку, а самъ ушелъ. Старуха встала рано на слѣдующій день и говоритъ старику: «ступай привези мою дочку обратно и смотри не растеряй ея нарядовъ!» А сама стала печь пироги. Старичекъ заложилъ (лошадь), поѣхалъ за старухиной до

тейтерень мельга. Сась атясь вприньтинь, су(в)ась кудыппньтей, ванцы тейтерьпесь арась, аньцяк ловажаньзы пецька лангксы ацнть. Пурныньзп атинсь ловажиньтьнннь мешеккес и тусь кудў. А бабась кайси пецькас прякат. Кискинись ацись-ацись орта лангксы и мере: «каў-каў-каў! бокицам зы, мониянь кахмарь уске!» Бабась кода напусти коймепьть марты кисканьть мельга, соньць пижне: «мерьть: патькам зы, мониянь бурдань зюлгама уске!» Сась атясь. Бабась лисcь, ванцы тейтерезы арась. Кода бабась уракадэ!

Ӗўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань ульнись тейтерьпест. Бабинись кулысь. Тейтерьнесь мере: «тятяй зайть од ава! тятяй зайть од ава!» — «Саян ды мелезэт пары улиза», мери тятясь. «Од авась од баля сты!» мери тятяньть карчи тейтерьнесь. Сайсь атясь од гозяйка. Козяйкань ульнись соньцензы тейтереза; соньцензы

черью. Пріѣхалъ старикъ въ лѣсъ, вошелъ въ домикъ, видитъ. что дочки нѣтъ, только кости ея лежатъ на печкѣ. Собралъ старичекъ косточки въ мѣшечекъ и поѣхалъ домой. А старуха сажаетъ пироги въ печь. Собачка сидѣла-сидѣла у воротъ и говоритъ: «кавъ-кавъ-кавъ, дѣдушка ѣдетъ, везетъ мнѣ мосолъ!» Старуха какъ бросится бѣжать съ лопатой за собакой, а сама кричитъ: «скажи, сестрица ѣдетъ, везетъ мнѣ витую запонку!» Подъѣхалъ старикъ. Старуха вышла, видитъ—дочки ея нѣтъ. Старуха какъ рявкнетъ!

Сказка. [Злая мачеха и баба-яга].

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи была дочка. Старуха померла. Двчка говоритъ: «батюшка, возьми мачеху! батюшка, возьми мачеху!» — «Возьму, да понравилось бы это тебѣ», отвѣчаетъ старикъ. «Мачеха сошьетъ новую рубашку!» говоритъ въ отвѣтъ отцу дочка. Взялъ старикъ новую жену. У этой жен-

тейтереньть од авась вечкезе, а атяньть тейтерьнеиьть эсп вечкьть. Весть од авась сайсь раужы сумаиь бракста, максызи атяньть тейтерьнепьтень ды мерс: «зяры ашилгадумазыпзы муськсак, сесты кудуў зак!» и тутмадизы кудыстыньть. Тусь тейтерьнесь, муськсь-муськсь, а муськиви пракстась. Канзи тейтерьнесь пракстаньть вец, соньць тусь киява молеме. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы кп бокас эльдп вашиясь. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теяп!» мерп эльденесь. Тейтерьнесь урядызи эльдененьть, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, кп бокас скал вазыясь. «Тейтерьни а тейтерьпе, урядамака, моньць-как теть пары теяп», мери скалнысь. Тейтерьнесь урядызе, соньць тагы тусь. Мольць-мольць, ванцы, кп бокас реви леўксэясь. «Тейтерьнп а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теяп!» мери ревенесь. Тейтерьнесь урядызи, соньць тусь тагы молеме. Мольць-мольць, ванцы, кп бокас сесни леўксэясь[1]). «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теяп»,

1) леўксыясь.

щипы была своя дочь; свою дочь мачеха любила, а старикову дочь она не полюбила. Однажды мачеха взяла черную опучу, дала ее стариковой дочкѣ и говоритъ: «мой ее, пока она не побѣлѣетъ, тогда иди домой!» и вытолкала ее изъ дому. Пошла дочка, мыла-мыла, не отмывается портянка. Бросила дѣвушка портянку въ воду, а сама пошла по дорогѣ. Шла-шла дѣвушка, видитъ у дороги ожеребилась кобыла. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ кобыла, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала кобылу, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги отелилась корова. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ корова, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала ее, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ на краю дороги объягнилась овца. «Дѣвушка а дѣвушка, вымой-ка меня, говоритъ овца, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ на краю дороги объягнилась козочка. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ козочка, вымой-ка меня, и я сдѣлаю тебѣ добро». Дѣ-

мери сеенесь. Тейтерьнесь урядызе, соньць тагы тусь. Мольцьмольць, вайцы, ки бокасы ащи пецькене. «Тейтерьни а тейтерьне, вадьплмака, моньць-как теть пары теян!» мери пецькенесь. Тейтерьнесь вадьнизи пецькененьть, соньць тагы тусь. Мольцьмольць, вайцы ки бокасы ащи болотэне. «Тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць-как теть пары теян!» мери болотэнесь. Тейтерьнесь урядызи болотэненьть, теези лисьмапикс. Мольць-мольць тейтерьнесь, вайцы, ащи кудыне. Су(в)ась тейтерьнесь кудынипьтий. Кудыписыньть ащи Яга-баба. Яга-бабась столь экшса; ве пильгизы пецька лангкса, омбоцесь полок лангкса. «Сюк-сюк! бабай!» мери тейтерьнесь. «Сюк аулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў ипилитинь; месть тия якат?» мери Яга-бабась. «Авам банимимь», мери тейтерьнесь. «Азя ушт баня!» мери Яга-бабась. Тейтерьненьть банязы явась, сон мольць Яга-бабаньтинь ёфтама. «Кундамак пильгиды, ускумак баняў, ды парямак комель бельде!» мери Яга-бабась. Тейтерьнесь кундызи Яга-бабаньть

вушка убрала, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги стоитъ печурка. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ печурка, обмажь-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка обмазала печурку, а сама опять пошла. Шла-шла, видитъ—на краю дороги болотце. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ болотце, убери-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» Дѣвушка убрала болотце, обратила его въ родничекъ. Шла-шла дѣвушка, видитъ — стоитъ домикъ. Вошла дѣвушка въ домъ. Въ домѣ баба-яга. Баба-яга за столомъ, одна нога ея на печкѣ, а другая на полатяхъ. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ дѣвушка. «Если бы ты не поздоровалась, отвѣчаетъ баба-яга, я разорвала бы тебя на двое и въ одинъ бы разъ тебя проглотила; чего ты здѣсь ходишь?» «Меня выгнала мать», отвѣчаетъ дѣвушка. «Ступай истопи баню!» говоритъ баба-яга. Истопилась у дѣвушки баня, она пришла сказать объ этомъ бабѣ-ягѣ. «Возьми-ка меня за ноги, тащи меня въ баню, да вспарь меня комелемъ вѣника», приказываетъ баба-яга. Дѣвушка взяла бабу-ягу за руку, привела въ баню, вспарила ее вершиной вѣ-

кетьта, ветези бацяс, лона пельдя паризе, мекеў гудуў ветеза. Яга-бабась таргась покш сундук и мере: «па те сундукуньть, кудуў бачкидят ды пацьцикь». Тейтерьнесь саизи сундукуньть, тусь кудуў. Мольць-мольць, пекь симимазы сась, ванцы—ки бокасы ацци сопзы урядафт лисьминись. «Тейтерьни а тейтерьне, сак симьть ведьнедэн!» мери лисьминись. Тейтерьнесь симьсь кельми ведьнеды, тусь. Мольць-мольць, пекь пекезы вачсь, ванцы—ки бокасы аци сопзы вадьпфьть пецькенесь, пецькенесэньть пары прякат. «Тейтерьни а тейтерьне, сак ярцак прякадын!» мери пецькенесь. Тейтерьнесь ярцась, тусь тага. Мольць-мольць, аци ки бокасы сеянь здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимзь мипикь, минь веси тонь марты мольтяпа», мери тейтерьненьть штафт сеенесь. «Адяды!»[1]) мери тейтерьнесь. Тусь сеянь здадась тейтерьненьть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы— ки бокасы аци ревень здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимизь мипикь, минь веси тонь марты мольтяпа!» мери тейтерьненьть штафт ревенесь.

1) Также: адьды; ср. ниже адиды.

ника, привела назадъ въ домъ. Баба-яга вытащила большой сундукъ и говоритъ: «возьми этотъ сундукъ; когда вернешься домой, отопри его». Дѣвушка взяла сундукъ; пошла домой. Шла-шла; очень ей захотѣлось пить; видитъ — на краю дороги устроенный сю родничёкъ. «Дѣвушка а дѣвушка, подойди выпей моей водицы!» говоритъ родпичёкъ. Дѣвушка выпила холодной водицы и пошла. Шла-шла; очень она проголодалась; видитъ—на краю дороги стоитъ обмазанная сю печурка, а въ печуркѣ хорошіе пироги. «Дѣвушка а дѣвушка,—говоритъ печурка,—подойди, поѣшь моихъ пироговъ». Дѣвушка поѣла и опять пошла. Шла-шла, на краю дороги пасется стадо козъ. «Дѣвушка а дѣвушка! возьми насъ, мы всѣ пойдемъ съ тобою», говоритъ вымытая дѣвушкой козочка. «Идите!» говоритъ дѣвушка. Пошло козье стадо за дѣвушкой. Шла-шла дѣвушка; видитъ—на краю дороги овечье стадо. «Дѣвушка а дѣвушка,—говоритъ вымытая дѣвушкой овечка,—возьми насъ, мы всѣ пой-

«Адяды!» мери тейтерьнесь. Тусь ревень здадась тейтерьненьть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы—ки бокасы ащи скалынь здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимизь минекь, минь веси тонь марты мольтяпа!» мери тейтерьненьть штафт скалнысь. «Адяды!» мери тейтерьнесь. Тусь скалынь здадась как тейтерьненьть мельга. Мольць-мольць тейтерьнесь, ванцы—ки бокасы ащи алашань здада. «Тейтерьни а тейтерьне, саимизь минекь, минь веси тонь марты мольтяпа», мери тейтерьненьть штафт эльденесь. «Адьды!« мери тейтерьнесь. Сась тейтерьнесь кудуў, ветясь ниле стадат; напьцизи тейтерьнесь сундукуньть, сундукусь эпезь золотада. Од аваньть кармась сельмезы сявадума. Сон цавизи соньценѕы тейтереньть, панизе, максcь тенѕы муськимс раужы сумань бракста. Тейтерьнесь муськсь-муськсь сумань бракстаньть, тусь киява молеме. Мусь тейтерьнесь ки бокас вашиязь эльдене. Эльденесь мере: «тейтерьни а тейтерьне, урядамака, моньць как теть пары теян!» — «Мазыян-баран, ды карман урядамут», мери тейтерьнесь. Мусь тейтерьнесь вазыязь згал, сень гак эси шта;

демъ съ тобой».—«Идите!» говоритъ дѣвушка. Пошло овечье стадо за дѣвушкой. Шла-шла дѣвушка, видитъ—на краю дороги коровье стадо. «Дѣвушка а дѣвушка, возьми насъ, говоритъ вымытая дѣвушкой корова, мы всѣ пойдемъ съ тобой».—«Идите!» говоритъ дѣвушка. Шла-шла дѣвушка, видитъ на краю дороги лошадиный табунъ. «Дѣвушка а дѣвушка, говоритъ вымытая дѣвушкой кобыла, возьми насъ, мы всѣ пойдемъ съ тобой».—«Идите!» говоритъ дѣвушка. Пришла дѣвушка домой, привела четыре стада; отперла дѣвушка сундукъ, сундукъ набитъ золотомъ. Мачеха стала завидовать. Она побила свою дочь, погнала ее, дала ей вымыть черную опучу. Дѣвушка мыла-мыла опучу и пошла дорогой. Нашла дѣвушка у дороги ожеребившуюся кобылку. Кобылка говоритъ: «дѣвушка а дѣвушка, вымой-ка меня, и я тебѣ сдѣлаю добро!» — «Я красива и пригожа, да начну тебя мыть!» говоритъ дѣвушка. Встрѣтила дѣвушка отелившуюся корову, и ту она не вымыла; встрѣтила объягнившуюся овечку, и ту она не

мусь леўксыязь ревене, сень гак эси шта; мусь леўксыязь зеене, сень гак эси шта; мусь лазнуфт пецькене, эси вадьне; мусь болотэне, эси уряда. Пачкиць тейтерьнесь Яга-бабаньтинь. «Сюк-сюк, бабай!» мери тейтерьнесь. «Сюк аулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў шлилптинь; месть тияпя лкат?» мери Яга-бабась. «Авам банимимь», мери тейтерьнесь. «Ази ушт баня, ускумак нильгиды баняў, парямак тепцсы комельбельде», мери Яга-бабась. Тейтерьнесь ушсь баня, саизи Яга-бабаньть нильгиды, ускизи баняў, теньцть комельцы кутьмириньы весл пупсизе, нильгиды мекеў гудуў ускизе. Яга-бабась сайсь аксялды сундук, максызи тейтерьнеецьтень ды мерс: «кудуў бачкидят ды панцикь». Тейтерьнесь саизи сундукуньть, тусь. Мольць-мольць, симимазы сась. Мунзи тейтерьнесь лисьмининьть. «Лисьмини а лисьмине! симьдимака», мери тейтерьнесь. «Мазыят-парат ды кармат монь ветьты симиме», мери лисьминись. Тусь тейтерьнесь апак симьть. Мольць мольць, мунзи пецькененть; пекезы тейтерьненьть вачсь, а пець-

---

вымыла; встрѣтила объягнившуюся козочку, и ту она не вымыла; встрѣтила растрескавшуюся печурку, и ту она не обмазала; встрѣтила болотце, и то она не убрала. Дошла дѣвушка до бабы-яги. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ дѣвушка. «Если бы ты не сказала здравствуй,—говоритъ баба-яга,—я разорвала бы тебя на двое, и съѣла бы въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Меня прогнала мать», отвѣчаетъ дѣвушка. «Ступай вытопи баню, тащи меня въ баню за ноги, вспарь меня комлемъ вѣника», приказываетъ баба-яга. Дѣвушка истопила баню, схватила бабу-ягу за ноги, потащила ее въ баню, истыкала всю ея спину комлемъ вѣника, и назадъ домой потащила ее за ноги. Баба-яга взяла изъ подъ скамейки сундукъ, дала его дѣвушкѣ и говоритъ: «когда вернешься домой, отопри его». Дѣвушка взяла сундукъ и пошла. Шла-шла, захотѣлось ей пить. Нашла дѣвушка родничёкъ. «Родничёкъ а родничёкъ! — говоритъ дѣвушка, — напои-ка меня». «Ты красива и пригожа, станешь ты пить мою воду!?» отвѣчаетъ родничёкъ. Ушла дѣвушка не напившись. Шла-шла, нашла печурку; проголодалась

кенесь пряка эзь макст. Мольць-мольць тейтерьнесь, мусь сеянь здада. «Стадыни а стадыне, адя монь марта!» мерп тейтерьнесь. «Мазыят парат ды кармат сея марты молеме», мерп стадынись, «а моляп». Тусь тейтерьнесь. Мунзи тейтерьнесь ревень здаданьть, эзь мольть мартынзы ревень здадась как. Мольць-мольць тейтерьнесь, мусь скалынь здада; эзь мольть мартынзы скалынь здадась как. Мольць-мольць тейтерьнесь, карчинзы алашань здада. Тердези тейтерьнесь алашань здаданьть мартынзы; эзь мольть алашань здадась как. Сась тейтерьнесь кудуў, баньцизи сундукуньть, сундукусь эцезь гулуўда.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат; атянь бабань а эйдест а какшист. Атясь тусь роботама; туимстынза мерп бабанцтый: «мон а карман сёрмат кучпими и тон пля кучне». Аньцяк цёрась тусь, козяйказы

дѣвушка, а печурка не дала ей пирога. Шла-шла дѣвушка, нашла козье стадо. «Стадушко а стадушко, иди со мной!» говоритъ дѣвушка. «Ты красива и пригожа, отвѣчаетъ стадушко, станешь ты идти съ козами!? не пойду я». Ушла дѣвушка. Нашла дѣвушка овечье стадо, не пошло съ ней и овечье стадо. Шла-шла дѣвушка, нашла коровье стадо; не пошло съ ней и коровье стадо. Шла-шла дѣвушка, навстрѣчу ей лошадиный табунъ. Позвала дѣвушка съ собой лошадиное стадо; не пошло и лошадиное стадо. Пришла дѣвушка домой, отперла сундукъ, а сундукъ набитъ золой.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи не было дѣтей. Старикъ ушелъ на работу; уходя онъ говоритъ своей старухѣ: «я не буду посылать тебѣ писемъ, и ты не посылай». Только лишь ушелъ мужикъ, жена его забеременѣла и родила мальчика. Му-

пекеясь и чачсь цёра. Цёрась мольць-мольць, сась спимиаза; комась цёрась спмими лисьмас, а лисьмасыпьть ульнись «Дячка Най-Най». Аньцяк цёрась кармась спмиме, Дячка Най-Най капудизи сонзы сакалды ды мере: «алфтыкь монянь мезьды топьцеть кудысы аздат». Атясь думась-думась и мере: «ды мон веси содасынь, монь мезеп улить кудыса».—«Алфтыкь—мезьды аздат», мерп Дячка Най-Най. Атясь алуфтызе, Дячка Най-Най полдэньзи сакальнза. Атясь куватъ роботась, мельп кармась сыргамы кудуў. Аньцяк атясь пачкиць кудуў, ванцы сонзы ортава лиси одзёра аварьдизь, а мельганзы лисп атяпьть козяйказа, аварьде. Атясь чарькиць, шты сонзы чачсь цёра, и сон апак сода алфтызи Дячка Най-Найнинь. Кармась атясь-как аварьдиме, а тейнемс пеместь, кучумс цёрась Дячка Най-Найнинь эряве. Мольць-мольць цёрась, мусь кудыне, а кудынисыпьть Яга-баба. Су(в)ась цёрэнесь кудынпньтинь ды мере: «Сюк-сюк, бабай!» — «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетепь, вейкеў нилилитинь», мерп Яга-

---

жикъ шелъ-шелъ, захотѣлось ему пить; пагнулся мужикъ къ роднику (чтобы) выпить, а въ родникѣ былъ «Дячка Най-Най». Только лишь сталъ мужикъ пить, Дячка Най-Най схватилъ его за бороду и говоритъ: «обѣщай мнѣ то, чего ты въ своемъ домѣ не знаешь». Старикъ думалъ-думалъ и говоритъ: «да я все знаю, что находится въ моемъ домѣ».—«Обѣщай чего не знаешь», говоритъ Дячка Най-Най. Старикъ обѣщалъ. Дячка Най-Най выпустилъ его бороду. Старикъ долго работалъ, потомъ сталъ собираться домой. Только лишь старикъ дошелъ до дому, видитъ — изъ его воротъ выходитъ парень въ слезахъ, а за нимъ выходитъ старикова жена, плачетъ. Старикъ понялъ, что у него родился сынъ и что, не зная, онъ обѣщалъ его Дячка Най-Наю. Сталъ и старикъ плакать, дѣлать нечего, надо послать сына къ Дячка Най-Наю. Шелъ-шелъ парень, нашелъ домикъ, а въ домикѣ баба-яга. Вошелъ пареньекъ въ домикъ и говоритъ: «Здравствуй, бабушка!»—«Если бы ты не сказалъ здравствуй, говоритъ баба-яга, я разорвала

бабась. «Месть тяя якат?» мери Яга-бабась. «Моли Дячка Най-Найнинь роботниккс», мери цёрась. «А роботавить тонять Дячка Най-Напнь роботатьне», мери Яга-бабась, «азя седи васуў, мусак монь батянь, сон теть ёфты месть теемс». Лиссь цёрэнесь Яга-бабапьть кудыста, тусь тагы молеме. Мольць-мольць цёрэнесь, мусь кудыне, су(в)ась кудынивьтинь. Кудынсыньть Яга-баба. «Сюк-сюк, бабай!» мери цёрэнесь. — «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў пилплитнинь; месть тяя якат?» мери Яга-бабась. «Моляп Дячка Най-Найнянь роботникикс», мери цёрэнесь. «А роботавить теть Дячка Най-Наинь роботатьне», мери Яга-бабась. «Азя муят ищо ве Яга-баба, мишкь покш патяньык; се товафтанзат, месть тейнемс», мери Яга-бабась. Лиссь цёрэнесь Яга-бабаньть кецта, тусь. Мольць-мольць цёрэнесь, мусь колмоцн кудыне; су(в)ась кудынипьтий, кудынсыньть Яга-баба. «Сюк-сюк, бабай!» мери цёрэнесь. «Сюк авулить мерьтьдяря, кафтуў зезелетень, вейкеў пилплитнинь; месть тяя якат», мери Яга-

бы тебя па двое, и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?»— «Я иду въ работники къ Дячка Най-Наю», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная, — говоритъ баба-яга — ступай еще дальше, найдешь мою старшую сестру, опа разскажетъ тебѣ что дѣлать». Вышелъ паренекъ отъ бабы-яги, и пошелъ опять. Шелъ-шелъ парень, нашелъ второй домикъ, вошелъ въ домикъ. Въ домикѣ баба-яга. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ паренекъ.—«Если бы ты не поздоровался, — говоритъ баба-яга,—я разорвала бы тебя па двое и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Я иду въ работники къ Дячка Най-Наю», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная,—говоритъ баба-яга,—ступай еще дальше, найдешь мою старшую сестру, опа разскажетъ тебѣ, что дѣлать». Вышелъ паренекъ отъ бабы-яги, и пошелъ опять. Шелъ-шелъ парень, нашелъ третій домикъ, вошелъ въ домикъ. Въ домикѣ баба-яга. «Здравствуй, бабушка!» говоритъ паренекъ.—«Если бы ты не поздоровался,—говоритъ баба-яга,—я разорвала бы тебя на

бабась. «Тятям алфтыймимь Дячка Най-Найнинь роботникпкс», мери цёрэпесь. «А роботавпть теть Дячка Най-Наинь роботанза; сонзы кардазынзы нерька нилиньгемень голея, весп колеятьнень прясы ломапь брят, ве колея лапкcы арась ломань бря, се лапкс орчаўсы тоиь брят», мери Яга-бабась. Цёрась кармась ризнама. Яга-бабась мере: «иля ризна, азп вапы истямы ведь лапкс, тосы муят — колмы тейтерьть экшелсть, се тейтерьтьпи Дячка Най-Наинь. Ве тейтереньть лемезы Мазый Марья, сонзы панарызы каязь вепеле. Топ заикь Мазый Марьяньть папарынзы ды кекшть мартынзы. Лиситъ тейтерьтьпп вецтэньть, кармить орчнеме, а тон брят иляк нефьть. Покш тейтерьтьни орчеть и тупть, а Мазый Марьясь кадуве. Мазый Марьясь мери: «бути сыри ломань панарум сапзе, покщакс эль бабакс тепь улиза, бути од ломань—ляякс-патякс тепь улиза», а тон брят иляк нефьть. Кода мере: «бути одзёра панарум занзе, полакс тень улиза», сесты листь и максыкь Мазый Марьяньть

двое и проглотила бы тебя въ одинъ разъ; что ты здѣсь ходишь?» «Отецъ обѣщалъ меня Дячка Най-Наю въ работники», отвѣчаетъ парень. «Не сработать тебѣ работъ Дячка Най-Ная; вокругъ его двора сорокъ кольевъ, на всѣхъ кольяхъ человѣчьи головы, только на одномъ колу нѣтъ человѣчьей головы, на нее надѣнетъ онъ твою голову», говоритъ баба-яга. Парень сталъ горевать. Баба-яга говоритъ: «не горюй, ступай вотъ на такую рѣку, тамъ ты найдешь, что купаются три дѣвушки, это дочери Дячка Най-Ная. Имя одной дочери Красивая Марья; ея рубашка брошена въ отдаленіи. Ты возьми рубашку Красивой Марьи и спрячься съ нею. Выйдутъ дѣвушки изъ воды, станутъ одѣваться, а ты не показывай себя. Старшія дѣвушки одѣнутся и уйдутъ, а Красивая Марья скажетъ: «если мою рубашку взялъ старый человѣкъ, пусть онъ будетъ мнѣ дѣдомъ или бабушкой, если молодой человѣкъ, пусть будетъ старшимъ братомъ или старшей сестрой», а ты не показывай себя. Когда она скажетъ: «если мою рубашку взялъ молодой парень, пусть будетъ онъ моимъ мужемъ», тогда

панарыпѕа». Цёрась тусь, мольць-мольць, ванцы ведь, вецэньть экшелсть колмы тейтерьть, кафты тейтерьтьнень банарыст ве тарkаса, а вишка тейтерепьть вепеле. Мольць цёрась, сальызп Мазый Марьяньть панарынѕа, кекшись кальбоц. Лиссть покш тейтерьтне, орчасть, тусть. А Мазый Марьяньть панарышѕы арась. Мазый Марьясь мере: «бути сыри ломань заизи монь банарум, покшакс эль бабакс тень улиза; бути од ломань заизе, лялякс-патякс тень улиза; бути одѕёра саизе, полакс тень улиза». Аньцяк Мазый Марьясь мерьць: «полакс тень улиза», цёрэнесь лисcь, максызи панарыньть. Орчась Мазый Марьясь; тусть Дячка Най-Напньтий. Дячка Най-Найсь мери Мазый Марьяньтий: «андынь, симьдинь, а мон думан, годамы тенѕы робота максумс». Саизп Мазый Марьясь цёрэненьть андызи, симьдизи, оймафтызе. Мельп чиись ломань Дячка Най-Напньть кецта, терьди цёрэненьть Дячка Най-Напньтий. Мольць цёрэнесь Дячка Най-Напньтий; сон деиѕы мере: «мон ули утум

выходи и отдай рубашку Красивой Марьѣ». Парень пошелъ, шелъ-шелъ, смотритъ—рѣка, въ рѣкѣ купаются три дѣвушки, у двухъ дѣвушекъ рубашки въ одномъ мѣстѣ, а у младшей дѣвушки въ сторонѣ. Подошелъ парень, укралъ рубашку Красивой Марьи, спрятался въ тальникахъ. Вышли старшія дѣвушки, одѣлись и ушли. А у Красивой Марьи нѣтъ рубашки. Красивая Марья говоритъ: «если старый человѣкъ взялъ мою рубашку, пусть онъ будетъ мнѣ дѣдушкой или бабушкой; если ее взялъ молодой человѣкъ, пусть будетъ мнѣ старшимъ братомъ—старшей сестрой; если ее взялъ молодой парень, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Лишь только сказала Красивая Марья: «пусть будетъ мнѣ мужемъ», парень вышелъ и отдалъ рубашку. Одѣлась Красивая Марья, и пошли они къ Дячка Най-Наю. Дячка Най-Най говоритъ Красивой Марьѣ: «Накорми и напои его, а я подумаю, какую ему дать работу». Взяла Красивая Марья парня, накормила, напоила, дала отдохнуть. Потомъ прибѣжалъ человѣкъ отъ Дячка Най-Ная, зоветъ парня къ Дячка Най-Наю. Пошелъ парень къ Дячка Най-Наю; онъ ему говоритъ: «у меня есть амбаръ съ просомъ, ступай

бросам, азя лоўнэть зяры зёрна и конёў латкс сёрмадыть, а конёвонть кандыкъ мониянь». Цёрэнесь лиссь Дячка Най-Напньть кецты и аварьдизь дусь Мазый Марьяньтий. «Тон мекс аварьдят?» мери Мазый Марьясь. «Пекь роботаньть апары макссь, а мерьць бути а роботасак, прят керяса«, мери цёрэнесь. «Те роботаньть роботасыпикъ», мери Мазый Марьясь. Макссь Мазый Марьясь цёрэненьтей ашы пацпни и мере: «листь кардазуў, а(в)улдак пацинсыньть пилинь белеў и мерьть: «Дячка Най-Наннь родэпы племанsа, сады лоўнэгкъ утум бросанsа, сёрмадыпгкъ конёў латкс, а конёвоньть максынгкъ мониянь». Лоткась цёрэнесь аварьдимада, сапэп пацинньть и тейсь истя, кода мерьць тепы Мазый Марьясь. Пурнаўсть веси родэпы раськипы Дячка Най-Напньть, лоўнэзь бросань-бросань, сёрмадызь конёў латкс, а конёвоньть максызь sёрэненьтей. Омбоци чиньть стясь цёрэпесь, сапэп конёвоньть, и мольць Дячка Най-Напньтий. Дячка Най-Найсь сапэп конёвоньть и мере: «пурна(в)уды веси роботникип, сайды кшинпь

сосчитай, сколько зеренъ, и запиши на бумагу, а бумагу принеси мнѣ». Парень вышелъ отъ Дячка Най-Пая и съ плачемъ пошелъ къ Красивой Марьѣ. «Ты чего плачешь?» говоритъ Красивая Марья. «Очень нехорошую работу онъ мнѣ далъ,—отвѣчаетъ паренекъ,—и сказалъ, что, если не сработаешь, то срублю твою голову».—«Эту работу мы сработаемъ», говоритъ Красивая Марья. Дала пареньку Красивая Марья бѣлый платочекъ и говоритъ: «выйди на дворъ, махни платочкомъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Пайны родня и племя, придите сосчитайте его амбарное просо, запишите на бумагу, а бумагу дайте мнѣ». Пересталъ паренекъ плакать, взялъ платокъ и сдѣлалъ такъ, какъ ему велѣла Красивая Марья. Собрались всѣ родственники Дячка Най-Пая, сосчитали по просинкѣ, записали на бумагу, а бумагу дали пареньку. На другой день всталъ паренекъ, взялъ бумагу и пошелъ къ Дячка Най-Паю. Дячка Най-Пай взялъ бумагу и говоритъ: «соберитесь всѣ мои работники, возьмите желѣзныя вилы

зяпкт и кепедепкь мопь брован; мон варчтап конёвопьть лапкс». Пурнаўсть весп роботникпе, сайсть кинпиь зяпкт и кепедезь Дячка Най-Напньть брованѕа. Варчтась[1]) Дячка Най-Найсь конёвоньть лапкс и мери цёрэпеньтей: «пе префьпе авуль дошь, а Мазый Марьяньть; роботак тень ищо ве робота — тонафтыкь карцы айгырум!» Цёрэнесь лиссь Дячка Най-Напньть кецты и пеедезь моли Мазый Марьяньтий. «Тон месть пейдят[2])?» кеўксьпи Мазый Марьясь. «Пекь сождя роботаньть тень макссь тятят, карцы айгырынѕы мерьць топафтумада», мери цёрэнесь. «Ведь зопѕы айгырызы сисимь брясы гуй», мери Мазый Марьясь. Тагы кармась ризнамы цёрэнесь. Мазый Марьясь мери цёрэпеньтей: «иля ризна, на ваны те пацпнпньть, листь кардайс, а(в)улдак иплинь белеў и мерьть: Дячка Най-Наипь родэнѕы племапѕы, пурна(в)уды эрейста, тонафтыпкь сопѕы айгырынѕа». Цёрэнесь тейсь истя, кода мерьць тенѕы тейтересь. Дячка Най-Напнь родэнѕы эзезь маря цёрэнепьть вайгпльнть, эсть са. Су(в)ась цёрэ-

1) варштась. 2) пеедят.

и поднимите мои брови; я взгляну на бумагу». Собрались всѣ работники, взяли желѣзныя вилы и подняли брови Дячка Най-Ная. Взглянулъ Дячка Най-Най на бумагу и говоритъ пареньку: «эти мысли не твои, а Красивой Марьи; сработай мнѣ еще одну работу, выучи моего жеребца, стоящаго въ хлѣвѣ!» Паренекъ вышелъ отъ Дячка Най-Ная и улыбаясь идетъ къ Красивой Марьѣ. «Ты чего улыбаешься?» спрашиваетъ Красивая Марья. «Очень легкую работу далъ мнѣ твой отецъ, отвѣчаетъ паренекъ, велѣлъ выучить своего жеребца, стоящаго въ хлѣвѣ». «Вѣдь его жеребецъ семиглавый змѣй», говоритъ Красивая Марья. Опять сталъ горевать паренекъ. Красивая Марья говоритъ пареньку: «не горюй, на вотъ этотъ платочекъ, выйди на дворъ, махни имъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, собирайтесь скорѣе, выучите его жеребца». Паренекъ сдѣлалъ такъ, какъ ему велѣла дѣвушка. Дячка Най-Наина родня не услышала голоса паренька, не пришла. Вошелъ паренекъ съ плачемъ къ Красивой

несь аварьдизь Мазый Марьяньтий. Мазый Марьясь максь тензы кшнинь балка, сисимь бонт сталмуза. Мольць цёрэнесь, сапзи карцты сисимь брясы гуиньть, лифтизи ушуў, озась лангызынзы ласте. Гуись вачкидиньзи лапанза, лифтясь вереў. Варчтась цёрэнесь алуў, а модась неяви аньцяк началгынка. А(в)улдась цёрэнесь кшнянь балкасьпнть, лифтясть гуиньть сисимниск прятьне. Валксь цёрэнесь, мольць Дячка Най-Наиньтий и мере: «топафтьнс». — «Авуль донь брефьпе, не префьпи Мазый-Марьяньть; валцкнс тейть церькова и церьковаиьть эйсты сляппкинь сэдь монь гудыньть вяц; буги валцкис а тееветь, прят керяса», мери Дячка Най-Найсь. Лисcь цёрэнесь и аварлизь моли Мазый Марьяньтий. «Иля аварьть, те тевеньть тейсэнекь», мери Мазый Марьясь. «На те пацининьть, листь кардайс, а(в)улдак нилинь белеў и мерьть: «Дячка Най-Напнь родэнзы племанзы, сады теeгкь церьковаиьть и сэденьть». Сапзи цёрэнесь пацининьть, лисcь кардазуў, а(в)улдась нилинь белеў и мерьць истя, кода топафтызи Мазый Марьясь. Пурнаўсть Дячка Най-Напнь родэнзы

Марьѣ. Красивая Марья дала ему желѣзную палку, вѣсомъ въ семь пудовъ. Пошелъ паренекъ, взялъ изъ хлѣва семиголоваго змѣя, вывелъ его наружу, сѣлъ на него. Змѣй ударилъ своими крыльями, полетѣлъ на верхъ. Взглянулъ паренекъ внизъ, а земля кажется ему точно сковорода. Махнулъ парень желѣзной палкой, полетѣли у змѣя семь головъ. Слѣзъ паренекъ, пошелъ къ Дячка Най-Наю и говоритъ: «я выучилъ его».—«Это не твои выдумки, это выдумки Красивой Марьи; завтра рано утромъ построй церковь и отъ церкви до моего дома стеклянный мостъ; если утромъ не будетъ готово, срублю тебѣ голову». Вышелъ паренёкъ и съ плачемъ идетъ къ Красивой Марьѣ. «Не плачь,—говоритъ Красивая Марья,—мы сдѣлаемъ это дѣло; возьми этотъ платочекъ, выйди на дворъ, махни имъ на четыре стороны и скажи: Дячка Най-Наины родня и племя, придите постройте церковь и мостъ». Взялъ паренёкъ платочекъ, вышелъ на дворъ, махнулъ имъ на четыре стороны и сказалъ такъ, какъ научила его Красивая Марья. Собрались Дячка Най-Наины родственники,

раськинэа, теезь церькованьть и сэденьть и тусть. Омбоци чиньть цёрэнесь стясь, ваньцы и церьковась и сэдесь аньнкт, тусь Дячка Най-Наиньтий. Су(в)ась цёрэнесь Дячка Най-Наиньть кудыс и мерс: «и церьковась и сэдесь аньнкт». «Неть авуль донь брефьне, не префьни Мазый Марьяньть; мон дейсэнь колмонеск тейтерен ве понасы колмы гулькининкс, тон зодэкь юткстыст Мазый Марьяньть». Мольць цёрэнесь Мазый Марьяньтинь и мере: «тятят тейтядызь тынкь ве понасы гулькининкс и моняньть эряват тон зодамс». — «Кода карматана минь глюкама, а мон и те гулькининьть клюкатьца и тонань глюкатьца; тон монь и содамак». Омбоци валцкиньть терьдезь цёрэненьть Дячка Най-Наиньтий. Су(в)ась цёрэнесь, а княкс купчкасы колмы гулькинить просэнеды клюкить. Дячка Най-Наись мере: «содэкь Мазый Марьяньть», а ве гулькинись и тень глюкатьцы и тонань. Цёрэнесь нефьтези клюкаицяньть и мере: «ваны те Мазый Марьясь».—«Не префьни авуль донь, а Мазый Марьяньть», мери Дячка Най-Наись. Мельи терьдези цёрэненьть Дячка Най-Наись и мере: «тейсэнь веси тей-

---

построили церковь и мостъ и ушли. Утромъ всталъ паренёкъ, видитъ—и церковь и мостъ готовы, и пошелъ къ Дячка Най-Наю. Вошелъ парень къ Дячка Най-Наю въ домъ и говоритъ: «и церковь и мостъ готовы». «Это не твои выдумки, это выдумки Красивой Марьи; я обращу моихъ трехъ дочерей въ трехъ голубокъ одного цвѣта, ты узнай между ними Красивую Марью». Пошелъ паренёкъ къ Красивой Марьѣ и говоритъ: «твой отецъ обратитъ васъ въ голубокъ одного цвѣта, и мнѣ надо будетъ тебя узнать».— «Когда мы будемъ клевать, я клюну и ту голубку и эту, ты меня и узнаешь». На другое утро позвали паренька къ Дячка Най-Наю. Вошелъ паренёкъ, а по серединѣ пола три голубки клюютъ просо. Дячка Най-Най говоритъ: «узнай Красивую Марью», а одна голубка и клюетъ то ту, то другую. Паренёкъ показалъ на ту, что клюетъ, и говоритъ: «вотъ это Красивая Марья».—«Не твои это выдумки,—говоритъ Дячка Най-Най,—а Красивой Марьи». Потомъ Дячка Най-Най позвалъ парня и говоритъ: «я обращу всѣхъ своихъ

терен ве понасы тейтерькс; бути содасак юткстыст Мазый Марьяньть, улизы теть козяйкакс». Мольць цёрэнесь Мазый Марьяньтий и мере: «тятят тейгядызь дыгкь ве понаса, и монянь юткстыгк эряват тон содамс; сесты тонь макстанѕат монянь гозяйкакс». — «Мон буты карва паняи чамастын, содамак», мери тейтересь. Терьдезь ѕёрэненьть Дячка Ний-Напньтий, а сонѕы тейтеронѕы ацить столекшсы, веси ве понасыт. «Содэкь Мазый Марьяньть», мери Дячка Най-Напсь. Се шканьть ве тейтерь чаманѕы нацинисы нардызе. Цёрэнесь чарькиць и мере: «ваны те Мазый Марьясь», пефьтези чама нардый тейтереньть. Дячка Най-Найсь мери цёрэненьтей и Мазый Марьяньтий: «азяды су(в)ады тыньцигкь теефьть церькованьтинь, тоск удыды те веньть, а валцки мон молян и венчатадызь». Мольцьть цёрэненьть марты Мазый Марьясь церькованьтий, су(в)асьть, Мазый Марьясь и мере: «ведь вандый дятям миникь пряньк керясыньѕе, эряви оргодемс». Мазый Марьясь путызи поцты круканьть, кадызи валь-

---

дочерей въ одинаковаго вида дѣвушекъ; если узнаешь среди нихъ Красивую Марью, пусть будетъ она тебѣ женой». Пошелъ паренёкъ къ Красивой Марьѣ и говоритъ: «твой отецъ сдѣлаетъ васъ одинаковыми, и мнѣ надо будетъ узнать тебя между вами; тогда онъ отдастъ тебя мнѣ въ жены».—«Я будто муху смахну съ лица, ты меня и узнай», говоритъ дѣвушка. Позвали пареньха къ Дячка Най-Наю, а дочери его сидятъ за столомъ, всѣ одного вида. «Узнай Красивую Марью», говоритъ Дячка Най-Най. Въ это время одна дѣвушка вытерла свое лицо платочкомъ. Паренёкъ замѣтилъ и говоритъ: «вотъ эта Красивая Марья», и показалъ дѣвушку, вытеревшую лицо. Дячка Най-Най говоритъ парню и Красивой Марьѣ: «ступайте, войдите въ сдѣланную вами церковь, тамъ ночуйте эту ночь, а утромъ я приду и повѣнчаю васъ». Пошелъ паренёкъ съ Красивой Марьей въ церковь, вошли они, Красивая Марья и говоритъ: «вѣдь завтра отецъ намъ срубитъ головы, надо бѣжать». Красивая Марья наложила изнутри крюкъ, и оста-

ма лангкс кольцяпзы ды пацяпза; сыньць лиссть вальмава и оргоцьть. Стясь валцкп Дячка Най-Найсь, терьдезп сыри работникинзы и мере: «азя од зерьковапьтинь и Мазый Марьяньть цёрэнепьть марты терьдеть монянь зюкупяма». Мольць сыри роботьнекесь, кенгкш удалы пижне: «Мазый Марья и цёрэне, адяды тятянгк туртуў зюкупяма!» А пацпяпьть марты кольцясь мереть карчпизы: «пейкь мольтяна тятяпык туртуў зюкуняма». Учпсь-учпсь Дячка Най-Найсь, а сыть. Кучизп сыри роботникиньть омбоцеда. Омбоцеды-як эсть учуфт. Сесты чарькиць Дячка Най-Найсь, шты сынь оргоцьть. Мольць Дячка Най-Найсь, лжиньзе церькова кенгкшнень, калафпизп церьковапьть, а тосы ки-як арась; аньцяк пацяпьть марты кольцясь ацить вальмалангкса. Дячка Най-Найсь мере: «пурпа(в)уды, веси роботникин, ардыды, сасьнгкь Мазый Марьяпьть марты цёрэпепьть». Роботпекне пурнаўсть; кона тенцть лангкс озась, кона сянгты лангкс, кона грабля лангкс, папустясть. Арцьть-арцьть, эль сасасызь

вила на окошкѣ кольцо свое и платокъ; они вышли въ окошко и бѣжали. Всталъ утромъ Дячка Най-Най, позвалъ стараго своего работника и говоритъ: «иди въ новую церковь и позови Красивую Марью съ паренькомъ поздороваться со мной». Пошелъ старый работникъ и кричитъ за дверью: «Красивая Марья и паренёкъ, идите поздороваться съ отцомъ!» А платочекъ вмѣстѣ съ кольцомъ говорятъ въ отвѣтъ: «сейчасъ придемъ поздороваться съ отцомъ». Ждалъ-ждалъ Дячка Най-Най, не идутъ они. Послалъ въ другой разъ стараго работника. И въ другой разъ ихъ не дождались. Тогда Дячка Най-Най понялъ, что они бѣжали. Пошелъ Дячка Най-Най, разбилъ церковную дверь, разрушилъ церковь, а тамъ нѣтъ никого; только платочекъ съ кольцомъ лежатъ на окошкѣ. Дячка Най-Най говоритъ: «соберитесь, всѣ мои работники, скачите, поймайте Красивую Марью вмѣстѣ съ паренькомъ». Работники собрались; кто сѣлъ на метлу, кто на вилы, кто на грабли, и пустились бѣжать. Скакали-скакали, чуть не догоняютъ Красивую

Мазый Марьянь марты цёрэненьть. Мазый Марьясь маринь тятяньзы роботникинь и мери цёрэненьтей: «мон дееван церьковакс, а топ попокс, кода сыть тятянь роботнекне и кармить кеўкьсьнемат миньдедэнэк, мерьть карчист: мон зярдыя уш тесан, а тия ютыцят эзень некь». Теесуть Мазый Марьясь церьковакс, а цёрэнесь попокс. Арцьть Дячка Най-Наиньть роботники[1]) церькованьть виц, су(в)асть церькованьтинь и кеўкьсьнеть попоньть, эсть юта ли китькак. Попось мере: «зярдыя уш мон десан, а тия ютыцят эзень некь». Веляўсть Дячка Най-Наиньть роботнекни мекеў, а церькованьть марты попось теевсть тагы Мазый Марьякс ды церэнекс ды тусть тагы чиимe. Састь Дячка Най-Наиньть роботнекни кудуў и мереть: «мези-як эзенекь мукшна, аньцяк мукшнынекь церькова и церьковасыньть поп». — «Тынь мекс церькованьть марты попоньть эзенкь сайть, ведь се Мазый Марьяньть марты цёрэнесь ульнесть», мери Дячка Най-Наись. Напустясть тагы Дячка Най-Наиньть роботнекне. Арцьть-арцьть, а

1) роботнекне.

Марью вмѣстѣ съ паренькомъ. Красивая Марья услыхала отцовыхъ работниковъ и говоритъ пареньку: «я сдѣлаюсь церковью, а ты (сдѣлаешься) попомъ; какъ подойдутъ отцовы работники и начнутъ спрашивать тебя о насъ, скажи имъ въ отвѣтъ: — я давно уже здѣсь, и не видѣлъ тутъ проходящихъ». Сдѣлались Красивая Марья церковью, а паренёкъ попомъ. Прискакали Дячка Най-Наины работники къ церкви, вошли въ церковь и спросили попа: «не проходилъ ли кто-нибудь?» Попъ отвѣчаетъ: «я уже давно здѣсь, и не видѣлъ тутъ проходящихъ». Вернулись Дячка Най-Наины работники обратно, а церковь и попъ сдѣлались опять Красивой Марьей и паренькомъ, и пустились опять бѣжать. Пришли Дячка Най-Наины работники домой и говорятъ: «мы ничего не нашли, но только нашли мы церковь и въ церкви попа». — «Зачѣмъ вы, говоритъ Дячка Най-Най, не схватили церковь и попа, вѣдь это были Красивая Марья и паренёкъ». — Опять пустились въ погоню Дячка Най-Наины работники. Скакали-скакали; ни

церькова а поп, аньцяк мусть кинь гафты бокава кафты тьветкенеть; тьветкенетьнень гейкьстезь. Тьветкенетьпи мереть: «минь дупдынь васинь цини напьцпнинкь, а тия ютыцят эзепекь некь». Веляўсть мекеў роботпекне, ёфтасть Дячка Най-Наиньтий, а сон дест мере: «тьняигк сеземальть тьветкатьне, сеть ульнисть Мазый Марьяньть марты цёрэнесь. Ашкать моньць молян!» Озась Дячка Най-Найсь човарц, сайсь панимкакс петькель и напустясь Мазый Марьяньть марты цёрэнеть сасама. Мазый Марьясь марясы—тятязы ардэ, тееўсь эрькенекс, а цёрэненьть теези уткинекс. Арць ваксызыст Дячка Най-Найсь, чарькиць, шты эрькенесь Мазый Марьясь, а уткинсь цёрэнесь, аньцяк а сапвить; сон азпысь-азпысь эйсэст, веляўсь мекеў. Састь Мазый Марьяньть марты цёрэнесь цёрэненьть тятяццтый, а цёрэненьть тятязы кудысы свадьба. Мазый Марьясь мери цёрэненьтей: «мон визьдян кудыс сувамун, азя васия топ зу(в)ак; аньцяк вант, иля мак стуфт; весень балцить а вишка сазырныт иляк пала, ата

церкви, ни попа, нашли они только по обѣимъ сторонамъ дороги два цвѣточка; они спросили у цвѣточковъ. Цвѣточки отвѣчаютъ: «мы зацвѣли въ первый день весны, и не видѣли тутъ проходящихъ». Вернулись обратно работники, разсказали Дячка Най-Наю, а онъ имъ говоритъ: «вамъ надо было сорвать цвѣточки, это были Красивая Марья и паренёкъ. Ну-ка я самъ поѣду!» Сѣлъ Дячка Най-Най на ступу, взялъ какъ погонялку, пестъ и пустился догонять Красивую Марью и паренька. Красивая Марья замѣтила, что скачетъ отецъ, сдѣлалась озёркомъ, а паренька обратила въ уточку. Прискакалъ къ нимъ вплотную Дячка Най-Най, понялъ, что озёрко—это Красивая Марья, а уточка—это паренёкъ, но однако ихъ нельзя взять,—онъ клялъ ихъ, клялъ и вернулся назадъ. Пришли Красивая Марья и паренёкъ къ его отцу, а въ домѣ отца паренька свадьба. Красивая Марья говоритъ пареньку: «я стыжусь войти въ домъ, ступай спачала ты, войди, но смотри, не забудь меня; всѣхъ поцѣлуй, а маленькую сестренку свою не цѣлуй, а то забудешь меня». Вошелъ паренёкъ въ домъ, узнали его

стуўсамак». Су(в)ась цёрэнесь кудыс, сопяы весп содэзь, раду(в)асть, соп гармась весень балцпмаст, аньцяк вишка сазырпыпяы а палэ. Вишка сазырпысь мере: «ляляй, а монь мекс а палясамак?» Цёрась думазнўсь: «паряк а стуўса Мазый Марьяпьть, палапьдяряса вишка сазырум». Палызе — стуфтызп Мазый Марьяпьть. А родьпятьпп цёрэнепьтепь пстя раду(в)асть, шты думасть урьвакстуманяа; мусть мазый дейтерь гозяйкакс, озафтызь яёрэнепьть ваксс, кармасть симиме. А Мазый Марьясь теєўсь гулькпипкс, валксь се вальмапьть алуў, гонапь гарчы ульпись озады цёрэпесь, ды морэ: «васпьцпньть стуфтызе, васпьцпньть стуфтызе». Цёрась марясы гулькппипьть морамуда, а сопьць а чарькиде. Гулькппись лпфтясь вальмапьть эйсты п валксь лисьма паймп лапгкс п теєўсь мазый дейтерькс. Лиссь цёрапьть покш сазырызы вец, кармась лисьмастыньть амульдимп ведь, пеезп лисьмастыньть Мазый Марьяньть сультпньть; ёртэзп курьцяпьть тейтересь, тусь кудуў. «Топ мекс ведь эзеть капт?» кеўкьсьтезь дейтерспьть. «Мазыяп барап ды кармап ведень гаплиме!» мерп тейтересь. Ку-

---

всѣ, обрадовались, а онъ сталъ всѣхъ цѣловать, но, только не цѣлуетъ маленькую свою сестрёнку. Маленькая сестрёнка спрашиваетъ: «старшій братецъ, а меня почему ты не поцѣловалъ?» Парень подумалъ: «можетъ быть, я не забуду Красивой Марьи, если поцѣлую маленькую мою сестрицу»; поцѣловалъ ее—забылъ Красивую Марью. А родные такъ обрадовались пареньку, что задумали женить его; нашли ему въ жены красивую дѣвушку, посадили ее около паренька и начали пить. А Красивая Марья обратилась въ голубку, опустилась подъ тѣмъ окошкомъ, противъ котораго сидѣлъ паренёкъ, и поётъ: «первую ты позабылъ, первую ты позабылъ». Парень слышитъ пѣніе голубки, но онъ самъ не догадывается. Голубка вылетѣла изъ окошка, опустилась у сруба колодца и обратилась въ красивую дѣвушку. Вышла старшая сестра паренька по воду, начала черпать изъ колодца воду, увидѣла въ колодцѣ тѣнь Красивой Марьи; бросила дѣвушка коромысло, пошла домой. «Ты отчего не принесла воды?» спросили дѣвушку. «Я хо-

чизи вец цёраньть од цилинь батяньть. Мольць од цилинь батясь, варчтась лисьманьтинь, неези тосты Мазый Марьяньть сультиньть, и сон цалы—се сонsы сультнсь, ёртэзи курьцяньть, су(в)ась кудыс. «Тон мекс ведь эзеть кант?» кеўксьтезь цилинь батяньть. «Мазыян барап ды кармап ведень гандума», мери чиянь батясь. Лисcь ведень амульдими соньць цёрэнесь; варчтась лисьмань тинь, неези Мазый Марьяньть сультиньть и содэзе; варчтась вереў, а Мазый Марьясь лисьма пайми пряса. Цёрась веньцтези курьцяньть, валщтызи Мазый Марьяньть, су(в)ась мартынsы кудыс и мере: «монь ваны чиянь батям, мон зонsы стуфтыкшиыпе». Кода неезь Мазый Марьяньть цёраньть родынятьне, патай сельмест конезь, уш пек мазый. Цёрась веньчась Мазый Марьяньть марта.

Ёўкс.

Эрясь ащись ве ломань, ведун; урьваксь се ломанись и козяйкакс сайсь ведун дейтерь. Тусь цёрась базаруў. А козяйканьть

роша и пригожа, да стану я воду носить!» отвѣчаетъ дѣвушка. Послала она по воду невѣсту паренька. Пошла молодая невѣста, посмотрѣла въ родникъ, увидѣла тамъ тѣнь Красивой Марьи и подумала, что это ея собственная тѣнь, бросила коромысло, вошла въ избу. «Ты отчего не принесла воды?» спросили невѣсту. «Я красива и пригожа, да стану я воду носить», отвѣчаетъ невѣста. Вышелъ зачерпнуть воды самъ паренёкъ; посмотрѣлъ въ колодезь, увидѣлъ тѣнь Красивой Марьи и узналъ ее; посмотрѣлъ на верхъ, а Красивая Марья на вершинѣ колодезнаго журавля. Парень потянулъ коромысло, спустилъ Красивую Марью, вошелъ вмѣстѣ съ нею въ избу и говоритъ: «вотъ моя невѣста, я было забылъ её». Какъ увидѣли Красивую Марью родные парня, то даже зажмурили глаза, ужъ больно красива. Парень повѣнчался съ Красивой Марьей.

Сказка.

Жилъ былъ одинъ человѣкъ, колдунъ; женился этотъ человѣкъ и взялъ въ жены дѣвушку колдунью. Пошелъ мужикъ на базаръ.

ульнись вечкемаза; сон дерьдезн вечкеманьть, ды симить-ярцыть. Ащнпь цокшни сась базарцты мирьдись, варчтась вальмава, а козяйкась вечкеманзы марты сими-ярцэ. Вечкемась неезн мирьдипьть и мерн аваньтпй: «кин бути вальмава ванэ». — «Мон зодаса!» мерн авась; соньць сайсь локша, лиссь ушуў, вачкидизи мирьдипьть локшесэньть и мере: «тонять а(в)уль ломанпкс улимс, а тюжа кискакс!» Цёрась тееўсь тюжа кискакс. Ашилгаць. Лия кискатьнп неезь дюжа кисканьть п кармасть сонзы сезьнеманза. Тюжа кискась тусь кинява ардума; арць-арць, ванцы—пастухт стада ваныть, сон мольць пастухнинипь. Пастухни раду(в)асть, шты киска тест недясь, андызь, зимьдизь. Кискась кармась пастухнипь марты стада вапума; ванць истя парьцьте, шты пастухнинипь тейнемс как ульпись неместь. Пастухни ванцызь—гискась ськамунзы-як стаданьть ванцэ, п паксяў эсть карма якама. Вешкапи кискась ваны стаданьть, а пастухни кабаксыт. Мольць се кабакыньтипь купець и мере: «моняпь вередемьсь ор, эрьва вени

А у жены его былъ любовникъ; она позвала любовника, и они пьютъ-ѣдятъ. Вечеромъ поздно вернулся съ базара мужъ, посмотрѣлъ въ окошко, а жена со своимъ любовникомъ пьетъ и ѣстъ. Любовникъ увидѣлъ мужа и говоритъ женщинѣ: «кто это смотритъ въ окошко?»—«Я знаю!» говоритъ женщина; сама взяла плётку, вышла наружу, ударила мужа плёткой и говоритъ: «тебѣ быть не человѣкомъ, а желтой собакой!» Мужикъ сталъ желтой собакой. Разсвѣло. Другія собаки увидѣли желтую собаку и начали ее рвать. Желтая собака побѣжала вскачь по дорогѣ; скакала-скакала; видитъ—пастухи пасутъ стадо; она пошла къ пастухамъ. Пастухи обрадовались, что къ нимъ пристала собака, накормили и напоили ее. Собака стала стеречь стадо вмѣстѣ съ пастухами; стерегла такъ хорошо, что пастухамъ было нечего дѣлать. Пастухи видятъ, что собака и одна устережетъ стадо, и не стали ходить въ поле. Однажды собака стережетъ стадо, а пастухи въ кабакѣ. Пришелъ въ тотъ кабакъ купецъ и говоритъ: «ко мнѣ присталъ

сакшнэ». — «Кабу тонять мпнпкь кискась», мерeть пастухнп п ёфнезь, годамы сьшцт кпскаст. Купецесь кармась кискапьть рамсиме. Пастухнинь а мелест ульнпсь мпнмс кпскапьть, а купецепьть ярмакпп мапнзь. Рамизи купецесь кпскапьть, ветезп кудуў. Сась ве. А се купецепьтей якась салама самай дюка кпскапьть ведун гозяйкась. Тюжа кпскапьть козяйкась сась, су(в)ась купецепьть кудыс, кармась купецепьть ярмак сундукупьть сапме. Тюжа кпскась каяўсь козяйканьть лапкс, нельгезп ярмак сундуккпньть, мацъ лапгызыпэа. Сгясь валцкп купецесь, вапцы ярмак сундуккись арась, мольць, тюжа кпскапьть кучкырдызи п мере: «кпска рамипь, а ярмакпшь ялы текп салызь!» Апьцяк купецесь кпскапьть кучкырдызе, ярмак сундукупьть пеезе. Колмы веть удысь тюжа кпскась купецепьть кеца, колмксть нельгеньэп козяйканэы кецты купецепьть ярмакнинь. Козяйкась лоткась купецепьтей якама салама.—Инязыравась чачпсь кафты цёрат, каўписк цёратьпи юмасть веть. А сьшцт салыньэп тюжа кпскапьть козяйкась. Инязыравась тагы чачтума лапкса. Иизырысь марясь

воръ, ходптъ каждую почь».—«Кабы тебѣ да наша собака», говорятъ пастухи п разсказали, какая у нихъ собака. Купецъ началъ покупать собаку. Пастухамъ не хотѣлось продавать собаки, но купцовы деньги смутили ихъ. Купилъ купецъ собаку, привелъ домой. Пришла почь. А къ этому купцу пришла воровать какъ разъ колдунья, жена желтой собакп. Жена желтой собаки пришла, вошла въ домъ купца, стала брать купцовъ сундукъ съ деньгами. Желтая собака кинулась на жену, отняла сундучокъ съ деньгами, легла на него. Всталъ утромъ купецъ, видитъ, что нѣтъ сундучка съ деньгами, пихнулъ желтую собаку и говоритъ: «я купилъ собаку, а деньги всё равно украли!» Только лишь купецъ пихнулъ собаку, онъ увидѣлъ сундукъ съ деньгами. Три ночи спала желтая собака у купца, три раза отнимала у своей жены купцовы деньги. Жена перестала ходить воровать къ купцу.— Царица родила двухъ сыновей, оба сына пропали ночью. А ихъ украла жена желтой собаки. Царица опять на сносяхъ. Царь

тюжа кискадыньть, мольць купеценьтей, сапзи тюжа кисканьть. Купецесь амельцы максызи тюжа кисканьть. Инязыравась чачсь цёра. Тюжа кисканьть козяйкась мольць цёраньть салама веть. Аньцяк су(в)ась тюжа кисканьть козяйкась инязырыньть кудыс, и сапзи инязырыньть колмоцекс цёранѕа, тюжа кискась кода каявс, нельгезп пакшаньть. Стясть валцке, ванцызь бакшась кияяс купчкасы кисканьть бермаса. Царись сапзи цёраньть и мере тюжа кисканьтий: «улилить дяря ломань, пелепѕы царствам максылини тетъ». Кисканьтинь бары ульнись эрямусь инязырыньть кеца, аньцяк тошна сапзи козяйканѕы киса. Оргоць тюжа кискась инязырыньть кеита, арць соньценѕы велеў, мольць соньценѕы вальмалуў, варштась вальмава, а козяйкась тагы вечкеманѕы марты сими-ярцэ. Вечкемась неезп тюжа кисканьть и мере: «вальмава кипбути ванэ». — «Мон зодаса», мери тюжа кисканьть козяйкась. Лисесь тюжа кисканьть козяйкась, вачкидизи тюжа кисканьть локшеса; тееўсь тюжа кискась озязыкс. Куватъ тюжа кискась лиф-

---

услыхалъ о желтой собакѣ, пошелъ къ купцу, взялъ желтую собаку. Купецъ нехотя отдалъ желтую собаку. Царица родила сына. Жена желтой собаки пришла ночью украсть сына. Но лишь только жена желтой собаки вошла въ царёвъ домъ и взяла третьяго царёва сына, желтая собака какъ кинется, и она отняла ребенка. Встали утромъ, видятъ, что ребенокъ лежитъ посреди пола въ объятіяхъ собаки. Царь взялъ сына и говоритъ желтой собакѣ: «если бы ты была человѣкомъ, я далъ бы тебѣ половину моего царства». Хорошо было житьё собакѣ у царя, однако соскучилась она по своей женѣ. Убѣжала желтая собака отъ царя, прискакала въ свое село, пришла къ своему окну, посмотрѣла въ окно, а жена опять пьетъ-ѣстъ со своимъ любовникомъ. Любовникъ увидѣлъ желтую собаку и говоритъ: «кто-то смотритъ въ окно».—«Я знаю его», отвѣчаетъ жена желтой собаки. Вышла жена желтой собаки, ударила желтую собаку плёткой; сдѣлалась желтая собака воробьемъ. Долго летала желтая собака воробьемъ. Потомъ женѣ стало скучно по

ипсь озязыкс. Мельп козяйкапѕы кисыпѕы тошпа сапзе. Мольць козяйкась вирпў, тейсь клеткене, каясь клеткепеньтень ямкскить п витпзе. Лифьппсь-лифьппсь мирьдись озязыкс, пекезы вачсь. Лифтясь озязысь се вирьпиьтипь, муизп клеткепеньть, су(в)ась ямксиды клюкамы п поигксь. Мольць козяйкась, сапзп клеткапьть, таргпзп клеткастыпьть мирьдппьть, теезп ломапикс п мере: «адя кудуў, сапть каськасты ппязырыньть кафты васипь ѕёрапѕы п вететь тепѕа». Цёрась мольць козяйкапѕы марты кудуў, саппьѕп ппязырыньть кафты васипь ѕёрапѕа, тусь мартыст ппязырыньтипь. Ипязырысь кода пеепьѕп покш цёрапѕы, а ёфтави-як, кода радувась, п цёрапьть ветецяст казизп седп парьцьтп пекоў. Цёрась саппьѕи ярмакнипь, сась кудуў п мере: «ну, бабась, пей ярмакыпык лама!» — «Дай, атясь, путтапа кевень гуда и карматапа пичипь[1]) микшпиме», мерп бабась. Атясь козяйкапьть парьгамуньть эсп стуфт п мере: «теефьть, бабась, карий эльдекс; моп кеўпекь-брусиыкь топь эйсы ускисыпь». Апьцяк цёрась пстя

1) брусынь.

мужѣ. Пришла жена въ лѣсъ, сдѣлала клѣточку, накидала въ клѣточку пшена и поставила ее для ловли. Леталъ-леталъ мужъ воробьемъ, проголодался. Прилетѣлъ воробей въ этотъ лѣсокъ, нашелъ клѣточку, вошелъ поклевать зёрнушки и попался. Пришла жена, взяла клѣтку, вытащила изъ клѣтки мужа, сдѣлала его человѣкомъ и говоритъ: «ступай домой, возьми изъ подполья обоихъ первыхъ сыновей царя и отведи ему». Мужикъ пришелъ съ хозяйкой домой, взялъ обоихъ первыхъ сыновей царя и пошелъ съ ними къ царю. Когда царь увидалъ старшихъ сыновей, не разскажешь, какъ онъ обрадовался, и одарилъ приведшаго ихъ мужика какъ лучше нельзя. Мужикъ взялъ деньги, пришелъ домой и говоритъ: «ну, старуха, теперь у насъ много денегъ!»—«Давай, старикъ,—говоритъ старуха,—построимъ каменный домъ и будемъ продавать брусья». Старикъ не позабылъ женина мученія и говоритъ: «сдѣлайся, старуха, карей кобылой; я перевожу на тебѣ и камни и брусья». Лишь только такъ сказалъ мужикъ—онъ былъ колду-

мерьць, — сон ведуп ульпсь, — козяйкась теейсь карий эльдекс. Атясь кильдизи бабаньть, кармась кевень ускспме. Ускспсь-ускспсь атясь кофьть карий эльцэньть, пуць кевень гуда. Путуўсь кудысь, атясь кильдизи карий эльденьть, кармась брусынь ускспме. Ускспсь-ускспсь атясь бруст, зярыя ускскись. Кода кардазысь пешкець бруста, атясь мере: «пей, бабась, теефьть тагы авакс». Аньцяк атясь пстя мерьць, карий эльдесь теейсь авакс. Авась нарьгпзп цёраньть, цёрась как аваньть парьгизе. Ней авась ялы пачалкспть пани ды мирьдинзы андэ, а мирьдись ялы бруст микшпе; пачкпньбачк эреть.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атянь бабань а эйдест, а какшист. Кармась атипись сыргамы паксяў зокама. Бабась мере: «атясь а ятясь, керяка пенкть!» Кармась атясь пенгень геряма, керези

номъ, жена сдѣлалась карей кобылой. Старикъ запрягъ старуху и началъ возить камни. Возилъ-возилъ старикъ камни на карей кобылѣ, построилъ каменный домъ. Когда домъ былъ готовъ, старикъ заложилъ карюю кобылу и сталъ возить брусья. Возилъ-возилъ старикъ брусья, много навозилъ. Когда дворъ наполнился брусьями, старикъ говоритъ: «Теперь, старуха, сдѣлайся опять женщиной». Лишь только онъ такъ сказалъ, карая кобыла сдѣлалась женщиной. Женщина поучила мужика и мужикъ поучилъ также женщину. Теперь женщина все печетъ блины и кормитъ своего мужа, а мужъ все продаетъ брусья; живутъ они отлично.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи не было дѣтей. Старикъ сталъ собираться въ поле пахать. Старуха говоритъ: «старикъ а старикъ, парубика-ка дровъ!» Сталъ старикъ рубить

пельканѕа. «Бабась, коў дейсэпскь? бабась, коў дейсэпскь?» пижни атясь. — «Дай! дай! дей варякшкис!» Тусь атясь паксяў, а бабинсь путызи пелькапьть варякшкис и кармась пачалксишь бапиме. Папиньsи бабинсь пачалкситьпинь ды мере: «Улильдяря цёрэпемь, кучиляни бу пачалксинь гандума, а пей пе кинь гучумс». Пелькенесь марпзи бабинпиьть и мере: «бабай, дай, мон молян!» Бабинсь радувась и мере: «азя-азя!» Скокаць варякшкисты пелькенесь, сапиьsи пачалкситьпинь и тусь кандумаст атяньтий. Мольць пелькенесь атяньть удалуў и серьс: «покщай, па пачалксить!» Атясь варчтась, кп-як арась; варчтась алуў, пкилипsы пачалксп стопа. Сапиьsи атясь пачалкситьпинь, а пачалкситьпинь алы пелькенс. Пелькенесь мере: «покщай, доп ярпак, а мон гарман зокама». Атясь радувась. озась ярпама, а пелькенесь кармась сокама. Соки пелькенесь ды морэ. Юты бояр вакскаст; ванцы боярысь— ломапь зоканьть удалы арась, а морама маряве. Боярысь мере: «покщай, зе мекс сокась морэ?» — «Се авуль зокась морэ,

---

дрова, отрубилъ свой палецъ. «Старуха, куда мы его дѣнемъ, старуха, куда мы его дѣнемъ?» кричитъ старикъ.—«Дай! дай! сюда въ печурку!» Поѣхалъ старикъ въ поле, а старушка положила палецъ въ печурку и начала печь блины. Испекла старушка блины и говоритъ: «если бы у меня былъ сынокъ, я послала бы его отнести блины, а теперь некого послать». Пальчикъ услышалъ старушку и говоритъ: «бабушка, дай, я пойду!» Старушка обрадовалась и говоритъ: «ступай-ступай!» Выскочилъ пальчикъ изъ печурочки, схватилъ блины и пошелъ отнести ихъ старику. Подошелъ пальчикъ къ старику сзади и кричитъ: «дѣдушка, на блины!» Старикъ оглянулся, нѣтъ никого; взглянулъ внизъ, передъ нимъ стопка блиновъ. Взялъ старикъ блины, а подъ блинами пальчикъ. Пальчикъ говоритъ: «Дѣдушка, ты ѣшь, а я буду пахать». Старикъ обрадовался, сѣлъ ѣсть, а пальчикъ сталъ пахать. Пашетъ пальчикъ и поетъ. Проходитъ около нихъ баринъ; видитъ баринъ — за сохой нѣтъ человѣка, а пѣніе слышится. Баринъ говоритъ: «старикъ, что это соха поетъ?» — «Это не соха поетъ, — отвѣчаетъ ста-

се цёрэнсмь, аньцяк сон бекь вишкинс, секс а неяве», мери атясь. — «Минкь монянь!» мери боярысь. — «А миса!» А пелькенесь чийсь ды мере: «покщай, минмак, покщай, минмак!» Атясь саизи ды миизи боярыньтнй белькененьть. Боярысь максыньзи атяньтинь белькененьть кис ярмакнинь, тапарязи пелькененьть пацини пoц ды путызи зепезэнзa. А зепсэньть ульнисть ламы ярмакт. Боярысь озась алашас, тусь. Пелькенесь ащись-ащись боярыньть зепсы ды мере: «бояр бокщай, монянь десы авуль бара!» А боярысь ускс покш сундук ярмак марта. Таргизи боярысь зепстэнзы пелькененьть ды путызи сундукуньтинь, а сундуксыньть ульнись бураў. Боярысь моли, месть-как а думе, а пелькенесь саизи буравуньть, пельць варя и кармась ярмакнинь сундукстыньть кайсиме. Кайсиньзи пелькенесь весн ярмакнинь, серьнесь сундукуньтинь ды лиссь и соньць. Пурныньзи пелькенесь кайсинь ярмакнинь и кандыньзи покщанцтынь. Радувась атинись седи-як. Ней-гак се атясь эри сюпаўста, а пелькененьть урьвак-

---

рикъ,—это мой сынъ; онъ только очень маленькій, поэтому его не видно».—«Продай его мнѣ!» говоритъ баринъ.—«Не продамъ!» А пальчикъ прибѣжалъ и говоритъ: «дѣдушка, продай меня, дѣдушка, продай меня!» Старикъ взялъ да продалъ пальчикъ барину. Баринъ отдалъ старику деньги за пальчикъ, завернулъ пальчикъ въ тряпочку и положилъ его въ карманъ. А въ карманѣ было много денегъ. Баринъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ. Пальчикъ сидѣлъ-сидѣлъ въ карманѣ у барина и говоритъ: «дѣдушка баринъ, мнѣ здѣсь не хорошо!» А баринъ везъ большой сундукъ съ деньгами. Вытащилъ баринъ изъ кармана пальчикъ и положилъ въ сундукъ, а въ сундукѣ былъ буравъ. Баринъ ѣдетъ, ни о чемъ не думаетъ, а пальчикъ взялъ буравъ, просверлилъ дыру и сталъ выбрасывать деньги изъ сундука. Выбросилъ пальчикъ всѣ деньги, на...лъ въ сундукъ да и самъ вышелъ. Пальчикъ собралъ выброшенныя деньги и принесъ ихъ своему дѣдушкѣ. Обрадовался старичекъ еще больше. И теперь этотъ старикъ живетъ богато, а пальчика онъ

стызе, эень мазый дейтереньть тенѕы санзе. Сась боярысь кудуў и мере: «эх, бабась, мон мези ускинь!» — «Мезе?» мери бояравась. — «Варчтак сундукуньтинь, тоньць несак!» мери боярысь. Бояравась варчтась, а тосы ваци куця. Истя састь бояравантъ кеженѕа, шты ней-гак боярыньть лангкс ваны чирьцта.

Кискини кляндирь-булыне.

Эрясь ве атя. Атяньть ульнисьть кафты цёранѕа. Сынцт ульнись кискинист «кляньдирь-булыннст». Кискинись и онге, и мезе, а пряка тенѕы а каить. Весть веть ащи кискинись орта лангксы, вачида; сась верьгез икилинѕа. Сась верьгезэсь ды мере: «кляньдирь-булыне, кода тефне?» — «Кода, вачиды эль гулан», мери кляньдирь-булынись. — «Каяк монянь реве, кармить андумат!» мери верьгезэсь. Каясь кляньдирь-булынись верьгезэньтей реве.

поженилъ, взялъ за него самую красивую дѣвушку. Пріѣхалъ баринъ домой и говоритъ: «эхъ, старуха, что я привёзъ!»—«Что?» спрашиваетъ барыня.—«Взгляни въ сундукъ, сама увидишь», отвѣчаетъ баринъ. Барыня взглянула, а тамъ куча г...а. Такъ разсердилась барыня, что и теперь косо смотритъ на барина.

Собачка хвостикъ-кренделемъ.

Жилъ одинъ старикъ. У старика было двое сыновей. У нихъ была собачка «хвостикъ-кренделемъ». Собачка и лаетъ и (дѣлаетъ другое) что, а хлѣба ей не бросаютъ. Однажды ночью собачка сидѣла у воротъ голодная; пришелъ (и сталъ) передъ ней волкъ. Пришелъ волкъ и говоритъ: «хвостикъ-кренделемъ, какъ дѣла?»— «Какъ (дѣла)! я отъ голода чуть не умираю», отвѣчаетъ хвостикъ-кренделемъ.—«Брось мнѣ овцу, станутъ тебя кормить!» говоритъ волкъ. Бросилъ хвостикъ-кренделемъ овцу волку. Волкъ схва-

Верьгезэсь сапзи ревеньть, тусь. Стясть валцки цёратьне, вандызь—ве реви арась; сынь зеди-як кармасть кляньдирь-булыньть апееме. Омбоци чокшненьть верьгезэсь таги сась. — «Андыть эйсэт, кляньдирь-була?» кеўкспи верьгезэсь. — «Арась», отвечи кискась. — «Ну, дай ищо ве реве, кармить андумат!» Макссь кискась ищо реве. Фатясь азырыза, шты ревп юмась, кармась кискапьть чаума, мекс сон а караўле. Колмоци чокшпепьть сась верьгезэсь тага. — «Андыдизь, гляньдирь-була?» — «Арась!» мери кискась.—«Ну, дай ищо реве!—мери верьгезэсь,—а топьць вандый азырыт марты мольть паксяў. Топь запмат а кармить, а тон мольть. Топь азырыт тупть пуиме икилькс пеў, а пакшаст кацызь станц лаўсьс. Мон бакшапьть саласа, а тон цийть ды монь гецты пакшапьть пельгекь». Макссь кляньдирь-булысь верьгезэньтень ищо реве. Валцки кискапьть азырьпязы кармасть сыргамы паксяў, кармась сыргамы мартыст и кляньдирь-булысь. Азыртны а сапть кляньдирь-булыньть, а сон моле. Састь паксяў; азыртны

тилъ овцу и ушелъ. Встали утромъ мужики, видятъ—одной овцы нѣтъ; они стали ненавидѣть хвостика-кренделемъ еще болѣе. На слѣдующій вечеръ волкъ пришелъ опять.—«Кормятъ тебя, хвостикъ-кренделемъ», спрашиваетъ волкъ.—«Нѣтъ», отвѣчаетъ собака.—«Ну, давай еще одну овцу, станутъ тебя кормить!» Собака дала еще овцу. Хозяинъ собаки замѣтилъ, что пропала овца: онъ началъ бить собаку, зачѣмъ она не караулитъ. На третій вечеръ пришелъ опять волкъ.—«Покормили тебя, хвостикъ-кренделемъ?»—«Нѣтъ!» отвѣчаетъ собака.—«Ну, давай еще овцу!» говоритъ волкъ, а самъ завтра иди съ хозяевами въ поле. Тебя не станутъ брать, а ты иди. Твои хозяева пойдутъ жать къ постати, а ребёнка своего оставятъ на стану въ зыбкѣ. Я украду ребенка, а ты прибѣги и отними ребёнка у меня. Хвостъ-кренделемъ далъ волку еще овцу. Утромъ хозяева собаки стали собираться, сталъ собираться съ ними и хвостъ-кренделемъ. Хозяева не берутъ хвоста-кренделемъ, а онъ идетъ. Пришли на поле. Хозяева не-

тусть икильке псў, а пакшаст кадызь станц лаўсь. Верьгезэсь арць, капудизи пакшаньть и напустясь мартынѕа. Неезь верьгеэньть азыртны и кармасть пижипме: «вай, бакшаньть верьгез залызе! вай, бакшаньть верьгез залызе!» Марпиьэп не серьематьнинь гляньдирь-булысь; кода напусьти верьгезэньть мельга; нельгези пакшаньть, кандызи аванцтынь. — «Вай, гискась кодамы пара, а мпнь эсэпѕы а ярцтана! Вай, мекс минь гискаиьть а ярцтана!» мери авась и бух, пакшаньть лоўцэнь гашанѕы кискаиьтнинь гэизе. Сась тагы веть верьгезэсь и мери кляньдирь-булыиьтнинь: «вандый баксяў иля мольть. Тонь гармить саимат, а тон иля мольть. Азырыт вандый моли экшелями, тон мартынѕы мольть; козэй зон банарынѕы каясэ, се таркаиьть сокарикь, казиа муят». Валцкись сась. Азырынѕы кармасть паксяў зыргама и кискаиьть кармасть терьдеме. Кискась а моле. Сынь заизь ды сюлмизь удалў. Кискась карьксыньть порези ды оргоць. Тусть азырынѕы паксяў кискафтумуньть. Эень зыри азырысь кадуўсь кудыс. Пеличишкани кармась атясь экшелямы сыргама. Сыргась мартынѕы

шли къ постати, а ребёнка оставили на стану въ зыбкѣ. Прибѣжалъ волкъ, схватилъ ребёнка и убѣжалъ съ нимъ. Увидали волка хозяева и стали кричать: «ой, ребёнка укралъ волкъ! ой, ребёнка укралъ волкъ!» Услышалъ эти крики хвостъ-кренделемъ; какъ побѣжитъ за волкомъ; отнялъ ребёнка и принёсъ его матери.— «Ой, какая хорошая собака, а мы её не кормимъ!» говоритъ мать и бухъ! бросила собакѣ молочную кашу своего ребенка. Опять пришелъ ночью волкъ и говоритъ (собачкѣ) хвостъ-кренделемъ: «завтра не ходи въ поле. Тебя начнутъ брать, а ты не ходи. Хозяинъ завтра пойдетъ купаться, ты иди съ нимъ; куда онъ броситъ свою рубашку, то мѣсто вскопай, найдешь кладъ». Настало утро. Хозяева стали собираться въ поле и начали звать собаку. Собака не идетъ. Они взяли да привязали ее сзади. Собака перегрызла веревочку и убѣжала. Хозяева отправились въ поле безъ собаки. Всѣхъ старшій хозяинъ остался въ домѣ. Во время полудня старикъ сталъ собираться купаться. Со-

и кляндирь-булысь. Атясь стардызи кискапьть, а сон ялы-теки моле. Мольць атясь экшелямa, мольць мартышзы и кискась. Каизи атясь панарышзы и сувась веденьтень. А кискась каизи панарыньть бокаў и кармась се таркапьть сокарямa. Сокарясь-сокарясь кискась, мусь казна. Лисеь атясь вецтэньть, вапцы—кляндирь-булысь таргась цела котёл ярмакт. Радувась атясь, кармась кискапьть андумы сывильда. Састь паксясты цёратьне, рамасть кляньдирь-булыньтиньвина, кильцьтьалаша арьтнимс. Арьтьпӱсть-арьтьпӱсть кискапьть; симьсть-симьсть эйсэпзы винада, кулуфтызь випас. Кармасть думама, кода бу седи парьцти кискапьть калмамс. Покш цёрась мере: «мон моляи бопопьтень, кеӱксьса, а калмасы-ли ломаньлаца». Мольць цёрась попоньтень и мере: «мининкь кискапык пекь пары ульнись, ней гулысь, а калмасак-ли ломаньлаца». — «Пу, свет, ара можна!» попось мере. — «Ведь зон эзь оигкт, а топять кафты сятг цолковой мерьць максумада», мери цёрась. — «Ды мон года мелет калмаса, апьцяк кода дя-

---

брался съ нимъ и хвостъ-кренделемъ. Старикъ пугнулъ собаку, а она всё-равно идетъ. Пришелъ старикъ купаться, пришла съ нимъ и собака. Старикъ сбросилъ рубашку и вошелъ въ воду. А собака отбросила рубашку въ сторону и начала она копать то мѣсто. Копала-копала собака, нашла кладъ. Вышелъ старикъ изъ воды, видитъ — хвостъ-кренделемъ вытащилъ цѣлый котёлъ денегъ. Обрадовался старикъ, началъ кормить собаку мясомъ. Вернулись съ поля мужики, купили вина собачкѣ хвостикъ-кренделемъ, заложили лошадь, чтобы прокатить. Катали они катали собаку; поили-поили ее виномъ, до смерти опоили виномъ. Стали они думать, какъ бы похоронить собаку возможно лучше. Сынъ-большакъ говоритъ: «я пойду къ попу, спрошу, не похоронитъ ли ее какъ человѣка». Пошелъ мужикъ къ попу и говоритъ: «у насъ была очень хорошая собака, теперь она околѣла, не похоронишь ли ее какъ человѣка?»—«Ну, свѣтикъ, развѣ можно!» отвѣчаетъ попъ.—«Вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать двѣсти рублей», говоритъ мужикъ. — «Да я похороню какъ тебѣ желательно,

кынысь?» мери попось. Максыньэи попоньтень ярмакиинь. Тусь цёрась дпякыныньтинь, ёфтэзи, мейсь сась. Диакынысь кедьнекь пильгиппкь кармась ча(в)умаст — нельэя! Цёрась мерс: «ведь зоп эзь оигкт, а топять мерьць сяды цолковой максумада!» — «Ды моньдедэи девесь а лотке, аньцяк кода дпячикысь?» Максыньэи цёрась диякыпыньтий ярмакипнь, тусь дпячикыньтинь. Сась цёрась дпячикыньтинь, даргась ведьгемень эолковой, ды путыньэи столангкс. — «Непь мейсь?» мери дпячикысь. — «Кискапык пекь пары ульнпсь, кулысь, топять калмамунь гис мерьць ведьгемень эолковой максумада!» мери цёрась. — «А попамариньть марты кортэть?» мери дпячикысь. — «Ищо арась!» мери цёрась. — «Тои уш азя и соиянэа, — мери дпячикысь, — юмамс уш бути весенепь». Тусь цёрась попамариньтинь, таргась комсьветеп цолковой, путыньэи столангкс. — «Непь мейсь?» мери попамарись. — «Не ярмакпнь допять кискапь галмамга», мери цёрась. — «Я, те кискась можна назава марты лифтимс!» мери попамарись. Лифтизь гис-

---

только какъ діаконъ?» говоритъ попъ. Отдалъ деньги попу. Пошелъ мужикъ къ діакону, сказалъ, для чего пришелъ. Діаконъ сталъ отказываться (бить) и руками и ногами — нельзя! Мужикъ говоритъ: «вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать сто рублей!» — «Да за мной дѣло не станетъ, только какъ дьячёкъ?» Отдалъ мужикъ діакону деньги, пошелъ къ дьячку. Пришелъ мужикъ къ дьячку, вынулъ пятьдесятъ рублей и положилъ на столъ. «Это для чего?» спрашиваетъ дьячёкъ. — «У насъ была очень хорошая собака, она околѣла; велѣла дать тебѣ за похороны пятьдесятъ рублей!» — «А съ пономаремъ, — спрашиваетъ дьячёкъ, — ты говорилъ?» — «Нѣтъ еще!» отвѣчаетъ мужикъ. — «Ты ужъ ступай и къ нему, — говоритъ дьячёкъ, — если пропадать, такъ ужъ всѣмъ». Пошелъ мужикъ къ пономарю, вынулъ двадцать пять рублей, положилъ на столъ. — «Это для чего?» спрашиваетъ пономарь. — «Эти деньги, — отвѣчаетъ мужикъ, — тебѣ за похороны собаки». — «А, эту собачку можно вынести съ образами!» говоритъ пономарь. Вынесли собаку съ обра-

капьть пазава марта, калмпзь ломапьлаца. Марясь теды эрьхерейсь; кода арды се веленьтепь, кода пурпасыньзп иоппепь-дияцытпынь, кода кармп эйсэст шкотяма, мейсь пстя кпскапьть калмизь. Терьдефтези эрьхерейсь кпскапьть азырипза п мере: «топ мейсь пстя кпскат калмафтыкь?» Азырысь мере: «ведь зоп эзь ошкт, а топять мерьць максумада колмы сятт целковой!» — «Ведь мон мурьняп авуль зепь гпс, шты кпскапьть ломапьлацы калмипкь, а сепь гпс, мекс тынь истямы киска калмиди апак соборья?» мери эрьхерейсь.

Ёукс.

Эрясть атят бабат; атянь-бабапь ульппсь тейтерьнест. Сышцт ульппсь васьлы родэст. Тейтерьнесь кармась сыргамы ащпмп пакаринзы марта. Тятяпзы авапзы а нолдэть, мереть—пекь васуў. Састь тест Вардыпп и мере: «мон бровожаса». Тусь тейтерьнесь

зами, похоропили какъ человѣка. Узналъ объ этомъ архіерей; какъ прискачетъ онъ въ это село, какъ соберетъ весь причтъ, какъ пачнетъ ихъ пробирать, зачѣмъ такъ похоронили собаку. Архіерей велѣлъ призвать и хозяина собаки и говоритъ: «ты зачѣмъ заставилъ похоронить такимъ образомъ твою собаку?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «вѣдь она не лаяла, а тебѣ велѣла дать триста рублей!»—«Вѣдь я браню—говоритъ архіерей,—не за то, что вы похоронили эту собаку какъ человѣка, а за то, зачѣмъ вы похоронили такую собаку безъ соборованія!»

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи была дочка. У нихъ были въ отдаленномъ мѣстѣ родственники. Дочка стала собираться (къ нимъ) на побывку съ прялкой. Отецъ и мать ея не пускаютъ, говорятъ, что очень далеко. Пришла къ нимъ Вардушка [имя собственное дѣвушки] и говоритъ: «я ее провожу». Пошла

Вардыпнњть марта. Тейтерьнењть сараханынѕы парт, а Вардынињть каладыт; тейтерьнењть пилькеы котат, а Вардынињть калады карьть; тейтерьнењть прясы од баця, а Вардынись пацяфтума. Мольцть-мольцть, мусть ведьне. Вардынись мере: «ай, дай экшелятана». — «Давай!» мери тейтерьнесь. Кайсезь орчамуст; тейтерьнесь сувась вец, а Вардынись орчненьѕи тейтерьнењть одежанѕы и аще. Лиссь тейтерьнесь вецтэньть и мере: «Вардыни, дай монь орчамун, мейсь орчеть?» А Вардынись мере: «орчеть тон монь орчамутнињь, топять сеть-как парт». Тейтерьнесь серьгець: «авай, Вардынись орчамун а максеыньѕе!» Авазы тейтерьнењь марнзи и мере: «чеки-сюры кенедян, Вардыњь бря лазан!» — «Вай! ават тонь годамы кежей!» мери Вардынись и кайньѕи тейтерьнењть орчамунѕа. Тейтерьнесь орченьѕи сопьценѕы орчамутьнињь, тусть молеме. Мольцть - мольцть, тагы мусть ведьне. «Дай экшелятана», мери Вардынись. «Тон орчамун тагы сайсыть, ата экшелялинь», мери тейтерьнесь. «Ней а сай-

---

дочка вмѣстѣ съ Вардушкой. У этой дочки сарафаны хорошіе, а у Вардушки разорванные; у дѣвочки на ногахъ коты, а у Вардушки разорванные лапти; у дѣвочки на головѣ новый платокъ, а Вардушка безъ платка. Шли-шли, нашли рѣчку. Вардушка говоритъ: «эй, давай выкупаемся».—«Давай!» отвѣчаетъ дѣвочка. Сняли свои платья; дѣвочка вошла въ воду, а Вардушка одѣла дѣвочкины платья и стоитъ. Вышла дѣвочка изъ воды и говоритъ: «Вардушка, отдай мои платья, зачѣмъ надѣла ихъ?» А Вардушка говоритъ: «надѣнь мои платья, тебѣ и они хороши». Дѣвочка крикнула: «матушка, Вардушка не отдаетъ моихъ платьевъ!» Мать услышала дочку и говоритъ: «подниму я палку (которою мѣрятъ пятины холста) и разобью голову Варды!»—«Ой,—говоритъ Вардушка,—какая сердитая твоя мать!» и сбросила дѣвочкины платья. Дѣвочка надѣла свои платья, и онѣ пошли. Шли-шли, опять нашли рѣчку. «Давай выкупаемся», говоритъ Вардушка. «Ты опять возьмешь мои платья, а то бы я выкупалась», говоритъ дѣвочка. «Теперь я не возьму», говоритъ Вардушка. Дѣвочка

сынь», мери Вардынись. Тейтерьнесь кайсесь, су(в)ась вец, а Вардынись орченьяи орчамунэы тейтерьнень ды аще. Тейтерьнесь лисесь вецтэнь, вешсь-вешсь, Вардынись а думи-як максумаст. Аванцтый-гак тейтерьнесь пижнись, ды авазы эси маря, уш пекь васуў зынь дусть. Орченьяи тейтерьнесь Вардынинь орчамутьнинь, тусть. Састь родэст туртуў. Родьнятьни ваныть—ве тейтерьнесь парьцьти орчазь, сынь цали, се сынцт родэст, и кармасть Вардынинь мелензы вапума. Вардыньть ущфтить тодоў ланкса, андыть мииды-цюпыда; а родьня тейтерьненьть ланкс а ваныть-как. Кучизь родьня тейтерьненьть орохонь гараўляма. Тейтерьнесь караўлясь парьцьте, орохось цела. Омбоци чиньть Вардынись мере: «мон моляи орохонь гараўляма». Мольць Вардынись, орохоньть андызе; родьнятьнинь гежест састь, и мереть: «авуль родьня тейтерьни, иты орохоньть ванцтызе, а родьнясь андызе». Мариньяи не валтпынь родьня тейтерьнесь и мере: «родьнясь тынянгк авуль зон, а мон; сон экшелямсты монь орчамун орченьэе, ды ней-гак эйсэст а максэ». Тейтерьненьть родьнятьни

сбросила (платья), вошла въ воду, а Вардушка надѣла дѣвочкины платья и стоитъ. Дѣвочка вышла изъ воды, просила-просила, Вардушка и не думаетъ ихъ отдать. И матери своей кричала дѣвочка, но мать ея не услышала, ужъ больно далеко онѣ ушли. Надѣла дѣвочка Вардушкины платья, и пошли. Пришли къ родственникамъ. Родственники видятъ, что одна дѣвушка одѣта хорошо, они подумали, что это ихъ родственница, и начали исполнять прихоти Вардушки. Вардушку кладутъ на подушку, кормятъ всякой-всячиной; а на родственницу даже и не смотрятъ. Послали дѣвушку-родственницу караулить ворохъ. Дѣвушка хорошо караулила, ворохъ цѣлъ. На другой день Вардушка говоритъ: «я пойду караулить ворохъ». Пошла Вардушка, стравила ворохъ; родственники разсердились и говорятъ: «не родная дѣвушка, и та укараулила ворохъ, а родная стравила его». Услышала эти слова родная ихъ дѣвушка и говоритъ: «родня вамъ не она, а я; она во время купанья надѣла мои платья, и теперь еще не отдастъ ихъ». Род-

каяфтуфтызь Вардынпнть кецты родьня тейтерьпепьть орчамутьнпнь; а Вардынпнть сюлмизь алашапь булыс, ды алашапьть полдэзь баксява арьтниме.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат, атяпь бабапь ульнпсть колмы цёраст. Кафтытьпи ульнисть превейть, а вишка цёрась ульнись дурак. Сынь эрясть беднэйста. Кармасть покш цёратьнп сыргамы роботакшпума, пешсть мартыст кп ланкс сухаря мешек. Дуракысь мере: «лялянй, п моць занмпзь! лялянй, п монь-гак сапмпзь!» — «Аеряват, дурак, ащпкь уш кудысы ды ярцак апык прякада», мереть лялятьпе. Дуракысь зрыжкстъ вередемкшнэсь лялятьнинпь, а лялятьнп а думпть-как сапманѕа. Сухаря мешекэсь, копапь бревей ѕёратьни мартыст пештезь, ащись кудыкиле. Дуракысь лиссь кудыкилпў, сяурьдиньѕп сухарятьнинь мешекстэпьть, пешсь сонь-

---

ствепники дѣвушки сняли съ Вардушки платья родной ихъ дѣвушки, а Вардушку привязали къ хвосту лошади и пустили лошадь скакать по полю.

Сказка.

Жили старикъ и старуха, у старика и старухи было три сына. Двое были умные, а младшій сынъ былъ дуракъ. Они жили бѣдно. Стали собираться старшіе сыновья на заработки, наполнили мѣшокъ сухарями (чтобы взять) съ собой въ дорогу. Дуракъ говоритъ: «братцы, возьмите и меня! братцы, возьмите меня также!»—«Не нуженъ ты, дуракъ, сиди ужъ дома да ѣшь готовый хлѣбъ», отвѣчаютъ старшіе братья. Дуракъ приставалъ къ старшимъ братьямъ нѣсколько разъ, а старшіе братья и не думаютъ брать его. Мѣшокъ съ сухарями, который наполнили (чтобы взять) съ собой умные парни, стоялъ въ сѣняхъ. Дуракъ вышелъ въ сѣни, вывалилъ сухари изъ мѣшка, набилъ въ свой карманъ су-

ценѕы зепс сухарят ды су(в)ась мешекэньтень. Лялятьни вапцызь— дуракысь арась, и мереть: «адя эрейсты, зярц дуракысь арась кудыса, ата тагы мартыпык вередеме». Лялятьпи лисеьть, капудизь зухаря мешекэньть и тусть. Покш лялясь канць-канць и мери омбоцепень: «пака пей доп, мои бачк спзинь!» Сапзи мешекэньть омбоцесь. Канць-канць омбоцесь и мере: «кодамы стака мешекэсь, дай аламуды сусктапа». Озасть лялятьни ки бокас, варчтасть мешекэньтень, а тосы дуракысь. — «Ах, дурак, ды тон мейсь тезэй эцеть?» мереть лялятьне.—«А мекс тыпь мопь а сайтяда!» мери дуракысь [1]). Кувать сыпь бижпнсть. Пижнисть-пижнпсть, ве лялясь мере: «Ней мезьды карматапы ярцама?» — «Монь ѕела зепи сухарян!» мери дуракысь. Ярцасть се сухарятьнида, стясть, тусть. Мольцть-мольцть, састь впрьц. Мольцть ве тумы ваксе, тумупьть алксызы валаня, а тумупьть лаңксы кроватть. Ульпись уш чокшне, сыпь зайсть ды кусть эепь вери кроватпьтинь удума. Аньцяк кепрьцть мадиме, састь орт (а се таркась ульпись

1) дураксь.

харей, влѣзъ въ мѣшокъ. Старшіе братья видятъ, что дурака нѣтъ, и говорятъ: «пойдемъ скорѣй, пока дурака нѣтъ въ избѣ, а то онъ опять пристанетъ къ намъ». Старшіе братья вышли, взяли мѣшокъ съ сухарями и пошли. Старшій братъ нёсъ-нёсъ и говоритъ второму: «возьми-ка теперь ты, я очень усталъ!» Взялъ мѣшокъ второй (братъ). Нёсъ-нёсъ второй (братъ) и говоритъ: «какой тяжелый мѣшокъ, давай немного закусимъ». Сѣли братья у дороги, посмотрѣли въ мѣшокъ, а тамъ дуракъ.—«Ахъ, дуракъ, да ты зачѣмъ сюда влѣзъ?» говорятъ старшіе братья.—«А почему вы меня не берете!» отвѣчаетъ дуракъ. Долго они бранились. Бранились-бранились, одинъ изъ старшихъ братьевъ говоритъ: «теперь что мы будемъ ѣсть?»—«У меня карманъ полонъ сухарей!» говоритъ дуракъ. Поѣли они тѣхъ сухарей, встали, пошли. Шлишли, пришли въ лѣсъ. Подошли къ одному дубу; низъ у дуба гладкій, а на дубѣ кровати. Былъ уже вечеръ, они взяли да влѣзли спать на самую верхнюю кровать. Только что успѣли лечь,

орэнь дарка). Ортны якасть салама, ламы ярмакт канцьть. Ве орэсь кармась тумуньть алы пидиме, а лиятьни кармасть ярмак лоўпома. Дуракыньть лялятьни пшцьть кроватиньтий, ойместкак а таркспть, а дуракысь ваны, кода орэньть чугунысь лаки тумуньть ала. Ванць-ванць дуракысь, мери лялятьнининь: «монь цурамум зась!» — «На, дурак, чурак монь рукаўцяс!» — «На, дурак, чурак монь зепс!» тошказь серьгецьть лялятьне. А дуракысь сайсь ды кармась алуў цурама, весп ямунь бидий орэньть чурызе. Орэсь тапдаць, а лиятьнинннь эзь ёфта. Ямусь пись, ортнэнь ярмакыст лоўпоўсть, кармасть ортны ужинама. Дуракысь мере: «монь зерьнемам зась!» — «На монь цапкас серьнекь!» мери ве лялясь, соньць кармась уш чапканьть максуманзы дуракыньтинь. Дуракысь капуднзп чапканьть, ды ёртэзи ортнэнь лангкс. Чапкась ульнись покш, прась ортнэнь цугуныньть лангкс, весп чугуньшьть вельтезе. Ортны тапдацьть, сынь цали, сынцт кундызь ды караўлить, ды напустясть, и ужиныньть и ярмакнинь ортны

пришли воры (а мѣсто это было притономъ воровъ). Воры ходили воровать, принесли они много денегъ. Одинъ воръ сталъ варить подъ дубомъ, а другіе стали считать деньги. Старшіе братья прижались къ кровати, и не дышатъ, а дуракъ смотритъ какъ кипитъ у воровъ чугунъ подъ дубомъ. Смотрѣлъ-смотрѣлъ дуракъ, говоритъ старшимъ братьямъ: «мнѣ захотѣлось помочиться!»—«На, дуракъ, мочись въ мою рукавицу!»—«На, дуракъ, мочись въ мой карманъ!» шопотомъ закричали ему старшіе братья. А дуракъ взялъ да сталъ сц..ь внизъ и об....лъ всего вора, готовившаго похлёбку. Воръ испугался, а другимъ не сказалъ. Похлёбка сварилась, деньги свои они сосчитали, и стали воры ужинать. Дуракъ говоритъ: «мнѣ захотѣлось с..ть!» — «На с.и въ мою шапку!» говоритъ одинъ изъ старшихъ братьевъ, и самъ уже сталъ подавать шапку дураку. Дуракъ схватилъ шапку и бросилъ её въ воровъ. Шапка была большая, она упала ворамъ въ чугунъ и покрыла весь чугунъ. Воры испугались, они подумали, что ихъ нашли и караулятъ; и воры убѣжали, оставивъ и ужинъ и деньги. Слѣзъ ду-

кадызь. Валксь дуракысь тумупьть лангста, сапзи чугупыпьть лангсты чапкапьть, давай ярцама. Ярцась-ярцась дуракысь, серьгеденьзи лялятьнинь. Валксть лялятьне, ужинасть пачкынь-бачк, сапзь орэнь ярмакнинь, тусть кудуў. Ней-гак эреть сюпаўста; дуракыньть урьвакстызь.

Ёўкс.

Эрясть атят бабат; атянь бабань ульнись цёрэнест, тейтерьнест ды медь барьппст. Прась атясь, кулысь, прась бабась, кулысь. Кадуўсть цёрэнепьть марты тейтерьпесь сирётакс. Ськамуст удумаст сыпь белсть, кармасть уцпми терьтнеми шабрапь бабипе. Шабрапь бабинись якась бабушкакс. Сась васипь веньть бабинись удумы и мере: «мон, эйдякай, мадян вальмалуў, мон якан бабушкакс; аньцяк стукатьцызь вальмининьть, мон и туян». А бабинись медь барьнидыньть содась. Аньцяк чопоць, бабинись соньц стук-стук вальмапьть стукадизи и мере: «эйдякай, монь дерьдеть!» —

ракъ съ дуба, снялъ съ чугуна шапку, и давай ѣсть. Ѣлъ-ѣлъ дуракъ, крикнулъ старшихъ братьевъ. Слѣзли старшіе братья, отлично поужинали, взяли деньги воровъ и пошли домой. И теперь они живутъ богато, а дурака поженили.

Сказка.

Жили старикъ и старуха; у старика и старухи былъ сынокъ, дочка и кадушечка меду. Заболѣлъ старикъ и померъ; заболѣла старуха и померла. Мальчикъ съ дѣвочкой остались сиротами. Они боятся почевать одни, начали звать почевать сосѣднюю старушку. Эта сосѣдняя старушка ходила повитухой. Пришла почевать старушка въ первую ночь и говоритъ: «я, дѣтки, лягу подъ окно, я хожу повитухой, лишь только ударятъ въ окошечко, я и пойду». А сама-то бабушка знала о кадушечкѣ съ медомъ. Лишь только смерклось, бабушка сама постучала въ окно и говоритъ: «дѣтки,

«Азя-азя! бабай», мереть пакшатьне. Бабинись кудыстыньть лиссь, куссь подболокс, а тосы ульнись медь барьпись. Ярцась бабась медьты зяры мелеза, валксь, сувась кудыс, мацъ тарказынза. Пакшинитьпи кеўкьсьпеть: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Ушутксне», бабась мере. Сась бабась удумы омбоцеда, тагы мацъ вальмалуў. Аньцяк тагы чопоць, бабась соньць стукадизи вальманьть, лиссь, ярцась медьты зяры мелеза, сувась, мацъ тарказынза. Пакшинитьпи кеўкьстезь: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Кунчкакске», мери бабась. Колмоцп вепьть лиссь бабась, сэвези кадувикс медепьть, сувась и мацъ тарказынза. Пакшатьпи кеўкьстезь: «бабай, года пакшаньть лемеза?» — «Шляўкски-пардаўкски-комаўкске». Атяньть ды бабаньть колмоцекс чистыст тейсть поминкат. Састь поминкас: офтэсь, верьгезэсь, ривпзись, нумулысь и пакшатьпинь марты уцця бабась. Ярцасть ямда, ярцасть кашада, думасть ярцамы медьта. Куссь тейтерьпесь подболокс, ванцы—медь барись натай[1]) гомафтызь. Валксь тей-

[1]) натый.

меня зовутъ!»—«Ступай-ступай, бабушка», говорятъ дѣти. Бабушка вышла изъ дому, влѣзла на подволоку, а тамъ была кадушечка съ медомъ. Поѣла старуха меду, сколько ей было охоты, слѣзла, вошла въ домъ, легла на свое мѣсто. Дѣтишки спрашиваютъ: «бабушка, какъ имя ребенка?»—«Початочекъ», отвѣчаетъ старуха. Пришла старуха ночевать въ другой разъ, опять легла подъ окошко. Лишь только стемнѣло, старуха сама стукнула въ окошко, вышла, поѣла меду, сколько ей было охоты, вошла и легла на свое мѣсто. Дѣтишки спросили ее: «бабушка, какъ имя ребенку?»—«Серёдышекъ», отвѣчаетъ старуха. На третью ночь старуха вышла, съѣла остальной медъ, вошла и легла на свое мѣсто. Дѣти спросили ее: «бабушка, какъ имя ребенку?»—«Вымытый-вытертый-опрокинутый». На третій день справили они поминки по старикѣ и старухѣ. Пришли на поминки: медвѣдь, волкъ, лиса, заяцъ и ночующая вмѣстѣ съ дѣтьми старуха. Поѣли щей, поѣли каши, хотѣли поѣсть меду. Дѣвушка влѣзла на подволоку, видитъ, что кадушка съ медомъ даже опрокинута. Слѣзла дѣвушка,

терьнесь, ёфтась. Кармасть вешнеми, кіп меденьть сэвезе. Ривизнсь мере: «дайти ряц-ряц лаьчптяпа ды серьнетяпа, кинь медень вацшзы, се и меденьть сэвезе». Лапчпсть ряц-ряц. Бабась ланьдясь офтэньть вакс. Зяры офтэсь серьне, бабась шашсыньзи соньцензы алуў, а соньцензы вацьнинь шашсыньзи офтэньть алуў. Веси серьнеўсть, стякшпысть и кармасть ваппумы, кинь вацшзы медень. Пачкиньть офтэньть вацьнинь виц, офтэньть вацьни медень. Прафтызь офтэньть, чавизь; мельн кармасть офтэньть пулыды ускснмаsа. Ускспсть-ускспсть офтэньть пулыда,–пулызы сезеўсь. Ней-гак офтэсь арьтьни пулуфтума.

Ё ў к с.

Ве ломань дятянзы пекь эсп[1]) вечкьть и миннкс цюпыкс эйсэпзы парьгась. Тятясь кулысь. Ломанпсь радувась, патый гандыласт эзь дейть,— от кода тятянзы эсп вечкьть. Путызп ку-

1) эзези.

сказала. Стали искать, кто съѣлъ мёдъ. Лиса говоритъ: «давайте сядемъ въ одинъ рядъ и будемъ с..ть; чьи говна съ медомъ (медовыя), тотъ и съѣлъ медъ». Сѣли въ одинъ рядъ. Старуха сѣла около медвѣдя. Сколько медвѣдь выс...тъ, старуха сгребетъ подъ себя, а свои говна сдвинетъ подъ медвѣдя. Всѣ выс..лись, встали и начали разсматривать, чьи говна медовыя. Подошли къ говнамъ медвѣдя, медвѣжьи говна медовыя. Повалили медвѣдя, побили его; затѣмъ стали таскать медвѣдя за хвостъ. Таскали-таскали медвѣдя за хвостъ, хвостъ его оборвался. И теперь медвѣдь бѣгаетъ безъ хвоста.

Сказка.

Одинъ человѣкъ больно не любилъ своего отца и повсячески его мучилъ. Отецъ померъ. Тотъ человѣкъ обрадовался, даже гроба не сдѣлалъ,—вотъ какъ онъ не любилъ своего отца. Поло-

лыньть керь лангкс и ускизи калмы лангкс калмама. А се ломаниньть ульнись вишка цёрэнеза, и сон мольць дедан8ы калмама. Кода атяньть калмизь, тятят цёрат кармасть кудуў зыргама, а керепьть, кона лангксы ускизь атяньть, кадызь галмы лангкс. Кудуў молемсты пакшинись мери тятянцтый: «А керепьть мейсь кадынкь?»— «Месть тейнят мартын8а?» мери тятясь. — «А тон гулыньдярят, мези лангксы ускта̂н?» Сесты тятясь чарькиць, шгы атяньть а нарьгамаль.

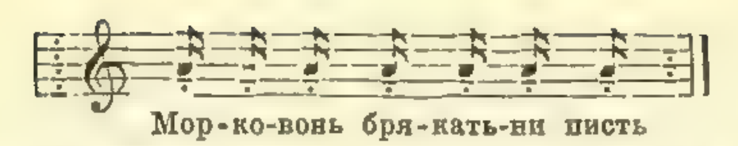
Ёўкс.

Эрясть атят бабат комсьветен год. Прась атясь, кулысь. Бабась тейнесь морковонь брякат, кайсиньзи пиими пецькас, а соньць тусь диякыныньть мельга, кулыньть велькссы лоўнома. Диякынысь сась, ванцы вишкизимсы морковонь брякат, а диякыныньть пекезы вачсь. Сон баньцизи книганьть, а соньць ваны морковонь брякатьнинь лангс и лоўнэ: «морковонь брякатьни пись,

---

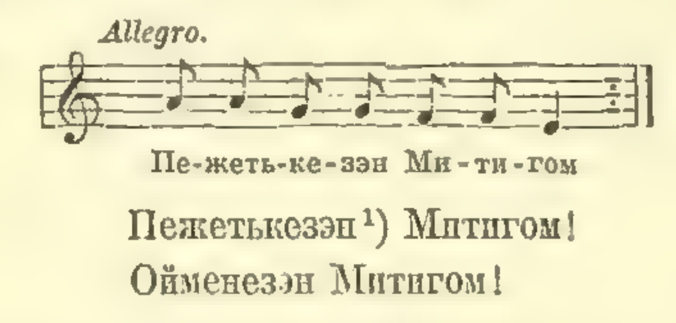
жилъ покойника на лубокъ и потащилъ на кладбище хоронить. А у этого человѣка былъ небольшой сынокъ, и онъ пошелъ хоронить своего дѣда. Когда похоронили старика, отецъ и сынъ стали собираться домой, а лубокъ, на которомъ привезли старика, оставили на кладбищѣ. Идя домой, мальчикъ говоритъ отцу: «А для чего мы оставили лубокъ?»—«А что съ нимъ будешь дѣлать?» говоритъ отецъ.—«А если ты умрешь, на чемъ я тебя повезу?» Тогда отецъ понялъ, что не надо было мучить старика.

Сказка.

Жили старикъ и старуха двадцать пять лѣтъ. Старикъ слегъ и умеръ. Старуха приготовила пироги съ морковью, поставила ихъ печься въ печку, а сама пошла за діакономъ, чтобы онъ читалъ надъ покойникомъ. Діаконъ пришелъ, видитъ на малой лавкѣ пироги съ морковью, а діаконъ проголодался. Онъ раскрылъ книгу, а самъ смотритъ на пироги съ морковью и читаетъ: «пироги съ

морковонь брякатьни писть, морковонь брякатьни писть». А бабась озась кулыньть пря пес и кармась лайшиме:

Атясь, атясь а ятясь,
Морковонь брякатьни писть,
Мартыт комсьветеи год эрень,
А лемнет тонь аздаса.

Сась се шкапьть вальмалуў одзёра сришка марта, кармась морамы кищима мора, соньць мере: «атяньть лемезы Митигом». Бабась маризи атяньть лемепза, и радувамуньть пачк кода тун кищиме. Соньць божазь морэ:



Пежетькезэн[1]) Митигом!
Ойменезэн Митигом!

1) Значеніе слова пежетьке (ср. у Видемана pežet: Sünde) въ Сухомъ Карбулакѣ неизвѣстно.

морковью испеклись, пироги съ морковью испеклись, пироги съ морковью испеклись». А старуха сѣла у изголовья покойнаго и начала голосить: «Старикъ, старикъ а старикъ, пироги съ морковью испеклись, я жила съ тобой двадцать пять лѣтъ, а имячка твоего не знаю». Въ это время подошелъ къ окошку парень со скрипкой и началъ пѣть плясовую пѣсню, а самъ приговаривалъ: «имя старика Митигомъ». Старуха услышала стариково имя и съ радости какъ пойдетъ плясать. Сама божась поетъ:

Вотъ мой грѣхъ! Митигомъ!
Вотъ моя душа! Митигомъ!

Ве бабань ёфнема:

Эрясь ащись ве ломань. Сонѕы козяйказы ульнись кежей. Кармась аваньть пакшазы аварьдиме. Авась чавизи пакшаньть, сюдызи и кенкш удалуў ганзе. Ютасть аваньть кежэнѕы, сувафтызи пакшаньть кудыс. Вальмань бачк лифтясь кряньчь, капудизи пакшаньть, тусь мартынѕы. Кандызи пакшаньть чопода вирьц, озафтызи тумы пряс — пизызынѕа. Пакшась эрясь кряньчиньть пизысы колмы готт. Колмы годэнь ютазь, юты се чопода вирьганьть ломань. Ломанись начкиць кряньчиньть пизыньть виц, маризи пакшаньть аварьдимада. Лоткась ломанись, варчтась вереў, ващы—тумы прясы пакша. Ломанись кармась кеўксьнеманѕа, кода тезэнь годяўсь. Пакшась ёфьнезе, кода теўсь ульнись. Тусь ломаньць пакшадыньть, мольць удумы се веленьтень, косы пакшаньть тятянѕы-аванѕы. Кармась ломаньць хватера вешнеме, полдэзь удумы ломаниньть пакшаньть тятятьни-аватьне. Кармась

Разсказъ одной бабы.

Жилъ былъ одинъ человѣкъ. Жена его была сердитая. Ребенокъ этой женщины началъ плакать. Мать ударила ребенка, прокляла и бросила его за дверь. Прошли у женщины сердца, впустила ребенка въ избу. Въ окошко влетѣлъ черный воронъ, схватилъ ребенка и отправился съ нимъ. Принесъ онъ ребенка въ темный лѣсъ, посадилъ его на верхъ дуба въ свое гнѣздо. Ребенокъ жилъ въ гнѣздѣ чернаго ворона три года. По прошествіи трехъ лѣтъ, проходитъ по тому темному лѣсу человѣкъ. Человѣкъ этотъ подошелъ прямо къ гнѣзду чернаго ворона, услышалъ крикъ ребенка. Человѣкъ остановился, посмотрѣлъ наверхъ, смотритъ—на вершинѣ дуба ребенокъ. Человѣкъ сталъ спрашивать его, какъ онъ туда попалъ. Ребенокъ разсказалъ, какъ было дѣло. Пошелъ человѣкъ отъ ребенка, пришелъ почевать въ то село, гдѣ отецъ и мать ребенка. Началъ человѣкъ искать квартиру, пустили почевать этого человѣка отецъ и мать ребенка. Началъ этотъ чело-

ломаньць ёфнеме, кода вирьцы пакша поесь. Пакшаньть тятятьни аватьни кулцыныст-кулщыныст ды мереть: «ведь зе пакшась миникь». Тусть тятятьпи-аватьни пакшаньть вешнеме; вешнесть, вешнесть, пакшась эзь муифть[1]).

---

1) муивь.

вѣкъ разсказывать, какъ онъ увидѣлъ въ лѣсу ребенка. Отецъ и мать ребенка слушали-слушали да говорятъ: «вѣдь тотъ ребенокъ нашъ». Пошли отецъ и мать искать ребенка; искали, искали, ребенка не нашли.

Отдѣлъ V. Загадки, пословицы, поговорки.

А. Оркино.

Sodama joukst:

1. Ińiŕiń ṕiľiť śuryt, käŕ ṕiťiŕiń ťuľaŕga. — Kostan.

2. Jokstasa torgòźemä, targasa ŕipakadä. — Oža.

3. Ḱijaks kunčkasa käŕ kaval, kunčkasynʒa karaul. — Lauś i äχť. (Ср. Сухокарб. № 31).

4. Kuda väľkska ḿäźä a jordavä? — Komoľa. (Ср. Сухокарб. № 30).

5. Kuda ṕŕasa ruz ava kiśčä. — Kačama. (Ср. Сухокарб. № 33).

6. Kšńiń kšńiń ṕiŕińä, kšńiń ṕilǵä ṕiŕińä, kućkat kućkat äjsynʒa, kućkań tolgat ṕŕasynʒa. — Tarka i ťošak i todoft.

Загадки:

1.

2. Всуну распухнетъ, вытащу завянетъ. — Рукавъ.

3. Посреди пола..., а въ серединѣ этого караульщикъ. — Зыбка и ребенокъ.

4. Чего нельзя бросить черезъ крышу избы? — Хмель.

5. На верху избы пляшетъ русская женщина. — Дымъ.

6. Желѣзная головка, желѣзныя кончики ногъ, въ немъ кучки, на немъ перья кучками. — Кровать, тюфякъ и подушки.

7. Ḿäźä kuda ugulc a śťaftuv́ä?—Ṕiks. (Ср. Сухокарб. № 34).

8. Ṕećkasa ľäṕä mykyṛť. — Kšyť.

Пословицы.

1. Iľa čuŋ loma-ńńiń ja-ma, tońć prat äjzy-ŋʒa. (Ср. Paasonen, I, № 77).

2. Itykyza araś, jorėkėza uľä (или) Jorėkėza uľä da itykyza araś.

3. Jamy-ś kuja-, dy syv́iľiś papa ja-k araś.

4. Ḱiska-ś a-ščä ťikšyńť laŋksa, sońć a ja-rcä i skalny-ń ama-ksä.

5. Ko-da u-řinďat, i-śťa po-řeńďat.

6. Kosta ṕiksyś čov́eńä, śesta śeźev́ä.

7. Lomań ǵeca jamkskit, kuvac ṕikśä čakšḱit.

8. Ḿäks ḿeřeť: lafča avańť mykyryza jala načka?

9. Ḿińiḱ Uśťa jala iśťa: sońć av́ikšnä, sońć rućat ḿikšńä.

---

7. Чего въ уголъ избы нельзя поставить стоймя?—Веревку.

8. Въ печкѣ осиновые пеньки. — Хлѣба.

---

1. Не рой другому яму, самъ въ нее упадешь.

2. Толку у него нѣтъ, а старанiе есть (или) Старанiе у него есть, да толку у него нѣтъ.

3. Щи жирныя, да мяса ни х.

4. Собака сидитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и коровѣ не даетъ.

5. Какъ сработаешь[1]), такъ и поѣшь.

6. Гдѣ веревка тонка, тамъ и рвется.

7. Крупа твоя у людей, долго будетъ кипѣть твой горшечекъ.

8. Отчего говорятъ: у слабой женщины задъ всегда мокрый?

9. Наша Устинья все такъ: сама не вышиваетъ, а руци продаетъ.

1) Въ Оркинѣ слово uřiďams теперь не употребляется.

10. Moľa·t dy vant, kuku·u̯ čiŕki ṕŕa·zyt iľa·zy valk.

11. Papa·za äčkä· da ṕiŋǵi·za iśťa·k ṕäčkä·.

12. Tiŕäń ƀeŕäń, Tarań jaly para.

13. Ton gor̦tat čušt, a mon gor̦tan v́išť.

14. Učä·ńä ku·lyś, kardańä čamś, tarkazynʒa mon. (Ср. Сухокарб. № 9).

15. Undy·kski śťaftyźä, palakski v́äľ̦ťiźä.

16. Va·ćij pu·la ƀu·kaźä v́ä·śi sta·dań ga·ďiźä.

17. Vara·ka ľiśma·ńť čuv́iźä, pańʒi·j moľć, puly·nʒa toŋǵe·źä i ḿe·ŕä: mоń.

18. V́äšť pa·ŕćťä au·stavav́ä, pa·ŕćťä ama·štuv́ä ja·k.

---

10. Пойдешь да смотри, чтобы кукушка не сѣла на верхъ дуги.

11. Мужской ч. у него толстый, да вѣкъ-то его такъ проходитъ.

12. У Терентья плохо, а у Тараса всегда хорошо.

13. Ты говоришь про ячмень, а я говорю про полбу.

14. Овечка [1]) померла, хлѣвушокъ опорожнился, вмѣсто нея я.

15. Дуплышко поставило, крапива покрыла (про плохую избу).

16. Быкъ [2]) съ грязнымъ хвостомъ загадилъ все стадо.

17. Ворона вырыла колодезь, пришла...(назв. птички), всунула свой хвостъ и говоритъ: мой.

18. Разъ хорошо не начнется, хорошо и не кончится.

---

1) Въ Оркинѣ значеніе слова učäńä (мокшанскаго слова) неизвѣстно.
2) Слово ƀukaźä вм. ƀuka въ обыкновенной рѣчи не употребляется.

Б. Сухой Карбулакъ.

Загадки.

1. А чуваля чуваля, тусь чува пизиме, сувась чува кальалуў. — Почтэнь зуфнима. (Ср. Paasonen I, № 313).

2. Ацаминнь ацняп, датар леўкст мацьняп. — Мушкынь ваяфтума.

3. Ведь гунчкаса тол балэ. — Самавар.

4. Вейки тейсь, сяды кундасызь. — Кенкш кундама. (Ср. Paasonen, I, № 369).

5. Вецы ваньынь билить.—Сывилинь брякат; топонь брякат.

6. Вецы керчапь датарт. — Лопафтынь мушкт. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 30).

7. Вецы сэнь бетькельть. — Калт. (Ср. Paasonen, I, № 398).

---

1. А топенькій топенькій, пошелъ тонкій дождь, попалъ подъ тонкій таловникъ. — Сѣяніе муки.

2. Я стелю постельки, укладываю спать татарскихъ дѣтей.— Моченіе конопли.

3. Посреди воды горитъ огонь. — Самоваръ.

4. Одинъ человѣкъ сдѣлалъ это, сто человѣкъ берутся за это. — Дверная ручка.

5. Въ водѣ жеребячьи уши. — Мясные вареники; вареники съ творогомъ.

6. Въ водѣ связанные татары. — Моченыя конопли.

7. Въ водѣ синіе песты. — Рыбы.

8. Вирӯ моли атице, икцлинзы кемень уткат, удалынзы кафты мацийть. — Пильгисурт ды кочкарят.

9. Вирӯ моли атице, мукурцынзы сэпь баигкс. — Узирь. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 28).

10. Виринь бачк месть а ютавить? — Изамут. (Ср. Paasonen, I, № 400 и Обр. морд. нар. сл.. II, № 49).

11. Вирьть паксят лякшыть, а каракулят а лякшыть.—Скал ланга и рогат.

12. Вирьцы боза парь. — Лисьма. (Ср. Paasonen, I, № 403 и Обр. морд. нар. сл. II, № 53).

13. Вирьцы сывильть поволезь. — Калина. (Ср. Paasonen, I, № 409 и Обр. морд. нар. сл. II, № 38).

14. Вишка копекке, сиянь бузликке. — Папцума.

15. И цильдирды валдырдэ, инникужы ваньцькафтэ. — Пелема. (Ср. Paasonen, I, № 326).

16. Инникужы серьгеде, пой лопатьни иссреть. — Велень брумкс.

---

8. Идетъ въ лѣсъ старичокъ, передъ нимъ десять утокъ, за нимъ два гуся. — Пальцы на ногахъ и пятки.

9. Идетъ въ лѣсъ старичокъ, на заду его синяя заплата. — Топоръ.

10. Что не пройдетъ черезъ лѣсъ? — Борона.

11. Лѣсъ и поле покроются инеемъ, а рогульки не заиндевѣютъ. — Поверхность тѣла и рога коровы.

12. Въ лѣсу кадушка съ пивомъ. — Колодецъ.

13. Въ лѣсу развѣшана говядина. — Калина.

14. Маленькая кроватка, серебряный . — Замокъ и ключъ.

15. И блеститъ и свѣтится, очищаетъ большую ниву[1]).—Коса.

16. Большая нива закричитъ, осиновые листья посыплются. — Сельскій сходъ.

1) Р. Ѳ. Учаевъ не знаетъ, что такое «инникужы».

17. Истя улить, истя арасть. — Кепшыть.

18. Карады карча Дарьят Марьят ваныть. — Вальмакосякт. (Ср. Paasonen, I, № 28 и Обр. морд. нар. сл. II, № 46).

19. Кардайсты кардайс якстири атякш яке. — Тол. (Ср. Paasonen, I, № 120 и Обр. морд. нар. сл. II, № 20).

20. Карксась карксась Аньдямне, карке пенеза эзь зата. — Кетькс. (Ср. Paasonen, I, № 85 и Обр. морд. нар. сл. II, № 75).

21. Кафты пельдн купдаса, кунчка вицынзы ёкстаса. — Цюлка.

22. Кафты пельдп попэнеть, кунчкавицы ёлк-полк. — Сельме.

23. Кафты чукить, кафты яжыть, Акулина ювудэ. — Алашань билькьть и пула. (Ср. Paasonen, I, № 201 и Обр. морд. нар. сл. II, № 42).

24. Кафтынинск братинпск ряц ащить, вейкест вейкест а нееть. — Сельмть.

25. Ки чирисы килийса, васинь дарад бенеса. — Пилинкст.

26. Ки чирисы чирьбря бояр. — Вани куця.

---

17. Такъ есть, такъ нѣтъ. — Ногти.

18. Дарья съ Марьей другъ супротивъ друга глядятъ. — Оконные косяки.

19. Со двора на дворъ ходитъ красный пѣтухъ. — Огонь.

20. Подпоясывался подпоясывался Андянушка, концы пояса не сошлись. — Браслетъ.

21. За обѣ стороны возьму, въ середину всупу. — Чулокъ.

22. Съ двухъ сторонъ шерстинки, посерединѣ много ёлокъ. — Глазъ.

23. Двое толкутъ, двое молотятъ, Акулина вѣетъ. — Ноги и хвостъ лошади.

24. Два брата стоятъ рядомъ, другъ друга не видятъ. — Глаза.

25. У дороги на березкѣ, на кончикѣ перваго сучка. — Серьги.

26. У дороги скривившійся баринъ. — Куча кала.

27. Кис комась, кенгелесь. — Пещи мукш. (Ср. Paasonen, I, № 102).

28. Кичкири мура, мей мура, коў молят? Нарапь закал донь ки кеўкспетяшэат? — Ведь леденъ дикше.

29. Кичкири мура, мей мура, конань зюдэ, се кулэ.—Ружья; пузий. (Ср. Paasonen, I, № 106).

30. Куды велькска мези а ёртове? — Комоля. (Ср. Paasonen, I, № 124 и Обр. морд. нар. сл. II, № 56).

31. Куды кунчкасы кель гаур, кунчкасынэы караул. — Лаўсьсы пакша.

32. Куды кунчкасы офтэнь баяга. — Лаўсь.

33. Куды прява руз ава киряксие. — Сурьцям. (Ср. Paasonen, I, № 128).

34. Куды угулц мези а стяфтуве? — Карькс. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 43).

35. Кудыды кудыс нись пекени яке. — Пачалга. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 50).

---

27. Нагнулся на дорогу, обманулъ. — Скорлупа отъ орѣха.

28. Съ кривой грудью (?), съ косой грудью (?), куда идешь? Бритая борода, тебя кто спрашиваетъ?—Рѣка и на ея берегахъ скошенная трава.

29. Съ кривой грудью (?), съ косой грудью (?), кого клянетъ, тотъ умираетъ. — Ружье.

30. Чего нельзя перебросить черезъ крышу избы?—Хмель.

31. Посреди дома языкъ ...., а въ серединѣ этого караульщикъ. — Ребенокъ въ зыбкѣ.

32. Посреди дома медвѣжій колокольчикъ. — Зыбка.

33. По верху дома скользитъ русская женщина. — Гребень.

34. Чего въ уголъ избы нельзя поставить стоймя? — Бечевку.

35. Изъ избы въ избу обожженное брюшко ходитъ. — Сковорода.

36. Мадизь а неяве, а стяды менель виц сатэ. — Кп.

37. Мастырыць берьть сатэ, стогань берьть а сатэ.—Чипьть сультиза.

38. Мези кардайсты а лифтиве? — Мацт.

39. Мези кудысты а лифтиве? — Пецька.

40. Мези эйстэт а паниве? — Сульть.

41. Менельцы верьгезэнь зельмыть. — Полоксы моркт.

42. Митя пскизпсь лёд лапкс. — Пачалксинь бапима.

43. Митя тей, Митя тоў, Митя сувась аксялуў. — Тепьцьть. (Ср. Paasonen, I, № 174 и Обр. морд. нар. сл. II, № 57).

44. Мода поцы атя, сакалынзы ушысыт. — Кшумань.

45. Мода поцы тол балэ, качамузы ушуў. — Моркоў; сёкла.

46. Моляп—молеть, лоткап—лоткеть; каяп дикшыть, а ярцыть. — Сокст. (Ср. Paasonen, I, № 306: suľcjiš).

47. Монь ули кискинимь, пулыды кундаса—каўпэ, а кундаса — а каўпэ. — Чалгамут. (Ср. Paasonen, I, № 182).

---

36. Когда лежитъ, его не видно, а если встанетъ, то достанетъ до неба. — Дорога.

37. Вокругъ земли хватитъ, вокругъ стога не хватитъ. — Тѣнь отъ солнца.

38. Чего нельзя вывезти изъ двора? — Погребъ.

39. Чего нельзя вывезти изъ избы? — Печь.

40. Чего отъ себя не отгонишь? — Тѣнь.

41. На небѣ волчьи глаза. — Сучки въ потолкѣ.

42. Митя надристалъ на лёдъ. — Печеніе блиновъ.

43. Митя сюда, Митя туда, Митя пошелъ подъ лавку.—Вѣникъ.

44. Старикъ подъ землей, а борода его наружи. — Редька.

45. Подъ землей горитъ огонь, а дымъ его наружи. — Морковь; свёкла.

46. Иду — идутъ, остановлюсь — остановятся; брошу травы —не ѣдятъ. — Лыжи.

47. У меня есть собачка, возьму ее за хвостъ—визжитъ, не возьму—не визжитъ. — Мяльцы.

48. Монь ули утумнимь, цукань вишты пешксе. — Курксы пейть.

49. Нилиписк братиписк ве варяс чурыть. — Скалышь ботть. (Ср. Обр. морд. пар. сл. II, № 5).

50. Нилиписк братиписк ве ябуньця ала. — Столь билькть. (Ср. Paasonen, I, № 195 и Обр. морд. пар. сл. II, № 1).

51. Нилиписк братиписк вейкест вейкест а сасыть.—Чарыйть. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 4).

52. Паксяды паксяс горбун дувы арьтые. — Тарваз. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 80).

53. Пексэпѕы варя, мукурцыпѕы тула. — Боцька.

54. Пильгиѳтими кшнинь лата. — Качама.

55. Пиряўксыпь бачк сеепи порьпе. — Кщирьдима.

56. Пряпѕы сэвезь, сывилиѕы ёрдэзь, а чубапѕы лапгтызыст орчезь. — Мушка.

57. Салтума кулдыркай. — Кель.

58. Састь ломатть, кудыпь бряѳни кашмолеть; кудыпь бряѳнинь запзь, а кудысь вальмава лиссь. — Калыпь гундама.

---

48. У меня есть амбарушка, наполненная толченою полбой. — Зубы во рту.

49. Четыре брата мочатся въ одну дыру. — Коровьи титьки.

50. Четыре брата подъ однимъ покрываломъ[1]).—Ножки стола.

51. Четыре брата другъ друга не поймаютъ. — Колёса.

52. Съ поля на поле скачетъ горбатая свинья. — Серпъ.

53. На животѣ дыра, на заду клинъ. — Бочка.

54. Желѣзная крыша безъ ногъ. — Дымъ.

55. Козочка грызетъ черезъ загородь. — Пряденіе.

56. Самого съѣли, мясо его бросили, а шкуру его надѣли на себя. — Конопля.

57. И безъ соли болтунъ (?). — Языкъ.

58. Пришли люди, хозяева молчатъ; хозяевъ взяли, а изба вышла черезъ окно. — Уженіе рыбъ.

1) Учаевъ не знаетъ, что̀ значитъ ябуньця.

59. Сисимь руцясы паляса, мукурызы ушыса. — Капста. (Ср. Paasonen, I, № 197).

60. Сопьць кудышка, сультизы арась. — Мацт. (Ср. Paasonen, I, № 133).

61. Сопьць кшпинь, булызы мушкьшь. — Салмукс.

62. Сопьць тумунь, карксызы калинь. — Боцька; парь. (Ср. Paasonen, I, 285).

63. Сопьць штапа, панарызы поцэпѕа. — Свеча. (Ср. Paasonen, I, № 286),

64. Степасты мези а саиве? — Чи валда.

65. Сюлгамусь чопафпе, Равусь кельме. — Кодама.

66. Сяды алаша, ве терьть. — Куды матка.

67. Утум ɥапан угултума, тувут ээпѕы паняи пулуфтумут. — Нешки ды брумт. (Ср. Обр. морд. нар. сл. II, № 47).

68. Чиньк вепекь горясап, качама алга олясап. — Заслоп. (Ср. Paasonen, I, № 308).

69. Чить киримьтяпа, веть вепемьтяпа. — Карьгарькст. (Ср. Paasonen, I, № 311: acamoťńe).

---

59. Въ семи руцяхъ и рубашкахъ, а задъ наружи. — Капуста.

60. Самъ съ домъ, а тѣни нѣтъ. — Погребъ.

61. Самъ желѣзный, хвостъ его конопляный. — Иголка.

62. Самъ онъ дубовый, поясъ его ивовый. — Бочка.

63. Самъ голый, рубашка его внутри него. — Свѣчка.

64. Чего нельзя взять со стѣны? — Солнечный свѣтъ.

65. Запонка ныряетъ, Волга мерзнетъ. — Ткапьё.

66. Сто лошадей, одни путы. — Матка въ домѣ.

67. Амбаръ срублю безъ угловъ, погоню въ него свиней безъ хвостовъ. — Улей и пчелы.

68. Днемъ и ночью я въ горѣ, въ то время, когда топится, я на волѣ. — Заслонъ.

69. Днемъ скорчимся, ночью протянемся.—Оборы въ лаптяхъ.

70. Якаське пакаське, кенкш удалуў оймаське. — Палка. (Ср. Paasonen, I, № 51 и Обр. морд. нар. сл. II, № 44).

Пословицы.

1. Кирьть кирьть кельпет, тапьтий ямды антан.
2. Ломань алашасты рудайс валгат. (Ср. Paasonen, I, S 78).
3. Мези ломаннинь арьцят, се эсьтять уле.
4. Мези марта кольпят, секепень докават.
5. Мези теят, секи неят. (Ср. Paasonen, I, № 75).
6. Нен пинись онге, анеецясь аще.
7. Пряды ушуў билить а касыть.
8. Саразысь клюказь глюке, пты пешкеде.
9. Учаня кулысь, кардапя чамсь. (Ср. выше Орк. № 14).

---

70. Ходилка гулялка, за дверью отдыхалка. — Палка.

---

1. Держи, держи свой язычекъ, я накормлю тебя вкусной похлебкой.
2. Съ чужой лошади въ грязь слѣзешь.
3. Что ты желаешь другому, то будетъ тебѣ самому.
4. Съ чѣмъ ты балуешься, до того дотронешься.
5. Что ты дѣлаешь, то и видишь.
6. Зрячая собака лаетъ, незрячая сидитъ.
7. Уши не выростутъ выше головы.
8. Курица клюетъ (по зернушку), и то тучнѣетъ.
9. Овечка померла, хлѣвушокъ опорожнился.

Поговорки.

Божба:

1. Пежеть (мои бежеть эзени некь).
2. Ойменезэн.
3. Татарынь ȡакшс оймемь бииза.
4. Тантарали туизан.
5. Келемь госькеза.

Божба съ хитростью:

1. Коськи эрькс ваязан.
2. Кулы варака сельмемь даргаса (или: даргасэ).

Заклятія.

1. Канцяўсь пачкат, котоў зезепѕат, спсимпў лазыпѕат. — 2. Комады кулык, веляфтыцят как пилзы ульть. — 3. Эсь грехезэт тоньц лепеяк. — 4. Пильгит кедет катардыст, кувалмут

---

1. Право (я, право, не видѣлъ этого).
2. Въ мою душу.
3. Пусть сварится моя душа въ татарскомъ горшкѣ.
4. Пусть я провалюсь въ тартарары.
5. Пусть отсохнетъ мой языкъ.
1. Пусть я утону въ сухомъ озерѣ.
2. Пусть мертвая ворона выклюетъ мой глазъ (Мертвая ворона выклюетъ мой глазъ).

---

1. Пусть рожа сквозь тебя, шесть разъ пусть тебя разорветъ, семь разъ пусть расколетъ. — 2. Умри пичкомъ, пусть нѣкому было бы и перевернуть тебя. — 3. Захлебнись самъ въ своихъ грѣхахъ. — 4. Пусть высохнутъ ноги и руки, пусть опустятся вдоль

новолест. — 5. А стявтксысь теепзат. — 6. Эземепь гувалт а венемат. — 7. Пильги сурчкат сак. — 8. Пукщать орматьпи пачкат. — 9. Сельмп варят лиепст почкодест, лангкс кумбряск кепетест, пкилпт праст. — 10. Тантаралп тупзат. — 11. Мещя потмот пекстаза. — 12. Машпй бурьгипсь ледепзат. — 13. Эсь кельми валызыт топьць токафт. — 14. Парыпь зэвей пар алуў, сэви тикши мушк пушк. — 15. Нижыт пижыт эсь прязыт, эсь эйдезэт какшызыт.

Скороговорки.

1. Кудысы тулысы панцт.
2. Кафты паринь барьцирить.

тебя. — 5. Чтобы тебѣ не встать. — 6. Не протянуться бы тебѣ вдоль лавки. — 7. Окажись съ ножной палецъ. — 8. Пусть пучащія болѣзни сквозь тебя. — 9. Пусть выйдутъ и лопнуть глазныя отверстія, пусть поднимутся , пусть упадутъ передъ тобой. — 10. Чтобы тебѣ провалиться въ тартарары. — 11. Пусть запрется внутренность твоей груди. — 12. Пусть застрѣлитъ тебя молнія въ свѣтлый день. — 13. Самъ коснись своего нехорошаго (холоднаго) слова. — 14. Ѣдящій траву «пар» будетъ самъ подъ травой «пар», ѣдучая трава разлетится вдребезги. — 15. Твои заклятія на твою голову, на твоихъ собственныхъ дѣтей.

---

1. Въ избѣ на гвоздѣ узда.
2. Кадушечные края двухъ кадушекъ.

Отдѣлъ VI. Пѣсни.

А. Оркино.

№ 1 [1]).

A ťeľeńä, ťeľeńä!
Ťeľeś uľńiś jakšama.
Kyť jakšama pogȯda,
Lutkńiń latkńiń ṕeščėńǯä,
V́äśij kiťńiń v́äľťińǯä.
Ṕiŕudaluu̯ [2]) v́ä ki kaťć.
Maša moľä kijavańť,
Izvoščėkeś sasyźä,
Izvoščėkeś avyľ pokš,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующей семь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога. 2) ṕiŕidaluu.

Ахъ, зимушка, зимушка!
Зима была холодная.
Хоть холодная погода,
Она наполнила долы и овраги,
Всѣ дороги она покрыла.
Позади гуменъ оставила одну дорогу.
Маша идетъ по этой дорогѣ,
Ее нагналъ извозчикъ,
Извозчикъ не большой,

Kyť avyľ pokš, jožouńä.
Karmaś Mašań käuḱśńimä:
— Ton kou moľat, Mašuńa? —
— A vasyluu, ťäťäńiń,
— Kafta kolma latkyń troks,
— Muravľinyj stolbeńä,
— Stolbańť ṕrasa kudyza,
— Kolma krasnyχť vaľmanʒa,
— Nurda muška v́ä ḱesak,
— Parga mośka v́ä pula. —
Kosa Maša ṕiďiźä?
Bańa ṕećkas kajiźä.
Kuva Maša ľijiźä?
Šušma ṕrava ľijiźä.
Kozėń Maša śťaftyźä?
Zabyr vaŕas śťaftyźä.

Хоть не большой, умненькій.
Началъ Машу спрашивать:
— Ты куда идешь, Машенька?—
— Недалеко, къ отцу,
— Черезъ два три оврага,
— Муравлёный его столбикъ,
— На столбикѣ его домъ,
— Три красныхъ его окошка,
— Съ возъ конопли—одна пятина,
— Кузовъ мочекъ—одна пасма. —
Гдѣ Маша испекла его?
Она бросила его въ баню.
На чемъ Маша сновала?
По сугробамъ сновала.
Гдѣ Маша поставила его (холстъ)?
Она поставила его въ отверстіе забора.

Ṕeľä čočka—v̇iǵińiś,
Morga vaŕa—kajamyś.

№ 2.

Dova dova, dov́eńä,
Dova baba saldatka,
Dovań kolma ćoranʒa,
Kolma pusta śv́etėnʒa.
Pokš ćoranʒa av́ečksä,
Pokš äjd̂inʒa ak̂eľksä.
Ekšȯľeźä, vaďiźä,
Aša panar orčafńiś,
Sormau̯ poŋksk̂eť maksykšnyś,
Sur ṕrińiďä kundyźä,
Moŕa b̂eŕeks v́eťeźä,
Čava sudnas noldėźä.

Половина обрубка — бердо,
Отверстіе сучка — челнокъ.

Вдова вдова вдовушка,
Вдова старуха солдатка,
У вдовы три сына,
Три пустыхъ цвѣтка.
Старшаго сына она не любитъ,
Старшее дитя не можетъ терпѣть.
Вымыла его, смазала,
Бѣлую рубашку надѣла,
Дала ему пёстрые штаны,
Взяла его за кончики пальцевъ,
Привела его на берегъ моря,
Пустила его въ пустое судно.

— Proščaj, proščaj, iďakaj. —
— Rad proščauľiń, avakaj,
— Ḱedeḿ v́äńťan, asatä,
— Surṕiŕińin a tokeť,
— Vaľǵij maksan, a maŕat.
— Mon aproščan, avakaj,
— Laŋkstyn paľam kaladums,
— Ṕiľkstyn poŋksėn suŕińďams,
— Śesta proščan, avakaj,
— Źarda paľam kaladä,
— Źarda poŋksėn suŕińďiť,
— Tundyń kukuuks ťäjivan,
— Žurav ṕŕäzyt mon valgan,
— Tundyń kukuuks kukyrdan,
— Tundyń ćokouks ćokȯrdan.—

— Прощай, прощай, дѣточка.—
— Радъ бы простился, матушка,
— Руку протягиваю, не достаетъ,
— Кончики пальцевъ не достаютъ.
— Голосъ дамъ, не услышишь.
— Я не прощусь, матушка,
— Пока не развалится на мнѣ рубашка,
— Пока не пойдутъ по ниточкамъ штаны на моихъ погахъ.
— Тогда я прощусь, матушка,
— Когда развалится моя рубашка,
— Когда пойдутъ по ниточкамъ мои штаны,
— Я сдѣлаюсь весеннею кукушкой,
— Я влѣзу на верхъ колодезнаго журавля,
— Я закукую какъ кукушка,
— Я запою какъ соловей.

Ср. Сухокарбул. № 2.

№ 3 [1]).

— Адя, полай, титянь кудув,
— Адя, вастай, алянь кудув.
— Титянь куца мон сэрпян,
— Алянь куца мон кялпяп. —
Кильдясь повэць сыря ракша,
Озафтызя сон ялганза,
Икильця ортава сон лифтизя [2]),
Удалцыванть сувафтызя,
Кустима пяс арафтызя;
Мязя ванцы—сон кардайса,
Вай, мязя ванцый—кустима пяса! [3])
— Кода, полай, мон сюдытап?
— Кода, вастай, мон эрьдикстан? —

1) Восемь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.
2) Стихъ испорченъ.
3) Быть можетъ: Мязя ващцый—кустьма пяса.

— Поѣдемъ, муженёкъ, въ отцовскій домъ,
— Поѣдемъ, муженёкъ, въ домъ старшаго деверя.
— Въ отцовскомъ домѣ я выросту,
— Въ домѣ старшаго деверя я пополнѣю.—
Онъ запрягъ старую лошадь,
Посадилъ свою подругу,
Въ переднія ворота онъ вывелъ ее,
Въ заднія ворота онъ ввелъ ее,
У крыльца онъ остановилъ ее.
Что она видитъ — она на дворѣ,
Ой, что она видитъ — она у крыльца!
— Какъ, муженёкъ, я тебя прокляну,
— Какъ, муженёкъ, я тебя закляну?

— Истя, вастай, мон эрьдикстан:
— Пякпязан, лангтызан,
— Истя, полай, мон сюдытан,
— Моньцъ чачтамста кулызан[1]),
— Пижä эйдись сядий сянгыркськс кадувыза[2]).
— Пякяза лангтыяза сыря ракшась[3]),
— Вашыямста сон кулыза,
— Пижä вашысь кадувыза.
— Пякияза лангтыяза сыря скалысь[4]),
— Вазыямста сон кулыза,
— Пижä вазысь кадувыза. —
Ух, пякиясь лангтыясь соньцъ,
Ды чачтамста ды сон кулысь,
Пижä эйдись ды сон кадувсь.

1) Быть можетъ: Моньцъ чачтамста мон кулызан.
2) Быть можетъ: Пиже эйдись кадувыза, Сядий сянгыркс кадувыза.
3) Быть можетъ: Пякияза сыря ракшась.
4) Быть можетъ: Пякияза сыря скалысь.

— Вотъ такъ, муженёкъ, я тебя прокляну,
— Вотъ такъ, муженёкъ, я тебя закляну:
— Пусть я забеременѣю,
— Пусть сама умру во время родовъ,
— Пусть останется маленькій ребенокъ, какъ сердечная боль.
— Пусть понесетъ старая лошадь,
— Пусть околѣетъ въ то время, какъ жеребится,
— Пусть останется маленькій жеребенокъ.
— Пусть понесетъ старая корова,
— Пусть околѣетъ въ то время, какъ телится,
— Пусть останется маленькій теленокъ. —
Охъ, забеременѣла она сама,
Во время родовъ она умерла,
Остался маленькій ребенокъ.

Ух, пякиясь сыря ракшась,
Вашыямста ды сон кулысь;
Пижä вашысь ды сон кадувсь.
Ух, пякиясь сыря скалысь,
Вазыямста ды сон кулысь,
Пижä вазысь ды сон кадувсь.
Истямышка горяс кадувсь,
Истямышка сон апарыс.
Кудув сувя, пижä эйдись ранга[1]),
Сядийстынза лоскэт лутьня.
Ушув лися сон кардазув,
Пижä вашысь ды сон цяхя,
Пижä вазысь ды сон парэ.
Истямышка сон горяса,
Истямышка сон апарыса[2]).

1) Быть можетъ: Кудув сувя, эйдись ранга.
2) Быть можетъ: Истямышка апарыса.

Охъ, понесла старая лошадь,
Въ то время, какъ жеребилась, она околѣла,
Остался маленькій жеребенокъ.
Охъ, понесла старая корова,
Въ то время, какъ телилась, она околѣла,
Остался маленькій теленокъ.
Онъ остался на такое великое горе,
Онъ остался на такое великое зло.
Войдетъ въ избу, плачетъ маленькій ребенокъ,
Съ сердца его отрываетъ лоскутъ.
Выйдетъ наружу на дворъ,
Маленькій жеребенокъ ржетъ,
Маленькій теленокъ мычитъ.
Въ такомъ онъ великомъ горѣ,
Въ такомъ онъ великомъ злѣ.

— Кабы содавлинь мон се горядыньть [1]),
— Кабы содавлинь мон се апарыдыньть [2]).
— Чыстыньть колмэксть ускувлиня
— Тятянь кудув мон ведь сонѕа
— Чыстыньть колмэксть ускувлиня
— Алянь кудув мон ведь сонѕа.

№ 4 [3]).

Pakśińä, pakśa pakśaška,
Pakśańt́ kunćkasa gubyrnä,
Gubyrynt́ ṕrasa ḱiĺijńä,
Ḱiĺijńińt́ aly v́äĺińä,
V́äĺisynt́ uĺi kudyńä,

1) Быть можетъ: Каб содавлинь се горядыньть.
2) Быть можетъ: Каб содавлинь се апардыньть.
3) Восемь слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

— Если бы я зналъ про это горе,
— Если бы я зналъ про это зло,
— Каждый день по три раза возилъ бы я ее
— Въ отцовскій домъ,
— Каждый день по три раза возилъ бы я ее
— Въ домъ старшаго деверя.

Ср. Обр. морд. нар. слов. I, № XXXV (съ знач. варіантами); у Paasonen, Proben, № L; ниже Сухокарб.

Полюшко, поле съ поле,
По серединѣ поля бугоръ,
На верху бугра берёзка,
Подъ берёзкой деревушка,
Въ деревушкѣ избушка,

Kudysyńť äŕä ťäχťiŕńä,
Ťäχťiŕińť marta uŕkaza.
Täχťiŕiś udä, uduŋkšnyś,
Uŕäžyś śťaftä äjsynʒa.
— Śťaka, śťakaja, aŋńikaj!
— Ćoraťńi pačkyćť umalaŋks,
— Stadaťńi pačkyćť väľipes. —
Śťakšnyś ťäχťiŕiś, son ḿeŕä:
— Uχiń, uŕińiḿ, avińiḿ,
— Udyń, udyń mon, uduŋkšnyń,
— A pary onnes čoŋŕaŋkšnyń:
— Blagyj väď čuďä bokavan,
— Säťḿi väď čuďä ombovan,
— Ṕŕam välkska blagyj buŕǵińä,
— Čeŕb̄ävan valdy ťäšť śveťeť.—
— Iľak jofńe ton ťe onnėńť,

Въ избушкѣ живетъ дѣвушка,
Съ дѣвушкой ея сноха.
Дѣвушка спитъ, започивала,
Сноха будитъ ее.
— Встанька, встань-ка, золовушка!
— Мужики подошли къ загону,
— Стада подошли въ конецъ села. —
Встала дѣвушка, она говоритъ:
— Охъ, сношенька моя, матушка моя,
— Я спала, спала, започивала,
— Не въ хорошій сонъ я замѣшалась:
— Злая рѣка течетъ у меня по одной сторонѣ,
— Тихая рѣка течетъ у меня по другой,
— Надъ головой моей злой громъ,
— По концамъ волосъ свѣтятъ свѣтлыя звѣзды. —
— Не сказывай ты этого сна,

— Dušman lomańńiń t́e onnéś!
— T́e godėńt́ ľiśat ḿiŕd́ińiń,
— Blagyj buŕǵińiś at́afyt,
— Ṕići jondylyś avafyt,
— Sät́ḿi v́äd́ńiś toń polėńet,
— Valdy t́äšńä toń äjt́ kakšyt.—
Uŕäžyś śeki čyńistyńt́
Pary t́äχt́iŕińt́ ṕäčkiźä,
V́äd́ńiks v́äŕńinʒa noldėźä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки Татьяны Учуськиной.

№ 5 [1]).

Ad́ida, jalgat, a tyń ad́ida
Ṕižy lugava, jalgat, jakama,

1) Въ этой и въ слѣдующихъ пѣсняхъ десять слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

— Этотъ сонъ (пусть) для дурного человѣка!
— Въ этомъ году выйдешь замужъ,
— Злой громъ твой свекоръ,
— Жгучая молнія твоя свекровь,
— Тихая рѣчка твой муженекъ,
— Блестящія звѣзды твои дѣти. —
Сноха въ тотъ самый денёчекъ
Зарѣзала добрую дѣвушку,
Пустила кровь ея рѣчкой.

Пойдите, подруги, вы пойдите
Гулять, подруги, по зеленому лугу,

Gořńi poŋ ćećäń, jalgat, śeźńemä,
Ḱäřäm śuruva, jalgat, vačkama,
Uľćäń kuvalma, jalgat, jutama,
Mazyj moręńeń, jalgat, morama,
Udy lomańiń, jalgat, śťaftuma,
Aščy lomańiń, jalgat, mańńimä.
A ńesėńek ľi mazyj Śemušań?
— Vaśńa vancyńik ikiľä ṕeľďä,
— Tosa vancyńik udala ṕeľďä.
— Kota käľisa Śemań paľaza,
— Kolma käľisa paľa ožanʒa,
— V́äťä käľisa Śemań poŋksėnʒa,
— Soska paćińiń poŋks potmaksyza,
— Pańćijiń gajťan poŋks gaśńikiza.

Рвать, подруги, цвѣты колокольчики,
Накладывать, подруги, ихъ по стрижкамъ на лбу,
Проходить, подруги, вдоль улицы,
Пѣть, подруги, красивыя пѣсни,
Будить, подруги, спящихъ людей,
Усыплять, подруги, неспящихъ людей.
А видѣли ли вы красиваго Сёмушку?
— Сначала мы увидѣли его спереди,
— Потомъ мы увидѣли его сзади.
— Семёнова рубашка въ шесть полотнищъ,
— Рукава его рубашки въ три полотнища,
— Семёновы штаны въ пять полотнищъ,
— Изъ марли ширинка его штановъ,
— Шелковый гайтанъ его ошкуръ.

Ср. у Reguly № 15d и ниже Сухокарь.

№ 6.

Čačumda pary Ǵibajś udalaś,
Kasumda vaďŕa Gibajś ṕek paryľ.
Śupaŋdy śupaft pary Ǵibajińť,
Koźoŋdy koźoft vaďŕa Ǵibajińť,
Ḿäľganʒy jaḱiť, ḱisynʒy jaḱiť.
Ťäťäś jaksyľʒä Ǵibajńť śupaŋńiń,
Son čyjaksyľʒä Ǵibajńť koźoŋńeń.
— Vaj, mon amoľan, ťäťkaj, śupaŋńiń,
— Vaj, mon amoľan, kormaj, koźoŋńeń:
— Śupavyńť lama pakśa robota,
— Koźovońť lama kudyń ďäviza;
— Čokšńi pozdas son ṕek robotaftä,
— Valcḱi rana son ṕek zabotaftä.
— Mon lučy moľan, ďäťkaj, pastuχńiń:
— Pastuχyń anyk viďiń źuryza,

Рожденіемъ славная Гибая удалась,
Возрастаніемъ добрая Гибая удалась.
Изъ богатыхъ богатые за хорошей Гибаей,
Изъ зажиточныхъ зажиточные за доброй Гибаей,
Ходятъ за ней, ходятъ ради нея.
Отецъ хотѣлъ проходить Гибаю за богатаго.
Отецъ хотѣлъ просватать Гибаю за зажиточнаго.
— Ой, не пойду, батюшка, я за богатаго.
— Ой, не пойду, кормилецъ, я за зажиточнаго:
— У богатаго много полевой работы,
— У зажиточнаго много домашняго дѣла.
— До поздняго вечера онъ заставляетъ сильно работать,
— Утромъ рано онъ заставляетъ сильно заботиться.
— Лучше я пойду, батюшка, за пастуха:
— У пастуха готовъ посѣянный хлѣбъ,

— Pastuχyń anyk pańiń kšyńiza,
— Pastuχyń anyk ramań salynʒa. —
Čyjiź Ǵibajińt́ pary pastuχńiń.
Ńedl'azynʒa son avaks t́äjikšńiś,
Pastuχyń stojlaų Ǵibajś mol'ekšńeś.
Maky loṕeńet́ sonʒa rućanʒa
Stojla ṕir'avańt́ Ǵibajś strafnyńʒä.
Tundyń ṕiźińiś rućat ṕiźińʒä,
Ćudi v́äd'ińiś rućat salyńʒä.
Śesty Ǵibajiś son dy fat́akšnyś:
— Är'avyl' mol'ems lučy śupaųńiń;
— Śupavyń ul'i putyń gudyza,
— Śupavyń guca ṕiźiń' a tok̇ä;
— Pastuχyń araś putyń gudyza,
— Pakśa kuńčkasa stroäń stojlaza. —
Śtapa laŋǵińis Ǵibajś varčyźä,

— У пастуха готовъ испеченный хлѣбъ,
— У пастуха готова купленная соль. —
Просватали Гибаю доброму пастуху.
Черезъ недѣлю она сдѣлалась матерью,
Пошла Гибая въ стойла пастуха.
Свои руци какъ маковъ цвѣтъ
Гибая развѣсила надъ стойлами.
Весенній дождикъ замочилъ руци,
Текучая рѣчка утащила руци.
Тогда Гибая спохватилась:
— Надо было лучше идти за богатаго,
— У богатаго есть выстроенный домъ,
— Въ домѣ богатаго дождикъ не достанетъ;
— У пастуха нѣтъ выстроеннаго дома,
— По серединѣ поля его выстроенныя стойла. —
На голое тѣло посмотрѣла Гибая,

Paľanʒa tundyń ʒadyś salyńʒä.
Vačkyć Ǵibajiś kafty ḱeďenʒa,
Šuvyrdaś Ǵibajś ḱämiń surynʒa,
Čamań ǵäľis tuśť ṕśi śaľväďinʒa.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 7.

Dubylga kořeněń babań kudyza[1]),
Ofta lapań dy babań vaľmanʒa.
V́äśť śälǵä babaś, kauḱśť varčtä babaś:
Vaľmalgańť ľifťä dy už graćiń polk.
— Užyda, graćḱiť, a tyń lotkada!
— Kona storónau, graćḱiť, moľďada?
— Äźiŋḱ ńeḱ ľi moń para polěńeḿ? —
— Ḿińďeďeněk ḿäjľä ľifťä ǵiǵań polk[1]). —

1) Въ этомъ стихѣ по ошибкѣ записано одиннадцать слоговъ.

Рубашки ея унёсъ весенній потокъ.
Всплеснула Гибая обѣими руками,
Сжала Гибая свои десять пальцевъ,
Во всю ширину лица пошли ея горючія слезы.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I № XXXII и № LVI; у Paasonen, Proben, I № VI.

Изъ корней таволожки старушкинъ домъ,
Изъ медвѣжьей лапы старушкины окна.
Одинъ разъ воткнетъ старуха, два раза посмотритъ:
Подъ окошкомъ летитъ уже стая грачей.
— Подождите, грачики, а вы остановитесь!
— Въ какую сторону вы, грачики, идете?
— Не видали ли вы моего хорошаго муженька? —
— За нами летитъ стая гусей. —

— Užyda, ǵigat, a tyń lotkada!
— Kona storònau̯, ǵigat, jaḱidä?
— Kona ujezdou̯, ǵigat, jaḱidä?
— Äźiŋḱ ńeḱ ľi moń para polėńeḿ? —
— Ṕenʒań storònau̯, babaj, jaḱińiḱ,
— Ṕenʒań ujezdou̯, babaj, jaḱińiḱ.
— Ńejeńeḱ, babaj, toń para polat,
— Säŕij ṕičyška sonʒa säŕiza,
— Ḱi v́ä bokasa sonʒa ṕŕińiza,
— Omba bokasa sonʒa ruŋgyza,
— Čaryj śľedńeva v́äŕiza čuďä,
— Syv́iľńistynʒa, babaj, bruď bruďiť,
— Lovažastynʒa, babaj, säď mośťeť,
— Ṕŕasa čeŕďenʒa čeŕeń ṕiks poněť. —

— Подождите, гуси, а вы остановитесь!
— Въ какую сторону вы, гуси, отправились?
— Въ какой уѣздъ вы, гуси, отправились?
— Не видали ли вы моего хорошаго муженечка?
— Мы отправились, бабушка, въ Пензенскую сторону,
— Мы отправились, бабушка, въ Пензенскій уѣздъ.
— Какъ высокая сосна его тѣло,
— Мы видѣли, бабушка, твоего хорошаго мужа,
— На одной сторонѣ дороги его головка,
— На другой сторонѣ его туловище,
— По колеснымъ слѣдамъ течетъ его кровь,
— Изъ мясца его, бабушка, прудятъ прудъ,
— Изъ костей его, бабушка, мостятъ мостъ,
— Изъ волосъ на головѣ вьютъ волосяную веревку. —

№ 8.

Kaťa, Kaťuša, Kaťiŕinuša,
Aďa, Kaťuša, ťäťat ťäŕďińʒiť,
Ťäťat ťäŕďińʒiť, čyjams v́äšyńʒiť
Parga sakalnyń, syŕä aťäńiń.
— Mon mońć kak safca ťe polańť maŗta:
— Puŕǵińä palakst alynʒa acan,
— Mon ṕići palakst ṕŕalynʒa putan,
— Šäjiľiń ʒuba laŋganʒa v́äľťan. —
Kaťa, Kaťuša, bojaravuša,
Aďa, Kaťuša, ťäťat ťäŕďińʒiť,
Ťäťat ťäŕďińʒiť, čyjams v́äšyńʒiť,
Son odʒorańiń, para aľäńiń.
— Mon mońć kak safca ťe polańť maŗta:
— Puχovoj ťošak acan alynʒa,

Катя, Катюша, Катеринуша,
Иди, Катюша, отецъ тебя позвалъ,
Отецъ тебя позвалъ, потребовалъ тебя, чтобы просватать
Старому старику съ бородою лукошкомъ.
— Я и сама сумѣю (сдѣлаться) съ этимъ мужемъ:
— Я постелю подъ него татарникъ,
— Я положу подъ его голову крапиву,
— Я надѣну на него ежовую шубу. —
Катя, Катюша, барышня,
Иди, Катюша, отецъ тебя позвалъ,
Отецъ тебя позвалъ, потребовалъ тебя, чтобы просватать
Парню, доброму молодцу.
— Я и сама сумѣю (сдѣлаться) съ этимъ мужемъ:
— Я постелю подъ него пуховую перину,

— Paŕćijiń todou̯ putan ṕralynʒa,
— Baraškań ǯuba v́äl̕t́an laŋganʒa. —

№ 9.

Kovòlou̯ ǯuďi Cyḿbiŕuš v́äďiś,
Kovòlou̯ moľi Każanuš v́äďiś?
Ob́edou̯ ǯuďi Cyḿbiŕuš v́äďiś,
Ob́edou̯ moľi Kazanuš v́äďiś.
Vaj, bruďäśt́ bruďäśt́, son a bruďäv́ä,
Vaj, ṕekstaśt́ ṕekstaśt́, son a ṕekstav́ä.
Lomań b́ŕaftumy son a bruďäv́ä,
Lomań b́ŕaftumy son a ṕekstav́ä.
Davajt́i, bratcy, a ḿiń davajt́i,
Ḿiń v́äľiń brumksḱä, bratcy, t́äjďana,
Ḿiń žèŕeb́ejsy ḿiń gajatana,

— Я положу подъ голову ему шелковую подушку,
— Я надѣну на него барашковую шубу. —

Куда течетъ рѣка Симбирка,
Куда идетъ рѣка Казанка?
На югъ течетъ рѣка Симбирка,
На югъ идетъ рѣка Казанка.
Охъ, прудили ее прудили, ея не запрудить,
Охъ, запирали ее запирали, ея не запереть.
Безъ человѣческой головы ея не запрудить,
Безъ человѣческой головы ея не запереть.
Давайте, братцы, давайте,
Мірской сходецъ, братцы, соберемте,
Мы жеребьемъ кинемъ,

Konańiń zatä vaśiń žėŕebejś,
Konańiń zatä ṕŕa jumam' ʒuftyś.
Vaj, Ḿikuž uľńiś v́äľiń zdarysta,
Vaj, Ḿikuž uľńiś v́äľiń b́ŕačufta.
Ḿikužyń uľńiś ťäχťiŕ ďakaza.
Ḿikužnyń zatyć vaśiń žėŕeb́ejś,
Ḿikužnyń zatyć vaśiń b́ŕaks čuftyś:
Ḿikužyń ďakańť bruďińťi bruďams.
Ḿikužyń ďakaś eščo a sodä.
Son udyś udyś, ťakaś udunkšnyś,
A par' onnės son ďakaś čouŕaukšnyś.
Maŕasy šumńä, ṕeḱ uš maŕäv́ä,
Maŕasy žalfḱä, ṕeḱ uš ćudav́ä.
Syrgyjć Ḿikužyń ṕižy ťakaza.
— Uχiń, avakaj, ḿeŕi, koŕmakaj,
— Ḿäjiń iśťamy šumńi maŕäv́ä,

Кому достанется первый жеребей,
Кому достанется губящее голову дерево.
Ой, Николай былъ сельскимъ старостой,
Ой, Николай былъ сельскимъ головой.
У Николая была дочка—дитя.
Николаю достался первый жеребей,
Николаю досталось губящее голову дерево:
Николаево дитя должно употребить на запруду.
Николаево дитя еще не знаетъ.
Оно спало-спало, дитя заспалось,
Увидѣло дитя нехорошій сонъ.
Оно слышитъ шумокъ, сильно ужъ слышится,
Оно слышитъ небольшой гулъ, сильно ужъ чудится.
Проснулось Николаево малое дитя.
— Охъ, говоритъ, матушка кормилица,
— Что за шумокъ такой слышится,

Ḿäjiń iśťamy žalfḱi ćudav́ä?
Ḿikužyń śimďiť v́äśi v́inada,
Ḿikužyń v́eťeť kafty bokava.
V́äľiń brumksḱińiḱ prumkšnyśť kardazuu̯.
Ḿikužyń ďakańť kucty targakšnyź,
Bruď gyŕǵińińťi sonʒy uskykšnyź,
Bruďińť aluu̯ zyń zonʒy kajakšnyź,
Navôsḱesy syń zonʒy vaľakšnyź.
Śesty ṕekstau̯ś ťäst Cyḿbiŕuš v́äďiś,
Iśťa ḱiŕďiź zyń Gazanuš v́äďińť.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

Варіантъ. (Послѣ сообщенія о снѣ): Onctênʒa i b́ŕeďä: valdy zoŕaś valdy ťäśńiń marta i valdy kovôś i v́äχc saśť i jau̯śť.—Užy moľa·n šabra·ń baba·ńiń, jofńesa· ťe o·nnéńť. — Vot, babi·ńiḿ, a par' on ńeje·ń: valdy zoŕa·ś valdy ťäśńi·ń marta i valdy kovôś, v́äχca aščyśť i jau̯śť. — Baba·ś i ḿeŕä·: valdy zoŕa — ḿeľńeća· v́äďi·ś i

---

Что за гулъ такой чудится?
Николая всѣ поятъ виномъ,
Николая ведутъ съ обѣихъ сторонъ.
Весь мірской сходъ сошелся во дворъ.
Николаево дитя вытащили изъ дому,
Ее повезли къ мѣсту запруды,
Ее бросили на дно плотины,
Ее завалили навозцемъ.
Тогда заперлась у нихъ рѣка Симбирка,
Такъ задержали они рѣку Казанку.

(Варіантъ). Во снѣ она и бредитъ: свѣтлая заря вмѣстѣ съ свѣтлыми звѣздами и свѣтлый мѣсяцъ вмѣстѣ сошлись и разошлись.— Погоди, я пойду къ сосѣдкѣ старухѣ, разскажу ей этотъ сонъ. — Вотъ, старушка, я видѣла нехорошій сонъ: свѣтлая заря вмѣстѣ съ свѣтлыми звѣздами и свѣтлый мѣсяцъ вмѣстѣ стали и разошлись.— Старуха и говоритъ: свѣтлая заря—мельничная рѣка и рѣка Ка-

Kazanu·š v́äďi·ś, a valdy ťäśńi ḿeľńećä·ń gula·kńä, valdy kovȯś uľi·v́iľ ḿiŕďi·t, valdy ťäśńä· uľiviļť äjďi·t. Ťe onnė·ś, Agaša· duša, ťe onnė·ś apa·ra. Ućaska·t marta v́äśi·j moľat ḿeľńeća· v́äďių i Kazanu·š v́äďių. Ḿeľńećäń ǵävi·ś valdy kovȯ·ś. — Ašylga·dykšnyś valdy čyńi·za, i ḿäźi· vanä· Agaša· duša·: ťäťaʒy v́eťeť kafty ṕeľďä v́äľi·ń aťat, v́äľi·ń zuďjat. — Naŕäža·k, Agaša duša·, dočeńeḿ; mońäń zatyć vaśiń b́ŕaks čuftyś i vaśi·ń žeŕeb́e·jś. Toń v́eťams ḿeľńećäń v́äďių, Kazanuš v́äďi·ų. — Koľeŋka·va naŕäžyź saf́ja·nca Agašė·ń dušė·ń, karksa·mńiva paŕći·jsa, kafty ṕe·ľďä kundy·ź i saji·ź, v́eťe·ť sonʒa, Agašė·ń dušėń Kazanuš v́äďi·ų, ḿeľńećäń v́äďi·ų. V́eťe·ź ḿeľńeća· b́e·ŕeks, ḿeľńeća· čy·ŕis. — Ježľi v́e·čkemga sajsamak, v́äďava matu·škam, jaft kafta ṕeľej, iľamak tandaft. — Kaftuų jaųś ḿeľńeća· v́äďi·ś i prok utka·ń buχ saji·źä, i avaŕďä i avaŕdä, ava·ŕkšńä: proščäjťe, uŕi·ńin, av́i·ńin.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

занка, а свѣтлыя звѣзды—мельничные кулаки, свѣтлый мѣсяцъ былъ бы твоимъ мужемъ, свѣтлыя звѣзды были бы твоими дѣтьми. Этотъ сонъ, душа Агаша, этотъ сонъ не хорошъ. Со всѣмъ твоимъ счастьемъ ты пойдешь въ мельничную рѣку, въ рѣку Казанку. Мельничный камень—свѣтлый мѣсяцъ.—Сильно разсвѣло, и что видитъ душа Агаша: ея отца ведутъ съ двухъ сторонъ сельскіе старики, сельскіе судьи. — Одѣвайся, душа Агаша, доченька моя; мнѣ досталось первое дерево на голову и первый жеребей. Тебя надо вести въ мельничную рѣку, въ рѣку Казанку.— По колѣна одѣли душку Агашу въ сафьянъ, по поясокъ въ шелкъ, взяли съ двухъ сторонъ и ведутъ ее, душку Агашу въ рѣку Казанку, въ мельничную рѣку. Привели на берегъ, на край мельницы. — Ежели ты, ведява матушка, возьмешь меня любя, разступись на двѣ стороны, не пугай меня.—На двое разступилась мельничная рѣка и взяла ее, точно утиный пухъ, и плачетъ, и плачетъ она, заливается плачемъ: прощайте, снохи мои, матушки мои.

Ср. у Paasonen, Proben I № XIX.

№ 10.

Lugava jaḱä syŕä alašaś,
Syŕi tataryś jaḱi ḿäl'ganʒa,
V́ä ḱecėnʒy ṡoń dy v́išyń gopša,
Ombȯ ḱecėnʒa dy l'äu̯šyń nofta.
— Il'amak mańčy v́išyń gopšasa,
— Il'amak kuńći l'äu̯šyń noftasa.
— Koleńǵäḿiń gott služyń-vojov́eń,
— Paly śv́ečat moń ul'ńiśt́ dy śäl'ḿin,
— Ḱištiž ḱištil̥'t́ dy jaḱil̥'t́ ḿoń ṕil'ǵin,
— Nalkśiź nalkśil̥'t́ ḿoń jala dy ṕil'in,
— Puška val'ǵijs moń gluχyjgaćt́ ṕil'in,
— Puška kačams moń sokȯrgaćt́ śäl'ḿin,
— Ḿälka ḱäu̯ńis moń laznuu̯śt́ dy ṕil'ǵin,
— Puškań uskśiź moń śint́ŕiu̯ś dy ruŋgym.

Записано въ августѣ 1905 году отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

По лугу ходитъ старая лошадь,
Старый татаринъ ходитъ за нею,
Въ одной рукѣ его полбяной пирогъ,
Въ другой рукѣ его мочальный недоуздокъ.
— Не обманывай меня полбянымъ пирогомъ,
— Не хватай меня мочальнымъ недоуздкомъ.
— Тридцать лѣтъ я служила-воевала,
— Какъ горящія свѣчи были мои глаза,
— Пляша плясали и ходили мои ноги,
— Играя играли всегда мои уши,
— Отъ пушечнаго гласа оглохли мои уши,
— Отъ пушечнаго дыма ослѣпли мои глаза,
— Отъ мелкихъ камушковъ потрескались мои ноги,
— Возя пушки истерзалось мое тѣло.

Ср. ниже №№ 11 и 12 и также Сухокарб.; у Paasonen, Proben 1 № XLVII; у Reguly № 14e.

№ 11.

Лугава якя сыря алаша,
Мяльганза якя сыря татарысь.
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
Мяльганза якя сыря татарысь,
Вишинь копшаза кавалалынза
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
Вишинь копшаза кавалалынза,
Лявшинь нофтаза кедь кыргасынза.
Вай, ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй.
— Вай, иля яка, татар, монь мяльга,
— Илямак маньчэ вишинь копшасыт,
— Илямак купьця лявшинь пофтаса,
— Колэнь кяминь год служинь-воёвень.
— Прок палы свечат монь ульнисть сяльмия,
— Монь кичакс чарасть якпй пильгинин,

По лугу ходитъ старая лошадь,
За ней ходитъ старый татаринъ.
— — — — — — — —
За ней ходитъ старый татаринъ,
Полбяной пирогъ подъ его мышкой.
— — — — — — — —
Полбяной пирогъ подъ его мышкой.
Мочальный недоуздокъ вокругъ его руки.
— — — — — — — —
— Ой, не ходи, татаринъ, за мною,.
— Не мани меня полбянымъ пирогомъ,
— Не хватай меня мочальнымъ недоуздкомъ.
— Тридцать лѣтъ я служила-воевала.
— Будто горящія свѣчи были мои глаза,
— Мои ходящія ножки вертѣлись какъ молотильный цѣпъ,

— Налксизь ды палкспсть монь марий пилии,
— Юдмакс ювыць монь, татар, пулынимь.
— Пушкань качамнись сяльмин кярпньзя,
— Пушкань толпэпесь пулым кыртызя,
— Пушкань вальгипсь пилин потлепьзя,
— Мелка кявпитьня лазпызь копетан,
— Вай-ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй,
— Мелка кявнитьня лазнызь копетан,
— Пушкань ускснзь монь сипьтривсь рунгынимь,
— Вай-ляй-ляй-ляй-ляй; ляй-ляй-ляй-ляй-ляй.

Записано I. А. Цыбинымъ въ с. Оркинѣ въ сентябрѣ 1905 г.

№ 12.

Лугава́ якя́ сыря́ ала́ша,
Мяльга́нза якя́ сыря́ тата́р.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!

— Слышащія мои уши играя играли,
— Какъ почевка вился, татаринъ, мой хвостикъ.
— Пушечный дымомъ вырѣзалъ мои глаза,
— Пушечный огонь обжогъ мой хвостъ,
— Пушечный гласъ оглушилъ мои уши,
— Мелкіе камушки разбили мои копыта.
— — — — — — — — — —
— Мелкіе камушки разбили мои копыта,
— Возя пушки, истерзалось мое тѣльце,
— — — — — — — — — —

По лугу ходитъ старая лошадь,
За пей ходитъ старый татаринъ.
— — — — — —

Вить кецэ́нза лявши́нь но́фта,
Кярыць ке́цэнза вишинь ко́пша.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Вши́нь копша́са ма́ньча,
Ля́вшинь нофта́са ку́ньця.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Иля́мак ма́ньча вшинь ко́пшаса,
Иля́мак куньця́ лявши́нь нофта́са.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Ужа, тата́р, нужда́н–го́рян ёфпе́сень,
Ульни́сь пу́лынимь турба́шка,
Пу́шкань то́лнэсь курты́зя.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Пижи́нь сто́пка ульни́сть пальгя кяпжапин,
Мелка́ кявс соня́всть.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!

Въ правой рукѣ у него мочальный недоуздокъ,
Въ лѣвой рукѣ у него полбяной пирогъ.
— — — — — —
Полбянымъ пирогомъ онъ манитъ,
Мочальнымъ недоуздкомъ онъ ловитъ.
— — — — — —
Не мани меня полбянымъ пирогомъ,
Не лови меня мочальнымъ недоуздкомъ,
— — — — — —
Погоди, татаринъ, я разскажу свою нужду и горе.
Былъ мой хвостикъ какъ труба,
Его сжегъ пушечный огонёкъ.
— — — — — —
Какъ мѣдные кубки были ножныя копыта,
Они истерлись объ мелкій камень.
— — — — — —

Толкс палы́льть ся́льмя́ валды́нип;
Пу́шкань кача́мия кя́рипзя.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Щири́кс щирьди́льть пили́пип,
Пушкань шу́мпись глухийгацьть пили́нии.
Ой, лёй, лёй, лёй! лёй, лёх!
Гуйни́кс юмбы́дыль ла́пгипимь,
Юдма́кс юмбы́дыль ланги́нимь,
Пу́шка а́лув машць впйни́мь.
Карда́с пещёнь ракша́да,
Ламá пара́ хозяйпым турту́в тя́пшь
Впйпи́мь валы́м ма́штумс.
Хозяипы́м пу́ста степей паппми́мь. —
Кода́ тата́рысь ку́пдызя,
Пшчи пя́пльца пя́чкизя сы́ря ала́шаньть,
Си́симь ко́телга тата́р пешчёзя,

Какъ огонь горѣли мои глазные свѣтики,
Пушечный дымокъ ихъ изрѣзалъ.
— — — — — —
Какъ веретено двигались мои уши,
Пушечный грохотъ оглушилъ мои уши.
— — — — — —
Какъ змѣй извивалось мое тѣло,
Какъ ночевка извивалось мое тѣло,
Силушка моя пропала подъ пушкой.
Я наполнила дворъ лошадьми,
Много хорошаго сдѣлала своему хозяину
До того, что уничтожила свою силушку.
Хозяинъ выгналъ меня въ пустую степь.—
Когда татаринъ схватилъ ее,
Онъ зарѣзалъ старую лошадь острымъ ножомъ,
Семь котловъ татаринъ наполнилъ,

Ва́сий родьня́нза тярди́ньзя
Сыви́льдя ярца́ма...

Записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ г. Леонтьевымъ для А. Н. Миnха. Запись здѣсь нѣсколько исправлена, согласно живому произношенію.

№ 13.

Luša Lušińä, v́iška Lušińä,
Luša Lušińä, a pokš t́äχt́iŕńä.
Ankanʒa poca kolma gott äŕaś,
Ankanʒa poca koŗtama karmaś:
— Mon čačyńd́aŕan, mon kasyńd́aŕan,
— Ankadyn para śesta mon ul'an.
— T́at́äńiń t́at́kaj śesta ameŕan,
— Ankańiń ankaj śesta ameŕan.
— T́at́kańiń meŕan: ton syŕä ṕińä,

Всѣхъ родственниковъ онъ позвалъ,
Чтобы ѣсть мяса.

Ср. Paasonen, Proben I № XLVII.

Луша Лушенька, маленькая Лушенька,
Луша Лушенька, невеликая дѣвочка.
Въ утробѣ матери своей она жила три года,
Въ утробѣ матери своей она стала говорить:
— Когда я рожусь, когда выросту,
— Я буду лучше тогда, чѣмъ моя матушка.
— Батюшкѣ я тогда не скажу «батюшка»,
— Матушкѣ я тогда не скажу «матушка».
— Батюшкѣ я скажу: ты старый песъ,

— Au̯kańiń ḿeŕan: ton syŕä suka.
— Mon čačyńd́aŕan, śv́ec ľiśińd́aŕan,
— Uľćava jutan, oc čačyχ́t ńejan,
— Pandalga jutan, čuďi v́äď kośt́an,
— Lugava—potom t́ikšyś a kasä,
— Pakśava—potom śuryś a čačä,
— Mon v́iŕga jutan, načka čuft kośt́an. —
Koda čačykšnyś Lušaś, śv́ec ľiśńiś,
Lušaś čačykšnyś, son udalakšnyś,
Makyń loṕeńet́ Lušań paľanʒa,
Maka t́v́etḱeńet́ Lušań rućanʒa,
Capam' lofcėsa lopafńisyńʒ́ä,
Lambamysa son jovaŕisyńʒ́ä.
Kulum' urmasa Luša urmakać.
— Kulan, t́at́akaj, juman, goŕmakaj,
— Ińičyń čysta, Śkaj Pazyń čysta,

— Матушкѣ я скажу: ты старая сука.
— Когда я рожусь, когда выйду на свѣтъ,
— Я пройду по улицѣ, увижу новорожденныхъ,
— Я пройду по задворкамъ, высушу текущую воду,
— По лугу—потомъ трава не будетъ рости,
— По полю—потомъ хлѣбъ не уродится,
— Я пройду по лѣсу, высушу сырыя деревья.—
Когда родилась Луша, вышла на свѣтъ,
Луша родилась, она удалась,
Какъ маковые листки Лушины рубашки,
Какъ маковые цвѣточки Лушины руци,
Въ кисломъ молокѣ она ихъ выстираетъ,
Прѣснымъ она ихъ вполоснетъ.
Смертною болѣзнью Луша заболѣла.
— Я умру, батюшка, я погибну, кормилецъ,
— Въ день Пасхи, въ день Шкай-Паса,

— Obeďńada mon ikiľä kulan,
— Zavytyŕńada mon ḿäjľä kulan.
— Kandylast ťäjiť do syŕä ṕičyń,
— Do syŕä ṕičyń, ṕičä śädijiń,
— Bokaťńiń, aŋkaj, valyńk ṕižysa.
— Laŋgaksyńť valyńk, aŋkaj, śijasa.
— Iľiḿiź kalma, aŋkaj, kalmazyrc,
— Kalmaḿiź, aŋkaj, tyń pokš ki čyŕis,
— Pokš ki čyŕis do, syŕä tumyńť ṕŕas. —

№ 14.

Maštyť, avakaj, ťŕamyn vanumyn,
Äźiť mašt, aŋkaj, maksmyn čyjamyn.
Maksyḿiḱ, aŋkaj, vorńéń tatarnyń,
Vorńéń tatarnyń dušagubićńiń.

— Я умру передъ обѣдней,
— Я умру послѣ заутрени.
— Гробъ сдѣлаютъ изъ старой сосны,
— Изъ старой сосны, изъ сердцевины сосны,
— Бока его, матушка, засыпьте мѣдными деньгами,
— Верхъ его, матушка, засыпьте серебряными деньгами.
— Не хороните меня, матушка, на кладбищѣ,
— Похороните меня, матушка, около большой дороги,
— Около большой дороги, на старомъ дубѣ.

Ср. Сухокарб. № , но окончаніе здѣсь иное; ср. пѣсню о Кемельтѣ № .

Умѣла ты, матушка, вскормить и воспитать меня,
Не сумѣла ты, матушка, выдать меня и просватать меня.
Ты отдала меня, матушка, за вора татарина,
За вора татарина, душегубца.

Vaj, lomań ojmaź tujiť salama,
Lomań śťamškańa syń salamsta syť.
Vaj, koľeŋkava ṕiľǵist rudazuft,
Vaj, karksamńiva synct paľińist načk,
Ḱäńiŕ pakaŕga ḱeďest váŕijńiť.
— Vaj, śťaka, Kaťa, śťaka, Kaťuša,
— Vaj, źara para mon tońäť tujiń.
— Äśťäń tujiń mon kaŕej alaša,
— Tońäť tujiń mon ńiľiva paľa,
— Eščo tujiń ťäť kotova ruća,
— A eščo tujiń čoľďeŕďä paŋga.
— Kaŕej alašaś toń ťiŕiń ťäťkať,
— Ńiľiva paľaś toń sajiń uŕkať,
— Kotova rućaś toža son sonʒa,
— Čoľďeŕďä paŋgyś toń škiń ťŕiń aŋkať.
— Ṕäčkińä ťäťäť, Kaťa, polök laŋks,

Ой, когда люди отдыхаютъ, они идутъ красть,
Въ то время, когда люди встаютъ, они приходятъ съ кражи.
Ой, по колѣна ноги ихъ грязны,
Ой, по поясъ ихъ рубашки мокры,
По локоть руки ихъ въ крови.
— Ой, встань-ка, Катя, встань-ка, Катюша,
— Ой, сколько добра я привезъ тебѣ.
— Себѣ привелъ я карюю лошадь,
— Тебѣ я привезъ рубашку въ четыре вышивки,
— Еще я тебѣ привезъ руцю въ шесть круживъ,
— А еще я привезъ шумящій шелыганъ.
— Каряя лошадь—твоего кормильца отца,
— Рубашка въ четыре вышивки—твоей снохи,
— Руця въ шесть круживъ—также ея,
— Шумящій шелыганъ—твоей кормилицы матери.
— Я зарѣзалъ, Катя, твоего отца на полатяхъ,

— Ṕäčkińä avať, Kaťa, ṕećka laŋks,
— Ṕäčkińä ľäľäť, Kaťa, acam laŋks,
— Ṕäčkińä uŕkať, Kaťa, potmar laŋks,
— A äχńiń kadyń, Kaťa, końek laŋks. —
Koda aščyś son, Kaťa, urakać,
Vačkyďińʒä son kafty ḱeďńenʒa,
Puvyrdyńʒä son ḱämiń surnynʒa.
Čamań ḱäľis son śäľväď valyźä.
— Vaj, ḿäśť, polaj, vaj, ton iśťa ťäjńiť?
— Vaj, ḿäźńiń, polaj, ton roďńan ṕäčkiť?

№ 15.

Pakśa pakśińä. pakśa pakśaška,
Pakśańť kunčkasa gubyr ḃińińä,
Gubyryńť ṕŕasa ṕižy luǵińä,

— Я зарѣзалъ, Катя, твою мать па печкѣ,
— Я зарѣзалъ, Катя, твоего брата на постелѣ,
— Я зарѣзалъ, Катя, твою споху па подволокѣ.
— А дѣтей оставилъ, Катя, па коникѣ. —
Какъ стояла опа, Катя, вскрикнула,
Всплеснула она обѣими руками,
Сжала опа свои десять пальчиковъ,
Облила ее слеза во всю ширину ея лица.
— Ой, зачѣмъ, муженёкъ, ты такъ сдѣлалъ?
— Ой, зачѣмъ, муженёкъ, ты зарѣзалъ моихъ родныхъ?

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № IX и Paasonen, Proben I, № XLV.

Поле, полечко, поле съ поле,
Посреди поля верхушка бугра,
На верху бугра зеленая лужайка,

Lugańť kunčkasa ašy kiľijńä,
Ḱiľijńińť alga śija v́äď čuďä.
Koų moľä v́äďiś, koų ǯuďä syŕńiś?
Moŕaų soń moľä, moŕaų son ǯuďä.
Moŕa moŕeńä, moŕa moŕaška,
Moŕańť kunčkasa sudnat karaб́ľat,
Moŕa čyŕisa ťŕi polkyń saldatt.
V́äśij saldatnä, syń šuťiť ṕäjďiť,
Eŕǯäń saldatyś aṕäjďä šuťä.
Sońć polkov́ńikiś ńejźä ŕäďiźä.
— Ḿäks ton, saldatyś, a šuťat ṕäjďat
— I kuva jakat jala ḿeľaftat,
— I kuva jakat jala avaŕďat?—
— Ńeľǯa, tošna moń, goŕa sajińiḿ.
— Čaćy storonaų mon bu moľev́ľeń,
— Čaćy storonaų mon bu tujiv́ľiń. —

Посреди луга бѣлая березка,
Подъ березкой течетъ серебристая рѣка.
Куда идетъ рѣка, куда течетъ золотая?
Она идетъ въ море, она течетъ въ море.
Море, моречко, море съ море,
Посреди моря суда и корабли,
На берегу моря три полка солдатъ.
Всѣ солдаты шутятъ смѣются,
Эрзякъ солдатъ не смѣется, не шутитъ.
Самъ полковникъ увидѣлъ его и замѣтилъ.
— Отчего ты, солдатъ, не шутишь не смѣешься
— И куда ни ходишь всё печалишься,
— И куда ни ходишь всё плачешь? —
— Нельзя, меня охватила тоска горе,
— Я пошелъ бы на родную сторону,
— Я ушелъ бы на родную сторону. —

— A tujivat ton čačy mastyrun,
— Mastyryń ǵäľis čuďi váď čuďa,
— Ḿańiľiń ǵäľis paly tol balä. —
— Už toléńt́ väľkska ľifťäź mon ľifťan,
— A väďińt́ äzga ujiź mon ujan,
— Ita tujan ža čačy storonan. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасіи Кожайкиной.

№ 16.

Ravyń tombaľä kukuft kukyrdyt́,
Ravyń tombaľä ćokoft ćokȯrdėt́.
Kukuft kukyrdyt́, sokamda ḿeŕet́,
Ćokoft ćokȯrdėt́, izamda ḿeŕet́.
Ravyń b́eŕekka odǯora jaḱä.

— Не можешь ты уйти на родную землю,
— По землѣ течетъ текучая рѣка,
— По небу горитъ горящій огонь.—
— Ужъ я полечу леткомъ надъ огнемъ,
— Ужъ я переплыву плавкомъ черезъ рѣку,
— И все таки уйду на родную сторону. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, №№ II, XVI, LIX. У Paasonen, Proben, I, № XVIII. Сухокарб. ниже.

На той сторонѣ Волги кукуютъ кукушки,
На той сторонѣ Волги поютъ соловьи.
Кукушки кукуютъ, велятъ пахать,
Соловьи поютъ, велятъ боронoвать.
По берегу Волги ходитъ юноша.

— Ḿäśť jakat pakat, ćora paryčy?
— Lomaťť ńej purnyť sokat izamyt,
— Lomaťť ńej syrǵiť śury v́idim̀ä. —
Ćora karčyzyst ḿeŕä iśťańa:
— Mon ḿäjsy moľan pakśaṷ sokama,
— Ḿäjsy mon syrgan śury v́idiḿä?
— Araś kiľďams mońpary rakšyńiḿ,
— Araś povoďems a mońľišḿińiḿ. —
Kuduṷ-gauṷ son ćoraś moľekšńeś,
Polanʒa maṛta ćoraś koṛtakšnyś,
Jalganʒa maṛta Ańďamś dumakšnyś.
— Kukuŕńä ḿeŕeť a syń sokamda,
— Ćokoŕńä koṛtėť syń izamyda.
— Mon ḿäjsa moľan pakśaṷ sokama?
— Mon ḿäjsa moľan pakśaṷ izama?
— Araś kiľďams mońpara rakšyńiḿ,

— Что ты ходишь, гуляешь, почтенный?
— Люди теперь собираютъ сохи бороны,
— Люди теперь собираются сѣять хлѣбъ. —
Имъ на это отвѣчаетъ мужикъ такъ:
— На чемъ пахать я поѣду въ поле,
— На чемъ я соберусь сѣять хлѣбъ?
— У меня нѣтъ на запряжку хорошей лошади,
— У меня нѣтъ на запряжку коня. —
Домой пошелъ мужикъ,
Съ женой мужикъ поговорилъ,
Съ подругой Андямъ посовѣтовался.
— Кукушки заставляютъ пахать,
— Соловьи заставляютъ бороновать.
— На чемъ пахать я поѣду въ поле?
— На чемъ бороновать я поѣду въ поле?
— У меня нѣтъ на запряжку хорошей лошади,

— Araś povôďems a moń ľišmińim.—
Polaza ḿeŕä ćorańť' iśťańa,
Jalgaza ḿeŕä Ańďamyńť' iśťa:
— Ťäťkať kiľďik ton, polaj, sokama,
— Aŭkať kiľďik ton, polaj, izama.
— Ťäťkaťi ponak a ton kšnań lokša,
— Aŭkaťi ponak ton ľäńǵiń lokša. —
Son kiľďakšnyźä ťiŕiń ťäťkanʒa,
Povôďekšnéźä škiń-ďŕiń aŭkanʒa.
Vaj, gubyr bokas pajiza satyć.
— Vaj, nono-nono, ťiŕiń ťäťkakaj!
— Vaj, nono-nono, škiń-ďŕiń aŭkakaj!—
Vaj, kuźi kuźä ťäťkaś, pupyŕďä,
Vaj, moľi moľä aŭkaś, pupyŕďä,
Vaj, kaŭkšť vačkyťcy ťiŕiń ťäťkanʒa,
Vaj, v́äšť vačkyťcy škiń-ďŕiń aŭkanʒa.

— У меня нѣтъ на запряжку коня. —
Жена его говоритъ мужику такъ,
Подруга его говоритъ Андяму такъ:
— Отца своего запряги ты, муженёкъ, пахать,
— Мать свою запряги ты, муженёкъ, бороновать.
— Для отца свей ременный кнутъ,
— Для матери свей ты кнутъ изъ лыка. —
Онъ запрягъ кормильца отца,
Заложилъ кормилицу мать.
Ой, загонъ его идетъ по склону бугра.
— Ой, ноно-ноно, кормилецъ батюшка!
— Ой, ноно-ноно, кормилица матушка! —
Ой, лѣзетъ лѣзетъ отецъ, спотыкается,
Ой, идетъ идетъ мать, спотыкается.
Ой, два раза ударитъ онъ кормильца отца,
Ой, одинъ разъ ударитъ онъ кормилицу мать.

Ḱijava jutä v́iška Kaťuša,
Ṕävanʒa moľä kumać rućinä.
— Vaj, Boχ pomoč ťäť, a ton odʒora. —
— Uš i paśiba, v́iška Kaťuša. —
— Ḿäźiń ṕräųńis ton, odʒora, kundyť:
— Ťäťkasa sokaź śuryś ačačä,
— Aųkasa izaź Pazyś amaksä. —
Vačkyć odʒoraś kafta ḱeďńenʒa,
Purdyńʒä ḱäḿiń ćoraś surnynʒa,
Ṕäŕgaftyźä son ťiŕiń ťäťkanʒa,
Vaj, ṕäŕgaftyźä škiń-ďŕiń aųkanʒa,
Kuduų gauų synct ćoraś noldėńʒä.
Ďikyj alaša ćoraś v́äšńikšnyś,
Ďikyj skoťena ćoraś mujikšnyś,
Pułyzynʒa son polańť śulḿiźä,
Ďikyj alašańť śťeṕeų noldėźä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина.

По дорогѣ проходитъ маленькая Катюша,
По конецъ его загона идетъ красная рубашечка.
— Ой, Богъ помочь тебѣ, молодецъ. —
— Ужъ и спасибо, маленькая Катюша. —
— Что это тебѣ взбрело, парень, на умъ:
— Если пахать на отцѣ, хлѣбъ не родится,
— Если боронoвать на матери, Богъ не дастъ. —
Всплеснулъ парень обѣими руками,
Сжалъ парень свои десять пальцевъ,
Выпрягъ онъ кормильца отца,
Ой, выпрягъ онъ кормилицу мать.
Пустилъ ихъ мужикъ домой.
Дикую лошадь отыскалъ мужикъ,
Дикую скотину нашелъ мужикъ,
Къ хвосту ея привязалъ онъ жену,
Дикую лошадь пустилъ онъ въ степь.

№ 17.

Ravuń tombaľä kukuft kukyrdyť,
Ravuń tombaľä ćokoft ćokördėť.
Kukuft kukyrdyť, sokamda ḿeŕeť,
Ćokoft ćokördėť, v́idïmdï ḿeŕeť.
Rau̯ grajga jakä pary odǯora,
Ružyjaza soń laftylaŋksynʒa,
Ṕŕistaľetaza ḱedǵyrgasynʒa.
Odǯoraś jakä, utḱińiť ľeďńä.
Karčyvastyźä syŕ' aťa pokščaj:
— Lomaťť ńej, ćoram, i sokeť v́idïť,
— A ton ḿeks, ćoram, a sokat v́iďat,
— A ton ḿeks, ćoram, uťḱińiť čau̯nat?—
— Moń araś rakšäś sokańťi ḱiľďams,
— Araś povöďems moń izamyńťi. —
— Sokańťi ḱiľďik ton ďiŕiń ďäťäť,

На той сторонѣ Волги кукуютъ кукушки,
На той сторонѣ Волги поютъ соловьи.
Кукушки кукуютъ, велятъ пахать,
Соловьи поютъ, велятъ сѣять.
По берегу Волги ходитъ славный юноша,
Ружье его у него на плечѣ,
Пистолетъ его у него въ рукѣ.
Юноша ходитъ, стрѣляетъ уточекъ.
На встрѣчу ему вышелъ старый старикъ, дѣдушка:
— Люди теперь, сынъ мой, и пашутъ и сѣютъ,
— А ты, сынъ мой, отчего не пашешь и не сѣешь,
— А ты, сынъ мой, отчего бьешь уточекъ? —
— У меня нѣтъ лошади на запряжку въ соху,
— Нѣтъ на запряжку въ борону. —
— Въ соху запряги своего кормильца батюшку,

— A izamyńťi toń škińiń avať.
— Ńiľikst vačkyďik toń ďiŕiń ďäťäńť,
— Kolmókst vačkyďik toń škińiń avańť. —
Ḱijava jutä mazyj Kaťuša,
V́iška Kaťińä, kumać rućińä.
— A i Boχ pomoč tońďäť, odʒora. —
— A i paśiba, mazyj Kaťuša. —
— T́äťasyńť sokat, śuryś ačačä,
— Aụkasyńť izat, Pazyś amaksä. —
Sojeśť sajiźi mazyj Kaťadyńť,
Ṕäŕgaftyźä son ďiŕiń ďäťanʒa,
Ṕäŕgaftyźä son škińiń avanʒa.

Записано въ августѣ 1906 года отъ крестьянки д. Косолаповки (Яруги) Евдокимовой (Бажаевой).

— А въ борону свою кормилицу мать.
— Четыре раза ударь своего кормильца батюшку,
— Три раза ударь свою кормилицу мать. —
По дорогѣ проходитъ хорошенькая Катюша,
Маленькая Катюша, кумачевая руценька.
— А и Богъ тебѣ въ помощь, парень. —
— А и спасибо, хорошенькая Катюша. —
— Пашешь на отцѣ, не родится хлѣбъ,
— Боронуешь на матери, Богъ не дастъ. —
Зазрѣла его совѣсть передъ хорошенькой Катей,
Отпрягъ онъ кормильца отца,
Отпрягъ онъ кормилицу мать.

№ 18.

Сука сука сон Трямань Палага,
Дурак сука сон Трямань Палага,
Ков тяить, Поля, сон чачы прявьнит,
Ков тяить, Поля, сон касы прявьнит?
— Кулан, тятякай, юман горьмакай,
— Иничынь чыста, Шкай Пазынь чыста. —
— Вай, иля кула, Поля дочакай,
— Вай, иля кула, Поля корьмакай.
— Монь колма пичынь кудыи, дочепемь,
— Любовэй кудысь тонять улиза. —
— Вай, палы пожар, тятяй, пултыньзя,
— Кулан, тятякай,

и т. д.

— Монь колма пирить сюра, доченемь,
— Любовэй пирись тонять улиза. —

Сука сука она Трямова Палаша,
Глупая сука она Трямова Палаша.
Куда дѣла ты, Поля, природный свой умъ,
Куда дѣла ты, Поля, взрощенный свой умъ?
— Я умру, батюшка, погибну, кормилецъ,
— На великъ день, на Божій день.—
— Ой, не умирай, Поля доченька,
— Ой, не умирай, Поля кормилица.
— У меня три сосновыхъ дома, моя дочка,
— Любой домъ пусть будетъ тебѣ.—
— Ой, сжигающій пожаръ, батюшка, пусть ихъ [сожжетъ,
— Я умру, батюшка,

и т. д.

— У меня три гумна хлѣба, моя дочка,
— Любое гумно пусть будетъ тебѣ. —

— Вивь вихир сон сюрыт салыньзя,
— Мяниль ёжес сынцт сон кяпидиньзя.
— Кулан, тятякай,

и т. д.

— Вай, иля кула, Поля дочакай,
— Монь колма чельнян, Поля дочепемь,
— Любовэй чельнясь тонять улиза. —
— Вялинь цильцихьть сынь пяшкит карьшьзя.
— Кулан, тятякай,

и т. д.

— Ступай, тятякай, ошень базарув,
— Рамак, тятякай, сырьнинь кандыласт,
— Илить тярьть бабат монь экшелямын,
— Тярьдить, тятякай, оян ялгинин.

Илить тярьть атят калмамс кандумын,
Тярьдить, тятякай, тон одцёратьнинь,

— Сильный вихорь пусть утащитъ твои хлѣба,
— Пусть подниметъ ихъ къ небу.
— Я умру, батюшка,

и т. д.

— Ой, не умирай, Поля дочка,
— У меня три пчельника, Поля дочка,
— Любой пчельникъ пусть будетъ тебѣ. —
— Дятлы пусть прогрызутъ твои улья.
— Я умру, батюшка,

и т. д.

— Ступай, батюшка, на городской базаръ,
— Купи, батюшка, золотой гробъ,
— Не зови бабъ, чтобы мыть меня,
— Позови, батюшка, душенекъ подружекъ.

Не зови стариковъ, чтобы нести хоронить меня,
Позови, батюшка, ты молодыхъ парней,

Илямак калма, тятькай, калмазырц,
Кандуфтумак тон монь покш ки улыс,
Путуфтумак монь, тятькай, килий пряс.

Ютэ покш киява бояр; кучырыза меря: бояр, онэкса казна вандылдэ. — Быдя, меря, казна, топять улиза, а быдя кандыласт, монянь улист. — Пачкыцьть да сынь килиньть вии. Мязя ванцызь? Тоса кандыласт. Валфтызь кандыласпышь да сынь мастырув. Ванцызь: тоса красавица Поляша. Таргизя боярысь Поляшань сурксынѕа и мерьць: ставай, Поляша, будит долга спать; ставай, Поляша, что ты долга спишь! Куды, Поляша, на фатер зайдём? — Иди, барин, к родному отцу. — Вай, марясый Полянь тятяза, ортаза сонѕа чыкыргаць. Мязя ванцый Полянь тятяза? Кардайсынѕа тройка алаша, кибиткаса озада Поля дочаза. А вачкыдиньѕя кафта кеденѕа, пувырдыньѕя кямнь сурынѕа.—

Не хорони меня, батюшка, на кладбищѣ,
Вели отнести меня на перекрестокъ большой дороги,
Вели положить меня, батюшка, на вершину березы.

Проѣзжаетъ по большой дорогѣ баринъ; кучеръ его говоритъ: баринъ, вонъ гдѣ кладъ свѣтится. — Если, говоритъ, это казна, пусть будетъ тебѣ, а если гробъ, пусть будетъ мнѣ. — Подъѣзжаютъ они къ березѣ. Что видятъ? Тамъ гробъ. Опустили они гробъ на землю. Видятъ: тамъ красавица Пелагея. Дернулъ баринъ Пелагеино колечко и сказалъ: вставай, Пелагея, будетъ долго спать; вставай, Пелагея, что ты долго спишь! Куда, Пелагея, мы зайдемъ на фатеру? — Иди, баринъ, къ родному отцу. — Ой, услышалъ Пелагеинъ отецъ, ворота его скрыпнули. Что видитъ Пелагеинъ отецъ? На дворѣ у него тройка лошадей, въ кибиткѣ сидитъ Пелагея дочь его. И всплеснулъ онъ обѣими руками,

Вай, мясьть тяйнят истя, Поля дочепемь, кстякак тонь лаца улиниль, Поля дочепемь.

Записано I. Цыбинымъ.

№ 19.

Ṫäťazy čav' źä, käńkška jordėźä,
Avazy čav' źä, uľćaų jordėźä.
Vačkyć ǵŕešnėjeś kafty keďenʒa,
Puvyrdaś ǵŕešnėjś kämiń zurynʒa:
— Vaj, mon ḿäś ťińan ǵŕešnėjś, koų moľan,
— Mon goda ťäjan śudufś, koų ďujan?
— Mon užy moľan dy pokš paťkańiń.
— Pokš paťakaj ton bojaravakaj,
— Ton andykaja vačy ṕäkińim,
— Ton orčėkaja štapy laŋǵińim. —

сжалъ свои десять пальцевъ. — Ой, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь, Поля дочка моя, и такъ было бы по твоему, Поля дочь моя.

Ср. Сухокарб. № 12 и Обр. морд. нар. сл. I № XXXIV. Но окончаніе здѣсь иное, взятое изъ пѣсни о Кеменьти. (Сухокарб. № 17).

Отецъ его побилъ, выкинулъ черезъ дверь,
Мать его побила, выкинула на улицу.
Всплеснулъ несчастный обѣими руками,
Сжалъ несчастный свои десять пальцевъ:
— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду,
— Какъ я буду дѣлать проклятый, куда уйду?
— Ужъ я пойду къ старшей сестрицѣ.
— Старшая сестрица ты, барыня,
— Накорми-ка мой голодной животикъ,
— Одѣнь-ка мое голое тѣльце. —

— Uχiń dugińim, ǵŕešnėjś jalakskim,
— Toń ajanduvä vačy ṕäkińit,
— Toń aorčavä štapy laŋǵińit.
— Blagyj ƀuŕǵińä a moń aťafym,
— Moń ƀići jondyl a moń avafym. —
Vačkyć ǵŕešnėješ kafty ƙeďenʒa.
— Vaj, mon ḿäś ťińan ǵŕešnėjś, koų moľan?
— Mon užy moľan jutksy paťkańiń.
— Jutksy paťakaj, bojaravakaj,
— Ton andykaja vačy ṕäkińim,
— Ton orčėkaja štapy laŋǵińim. —
— Uχiń dugińim, ǵŕešnėjś jalakskim,
— Toń a janduvä vačy ṕäkińit,
— Toń a orčavä štapy laŋǵińit. —
— Blagyj v́äďńi prok a moń avafym,
— Blagyj ƀuŕa prok a moń aťafym. —

— Охъ, братишка, несчастный братецъ,
— Не накормить твоего голоднаго животика,
— Не одѣть твоего голаго тѣльца.
— Злой громъ — мой свёкоръ,
— Жгучая молнія — моя свекровь. —
Всплеснулъ несчастный обѣими руками:
— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду?
— Ужъ я пойду къ средней сестрицѣ.
— Средняя сестрица, барыня,
— Накорми-ка мой голодный животикъ,
— Одѣнь-ка мое голое тѣльце. —
— Охъ, братишка, несчастный братецъ,
— Не накормить твоего голоднаго животика,
— Не одѣть твоего голаго тѣльца. —
— Моя свекровь будто злая рѣчка,
— Мой свекоръ будто злая буря. —

Vačkyć ǵrešnėješ kafty ked́enʒa.
— Vaj, mon ḿäšt́ t́ińan ǵrešnėjś, koṷ mol̓an?
— Mon užy mol̓an v́ežėńć pat́ańiń.
— V́ežėńć pat́akaj, bojaravakaj!
— Ton orčėkaja štapy laŋǵińiḿ,
— Ton andykaja vačy ṕäkińiḿ. —
— Uχiń, duǵińiḿ, ǵrešnėjś jalakskiḿ,
— Tońmon orčasa štapa laŋǵińit,
— Anca mon dоń dy vačy ṕäkińit:
— Sät́ḿä v́äd́ńä prok a mоń avafym. —
Suvaftyźä son ǵrešnėjńt́ kuduṷ ʒiṷ,
Andyźä sonʒy vačy ṕäkinʒa,
Orčėźä ǵrešnėjńt́ štapy laŋgynʒa.
Lomańčkasta son ǵrešnėjńt́ kastyźä.
Službań ǵińiṷ son ǵrešnėjś tujikšńiś,
Nuždań ʒińiṷ son ǵrešnėjś javykšnyś,

Всплеснулъ несчастный обѣими руками.
— Ой, что я буду дѣлать несчастный, куда пойду?
— Ужъ я пойду къ младшей сестрицѣ.
— Младшая сестрица, барыня!
— Одѣнь-ка мое голое тѣльце,
— Накорми-ка мой голодный животикъ. —
— Охъ, братишка, несчастный братецъ,
— Я одѣну твое голое тѣльце,
— Я накормлю твой голодный животикъ:
— Моя свекровь будто тихая рѣчка. —
Она ввела несчастнаго въ домъ,
Накормила его голодный животикъ,
Одѣла голое тѣльце несчастнаго.
Вырастила она несчастнаго съ человѣка.
По служебной дорожкѣ пошелъ несчастный,
Въ нужду ушелъ несчастный,

Pakśa kunčkas son ǵŕešnėjś kulykšnyś,
Ṕińikula dy ǵŕešnėjńť kulyza,
Latky čama dy ǵŕešnėjńť kalmyza.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 20.

Ťäχťiŕiś para Śiľäń Oŕena,
Täχťiŕiś vaďŕa Śiľäń Oŕena.
Jaќä kotasa Oŕa ćulkasa,
Ńiľiva targań Oŕa paľasa,
Kota kružuva kumać rućasa.
V́eŕeť alyt part Śiľäń ortanʒa,
Muravľinyjńiχť orta stolbanʒa,
Jarmakyń ṕižyń orta eskėnʒa.
Obȯz ľiś' äzgast, obȯst provȯžėť.

Среди поля умеръ несчастный,
Собачья смерть — смерть несчастнаго,
Склонъ оврага — могила несчастнаго.

Хорошая дѣвушка Силантьева Орина,
Добрая дѣвушка Силантьева Орина.
Орина ходитъ въ сапогахъ и чулкахъ,
Орина въ рубашкѣ въ четыре вышивки,
Въ кумачевой руцѣ въ шесть кружевъ.
Верхнія и нижнія Силантьевы ворота хороши,
Воротніе столбы муравленные,
Воротніе гвозди изъ мѣди.
Изъ нихъ выѣзжаетъ обозъ, обозъ провожаютъ.

Ṕeŕvėj izvoščeḱ mazyj Śemuša,
Śiśiḿ laŋksa ḿeḱ Śema śkamynʒa,
Śiśiḿńist śivyχť Śemań rakšanʒa,
Ḿerluškań čuba Śemań laŋksynʒa,
Ṕižä kušaḱḱä Śemań ṕäŕťkanʒa,
Surks kuďŕińiť a Śemań kuďŕanʒa,
Ḿerluškań čapka Śemań ṕŕasynʒa,
Garmońejat dy Śemań ḱecėnʒa.

№ 21.

Vaj, bary para Šatḱinań bakśaś,
Vaj, śeďi para Šatḱinań bakśaś,
Vaj, ḃľiďaks aščä Šatḱinań bakśaś,
Vaj, judmaks aščiť pakśa latkynʒa,
Vaj, źulmyń źulmyń pakśa v́äďńinʒa,

Первый извозчикъ красивый Сёмуша,
На семи лошадяхъ Сёмуша только одинъ,
Всѣ семь лошадей Семёна сивыя,
На Семенѣ шуба мерлушковая,
На Семенѣ зеленый кушачекъ,
Кудри Семена колечками кудряшки,
На головѣ у Семена мерлушковая шапка,
Въ рукахъ у Семена гармонія.

Ой, хорошо, хорошо Шаткинское поле,
Ой, очень хорошо Шаткинское поле,
Ой, какъ блюдечко лежитъ Шаткинское поле,
Ой, какъ почовки лежатъ его полевые овраги,
Ой, какъ узлы его полевые ручейки,

Vaj, ḃižyń zuŕćam pakśa v́iŕńinʒa,
Vaj, nučkań baŕćiχt́ v́id́iń źurynʒa,
Vaj, dargań baŕćiχt́ uma ḿeženʒa.
Obl'ozou̯ bojar pakśavańt́ jak̇ä,
Ḱiśka bojaryś äźganʒy jak̇ä.
Napad'äś zlod́ej bojar pakśäńt́ laŋks
I χočet pakśäńt́ son ńäl'ǵiḿinʒa,
Äśt́änʒa pakśäńt́ dy sajiḿinʒa.
A jalgaza dy bojaryńt́ ul'ńiś
Ṕijanʒań ćora, para odʒora.
Śiśiḿ v́äl'iń son golava ul'ńiś,
Śesty son ul'ńiś v́id́ä sud́ija:
I son v́äl'ińt́i ćoraś kadykšnyś
Śiśiḿ kudys śon ańćak v́ä uźiŕ,
A syŕiń syŕit́ ćoraś at́ät́ńiń,
V́äśij Ćiḃiŕiu̯ ćoraś pańinʒä,

Ой, какъ мѣдный гребень его полевые лѣски,
Ой, какъ согнутый шелкъ его посѣяшные хлѣба,
Ой, какъ протянутый шелкъ межи его загона.
Облязовъ баринъ ходитъ по полю,
Собака баринъ ходитъ по нему.
Напалъ злодѣй баринъ на поле,
И хочетъ онъ захватить это поле,
Себѣ взять это поле.
А у барина былъ другъ
Піяпзенскій мужикъ, добрый парень.
Онъ былъ головой надъ семью селами,
Тогда онъ былъ праведнымъ судьей:
И онъ оставилъ селу
Всего одинъ топоръ на семь домовъ,
А самыхъ старыхъ стариковъ,
Всѣхъ онъ погналъ въ Сибирь,

A odʒoraťńiń, v́äśij ćoraťńiń,
Oc poćēŕńeź son dy už sakalnyń,
V́äśij saldatyks ćoraś naryńʒä.
Śesta ľiśńiś son dy karčyzynʒa
Ťumań ćora dy para odʒora,
Golavańť kak dy sonʒa käďinʒa
Ťumań odʒoraś trupkom vatkiźä.

№ 22.

Vaj, v́eŕga ľiŕťiť ǵigań bolk,
Vaj, alga moľeť saldat polk.
Ǵigaťńi ľiŕťiť, ǵigakśńiť,
Saldatny moľeť, avaŕďiť.
Koľeŋkava śyń v́äďńiva,
Karks v́iďga paľast rudazuft,
Ḱäńiŕ bakaŕga čēmeńeŕť.

А парней, всѣхъ мужиковъ, —
(У которыхъ) только что выросли бороды, —
Всѣхъ обрилъ онъ въ солдаты.
Тогда вышелъ ему навстрѣчу
Тимоѳеевъ сынъ, добрый парень,
И у головы его кожу
Тимоѳеевъ сынъ свертcомъ содралъ.

Ой, по верху летитъ полкъ гусей,
По низу ходитъ полкъ солдатъ.
Гуси летятъ, гогочутъ,
Солдаты идутъ, плачутъ.
По колѣна они въ водицѣ,
По поясъ рубашки ихъ грязны,
По локоть они заржавленные.

Ružyjast moľeť čildyrχca,
Palažast moľeť čoľďeŕfca.
Užydy, ǵigat, užyda!
Lotkady, galat, lotkada!
Ojmaftyήk, ǵigat, lapińiήk,
Lapapäńisa tolgėńeήk.
— Kona storonań, ǵigatńä?
— Kona ujezdėń, galatńä? —
— Ṕenʒań guḃeŕńäń, saldatnä,
— Ṕenʒań ujezdėń, saldatnä. —
— Äźiήk ńek, ǵigat, äźiήk ńek,
— Moń ďäťan avan äźiήk ńek?
— Moń zajiń jalgam äźiήk ńek?
— Moń äjďin kakšyn äźiήk ńek? —
— Nejeńek, saldatt, ńejeńek:
— Toń ďäťkat aukat, syń jarcyť,

Ружья ихъ идутъ съ блескомъ,
Палаши ихъ идутъ съ грохотомъ.
Подождите, гуси, подождите!
Подождите, гуси, подождите!
Дайте, гуси, отдохнуть вашимъ крылушкамъ,
Вашимъ перушкамъ на концахъ крыльевъ.
— Съ какой стороны вы, гуси?
— Изъ какого уѣзда вы, гуси? —
— Изъ Пензенской губерніи, солдаты, —
— Изъ Пензенскаго уѣзда, солдаты.
— Не видѣли ли вы, гуси, не видѣли ли,
— Моихъ родителей не видѣли ли?
— Мою супругу видѣли ли?
— Моихъ дѣтей видѣли ли? —
— Мы видѣли, солдаты, видѣли:
— Твои родители, они кушаютъ,

— Toń ṕižy ťakat avaŕďiť,
— Toń zajiń jalgať, son burnä,
— Lytkat dy latkat laŋksynʒa,
— Sumań prakstat dy ṕŕasynʒa.—
Vačkyć saldatyś keďenʒa,
Puvyrdaś kämiń surynza.
— Už mon ḿäś ťińan, koų moľan?
— Ťe službańť maŗta ńevoľańť
— Pokš nuža ńejeť moń ťakan,
— Pokš goŕa ṕŕimä moń jalgam;
— A janduviť ťäst äś ṕŕińist,
— A orčaviť ťäst äś laŋgyst. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

— Твои малыя дѣти плачутъ,
— Твоя супруга, она собираетъ,
— На тѣлѣ ея лохмотья,
— На головѣ ея онучи. —
Всплеснулъ солдатъ своими руками,
Сжалъ свои десять пальцевъ.
— Ужъ что я сдѣлаю, куда пойду?
— Съ этой службой и неволей
— Большую нужду видятъ мои дѣти,
— Большое горе принимаетъ моя подруга;
— Не прокормятъ они своихъ головушекъ,
— Не одѣнутъ они себя. —

№ 23.

Vaj, v́eŕga l̓ifťiť galań bolk,
Vaj, alga mol̓eť saldat polk.
Galaťńä l̓ifťiť, ǵigakśńiť.
Saldatnä mol̓eť, av́aŕd̓iť.
Ružyjast mol̓eť kal̓d̓iŕfca,
Śäl̓v́äd̓ist mol̓eť pol̓d̓eŕfca,
A ḱeḿb́ŕast mol̓eť, vandylftyť,
Kočkaŕast mol̓eť, čykyrdyť.
— Užydy, galat, užyda!
— Konau̯ mastyrou̯ mol̓d̓ada?
— Konau̯ ujezdou̯ mol̓d̓ada?
— A tyń ojmaftyŋḱ lap̓ińiŋk!—
— Ṕenʒań mastyrou̯ mol̓d̓ana,
— Ṕenʒań ujezdou̯ mol̓d̓ana. —
— Joftady lamy pozdörö́ft:

Ой, по верху летитъ полкъ гусей,
Ой, по низу идетъ полкъ солдатъ.
Гуси летятъ, гогочутъ,
Солдаты идутъ, плачутъ.
Ружья ихъ идутъ съ грохотомъ,
Слезы ихъ идутъ капая,
А носки сапогъ идутъ, свѣтятся,
Пятки ихъ идутъ со скрипомъ.
— Подождите, гуси, подождите!
— Въ которую землю вы идете?
— Въ который уѣздъ вы идете?
— А вы дайте отдохнуть вашимъ крыльямъ! —
— Мы идемъ въ Пензенскую землю,
— Мы идемъ въ Пензенскій уѣздъ. —
— Передайте много поклоновъ:

— Tosy moń uľi ťriń ďaťam,
— Eščo uľi moń škiń avam.
— Ťaťkam kučyza ťäń jarmakt,
— Kučyza kolmy colkȯvȯjχť.
— Laŋgyzyn paľam moń araś,
— Ṕiľǵizyn kemen moń araśť.
— Paly čys laznuŋś moń ťelam,
— Ḿelka ḱäŋs laznuŋśť moń ṕiľǵin,
— Kučyza aŋkam, kučyza
— Son mońäń kolmy arčitt koct;
— Vaj, ṕiľǵizyn moń prakstat v́eď araśť.—

Записано въ августѣ 1905 года.

№ 24[1]).

Čačumńada odʒoraś udalaś,
Kasumńada odaľaś ṕeḱ paryľ.

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующей десять слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и седьмого слога.

— Тамъ находится мой кормилецъ батюшка,
— Еще находится моя кормилица мать.
— Пусть батюшка мой пришлетъ мнѣ деньги,
— Пусть пришлетъ три цѣлковыхъ.
— На мнѣ нѣтъ рубашки,
— На мои ноги нѣтъ сапогъ.
— Отъ палящаго солнца растрескалось мое тѣло,
— Отъ мелкаго камня растрескались мои ноги,
— Пусть пришлетъ моя матушка, пусть пришлетъ
— Мнѣ три аршина холста;
— Охъ, на мои ноги нѣтъ вѣдь тряпокъ. —

Рожденіемъ парень удался,
Возрастаніемъ молодецъ былъ очень хорошъ.

Ťäťäj ćoraś ťäťansty äź ḿeŕńä,
Avaj aľaś avansty äź bžgaďä.
Ťäťäś śudyś odʒorańť kulumga,
Avaś śudyś odaľańť jumamga.
Kua jaḱä odʒoraś, avaŕďä,
Kua jaḱä odaľaś, ḿeľaftä.
Jaḱä rau̯ža kulumńiś ḿäľganʒa,
Pščy ṕäjiľiś kulumań ḱecėnʒa.
Kuda bokas odaľańť stardyźä.
Śesty ťäťäj ťäťkanctyj ḿeŕekšńeś,
Śesty avaj avanctyj bžgaďikšnyś.
— Uχiń, ťäťkaj, ďäťakaj, goŕmakaj,
— Uχiń, au̯kaj, avakaj, ďiŕakaj,
— Jaḱä rau̯žy kulumńiś moń ḿäľga,
— Jaḱä rau̯žy jumamńiś moń ǵisa.
— Idiŋkaja tyń ťesta ojḿeńeḿ. —

Отцу своему парень не говоритъ: тятя,
Матери своей молодецъ не говоритъ: мама.
Отецъ клялъ парня до смерти,
Мать кляла молодца до погибели,
Гдѣ ходитъ парень, плачетъ,
Гдѣ ходитъ молодецъ, печалится.
За нимъ ходитъ черная смеретушка,
Острый ножъ въ рукахъ у смерти.
Настигла она молодца на заваленкѣ.
Тогда сказалъ онъ отцу своему: тятя,
Тогда сказалъ онъ матери своей: мама.
— Охъ, тятенька, тятя, кормилецъ,
— Охъ, маменька, мама, кормилица,
— Ходитъ черная смеретушка за мною,
— Ходитъ черная погибель за мною.
— Выручите отсюда мою душеньку. —

Ťäťat avat soňänʒa oťvečeť:
— Konaň Bazyś, ćorakaj, butyźä,
— Śekeň ojmenʒ', iďakaj, zajisca. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 25.

Goŕa goŕa Daŕušaň goŕalaŋks,
Ṕečaľ ḃečaľ Daŕušaň ṕečaľlaŋks.
Morgas kulyś Daŕušaň babaza,
Goŕas kulyś Daŕušaň avaza.
Goŕa goŕa Daŕušaň goŕalaŋks,
Ṕečaľ ḃečaľ Daŕušaň ṕečaľlaŋks.
Ťaťkazy sajś Daŕušaň odava,
Goŕa . . . .
Ṕečaľ . . . .

Отецъ и мать ему отвѣчаютъ:
— Которую Богъ, сынокъ, душу вложилъ,
— У того пусть Онъ, дитятко, возьметъ его душу.—

Горе, горе у Дарьи на горе,
Печаль, печаль у Дарьи па печаль.
Около печки умерла Дарьина бабушка,
Съ горя умерла Дарьина мать.
Горе, горе у Дарьи на горе,
Печаль, печаль у Дарьи па печаль.
Отецъ Дарьинъ взялъ мачеху,
Горе . . . .
Печаль . . . .

Cokšńä kuvat́ odavaś aščyf́t́ä,
Ḱesak suŕä odavaś ščyŕdīf́t́ä.
Goŕa . . . .
Ṕečal̈ . . . .
Valćki raṅa odavaś son śt́aftä
Ṕećka sura odavaś čukaftä.
Goŕa . . . .
Ṕečal̈ . . . .
Ṕižy t́aka odavańt́ sěŕed́ä,
V́äń guńčkava Daŕušań śt́aftyźä,
Ojḿä v́äd́ńis Daŕušań kučyźä.
Goŕa . . . .
Ṕečal̈ . . . .
Vačkyć Daŕa son kafty ḱedenʒa,
Daŕa ḱämiń puvyrdaś surynʒa.
—Vaj, ḿäś t́ińan, vaj, kozėj mon mol̈an?
—Kosty sajȧn mon, kosty ojḿä v́äd́?—

Долго вечеромъ мачеха велитъ сидѣть,
Пятину нитокъ мачеха велитъ прясть.
Горе . . . .
Печаль . . . .
Утромъ рано мачеха заставляетъ вставать,
Цѣлую печку проса мачеха заставляетъ толочь.
Горе . . . .
Печаль . . . .
Маленькое дитя мачехино болѣетъ,
Въ серединѣ ночи она разбудила Дярюшу,
За живою водой она послала Дарюшу.
Горя . . . .
Печаль . . . .
Всплеснула Дарья своими обѣими руками,
Дарья сжала свои десять пальцевъ.
— Ой, что я сдѣлаю, ой, куда я пойду?
— Откуда я возьму живой воды?—

Tukšnyś tukšnyś Daŕušaś kalmylaŋks,
Aŋkań kalmyńť Daŕušaś mujiźä.
Goŕa . . . .
Ṕečaľ . . . .
— Uχ, avakaj, avakaj, goŕmakaj,
— Uχ, avakaj, avakaj, ďiŕakaj,
— Kosty sajan, avakaj, ojḿä v́äď? —
Čeŕkaźiŋkšnyś dy kalmy ḱŕostêza,
Ḱäṕiťikšnyś dy moda maryza.
Śťakšnyś tosta Daŕušań avaza,
Surľiŕada Daŕušań kundyźä,
Ojḿä v́äďńis Daŕušań v́eťeźä.
Kuduŋ gajiŋ Daŕuša kandyźä,
Śeŕeď' äjďińť Daŕuša valyźä,
Son rauža kulymdyńť iďiźä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

Пошла пошла Дарья на кладбище,
Матушкину могилу нашла Дарья.
Горе . . . .
Печаль . . . .
— Охъ, матушка, матушка, кормилица,
— Охъ, матушка, матушка, кормилица,
— Откуда я возьму, матушка, живой воды? —
Дрогнулъ могильный крестъ,
Поднялся земляной холмъ.
Встала оттуда Дарьина мать,
За концы пальцевъ взяла Дарью,
Повела Дарью къ живой водѣ.
Принесла ее Дарья домой,
Облила Дарья больного ребенка,
Вызволила его отъ черной смерти.

№ 26.

Piŕ' udalga Mašuńa vast v́äšńä,
V́äšńiś v́äšńiś Mašuńa, äśt́ mujiń.
Karčy jonda polanʒa vastyźä.
— Daj-ka, polaj, ṕiŕińit čaṷśisa. —
Čaṷśiś čaṷśiś, polaza maťidīṷś.
Targaś ṕäjiľ Mašuńa, čov́eźä,
Polėńenʒa Mašuńa ṕäčḱiźä,
V́iť ṕiľginʒa Mašuńa jukśńiźä,
V́iť kaŕksynʒa Mašuńa tarǵiźä,
Polańť kyrgas Mašuńa śulḿiźä.
Gubyr bokas Mašuńa usḱiźä.
Śeḿjon Tatar Mašuńań ńejeźä,
V́äľiń kudys Mašuńań joftėźä.
V́äľiń aťat Mašuńań käṷkśńikšńiź:
— Ton koṷ ťäjiḱ, Mašuńa, polėńet?—

За гумнами Машенька ищетъ телятъ,
Искала, искала Машенька, не нашлись.
На встрѣчу ей попался мужъ.
— Дай-ка, муженёкъ, я поищу у тебя въ головѣ.—
Искала, искала, мужъ заснулъ.
Вытащила ножъ Машенька, наточила,
Муженечка Машенька зарѣзала,
Свою правую ногу Машенька разула,
Правую обору Машенька вытащила,
Вокругъ шеи Машенька завязала.
Стащила его Машенька на склонъ бугра.
Татаринъ Семёнъ увидѣлъ Машеньку,
Въ общественный домъ про Машеньку заявилъ.
Сельскіе старики спросили Машеньку:
— Ты куда, Машенька, дѣла муженька?—

— Mońć kak azdan, polėńeḿ v́eť kosa.—
V́äšńišť v́äšńišť polanʒa, äźiź muk.
Śeḿjon Tatar sajińʒä aťäťńiń,
Śeḿjon Tatar v́eťeńʒä aťäťńiń.
Vaj, syń mujiź polanʒa Mašuńäń,
Vaj, syń pańiź Mašuńäń Ćiḃiŕiu̯.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянина с. Оркина В. С. Саюшкина.

№ 27.

Ṕiŕ' udalga Mašuńa vast v́äšńiś,
V́äšńiś v́äšńiś Mašuńa, äśť mujiu̯.
Polėńenʒa Mašuńa vastyźä.
— Daj-ka, polaj, ṕiŕińit ćau̯śisa. —
Cau̯śiś ćau̯śiś Mašuńa, maťiďiu̯ś.
V́iť ṕiľǵinʒa Mašuńa jukśńiźä,

— Я и сама не знаю, гдѣ мой муженёкъ.—
Искали искали мужа ея, не нашли.
Татаринъ Семёнъ взялъ стариковъ,
Татаринъ Семёнъ повелъ стариковъ.
Ой, они нашли Машенькинаго мужа,
Ой, они погнали Машеньку въ Сибирь.

Ср. прилож. I, № VI.

За гумнами Машенька искала телятъ,
Искала искала Машенька, не нашлись.
Муженёчка Машенька встрѣтила.
— Дай-ка, муженёкъ, я поищу у тебя въ головѣ.—
Искала искала Машенька, онъ заснулъ.
Свою правую ногу Машенька разула,

I kaŕkskinʒa Mašuńa targiźä,
Poleńenʒa kyrganʒa kiľkščyźä.
Targaś päjiľ Mašuńa, čoveźä,
Poleńenʒa kyrganʒa käriźä.
Béŕek aluų kaŕkskisyńt uskiźä,
Navyz aluų polanʒa vaľiźä.
Śemon tatar Mašuńäń ńejeźä.
— Iľa jofta, Śemuša, väľińti,
— Lučy mońćeń, Śemuša, čaumak.—
Śesk Mašuńäń Śemuša śulmiźä,
I väľińis Mašuńäń veťeźä,
I väľińti Śemuša joŕneźä.

№ 28.

Śiśim godnet son Kuľa seŕeľeś,
Acamńä marta Kuľa rovońďaś,

И оборочку Машенька вытащила,
Захлестнула вокругъ шеи муженёчка.
Вытащила Машенька ножикъ, наточила,
Срѣзала шею муженёчка.
Подъ берегъ оборочкой его стащила,
Подъ навозъ своего мужа завалила.
Татаринъ Семёнъ увидѣлъ Машеньку.
— Не говори, Семёнъ, селу,
— Лучше убей меня, Семёнъ. —
Тогда Семёнъ связалъ Машеньку,
И повелъ Машеньку въ деревушку,
И разсказалъ Семёнъ про неё деревушкѣ.

Семь годочковъ Акулина болѣла,
Съ постелью Акулина сровнялась,

Todoụńä laca Kuľa loftaškać,
Ťaťaj avaj son Kuľa äź ḿeŕńä.
Ṕiŕa ṕäzynʒa ťaťkaza ozaś,
Ṕiľǵi ṕäzynʒa avaza ozaś.
Vaj, käṕidiźä Kuľa ṕiŕanʒa,
Noldaś ṕiľǵinʒa tarka krajńiva.
— Dajka, avakaj, ńiľiva paľam,
— Dajka, avakaj, kotova rućam,
— Dajka, avakaj, šaľin kušakyn,
— Dajka, avakaj, ćulkan bašmakyn.—
Vaj, orčaś kaŕaś Kuľa, naŕažaś,
Udal' ọrta laŋks Kuľa ľiśikšnyś.
Čyńśťama ṕeľďä puŕǵińä śäŕǵić,
Čy valgumńista ṕiźiḿä käṕić.
Noldaś V́eŕepas säťḿä ṕiźiḿńä.
Śiśiḿ godeń ǵis Kuľäń načtyźä.

Подобно подушкѣ Акулина поблѣднѣла,
«Батюшка», «матушка» Акулина не говорила.
Въ изголовьи сидѣлъ ея отецъ,
Въ ногахъ сидѣла ея мать.
Ой, подняла Акулина свою голову,
Опускала свои ноги по краямъ кровати.
— Дай-ка, матушка, рубашку въ четыре шитья,
— Дай-ка, матушка, руцю въ шесть шитьевъ,
— Дай-ка, матушка, мою шаль и кушакъ,
— Дай-ка, матушка, чулки и башмаки. —
Ой, одѣлась обулась Акулина, нарядилась,
Къ заднимъ воротамъ Акулина выходила.
Съ восточной стороны загремѣлъ громъ,
Съ западной сторонки поднялся дождь,
Пустилъ Богъ тихій дождичекъ.
За семь лѣтъ Акулину смочилъ.

Noldaś Veŕepas śijäń laųśinʒa,
Vaj, ozaftyźä Kuľań laųśińťi,
Vaj, käṕiďiźä Kuľań äśťänʒa.
Vaj, kuva jaḱä Kuľa, avaŕďä.
Kučyźä Kuľäń soŕeń kajama.
Vaj, kuva moľä Kuľa, avaŕďä.
Saś kuduų Kuľa, śäľḿinʒa raŋguft.
Ḱäųkśťiźä Kuľäńť, vaj, avafyza:
— Vaj,ḿäks, Kuľuša, toń śäľḿit raŋguft? —
— Jaḱiń, avakaj, soŕeń kajama,
— Varmaś puv́ińʒä, śäľḿin soŕeńʒä. —
— Vaj, moľan, Kuľa, varmańť ṕeńaćams. —
— Ḱeŋǵeľä uŕäš toń sajiń ťakat:
— Vaj, äźiń puva, vaj, äźiń soŕa. —
Son kuva jaḱä, Kuľa ḿeľaftä.
Aščy paŕinʒa ḱisa ḿeľaftä,

Опустилъ Богъ серебряную зыбку,
Ой, посадилъ онъ Акулину въ зыбку,
Ой, поднялъ онъ Акулину къ себѣ.
Ой, гдѣ ходитъ Акулина, плачетъ.
Онъ послалъ Акулину выбросить соръ.
Ой, идя, Акулина плачетъ.
Пришла домой Акулина, глаза ея заплаканы.
Ой, спросила Акулину ея свекровь:
— Ой, отчего, Акулинушка, глаза твои заплаканы? —
— Я ходила, матушка, выбрасывать соръ,
— Вѣтеръ подулъ на него, засорилъ мои глаза. —
— Ой, пойду, Акулина, жаловаться на вѣтеръ. —
— Вретъ, молодуха, твое пріемное дитя:
— Ой, я не дулъ, ой, я не засорялъ. —
Гдѣ она ни ходитъ, Акулина, печалится,
Отъ нехорошей жизни она печалится,

Äŕi paŕinʒa ḱisa avaŕďä.
Koľi ḿeľaftat aščy paŕit ḱis,
Koľi avaŕďat äŕi paŕit ḱis,
Śulḿińʒä Kuľäń kafta ḱeďńenʒa,
Noldėźä Kuľäń ḿäńiľ jožėsta.
Mastyryńť käľis straćť lovažanʒa,
Vaj, paŕćijks čuďiś Kuľäń v́äŕńiza.

Отмѣтимъ нѣсколько варіантовъ изъ другой записи: ст. 2: roṷńaṷkšnyś; ст. 3: todoṷńä marta Kuľuša loftaṷkšnyś; ст. 4—7: Vaj, śiśiḿ godnėť Kuľuša Taťaj avaj äź ḿeŕńä, Aṷkaza ozaś ṕiŕä ṕäzynʒa, Ťäťkaza ozaś ṕiľǵi ṕäzynʒa; ст. 9: Noldėńʒä; ст. 16: Čyńśťamńista ṕäľńä puŕǵińä syrgaś; ст. 17: Čyńvalgumńista ṕiźiḿ ṕäľ käṕić; ст. 21: laṷśkińťi; ст. 28: Ḿäks, Kuľa, śäľḿińit raŋguft; ст. 31: varmańť ṕeńaćasa; ст. 34: kuva jaḱä uŕäš; ст. 41: Mastyryń käľis; ст. 42: v́äŕiza.

№ 29.

Tatar marta Oľuša sov́etaś,
Tatar marta Oľuša soglaśaś.
— Žarda tutad', alińin tatarχnä,

Отъ нехорошей жизни она плачетъ.
Коли ты печалишься отъ нехорошей жизни,
Коли ты плачешь отъ нехорошей жизни,
Она (свекровь) связала обѣ ручки Акулины,
Она опустила Акулину съ неба.
Во всю ширь земли распались ея кости,
Ой, какъ шелкъ, потекла Акулинина кровушка.

Съ татарами Оленушка посовѣтовалась,
Съ татарами Оленушка согласилась.
— Когда вы пойдете, молодцы мои татары,

— Žarda jaŭdad', alʹińin tatarχnä? —
— Subytasta, Olʹuša, tutana,
— Lomatʹtʹ ojḿetʹ, Olʹuša, śtʹatana,
— Atʹakšt morėtʹ, Olʹuša, tutana. —
— Sajiḿiźga, alʹińin, tyń mońgak,
— Sajiḿiźga, kořḿeńen, tyń mońgak.
— Aźa salak atʹafytʹ ton śada,
— Aźa salak avafytʹ kafta śatt,
— Aźa salak kakžałatʹ kolma śatt,
— Aźa salytʹ ton acamyt v́älʹksyt. —
— Kod' acamyn dy v́älʹksyn salasyń?
— Aša polam podʹäcä son laηksyst,
— Polań lʹäŭkśkä, tʹäkińiḿ, vakscynʒa. —
Koda śadyńtʹ salyńʒä atʹafyńtʹ,
Koda kafta salyńʒä avafyńtʹ,
Koda kolma salyńʒä kakžalʹäńtʹ,

— Когда уйдете, молодцы мои татары? —
— Въ субботу, Оленушка, мы уйдемъ,
— Люди уснутъ, Оленушка, мы встанемъ,
— Пѣтухи запоютъ, Оленушка, мы уйдемъ.—
— Возьмите-ка вы и меня, молодцы мои,
— Возьмите-ка вы и меня, кормильцы мои. —
— Ступай укради у своего свёкра ты сто рублей,
— Ступай укради у твоей свекрови ты двѣсти,
— Ступай укради у твоего старшаго деверя триста,
— Ступай укради свою постель. —
— Какъ я украду свою постель?
— Бѣлый мужъ мой, подьячій, на ней,
— Мужинъ ребенокъ, мое дитя, около него.—
Когда она украла сто рублей у свекра,
Когда она украла двѣсти у свекрови,
Когда она украла триста у старшаго деверя,

Kod' acamyťńiń ẃaľksnyń salyńǯä,
Son tataryń kiḃitkas acyńǯä,
Syń tatarχnä śťäśť, lomaťť äśť ojma,
Syń tatarχnä śťäśť, aťakšt äśť mora.
Tajnyj kińťi tatarχnä tujikšńiśť,
Čopda ẃiŕńis tatarχnä suvakšnyśť.
V́äχkiś karmaś son karkskiń ponama,
Ombòś karmaś ṕäjiľiń ǯovama.
— Ḿäźńiń kaŕkśińť ponasak, aľińim,
— Ḿäjś čovasak, koŕḿeńeḿ, ṕäjiľińť.—
— Ḱeďńet śulmams mon kaŕkśińť ponasa,
— Kyrgat käŕams ṕäjiľińť čovasa. —
Ḱi ẃä bokau̯ Oľušań ṕiŕaza,
Ombò bokau̯ Oľušań ruŋgyza,
Ḱi kunčkava ẃäŕiza ľeḿḃeza,
Ṕižä kačamks Oľušań ojḿeza.

Когда она украла постель,
И постлала ее въ татарскую кибитку,
Эти татары встали—люди не заснули,
Эти татары встали—пѣтухи не пропѣли.
Тайной дорогой татары ушли,
Въ тёмный лѣсокъ татары вошли.
Одинъ началъ вить веревочку,
Другой началъ острить ножъ.
— Для чего ты вьешь веревочку, мой молодчикъ,
— Зачѣмъ точишь ножъ, мой кормилецъ. —
— Я вью веревочку, чтобы связать твои ручки,
— Я острю ножъ, чтобы срѣзать тебѣ шею. —
На одну сторону дороги — Оленушкина голова,
На другую сторону — Оленушкино тѣло.
Посреди дороги — теплая кровь,
Зеленымъ дымкомъ — Оленушкина душа.

№ 30 (прозаическій варіантъ).

Oľuša·ś para, Oľušaš va·ďa, tatar ma·rta druža·kšnyś, tatar marta vata·žaś. — Žardy· tuta·da, tyń tatarχnä aľi·ńin, źardy jaudada, tatarχnä aľińin? — Sy ṕäćasta, ṕäćäń ǯo·pòďiź duta·na i ṕäćäń ǯo·pòďiź jauda·na.—Kona ḱijava·ńť tuta·da? Kona· ḱijava·ńť jauda·da?—Tajnyj ǵija·va tuta·na, tajnyj ǵija·va jauda·na.— Saji·ḿiźga mary·ŋk, aľi·ńin tatarχnä, saji·ḿiź moń. — Saly·ḱ vaśńa kota śatt jarmakynʒa aťa·fyť, śe·sta sajďa·dyź ḿiń mary·-nyk; a eščo· salyḱ ava·fyť v́äťi śa·tt jarma·ḱńiń, śesta· sajďa·dyź ḿiń mary·nyk; eščo· saly·ḱ vaľmań zä·rca ťoša·k, vaľma·dy säŕij todovòt, śesta· sajďa·dyź ḿiń mary·nyk. — Koty śatt jarma·k aťafynʒa salyńʒä i v́äťiśatt jarma·k avafynʒa salyńʒä i vaľmań zä·rca ťoša·kynʒa saly·źä, vaľma·dy säŕi·j todo·vynʒa saly·źä. Äźi·ź učt tata·rχnä i tuśť, i jordè·źä son ťošakynʒa i todo·vònʒa i čyji· ḿäľga·st. Kozè·ń ḿeŕćť, śe·sty muji·ńʒä. V́ä·χḱi tataryś

Оленушка хороша, Оленушка добра, подружилась она съ татарами, сошлась она съ татарами. — Когда вы уйдете, вы татары дружочки мои, когда вы уйдете, татары дружочки мои? — Въ будущую пятницу, какъ стемнѣетъ въ пятницу, мы уйдемъ, и какъ стемнѣетъ въ пятницу мы уѣдемъ. — Которой дорогой вы пойдете, которой дорогой вы уѣдете? — Тайной дорогой мы уйдемъ, тайной дорогой мы уѣдемъ.—Возьмите-ка меня съ собой, дружочки татары, возьмите меня. — Укради сначала шесть сотъ денегъ у свекра, тогда мы возьмемъ тебя съ собой; а еще укради у свекрови пятьсотъ денегъ, тогда мы возьмемъ тебя съ собой; еще укради перину, доходящую высотой до оконъ, и твою подушку, болѣе высокую, чѣмъ окно, тогда мы возьмемъ тебя съ собой.— Шестьсотъ рублей денегъ она украла у свекра и пятьсотъ рублей украла она у свекрови, и украла она перину свою высотой до оконъ, и украла она подушку свою, болѣе высокую, чѣмъ окно. Не стали ждать татары и ушли, и кинула она свою перину и подушку и бѣжитъ за ними. Куда они сказали, тамъ она ихъ нашла. Одинъ

karma·ś ṕäjľiń ʒova·ma, ombóće tata·ryś karma·ś kaŕksyń bon·a·ma. — Nu, ḿäźńi·ń pona·sak, aľi·ńiḿ, kaŕksy·ńt́? — Ponasa· toń ruŋgy·t tapa·ŕams i ḱäŕća·ms. — A ḿäźńiń ʒovasa·k, aľińiḿ, ṕäjiľińt́? — Toń ojḿet saji·ms, toń b́iŕa·t ḱäŕa·ms. — Śulḿi·ź ka·ŕkscyńt́ ruŋgy·nʒa i ṕäčki·ź ṕäjľcyńt́ ṕiŕa·nʒa. Ḱiń v́äṕe·ľej ṕiŕaza, ombó ṕe·ľej ru·ŋgyza i ḱiń guva·lma v́äŕi·za.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 31 [1]).

Äŕäś äŕäś Ḿiťäń Kuľa, äŕaŋkšnyś,
Vaśkaś vaśkaś Ḿiťäń Kuľa vaśkaŋkšnyś,
Ḱämgaftva god Ḿiťäń Kuľa äŕakšnyś,
Godėń koŕas ḱämgaftuva paľa ťäjś,

1) Въ этой и въ слѣдующихъ пѣсняхъ одиннадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

татаринъ началъ точить ножъ, другой татаринъ началъ вить лапотную обору. — Ну, зачѣмъ ты вьешь, дружочекъ, лапотную обору? — Я вью для того, чтобы связать твое тѣло и разрѣзать. — А зачѣмъ ты оттачиваешь ножъ, дружочекъ? — Для того, чтобы взять твою душу, отрубить твою голову. Связали ея тѣло лапотною оборой и отрѣзали ножомъ ея голову. На одну сторону дороги — ея голова, на другую сторону — ея тѣло, а вдоль дороги — ея кровь.

Ср. Paasonen, Proben I № XVI и XXXIV. Ср. ниже въ прил. I.

Жила жила Дмитріева Акулина, нажилась,
Нѣжилась нѣжилась Дмитріева Акулина, нанѣжилась,
Двѣнадцать лѣтъ Дмитріева Акулина жила,
На каждый годъ снаряжала двѣнадцать рубашекъ,

Paľań koŕas kämgaftuva ruća ťäjś,
Ṕiŕäń koŕas kämgaftuva paŋga ťäjś.
Maka lopat Ḿiťäń Kuľäń paľanʒa,
Maka ťvetkeť Ḿiťäń Kuľäń rućanʒa,
Ṕižyń koľćat Ḿiťäń Kuľäń paŋgynʒa.
Jaka paka Ḿišäń Ťuma ḿäľganʒa,
Säv́ä ćav́ä bojar aťäś kisynʒa.
— Iľa jaka, Ťuma ľäľaj, moń ḿäľga,
— Iľa säv́ čav, bojar aťa, moń ǵisa.
— Ťäť amoľan, Ťuma ľäľaj, pokš uŕvaks,
— Ťäť amoľan, Ťuma ľäľaj, kŕeśjaŋkaks.
— Xyť i moľan, Tuma ľäľaj, pokš uŕvaks,
— Xyť i moľan, bojar aťa, kŕeśjaŋkaks,
— Śiśiḿ godnėť ťäťaj avaj aḿeŕan,
— Śiśiḿ godnėť alyŋk alkskä ajacan,
— Śiśiḿ godnėť ṕŕalyŋk ṕŕalkskä aputan,

На каждую рубашку снаряжала двѣнадцать руць,
На голову снаряжала двѣнадцать шелыгановъ.
Какъ маковые листы, Акулины Дмитріевой рубашки,
Какъ маковые цвѣтки, Акулины Дмитріевой руци,
Какъ мѣдныя кольца, Акулины Дмитріевой шелыганы.
Ходитъ ходитъ за нею Михайловъ Тимоѳей,
Вьется, убивается почтенный человѣкъ за нею.
— Не ходи, дядя Тимоѳей, за мною,
— Не вейся убивайся, почтенный, за мною.
— Я не пойду, дядя Тимоѳей, къ тебѣ въ старшія снохи,
— Я не пойду къ тебѣ, дядя Тимоѳей, въ крестьянки.
— Хоть и пойду я, дядя Тимоѳей, въ старшія снохи,
— Хоть и пойду я, почтенный, въ крестьянки,
— Семь годочковъ не скажу: батюшка, матушка,
— Семь годочковъ не постелю подъ васъ перину,
— Семь годочковъ не положу подушки къ вамъ подъ голову,

— Śiśiḿ godnėt́ kudys v́äd́ńa akandan,
— Śiśiḿ godnėt́ ćoraŋk aluŋ ajacan,
— Śiśiḿ godnėt́ ćoraŋk marta amad́an,
— Śiśiḿ godnėt́ v́ä dumńisa aduman,
— Śiśiḿ godnėt́ v́ä valnysa a kortan. —
Śiśiḿ gotta ḿäjl̈ä Kul̈a naŕažaś,
Ul̈ćäń kuvalt polańt́ marta tujikšnyś,
Ul̈ća kuńčkas čauźä mańij puŕǵińä.

№ 32.

Čačymada Ḿit́äń Kul̈a udalaś,
Kasymada Ḿit́äń Kul̈a udalaś.
Ḱämgaftuva Ḿit́äń Kul̈a god äŕäś,
Godėń goŕas Ḿit́äń Kul̈a pal̈a t́äjś,
Godėń goŕas ḱämgaftuva ruća t́äjś,
Vaj, ṕŕań goŕas ḱämgaftuva paŋgy t́äjś.

— Семь годочковъ не буду носить водицы въ избу,
— Семь годочковъ не буду стлать подъ вашего сына,
— Семь годочковъ не буду спать съ вашимъ сыномъ,
— Семь годочковъ не буду думать одною думой,
— Семь годочковъ не буду говорить въ одно слово.—
Послѣ семи годочковъ Акулина нарядилась,
Вдоль улицы пошла съ мужемъ,
Посреди улицы ее убилъ вёдренный громъ.

Рожденіемъ Дмитріева Акулина удалась,
Возрастаніемъ Дмитріева Акулина удалась,
Двѣнадцать лѣтъ жила Дмитріева Акулина,
Погодно Дмитріева Акулина справляла рубашки,
Погодно она справила двѣнадцать руць,
Ой, она справила двѣнадцать шелыгановъ по головѣ.

Jaḱi paḱä Ḿišäń Ṫuma ḿäľganʒa,
Iskuvasy Ḿišäń Ṫuma ḱŕeśťankaks.
— Vaj, a moľan, Ṫuma ľaľaj, pokš uŕvaks,
— Vaj, a moľan, Ṫuma ľaľaj, ḱŕeśťankaks.
— Xoť i moľan, Ṫuma ľaľaj, ťäť uŕvaks,
— Xoť i moľan, Ṫuma ľaľaj, ḱŕeśťankaks,
— Śiśiḿ godnėť ťäťaj avaj a ḿeŕan,
— Śiśiḿ godnėť polań alun ajacan,
— Śiśiḿ godnėť polań malas amoľan;
— Śiśiḿ gotty ḿäjľi ťaťaj avaj mon ḿeŕan,
— Śiśiḿ gotty ḿäjľi ḱijavat mon moľan,
— Śiśiḿ gotty ḿäjľi polań malas mon moľan

. . . .

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ кр. В. С. Саюшкина.

Идетъ ходитъ Михайловъ Тимоѳей за нею,
Ищетъ ее Михайловъ Тимоѳей въ крестьянки.
— Ой, не пойду, дядя Тимоѳей, въ старшія снохи,
— Ой, не пойду, дядя Тимоѳей, въ крестьянки,
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи,
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, въ крестьянки,
— Семь годочковъ не скажу: батюшка, матушка,
— Семь годочковъ не буду стлать подъ него постели,
— Семь годочковъ не буду приближаться къ мужу,
— Послѣ семи лѣтъ я скажу: батюшка, матушка,
— Послѣ семи лѣтъ я пойду по твоей дорогѣ,
— Послѣ семи лѣтъ я приближусь къ мужу.

№ 33.

Ḱämgaftuva Ḿiťäń Guľa god äŕäś,
Ruŋgyń goŕas kämgaftuva paľa ťäjś,
Paľäń goŕas kämgaftuva ruća ťäjś,
Ṕiŕäń goŕas kämgaftuva paŋgy ťäjś.
Maky lopat Ḿiťän Guľän paľanʒa,
Maky ćvet́ńeť Ḿiťän Guľäń rućanʒa,
Ṕižyń goľcat Ḿiťäń Guľäń paŋgynʒa.
Jaḱi paḱi Ḿišań Ďuma ḿäľganʒa.
Son vannysä Ḿiťäń Guľäń pokš uŕvaks,
Iskuvasä Ḿiťäń Guľäń kŕesťjaŋkaks.
— Mon amoľan, Ťuma ľäľäj, ťäť uŕvaks.
— Xyť i moľan, Ťuma ľäľäj, ťäť uŕvaks,
— Śiśiḿ godnėť polań marta a kortan,
— Śiśiḿ godnėť čeŕťä acaḿt a jacan,
— Śiśiḿ godnėť pošťeľeńť laŋks amaďan. —

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки д. Косолаповки (Яруги) Евдокимовой (Базаевой).

Двѣнадцать лѣтъ жила Дмитріева Акулина,
На станъ (свой) она справила двѣнадцать рубашекъ,
На (каждую) рубашку она справила двѣнадцать руцъ,
На голову (свою) она справила двѣнадцать шелыгановъ.
Какъ маковые листья, Дмитріевой Акулины рубашки,
Какъ маковые цвѣтки, Дмитріевой Акулины руцы,
Какъ мѣдныя кольца, Дмитріевой Акулины шелыганы.
Идетъ ходитъ за нею Михайловъ Тимоѳей.
Онъ высматриваетъ Дмитріеву Акулину въ старшія снохи,
Ищетъ се Михайловъ Тимоѳей въ крестьянки.
— Не пойду я, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи.
— Хоть и пойду, дядя Тимоѳей, тебѣ въ снохи,
— Семь годочковъ не буду говорить съ своимъ мужемъ,
— Семь годочковъ не буду стлать мягкой постели,
— Семь годочковъ не лягу на постель. —

№ 34[1]).

Mańiń kuľiń, jalgańakaj, ťaťaza jumaś.
Avaza tuś, jalgańakaj, v́äšyńd́imanȝa.
V́äšyńć v́äšyńć, jalgańakaj, äźiźä muk.
Čykyrkaľiś, jalgańakaj, ťaťkań oṛtaza,
Ḱiľd́iŕkaľiś, jalgańakaj, ṕŕikaľetkaza,
Lavyźńauḳšnyśť, jalgańakaj, ćepsa ṕińinȝa;
Kardaz ṕešḱeć, jalgańakaj, rogaž nurdyda,
Pajmiť ṕešḱećť, jalgańakaj, ṕižä čiŕkidä,
Tulyt ṕešḱećť, jalgańakaj, plaščaụ ašḱyda,
Karχńa ṕešḱeć, jalgańakaj, tatar rakšada,
Lafćat ṕeškećť, jalgańakaj, ťuža šľapada,
Kudyś ṕešḱeć, jalgańakaj, tatar aľada,
Tulyt ṕeškećť, jalgańakaj, ṕižä kušakta,

1) Въ этой пѣснѣ тринадцать слоговъ съ цезурами послѣ четвертаго и восьмого слога.

Я слышала, подружка, отецъ его исчезъ.
Мать его, подружка, ушла искать его.
Искала искала, подружка, не нашла его.
Скрипнули, подружка, отцовы ворота,
Прогремѣла, подружка, его калитка,
Залаяли, подружка, его цѣпныя собаки.
Дворъ наполнился, подружка, обитыми рогожей санями,
Вѣшалки наполнились, подружка, зелеными дугами,
Гвозди наполнились, подружка, убранными пуговицами хомутами.
Хлѣвушекъ наполнился, подружка, татарскими конями,
Полки наполнились, подружка, желтыми шляпами,
Изба наполнилась, подружка, татарскими молодцами,
Гвозди наполнились, подружка, зелеными кушаками,

Końek ṕeškeć, jalgańakaj, ťuža čapanda,
Stoľeńť ṕeščėź, jalgańakaj, śija jarmakta,
Varčtaźiviń, jalgańakaj, vaľma krajńiva
Kundakšnyḿiḿ syŕä tatar ruća polńeďä,
Kajakšnyḿiḿ, jalgańakaj, rogaž nurdyńťi,
Uskykšnyḿiḿ, jalgańakaj, tatar pakśańťi.
—Vanyk, vanyk, eŕʒäń ťäχťiŕ, tatar pakśanyk!—
—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, tatar pakśazyŋk!—
Uskykšnyḿiḿ, jalgańakaj, tatar väľińťi.
—Vanykaja, eŕʒäń ťäχťiŕ, tatar väľinyk!—
—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, tatar väľizyŋk!—
Suvaftyḿiḿ, jalgańakaj, tatar kudyzyst.
—Vanykaja, eŕʒäń ťäχťiŕ, tatar kudynyk!—
—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, tatar kudyzyŋk!—
Ozaftyḿiź, jalgańakaj, tatart stoľest ekšc.
— Jarcak jarcak, eŕʒäń ťäχťiŕ, kšyda saldynyk!—

Коникъ наполнился, подружка, желтыми чепанами,
Столъ они наполнили, подружка, серебряными деньгами.
Случайно я выглянула, подружка, въ край окошка,
Схватилъ меня старый татаринъ за полушки руци,
Кинулъ меня, подружка, въ сани, обитыя рогожей,
Повёзъ онъ меня, подружка, на татарское поле.
—Осмотри, осмотри, мордовская дѣвушка, татарское наше поле!—
—Я нас... нас..., старый татаринъ, на ваше татарское поле!—
Повезъ онъ меня, подрушка, въ татарскую деревню.
—Посмотри-ка, мордовская дѣвушка, нашу татарскую деревню!—
—Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашу татарскую деревню!—
Ввелъ онъ меня, подружка, въ татарскій ихъ домъ.
—Посмотри-ка, мордовская дѣвушка, нашъ татарскій домъ!—
—Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашъ татарскій домъ!—
Посадили меня, подружка, за татарскій ихъ столъ.
—Кушай, кушай, мордовская дѣвушка, нашего хлѣба соли!—

—Śäŕńan čuran, syŕä tatar, kšyzyŋk salzynyk!—
Voŕǵeďeń mon, jalgańakaj, tatar v́äľista.

Варіантъ: 1 и 2 стихъ: Täťäźim̀ tuś, jalgańakaj, śim̀iźiń kuduu̦, Avaźim̀ tuś, jalgańakaj, v́äšyńďamynʒa (Мой батюшка пошелъ, подружка, въ кабакъ, Моя матушка пошла, подружка, искать его). T́äťaza явилось, очевидно, вмѣсто неупотребительнаго въ Оркинѣ: ťäťäźim̀. 5-й стихъ: kaldyrkaľiś (ср. kaldorgaľeś другихъ говоровъ). 6-й ст.: lavyžńau̦kšnyśť; вм. ṕińinʒa—kiskanʒa. 19-й ст.: вм. pakśańťi — pakśazyst. 22-й ст.: вм. v́äľińťi — v́äľizyst; 27-й ст.: вм. kudyzyŋk—kudyzyt. 29-й ст.: вм. kšyda saldynyk—kšynyk salynyk. 31-й ст.: вм. v́äľista — v́äľistyst.

№ 35[1]).

V́äľiś v́äľiška, v́äľiń guńčkasa
Od gantor strojeť.
Kantoryń kolmy kolma ugylga
Kolmy čuft kasyť.
Vaj, vaśiń ʒuftyś, son b́eŕvėj ďeŕvaś
B́elėj b́eŕoza;

1) Въ этой пѣснѣ пятнадцать слоговъ: десять относимъ къ одному стиху, съ цезурой послѣ пятаго слога, а слѣдующіе пять къ другому стиху.

—Я нас... нас..., старый татаринъ, на вашъ хлѣбъ, на вашу соль!—
Убѣжала я, подружка, изъ татарской деревни.

Село съ село, въ серединѣ села
Строятъ новую контору.
По тремъ угламъ конторы
Растутъ три дерева.
Ой, первое дерево, это первое дерево
Бѣлая береза;

Ombóćeks čuftyś, ombóćeks ďeŕvaś,
Krasnaj ŕiḃina.
Kolmóćeks čuftyś, kolmóćeks ďeŕvaś,
Goŕkej ośena.
Vaśiń ʒuftysyńť, čufty ṕiŕasyńť,
Kukuft kukyrdyť.
Ombóće čufćyńť, čufty ṕiŕasyńť,
Ćokoft ćokôrdėť.
Kolmóće čufcyńť, čufty ṕiŕasyńť,
Oźast ćiľiďiť.
Kukuft kukyrdyť, ćokoft ćokôrdėť,
Äź goŕast koṛtėť.
A ṕižy sadgańť, a mazyj sadgańť,
Odʒora jakä.
Ḱiľijńińť ala ťäχťiŕ avaŕďä,
Ťäχťiŕ avaŕďä.

Второе дерево, второе дерево,
Красная рябина.
Третье дерево, третье дерево,
Горькая осина.
На первомъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Кукуютъ кукушки.
На второмъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Поютъ соловьи.
На третьемъ деревѣ, на верхушкѣ дерева,
Чиликаютъ воробьи.
Кукушки кукуютъ, соловьи поютъ,
Говорятъ о своемъ горѣ.
А по зеленому саду, а по красивому саду,
Ходитъ юноша.
Подъ березкой плачетъ дѣвушка,
Плачетъ дѣвушка.

Odʒoraś jakä, odʒoraś käŋkśńä
Ťäχťiŕińť äjsa.
Ḿäks ton, ďäχťiŕńi, iśťa avaŕďat,
Iśťa avaŕďat?
Ḿäks, bojarava, iśťa ḿeľaftat,
Iśťa ḿeľaftat?
Śeks mon avaŕďan, śeks mon ḿeľaftan:
Ťaťam čyjiḿiḿ,
Ťaťam čyjiḿiḿ, ťaťam jakiḿiḿ,
Ťaťam jakiḿiḿ.
Ḱińiń čyjińʒiť, ḱińiń jakińʒiť,
Ḱińiń jakińʒiť?
Mońć kak asodan, ḱińiń ćyjiḿiḿ,
Ḱińiń jakiḿiḿ.
Ton iľ' avaŕdä, ton iľa ḿeľaft,
Ton iľa ḿeľaft:

Юноша ходитъ, юноша спрашиваетъ
У дѣвушки.
Отчего ты, дѣвушка, такъ плачешь,
Такъ плачешь?
Отчего, барыня, ты такъ печалишься,
Такъ печалишься?
Оттого я плачу, оттого я печалюсь:
Отецъ мой меня просваталъ,
Отецъ мой меня просваталъ, отецъ мой меня проходилъ,
Отецъ мой меня проходилъ.
За кого тебя просваталъ, кому тебя проходилъ,
Кому тебя проходилъ?
Я и сама не знаю, за кого онъ меня просваталъ,
Кому меня проходилъ.
Ты не плачь, ты не печалься,
Ты не печалься:

Mońd'äń čyjińʒit́, mońd'äń jakińʒit́,
Mońd'äń jakińʒit́.

Записано въ августѣ 1905 года отъ кр-ки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 36 (прозаическій пересказъ пѣсни).

Jaḱä odʒora ružėjńeḱ, ružyjaza ḱecėnʒa, ṕristaĺeteza karkscynʒa. Ṕeĺeväń kunčkańa vanä: ćityr-ćityr, tol palä, vandyl-vandyl, v́äd́ čud́ä. Mańasyj, ṕižä t́aka avaŕd́ä. — Uš-ka, moĺan ćityr-ćityr tolnėńt́ej, vandyl-vandyl v́äd́ńińt́ij. Moĺć tolnėńt́ej. Ińigujiś tolcėńt́ palä, ińigujiś tolcėńt́ kortä: v́äńćt́iḱ, odʒora, ružyjat, ružyjat kuvalt čyjan. — A targatan, ińa guj, nory guj! — Anykstyźä ružyjanʒa ĺed́ems. — Ĺet́t́an, nory guj! čavdan, nory guj! — B́id́ä čausamak, odʒora, kulä šḱiń-t́ŕiń aukat; eščä kulä sajiń polat i kafty ṕižä t́akat. — Putyźä ružyjanʒa palä tolnėńt́ej; ružyjańt́ kuvalt ĺiść, v́it́ ožavanʒa suvaś, kyrganʒa krugom tapardauś. — Säud́an,

---

За меня онъ тебя просваталъ, мнѣ онъ тебя проходилъ,
Мнѣ онъ тебя проходилъ.

Идетъ парень охотникъ, въ рукѣ у него ружье, за поясомъ пистолетъ. Въ самую полночь видитъ: блеститъ, горитъ огонь, блеститъ, течетъ вода —Слышитъ, плачетъ малое дитя.—Дай-ка пойду къ блестящему огню, къ сверкающей водѣ. Подошелъ къ огню. Большой змѣй горитъ въ огнѣ, большой змѣй говоритъ въ огнѣ: протяни, парень, твое ружье, я побѣгу вдоль твоего ружья.—Не вытащу тебя, большой змѣй, ...змѣй!—Приготовилъ ружье свое, чтобы выстрѣлить.—Застрѣлю тебя, ...змѣй! убью тебя, ...змѣй!— Если ты убьешь меня, парень, то умретъ твоя кормилица мать; еще умрутъ твоя супруга и двое малыхъ дѣтей.—Положилъ онъ ружье свое въ горящій огонь; змѣй вылѣзъ по ружью, вошелъ въ правый рукавъ его и обмотался вокругъ его шеи.—Съѣмъ

odʒora! — Il'amak säŋ, nory guj, palä tolcta id'iťiń, čud'ä v́äcta targ'iťiń. — I to säŋd'an, odʒora; ťäťkaťij — ťäťkaj a ḿeŕat, aŋkaťij — aŋkaj a ḿeŕat. Ad'a v́ijimak škiń aŋkaťij, śesta valgan kyrgastyt. — V́ijiźä odʒora škiń avanctyj gujińť. — Nu, odʒora, ḿeŕť aŋkaťij — avaj, ḿeŕť ťäťkaťij — ťäťaj. — Ḿeŕć odʒoraś ťäťkanctyj — ťäťaj, aŋkanctyj — avaj. Śesta valkś odʒorańť kyrgasta. Śesta ḿeŕć: paśiba ťäť, odʒora, palä tolcta id'imik, čud'ä v́äcta targ'imik.

Записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ Леонтьевымъ для А. Н. Минха. Провѣрено по мѣстному произношенію съ В. С. Саюшкинымъ въ іюлѣ 1905 года.

№ 37 (неточная передача пѣсни).

Ḿiťä-ń Gul'a ťäχťiŕiś para,
Čačumńada Gul'a udalaś,

тебя, парень!—Не ѣшь меня, ...змѣй, я выручилъ тебя изъ горящаго огня, я вытащилъ тебя изъ текущей воды.—Всётаки я тебя съѣмъ, парень; ты отцу своему не говоришь батюшка, а матери своей не говоришь матушка. Иди доставь меня къ своей кормилицѣ матери, тогда я слѣзу съ твоей шеи.—Доставилъ парень змѣя къ своей кормилицѣ матери.—Ну, парень, скажи своей матери—матушка, скажи своему отцу—батюшка.—Парень сказалъ своему отцу батюшка, своей матери матушка. Тогда онъ слѣзъ съ шеи парня. Тогда сказалъ: спасибо тебѣ, парень, ты выручилъ меня изъ горящаго огня, ты вытащилъ меня изъ текущей воды.

Ср Paasonen, Proben I, № XXVIII, XV, XLI.

Дмитріева Акулина хорошая дѣвушка,
Рожденіемъ Акулина удалась,

Śupa·u̧ Eŕʒa· jaḱi· ḿäľga·nʒa.
— Miťŕi·j, čyji·ḱ ťäχťi·ŕit mońďäń!
— Tuś ḿeľezėn.—Koda ž' a tujä?
Son kšyť pańä· kak para bu·lkat,
Ṕŕaka·t pańä· son kak kala·ćat,
Braga· ťäjä· kak para ṕi·va,
Ṕiva· ťäjä· kak para pu·ŕä.
Dosa·dna stal śeḿ uŕvaťńińiń.

Ńe možėt i ḱijak so·nʒy laca a ńi kšyť pańi·ms, ńi ṕŕa·kat pańi·ms so·nʒy laca ńi mo·žut. Braga· ťäji·ms amaštyť sonʒy la·ca, ṕiva· ṕiďi·ms ama·štyť sonʒy la·ca. I dosadna stal śeḿ uŕva·ťńińiń:—so·nʒa kšnasy·ź, a ḿińäńiḱ äŕams ńeľźa; ḿiń rat maksu·ms ḿi·ŕďińiń. — I čyji·ź i maksy·ź. Oďeŕva nuž opäť i tosa· paŕćťä śťŕapa·jä. I tosa· dosadna stal śeḿ uŕvaťńińiń. Kaft' uŕva·t duma·śť ťäťä·ńť jarmakt sala·ma.—Daj, ḱe·kšćėńeḱ, a so·nʒa laŋks jofta·syńiḱ, ata· son ṕeḱ para.—Saly·ź jarma·ḱńiń i ḱekšė·ź. —

Богатый эрзякъ ходитъ за нею.
— Дмитрій, просватай свою дочь за меня!
— Она мнѣ понравилась.—Какъ же не понравится?
Она печетъ хлѣба, какъ хорошія булки,
Она печетъ пироги, какъ калачи,
Она варитъ брагу, какъ хорошее пиво,
Она варитъ пиво, какъ хорошій медъ.
Досадно стало всѣмъ сношкамъ.

Не можетъ никто, какъ она, ни хлѣба печь, ни пироги печь не могутъ, какъ она. Брагу варить не умѣютъ, какъ она, пиво варить не умѣютъ, какъ она. И досадно стало всѣмъ сношкамъ:—ее хвалятъ, а намъ нельзя жить; мы рады отдать ее замужъ.—И просватали и отдали ее. Молодуха, ну, и тамъ опять прекрасно стряпаетъ. И тамъ досадно стало всѣмъ сношкамъ. Двѣ снохи задумали украсть отцовскія деньги.—Давай, спрячемъ, а на нее скажемъ, а то она больно хороша. — Украли эти деньги и спрятали

Kuľa, stupa·j gośťeva·k, kafty ńedľa gośťeva·k. — Mon rada·n, moľa·n. — Nu, uskiźä ḿiŕdʼi·za gośťeva·ms kafty ńe·dľas. Kolmy čyť jutaśť, ḿiŕdʼi·za mo·ľä ḿäľga·nʒa. — Ḿäźńi·ń zaly·ť ťäťań jarma·kńiń? — Vačky·ďińʒä kafty keďe·nʒa, avaŕga·ć i kortä·: «äźi·ń zala·, äźi·ń doka, i a so·dan ḿäźi·jak». — A so·dat ḿäźi·jak, aďa·! — Nu, i tuśť kudu·n. Saśť kudun, käńkśńisyź, ḿäźńi·ń zaly·ť jarma·kńiń. — Oťvečä: «äźi·ń zala i aso·dan ḿäźija·k». — A kä·ḿiť. Avaŕć, avaŕć i tuś čavy ba·ńan, jukśi·źä ka·rksynʒa, ťäji·źä ṕeťľa·ks i poveʹ·źä ṕŕa·nʒa. Ḿiŕdʼi·za väšńä·, amu·jivä, väšńä·, amu·jivä. — Užy·, suva·n bańä·ńťiń. — Suva·ś ḿiŕdʼi·za, a son pova·f.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 38.

Pakśa pakśa, pakśińä! Pakśańť kunčkasa gubyrnä, gubyryńť bokasa lužymńä, lužymńisyńť čejada, čejadasyńť kandyńä, kandy-

---

ихъ.—Акулина, ступай погости, двѣ недѣли погости.—Я рада, пойду.—Ну, повезъ ее мужъ ея гостить на двѣ недѣли. Прошло три дня, мужъ идетъ за ней.—Ты зачѣмъ украла отцовскія деньги?—Всплеснула она обѣими руками, заплакала и говоритъ: «я не крала, не трогала и ничего не знаю».—Не знаешь ничего, такъ иди! —Ну, и пришли домой. Пришли домой, спросили ее, зачѣмъ ты украла эти деньги. — Отвѣчаетъ: «я не крала и ничего не знаю». — Не вѣрятъ. Заплакала, заплакала и пошла въ пустую баню, развязала свой поясъ, сдѣлала изъ него петлю и повѣсилась. Мужъ ея ищетъ, она не находится, ищетъ, она не находится.— Погоди, зайду въ баню.—Вошелъ мужъ ея, а она повѣшенная.

Поле поле, полечко! Посреди поля бугорокъ, на склонѣ бугра ложбинка, въ ложбинкѣ камышъ, въ камышѣ валёжникъ, въ ва-

ńisyńt́ ṕizyńä, ṕizyńisyńt́ v́iŕutka. Ṕižyń turba kyrgaza, ṕižysa valuf laŋgyza, śijas navaf ńeŕeza, syŕńisa valuf grudiza. Čyt́ alyja, v́ät́ naryv́ä, v́äń kunčkasta ĺifcyńʒä koléńǵämińiń rou̯na alynʒa, koléńǵämińiń rou̯na ĺäu̯kst ĺifć. V́äďiń kuvaḷt noldéńʒä. B́eŕekka jaḱä odʒ́ora, ružyjaza ḱecènʒa, ṕŕistaĺetèza zaŕaďaf. Xočèt utkańt́ čavymynʒa. I koṛtä utkaś: iĺak rozôŕa ṕizyńiḿ, iĺit́ urykaft äjď-ńińiń, äśt́ät́ kak para auĺä. Mon avyĺ v́iŕiń utḱińan, a mon V́eŕe-pazyń kučuu̯ksan. — Äź kulcyna son, čav́iźä, paŕćijks noldèźä v́äŕinʒa, kačamks noldèźä ojḿenʒa; karksynʒa alu̯u putyźä. Kuva moĺä, sońć morä. Pačkyć v́iďiń śuryzynʒa, ńejeńʒä son, v́äśi tapaft. — Moń v́eďma kurva utka kodak śudyḿiḿ, i śuduv́iń.

Записано въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ с. Оркинѣ учителемъ Леонтьевымъ для А. Н. Миха. Провѣрено по мѣстному произношенію съ В. С. Саюшкинымъ въ іюлѣ 1905 года.

лёжникѣ гнѣздышко, въ гнѣздышкѣ лѣсная утка. Ея горло какъ мѣдная труба, тѣло ея вылито все изъ мѣди, въ серебро обмакнутъ ея клювъ, грудь ея вылита вся изъ золота. Днемъ несется, ночью высиживаетъ, въ серединѣ ночи она выпускаетъ ровно тридцать яицъ, она вывела ровно тридцать дѣтенышей. Выпустила ихъ по водѣ. По берегу ходитъ молодой парень, въ рукахъ у него ружье, заряженный пистолетъ. Хочетъ застрѣлить утку. И говоритъ эта утка: не разоряй моего гнѣзда, не осироти моихъ дѣточекъ, и тебѣ не будетъ добра. Я не лѣсная утка, а я посланница Божья.—Не послушалъ онъ, убилъ ее, выпустилъ ея кровь шелкомъ, выпустилъ ея душу дымомъ; положилъ ее подъ поясъ. Гдѣ ходитъ, тамъ онъ самъ постъ. Подошелъ онъ къ посѣяннымъ своимъ хлѣбамъ, посмотрѣлъ на нихъ, всѣ потоптаны.—Какъ вѣдьма курва утка меня прокляла, такъ я сдѣлался проклятымъ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № VIII (съ значительнымъ уклоненіемъ) и № LXXII (мокш.). У Reguly (мокш.) №2е и (эрз.) № 5.

№ 39.

V́iŕ ʒyŕisa, v́iŕ grajsa mokšeń ʒoraś päŋk käŕäś i poľańćäś. Maŕasyj šumńä·, maŕavä, maŕasyj žalfkä·, ćuda·v́ä, nogaj bolk äľsy i tatar bolk äľsy. — Uš kak kuźan ʒufta ṕras, varčtan baŕćťä·mon.—Ḿäźi vanä mokšeń ʒoraś? Nogaj bolk äľ sy.—Aška· kekša·n lopa po·c, aška suva·n tarad boc. — Nogaj polkóś juta·ŋkšnyś, tatar po·lkóś juta·ŋkšnyś. Ḿäjiľćiń ƀeľej syŕi noga·jś moľi la·śťä. Syŕi tata·ryś mokšeń ʒorańt ńeje·źä, syŕi nogajś mokšeń ʒorańť ŕäďiźä. I koda·k ŕäďiźä syŕi tataryś mokšeń ʒorańť i kundyźä·, kambrazyń droks kaji·źä; tatar v́äľij v́eťe·źä, nogaj mastyruŋ v́iji·źä. — Nogaj ava·, koźajka, na vot ťeƀe χŕeśťja·n, na vot služa·n. Kodamy robótas karma·fcyńiḱ?—Ṕižy· ťaka·ń vanu·ma. — Vanä i nuŕćä·: baľu i baľu, nogaj äχť, i uťu baľu·, nogaj äχť. Ľäḿit toń noga·jiń, a v́äŕit syv́iľit χŕeśťja·ńiń. — Noga·j ava·ś

На краю лѣса, на опушкѣ лѣса парень мокша рубилъ лѣсъ (и рубилъ его) на полѣнья. Слышитъ шумокъ, слышится, слышитъ небольшой гулъ, чудится, приближается ногайскій полкъ и приближается татарскій полкъ.—Ужъ какъ влѣзу я на дерево, посмотрю я хорошенько.—Что видитъ парень мокша? Подходитъ ногайскій полкъ.—Дай-ка спрячусь подъ листья, дай-ка влѣзу подъ сучки.— Ногайскій полкъ проходилъ, татарскій полкъ проходилъ. Послѣднимъ съ конца ѣдетъ старый ногаецъ верхомъ. Старый татаринъ увидѣлъ парня мокшу, старый ногаецъ примѣтилъ парня мокшу. И когда примѣтилъ старый татаринъ парня мокшу и схватилъ его, положилъ его поперекъ сѣдла; татаринъ повезъ его въ село, доставилъ его въ ногайскую землю.—Ногайская жена, хозяйка, на вотъ тебѣ крестьянина, на вотъ тебѣ слугу. Какую работу мы заставимъ его дѣлать?—Смотрѣть за маленькимъ ребенкомъ.— Смотритъ и качаетъ: балю и балю, ногайское дитя, и утю балю, ногайское дитя. Имя твое ногайское, а кровь и мясо твое христіанскія. — Слышитъ ногайская женщина. — Чьего ты рода племени?

kulcy·nä. — Kiń ton rodė·ń ṕľema·ń? Mokšėń 3ora·ś, ton joftė·k mońďäń. — Vot iśťa·my rodė·ń, iśťamy ṕľema·ń. — Koda avań ľäḿi·za? — Avań ľäḿiza Vaśona, ťäťäń ľäḿiza Ivan, Ivan sta·-rysta. — Ton mоń jala·ksym rodno·j. Ḿäźńi·ń, syŕi nogajś, ton kundyk, ḿäźńiń v́eťe·k? Son mоń jalaksym rodno·j. Stupa·j, syŕi· noga·jś, veťe·k kosta saji·k, kosty kundy·k, v́eťe·k tozė·j. Syŕi nogajś kambra·styźä alašanʒa i ozaftyźä mokšė·ń 3ora·ńť i tuś. Čopoda· v́iŕńis pačkyćť syŕi· noga·jś mokšėń 3ora·ńť marta. Mokšėń 3ora·ś aščy·ś aščy·ś, nuvaźi·ḿś. Syŕi noga·jś panct v́ed́-ḿe·sa kiľkščyźä i mokšėń 3ora·ńť pov́eźä i lopa poc v́äļťi·źä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

№ 40.

Вирь чырпса мокшень цёрась пянькь кяря; кярясь, кярясь, кярякшнысь. Марясый шумня, марявя, марясый жалфкя, цюдавя.

Парень мокша, ты скажи мнѣ.—Вотъ такого рода, такого племени.—Какъ имя матери?—Имя матери Васена, имя отца Иванъ, Иванъ староста.—Ты мой братецъ родной. Зачѣмъ, старый погаецъ, ты его схватилъ, зачѣмъ привезъ? Онъ мой братецъ родной. Ступай, старый погаецъ, вези его откуда взялъ, откуда схватилъ, вези туда.—Старый ногаецъ осѣдлалъ лошадь и посадилъ парня мокшу и поѣхалъ. Въ темный лѣсъ въѣхали старый погаецъ и парень мокша. Парень мокша сидѣлъ, сидѣлъ, заснулъ. Старый погаецъ сдѣлалъ петлю изъ уздечнаго повода и повѣсилъ парня мокшу и скрылъ его въ листьяхъ.

На краю лѣса парень мокша рубитъ дрова; рубилъ, рубилъ, нарубилъ. Слышитъ шумокъ, слышится, слышитъ гулъ, чудится.

Вай, версй варчтась, чуфта прятьня а нурьцить. Вай, алув варчтась, тикше прятьня а черкеть. Икплий варчтась мокшень цёрась— губан полк, удалув варчтась мокшень алясь — ногай полк. Вай, вачкыць кафта мокшень цёрась кедниза, пурдыньзя кямпнь одалясь сурпынза. Вай, козень, козень одцёрась кекшнекшнесь? Вишвь каль пулыс одалясь сувакшнысь. Вай, сяда ютасть, мокшень цёраньть эзнзь некь: вай, кафта ютасть, мокшень аляньть эзнзь некь. Сефьть мяйля моля сыря губанць, эль ютэ. Вай, алашаза сыря губаньть камбрастяф; вай, соколнэза сырь губаныньть вешкезевсь; вай, кискиниза сырь губан атяньть онгэзевсь; вай, алашаза губан атяньть цяхазивсь. — Мон зярда якан, те диваньти эзинь понгэна; мон зярда пакан, те диваньти эзинь понгэна. Вясий рунгыза мокшень цёраньть кекшневкшнэсь, карь кочкаряза мокшень цёраньть эзь кекшевь. Вай, карь пулынинза мокшень цёраньть губан атясь неезя; вай, карь пулыстыньть мокшень цёраньть губан атясь таргизя; вай, вярикь

Ой, посмотрѣлъ наверхъ, верхушки деревьевъ не качаются. Ой, внизъ посмотрѣлъ, верхушки травы не колышутся. Впередъ посмотрѣлъ парень мокша—полкъ татаръ, назадъ посмотрѣлъ парень мокша — полкъ ногайцевъ. Ой, всплеснулъ обѣими ручками парень мокша, сжалъ молодецъ свои десять пальчиковъ. Ой, куда, куда спрятался парень? Въ большой ивовый кустъ вошелъ онъ. Ой, сто (человѣкъ) прошло, парня мокшу не увидѣли; ой, двѣсти прошло, молодца мокшу не увидѣли. Послѣ всѣхъ идетъ старый татаринъ, приближается. Ой, лошадь стараго татарина осѣдлана; ой, соколикъ стараго татарина свистнулъ; ой, собачка стараго старика татарина залаяла; ой, лошадь татарина старика заржала. — Сколько я не хожу, я не попадалъ на такое диво; сколько я не путешествую, я не попадалъ на такое диво.—Все тѣло парня мокши скрылось, пятка отъ лаптя парня мокши не спряталась. Ой, хвостъ отъ лаптя парня мокши увидѣлъ старикъ татаринъ; ой, дернулъ за хвостъ лаптя парня мокши старикъ татаринъ; ой, связалъ сы-

кшнаса мокшень цёраньть губан атясь сюлмизя; вай, кудув гавув губан атясь мурдакшнысь; вай, кудув гавув губан атясь пачкытькшнысь, кудув кардазув губан атясь пачкытькшнысь, — Вай, стяка, стяка, губан ава, стякая; вай, стяка, стяка, ногай ава, стякая. Вай, панжытяя, губан ава, сисемь панжумат; вай, таргитяя, ногай ава, сисемь тулыпит. Вай, вить кедьнезэт сахьть, губан ава, чумбра кшы; вай, кярч кедьнезэт сахьть, ногай ава, салдыркс сал. Вай, мянь радысть, губан ава, тять туян.—Вай, мокшень цёраньть сыря губанысь нолдэзя; вай, кудув гавув губан атясь сувафтызя.—Вай, ушта ушта, губан ава, уштая; вай, куда угылыт губан ава вешкезест.—Вай, думасть арьцисть мокшень цёраньть пячкимя; вай, думасть арьцисть мокшень цёраньть пидимя. Вай, удысь, удысь мокшень цёрась, удувкшнысь. Пелевяшканя мокшень цёрась сыргыйкшнысь. Маря куля—губаныть эйдись аварьдя; маря куля — ногайнь эйдись меляфтэ. Губаныть эйдись мокшень цёраньти жаль марявсь; ногайнь эйдись мокшень

рымъ ремнемъ парня мокшу старикъ татаринъ; ой, домой вернулся старикъ татаринъ; ой, къ дому пріѣхалъ старикъ татаринъ, къ избѣ и къ двору пріѣхалъ старикъ татаринъ. — Ой, встань-ка, встань-ка, татарская жена, встань-ка; ой, встань-ка, встань-ка ногайская жена, встань-ка. Ой, отопри-ка, татарская жена, семь замковъ; ой, выдерни-ка, ногайская жена, семь запоровъ. Ой, правой рукой, татарская жена, возьми здоровый хлѣбъ; ой, лѣвой рукой, ногайская жена, возьми солонку соли. Ой, какую радость, татарская жена, я тебѣ везу.—Ой, парня мокшу старый татаринъ отвязалъ; ой, въ домъ его старикъ татаринъ ввелъ.—Ой, погоди-ка, погоди-ка, татарская жена, погоди-ка; ой, чтобы свистѣли, татарская жена, углы твоего дома.—Ой, вздумали, замыслили зарѣзать парня мокшу; ой, вздумали, замыслили сварить парня мокшу. Ой, спалъ, спалъ парень мокша, выспался. Въ полночь парень мокша проснулся. Слышитъ—что-то плачетъ татарское дитя; слышитъ—печалится ногайское дитя. Жаль показалось парню мокшѣ

цёраньти жаль марявсь. Губаньпь эйдипьть мокшепь цёрась пурцизя. Балю-лю-лю, губаньпь эхть баляль; утю балю, ногайньпь эхть баляль. «Вирь чырпса мокшепь цёра пяпькь кирясь, вирь чырпса мокшепь алясь поляньцясь (п т. д. сначала всю пѣсню). Вай, думасть арьцисть мокшень аляньть пидимя». Вай, кыргазынза мокшень цёрапьть губап авась повэтькшпэсь.—Вай, маряп кулян—пиже дугась монь улят; вай, дайка, дайка, дугай, пирят чавсиса. Вай, чавсись, чавсись ногай авась, чавсикшнысь. Вай, вя сялмиваньть ногай авась сырьть лифтя; вай, омбэцеваньть губап авась вярьть лифтя.—Вай, кудув гавув, пиже дугай, провэдятан; вай, сэрий вядьганьть, пиже дугай, уязь ухьть; вай, алкппиваньть, мазый дугай, келейсты эскельть.

Записано І. А. Цыбинымъ; но запись его нѣсколько исправлена.

татарскаго дитяти; жаль показалось парню мокшѣ ногайскаго дитяти. Татарское дитя парень мокша покачалъ. Балю-лю-лю, побаюкалъ онъ татарское дитя; утю-балю, побаюкалъ онъ ногайское дитя. «На краю лѣса парень мокша рубилъ дрова, на краю лѣса молодецъ мокша (п т. д.). Ой, задумали, замыслили сварить молодца мокшу». Ой, на шеѣ парня мокши татарская женщина повисла.—Ой, слышу—ты мой малый братецъ; ой, дай-ка, дай-ка, братецъ, я поищу у тебя въ головѣ.—Ой, поискала, поискала ногайская женщина, заискалась. Ой, однимъ глазомъ ногайская женщина пускаетъ гной; ой, другимъ глазомъ татарская женщина пускаетъ кровь.—Ой, домой я, малый братецъ, провожу тебя; ой, по глубокой водѣ, малый братецъ, плавмя плыви; ой, черезъ мелкую воду, красивый братецъ, широко перешагни.

Ср. Сухокарб.

№ 41. Lajšymat[1]).

a)

Jalakskiḿ F́iĺiṕ, tujat služba·ń ǵińi·va,
Tujat službań nužda·ń ǵińi·va,
Ńiĺińǵäḿiń ǵi·java pačkyd́at.
Ńiĺińǵäḿiń ǵipŕasyńt́ säŕij gubyrnä,
Guby·r boka·ś—alksy·t,
Säŕij guby·r—ṕŕalksy·t.
Čokšńeń käĺḿi· rosa·ś—aca·mut.
Valcḱiń käĺḿi rosa·ś—v́äḷt́amut,
Staka· ružja·ś—duḿi jalǵi·ńit.
Puvy varma· puva·za,
Kandy·varma· kandy·za,
V́eŕ ogradu̯ buva·za,
Kalm' ogradu̯ kandyza,

1) Размѣръ въ передачѣ причитаній не соблюдался въ точности.

Причитанія.

Братецъ Филиппъ, ты пойдешь по служебной дорожкѣ,
Ты пойдешь по дорожкѣ службы и нужды,
Ты пройдешь по сорока дорогамъ.
На концѣ сороковой дороги высокій бугорокъ,
Склонъ бугра—подстилка твоя,
Высокій бугоръ—твое изголовье,
Вечерняя холодная роса—твоя постель,
Утренняя холодная роса—твое одѣяло,
Тяжелое ружье—товарищъ твоихъ думъ.
Дующій вѣтеръ пусть дуетъ,
Носящій вѣтеръ пусть носитъ,
Въ верхнюю ограду пусть дуетъ,
Пусть носитъ онъ въ могильную ограду,

V́eŕga·, ťikšy ṕiŕa·va,
T́ikšy ṕiŕań čyŕkaftyź
Sava·masta, sasty·ńa,
Alga· moda· jožo·va,
Moda· puľńiń zyrga·ftyź,
Aŋkań ƀiľis kandy·za,
Koŕma·ń ƀi·ľis puva·za.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасьи Кожайкиной.

б)

Uχ, ava·kaj goŕma·kaj,
Uχ, avakaj diŕa·kaj,
Ḿäń guƚumńiś saji·ńʒ́iť,
Ḿäń jumamńiś saji·ńʒ́iť,
A po·rava v́ŕema·va,
A pora·va aška·va?

По верху, по верхушкамъ травы,
Заставляя трястись верхушки травы,
Легонько, нѣжно,
Внизу около самой земли,
Заставляя подняться земляную пыль,
Пусть несетъ въ уши матушки,
Пусть дуетъ въ уши кормилицы.

Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Какая тебя взяла смерётушка,
Какая тебя взяла погибель,
Не въ пору, не во время,
Не въ пору, не въ часъ?

Ḱi laŋks nad́ijaź kadyḿik
Aṋka·ftuma ury·śkiks?
Uryz d́akińiś sodavä
Laŋksy pal̓ań guva·lma,
Ṕŕasy čéŕṋeń guva·lma.
Laŋksy pal̓azy kargyćkä,
Ṕŕasy čéŕńenʒy śaŋgyrat.
Eščo, uχ, avakaj gośmakaj,
Avakaj d́irakaj,
Avińiḿ žal̓ijńiḿ,
Ḱäṕid́ijńiḿ, valftyjńiḿ,
Stalmyń stakań gandyjńiḿ,
Vol̓nėj śvet laŋks noldėjńeḿ,
Avińiḿ, aša lofcėńeḿ,
Avińiḿ, d́uža moń ojńeḿ,
Aša rućińiḿ, baćińiḿ,

На кого надѣясь, ты оставила меня
Безматернею сироткою?
Сирота дитятко узнается,
По рубашкѣ,
По волосикамъ на головѣ.
Рубашка грязненькая,
Волосики на головѣ шершавы.
Еще, охъ, матушка кормилица,
Матушка кормилица,
Матушка, ты моя жалѣльщица,
Подымальщица, сымальщица,
Носительница тяжелой тяжести,
Отпустившая меня на вольный свѣтъ,
Моя матушка, бѣлое мое молочко,
Моя матушка, желтое мое маслице,
Ты моя бѣлая маленькая руця, мой платочекъ,

Kočkaŕava paľińiḿ,
Surb́iŕava ožėńeḿ.
Ḿäji·ń ǵisa, ava·kaj,
Stalmy stakam moń gandyḱ,
Ḱäu̯s vačkydiť ton ǵedńet,
Varma·s maksyḱ ton v́ijńi·t?
Äźi·ń maštuu̯, avakaj,
Kuč ḱijavat moľemä.
Äźiń maštuu̯, avakaj,
Čėfť alksḱiń acy·ćaks.
Äźiń maštuu̯, avakaj,
Säŕij b́ŕalksḱiń butyćaks.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

До пятокъ моя рубашечка,
До конца пальцевъ мой рукавчикъ.
Для чего, матушка,
Ты несла мой тяжелый вѣсъ,
Объ камень ударила свои ручки,
На вѣтеръ отдала свою силушку?
Я не пригодилась, матушка,
Ходить по послушной твоей дорогѣ.
Я не пригодилась, матушка,
Быть стельщицей мягкой постели.
Я не пригодилась, матушка,
Быть тою, что кладеть высокія подушечки.

в)

Uχ, avińiḿ goŕḿeńeḿ,
Uχ, avińiḿ ďiŕińiḿ,
Ḿäźiń gulumńä, avakaj, sajińʒit?
Ńeznaj garčy vastyńʒyt.
Ńeznaj ḿäľga sasyńʒit.
I sajińʒi raužy kulumaś
Kafty ṕiľksy ṕiľǵiv́ijińit,
Kafty ḱeccy ḱeďv́ijińit,
Ruŋgy v́iďga kosťeńʒeť,
Ruŋgy v́iďga śińďińʒiť.
Grušyńiška kadyźä,
Mazyj umaŕ ľićijńit.
Raužy kuluma kośťeźä,
Kośkä čeůńeks kośťeźä ruŋǵińit,
Kaľ daradyks kośťeńʒä

Охъ, матушка кормилица,
Охъ, матушка кормилица,
Какая, матушка, взяла тебя смеретушка?
Незнай, встрѣтила она тебя прямо,
Незнай, догнала она тебя сзади.
И взяла черная смерть
У обѣихъ ногъ твою ножную силушку,
У обѣихъ рукъ твою ручную силушку,
Прямо по тѣлу она тебя высушила,
Прямо по тѣлу она тебя извела.
Она оставила какъ грушу,
Личко твое, какъ красивое яблоко.
Черная смерть высушила,
Какъ сухую лучинушку высушила твое тѣльце,
Какъ ивовыя вѣтки, она высушила

Kafty kundy keďeńet.
Kaľ ǯućuńiks puštyńǯä
Kafty keďeń kämiń zuryńit.
Ḱi laŋks naďijaź, avakaj, kadymik?
Koda· karma·n äŕa·ma?
Sy tundy·ń mazy·j v́reme·ńä,
Sy tundy·ń mazy·j borė·ńä,
Godovėj pokš praźńik, —
V́äśi· narod naŕä·žaft,
V́äśi· lomaťťńä naŕä·žaft,
A mon, ava·kaj goŕma·kaj,
Tundyń kukuks karman kukurdama,
Tundyń ǯokouks karman ǯokȯrdama.
Ťe mazyj moŕėsėńť ńeščasnyj ṕiŋǵim jutafca,
Ťe mazyj moŕėsėńť ńeščasnyj v́eḱem ṕečtasa.
Śädijńim ḃeščkśä goŕada,

Обѣ твои хватающія ручки.
Какъ ивовыя почечки, она высушила
Твои десять пальцевъ обѣихъ рукъ.
На кого надѣясь, матушка, ты меня оставила?
Какъ буду я жить?
Настанетъ прекрасное весеннее времячко,
Настанетъ прекрасная весенняя порушка,
Годовой великій праздникъ, —
Весь народъ наряженъ,
Всѣ люди наряжены.
А я, матушка кормилица,
Стану куковать, какъ весенняя кукушка,
Стану пѣть, какъ весенній соловей,
Этою красивой пѣснью я скорочу свой несчастный вѣкъ,
Этой красивой пѣснью я проведу свой несчастный вѣкъ.
Сердечко мое полно горя,

Po·tmom ḃeščkśä· tošna·da,
A čyńiń gak jofńe·v́eť,
A v́äńiń gak korta·v́iť,
A kuvaka ukstaź uksta·v́iť,
A ṕśi śäľv́äcca pańi·v́iť.

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Настасіи Кожайкиной.

г)

Uχ, ťaťakaj gořma·kaj,
Uχ, ťaťakaj ďiŕakaj,
Ḿäjiń gulu·ḿńiś saji·ńʒiť,
Ḿäji·ń juma·ḿńiś saji·ńʒiť,
Apo·rava v́ŕema·va,
Apo·rava aška·va?
Ḱilaŋks naďijaź kady·ḿiḱ,

Внутренность моя полна тоски,
И дню ея не разсказать,
И ночи ея не изложить,
Тяжелымъ вздохомъ не вздохнуть
Горячими слезами не отогнать.

Охъ, батюшка кормилецъ,
Охъ, батюшка кормилецъ,
Какая тебя взяла смеретушка,
Какая тебя взяла погибель,
Не въ пору, не во время,
Не въ пору, не въ часъ?
На кого надѣясь, оставилъ ты меня

Purnyjf́t́im̋i skot́e·naks?
Ńejuš, t́at́akaj, ton dujat,
Ko·zėj čyńiś l̃em̋beńesta atok̃ä,
Kozėj vaŕm̋ińiś sät́m̋ińista apu·v́ä;
Śezė·j, d́at́a·kaj, don duja·t,
Śezėj, goŕma·kaj, don java·t.
Mińik̃, t́at́akaj, gaca·m̋iź,
Mäńi·l̃ alu·u̥, Baz a·luu̥,
T́at́kaftum' uryskiks.
Avul̃i m̋ińik̃ t́iŕiń d́at́kanyk,
Avul̃i m̋ińik̃ mastyrlaŋgyń žal̃i·jnyk.
Ńeščasny·j d́a·kaś sodav́ä,
T́a·t́akaj, laŋks od́eźäń guva·lma:
Laŋks od́ežaza, t́at́akaj, kala·da,
Ṕil̃ksy kaŕńinʒa, t́at́akaj, gala·dat,
Suf́t́iŕgaduu̥ks čama l̃ićaza.

Безпризорною скотиною?
Теперь ужъ, батюшка, ты уйдешь,
Куда солнышко тепленько не касается,
Куда вѣтерокъ тихонечко не дуетъ.
Туда, батюшка, ты уйдешь
Туда, кормилецъ, ты скроешься,
Насъ, батюшка, ты оставишь,
Подъ небомъ, подъ Богомъ,
Сиротками безъ отца.
У насъ не будетъ кормильца отца,
У насъ не будетъ жалѣльщика земного.
Несчастное дитя узнаётся,
Батюшка, по одеждѣ:
Его одежда, батюшка, разорвана,
На ногахъ его лапотки, батюшка, разорваны,
Запаршивлено его лицо.

Śeń guvalma ǵŕešnėj ďa·kińiś sodavä,
Šty son mastyrlaŋgyń ďakaś uryskä.

Записано въ августѣ 1905 года отъ крестьянки с. Оркина Татьяны Учуськиной.

№ 42. Колыбельныя пѣсни.

Koda ńäńka·st sajsy·ź äjdï·st i ľiši·ť uľća·u, puru·ḿiť kafty ko·lma ńä·ńka i śäŕgi·dïť:

a)

Jala·kskim, baľaľa·.
Vaj, śijäń kŕuka·,
Jala·kskiń kŕuka·za;
Vaj, ṕižä ŕiśḿi·ť
Jala·kskiń ve·ďḿenʒa.

По этому несчастное дитятко узнается,
Что это земное дитя сирота.

Когда няньки возьмутъ своихъ дѣтей и выйдутъ на улицу, сойдутся двѣ три няньки и кричатъ:

[Баляля, а баля
Ой, утя баляля.

У кого въ рукахъ дѣвочка, та говоритъ «моя маленькая сестрица», а у кого въ рукахъ мальчикъ, та говоритъ «мой маленькій братецъ»:]

Братецъ мой, баляля.
Ой, серебряный крюкъ,
Братцевъ крюкъ;
Ой, зеленыя цѣпочки
Братцевы зыбочные ремни.

Vaj, ḿäńi·ĺc masty·rc
Jala·kskiń lauśki·za.
Vaj, uťa· baľa·,
Vaj, kuva·ť udä.

---

b)

Ťäťa·m ṕäčkś ala·ša,
Mo·ńďäń maksć lova·ža.
Poŕńeń poŕńeń, äź boŕńeu.
Tujiń mo·kšeń kijava,
Mujiń mo·kšeń ťäχťiŕńä.
Pana·ryza ka·lada,
Poťä ṕŕaza u·šysa.
Poťä ṕŕada su·skińä,
B́eŕek a·luu uskińä.
B́eŕek ala ku·dyńä,

Ой, отъ неба до земли (качается)
Братцева зыбочка.
Ой, утя-баля,
Ой, долго онъ будетъ спать.

Отецъ зарѣзалъ лошадь,
Мнѣ далъ онъ кость.
Глодалъ я, глодалъ, не обглодалъ.
Пошелъ я по мокшанской дорогѣ,
Нашелъ я мокшанскую дѣвушку.
Рубашка ея износившаяся,
Конецъ титьки наружу.
Я схватилъ зубами за конецъ титьки,
Затащилъ ее подъ берегъ.
Подъ берегомъ избушка,

Kudyńi·syńť ba·ľińä.
Ba·baj, pa·nčt! A·mafan.
Ďe·daj, panČt! A·panʒan.

№ 43.

a) Śeďä ikiľiń tundyń mora.

Pokš v́äďiń truks śäŕǵiďan:
Auv́eśť, ḱizyś saza.
Kaftyńä pant, au!
Auv́eśť, kara karča.
Kolmóćeńeś auv́eśť.
Auv́eśť, umaŕ čufta,
Mastyryń ṕäŕť, au!
Auv́eśť, undyksḱinʒa
Ḿäńiľiń ṕäŕť, au!

Въ избушкѣ старушка.
Бабушка, отопри! Не слышу.
Дѣдушка, отопри! Не отопру.

Старинная весенняя пѣсня.

Я крикну черезъ большую рѣку:
Ау, пусть придетъ лѣто.
Двѣ горки, ау!
Ау, на встрѣчу (другъ другу).
Третья, ау!
Ау, яблоновое дерево,
Вокругъ земли, ау!
Ау, его дуплышки
Вокругъ неба, ау!

Auv́eśť, taratḱinʒa
Ḱeď ḱäľiškat, au!
Auv́eśť, loṕeńenʒa
Mokšandaškat, au!
Auv́eśť, umaŕinʒa.

б)

Aa, v́iśaa nasaa
Na v́ijakańaa,
Na v́ijakańaa.
Turbań potomksḱä a Ivańiza,
A aša guľḱińä a Ďŕigańiza,
Tundyń ćokou̯ńä a Ḿiťańiza.

Ау, его вѣточки
Шириной съ ладонь руки, ау!
Ау, его листочки
Съ кулакъ, ау!
Ау, его яблоки.

— — —
— — —
— — —

Какъ трубная затычка, Иванова жена,
А бѣлая голубка Григорьева жена,
Весенняя соловушка Дмитріева жена[1]).

---

1) Эта пѣсня поется великимъ постомъ, когда бываютъ проталинки. Къ причитанію прибираютъ женскія имена, при чемъ каждой женщинѣ дается характеристика.

в)

Aǵiź ad'a,
Ośka puŕd'ä
Ośka śim̄ä.
Tańa mol'ä,
Mongak mol'an.
A! ǵiźd'iń ǵiźd'iń, a! kańa.
Ośka mol'ä,
Mon amol'an,
Ośkaftuma
Ť'äu̯ a ul'ä.
A! ǵiźd'iń ǵiźd'iń, a! kańa.

A! ǵiźd'iń ǵiźd'iń, a! kańa.
Ad'ä, Ḿiša puŕd'ä śim̄ä.

— —
Оська пурю
Оська пьетъ.
Таня идетъ,
И я иду.
— — — —
Оська идетъ,
Я не иду,
Безъ Оськи
Дѣла не будетъ.
— — —

— — — —
Ступай, Миша пьетъ пурю.

A! ǵiźďiń ǵiźďiń, a! kańa.
Tańa moľä, mongak moľan.
A! ǵiźďiń ǵiźďiń, a! kańa.

г)

Ḿäks mon čeŕevan,
A mon puluvan?
Aľuv́eść ľuv́eść!
Moń śiśiḿ aľkan,
A mon sazyran,
Aľuv́eść ľuv́eść!
Moń śiśiḿ uŕkan,
A mon paryjan,
Aľuv́eść ľuv́eść!
Moń ušat v́äca,

— — — —
Таня пойдетъ, и я пойду
— — — —[1])

Отчего я богата волосами,
Отчего я богата косой?
— —
У меня семь деверьевъ,
А я сестра,
— —
У меня семь невѣстокъ
А я золовка,
— —
Ушатомъ воды

1) И т. д. перебираютъ всѣ имена и поютъ эту пѣсню весь вечеръ.

Ṕŕam a ṕäzuvä,
Aľuveść ľuveść!
V́ä ṕiḿim(a) ojsa
Ṕŕam a vadńivä,
Aľuveść ľuveść!
Kšńiń ǵŕeb́eškasa
Ṕŕam a straftuvä,
Aľuveść ľuveść!
Ṕižyń suŕćamsa
Ṕŕam asuďŕävä,
Aľuveść ľuveść!
Śiśiḿ uŕkańiń
Pulym a ponavä,
Aľuveść ľuveść!
Śiśiḿ aľkańiń
Kaŕť a kodaviť,

Голова моя не вымоется,
— —
Масломъ отъ одного пахтанья
Голова моя не намажется,
— —
Желѣзнымъ гребешкомъ
Головка моя не расчешется,
— —
Мѣднымъ гребешкомъ
Головка моя не расчешется,
— —
Семи невѣсткамъ моимъ
Косы моей не заплести,
— —
Семи деверямъ моимъ
Лаптей не сплести,

Aľuv́eśť ľuv́eśť!
Śiśim dugańiń
Kaŕkst a ponav́iť,
Aľuv́eśť ľuv́eśť!

д)

Kolma kiť, kiulyt,
Ḱiulysyńť v́iš uma.
Ḱi soḱeźä v́idïźä?
F́edä soḱeźä v́idïźä.
Ḱi nujiźä kočḱeźä?
Proska nujiźä kočḱeźä.
Ḱi jutä ṕävanʒa?
F́edä jutä ṕävanʒa.
— A! Boχ pomoč, Proska. —
— A! Paśiba, F́edä. —

— —
Семи сестренкамъ моимъ
Оборы не свить,
— —

Три дороги, перекрестки,
На перекресткѣ загонъ полбы.
Кто вспахалъ его, посѣялъ?
Ѳедя вспахалъ его, посѣялъ.
Кто сжалъ его, пропололь?
Фроська сжала его, прополола.
Кто проходитъ по его краю?
Ѳедя проходитъ по его краю.
— А! Богъ помочь, Фроська. —
— А! Спасибо, Ѳедя. —

— Źara sajat nujimga,
— Źara sajat kočkomga? —
— Tŕi spalťina jolťena,
— Ṕať rubľovòj gumaška. —

---

e)

Ṕiźiṁiś ṕiźä,
Kovòlėń kovòl
V́erba v́äťńä kolǵeť
Pou̯ńeń pou̯ńeń.
Šekšatyś nalkśä
Pulynʒa mar̦ta,
Narmyńiś nalkśä
Śormanʒa mar̦ta.
A Mařka nalkśä
Ďriganʒa mar̦ta.

— Сколько ты возьмешь за жнитво,
— Сколько ты возьмешь за полку? —
— Три съ полтиной (?),
— Пять рублевыхъ бумажекъ. —

Дождь идетъ,
На каждую ковылинку
Съ вербы капли падаютъ,
Какъ пуговки, какъ пуговки.
Дятелъ играетъ
Своимъ хвостомъ,
Пташечка играетъ
Своимъ крыломъ.
А Марья играетъ
Со своимъ Григорьемъ.

Syń kosa nalkśiť?
Uľćasa strupsa,
Tazuŋ śäja jutksa.

ж)

A! moľďana, ḿoľďana
Kańiškereń bazaruŋ,
Ramatana, ramatana
Śiv́iks kyrga jakśarga,
Oznėsėńek oznėsėńek
Ďŕiga maŗta Daŕäń ǵis:
Muśkimsta, čovamsta
Daŕańiń gak ľeḿbeńä,
Sokamsta, v́idimsta
Ďŕigańiń gak čeḿeńä.

Гдѣ они играютъ?
На улицѣ въ срубѣ,
Около паршивой козы

Ср. Сухокарб.

А! идемъ, идемъ
На Камешкирскій[1]) базаръ.
Купимъ, купимъ
Утку съ колечками на шеѣ,
Помолимся, помолимся
Съ Григорьемъ за Дарью:
При мытьѣ стираніи
Дарьѣ (пусть будетъ) тепло,
При пашнѣ сѣяніи
Григорью (пусть будетъ) мягко.

Ср. Сухокарб.

---

1) Камешкиръ—село Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи.

з)

A! śeľeka, śeľeka!
Konań śudan śiśimga,
Śiśim kalmyń čuvumga.
Kalmyńť laŋga v́äď čuďä,
V́äďńińť äzga kaľť kasyť,
Kaľńiń ṕrava kumb́ŕińiť.
Ḱi śeźńeńʒä, noznėńʒä?
Ivan seźńeńʒä, noznėńʒä,
Pokš uľćava tujikšnyś.
Kuva jaḱä, lanča,
Mazyj Tańäń manča.
Kuva jaḱä, v́eśḱä,
Tańa laŋksa šėšḱä.

Ахъ, селезень, селезень!
Кого я прокляну семь разъ,
Черезъ семь могилъ.
По верху могилы течетъ вода,
По водицѣ растетъ тальникъ,
По верхушкамъ тальника почки.
Кто ихъ растерзалъ и разодралъ?
Иванъ ихъ растерзалъ и разодралъ,
И пошелъ по большой улицѣ.
Гдѣ идетъ, тамъ садится на корточки,
Красивую Таню онъ обманываетъ.
Гдѣ идетъ, тамъ свиститъ,
Поверхъ Тани топчетъ.

п)

A! v́eŕej kuźan,
A! aluu̯ valgan.
V́iŕca D́ŕiga
M̃äśt́ t́äjńä?
Kal̃ taratkit́ inzyd́ä,
Proskań äsa ṕiŋǵid́ä.

№ 44. Скоморошныя.

а)

Tatarava, parava
Praś karda vaŕava,
Muś kop̃ejka,
Sajś koźajka,
Čačtaś ćora,
L̃äḿinʒa Dora,

А! я влѣзу на верхъ,
А! я слѣзу внизъ.
Въ лѣсу Григорій
Что дѣлаетъ?
Онъ строгаетъ вѣтки тальника,
Набиваетъ обручи поверхъ Фроськи.

Татарская женщина, добрая женщина,
Упала въ дыру хлѣва,
Нашла копейку,
Взяла хозяйка,
Родила сына,
По имени Дора,

Buka laŋga jaḱića,
Buka pulyń puvŕića.
Tazuu̯ tuzuu̯ ul̈iza.
— Aźa, Dora, bazaruu̯. —
— Ḿäźä, ḿäźä ramama? —
— Kuja tuva, boŕćek l̈äu̯ks
— Aša maćij, b́elaj guś. —

б)

Uχ, avakaj, goŕmakaj,
Ṕäḱińäza sėŕed̈ä.
Kuva kuva sėŕed̈ä?
Poča v́id̈ga sėŕed̈ä.
I! O! Ańuta,
Śt́ada papa Ḿiḱita,
Ozadyń pad Luša,

Онъ ѣздокъ на быкѣ,
Онъ закручиваетъ хвостъ быка.
Пусть онъ будетъ паршивымъ, шелудивымъ.
— Ступай, Дора, на базаръ. —
— Что и что покупать? —
— Жирную свинью . . . .(?),
— Бѣлаго гуся, бѣлаго гуся. —

Охъ, матушка, кормилица,
Животикъ его болитъ.
Гдѣ и гдѣ болитъ?
Около пупка болитъ.
И! О! Анюта,
Съ возбужденнымъ ч. Никита,
Съ сидячимъ в. Луша,

Kunčkasynʒa Gruša,
Ṕäŗť ṕižyń povònʒa,
Ńiľińǵäḿiń grušaza,
V́äχkä paŕćij ćokòza,
Śejak ćekeľ ṕŕasynʒa.

в)

A! ťeľeńä! ťeľeńä!
Ťeľeś uľńiś jakšama,
Kyš jakšama pogòda,
Lutkńiń latkńiń v́äļťińǯä,
Gubyr ṕŕäťńiń štaftyńǯä.
Gubyr ṕŕasa kudyńä,
Kudyńisyńť aťińä,
Aťińiś morä dudysa,
Ťäχťiŕiś kiščä dubyrfca,

По серединѣ — Груша,
Вокругъ — мѣдныя пуговицы,
У него сорокъ бляхъ,
Одна шелковая кисть,
И та на кончикѣ ч.

А! зимушка! зимушка!
Зима была холодная,
Хоть холодная погода,
Она наполнила долы и овраги,
Она оголила верхушки бугровъ.
На вершинѣ бугра домикъ,
Въ домикѣ старичекъ,
Старичекъ играетъ на дудкѣ,
Дѣвушка пляшетъ . . . . (?),

Pulyńiźa bokasa.
— Ḿäks pulyt bokasa?
— Daj mon surcyn tokasa. —

г)

A! v́eŕe·j kuźa·n,
A! aluŋ valga·n.
Aĺńä, kišť iki·ĺin,
A·ĺńä, kišť uda·lyn,
A·ĺńä, ky·ŕńaft la·ŋgyzyn,
V́i·ťiť ṕä·ťiť ka·ŕazyn,
Toŋǵek gu·ĺkat va·ŕazyn.

Варіанты: въ 5-мъ ст. вм. kyŕńaft — skokaťť; въ 7-мъ ст. вм. toŋǵek gulkat — jokstėk suryt.

Коса ея на боку.
— Отчего твоя коса на боку?
— Дай я трону ее пальцемъ. —

Начало этой пѣсни ср. выше № 1.

А! на верхъ полѣзу,
А! внизъ слѣзу.
Деверь, пляши передо мной
Деверь, пляши позади меня,
Деверь, прыгни на меня,
Выпрями, выправи мои ребра,
Воткни . . . .

д)

Ḿäks pa·dyt bokasa·?
Daj guľkasyn tokasa·,
Śeďi vasuu̯ jokstasa·.

е)

A v́esna·, v́esna·, v́esna·!
Konań pa·dyza t́esna·,
Śe moľe·za Jolča·ŋkas.
Jolča·ŋkasa gurtou̯ščeḱ,
Utum śľega pa·paza,
Pad potmȯt́ńeń ta·paza.

ж)

Pad t́äjś suṕŕatka,
Papa moľć suṕŕatkas,

Отчего . . . . на боку?
Дай я трону его . . .
Всуну его подальше.

А весна, весна, весна!
У кого . . . тѣсно,
Та пусть идетъ въ Елшанку,
Въ Елшанкѣ гуртовщикъ,
. . . его съ амбарную слегу,
Пусть онъ разобьетъ внутренность . . .

. . . устроилъ супрядку,
. . . пришелъ на супрядку,

A ďiŕiďa ďiŕiďa,
Kundaś papa ščyŕida,
Praś papań ščyŕiza,
Śiȗś ščyŕa ńeŕeza.
Ǵŕešnėj papa avaŕďä,
Durak pad ṕäjďä.

№ 45. Kaľadamuťńä.

a)

Kaľada! Ṕizny ṕŕasa kaša čakš.
— Kaša čakšḱiś koȗ moľć?
— Raȗža ḱiska salyźä.
— Raȗža ḱiskaś koȗ moľć?
— Säŕij v́iŕc voŕǵeć.
— Säŕij v́iŕiś koȗ moľć?
— Pščy uźiŕiś ḱäŕiźä.

— — —,
Схватилъ за край . . .
Упалъ край . . . .
Разбился . . . .
Несчастный . . . плачетъ
Глупое . . . смѣется.

Колядованья.

Коляда! На печурочкѣ горшокъ каши.
— Горшочекъ каши куда дѣлся?
— Черная кошка его съѣла.
— Черная кошка куда дѣлась?
— Въ высокій лѣсъ убѣжала.
— Высокій лѣсъ куда дѣлся?
— Острый топоръ его срубилъ.

Kaľada! Pšč̆y uźiŕiś koų moľć?
— Ińi v́äc vajaś.
— Ińi v́äďiś koų moľć?
— Jakśťiŕä buka śimiźä.
— Jakśťiŕä bukaś koų moľć?
— Roštovańiń ṕäčḱińiḱ,
— Auńa ala ṕiďińiḱ,
— Kuśťim' ala oznėńeḱ,
— Čovar ala säv́ińik.
Lupušḱi lapušḱi, daj mńe ṕirošḱi.

Въ варіантѣ: во 2-й стр. вм. čakšḱiś — čakšyś; во 2-й, 4-й, 6-й, 8-й, 10-й, 12-й стр. вм. koų moľć — kosa (т. е. гдѣ); въ послѣдней стр.: davaj, uŕäš, śukyга (т. е. дай, молодушка, лепешку).

б)

Kaľada! Avam iľijsa čavyḿiḿ,
— Avam kaśkas kajiḿiḿ,

Каляда! Острый топоръ куда дѣлся?
— Въ большой водѣ утонулъ.
— Большая вода куда дѣлась?
— Красный быкъ ее выпилъ.
— Красный быкъ куда дѣлся?
— Мы зарѣзали его къ рождеству,
— Подъ овиномъ испекли,
— Подъ лѣстницей замолили,
— Подъ ступой съѣли.
Лупушки, лапушки, дай мнѣ пирожки.

Коляда! Мать побила меня прутомъ,
— Мать бросила меня въ подполье,

Kaľada! Ťaťam saś, targymim,
— Od kaŕńis kaŕćimim,
— Kaľadama kučymim,
— Ťäťäńiń tańťijńiťńiń,
— Avańiń atańťijńiťńiń.
Lupuški lapuški, davaj, uŕäš, śukyra.

в)

Kaľada! Kudykiľä eŕkeńä,
— Eŕkeńeseńť tumińä,
— Tumińisyńť lapaskä,
— Lapaskisyńť guľkińä.
— Śijäń orčamt laŋksynʒa,
— Ṕižä čapka ṕŕasynʒa,
— Jakśťiŕä keḿť piľksynʒa,
— Ľiść odʒora, ľeďeźä.

Каляда! Отецъ пришелъ, вытащилъ меня,
— Въ новые лапотки обулъ меня,
— Колядовать послалъ меня,
— Отцу сладенькія,
— Матери не сладенькія.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, лепёшку.

Коляда! Въ сѣняхъ озерко,
— На озеркѣ дубокъ,
— На дубкѣ листокъ,
— На листкѣ голубка.
— Серебряная одежда на ней,
— Зеленая шапка на ней,
— Красные сапоги на ногахъ ея.
— Вышелъ парень, застрѣлилъ ее.

Kaľada! Pukštyr nakštyr tolganʒa,
— Śija v́äď ḿäľga noldêńʒä.
Lupuški lapuški, davaj, uŕäš, kaľada.

г)

Kaľada! Čačy śuryś čačyza,
— Ažyjaška olgêza,
— Čyŕki ṕäška kolôzêza,
— Kaľadaška źornaza.
Lupuški lapuški, davaj, uŕäš, śukyra.

д)

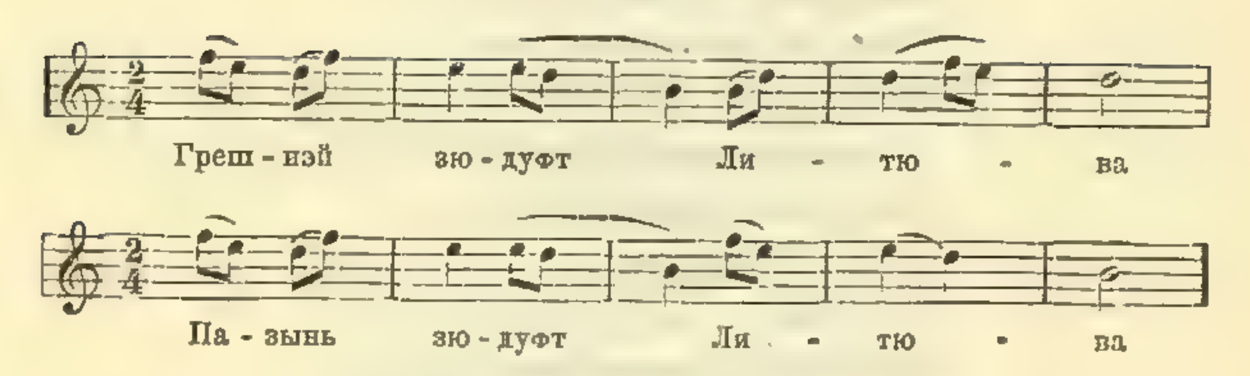
Kaľada! Gaj sakala säď ala,
— Tuma pula sodama,
— Ḱiľij pula ťäχťiŕ äχť.
Lupuški lapuški, davaj, uŕäš, kaľada.

Каляда! Бацъ! бухъ! — ея перья,
— По серебряной водѣ онъ ихъ пустилъ.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, коляду.

Коляда! Произростающій хлѣбъ да родится,
— Солома его съ оглоблю,
— Колосъ его съ конецъ дуги,
— Зерно его съ коляду.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, лепёшку.

Коляда! Звучащій (?) — подъ мостомъ,
— Дубовый хвостъ — зять
— Березовый хвостъ — маленькая дочь.
Лупушки, лапушки, давай, молодушка, коляду.

Б. Сухой Карбулакъ.

№ 46 [1]). Литюва.

Грешпэй зюдуфт Литюва,
Пазынь зюдуфт Литюва,
Афкинизы авечксэ,
Тятянизы акелькcэ,
Сонѕы чаўсы афказа,
Паньцы ушуў гудыста.
Сонѕы чаўсы тятьказа,
Паньцы ушуў гардайста.

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ семь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.

Несчастная проклятая Литюва,
Богомъ проклятая Литюва,
Матюшка ея не любитъ ее,
Батюшка ея не любитъ ее,
Ее побьетъ мать ея,
Выгонитъ изъ избы наружу.
Ее побьетъ отецъ ея,
Выгонитъ со двора наружу.

Ульнись чиязь юмамга,
Ульнись чиязь арамга.
Чиязь зыри татарнышь,
Сыри губан зёранинь.
А сон годяўсь боярнышь,
Годяўсь пары цёранинь.
Каня год зон эрякшнысь,
Каня год зон ащикшнысь,
Цёра тяка чачтыкшнысь.
Кодась шолкэнь гоцташка.
Кува яки, аварьде,
Кува яки, меляфтэ.
Ки неезе — аварьдизь?
Ки неезе — меляфтызь?
Полэнезы неезе,
Полэнезы рядизе.

Она была просватана, для того чтобы ей пропасть,
Она была просватана, для того чтобы ей погибнуть.
Ее просватали старому татарину,
Старому татарскому мужику.
А она угодила къ барину,
Угодила къ доброму человѣку.
Не знай годъ она жила,
Не знай годъ она пробыла,
Сына маленькаго она родила.
Соткала она свертокъ шелка.
Гдѣ ходитъ, плачетъ,
Гдѣ ходитъ, печалуется.
Кто увидѣлъ ее — плачущею?
Кто увидѣлъ ее — печалующеюся?
Муженекъ ее увидѣлъ,
Муженекъ ее примѣтилъ.

— Мекс аварьдят, Литюва,
— Мекс, Литюва, меляфтат?
— Титянь гудыт эль мельц лець?
— Титянь гудыт эль преус сась?
— Паньтя пецька калаця,
— Сайтя шолкэнь гоцташка.
— Кильдян бары ракшынить,
— Кильдян бары алашат.
— Пачтян мон донь, Литюва,
— Пачтян дитянь гудызыт.
— Вийтян мон донь, Литюва,
— Вийтян алянь гудызыт. —
Панпь Литюва калацят,
Сайсь Литюва коцташка,
Сайзп цёра тяканѕа,
Сайзп цёра эйденѕа.

— Отчего ты плачешь, Литюва,
— Отчего, Литюва, ты печалуешься?
— Или отцовскій твой домъ вспомнился?
— Или отцовскій твой домъ пришелъ тебѣ на умъ?
— Испеки-ка печку калачей,
— Возьми-ка свертокъ шелку.
— Я запрягу хорошихъ коньковъ,
— Я запрягу хорошихъ лошадей.
— Я доставлю тебя, Литюва,
— Я доставлю тебя въ твой отцовскій домъ.
— Я привезу тебя, Литюва,
— Я привезу тебя въ твой родной домъ. —
Испекла Литюва калачи,
Взяла Литюва свертокъ,
Взяла сына дитёнка,
Взяла сына ребёнка.

Полэнезы кильць ракшат,
Полазы кильць алашат.
Весть вачкицьть, пакся ютасть,
Каўксть вачкицьть, кафты ютасть.
Колмоцеды вачкидизь,
Окольця пес сышь пачкицьть.
Каравлиця атине
Чапкпинязы санзе.
Конелька лапкс атясь прась,
Карксам видис сюкунясь.
— Иля, покщай, сюкуня,
— Мон ведь авуль бояран,
— Грешпэй зюдуфт Литювап.—
Пачкицьть сынь вели курыс,
Ванцызь: ащи велень брумкс.
Саизь цапкаст атятьне,

Муженекъ ея запрягъ коней,
Мужъ ея запрягъ лошадей.
Одинъ разъ ударили, проѣхали поле,
Два раза ударили, проѣхали два поля.
Третій разъ ударили,
Достигли они околицы.
Караульщикъ старичекъ
Снялъ свою шапочку.
На колѣнки упалъ старикъ,
Въ поясъ поклонился.
— Не кланяйся, дѣдушка,
— Я вѣдь не барыня,
— Я несчастная проклятая Литюва. —
Дошли они въ середину села,
Смотрятъ: стоитъ сельскій сходъ.
Сняли шапки старики,

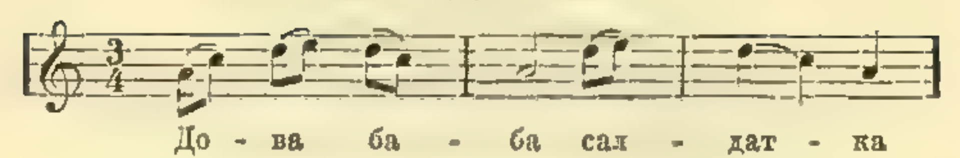
Карксам видьга сюкунясть.
Пачкиць сыньцист орта лангкс.
Арась карчы вастыця,
Арась ортань бануиця.
Лисссь карчынзы дугаза,
Эсп сода Литювань.
— Косы, дугай, шкинь афкам?
— Косы тиринь дятькинимь? —
— Афкам ярцый гудыса,
— Тятькам симий гудыса. —
— Аська, дугай, зерьгедеть,
— Аська, дугай, ёфтака. —
— Атька, афкай, зась патькам,
— Сась Литюва, тятякай. —
— Литюванинь госты самс,
— Тесы улимс сонянзы?

Въ поясъ поклонились.
Доѣхали они до ихъ воротъ.
Нѣтъ встрѣчающаго,
Нѣтъ отпирающаго ворота.
Вышла ей навстрѣчу ея младшая сестра,
Не узнала Литювы.
— Гдѣ, сестрица, родимая моя мать?
— Гдѣ кормилецъ мой батюшка? —
— Мать моя въ харчевнѣ,
— Отецъ мой въ кабакѣ. —
— Ступай-ка, сестрица, позови ихъ,
— Ступай-ка, сестрица, скажи-ка. —
— Иди-ка, матушка, пришла старшая сестрица,
— Пришла, батюшка, Литюва. —
— Литювѣ откуда придти,
— И быть ей здѣсь?

— Минь юмамга максынпкь,
— Минь арамга максынпкь. —
Тятязы п аваза
Эсть са ярцый гудыста;
Тятязы п авазы
Эсть са спмий гудыста.
Кильдифтиньяи ракшатьнинь,
Поводезь алашатьнинь.
Вишкизимс соп гадызе
Паннзь бецька калацяпьть,
Столангкс кад'зе коцташкыньть.
Сась афказы кудуў џиў,
Сась тятькаэы кудуў џиў,
Кафты кедест вачкидизь,
Кемень зурыст пурдакшнызь.

— Мы отдали ее на погибель,
— Мы отдали ее на погубленіе. —
Отецъ и мать ея
Не пришли изъ харчевни;
Отецъ и мать ея
Не пришли изъ кабака.
Велѣла она запречь коней,
Заложить лошадокъ.
На судной лавкѣ она оставила
Испеченное печиво калачей,
На столѣ она оставила свертокъ.
Пришла ея мать домой,
Пришелъ ея отецъ домой,
Всплеснули обѣими руками,
Сжали свои десять пальцевъ.

Ср. Обр. морд. слов. I, № LXIV («Литова»). Сходна также пѣсня № LIII (Виртява). Съ именемъ Lituva сходная пѣсня у Paasonen, Proben, I, № III.

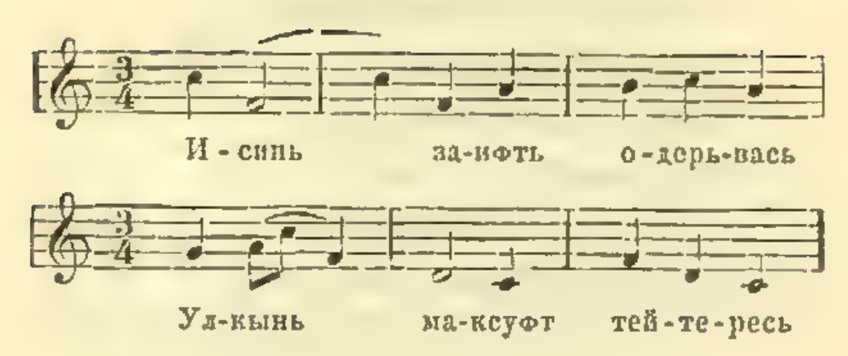
№ 47. Дова баба.

Дова баба салдатка,
Довапьть колмы цёранза.
Покш цёрэпепьть а вечксэ,
Покш цёрэненьть а келькеэ.
Пирппинзы пезэзе,
И судьрпзе, вадьрпзе,
Кедь бенеды кудыэе,
Раў береккес ветезе,
Раў береккес ветезе,
Чавы суднас капзе,
Чавы суднас капзе,
Равунь гувалт полдэзе.
— Прощай, брощай, эйдякай,
— Прощай, горьменецькемат. —

Вдова баба солдатка,
У вдовы три сына.
Старшаго сына она не любитъ,
Старшаго сына она терпѣть не можетъ.
Головку его она вымыла,
И вычесала, и охорошила,
За конецъ руки его схватила,
На бережокъ Волги привела его,
На бережокъ Волги привела его,
Въ пустое судно бросила его,
Въ пустое судно бросила его,
Вдоль по Волгѣ пустила его.
— Прощай, прощай, мой ребеночекъ,
— Прощай, ты мой кормилецъ. —

— Рад бу, афкай, брощалипь,
— Береккедэньть васылап.
— Кедьпи веньцьтемс—а сатэ,
— Вайгиль максумс—а маре,
— Вайгиль максумс—а маре,
— Сёрма кучумс—а моле,
— Сёрма кучумс—а моле,
— Ловпэйпезы а уле.
— Прощай, брощай, авакай,
— Прощай, горьменецькемат,
— Лангксы палянь галадумс,
— Пилькcы понгксэнь зурпямс,
— Пилькcы понгксэнь зурпямс,
— Пилькcы каринь левшыямс. —

— Радъ бы, матушка, простить,
— Я далекъ отъ бережка.
— Ручку протянуть—не достанетъ,
— Голосъ дать—не услышитъ,
— Голосъ дать—не услышитъ,
— Письмо послать—не дойдетъ,
— Письмо послать—не дойдетъ,
— Не будетъ читающаго.
— Прощай, прощай, матушка,
— Прощай, ты моя кормилица,
— До изношенія рубашки,
— До тѣхъ поръ, какъ разойдутся на погахъ по ниткамъ штапы,
— До тѣхъ поръ, какъ на ногахъ разойдутся по ниткамъ штапы,
— До тѣхъ поръ, какъ измочалятся на погахъ лапти. —

Ср. Орк.

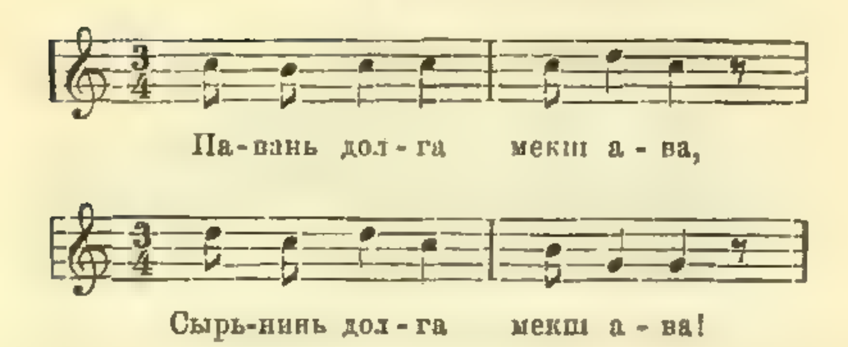
№ 48.

Исинь заифть одерьвась,
Улкынь максуфт тейтересь,
Покай боцы рунгыза,
Фата алы чамаза.
Кучызи тевс поланѕа,
Кармафтызи роботас.
Максcь поланцтынь гоймене;
Кармась ловонь гаяма.
Лиссь поланѕы варчама:
Коймес кельместь кеденѕа,
Турвас кельмесь нолгэза.
Кафты пилькты кундызе,

Вчера взятая молодушка,
Намедни выданная дѣвушка,
Станъ ея подъ вышитой рубашкой,
Лицо ея подъ фатой.
Послала она мужа своего на дѣло,
Заставила его работать.
Дала мужу своему лопатку;
Онъ началъ кидать снѣгъ.
Она вышла посмотрѣть на мужа:
Руки его примерзли къ лопатѣ,
Сопли его примерзли къ губамъ.
За обѣ ноги она его схватила,

Утум угулц эрьтезе.
Варчтась — полазы кула,
Утум алуў ёкстэзе.
Кода кудуў зувакшнысь,
Покш патязы кеўкстезе:
— Пенерьвени, тонь госа
— Мазый бары полэнет? —
— Ох, покш патяй, батюшай,
— Мон болэнемь цавине;
— Кода варчтынь, зон гула,
— Утум алуў ёкстэпе. —
— Тон месть кармат тейнеме,
— Кода сыть покш начальникть?
— Велень атят пурнавить,
— Сыняст месть тон отвечат? —
— Авуль ровна полапь гис

Объ амбарный уголъ она его ударила.
Посмотрѣла — мужъ ея мертвый,
Подъ амбаръ она его всунула.
Когда она вошла въ избу,
Старшая золовка его спросила:
— Золовушка, гдѣ твой
— Красивый, добрый муженёкъ? —
— Охъ, старшая золовушка, сестрица,
— Я ударила своего муженька;
— Когда посмотрѣла, онъ мертвый,
— Подъ амбаръ я его всунула. —
— Что ты будешь дѣлать,
— Когда придутъ старшіе начальники?
— Когда соберутся общественные старики,
— Что ты имъ отвѣтишь? —
— Изъ-за неровнаго (лѣтами) супруга

— Начальникты а полян!
— А теетъ тень мезияк
— Веленъ атят те лангкса! —

№ 49.

Павань долга мекш ава,
Сырьнинь долга мекш ава!
Авась авуль ультьдяря,
Мекшкетьни як авульть ульть.
Авась думи лифтяма,
И мекшкетьни мельганѕа.

— Я не боюсь начальниковъ!
— Мнѣ ничего не сдѣлаютъ
— Общественные старики за это! —

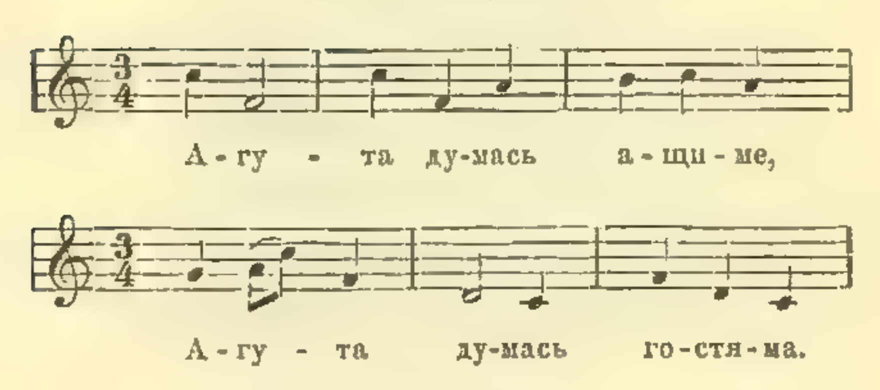
Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № V (значительно отличающуюся) и LV.

Съ павлиными перьями пчелиная матка,
Съ золотыми перьями пчелиная матка!
Еслибы не была матка,
Не было бы и пчелокъ.
Матка думаетъ полетѣть,
И пчелки за ней.

Козэй гозэй лоткакшнысь,
Козэй гозэй валгыкшнысь?
Пармыща лангкс лоткакшнысь,
Пармыща лангкс валгыкшнысь.
Сезэй даркась эзь ладя,
Сезэй даркась эзь ладя.
Кеpеденьѕи лапанѕа,
Вачкидиньѕи лапанѕа.
Чопода вирьц лифтякшнысь,
Килийни лангкс валгыкшнысь.
Сезэй даркась эзь ладя,
Сезэй даркась эзь ладя.
Луга велькска лифтякшнысь,
Кальгуры лангкс валгыкшнысь.
Мелезэнѕы тупкшнысь,
Седеезы эжекшнэсь.

Гдѣ гдѣ она остановилась,
Гдѣ гдѣ она опустилась?
Она остановилась на крышкѣ улья,
Она опустилась на крышку улья.
Тамъ мѣсто не понравилось,
Тамъ мѣсто не понравилось.
Она подняла свои крылья,
Она ударила своими крыльями.
Въ темный лѣсъ она полетѣла,
На березку она опустилась.
Тамъ мѣсто не понравилось,
Тамъ мѣсто не понравилось.
Поверхъ луга она полетѣла,
Въ кустъ таловника она опустилась.
Онъ понравился ей,
Сердце ея согрѣлось.

Сонзы пардызь ройнецяс,
Сонзы нолдазь пешкенес.
Сон гармакшныcь палькспме,
Пары сотат теeме,
Кармась медень бурнама.

№ 50. Агута[1]).

Агута думась ащиме,
Агута думась гостяма.
— Папьтять, авакай, гостенець,
— Тон дейть, авакай, гостенець,

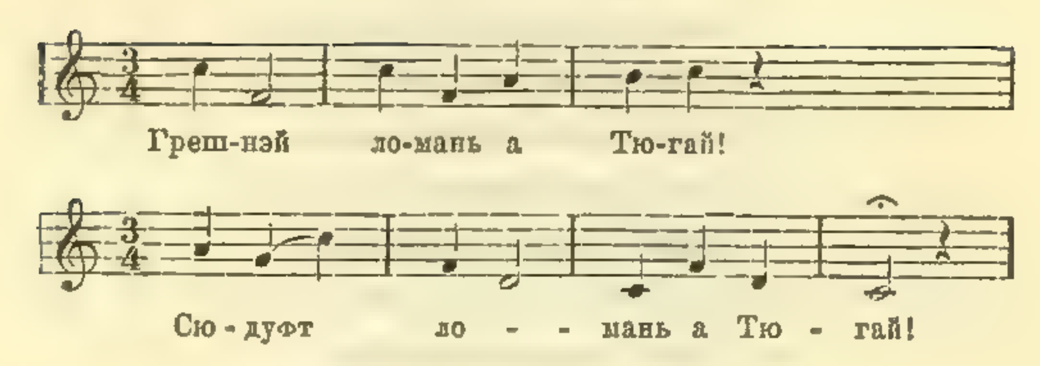
1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ восемь слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

Ее сняли въ роевню,
Ее пустили въ улеёкъ.
Она начала играть,
Хорошіе соты дѣлать,
Начала собпрать медъ.

Агута вздумала идти сидѣть па посидѣпкахъ,
Агута вздумала пойти погостить.
— Испеки, матушка, гостинецъ,
— Ты справь, матушка, гостинецъ,

— Пары сюрыпь доп доўзерэнь,
— Вадря сюрышь доп доўзерэнь. —
— Агут! коў молят ащиме,
— Агут! коў молят гостяма? —
— Кочотофкаў мон патьканинь,
— Кочотофкаў мон эзнанинь. —
Кода тусь Агут ащиме,
Кода тусь Агут гостяма,
Сон зисимь недлят Агут ащсь,
Сон зисимь була Агут кщирьць.
Паргы моцька—сон ве кщире,
Нурды мушка—сон ве кесак,—
Се як ускума пиксышка,
Сон жерьдя лангзынь зипьдийшка.

— Изъ хорошаго хлѣба пшеничнаго,
— Изъ славнаго хлѣба пшеничнаго. —
— Агута! куда ты идешь сидѣть на посидѣнкахъ,
— Агута! куда ты идешь погостить? —
— Въ Кочетовку къ старшей сестрицѣ,
— Въ Кочетовку къ мужу сестры. —
Когда Агута ушла сидѣть на посидѣнкахъ,
Когда Агута ушла погостить,
Семь недѣль Агута сидѣла,
Семь пасмовъ Агута напряла,
Изъ кузова мочекъ она (напряла) одно веретено,
Изъ цѣлаго воза одну пятину, —
(Толщиной) та съ возовую веревку,
Съ нажимающую сверху жердь.

№ 51. Тюгай.

Грешнэй ломань а Тюгай!
Сюдуфт ломань а Тюгай!
Полэнезы а вечксэ,
Полэнезы а келькеэ,
Чефти ацамт а яцэ,
Сэрей брялксие а путэ,
Лембп чуба а вельте,
Мещи ёжес а тарге,
Турва песы а палэ,
Ве думпсы а думе,
Ве валнысы а кортэ.
— Полай, болай, Балага!

Несчастный человѣкъ Тюгай!
Проклятый человѣкъ Тюгай!
Женушка его не любитъ,
Женушка его терпѣть не можетъ.
Мягкую постель не стелетъ,
Высокую подушечку не кладетъ,
Теплой шубой не кроетъ,
Къ груди не прижимаетъ,
Концами губъ не цѣлуетъ,
Одною думой не думаетъ,
Однимъ словечкомъ не говоритъ.
— Женка, женка, Пелагея!

— Мекс топ монь а вечксамак? —
— Полай, болай, а Тюгай!
— Пары полай, а Тюгай!
— Сесты карман вечкемат,
— Зярды афкать юмаўсак. —
— Полай, болай, Балага!
— Кода афкань юмаўса!?
— Потепь ашы лофцэнѕа,
— Таргинь тюжа оенѕа,
— Маштынь зедей випнѕа. —
— Буть' афкать аюмаўсак,
— А карман мон эряма. —
Вачкиць кафты кедепѕа,
Пурдась кемепь зурыпѕа.
Кильдизи алашанѕа,
Поводези ракшанѕа,

— Отчего ты меня не любишь? —
— Муженекъ, муженекъ, а Тюгай!
— Добрый муженекъ, а Тюгай!
— Тогда я начну тебя любить,
— Когда ты погубишь свою мать. —
— Женка, женка, Пелагея!
— Какъ я погублю свою мать!?
— Я сосалъ ея бѣлое молоко,
— Я вытягивалъ ея желтое сало,
— Я истреблялъ ея сердечную силу. —
— Если ты не погубишь свою мать,
— Я не стану жить (съ тобой). —
Ударилъ онъ обѣими руками,
Сжалъ свои десять пальцевъ.
Заложилъ лошадь свою,
Запрягъ свою клячу,

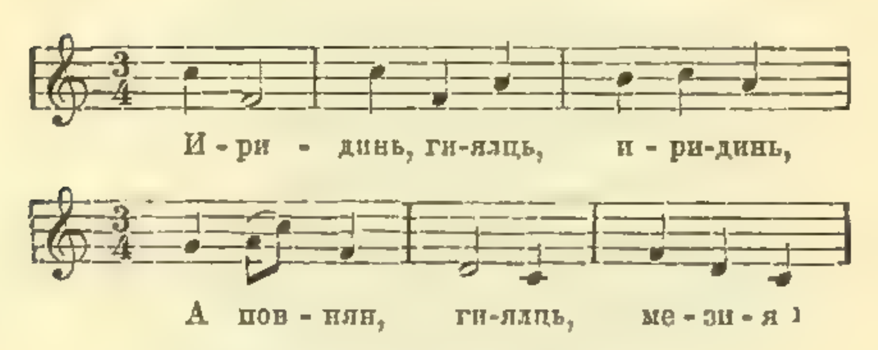
Арафтызи крилиць пес,
Озафтызи афканѕа.
— Адика, афкай, вирнў
— Пещи лёмзёр гочкама. —
— Мень мон вирьга якицян,
— Пещи лёмзёр гочкецян!
— Чуфтынь уфтямс вий арась,
— Пещень гочкамс сельмть арасьть. —
— Сайтян мон ги лапкс ялгакс,
— Сайтян мон гортэй ялгакс.
— Аныкчуўс мон арафтан,
— Уфтянь чуўсы сезьнефтян. —
Чопода вирьц ускизе,
Афканѕы вирьц кадызе.
Кода Тюгай сась гудуў,
Перьгафтызи ракшанѕа.

Поставилъ ее ко крыльцу,
Посадилъ свою мать.
— Иди-ка, маменька, въ лѣсъ
— Собирать орѣхи и черемуху. —
— Какой я ходокъ по лѣсамъ,
— Собиратель орѣховъ и черемухи!
— Дерево нагнуть нѣтъ силы,
— Собирать орѣхи нѣтъ глазъ. —
— Я возьму тебя какъ подругу для дороги,
— Я возьму тебя какъ подругу собесѣдницу,
— Я поставлю тебя къ готовому дереву,
— Я тебѣ дамъ рвать на пригнутомъ деревѣ. —
Въ темный лѣсъ онъ привезъ ее,
Мать свою онъ оставилъ въ лѣсу.
Когда Тюгай пріѣхалъ домой,
Онъ отложилъ свою клячу.

Кудыс Тюгай зувакшиысь,
Кудыс эземс озакшиысь.
Полась ярцамс пурпакшиысь,
Шутясь—басясь мартынѕа.
Тюгай кшиды а ярцэ,
Шуткасынѕы а пейде.
— Мекс тон, Дюгай, а ярцат?
— Мекс полдань бирят ащат? —
— Мезень монянь ярцама,
— Мезень монянь зимима.
— Маряты афкань вайгильць.
— Каяты афкань вайгильць. —
Тюгай ракшапьть кильдизе,
Кудуў афканѕ' ускизе,
Поводепь лаўсьс капзе.
— Ушка, афкай, нурьцитян,

Въ избу вошелъ Тюгай,
Въ избу сѣлъ на скамейку.
Женка собрала ему кушать,
Шутила—болтала съ нимъ.
Тюгай хлѣба не ѣстъ,
Ея шутками не смѣется.
— Почему ты, Тюгай, не кушаешь?
— Почему ты сидишь съ опущенною головой? —
— Какая мнѣ ѣда,
— Какое мнѣ питьё?
— Слышится маменькинъ голосъ,
— Отдается маменькинъ голосъ. —
Тюгай заложилъ лошадь,
Домой привезъ свою мать.
Положилъ ее въ подвѣшенную зыбку.
— Погоди-ка, матушка, я покачаю тебя,

— Ушка, корьмай, морафтап:
— Вейкенева трянь дякась,
— Сука поланьть кулцынызь,
— Вирпў афканѕ' ускизе,
— Вирь гунчкас юмафтызе. —

№ 52.

Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сиспмь гудыс мон молекшнэнь,
Зисимь зяркат мон зимикшнынь.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.

— Погоди-ка, матушка, я убаюкаю тебя!
— Единое выкормленное дитятко,
— Послушавъ суку жену,
— Повезло въ лѣсъ свою мать,
— Погубило ее посреди лѣса. —

Ср. Орк.

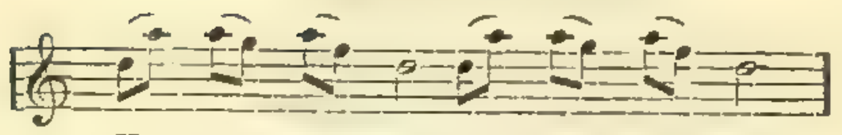
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
По семи домамъ я ходила,
Семь чарокъ я выпила.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.

Чапаксум, гиялць, чапаськапь,
Моргы аксялуў ёкстэне.
Придинь, гиялць, придинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сувась тувусь, сон валызе,
Сувась пипись, сон лекезе.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Губан болась сон гудыса,
Ногай локшесь сон тулыса.
Иридинь, гиялць, придинь,
А повнян, гиялць, мезияк.
Сон ногай локшеньть сайзе,
Сон гутьмиризын гайзе.
Придинь, гиялць, иридинь,
А повнян, гиялць, мезияк.

Тѣсто мое, сноха, скислось,
Я сунула его подъ кухонную лавку.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
Вошла свинья, она его опрокинула,
Вошла собака, она его слакáла.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
Мужъ татаринъ, онъ дома,
Татарскій кнутъ на гвоздѣ.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.
Онъ схватилъ татарскій кнутъ,
Онъ наложилъ его на мою спину.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.

Сон герясь керясь кутьмиримь,
Якстири верьнемь гиякска.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повиян, гиялць, мезияк.
Мои до мекеў лаигкт веляфтынь,
Сакал боканзы луфтыше.
Иридинь, гиялць, иридинь,
А повиян, гиялць, мезияк.

№ 53 [1].



— Удумам зась, мадимам зась,
— Титянь гудуў молемам зась.
— Кильтя, полай, дон алаша,
— Кильтя, полай, вадря ракша. —

1) Въ этой пѣснѣ восемь слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго.

Онъ рѣзалъ, рѣзалъ мою спину,
Красная кровушка моя по полу.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла;
Не помню, сноха, ничего.
Я на отмашь обернулась,
Края бороды его я выдрала.
Опьянѣла я, сноха, опьянѣла,
Не помню, сноха, ничего.

— Мнѣ захотѣлось спать, мнѣ захотѣлось лечь,
— Мнѣ захотѣлось отправиться въ отцовскій домъ.
— Заложи, муженёкъ, лошадь,
— Заложи, муженёкъ, славнаго коня. —

Полазы кильць сон алаша,
Озафтызи сон болашза,
Чарафтызи, веляфтызе,
Крилиць пенес арафтызе.
— Валкта, полай, алашастыньть,
— Пачкидинимь титянь гудуў. —
— Цёра тяка мон цачтызан,
— Мон цачтызан ды кулызан:
— Се назолась теть улиза.
— Эльдесь вашы вашыяза,
— Вашыязы ды кулыза:
— Се назолась теть улиза.
— Скалысь вазны вазыяза,
— Вазыязы ды кулыза:
— Се назолась теть улиза. —

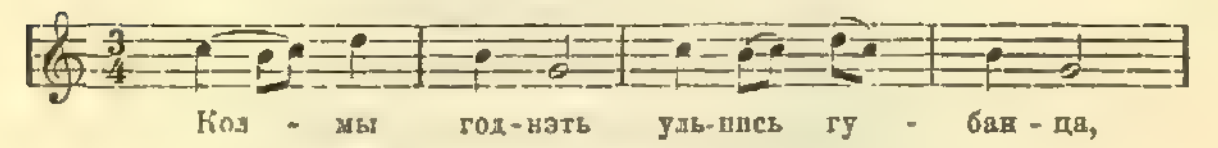
Мужъ заложилъ лошадь,
Посадилъ онъ свою жену,
Покружилъ ее, обратилъ назадъ,
Поставилъ у крылечка.
— Слѣзь-ка, женушка, съ лошади,
— Мы прибыли въ отцовскій домъ.[1]) —
— Пусть я рожу сыночка,
— Пусть я рожу и помру:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.
— Кобыла пусть ожеребится жеребенкомъ,
— Пусть ожеребится и помретъ:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.
— Корова пусть отелится теленкомъ,
— Пусть отелится и помретъ:
— Пусть тотъ будетъ тебѣ назолой.[2]) —

1) Слова обманувшаго жену мужа.
2) Слова оскорбленной жены, обращающейся къ мужу съ проклятіями.

Авась чачсь ды, а соньць кулысь:
Се назолась мирьдивьтинь ульць.
Эльдесь вашыясь ды соньць кулысь:
Се назолась цёраньтинь ульць.
Скальсь вазъясь ды соньць кулысь:
Се назолась как тенэы ульць.

Авась, конань лецьнеть те морэсэньть, лисссь мирьдинянь ды курукcты сокоргаць.

№ 54[1]).



Колмы годнэть ульнись губанца,
Колмы пйнить ульнись ногайса.
Губан здадат сон до ваиныкшнысь,

1) Въ этой пѣснѣ и въ слѣдующихъ девять слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго слога.

Женщина родила, а сама померла:
Та назола сбылась для мужа.
Кобыла ожеребилась, а сама померла:
Та назола сбылась для мужика.
Корова отелилась, а сама померла:
И та назола сбылась для него.

Женщина, которую поминают въ этой пѣснѣ, вышла замужъ и скоро ослѣпла.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XXXV (съ знач. варiантами); у Paasonen, Proben, № L; Орк.

Три годочка былъ онъ въ татарской землѣ,
Три лѣточка былъ онъ въ ногайской землѣ.
Татарскія стада онъ караулилъ,

Ногай эдада мельга якакшнысь.
Каладыкшнысь лангксы паляза,
Сурнякшнысть пильксы понгксэнза,
Левшыякшнысть пильксы каринза.
Кува яки Паксяльть аварьде,
Кува яки Паксяльть меляфтэ.
Пары Саврас ломань гельни панчсь,
Ломань гель панчсь, кармась кортама:
— Адякаять, Паксяльть, базаруў,
— Рамакаять, Паксяльть, пары панцт,
— Рунгум горяс рамак камбрастке,
— Пукшум горяс рамак локшене.
— Пачтян, Баксяльть, эзь стороназыт,
— Впйтян, Баксяльть, эсь мастырызыт. —
Якась Паксяльть ве чинь базаруў,
Рамась Паксяльть панцтке камбрастке,

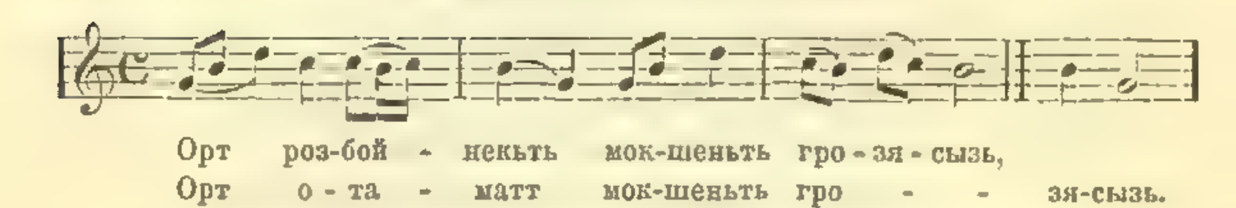
За ногайскими сталами онъ ходилъ.
Изпосплась на немъ его рубашка,
По ниткамъ разошлись на ногахъ его штаны,
Измочалились на ногахъ его лапти.
Гдѣ ходитъ Паксяльть, плачетъ,
Гдѣ ходитъ Паксяльть, печалится.
Добрый Саврась открылъ человѣческій язычекъ,
Человѣческій языкъ открылъ, началъ говорить:
— Иди-ка, Паксяльть, на базаръ,
— Купи-ка, Паксяльть, хорошую узду.
— На станъ мой купи сѣделышко,
— На бедро мое купи кнутикъ.
— Я доставлю тебя, Паксяльть, на твою сторону,
— Я привезу тебя, Паксяльть, на твою землю. —
Ходилъ Паксяльть на однодневный базаръ,
Купилъ Паксяльть уздечку и сѣделышко.

Ища рамась пары локшепе,
Савраськаньть пряс панцтинпьть путызе,
Саврасыйниньть камбрастызе.
— Ушка, кеўксьтян, Баксяльть, кивитьтян:
— Мезд' апцамак эсь сторонасыт,
— Мезды симсамак эсь мастырнысыт? —
— Чукань вишта, пары Саврасый,
— Кельми ветьты, вадря Саврасый. —
— Пачкидят тон эсь сторонзыт,
— Пачкидят тон эсь мастырызыт,
— Шкипь афкат тонь лиси карчизыт,
— Саинь болат лиси мартынза;
— Васьня афкать паланьдярясак,
— Сесты, Паксяльть, топ а стуўсамак,
— Саинь болать паланьдярясак,
— Сесты, Паксяльть, тон монь стуўсамак,

Ещо купилъ хорошій кнутикъ,
На Савраску опъ надѣлъ уздечку,
Саврасочку опъ осѣдлалъ.
— Погоди-ка, спрошу тебя, Паксяльть, выпытаю у тебя:
— Чѣмъ ты накормишь меня на своей сторонѣ,
— Чѣмъ ты напоишь меня на своей земелькѣ? —
— Толченой полбой, добрый Саврасый,
— Холодной водой, славный Саврасый. —
— Доѣдешь ты на свою сторону,
— Доѣдешь ты на свою землю,
— Твоя родная матушка выйдетъ тебѣ на встрѣчу,
— Взятая жена твоя выйдетъ съ нею;
— Если ты сперва поцѣлуешь твою мать,
— Тогда, Паксяльть, ты не забудешь обо мнѣ;
— Если ты поцѣлуешь взятую жену твою,
— То, Паксяльть, ты обо мнѣ забудешь,

— Сесты, Паксяльть, тон монь гацамак. —
Кода пачкиць Паксяльть орталангкс,
Шкинь афказы лиссь карчизынѕа,
Омбоцексэкс саинь болаза.
Эси пала Паксяльть афканѕа,
Палызи сон заинь боланѕа.
Пары ракшанѕы сон стуфтыкшнызе,
— Вадря ' лашанѕы сон кадыкшнызе.

№ 55. Мокша.



Орт розбойнекьть мокшеньть грозясызь,
Орт отаматт мокшеньть грозясызь.

— То, Паксяльть, ты меня оставишь. —
Когда Паксяльть подъѣхалъ къ воротамъ,
Его родная мать вышла ему на встрѣчу,
А второю — взятая жена его.
Не поцѣловалъ Паксяльть свою мать,
Поцѣловалъ онъ взятую жену свою.
Славнаго коня своего онъ позабылъ,
Славную лошадь свою онъ оставилъ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XLI.

Воры разбойники грозятъ мокшѣ,
Воры атаманы грозятъ мокшѣ.

— А неляп мон ор розбойнекта,
— А неляп мон ор отаманда,
— Сисимь монь до урьвакстынь зёрап,
— Сисимь монь до сынь заинь урьвап,
— Сисимь монь до сынь нуцька эйден,
— Сисимь монь до поводень лаўсин. —
Кода сакшныстъ ор розбойнекьне,
Кода сакшныстъ ор отаматнэ,
Орэнь нуртта кардазысь пешкець,
Сынцт ракшада латалксны пешкецьть,
Тулытьня пешкецьть сынцт ашкыда,
Кудысь пешкець ор розбойнекта.
— Панцыкь, Мокша, а тон зундукыт,
— Нефтекь, Мокша, а тон барычит. —
— Мон а панчса тыньдянгк сундукум,
— Мон а неўса тыньдянгк парычимь:

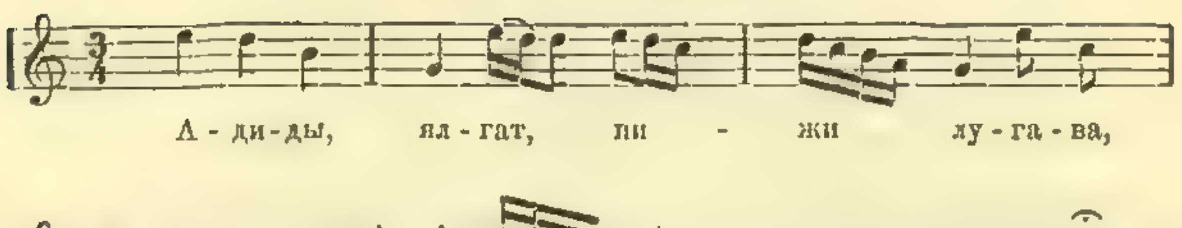
— Не боюсь я воровъ разбойниковъ,
— Не боюсь я воровъ атамановъ.
— У меня семь женатыхъ сыновей,
— У меня семь взятыхъ снохъ,
— У меня семь внучатъ,
— У меня семь подвѣшенныхъ зыбокъ. —
Когда пришли воры разбойники,
Когда пришли воры атаманы,
Дворъ наполнился санями воровъ,
Навѣсы наполнились конями,
Гвозди заполнились хомутами,
Изба наполнилась ворами разбойниками.
— Отопри-ка, Мокша, ты свой сундукъ,
— Покажи, Мокша, ты свое добро. —
— Я не отопру вамъ моего сундука,
— Я не покажу вамъ своего добра:

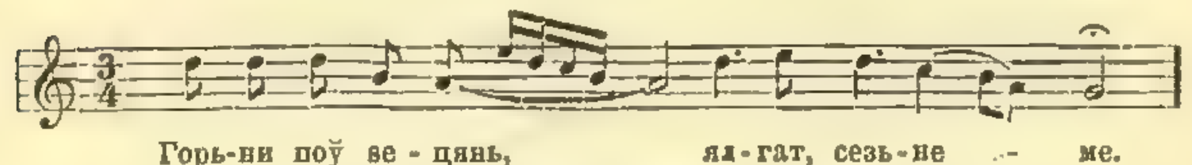
— Вася цёрам арась кудыса,
— Вася цёрам вирьцы укштурца. —
Ванцызь: Вася сы вирь гиява,
Кемгафтува полаза кандэ.
Тусть розбойнекьне Васянь гарчинза.
— Ади нефьтекь, Вася, парычигк. —
Вася кармась орэнь цаума,
Вася кармась орэнь бапиме.
Верьг' аулдэ, орэнь брят лифтить,
Алг' аулдэ, орэнь билькьть сезе.
Ортнэнь нурдыст кадуусть мокшеньтень,
Ракшаст ашкыст кадуусть мокшеньтень.

— Сына моего Василія нѣтъ дома,
— Сынъ мой Василій въ лѣсу, въ кленовникѣ. —
Смотрятъ: идетъ Василій по лѣсной дорогѣ,
Несетъ двѣнадцать полозьевъ.
Пошли разбойники на встрѣчу Василія.
— Иди, Василій, покажи ваше добро. —
Василій началъ бить воровъ,
Василій началъ гнать воровъ.
Вверхъ махнетъ, полетятъ головы воровъ,
Внизъ махнетъ, оторветъ у воровъ ноги.
Сани воровъ остались мокшѣ,
Кони и хомуты остались мокшѣ.

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XLVII («Сюпавъ мурза») и № LXIII («Сюпавъ эрзя»).

№ 56 [1]).



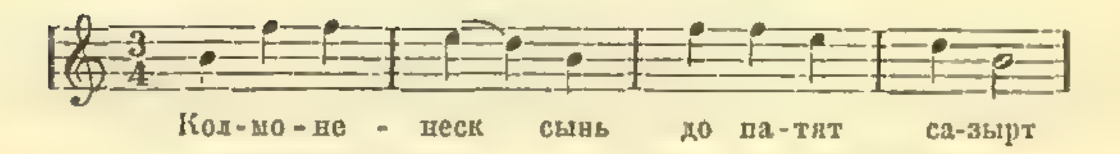


Адиды, ялгат, пижи лугава
Горьнипоў вецянь, ялгат, сезьнеме.
Паряк, несэнекь бурлак Сёмушань.
Искь нарядласты яки Сёмуша:
Нили келесы кумаць паляса,
Пель геленесы сёрмань ожаса.
Сёмуша мельга яки Дарюша,
Чалкси Сёмушань ильги следэнза,
Куньци Сёмушань зоп гедь бенеда.
Котова таргазь Дарьянь баляза,

1) Въ этой пѣснѣ и слѣдующихъ десять слоговъ съ цезурой послѣ пятаго слога.

Идите, подруги, по зеленому лугу
Рвать, подруги, цвѣты бубенчики.
Быть можетъ, мы увидимъ бурлака Семена.
Очень щеголевато ходитъ Семенъ:
Въ кумачевой рубашкѣ въ четыре полотнища,
Въ цвѣтныхъ рукавахъ въ полъ полотнища.
За Семеномъ ходитъ Дарьюшка,
Наступаетъ на слѣды Семеновыхъ ногъ,
Ловитъ она Семена за конецъ рукъ.
Рубашка Дарьи въ шесть вышивокъ,

Кемгафтва таргазь Дарьянь руцяза,
Дарюшань билькcы котат якстирить.

№ 57.

Колмонеск сынь до патят сазырт,
Нилицись ульнись пижи дугинист,
Пижи дугинист а сыицт ялакскист.
Од афка видис дугаст кадуўкшнысь,
Од афка видис дугаст лиялись.
Од афкась чаўсэ, кудыстынить панцэ,
Тятьказы чаўсэ, кардайстынить панцэ.
Кува яки сон дугаст, аварьде,
Кува яки сон дугаст, меляфтэ.

Руця Дарьи въ двѣнадцать вышивокъ,
На ногахъ Дарьи красные коты.

Ср. Орк. и у Reguly № 15d и № 3.

Ихъ три сестры,
Четвертый былъ ихъ маленькій братецъ,
Маленькій братецъ, ихъ братецъ.
На попеченіи мачехи остался братъ ихъ,
На попеченіи мачехи очутился братъ ихъ,
Мачеха побьетъ его, выгонитъ изъ дому,
Отецъ побьетъ его, выгонитъ со двора.
Гдѣ онъ ходитъ братъ ихъ, плачетъ,
Гдѣ онъ ходитъ братъ ихъ, печалуется.

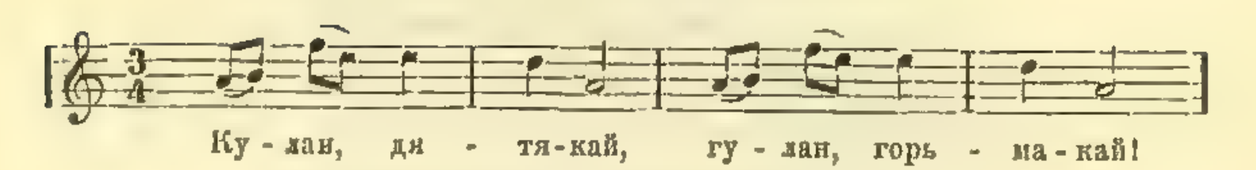
Веженьць патьказы сонѕы исезе,
Веженьць патьказы сонѕы рядизе.
— Туяп, батякай, дуяп, авакай,
— Раўга Раўга моп, батяй, якама,
— Раў дикшиды моп, батькай, ярцама,
— Равунь ветьты моп, батькай, зимиме.—
— Зярды, ялакскимъ, мипь учытадызь,
— Зярды мипь Пазынь гецты вештядызь? —
— Колмы годэпь до, патькай, доподезь,
— Колмы годпэпь до, патякай, ютазь. —
Колмы годпэнѕы сонѕы тополесть.
Учыть ялакскист патятьпи, а сы;
Думасть патятьпи дугаст вешеме,
Думасть патятьпи дугаст варчама.
Покш патясь теевсь раўжа аргумпякс,
Омбоцексэсь соп ясный зоколпэкс,

Его увидѣла младшая изъ старшихъ сестеръ,
Его увидѣла младшая изъ старшихъ сестеръ.
— Я уйду, сестрица, я уйду, матушка,
— По Волгѣ-Волгѣ, сестрица, ходить,
— Волжской травы, сестрица, кушать,
— Волжской воды, сестрица, пить. —
— Когда, братецъ мой, мы тебя дождемся,
— Когда мы выпросимъ тебя у Бога? —
— Когда три года, сестрица, исполнятся,
— По прошествіи трехъ годочковъ. —
Три годочка его исполнились.
Ждутъ братца сестрички, не идетъ;
Задумали старшія сестры искать брата,
Задумали старшія сестры разыскать брата.
Старшая сестра сдѣлалась ворономъ,
Вторая яснымъ соколикомъ,

Колмоци патькась нишкинь зянавне.
Раўжы аргумня чопода вирьга,
Ясный зокол дусь менель ёжова,
Менель ёжова соп до пельэкшка,
Нишкинь зянавни ведень цудифтька,
Ведень цудифтька, крута берекка.
Нишкинь зянавни сонзы муизе,
Нишкинь зянавни сонзы варчызе.
Пиаинь гула до сонзы кулыза,
Латкы чама до сонзы калмуза.
Веси сынь бурнаўсть ялакскист кругом,
Раўжы аргумнясь пильги пезэнза,
Ясный зоколнэсь валксь пря пезэнза,
Нишкинь зянавнись соп грудинзы лапкс.

Третья сестрица Божьей ласточкой.
Черный воронъ (пошелъ) по темному лѣсу;
Ясный соколъ пошелъ по небу,
По небу, по-за облаками,
Божья ласточка по водотекамъ,
По водотекамъ, по крутымъ берегамъ.
Божья ласточка нашла его,
Божья ласточка разыскала его.
Собачья смерть — его смерть,
Склонъ оврага его могила.
Всѣ онѣ собрались вокругъ брата,
Черный воронъ у его ногъ,
Ясный соколикъ спустился у его головы,
Божья ласточка на его грудь.

№ 58. Дарюша.



— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Тон иля кула, Дарюў дочакай,
— Тон иля кула, Дарюў дейтеремь,
— Сисимь баксява монь видинь зюрын.
— Мельц тувкс паксясь тондять улиза,
— Козэй зон цачи пары тикшине. —
— Винў зярахманць, тятькай, цавинза,
— Винў зярахманць, тятькай, сашза.
— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Тон иля кула, Дарюў дочакай,
— Тон иля кула, Дарюў дейтеремь.
— Паксява якить монь зисимь гуртын,
— Мельц тувкс гуртысь тоньдять улиза. —

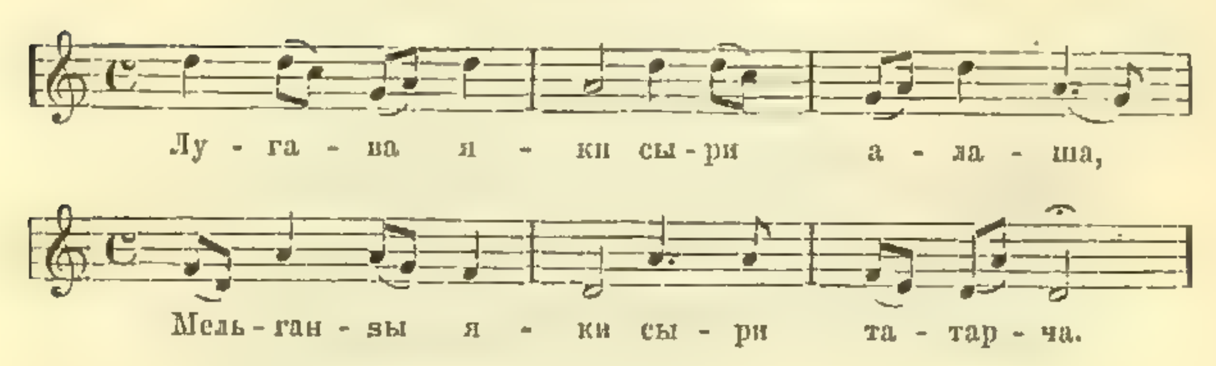
— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька, дочка,
— Ты не умирай, Дашенька, дочь моя.
— По семи полямъ мои засѣяные хлѣба.
— Пришедшеся тебѣ по вкусу поле пусть будетъ тебѣ,
— Гдѣ родилась хорошая травка. —
— Сильный градъ, батюшка, пусть побьетъ ихъ,
— Сильный градъ, батюшка, пусть возьметъ ихъ.
— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не умирай, Дашенька дочь моя.
— По полямъ ходитъ у меня семь гуртовъ,
— Пришедшійся по вкусу гуртъ пусть будетъ тебѣ. —

— Стака морэсь сыпцт, тятькай, цавипѕа,
— Стака сталмусь сыпцт, тятькай, пурпапѕа.
— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Иля кула топ, Дарюў дочакай,
— Иля юма топ, Дарюў дейтеремь,
— Монь зисимь бприп вачкапь гоппада,
— Мельц туикс пирись тоньдять улиѕа. —
— Палы толэсь сыпцт, тятькай, булташѕа,
— Кирьвп толэсь сыпцт, тятькай, запиѕа.
— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Иля кула топ, Дарюў дочакай,
— Иля юма топ, Дарюў дейтеремь,
— Сисимь утумуп пешксеть сюрыда,
— Мельц туикс утумсь топять улиѕа. —
— Благый бурьгпись, тятькай, леденѕа,
— Благый бурьгпись, тятькай, заниѕа.

— Тяжелый моръ, батюшка, пусть убьетъ ихъ,
— Тяжелый моръ, батюшка, пусть ихъ заберетъ.
— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
— У меня семь гуменъ полны сложенныхъ копенъ,
— Пришедшееся по вкусу гумно пусть будетъ твоимъ. —
— Горящій огонь пусть ихъ, батюшка, сожжетъ,
— Жгущій огонь пусть ихъ, батюшка, возьметъ.
— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
— Семь амбаровъ у меня полны хлѣба,
— Пришедшійся по вкусу амбаръ пусть будетъ твоимъ. —
— Сильный громъ, батюшка, пусть застрѣлитъ ихъ,
— Сильный громъ, батюшка, пусть возьметъ ихъ.

— Кулан, дятякай, гулан, горьмакай! —
— Тон иля кула, Дарюў дочакай,
— Тон иля юма, Дарюў дейтеремь,
— Сисимь зивидизь монь роботники,
— Мельц туикс цёрась тонять улиза. —
— Пасиба, тятяй, баславамузыт,
— Пасиба, тятяй, бары валызыт. —

№ 59.



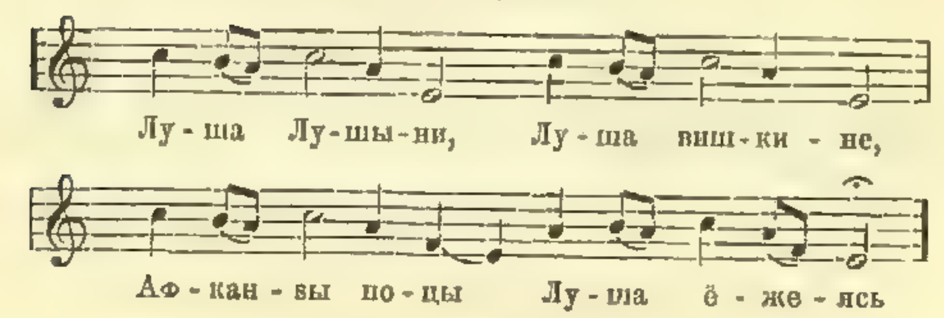
Лугава яки сыри алаша,
Мельганзы яки сыри татарча.
— Вай, иля яка татар монь мельга,

— Я умру, батюшка, я умру, кормилецъ! —
— Ты не умирай, Дашенька дочка,
— Ты не погибай, Дашенька дочь моя.
— У меня семь нанятыхъ работниковъ,
— Пришедшійся тебѣ по вкусу парень пусть будетъ тебѣ.—
— Спасибо, батюшка, за твое благословеніе,
— Спасибо, батюшка, за твое доброе слово. —

Ср. Орк. (съ инымъ окончаніемъ), а также Обр. морд. нар. сл. I, № XXXIV, XLVI и LXVIII; Paasonen, Proben I, № XLVI.

По лугу ходитъ старая лошадь,
За ней ходитъ старый татаринъ.
— Ой! не ходи, татаринъ, за мной,

— Тон иля чалкси татар эледэзэп.
— Вай, иля куньцикь левшепь нофтазып:
— Ярцамс сывильпимь монь амаштуве,
— А верьнемь зимимс теть амаштуве.
— Комсь ветее год элужбасы служынь,
— Комсь ветее год мон бушкат ускинь:
— Пушка вайгильды пилин амарить;
— Комсь ветее год мон бушкат ускинь:
— Пушка качамнис сельмен а песть. —

№ 60. Лушыне.

Луша Лушыни, Луша вишкине,
Афканѕы поцы Луша ёжеясь,

— Ты не наступай, татаринъ, по моимъ слѣдамъ.
— Ой! не хватайся за мой мочальный недоуздокъ:
— Ѣсть мясо мое не годится,
— А кровь моя пить тебѣ не годится.
— Двадцать пять лѣтъ я въ службѣ служила,
— Двадцать пять лѣтъ я пушки возила:
— Отъ пушечныхъ звуковъ мои уши не слышатъ,
— Двадцать пять лѣтъ я пушки возила:
— Отъ пушечнаго дыма мои глаза не видятъ. —

Ср. Орк.

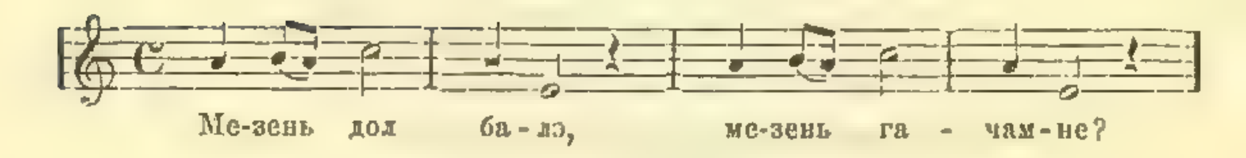
Луша, Лушечка, Луша маленькая,
Въ утробѣ матери Луша стала умной,

Корьманзы поцы кортамы кармась,
— Мон цачиньдярян, зветц лисиньдярян,
— Афканинь афкай а мон а мерян,
— Тятьканинь а мон тятькай а пшкадян;
— Афканинь мерян мон зыри сукась,
— Тятьканинь мерян мон зыри пинись;
— Ведь грайга ютап, цуди ведь гостян,
— Лугава ютап, луга а касэ;
— Мон вирьга ютап, виринь цуфт костян,
— Паксява ютан, зюры а чаче. —
Кода вишкини Лушынись сон цачсь,
Кода вишкини Лушынись сон гассь,
Афканцтый мери сон зыри сукась,
Тятьканцтый мери сон зыри пинись.
— Ней госы минь до Лушань дрясынинь,
— Ней госы минь до Лушань ванцынинь? —

Въ утробѣ кормилицы она начала говорить:
— Когда я рожусь, когда выйду на свѣтъ,
— Ни матушкѣ я не стану говорить матушка,
— Ни батюшкѣ я не стану говорить батюшка;
— Матери моей я скажу «старая сука»,
— Отцу моему я скажу «старый кобель».
— По берегу рѣки пройду, текучую воду изсушу,
— По лугу пройду, лугъ не будетъ расти;
— Я по лѣсу пройду, засушу лѣсныя деревья,
— По полю пройду, хлѣбъ не уродится. —
Когда маленькая Лушенька родилась,
Когда маленькая Лушенька подросла,
Своей матери она говоритъ «старая сука»,
Своему отцу она говоритъ «старый кобель».
— Теперь гдѣ мы вскормимъ Лушу,
— Теперь гдѣ мы воспитаемъ Лушу? —

Верп таркасы, утум нупальцы,
Пуховой додоў Лушань альпsа,
Пумульнь дулуп Лушань лашксыпsа,
Сиянь мукурьпи Лушань бильгала.

№ 61.



Мезень дол балэ, мезень гачамне?
Павул Петрович инязыркс озэ,
Павул Петрович оцязыркс арэ.
Сон мере: бути инязыркс озан,
Сон мере: бути оцязыркс ара̀н,
Ломань бирининь, мери, март марап,
Ломань ловажапь, мери, сэтьть теян,

На высокомъ мѣстѣ, въ амбарной свѣтлицѣ,
Пуховая подушка подъ Лушей,
Заячій тулупъ на Лушѣ,
Серебряная колбашка у Луши подъ ногами.

Ср. Орк.

Что за огонь горитъ, что за дымокъ?
Павелъ Петровичъ садится царемъ,
Павелъ Петровичъ становится государемъ.
Онъ говоритъ: если я сяду царемъ,
Онъ говоритъ: если я стану государемъ,
Изъ человѣческихъ головушекъ я, говоритъ, настелю холмы,
Изъ человѣческихъ костей я, говоритъ, построю мосты,

Ломань верьнесты, мери, веть ть полдан.
Кода аракшнысь Павул иnязыркс,
Кода озакшнысь Павул оцязыркс,
Ломань биринипь зон март маракшнысь,
Ломань ловажань зон зэтьть тейнекшнэсь,
Ломань верьнепь зон ведьнеть полдакшнысь.

№ 62.

Саратуў бели мезепь дол балэ?
Саратуў бельди мезснь гачампе?
Паул Петрович инязыркс озэ,
Паул Петрович оцязыркс арэ.
— [1]) Иля, эйдякай, иля, цёракай,
— Моньдянь эзь гирьдифть, лац эзь арафтуфт. —

1) А тятязы мере.

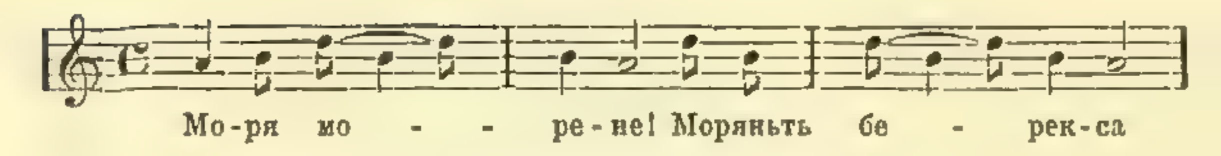
Изъ человѣческой кровушки я, говоритъ, пущу рѣки.
Когда сталъ Павелъ царемъ,
Когда сталъ Павелъ государемъ,
Изъ человѣческихъ головъ онъ насыпалъ холмы,
Изъ человѣческихъ костей онъ построилъ мосты,
Изъ человѣческой кровушки онъ пустилъ рѣчки.

Варiантъ.

На сторонѣ Саратова что за огонь горитъ?
Со стороны Саратова что за дымокъ?
Павелъ Петровичъ садится царемъ,
Павелъ Петровичъ становится государемъ.
— Не (садись,) дитятко, не (садись), сынокъ,
— Я не могъ удержать, привести въ порядокъ. —

— Кирьца, тятякай, гирьца, корьмакай.
— Ломань верень мон гелей ветьть полдан,
— Ломань ловажань дроксксаст сэтьть тепи. —

№ 63.



Моря морене! Моряньть берексы
Суднат караблят, колмы полкт салдатт.
Веси салдаттнэ чувашт ды татарт;
Аньцяк юткеыст ве эрьзянь залдатке,
Аньцяк юткеыст ве эрьзянь пекрутке.
Сынь веси симить, сынь веси ярцыть,
Аньцяк а ярцы эрьзянь залдаткись,
Аньцяк а сими эрьзянь пекруткись.

— Я удержу, батюшка, я удержу, кормилецъ.
— Изъ человѣческой крови я пущу широкія рѣки,
— Изъ человѣческихъ костей я построю мосты черезъ нихъ. —

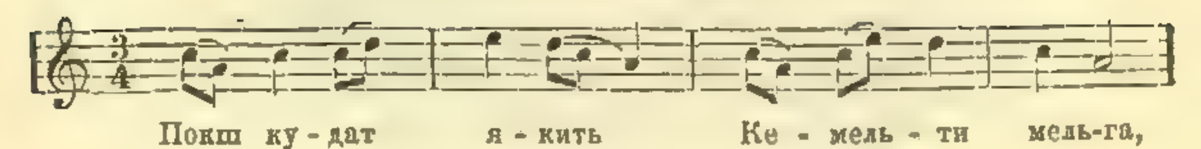
Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № XXII и Paasonen, Proben I, № XLIII.

Море моречко! На берегу моря
Судна и корабли и три полка солдатъ.
Всѣ солдаты чуваши и татары;
Только между ними одинъ эрзяцкій солдатикъ,
Только между ними одинъ эрзяцкій рекрутикъ.
Они всѣ пьютъ, они всѣ ѣдятъ,
Только не ѣстъ эрзяцкій солдатикъ,
Только не пьетъ эрзяцкій рекрутикъ.

— Мекс тон аярцат, эрьѕянь залдатке,
— Мекс тон асимат, эрьѕянь некрутке? —
— Мезень ярцама, мезень зимима?
— Велес кадыни мон бутынь гудум,
— Курьмишс кадыни зроянь гардазум.
— Пеликулыт до монь дятяи аваи;
— Ищо кадыни мон заинь болань,
— Кадыни полань голмы эйть марта.
— Васинь эйденесь ракшань гундыйшка,
— Омбоцн эйдесь непчень гирьдийшка,
— А колмоцексэсь лаўсьсы ащиця. —

— Отчего ты не ѣшь, эрзяцкій солдатикъ,
— Отчего ты не пьешь, эрзяцкій рекрутикъ? —
— Какая ѣда, какое питьё?
— Въ селѣ я оставилъ поставленный свой домъ,
— Въ курмышѣ я оставилъ построенный свой дворъ.
— Полумертвы мои отецъ и мать;
— Еще я оставилъ свою взятую супругу,
— Я оставилъ свою супругу съ тремя дѣтьми.
— Первое дитя въ такомъ возрастѣ, что можетъ обращаться съ лошадью,
— Второе дитя въ такомъ возрастѣ, что можетъ держать ложку,
— А третье дитя — сидящее въ зыбкѣ. —

Ср. Обр. морд. нар. сл. I, № II и XVI, у Reguly № 4; Орк.

№ 64. Кемельте.

Покш кудат якить Кемельти мельга,
Шкаяндат прафтыть Кемельтень гиса.
— Илямак чыя, Карпа ляльякай,
— Илямак яка, Карпа корьмакай.
— Кулы ормасы, лялькай, зэредяп,
— Юми ормасы, лялькай, марятап.
— Кулан, ляльякай, гулап, горьмакай.
— Кулан, ляльякай, Бетровопь цине.
— Илямак калма, лялькай, галмазырц,
— Калмамак, лялькай, Бетровскэй ги лапкс,
— Петровскэй ги лапкс, колмы ки улыс.
— Иля тейть, лялькай, бичипь гандыласт,
— Тейтя, ляльякай, думунь зедеепь,
— Карксамды алга модас путумак,

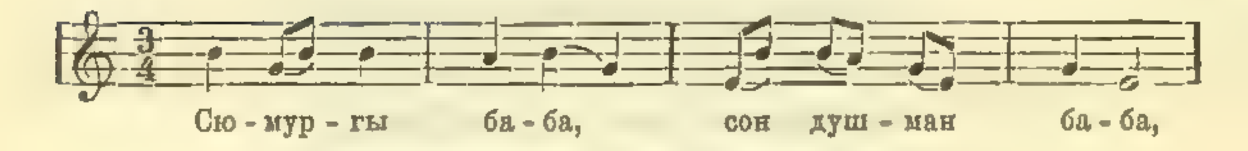
Сватья ходятъ за Кемельтею,
Сватья гонятся изъ за Кемельти.
— Не сватай меня, Карпуха, старшій братецъ,
— Не проходи меня, Карпуха, кормилецъ.
— Я больна, старшій братецъ, смертнымъ недугомъ,
— Я чувствую, старшій братецъ, погибельный недугъ.
— Я умру, старшій братецъ, я умру, кормилецъ.
— Я умру, старшій братецъ, на Петровъ день.
— Не хорони меня, старшій братецъ, на кладбищѣ,
— Похорони меня, старшій братецъ, на Петровской дорогѣ,
— На Петровской дорогѣ, на перекресткѣ трехъ дорогъ.
— Не дѣлай, старшій братецъ, сосноваго гроба,
— Сдѣлай, старшій братецъ, (гробъ) изъ сердцевины дуба,
— Положи меня въ землю ниже пояса,

— Карксамды верьга ушыс кадумак.
— Иляка топ бутг, лялькай, думунь үрёс г,
— Топ бутта, лялькай, монянь бижинь үрёст.
— Улизы, лялькай, зиясы вельтязь,
— Васылды як соп, лялькай, цитьипза,
— Маласты, ляляй, сон вандылдыза.
— Нищийпить ютыть, сускумсы путыть,
— А боярт ютыть, пижысы путыть (2 р.),
— А купецьть ютыть, сиясы путыть. —
Купецькесь арды, соп дятят цёрат.
— Мезп, тятькай, зоп зесы цильдирдэ,
— Мези, тятькай, зон зесы вандылдэ?
— Казпа ули сон, топять улиза,
— Тейтерь ули сон, монянь улиза. —
Кода пачкицьть сынь Гемельтепь видис,
Свечепекс палыть сопѕы сельменѕа,

— Оставь меня наружу выше пояса.
— Не ставь мнѣ, старшій братецъ, дубоваго креста,
— Ты поставь мнѣ, старшій братецъ, мѣдный крестъ.
— Пусть онъ будетъ, старшій братецъ, покрытъ серебромъ,
— Пусть онъ и издалека, старшій братецъ, свѣтится,
— Пусть вблизи, старшій братецъ, онъ блеститъ.
— Нищіе будутъ проходить, будутъ класть кусочками,
— А господа будутъ проходить, будутъ класть мѣдью (2 р.),
— А купцы будутъ проходить, будутъ класть серебромъ. —
Купчикъ скачетъ, отецъ съ сыномъ.
— Что это, батюшка, тамъ сверкаетъ?
— Что это тамъ, батюшка, блеститъ?
— Если это кладъ, пусть будетъ тебѣ,
— Если это дѣвушка, пусть будетъ мнѣ. —
Когда они доѣхали до Кемельти,
Какъ свѣчечки горятъ ея глаза,

Пейдезь Гемельтень ащи кургыза.
Алашастынза цёрась валгыкшнысь,
Кемельтень зёрась кетьты кундызе,
Поосказынзы сон озафтызе,
Сон гудуў гауў зонзы ускнзе.

№ 65. Сюмургы баба.



Сюмургы баба, сон душман баба,
Сюмургы баба, сон ведун баба.
Мастыр цалгась сон бильгинзы алуў,
Менель цараўсь сон бирлянзы велькcса.
Сисимь иiса до сонзы цёраза.
Думась Сюмургы урьвакстуманза,

Ротъ Кемельти улыбается.
Парень слѣзъ съ лошади,
Кемельтю парень взялъ за руку,
Въ повозку свою посадилъ ее,
Домой ее привезъ.

Ср. пѣсню «Кемаль» (съ другою развязкой) въ Обр. морд. нар. сл. I, № III.

Старуха Сюмурга, она злодѣйка,
Старуха Сюмурга, она колдунья,
Весь свѣтъ она захватила подъ свою ногу,
Небо она вертѣла надъ своей головой.
У ней сынъ семи лѣтъ.
Задумала Сюмурга женить его,

Думась сопянза полань запме.
Якась Сюмурга, якась перьтьпельга,
Эзь мук Сюмурга эстянзы урьва.
— Ашка молян мон Пензань губерьняў,
— Ашка якан мон Пензань уездоў. —
Пензань губернянь мукшнысь урьва,
Пензань уездэнь варчакшнысь урьва.
Кода мунзи Сюмургы урьваньть,
Кода тещезе Сюмургы чуфтыньть,
Сакшнысь Сюмургы кудань бурнама,
Кармась Сюмургы андань варшнпме.
Мусь пилиньгемень Зюмургы куда,
Варчакшнысь сон до кемень зуваха.
Кудатьпи ракшаст кильдизь боводезь,
Крилиць пес ветезь, ги пес арафтызь.
Сюмургы кода кудань' андыньзе,

Задумала взять ему жену.
Ходила Сюмурга, ходила по округѣ,
Не нашла Сюмурга себѣ снохи.
— Погоди-ка я пойду въ Пензенскую губернію,
— Постой-ка я схожу въ Пензенскій уѣздъ. —
Она нашла сноху родомъ изъ Пензенской губерніи,
Она разыскала сноху родомъ изъ Пензенскаго уѣзда.
Когда Сюмурга нашла сноху,
Когда Сюмурга замѣтила дерево,
Пришла Сюмурга собирать сватьевъ,
Начала Сюмурга разыскивать родственниковъ.
Нашла сорокъ поѣзжанъ Сюмурга,
Разыскала она десять свахъ.
Поѣзжане заложили, запрягли своихъ лошадей,
Привели ихъ къ крыльцу, поставили у дороги.
Старуха Сюмурга, когда накормила поѣзжанъ,

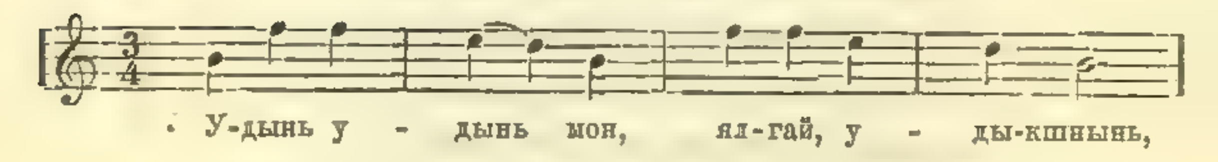
Киякс кунчкас тякан𝔷ы арафтызе,
Кармась сон зоп𝔷ы баславамун𝔷а.
— Баславатан тонь болань заиме.
— Лисиды, андан, ракшас озада,
— Васьлы таркаў, гудан, зыргада!
— Моледы-як тынь Пен𝔷ань губерьняў,
— Ардыды-як тынь Пен𝔷ань уездоў! —
Пен𝔷ань губерьняў бачкиць Сюмурга.
Кулцынэ, лажам' вайгиль марятэ.
— Ащиды-як тынь, гудан ды андан,
— Ащиды-як тынь, гемень зувахан!
— Ащиды, валган мон окольця пряс,
— Кевькстян окольцянь гаравлий атя. —
Каравлий атяньть бабась муизе,
Лажам' вайгильдыньть сон𝔷ы кевькстезе.
Окольцянь ваный атясь ёфтэзе:

Поставила своего ребенка на середину пола,
Начала она его благословлять.
— Благословляю тебя взять супругу.
— Выходите, мои поѣзжане, садитесь на коней,
— Трогайтесь въ дальнее мѣсто, мои сватья!
— Ѣзжайте-ка вы въ Пензенскую губернію,
— Скачите-ка вы въ Пензенскій уѣздъ!
Въ Пензенскую губернію прибыла Сюмурга.
Слушаетъ, слышится вопль.
— Постойте-ка вы, мои сватья и поѣзжане,
— Постойте-ка вы, мои десять свахъ!
— Постойте, я сойду у околицы,
— Я спрошу караулящаго околицу старика. —
Караулящаго старика старуха нашла,
Насчетъ вопля его она спросила.
Караулящій околицу старикъ разсказалъ:

— Те авуль дейтерь Наумунь гулысь,
— Чыянь батязы Сюмургынь юмась. —
Сюмургы вачкиць кафты кеденѕа,
Сюмургы пурдась кемень зурынѕа.
— Мезень монь звадьба уцяскафтума,
— Мезень монь ѕёра эйди пайстума! —
Лиссь сувахаза, карчынѕы мере:
— Сюмургы баба, тон ведун баба,
— Сюмургы баба, тон душман баба. —
Авулдызе сон кафтуў народэньть,
Сувась Сюмургы кулы сэреньть вакс.
Таргась Сюмургы ашы пацине,
Кармась Сюмургы авулямунѕа.
Пря пеў аулдась, прясы превьнеть макссь,
Пильгиў аулдась, пильги вийнить макссь,
Седеень гарча — седей вийни макссь,

— Это умерла не дочь Наума,
— Это погибла невѣста Сюмургина. —
Сюмурга всплеснула обѣими руками,
Сюмурга сжала свои десять пальцевъ.
— Какая у меня свадьба безъ счастія,
— Какой у меня сынъ-дитятко безъ доли! —
Вышла ея сваха, говоритъ ей на встрѣчу:
— Старуха Сюмурга, ты колдунья
— Старуха Сюмурга, ты злодѣйка. —
Махнула (Сюмурга), чтобы разступился народъ на двѣ стороны,
Вошла Сюмурга къ тѣлу покойницы.
Вытащила Сюмурга бѣлый платокъ,
Начала Сюмурга махать имъ.
Къ головѣ махнула, дала головной разумъ,
Къ ногамъ махнула, дала ножную силушку,
Напротивъ сердца (махнула) — дала сердечную силушку,

Кургыс палызе, ойми тензы пуць.
Кода Сюмургы урьвапьть стяфтызе,
Кода Сюмургы жывияфтызе,
Сюмургынь билькс сон зюкунясь, мере:
— Прости, суваха, мон бокордэтень! —
— Иляк покорда, авай, зувахать:
— Кувак' удумса, авай, удыкшпынь. —

№ 66. Мороз атясь.

Удынь удынь мон, ялгай, удыкшпынь,
Апары онны, ялгай, неекшнэнь.
Мороз атясь сон, ялгай, ютакшнысь,
Копелькава соп, ялгай, лоў бракшпысь.
Вай, лехас кадуўсть миникь мушкынык,

Въ уста ее поцѣловала, положила ей душу.
Когда Сюмурга подняла сноху,
Когда Сюмурга ее оживила,
Она (мать дѣвушки) поклонилась Сюмургѣ въ ноги и сказала:
— Прости, сваха, я тебя укорила! —
— Не кори, матушка, свою сваху (говоритъ дѣвушка):
— Я спала матушка глубокимъ сномъ. —

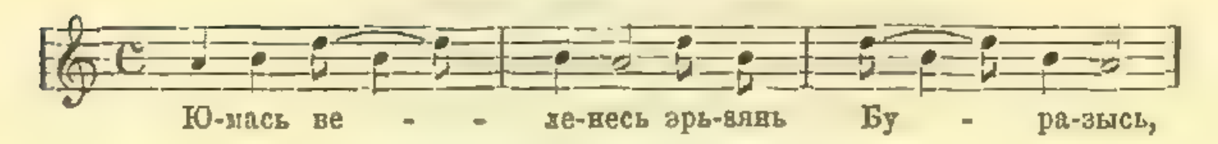
Я спала спала, подружка, я спала,
Нехорошій сонъ, подружка, я видѣла.
Старикъ морозъ, подружка, прошелъ,
По колѣна, подружка, упалъ снѣгъ.
Ой, въ лѣсѣ остались наши конопли,

Вай, пањдяс кадуўсть минииь капстаиык.
Ох, ялгакай, месть минь тейнетяпа?
Арась до кширьдимс минииь мушкыиык,
Арась до кодамс минииь коцтэнэк.
Месть руцякс палякс минь месть тейтяпа?
Козэй мазый минь арфткить чафтана?
— Иляка ризна, тон монь ялгакай,
Иляка меляфт, тон монь оякай:
Сањдяряй мазый лемби тундынись,
Сањдяряй мазый лемби порэнесь,
Пижи лугатьни сынь бижилгадыть,
Мазый дьветкатьни светямы панцыть,
Келей лопатьнинь руцякс стасынинь,
Лугань дьветкатьнинь арфтыкс чаўсынинь.
Ох, ялгакай, тон мазый ялгиним,
Неть я маштувить сынь руцякс палякс,

Ой, на грядкѣ остались наши капусты.
Охъ, подруженька, что мы будемъ дѣлать?
Нѣтъ на пряжу у насъ конопли,
Нѣтъ на тканіе у насъ холста.
Что мы будемъ употреблять на руци и рубашки?
Куда мы набьемъ (накрасимъ) красивыя полоски?
— Не печалься, ты моя подружка,
Не кручинься, ты моя подруженька:
Когда придетъ красивая теплая вёснушка,
Когда придетъ красивое теплое времячко,
Зеленые луга зазеленѣютъ
Красивые цвѣточки расцвѣтутъ,
Широкіе листочки мы сошьемъ на руци,
Луговые цвѣточки мы приложимъ на красивыя полоски.
Охъ, подружка, ты красивая моя подруженька,
Эти не годятся на руци и рубашки,

Исть а маштувить сынь мазый арфтыкс.
Пры кельмепесь сон зынцт пумпасыньѕе,
Лиси чинись сон зынцт костясыньѕе.

№ 67. Арчилоў.



Юмась веленесь эрьѕянь Буразысь,
Вальмась веленесь Арчилоў велесь.
Ве пенесэнѕы салдат полк аще,
Омбоци песэньть драгун болк аще,
Кунчкавицыпѕы Шахматуў боярць.
Веси тейтерьтьпень боярць пурпыньѕе,
Чавы горьнецяс боярць пекстэньѕе.
Веси тейтерьтьни вирьга орголесть,
Веси тейтерьтьни зимовьяў дукшпысть.

Эти не годятся на красивыя полоски.
Спустившійся морозецъ сожжетъ ихъ,
Взошедшее солнышко высушитъ ихъ.

Пропала деревушка, Эрзяцкіе Бурасы,
Погибла деревушка, село Арчиловъ.
Въ одномъ концѣ ея стоитъ полкъ солдатъ,
Въ другомъ концѣ ея стоитъ полкъ драгунъ.
Посерединѣ ея баринъ Шахматовъ.
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ собралъ,
Заперъ ихъ баринъ въ пустую горницу.
Всѣ дѣвушки разбѣжались по лѣсу,
Всѣ дѣвушки ушли по зимовьямъ.

Веси слуганѕы боярць кучыньѕе,
Роботьникинѕы сон гармафтыньѕѐ:
— Веси тейтерьтнень азиды вешенгкь,
— Веси тейтерьтнень азиды ветенгкь. —
Веси тейтерьтнень злугатьни вешнезь,
Веси тейтерьтнень злугатьни ветезь.
Чавы горьнецяс боярць пекстэньѕе,
Весень ципрьдими сон гармафтыньѕе,
Весень зуринст боярць варчиньѕе,
Конань цувини, конань валаня.
Эень цувини пары Натушань,
Эень валаня бояравушань.
Веси тейтерьтнень боярць нолдэньѕе,
Веси тейтерьтнень гудуў гучыньѕе.
Аньцяк кадызи пары Натушань,
Аньцяк кадызи бояравушань.

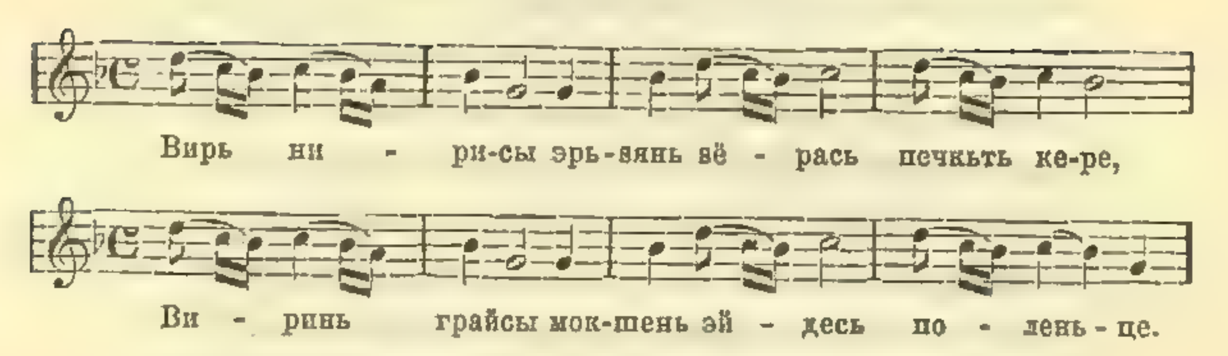
Всѣхъ слугъ своихъ баринъ послалъ,
Работниковъ своихъ баринъ заставилъ:
— Ступайте отыщите всѣхъ дѣвушекъ,
— Ступайте приведите всѣхъ дѣвушекъ. —
Всѣхъ дѣвушекъ слуги отыскали,
Всѣхъ дѣвушекъ слуги привели.
Въ пустую горницу баринъ ихъ заперъ,
Всѣхъ ихъ заставилъ онъ прясть.
У всѣхъ осмотрѣлъ баринъ ниточки,
У которой тонкія, у которой гладкія (ровныя).
Всѣхъ тоньше у доброй Наташи,
Всѣхъ ровнѣе у барышни.
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ отпустилъ,
Всѣхъ дѣвушекъ баринъ послалъ домой.
Только оставилъ онъ добрую Наташу,
Только оставилъ онъ барышню.

Вальмады вальмас Натуш кайсиве,
Вальмады вальмас Натуш ёвряве.
Веси ялганцтынь Натуш наказэ,
Веси оянцтынь Натуш приказэ:
— Ёфтады, ялган, дининь дятьканинь,
— Ёфтад', оепен, тынь жгинь афканинь,
— Штобу сядысы тятькам идимам,
— Штобу кафтысы афкам рамамам. —
Шахматуў боярць Натушнынь мере,
Шахматуў боярць Натушнынь гортэ:
— А сядысы тон десты рамават,
— А кафтысы тон десты идиват.
— Улят, Натуша, тон монь болэнемь,
— Улят, Натуша, гнезда ялгинимь. —

Отъ окна къ окну бросается Наташа,
Отъ окна къ окну кидается Наташа.
Всѣмъ подругамъ своимъ Наташа наказываетъ,
Всѣмъ сверстницамъ своимъ Наташа приказываетъ:
— Скажите, подруги, кормильцу батюшкѣ,
— Скажите, подруженьки, вы родной матушкѣ,
— Чтобы ста рублями отецъ мой меня выручилъ,
— Чтобы двумя стами мать моя меня выкупила! —
Шахматовъ баринъ говоритъ Наташѣ:
— Ни ста рублями тебя отсюда не выкупить,
— Ни двумя стами тебя отсюда не выручить.
— Ты будешь, Наташа, моей женушкой,
— Ты будешь, Наташа, подружкой моего гнѣзда. —

Начало этой пѣсни ср. съ началомъ напечатанной въ матеріалахъ Reguly пѣсни: Mezdeń jomaś, mezdeń vaľmaś Odivań ŀijoś?

№ 68. Эрьѕянь ѕёра[1]).



Вирь цирисы эрьѕянь ѕёрась печкьть кере,
Виринь грайсы мокшень эйдесь поленьце.
Кува кери эрьѕянь ѕёрась, аварьде,
Кува кери мокшень эйдесь, меляфтэ.
Вереў варштась эрьѕянь ѕёрась—пель арась,
Алуў варштась мокшень эйдесь—варм' арась.
Мекс саньдийнить вармафтума каштырдыть,
Пизимтимп тикшнитьни росавить?
Варштазнўкшнысь эрьѕянь ѕёрась губануў,
Варштазнўкшнысь мокшень эйдесь погану.
Губан бельди кафты ласьткить эли сыть,

1) Въ этой пѣснѣ одиннадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

На опушкѣ лѣса парень Эрзякъ рубитъ дрова,
На краю лѣса ребенокъ Мокша рубитъ полѣнья.
Рубя парень Эрзякъ плачетъ,
Рубя ребенокъ Мокша печалится.
Наверхъ посмотрѣлъ парень Эрзякъ — тучи нѣтъ,
Внизъ посмотрѣлъ ребенокъ Мокша — вѣтра нѣтъ.
Отчего тростинчки безъ вѣтра шумятъ,
Безъ дождя травки въ росѣ?
Взглянулъ парень Эрзякъ на татарскую сторону,
Взглянулъ ребенокъ Мокша на ногайскую сторону.
Съ татарской стороны подъѣзжаютъ двое верховыхъ,

Ногай бельди кафты ласьткить эль ардыть.
Чие, тарка эрьзянь зёрась а сае,
Моле, шагат мокшень эйдесь а шаге.
Удалы пельдь' эрьзянь зёрапьть сасакшпызь,
Карь булыды мокшень эйдепьть чалгакшнызь,
Камбразыпь дрокс эрьзянь зёрапьть каякшнызь,
Верекь кшпасы мокшень эйдепьть таргакшнызь,
Губан мастырц эрьзянь зёрапьть ускыкшнызь,
Ногай мастырц мокшень эйденьть пачтякшпызь.
Кода пачкицьть губап гудыпь орталангкс,
Кода пачкицьть погай гудынь орталангкс:
— Тон листяять, губан ава, листяять,
— Тон листяять, ногай ава, листяять.
— Ве кедьпесэт, губап ава, лифьть кшине,
— Омбоцп топ гепэньть лифтять салдыркске.
— Ван' васькама, губап ава, теть ускинь,

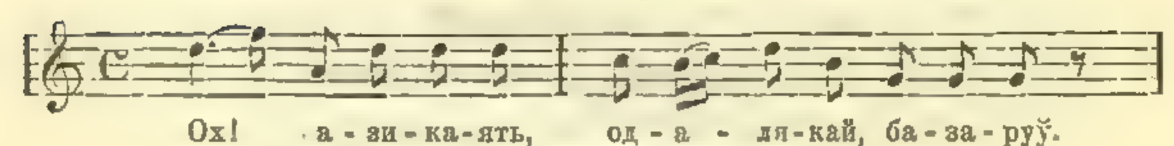
Съ погайской стороны подъѣзжаютъ двое верховыхъ.
Бѣжитъ, не забираетъ разстоянія парень Эрзякъ,
Идетъ, шаговъ ребенокъ Мокша не переступаетъ.
Сзади догнали парня Эрзяка,
Наступили па лапотный хвостъ ребенка Мокши,
Черезъ сѣдло парня Эрзяка перебросили,
Сыромятнымъ ремнемъ ребенка Мокшу притянули,
Въ татарскую землю привезли парня Эрзяка,
Въ погайскую землю доставили ребенка Мокшу.
Когда подъѣхали къ воротамъ татарскаго дома,
Когда подъѣхали къ воротамъ погайскаго дома:
— Ты выходи-ка, татарская жена, выходи-ка,
— Ты выходи-ка, погайская жена, выходи-ка.
— Въ одной ручкѣ, татарская жена, выпеси хлѣбецъ,
— Въ другой рукѣ вынеси-ка солоночку.
— Вотъ, татарская жена, я привезъ тебѣ нѣгу,

— Ван' оймамши, ногай ава, теть пачтинь. —
Каня чипи эрьзянь зёрась эрякшнысь,
Каня кафты мокшень эйдесь ащикшнысь.
— Керякая, эрьзянь зёрась, пенгенеть. —
— Миникь пельдень зёрат пенгкть пей а керьцеть. —
— Уштыкаять, эрьзянь зёрась, кудынимь. —
— Миникь пельдень зёрат кудыт а уштить. —
— Теньцекаять, эрьзянь зёрась, кияксимь. —
— Миникь пельдень зёрат кияксt а теньцьнеть. —
— Нурьцикаять, эрьзянь зёрась, монь эйдьнемь.
— Ванькаять, мокшень зёрась, монь эйдьнемь. —
— Тютю-балю, губан эйде, ба-ля-ля!
— Тютю-балю, ногай эйде, ба-ля-ля!
— Пиря пельди, губан эйде, люкщатьтян,
— Прясы преўды, ногай эйде, мон маштан.
— Пильги пельди, губан эйде, люкщатьтян,

— Вотъ, ногайская жена, я привезъ тебѣ отдохновеньице. —
Денекъ ли жилъ парень Эрзякъ,
Два ли дня пробылъ ребенокъ Мокша.
— Наруби-ка, парень Эрзякъ, дровецъ.—
— Нашей стороны мужики теперь не рубятъ дровъ. —
— Вытопи-ка, парень Эрзякъ, мою избушку. —
— Нашей стороны мужики не топятъ избъ. —
— Вымети-ка, парень Эрзякъ, мой небольшой полъ. —
— Нашей стороны мужики не метутъ половъ. —
— Покачай-ка, парень Эрзякъ, моего ребёнка,
— Покарауль-ка, парень Мокша, моего ребёнка. —
— Баю! баю! татарскій ребенокъ, баю!
— Баю! баю! ногайскій ребенокъ, баю!
— Въ голову, татарскій ребенокъ, я тебя ударю,
— Ума въ головѣ, ногайскій ребенокъ, я тебя лишу.
— Въ ноги, татарскій ребенокъ, я тебя ударю,

— Пильги вийды, ногай эйде, мон маштан. —
— Мекс сюдысак, эрьзянь ѕёрась, монь эйдьнемь,
— Мекс азнысак, мокшень эйдьнесь, монь эйдьнемь?
— Ёфтэкь монянь, эрьзянь ѕёрась, тонь тятять!
— Ёфтэкь монянь, эрьзянь ѕёрась, тонь авать! —
— Монь дятинимь, губан ава, Дуброва,
— Монь авинимь, ногай ава, Дубурда. —
— Азиды-як, эрьзянь ѕёрань ускингка,
— Азиды-як, мокшень эйдень вингка.
— Самай моньць-как истямынь тятянь авань. —

№ 69[1]).



Ох! азикаять, одалякай, базаруў,
Ох! рамакаять, одалякай, баяга,

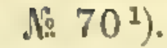
— Ножной силы, ногайскій ребенокъ, я тебя лишу. —
— Отчего ты проклинаешь, парень Эрзякъ, моего ребеночка,
— Отчего ты заклинаешь, ребеночекъ Мокша, моего ребеночка?
— Скажи мнѣ, парень Эрзякъ, своего отца,
— Скажи мнѣ, парень Эрзякъ, свою мать! —
— Мой тятенька, татарская жена, Дуброва (имя),
— Моя маменька, ногайская жена, Дубурда (имя). —
— Ступайте-ка, отвезите парня Эрзяка,
— Ступайте-ка, доставьте ребенка Мокшу.
— Я и сама такихъ же самыхъ отца и матери. —

[1] Ср. Орк.; у Paasonen, Proben I, № II и XXXII.
Ср. колыбельную пѣсню, которую поетъ мальчикъ, съ напечатанною у Paasonen, Proben I, № XXI.

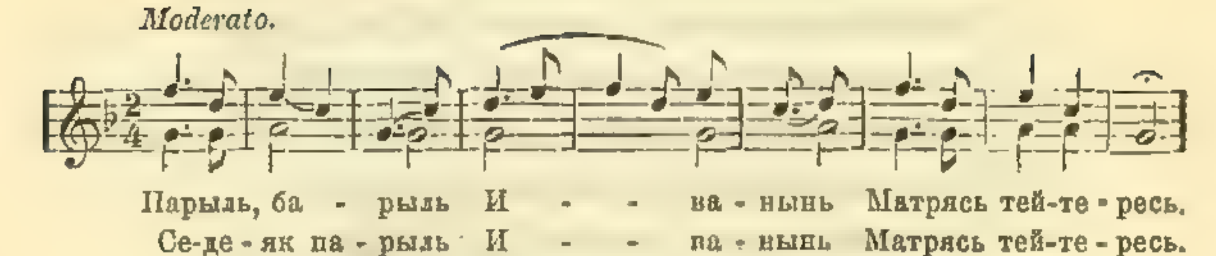
Охъ! ступай-ка, молодой мой деверь, на базаръ,
Охъ! купи-ка, молодой мой деверь, колоколъ,

Ох! понгафтыка, одалякай, велпес,
Ох! вачкидика, одалякай, баяганьть,
Ох! мастырнысь-как, одалякай, зэрькстаза,
Ох! менельнесь-как, одалякай, гайкстаза,
Ох! пары наця, одалякай, деть теян,
Ох! ве пенесэньть, одалякай, ци сёрма,
Ох! омбоцесэньть, одалякай, гоў зёрма,
Ох! кунчкавицы, одалякай, эсь лемнемь,
Ох! чапам' лофцсы, одалякай, чоўсеса,
Ох! ламбам' лофцсы, одалякай, ёварца,
Ох! салмукски пряс, одалякай, понгаўса,
Ох! ойми кошсэн, одалякай, гостяса.
Сон кулыпь гудыс сельми нардамс маштуве,
Сон симий гудыс кургы нардамс маштуве.

Охъ! повѣсь-ка, молодой мой деверь, на конецъ села,
Охъ! ударь-ка, молодой мой деверь, этотъ колоколъ,
Охъ! пусть загудитъ, молодой мой деверь, даже земелька,
Охъ! пусть зазвенитъ, молодой мой деверь, даже небушко.
Охъ! хорошій платокъ, молодой мой деверь, я тебѣ справлю,
Охъ! на одномъ концѣ, молодой мой деверь, нарисованное солнце,
Охъ! на другомъ концѣ молодой мой деверь, нарисованная луна,
Охъ! по серединѣ, молодой мой деверь, мое имячко
Охъ! кислымъ молокомъ, молодой мой деверь, я потру его,
Охъ! прѣснымъ молокомъ, молодой мой деверь, я полосну его,
Охъ! на конецъ иглы, молодой мой деверь, я повѣшу его,
Охъ! дыханіемъ своимъ, молодой мой деверь, я высушу его.
Онъ пригодится вытирать слезы въ домѣ, гдѣ покойникъ,
Онъ пригодится вытирать ротъ въ домѣ, гдѣ пьютъ.



№ 70[1]).

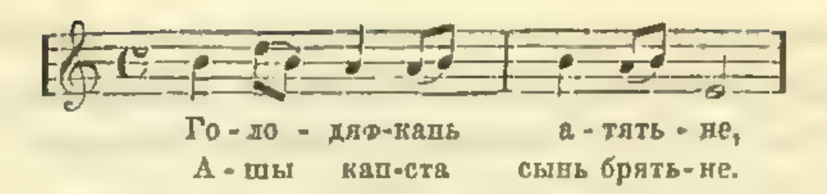
Moderato.

Парыль барыль Иванынь Матрясь тейтересь.
Седеяк парыль Иванынь Матрясь тейтересь.
Чачумниды Иванынь Матрясь удалась,
Касумниды Иванынь Матрясь удалась.
Тюжа парьцийть Иванынь Матрянть черенза,
Ногай локшы Иванынь Матрянть пулыза,
Павань долга Иванынь Матрянть цёкоза,
Зоря-тещи Иванынь Матрянть чамаза,
Мазый гумбрят Иванынь Матрянть брованза,
Раўжы лёмзёрт Иванынь Матрянть сельменза,
Ашы килий Иванынь Матрянть сэреза.

1) Въ этой пѣснѣ двѣнадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго и восьмого слога.

Хороша, хороша была дѣвица Иванова Матрёна.
Еще лучше была дѣвица Иванова Матрёна.
Рожденьемъ Иванова Матрёна удалась,
Возрастаньемъ Иванова Матрёна удалась.
Какъ желтый шелкъ волосы Матрёны Ивановой,
Какъ татарскій кнутъ коса Матрёны Ивановой,
Какъ павлиное перо кисть на косѣ Матрёны Ивановой,
Какъ звѣзда зоря (Венера) лицо Матрёны Ивановой,
Какъ красивыя бусы брови Матрёны Ивановой,
Какъ черныя черемушины глаза Матрёны Ивановой,
Какъ бѣлая береза ростъ Матрёны Ивановой.

Чисты чисты Иваньшь Матрясь базарца,
Чи ютазь гак Иваньшь Матрясь лафкаса.
Авуль арчинцы Иваньшь Матрясь салцикшнысь,
Авуль кафтысы Иваньшь Матрясь салцикшнысь,
Цела косяксы Иваньшь Матрясь каплпкшнысь.
Раўжы сельми Иваньшь Матряньть неезе,
Липап дорговой Иваньшь Матряньть рядпзе,
Бойка пильги Иваньшь Матряньть сасызе,
Липан дорговой Иваньшь Матряньть сасызе,
Кувака кедь Иваньшь Матряньть кундызе,
Липан дорговой Иваньшь Матряньть кундызе.
Кшнинь арчинцы Иваньшь Матряньть чавизе,
Липап дорговой Иваньшь Матряньть чавизе.

Каждый день Матрёна Иванова на базарѣ,
И черезъ день Матрёна Иванова въ лавкѣ.
Не аршинами крала Матрёна Иванова,
Не двумя крала Матрёна Иванова,
Цѣлыми косяками Матрёна Иванова уназивала.
Черноглазый увидѣлъ Матрёну Иванову,
Липатъ купецъ замѣтилъ Матрёну Иванову,
Быстроногій догналъ Матрёну Иванову,
Липатъ купецъ догналъ Матрёну Иванову,
Длиннорукій поймалъ Матрёну Иванову,
Липатъ купецъ поймалъ Матрёну Иванову.
Побилъ Матрёну Иванову желѣзнымъ аршиномъ,
Липатъ купецъ побилъ Матрёну Иванову.

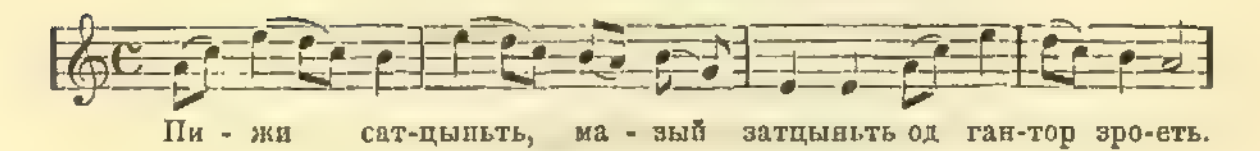
№ 71 [1]).

Голодяфкань атятьне — ашы капста сынь брятьне.
Чисты чисты велень брумкс, чи ютазь гак велень брумкс.
Ве думписы думакшныcть, ве кортамсы кортынекшнэсть,
Кинь бу салдатыкс максумс, некрутыкс кинь бровожамс.
Конань арась тятяза, велень брумкс якицяза?
Петрань арась тятяза, велень брумкс якицяза,
Ве думнисы думийза, ве кортамсы кортэйза.
Петрась арась кудыса, Раў домбале плотынеце.
Сынь улавни варчакшныcть, Петрай мельга кучыкшныcть.
— Адя, Петрай, залдатыкс, адя, Петрай, покрутыкс. —
Прась кецтэнѕы узирись, пряиѕы Петрай полдэзе.
Петраинь гудуў ускизь, Арчилоў велеў бачтизь.

1) Въ этой пѣснѣ четырнадцать слоговъ съ цезурой послѣ четвертаго, седьмого и одиннадцатаго слога.

Голодяевскіе старики — головы какъ бѣлые кочаны капусты.
Каждый день сельскій сходъ, черезъ день сельскій сходъ.
Одной думушкой они думали, однимъ говоромъ говорили,
Кого бы отдать въ солдаты, кого бы проводить въ рекруты.
У кого нѣтъ отца, нѣтъ выходящаго на сельскій сходъ?
У Петра нѣтъ отца, нѣтъ застойщика (за него) на сельскомъ сходѣ,
Одною думушкой думающаго, однимъ говоромъ говорящаго.
Петра нѣтъ дома, онъ плотничаетъ за Волгой.
Они разыскали подводочку, послали за Петромъ.
— Иди, Петруха, въ солдаты, иди, Петруха, въ рекруты. —
Выпалъ изъ его рукъ топоръ, опустилъ Петруха голову.
Петруху привезли домой, доставили его въ село Арчиловъ.

Кува яки аварьде, кува яки меляфтэ.
Арась сонзы неейза, арась сонзы пурныйза.

№ 72. Кантор[1]).



Пижи сатцыньть, мазый затцыньть
Од гантор зроеть.
Од ганторэньть колмы угулга
Колмы чуфт касыть.
Васинь цуфтысь, вейки чуфтысь
Ашы килийне.
Омбоцексэсь, омбоцькс чуфтысь
Сон зэпей бойне.

1) Въ этой пѣснѣ пятнадцать слоговъ: десять относимъ къ одному стиху, съ цезурой послѣ пятаго слога, а слѣдующіе пять къ другому стиху.

Гдѣ ни ходитъ, плачетъ, гдѣ ни ходитъ, печалится.
Нѣтъ у него смотрящаго на него, нѣтъ у него сбирающаго его.

Въ зеленомъ саду, въ красивомъ саду
Строятъ новую контору.
По тремъ угламъ новой конторы
Растутъ три дерева.
Первое дерево, одно дерево
Бѣлая березка.
Второе, второе дерево
Она горькая осинушка.

Колмоцексэсь, колмоцькась чуфтысь
Умарь цуфтыне.
Васинь цуўсыньть, килийнисыньть
Озяст цилидить.
И цилидить и валыдить,
Эсь морэст морэть.
Омбоцесэньть, пойненьть лангкса
Кукут курурдыть.
И кукурдыть и цёкоўдэть,
Эсь нужаст ёфнеть.
Колмоцькась умарь цуфтыньть ала
Тейтерь аварьде.
Пижи садганьть, мазый садганьть
Одзёра яке.
— Мекс тон, дейтерь, мекс аварьдят?
— Мекс тон меляфтат? —

Третье, третье дерево
Яблоновое деревцо.
На первомъ деревѣ, березкѣ
Чирикаютъ воробьи.
И чирикаютъ и словесятъ,
Поютъ свою пѣсню.
На второмъ, на осинушкѣ
Кукушки кукуютъ.
И кукуютъ и поютъ,
О своихъ горяхъ разсказываютъ.
Подъ третьимъ, яблоновымъ деревомъ
Плачетъ дѣвушка.
По зеленому саду, красивому саду
Ходитъ молодой парень.
— Отчего ты, дѣвушка, отчего ты плачешь?
— Отчего ты печалишься? —

— Кода, цёра, а яварьдян!
— Тятям чиимимь. —
— Иля аварьть, иля меляфт,
— Тейтерь барычи.
— Тонь џииньѕить, тонь якиньѕить,
— Тейтерьни, моньдянь.
— Дай-ка, тейтерь, мазый ялгам,
— Дай-ка топ гедьнет.
— Варчтак, тейтерь, мазый ялгам,
— Варчтак лаптызын. —
— Рад гедь максумс, кеден геткснэт,
— Цёра парычи.
— Рад, одѕёра, рад варчталинь,
— Чамам ватаса. —

— Какъ, парень, мнѣ не плакать!
— Отецъ меня просваталъ. —
— Не плачь, не печалься,
— Честна́я дѣвица.
— Тебя просваталъ онъ, тебя проходилъ онъ,
— Дѣвушка, за меня.
— Дай-ка, дѣвушка, красивая подруга моя,
— Дай-ка ты твою ручку.
— Посмотри, дѣвушка, красивая подруга моя,
— Посмотри на меня. —
— Я рада дать руку, мои руки въ браслетикахъ,
— Честно́й парень.
— Я рада, парень, рада бы взглянуть,
— Лицо мое подъ фатой. —

№ 73. Акамка[1]).

Каргыцькаць Акамкань руцяза,
Челькеясь Акамкаць баляза,
Очкы пенес лопафтыньѕе,
Кедь гунчкасы чоўсеньѕе.
— Козэнь молян муськимаст?
— Козэнь молян муськимаст?
— Ашкать моляп Алатыр ведь лаӊкс,
— Ашкать молян Алатыр ведь лаӊкс. —
Алатыр ведь лаӊкс Акамка молекшнэсь,
Палпинѕы Акамка муськизе.
Варштазпўкшнысь Алатыр белеў.
Алатыр бельди кафты ластькить элисыть.
Чви, тарка Акамка а сае,
Моли, шагат а шаге.

1) Размѣръ въ записи не выдержанъ.

Загрязнилась Акамкина руця,
Запылилась Акамкина рубашка,
Намочила ихъ въ краюшкѣ корыта,
Потерла ихъ на ладони.
— Куда я пойду ихъ полоскать?
— Куда я пойду ихъ полоскать?
— Ну-ка пойду на рѣку Алатырь,
— Ну-ка пойду на рѣку Алатырь. —
На рѣку Алатырь пошла Акамка,
Свои рубашонки Акамка вымыла.
Оглянулась было въ сторону Алатыря.
Со стороны Алатыря двое верховыхъ приближаются.
Бѣжитъ, мѣста Акамка не беретъ,
Идетъ, шаговъ не шагаетъ.

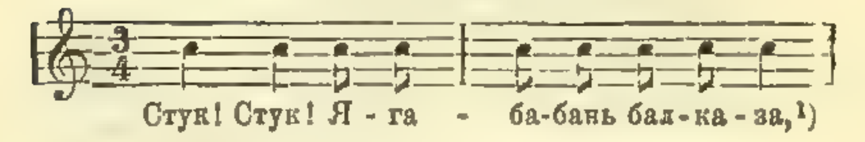
Удалы пельди Акамкань гундызь,
Алатыр велеў Акамкань ускизь,
Пси банясы Акамкань баризь,
Пси винады Акамкань зимьдизь,
Мельнеця алуў Акамкань алфтызь,
Мельнеця алуў Акамкань алфтызь.
Тусть Акамкань вешнеме,
Тусть Акамкань варчама
Чавы паксява, чопода вирьга,
Тиринь дятьказа ведень гувалма.
Тиринь дятьказа Акамкань мунзе,
Тиринь дятьказа Акамкань варчизе.
Мунзи Акамкань тятьказы пси баняста.
— Идитян, Акамка, идитян,
— Раматан, Акамка, раматан,
— Сядыса, Акамка, идитян,

Сзади Акамку схватили,
Въ село Алатырь Акамку повезли,
Въ горячей банѣ Акамку вспарили,
Горячимъ виномъ Акамку напоили,
Подъ мельницу Акамку обѣщали,
Подъ мельницу Акамку обѣщали.
Пошли искать Акамку,
Пошли высматривать Акамку
По пустымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А кормилецъ отецъ вдоль рѣки.
Кормилецъ отецъ нашелъ Акамку,
Кормилецъ отецъ высмотрѣлъ Акамку.
Нашелъ Акамку отецъ ея въ горячей банѣ.
— А выручу тебя, Акамка, выручу тебя,
— Я выкуплю тебя, Акамка, выкуплю тебя,
— Сотней рублей, Акамка, я тебя выручу,

— Кафтыса, Акамка, раматап. —
— Илямак иди, тиринь дятякай,
— Илямак рама, тиринь горьмакай.
— Пси банясы парязян,
— Пси випады спмьдизяп,
— Мельнеця алуў алфтазян. —
Вачкиць тиринь дятьказы кафты кеденѕа,
Пурдась тиринь дятьказы кемень зурпынѕа,
Нолдэньѕп тиринь дятьказы пси сельведенѕа,
Маштыньѕп тиринь дятьказы чачий гасый бревненѕа.

№ 74. Колыбельныя пѣсни.

а) Яга баба.



Стук! Стук! Яга-бабань балказа,
Панды прясы Яга-бабань бросаза,

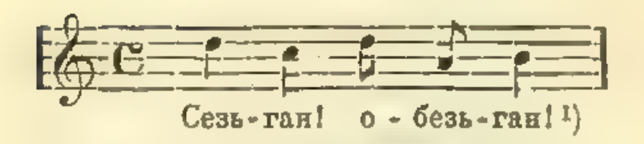
1) Въ трехъ послѣднихъ стихахъ первыя двѣ ноты замѣняются восьмыми.

— Двумя сотнями, Акамка, я тебя выкуплю. —
— Не выручай меня, кормилецъ батюшка,
— Не выкупай меня, кормилецъ.
— Въ горячей банѣ я выпарена,
— Горячимъ виномъ я напоена,
— Подъ мельницу я обѣщана. —
Ударилъ кормилецъ отецъ обѣ свои руки,
Погнулъ кормилецъ отецъ свои десять пальцевъ,
Пустилъ кормилецъ отецъ свои горячія слезы,
Потерялъ кормилецъ отецъ свой родовой умокъ.

Стукъ! Стукъ! Палка Бабы-яги,
На горѣ просо Бабы-яги,

Ажияшка Яга-бабань олгэза,
Сараз алчка Яга-бабань зёрназа.

б)



Сезьган! обезьган!
Мекс пулыт кувака?
Секс пулум гувака:
Тятям зюруў,
Авам лоўцоў,
Ваня лялям ярмакуў,
Ярмакынѕы гумашкат,
Тейтеренѕы курвашкат.

---

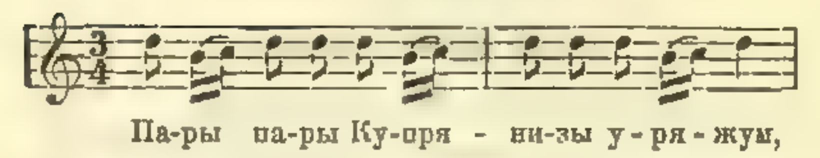
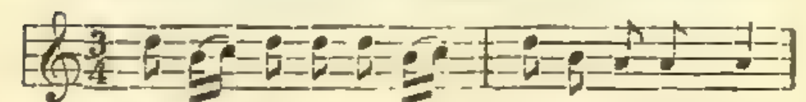
1) Въ слѣдующихъ стихахъ вторая нота замѣняется восьмыми; въ трехъ послѣднихъ восьмыми замѣняются первыя двѣ ноты.

Съ оглоблю солома Бабы-яги,
Съ куриное яйцо зерно Бабы-яги.

Сорока-обезьяна!
Отчего твой хвостъ длинный?
Оттого мой хвостъ длинный:
Отецъ мой хлѣбный,
Мать моя молочная,
Старшій братъ Ваня денежный,
Деньги его бумажки,
Дочери его б....

в)

Кудыкили цигатт,
Пириланкcы карьцягатт,
Вирьцы пиват.
Симат, симат, придят,
Бáня бокас кеверят.
Баня кефне алыт,
Баня теньцьтьке прялыт,
Каянь бонкст ланкызыт.

г)



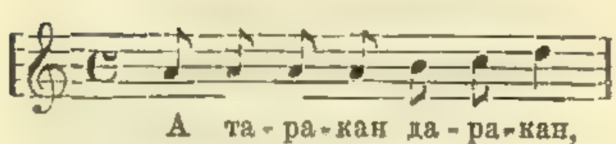
Пары пары Купрянизы, уряжум,
Седи пары Купрянизы, уряжум.

Въ сѣняхъ цыганы,
На загороди ястреба,
Въ лѣсу пивá.
Пьешь, пьешь, опьянѣешь,
Къ банѣ подкатишься.
Подъ тобой банные камни,
Надъ твоей головой банные вѣники,
На тебѣ сброшенные штаны.

Хороша, хороша Купріянова жена, невѣстка моя,
Еще лучше Купріянова жена, невѣстка моя.

Прякат папи Саратувунь галацят,
Каша пиди, вармафтума поцафтэ.
Боза каи, спсимь ппнь даракатт.
Кова сими, се пандалуў гевере,
Асимицясь пси банинис кенере.

д)



А таракан даракан,
Сопьць тараканчка.
Пеки барабанчка.
Тараканыньть ваткизь,
Кедепзы сраftызь.
Дурак сезьган залызе,
Превей зезьган нельгезе,
Нанговой бонксэкс стызе.

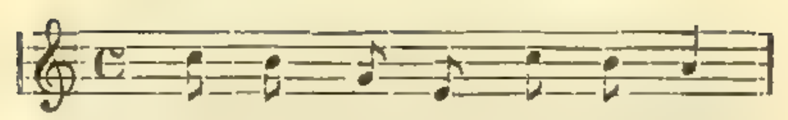
Пироги печетъ какъ Саратовскіе калачи,
Кашу варитъ, безъ вѣтра вѣетъ.
Квасъ водитъ, семилѣтніе тараканы.
Который пьетъ, тотъ падаетъ подъ гору.
Не пьющій спѣшитъ въ теплую банечку.

А таракапъ, таракапъ,
Самъ съ таракапъ,
Животъ съ барабанъ.
Съ таракапа сняли кожу,
Кожу вывѣсили сушить.
Глупая сорока стащила ее,
Умная сорока отняла ее.
Сшила изъ нея панковые штаны.

Мольць умаринь залама,
Мольць, Ванипись кундызе,
Авининцтынь ветезе.
— Илямак чафт, авакай,
— Молян вирнў укштуруў. —
Вирьц' укштырцы местейнят?
— Тумунь ласт лазпан. —
Тумунь ласнынь мезекс?
— Идимь дувунь гуяфтумс,
— Ваня лялянь урьвакстумс.
— А Хроланинь бряньть,
— Микитанинь зерькатьнинь,
— А Ванянинь бузыриньть. —
Пузыриньть рестэзе,
Умарь бириньть пекстэзе.

Пошла красть яблоки,
Пошелъ, Ванюшка поймалъ ее,
Къ матушкѣ своей привелъ ее.
— Не бей меня, матушка,
— Я пойду въ лѣсъ, въ кленовникъ. —
Въ лѣсу, въ кленовникѣ что будешь дѣлать?
— Буду колоть дубовыя доски. —
На что дубовыя доски?
— Чтобы откармливать дикую свинью,
— Чтобы поженить старшаго брата Ваню.
— А Фролу голову,
— Никитѣ ноги [1]),
— А Ванѣ пузырь. —
Пузырь онъ зажарилъ,
Кадушку съ яблоками онъ закрылъ.

1) серькат: часть ноги отъ колѣна до ступни.

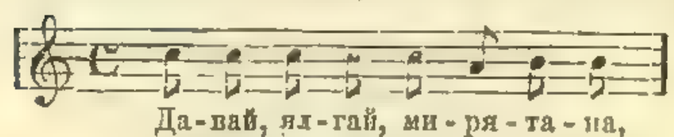
e)

Бабаньть ульнись тпругаза [1]),
Мольць мамама [1]), вец вались.
Таргась таргась, эзь даргафт,
Мольць Васинись, таргизе,
Рогенеды кундызе,
Каль булынис ветезе,
Каль даратквс сюлмизе.
Тусь бабанцтынь ёфтама:
— Ади, бабай, ботяфтыкь,
— Ади, бабай, пурьтяфтыкь,
— Лёленьть[1]) пидикь кашыникс,
— Ойпеньть паникь сюкурныкс,

1) Изъ дѣтскаго жаргона.

У старухи была корова,
Пошла пить, въ водѣ утонула.
Вытаскивала, вытаскивала, не вытащить.
Пришелъ Васенька, вытащилъ ее,
За рога поймалъ ее,
Въ тальникъ повелъ ее,
Въ вѣточкѣ тальника привязалъ ее.
Пошелъ сказать своей бабушкѣ.
— Иди, бабушка, подои ее,
— Иди, бабушка, пососи ее,
— Молочко свари на кашечку,
— Маслице испеки на лепешечку,

— Васиньканинь гаша пенч,
— Васиньканинь зюкур белькс. —

ж)



Давай, ялгай, мирятапа,
Сёвонь бири пирятана.
Сезэй репст видитяна.
Молеть пакшат салама,
Беданьть тееть алама.

з)

Одѕёралинь, барылинь,
Латы ланга кузьпилинь,
Чафка леўксэть валцнилинь.
Чафка леўкскеньть прязы покш,
Латы варяс кедемь бонксь.

— Васенькѣ ложку каши,
— Васенькѣ половину лепешки. —

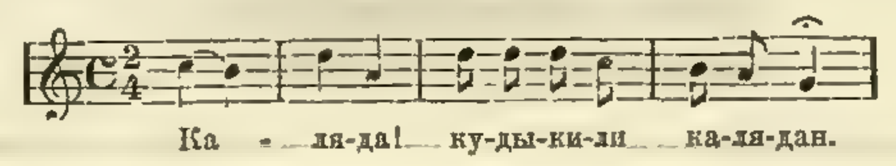
Давай, дружокъ, помиримся,
Глиняный огородъ загородимъ.
Тамъ рѣпу посѣемъ.
Пойдутъ ребята красть,
Сдѣлаютъ немного бѣды.

Я былъ молодымъ парнемъ, я былъ пригожимъ,
По сараямъ я лазилъ,
Галочьихъ дѣтенышей я снималъ.
У галочьяго дѣтеныша голова большая,
Рука моя застряла въ дырѣ сарая.

Сейрень зейрень Радайнинь.
Радай арась кудыса,
Радай дусь базаруў.
Мези мези рамама?
Ашы маций, бела гусь.
Пецькалапггынь угулц куссь.
Зяры зяры питьниза?
Три деньги, ва деньги,
Три копейки с денешкый.

№ 75. Колядат.

Веси калядамутьнинь морцекшнэсэзь ве вайгильца, и веси каляцыцятьни морэть ве вайгильца.



Я кричалъ кричалъ Радаю.
Радая нѣтъ дома,
Радай ушелъ на базаръ.
Что и что покупать?
Бѣлаго гуся, бѣлаго гуся.
Онъ влѣзъ на уголъ печки.
Сколько, сколько цѣна его?
Три деньги, вотъ деньги,
Три копейки съ денежкой.

Колядки.

Всѣ колядки поютъ на одинъ мотивъ, и всѣ колядующіе поютъ однимъ голосомъ.

а) Кудыкили эркене.

Каляда! кудыкили эркене;
Каляда! эркенесэпьть уткипе;
Каляда! пижынь дурба киргаза;
Каляда! ярмак пижынь лангыза;
Каляда! золочипый переза;
Каляда! уе, уе, чопафтэ;
Каляда! седи-як васуў лисе.
А тапурум дупурум,
Дай броворьпи сюкурум!

б) Кечи пулы медь зарас.

Каляда! кечи пулы медь зарас;
Каляда! чыйсь чыйсь, валызе;

Въ сѣняхъ озерко.

Коляда! въ сѣняхъ озерко;
Коляда! въ озеркѣ уточка,
Коляда! шея ея мѣдная труба;
Коляда! спина ея мѣдная;
Коляда! золоченый ея клювъ;
Коляда! плыветъ, плыветъ, ныряетъ;
Коляда! еще дальше она выйдетъ.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

Курица съ хвостомъ, какъ медъ въ ковшѣ.

Коляда! курица съ хвостомъ, какъ медъ въ ковшѣ,
Коляда! бѣжала, бѣжала, пролила;

Каляда! мольць сеенесь, нолэзе;
Каляда! и нолэзе, палызе.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

в) Сэдь бесы кудынык.

Каляда! сэдь бесы кудынык;
Каляда! ульцяў вапыть вальманык;
Каляда! чеень гуда копяпык;
Каляда! ленгп луткынь ортапык;
Каляда! олгы поцы пивапык;
Каляда! сюва поцы браганык;
Каляда! човарцы випапык.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

Коляда! пришла козочка лизпула;
Коляда! и лизпула, поцѣловала.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

Въ концѣ моста нашъ домъ.

Коляда! въ концѣ моста нашъ домъ;
Коляда! на улицу смотрятъ наши окна.
Коляда! изъ чакану нашъ конёкъ;
Коляда! изъ лычной коры наши ворота;
Коляда! въ соломѣ наше пиво;
Коляда! въ мякинѣ наша брага;
Коляда! въ ступѣ наше вино
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

г) Кудцы, кудцы Деменьтей.

Каляда! кудцы, кудцы Деменьтей;
Каляда! арась кудцы Деменьтей;
Каляда! куд' удалы карца;
Каляда! моляи гудуў, ганца;
Каляда! ташты ямды анца;
Каляда! кельми ведьты сиmса!
А тапурум дупурум,
Дай броворьии сюкурум!

д) А уланый уланый.

Каляда! а уланый уланый;
Каляда! алашазы буланый;
Каляда! кисказы грецкэй;

Въ домѣ, въ домѣ Дементій.

Коляда! въ домѣ, въ домѣ Дементій;
Коляда! нѣту въ домѣ Дементья;
Коляда! за домомъ въ хлѣвѣ;
Коляда! пойду домой, принесу;
Коляда! старыми щами накормлю;
Коляда! холодною водой напою!
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

А уланый-уланый.

Коляда! — — —
Коляда! лошадь его буланая;
Коляда! собака его греческая;

Каляда! псаказы немецкэй;
Каляда! атякшызы галанцкый.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

---

e) Кудыкили калядан.

Каляда! кудыкили калядан;
Каляда! кудыс сувап, пупурьдян;
Каляда! прякань баний гутмурдан;
Каляда! уряй, уряй, а уряй;
Каляда! папьть, уряй, брякине.
Каляда! бути папят прякине,
Каляда! чачт цёра тякипе;
Каляда! ашы прини улиза;
Каляда! лаўця лангы чыйниза;

Коляда! кошка его нѣмецкая;
Коляда! пѣтухъ его голандскій.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку.

Въ сѣняхъ колядую.

Коляда! въ сѣняхъ колядую;
Коляда! войду въ избу, спотыкнусь;
Коляда! пекущую пироги обниму;
Коляда! невѣстка, невѣстка, а невѣстка;
Коляда! испеки, невѣстка, пирожокъ,
Коляда! если испечешь пирожокъ,
Коляда! роди сына дитятко;
Коляда! пусть будетъ бѣлоголовый;
Коляда! пусть бѣгаетъ по полкамъ;

Каляда! толга паркс праза.
Каляда! буть' а папят прякипе,
Каляда! чачт тейтерь дякипе;
Калада! тазуў дузуў улпза;
Каляда! лаўця лангы чыйнпза;
Каляда! чапакс парьц праза.
А тапурум дупурум,
Дай броворьни сюкурум!

ж) Тиггине.

Каляда! а тингине, тиггине;
Каляда! тингинисыньть эрькепе;
Каляда! эрькепесэньть калныть;
Каляда! калыньть ламы сардыпѕа;
Каляда! сед-як ламы валынѕа.

Коляда! пусть упадетъ въ кузовъ съ птичьими перьями.
Коляда! если не испечешь пирожка,
Коляда! роди дочь дитятко;
Коляда! пусть будетъ шелудивая;
Коляда! пусть бѣгаетъ по полкамъ;
Коляда! пусть упадетъ въ квашню.
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

Небольшой токъ па гумнѣ.

Коляда! токъ небольшой, токъ небольшой;
Коляда! па небольшомъ току озерко;
Коляда! въ озеркѣ рыбки;
Коляда! много костей у рыбки;
Коляда! а еще больше у ней словъ.

А тапурум дупурум,
Дай броворыпи сюкурум!

з) Томбалангксы каша чакш.

Каляда! томбалангксы каша чакш;
Каляда! каша чакшысь коса?
Каляда! псакась сэвезе!
Каляда! псакась коса?
Каляда! лисьмас ваясь!
Каляда! лисьмась коса?
Каляда! раўжы букась симизе.
Каляда! раўжы букась коса?
Каляда! чопода вирьца!
Каляда! вирись коса?
Каляда! пщи узпрись керезе!

— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

На шесткѣ горшокъ съ кашей.

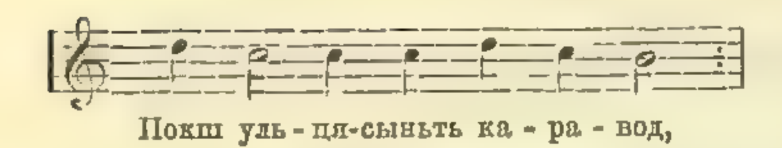
Коляда! на шесткѣ горшокъ съ кашей.
Коляда! горшокъ съ кашей гдѣ?
Коляда! кошка его съѣла!
Коляда! кошка гдѣ?
Коляда! въ колодцѣ утопилась!
Коляда! колодецъ гдѣ?
Коляда! черный быкъ его выпилъ.
Коляда! черный быкъ гдѣ?
Коляда! въ темномъ лѣсу!
Коляда! лѣсъ гдѣ?
Коляда! острый топоръ срубилъ его!

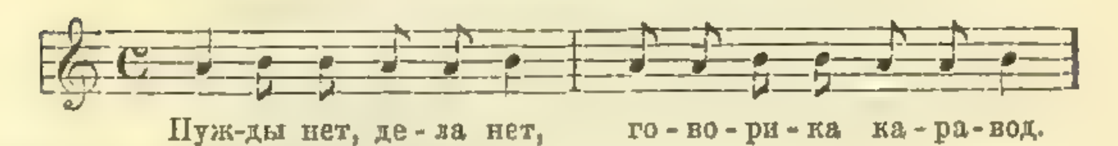
Каляда! пщи узирись коса?
Каляда! кузьпицькаса!
Каляда! кузьпицькась коса?
Каляда! палы толэсь пултызе!
Каляда! палы толэсь коса?
Каляда! кельми ведьнесь мацьтпзе!
Каляда! кельми ведьнесь коса?
Каляда! пандынись брудизе!
Каляда! пандынись коса?
Каляда! чеерьпесь пельнезе!
Каляда! чеерьнесь коса?
Каляда! псакнпись кундызе!
А тапурум дупурум,
Дай броворьнп сюкурум!

Коляда! острый топоръ гдѣ?
Коляда! въ кузницѣ!
Коляда! кузница гдѣ?
Коляда! горящій огонь сжегъ ее!
Коляда! горящій огонь гдѣ?
Коляда! холодная водица потушила его!
Коляда! холодная водица гдѣ?
Коляда! горка запрудила ее!
Коляда! горка гдѣ?
Коляда! мышка разрыла ее!
Коляда! мышка гдѣ?
Коляда! кошечка поймала ее!
— — —
Дай скорѣе мою лепешку!

№ 76. Роштоваюткынь морэт.

а)



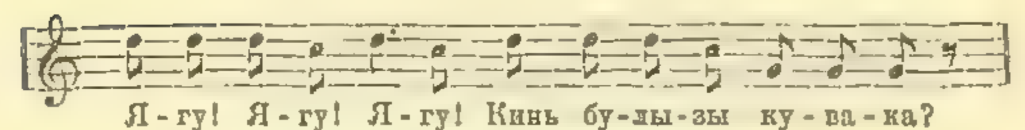


Покш ульцясыньть каравод, (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, каравод.
Каравотцэньть ки цёрась? (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, ки цёрась.
Цёрась парысь Гаврила. (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, Гаврила.
Гавань берька раўжы каркс. (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, раўжы каркс.
Карксынь годэйсь ки уле? (2)
Нужды нет, дела нет, говорика, ки уле.

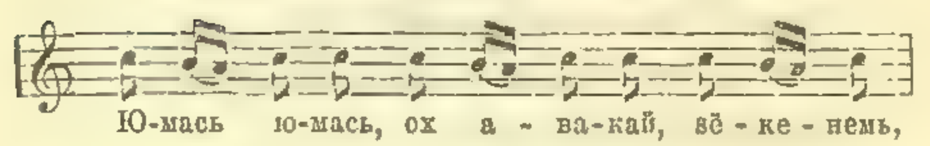
Святочныя пѣсни.

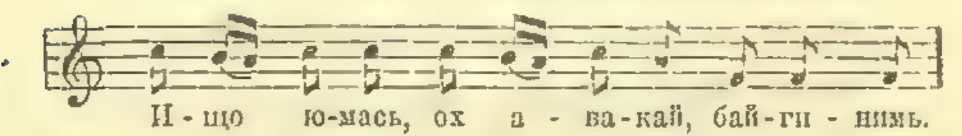
На большой улицѣ хороводъ! (2)
— — — —
Въ хороводѣ кто парень? (2)
— — — —
Хорошій парень Гаврила. (2)
— — — —
Вокругъ Гаврилы черный поясъ. (2)
— — — —
Ткальщица пояса кто будетъ? (2)
— — — —

Карксынь годэйсь Стяханька. (2)
Нужды нет, дела нет, говорпка, Стяханька.

б)

Ягу! Ягу! Ягу! Кинь булызы кувака?
Ягу! Ягу! Ягу! Олдань булысь кувака.
Ягу! Ягу! Ягу! Кин пшн чалгнзе?
Ягу! Ягу! Ягу! Марьтимь бнпп чалгнзе.

в) Одѕёрада.





Юмась юмась, ох авакай, ѕёкенемь,
Ищо юмась, ох авакай, байгннимь.

Ткальщица пояса Стешенька. (2)
— — — —

[Про дѣвицу и парня, которые дружатся].

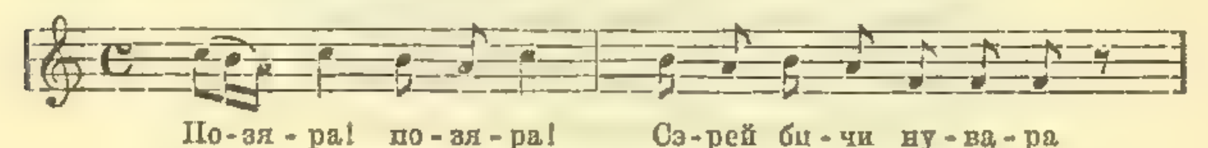
— — — У кого длинная коса?
— — — У Авдотьи длинная коса.
— — — Кто собака на нее наступилъ?
— — — Мартынъ собака на нее наступилъ.

Про парня.

Пропала пропала, охъ матушка, моя кисточка,
Еще пропалъ, охъ матушка, мой колокольчикъ.

Ки муизи, велень зука, тонь зёкот,
Ки муизи, ведь галяга, тонь байгит?
Пары Назар, ох авакай, муизе,
Кудуў гауў, ох авакай, гандызе,
Степас тулыс, ох авакай, бутызе.

№ 77. Тундынь морэт.

а) Те морэньть эйса лецьнеть весень: и цёрат, и ават, тейтерьть, одзёрат и лиятьнинь.

Позяра! позяра! Сэрей бичи пувара,
Позяра! позяра! Пичиньть прясы сал барга,
Позяра! позяра! Салмукст салмукст эйсепѕа,
Позяра! позяра! Салмукс прява горьпиноѳт.

Кто нашелъ, сельская сука, твою кисть,
Кто нашелъ, водяная кикимора, твой колоколъ?
Добрый Назаръ, охъ матушка, нашелъ его,
Домой, охъ матушка, принесъ его,
На стѣну на гвоздь, охъ матушка, повѣсилъ его.

Весеннія пѣсни.

Въ этой пѣснѣ поминаютъ всѣхъ: и мужчинъ, и женщинъ, дѣвушекъ, парней и прочихъ.

— — — Высокая сосна сухая,
— — — На вершинѣ сосны кузовъ соли,
— — — Въ ней иглы и иглы,
— — — На концахъ иголъ бубенцы.

Позяра! позяра! Алуў валгить, чольдерьдеть,
Позяра! позяра! Вереў гузить, кальдирьдить,
Позяра! позяра! Одѕёратьнинь морафтыть,
Позяра! позяра! Оддейтерьтынень гинцифтить.
Позяра! позяра! Одѕёратьни ульцяса
Позяра! позяра! Мижгороцкэй жляпаса,
Позяра! позяра! Оддейтерьтьни ульцяса
Позяра! позяра! Палы зоря лентаса,
Позяра! позяра! Зоря тещи плащаса.
Позяра! позяра! Одерьватьни ульцяса,
Позяра! позяра! Веси кумаць руцяса,
Позяра! позяра! А аватьни ульцяса
Позяра! позяра! Веси покай руцяса,
Позяра! позяра! А цёратьни ульцяса
Позяра! позяра! Кумаць кавал паляса.
Позяра! позяра! Сыри бабат ульцяса

— — — Внизъ слѣзаютъ, шумятъ,
— — — Вверхъ лѣзутъ, гремятъ.
— — — Поютъ про молодыхъ парней,
— — — Заставляютъ дѣвушекъ плясать.
— — — Парни на улицѣ
— — — Въ нижегородскихъ шляпахъ,
— — — Дѣвушки на улицѣ
— — — Въ лентахъ, какъ горящая заря,
— — — Въ пуговицахъ какъ утренняя звѣзда,
— — — Молодушки на улицѣ,
— — — Всѣ въ кумачевыхъ руцяхъ,
— — — А женщины на улицѣ
— — — Всѣ въ вышитыхъ руцяхъ,
— — — А мужчины на улицѣ
— — — Въ рубашкахъ съ кумачевыми подмышками.
— — — Старыя старухи на улицѣ

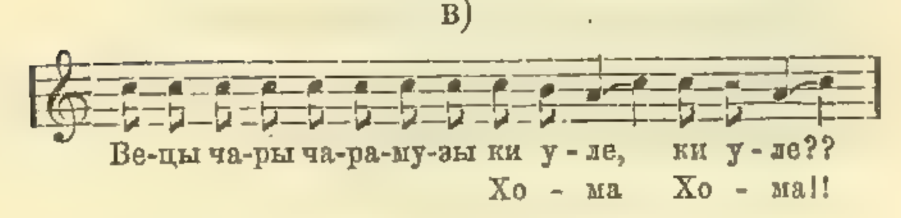
Позяра! позяра! Коты таргань баляса.
Позяра! позяра! Сырь' агятыпп ульцяса,
Позяра! позяра! Вазыпь геденъ џубаса.

б)

Мо-лян, мо-лян Га-лы-я-рынь ба-за-руў

Молян, молян Галыярынь базаруў,
Раман, раман сивикс кирга яксярга,
Озпап, озпап Хома марта Домпапь гис.

в)



Вецы чары чарамузы ки уле, кп уле??
Хома, Хома!!

— — — Въ рубашкахъ въ шесть вышивокъ.
— — — Старые старики па улицѣ,
— — — Въ шубахъ изъ телячьихъ шкуръ.

[Пѣсня про молодыхъ].

Пойду пойду па базаръ въ Колояръ[1]),
Куплю куплю (черную) утку съ (бѣлыми) колечками па шеѣ,
Помолюсь помолюсь за Ѳому п Домпу.

Ср. Орк.

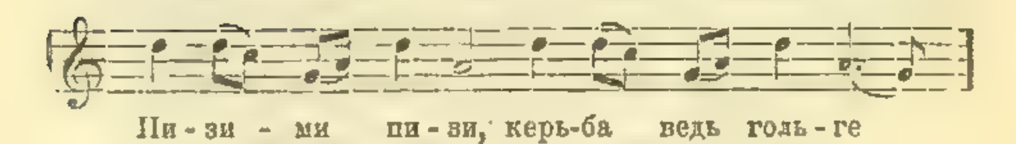
[Пѣсня про молодыхъ].

Въ водѣ кто ея мучащій мучитель??
Ѳома, Ѳома!!

1) Колояръ — село Вольскаго уѣзда Сарат. губ.

Юр булыза до мельганѕы кп уле, кп уле??
Домна, Домна!!

г)



Пизими пизи, керьба ведь гольге,
А покш паксясыньть ладырман гилий.
Верп таратцыньть Кормилань жляпась,
Алы таратцыньть Маланьянь жались.
Кедь нармунь нальксп пулынѕы марта,
Кармила нальксп Маланья марта.

За пмъ его къ корню приросшій хвостъ, кто это??
Домна, Домна!!

[Пѣсня про молодыхъ].

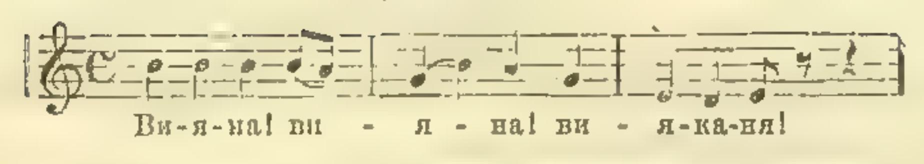
Идетъ дождь, — [1]) вода капаетъ,
А на большомъ полѣ широкая береза.
На верхней вѣткѣ шляпа Корпила,
На нижней вѣткѣ шаль Маланьи.
Летучая мышь играетъ со своимъ хвостомъ,
Корпилъ играетъ съ Маланьей.

Ср. Орк.

---

1) Въ Оркинскомъ варіантѣ вмѣсто керьба—v̓eŕba.

д) Вяпама.



Вяна! вяна! вяканя! Турбань ботомксэсь а Викилныза.
— — — Сеецты кортэйсь а Фарайниза.
— — — Лепень гурьцясь а Родяниза.
— — — Чавус онгейсь а Карпаниза.
— — — Кудынь гярьдийсь а Ондронэза.
— — — Дёгодь лагунць а Дёмашиза.
— — — Офтэнь гиццифтийсь Эрёмпиза.
— — — Сёрмаў гулькшись Конканиза.
— — — Лисьма паймись а Горьдяйниза.
— — — Калады парись Варлашыза.
— — — Ряц який гечесь Обранныза.
— — — Калады панарць Таразныза.
— — — Уды тувпись Исрашканиза.
— — — Апак муськть панарць а Логемпеза.

— — — Трубная затычка Вуколова жена.
— — — Часто говорящая Парамонова жена.
— — — Елховое коромысло Родіонова жена.
— — — Въ пустую лающая Карпова жена.
— — — Держащая домъ Андронова жена.
— — — Лагунъ для дегтя Демьянова жена.
— — — Заставляющая плясать медвѣдей Еремѣева жена.
— — — Пестрая голубка Кононова жена.
— — — Колодязный журавель Гордѣева жена.
— — — Развалившаяся кадушка Варламова жена.
— — — Ходящій подъ рядъ ковшъ Абрамова жена.
— — — Разорванная рубашка Тарасова жена.
— — — Спящая свинка Елистратова жена.
— — — Не мытая рубашка Логинова жена.

Вяпа! вяпа! вякаця! Мей згалынь бильгись Ёрмаииза.
— — — А сокор зукась Лазырьниза.

А те морэсэньть лецьнеть аньцяк ават. Морэньть морцесэзь тейтерьть и пакшат латы лапкса.

е)

Лю-ли Ши-ма-ра! Стол-ба пря-сы ко-сэй зель-месь
Лю-ли Ли-ма-ра! А те Фа-рай а я-ля.

Люли Шимара, люли Лимара! Столба прясы косэй зельмесь а те Кузьма а яля.
— — — — Драньця кудря парьций цересь а те Хрола а яля.
— — — — Столба вакссы сеянь зельмесь а те Хока а яля.
— — — — Утум вакссы кляща пильгись а те Тихан а яля.
— — — — Куды бокань пузякс пиись а те Онтон а яля.

— — — Съ коровьими ногами на отмашь Ермолаева жена.
— — — Слѣпая сука Лазарева жена.

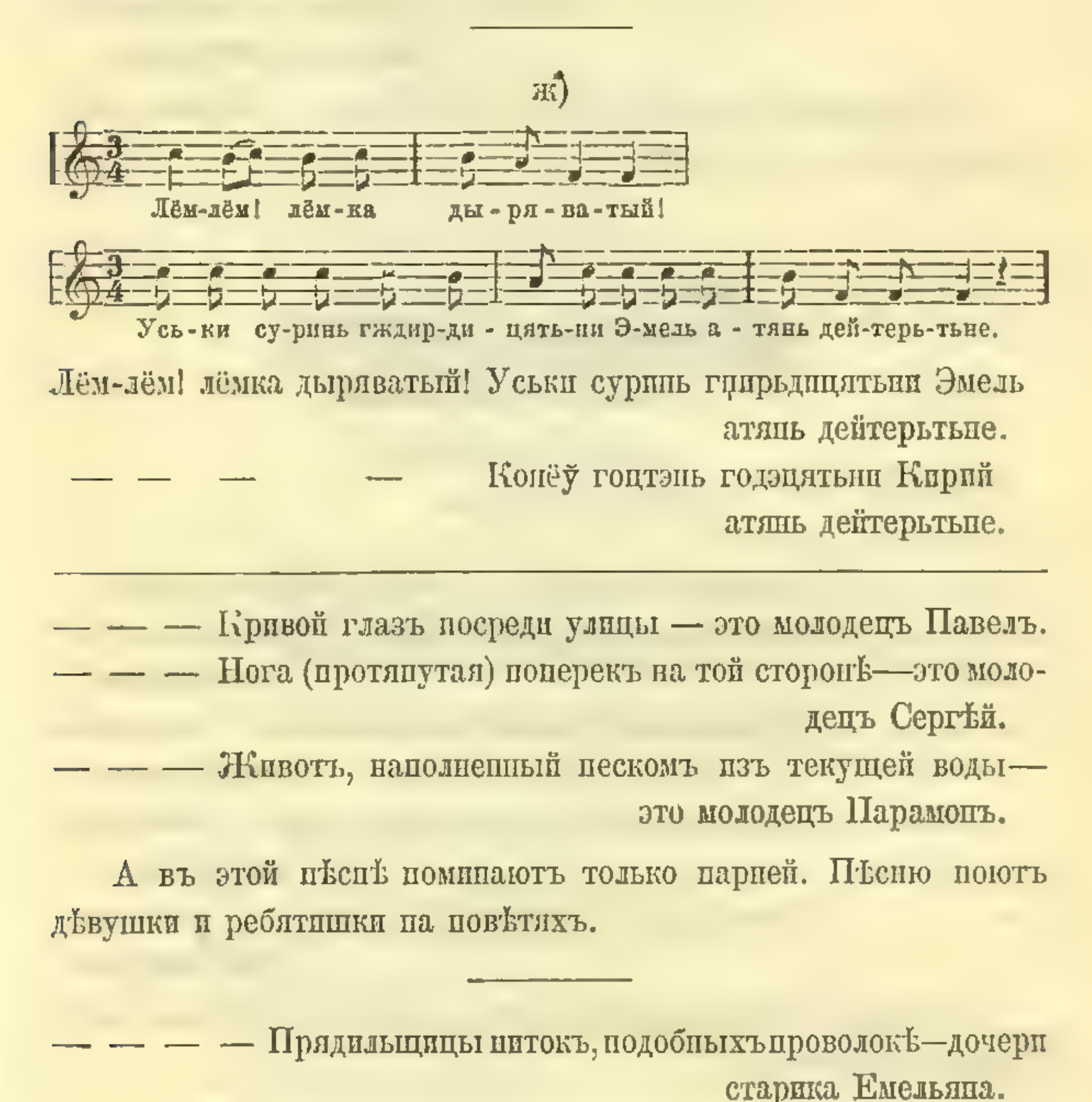
А въ этой пѣснѣ поминають только женщинъ. Пѣсню поютъ [въ началѣ марта] дѣвушки и ребятишки, на повѣтяхъ.

— — — На столбѣ съ косымъ глазомъ—это молодецъ Кузьма.
— — — Съ шелковыми кудрями, какъ тесъ—это молодецъ Фролъ.
— — — Съ козьимъ глазомъ у столба—это молодецъ Фока.
— — — Съ ногами въ видѣ клещей около амбара—это молодецъ Тихонъ.
— — — Лѣнивая собака на завалинкѣ—это молодецъ Антонъ.

Люли Шимара, люли Лимара! Ульця купчкань гривой зельмесь а
те Паул а яля.
— — — — Тона бокасы трокс пильгись а те
Серьгей а яля.
— — — — Чуди ведень бесэк пекесь а те
Фарай а яля.

А те морэсэньть лецьнеть аньцяк одѕёрат. Морцесэзь дейтерьть и пакшат латы лаңкса.

ж)



Лём-лём! лёмка дырявагый! Уськи суринь гнирьдицятьни Эмель
атянь дейтерьтьне.
— — — — Конёў гонтэнь годэцятьни Кирий
атянь дейтерьтьне.

— — — Кривой глазъ посреди улицы — это молодецъ Павелъ.
— — — Нога (протянутая) поперекъ на той сторонѣ—это молодецъ Сергѣй.
— — — Животъ, наполненный пескомъ изъ текущей воды—
это молодецъ Парамонъ.

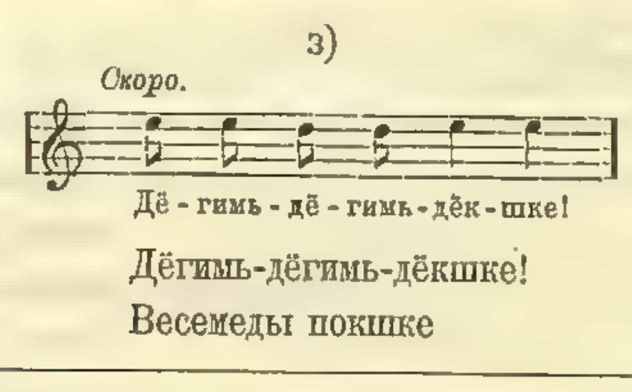
А въ этой пѣснѣ поминаютъ только парней. Пѣсню поютъ дѣвушки и ребятишки на повѣтяхъ.

— — — — Прядильщицы нитокъ, подобныхъ проволокѣ—дочери
старика Емельяна.
— — — — Ткальщицы полотна, подобнаго бумагѣ — дочери
старика Кирѣя.

— — — — Нузякскитыни цёлакскитыни Тараз атянь дейтерьтне.
— — — — Цюлканьготань гаптлицятыпи Гостянь Лёвань дейтерьтне.
— — — — Сисимь лентень гарь гантлийтьпи Липань атянь дейтерьтне.
— — — — Подпез лентань гаптлицятыни Назар атянь дейтерьтне.
— — — — Парьцний гушакынь гаптлийтьпи Эхремь атянь дейтерьтне.

Те морэсэньть лецьнеть аньцяк оддейтерьть. Морэньть морцесэзь тунда, латы лангкса.

з)



Дёгимь-дёгимь-дёкшке!
Весемеды покшке

— — — — Лѣнивицы неумѣхи — дочери старика Тараса.
— — — — Носительницы чулокъ и котовъ — дочери Льва Константинова.
— — — — Носительницы лаптей изъ семи лыкъ — дочери старика Липата.
— — — — Носительницы изукрашенныхъ лентъ — дочери старика Назара.
— — — — Носительницы шелковыхъ поясовъ — дочери старика Ефрема.

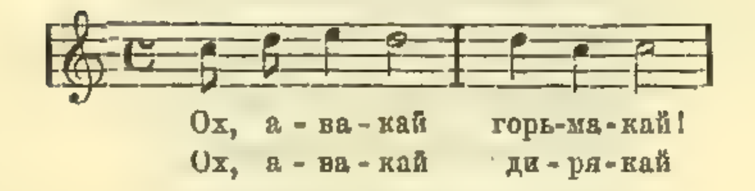
Въ этой пѣснѣ поминаютъ только дѣвушекъ. Пѣсню поютъ весной на повѣтяхъ.

— — —

Всѣхъ больше

Вейки кесакыза,
Се-як кафты пулыза,
Кемгафтувы сазьмиса.

№ 78. Лайшымат.



а) Авань лайшыма.

Ох, авакай, горьмакай!
Ох, авакай, дирякай!
Авипимь, лиси чинимь!
Тон монь пешкеди коунемь,
Чокшнень валцкинь зоренемь,
Чокшнень зоря тещенемь,
Кочкарява палипимь,

Одна пятина у нея,
И та въ двѣ пасмы,
Въ двѣнадцать чисменниковъ[1])

Заплачка по матери.

Охъ, матушка, кормилица!
Охъ, матушка, воспитательница!
Матушка, мое восходящее солнышко!
Ты мой полный мѣсяцъ,
Ты моя вечерняя и утренняя зорюшка,
Вечерней зари звѣздочка,
До пятокъ моя рубашечка,

1) Въ этой пѣснѣ осмѣиваютъ лѣнивую дѣвушку.

Сурбирява ожененемь,
Кавалала лембененемь,
Турва песы ойменемь.
Минкь трямсты ванумста
Эзеть мадыни топ, афкай!
Чефти ацамуни лангкс
Эзекь путьпи топ бирят.
Сэрей цефти тодоў лангкс
Эзеть сода вень удумне,
Эзеть сода чинь оймампе,
Пешкедемс эзеть ярца.
Ох, авинимь дирнимь,
Тон цокшпи мацьтицяпык,
Чефти ацамунь ацыцяпык,
Таньтый зускумунь деецясь,
Тон балянь муськицяпык,

До конца пальцевъ мой рукавчикъ,
Теплота моя подъ мышкой,
Съ конца губъ мое дыханьице.
Кормя и воспитывая насъ,
Ты не ложилась, матушка!
На мягкую постелюшку
Ты не клала своей головы.
На высокой мягкой подушкѣ
Ты не знала сна ночного,
Ты не знала отдыха дневного,
До сыта ты не ѣла.
Охъ, матушка кормилица,
Ты вечеромъ наша укладчица,
Мягкой постели стальщица,
Лакомаго куска приготовительница,
Ты рубашекъ нашихъ стиральщица,

Тон рана стяфтыцяпык,
Ламы горянь гадыцясь!

б) Тятянь лайшыма.

Ох, тятипимь горьменемь,
Ох, тятипимь дириnимь!
Миникь трямсты вапумста
Топьцеть нужачипьть марта
Эзеть сода ащимат,
Эзеть сода оймамут.
Топ, дятькай, кадымизь
Вальмад' вальмас якама,
Кши сускумунь бурпама.
О, тятипимь горьменемь,
А саиви мипяпикь

Ты наша будильщица рапо,
Большое горе оставившая!

Заплачка по отцѣ.

Охъ, батюшка мой, кормилецъ мой,
Охъ, батюшка мой, воспитатель мой,
Кормя и воспитывая насъ,
Вмѣстѣ съ твоею бѣдностью,
Ты не зналъ себѣ бездѣйствія,
Ты не зналъ себѣ отдыха.
Ты, батюшка, оставилъ насъ
Ходить отъ окошка къ окошку,
Собирать куски хлѣба.
О, батюшка мой, кормилецъ мой,
Не можемъ мы взять

Аныкстапь гак прякинись.
А топ, дятяй, гадымизь
Ломань брякапь заиме,
Ломань ортань банцума,
Покш мешекэнь гандума.
Ох, тятишимь дрипимь,
Ламы горянь гадыцясь,
Ламы пужань деецясь!

в) Цёрань лайшыма.

Ох, эйдьнемат, леўкскемат,
Чарады чинимь зёрэнемь,
Надиямы таркинимь,
И сокецям, видицям,
И трицям, и ваныцям;

И приготовленнаго хлѣбца.
А ты, батюшка мой, оставилъ насъ
Брать чужой хлѣбъ,
Отпирать чужія ворота,
Носить большіе мѣшки.
Охъ, батюшка мой, кормилецъ мой,
Большое горе оставившій,
Большое несчастіе причинившій!

Заплачка по сынѣ.

Охъ, ты мое дитятко, ты мой дитёнышъ,
Вертящееся мое солнце, мой сыночекъ,
Мѣстечко мое надежды,
И пахарь мой, и сѣятель мой,
И кормитель, и воспитатель,

Сыричисты орчепям,
Кепи пильгинь гарьцицям.
Ней гадымикь, эйдьнемат,
Ломапь зускумд' ярцама,
Мешек марты якама,
Лом' одежань гандума.
Марямака, эйдякай,
Кургы поцы вайгильга,
Кельбриписы валныва.
Авуль гукы кукурдэ,
Авуль ѕёкоў ѕёкордэ,
Грешпэй афкат кукувдэ,
Грешнэй афкат цёковдэ,
Конапь гадыкь юртумукс,
Конань гадыкь грешпэйпекс.
Уцяскаў кукут кукурдыть

Въ старости одѣвальщикъ,
Босыхъ ногъ обувальщикъ.
Теперь ты оставилъ меня, ты мой ребеночекъ,
Ѣсть чужой кусокъ,
Ходить съ мѣшкомъ,
Носить чужое платье.
Услышь-ка меня, мое дитятко,
По голосу изъ глубины рта,
По словамъ на кончикѣ языка.
Не кукушка кукуетъ,
Не соловей поётъ,
Твоя несчастная мать кукуетъ,
Твоя несчастная мать поётъ,'
Которую ты оставилъ безъ корня,
Которую ты оставилъ несчастненькою.
Счастливыя кукушки кукуютъ

Тундынь мазый борапе,
Валцкинь росас' чамаст штыть,
А грешнэй гукут кукурдыть
Пелпвепь, а порава,
Грешнэйпетыпи кукурдыть,
Пси сельветцы чамаст штыть.
Ох, цёрэпемь, эйдьпенемь,
Ламы горянь гадыцясь,
Ламы пужань деецясь!

г) Тейтерепь лайшыма.

Ох, тейтерьпемь, эйдьпемат,
Сэредемсты варчыцям,
И кщирьдицям, годэцям,
Лангксы панарышь топ здыцям.

Въ хорошее весеппее времячко,
Въ утренней росѣ они моютъ свои лица,
А несчастныя кукушки кукуютъ
Въ полночь, не въ пору;
Несчастпенькія кукуютъ,
Горючими слезами онѣ моютъ свои лица.
Охъ, сыночекъ мой, дитятко мое,
Оставившій много горя,
Причинившій много несчастія!

Заплачка по дочери.

Охъ, дочка моя, дитятко ты мое,
Въ болѣзни моя посѣтительница,
И прядильщица моя, ткальщица моя,
Ты сшивающая на меня рубашку.

Цёра тякась эряве
Кулы сэрень галмицякс,
Савнь урьвась эряве
Поминкас аныкстыцякс.
Тейтерь дякась эряве
Пря пенесы ацицякс,
Лажы вайгиль даргицякс,
Пси сельведень брафтыцякс.

д) Кулыцянь лайшима.

— — — — —

Бути ули те койне,
Бути ули те кирда:
Верн Пазныть молемста,
Корьмепецнепь молемста,

Сынъ дитя нуженъ
Для погребенія мертваго тѣла,
Взятая сноха нужна
Какъ приготовительница поминокъ.
Дочь дитя нужна
Для сидѣнія у головы,
Для вытягиванія вопящаго голоса,
Для проливанія горючихъ слезъ.

Заплачка по покойникѣ (вообще).

— — — —

Если есть этотъ обычай,
Если есть этотъ обычай:
Идя къ Верхнему Богу,
Идя къ Кормильцу,

Вейкень вейкень пеема,
Эсь юткува кортама,
Паряк, несак шкинь афкань.
Сон васылды содаве:
А порава кулыця,
Ламы горянь гадыця.

е) Некрутынь лайшыма.

Ох, эйдепемь, ох, леўкскемь,
Ох, трицям, ох, ваныцям,
Эйдьнемат, тонь зайтядызь
Прянь бутумы таркинис.
Тонь зайтядызь, эйдякай,
Инязырпынь злужама,
Стакасты роботама.

Видѣть другъ друга,
Разговаривать промежъ себя,
Можетъ быть, увидишь родимую мою матушку.
Она узнается издалека:
Не во время умершая,
Много горя оставившая.

Заплачка по рекруту.

Охъ, дитятко мое, охъ, дитёпышъ мой,
Охъ, кормилецъ, охъ пѣстунъ,
Ты мое дитятко, тебя возьмутъ
На мѣстечко, гдѣ кладутъ головы.
Тебя возьмутъ, дитятко,
Служить царю,
Тяжело работать.

Инязырыньть службанѕа
Роботазы стакипе.
Инязырыньть службанѕа
Ярцамнизы сождене.
Хунцы онкстазь бряказа,
Золотьниксы ведеза.
Туят, тон монь эйдьнемат,
Кувака кинь молеме,
Келейнесты шагама,
Сеедьнесты чалгама,
Стака ружьянь гандума.
Кармат, эйдьнемь, бримама
Начальникинь цавумат.
И чокшни тон и валцки
Ялы ознэк, эйдякай,
Максызы теть Корьмаись

У службы царской
Работа тяжелая.
У службы царской
Пища плохая.
Его хлѣбъ вѣсится фунтами,
Его вода вѣсится золотниками.
Уйдешь ты мое, дитятко,
Идти длинный путь,
Широко шагать,
Часто ступать,
Нести тяжелое ружье.
Ты станешь, дитятко, принимать
Побои начальниковъ.
И вечеромъ и утромъ
Ты всегда молись, дитятко,
Да дасть тебѣ Кормилецъ

Сождя служба, чаркидьма,
Чефти мельпи начальникь.

ж) Беднэйцисы лайшима.

Ачачумась тень барыль,
Акасумась тень барыль.
Ламы горяс мон цачинь,
Ламы нужа мон неень.
Кафты кедьнеп акундыть,
Кафты пильгин амолеть.
Ки барщинаньть нолдэзе,
Стака сталмусь лаптанѕа,
Пининь гулыс кулыза,
Тантарали туиза[1]).

---

1) Мейлевь валтнынь эйсы сюдыть се ломаниньть, кона тейсь барщина.

Легкую службу, понимание,
Съ мягкимъ нравомъ начальника.

Причитаніе въ бѣдности.

Не родиться было бы для меня хорошо,
Не вырости было бы для меня хорошо.
На многое горе я родился,
Много нужды я видѣлъ.
Обѣ ручки не берутъ,
Обѣ ноги не ходятъ.
Кто устроилъ барщину,
Тяжелый моръ чтобы на него,
Да умретъ онъ собачьей смертью,
Да провалится онъ въ тартарары[1]).

---

1) Въ послѣднихъ словахъ проклинаютъ того человѣка, который устроилъ барщину.

Отдѣлъ VII. Разсказы, письма и прочее.

А. Оркино.

Ťäťa·m uľńi·ś ľäḿi·za Śťäpa·n; ava·m uľńi·ś Aga ľä·ḿiza. Ḿińi·ḱ uľńi·śť ťäťäń ä·jďinʒa śi·śiḿ, ka·fty ćorat, v́äťi ťä·χťiŕť. Ťä·χťiŕχńä ko·lmyťńä kuly·śť v́i·škińista, a ka·fty ťäχťiŕχńä ľiśśť ḿi·ŕďińiń ḿi·ńćińiḱ v́äľis. V́ä·χḱiń ľä·ḿiza Agra (pokš sa·zyr), Maŕi·ś F́e·ďäńiń uŕva·ks ľiść; o·mboćeńť ľä·ḿiza Ľuba, F́edot Sajuškinnyń toža uŕva·ks ľiśś. A ḿiń v́i·ška bŕaty·ń ma·ṛta kaduv́i·ńiḱ. Ava·m kuly·ś ťäχťi·ŕχńiń ma·ksymady i·ḱiľij. No mon uŕva·kstuŕan avań ṕi·ŋgsta eščo. Koźa·jka saji·ń Śḿiŕka·ń F́iľä·ń ťä·χťiŕ, ľäḿi·za Maťŕona. Koda ḿiń ťäťäń ma·ṛta kaduv́i·ńiḱ, to bŕaty·m ŕadym juta·myda ḿä·jľä kuly·ś. Braty·m ľä·ḿiza uľńi·ś Pa·vyl. Kuly·ś ḱäḿga·uksuva go·ca. Son kuly·ś kyk ra·z śe go·c-

---

Отцу моему было имя Степанъ; матери моей было имя Агаѳія. Насъ было у отца семеро дѣтей, два сына, пять дочерей. Три дочери померли въ маломъ возрастѣ, а двѣ дочери вышли за мужъ въ нашемъ селѣ. Одной имя Аграфена (старшая сестра), она вышла за Мартемьяна Ѳедорова; другой имя Любовь, тоже вышла за мужъ за Ѳедота Саюшкина. А мы остались вмѣстѣ съ малымъ братомъ. Мать моя умерла до выдачи за мужъ дочерей. Но я женился еще при жизни матушки. Въ жены я взялъ дочь Филиппа Спиридонова, по имени Матрёну. Когда мы остались вмѣстѣ съ отцомъ, то братъ мой померъ, послѣ того какъ прошелъ мой призывной возрастъ. Брату моему было имя Павелъ. Онъ умеръ двѣнадцати лѣтъ. Онъ

ṫėńť, koda· moda·ńť jaʒšy·ź od dušc. Ťaťa·m eščo iki·ľä kuly·ś. Ḿi·ńik uľńiś v́äχkä alaša·nyk, ńiľińǵämiń cė·lkovoj ťäjiś. Ramśi·-ńik Zaχaro·ʒkasta, ḿińik äjsta ko·mś vaľǵijbä. I ťaťa·m śe a·la-šańť pola·ftyźä, sajś ala·ša poχu·žy i sajś ṕrida·ča v́e·jksa cė·lko-vyχť. Pola·ftyf a·lašaś uľńi·ś kaša·ndyća, tak šty ḿiń kadu·v́ińik ja·lga. Śe ala·šäńť eščo v́äśť ťäťam pola·ftyźä i sajś eščo ṕrida·ča (ľasks) ko·lma cė·lkovyχť i ala·ša sajś śeďija·k b́eŕäń. Loma·ťť karma·śť ṕä·jďiḿä i ko·rtėť: tarχa·n, tarχa·n, tarχa·n. Śťeχpor karma·śť ḿeŕe·mä ťänʒa· tarχa·n, a moń Tarχanyń Va·śka. Toχ-da· kak ama·štuv́ä ala·šaś robota·ms, ḿiń sonʒa ḿi·jińik ćigan-nyń za ťri ruбľa· i kadu·v́ińik alaša·ftyma. Uľńi·ś pośe·v́enėk čačk So·kòrskyj ďijačo·kėńťe, i alašafty·ma ḿiń ńe mogľi· śury·ńť purna·myʒʒa. Mo·ľeńek lomań alaša·sa ṕi·fcymanʒa ro·źeńť. Ďi-jačokėńť ṕiŕisa uľńi·ś ro·źeś i to·sy ṕi·fcyńik. Olgė·ńť ťäťa·m ḿi-ji·źä ko·klaćńiń i jarma·kńiń saji·ńʒä i zaguľa·lcy, v́ina·s śiḿiń-ʒä. Roźe·ńť ďijačokėńť u·tums taľika·nyk ka·jińik. Mon mo·ľeń

померъ какъ разъ въ тотъ годъ, когда раздѣлили землю на новыя души. Отецъ мой померъ еще раньше. У насъ была одна лошадь, она стоила сорокъ рублей. Мы купили ее въ Захаровкѣ, отъ насъ въ двадцати верстахъ. И отецъ ту лошадь промѣнялъ, взялъ лошадь похуже и взялъ въ придачу девять рублей. Смѣненная лошадь была съ норовомъ, такъ что мы остались пѣшими. Ту лошадь еще разъ батюшка смѣнилъ и взялъ еще въ придачу три рубля и лошадь онъ взялъ еще худшую. Люди стали смѣяться и говорятъ: тарханъ, тарханъ, тарханъ. Съ тѣхъ поръ стали называть его тарханомъ, а меня Василіемъ Тархановымъ. Такъ какъ лошадь не могла работать, мы продали ее за три рубля цыгану и остались безъ лошади. У насъ былъ посѣвъ испольный съ Сокурскимъ дьячкомъ, и безъ лошади мы не могли убрать хлѣбъ. Мы отправились молотить на чужой лошади. Рожь была на гумнѣ дьячка, и тамъ мы молотили. Солому отецъ продалъ хохлу и взялъ деньги и загулялъ, пропилъ ихъ. Нашу долю ржи мы ссыпали въ амбаръ

ḿeľga·nʒa So·kòrskyj ka·baks. Son tosa· śi·ḿä v́ina·da. —«Aďa·, ḿeŕan, ťäťa·j kudu·u̧». A son ḿeŕä·: «aľi ton moń tona·ftymyn ka·rḿiť? Mon v́eď toń ťäťa·t», i karma·ś pozy·ŕama i ča·v́iḿiń. I ḿiń tuji·ńik kudu·u̧ lomańi·ńť ma·rta, a son kadu·u̧ś So·kòrc ka·baks. Poto·m ombòće čy·ńä so·n gak saś i v́äśi paryčynyk kańńiźä za·klac v́inań ǵi·s: pola·tka kanć i sošńi·kat, paľi·ća, ṕäľi·ma, počt ḿe·šèk, kandyńʒä v́äχkä pra·sylnyń, ko·nań ľäḿi·za uľńi·ś Ća·lyjiń Śťo·pka. Nu mon raŋga·n i koźa·jkam ra·ŋǵä, a braty·m uľńi·ś bestolko·voj. Son ńe pońima·l, šty sou̧śe·m ḿiń rozòŕa· v́ińik. Moń lomaťť tona·ftyḿiź: «stupa·j ža·lyvujśi uŕa·dńikńiń, potomušta zakla·d saji·mś ńe polaga·jetca v́ina·ńǵis». Mon moľe·ń uŕa·ďńikińťi, kona· sluča·jna sa·kšnyś ḿi·ńik v́ä·ľis, i jo·ftèń uŕa·ďńikińťi. Son ḿeŕć: «ja rasľeduju eta ďela». Śesk uŕa·ďńikiś moľć i ḿäźija·k v́ešča·t zakladno·χť äź mu·k. Poto·m mon moľe·ń čo·ťńau̧, oḃješńi·l aťaťńi·ńiń. Aťaťńä ḿe·ŕćť mońäń, što ťäťa·t nažy·v́iźä pary·čyńť, sonʒa· i voľä·ś pary·čyńť la·ŋksa, kou̧

дьячка. Я пошелъ за нимъ въ Сокурскій кабакъ. Онъ тамъ пьетъ вино. — «Ступай, говорю, батюшка, домой». А онъ говоритъ: «или ты началъ учить меня? Вѣдь я твой отецъ», и началъ меня позорить и побилъ меня. И мы отправились домой съ человѣкомъ, а онъ остался въ Сокурѣ въ кабакѣ. Потомъ на другой день пришелъ и онъ и понесъ всё имущество въ закладъ за вино: отнесъ палатку и сошники, палицу, косу, мѣшекъ муки, отнесъ это одному прасолу, которому было имя Стёпка Чалый. Ну, я плачу и жена моя плачетъ, а братъ мой былъ безтолковый. Онъ не понималъ, что мы совсѣмъ разорились. Меня научили люди: «ступай жалуйся урядику, потому что не полагается брать закладъ за вино». Я пошелъ къ урядику, который случайно прибылъ въ наше село, и разсказалъ урядику. Онъ сказалъ: «я разслѣдую это дѣло». Тотчасъ же урядикъ пошелъ и ни одной заложенной вещи не нашелъ. Потомъ я ходилъ въ контору, объяснилъ старикамъ. Старики сказали мнѣ, что твой отецъ нажилъ имущество, его и воля

χočet, toṷ i ťäjsy·. Moń ḿe·ŕeń: «ka·kžy, da·jťä mońä·ń χoźa·j-stvańť, a to ťäťa·m ku·dyńť ka·k ḿi·sy i śi·msy. Mon gadu·vau kudyfty·ma», a syń mońäń oťveča·śť, šty jeśľi ćora·t karma·tana χoźa·jiŋks ara·ńńimä, to aťäťńi·ńiń ńeľźä· uľä· äŕa·ms. Mon ḿe-ŕa·n: «veť šeźďeśa·t rubľe·j kasa ťäťä·ń laŋksa. Ḱi žy pancy·?» A syń ḿeŕćť: «tońć kak pa·ncak, ton oda·t eščo». Mon tuji·ń kudu·ṷ a·vaŕdiź. Sy·ń kudu·ṷ. Täťa·m kudyńť äjsa, ḿi·kšńä Pa·ľiťńiń i ḿi·jiźä za ťŕina·cať rubľe·j. Jarma·kńiń mon karḿi·ń ťäťä·ń ḱecta v́äšyḿist. Son i·ŕićta, ama·ksä ä·jsyst. Mon karḿi·ń ńä·ľgi-ḿä. Soń ďe·śeť rubľe·j makssä, a ťŕi rubľa· sa·jiś äśťänʒa i tujiś ma·ryst ka·bakoṷ i śiḿińʒä v́inas. Mon ďe·śeť rubľe·jeńť sa·jińä da eščo do·boveń ďe·śeť rubľe·j i raḿi·ń kuda· za so·rok rubľe·j: komś ćelko·voj maksyń zaďa·tka, a komś dolks, do·lžen ka·duv́iń. Ťäťam śi·v́ić robo·ťńeḱeks Śḿiŕḱińka·ńiń v́äďǵäḿiń ćelko·vyjďä i ṕeľeḱi·zna kady·źä tarka·nʒa. Sė·ŕeć (urma·lgać). Poto·m saś mońäń, i mo·n radu·v́iń, šty son sa·ś. Mo·ža, ḿeŕa·n, ḿäźija·k

---

въ отношеніи къ имуществу, куда хочетъ, туда и дѣнетъ. Я сказалъ: «Какъ же, дайте мнѣ хозяйствовать, а то батюшка и домъ продастъ и пропьетъ. Я останусь безъ дома», а они мнѣ отвѣтили, что если мы станемъ ставить сыновей хозяевами, то старикамъ нельзя будетъ жить. Я говорю: «вѣдь шестьдесятъ рублей кассы на батюшкѣ. Кто же заплатитъ»? А они сказали: «ты самъ и заплатишъ, ты еще молодъ». Я пошелъ домой съ плачемъ. Пришелъ домой. Батюшка въ домѣ, продаетъ Иполиту и продалъ за трипадцать рублей. Деньги я сталъ выпрашивать у отца. Онъ пьяный, не отдаетъ ихъ. Я началъ отнимать. Онъ десять рублей отдалъ, а три рубля взялъ себѣ и пошелъ съ ними въ кабакъ и пропилъ ихъ. Я взялъ тѣ десять рублей и еще добылъ десять рублей и купилъ домъ за сорокъ рублей: двадцать рублей я далъ задатку, а двадцать въ долгъ, остался долженъ. Батюшка нанялся въ работники къ Спиридоновымъ за двадцать пять рублей и въ серединѣ лѣта оставилъ мѣсто. Онъ захворалъ. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ, и я обрадовался тому, что онъ пришелъ. Мо-

podmo·ga ma·ksä. Nu i äŕäś god ka·fta pa·ŕćťä. Poto·m mon śe ku·dyńť ťäťä·ńiń ḿeŕa·n: «dava·j ḿisy·ńik». Son ḿeŕä: «kak χo·-češ». Mon śe ku·dyńť ḿiji·ńä ńiľińǵä·ḿiń cė·lkovojďä, kolyńǵä·-ḿiń kaŋksa cė·lkovoχť polući·l jarma·k, ostaľny·i dva rubľa·kadu·ŋśť La·pšań Ju·šań I·van laŋks, i son kuly·ś, äźi·ńʒä pant. A mon raḿi·ń ku·da v́ä·ďǵäḿiń v́ä·ťä cė·lkovojďä Ńikano·rań Ja·škań ćo·rańť ke·cta, Pro·gon u·ľćasta, ko·sa i ńej sa·maj äŕa·n. Ťäťa·m äŕa·ś moń ma·ŗta karau·ľščikiks Ćikań Śťa·pańyń keca, a mon uľńi·ń oбje·ščik. Son ťäťä·ń kuči·źä ľija· uča·ska laŋks pul-fy·ń karau·łama, i śkirda·s podošo·l ala·ša. Ťäťa·m moľć kunda·-munʒa, ala·šaś sonʒa ṕśťidi·źä ṕiľks, i son kromó·jgać i karma·ś ṕiľǵi·za śeŕe·ďeḿä. Xoťa· avy·ľ ṕek ṕśťi·diźä, no śťeχ por χu·žy i χu·žy. Uskśi·ńik alaša·sa śi·v́iďiń So·kór bo·łńićas. Son to·sy karma·ś praśi·ť, štyby ḿä·kiŋ kudu·ŋ sa·jiv́ľiḿiź. Śiv́i·ďińik taga ala·ša i sa·jińik, uski·ńik ku·duŋ. Ćela go·d śeŕeć ku·ca. Koźa·j-

---

жетъ быть, говорю, дастъ какую нибудь подмогу. Ну, и жилъ два года хорошо. Потомъ я про тотъ домъ говорю отцу: давай продадимъ его. Онъ говоритъ: «какъ хочешь». Я тотъ домъ продалъ за сорокъ рублей, тридцать восемъ рублей получилъ деньгами, а остальные два рубля остались за Иваномъ Юрьевымъ Лапшинымъ, и онъ померъ, но заплатилъ ихъ. А я купилъ домъ за двадцать пять рублей у сына Якова Никанорова на Прогонной улицѣ, гдѣ и теперь также живу. Батюшка жилъ со мной вмѣстѣ у Степана Чики (Ćika: прозваніе русскихъ) въ караульщикахъ, а я былъ объѣздчикомъ. Онъ послалъ отца на другой участокъ караулить снопы, и къ скирдѣ подошла лошадь. Батюшка пошелъ, чтобы взять ее; лошадь лягнула его въ ногу, и онъ охромѣлъ, и стала болѣть его нога. Хотя не очень сильно она его лягнула, но съ тѣхъ поръ хуже и хуже. Мы повезли его на нанятой лошади въ Сокурскую больницу. Онъ тамъ сталъ просить, чтобы мы его взяли назадъ домой. Мы опять наняли лошадь и взяли его, привезли домой. Цѣлый годъ онъ проболѣлъ дома. Жена моя хо-

kam jaka-ś ḿäľga·nʒa. Son maja·taś ṕeḱ, dažy ńe mok v́äńi·ľiṇ jaka·ma. Koźa·jkam ľiŕńi·źä ḱeď v́ä·ľdä v́äńi·ľiṇ. A mon kuca·ara·śiľiń, mon äŕi·ń Ćikań Śťapa·nyń ḱe·ca, i son śe v́ŕemańť äjsta kuly·ś, i mońäń äśť jo·fta, šty ťäťa·m guly·ś. Koźa·jkam kalma·ftyźä ťäťä·ń, pańć kalma·mga po·pôńťä ńi·ľi cô·lkovôχť. I spra·vil po·ḿinka·t mońśťeḿen, i zadolža·l ťŕi rubľa eščo, kona·ń mon ḿä·jľä pa·ndyń. Mon ka·duv́iń śe ta·rkańťi i kuly·ś bra·tym. Son vańć sta·da i to·sa karma·ś śêŕe·ďeḿe, saś kuduṇ. Mo·n kucy ara·śiľiń. Son śe ška·styńť kuly·ś i koźa·jkam kalma·ftyźä. Ťe v́ŕe·mańť sams eščo tä·ťäń ṕi·ŋksta čaćć ćora·m ṕe·ŕvoj Iva·n. Kafty ńe·ďľat ä·ŕäś i kuly·ś. Poto·m čaćć ombô·ćä ćo·ra ľäḿi·za Ga·vŕa uľńi·ś. Śe to·ža śńa·ryža äŕä·ś i kuly·ś,kuly·ś ra·ŋgyź. Ḿä·jľä koty gott ju·taśť ui vaksty·mada, ḿäjľä čaćć eščo ćo·ra ľäḿi·za Ṕe·ťa. Poto·m eščo· koty gott juta·śť, čaćć ta·gy ćo·ra ľäḿi·za Iva·n. Poto·m ko·lmy go·tt juta·śť, čaćć ťäχťiŕńä ľäḿi·za Sa·ńa. Poto·m eščo kolmy gott ju·taśť, čaćć tagy ćo·ra ľäḿi·za Ḿi·ḱita.

дила за нимъ. Онъ сильно мучился, даже не могъ ходить на дворъ. Жена выводила его за руку на дворъ. А меня не было дома, я жилъ у Степана Чики, и онъ въ то время померъ, и мнѣ не сказали, что батюшка померъ. Жена похоронила батюшку, заплатила попу за погребеніе четыре рубля. И справила поминки безъ меня и задолжала три рубля еще, которые я потомъ уплатилъ. Я остался на томъ мѣстѣ, и померъ мой братъ. Онъ пасъ стадо и тамъ сталъ хворать, пришелъ домой. Меня не было дома. Онъ въ то время померъ, и жена моя похоронила его. До этого времени, еще при жизни отца, родился у меня первый сынъ Иванъ. Онъ прожилъ двѣ недѣли и померъ. Потомъ родился второй сынъ по имени Гаврила. Тотъ тоже столько же жилъ и померъ, померъ отъ плача. Потомъ прошло шесть лѣтъ со времени женитьбы, потомъ родился еще сынъ по имени Петръ. Потомъ прошло еще шесть лѣтъ, родился опять сынъ по имени Иванъ. Потомъ прошло три года, родилась дочка по имени Александра. Потомъ прошло еще три года, родился опять сынъ по имени Никита. И

I bo·ľšy koźa·jkam aća·ćtä. Śe v́ŕe·mastyńt mon uvoľilčy Ćika·ń Śťapa·ńiń ke·cta. Tuji·ń Caŕi·cynau tarka· väšńimä. Moń tou ťäŕďi·mim śo·rmasa jalgam, ḿeŕć šty tarka·t Caŕi·cynca lama i ṕiťńiχť, tak šty dvacať pať rubľej ḿeśeć možna postupi·ť ṕe·f́če-jeks ćcŕkovas χorc. A mon toľko polučal Ćikań Śťapa·ńiń ke·ca käḿiń ʒe·lkovyχť ḿeśeć. Poetomu pozavi·doval pokš ža·lovńas i moľe·ń paraχotca Caŕi·cynau jalga·ńiń. Son uľńi·ś to·sa voľnona-jomnyj psalo·mščeḱ. Sońć eŕʒa Kšnajo·uskyj, i moń v́eťe·ḿem ŕe·ǵentńyń. Ŕeǵe·nteś karma·ś moń käukśńiḿin: «ty zna·ješ ľi no·ty?» Mon ḿeŕe·ń: «zna·ju». Maksć ťäń moľi·tva no·tnej «Na ŕeka·χ Vavilo·nskiχ». I mon karḿi·ń mora·ftymanʒa i ŕe·ǵen-tėńťe ḿeľezėnʒa äź tuk mora·ftymam i ḿeŕć: «ton eščo sla·byjsta soda·syť nota·ťńiń. Iśťa·my ṕe·f́čej ḿińa·ńiḱ a ä·ŕavä. Ḿińi·ḱ ťesa· la·ma učo·nėχť». I ḿiń jalga· ma·rta tuji·ńiḱ sońa·nʒa. Jalga·m ḿeŕä·: «nu, pogoďi· ala·mys, tarka· varča·tana lučšy». Poto·m moľe·ńeḱ śpi·ćecnyj za·voc. Maŕi·ńiḱ, šty tozė äŕä·vä po-

---

больше жена моя не родитъ. Въ то время я уволился отъ Степана Чики. Я отправился въ Царицынъ искать мѣста. Меня туда позвалъ письмомъ мой товарищъ, сказалъ, что въ Царицынѣ много мѣстъ и дорогія, такъ что можно поступить на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ пѣвчимъ въ церковный хоръ. А я у Степана Чики получалъ только десять рублей въ мѣсяцъ. Поэтому я позавидовалъ на большое жалованье и отправился на пароходѣ въ Царицынъ къ товарищу. Онъ былъ тамъ вольнонаемнымъ псаломщикомъ. Онъ самъ Бѣгучевскій мордвинъ, и онъ повелъ меня къ регенту. Регентъ началъ меня спрашивать: «ты знаешь ли ноты»? Я сказалъ: «знаю». Онъ далъ мнѣ ноты на молитву «На рѣкахъ Вавилонскихъ». И я сталъ пѣть, и регенту мое пѣніе не понравилось, и онъ сказалъ: «ты еще слабо знаешь ноты. Такого пѣвчаго намъ не нужно. У насъ здѣсь много ученыхъ». И мы вмѣстѣ съ товарищемъ пошли къ нему. Товарищъ говоритъ: «ну, погоди немного, мы высмотримъ мѣсто получше». Потомъ мы пошли на

mo·šńek kanto·ŕščikńiń. I tosa· ḿeŕćť: «užy·da», käŭkšti·ńik χo-źa·jnyńť, i ḿiń tuji·ńik faťe·raṷ. O·mbóćä či·sta ta·ga mo·ľeńek. Tosa· ťäńi·k oťv́e-čašť, šty ro·ďńa χoźa·jnyńťi naχo·ďitca tarkaf-ty·ma, i χoźa·jnyś χo·čet so·nʒa so·ńćeń ro·ďńańť śiv́iďi-ḿinʒa pomošńeḱeks kanto·ŕščiḱińťe. I ḿiń ḿäḱi·ṷ tuji·ńiḱ. Poto·m eščo· ma·ŕiŕiḱ, ľi·śńä ta·rka. To·zėj ga·k mo·ľeńek. Tosy· ḿe·ŕćť: loma·ń äŕä·v́ä ťezėj ry·bnyj la·basc. I śiv́i·ďiḿiź moń ḱä·v́äťi cė·lkovoj ḿe·śćeńť. Mon postupi·l. Karḿi·ń äŕa·ma, ṕeľ ḿe·śeć ä·ŕiń, spravľa·l ry·bnyj la·basca, uḃira·l kaḷt i to·sa mon karḿi·ń to·skovama i pryń śeŕe·ďeḿä, i χoźa·jnyś moń raščita·l, i mon tuji·ń kudu·ṷ paraχo·tca sė·ŕeďeź ma·štykssa i syń Sa·ratoṷs. Raḿi·ń a·pťeksta χi·na i śiḿi·ń ä·jstynʒa i śe·sk ṕički·ń. Poto·m syń kudu·ṷ ja·lga. Ku·ca ńe·ďľa ä·ŕiń, karmaś naro·d ro·botama i mo·n ko·źajkam ma·ṛta karḿi·ń to·ža robota·ma jarma·kta i zarabo·tal jarma·k ṕiďiśa·t cėlko·vyχ. Ṡo·kśńä zdu·mal koṷga·k χyť ťeľelaŋks postuṕi·ť dolžnośťe. Moľe·ń v́ä·χki v́ä·ľis Ṕetro·ṷskyj

---

спичечный заводъ. Мы узнали, что тамъ нуженъ помощникъ конторщика. И тамъ сказали: «подождите»,—мы спрашивали хозяина,—и мы пошли на квартиру. На другой день мы опять пошли. Тамъ намъ отвѣтили, что родственникъ хозяина находится безъ мѣста и что хозяинъ хочетъ нанять его, своего родственника, помощникомъ конторщика. И мы пошли назадъ. Потомъ еще узнали, что выходитъ мѣсто. Мы пошли и туда. Тамъ сказали: нуженъ человѣкъ сюда въ рыбный лабазъ. И наняли меня за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Я поступилъ. Началъ жить, полъ мѣсяца прожилъ, работалъ въ рыбномъ лабазѣ, убиралъ рыбу, и тамъ я сталъ тосковать и заболѣлъ, и хозяинъ меня разсчиталъ, и я отправился домой на пароходѣ, захворавъ лихорадкой, и пріѣхалъ въ Саратовъ. Я купилъ въ аптекѣ хины и выпилъ ее и тотчасъ же выздоровѣлъ. Потомъ я пришелъ домой пѣшкомъ. Дома я прожилъ недѣлю, народъ сталъ работать и я вмѣстѣ съ женой началъ также работать за деньги и я заработалъ денегъ пятьдесятъ рублей. Осенью я рѣшилъ поступить куда нибудь на должность хоть на

ujesc popńeń. Mańi·ń, šty so·nza ṕŕiχoc äŕä·v́ä śo·rmas ma·štyća lo·mań tona·ftyma v́ä·ľisa ćo·réńet́ śo·rmas. Po·póś ḿeŕć, šty po-dava·j prašėńja oďďeľe·ńijas, i mon po·dal prašė·ńja oďďeľe·ńijau, ľiść oďďeľe·ńijasta, šty mońä·ń postupi·t́ uči·ťeľks školagra·mytas Ka·rpuus, i mon tosy· tona·ftyń ka·fty gott ṕeľ ma·ṛta. Ža·lovńa uľńi·ś v́äjksyńǵä·ḿiń cėlko·voj go·déńt́. Ťeľela·ηks śeḿija·m sajńi·ńä äŕa·ma tou, Ka·rpuus, a kizna· sata·na v́äśi śeḿjo·m ku·duu. I śe v́ŕe·mastyńt́ oza·ftyń aťamaŕ čuft mońćeń ṕiŕis. Oza·ftyń v́äśiḿi·za v́äťi śatt čufta. Kona·ńǵis oza·ftymańi·k i targamańi·k pa·ndyń lo·mańińiń ńiľi ťŕo·šńekt́ v́äχki koŕe·ńéńt́ kis. I ńej souśe·m ťäji·üś sad, tak šty maksy·źä aťa·maŕińt́ v́äď-ǵäḿiń v́äťä cė·lkovojďä. Koda·juta·ś kafty gott ṕeľ ma·ṛta, mon ja-ly· tona·ftyń ćo·rėńet́. I zdava·ľi kolmy ćo·rėńet́ egza·ḿen. Paśľe·ď-ńej ťeľeńt́ ä·jsta moľć u·čiľńas nabľuda·tiľ. Uči·ľiščaś uľńi·ś śi·-v́iďiŕ tonaŕńi·ća ćo·rėńetńeń ṕe·ľďä ča·u ku·da za ďv́ena·tcyt́ ru-

---

зиму. Я отправился въ одно село въ Петровскій уѣздъ къ попу. Я узналъ, что въ его приходъ нуженъ человѣкъ знающій грамотѣ, чтобы учить грамотѣ ребятишекъ въ селѣ. Попъ сказалъ, что «подавай прошенье въ Отдѣленіе», и я подалъ прошенье въ Отдѣленіе, и вышло изъ Отдѣленія, что мнѣ поступить учителемъ школы грамоты въ Карповку, и я тамъ училъ два съ половиной года. Жалованье было девяносто рублей въ годъ. На зиму я бралъ семью свою жить туда въ Карповку, а лѣтомъ мы всею семьей отправляемся домой. И въ то время я посадилъ яблоновыя деревья на своемъ огородѣ. Я посадилъ всего пятьсотъ деревъ. За каждое, вмѣстѣ съ посадкой и вырывкой, я платилъ человѣку четыре копейки за одинъ корень. И теперь сдѣлался вполнѣ садъ, такъ что онъ далъ яблоковъ на двадцать пять рублей. Когда прошло два съ половиной года, я все училъ ребятъ. И сдавали три мальчика экзаменъ. Въ теченіе послѣдней зимы пришелъ въ училище наблюдатель. Училище было нанято отъ учащихся дѣтей въ пустомъ домѣ за двѣнадцать рублей въ зиму. Наблюдатель сдѣлалъ

bľej ťe·ľeńť. Nabľuda·ťiľiś ťäjś za·ḿetka žurna·lc: «uśi·ľiť zańa·-ťja», i kro·ḿe tovo· muś ḱija·ksta la·ma soŕ. I tuś. Popoś totčas arć, ḱäŋkśťimim: «koda·my zaḿe·tka pastavi·l žurna·lc?» Mon ńeŕťeńä ťänʒa. Son ḿeŕä: «paža·lyj, uvo·lit toń, a skaŕe·j, štyby iľa kadu·ŋ tarkafty·ma, podava·j prašė·ńja śe·ľskyj ṕi·saŕks», a mo·n ḿeŕan: «ńe ṕŕivy·šnyjan śe ťävi·ńťi».

Записано въ іюлѣ 1905 года отъ крестьянина с. Оркина В. С. Саюшкина.

Śorma.

Мон хочу топять меремс, што моньдянь нонкс Воянгылит Лукань сёрмадуф, и мон ваныня и тоса мунinь рузынь вал'т. Пример: тоса сёрмадуф «глава», мекс авыль «пря»? Эли «1-я», «васинь», эли «2-я», авыль «омбэця», эли «зачало», авыль «ушыткс», хыть мурзакс «ушодкс»? Эли кода ангелесь мерьць Пазынь-аваньти

замѣтку въ журналѣ: «усилить занятія», и кромѣ того нашелъ на полу много сору. И уѣхалъ. Попъ тотчасъ же прискакалъ, спросилъ меня: «какую замѣтку поставилъ въ журналѣ?» Я показалъ ему. Онъ говоритъ: «пожалуй онъ тебя уволитъ, а ты скорѣй, чтобы не остаться безъ мѣста, подавай прошеніе на сельскаго писаря», а я говорю: «я не привыченъ къ тому дѣлу».

Письмо.

Я хочу сказать тебѣ, что мнѣ попалось твое евангеліе отъ Луки въ переводѣ, и я посмотрѣлъ и нашелъ тамъ русскія слова. Напримѣръ: слово «глава» почему тамъ не переведено словомъ «пря»? Или «1-я» не словомъ «васинь»; или «2-я» не словомъ «омбоця»; или «зачало» не словомъ «ушыткс» или хоть по говору мурзы[1]) «ушотск»? Или когда ангелъ сказалъ Божьей матери

1) Въ Оркинѣ мурзой называютъ Мордву деревни Бѣгучей и сосѣднихъ селъ Петровскаго уѣзда.

«эрьгеть» (благодатный), а авыль «эрьгеть чаньгыдифьть». Мяйля тага мерьць «Топ Пазонь пельдя благодать муить», а эрявыль меремс «Топ Пазонь пельдя чяньфь муить». Ведь эрьзятьня везди мерьнеть жа чаньфипьть эса, кыть поменамста: пример, кода ломанись капдэ кшы сал, максцы ваканьпза столь ланкс, соньць комя а кырксиця бабинись васнь валцта меря, кода тоса кулыцяньть лямпза, кыть Иван. «Ну, Иван! улиза тять чаньфь, молеза тять доходія. Вапа, Даря (али кода тоса кандыцяньть лямиза) течя паныць пиднсь, кшы сал канць, молеза тять лемьбя парпыса таньтій духкиса, симть ярцак, иля пеняця». Али кодак чаньфипь Паз лямь кундамста, тага ведь амереть «Паз благодатный», а ведь всій яла мереть «Пас чангыть», и те Пас-чангыньтипь эса секя тявь лецьнеть. Кодак аваньть эйдиза, бидя пекь рангя, сон обьязательна меря: «Пас чангыть, Восподи, ды мякс? ды мякс? ды эйдьнимь, ды лявкскимь, ды Пас чангыть, Пас чангыть, ды лот-

---

«эрьгеть» (благодатная), а не «эрьгеть чаньгыдифьть». Потомъ опять онъ сказалъ: «Топ Пазонь пельдя благодать муить», а слѣдовало сказать «Топ Пазонь пельдя чаньфь муить» (Ты обрѣла у Бога благодать). Вѣдь мордва вездѣ употребляетъ слово «чаньфь», хотя бы въ поминапіи: напримѣръ, когда человѣкъ приноситъ хлѣбъ-соль, онъ положитъ чашку на столъ, а самъ станетъ на колѣни, а старушка, которая скоблитъ, съ перваго слова скажетъ, какъ тамъ имя того покойника, хоть Иванъ. «Ну, Иванъ! да будетъ тебѣ милость, да придетъ къ тебѣ удача. Вотъ, Дарья (или какъ тамъ имя принесшей) сегодня испекла и сготовила, принесла хлѣбъ-соль, да пойдетъ къ тебѣ теплый паръ, сладкій душокъ, пей, ѣшь, не жалуйся». Или когда употребляютъ имя Бога, опять вѣдь не говорятъ: «Пазъ благодатный», а вѣдь всѣ говорятъ «Пас чангыть», и это «Пас чангыть» поминаютъ при всякомъ дѣлѣ. Когда у женщины ребенокъ, если онъ сильно плачетъ, она обязательно говоритъ: «Пас чангыть, Восподи, да что? да что? да ребеночекъ, да дѣтенышекъ, да Пас чангыть, Пас чангыть, да

как, цюр Пас чапгыть». Али кодак бидя кіяк мязя як тяйсь авыль парьцьтя, сеста як, кодак лія ломань несэ, тожа пcьтяжа меря: «Пас чапгыть, ды тон мясьть пcьтя тяйпят, пcьтя уш цюр улиза». Нама, минь пей уш стуфыпикь, кода седкиля тявись ульнись, и миньць как аздатана, мязя те валысь «цюр», пу цюрыньть мои тожа ёфтаса, мязя соп ульнись седикиля. Седикиля думасть ломатьня пcьтя: кодак ломанись кулэ, то сопянза эрявя тоса и кшысал и одежа, и сон тоста лисьпя и ярцама и баняс парямa. А кодак лися покшчакс, сеста сонза сайсый эсьтяпза Чангыдинь-Пас, и соп кармя апак симь и ярца и одежафтума лифпимя мяпильга и кипиньгак соньць а неявя и кармя раськинза эса ванфтума, конат эсынза тярдить, и мерьнесьть се покшчаста лисифь раськиньти «цюр». А цюрыпь кирьдій Пазыньти, шты соп пек уш вадря и вадрясга кирьдя кула раськист эса, и бидя ки вяшя кецтэпза пряпза пирямс цюрт, то сон, корьмай, максэ зяра тять эря-

---

перестань, чуръ Пас чапгыть». Или если когда кто-нибудь что-нибудь сдѣлаетъ что-либо не хорошо, тогда, когда другой человѣкъ это увидитъ, то онъ тоже такъ же скажетъ: «Пас чапгыть, да ты что тамъ дѣлаешь, такъ да будетъ ужъ чуръ». Знамо, мы ужъ теперь забыли, какъ въ старину было это дѣло, и мы также не знаемъ, что значитъ это слово «чуръ», но объ «чурѣ» я тоже скажу, что онъ былъ въ старину. Въ старину люди думали такъ: когда человѣкъ помретъ, то ему нужна тамъ хлѣбъ-соль и одежда, и онъ выйдетъ оттуда и поѣстъ и попарится въ банѣ. А когда онъ выходитъ въ образѣ дѣда, тогда его возьметъ къ себѣ Чангыдинь Пасъ, и онъ начнетъ, не употребляя питья и пищи и безъ одежды, летать по небу, и никому самъ онъ не показывается и начинаетъ беречь тѣхъ родныхъ своихъ, которые его зовутъ, и называли происшедшаго отъ того дѣда потомка «чуръ». А содержащаго чуры Бога за то, что онъ очень ужъ хорошъ и хорошо держитъ померших потомковъ, и если кто ищетъ отъ него чуровъ, чтобы оградить себя, то онъ, кормилецъ, дастъ сколько тебѣ нужно, и

вить, и се Пазыньти мерьнесь Пас чангыть сень гиса, шты сон самай чаньфинь максыця. Минь нейгак кыть и лямдяфтапа, ну яла текя пряшык эса пирятапа цюраса и вяштяпа Пас-чангытинть кецта чаньфть и цюрат. Пример: кодак ломанись молемста ня вихирь, то сон кармя пряпза эса пиряма, а пирямста меря исьтя: «цюр! Пас чангыть, цюр аминь, цюр аминь, цюр Пас чангыть, цюр, корьмепецькемь». Начит, те седикилинь цюрамысь нейгак пекь парьцьтя эря минсинь эса. Минь миньць как аздатапа, шта истя меремась грехь, а нейгак вясимя таркаса мерпеть яла исьтя. Кыть кявькстя ломань лягапза, бидя се коса як эря скамынза: «ды кода тон а пялят тоса удумат», се обьязательна меря исьтя: «ды мяздя пяляп, цяй мон мадимста цюраса пиряса прям и мадян». Начит, минь нейгак авыль Паз лангкс надиятана, а цюратьнинь лангкс. Али кыть куца кодак мадимста, обьязательна вясій вальматнинь и кяньккнинь цюраса пирить, а бидя куцынть уля лавсь, то аваньть мадимста секя мелявксыза лавсись цюрамс пи-

---

этого Бога называли Пас чангыть потому, что онъ самый раздаватель милости. Мы и теперь, хотя и крещеные, но постоянно таки ограждаемъ себя чурами и просимъ отъ «Пас чангыть» милостей и чуръ. Напримѣръ, когда человѣкъ видитъ приближеніе вихря, то онъ начинаетъ ограждать себя, а ограждая себя, говоритъ такъ: «чуръ! Пас чангыть, чуръ аминь, чуръ аминь, чуръ Пас чангыть, чуръ, мой кормилецъ». Значитъ, это старинное чураніе и теперь очень хорошо живетъ у насъ. Мы и сами не знаемъ, что говорить это грѣхъ, а и теперь всюду и вездѣ такъ говорятъ. Хоть спроситъ одинъ человѣкъ другого, если тотъ живетъ гдѣ нибудь въ одиночествѣ: «да какъ ты не боишься спать тамъ», тотъ обязательно скажетъ такъ: «да чего мнѣ бояться, чай, я ложась зачураю и огражу себя и лягу». Значитъ, мы и теперь надѣемся не на Бога, а на чуры. Или какъ ложатся въ домѣ, обязательно ограждаютъ чурами всѣ окна и двери, а если въ домѣ есть люлька, то, при укладываніи на ночь матери, она пусть позаботится зачурать

рямс, штыба идимевьсь плясса сэвь али ведуп илясса полафт. Ата бидя полафцы, сеста эйдиза уля косаяк чумбылкскикс, а сон теса кармя тряма полафтуф. Ну, мон тявимь стуфтыня. Кармакшпынь чапьфьтя, а тувнь киздасы ков. Ну, ней тага карман. Секедя несак мон уш кафтынь таркаста нефтень, шта чапьфись самай се рузыпь «благодатись». Ней меряп эшча колмоцень таркаста. Минкь ней кармасть кор'тама яла рускс лама вал'т. Пример: кодак ломаппсь моля ломапьнинь, бидя се мясьть как а тяйня, то сыцясь меря: «здорова живети», а седикиля мерьпесть: «сюк тяньк», ну «тень», и нейгак эшча лама исьтя мерьнеть. А эшчо мерьнесть Бог помоченьть таркас: «Пас чапгыдиза тяпькь!» Ну, ней исьтя а мерьнеть. Можа тяпь мерят, коста тон сапкь, то мон тять мерян, шта ней гак васій аватьня псьтя мерьнеть аньцик коцтэпь кодамста. Кодак хыш кона авась моля шабрапцтый, а петь кодэть коцт, то сыцясь, кодак сувя, чекя покя и меря: «чапгыдиза тяпькь!»

и оградить люльку, чтобы не съѣлъ его или вѣдунъ не подмѣнилъ его. А то, если подмѣнитъ, тогда ея ребенокъ будетъ гдѣ нибудь русалкой, а она поэтому начнетъ кормить подмѣненнаго. Ну, я позабылъ свое дѣло. Я началъ съ слова «чаньфъ», а зашелъ кто знаетъ куда. Ну, теперь я снова начну. О томъ, что «чаньфъ» то самое, что русское «благодать», я, видишь, показалъ уже на двухъ случаяхъ. Теперь я скажу еще о третьемъ случаѣ. Наши стали теперь говорить постоянно много русскихъ словъ. Напримѣръ: когда одинъ человѣкъ пойдетъ къ другому, если тотъ ничего не дѣлаетъ, то пришедшій говоритъ: «здорово живете», а въ старину говорили: «сюк тянькь» или «тень» (поклонъ вамъ, или тебѣ), и теперь еще такъ много говорятъ. А еще говорили вмѣсто «Богъ помочь» «Пасъ чангыдиза тянькь!» (Онъ да благопріятствуетъ вамъ). Ну, теперь такъ не говорятъ. Можетъ быть, ты мнѣ скажешь, откуда ты взялъ это, то я тебѣ скажу, что и теперь всѣ женщины говорятъ такъ только при тканьѣ холста. Когда хоть которая нибудь женщина придетъ къ своимъ сосѣдкамъ, а тѣ ткутъ холстъ, то пришедшая, когда войдетъ, перекрестится и скажетъ: «чангыдиза тянькь!».

От пей тон мясьть моньдянь мерят те Пазыньть карча? Мон меряи: те Пазысь «Пас чангытись», руске «Бог благодати»; чаньфись «благодать», чангыдиза «поблагопріятствуй». Ну, упросьтямак, шты моп сёрмадынь тять те сёрманьти спяра прявь машнимат. Монянь жаль кучумс чава сёрмась.

Выдержка изъ письма I. А. Цыбина, помѣченнаго октябремъ 1905 г.

Вотъ теперь, что ты мнѣ скажешь въ обращеніи къ этому Богу? Я говорю: этотъ Богъ «Пасъ чангытись», по русски «Богъ благодати»; «чаньфись» благодать, «чангыдиза» поблагопріятствуй. Ну, прости меня, что я написалъ тебѣ въ этомъ письмѣ столько, что это утомитъ твой умъ. Мнѣ жаль отослать пустое письмо.

Б. Сухой Карбулакъ.

Mon u·ľńiń v́eťi go·tca pa·kša. T́ä·ťidiń tuśť ṕiŕiụ šė·škeḿe i moń za·jiḿiź. Šė·škeńek ṕeľiči·s, ka·rḿińik sy·rgama ja·rcama. T́a·ťam oza·ftyḿiḿ moń ŕi·žyj e·ľďeńť laŋks la·śťe i ku·čyḿiḿ gudu·ụ, a sońć sajś kavala·lynʒa śu·vińiť, tuś moń ḿe·ľga. A·la-šańť ka·rmaśť su·skuma karft. Son duś bo·jkasta. T́a·ťam ga·duụś. Pa·čkiďiń mon orta la·ŋks, a ṕŕikaľe·tkaś pa·nǯada. A·lašaś pa·č-kić ṕŕikaľe·tkańť v́ic, tuś ṕŕikaľe·tkavańť. Mon va·nca ťeḟť ḃe-ŕa·ťť, ku·ndyń ṕŕikaľe·tka v́e·ľksėńťeń i po·vodev́eń. A·lašaś tuś ka·rdazuụ, a mon nu·ŕgan ṕŕikaľe·tkasyńť. T́a·ťam zaś ortala·ŋks, moń za·jiḿiḿ.—

Moń ḃokščań uľńiś ašy čapkazy dy ḱecy vaľajaź žľapaza. Sy śokśe, po·kščam poŋgaụsy ṕi·ŕisy ko·pna ṕŕa·s šľa·panʒa, a ča·p-kanʒy tosty sa·jsė. Sy tu·nda, po·kščam žľa·panʒy tosty sajsė·, a

---

Я былъ мальчикомъ пяти лѣтъ. Отецъ и другіе семейные пошли на гумно молотить и меня взяли. Мы молотили до полудня, стали собираться поѣсть. Отецъ посадилъ меня на рыжую кобылу верхомъ и послалъ меня домой, а самъ взялъ подъ мышку немного отрубей и пошелъ за мной. Лошадь начали кусать мухи. Она пошла скоро. Отецъ остался. Подъѣхалъ я къ воротамъ, а калитка отперта. Лошадь подошла прямо къ калиткѣ, пошла черезъ калитку. Я вижу, дѣло плохо, уцѣпился за верхъ калитки и повисъ. Лошадь пошла на дворъ, а я вишу на калиткѣ. Отецъ пришелъ къ воротамъ и снялъ меня.

У моего дѣда была бѣлая шапка и сваляная руками шляпа. Придетъ осень, дѣдъ прицѣпитъ на гумнѣ на верхъ копны свою шляпу, а оттуда сниметъ шапку. Придетъ весна, дѣдъ сниметъ

ċa·pkanʒy po·ŋgaųse. V́eśt́ t́i-kšyl̀e-d́ema la·ŋga po·kšćam u·l̀ńiś so·ńćenʒy šl̀a·pasa. Karmaś po·kšćam zy·rgamy t́i·kšys. Mon ga·rḿiń ma·rtynʒy sy·rgama. Pokšća·m v́ečkeźi pakšyma·rta ko·l̀ńema·ńt́. Sa·jimim moń ma·rtynʒa. A·ńćak l̀iśińik v́e·l̀estė·ńt́ (v́el̀eńt́ ṕe·va čudi v́ed́ńe), mon ḿeŕa·n: «po·kšćaj, źi·ḿimam zaś». Po·kšćam lo·tkaftyźi a·lašańt́, sa·jiźi ṕŕa·stynʒy šl̀apanʒa, a·mul̀ć šl̀a·pańt́iń v́ed́, ka·rmaś moń źimt́iḿe. Moń źi·ḿimam ja·vaś. Ka·duv́iks v́ed́eńt́ po·kšćam va·lyźi a·lašańt́ laŋks. Ardy·ńik ardy·ńik, v́e·l̀edėńt́ tuji·ńik uš vasu·ų; pa·čkid́ińik t́i·kšy v́ic. Po·kšćam ga·rmaś t́i-kšy l̀e-d́eḿe, a a·lašańt́ no·ldėźi poṕeŕešńekenʒa i noldėźi t́i·kšys ja·rcama. Po·kšćam l̀eć lamy t́i·kšyt́, vačkińʒi ŕidvanc, ṕe·l̀ema·ńt́ śalǵiźi t́ikšyt́ńi·ńiń. Sońć tuś v́e·ṕel̀eų, sajiźi ṕŕa·stynʒy šl̀a·panʒa, praś końe·l̀kala·ŋksa, dy mo·ńań ḿeŕe: «ćoraj, zak ja·ǵidady ja·rcama». Mon mol̀e·ń bo·kšćam vakss. Pokšćam źe·źńi ja·ǵidat šl̀a·pazynʒa, a mon ga·rḿiń v́e·śńeḿi e·śt́ań ja·rcams, dy a mujiv́it́ t́eń. Pokšćam ḿeŕe: «sak ja·rcak šl̀a·pastyńt́». Pokšćam źe·źńi jaǵi·dat, a mon ašćan žl̀apańt́ va·kssy dy ja·rcan.

оттуда шляпу, а шапку прицѣпитъ. Однажды во время сѣнокоса дѣдушка былъ въ своей шляпѣ. Сталъ дѣдушка собираться за травой. Я сталъ собираться съ нимъ. Дѣдушка любилъ возиться съ дѣтьми. Онъ взялъ меня съ собою. Только лишь мы выѣхали изъ села (въ концѣ села течетъ рѣчка), я говорю: «дѣдушка, мнѣ хочется испить». Дѣдушка остановилъ лошадь, снялъ съ головы шляпу, зачерпнулъ въ шляпу воды, началъ поить меня. У меня прошла жажда. Оставшуюся воду дѣдушка вылилъ на лошадь. Ѣхали мы ѣхали, отъ села уѣхали уже далеко; пріѣхали къ травѣ. Дѣдушка началъ косить траву, а у лошади отпустилъ чересседельникъ и пустилъ ее ѣсть въ траву. Дѣдушка накосилъ много травы, наложилъ ее въ телѣгу, въ траву воткнулъ косу. Самъ отошелъ въ сторону, снялъ съ себя шляпу, упалъ на колѣнки и говоритъ мнѣ: «сынокъ, иди ѣсть ягоды». Я подошелъ къ дѣдушкѣ. Дѣдушка рветъ ягоды въ свою шляпу, а я началъ искать себѣ, чтобы ѣсть, да не находилъ. Дѣдушка рветъ ягоды,

Po·kšč́am źe·źńeźi šľa·pańť pe·ľeva i ḿeŕe: «a·dї, ćora·j, gudu·u». Oza·ftyḿiḿ bokšč́am ť·kšyťńiń laŋks, maksyźi e·ľezėn žľapańť, o·zaś sońć ka·k, i ḿiń tu·jińik kudu·u. Mo·ľemsty šľapastyńť ja·ǵida·ťńidy ja·rcyńiḱ. Moľeńek mo·ľeńek, mon ma·ťidїviń. Koda·sy·rgyźin, ḿiń uš u·ľńińik ka·rdajsa. Šľa·paś u·ľńiś po·kšč́am ḃŕa·synʒa. Po·kšč́am ḿe·ŕe: «ja·ǵidat ťeť eŕa·viť?» Mon ḿeŕa·n: «dava·j». Po·kšč́am, da·rgaź źepstėnʒa ko·mory ja·ǵida, ma·ks·syńʒi mo·ńań.

Ḿi·ńćińik ve·ľesy mon tona·fńiń ko·lmy gott. Egzaḿen zdal. Šedy ḿeľji kafty gott či·jńiń iśťa·k. Ḿeľji sajińe ḿe·ľeḿ o·šou. A·vam u·skiḿiḿ o·šou, ma·ksyḿiḿ ve lauš́ńi·kńiń. Lauš́ńi·kiś ḿi·kšńiś su·ndukt. Mon uľńi·ń kemgo·lmovy go·tca i mo·ńań sundu·kńiń ǵepśemast uľńi·ś pek sta·ka. Saś ḿi·ńik la·fkas bo·jar, ra·maś su·nduk. Xoźa·inyś moń ku·čiḿiḿ kanduma·nʒa. Sy·ńik boja·ryńť ma·rta sonʒy ku·dys, a mo·n ko·jkak pačḱidїń. Boja·-ryś ḿeŕe: «śiźi·ť?» Mo·n ḿeŕan: «śiźi·ń!» Son ḿeŕe: «Ka·duft mo-

---

а я сижу около шляпы и ѣмъ. Дѣдушка нарвалъ до половины шляпы и говоритъ: «идемъ, сынокъ, домой». Посадилъ меня дѣдушка на траву, далъ мнѣ въ подолъ шляпу, сѣлъ и самъ, и мы поѣхали домой. Во время пути мы ѣли ягоды изъ шляпы. Ѣхали мы ѣхали, я заснулъ. Когда я проснулся, мы были уже на дворѣ. Шляпа была на головѣ у дѣдушки. Дѣдушка говоритъ: «нужно тебѣ ягодъ?» Я говорю: «давай». Дѣдушка, вытащивъ изъ кармана горсть ягодъ, далъ мнѣ.

Въ нашемъ селѣ я учился три года. Сдалъ экзаменъ. Послѣ того я бѣгалъ два года безъ дѣла. Потомъ мнѣ захотѣлось въ городъ. Матушка отвезла меня въ городъ, отдала меня одному лавочнику. Лавочникъ продавалъ сундуки. Мнѣ было тринадцать лѣтъ и мнѣ было очень тяжело поднимать сундуки. Пришелъ въ нашу лавку баринъ, купилъ сундукъ. Хозяинъ послалъ меня отнести его. Мы пришли вмѣстѣ съ бариномъ въ его домъ, а я кое какъ дошелъ. Баринъ говоритъ: «ты усталъ?» Я говорю: «усталъ»!

ńa·ń, mоń ǵeca źardyja·k aśiźa·t». Mon ga·duv́iń. Śe bo·jaryś kiŕć kańďi·ťerckyj, i mon so·nʒy ḱe·cy ka·rḿiń robota·ma. A mоń daṷny· ulńi·ś ḿe·ĺeḿ tona·fńiḿe. Sa·ś ťaťam ošo·ṷ i ḿe·ŕi mońa·ń: «loma·ťńi pa·kšast u·skiť Aĺakso·fkaṷ tona·fńiḿe. To·źeń ďejśť pokš uči·tiĺńa». Mon ḿe·ŕan: «Sa·jimak i mоń ťe·sty i u·skumak Aĺakśofkaṷ». Ťaťa·m ejsė·n eź zajť. Mon ga·rḿiń av́aŕďi·me, i iśťa· ṕeḱ ava·ŕďiń, na·taj ťa·ťańiń ža·ĺ ńejav́iń, i son za·jiḿiḿ o·šsta i u·sḱiḿiḿ Aĺakśo·fkaṷ. Aĺakśo·fkasy e·ŕva pa·kšańť ḱi·sa ko·vońť pancť ko·lmy co·lkovojť. Mоń ǵi·s ťaťa·ńiń pa·ndums u·ĺńiś ńe·ḿejsa. Mоń pańi·ksyĺiḿiź, i ka·dyḿiź a·ńćak śeks, šty ṕeḱ pa·ŕćťi mon tona·fńiń. Ju·taśť kolmy gott. Mon egza·ḿen zdal v́e·śedy pa·ŕćťe. Śormadyńiḱ pro·šėńijat i ḿińa·ńiḱ maksćť učiťiĺiń da·rkat. Ḱińi·ń go·vońť pancť śiśiḿ ʒolko·vojť, ḱi·ńiń ga·ṷksa, a mo·ńań pancť ḱe·ḿeń. Va·śiń go·dėńť učiťiĺks či·styn Eŕeḿejefkasy mon ga·rḿiń mońć tona·fńiḿe. Čińť tona·ftan pakša·t, a v́eńť tona·fńan mońć. Saś tu·ndyś, mоń bak-

---

Онъ говоритъ: «останься у меня, у меня ты никогда не устанешь». Я остался. Этотъ баринъ держалъ кондитерскую, и я сталъ работать у него. А у меня давно было желаніе учиться. Пріѣхалъ мой отецъ въ городъ и говоритъ мнѣ: «люди везутъ своихъ дѣтей учиться въ Алексѣевку. Тамъ выстроили большое училище». Я говорю: «Возьми и меня отсюда и отвези меня въ Алексѣевку». Отецъ меня не бралъ. Я сталъ плакать, и такъ сильно плакалъ, что отцу стало жаль, и онъ взялъ меня изъ города и отвезъ въ Алексѣевку. Въ Алексѣевкѣ за каждаго мальчика въ мѣсяцъ платили три цѣлковыхъ. За меня отцу нечѣмъ было платить. Меня хотѣли было прогнать, и оставили меня однако потому, что я очень хорошо учился. Прошло три года. Я сдалъ экзаменъ лучше всѣхъ. Мы написали прошенія, и намъ дали учительскія мѣста. Кому въ мѣсяцъ платили по семь рублей, кому по восемь, а мнѣ платили десять рублей. Первый годъ моей учительской жизни въ Еремѣевкѣ я сталъ учить самого себя. Днемъ я учу ребятъ, а ночью учусь

ša·t́ńi egza·ḿen zdaľi paŕćťe. Ḱi·zyńť tuji·ń ďa·ťańiń i ḱi·zyńť ka·rḿiń ťaťań ma·rty robota·ma. Sy pra·źńiḱ eľ ṕiźiḿiči·, mon mońć tona·f́ńan. Saś śo·kśe. Tu·jiń o·šon̑, ma·ksyń śeḿenaŕijas pro·šėńija. Ńe·ďľady ḿe·ľji mo·ľeń śeḿena·ŕijas ḱe·n̑ikśťeḿe, ṕrima·saḿiź mon egza·ḿenc eľ ara·ś. Mo·ńań ḿe·ŕeť: buťi ḿe·-ľet, ḱiŕť kuť ńejḱ. Ńe·jeḿeḿ ḿi·ńiḱ po·poś i ḿe·ŕe: «čau·ṕŕa·, a·źi sa·jiḱ prošėńijańť i aźi Oľckėjen̑, to·sy u·ľi duχo·vnėj uči·-ľišče, to·sy egza·ḿenėś śeďi so·žʒeńe». Mon mo·ľeń prošė·ńijańť ḿe·ľga. Koj ǵi·ť ḿe·ŕeť: «lac ťeja·t, ťesy ḱi eź ǵiŕť, ḱija·k ńe vy·ďeržal». Ľiśś ińśṕe·ktorėś i ḿe·ŕe: «a·ďa moń ḿe·ľga». Mon duji·ń ḿeľga·nʒa. Pa·čḱiďińiḱ v́e ko·mnota v́i·c, su·v́ińiḱ to·zėń. Son ḿe·ŕe: «aščiḱ ala·mus». Sońć tuś. Mon a·ščiń v́e·ťeška ḿinu·t, va·nca — suv́e ińśṕe·ktorėś, ḿe·ľganʒy su·v́iť ńiľi ľi·ja uči·tiľť i v́e pop. O·zaśť stoľe·kšs. Mon čaŕḱi·ďiń, šty mo·ń ka·rḿiť ḱe·n̑ikś-ńema·n. Eś pa·čkan du·man: ḿeśť Pas ama·ksė, ka·rman oťv́eča·ma.

самъ. Пришла весна, мои ребята сдали хорошо экзаменъ. Лѣтомъ я отправился къ отцу, и лѣто я началъ работать съ отцомъ. Придетъ праздникъ или дождливый день, я учу самъ себя. Пришла осень. Отправился я въ городъ, подалъ прошеніе въ семинарію. Спустя недѣлю я пошелъ въ семинарію спросить, приняли ли меня къ экзамену или нѣтъ. Мнѣ говорятъ: если хочешь, держи хоть теперь же. Увидѣлъ меня нашъ священникъ и говоритъ: «пустая голова, ступай возьми прошеніе и отправляйся въ Вольскъ, тамъ есть духовное училище, тамъ экзаменъ легче». Я пошелъ за прошеніемъ. Кой-кто говоритъ: «хорошо сдѣлаешь, здѣсь кто не держалъ, никто не выдержалъ». Вышелъ инспекторъ и говоритъ: «иди за мной». Я пошелъ за нимъ. Подошли мы къ одной комнатѣ, вошли туда. Онъ говоритъ: «подожди немного». Самъ онъ ушелъ. Я подождалъ минутъ съ пять, смотрю — входитъ инспекторъ, за нимъ входятъ другіе четыре учителя и одинъ священникъ. Сѣли за столъ. Я понялъ, что меня начнутъ спрашивать. Думаю самъ въ себѣ: что Богъ дастъ, стану отвѣчать. Спрашивали меня съ часъ. Встали,

Ḱeṷḱśńeść ejsėn ča·syška. Śt́aść, tuść. Ińśṕe·ktoreś ka·duŋś i ḿe-ŕe: «zako·n Bo·žėj ton paŕćte· o·t́večeť, va·ndyj zak v́ejksėćeks ča·sta, karma·tana ḱeṷḱśńemat slav́a·nyń ǵeľ». Syń ombo·ći čińť, tagy v́e·t́eḿeź śe komnota·ńťiń, tagy· časy·ška ḱe·ṷḱśńeść e·jsėn. Ta·gy tuść ľi·ja uči·ťiľťńe, ińśṕe·ktoreś ta·gy kadu·ŋś. Koda· tuść ľija·ťńe, son mo·ńań ḿeŕe: «i slav́a·ńyń ǵeľeńť ton zo·dasa·k, va·ndyj zak ta·gy t́e po·rava». Śedi ḿe·ľji mon ḱeḿeńčka raz ja·ḱiń śeḿena·ŕijas i moń ḱe·ṷḱśńeść ľi·jady ľi·jada. Ḿeľji kar-ma·ftyḿiź sta·ťjań źormadu·ma. Ko·da mon u·ľńiń Aľakśofkasa. Aľakśofkaś ṕeḱ palć. Mon śe poža·ryńť śo·rmady·ńe. Śe ḿeľe·-zėst ṕeḱ tuś. V́e·t́eḿeź uči·ťi·ľńas, ko·sy tona·fńiť v́iška pa·kšat. Ka·rmaftyḿiź ba·kšań dona·ftuma. Śeja·k ḿeľezėst tuś. Uči·ťi·ľťńi śt́aść, ińśṕe·ktoreś ḿeŕe: «toń ot́v́e·čamut i tona·ftumat ḿińi·k ḿeľe tuść, i kaḿi·śijaś du·ḿi ťeť maksu·ma uči·ťiľiń źv́id́e·ťeľctva» Śe·dy ḿeľji mon išćo v́e t́eľi tona·ftyń škol(y) gra·matasa, Ju·ŕ-jefka v́e·ľesa. Ḿeľji maksėť ťeń tarka Novapo·ľjasta. Mon to·sy

---

ушли. Инспекторъ остался и говоритъ: «по закону Божію ты отлично отвѣчалъ, завтра приди въ девятомъ часу, мы будемъ спрашивать тебя по славянскому языку». Я пришелъ на другой день, опять меня повели въ ту комнату, опять меня спрашивали съ часъ. Опять пришли другіе учителя, инспекторъ опять остался. Когда другіе ушли, онъ говоритъ мнѣ: «и славянскій языкъ ты знаешь, завтра приходи опять въ это время». Послѣ того я разъ десять ходилъ въ семинарію, и меня спрашивали все о другомъ. Потомъ мнѣ велѣли написать сочиненіе. Когда я былъ въ Алексѣевкѣ, Алексѣевка сильно горѣла. Я описалъ тотъ пожаръ. Это имъ очень понравилось. Меня повели въ училище, гдѣ учатъ малыхъ дѣтей. Мнѣ велѣли учить дѣтей. И это имъ понравилось. Учителя встали, инспекторъ говоритъ: «твои отвѣты и твои уроки намъ понравились, и коммиссія рѣшаетъ дать тебѣ учительское свидѣтельство». Послѣ того я училъ еще одну зиму въ школѣ грамоты въ деревнѣ Юрьевкѣ. Потомъ мнѣ дали мѣсто въ Новопольѣ. Я тамъ училъ два

tona·ftyń ka·fty gott. Moń gu·čińiź Ńenaro·kofkaų moń apak keųkśť. U·ľńiś ča·dy v́e·ď. Mo·ńań saųś ju·tams pokš v́e·ďeń droks ľemezy Ča·rdym. Mon Ča·rdymińť troks ju·tamsta ćut eźeń va·ja. Mo·ľeń Ńenaro·kofkaų, koų dona·ťtyń do·sa. Saś o·šsty ťeń go·ńoų. Moń ḿekeų gu·ciť Novopo·ľjaų. Mon źi·vidiń u·skićat i tu·jiń Novopo·ľjaų. Śe·dy ḿeľji uš tu·jiń ko·lmoći gotc Novopo·ľjasa. Ńej ga·k to·sy to·ųafta·n.

Ḿi·ńik ša·branyk F́e·dėr a·ťa lo·mańiś au·ľ ǵežė·j, a koźajka·nʒy ma·rty śe·jecty tu·ŕkšne. Sokaųśť sokamu·nʒy F́edėr a·ťańť, son ďeŕťeźi alaša·nʒy lu·gas. Alaša·zy tuś ba·rskyj źury la·ŋks, sa·jiźi oбje·ščik potraųs; oбješčik ku·rudyźe. Ka·rmaśť lo·maťť mu·šky v́i·ďiḿe, a F́edėr a·ťańť alaša·za ba·rskyj ga·rdajsa. Moľć F́e·dėr aťa a·lašańť ḿe·ľga. Boja·ryś ťenʒy ḿeŕe: «uskt ka·rdajsty umala·ŋks veťi ost na·oz, ma·kssa a·lašat». — «Ko·da ťejat, eŕa·v́i usku·ms», ḿeŕi F́e·dėr a·ťaś. Sa·jiźi F́edėr a·ťaś alaša·nʒa, tuś ba·rskyj ga·rdazuų na·ozėń ľi·fńiḿe. Mo·ľi

---

года. Меня послали въ Ненароковку, не спросивъ меня. Была полая вода. Мнѣ пришлось переѣзжать черезъ большую рѣку, по имени Чердымъ. Переѣзжая черезъ Чердымъ, я чуть не утонулъ. Прибылъ я въ Ненароковку, мѣсяцъ я училъ тамъ. Пришла ко мнѣ изъ города бумага. Меня посылаютъ назадъ въ Новополье. Я нанялъ извозчиковъ и поѣхалъ въ Новопольѣ. Послѣ того я живу третій годъ въ Новопольѣ. И теперь я тамъ учу.

Нашъ сосѣдъ старикъ Өедоръ человѣкъ не злой, а съ женой своей онъ очень часто дерется. Попахалъ Өедоръ свою пашню, спуталъ свою лошадь (и пустилъ) въ луга. Лошадь его пошла въ барскій хлѣбъ, взялъ ее объѣздчикъ на потравѣ. Объѣздчикъ загналъ ее. Люди начали сѣять коноплю, а Өедорова лошадь на барскомъ дворѣ. Пошелъ Өедоръ за лошадью. Баринъ говоритъ ему: «свези со двора на загонъ пять возовъ навозу, я отдамъ твою лошадь». — «Что подѣлаешь, надо свезти», говоритъ Өедоръ. Взялъ Өедоръ свою лошадь, отправился на барскій дворъ выво-

F́e·dėr aťaś naoz oz ma·rta, va·ncy — pa·stuχ va·tḱi ku·ly ŕe·v́e. Ŕe·v́eś ku·ja. F́edėr a·ťaś ḿeŕe: «ḱeŕće·ḱ mońa·ń ḱeľḿ' o·jeńť, ḿeźeks kak maštu·v́e». Pa·stuχuś ḱeŕćeźi ŕev́eńť la·ŋksta ojeńť, ma·ksyźi F́edėr a·ťańťiń. Uskuu̯śť v́eťi o·snė, F́e·dėr a·ťaś saś kudu·u̯. Saś F́edėr a·ťaś kudu·u̯, a koźajka·zy kudy·sy a·raś. Pu·tyźi o·jeńť, o·rčaś ka·lady pa·nar, ka·rmaś sy·rgamy mu·šky v́i·ďiḿe. Alaša·nʒa ku·čiźi loma ma·rta, a sońć tuś v́icta·. E·ŕau̯ś ťe·nʒy mo·ľems v́eďeń do·mbaľiu̯. Sonʒy v́ećėńť uľńiś lo·pafty·ź koloda·za. Son puć koloda·ńťiń ka·ńćiryt, o·zaś sońć ka·k i tuś u·jiḿe. Ańćak tu·tmaďiźi ko·loda·ńť b́e·ŕekstėńť, ko·lodaś v́eľau̯ś, i F́e·dėr aťaś praś v́eďeńťeń, a kańćiŕy·ťńi tuśť v́e·ďeńť la·ŋga ujńiḿe. Ľiśś a·ťaś v́e·ctėńť, saś kudu·u̯, o·rčaś ľija pa·nar, ka·jaś ḿe·šėks ka·ńćiryt, ta·gy tuś v́eďeń do·mbaľiu̯. Pu·tyńʒi koloda·ńťiń kańćiry·ťńiń i so·ńć oza·ś; a·ńćak tuś uji·ḿe, tagy vaja·ś. Ľiśś v́e·ctėńť, sa·jińʒi ka·ńćiry·ťńiń la·ftuu̯ laŋgyzy·nʒa, saś kudu·u̯. O·rčeźi F́e·dėr a·ťaś rozo·voj banary·nʒa, tagy tuś to·mba-

---

зить навозъ. Идетъ Өедоръ съ возомъ навоза, видитъ — пастухъ снимаетъ шкуру съ палой овцы. Овца жирная. Өедоръ говоритъ: «отрѣжь мнѣ сала, на что-нибудь пригодится». Пастухъ вырѣзалъ изъ овцы сало, далъ Өедору. Свезши пять возовъ, Өедоръ пошелъ домой. Пришелъ Өедоръ домой, а жены его нѣтъ дома. Онъ положилъ сало, надѣлъ рваную рубашку, сталъ собираться сѣять коноплю. Лошадь свою онъ послалъ съ людьми, а самъ онъ пошелъ прямо. Ему нужно было идти на ту сторону рѣки. Въ рѣкѣ была замочена его колода. Онъ положилъ коноплю въ колоду, сѣлъ и самъ, и пустился плыть. Только что онъ оттолкнулъ колоду отъ берега, колода перевернулась, и Өедоръ упалъ въ воду, а конопля пошла плавать поверхъ воды. Вышелъ старикъ изъ воды, пришелъ домой, надѣлъ другую рубашку, насыпалъ конопли въ мѣшокъ, опять пошелъ на ту сторону рѣки. Положилъ коноплю въ колоду и самъ сѣлъ; только что пустился плыть, опять упалъ въ воду. Вышелъ изъ воды, взялъ коноплю себѣ на плечи, пошелъ домой. Надѣлъ Өедоръ розовую рубашку, опять пошелъ

l'ii̯. Pu·tyńʒi koloda·ńt'iń kańćiry·t'iiń. Ozaś sońć koloda·ńt'iń, tuś uji·ḿe. Ujś v́e·d'eń b'eľevi·c, a sonʒy a·laša v́eťećaťni lo·maťni uš sa·śť i va·nyť, koda· F̌edėr a·ťaś jutė·. Pa·ćkić F̌edėr a·ťaś p̌e·ľevi·c i ḿeŕi laŋgyzy·nʒy vanyća·ťńińiń: «ujńa·t, ujńa·t, to·na·dat u·jńiḿe». A·ńćak ke·ńeŕć i·śťa ḿe·ŕeḿe, v́e·ľaṷś ko·lo·daś, čo·paṷś F̌e·dėr a·ťaś v́e·d'eńť ku·ńćkavi·c. Va·ncy F̌e·dėr a·ťas — ju·tams kaduṷś a·lama i ko·śki pana·ryzy ara·ś; tuś vi·cty to·mbaľii̯. Liśś v́e·ctėńť F̌edėr a·ťaś, vi·d'iźi muškyńť i ka·rmaś so·kama. Saś kuduṷ F̌e·dėr ba·baś. So·ńd'anʒy jo·ftaśť, koda F̌e·dėr aťaś va·jśiś. F̌edėr ba·baś va·rštaś žėŕd'alaŋks, rozo·voj ba·naryś a·raś. Tuś F̌e·dėr ba·baś to·mbaľii̯, karma·ś F̌edėr a·ťańť a·znuma. F̌e·dėr a·ťaś kulcy·nyś kulcy·nyś, ḿe·ľezy moľć, ka·dyźi so·kańť i ka·rmaś F̌e·dėr ba·bańť lo·kšsy čau·manʒa. F̌e·dėr ba·baś čijńiś čijńiś muškńiń la·ŋga, F̌e·dėr a·ťaś ja·ly a·kady e·jsėnʒa. Jortoṷś F̌e·dėr ba·baś v́ec i ka·rmaś v́e·ctėńť a·znuma. F̌e·dėr a·ťańť lo·kšėś a·satė. Son goćkaś eľezė·nʒy po·koľť i kar-

---

на ту сторону. Положилъ коноплю въ колоду. Сѣлъ самъ въ колоду, пошелъ плыть. Доплылъ до середины рѣки, а ведшіе его лошадь люди уже пришли и смотрятъ, какъ переправляется Өедоръ. Дошелъ Өедоръ до половины и говоритъ смотрящимъ на него: «плаваешь, плаваешь, выучишься плавать». Только онъ успѣлъ такъ сказать, перевернулась колода, Өедоръ нырнулъ въ середину рѣки. Видитъ Өедоръ — перейти осталось немного, и сухой рубашки у него нѣтъ; онъ пошелъ прямо на ту сторону. Вышелъ изъ воды Өедоръ, разсѣялъ коноплю и сталъ пахать. Пришла домой Өедорова старуха. Ей разсказали, какъ Өедоръ тонулъ. Өедорова старуха посмотрѣла на жердь, розовой рубашки нѣтъ. Пошла Өедорова старуха на ту сторону, начала клясть Өедора. Өедоръ слушалъ, слушалъ, надоѣло ему, бросилъ соху и сталъ бить Өедорову старуху кнутомъ. Өедорова старуха бѣжала, бѣжала по коноплямъ, Өедоръ все ея не оставляетъ. Бросилась Өедорова старуха въ воду и начала его клясть изъ воды. Өедо-

maś Ŕedėr ba·bańť laŋks jovŕe·ḿe. Ŕedėr ba·baś va·ncy ťeŕť b́e-ŕa·ťť, ju·taś ťe bo·kaų i ḿeŕi Ŕedėr a·ťańťiń: «mon dońćeť kak ťev́et ťejsa», i tuś kudu·ų. Ŕedėr a·ťaś ka·rmaś so·kama, a Ŕe·-dėrnėza ba·baś sa·jiźi Ŕedėr aťańť u·skuft ḱe·ĺm' o·jeńť, ťe·jńiźi ćomara·ks i sė·v́eźe. So·kaųś Ŕedėr a·ťańť ṕi·ŕiza, saś kudu·ų, ṕe·ŕgaftyźi alaša·nʒa i ḿeŕe: «a ťesty ḱeĺm' o·jeś ko·sa?» — «A mon gosta so·dan», ḿeŕi Ŕe·dėr ba·baś. — «Vana·t, ḱi·skat sa·-lyź, a mon pastuχuń ǵe·cty ḱeŕćeŕťekšnėńe, ḿeŕan: ḿejś kak ma·štuv́e», ḿeŕi a·ťaś. — «A śe ḿe·źeń oj uĺńi·ś?» ḿeŕi Ŕe·dėr ba·baś. — «Mon guly ŕev́i la·ŋksty pastuχuń ǵe·cty ḱeŕćeŕťe·kš-nėńe». A·ńćak Ŕedėr baba·ś ńe va·ltnyń ma·ŕińʒe, koda ka·rḿi u·skmuma. — «Ton ďeťḱeḱ», ḿeŕi Ŕe·dėr a·ťaś. Koda karḿi Ŕe-dėr ba·bańť lo·kšŷ čanmanʒa, a Ŕedėr ba·baś a·ńćak ťe·jńe: «va·j, mon, va·j, mon». — Ŕedėr aťańť mu·škyś ĺiśś v́eśeḿe·dy i·ḱiĺe. Ťe, vana·t, ťedy, šty son načky pa·narcy v́i·ďiźe.

Записано отъ Р. Ѳ. Учаева.

ровъ кнутъ не достаетъ. Онъ собралъ въ полу комки земли и сталъ кидать въ Ѳедорову старуху. Ѳедорова старуха видитъ — дѣло плохо, перешла на ту сторону и говоритъ Ѳедору: «я и сама съ тобою сдѣлаюсь», и пошла домой. Ѳедоръ сталъ пахать, а Ѳедорова старуха взяла привезенное Ѳедоромъ сало, изготовила его на вареники и съѣла его. Попахалъ Ѳедоръ свое гумно, пришелъ домой, отложилъ лошадь и говоритъ: «а отсюда сало гдѣ?» — «А я откуда знаю?» говоритъ Ѳедорова старуха. — «Видно, собаки стащили, а я велѣлъ пастуху отрѣзать, говорю: на что-нибудь пригодится», говоритъ старикъ.—«А это чье было сало?» говоритъ Ѳедорова старуха. — «Я велѣлъ пастуху отрѣзать отъ палой овцы». Только услышала Ѳедорова старуха эти слова, какъ начала блевать. — «Ты слопала», говоритъ Ѳедоръ. Какъ начнетъ Ѳедоръ бить Ѳедорову старуху кнутомъ, а Ѳедорова старуха только повторяетъ: «охъ я, охъ я». — У Ѳедора конопля взошла раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Это, видно, оттого, что онъ посѣялъ ее въ мокрой рубашкѣ.

Mon uľńiń ḃednėjeń pastuχyń ďeχťeŕ. Pańćiń bojaryń bukat, vanyń v́eľeń zdadat. Stadavanuma ťeχťeŕńeń v́iśks. Mon eŕva tujimsty kažnyj valćki avaŕďan, ṕŕakam zajsa kavalalyn, palkam noldasa bokam guvalt, tujan gardaz udalga, ṕiŕiń bačk, v́eďeń ǯuďiftka, štobu lomaťť iľamiź ńek. Vantana v́eľemalasy pandy laŋksa, v́eľesty ḱiť moľeť vanca, ḱijavańť ḱijak ardė. Mon v́eśńan v́eďeń ǯuďifť eśťań ǵekšėms, štobu lomańiś iľamam ńek. Lomańiś vakskanyk ardė, jutasamiź, mon v́eďeń ǯuďiŋkstyńť ľiśan, štobu iľamam ńek. Mejľi maksymiź ḿiŕďińiń. Śiŕotat kudysyńť, kafty parėjďen, aťafťum, parėχńe moń ḿiŕďińťi odavań, auľ rodnėχť, odavań eχť. Eŕeńcḱ kafty gott, mońćeń bakša čaćś, tagy kafty gott jutaśť, kolmoćekstėńť Roman čaćś. Ḃednėχť uľńińiḱ, orčaftums pakšaťńiń laŋks ńemeźä, andums kak ńemeźďä, eśťań orčams ńemeźä. Mon gaŕḿiń V́eŕipazyńťi oznoma, eśťań guluma v́eśńeme; ćińiḱ v́eńcḱ jaly kuluma v́ešeń: «Kuluftumak, koŕḿeńećḱemat, ćiť iľi v́eť; v́ec moľemsty kuluftumak, ćem mońań pakšaťńiń laŋks

---

Я была дочерью бѣднаго пастуха. Я гоняла барскихъ воловъ, я пасла деревенскія стада. Пасти стадо для дѣвушки стыдъ. Я каждое утро при каждомъ выходѣ плачу, хлѣбъ свой возьму подъ мышку, палку свою пущу вдоль своего бока, иду позади дворовъ, черезъ гумна, по водотекамъ, чтобы люди меня не видѣли. Пасемъ мы на горѣ близъ села, изъ села кто идетъ, я вижу, и по дорогѣ кто скачетъ. Я ищу водотека, чтобы мнѣ спрятаться, для того чтобы меня не увидѣли люди. Человѣкъ проскачетъ около насъ, проѣдетъ мимо, я выйду изъ водотека, чтобы онъ не увидѣлъ меня. Потомъ меня отдали замужъ. Въ домѣ — сироты, два деверя, свекоръ, девери отъ мачехи моего мужа, не родные, дѣти мачехи. Жили мы два года, у меня родился ребенокъ, опять прошло два года, на третій родился Романъ. Мы были бѣдные, надѣть на дѣтей нечего, и накормить нечѣмъ, на себя одѣть нечего. Я стала молить Всевышняго, просить себѣ смерти; и днемъ и ночью я все прошу смерти: «Дай мнѣ умереть, кормилецъ ты мой, днемъ или ночью; когда я пойду за водой, дай мнѣ умереть, чѣмъ мнѣ на ре-

nalkśńimada, mońćťań štapy jakams». Mon ṕek jaly v́ešćń. Mon buty ťejev́eń šožďa ṕrev́eks. Ṕek naďejiń Pazyńťi, šty son kulungsamam, naďejiń Pazyńť laŋks i karmiń sodama, šty v́iďi kulan. Va·lćki kapšan, ťev́eḿ maštan—ťev́eḿ mašsa dy kulan. Kapšan—brovoŕńe ťev́eḿ mašsa i učan guluma, učan učan, a kulan. Cokšńi provoŕńi ťev́eḿ mašsa, v́eḿb́eŕť učan taga, kulan. Ťaťam jakaś ošoŋ, sazyrum turtuŋ ramaś b́idyun laŋgaks. Mon moľeń ťiťań guduŋ. Sazyrum ḿeŕä: «Paťaj, mońań bu pary styćat».—«Ḿejs?» mon ǵeŋḱšťeńe.—«Vany, ťaťam b́idyunyks laŋga ramaś mońań».—A moń ḿeľezėn śo rovno ľeć: «davaj mońć stasa toń b́idyunyńť». Son garmaś mon laŋksa muskyľama. — «Mon v́ešńan zdyćat, paťam-styća, ton kolasyť, moń amakssyń dońat». — Mon aryń pazavaťńiń garča dy ḿeŕan: «Kоŕmaj, toń ǵecty kuluma v́ešan, ton amaksat, rodnėen ǵecty žaľama v́ešan, ejsėn ažaľiť; sauś ṕŕam b́ovams». — Ťaťam ḿeŕi ṕećkalaŋksa: «Čem išťatt valt maŕamuda ejďeḿ b́eľďä, kadyk kalasyńǯä dy Oľaj stasyńǯä». Auľińǯi makst

---

бять разстраиваться, самой мнѣ ходить голой». Я постоянно сильно просила. Я сдѣлалась будто слабоумной. Очень надѣялась на Бога, что онъ дастъ мнѣ смерть, надѣялась на Бога и стала сознавать, что впрямь умру. Утромъ спѣшу, кончаю свою работу — кончу работу, и умру. Спѣшу — поскорѣе кончу работу, и жду смерти, жду, жду, не умираю. Вечеромъ поскорѣе кончу работу, всю ночь опять жду — помру. Отецъ мой съѣздилъ въ городъ и купилъ сестрѣ на верхъ бедуина. Я пошла въ отцовъ домъ. Сестра моя говоритъ: «Старшая сестрица, мнѣ бы хорошихъ портнихъ». — «На что?» спросила я ее. — «Вотъ, отецъ купилъ мнѣ верхъ на бедуинъ».—А мнѣ на умъ точно вспало: «давай я сама сошью твой бедуинъ». Она начала смѣяться надо мной.—«Я ищу портнихъ, сестрица-портниха, ты испортишь, я не дамъ тебѣ».—Я стала передъ образомъ и говорю: «Кормилецъ, я прошу у тебя смерти, ты не дасишь, я прошу у родныхъ пожалѣть меня, меня не жалѣютъ; пришло—повѣситься». — Отецъ говоритъ на печкѣ: «Чѣмъ слушать такія рѣчи отъ своего дитяти, пусть испортитъ да сошьетъ

ďaŕak, iśťak i ṕŕam povaľińe. Iśťa mon eŕeń jala. Ḿejľi ḿiŕďiḿ marta aščiťana čau kudysa. Roman ǵecėn, ḿiŕďiḿ durtuŋ ḿeŕan: «Ton ḿeź dumat? Roman gasyńďaŕaj, karḿi ḿińćińiḱ lacy ṕišči-ḿe». Ḿiŕďiḿ ḿeŕä: «Koda ina, znam iśťa karḿi ṕiščiḿe». Mon ḿeŕan: «Kabu tonaftums kozėj gak!» — «Ḿejsy ḿiń donaŋsyńiḱ?» — Mon ḿeŕan: «Lučy purnak da tonaftyḱ». Son mońań ḿeŕä: «Ton azdasak kodamy purnamuś, mon zodassa. Purnaź atonaftuv́e. Koda Pas ḿeŕi, dy iśťa. Pas vanyńďaŕasy, makssyńiḱ toŋafńiḿe». Ḿejľä son gaśś. Purnyńe sėŕńeńe, proožėńe učiťiľnaŋ. Tonafńiś v́e god, karmaś omboće tonafńiḿe. Sonʒy purnyź moraftuma. Mon ʒińiḱ v́ćńeḱ oznan Pazyńťi: «maksyzy, Koŕmajś, pary ṕŕeťť». Tonafńiś paŕćťe. Učiťiľińť ḿeľc tuś, popońť ḿeľc tuś; barckyj zdarystaś morafńiś martyst, ḿeľezėnʒy tuś. Ḿiń zajińiḱ dy ošoŋ uśkińiḱ. Kańďiťirckyjs makssyńiḱ. Ḿeśćć eŕaś. Popoś ḿeŕä: «Pakšaś para, jumaŋsyɳḱ tosa, sajiɳḱ tosta, Aľakśofkaŋ maksyɳḱ». Bar-

---

Овдотья». Если бы онъ не далъ, я такъ и повѣсилась бы. Такъ я все жила. Потомъ мы съ мужемъ жили въ пустомъ домѣ. Романъ у меня на рукахъ, я говорю мужу: «Ты что думаешь? Романъ, если выростетъ, начнетъ страдать, какъ мы». Мужъ мой говоритъ: «Какъ же, знамо такъ же будетъ страдать». Я говорю: «Какъ бы выучить его чему-нибудь!» — «На что мы его выучимъ?» — Я говорю: «Лучше ходи по міру да выучи его». Онъ мнѣ говоритъ: «Ты не знаешь, каково ходить по міру, я знаю. Ходя по міру, нельзя выучить. Какъ Богъ скажетъ, да будетъ. Если Богъ его упасетъ, мы отдадимъ его учиться». Потомъ онъ выросъ. Я собрала его, снарядила, проводила его въ школу. Онъ учился годъ, сталъ учиться другой годъ. Его выбрали пѣть. Я день и ночь молю Бога: «подай, Кормилецъ, хорошее пониманіе». Учился онъ хорошо. Учителю онъ понравился, попу онъ понравился; барскій староста пѣлъ съ ними, ему онъ понравился. Мы взяли да повезли его въ городъ. Отдали въ кондитерскую. Жилъ онъ мѣсяцъ. Попъ говоритъ: «Парень хорошій, погубите вы его тамъ, возьмите его оттуда, отдайте его въ Алексѣевку».

ckyj zda·rystaś ḿe·ŕä: «Saji·ηḱ to·sta. Pa·kšaś para·, koľńc·ḿi karḿi tosa·, jumaųsyηḱ». Ḿiń sajiniḱ oššta, Aľakśo·fkaų ma·kssyńiḱ. Kojkak jaly ḱisynʒy pandyńiḱ počsa·, jamkssa·, jarmaksa·. Ťaťaza· i·zvojs moľä ḿeźä· kojkak; ṕiščińiḱ jala. Ṕiščima·da źaŕdy·jak v́idaa· a lotkatana jak. Ńej van omboćeś eŕa·v́i to·naftums, śady valksyś a satė, ańćiḱ ja·rmaksa, dy eŕa·v́i ṕiľǵizynʒy dy la·ŋgyzynʒa, dy kudynyk ka·lać. Ťejems ńeḿejsa; śuryń ǯačumat araśť. V́iďiź gak a·lama, moda· a·raś. Skalnyś mijims, pakšaťńi vačy ka·duv́iť. Kudyś jal ťeḱi apu·tuv́e. Romanyń ǵirgasy moľťanak v́eśe, ŕiznamudy kulumazynyk a lotkatana jak. Ťeḱi maŗta kulytana jak. V́eśćḿezy śiśiḿ. Prodovoľśťv́ija ḿińańiḱ amaksyť v́eśeńeń, ańćiḱ kolmońeń. Ćorat učiťiľ, ḱeľi, ťŕatanʒat.

Записано отъ старушки Учаевой.

Koda uľńiś golodnėj god, sajńińiḱ kabal Anaso·voń ǵecty ďeśaťina. Moľeńeḱ nujiḿe; ďeśaťińaś satyć Čardyń v́eďeńť kuųaļt.

Барскій староста говоритъ: «Возьмите его оттуда. Парень хорошій, станетъ тамъ баловаться, погубите вы его». Мы взяли его изъ города, отдали въ Алексѣевку. Кое какъ мы за него все время платили мукой, крупой, деньгами. Отецъ его ѣздилъ въ извозъ за чѣмъ-нибудь; страдали все время. Видно, никогда и не перестанемъ страдать. Теперь вотъ надо учить второго, ста рублей не хватитъ только деньгами, да надо ему на обувь да на одежду, да изба у насъ развалилась. Сдѣлать не на что; урожаевъ нѣтъ. И посѣяно не много, земли нѣтъ. Корову продать, дѣти останутся голодными. Дома все равно не выстроишь. Всѣ мы ѣдемъ на Романовой шеѣ и не перестанемъ, вѣроятно, скорбѣть до самой смерти. Съ этимъ же и помремъ. Всего (насъ) семеро. Продовольствіе намъ даютъ не всѣмъ, только троимъ. Сынъ твой, молъ, учитель, прокормитъ тебя.

Когда былъ голодный годъ, мы брали у Аносова въ кабалу десятину. Мы отправились жать; десятина досталась вдоль рѣки

Roman ul'ńiś pakšyńä. Vaśiń d'eχt'eŕńiś śed'i pokšḱe. V́iška paŕej-d'eś cχt' vanć. Sońćenʒy ćisty kumuχa tape, ḿiŕd'iḿ źgamunʒy nuje, bratyza udalynʒy ašči jala, tarvazyńt' čarafty dy moŕe, a mon pakšat'ńiń vakssy dy śeŕed'ećańt' vakssy aščan; ńekoų gadums, ńedl'ań b́eŕt' nujińik ejsėnʒa. Koda ḱepet́i ṕiźińi, ḿiŕd'iḿ komaųś ŕidvatt, t'ejeś šalaž. Son zajiźi śeŕed'ećańt' bratynʒa, mon pakšańt' Romanyń, pokš t'eχt'eŕ bakšyńiś vakssyn. Ṕiźiś, ṕiźiś ṕiźińiś. Koda tujä alganyk v́ed', t'ejeųś jakšama, valcḱä ḱel'ḿśekšńeńeḱ. Jarcams t'eńeḱ ńemeźda. Kšynyk v́eśä. Pakšatńi v́ešėt', ḿińańiḱ maksums araś. Paśiba Anasuvńiń, jamkskit' makśś, kašyńi ṕid'ińiḱ, śedy jarcyńiḱ. Ḱemgaftuvy śḱirda nujińiḱ; ḿiŕd'iḿ ǵed'ezy iśt'aška targyjś. Naśila ḿeńeńeḱ.

Записано отъ старушки Учаевой.

Ḿińiḱ ka·ŕcy eŕi v́e loma·ń l'e·ḿezy Ma·t'v́ij. Ma·t'v́ijiń ara·ś kardazy·za, ara·ś o·rtaza. A·ńćak ku·dynʒy u·dala ašči v́i·ška

---

Чардыма. Романъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Первая дочка не много старше. Младшій деверь нянчилъ дѣтей. Его каждый день била лихорадка, мужъ мой жнетъ одинъ, братъ его все сзади него вертитъ серпомъ и поетъ, а я сижу около дѣтей и около больного; некуда оставить, цѣлую недѣлю мы ее жали. Когда поднялся дождь, мужъ мой опрокинулъ телѣгу, сдѣлалъ шалашъ. Онъ взялъ больного своего брата, а я малаго Романа, а старшая дѣвочка около меня. Шелъ, шелъ дождь. Когда пошла вода подъ насъ, сдѣлалось холодно, утромъ мы было замерзли. Ѣсть намъ нечего. Хлѣбъ весь. Дѣти просятъ, намъ дать нечего. Спасибо Аносову, онъ далъ намъ пшенца, сварили мы кашку, ея поѣли. Двѣнадцать скирдъ мы нажали; у мужа рука вотъ такая вспухла. Насилу мы вырвались.

Противъ насъ живетъ одинъ человѣкъ по имени Матвѣй. У Матвѣя нѣтъ двора, нѣтъ воротъ. Только за его домомъ стоитъ

ka·rdyńe. Ma·ťvij — oγo·ťńik; u·ľi ružyja·za, a ḱiska·t, źa·ry eź ve·ťńe, ve·jḱijak ḱecė·nʒy a e·ŕe. Moń a·vam sty; koda· uľńiń vi·šḱińe, mon gak ma·rtynʒy styń. Ḿi·ńiḱ u·ľńiś ḱi·skanyk, ľe·-ḿezy Bu·jan. Bu·janyś u·ľńiś vi·ška va·šyška. Veśť aščiń ʒokšńi, mon zdan. Buja·nyś va·ľmaly u·dy kudybokala·ηksa. Styń, styń, maŕasa — Buja·nyś ka·rmaś veľafńi·ḿe. Ḿeľi ka·rmaś o·γgoma, ći·jńiḿe, ka·u̯numa i mu·kuryńť iśťa· va·ľnańťiń ńeža·ďiźe, vaľ-maś na·tyj ća·tyrdė. Mon varšta·ksyľiń va·ľmavańť dy Buja·nyś ašči va·ľmańt ka·rča. Mon źďi·ń, mo·ľan ľi·ja va·ľmas. Vanca — Buja·nyń ka·rča puly·nʒy laηksa lou̯ žušmy laηksa ašči veŕǵe·z. Ḿini·ḱ Buja·nyś pokš, a veŕǵezėś ka·u̯kśť śeďi pokš. Ašči ve·ŕ-ǵezėś puly·nʒy la·γksa, a śeľḿenʒy buty tol baly·ť. Mo·n moľeń tagy· vaśiń va·ľmańťiń, konańiń Buja·nyś mukurynʒy pšči·ďiźe, stu·kaďiń kau̯kśť va·ľmańť, dy śe·ŕgeďeń: «Buja·n, uzy». Bu·janyś skokać kudybo·kańť la·γksta, gru·tcynʒy, iśťa· ṕeḱ ve·ŕǵezėńť, va·čḱiďiźe, ve·ŕǵezėś na·taj gunct praś. Na·puśťaś veŕǵezėś Mať-

---

маленькій хлѣвушокъ. Матвѣй — охотникъ; у него есть ружье, а собаки, сколько онъ ихъ не водитъ, ни одна не живетъ у него. Мать моя шьетъ; когда я былъ маленькимъ, и я шилъ съ нею вмѣстѣ. У насъ была собака, по имени Буянъ. Буянъ былъ съ маленькаго теленка. Однажды я сидѣлъ вечеромъ, я шью. Буянъ спитъ подъ окошкомъ на заваленкѣ. Я шилъ, шилъ, слышу — Буянъ началъ ворочаться. Затѣмъ онъ началъ лаять, визжать, скалить зубами и такъ прижалъ свой задъ къ окну, что окошко даже затрещало. Я хотѣлъ было посмотрѣть въ окно, да Буянъ стоитъ противъ окна. Я всталъ, иду къ другому окну. Вижу — противъ Буяна на хвостѣ на кучѣ снѣга сидитъ волкъ. Нашъ Буянъ великъ, а волкъ вдвое больше. Сидитъ волкъ на хвостѣ своемъ, а глаза его точно огонь горятъ. Я пошелъ опять къ первому окну, къ которому Буянъ прислонилъ свой задъ, стукнулъ два раза по окну и крикнулъ: «Буянъ, взы». Буянъ соскочилъ съ заваленки, сгрудилъ волка, такъ сильно ударилъ его, что волкъ даже упалъ навзничь. Волкъ побѣжалъ въ сторону Матвѣя. Буянъ побѣжалъ

v́ijiń b́e·ĺeu̧. Bu·janyś na·puśťaś ḿe·ĺganʒa. Śe škańť ĺiśś šabra·ń ǵi·skińe, na·puśťaś Buja·nyńť marta v́e·ŕǵezėńť ḿe·ĺga. Pa·ńiź v́e·ŕǵezėńť Ma·ťv́ijiń gu·dyń udalu·u̧, kurudyź ga·rdyńińť bo·kas. V́eŕǵezėś vancy — ťeff b́e·ŕaťť. Koda ka·pudĺiźi šabra·ń ǵi·skińińť. Ḱiskińińťij, vanat, ṕek maŕa·ś. Koda· karḿi ći·jńiḿe. Maťv́ij u·ĺńiś ṕećkala·ŋksa, ḱeṕe. Ma·ŕiźi ḱi·skińińť ćijńima·da, čaŕḱi·ć, šty ťe v́eŕǵe·z. Ka·pudĺiźi Ma·ťv́ij ružyja·nʒa, ĺiśś ušu·u̧, va·ncy ka·rdyńińť bokasy ḱiska·ťńi tu·ŕiť v́eŕǵez ma·rta. Ćijś Ma·ťv́ij ḱi·skaťńiń vakss, v́eŕǵezėś ḱiskaťńi·da na·puśťas. Ma·ťv́ij na·puśťaś v́e·ŕǵezėńť me·ĺga. V́e·ŕǵezėś a·rdė ardė, Bu·janyś sa·-sasė; ku·ndasy ĺa·škady, ḱi·ŕdĺi ejsėnʒa. Śe· škańť ćiji malau̧ Ma·ťv́ij. A·ńćak bu v́eŕǵezėńť va·čkidĺims, v́e·ŕǵezėś ta·gy na·-puśťe. Ta·gy sasa·sy Bu·janyś, ta·gy ḱi·ŕcė, tagy v́i·dĺizyst čiji Ma·ťv́ij. A·ńćak bu va·čkidĺims, v́e·ŕǵezėś tagy ḿe·ńe. Iśťa v́eŕǵezėńť ma·rty Bu·janyś ma·ńiź Ma·ťv́ijiń va·jǵiĺb́eń da·rkaška v́e·ĺedėńť. Ḿeĺi v́e·ŕǵezėś na·puśťaś śedĺi bo·jkasta, a Bu·janyś,

---

за нимъ. Въ то время вышла сосѣдская собачка и побѣжала вмѣстѣ съ Буяномъ за волкомъ. Погнали волка на зады Матвѣева дома, загнали къ стѣнѣ хлѣвушка. Волкъ видитъ — дѣло плохо. Какъ схватитъ сосѣдскую собачку. Собачкѣ, видно, больно показалось. Какъ начнетъ она визжать. Матвѣй былъ на печкѣ, босой. Услышалъ онъ визгъ собачки, понялъ, что то волкъ. Схватилъ Матвѣй свое ружье, вышелъ наружу, видитъ — у хлѣвушка собаки грызутся съ волкомъ. Побѣжалъ Матвѣй къ собакамъ, волкъ убѣжалъ отъ собакъ. Матвѣй побѣжалъ за волкомъ. Волкъ скачетъ, скачетъ, Буянъ его догоняетъ; схватитъ за ляжки, держитъ его. Въ то время подбѣгаетъ Матвѣй. Только бы ударить волка, волкъ опять убѣжитъ. Опять схватитъ его Буянъ, опять держитъ его, опять къ нимъ бѣжитъ Матвѣй. Только бы ударить, волкъ опять вырвется. Такъ Буянъ вмѣстѣ съ волкомъ заманили Матвѣя на разстояніе около версты отъ села. Затѣмъ волкъ побѣжалъ скорѣе, а Буянъ, видно, утомился, пошелъ въ сторону, легъ на жи-

vanat, śiźiś, tuś v́epeľeu̯, mać ṕeke·nʒy laηks dy nolći la·pkanʒa. Śe·sty a·ńćak Maťv́ij fa·ťaś, šty son ǵeṕe ašči końeľka·va lou̯ bo·ca. Koda tu·ji čijimé, čiji, či·ji, pu·puŕďe. Čijś koj ka·k kudu·u̯, kuśś ṕećkala·ηks, keṕeďe·nʒi ṕi·ľǵinʒy v́e·ŕeu̯. Kafty ńeďľat Ma·ťv́ij aščiś ke·ṕeďeń b́i·ľkť i iśťa· ṕek ṕiźńiś, na·taj uľća·ń droks ḿek ḿi·ńańik maŕa·u̯ś.

Записано отъ Р. Ѳ. Учаева.

Васыцьть кафты ломатть и кармасть кортама. — Кода тефьне? мери вейкесь. — Беда! мери омбоцесь. — Ней мень беда, коли мининь пелькссэсь изьне! — Мининь пелькссэсь изьни ды копанинь гопанинь пекь салуў. — Кода салуў? — Кода! Ваны тонь зёрат сапзь, а монь олгэн бултызь. — Мон зёраньть кис а ризнан, аньцикь бу мининь пелькссэсь изьпяль. А тонь гостьі олгэт пултызь? — Одзёрэнетьпи чокшнеьтень зялыдарьдить и морэть од морэт, а полицэйскэйтьнп эйсэст куньцить. Сыть мининь пеў,

---

вотъ и лижетъ свои лапы. Только тогда Матвѣй хватился, что онъ босой стоитъ по колѣна въ снѣгу. Какъ пойдетъ онъ бѣжать, бѣжитъ, бѣжитъ, упадетъ. Прибѣжалъ кое-какъ въ домъ, влѣзъ на печку, поднялъ ноги кверху. Двѣ недѣли Матвѣй лежалъ съ поднятыми ногами и такъ сильно кричалъ, что инда даже черезъ улицу намъ было его слышно.

Встрѣтились два человѣка и начали говорить. — Какъ дѣла? говоритъ первый. — Бѣда! говоритъ второй. — Теперь что за бѣда, когда одолѣваетъ наша половина! — Наша половина одолѣваетъ, да кое-кому очень солоно. — Какъ солоно? — Какъ! Вотъ твоего сына взяли, а мою солому сожгли. — Я не печалюсь за сына, только бы одолѣла наша половина. А твою солому гдѣ сожгли? — Молодые парни вечеромъ шатаются и поютъ новыя пѣсни, а полицейскіе ловятъ ихъ. Придутъ въ нашу сторону,

зап эрьва полицэйскэйсь монь омъёцты везанка олга, ды кирвайсы ды эжне. — Ды косы тонь олкне? — Кардаз удалуў ускси-кишнынь, седи малаў, ды пей полицэйскэйть эждян.

Ве ава Порт-Артурыньтинь мерьць Орта-тула. Се авась марясь ульцясы лия авань бельдп, шты Порт-Артурыньть саизь Японицпэ. Сась авась кудуў ды мирьдиицтынь мере: «Лёф! а Лёф! Ортатулыньть саизь». А мирьдись думи сынцт ортатулыст кияк саизи и мери козяйканьть карча: «Кона пона саизе? Пряпѕы лазумс уливиль!» — «Ойпасы саязь!» мери козяйкась. — «Мень попань гис тоў запзь? Мень попат тосы мартынѕы тейнеть?» мери мирьдись. Козяйкась кармась ёфнеме: «авуль зынцт ортатулыньть саизь, а Порт-Артур городэньть саизь Японицпэ Руспынь гецта».— «Понатьпи а улить Порт-Артур городэньть марта, эряви як пекь.

возьметъ каждый полицейскій вязанку изъ моего омёта да зажжётъ и грѣется. — Да гдѣ твоя солома? — Я свезъ позадь двора поближе, а теперь грѣю полицейскихъ.

Одна старуха называла Портъ-Артуръ Орта-тула [воротняя втулка, воротній запоръ]. Эта старуха услышала на улицѣ отъ другой женщины, что Японцы взяли Портъ-Артуръ. Пришла старуха домой и говоритъ своему мужу: «Лёвъ! а Лёвъ! Взяли Ортатулъ». А мужъ думаетъ, что кто-нибудь взялъ ихъ воротній запоръ и говоритъ въ отвѣтъ женѣ: «Какой чортъ взялъ? Разбить бы его голову!» — «На войнѣ взяли!» говоритъ жена. — «На коего чорта взяли его туда? Что сдѣлаютъ черти съ нимъ тамъ?» говоритъ мужъ. Жена начала говорить, что взяли не ихъ воротній запоръ, а городъ Портъ-Артуръ взяли японцы у русскихъ.— «Пропади эти черти съ городомъ Портъ-Артуромъ, больно ужъ

А мон цалы, миникь ортатулыпьть саизь, бачкипь бачк тапдадыкшыпь», мери мирьдись козяйкапьть карча.

Госьтесь. (Невсь тейтерьбакшаньть лангкс). — Кщирьди што-ли?

Авась. — Вай, а кщирьдп. Моньць как эйсэнзы ванцтан. Ушка сюкуртныпь варчтасыпь. (Варчтась пецькас).

Тейтерьбакшась. — Авай, дупка пацям.

Авась. — Ази-ази! эйдякай, кусть пецькалангкс.

Госьтесь. — Продовольствiянгк сатыць?

Авась. — Арасы! ниле улафт пстяк састь Конат розь марты як састь, сеть как авуль веси ускизь. Тынгкь косы од гудысь?

Госьтесь. — Эль аздасак тапты таркапьть...

Авась. — Земскэй начальникиньть кискапь апдыцясь ёфпесь, Москоўсы студеттнэ пек ламы ломаттъ чаўсть.

пужно. А я думалъ, что взяли нашъ воротнiй запоръ, очень я испугался», говоритъ мужъ въ отвѣтъ женѣ.

Гость. (Показываетъ на дѣвочку). — Прядетъ что-ли?

Женщина. — Охъ, не прядетъ. Я и сама ее караулю. Дай-ка я посмотрю на лепешки. (Посмотрѣла въ печку).

Дѣвочка.— Матушка, дай-ка мой платокъ.

Женщина. — Ступай-ступай! дитятко, лѣзь на печку.

Гость. — Продовольствiя вамъ хватило?

Женщина. — Нѣтъ! четыре воза пришли пустые. И тѣ, которые прiѣхали съ рожью, не всю привезли. Гдѣ вашъ новый домъ?

Гость. — Или не знаешь стараго мѣста...

Женщина. — Псарь земскаго начальника говорилъ, что въ Москвѣ студенты убили очень много людей.

Госьтесь. — А миньдяпикь, кели, княнпась пасиба ёфтэ: аламы пултыникь.

Авась. — Кода серьдешнэйть менеди Заоцта?

Госьтесь. — Заотцы минь газакнинпнь аулиникь попкт ды винась мешась. (Эрьзятьни, кода мольцьть Елчапский утырьшьть пултама, мунзь барцкый винатьнинь, зимсть ды казакпи весепь гуньцизь).

Авась. — Тон гак ульнить Заотца?

Госьтесь. — Мон Заодов эзень яка, монь гадпымизь гопёхокс.

Авась. — Кода пны чарькидиди, шты казакт састь?

Госьтесь. — Кода! Мпнь ваптапа барцкый алашатьнинь; ванцыникь, эрьзятьни Заоцты ардыть прянь-болдань зипьдизь. Кона а ярдэ, нолдасы алашанить, соньць пелпкулысты туи кудуў.

Авась. — Вай! зерьдешпэйть.

Госьтесь. — Акимшь Гостя арць, алашанить лангксты а валгуве, пекь тапдаць. Моп меряп: Госьтя! месть тоса? А сон гаш-

---

Гость. — А намъ, говоритъ, княгиня сказываетъ спасибо: не много мы сожгли.

Женщина. — Какъ вы, сердечные, вырвались съ Завода?

Гость. — На Заводѣ мы не попались бы казакамъ да вино помѣшало. (Мордвины, когда ходили жечь Елшанскій хуторъ, нашли барскія вина, выпили, а казаки переловили всѣхъ).

Женщина. — И ты былъ на Заводѣ?

Гость. — Я на Заводъ не ходилъ, меня оставили конюхомъ [караулить барскихъ лошадей Сухокарбулацкой экономіи].

Женщина. — Какъ же вы узнали, что пришли казаки?

Гость. — Какъ! Мы пасемъ барскихъ лошадей; видимъ, что мордвины скачутъ, не жалѣя своихъ головъ, съ Завода. Который не скачетъ, пуститъ лошадь, а самъ полумертвымъ идетъ домой.

Женщина. — Охъ! сердечные.

Гость. — Акимовъ Костя прискакалъ, не слѣзетъ съ лошади, очень испугался. Я говорю: Костя! что тамъ? А онъ мол-

моле. Захарынь Анисимь мере: «чавуды эйсэнзы; мекс сон а ёфтэ!»

Авась. — А Заодэнь бултамы чидыньть икили месть тейнеде?

Госьтесь. — Сесты тефып мольцьть: молят барцкый гардазуў, зывиль зяры мелет; ярцат-телт ды кудуў.

Авась. — Ды тыпьнь мейсты кармиде?

Госьтесь. — Икпливь гак моленекь олоснэй управа икпливь. Олоснэй бисырпсь лиссь, кармась сёрмалимапык. Минь зонзы капудипикь ды жигилёфкас пекстэнекь. Мельп туппикь барцкый гардазуў. Барцкый гардазыньть пултыникь, карминикь тоўзеры лўшыме. Омбоцп чипьть мипьдяпикь лўшпмаль зготенась ды коромось, а минпкь кулумысь кандымизь Заодэньть пултама.

Авась. — Ней вапат кискатьнинь гак саньзи теста?

Госьтесь. — Кода а сайсыньзп, попопэк как оргоць... Те мень ура? Авуль цабатарьничить?

Авась. — Кодамы чабатарьничама; васьня куш барчтппаса

чить. Захаровъ Анисимъ говоритъ: «бейте его: чего онъ не говоритъ!»

Женщина. — А передъ днёмъ, когда сожгли Заводъ, что вы дѣлали?

Гость. — Тогда дѣла шли (хорошо): пойдешь на барскій дворъ, мяса сколько хочешь; поѣшь немного, да домой.

Женщина. — Да вы съ чего начали?

Гость. — Сначала мы пришли передъ волостную управу. Волостной писарь вышелъ, началъ насъ переписывать. Мы схватили его и заперли въ жигулевку. Потомъ мы пошли на барскій дворъ. Барскій дворъ мы сожгли, начали дѣлить пшеницу. На другой день намъ бы раздѣлить скотину и кормъ, а лѣшій понесъ насъ жечь Заводъ.

Женщина. — Теперь видно даже собакъ она взяла оттуда?

Гость. — Какъ не возьметъ ихъ она, даже попъ нашъ убѣжалъ... Это что за шило? Не сапожничать ли?

Женщина. — Какое сапожничанье; раньше хоть на барщинѣ

гривнань битьне роботась, а ней зе як арась. Ащат-ащат истяк ды кундат мейс как. Куш эрьва тевеньть невь мекь ветямуиѕы амаштапа, а ялы мезияк лисе... А ней месть преўсэгк?

Госьтесь. — Недлячисты думиник пурнаумы управаў дребувуньянь зёрмадума.

Авась. — Ней эрьѕянь верень зиминсь коса?

Госьтесь. — Саратуўса. Ней бу неемс ды тоначивь бровожамс.

Авась. — Ней, ѕей, зоньценѕы куда?

Госьтесь. — Я, цей, эрьѕятьнинь бонксэст как пельгенеиьѕе... Те мепь жлабикь?

Авась. — Те шлабикись Марюў бабань. Марюў бабам ульпись Осапвелень. Кода лиссь минсикь велевь, максызи те шлабикиньть Ковра бабанинь, а Ковра бабам максызи монянь. Ковра бабась ульнись монь роднэй бабам, авань аваза.

онъ работалъ за плату въ гривенникъ, а теперь и этого нѣтъ. Сидишь-сидишь безъ дѣла да возьмешься за что-нибудь. Хотя каждое дѣло мы не умѣемъ довести до самаго конца, а все что-нибудь выйдетъ... А теперь что у васъ на-умѣ?

Гость. — Въ воскресенье мы рѣшили собраться въ правленіе писать требованіе.

Женщина. — Гдѣ теперь пьющій мордовскую кровь?

Гость. — Въ Саратовѣ. Теперь бы увидѣть его и проводить на тотъ свѣтъ.

Женщина. — Теперь, чай, у него домъ?

Гость. — Да, чай, онъ стаскивалъ съ мордвиновъ даже штаны — Это что за шлабикъ [женскій головной уборъ]?

Женщина. — Этотъ шлабикъ старухи Маріи. Старуха Марія изъ деревни Осаповки. Когда она вышла къ намъ въ деревню, она дала этотъ шлабикъ бабушкѣ Хавроньѣ, а бабушка Хавронья дала мнѣ. Бабушка Хавронья была моей родной бабушкой, матерью моей матери.

Ве атя мольць шабрас гиря вешеме. — Э-э-э! сюк тенкь! — Сак тенекь! — Месть вадьпят? (А шабрась сёвоньцы вадьни галанка лазуўкс). Тонь бельбондэт уле? — Арась! — Мезет ины ули? — Пондом! — Ну, тон дай бондэньть! — Сапкь, ды тон гандыкь! — Тоньць как молят. — Продовольствияньть мельга тоньць штоли якить? — Арась, рестаныньть кучнипе. — Ней года асатумапьть марта? (Эрьзятьнинь эзь заты продовольствиняст). — Полпамочийнытьни магазей утумсты макссызь асатумапьть. — Сынь года смееть магазей утумсты сюрыньть токамунзы? Ды магазей утумсы аньцикь кемголмовы понда. — А се розеньть зиярц чеерьть сэвезь.—А Араба тусь магазей утумуў розь мельга?— Араба уш сась.— Рость ускь? — Ванат ускь: месть бути суфпе. — Полнамочпиыйтынинь зыньцист росьни старыста марты сапмальть! — Арабань буль бочтэзы арась. — Цей минь максынинь тензы колэньгемень ɣунт. — Цей моньдянь гак якась;

Одинъ старикъ пришелъ къ сосѣду просить гирю. — Э-э-э! поклонъ вамъ! — Иди къ намъ! — Что ты обмазываешь? (А сосѣдъ обмазываетъ трещины голанки глиной). У тебя есть полупудовая гиря? — Нѣтъ! — Что же у тебя есть? — Пудовая гиря! — Ну, ты дай пудовую гирю! — Возьми, да ты принеси! — Ты самъ придешь. — За продовольствіемъ что ли ты самъ ходилъ? — Нѣтъ, я послалъ арестанта [сынъ этого старика только что вернулся изъ острога]. — Теперь какъ съ нехваткой? (Мордвѣ не хватило продовольствія). — Уполномоченные выдадутъ нехватку изъ магазиннаго амбара. — Они какъ смѣютъ трогать хлѣбъ изъ магазиннаго амбара? Да въ магазинномъ амбарѣ только тринадцать пудовъ. — А ту рожь скоро съѣли мыши. — А Араба [прозваніе одного крестьянина] пошелъ въ магазинный амбаръ за рожью? — Араба ужъ вернулся. — Рожь онъ привезъ? — Видно, привезъ: что то скрапываетъ. — Слѣдовало бы взять рожь у самихъ уполномоченныхъ вмѣстѣ со старостой! — У Арабы нѣтъ ни пылинки муки. — Чай, мы дали ему тридцать фунтовъ. — Чай онъ

мон меряи: адя куш вант, эстяньгак недьляс как а сатыть. — Азя! Өедя, максыкь пондэньть. — От! Миша туутьнинь раминьэн колэньгемень золковоень битьне, а миньэн колэньгемень нилинь битьне. — Кодамы Миша!? — Дёгодь Мишась.

Сась ве ломань жабрас, сувась ды лексезеўсь. — Э-эх! мекс уш некь якшама! — Иля корта, кум. Пекь штоли якшама? — Цей вант пень ланкс (цёрась неўсь вальматьнинь ланкс, конат ульнисть пеьтятт кельмеўкст, шты аньцикь тонадызь можнат ловомс вальмакс). — Тоньць якат как пеццакса. — Цей авуль ги ланкс, кудысты тей года як пачкидян. — Ульцясы мезень жум? — Сывиль микшнить. — Кода? — Вете! — Кода мие? — Ярмакыт максыкь, сывилипьть сапкь, веси сеса. — Тон ванат Ёлчапкасы удыть? [1]) — Нама! — Кона порава сыть? — Валцке. —

1) Мордва ѣздили за продовольственнымъ хлѣбомъ въ Чардымъ, чрезъ Елшанку, опоздали и ночевали въ Елшанкѣ. Дѣло было въ святки, и нужда погнала мордвовъ по деревенской знати славить Христа. (Прим. Р. Ө. Учаева).

и ко мнѣ приходилъ; я говорю: иди хоть взгляни, самому мнѣ и на недѣлю не хватитъ.—Ступай! Өедя, дай пудовую гирю.—Вотъ! Миша купилъ свиней за тридцать рублей, а продалъ за сорокъ четыре. — Каковъ Миша!? — Дёготь Миша [«Дёготь» прозвище отъ торговли дёгтемъ].

Одинъ человѣкъ пришелъ къ сосѣду, вошелъ и прокряхтѣлъ. — Э-эхъ! ужъ что за сильный холодъ!—Не говори, кумъ. Очень сильный холодъ развѣ? — Чай, посмотри на нихъ (мужикъ показалъ на окна, которыя были такъ заморожены, что только по привычкѣ можно было счесть ихъ за окна).—А самъ ты ходишь въ пиджакѣ. — Чай не въ дорогу, изъ избы сюда какъ-нибудь дойду.—На улицѣ что за шумъ? — Продаютъ мясо. — По чемъ? — По пяти копеекъ. — Какъ онъ продаетъ [т. е. въ долгъ или на чистыя деньги]? — Отдай деньги, возьми мясо, всё тутъ. — Ты, видно, ночевалъ въ Елшанкѣ? — Знамо! — Въ какую пору

А моньдянь Гулпика ёфтась — обецта. Яжамы а нороват молеме? Мон горомс сыргап, чалмыть дровпятьпинь! — Дровпятьпп эсьтянь эрявить, мельнецяў.—Мельнецяў якат нурца. Ды тон уотёл ажамы кщеньяды мельп, а сыргат ней. — Кода Ёлчанкасы попоньтень моледи славама? — Кода? молепекь, комсь трёшьнпкь макссь. — Месть мерьць? — Соньць эзь лисьнп як, козяйказы лиссь ды макссь.—Мельи месть? — Месть? пачкыньбачк ужипыпикь.—Аньцяк попоньтей якиде?—Авуль, пиш кодамы бутп боярпышь якпникь; се макссь ведьгемень дрёшнпкь. А Чардымсы якиникь учптпльньтий, се макссь вс гривна. А Чардымскый бонось эзь бапчт как.— Алашатьнинпнь гак цей месть как рамсиде? — Алашатьнинпнь гудыстынь гором ульнпсь. — Кудысь кармась эжеме! мери атясь. — Толэсь кирьпицьнинь бачк цптирды тей мекь, мери карчпизы цёраза. — Нейкь уш лиякстумсь, мери атясь.—Кись пара? тагы коўкстези атяньть цёрась

ты пріѣхалъ? — Утромъ! — А мнѣ Акулина говорила — въ обѣдъ. Не собираешься ѣхать молоть? Я собираюсь за кормомъ, опростай дровпп! — Дровпп самому мнѣ нужны, на мельницу.— На мельницу поѣдешь на саняхъ. Да ты хотѣлъ молоть послѣ крещенія, а собираешься теперь. — Какъ вы въ Елшанкѣ ходили славить къ попу? — Какъ? пришли, онъ далъ намъ двадцать копеекъ. — Что онъ сказалъ? — Самъ онъ не вышелъ даже, жена его вышла и дала. — Потомъ что? — Что? поужинали. — Вы ходили только къ попу? — Нѣтъ, мы ходили еще къ какому-то барину; тотъ далъ пятнадцать копеекъ. А въ Чердымѣ мы ходили къ учителю, тотъ далъ одинъ гривенникъ. А Чердымскій попъ даже и не отперъ. — Чай, и лошадямъвы кое-что купили? — Лошадямъ былъ кормъ, изъ дому взятый. — Изба стала нагрѣваться! говоритъ старикъ.—Огонь выбиваетъ черезъ кирпичи даже сюда, говоритъ въ отвѣтъ ему сынъ его.— Теперь ужъ перемѣнился воздухъ, говоритъ старикъ. — Дорога хорошая? опять спросилъ стариковъ сынъ пришедшаго къ нимъ человѣка. — Мы

сыньдяст сыця ломаниньть. — Минь зынинь, парыль, веть койгить састь, мереть берянилъ. — Цей Заодэньть пачк ютамсты пельтяда? — Пельтяпа! а вантапа як. — Мекс дыкват эзеть печксе? мери атясь цёрапцтый.— А те авуль даньтий? кеўкстези цёрась тятяньть, неўсь ве дыква лаигкс. — Тынгкь улить дыкванк? кеўкстези цёрась сыньдяст сыця цёраньть. — Улить! мери те карчинзы, минь раминикь вили ост, эрьва озэньть кпсы пандыникь ве целковой ды комсьветеи копийка. Коў ней доньць сыргат? — Моляи, вазныньтинь дыквинить каяи.

Те теў ульнись: Ве ломанинь ульнись бурый эльдезы ды сивой меренэза. Сась сокамы лапта. Сась ломанись паксясты сокамста, бурый эльдесь вашиясь. Ломанись и думе: вандый бурый эльденьть сокамы кильдимс а еряве, сави аньцяк меренцэньть тулмс. Сась валцкинь зоря. Эрьзяньть козяйказы кармась эрь-

---

пріѣхали, была хорошая, ночью кое-кто пріѣхалъ, говорятъ, была плохая. — Чай вы боитесь проѣзжать черезъ Заводъ [одинъ изъ экономическихъ хуторовъ, гдѣ во время аграрныхъ безпорядковъ стояли казаки]? — Боимся! и не смотримъ даже. — Отчего ты не нарѣзалъ свою тыкву, спрашиваетъ старикъ сына. — А эта не сладкая? спросилъ сынъ отца, и показалъ на одну тыкву. — У васъ есть тыквы? спросилъ сынъ у пришедшаго къ нимъ мужика. — Есть! говоритъ ему въ отвѣтъ этотъ, мы купили четыре воза, за каждый возъ мы заплатили одинъ рубль да двадцать пять копеекъ. Куда ты теперь собираешься? — Я пойду брошу тыковки теленочку.

Это было въ дѣйствительности: У одного человѣка были бурая кобыла и сивый меринъ. Наступила пора пахоты. Пришелъ человѣкъ съ поля съ пашни, бурая кобыла ожеребилась. Человѣкъ и думаетъ: завтра не слѣдуетъ запрягать пахать бурую кобылу, придется отправиться только на меринѣ. Наступила утреняя заря.

sяпьть стяфтума паксяў. А эрьзясь мере: моп уш талай здялппь, ды пелян џоподава бурый эльдепьть эземс сивой меренэпьть кундамс, кадыкь парьцтише ашилгадэ. Парьцти ашилгаць, чизы лисьсь. Эрьзясь стясь, кильдизи бурый эльдепьть паксяў, а вашынзы кадызи сивой мерепэпьть ваксс. Сокась эрьзясь обец. Обед борава юты ума певанзa содавикс ломань. — Ней уш паньдя сокамс, андыкь бурый эльдепьть, ды сивоспьть коў-деекь? мери ломаньць. — Эль де мон бурый эльцэпьть сокан? Ваньыка, кода манявипь: ведь мопь бурый эльдесь вашиясь, и моп думишь-арьцинь зонзы оймамы кадуманзa, а сон апак фатя кундыне сокама, а тарказынзы сивоепьть кадыне; пачкыньбачк манявинь — мери эрьзясь. Озась эрьзясь бурый эльдензы лапкс, тусь кудуў. Сась кудуў, бурый эльдесь вашыньть малаў гак а поддэ, и вашысь малазынзы а моле. Юмась-арась вашысь. Кодатт чавыпреветь седпкили ульнпсть ломаттне!

Эрзякова жена стала будить эрзяка (идти) на поле. А эрзякъ говоритъ: я ужъ давно бы всталъ да боюсь въ темнотѣ взять бурую кобылу вмѣсто сиваго мерина, пускай получше разсвѣтаетъ. Разсвѣло хорошо, солнце взошло. Эрзякъ всталъ, впрягъ бурую кобылу (ѣхать) на поле, а жеребенка ея оставилъ около сиваго мерина. Пахалъ эрзякъ до обѣда. Въ обѣденную пору проходитъ по концу его загона знакомый человѣкъ. — Теперь ужъ довольно пахать, покорми бурую кобылу, а сиваго куда ты дѣлъ? говоритъ тотъ человѣкъ.—Или это я пашу на бурой кобылѣ? Посмотри-ка какъ я ошибся: вѣдь моя бурая кобыла ожеребилась, и я думалъ-гадалъ оставить ее отдохнуть, а ее, не спохватившись, взялъ пахать, а вмѣсто нея оставилъ сиваго; совсѣмъ я ошибся — говоритъ эрзякъ. Сѣлъ эрзякъ на бурую кобылу, поѣхалъ домой. Прибылъ домой, бурая кобыла и близко не подпускаетъ къ себѣ жеребенка, и жеребенокъ къ ней не подходитъ. Пропалъ жеребенокъ. Каковы безмозглы были въ старину люди!

Васыцьть кафты цёрат ульця кунчкас.

Васпньцпсь. — Кода тефьнп кум?

Омбоцесь. — Месть кода, Впкплынь горомонь заламсты купдыне.

Васпньцпсь. — Се кода пстя?

Омбоцесь. — Кода! аразьдп кармат грехс сувама; авулдынь гецэн ды пара.

Васпньцпсь. — Кода кундыкь?

Омбоцесь. — Кода! веть сыргызинь ды а матпдпван, а весь ульнпсь валда. Варчтынь вальмава, а удалды проволкава сы ломань. Теўсь ульнпсь пелпвешкапе. Мольць-мольць ломанпсь, веляўсь Матьвппнь гардайс. Мон цалы—Матьвпй. Мейлп, кода вапан, Матвппнь гардайсты лпсь, тусь Впкплыпь. А сон Впкил, аньцяк кипьть Матьвшинь гардайс теезе. Мон зеск эзень мольть коромом варчама, а моньць думан: ужы ванык коромось монь. Валцкп кармась ашылгадума, мон лпснпь ульцяў. Ацппь аламус, лпсь Петрапнь Максимь. Мон зерьгеденп Максиминь и тупнпкь пирп

Встрѣтились два мужика на серединѣ улицы.

Первый. — Какъ дѣла, кумъ?

Второй. — Чего, я поймалъ Викулу на воровствѣ корма.

Первый. — Это какъ такъ?

Второй. — Какъ! развѣ станешь соваться на грѣхъ; я развелъ руками да ладно.

Первый. — Какъ ты его поймалъ?

Второй. — Какъ! ночью я проснулся да не могу заснуть, а ночь была свѣтлая. Посмотрѣлъ я въ окно, а по заднему проулку идетъ человѣкъ. Дѣло было въ полночь. Шелъ-шелъ тотъ человѣкъ вернулся къ Матвѣеву двору. Я подумалъ—Матвѣй. Потомъ, какъ вижу, онъ вышелъ изъ Матвѣева двора, пошелъ къ Вакулу. А это Вакулъ, только путь онъ продѣлалъ въ Матвѣевъ дворъ. Я тогда не пошелъ посмотрѣть на свой кормъ, а самъ я думаю: ужъ видно кормъ мой. Утромъ начало разсвѣтать, я вышелъ на улицу. Побылъ я не много, вышелъ Петрухинъ Максимъ. Я закричалъ

варчама. Мольтяпа проволкаваньть, а проволкаваньть уш кп бути ютась. Кармппкь кпксыньть ваппума, мезняк аздаве. А се молецясь ульппсь Викил; альцяк валцкинь зоря появась, сон гпльць алаша ды соньценsы пирнў горомс тусь. Нолдэзп алашаньть вень гитьнипь эзга, а сопьць моли алашаньть мельга ды грабля мельгапsы уске; Матьвиипь гардайс китьнипь гак граблясыньть валаськафтыньзе. Моп мельчкалипь молемс кардазызынsа, ды мезп муят? Коромоньть сон залызи пеливешкапе; кодак кандызе, цей, ганзи скотепанинь, а скотепатьни зиярц сэвезь. От, кум, эряк неень бипгине!

Васипьцпсь. — Те топ, гум, дюппят ёфнят.

Омбоцесь. — Я, цей, де авуль васинь раз. Монь ульнпсь кардазум удала пенги ярыз, веси Викил гаплизе. Улкы кардайсты лазум юмась. Молень, а лазысь уш Викилынь геца.

Максима и мы пошли смотрѣть гумно. Идемъ мы проулкомъ, а проулкомъ будто кто ужъ проѣзжалъ. Мы стали смотрѣть слѣдъ, ничего не узнаешь. А проѣзжавшій былъ Вакулъ; только появилась утренняя заря, онъ запрягъ лошадь и отправился за своимъ собственнымъ кормомъ на гумно. Пустилъ онъ лошадь по слѣдамъ продѣланнымъ ночью, а самъ идетъ за лошадью и тащитъ за собой грабли. Даже слѣды до Матвѣева двора онъ вычистилъ граблями. Я хотѣлъ было идти на его дворъ, да что найдешь? Кормъ онъ укралъ въ полночь; какъ принесъ его, чай, кинулъ скотинѣ, а скотина уже съѣла. Вотъ кумъ, живи, въ нынѣшнее время!

Первый. — Это ты, кумъ, чудеса разсказываешь.

Второй. — Да, чай это не въ первый разъ. У меня была позади двора куча дровъ, всю переносилъ Вакулъ. Намедни со двора пропала доска. Я пошелъ, а доска ужъ у Вакула.

Ве эрьзянь атя ульнпсь ведуп. Сыргась сон звадьбас и арцпсь женихинь марты невестапьть коламуст. Атяпьть ульпсь тейтереза. Тейтересь чарькпць атяньть превезэнзы п мере: «тятяй, иля мольть свадьбас; тон беняцямы ломанят; альцяк женпхинть марты невестапьтпнь месть как улить, кармить тонь лапкс пепяцяма». Атяпьть ведувамупзы эсть кирьдпфть; мольць сопьцензы тейтереньть вакс, токезп тейтерепьть кутьмирь лапга п мерьць: «а моляп, дык а молян». Се токамудыпьть мельп кармась тейтерепьть кутьмпризы сэредеме. Секп токамудыньть тейтересь кулысь.

Одинъ старпкъ эрзякъ былъ колдупомъ. Онъ собрался па свадьбу п задумалъ испортить жениха п невѣсту. У старика была дочь. Дочь догадалась о замыслѣ старика п говоритъ: «батюшка, не ходп па свадьбу; ты человѣкъ, па котораго жалуются; если только съ женихомъ и невѣстой что-нибудь случится, начнутъ жаловаться па тебя». Колдовскія силы старика не могли сдержаться: онъ подошелъ къ собственной дочери, тронулъ дочь по спинѣ и сказалъ: «не пойду, такъ не пойду». Послѣ этого прикосновенія у той дѣвушки стала болѣть спина. Отъ этого прикосновенія та дѣвушка померла.

Приложенія.

I. Пѣсни, записанныя I. А. Цыбинымъ отъ не Оркинской мордвы.

Аньча поланза а вечксэ,
Аньча вастанза а кельксэ.
Аньчань полаза вишкиня,
Аньчань вастаза апокшкя.
Икилий мацьцый, пяля пры,
Удалуў мацьцый, ляпшчавя.
— Вай, мон мястпяп те поланьть марта?
— Вай, кода карман а мон эряма? —
Вянь купьчкпива Аньча стякшныкшныс,
Моря берекс молекшнэсь.
— Вай, вядпнь кирьдий, вядь ава,
— Вай, морянь кирьдий, морь ава,

Анюта своего мужа не любитъ,
Анюта своего мужа не можетъ терпѣть,
Анютинъ мужъ маленькій,
Анютинъ супругъ невеликенькій.
Скраю положитъ его спать, боится упадетъ,
Назадъ положитъ его спать, боится задушитъ.
— Ой, что я буду дѣлать съ этимъ мужемъ?
— Ой, какъ я стану жить? —
Посреди ночечьки Анюта вставала,
На берегъ моря Анюта приходила.
— Ой, содержащая воду водяная матушка,
— Ой, содержащая море морская матушка,

— Тон листя марын думама,
— Тон листя марын кортама.
— Мон кода тяйса те поланьть,
— Мон кода тяйса те вастаньть?
— Вай, саинькая оймenза,
— Вай, саинькая соньцenза. —
— Вянь куньчькипива ветека,
— Моря вядьнис каика. —
Аньча поланза саизя,
Сур принидя кундызя,
Моря берекс ветезя,
Моря вядьнис каизя.

Записано зимой 1905—1906 г. I. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчіи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда.

Ванюша поланза а вечксэ,
Ванюша поланза а келькcэ.

— Ты выйди-ка подумать со мной,
— Ты выйди-ка поговорить со мной.
— Я что̀ сдѣлаю съ этимъ мужемъ,
— Я что̀ сдѣлаю съ этимъ супругомъ?
— Ой, возьмите-ка вы его душу,
— Ой, возьмите-ка вы его самого. —
— Посреди поченьки приведи-ка его (говорятъ матушки),
— Въ морскую водицу его брось-ка его. —
Анюта взяла своего мужа,
Взяла его за кончики пальцевъ,
Привела его на морской берегъ,
Въ морскую водицу бросила его.

Ванюша не любитъ свою жену,
Ванюша не уважаетъ свою жену.

Васылда пеезь сёрмав шекшата,
Малав чаштызь аша килийня.
Кинкс кунчкаса повэдень лавськиза,
Аша сиспянь лавсь лапгаксыза,
Пиже рисьминь лавсь ведьмепза,
Ярмак пижинь лавсь крюказа.
Сеста-як Ванюша а вечксэ,
Сеста-як Ванюша а келъксэ.
Ва̀нюша думась юмафтумынза,
Ванюша думась оймафтумынза.
Васыла вирьнис ускизя.
Кудув гавув вяляфпись,
Карчувастызя однасумынза.
— А моньдеден берянь ульпись козяйкат. —
Кудув гавув сакшнысь,
Кинкс кунчкаса повэдень лавськиза,

Издали смотрѣть—пестрый дятелъ,
Близко подойти—бѣлая березка.
Посреди пола повѣшенная ея люлька,
Верхъ у люльки изъ бѣлой кисеи,
Ремни у люльки изъ зеленыхъ цѣпочекъ,
Крюкъ у люльки изъ красной мѣди.
Поэтому то Ванюша ея не любитъ,
Поэтому то Ванюша ея не уважаетъ.
Ванюша задумалъ погубить ее,
Ванюша задумалъ убить ее.
Онъ отвезъ ее въ дальній лѣсокъ.
Онъ возвратился домой,
Онъ встрѣтилъ знакомаго.
— А твоя жена была хуже меня. —
Онъ пришелъ домой,
Посреди пола повѣшена ея люлька,

Лавськиньть эса цёра тяказа,
Карксамнива ваця поца.
Вачкыдиньзя кафта кеденза,
Пувырдыньзя кямнь сурынза.

Записано І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчіи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Вяля, вяля, вялиня!
Вялиньть пяса кудыня.
Кудынисыньть довеня,
Довань вяхькя цёраза.
Секя цёра тяказа
Мазый Дёмай лямиза.
А полаза Палага
Вя думиса а думя,
Чефтя ацам а ацэ,
Сэрий прялкскя а путэ,

Въ люлькѣ сынокъ ея,
По поясъ онъ въ калѣ.
Ударилъ онъ свои обѣ руки,
Согнулъ онъ свои десять пальцевъ.

Деревня, деревня, деревушка!
На концѣ деревни избушка,
Въ избушкѣ вдовушка,
У вдовы одинъ сынъ.
Тотъ сынъ дитя ея
Красивый Дементій по имени.
А жена его Пелагея
Одною думушкою не думаетъ,
Мягкой постели не стелетъ,
Высокаго изголовья не кладетъ,

Лемьбя[1]) чуба а вял'тя.
— Полай, полай, Поляша!
— Мякс вя думса а думат?
— Чефтя ацам а ацат,
— Сэрпй прялкскя а путат.
— Лемьбя[1]) чуба а вял'тят? —
— Полай, полай, Дёмаша,
— Тон юмафтыкь шкинь авкат,
— Тон юмафтыкь тринь авкат,
— Сеста кармац эряма,
— Сеста карман думама,
— Чефтя ацам ацама,
— Сэрпй прялкскя путума,
— Лемьбя[1]) чубань вял'тяма.—
— Кода юмафца шкипь авкам!?
— Кода юмафца тринь авкам!?

1) Въ записи: леньбя.

Теплою шубою не покрываетъ.
— Жена, жена, Пелагеюшка!
— Отчего ты не думаешь одною думой?
— Не стелешь мягкой постели,
— Не кладешь высокаго изголовья,
— Теплою шубою не покрываешь? —
— Муженекъ, муженекъ, Дёмушка,
— Ты погуби твою кормилицу матушку,
— Ты погуби твою кормилицу матушку,
— Тогда я стану жить,
— Тогда я стану думать,
— Стлать мягкую постель,
— Класть высокое изголовье,
— Покрывать теплою шубою. —
— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?
— Какъ я погублю мою кормилицу матушку!?

— Потень аша лофцэнза,
— Сэвинь тюжа оенза,
— Маштынь сядий вивнза. —
— Авай, авай, авакай!
— Васыла вирьца лёмзер'т чачцьть,
— Васыла вирьца пешня чачцьть. —
— Илямак маньча, Дёмаша,
— Лёмзер'т чачыть вядь кувалма,
— Пешня чачыть рошчава. —
Тирннь авканза ускизя
И сэрий вирьц юмафтызя,
И кармасть поланза мар'та
Вя думниса думама.

Записано І. А. Цыбинымъ на оркинскомъ нарѣчіи отъ проѣзжаго мордвина Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

— Я сосалъ ея бѣлое молоко,
— Я ѣлъ ея желтое сало,
— Я уничтожалъ ея сердечную силу. —
— Матушка, матушка, маменька!
— Въ далекомъ лѣсу уродилась черемуха,
— Въ далекомъ лѣсу уродились орѣхи. —
— Не обманывай меня, Дёмушка,
— Черемуха родится вдоль воды,
— Орѣхи родятся въ рощахъ. —
Онъ повезъ кормилицу матушку
И погубилъ ее въ высокомъ лѣсу,
И стали они съ женой
Думать одною думой.

Ср. Сухокарб.

— Чыяфтыкая, матушкам, Анушань. —
— А чыяфца, сватушкам, Анушань. —
Чыяфтызя матушкам Анушань,
Кшить паня Ануша, калацят,
Бозэня тяя Ануша — чап пива,
Брага тяя Ануша — чап вина.
Покшесь киялысь Анушань душманысь,
Покшесь киялысь Анушань злодеесь,
Авафыньть парьцта парычыньть салызя,
Анушань парачыс парачыньть вачкизя.
Авафысь фатякшнысь парьцта парачыньти.
— Урьват урьват, васькамнить,
— Копа санзя монь парьцта парачыньть,
— Копа санзя монь парьцта улячыньть? —
Анушань парьцта парычыньть мунзя,
— Кяряк пяньгипить, ушт пси баня.

— Просватай-ка, матушка, Анюту. —
— Не просватаю, сватушка, Анюту. —
Просватала матушка Анюту,
Хлѣбы печетъ Анюта — калачи,
Бозъ готовитъ Анюта — чанъ пива,
Брагу готовитъ Анюта — чанъ вина.
Старшая споха Анютина лиходѣйка,
Старшая споха Анютина злодѣйка,
Изъ кадушки свекрови украла имущество,
Въ Анютины венцы наложила то имущество.
Свекровь хватилась имущества въ кадушкѣ.
— Снохи снохи, пѣженки,
— Кто взялъ изъ моей кадушки имущество,
— Кто взялъ изъ моей кадушки добро? —
У Анушки въ кадушкѣ нашла она имущество.
— Наруби дровъ, вытопи горячую баню [1]),

1) Говоритъ Анюта своему мужу.

— Васьня паряп пси баняса,
— Мяйля юмафца эсь принимь. —
— Полай, полай, Ануша,
— Иляк юмафт тон принит,
— Колма годнэть сивидян аляпипь. —
— Иля сивитть монь гиса,
— Мон эсь принимь юмафца. —

Записапо I. А. Цыбипымъ на оркипскомъ парѣчіи отъ проѣзжаго мордвипа Кузнецкаго уѣзда осенью 1905 года.

Уляша.

Вя̀лень[1]) су̀дія, о̀шень су̀дія Уляшапь атя̀фысь.
Тата̀ръ ма̀рта Уляша совѣ̀тась,
Татаръ марта Уляша дружа̀кшнысь.
— Али̇̀нимъ[2]) татарпэ, ко̀рпемемъ[3]) татарпэ,
— Зя̀рда тута̀да, зя̀рда явда̀да?

Чит. 1) Вялинь, 2) Алининъ, 3) корьмененъ.

— Сначала я попарюсь въ горячей банѣ,
— Потомъ погублю свою головушку. —
— Женушка, женушка, Анюта,
— Не губи своей головушки,
— На три годочка я паймусь къ тестю. —
— Не нанимайся изъ за меня,
— Я погублю свою головушку. —

Общественный судья, мірской судья—Уляшинъ свёкоръ.
Съ татариномъ Уляша совѣтовалась,
Съ татариномъ Уляша дружилась.
— Дяденька татаринъ, кормилецъ татаринъ (?),
— Когда уйдете, когда разстанетесь?

— Са̀имизь мо̀ньсакъ [1]) ма̀ртыпкъ. —
— Сала̀къ Уляша, какжаля̀ть ся̀да ва̀лкс ярма̀къ,
— Атя̀фыть — ка̀вта ся̀тдъ [2]). —
— Са̀имизь, али̇̀нимь [3]) татарнэ, моньга̀къ тыныкъ [4]) ма̀рта. —
— Васня̀ сала̀ть [5]) вальма̀пь са̀рьца [6]) аца̀мыть [7]),
— Лавця̀пь са̀рьца [6]), Уляша, тодо̀выть. —
— А сала̀вить, али̇̀нимъ [3]) татарнэ, аца̀мыкъ [7]):
— Ашѐ [8]) боя̀ръ мирди̇̀мъ [9]),
— Боя̀ръ-лявксъ тѐрапемъ [10]) дя̀камъ
— Уды̀ть тарка̀са.
— Зя̀рда тута̀да, али̇̀нимъ [11]) тата̀рнэ,
— Зя̀рда явда̀да, ко̀рьмепемъ [12]) тата̀рнэ? —
— Сы пятя̀ста [13]), сы суботы̀ста [14]), Уляша, тута̀да.
— Са̀имизь, али̇̀нимъ [15]), тынь моньга̀къ тынькъ [16]) ма̀рта.
— Копа̀ кіява̀пьть тута̀да, кона̀ кіява̀пьть явда̀да? —

Чит. 1) моньгакъ, 2) кафта сяттъ, 3) алининъ, 4) тынькь, 5) салыть, 6) сӑрца, 7) яцамыть, 8) аша (ашы), 9) мирдимь, 10) цӗрэнемь, 11) алининъ, 12) корьмененъ, 13) пяцяста, 14) субытаста, 15) алининъ, 16) тынькь.

— Берите меня съ собой. —
— Укради, Уляша, у деверя сто рублей денегъ,
— У свекора — двѣсти. —
— Возьмите, дяденька татаринъ (?), и меня съ собой. —
— Сперва укради выше окна постель,
— Съ полку вышитой, Уляша, подушки. —
— Не украдешь, дяденька татаринъ (?), постелю:
— Бѣлый баринъ — мужъ,
— Барчепокъ сынъ — ребенокъ
— Спять на постели.
— Когда уйдете, дяденька татаринъ (?),
— Когда разстанетесь, кормилецъ татаринъ (?)? —
— Въ будущую пятницу, въ будущую субботу, Уляша, уйдемъ.
— Возьмите, дяденька (?), и меня съ собой.
— Которой дорогой пойдете, которой дорогой разстанетесь (?)?

— Тайный кія̀ва, Уляша, тута̀па,
— Ясля кіява̀пьть, Уляша, явда̀па. —
Са̀пкшпызь Уляшань гуса̀ртнэ ма̀рысть,
Ясля ки̇ньтп татарнэ моле̇кшнесть.
Кп вя бо̀кавъ алаша̀сть татарпэ пѐрьгавтызь.
Вя̀йке тата̀рнысь карькскпть попцѐ,
Омбо̀це тата̀рпысь пильни̇ть [1]) човя̇.
— Мя̀зьппнь, али̇нпмь, ка̀рькскптьпинь попцѐсть [2])?
— Мя̀зьпинь, али̇нпмь [3]), пя̀пльтьнинь чова̀сынькъ?
— Ка̀рькскитьпинь — топь пя̀льгптъ сю̀лмысимсъ [4]),
— Пя̀пльтнппь — топь кырга̀тъ пя̀чкимсъ.
— Мяксъ мопь, али̇нпмь [5]) татарнэ, пя̀чксампзь?
— Мяксъ мопь, али̇нимь [5]), сгубаса̀мпзь?
— Мяксъ топь, Уля̀ша, кадыкъ [6]) а̀ша боя̀ръ пола̀ть,
— Боя̀ръ ля̀вксъ тѐрань [7]) дя̀катъ?

Чит. 1) пяильнить. 2) понцесэть, 3) алинимъ, 4) сюлмсимсъ, 5) алинимъ, 6) кадыкь, 7) цёрань.

— Тайной дорогой, Уляша, уйдемъ,
— Въ ясляхъ дороги, Уляша, разстанемся.
Взяли Уляшу гусары съ собой,
До яслей дороги татары дошли,
Около дороги лошадку татары выпрягли.
Одинъ татаринъ веревки вилъ,
Другой татаринъ ножикъ точилъ.
— Зачѣмъ, дяденька, веревки вьешь?
— Зачѣмъ, дяденька, ножикъ точишь? —
— Веревочками — твои ноги связывать,
— Ножикъ — тебѣ горло рѣзать. —
— Зачѣмъ меня, дяденька татаринъ, зарѣжете?
— Зачѣмъ меня, дяденька, сгубите? —
— Зачѣмъ ты, Уляша, оставила бѣлаго барина мужа,
— Барченка сына ребенка?

— Сѐксъ[1]) тонь, Уля̀ша, пя̀чктядызь.
Я̀кстирь вя̀ринза яслія кіява нѐлдызь[2]).
Сань[4]) кача̀мъ[5]) оймѐнза Уляшань мяни̇̀ливъ[3]) нѐлдызь[2]).

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Машуня.

Пирѝ уда̀лга Ма̀шуня вастъ вя̀шнись,
Вя̀шнись, вя̀шнись Ма̀шуня, эсть муѝвъ[6]).
Пола̀вянза[7]) Ма̀шуня вастѐзя.
— Дай-ка, пола̀й, пирѝнятъ[8]) чавсѝса. —
Чавсѝсь, чавсѝсь Ма̀шуня, пола̀за матѝдивъ[9]).
Торга̀сь[10]) пя̀ляль Ма̀шуня, пола̀нза пя̀чкизя.
Вить пѝльгинза Ма̀шуня юкспѝньзя[11]),
Вить ка̀рькскинза Ма̀шуня таргѝзя.

Чит. 1) Секстъ, 2) нолдэзь, 3) мянилипь, 4) сайнь, 5) качамкетъ, 6) мувиь, 7) поланенза, 8) пиринитъ, 9) матидивьсь, 10) таргась, 11) юксииза.

— За это тебя, Уляша, зарѣжемъ. —
Красную кровь въ ясляхъ дороги пустили.
Какъ синій огонекъ, душу Уляши къ небесамъ пустили.

Переводъ сдѣланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

За гумнами Машуня телятъ искала,
Искала, искала Машуня, не нашла.
Муженька своего Машуня встрѣтила.
— Дай-ка, муженекъ, въ головѣ поищу. —
Искала, искала, Машуня, муженекъ уснулъ.
Вынула ножикъ Машуня, мужа зарѣзала.
Правую ножку (?) Машуня разула,
Правую обору Машуня вынула.

Пола̀нть кырга̀зъ[1]) Ма̀шуня килькцизя.
Килі̀й алу̀въ Ма̀шуня пола̀нть ускѝзя,
Сёксе[2]) лопа̀са Ма̀шуня вя̀льтизя.
Ки неѐзя Ма̀шуняиь — рядѝзя?
Семенъ татаръ Ма̀шуняпь неезя,
Семенъ татаръ Ма̀шунянь рядѝзя.
— Мя̀ксъ, Ма̀шуня, руця̀ полпѐтъ[3]) ви̇̀рійня?
— Мя̀ксъ, Ма̀шуня, ка̀рь-пиривя̀тъ[4]) пурга̀втъ? —
— Чі̀ень, чі̀ень[5]), Семенъ татаръ, — пу̀пырдинь,
— Ку̀ргынь-чама̀нь[6]), Семенъ татаръ, тапа̀вкшиныстъ,
— Руця̀ полпѐтъ[3]), Семенъ татаръ, вя̀рiясь,
— Карь-пирѝнимъ[7]), Семенъ татаръ, пурга̀вкшиныстъ. —
— Иля кѐпгеля, Ма̀шуня, монъ[8]) эйса:
— Моньсъ[9]) неѐтень — рядѝтепь[10]).
— Мяксъ, Ма̀шуня, пола̀ть пя̀чкинь[11])?

Чит. 1) кыргасъ, 2) сёкся (сёкси), 3) полнэть, 4) пиринитъ, 5) чінь чінь, 6) Кургынь чаманъ, 7) пирининть, 8) монь, 9) моньць, 10) рядитинь, 11) пячкинь.

Мужу на шею Машуня захлестнула,
Подъ березу Машуня мужа стащила.
Осенней листвой Машуня покрыла.
Кто видѣлъ Машуню — выслѣдилъ?
Семенъ татаринъ Машуню увидалъ,
Семенъ татаринъ Машуню выслѣдилъ.
— Зачѣмъ, Машуня, у тебя у шушпана полы въ крови?
— Зачѣмъ, Машуня, голова лаптя забрызгана? —
— Бѣжала, бѣжала, Семенъ татаринъ, спотыкнулась,
— Морду-лицо (?), Семенъ татаринъ, разбила,
— У шушпана полы, Семенъ татаринъ, окровянила,
— Лапти мои, Семенъ татаринъ, забрызгала. —
— Не обманывай, Машуня, меня:
— Самъ я видѣлъ, выслѣдилъ.
— Зачѣмъ, Машуня, мужа зарѣзала?

— Мяксъ, Ма̀шуня, килѝй алу̀въ пола̀ть ускы̀къ[1])?
— Мяксъ, Ма̀шуня, сёксъ[2]) лопа̀са пола̀ть вя̀льтикъ[3])?—
— Иля̀ ёвта̀, Семенъ татарнэ, баба̀ньти,
— Баба̀сь ёвта̀[4]), Семенъ татарнэ, атя̀пти,
— Атя̀сь ёвтэ̀ нача̀льникнинь,
— Нача̀льникть[5]) мой[6]) са̀йсамвэзь судьяннинь. —

Записано учителемъ с. Оркина Ложкинымъ въ 1904 году.

Изъ рукописи Имп. Академіи Наукъ № 50, аа. Al. Wald, Die Mordwinen (1849 г.), стр. 201—202.

Lúšai Lúšina, wéškinä Lúšina!
Mázi Lúšina!
Awánze pótso kortáma kármas:
Mon kásinderán,

Чит. 1) ускыкь, 2) сёксь, 3) вяльтикь, 4) ёфтэ, 5) начальникть, 6) монь.

— Зачѣмъ, Машуня, подъ березу мужа стащила?
— Зачѣмъ, Машуня, осенней листвой мужа покрыла? —
— Не сказывай, Семенъ татаринъ, свекрови:
— Свекровь скажетъ, Семенъ татаринъ, свекру,
— Свекоръ скажетъ начальникамъ,
— Начальство меня возьметъ къ судьямъ. —

Переводъ сдѣланъ г. Ложкинымъ.

Ср. Орк.

Uebersetzung.

Luschai Luschai, kleine Luschina!
Schöne Luschina!
In dem Mutterleibe spricht das Kind,
Hält die Mutter von der Arbeit ab[1]):

1) Ошибочный переводъ; слѣдуетъ: Если я выросту.

Awánin awái améran!
Tätánin tätái améran!
Tätái awánin[1]) síris súka!
Tätánin méran síris kíska. —
Čilísima léntaza,
Pálzoren Lúšenem fátaza.
Wári tášna plaštánza,
Máke twéti rucanza,
Máke pánčna rúcardstánza,
Máke lopátna palánza.

---

1) Чит. Awánin méran.

Mutter werd' ich dich nicht nennen,
Und den Vater auch nicht nennen.
Alten Schelm[1]) werd' ich die Mutter nennen,
Alten Hund werd' ich den Vater heissen. —
Wie ein Sonnchen ist der Kopfputz,
Und das Seiden-Tuch wie rothes Feuer.
Wie die Stern' am Himmel sind die Knöpfe,
Wie die Mohnblumen ist der rothe Brustlatz;
Wie Mohnblätter ist das Sonntagshemdchen.

Ср. Орк. и Сухокарб.

---

1) Слѣдуетъ: Старой сукой.

II. Извлеченіе изъ историко-географическаго описанія Озерской волости Саратовскаго уѣзда, составленнаго А. Н. Минхомъ.

Село Оркино, Рождественское, Кучугуры тожъ. По большой, бывшей Московской почтовой, дорогѣ, верстахъ въ 67 отъ г. Саратова, между селеніями *Озерки* Саратовскаго уѣзда и *Мокрымъ* Петровскаго, вдается угломъ дача, принадлежащая селу *Оркину*, переходящая версты на 2 за большую дорогу и захватившая ее на протяженіи 3—4 верстъ. Отсюда, съ господствующей возвышенности на дорогѣ, называемой русскими *Спорнымъ Сыртомъ*, на поворотѣ отъ с. Мокраго къ с. Озеркамъ, видно на востокъ, въ широкой долинѣ, верстахъ въ 6—7 отъ дороги, раскинувшееся во всю ширину дола, село *Оркино* съ высокой колокольней бѣлой каменной церкви.

Село *Оркино* Озерской волости находится на границѣ Саратовскаго уѣзда съ Петровскимъ и на грани растительной линіи пшеницы въ нашей губерніи: на поляхъ Оркинскихъ дачъ сѣютъ еще пшеницу, но на поляхъ сосѣднихъ селъ, съ западной и сѣверной сторонъ отъ Оркинскихъ дачъ, въ Петровскомъ уѣздѣ, пшеницу хотя иногда и сѣютъ, но она родится плохо и не такъ хороша, какъ полученная съ дачъ с. Оркина и болѣе южныхъ.

Оркинскія дачи представляютъ первую гористую мѣстность по большой дорогѣ отъ г. Петровска, между которымъ и с. Мокрымъ тянется болѣе или менѣе ровная степь. Оркинскія дачи раздѣлены на южную и сѣверную части широкою и плодородною долиною, въ которой лежитъ село. Эта долина — впадина, носящая мѣстное названіе *Проваль*, начинается у большой дороги

и тянется во всю длину Оркинскихъ дачъ съ запада на востокъ и далѣе къ с. *Сокуру*, на разстояніи болѣе 25 верстъ,—это истокъ рѣки *Чердыма*, вливающагося въ Волгу.

Оркинскія дачи граничатъ съ южной стороны имѣніемъ Брещинскаго — *Нарышкино* и дачами колоніи *Ягодной-поляны;* съ юга и юго-запада дачами с. *Озерокъ;* съ запада — с. *Мокраго* (Петровскаго уѣзда); съ сѣвера — имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки* и чрезполосно дачами дер. *Яруги* (*Косолаповки* тожъ); съ сѣверо-востока и востока — дачами деревни *Красной-рѣчки* и *Сокурской* экономіи наслѣдницъ князя Голицына; съ юго-востока — землями той-же экономіи и лѣсной дачей крестьянъ дер. *Богдановки* Саратовскаго уѣзда.

Южная часть Оркинскихъ дачъ представляетъ собою рядъ параллельныхъ хребтовъ, тянущихся съ запада на востокъ, перерѣзаемыхъ глубокими оврагами и долинами, покрытыхъ сплошной лѣсной порослью, годною только на лыки, плетни и мѣстами на колья. Всѣ овраги и долины, проходящіе въ горахъ, имѣютъ источники свѣжей и чистой ключевой воды, мѣстами безвкусной, мѣстами же горько-соленой или грубой известковой.

Къ югу отъ села, среди высокихъ горъ, лежитъ оврагъ *Самодуровъ* (названный потому, что въ этой долинѣ-оврагѣ былъ пчельникъ нѣкоего Самодурова), берущій начало верстахъ въ 3-хъ отъ села *Озерокъ*, изъ его дачъ, и тянется къ *Оркину* по направленію къ юго-западу на протяженіе болѣе 3-хъ верстъ. *Самодуровъ* въ своемъ источникѣ имѣетъ отличную свѣжую воду, сила которой, по соединеніи съ нимъ водъ источниковъ, впадающихъ въ него овраговъ и логовъ, можетъ поднять мельницу въ одинъ поставъ, но жители с. Оркина не пользуются этой водой для устройства мельницы и даже, почему то, отказываютъ желающимъ построить такую на Самодуровѣ.—На югѣ, прямо противъ села, при выходѣ изъ горъ *Самодурова*, находится возвышенность *Самодурова панда* (*панда* — по мордовски гора), подымающаяся довольно круто двумя террассами; у подошвы этой *панды* расположенъ фруктовый садъ крестьянина с. Оркина М. М. Нервят-

кина, орошаемый естественнымъ источникомъ одного изъ южныхъ отроговъ Самодурова. — Рядомъ съ этой возвышенностью, еще ближе къ селу, находится довольно высокая *Вòрохова пàнда* (гора), имѣющая со стороны села одну обширную террассу съ каменистой, хрящевой почвой, на которой изобильно родится хлѣбъ; со стороны горъ *Вòрохова* сливается съ ними незамѣтно въ одинъ общій сыртъ, покрытый густою лѣсною порослью; юго-западная сторона *Вòроховой* горы осаживается, отъ подземныхъ источниковъ и весеннихъ водъ, обрывами и ползетъ внизъ въ глубокую балку, поросшую терновникомъ и бобовникомъ. Съ вершины *Вòроховой* открывается красивый видъ на Оркино, раскинутое по долинѣ, и Яругу, къ востоку и западу — на сосѣднія горы, покрытыя лѣсомъ, и на долъ *(Проваль)* съ его зеленѣющими нивами; въ дали же, къ сѣверо-востоку и востоку, синѣютъ горы и горы. — *Вòрохова* похожа на насыпной изъ мелкаго щебня курганъ и, какъ передаетъ народное сказочное повѣрье, была насыпана въ былыя времена удальцами, молодыми ребятами, которые землю и щебень таскали сюда въ голенищахъ своихъ сапогъ; гору эту насыпали они для потѣхи и часто игрывали на ней въ орлянку, доказательствомъ чему указываютъ находимыя и теперь на *Вòроховой* горѣ старинныя монеты.

Къ востоку отъ *Вòроховой* идетъ къ другому довольно большему оврагу *Хряпову* и къ *Козельнь-струбъ-лàтка* (лощина-сруба-козла)[1]) гора *Красная поляна*, отъ которой къ востоку тянется высокій сыртъ, покрытый лѣсомъ и спускающійся обширною террассою, по которой бываетъ порядочный покосъ; къ востоку горы оканчиваются песчаными буграми — *Городничій пàнда*, у подошвы которыхъ есть отличный родникъ — *Городничій*, названный потому, что недалеко отъ него былъ когда-то, когда Оркино принадлежало къ Петровскому уѣзду, исцльникъ Петровскаго *городничаго*. — Къ югу сыртъ *Ляпя-ула-Ланга*, а за нимъ

1) *Кòзельнь-струбъ-латка*, мѣстное названіе трущобы, въ которой мужикъ, по прозванію *Козелъ*, какъ разсказываетъ народное преданіе, рубилъ избяной срубъ.

овраги: *Ерёма-Лапка*, *Попань-ч(ж)ельня*, *Чиній-Лапка* (вопючій родникъ), сплошь покрытые густымъ лѣсомъ. Между оврагами тянутся болѣе или менѣе высокіе и обширные сырты, которые переплетаются между собою и идутъ на востокъ, къ *Сокуру*, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Гранью Оркинскихъ дачъ съ землями экономіи наслѣдницъ князя Голицына служитъ здѣсь оврагъ *Кузменка*, который выходитъ въ *Провалъ* (р. *Чердымъ*) и соединяется съ нимъ незамѣтно. На всемъ протяженіи *Кузменки* течетъ ручей свѣжей воды, который беретъ начало высоко въ горахъ, въ дачахъ колоніи *Ягодной-поляны*, но усиливается онъ только въ самой *Кузменкѣ* отъ родника *Гремячаго*, который, по народному преданію, въ старые годы имѣлъ много воды, съ такой силой выбивавшейся изъ подъ земли, между камней, что она *гремѣла* и звукъ ея былъ слышенъ на разстояніи 2—3 верстъ. Надъ *Гремячимъ* подымается невысокая гора, въ видѣ сѣдла — *Камбразъ-панда* (Сѣдло-гора), а рядомъ съ нимъ долина—*Божедомъ*, гдѣ, по народному преданію, извѣстный Оркинскій разбойничій атаманъ *Кудеяръ* побилъ и похоронилъ много народу; по другимъ же разсказамъ—не *Кудеяръ*, а *Уланъ*, *Кудеяръ* же, хотя и былъ въ Оркинскихъ дачахъ, но жилъ на горахъ, гдѣ теперь находится село *Лохъ* Саратовскаго уѣзда.

Къ западу отъ *Вороховой*, за *Самодуровымъ* оврагомъ, опять высокій сыртъ — *Озерка-панда*, по которому лежитъ дорога черезъ лѣсъ въ село *Озерки*; съ дороги, на горѣ, видъ на село и окрестность очень живописенъ: отсюда видны два конусообразные пика *Караульныхъ* горъ въ сѣверной части Оркинскихъ дачъ къ с. *Мокрому*. Между *Оркинымъ* и *Озерками*, по этой дорогѣ въ право, лежитъ глубокій оврагъ *Мазяркинъ-ч(ж)ельня*, въ которомъ есть отличный родникъ, но съ бѣлою известковою водой; въ оврагѣ находится пчельникъ крестьянина Мазяркина, по имени котораго и названъ оврагъ.

Сѣверная часть Оркинскихъ дачъ не менѣе гориста: къ сѣверу, прямо передъ селомъ, тянется сыртъ, а за нимъ долина *Высокая*, а надъ нею гора *Высокая*, сѣверная часть которой по-

крыта мелкимъ кустарникомъ; видъ съ этой горы на окрестность очень красивъ: къ югу видно изъ за горы почти все Оркино, а за нимъ, съ темнѣющими оврагами и долинами, горы — *Ворохова, Красная-поляна* и высокіе сырты, сплошь покрытые лѣсомъ; къ востоку и западу, по *Провалу*, — нивы; къ сѣверу, прямо подъ ногами, въ глубокомъ оврагѣ пріютилась деревенька *Яруга* (*Косолаповка*) съ ея садами по срединѣ; далѣе, черезъ послѣдній степной сыртъ, видно въ лѣвѣ село *Мокрое*, съ низенькой бѣлой каменной церковью, за нимъ дубравы въ деревняхъ *Марсьевкѣ* и *Таруновкѣ* (Петровскаго уѣзда), а надъ ними вдали, чуть видная простому глазу, синѣетъ полоса лѣса по рѣкѣ Медвѣдицѣ; прямо, черезъ степь, къ сѣверу — яркая полоса лѣса «*Осиновъ*», въ имѣніи графа Нессельроде *Сколки*; нѣсколько лѣвѣе этого лѣса вдали, виднѣется *городъ Петровскъ* и синѣютъ далекіе лѣса этой части рѣки Медвѣдицы. Къ востоку, по долинѣ, вьется дорога изъ Оркина въ Яругу, а далѣе выступаетъ подковообразная дуга довольно высокаго сырта *Бурлачій чарауксъ* (*чарауксъ*, въ переводѣ на русскій языкъ, значитъ *кругъ;* причина названія — *бурлачій* неизвѣстна), покрытаго лѣсомъ, а за нимъ опять сыртъ — *Ломъ*, западная часть котораго отъ дѣйствія подземныхъ водъ осаждается и сползаетъ въ оврагъ, отчего получилось названіе сырта — *Ломъ*; за нимъ, вправѣ, виденъ сыртъ, покрытый лѣсомъ, — *Гу̀зиково*. Немного правѣе *Бурлачьяго* рѣзко выдѣляется гора *Шлёпинъ-йанда*, на вершинѣ которой, на высотѣ около 30 саженъ отъ подошвы, есть отличный родникъ, къ которому въ засухи ходятъ съ молебнами.

Къ западу вторая высокая гора *Гриша-Лйсма-Латка* (Гришина гора, родникъ и лощина), названная отъ разбойника Гришки, проживавшаго недалеко отъ этой горы. На сѣверо-западномъ ея склонѣ, недалеко отъ дороги въ *Мокрое*, ясно виденъ четырехъугольникъ — *Клвинъ-Гардазъ* (каменный дворъ): мѣсто это по народному преданію, было дворомъ разбойниковъ, которые огородили его каменной стѣной и до нынѣ ясно видной въ видѣ четырехъ-угольника, хотя она и обвалилась.

За *Высокой* ярко выступают двѣ конусообразныя горы — *Карачльныя-пѝнды*; онѣ получили это названіе, какъ говоритъ народное преданіе, отъ того, что въ прошломъ столѣтіи (XVIII) служили пунктомъ, съ котораго разбойники, жившіе въ тогдашнихъ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ и оврагахъ, наблюдали за большой дорогой. — *Клвинъ-Гàрдазъ*, гдѣ жили разбойники, отъ *Корачльной горы* не болѣе какъ въ полуверстѣ, а потому послѣдняя представляла имъ удобный наблюдательный постъ. Разсказываютъ, что между обѣими горами *Карачльной-пàнды*, въ долинѣ, разбойники имѣли землянки, и у нихъ былъ колоколъ, въ который, при извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ — тревогѣ, или для сообщенія товарищамъ о приближеніи обоза, они звонили въ набатъ; здѣсь же потомъ разбойники зарыли все награбленное и колоколъ. Разсказываютъ также, что нѣкоторые видѣли въ землѣ ушки этого колокола, но это бываетъ, будто бы очень рѣдко и только на первый день Пасхи, между заутреней и обѣдней; тогда всякій можетъ видѣть все, что спрятали здѣсь разбойники, все это является въ прежнемъ видѣ: землянки и колоколъ; въ одной отпертой землянкѣ виденъ горящій огонь, а на полу и по угламъ кучи золота, серебра и разныхъ вещей; тогда же можно войти въ эту землянку до трехъ разъ и брать драгоцѣнности, но при попыткѣ вернуться послѣ третьяго раза, дверь за вошедшимъ запирается, и къ нему является хранитель ихъ сокровищъ и требуетъ отъ него его собственную душу, или душу младенца, или того, что для него всего дороже, что̀ и должно быть доставлено въ срокъ. Говорятъ, что бывали случаи, что вошедшій туда пропадалъ или же нѣмѣлъ отъ испуга и вскорѣ умиралъ; ежели же кто бралъ деньги и выходилъ благополучно, то и тогда деньги эти *въ прокъ* не шли: червонцы были *неразмѣнные* и возвращались назадъ, а за истраченные цѣлые золотые, взявшій ихъ платится ущербомъ въ хозяйствѣ и смертью семейныхъ, наконецъ, и самъ онъ дѣлается жертвой сухотки и умираетъ. — Съ вершины *Карачльной* горы видъ почти одинаковъ, какъ и съ *Высокой*, только измѣняется ландшафтъ горъ и долинъ: отсюда село *Мокрое*, какъ

будто чуть не подъ ногами; большая дорога видна верстъ на 30 въ сторону Петровска и верстъ на 10 къ Озеркамъ; ясно видно, какъ по ней тянутся обозы съ грузомъ.

Всѣ возвышенности и горы въ Оркинскихъ дачахъ сверху покрыты слоемъ чернозема, подъ нимъ залегаетъ хрящъ, ниже песокъ или глина. Въ глубокихъ лощинахъ, къ сѣверу отъ села, верхній слой чернозема имѣетъ отъ $^1/_2$ до 1 аршина толщины, затѣмъ слой хряща и песку толщиною въ сажень и болѣе, потомъ глина, преимущественно сѣрая или желтоватая; ее берутъ изъ овраговъ для обмазки стѣнъ избушекъ, отъ чего на этихъ мѣстахъ образуются большія ямы, которыя часто обваливаются, при чемъ иногда случаются несчастія съ людьми. На *Высокой*, *Караульныхъ* и другихъ горахъ[1]) во множествѣ попаются бурые, даже черные камни съ блестками, по которымъ можно предполагать присутствіе руды —колчедана; сыртъ же къ сѣверу отъ *Яруги* содержитъ мѣлъ, съ виду, въ кускахъ—сѣрый, а распущенный въ водѣ—онъ становится бѣлымъ; жители с. Оркина, д. Яруги и окольные берутъ этотъ мѣлъ, или, какъ они называютъ, глину, для обѣлки избъ. Существующая здѣсь разная глина — желтая, бѣлая и красная употребляется жителями для обмазки избъ и хлѣвовъ, причемъ она идетъ не чистой, а съ примѣсью соломы и навоза.

Почва Оркинскихъ дачъ вообще черноземная, слой чернозема доходитъ иногда до 1 аршина глубины; по всему «*Провалу*», за небольшими исключеніями,—черноземъ; къ западу супесковатая — «*картофельная*» земля; при впаденіи *Самодурова* и въ самомъ Самодуровѣ — суглинистая; къ востоку отъ села, версты за 3, по горнымъ склонамъ южной части дачъ и склону къ *Кузменкѣ* — песчаная и супескъ, а по дорогѣ въ *Красную-рѣчку* и правѣе — черноземная; затѣмъ въ степи, за дер. *Яругой*, съ которой Оркинскія дачи расположены черезполосно, почва — черноземная, мѣстами глинистая, мѣстами попадаются солонцы.

1) Надо замѣтить, что жители Саратовской губерніи, представляющей преимущественно довольно ровную мѣстность, называютъ горами высокіе бугры и шиханы.

Повсюду горы и горные склоны, за весьма рѣдкими исключеніями, покрыты лѣсомъ и лѣсной порослью; здѣсь растутъ преимущественно: дубъ, береза, осина и липа, затѣмъ вязъ, кленъ, неклепъ, рябина и ива, а по оврагамъ и мочажинникамъ—ивнякъ, ольха и во множествѣ терновникъ и орѣшникъ; урожай орѣховъ бываетъ періодически, и въ хорошій годъ бабы и дѣвки набираютъ пуда по 3 каждая. Въ лѣсахъ водятся волки, лисы, бѣлки и во множествѣ — зайцы; изъ птицъ много куропатокъ и тетеревовъ. Всего лѣсу въ Оркинскихъ дачахъ считается по планамъ и межевымъ книгамъ $2549^{1}/_{4}$ десятинъ казенной мѣры, но въ настоящее время лѣса эти нельзя назвать лѣсами, такъ какъ они вырублены и до того забиты толокою (скотомъ), что трудно подымаются, а мѣстами совсѣмъ пропадаютъ; безтолковая и нерасчетливая вырубка, при небрежномъ надзорѣ общества и запускѣ скота — вотъ причины упадка лѣсного хозяйства.

Повсюду въ южной и сѣверной частяхъ Оркинскихъ дачъ множество ключей, родниковъ и источниковъ, спускающихся въ *Провалъ* и текущихъ затѣмъ ручьемъ, въ небольшомъ овражкѣ, черезъ с. *Оркино* къ *Сокуру*, куда протекаетъ долиною *Елховкою*, и въ 4-хъ верстахъ отъ с. *Сокура*, соединившись съ рѣкою *Сокуромъ*, образуетъ рѣку *Чердымъ*, впадающую въ Волгу.

Вслѣдствіе особеннаго положенія с. *Оркина* въ горахъ, въ глубокой, хотя и открытой для восточныхъ и западныхъ вѣтровъ, долинѣ, климатъ здѣсь отличается отъ климата сосѣднихъ селъ — *Озерокъ*, лежащаго въ 6 верстахъ, и *Мокраго*—въ 5; здѣсь не такъ чувствительны зимнія вьюги, мятели и холодные сѣверные вѣтры: когда на степи, въ с. *Мокромъ*, буря, въ *Оркинѣ* нерѣдко бываетъ тихо, горы сдерживаютъ вѣтеръ, и буря не такъ чувствительна. Весною, при малѣйшей оттепели, въ Оркинѣ таетъ, и по улицамъ бѣгутъ ручьи, тогда какъ въ Мокромъ и Озеркахъ едва чувствуется оттепель. При наступленіи оттепели, горы, окружающія Оркино, начинаютъ дымиться (туманиться); туманъ застилаетъ и село, такъ что его не видно. — «Ну, быть теплу, говорятъ крестьяне, *Озёрка-панда* и *Самодуровъ* шумятъ», и какъ

только въ южныхъ горахъ къ Озеркамъ зашумитъ вѣтеръ въ лѣсу, то это первый признакъ оттепели. Весна въ Оркинѣ открывается всегда ранѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ селахъ, и какъ только горы и склоны ихъ освободятся отъ снѣга, такъ уже гонятъ на нихъ для подножнаго корма стада овецъ.

Привольныя мѣста заняты Оркинцами; привольны ихъ дачи и теперь, но что было на этихъ мѣстахъ за сто, полтораста лѣтъ назадъ! Эта роскошная мѣстность, въ давнія времена, по словамъ пріѣзжающихъ въ Оркино татаръ изъ г. Петровска, принадлежала Золотой Ордѣ; до сихъ поръ остались еще слѣды длиннаго, въ нѣсколько верстъ, вала, сложеннаго изъ дикаго камня и плитняка[1]); онъ былъ двойной и отъ времени осѣлъ и развалился; пространство между обоими валами не болѣе 40—50 саженъ; валъ этотъ, или какъ называетъ его мордва — *стѣна*, тянется въ западной части Оркинскихъ дачъ, почти на границѣ, то переходя съ Оркинской на Мокринскую (Петровскаго уѣзда), то служа гранью между ними. По словамъ старожиловъ, народное преданіе говоритъ, что «очень давно, при грозномъ царѣ, на нынѣшней грани Петровскаго уѣзда съ Саратовскимъ, между теперешними селами Мокрое и Оркино, было какое то татарское поселеніе и стѣна служила ему защитой отъ нападенія русскихъ сосѣдей, жившихъ не далеко отъ нихъ». — За этимъ валомъ или «стѣной» начиналась степь, на которой до сихъ поръ остались слѣды множества кургановъ, которыхъ много и на Оркинскихъ дачахъ, между дрв. Яругой и имѣніемъ графа Нессельроде *Сколки*, а потому, не вслѣдствіе ли этого Оркино получило и другое названіе, болѣе употребительное между народомъ, — *Кучугуры*, передѣ-

1) Изслѣдовавъ эту *сторожевую черту*, я нашелъ, что каменная стѣна вѣроятно существовала лишь въ воображеніи мѣстныхъ крестьянъ, но сторожевая линія дѣйствительно проходила здѣсь и, вѣроятно, состояла изъ *лѣсной засѣки*; остались еще слѣды двухъ параллельныхъ валиковъ. (См. «*Саратовскій Сборникъ*», изд. Губ. Статис. Комитета, т. I, 1881 года: «Поѣздка въ Песчанку, Оркино и Лохъ»). — Позднѣе въ «*Трудахъ*» Сарат. Архив. Комис. 1888 г., стр. 276—284, въ моемъ очеркѣ «Замедвѣдицкій край до р. Карамыша», мною описаны слѣды этой сторожевой черты и приложены: карта мѣстности, чертежи Оркинскихъ горъ и слѣды черты, идущей къ Яругѣ. А. М.

ланное по всей вѣроятности на мордовскій или русскій ладъ съ татарскаго — *кечи-горъ*, т. е. *могилки*; русскіе же толкуютъ это названіе — *куча-горъ*; всякій, кто видитъ мѣстность с. Оркина, оглядываясь кругомъ на горы, говоритъ: «и въ самомъ дѣлѣ — *кучугуры*». Нѣкоторые изъ кургановъ-могилъ раскапывались мѣстными жителями, и въ нихъ находили человѣческія и лошадиныя кости. Въ 1874 году нѣсколько крестьянъ с. Оркина, наслушавшись разныхъ разсказовъ про богатства, скрытыя въ этихъ могилахъ подъ курганами, раскопали одинъ изъ нихъ и, послѣ 3—4-хъ дневныхъ трудовъ по ночамъ, нашли въ разрытой могилѣ кости человѣка и лошади, стремена отъ сѣдла и еще что-то; куда дѣвали они эту находку — неизвѣстно; говорятъ, что стремена были особенной формы и изъ серебра. Преданіе говоритъ, что между селами Оркино и Мокрымъ, въ давныя времена, было татарское селеніе, но слѣдовъ его нигдѣ не видно, кромѣ одного мѣста, а именно: на дорогѣ изъ Оркина въ Мокрое, не далеко отъ грани (сторожевой линіи), между валами, о которыхъ сказано выше, замѣтны были остатки какихъ-то каменныхъ построекъ, совершенно развалившихся и отъ времени заросшихъ въ землю, но теперь они случайно открыты, и крестьяне с. Мокраго и окольныхъ деревень берутъ оттуда камни для своихъ нуждъ[1]); народное преданіе указываетъ на это мѣсто, какъ на татарское древнее городище или кладбище, но послѣднимъ они не могли быть; существованіе здѣсь селенія является тоже крайне сомнительнымъ въ полѣ или лѣсу, который, судя по существующему и теперь, довольно густому перелѣску, былъ здѣсь, какъ видно, изъ старри.

Въ прошломъ XVIII столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, мѣстность, занимаемая дачами Оркина, Озерокъ и Мокраго, была почти

1) Въ 1880 г. я изслѣдовалъ эту мѣстность и ясныхъ слѣдовъ построекъ не нашелъ: слѣды сторожевой черты идутъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, причемъ, по указанію А. Л. Леонтьева (учителя Оркинской школы), я осмотрѣлъ двѣ довольно большія ямы, — одну у дороги на самой чертѣ, другую — по этой же дорогѣ къ Оркину въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ линіи курганчиковъ; камни изъ нихъ были уже вывезены окрестными селеніями. А. М.

сплошь покрыта дремучими лѣсами[1]), служившими надежными притонами многочисленнымъ шайкамъ разбойниковъ и всякому бродячему люду, такъ что проѣзжіе по большой дорогѣ изъ Саратова въ Пензу принуждены были ѣздить большими людными обозами и вооруженные. Этотъ лѣсной околодокъ, изобиловавшій множествомъ озеръ, ручьевъ, болотъ и мочежинъ, далъ свое названіе двумъ сосѣднимъ селеніямъ: Озеркамъ и Мокрому. — Въ лѣсахъ водилось тогда много дикаго звѣря: медвѣдей, о которыхъ теперь забыли, волковъ, приносящихъ и теперь немалый вредъ крестьянскому хозяйству Оркина и сосѣднихъ селеній; было много лисъ, куницъ и прочаго. — Разбойникамъ и бродягамъ привольно жилось въ такихъ мѣстахъ и, какъ говорятъ, они въ прошломъ XVIII столѣтіи жили здѣсь поселками.

Оркино заселено раньше сосѣднихъ *Озерокъ* и *Мокраго*, но и съ основаніемъ мордовской деревни, продолжались убійства, разбои и грабежи по окрестностямъ; старожилы говорятъ даже, что первые засельщики Оркина сами ходили на грабежъ и разбои, а также давали пріютъ и укрывали у себя разбойниковъ и ихъ семейства, награбленное же пряталось въ лѣсныхъ трущобахъ и оврагахъ, въ вырытыхъ тамъ погребахъ и ямахъ. Преданіе указываетъ на нѣсколько такихъ мѣстъ и на зарытые тамъ *клады: Караульная-панда, Кевень-гардазъ, Козелынь-струбъ-латка, Кузменка* и другіе. Разсказываютъ, что въ *Козелынь-струбъ-латка* загналъ случайно старикъ лошадей; спутавъ ихъ, онъ хотѣлъ уже идти домой, какъ подъ ногами, въ промоинѣ, увидалъ конецъ торчащей изъ земли на полъ аршина почти сгнившей колоды; въ ней лежали старинныя мѣдныя деньги и старикъ взялъ ихъ нѣсколько штукъ, но тотчасъ же ослѣпъ; онъ бросилъ деньги обратно и снова прозрѣлъ; раза два повторилъ онъ тоже и каждый разъ, какъ бралъ монеты, лишался зрѣнія, возвращавшееся тогда, когда онъ клалъ ихъ обратно; послѣ того никто уже не видалъ этой

1) Лѣса эти тянулись черезъ теперешнія: Озерскую, Ягодно-полянскую, Полчаниновскую и Вязовскую волости далеко на сѣверъ и обозначены на картѣ Волги у Олеарія, первой половины XVII столѣтія. А. М.

колоды. — Года четыре тому назадъ нѣсколько молодцевъ рыли на этомъ мѣстѣ *кладъ* по ночамъ и отрыли конецъ толстой мѣдной проволоки, но отрытая въ одну ночь, она пропадала снова въ слѣдующую; при этомъ нашли они только обыкновенный ножъ. Въ *Козелынъ-струбъ-латка*, по преданію, жили разбойники въ каменныхъ и кирпичныхъ землянкахъ, которыя отъ времени разрушились, но и теперь на этомъ мѣстѣ находятъ груды камней и кирпичей.—Искатели кладовъ часто рыли въ окрестностяхъ Оркина, но ничего не находили.—Разсказываютъ, что одинъ мужикъ шелъ однажды лѣсомъ въ Ягодную-Поляну мимо мѣстъ, изрытыхъ кладоискателями; ему тоже пришла мысль попытать счастья и, замѣтивъ старый пень надъ ручьемъ, онъ сталъ обрубать его; послѣ нѣсколькихъ ударовъ топоромъ, изъ разсѣлины пенька выпало нѣсколько серебряныхъ монетъ, похожихъ на рыбью чешую, и онъ набралъ ихъ 90 слишкомъ штукъ, которыя потомъ и были отобраны у него волостнымъ писаремъ, но куда онѣ за тѣмъ дѣвались — неизвѣстно.

Село *Оркино* населено мордвою, но откуда они пришли — мордва не помнитъ; называютъ они себя *Эрзя*. По генеральной ревизіи 1745—47 г.г. уже показана Петровскаго уѣзда деревня *Оркина*, заселенная мордвой изъ Пензенскаго уѣзда деревень *Мачима* и *Садома*; во время ревизіи 1745 г. въ ней показано 110 душъ муж. пола, поселенныхъ до этой ревизіи.—Въ народѣ, о заселеніи Оркина существуетъ преданіе, что пришедшій сверху мордвинъ *Орька*, облюбовавъ эти мѣста, выпросилъ у правительства позволеніе поселиться здѣсь съ нѣсколькими семьями другихъ мордвовъ; полагаютъ, что это было въ началѣ прошлаго XVIII столѣтія. Узнавъ о привольномъ житьѣ *Орьки* и его товарищей, пришло къ нему еще нѣсколько мордовскихъ семей изъ верховыхъ деревень: *Козловки*, *Ерёмовки*, *Сарайкина* и другихъ и поселились на мѣстѣ нынѣшняго Оркина отдѣльными хуторами и дворами, называвшимися: *Ерёмовкою*, *Сарайкинымъ* и другими *курнями*. До сихъ поръ улицы Оркина носятъ названія: *Ерёмовка*—за рѣчкою, въ сѣверной части села; *Сарайкина курня*—

въ концѣ села къ сѣверо-востоку, по дорогѣ въ с. Лохъ, и прочіе. По разсказамъ другихъ, *Орька* былъ просто шатавшійся мордвинъ, разбойничавшій по дорогамъ и глухимъ мѣстамъ; бродя съ такими же товарищами по лѣсамъ, онъ случайно попалъ въ мѣстность, гдѣ теперь стоятъ *Оркино*, Мокрое и Озерки, гдѣ въ то время разстилались глухія лѣсныя дебри, болота и мочежинники; мѣстность пришлась ему съ руки, и онъ остался здѣсь, построилъ курени и продолжалъ грабить проѣзжихъ по большой дорогѣ; имя его перешло впослѣдствіи къ образовавшемуся селенію, которое потому правильнѣе должно называться — *Орькино*. До сихъ поръ есть въ селѣ нѣсколько семей, носящихъ фамилію перваго засельщика — *Ортины* или *Орькины*.

Средина нынѣшняго Оркина стоитъ на непроходимыхъ въ былые годы — трясинѣ и болотѣ. Избенки первыхъ поселенцевъ стояли на берегу бывшаго тогда озера, которое, по народному преданію, было такъ глубоко, что дна не доставали; его впослѣдствіи завалили и загатили такъ, что на мѣстѣ бывшаго озера и болотъ стоитъ теперь сельское правленіе, а рядомъ тянутся огороды, на которыхъ отлично растутъ капуста и картофель; огромныя старыя ветлы на этихъ огородахъ и весною страшная невылазная грязь на площади напоминаютъ еще о заваленномъ здѣсь болотѣ. Есть еще старики въ Оркинѣ, которые помнятъ, какъ гатили болото, образовавшееся изъ бывшаго озера: въ него валили лѣсъ, пни и тысячи возовъ навозу; лѣсу было тогда много, стоялъ онъ крупный, въ нѣсколько обхватовъ толщиною, его тогда не жалѣли, рубили и валили въ болото, такъ что и теперь еще при рытьѣ погребовъ и колодцевъ въ этихъ мѣстахъ находятъ, на глубинѣ 2—3-хъ аршинъ, толстые дубовые комли; вода въ этихъ колодцахъ выступаетъ на незначительной глубинѣ 2—4-хъ аршинъ. Кругомъ озера росъ вѣковой лѣсъ, такъ что деревня строилась въ лѣсу и матерьялъ для построекъ былъ подъ руками у поселенцевъ. Со временемъ лѣсъ этотъ вырубили и выкорчевали, такъ что теперь нѣтъ и слѣдовъ его. — По горамъ, кругомъ села, и теперь еще много лѣсу, но онъ очень плохъ, мѣ-

локъ, и послѣдній старый лѣсъ вырубленъ около 1850-хъ годовъ; но у многихъ еще на памяти, тѣ темные, непроходимые лѣса, застилавшіе горы и бараки съ ихъ полянами, изобиловавшими ягодами и логами, полными студеныхъ ключей и ручьевъ; съ вырубкой лѣса стала пропадать и вода. Въ этихъ лѣсахъ, кромѣ другой дичи, водились медвѣди, и крестьяне часто ходили на нихъ охотой. Между мордвой и теперь есть охотники, которые съ ружьями, а больше съ дубинками ходятъ на лисъ и зайцевъ; на Покровъ же (1 Октября), чуть не половина села выходитъ съ ранняго утра въ лѣсъ, и тамъ крикомъ, шумомъ, гамомъ и собачьимъ лаемъ выгоняютъ дичь, убивая ее ружьями и палками.

Въ старину, когда лѣса притѣняли почву, дававшую много влаги, земля родила лучше и урожаи были баснословные. Теперь почва истощала, но, несмотря на массу навоза, гніющаго въ селѣ и за селомъ, никто не думаетъ удобрить имъ истощенныя поля.

Первые засельщики Оркина занимались хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ и грабежами на большой дорогѣ. *Орька* и пришедшая съ нимъ мордва были язычниками и, какъ говорятъ, имѣли своихъ боговъ, которымъ поклонялись и приносили жертвы: у нихъ была въ лѣсу священная поляна, находившаяся, по преданію, или въ лощинѣ *Козелынь-струбъ-латка*, или на сырту — *Красная-поляна*. Тамъ стоялъ избяной срубъ, въ которомъ жилъ или жрецъ, или же самъ богъ — *Вѣринасъ-кормилецъ*; въ это святилище никто не могъ входить, иначе бы поплатился головою. Въ извѣстное время, по вечерамъ, мордвы приходили лѣсными тайными тропами на эту поляну и, собравшись, раскладывали костеръ, ѣли, пили и веселились, прыгали черезъ костры, водили вокругъ нихъ хороводы и потомъ приносили жертвы богу въ видѣ хлѣба и мяса, которые и клали около сруба (существуетъ преданіе, что на полянѣ передъ срубомъ стоялъ на возвышеніи *идолъ* (?); названіе Бога — «*Вѣри-пасъ-кормилецъ*» можно понимать двояко: *Вирьнасъ* — *лѣсной богъ* и *Вѣри-пасъ* — верхній богъ или богъ въ верху). За тѣмъ мордва молиласъ, становясь на колѣни, и просила своего бога о своихъ

нуждахъ, говоря такъ: «Вѐри-пасъ-кормилецъ, дай монянь ала̀ша, монь ала̀ша кулы̀сь»... «Вѐри-пасъ-кормилецъ дай монянь рѐвя»... или «... ярма̀къ» (въ переводѣ: «Верховный богъ кормилецъ, дай мнѣ лошадь, моя лошадь умерла; ... дай мнѣ овцу; ... дай мнѣ денегъ») и т. д.; каждый высказывалъ свою нужды и на нхъ мольбы голосъ изъ сруба отвѣчалъ: «дамъ». Народное преданіе разсказываетъ, что въ срубѣ жилъ богъ, въ видѣ здороваго мужика.

Кромѣ *Вѐри-пасъ*, мордва обоготворяла: громъ — «*пургѝня*», молнію — *ѐндилъ*, солнце — *чи*, мѣсяцъ — *ковъ*, звѣзды — *тяштъ*; вѣрили они также, какъ въ боговъ, и поклонялись: домовымъ — *юртъ-ава̀*, лѣшимъ — *виръ-ава̀*, водянымъ — *вядь-ава̀* и проч.; даже въ шумѣ вѣкового лѣса видѣли они боговъ и трепетали ихъ.—Вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ и т. п. и до сихъ поръ такъ же сильна между мордвой, какъ въ старыя времена язычества: кромѣ того мордва вѣрила и теперь вѣритъ всякаго рода гаданіямъ, нашептываніямъ и т. под.; они убѣждены, что люди, находящіеся въ близкихъ сношеніяхъ съ злыми духами: колдуны, вѣдуны, знахари и знахарки могутъ принимать на себя образъ волковъ, собакъ, кошекъ, свиней и другихъ животныхъ; и теперь вѣрятъ, что по селу, въ глухую полночь, ходятъ *оборотни* и пугаютъ народъ. Разсказываютъ, что по ночамъ по селу ходитъ *бука*, родъ оборотня, съ виду похожій на копну сѣна; бродитъ онъ по всему селу, въ особенности на площади вокругъ церкви; гоняясь за прохожими, онъ издаетъ звуки, похожіе на ворчаніе сердитой собаки, и лишь только появится народъ на крикъ попавшагося *букѣ* человѣка, онъ оставляетъ его и пропадаетъ среди толпы: «въ землю проваливается, въ тартаръ»—говоритъ мордва. Однажды, сказываютъ, *бука* появился среди хоровода парней и дѣвокъ, тѣ подняли крикъ, сбѣжался народъ, начали бить *буку* дубинами, но тотъ, быстро повернувшись, пропалъ.

Мордва боялась и боится мертвыхъ, и между ними нѣтъ такого смѣльчака, который бы пошелъ ночью на гумно, что лежитъ за кладбищемъ или около него: «а ну какъ мертвецы то встанутъ».

Въ былые годы скоропостижно умершихъ: опойцевъ, утопленниковъ и самоубійцъ хоронили внѣ кладбища; такъ и въ Оркинѣ ихъ зарывали далеко отъ села въ лѣсу; на это мѣсто въ *Самодуровомъ* оврагѣ, близъ *Лапань-ч(ж)ельня-ясля* (мордовское названіе ущелья и дороги въ немъ; *ясля* — значитъ дорога между двухъ крутыхъ горъ; мордва произноситъ и — «*чельня*» и — «*жельня*»), мордвинъ боится ходить въ одиночку, потому что похороненный тамъ «*убивецъ*» бродитъ по лѣсу и пугаетъ народъ своимъ крикомъ — «*эдакимъ страшнымъ*»; подъ вечеръ въ особенности *убивецъ* всегда «*больно*» кричитъ: кричитъ и стонетъ филинъ, поселившійся въ дикомъ лѣсномъ ущельѣ, но мордва и слышать не хочетъ такого толкованія. Сказываютъ, что *убивца* нѣкоторые видѣли, и онъ будто-бы разговаривалъ съ однимъ мужикомъ, объяснивъ ему, что онъ потому ходитъ, что «*вѣкъ жизни его не кончился*» и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда бы онъ долженъ былъ умереть своей естественной смертью; тогда ляжетъ онъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ, а такъ какъ онъ выходитъ изъ могилы, въ ногахъ — выросла на ней осина, а въ головахъ — орѣховый кустъ.

Здѣшняя мордва были язычниками до конца первой половины XVIII вѣка и были крещены въ 1745—50 г.г. священникомъ Андреемъ Антиповымъ. Мордва крестилась неохотно: когда явилось въ Оркино начальство и священникъ съ причтомъ, то мордвы прятались, кто на дворахъ, а кто въ лѣсъ; ихъ разыскивали и потомъ крестили въ пруду, въ который гнали палками[1]). Разсказываютъ, что одинъ мордвинъ, молодой парень, подгоняемый палкой, бросился на священника и потащилъ его съ собою въ воду. Мордва была крещена не вся сразу, а въ нѣсколько пріемовъ; тотчасъ же въ Оркинѣ начата была постройка небольшого дере-

1) Въ 1743 и 1744 г.г. было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ капищъ въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской. Сохранились въ архивахъ жалобы мордвовъ 1745 г., что ихъ заставляютъ креститься силою, отказывающихся бьютъ, заковываютъ въ кандалы, или связанными окунаютъ въ *купель* и надѣваютъ кресты. А. М.

вяннаго храма, во имя Рождества Христова, который поставили на берегу озера, на срединѣ небольшой еще въ то время деревни; теперь, на мѣстѣ алтаря этой прежней деревянной церкви, сломанной за ветхостью въ 1840-хъ годахъ, стоитъ на площади за сельскимъ правленіемъ, деревянная часовенка съ крестомъ, а около—нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще деревянныхъ крестовъ на старыхъ могилахъ. Въ 1844 году, вмѣсто стараго полуразрушившагося храма, построена на другой, болѣе возвышенной, площади довольно обширная и высокая каменная церковь, тоже во имя Рождества Христова. Въ этомъ новомъ храмѣ, до сихъ поръ, хранятся богослужебныя книги, взятыя изъ старой церкви, съ слѣдующими надписями, указывающими на время крещенія мордвы: «Сія книга Ея Императорскаго Величества казенная отдана изъ конторы новокрещенныхъ дѣлъ въ Петровскій уѣздъ, въ новокрещенное село Рождественское, Оркино тожъ, въ церковь Божію, священнику Андрѣю Антипову. Октября 17 дня 1760 года». Такія надписи имѣются на книгахъ: Евангеліи, Апостолѣ, Октоихѣ и Цвѣтной тріоди; метрическія же книги ведутся при церкви съ 1801 года; весь причтъ въ то время состоялъ изъ священника, дьякона, дьячка и пономаря.

Во второй половинѣ XVIII вѣка мордва была еще болѣе груба и дика, чѣмъ въ XIX столѣтіи: часто оскорбляли они священника и причтъ и ничего не хотѣли платить за совершеніе требъ. Церковь была очень бѣдна, и духовенство жило въ страшной нищетѣ: говорятъ, что священникъ ходилъ въ лаптяхъ и сермягѣ. Принятіе христіанской вѣры мало вліяло на мордву; они хотя и считались православными, но тайкомъ ходили въ лѣсъ на «*моля̀нъ*» и кланялись своимъ прежнимъ богамъ; это преслѣдовалось какъ духовенствомъ, такъ и начальствомъ: *моляны* были запрещены, капища не разъ разрушали, а бывшихъ на *моля̀нахъ* строго наказывали. Поэтому мордва принуждена была бросить свою прежнюю вѣру и, мало по малу, не забывая совсѣмъ своихъ старыхъ боговъ, стала переносить свои прежніе обычаи на праздники и разные случаи православной вѣры. Такимъ образомъ

скоро является у христіанской уже мордвы — *молянъ Пурѐскс*, напоминавшій своею обрядностью прежнія языческія празднества. — «*Пуря*» — значитъ медовый квасъ, отъ него то и произошло названіе моляна, на которомъ пили брагу и въ особенности медовый квасъ; *Пурѐскс* всегда посѣщался священникомъ, который съ иконами и хоругвями, продолжая молебное шествіе по извѣстнымъ мѣстамъ, доходилъ и до того мѣста, гдѣ приготовлялся *Пурѐскс*: здѣсь, на открытой и веселой лужайкѣ, стояли столы и скамьи, а на нихъ ведра и кадки съ брагой, виномъ, а больше всего съ медовымъ квасомъ; тутъ же грудами лежали пироги (*прякà*), мясо и другія закуски. Священникъ служилъ тутъ, надъ ближайшимъ ручьемъ или родникомъ, молебенъ и садился за столъ, а за нимъ и мордва; священникъ скоро уходилъ, но народъ долго пировалъ послѣ него; подвыпивши, принимались пѣть и плясать, а вечеромъ разводили костры, черезъ которые прыгали молодые парни и дѣвки; пиръ продолжался долго при свѣтѣ этихъ костровъ. Кромѣ моляна *Пурѐскс*, праздновался еще молянъ — «*Саразъ-алъ-осксъ*» (*саразъ* — сокращенное изъ *саразыс* — курица; *алъ* — куриное яйце): этотъ молянъ имѣлъ ту особенность, что на немъ ѣли куръ, которыхъ рѣзали тутъ же на мѣстѣ, и куриныя яйца, отъ чего произошло самое названіе моляна. Молянъ *пурѐскс* праздновался за селомъ, въ оврагѣ подъ *Вороховой* горой, и оврагъ этотъ до сихъ поръ называется *Пурѐскс*; мѣсто же моляна *саразъ-алъ-оксс* неизвѣстно, но, какъ предполагаютъ, было надъ большимъ родникомъ, который теперь находится уже въ селѣ, на концѣ улицы при выѣздѣ на Озерскую дорогу черезъ лѣсъ; вода въ немъ чистая и прѣсная, чего въ другихъ родникахъ села нѣтъ; поэтому водой его пользуется теперь почти все село.

Заслуживаетъ вниманія праздникъ, справляющійся ежегодно на Покровъ (1-го октября) дѣвками и парнями всего села и называвшійся — «*сыпчинь*», на который дѣвки, сговорившись заранѣе, снимали неподалеко нѣсколько квартиръ. Сюда приносили онѣ куръ, гусей, мясо и другіе припасы; передъ самымъ праздникомъ варили брагу, въ продолженіи же *сыпчинъ* ежедневно пекли

пироги и приготовляли разныя кушанья, затѣмъ пряли, пѣли пѣсни и плясали подъ обычный свой припѣвъ: «дапли-ли-да-да». Къ нимъ приходили парни и гуляли вмѣстѣ съ ними; дѣвки угощали гостей-парней брагой, пирогами и кушаньями, а тѣ покупали вина, орѣховъ и пряниковъ. На *сытчинахъ* дѣвки одѣвались въ самые лучшіе наряды, а красивыя, ловкія и статныя надѣвали старинную, особенно нарядную, одежду—«*покай*», весь вышитый мишурой, блестками и увѣшанный по плечамъ и рукавамъ маленькими бубенчиками, погремками, блестящими и звонкими бляшками и даже колокольчиками; звучно побрякивая ими въ тактъ во время пляски, дѣвка блистала въ яркомъ пурпуровомъ нарядѣ. За тѣмъ парни приводили имъ, для катанья верхомъ, лошадей въ сѣдлахъ, непремѣнно бойкихъ, которыхъ украшали лентами и разноцвѣтными махорками, а на сѣдло постилали ярко вышитую и блестящую попону. Дѣвки, желавшія покататься, три раза обходили кругомъ лошади, затѣмъ ловко вскакивали въ сѣдло и лихо, съ плетью въ рукахъ, неслись по селу въ своихъ блестящихъ нарядахъ, въ мужскихъ штанахъ и особенныхъ головныхъ уборахъ, причемъ, навѣшанные на нихъ бубенчики и другія побрякушки производили неумолкаемый звонъ, пугавшій строгихъ лошадей, которыя бросались въ сторону и нерѣдко сбрасывали съ себя смѣлыхъ наѣздницъ. На эти *сытчины*, продолжавшіяся недѣлю, пріѣзжали изъ сосѣднихъ селъ и имѣній помѣщики и даже «господа» изъ Петровска, причемъ холостые гуляли здѣсь на ряду съ парнями. Послѣдняя *сытчина* была лѣтъ 20 тому назадъ (въ концѣ 1850-хъ годовъ), за тѣмъ годъ отъ году неурожаи заставили оставлять этотъ народный праздникъ, требовавшій много расходовъ, и онъ остался теперь только въ народной памяти; *покай*, въ который рядились дѣвки, почти нельзя уже ни у кого встрѣтить на селѣ и только немногія бабы носятъ еще бусы и остатки отъ бывшихъ на покаѣ украшеній.

Пугачевщина и для Оркина не прошла безслѣдно: толпы Пугачева, шедшія изъ Пензы, черезъ Петровскъ, на Саратовъ, захватили и Оркино. Разсказываютъ даже, что здѣсь былъ самъ

Пугачевъ (вѣроятно, одинъ изъ его атамановъ, которыхъ всѣхъ звали—*Пугачами*) и останавливался въ хатѣ мордвина Скупцова, жена котораго украла у него мѣшокъ съ деньгами и спрятала ихъ, сначала въ солому на крышѣ, а потомъ перенесла «на зады» и тамъ высыпала въ кучу лежавшихъ бревенъ, гдѣ они и остались цѣлы; отъ того Скупцовы и до сихъ поръ богаты. Священникъ, съ прихода Пугача, какъ разсказываетъ народное преданіе, куда то спрятался и пропадалъ все время, пока толпище не оставило совсѣмъ Оркина и его окрестностей; за то досталось дьякону, котораго прислали спросить — гдѣ попъ? и какъ онъ не могъ, а можетъ быть и не хотѣлъ указать убѣжища священника, то его и вздернули на веревкѣ на воротній столбъ и задушили. Многіе относятъ повѣшеніе дьякона вовсе не ко времени пугачевщины, а, говорятъ, его повѣсили мордвы, за то, что онъ спряталъ отъ нихъ попа, на котораго они были злы и съ которымъ хотѣли расправиться по своему. Полчища самозванца вели съ собой много захваченныхъ по пути дворянъ и одного изъ нихъ повѣсили или зарѣзали, верстахъ въ 3-хъ отъ Оркина, на горѣ, получившей оттого названіе — *Боярынь-пря*, т. е. *боярская голова*. Съ пугачевцами ушло изъ Оркина нѣсколько человѣкъ мордвовъ, которые вскорѣ вернулись съ обрѣзанными ушами и носами; свернувъ, съ большой дороги, на Оркино, разсказываетъ преданіе, обезображенные бѣглецы постыдились идти въ такомъ видѣ въ свою деревню и рѣшились лучше умереть, почему, при входѣ въ лѣсъ, они бросились другъ на друга и перерѣзались ножами.

Въ с. Оркинѣ по 10-й ревизіи считалось—1407 душъ муж. пола, а въ 1880 году числится — 2048 д. м. п. и 2144 женскаго, а всего 4192 д. об. пола мордвовъ.

Оркинская мордва большею частью средняго роста, съ выдающимися скулами, жидкой, рѣдкой и щетинистой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими (татарскаго типа) и, въ большинствѣ случаевъ, больными, въ особенности у женщинъ, которыя часто слѣпнутъ. Между молодыми женщинами и дѣвушками нерѣдко попадаются красивыя лица.

Одежда мущинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *панáр*'а[1]), съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя бараньи шапки и непремѣнно съ прорванным верхомъ, лоскутъ котораго болтается по вѣтру; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ въ иныхъ семьяхъ хранятся какъ завѣтная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или при свадьбѣ. Зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою посверхъ ихъ тулупы или армяки изъ домашняго сукна.

Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, очень узкой, холщевой рубахи — *панар*'а, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкою. Сверхъ рубахи надѣваютъ *шушпанъ*, родъ узкаго халата, съ разрѣзнымъ передомъ; *шушпанъ*, какъ и *панаръ*, имѣетъ короткіе по локоть узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу расшитъ красной шерстью и гарусомъ съ блестками и мишурой. Кромѣ того, до 1850-хъ годовъ, женщины носили праздничный *покай* (о которомъ сказано выше), тоже родъ *шушпана*, только сшитаго спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *покай* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ четверть аршина ширины, и весь *покай* блестѣлъ словно парчевой.—Перёдъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣдняя и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошивками. Талія перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ мѣшечекъ для разныхъ мелкихъ вещей — *лакомку*, а сверху повязываютъ красный шерстяной кушакъ. На голову бабы надѣваютъ нѣчто въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурой, это — *шыльгáнъ*, въ который они

1) Здѣсь и ниже въ рукописи *понаръ* вм. *панаръ*. А. Ш.

убираютъ голову совсѣмъ съ ушами, такъ что волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ онѣ выпускаютъ пряди волосъ причемъ щеголихи завиваютъ ихъ въ кудри; сзади *шыльганъ* стягивается завязкою и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ концемъ, длиною вершковъ въ 6, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами, къ *шыльгáну*, привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пуговки, по три на сторону. — Въ ушахъ носятъ огромныя мѣдныя или оловянныя серьги; этотъ уборъ мордовки работаютъ сами. — Мордовскій національный костюмъ встрѣтилъ здѣсь гоненіе во время земскихъ засѣдателей: одинъ изъ нихъ приказалъ мужикамъ накупить своимъ бабамъ ситцевъ, китаекъ и нарядить ихъ въ сарафаны, снявъ *шыльганы* и *шушпаны*; мужики, подъ страхомъ строгаго наказанія, исполняли прихоть засѣдателя, но его цѣль обрусенія такимъ способомъ мордвы не удалась, и мордовки, къ удовольствію Оркинскаго населенія, въ особенности стариковъ, остались при своемъ нарядномъ дѣдовскомъ костюмѣ. — Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, *котовъ* (родъ башмаковъ), которые прикрѣпляются къ ногамъ ремнями. — Щегольство разными украшеніями въ большой модѣ у мордовокъ: огромныя мѣдныя серьги, на пальцахъ — множество мѣдныхъ и оловянныхъ колецъ, въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стеклярусъ или нанизанныя на шнурокъ раковинки, рядовъ въ десять, окружаютъ шею; нѣкоторые шнурки съ этими украшеніями, довольно длинные, спускаются на грудь и на каждомъ изъ нихъ непремѣнно крестъ или маленькая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодушекъ (которыя первый годъ замужемъ) отличается отъ бабьяго только тѣмъ, что онѣ не носятъ *шыльгáна*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, въ которую вплетаютъ узенькую ленточку съ кистью изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непремѣнно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильные холода, ходятъ онѣ большею частью съ открытыми головами. — Нѣкоторыя женщины нюхаютъ, а иныя курятъ изъ трубокъ—махорку: мордовка,

въ особенности старуха, оперши сь лѣвой рукой въ бокъ, стоя съ трубкой въ зубахъ, тонкими струйками, съ большимъ наслажденіемъ выпускаетъ вонючій дымъ сквернѣйшаго табаку.

На обязанности женщинъ лежитъ все управленіе домашнимъ хозяйствомъ, присмотръ за скотомъ, птицею, стряпня, шитье мужской, женской и дѣтской одежды; между ними есть хорошія мастерицы по вышиванію шерстями. Обработка полей лежитъ на мужчинахъ, женщины же принимаютъ участіе только въ полотьѣ, жатвѣ, молотьбѣ хлѣба и уборкѣ сѣна.

Оркинцы — государственные крестьяне, живутъ въ достаткѣ, нѣкоторые имѣютъ на гумнахъ по нѣсколько одоньевъ прошлогодняго хлѣба; есть нѣсколько такихъ мордвовъ, у которыхъ лежатъ въ банкахъ капиталы — тысячъ до тридцати рублей; но несмотря на зажиточность, всѣ они живутъ грязно и неопрятно. Въ настоящее время, къ 1 январю 1880 года, въ с. Оркинѣ считается 611 дворовъ, расположенныхъ въ нѣсколько порядковъ и улицъ,—послѣднихъ, довольно большихъ, болѣе 10. Все село съ дворами, площадями и гумнами занимаетъ около $2\frac{1}{2}$ квадратныхъ верстъ. Улицы большею частью неправильны и узки, съ очень рѣдкими переулками; избы не отличаются правильностью постройки, красотою и удобствомъ, большинство поставлены на улицу или бокомъ, или задомъ, или же вовсе на дворѣ. Послѣ пожара 3 іюля 1879 г., въ который сгорѣло 94 двора, сгорѣвшая часть Оркина построена теперь по плану, и улицы раздѣлены частыми проулками отъ 8 до 20 саженъ шириною. Избы крыты соломою, и во всемъ селѣ только 92 избы, крытыхъ тесомъ; строятся онѣ обыкновенно изъ чернолѣсья, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются потомъ глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, большею частью разной величины: одно меньше, другое больше; сбоку, на улицу, на высотѣ окна, вмѣсто послѣдняго, непремѣнно оставляютъ въ стѣнѣ щель, пальца въ два шириною, которую затыкаютъ тряпкой, а нѣкоторые вставляютъ кусокъ стекла. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатый полъ и тотъ со щелями. Избы въ большинствѣ топятся по черному, а нѣкоторыя, хотя и сдѣланы съ рус-

скими печами и трубами, по зимою, *«для тепла»* топятся также по черному. Въ этихъ избахъ живутъ семьи, нерѣдко человѣкъ въ 30, а съ ними, въ зимнее время, помѣщается и скотина: телята, ягнята, поросята и куры; воздухъ въ такихъ избахъ постоянно пропитанъ одуряющей вонью и къ тому же въ зимнее время не достаетъ и свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзаютъ насквозь; повсюду грязь и нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, пауки заплетаютъ углы, по потолку, палатямъ, по стѣнамъ, всюду висятъ паутины. Понятно, что подобныя избы представляютъ мало удобствъ въ гигіеническомъ отношеніи, и обитатели ихъ часто страдаютъ отъ различныхъ болѣзней, въ особенности — накожныхъ и глазныхъ; болью глазъ страдаютъ и взрослые и дѣти.

Въ селѣ есть нѣсколько избъ, содержимыхъ относительно чисто, потому что для скота имѣются другія избы, или онѣ дѣлаются двойныя, раздѣленныя сѣнями: въ одной — помѣщаются хозяева, въ другой же — кухня и скотина.

Заболѣетъ мордвинъ, и его лѣчатъ всякими домашними средствами, а чаще приглашаютъ старуху-знахарку, или водятъ къ ней. Знахарка нашептываетъ на что нибудь больному, или же прежде всего велитъ истопить по-жарче баню и въ ней выпарить больнаго, причемъ страдающему животомъ накладываетъ на него горшки, какъ это дѣлается съ сухими банками. Знахарки эти лѣчатъ и разными зельями, травами, даже мышьякомъ, сулемою и тому подобными ядами, отъ которыхъ паціенты ихъ часто залѣчиваются на смерть. Причины болѣзней преимущественно сырость и холодъ отъ земляного пола, по которому ходятъ босикомъ, отъ зловонныхъ испареній въ жилищахъ, а также отъ неудобоваримой и непитательной пищи.

Умираетъ взрослый парень, спросимъ родственниковъ о причинѣ смерти: «А кто его знаетъ, чѣмъ онъ фаралъ, — отвѣчаетъ мордва, такъ все ходилъ, все ходилъ, а тутъ фарать сталъ; день, другой — съ недѣля лежалъ и умеръ». — Спросимъ, лѣчили-ли чѣмъ и ѣздили-ли къ доктору? — «Лѣчили, какъ фарать сталъ,

такъ бабка призвалъ, онъ лѣчилъ; въ банѣ парилъ ее, послѣ бани *лёфка* (легко) будто сталъ ей, потому послѣ бани всякій человѣкъ *лёфка* бываетъ и ей *лёфка* сталъ; допрежъ онъ кашлялъ, а тутъ пуще сталъ, такъ и хрипитъ, такъ и хрипитъ, а тутъересталъ: *тятяй, авай* (отецъ, мать), говорила она, душно мнѣ, вотъ тутъ больно (мужикъ показываетъ на горло), дыхать нельзя; и болѣсть никакой не видать, а баялъ больно, дыхать нельзя».—Попрекнешь, что не съѣздили къ доктору и не попросили у него лѣкарства: — «Зачѣмъ лѣкарь, у насъ бабка все знаетъ, лучше лѣкарь всякой знатъ. Ужъ *Насъ-кормилецъ* знатъ, что надо, противъ него никакой лѣкарь нейдетъ. Чего знатъ лѣкарь: дастъ ему какой горькой вода, пить тошно, а онъ дастъ. Однова жена лихоманка хватилъ, долго мучилъ его, ѣздилъ къ лѣкарю, въ нѣмцы (въ Ягодную-поляну), онъ какой-то мука, съ ложку такъ, далъ мнѣ, баетъ по-съ-эстольку глотать надыть. Пріѣхалъ, да и далъ, такъ жена совсѣмъ было околѣлъ: тошно, тошно, кричитъ; я скорѣе воды— и отошло».—Спрашиваешь, давалъ-ли онъ еще этого лѣкарства? «Зачѣмъ? ишь онъ скверна какой далъ. Мы потомъ въ банѣ парилъ ее, ротъ чернилой мазалъ, газъ (фотонафтиль) пить давалъ, сульмой ротъ мазалъ, ... сульма — это такихъ еще лошадямъ даютъ». — А то, напримѣръ, разсказываютъ, какъ бабка-знахарка вылѣчила одной бабѣ простое воспаленіе глазъ: знахарка сдѣлала изъ сулемы и еще какихъ-то зелій смѣсь и, завязавъ въ тряпицу, «*на пробу*» привязала къ одному изъ больныхъ глазъ бабы, та сѣла прясть и пряла до тѣхъ поръ, пока видно не въ терпежъ стало отъ снадобья; отвязала тряпицу, а глаза какъ не бывало, — сулема сдѣлала свое дѣло; понятно, что другой глазъ она уже не дала лѣчить! — Эти знахарки въ тоже время и повитухи, но въ большинствѣ случаевъ и въ этомъ дѣлѣ, также какъ и въ лѣченіи, ничего не смыслятъ. — Между знахарками есть особенно выдающіяся, которыхъ знаетъ окрестность верстъ на 30; есть и спеціалистки по лѣченію сибирки: является къ одной изъ нихъ паціентъ съ подозрительнымъ прыщемъ, сибиркой будто бы; знахарка, не задумываясь, накаляетъ до бѣла острый шпигорь

(большой гвоздь) и выжигаетъ подозрительное пятнышко, не обращая вниманія на вопли паціента. — Нѣкоторыя изъ нихъ довольно успѣшно лѣчатъ заболѣвшихъ сифилисомъ. — Не такъ давно знахарки придумали новое лѣкарство отъ лихорадки: даютъ больному клоповъ, которыхъ кладутъ, потихоньку отъ него, въ хлѣбный мякишъ, закатывая его вродѣ пилюли; послѣ пріема такого оригинальнаго лѣкарства больного рветъ ужасно, и лихорадка иной разъ проходитъ.

Такъ лѣчится мордва; иные и ѣздятъ къ фельдшеру; разъ дадутъ больному, а потомъ бросаютъ. До 1877 года земскій фельдшеръ и аптечка находились въ с. Озеркахъ, за 6 верстъ отъ Оркина, а съ 1877 г. земскій фельдшерскій пунктъ переведенъ въ колонію Ягодную-Поляну, тоже въ 6 верстахъ отъ села. Мордва ужасно боится оспы, оттого что она безобразитъ дѣтей, почему они имъ охотно прививаютъ ее, чего нельзя сказать про русскихъ сосѣдей въ с. Озеркахъ.

Интересенъ уходъ мордвы за ребенкомъ; лишь только онъ появится на свѣтъ, то мать-роженицу ведутъ въ баню, съ нею несутъ и новорожденнаго, котораго также моютъ и парятъ, какъ и мать, не разбирая, что для него вода можетъ быть горяча и въ банѣ черезчуръ жарко: терпитъ рука — значитъ можно купать и мыть. Выходя изъ бани, уносятъ всѣ вещи роженицы, даже вѣникъ, которымъ ее парили, а то злые люди могутъ испортить ее. На первыхъ порахъ ребенка кормятъ грудью, но черезъ нѣсколько дней ему даютъ соску изъ кислаго ржаного хлѣба; надо замѣтить, что бабка, только что родившемуся ребенку даетъ жёвку изъ ржаного хлѣба съ солью, причемъ стараются влить непремѣнно въ горло ребенку цѣлую ложку такой жёвки. Съ перваго же дня ребенка помѣщаютъ въ колыбель — *лáусь*, которая чаще всего дѣлается изъ корзинки или загибается изъ лубка въ родѣ ящика, въ который набиваютъ соломы или трухи, а сверху кладутъ ветошку — старый *шушпáнъ*, а на него ребенка, завернутаго въ разное тряпье; подстилка въ колыбели рѣдко просушивается и еще рѣже перемѣняется, такъ что вонь и сырость почти

никогда не покидаютъ ребенка: онъ заболѣваетъ, кричитъ и не спитъ, тогда его лѣчатъ,—кипятятъ маковыя головки въ молокѣ и поятъ его этимъ настоемъ, отъ котораго онъ дурѣетъ и засыпаетъ; но это продолжается недолго: отъ частаго употребленія маковаго настоя чувства ребенка притупляются, и настой на него не дѣйствуетъ, но лишь раздражаетъ и онъ мечется. — Мѣсяца черезъ два ребенка пріучаютъ ѣсть все то, что ѣдятъ взрослые, ему даютъ картофель, хлѣбъ и вареную во щахъ капусту: появляются поносы, дитя слабѣетъ и нерѣдко, отъ плохого ухода и лѣченія домашними зельями, умираетъ. Отъ дурного ухода ростъ ребенка и развитіе его замедляются, а потому перѣдкость встрѣтить между мордвою мужчинъ и женщинъ не болѣе 2-хъ аршинъ. — Въ лѣтнее время, когда мать занята работой, дитя поручается нянькѣ — 5—6 лѣтней сестренкѣ или наемной дѣвочкѣ, которая, укачавъ его въ колыбели, убаюкиваетъ пѣсней и выноситъ на улицу; лишь только ребенокъ въ состояніи немного сидѣть, нянька сажаетъ его къ себѣ на плечи, ноги перевѣшиваетъ впередъ и, зацѣпивъ его рубашенку себѣ за голову, носитъ его на себѣ, убаюкивая при этомъ постояннымъ напѣвомъ: «ба-ля-ля-а-а». Надо слышать, чтобы составить себѣ понятіе, какъ баюкаютъ дѣтей пѣсней: ребенокъ-нянька оретъ такъ, что въ ушахъ звенитъ даже у взрослаго.

Посмотримъ теперь на свадебные обряды мордвы: въ старину у нихъ, обыкновенно, за мальчика лѣтъ 10—12 сватали дѣвку лѣтъ 20 и старше, такъ что случалось и еще не такъ давно, что 12 лѣтній парнишка женатъ на 20—25 лѣтней бабѣ, нянчающейся съ нимъ, какъ мать: мужъ-ребенокъ вволю набѣгается и наиграется днемъ, а вечеромъ заснетъ гдѣ-нибудь, жена отыскиваетъ его и несетъ спать домой. И теперь мордва женитъ парней рано, преимущественно лѣтъ 17-ти, испрашивая часто разрѣшеніе архіерея, по несовершеннолѣтію жениха. Невѣстъ же не берутъ моложе 19—20 лѣтъ, почему нерѣдко случается видѣть молодаго, часто мальчишку, передъ пожилой бабой—женой. Парень, желающій усватать себѣ невѣсту, нѣсколько дней, по

вечерамъ, ходитъ по окнамъ избъ, высматривая и выбирая невѣсту «по вкусу и мысли», и затѣмъ посылаетъ къ родственникамъ ея своихъ сватовъ, которые, съ полуштофомъ водки, входятъ въ избу невѣсты и помолясь садятся въ передній уголъ за столъ; поговоривъ о томъ—о семъ, какъ водится, приступаютъ къ дѣлу Невѣста, замѣтивъ за чѣмъ пришли гости, тотчасъ убѣгаетъ или прячется гдѣ нибудь въ избѣ. Ежели рѣчь сватовъ и ихъ предложеніе нравится ей и ея родственникамъ, то она выходитъ изъ своего убѣжища, наливаетъ, изъ принесенной сватами бутылки, водку въ стаканы и подчуетъ гостей; если же предложеніе не нравится, то, выбѣжавъ, она схватываетъ бутылку и разбиваетъ ее объ полъ, затѣмъ ругаетъ жениха и его родственниковъ, и даже выгоняетъ ихъ изъ избы; обычай этотъ теперь вывелся.

Въ старину бывали часто случаи, что ежели невѣста или ея родные не соглашались отдать дѣвку, то ее брали и вѣнчали силою, причемъ родственники жениха предварительно уговаривались съ священникомъ и, отыскавъ затѣмъ прятавшуюся невѣсту, силой привозили ее въ церковь, гдѣ священникъ, чтобы избѣжать шума и драки, запиралъ двери, какъ только введутъ парня и дѣвушку, и вѣнчалъ ихъ, несмотря на мольбы и упорство невѣсты. Но случалось, что изъ за этого, между родными той и другой стороны завязывались не только драки, но и цѣлыя побоища: такъ, разсказываютъ, что однажды въ полѣ, откуда схватили невѣсту, произошла между той и другой стороной страшная рѣзня серпами[1]); этотъ обычай теперь совершенно вывелся.

Въ случаѣ согласія невѣсты, сваты предлагаютъ родственникамъ ея выпить, послѣ чего договариваются о *кладкѣ* и кончаютъ обыкновенно на томъ, что женихъ обязанъ выставить отъ

1) Мы видимъ изъ Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Н. В. Калачева (1855 г.), что мордва въ Инсарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., крещена въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. одновременно съ Оркинской: Мордовскіе браки совершались тамъ также *самокрутомъ* — похищеніемъ невѣсты, хотя всегда съ согласія невѣсты и ея матери. О поливаніи могилъ, оставленіи на нихъ пищи, табаку, одежды и прочаго (о чемъ будетъ сказано ниже), тоже упоминается Калачевымъ, также какъ и о разговорахъ съ покойникомъ (пиршества эти назывались *моляками*, но священники ихъ запретили).

10 до 15 ведеръ водки, сшить невѣстѣ новую шубу, купить нѣсколько красныхъ платковъ, коты и непремѣнно сундукъ для всякаго добра. Послѣ совѣщанія о *кладкѣ* идетъ пиръ горой, причемъ выпиваютъ на первый разъ нѣсколько ведеръ водки. Проходитъ недѣля, другая и настаетъ время свадьбы; до того женихъ иногда посѣщаетъ невѣсту и приноситъ ей лакомства: рожки, дешевые пряники, орѣхи, конфекты-леденцы.

Въ промежутокъ между усватаніемъ и свадьбой, у невѣсты бываютъ *«супрядки»* — помочь, причемъ ей помогаютъ шить *панáры, шушпаны*, платки и прочее; угощеніе па этихъ *супрядкахъ* и водку дѣвкамъ доставляетъ женихъ. Накануиѣ свадьбы невѣсту водятъ въ баню, гдѣ она моется съ подругами; потомъ имъ запрягаютъ пару или одну лошадь, съ колокольчикомъ подъ дугой, и онѣ ѣдутъ кататься по селу, причемъ, почти всѣ онѣ пьяныя, становятся въ телѣгу или сани, смотря по времени года: по срединѣ стоитъ невѣста, а подружки, охвативъ другъ друга руками, кольцемъ окружаютъ ее; у дѣвокъ за красными кушаками заткнуты бѣлыя полотенца (куски холста) или платки, подаренные женихомъ; всѣ раскраснѣвшіяся, какъ маковъ цвѣтъ, съ открытыми головами, не смотря ни на какую погоду и морозъ, онѣ катаются по селу и съ пѣснями ѣздятъ изъ улицы въ улицу; на перекресткахъ невѣста плачетъ, рыдаетъ и причитаетъ; затѣмъ ѣдутъ къ церкви и, остановившись на перекресткѣ, отъ котораго проулокъ ведетъ къ кладбищу, невѣста выходитъ изъ телѣги или саней, рыдаетъ и причитаетъ такъ громко, что слышно бываетъ на сосѣднихъ улицахъ, — это невѣста прощается съ умершими родственниками; случается, что она не умѣетъ причитать, тогда одна изъ подругъ, закрывъ ротъ платкомъ или рукавомъ, исполняетъ необходимый обычай, иначе люди будутъ смѣяться; ежели же и подруги не умѣютъ причитать, то нанимаютъ плакальщицу.

Накануиѣ же свадьбы, въ домахъ жениха и невѣсты готовятся къ пріему гостей, а у послѣдней еще съ вечера, собравшіяся бабы-свахи и родные готовятъ особаго рода пирогъ для молодыхъ — *лукшу*, изъ хорошаго бѣлаго тѣста, начиняя его

разными снадобьями и всѣмъ, что ни попало подъ пьяную руку: мясомъ, яйцами, лукомъ, кашей и прочимъ. Въ то время какъ разваливаютъ для такого пирога тѣсто, бабы поютъ разныя сальныя пѣсни, съ такими же прибаутками; на это время изъ избы выгоняютъ всѣхъ мужиковъ, и пирогъ готовится непремѣнно при невѣстѣ. Кто видѣлъ, какъ готовится *лукша*, — ѣсть его не станетъ, ежели брезглив. — *Лукша* относится свахами къ матери невѣсты, причемъ на верхъ пирога, убраннаго украшеніями изъ тѣста, кладутъ кусокъ сыраго мяса, солонины или ветчины.

Вечеромъ, у жениха и невѣсты, служатъ молебны, а на другой день, приготовившись къ свадьбѣ, благословляютъ жениха, и онъ ѣдетъ въ церковь. За нимъ собирается невѣста: изба ея полна народу — дѣвокъ и родственниковъ; шумъ, гамъ, спертый воздухъ — стоятъ въ ней невообразимые; при благословеніи невѣсты (*кудатъ*), снимаютъ съ полки, служащей образницей, маленькую икону и ею раза три-четыре, отецъ, а потомъ мать обводятъ вокругъ головы невѣсты и даютъ ей приложиться, послѣ чего невѣста прощается съ отцемъ, матерью, родственниками, причемъ раздаются уже непритворные плачъ и рыданія; затѣмъ она прощается со столомъ, скамейкой, печью, ухватами и прочей утварью; выходя на дворъ — прощается со скотиной, телѣгами, санями, сохами, столбами, подпирающими навѣсы двора; наконецъ, ѣдетъ въ церковь, на присланныхъ женихомъ лошадяхъ. Въ это время *полдружье*, или «*пельуридивь*», пріѣзжаетъ отъ жениха за имуществомъ невѣсты, но дѣвки — ея подруги не выдаютъ его даромъ, ему передъ носомъ запираютъ ворота: полдружье платитъ гривну или семикъ; его впускаютъ во дворъ, но въ сѣни — не пускаютъ; онъ опять даритъ дѣвокъ семикомъ или гривной (3 копейки серебр.), входитъ въ сѣни,—въ избу не пускаютъ; наконецъ, онъ въ избѣ, но дѣвки не даютъ вещей невѣсты—выкупи; платитъ снова и уложивъ добро въ привезенный сундукъ, увозитъ къ жениху, тамъ онъ въ свою очередь не уступаетъ сундука, стоящаго у него въ телѣгѣ или саняхъ, сидитъ на немъ и требуетъ платы — водкою. Сундукъ снимается только тогда, когда пьяный полдружье до того охме-

лѣетъ, что свалится съ него. За подарки, дѣвки нашиваютъ всѣмъ поѣзжанамъ-мужикамъ мохорки изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ къ шапкамъ.

Поѣздъ съ невѣстой, выѣхавъ со двора, останавливается на улицѣ: здѣсь дружко, съ иконой въ рукахъ, крестясь, три раза обѣгаетъ кругомъ поѣзда, и тогда отправляются къ церкви, причемъ невѣста, покрывъ лицо краснымъ платкомъ, ѣдетъ стоя въ кругу своихъ подругъ и непремѣнно рыдаетъ.

Мордва суевѣрна, поэтому никогда не согласится вѣнчаться въ тотъ день, когда въ церкви отпѣвали покойника, тогда свадьбу откладываютъ до слѣдующаго дня.

Введя невѣсту въ церковь, ей расплетаютъ дѣвичью косу, вѣнчаютъ съ распущенными волосами, и такъ же ведутъ въ домъ молодого, причемъ молодые идутъ въ вѣнцахъ, въ сопровожденіи священника и причта, при перезвонѣ колоколовъ.

Дома, молодая угощаетъ молодого яйцами, лепешками и *лукшей*: все это привозится въ сундукахъ, вмѣстѣ съ добромъ невѣсты, котораго обыкновенно бываетъ очень немного. Вскорѣ молодого, почти совсѣмъ пьянаго, отводятъ въ амбаръ, потомъ берутъ молодую и подойдя къ дверямъ амбара, говорятъ: «*Вя̀ргисъ, вя̀ргисъ на̀ тоня̀ть ря̀вя*» (волкъ, волкъ, на тебѣ овцу), повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего толкаютъ молодую въ дверь, гдѣ ее схватываетъ молодой. Начинается гулянье и тянется недѣлю, рѣдко, развѣ въ рабочую пору, три-четыре дня; толпами въ 20, 30 и болѣе человѣкъ ходятъ въ гости, а чаще ѣздятъ, къ молодымъ и ихъ роднѣ, выпивая при этомъ огромное количество водки: у мордвы нѣтъ другого угощенья, какъ водка и мясо, а то и просто одинъ хлѣбъ на закуску, ежели же кто остается обѣдать, то подаютъ на столъ: щи съ мясомъ, лапшу, кашу, блины. На каждой свадьбѣ гуляющихъ бываетъ до 100 человѣкъ; угощаютъ сперва родные, но послѣ 3—4 дней, каждый угощается на свой счетъ— въ складчину. Послѣ вѣнца, молодые гуляютъ вмѣстѣ съ гостями. Теща угощаетъ молодого зятя яйцами въ смятку и яичницей.

Молодая, тотчасъ послѣ свадьбы, принимается за работу по хозяйству, и ей обыкновенно приходится работать больше всѣхъ, такъ какъ она должна подчиняться и быть на побѣгушкахъ у старшихъ снохъ и свекрови. Проходитъ годъ и молодая (*урьва*) надѣваетъ уже *шыльганъ* (бабій головной уборъ) и тогда становится совершенно бабой — «*уряшъ*».

Погребальные обряды мордвы отличаются своеобразностью: лишь только больной начинаетъ томиться, какъ торопятся перенести его въ передній уголъ, а на столъ или окно ставятъ чашечку съ водой, чтобы душа, какъ только вылетитъ изъ тѣла, могла омыться въ ней. Сказываютъ, что нѣкоторыя бабы «*изъ досужихъ*» (знахарки и монашествующія въ селѣ дѣвки) видѣли, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, лишь только умретъ человѣкъ и душа изъ него вылетитъ. Тѣло покойнаго обмываютъ, надѣваютъ чистое бѣлье и обуваютъ въ лапти; къ умершему собираются родственники, знакомые, сосѣди и прежде всего, обыкновенно, бабы — старухи. Плакать по умершемъ считается обязанностью для женщинъ; каждая приноситъ съ собою по пирогу (хлѣбу): вошедшая молится Богу, потомъ плачетъ и причитаетъ около покойника; плачущую унимаютъ, и она, послѣ долгихъ увѣщаній, переставъ наконецъ рыдать, отламываетъ кусокъ отъ принесеннаго хлѣба, ѣстъ и тѣмъ поминаетъ покойника. Такъ дѣлаетъ каждая вошедшая. Какъ только она начнетъ рыдать, старшая въ домѣ женщина беретъ грошъ или трешникъ и, ставъ передъ лицомъ покойника, начинаетъ ножомъ скоблить мѣдь, приговаривая: «Вотъ тебѣ деньги, дѣлай на нихъ тамъ все, что хочешь; пойдешь можетъ въ бесѣду, на крестины, свадьбу, аль еще куда. Поворожи за насъ (живыхъ) тамъ и кланяйся Ивану, Дарьѣ, Надѣ.... и проч.», называя всѣхъ умершихъ родныхъ. Если умершій былъ самъ знахарь (а въ Оркинѣ ихъ много, въ особенности между бабами), то просятъ поворожить на томъ свѣтѣ о живыхъ, а также просятъ покойника, чтобы онъ объ этомъ передалъ прежде умершимъ знахарямъ, чтобы они тоже поворожили о живыхъ.

Настаетъ ночь, собравшіяся бабы сидятъ вокругъ по лавкамъ и ведутъ шопотомъ разговоры на приличную случаю тему, больше всего о покойникѣ; нѣкоторые зажиточные приглашаютъ чтецовъ — читать псалтырь. Поздно ночью, нѣсколько бабъ ложатся спать и, проснувшись черезъ часъ или два, начинаютъ разсказывать сны: кто какъ видѣлъ покойника; по снамъ судятъ о томъ, въ чемъ онъ нуждается, чѣмъ надо помянуть его и что подать за него. — Готовъ и гробъ, въ него кладутъ усопшаго и, въ былое время — лѣтъ 15 — 20 тому назадъ (еще въ 1860-хъ годахъ), съ нимъ клали лепешки, яйца, лапти, кочедыкъ (чѣмъ дѣлаютъ лапти) и даже трубку, ежели покойный курилъ, — потому что на томъ свѣтѣ пригодится.

Покойника выносятъ въ церковь, въ домѣ же скамейку, на которой онъ лежалъ, посыпаютъ въ концѣ, къ переднему углу, золой и втыкаютъ топоръ или ножъ, чтобы «*укрѣпить*» мѣсто для другихъ, чтобы не умирали оставшіеся. Послѣ похоронъ дѣлаютъ обѣдъ-поминки, на который собираются всѣ родственники, являющіеся непремѣнно съ своимъ хлѣбомъ, и сначала каждый поминаетъ принесеннымъ, а потомъ уже собираютъ обѣдъ и поминаютъ хозяйскимъ. На третій, девятый и сороковой дни поминаютъ снова умершаго и, когда соберутся всѣ родственники, выходятъ на дворъ или на улицу, и здѣсь, передъ избой, старшая въ домѣ баба, разломивъ яйцо, бросаетъ его на землю, потомъ скоблитъ ножомъ мѣдный грошъ, поминая всѣхъ умершихъ, какъ своихъ, такъ и всѣхъ пришедшихъ на поминки родственниковъ. На *родительскую*, послѣ Пасхи и на Дмитріевъ день, мордвы ходятъ на могилы, куда приносятъ брагу, водку, блины и т. под., поминаютъ усопшихъ и служатъ на могилахъ панихиды. На кладбище ходятъ обыкновенно бабы и ребятишки; поплакавъ и помолившись надъ могилой, разстилаютъ кусокъ холста и, выливъ стаканъ водки или браги на могилу, пьютъ потомъ сами и ѣдятъ. Плакать надъ могильнымъ крестомъ и плакать громко, во весь голосъ, считается обязанностью, а потому, во время родительскихъ поминовенныхъ дней, на кладбищѣ стоитъ стонъ отъ

бабьяго вопля и рыданій. Часть блиновъ, лепешекъ и прочаго оставляютъ на могилахъ, а также нѣкоторыя оставляютъ и бѣлье: рубаху, штаны и т. под., при чемъ говорятъ: — «На вотъ тебѣ одёжа, можетъ, тамъ нужно». — Все это собираютъ потомъ нищіе, а наряду съ ними и собаки.

Мордвы суевѣрны и трусливы, но бабы, въ особенности знахарки, бываютъ смѣлы и ночью ходятъ на кладбище, затѣмъ чтобы просить умершихъ знахарей помочь въ ихъ нуждахъ по исцѣленію какого либо больного; для этого знахарка идетъ вечеромъ на кладбище, отыскиваетъ нужную ей могилу, ставитъ на ней чашку съ хлѣбомъ и, скобля ножомъ мѣдный трешникъ, проситъ у мертваго, что ей надо.

Праздникъ, особенно почитаемый мордвами — *Рождество Христово* (въ Оркинѣ — престольный). Въ этотъ день мордвы гуляютъ и ходятъ другъ къ другу въ гости. Утромъ на Рождественскій сочельникъ ребятишки, мальчики и дѣвочки 6—10 лѣтъ, собираются и ходятъ *колядовать*: остановившись передъ окнами избы и, построившись въ рядъ, они поютъ. [Текстъ колядки напечатанъ выше. А. Ш.].

Кончатъ ребятишки *калядy*—и имъ выносятъ, нарочно испеченныхъ для того, лепешекъ, называемыхъ *каляда̀шками*.

Въ святки дѣвки и парни мало гадаютъ, старики же и старухи гадаютъ больше объ урожаѣ слѣдующаго лѣта: для этого берутъ обыкновенно луковицу и, разрѣзавъ пополамъ, снимаютъ чешуйки, изъ нихъ 12 ставятъ на столъ и насыпаютъ въ каждую по щепоткѣ соли, оставляя ихъ такъ на ночь; утромъ смотрятъ, въ которой изъ нихъ больше воды отъ распустившейся соли, и такъ какъ каждая чешуйка изображаетъ собою одинъ изъ 12-ти мѣсяцевъ въ году и, по счету, первая съ правой стороны принимается за Январь, вторая — за Февраль и т. д., то поэтому судятъ, въ которомъ мѣсяцѣ, какая будетъ погода: сухая или дождливая. Объ урожаѣ гадаютъ также на снопахъ хлѣба: на ночь выставляютъ на кольяхъ снопы — ржи, пшеницы и другихъ хлѣбовъ, и на которыхъ будетъ больше инея, тотъ уродится

лучше.—Молодые ребята, подлежащіе рекрутству, ходятъ ночью съ кольями па прудъ и опускаютъ ихъ въ прорубь: кто изъ нихъ легче выдернетъ, черезъ нѣсколько времени, изъ замерзшей проруби свой колъ, тотъ освободится отъ рекрутчины, но кто совсѣмъ не выпнетъ — пойдетъ непремѣнно на службу. Бабы, подъ Новый годъ, ходятъ, садясь верхомъ на помело, слушать на перекрестокъ.

Но вотъ настаетъ Крещеніе, хозяйки опять запасаются лепешками — *конями*, которыя дѣлаютъ въ видѣ серпа полумѣсяца. Съ утра ребятишки и взрослые парни скачутъ по селу на лошадяхъ отъ одного родственника къ другому и собираютъ *лепешки-кони*. Послѣ маленькихъ, ѣздятъ взрослые, которые, конечно, не ограничиваются лепешками, и хозяева угощаютъ ихъ водкой. Послѣ обѣдни, лишь только станутъ выходить изъ церкви съ иконами, мордвы стрѣляютъ изъ ружей залпами и въ одиночку, что продолжается и на *Іордани*, при погруженіи креста въ воду.

Масляницу мордва проводитъ такъ же, какъ и русскіе: ѣдятъ блины, гуляютъ, катаются на лошадяхъ, а молодые парни и дѣвки—больше съ горъ на салазкахъ. По вечерамъ водятъ хороводы. Но лишь наступитъ постъ, какъ всѣ, и взрослые и малые, стараются говѣть на первой же недѣлѣ, чтобы, очистившись въ началѣ, не грѣшить во весь постъ. Со второй или третьей недѣли поста, лишь только солнышко начнетъ пригрѣвать по-сильнѣе и пойдутъ оттепели, по вечерамъ дѣвки собираются гдѣ нибудь на площади у амбара, или прижавшись гдѣ у избы, поютъ *«веснянки»* — славятъ весну. Мордвы обыкновенно поютъ русскія пѣсни, конечно, съ выговоромъ на свой мордовскій ладъ; мордовскихъ пѣсенъ у нихъ осталось мало и изъ нихъ многія становятся непонятны самой мордвѣ; такова, напримѣръ, одна изъ *веснянокъ*, словъ которой они не понимаютъ:

Авѝ, ся̀на ся̀па
Новѝ яка̀ня
Новѝ яка̀ня!...

Дальше они добавляютъ въ этой пѣснѣ свое — про всѣхъ мужиковъ и бабъ своей улицы: однихъ хвалятъ, другихъ хулятъ и ругаютъ, называя чумичкою, затычкою въ трубѣ и пр. — Другая, понятная, *веснянка*, имѣющая религіозный характеръ стараго времени, поэтично сравниваетъ весну съ красивой дѣвушкой, взлелѣянной родными батюшкой, матушкой и братьями. Вообще пѣсни, которыя поются постомъ, — религіознаго содержанія.

Наступаетъ Свѣтлая недѣля, за ней *Красная горка*, и дѣвки цѣлыя ночи водятъ съ парнями хороводы: отъ вечерней до утренней зари раздаются по селу ихъ громкія пѣсни, а то вдругъ заиграютъ *«даи-ли-ли-да-да»* и подъ эту пѣсню и игру на рожкѣ, на которомъ нѣкоторые парни играютъ мастерски, дѣвки идутъ плясать: *хороводъ* образуетъ продолговатый кругъ, въ средину котораго выходятъ двѣ дѣвушки, начинаютъ потоптывать на мѣстѣ и, медленно разводя руками, подергивая плечами и станомъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто (мѣняются мѣстами) — въ этомъ и состоитъ вся пляска. Нѣкоторые парни, большею частью рекруты, имѣютъ гармоники, но играютъ на нихъ очень плохо и на свой мордовскій ладъ.

На *Троицу* и русскій *семикъ* дѣвки, собравшись хороводами, идутъ въ лѣсъ, рвутъ цвѣты, вьютъ изъ нихъ вѣнки и, надѣвъ ихъ на головы, идутъ въ село; впрочемъ, собственно вѣнки вьютъ рѣдкіе, обыкновенно же убираютъ цвѣтами голову, втыкая ихъ въ волосы надъ ушами и въ косу, въ конецъ которой, вмѣсто шнурковъ съ кисточками, вплетаютъ красныя ленты. Дѣвушки входятъ въ село шеренгой, схватившись рука съ рукой; обнявшись, идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни.

Всю зиму бабы прядутъ ленъ и пеньку, а весною, во время пашни и междупарья, онѣ ткутъ холсты, и далеко слышно по улицѣ, какъ онѣ торопливо бьютъ бёрдами. Бабѣ много работы: всю зиму пряла, а весной должна соткать столько холста, чтобы его хватило на *панáры* и *щушпáны* себѣ, на рубашки мужу и ребятишкамъ — словомъ на все, такъ какъ у мордвы нѣтъ ни

одного купленнаго базарнаго лоскута, а вся одежда состоитъ изъ домашняго приготовленія; самое меньшее, что выпрядетъ и наткетъ баба за зиму и въ весну — это 60 аршинъ посконнаго и столько же льняного холста. За послѣднее время молодые парни стали носить по праздникамъ красныя кумачевыя рубашки, бумажные триковые штаны и сапоги съ каблуками.

Время пашни — мужики торопятся пахать и сѣять; засѣваютъ не только свою душевую землю, но и много съемной: бѣднякъ—и тотъ имѣетъ не менѣе 3-хъ десятинъ съемной земли, такъ какъ главное занятіе Оркинцевъ — земледѣліе. Они снимаютъ земли у окрестныхъ владѣльцевъ: Киндякова (Петровскаго уѣзда) — за 10 верстъ отъ Оркина, мѣщанскую — города Петровска — тоже за 10 и болѣе верстъ, Сокурской экономіи наслѣдницъ князя Голицына — за 5 — 10 верстъ, и другія, иногда за 30 и болѣе верстъ, платя (въ 1880-хъ годахъ) за десятину тридцатку (2400 квадр. саженъ) отъ 5 до 12-ти рублей, а за вспаханную — до 18 — 20 рублей. Сѣютъ они пшеницу, овесъ, ячмень, просо, гречу и особенно много подсолнечниковъ; картофель сѣется на своихъ поляхъ и въ огородахъ. Всѣ не вошедшія въ разверстку и неудобныя мѣста по горамъ запахиваются подъ бахчи, на которыхъ сѣютъ и садятъ: арбузы, дыни, тыквы (*«дура̀къ куяртъ»*), огурцы (*«куяртъ»*) и картофель.

Всего въ Оркинскихъ дачахъ удобной для пашни земли, въ 1880-хъ годахъ, было 7128 десятинъ; хозяйство ведется трехпольное: паръ, озимь и яровое. Душевой надѣлъ на каждую душу не особенно великъ, такъ какъ они кромѣ земледѣлія ничѣмъ другимъ не занимаются за весьма немногими исключеніями, при чемъ нѣкоторые изъ мордвовъ нанимаются въ междупарье и осенью *корчевать* пни, по 4 копѣйки отъ каждаго пенька, или огульно — отъ 25 до 45 рублей за тридцатную десятину. Убравшись осенью съ хлѣбомъ, они всю зиму ничего не дѣлаютъ, развѣ намолотятъ оставшійся хлѣбъ и отвезутъ его на мельницу или въ Саратовъ на базаръ. Нѣкоторые въ междупарье и зимою занимаются извозомъ, но не особенно много и лишь въ хорошій

годъ. Ремеслами занимаются мало: 3—4 плохихъ сапожника изъ мордвовъ и 1 странній, человѣкъ 10—15 плотниковъ, 1 столяръ, онъ же и стекольщикъ, 2—3 плохихъ печника, сложенныя которыми печи непремѣнно дымятъ; нѣсколько *швецовъ* крестьянской одежды — кафтановъ и полушубковъ (послѣдній промыселъ открылся не болѣе 6 лѣтъ тому назадъ — въ самомъ началѣ 1870-хъ годовъ), 3 кузнеца и 1 плохой слесарь — вотъ и всѣ ремесленники въ Оркинѣ, въ 1880-мъ году. Въ селѣ имѣется одно овчинное заведеніе, содержимое крестьяниномъ Резанкою, у котораго работаютъ 4 овчинника. Четверо Оркинскихъ крестьянъ имѣютъ мелочныя бакалейныя лавочки (въ 1880 г.), но только у двоихъ: Саюшкина и Цыбина онѣ порядочны, и въ нихъ можно найти все, что нужно для сельчанина. Нѣкоторые крестьяне торгуютъ мясомъ и хлѣбомъ: послѣднимъ дѣлали большіе обороты (въ 1870-хъ и 80-хъ годахъ) братья Кичайкины. Лѣтомъ и зимою пріѣзжаютъ въ Оркино *офени*, или какъ ихъ здѣсь называютъ — «*шабольники*»: они торгуютъ иглами, блестками и разной мишурой для украшенія *шушпановъ* и *шылыгановъ*, красной мережью, тесемками, нитками и тому подобной мелочью, между прочимъ и воблой; *офени* обыкновенно мѣняютъ свой товаръ на тряпки *(шаболы)*, за что и прозвали ихъ *шабольниками*.

Съ весной уходятъ изъ села половина ребятишекъ, отъ 10 до 18 лѣтняго возраста, въ погонщики воловъ къ Сокурскимъ хохламъ, у которыхъ проводятъ все лѣто до поздней осени; за эту работу, кромѣ выговоренной одежды, они получаютъ каждый отъ 25 до 35 рублей за все время.

Осенью поздно, убравши хорошій урожай, мордва принимается за свадьбы. Мордва вообще не прочь повеселиться и быть въ кампаніи. Любитъ мордва и пѣсни, и свои мордовскія и русскія. [Далѣе приводятся три пѣсни, напечатанныя выше. А. Ш.].

У мордвы не особенно много своихъ пѣсенъ, но онѣ не лишены поэзіи и напоминаютъ былые ихъ годы. Рѣдко услышишь въ Оркинѣ мордовскую пѣсню, поютъ ее чаще старики и старухи, а молодежь больше — русскія.

У мордвы есть и сказки, но содержаніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, взято изъ русскихъ; несмотря однако на это, а также и на то, что у нихъ давно школа, что кругомъ Оркина, въ близкомъ сосѣдствѣ, живутъ русскіе, даже въ самомъ селѣ есть около 10 русскихъ семей (мало отличающихся, впрочемъ, отъ мордвы) и въ самомъ языкѣ ихъ много русскихъ словъ и такихъ своихъ— значеніе которыхъ уже позабыто всѣми, полное обрусеніе мордвы въ с. Оркинѣ не замѣтно, и оно идетъ очень медленно.

Въ 1840-хъ годахъ открыта была приходская церковная школа; потомъ, вслѣдствіе плохой постановки дѣла, она нѣсколько разъ закрывалась и опять открывалась. Въ 1861 году, при образованіи Озерской волости, въ составъ которой вошло и село государственныхъ крестьянъ *Оркино*, въ школѣ было, какъ видно изъ вѣдомости, 50 учениковъ; учителемъ состоялъ священникъ А. Преображенскій. Затѣмъ церковно-приходская школа была закрыта и въ 1869 г. вновь открыта — уже на средства общества съ участіемъ въ содержаніи ея Саратовскаго уѣзднаго земства. Спачала школа помѣщалась въ наемной квартирѣ, но въ 1872 г. общество построило, около сельскаго правленія, отдѣльное помѣщеніе для школы въ 5 саженъ длины и 3 сажени ширины; въ немъ же помѣщается и квартира учителя. Въ 1875 г. училище это перенесено на церковную площадь и поставлено рядомъ съ церковью. За 1875/6 учебный годъ въ школѣ было 88 учениковъ, въ томъ числѣ 2 дѣвочки — дочери священника и дьячка, а къ 1 января 1880 г. (при учителѣ А. Л. Леонтьевѣ) въ Оркинскомъ земскомъ училищѣ было болѣе 100 учениковъ; изъ нихъ въ февралѣ 1880 года 6 учениковъ окончили полный курсъ сельскихъ училищъ и получили свидѣтельства на льготу 4-го разряда по воинской повинности. Ученики неаккуратно посѣщаютъ школу: въ день приходитъ отъ 40 до 70 дѣтей; виною тому — невѣжество родителей, часто задерживающихъ дѣтей дома, а также недостатокъ помѣщенія въ школѣ, гдѣ на всю массу учениковъ только 8 столовъ, длиною въ 1 сажень. Занятія въ школѣ начинаются поздно, нерѣдко въ концѣ

октября; оканчиваются къ веснѣ, какъ сойдетъ снѣгъ и отгаютъ горы, окружающія село; тутъ большинство мальчиковъ уже не ходятъ въ школу: одни — гонятъ овецъ на подножный кормъ, по прошлогодней высохшей травѣ, другіе—уходятъ въ отхожій промыселъ — въ погонцы воловъ, а потому въ школѣ занятія продолжаются, при очень небольшемъ количествѣ учащихся. Несмотря на то, что уже 10 лѣтъ, какъ существуетъ въ Оркинѣ правильная школа, едва ли здѣсь наберется (въ 1880 г.) человѣкъ 100 грамотныхъ, умѣющихъ читать и кое какъ подписать свое имя, и то изъ нихъ $^1/_3$ солдатъ, научившихся читать и писать на службѣ.

Мордва по русски объясняется плохо, женщины же часто вовсе не умѣютъ говорить по русски. Мордвы, вообще, отъ природы — хитры, честолюбивы и часто неуважительны; до сихъ они относятся къ школьному дѣлу — иные холодно, а другіе даже непріязненно. (1880 г.).

Приложеніе III.

Очеркъ звуковыхъ особенностей Сухокарбулацкаго и Оркинскаго говоровъ.

§ 1. Настоящій очеркъ составленъ на основаніи: 1) наблюденій надъ языкомъ нѣсколькихъ крестьянъ (преимущественно женщинъ) Сухого Карбулака и Оркина, 2) записей, переводовъ и словаря, приготовленныхъ уроженцемъ села Сухого Карбулака Р. Ѳ. Учаевымъ, 3) записей, сдѣланныхъ по Оркину І. А. Цыбинымъ и отчасти В. С. Саюшкинымъ, по Сухому Карбулаку И. Ѳ. Мироновымъ. Главное вниманіе очерка обращено на Сухокарбулацкій говоръ; данныя Оркинскаго говора привлечены только для сравненія.

Звуковой составъ. Гласныя.

§ 2. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорахъ наблюдаются слѣдующія гласныя: *заднія* a, u, o, ô; *среднія* y, ė, ȧ, u̇, ȯ, ȏ; *переднія* i, e, ê, ä, â̂. Кромѣ того имѣются гласныя неполнаго образованія: задняя α и передняя ε. Гласныя u, i, а также ü употребляются въ неслоговомъ видѣ послѣ гласныхъ, т. е. въ дифтонгахъ: au̯, uu̯, ou̯, ai̯, ui̯, oi̯; yu̯, ėu̯, yi̯, ėi̯; iü̯, êü̯, äü̯; ii̯, êi̯, äi̯.

§ 3. *Объ употребленіи названныхъ гласныхъ.* Гласная a (среднее или нижнее по образованію, вообще не напряженное) извѣстна при всякомъ положеніи въ словѣ и рѣчи: šta (воскъ), apara (нехорошій), mon v́iŕga jutan (я по лѣсу пройду). Ей пред-

шествуютъ и палатальныя согласныя: jalga (пѣшкомъ), aľańat (ребята), kiľďams (чтобы запрячь). Особенно часто въ Оркинскомъ, рѣже въ Сухокарбулацкомъ а, въ положеніи между двумя палатальными согласными, а также послѣ палатальныхъ въ концѣ слова, замѣняется черезъ ä (см. объ этомъ ниже въ § 15): paťäś, moŕäńť, iśťä. — Звукъ а восходитъ какъ къ первоначальному (общемордовскому) а, напр. modava (по землѣ), tarka (мѣсто), aťa (старикъ), такъ и къ общемордовскому α (о которомъ скажемъ ниже), а именно — въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ твердой согласной: kuda (домъ), ćiza (солнце), avanʒa (его мать), kalda (о рыбѣ); во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ звуку а въ такомъ положеніи соотвѣтствуетъ о (ė): kudo, ćizė, avanʒo, kaldo. Кромѣ того а извѣстно въ словахъ заимствованныхъ.

§ 4. Гласная u (кажется, вообще напряженное подъ удареніемъ) встрѣчается при всякихъ сосѣднихъ звукахъ только въ начальномъ слогѣ: ujä (онъ плаваетъ), kurga (ротъ), jutka (промежутокъ времени), muś (онъ нашелъ). Въ конечномъ открытомъ слогѣ u неизвѣстно, за исключеніемъ безударныхъ (слабоударяемыхъ) словъ, заимствованныхъ изъ русскаго: nu (но), bu (бы), kabu (кабы), štobu (чтобы); также въ припѣвахъ колыбельной пѣсни: uťu baľu или ťuťu baľu. Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова u встрѣчается: 1) послѣ заднеиёбныхъ, когда въ предшествующемъ слогѣ находится звукъ u: kukuž (кукишъ), mukuŕ (пенёкъ), ugul (уголъ), sukuńams (кланяться); 2) послѣ губныхъ, когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ о или е: lapuža (плоскій), kavuŕ (хрящъ), salmuks (игла), sapuń (мыло), glupuį (глупый), puuŕks вм. puvuŕks (мозоль), štapuškadums (оплошиться); 3) передъ губными и ụ, когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ о или е: kandums (нести), saluụ (солёный), lazuụks (трещина), jaluťka (яловка, яловица), argumńa (ласточка), munʒuụ (хитрый), jarmaktuma (безъ денегъ); 4) въ серединномъ слогѣ между двумя слогами съ гласными u: čudužuụ (осотъ), kulcunums (слушать), kurudums (загнать), ukšturuụ (въ кленовникъ), čurumums (рѣдѣть); 5) въ нѣсколькихъ заимствованныхъ съ русскаго и татарскаго

словахъ: pastuχ (пастухъ), kartuχa (картофель), vatula (дерюга, вотола), mantuz (налимъ), balduz (свояченица), davul (вихрь), jarunǯi (ярость); 6) въ словахъ śel'mukšt (очки), ṕeštuft (сковородникъ), несмотря на е въ предшествующемъ слогѣ, также въ gorbul' (горбыль), несмотря на предшествующее о.

Примѣчаніе. Въ Оркинскомъ говорѣ u гораздо ограниченнѣе въ своемъ употребленіи; вмѣсто u находимъ у, напр. въ narmyń (птица, Сухокарб. устар. narmuń), lapyža, gubyr (холмъ, Сухокарб. gubur), salmyks, śukyr (лепешка, Сухокарб. śukur), śkamyt (ты одинъ, Сухокарб. śkamut), avyl' (не, нѣтъ, Сухокарб. avul'), čumbylkskä (ласочка, Сухокарб. čumbulkske), numyl (заяцъ, Сухокарб. numul), kavyŕks (кочка), puvyrks (мозоль), śupravyń (богатаго, Сухокарб. śupravuń), также baldyz. Но u въ śäl'mukš, также въ amul'd'äś, puvuŕif (мозоль), čudužun, čukšturuṷ (смородина). Кромѣ того u, не у по общему правилу передъ губными и ṷ (когда въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ ẹ или о): raduvaś (обрадовался), aluṷ (внизъ), kaladums (разрушить), rudazuft (грязные), alašaftuma (безъ лошади), purumić (собираются); однако sodamym (мой зять), mukyrym (мой задъ), и т. д. передъ m, что въ говорѣ нѣкоторыхъ лицъ является правиломъ.

§ 5. Гласная о (не напряженное) въ начальномъ слогѣ встрѣчается въ сосѣдствѣ со всякими звуками: moda (земля), orta (ворота), por (мѣлъ), tol (огонь), śorma (письмо), jožova (около, близко), pońems (грызть). Въ конечномъ открытомъ слогѣ о неизвѣстно, за исключеніемъ пѣсеннаго припѣва do (вмѣсто чего и dy; соотвѣтствуетъ русскому да) и междометія no (при понуканіи лошади); также въ iščo (еще), вмѣсто чего въ связной рѣчи также iščy (išči). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова о встрѣчается: 1) въ положеніи послѣ слога о въ своихъ словахъ: α) передъ губными и ṷ: kočom (горбушка), kornoma (храпъ), potomks (затычка), końoṷ (бумага), ćokoṷdč (поетъ); β) передъ конечнымъ въ слогѣ l: jondol (молнія), tonol (головешка), pokšolma (величина); γ) послѣ губныхъ: komol'a (хмель), komora (горсть), kol-

moće (третій), šovoń (глина); δ) послѣ задненёбныхъ: kotkodaų (муравей), kočkoldyk (перепелъ), orgod'ems (бѣжать), ćokoza (его кисть); ε) послѣ палатальныхъ: l'omźor (черемуха), toųźora (пшеница); 2) въ положеніи послѣ слога съ е, передъ губной: kof'ńekšnoms (говорить), nolt'ńekšnoms (отпускать), ṕejd'ekšnoms (улыбаться), l'ezdoms (набавить), l'ezdouks (прибавокъ), l'eųksoų (суягная), kev́ekstomoms (каменѣть); 3) въ положеніи послѣ слога съ о въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ на мѣстѣ русскихъ звуковъ о, u, у и даже е: molotka (молотокъ), koźol (козёлъ). koŕon (корень), χot'ol (хотѣлъ), oboća (характеръ, правъ), omot (омутъ), podošova (подошва), sosolka (сосулька), okoń (окунь), posoda (посуда), końoχ (конюхъ), obośka (обухъ), koćon (кочанъ); 4) въ иномъ положеніи, въ словахъ, заимствованныхъ изъ русскаго, напр.: α) послѣ звука v: kŕivoj (кривой), puχovoj (пуховый), śivoj (сивой); β) послѣ палатальныхъ: śiŕota (сирота), maśl'onka (масляникъ), žavŕonka (жаворонокъ), guśom (гусемъ); γ) передъ v: višovams (вышивать), χarćovńa (харчевня). — Въ словахъ незаимствованныхъ о въ начальномъ слогѣ восходитъ къ первоначальному о, а въ слогахъ неначальныхъ къ общемордовскому α.

§ 6. Гласная ô (напряженное о) замѣняетъ о частью только въ индивидуальномъ произношеніи: ôzé· (садится), sôke (пашетъ), d'ôćam (моя дочь). Обычно ô вмѣсто о передъ v или w: kôvjor (ковёръ), dôwa (вдова), dubrôwa (имя собств.). Въ Оркинѣ я отмѣтилъ напр.: dôska (доска), pôkš (большой).

§ 7. Гласная y — частью верхняго образованія, тождественная или почти тождественная съ великорусскимъ ы, частью верхне-средняго образованія, звучащая между ы и польскимъ e; подъ удареніемъ произносится напряженно. Въ начальномъ слогѣ встрѣчается при ограниченныхъ условіяхъ: 1) въ своихъ словахъ только послѣ s, d и t: syv́il' (мясо), syŕe (старый), syń (они), tyń (вы), tyžnums (шипѣть), dyrnums (дребезжать), syrgams (трогаться), syrgyźims (проснуться), syŕńe (золото), syjaftums (нарывать); 2) въ словахъ заимствованныхъ также только послѣ s, t и d: syṕa (сыпь), tyśića (тысяча), dykva (тыква), dynt (тынъ), dyna (дыня),

dyšlat (дышло). Неясно происхожденіе y послѣ l въ lyńims (качаться), lytkat-latkat (лохмотья), rynda (растрёпа), орк. lyŋka (жолобъ, вм. lunka?); 3) въ положеніи послѣ k, если затѣмъ слѣдуетъ r + согласная: орк. kyrga, kyrmaraŋ, kyrvaśťims.—Въ конечномъ открытомъ слогѣ y встрѣчается: 1) въ односложныхъ формахъ 3-го лица ед. числа настоящаго времени: sy (идетъ), sty (шьетъ), šty (моетъ), šny (хвалитъ), pry (падаетъ); 2) въ неодносложныхъ словахъ только въ связной рѣчи, не передъ абсолютной паузой: čapamy lofca (кислымъ молокомъ), kaťty bokava (по обѣимъ бокамъ), užydy ǵigat (подождите, гуси), tašty jamdy anca (накормлю старыми щами), narmuń ḃizy a ťeje (птица не вьетъ гнѣзда). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова y является, не передъ губными: 1) послѣ переднеязычныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого термина, обнимающаго и зубныя и альвеолярныя согласныя), если однако въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ звуковъ e, o: mastyr (земля), ṕizyńe (гнѣздушко), udyń (я спала), kandylast (гробъ), sazyryn (мои сестры), kulyś (онъ умеръ), kučsyź (они пошлютъ), vanyda (смотрите), paryz (парусъ), vatyrdums (квакать); 2) послѣ задненёбныхъ, если въ предшествующемъ слогѣ нѣтъ ни звуковъ e, o, ни звука u: ajgyr (жеребецъ), jarmakyt (твои деньги), kušakynʒa (его кушакъ), kargyćkać (запачкалась), čikyrduma (скрипъ); также и послѣ слога съ u, если онъ отдѣленъ группой согласныхъ: muškyr (молотокъ).—Въ словахъ незаимствованныхъ y въ начальномъ слогѣ восходитъ къ первоначальному y, а въ слогахъ неначальныхъ къ общемордовскому α. Въ словѣ nyŕťakšnyś (нацѣдилъ) y замѣнило болѣе обычное u: nuŕťams (цѣдить). — Какъ указано, извѣстно произношеніе y верхне-средняго образованія; очень часто я слышалъ его въ Оркинѣ: bojaryś, V́eŕepazyś, ksnausyńť, čuťtyńť, ḱijakstyńť и т. д. произносились почти какъ bojarėś, V́eŕepazėś и т. д.; въ Сухомъ Карбулакѣ я слышалъ отъ старухъ почти ińazėŕėńť вм. ińazyryńť. Особенно часто такое произношеніе имѣетъ конечное y въ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи, когда въ предыдущемъ слогѣ стоитъ e или o; напр. въ Оркинѣ: tostė i ḿeŕä, ťesė äŕama, kosėjak,

śestė Gibajiś, sonʒė joftams, olgė plastyza, popóń ǵectė idiįńim; въ Сухомъ Карбулакѣ: oftė paťkaį, kostė Ḱiťiań zams, tońať oftė koŕonėńť, pondė gruša, pondė kumb́ŕa, v́eįksė ṕŕasy gujińť.

Примѣчаніе. Согласно съ § 4 ждемъ произношенія kulcunums (слушать), но извѣстно и kulcyunms. — Вмѣсто y послѣ заднепебныхъ (однако не передъ личными и падежными окончаніями) находимъ i съ предшествующей палатальной среднепебной согласной: aįǵir, paćḱiďiń (я доѣхалъ), vaćḱiďiḱ (ударь); въ Оркинѣ держится y: paćkyďan, vaćkyďińʒä. Чередованіе y и i замѣчается послѣ k и въ начальномъ слогѣ въ положеніи передъ r + согласная: ḱirvaįsyź при kyrvaįsyź (они зажгутъ), ḱirga (шея), ḱirnums (храпѣть), ḱirmalaų (репей), ср. въ Оркинѣ kyrga, kyrvaśťims, kyrmaraų, aįgyr. — О звукѣ y вм. i послѣ отвердѣвшихъ согласныя скажемъ ниже.

§ 8. Гласная ė, не напряженное (Sievers: ė^2), какъ и y, встрѣчается только послѣ непалатальныхъ согласныхъ. Въ начальномъ слогѣ только послѣ s, рѣже послѣ z; приведу всѣ извѣстныя мнѣ коренныя слова съ ė: sėŕeį (высокій), sėŕa (желудь), sėṕeį (горькій), sėťḿe (тихій), sėď (мостъ), sėľ (длина извѣстнаго конца ниток при пряденіи), sėń (синій), sėv́ems (съѣсть), sėŕeďems (болѣть), sėstams (околѣть), sėŕńams (собираться), sėśńems (трепать шерсть), sėḿe (чесалка изъ щетины для конопли), sėks (грязь, плоть); zėŕkstams (крикнуть), zėχeľḱ moľems (притихнуть, о ребенкѣ). Такъ произносятся эти слова въ Сухомъ Карбулакѣ, между тѣмъ въ Оркинѣ одни изъ нихъ произносятся такъ же, съ ė (sėŕa, sėṕeį, sėŕeďems, sėks, sėťks), а другія съ ȧ или ä: sȧv́ims, sȧŕiį, sȧď (sȧďiś), sȧťḿä, sȧń, sȧḿä, sȧŕńams; это зависитъ отъ того, что въ Сухомъ Карбулакѣ въ звукѣ ė совпали первоначально различавшіяся ė и ȧ (ä), между тѣмъ какъ въ Оркинѣ первоначальное ȧ (ä) перешло въ ė, а первоначальное ė въ ȧ (ä): ср. съ одной стороны, мокш. säpä (желчь), särädan (я болѣю), а съ другой, мокш. seri (высокій), sevan (я ѣмъ), setman (я становлюсь тихимъ), senem (голубой), sed (мостъ). — Въ конечномъ открытомъ слогѣ

въ словахъ, взятыхъ отдѣльно, внѣ связной рѣчи, или иначе — передъ абсолютной паузой ė является: 1) послѣ переднеязычныхъ въ окончаніи 3-го л. ед. числа настоящаго времени: parė (мычитъ), kortė (говоритъ), maŕasė (слышитъ), lou̯nė (читаетъ), lai̯šė (вопитъ); 2) послѣ n съ предшествующими ему согласными s, z, d, t (tt), rt, lt въ окончаніяхъ имен. ед. уменьшительныхъ словъ и именительнаго множ. опредѣленнаго склоненія: saraznė (курочка), godnė (годокъ), v́eŕǵesnė (волки), rottnė (родные), tarattnė (сучья), šukurtnė (лепешки), skaltnė (коровы). Впрочемъ, такое произношеніе извѣстно преимущественно въ Сухомъ Карбулакѣ; рядомъ тамъ же, а также и въ Оркинѣ вмѣсто ė слышится ȧ (ä): орк. kandȧ, maksȧ, vanȧ, ozȧ, kaladȧ, jutȧ, vandyldȧ, robȯtaftȧ, nurtnȧ, tatarnȧ; сухокарб. ozȧ, udȧ, stambarnȧ, ḿeĺaftȧ.—Въ конечномъ закрытомъ слогѣ, а также въ серединѣ слова ė встрѣчается только послѣ слога съ e или съ o, и при томъ послѣ переднеязычной: rodėń (rod: родъ), morėt (mora: пѣсня), oftėńt́ (ofta: медвѣдь), oznėda (молитесь), kotėćė (шестой), kolėńǵeḿeń (тридцать), šou̯nėkšńešt (они бранили), t́ei̯t́eŕńedėńt́ (tei̯t́eŕ: дочь), šezėi̯ (туда), ŕezėmada (отъ чахлости), v́eŕǵezėńt́ (v́eŕǵez: волкъ), lofcėńeḿ (мое молочко); орк. podėšnėi̯ (подушное), zolėta (золото).—Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что ė въ начальномъ слогѣ восходитъ (въ Сухокарб. говорѣ) къ первоначальнымъ ä и ė, а въ неначальныхъ слогахъ (въ Сухокарб. и Орк. говорахъ) къ общемордовскому α.

§ 9. Гласная ȧ средняго ряда нижняго образованія въ начальномъ слогѣ извѣстна только въ Оркинѣ; ср. приведенныя въ предшествующемъ §: sȧv́iźȧ, sȧŕiza, sȧt́ḿińista, sȧŕńan, sȧd́ińt́, sȧḿȧ; она восходитъ къ общемордовскому ė. Въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой ȧ встрѣчается и въ Сухомъ Карбулакѣ (рядомъ съ ė) и въ Оркинѣ: примѣры см. въ предшествующемъ §. Необходимо отмѣтить, что въ индивидуальномъ произношеніи вмѣсто ė слышится ȧ иногда и въ серединѣ слова въ Сухомъ Карбулакѣ: я отмѣтилъ, напр., ĺeu̯ksȧn вм. ĺeu̯ksėn, źeṕezȧnza вм. źeṕezėnʒa, polȧńenʒa вм. polėńenʒa, kodȧi̯š вм. kodėi̯š; въ Оркинѣ: źeṕezȧn (въ мой карманъ), kortȧt́ (говорятъ).

§ 10. Гласная ů средняго ряда верхняго образованія лабіализованная опредѣлялась мною тамъ, гдѣ я схватывалъ звукъ между у и u, причемъ записывалъ у, а при провѣркѣ по чужой записи находилъ u; такъ напр. въ словѣ pargům (моя корзина) всего вѣроятнѣе для того или иного индивидуальнаго произношенія принимать звукъ ů.

§ 11. Гласная ȯ средняго ряда средняго образованія лабіализованная извѣстна только въ неначальномъ слогѣ. Въ Сухомъ Карбулакѣ встрѣчается, повидимому, преимущественно въ говорѣ старшаго поколѣнія на мѣстѣ болѣе обычнаго теперь звука о (см. § 5): kozȯma (кашель), lou̯nȯms (читать), tonȯl (головешка), jondȯl (молнія), kotkȯdau̯ (муравей), molȯtka (молотокъ), porȯška (порошокъ), osrogȯnť (osrog: острогъ). Въ Оркинѣ этотъ звукъ обычнѣе; онъ является преимущественно послѣ губныхъ и задненебныхъ (но передъ губными вмѣсто ȯ слышится о); šovȯń (глина), komȯľa (хмѣль), kopȯlfca (галопомъ), porȯń (pop: попъ), čopȯć (стемнѣло), ombȯćä (другой), pokȯľ (глыба), kolmȯška (съ трое), navȯz (навозъ), povȯnʒa (его пуговицы), povȯć (повѣсилъ), oŋgȯźeu̯ś (залаялъ), olgȯza (его солома), ćokȯrdan (я щебечу), ćokȯza (его кисть), sokȯr (слѣпой), äź poŋgȯna (не попался), pogȯda (погода), kotkȯdau̯ (муравей), torgȯźemś (разбухъ), loskȯt (лоскутъ), oχȯta (охота), dobȯvama (добывать); въ русскихъ словахъ также и въ другомъ положеніи: porȯgȯń droks (черезъ порогъ), polȯgȯńť, polȯg lau̯ks (polȯg: пологъ), borȯzda, porȯg, gorȯd, potȯlȯk, osȯďams (осуждать), prolȯp (прорубь), bolȯta, gorȯbija (коробья); также въ словѣ torȯχ (ничуть; съ татарскаго?).

§ 12. Гласная ô — напряженный оттѣнокъ ȯ является въ Сухокарбулацкомъ говорѣ при слѣдующихъ условіяхъ на мѣстѣ ȯ, притомъ только за заднене́бными: 1) послѣ слога съ о, и именно въ положеніи послѣ двухъ или нѣсколькихъ согласныхъ: olgôza (его солома), olgôt (твоя солома), šolkôń (šolk: шелкъ), dolkônʒa (dolk: долгъ); 2) послѣ слога съ е: ḿeśekôś (этотъ мѣшокъ), eskôń (eska: гвоздь), ṕegôi̯ (пѣгій). При тѣхъ же, кажется, условіяхъ ô является и въ Оркинѣ: eskônʒa (его гвозди).

Вмѣсто ȏ я слышалъ иногда ė, но думаю, что это ошибка слуха. Отмѣчу počkȏks при počkoks (цѣвочникъ).

§ 13. Гласная i (повидимому, вообще напряженное) въ первомъ слогѣ слова встрѣчается вообще при всякихъ условіяхъ: iŕďiz (ребро), ṕiza (гнѣздо), ľiśma (родникъ), v́iďims (сѣять). Въ конечномъ открытомъ слогѣ i является: 1) въ словахъ односложныхъ: ḱi (дорога), ṕśi (жаръ), kśńi (желѣзо), śťi (встанетъ), či (солнце, день); 2) въ двусложныхъ и многосложныхъ словахъ на či: vačyči (голодъ), skupoįǯi (скупость), paryči (честной); 3) въ связной рѣчи не передъ паузой: syŕi alaša, ṕiźimi uľä, jakśťiŕi šaľca, karman paŕcťi ćama, орк. säťmi v́äďńiś, čuďi v́äď, и т. д. (передъ паузой находимъ е или ä). Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова i встрѣчается только при условіи отсутствія въ предшествующемъ слогѣ звуковъ о или е: syv́iľ (мясо), śiśim (семь), ńiľićisk (они четверо), vaįǵiľ (голосъ), ńiľǵiďiv́ims (опротивѣть), ńimiľaŋ (бабочка), targyźims (вспухнуть), ṕŕimita (примѣта), uźiŕ (топоръ), kaćamńiś (дымокъ), орк.: ťäχťiŕiś (дочь), v́äľiva (по деревнѣ), ťäŕďińǯiť (позоветъ тебя), ṕäjiľiń (ṕäjiľ: ножъ), äŕďikstan (проклинаю тебя), säŕiį (высокій), säďiś (мостъ), ṕäjit (твои зубы), ṕäkińim (мой животикъ); въ Сухокарб. говорѣ эти слова звучатъ ťeχťeŕeś (ťeįťeŕeś), v́eľeva, śeŕeį, ṕekeńem и т. д. вслѣдствіе того, что въ начальномъ слогѣ не ä (á), а е. Гласная i вообще извѣстна только послѣ палатальныхъ согласныхъ; какъ увидимъ, č въ значительной части населенія, а š и ž всюду произносятся твердо; въ связи съ этимъ вмѣсто či, ši, ži слышится čy, šy, žy: čyza (солнце), kšy (хлѣбъ), ṕižyń (ṕižä или ṕiža: мѣдь); но, кажется, возможно услышать и či, ši, ži съ твердыми č, š, ž.

§ 14. Гласныя e (не напряженное) и ė (напряженное) находятся между собою въ чередованіи въ зависимости отъ послѣдующей твердой или мягкой согласной; передъ твердой согласной и въ односложныхъ словахъ (въ концѣ ихъ) является е, а передъ мягкой согласной ė: v́e (ночь), ḱesak (пятина), ḿekš (пчела), ťest (имъ), ṕesėk (песокъ), но v́ėńcḱ (отъ v́e: ночь), ḿėkšť (пчелы),

ṕėśť (орѣхи), ḱėḿėń (десять), v́ėŕ (кровь), орк. ėźems (на лавку). Неясно, почему слышится ė въ ėzna (мужъ старшей сестры) при твердомъ z; быть можетъ, извѣстно и произношеніе ėźna.—Гласная е въ начальномъ слогѣ въ Сухокарб. и Оркинскомъ говорахъ имѣетъ различную судьбу; въ Сухокарб. въ гласной е совпали общемордовскіе звуки е и ä, напр., съ одной стороны: ḱeď (рука, мокш. käd), ḱeľ (языкъ, мокш. käl), ḱeḿ (сапогъ, мокш. kämä), ḱeṕe (босой, мокш. käpä), ḱež (злой, мокш. käži), ľemb́e (теплый, мокш. lämbä), eľd́e (кобыла, мокш. aldä), eŕḱe (озеро, мокш. äŕhkä), eska (гвоздь, мокш. äska), eźńe (членъ, мокш. äznä), eźeḿ (лавка, мокш. äzim), ńeŕ (рыло, мокш. när), ṕeľks (половина, мокш. pälks), ṕekstan (запирать, мокш. päkstan), śeźgan (сорока, мокш. säzgan), śeśḱe (комаръ, мокш. säskä); съ другой: ḱeď (шкура, мокш. ked), ḱeḿeń (десять, мокш. kemen), ḱeľḿe (морозъ, мокш. kelmä), ḿeńeľ (небо, мокш. menel), ṕeľan (боюсь, мокш. peľan), ṕeḱe (животъ, мокш. pekä), v́eťe (пять, мокш. vetä), v́eŕ (кровь, мокш. ver), v́eď (вода, мокш. ved) и т. д. Въ Оркинѣ сохранилось различіе между е и ä, но при этомъ общемордовское (и мокшанское) е перешло здѣсь въ ä, а общемордовское (и мокшанское) ä въ е: ḱäď (шкура), ḱäḿiń (десять), ḱäľḿä (морозъ), v́äď (вода), v́äŕ (кровь), v́äŕiḱ (сырой, мокш. veŗik), ḿäńiľ (небо), ṕäďľij̹ (піявка, мокш. pedli), ṕäj̹ (зубъ, мокш. pei), ṕäŋǵä (полѣно, мокш. peŋgä), ṕä (конецъ, мокш. pe), ṕäŗť (кругомъ, вокругъ, мокш. perf), ľäḿ (имя, мокш. lem), ľäpščams (жать, прижимать, мокш. lepštan), läŋǵä (лыко, мокш. leŋga), śäjiľ (ежъ, мокш. seyel), ńäžaďims (подпереть, мокш. nežedan), äčḱä (толстый, мокш. ečḱä), äŕan (живу, мокш. eŕan), äj̹ďiś (дитя, мокш. ed), äŕva (каждый); напротивъ: ḱeď (рука), śeśḱä (комаръ), śeźgan (сорока), ḱežej̹ (злой, мокш. käži), ḱeľ (языкъ), ḿeľaftan (забочусь, мокш. mälaftan), ḿeščä (грудь, мокш. mäštä), ńeŕ (рыло), ľej̹ (рѣка, мокш. läi), ľeḿb́ä (теплый), śeľej̹ (вязъ, мокш. säli), ej̹ (ледъ, мокш. äi), ekšeľan (моюсь, мокш. äšelan), eska (гвоздь), eŕḱä (озеро), eľďä (кобыла), eźeḿ (лавка), v́eŕä (верхній, мокш. väri), и т. д. Странно оркинское ḱesak при мокш. kesak;

напротивъ, äźńä (членъ, суставъ) при мокш. äznä [1]). — Въ конечномъ открытомъ слогѣ е извѣстно, какъ кажется, только въ произношеніи одной части населенія Сухого Карбулака (напр. въ говорѣ Р. Ѳ. Учаева), притомъ только передъ паузой: ṕiľe (ухо), ḿeŕeḿe (говорить), kaŕḿe (начнетъ), v́eťe (пять); болѣе обычно и въ Сухомъ Карбулакѣ произношеніе ä̂ (напряженнаго) и ä (ненапряженнаго) въ такомъ положеніи; между тѣмъ въ Оркинѣ господствуетъ ä (ненапряженное). — Въ конечномъ закрытомъ слогѣ и въ серединѣ слова е извѣстно только послѣ слога съ о или е (ė): ṕejeľ (ножъ), ćeŕež (огородъ), ḿeŕeľeń (я было сказалъ), ofťėnťeń (медвѣдю), sokeť (пашутъ), kolmoćeda (kolmoće: третій), oďeŕva (молодуха), oznėńeḱ (мы молились), zoŕeńä (зорюшка), tolǵeńeŋḱ (ваши крылушки), koŕḿeńeḿ (мой кормилецъ), oḭḿeza (его душа), śeźńeḿä (рвать), eźeḿńes (на лавочку), sokeća (пахарь), oźeḿ (озимь), ŕepešča (рѣпище), ťŕošńeḱ (трёшникъ), ṕeŕelat (перила), ṕeŕena (перина), χoḿeneḭ ńeďľa (Ѳомина недѣля), eḭťeḿä (бездѣтный), ḿeľńeća (мельница), skoťena (скотина), v́eŕčena (вершина), орк. mokŕeća (мокрица, сухокарб. mukŕića), и т. д. — Какъ указано, въ рядѣ случаевъ сухокарбуланскому е начальнаго слога въ Оркинѣ соотвѣтствуетъ ä: соотвѣтственно этому въ слѣдующихъ слогахъ, согласно съ § 13, является i: орк. ḱäńiŕ (локоть), ṕäjiľ, äḭďinʒa, ńäľǵiḿinʒa (ńäľǵiḿä: отнимать), v́äľisynyk (въ нашемъ селѣ), śäľḿiďiшada (о сглазѣ), śäŕǵiďiť (кричать) — сухокарб.: ḱeńeŕ, ṕejeľ, eḭďenʒa, ńeľǵeḿenʒa, v́eľesėnėk, śeľḿeďemada, śeŕǵeďeť, и т. п. Въ зависимости отъ отвердѣнія предшествующей согласной е переходитъ въ ė, напр. oŕtnė; то же имѣетъ мѣсто послѣ č (въ индив. произношеніи оно мягко), š, ž: čėfťä (мягкій), čėčėna (щетина), ḿešėk (мѣшокъ), ekšėľams (мыться), ńežė (подпорка), ṕižė (мѣдь), ḱežėḭ (злой). Возможно, что въ этихъ случаяхъ произносятъ и е, несмотря на предшествующую твердую согласную.

[1]) Отмѣчу, что у Видемана въ описанномъ имъ эрзянскомъ говорѣ ä̂ соотвѣтствуетъ мокшанскому ä: kä̂d (рука), käž (гнѣвъ), väre (верхній), läi (рѣка), но рядомъ и kä̂pe (босой), kämen (десять), mänel′ (небо), mäkš (пчела).

§ 15. Гласная ä въ начальномъ слогѣ неизвѣстна въ Сухо-карбулацкомъ говорѣ; въ предыдущемъ § указаны условія ея появленія въ Оркинѣ. Въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой ä обычно въ Оркинѣ: syŕä, ḿeŕä, mol̓ä, kuńćä, ŕev̓ä, t́el̓ä, v́ät́ä, puŕǵińä, v́äšńiḿä, omboćä, ḿäźä, b́id́ä, t́ečä (сегодня), sur ṕŕińi-d́ä, śiḿiḿä, и т. д. Часть населенія Сухого Карбулака имѣетъ такое же произношеніе: v́eśä, mol̓ä, kandyn̓ʒä, avaŕd́ä, ḱeŕä, t́el̓ä, t́ekä, ḱečä; я слышалъ даже: ikil̓a, ḱev́et́eja, ḿińiḱ ṕel̓d́a, ṕeńa съ а вмѣсто ä; въ говорѣ старушки Учаевой я отмѣтилъ: ńeḿeźd́ä, ńeḿeźä, ḿeŕä, stasyńʒä, ḿeźä, ḿejl̓ä, mol̓ä, l̓iśä, valćḱä и т. д. Но рядомъ извѣстно и произношеніе съ ä̂, т. е. съ закрытымъ, напряженнымъ оттѣнкомъ звука ä, который является какъ бы переходною ступенью къ е: mol̓ä̂, ḱi ul̓ä̂ и т. д.—Кромѣ этого ä, восходящаго къ первоначальнымъ звукамъ е и ä, оба говора имѣютъ ä другого происхожденія — изъ а подъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ звуковъ. Въ Оркинѣ, какъ общее, повидимому, правило, можно признать переходъ а въ ä въ положеніи между двумя палатальными согласными: at́äń, ṕäd́äś, ḱäŕäś, gu-l̓äjaśt́, l̓it́t́äśt́, b́eŕäństa, mońd́äń, śt́äś, äŕäśt́; также въ концѣ словъ (слабоударяемыхъ?) послѣ палатальной согласной: iśt́ä, aźä. Такое же произношеніе приходилось слышать, но гораздо рѣже въ Сухомъ Карбулакѣ; въ говорѣ Р. Θ. Учаева я отмѣтилъ: mońd́äń и нѣк. др.; но въ говорѣ другихъ обитателей села это явленіе довольно обычно: ḱeŕäǯś, moŕäńt́, pat́äś, t́it́äń, al̓äń и т. д. (ср. ниже).

§ 16. Гласныя неполнаго образованія ɑ и ɛ исчезли вообще изъ произношенія; но онѣ могутъ являться на мѣстѣ y (u, o, è) и i (e) при быстрой рѣчи. Опредѣлить условія ихъ появленія я не умѣю. Укажу напр. на произношеніе jarcamɑ (и даже jarcam) въ фразѣ karmaś ofťèś jarcamɑ ṕŕat́ńida (сталъ медвѣдь ѣсть пироги), причемъ отсутствіе перехода p въ b въ ṕŕat́ńida доказываетъ, что послѣ m произносится гласный звукъ; то же въ фразѣ ton von kod́amɑ pačalkśidy jarcat (ты вотъ какіе блины кушаешь); также loucɑ вм. loucy (передъ паузой было бы louca)

въ фразѣ: ombocesen loцcα kandan (въ другой песу молоко). И въ Сухомъ Карбулакѣ и въ Оркинѣ я слышалъ α вмѣсто у передъ r + согласная или конечнымъ r, напр. kαrvaśťik (зажги), kαrkśik (поскобли); орк.: śaŋgαrks, ajgαr. zavytαŕńa (заутреняя), kαrmaraц; также передъ l въ jondαl (молнія). Быть можетъ, r и l въ этихъ случаяхъ слоговыя, а α звукъ неслоговой.

§ 16. Дифтонги съ неслоговою частью въ видѣ i̯, u̯, ü̯ по общему правилу извѣстны только въ концѣ слова и передъ согласными; въ положеніи передъ гласными имъ соотвѣтствуютъ сочетанія гласная + j, v, v́: Rau̯ (Волга), по Ravuń (при Rauń), lou̯ (снѣгъ), по lovoń, ke̯ü̯ (камень), по kevéń, ťeü̯ (дѣло), по ťe-v́eń, pai̯ (доля, пай), по pajiń (при paiń), poi̯ (осипа), по pojeń, śeďei̯ (сердце), по śeďejeń, mazyi̯ (красивый), по mazyjan (я красивъ) и т. п. Повидимому, вмѣсто v и v́ при этомъ обычно произношеніе w и ẃ (т. е. губногубныхъ звуковъ); появляющееся же вмѣсто w u̯ исчезаетъ изъ произношенія; поэтому принимаю, что между гласными произносится j, а не i̯, которое исчезло бы изъ произношенія: paiń вм. *pai̯iń, а это вмѣсто pajiń.—Неслоговое ü̯ извѣстно только въ соединеніи съ предшествующими гласными передняго ряда: tombaľü̯, v́iŕiü̯, keü̯kśťeźä, čeü̯kseń laznuma, vasyly kińiü̯; но, кажется, u̯ можетъ переходить въ ü̯ и подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной: ulaü̯ńe (им. мн. отъ ulau̯: возъ). Вмѣсто iü̯ обычно произношеніе ii̯: śińďii̯ś вм. śińďiü̯ś (сломался), ikiľi̯, iľi̯ (прутъ) при iľiü̯, орк. ḿäkii̯ (сухокарб. ḿekeü̯). Равнымъ образомъ eü̯ переходитъ въ ei̯, если ü̯ не защищено формами съ ev: ťei̯ (сюда) вм. ťeü̯, ср. tou̯, kou̯; keľei̯ (широкій) вм. keľeü̯. Послѣ ė слышится, кажется, u̯, а не ü̯: iľamak sėu̯ (не ѣшь меня). — Особо должны быть разсмотрѣны дифтонги съ очень краткимъ i̯, являющіеся въ индивидуальномъ произношеніи вмѣсто монофтонговъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ палатальныхъ согласныхъ: сухокарб. pa^{i}ľa (рубашка), sa^{i}ś (пришелъ), ka^{i}ńć (принесъ), suva^{i}ś (вошелъ), pa^{i}ńan (гоню), a^{i}śťiś (былъ), a^{j}ďika (иди), pava^{i}ń dolga (павлиное перо), koďa^{i}ś (плетущій), pola^{i}ńe (муженекъ), go^{i}śťeńeć (гостинецъ), ko^{i}ŕmanstyi̯

(матери кормилицѣ). Кажется, можно отмѣтить и дифтонги aᵉ такого же происхожденія: loškaᵉŕńiḱ (лошкарникъ), boćkaᵉŕńiḱ (бочкарникъ). — Неслоговыя u̯, ü̯, i̯ передъ гласными (дифтонги u̯a, ü̯a, i̯a и т. п.) возникаютъ вслѣдствіе встрѣчи гласныхъ u, ü, i съ гласной a, напр. Ĺiťü̯a (имя собств.) вм. Ĺiťüva, koľi̯a при и вмѣсто koľeja, oďeńi̯a при и вм. oďeńeja, ku̯a jaḱi вм. kuva jaḱi (куда идетъ, въ быстрой рѣчи).

§ 18. Долгія гласныя встрѣчаются въ индивидуальномъ произношеніи въ зависимости отъ эмфазы.

§ 19. Извѣстны случаи стяженія гласныхъ при встрѣчѣ конечной гласной одного слова съ начальной другого: kudalu̯ (за домомъ) вм. kudy alu̯, kudazyr (хозяинъ дома) вм. kudy azyr, pandalu̯ (подъ горой) вм. pandy alu̯, vaľmalga (по окнамъ) вм. vaľma alga; также vaľmalu̯, ṕećkalu̯, ortalga (подъ воротами); kudyḱiľä (въ сѣняхъ) вм. kudy iḱiľä, parėi̯ďä (младшій деверь) вм. pary ejďä. Кромѣ такихъ случаевъ, гдѣ составныя части тѣсно слились въ одно цѣлое, отмѣтимъ, что вообще въ связной рѣчи стяженіе гласныхъ при встрѣчѣ двухъ словъ — явленіе обыкновенное: ср. ḿeľńećaś para jaž' ašy poćt (хорошая мельница мелетъ бѣлую муку), saś tag' ofťėś (пришелъ опять медвѣдь, вм. tagy), kotova targaź banaryz' uľńiś (въ шесть нитокъ была его рубашка, вм. panaryzy), aťaťńeśť ḱeḿť (братья не повѣрили, вм. aťaťńi eśť), ťaťaz' avećkse (отецъ его не любитъ, вм. ťaťazy), afkaz' a ḱeḿä (мать его не вѣритъ), syviľńiḿ buty rauž' uguľja (мясце мое точно черные уголья, вм. raužy), službas' uľńiń (я былъ на службѣ, вм. službasy), v́eśelasty 'šći ľićaza (весело его лицо, вм. ašći) и т. п. — Выпаденіе i въ сочетаніяхъ ia, iu сохраняетъ предшествующую согласную смягченною: ṕiŕudalks (загуменье) вм. ṕiŕi udalks, ṕiŕudalu̯ (за гумномъ), buťapańat (если не прогонишь, вм. buťi); но губныя отвердѣваютъ: ḱeľmojeś вм. ḱeľḿiojeś.

§ 20. Встрѣча гласныхъ не устраняется, когда она вызвана выпаденіемъ между ними звука v (w): naoz (навозъ) при navoź, loaža (кость), ńeoľńiḱ (невольникъ, въ пѣснѣ), ḱiľć pooć (запрягъ), suaś (вошелъ), tua (свинья), poaviä (подавится), śioj (сивый), pro-

olok (проволока), tuuks (по свински), stolooj̦ (столовый), časooj̦ (часовой), pooska (повозка), šraχoams (страховать), čaus (по пусту), jaums (разнимать, отдѣлять). Не устраняется она и тогда, когда гласныя встрѣтятся вслѣдствіе выпаденія между ними j: paiza (его пай), guiń (змѣиный), čaryiń (колёсный), saimä (взять), nuims (жать), uiť (плаваютъ) и т. п.; сочетаніе uy переходитъ въ ui: орк. tuiń вм. tuyń, tuvyń (свинячій). Выпаденіе j въ сочетаніи eje ведетъ за собой переходъ ee въ ej̦: ṕej̦ďems (смѣяться) при и вмѣсто ṕejeďems. Не стягивается съ слѣдующею гласною гласная a въ отрицаніи и въ междометіи: a; напр. okoń, a okoń (окунь, а окунь; въ сказкѣ), aoŋkstaumška (безмѣрный). Сочетаніе aa такого происхожденія переходитъ въ aja: aťa, a jaťa (старикъ, а старикъ), aťakš, a jaťakš (пѣтухъ, а пѣтухъ), a ťaťkazy saś a jaťkasy saś (ни отецъ ея не пришелъ, ни мать ея не пришла), a jacė (не лежитъ), a jandyť (не кормятъ), a javaś uľńiś ḱežej̦ (а женщина была сердитая), орк. a jalťtyť (не обѣщаютъ). Сочетаніе ae переходитъ въ aje: ajeŕavä (не надо) при a eŕavä. Рядомъ съ au является avu, awu: avuľ (не, нѣтъ). Неясно происхожденіе слова aira (пасмурный).

§ 21. Въ положеніи передъ согласными дифтонги uj̦, ej̦, ij̦ измѣняются въ нѣкоторыхъ глагольныхъ корняхъ въ u, e, i: nuś, nuk, nutana, nutada (отъ nujims: жать); muś, mutana (отъ mujims: найти), tuś, tuk, tutada (отъ tujimś: уйти); ḿiś (продалъ, отъ ḿijims); ṕiś, ṕiśť (сварилъ, сварили, отъ ṕijims): ńeśť, ńeś (увидѣли, увидѣлъ, отъ ńejems). Но также: čij̦ś, čij̦śť (побѣжалъ, побѣжали, отъ čijims).

§ 22. Дифтонги yj̦ и ij̦ въ концѣ слова теряютъ свою неслоговую часть: mazy при и вмѣсто mazyj̦ (красивый); въ причастіяхъ: paly tolėś (горящій огонь), kuly ormasa (смертною болѣзнью), ṕśťiďi alaša (лягающаяся лошадь), ḱičḱiŕďi skal (бодающаяся корова), ṕešḱeďi kouńem (мое полное мѣсячко), ľiśi ćińiś (восходящее солнышко), udy lomańiń (спящему человѣку); въ дат. находимъ -ťi вмѣсто и при -ťij̦, и также -ťe вм. и при -ťej̦: ćorańťi, pačalgyńťi, ćoŕeńťe. Рядомъ сохраняются въ причастіяхъ

формы на -уį, -iį (-еį): śimiį gudys (въ кабакъ), moľ vanyį (угождающій), korc kiŕďiį (то же), karavľiį aťa (караульщикъ), śŕipkań ďeįńei, jamuń bidiį, zolotaks keveŕeį, vaśiń gulyį, pizyń burnyį, veďeń giŕďiį. Въ Оркинѣ упорно держится форма 3 ед. опредѣленнаго спряженія на syį: śimsyį (онъ напоитъ), saįsyį (возьметъ), makscyį (дастъ), pucyį (положитъ), käpiťsyį (подниметъ); въ Сухомъ Карбулакѣ: śimsė, saįsė, kepeťcė.

§ 23. Вмѣсто е въ положеніи передъ j весьма обыкновенно произношеніе i; такое i держится вопреки § 13, не допускающему звука i послѣ звуковъ о или е въ предшествующемъ слогѣ: koľija при koľeja (колъ), ogožijama при ogožejama (ворожить), kežijaųś при kežejaųś (разсердился), ľeųšijakšnyśť при ľeųšejakšnyśť (измочалились), ľepijams при ľepejams (задыхаться), lovijama (запачкаться въ снѣгу) вмѣсто ожидаемаго lovejama, čovijaftums при čovejaftums (пѣнить, вспѣнить). Въ словѣ mijokśńems (ржать) i, конечно, также на мѣстѣ е, ибо только въ ḿejoksńems законно о во второмъ слогѣ (см. § 5). Кажется, и дифтонгъ еį въ неначальномъ слогѣ переходитъ по общему правилу въ iį: kopiįka (копейка), keviįkije (одиннадцать), ср. veįke (одинъ); сохраненіе еį напр. въ śeďeį, ṕeďľeį, śeľeį и т. п. вызвано аналогіей формъ, какъ śeďejeń, śeľejeńť, гдѣ е передъ j въ свою очередь ограждено отъ перехода въ i вліяніемъ слѣдующаго е. Кажется, слѣдуетъ допустить перехода ė въ у передъ j: ср. ľeųksyjams (ягниться) при ľeųksėjams, počtyjams (мучнѣть) при počtėjams; законнымъ, согласно § 8, является въ такихъ случаяхъ именно ė.

§ 24. Приведу нѣсколько словъ, гдѣ замѣчается чередованіе звуковъ е и i. При ćśkeľams извѣстно и iśkiľams; при сухокарб. ehaldums (молить) въ орк. ińaldä. Любопытно чередованіе е и i въ другомъ положеніи: kividims (вывѣдывать) при keųkśťems.

§ 25. Чередованіе о и u находимъ въ орк. urma при сухокарб. orma (болѣзнь), murga (кухня; часть избы, гдѣ кухня) при morga. Въ čoveńe при čuvińe это чередованіе стоитъ въ зависимости отъ слѣдующаго v.

§ 26. Какъ указано въ § 7, звукъ y имѣетъ ограниченное употребленіе даже въ заимствованныхъ словахъ (въ начальномъ слогѣ). Вмѣсто y (въ положеніи не послѣ s) находимъ i: напр. ŕižyj, ŕićaga (жердь), ŕidvan (рыдванъ), kŕiĺić (крыльцо), koṕita (копыто), kav́il (ковылъ), kŕisa (крыса), kŕiša (крыша), ǵŕiza (грыжа), v́išovams (вышивать); при byd́ä (вм. буди) орк. b́id́ä: v́iχ́id (выходъ); ḿišajak (мышьякъ), ub́itka (убытокъ), ṕiška (пышка). Слова vystyfka, zapyv́id́, vykryjka, vyv́iska являются новыми, быть можетъ, и не вошедшими въ общее употребленіе заимствованіями. Въ старыхъ заимствованіяхъ вмѣсто y послѣ k находимъ u, напр. kuśĺat (кисель), стар. кыслый, кысель: также послѣ b, p: buka (быкъ), puž (пыжъ). Отмѣтимъ y въ štyḱ (штыкъ), ślyḱ.

§ 27. Чередованіе o и e находимъ въ mod́eŕams при ḿed́eŕams (мять, сминать), ср. mod́erdams (давить), въ moŕkams при ḿeŕkams (мять, раздавливать).

Согласныя.

§ 28. Въ сухокарбулацкомъ и оркинскомъ говорахъ имѣются слѣдующія согласныя: *Шумныя* губныя: p, b, w; губнозубныя: f, v; зубныя или точнѣе зазубныя: t, d, s, z; альвеолярныя: š, ž: среднenёбныя: ḱ, ǵ, χ́, j; заднenёбныя: k, g, χ, γ. *Носовыя:* губная m, зубная n, среднenёбная ŋ́, заднenёбная ŋ. *Плавныя:* r и l (т. е. ł, русск. л), безголосые оттѣнки которыхъ r̥ и l̥ надо признать шумными фрикативными согласными. *Аффрикаты* являются въ результатѣ соединенія мгновенныхъ зубныхъ и альвеолярныхъ съ соотвѣтствующими фрикативными: c (ts), ʒ (dz), č (tš), ǯ (dž). Губныя, губнозубныя, альвеолярныя, какъ шумныя такъ и носовыя, а также плавныя и аффрикаты извѣстны также со смягченнымъ (палатализованнымъ) произношеніемъ: ṕ, b́, ť, ď, č́, ĺ, и т. д. О нѣкоторыхъ условіяхъ, вызывающихъ палатализацію, скажемъ ниже. О долгихъ согласныхъ скажемъ въ § 42.

§ 29. Губное w слышится довольно часто вмѣсто v между гласными: dawajt́i, čawa (пустой). Быть можетъ, вообще v склонно

къ переходу въ w передъ гласными задняго ряда. Дальнѣйшее измѣненіе w въ u̯ влечетъ за собой его исчезновеніе. Примѣры выпаденія v въ серединѣ слова приведены выше, въ § 20. Укажу здѣсь на отпаденіе его передъ начальнымъ о въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ: сухокарб.: or (воръ), oz, oi̯na, ozduχ, oľa. oľnėi̯, Olodʹa, olośńiḱ, olośť, orožcja, oźńcśeńjań ǯińe, ožǯat (возжи). Въ Оркинѣ, правда, также oṛta, но вообще v удерживается: vozduχ, voz, voroχ, ср. voŕǵedan при сухокарб. oŕgodʹan (убѣгаю), voṛťems (скрыть), vorkaftyms (уколоть). Передъ u выпаденіе v также обычно: Dant (Давыдъ). — Звукъ f въ своихъ словахъ имѣетъ ограниченное употребленіе и восходитъ къ болѣе древнему χ (см. ниже § 39); и въ заимствованныхъ словахъ f восходитъ къ χ передъ согласными: dʹŕaflyi̯ (дряхлый), ľofkei̯ (лёгкое); напротивъ, передъ гласными, какъ увидимъ, русское ф передается черезъ χ (§ 34); впрочемъ, находимъ и сохраненное f, напр.: fata (фата), ḟiľun, ḟerčeľ, flak и въ другихъ болѣе новыхъ заимствованіяхъ.

§ 30. Мягкія губныя извѣстны только въ положеніи въ концѣ слова (послѣ гласныхъ передняго ряда), передъ согласными и передъ гласными передняго ряда; передъ гласными задняго ряда онѣ отвердѣваютъ: ср. ḱeľmoi̯ (сало) вм. ḱeľḿioi̯. Ср. русскія слова ṕľema, ḃeŕema. Передъ о въ русскихъ словахъ находимъ сочетанія мягкая губная + j вмѣсто мягкой губной: oṕjoŋka (опёнки), oḿjot (омётъ), zaṽjorka (завёртка), Ńeḟjot (Нефёдъ), koṽjor (ковёръ); передъ jo v отпало въ josna (весна), jorctak (верстакъ); v выпало въ śokla (свёкла). Въ čeťvortak видимъ отвердѣніе v. Ср. § 79. Въ Оркинѣ говорятъ oḃjazaťeľna. Въ Оркинѣ довольно послѣдовательно отвердѣваетъ конечное ḿ: bratḱim, ṽiŕim, ťäχťiŕim, ṕäḱim, rośem.

§ 31. Звуки š, ž обыкновенно произносятся твердо, непалатально: alaša, žaľams (жалѣть), uštums (затопить); вмѣсто i за š, ž слышится обыкновенно y: при kši, ašilgadė, žilokoń (прозваніе) — kšy, ašylgadė, žyu̯sta (живьёмъ). Если не ошибаюсь, š и ž имѣютъ болѣе палатальное произношеніе послѣ гласныхъ перед-

няго ряда: eḿež съ полумягкимъ ž; также полумягко š въ сочетаніи kš послѣ гласной передняго ряда: ḿekš, v́ed́ŕekš (теленокъ); поэтому aḱakš во мн. звучитъ aḱakšt съ твердымъ š, а ḿekš, v́ed́ŕekš — ḿekšt́, v́ed́ŕekšt́ съ мягкимъ š. Мягкое š извѣстно въ сочетаніи št́: kišt́iḿä, ṕešt́eźä, äšt́ä, ḱešt́ (злобствованія, отъ ḱež: гнѣвъ). Сочетаніе žd́ въ sožd́a, sožd́eńä. Вмѣсто št́ я обыкновенно слышалъ šš и отождествлялъ напр. ḱešt́ съ русскимъ написаніемъ кещ. Вмѣсто žd́ — žǯ: čožǯa орк. Замѣчательна передача русскаго ž черезъ ź въ старомъ заимствованіи: roź (рожь). Въ началѣ слова š сохраняется только передъ согласными: šta (воскъ), štams (мыть), šĺams (мыть), šnams (хвалить). Передъ гласными оно переходитъ въ č: čačtuma (въ другихъ говорахъ šačomo), čožd́a, čaryį. Ср. č въ русскихъ словахъ: čapka, čin (шина), čar, čuba, činovams (шиновать), но šolk, šuŕin.

§ 32. Средненёбныя извѣстны вообще только въ смягченномъ видѣ передъ гласными передняго ряда и передъ согласными: ḱi (дорога), puŕǵińä (громъ), v́iχid (выходъ). Возможно, что среднеёбное k несмягченное слышится въ сочетаніяхъ kš въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: ḿekš. Въ концѣ слова ḱ встрѣчается только послѣ гласныхъ передняго ряда: ṕeḱ, ḿińiḱ, а также послѣ гласныхъ y, ė, когда онѣ восходятъ или къ дифтонгу αį: kadyḱ, ṕekstėḱ, или къ гласнымъ передняго ряда i, e: poŋksnėḱ, krandaznyḱ. Неясно произношеніе ḱ въ заимствованныхъ словахъ: šlyḱ (ермолка), štyḱ (штыкъ): быть можетъ, здѣсь вліяніе формъ мн. ч. русскихъ словъ шлыки, штыки.

§ 33. Звукъ j въ положеніи передъ начальными гласными и между гласными, быть можетъ, долженъ быть признаваемъ за į: орк. juṛtava, joųks (сказка), joza (чувство, хитрость); сочетанія je, ji въ началѣ слова неизвѣстны. Ср. e вм. je въ русскихъ именахъ: Eųśeį, Eft́eį (Евтихій), Eχŕem, Eŕoma. О выпаденіи j передъ i послѣ гласной мы говорили выше въ § 20: nuima, muiźä, saims. Въ положеніи послѣ согласныхъ j слышится, во-первыхъ, въ заимствованныхъ изъ русскаго словахъ: čašja (счастье), śeḿja (семья), Ńeḟjod (Нефёдъ), oroźja (ворожея), при чемъ рядомъ

находимъ и śćm̓eja, orožeja (ср. ṕijańića, suďija); во-вторыхъ, въ случаяхъ какъ vazjaś вм. vazyjaś, vašjaś вм. vašyjaś (въ пѣснѣ), komoľadjak sožďeńä (легче хмѣля), mastyrdjak staka (тяжелѣе земли), varmadjak bojka (быстрѣе вѣтра).

§ 34. Звукъ χ извѣстенъ только въ русскихъ словахъ: χŕon, χvaľba, χlopočamut (хлопоты), χlopaďims (хлопать), ďŕeχńams (дрыхнуть); χ передъ r замѣняетъ въ русскихъ словахъ k: χraľa (краля), χrant (кранъ), χŕeslat (кресло). Кромѣ того χ замѣняетъ русское f передъ гласными; возможно, впрочемъ, что эта замѣна произошла на русской почвѣ: χunt, χonaŕ, χabrik, χoma, Oχońa (Аѳанасій), Jaχiḿ, Oχraj (Евфросинья). Напротивъ, въ нѣкоторыхъ словахъ русское χ передается черезъ k: kutyr (хуторъ), Kovra (Хавронья), kožajka, kovraľ при χovraľ (февраль), kokol, kokolka (хохолъ, вихоръ); обратно: osoχoŕ вм. осокорь. — Звукъ γ извѣстенъ только какъ видоизмѣненіе звука χ въ началѣ слова послѣ звонкой согласной предшествующаго слова: ṕižyń γŕost (мѣдный крестъ).

§ 35. Передъ средненёбными и заднenёбными носовая—среднenёбная и заднenёбная: laŋga (поверхность), poŋkst (штаны), oŋgoms (лаять), ṕeŋḱt (дрова), ľeŋǵe (лыко), kadyŋḱ (оставьте его), avaŋk (ваша мать). И въ русскихъ словахъ видимъ замѣну носового и заднenёбнымъ: luŋka (лунка), plaŋka (планка), орк. kŕeśjaŋka. Возможно, что передъ ḱ ŋ не мягко, а только полумягко: kadyŋḱ, tyŋḱ, keŋǵeľat.—Вмѣсто конечнаго ń слышится нерѣдко j въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: avańťij, kuṕećeńťej вм. avańťiń, ćorańťiń, kuṕećeńťeń (формы дат. пад.); также avaťij, paťaťij, sazyryťij.

§ 36. Ниже укажемъ условія, при которыхъ r, l замѣняются безголосыми r̥, l̥. О томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ r, l могли быть слоговыми, см. § 16. Русское завтракъ передается черезъ zaftyrk.

§ 38. Аффрикаты c и ʒ извѣстны какъ въ твердомъ, такъ и въ мягкомъ видѣ. Твердое c является въ результатѣ соединенія t(d) и s: keca (въ рукѣ), goroca (въ городѣ) изъ kedsa, gorodsa;

а также въ результатѣ измѣненія s послѣ извѣстныхъ согласныхъ, при чемъ тѣ же согласныя измѣняютъ z въ ʒ: porca (мѣломъ, отъ por), ťaťanʒa (его отецъ), Ṕenʒa (Пенза). Мягкое c замѣняетъ между прочимъ русскія ц и ч въ болѣе старыхъ заимствованіяхъ: ćad, ćaŕka, ćas, ćićavića, ćulka (чулокъ), ćut (чуть), ćuda, ṕeća (пятница), ľiśića (лисица), ṕećka (печка), kumać, grać, gŕeća, ćiŕij, ćeťveŕk, ćej (нарѣчіе, чай), ćotams (считать), ploťńeće (плотничаетъ). Многіе, въ особенности въ Оркинѣ, произносятъ ć близко къ č: ćoraś, ućaskas, syńćist, maćiȷ̧sa почти какъ čoraś и т. д. Что до ʒ, ʒ́, то въ положеніи въ началѣ слова оно является обычно замѣной глухого c, ć послѣ звонкой предшествующаго слова (см. § 65). Въ новыхъ заимствованіяхъ изъ русскаго находимъ c твердое: caŕ, caŕovama, colkovoj, colovaľńik. Вмѣсто c (ć) иногда, подъ вліяніемъ той или иной аналогіи, замѣчается произношеніе ts (ťś), напр. vaťśa (калъ); далѣе вмѣсто c можетъ слышаться tc: v́etca, ḿetca, ḱetca (въ шкурѣ) вм. v́eca и т. д.

§ 38. Аффрикаты č и ǯ въ говорѣ однихъ мягки, въ говорѣ другихъ тверды. Кажется, твердое произношеніе является вообще болѣе первоначальнымъ, напр. передъ гласными. Возможно, что č обязано русскому вліянію. О č вмѣсто š въ началѣ слова сказано выше въ § 31. Что до ǯ, то оно является или на мѣстѣ č послѣ звонкой согласной предыдущаго слова, напр. čińǯarama. или на мѣстѣ ž послѣ извѣстныхъ согласныхъ, о чемъ см. § 65. Послѣ тѣхъ же согласныхъ š переходитъ въ č. Кромѣ того č и ǯ извѣстны въ сочетаніяхъ šč́ и žǯ́, замѣняющихъ šť и žď, какъ указано въ § 31. Русское щ произносится какъ šč или какъ š́č́ въ зависимости отъ палатальнаго или непалатальнаго произношенія самаго č: ščuka или š́č́uka; въ болѣе старыхъ заимствованіяхъ въ началѣ слова щ замѣняется черезъ č: čečena (щетина).

§ 39. Общемордовское χ, или звукъ близкій къ χ, перешелъ въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ въ f въ положеніи передъ t и послѣ гласной: kafta (два), varmaftuma, ṕiľifťimä (безъ ушей); въ другихъ говорахъ находимъ на мѣстѣ такого f — v или u̯: kavto, ovto; имѣя въ виду, что u̯ передъ t переходитъ въ изслѣдуемыхъ

двухъ говорахъ въ f, можно принимать, что это f изъ χ произошло непосредственно изъ ŋ. Въ концѣ слова послѣ гласной общемордовскому χ соотвѣтствуетъ — въ сухокарбулацкомъ говорѣ ft (едва-ли не изъ ŋk), а въ оркинскомъ f: сухокарб. povaft (удавленный), śuduft (проклятый), maksuft (отданный), sajift (взятый), aťaft (свекорь), avaft (свекровь); орк. povaf, maksuf, kalmaf (погребенный), raŋguf, ťajif. Въ положеніи послѣ согласныхъ l, n, на мѣстѣ χ находимъ въ Сухомъ Карбулакѣ st (ct), а въ Оркинѣ f: сухокарбул. pulct (снопъ), kańśť (конопель), ťeńśť (метла), čańśťiŋk (ваша милость, стар.); орк. pulf, ťeńf, čańf, čańfiŋk. Но на мѣстѣ ľχ находимъ ľť въ suľť (тѣнь) и въ Сухомъ Карбулакѣ. Послѣ другихъ согласныхъ χ и въ Сухомъ Карбулакѣ и въ Оркинѣ перешло въ st: mact (погребъ, изъ matst — maṭχ), tańčť (сладость, изъ tańťχ, ср. tańťiḭ); večťeme и veťťeme, kečťeme и keťťeme; сухокарб. ṕeḭśťeme (и ṕeḭťeme), сухокарб. paḭstuma, koct (холстъ, изъ kodχ), орк. tyńśťimiŋk (безъ васъ), mońčťemen (безъ меня). Группа sχt перешла въ ft: ľifťims (выводить), ср. ľiśims (выходить, Paasonen, § 32, 1). Группа χtn перешла въ χn и далѣе въ vn: орк. и сухокарб. kaŋńist (они оба). Группа čχ въ čt: poct (мука, Paasonen, § 54, 1). Что до ft въ alftams (Оркино и Сухой Карб.), то оно явилось между гласными, ср. параллельную форму aluftams. — Неясно χ въ орк. jaχyjams, jaχyďims (махать); неясно, что такое орк. miŕ ǯäχäŕ (весь міръ).

§ 40. Звукъ k (ḱ) еще въ общемордовскомъ языкѣ перешелъ въ t (ť) въ положеніи послѣ согласной въ концѣ слова; напр. въ формахъ 2 л. ед. пов.: tonaft, kuct, valt, makst, čaft, čačt, jaft, ṕeznaft, targaft (выпься), kaduft, vant, panct, uskt, oŋkt, śormatt, pant (изъ pand-k), art (изъ ard-k); uľť, moľť, śimť, kiŕť (изъ kiŕďk), saḭť (при sajiḱ), uḭť, nuḭť, čiḭť, ľeťť, keľkť, čaŕkiťť, večkť. Въ naŕťimks (полынь), ср. орк. naŕkimks (и naŕkamaz), видимъ переходъ ḱ въ ť послѣ ŕ; ср. Aŕťip вм. Архипъ. Но k въ концѣ слова сохраняется послѣ ŋ, ŋ́: avaŋk, čaviŋ́k, večeŋ́k; также послѣ s: kolmońesk, koteńesk, ńiľińisk, kaŋńisk; ср. еще tosk, śesk. Слова pačk (черезъ), čačk (пополамъ) едва ли не утратили

въ концѣ звукъ *a*. Неясна причина отпаденія k въ окончаніи 1-го л. мн. ч.: -tana при и вм. болѣе рѣдкаго -tanak (мы ожидали бы -tanyk): jakatana, vantana при jakatanak, vantanak, ozatanak, eŕatanak.

§ 41. Звонкія шумныя согласныя (b, d, g, z, ž) въ началѣ словъ употребляются почти исключительно въ словахъ, заимствованныхъ изъ русскаго и татарскаго: buka (быкъ), balduz (свояченица), durak (дуракъ), golod́ (голодъ), grać (грачъ), zalyk (залогъ), źeṕe (карманъ, ср. мокш. sepä), žala (жало), žuravĺa (журавль). При этомъ звонкая согласная замѣняетъ иногда русскую глухую согласную: dykva (тыква), braźńik (праздникъ), dynt (тынъ). Рѣдко встрѣтится звонкая согласная въ началѣ своего слова: duga (братецъ, сестрица), goga (жукъ), guj (змѣя), zėŕkstams (крикнуть). Какъ увидимъ ниже, глухія согласныя, всѣ вообще, переходятъ въ началѣ слова въ звонкія въ положеніи за звонкой согласной въ концѣ предшествующаго слова (§ 65). Въ концѣ слова звонкія шумныя согласныя по общему правилу переходятъ въ глухія: такъ во вносительномъ падежѣ s замѣнило конечное z: kudys, tarkas, v́eĺes (ср. въ соединеніи съ личными мѣстоименіями: kudyzyn, tarkazyt, v́eĺezėnėk); ср. весьма обычное произношеніе Pas (при Pazyń), ср. Paščangyt́ не Pašǯaɣgyt́, а также случайныя: kńaś (при kńaźiń), saras (при sarazyń), uŕäš (по uŕäžyń: Оркино); вмѣсто болѣе древняго v́id́ (v́id́ boka: правая сторона) находимъ v́it́ (правый), откуда и v́it́iń (род. пад.). Нарѣчное jutaś съ ś, ср. jutaź какъ причастіе: орк. jutaś v́äńä. Но вообще, какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ, та или иная аналогія способствуетъ поддержанію звонкости конечной согласной въ основѣ (формѣ им. ед.) и флексіяхъ: ср. произношеніе saraz, sėd́, v́ed́, laz при sarazyń, sėd́eń, v́ed́eń, lazyń. Поэтому же въ заимствованныхъ словахъ удерживается конечная звонкая согласная: polog, oḃed, moroz, gorod, uŕad, obod, osrog, povod, paraχod, roź (по jaśŕiṕ, žemčuk). Вытѣсненіе polok, moros черезъ polog, moroz (подъ вліяніемъ pologoń, morozėń) и т. п. имѣетъ слѣдствіемъ появленіе и koloz, ruz, d́ogod́, brud́ (прудъ), pustyž,

Bořez, Taraz, D'eńez, ořved вм. kolos, rus и т. д. Неясна причина сохраненія конечнаго ź въ глагольныхъ формахъ, какъ sokeź, šnasyź, šnatadyź, večksemeź, sokaź (прич.); въ Сухомъ Карбулакѣ я не разъ слышалъ произношеніе sokeźε, sajiźε съ весьма краткой редуцированной гласной.

§ 42. Согласныя t, ť, k, ḱ, s, ś, l, ľ, n, ń, š могутъ быть долгими, какъ въ положеніи между гласными и въ концѣ словъ, такъ и послѣ согласныхъ. Долгія согласныя возникаютъ: 1) вслѣдствіе встрѣчи двухъ согласныхъ при постпозиціи: stolaŋks (stoľ laŋks), 2) вслѣдствіе встрѣчи конечной согласной основы съ согласною флексіи: brat (т. е. bratt: братья), kijaks (т. е. kijakss: на полъ), salmuksa (salmukssa: иглой), časta (čassta: отъ часа), орк. keťä (т. е. keťťä: за руку), lomať (lomaťť вм. lomańť: люди), maksyḿiḱ (makssyḿiḱ: меня отдали), maksyź (makssyź: дадутъ), ḃeŕeka (ḃeŕekka: по берегу), lomańiń (lomańńiń: человѣку): 3) вслѣдствіе встрѣчи согласной основы со согласною суффикса: ḿešekä (ḿešekkä: мѣшечекъ); 4) вслѣдствіе встрѣчи согласной основы съ согласною флексіи или суффикса послѣ выпаденія между ними конечной гласной основы α или ε: antana (вм. andαtana: накормимъ), kas (вм. kasαś: росъ), орк. večkesa (вм. večkezαzα: пусть любитъ его). — Долгія согласныя стремятся вообще къ сокращенію: brat поддерживается вліяніемъ конечнаго t въ alašat, sarast, veŕgest и т. п.; sata подъ вліяніемъ sad и окончанія da (ta) въ alašada, ḿešekta, ošta. Стремленіе къ сокращенію доказывается произношеніемъ stolaŋks, stolaŋksta, также saldatne, rotne вм. saldatne, rotne, eľť (кобылы, отъ eľd'e); ср. еще сухокарб. ramasa вм. ramasa (пусть купитъ его), eśe вм. eśe. — Кромѣ долгихъ согласныхъ твердыхъ и мягкихъ (brat, gošť) въ положеніи между двумя слогами извѣстны такія сочетанія двухъ тождественныхъ согласныхъ, въ которыхъ первый элементъ относится къ первому слогу, а второй ко второму: bratta при и вмѣсто brata (о братѣ), при чемъ распаденіе долгой согласной на составныя части обязано, конечно, вліянію аналогіи (brat-ta): ср. произношеніе: ḿeťta, keťta, veťta, гдѣ мягкость пер-

ваго элемента вызывается вліяніемъ родственныхъ формъ, какъ ḿeď, ḱeď, v́eď.

§ 43. Долгія шумныя согласныя неизвѣстны въ языкѣ: d, ź, g еще въ общемордовскомъ перешли въ соотвѣтствующія глухія t, s, k: sata вм. sadda, v́eta вм. v́eďda, ḱeta вм. ḱeďda, ḿeta вм. ḿeďda. Равнымъ образомъ ramazźza перешло въ ramazza и далѣе въ ramasa, откуда въ Сухомъ Карбулакѣ ramasa; eźźe въ eźźe, eśe, eśe.

§ 44. *Встрѣчи согласныхъ*. Какъ въ срединѣ, такъ и въ началѣ словъ извѣстны довольно сложныя группы согласныхъ, возникшія частью вслѣдствіе выпаденія между ними гласной. Въ началѣ словъ, не заимствованныхъ изъ русскаго языка, находимъ напр. слѣдующія группы: pr — praḱsta (портянка), ṕra (голова), tr — troks (черезъ), ťŕams (кормить), kr — krandaz (телѣга), kŕanč (ворона), šl — šľams (мыть), šn — šnams (хвастать, изъ kšnams?), ps — psaka (кошка), ṕśi (горячій), pst — ṕśťiťca (лягну), ṕśťiźilkst (рябина), psk — ṕśḱiźiś (надристалъ), pšk — pškaďims (ублажать, утѣшать), pšč — pšči (острый), sk — skal (корова), st — stams (шить), śťams (встать), šk — ška (время), št — štams (мыть), kš — kši (хлѣбъ), kšumań (редька), kšn — kšńi (желѣзо), kšna (ремень), kšńat (корь), kšč — kščiŕä (веретено), ksn — ksnaų (горохъ).

§ 45. Въ заимствованныхъ словахъ нѣкоторыя группы претерпѣваютъ различныя измѣненія. Вмѣсто pr, fr находимъ tr въ началѣ словъ: tropka (пробка), truχta (плодъ); zn переходитъ въ n: načit (значитъ), nama (знамо), vn въ n: nućka (внучка), pt въ t: ťića (птица), ps въ s: solomščiḱ (псаломщикъ), skl въ sl: śľańiḱ (стекло), sladnyį ṕejeľ (складной ножъ), skr въ sr: śŕipka (скрипка), ǵŕ въ ďŕ: Ďŕigoŕej, śṕ въ śḿ: Śḿiŕka (Спиридонъ), śṕ въ ṕśľ: ṕśťićka (спичка). — Особенно распространено измѣненіе str въ sr: śŕigan, śŕapńa, śŕapuχa, śicla, srojams, sruna, srup, sraś źaryška (страсть сколько), также въ серединѣ словъ: jaśŕip, osrog, posromkat. Въ Оркинѣ обычно сохраненіе str: strapńa, также въ

нерусскомъ словѣ straftums (раскидывать, развѣшивать), вмѣсто чего въ Сухомъ Карбулакѣ sraftums.

§ 46. По общему правилу t выпадаетъ передъ n въ положеніи послѣ согласной (кромѣ r, l, m, а также u̯, i̯). Ср. sn вм. stn: vasnė, v́eŕǵesnė, kandylasnyń, rasnyń, gośńe; kšn вм. kštn: aťakšnė, ḿekšńe, ḱeŋkšńe; čn вм. čtn: ṕenčńe; fn вм. ftn: čufńe; χ̦n вм. χ̦tn: pastuχ̦ńe; kn вм. ktn: jarmakńe, ṕeŋḱńe, robotńiḱńida, ṕiĺḱńiń, jamščiḱńe: Впрочемъ, рядомъ съ ltn, rtn, напр. въ skaltnė, sazyrtnė, извѣстно и ln, rn: kalnyť (рыбки), ťei̯ťeŕńe; въ Оркинѣ: tatar̥nä, ťäχ̦ťir̥ńä, ar̥ńiḿä (съ глухими r̥). — t выпадаетъ въ группѣ ntl: kańĺims (носить).

§ 47. Въ концѣ слова послѣ k выпадаетъ t: jarmak (деньги) вм. jarmakt, losk (уфпп) вм. loskt; но рядомъ и jarmakt, olkt: въ Оркинѣ я слышалъ: olk, śaŋk (вилы); 2 пов.: usk (вези), v́ečḱ, susk (схвати зубами), орк. ṕäčḱ (зарѣжь), valk (слѣзь).

§ 48. Звукъ χ̦, о которомъ сказано выше, въ § 39, выпадаетъ въ положеніи между согласными: при avaftuma, ťikšiḟťiḿe — jarmaktuma, saltumuńť, sazyrtumuńť, gorottoma, oštoma, kolostoma; ńeŕťeḿe, paŕťiḿe, śeĺḿťeḿe, stoĺťeḿe, ṕiźiḿťiḿe. Въ Оркинѣ упорно сохраняется f въ такомъ положеніи послѣ r, l: panarftyma, skalftyma, bojarftyma, ṕäi̯ḟťiḿe, ťäi̯ḟťiḿe, v́iŕḟťiḿe, uźiŕḟťiḿe, ṕäi̯ĺḟťiḿe, но ḱeḿťeḿe, ṕänčťiḿe, koromtėma, jarmaktyma; также kar̥ťiḿe.

§ 49. Звукъ v (u̯) выпадаетъ передъ ĺ: kapšaĺiń, ḿeŕeĺeń, karmaĺiń, targaksyĺiźe, ḿeĺčkaĺims (хотѣть, думать, вм. ḿeĺčkau̯ĺims). Звукъ j выпадаетъ вообще послѣ согласныхъ: орк. äśutkuvast вм. äś jutkuvast.

§ 50. Звонкія шумныя согласныя переходятъ въ соотвѣтствующія глухія въ положеніи за другой звонкой въ предѣлахъ одного слога. Это имѣетъ мѣсто преимущественно въ сочетаніяхъ гласная + r, l, n, m + звонкая согласная, по выпаденіи за звонкой согласной гласныхъ α или ε. Поэтому aŕd́ńims перешло въ aŕťńims (скакать), kańdĺims въ kanťĺims (носить), ṕiĺǵεda въ ṕiĺḱta (ṕiĺǵe: нога), ḱeńǯεda въ ḱeńčta (ḱeńǯε: коготь); равнымъ

образомъ русскому слову скорбь — скорби соотвѣтствуетъ skoŕṕ (орк. skoŕṕenʒa).

§ 51. *Прогрессивная ассимиляція*. Шумныя звонкія d, g, z, ž, ǯ переходятъ въ соотвѣтствующія глухія передъ k, t, s: ve̕ť (воды), tarattnė (сучья), ḿeťťeḿe (безъ меду), čarkiťť (смекай), kiviťťan (я спрашиваю тебя), śormatt (пиши), keťks (браслетъ, ср. keď), vačkić (ср. vačkiďims), orgoć (ср. orgoďems: убѣжать), ḿeťc (въ медъ, ср. ḿeď), satcyńť (ср. sad: садъ), kecta (ср. keď: рука), karaoctėńť (ср. karaod: хороводъ), osroks (въ острогъ), kurks (kurga: ротъ), osks (моленіе, ср. ozoms), ost (возы, ср. oz), ve̕ŕǵest (волки, ср. ve̕ŕǵez), kaśś (подарилъ, ср. kaźims), kuśś (влѣзъ, ср. kuźims), lassta (изъ досокъ, ср. laz), vassyńť (въ телкѣ, ср. vaz), čuvašt (ср. čuvaž), maťťimä (укладывать, ср. maďims: ложиться), орк. käṕiťsyį (подниметъ, ср. käṕiďims); saraske (курочка, ср. saraz), kardaskiť (дворочки, ср. kardaz), и т. п.

§ 52. Неслоговое u̯ (w) переходитъ въ f передъ t и k: им. мн. koft (kou̯: мѣсяцъ), karft (karva: муха), ulaft (ulau̯: возъ), śupaft (богатые: śupau̯), końoft (końou̯: бумага), iľifť (iľiu̯: прутъ), kefť (keu̯: камень); 2 л. пов.: čaft (čaums), jaft (jaums); — afka, afkaį (ср. ava: мать), Usofka, Kumarofka, Andŕofka, goŕńipofka (goŕńipou̯).

Примѣчаніе. Передъ s нѣтъ перехода u̯ въ f: iľiu̯sa, čuu̯s (при čuft), śťau̯sak (разбудишь), suu̯śims (входить), pou̯sa (pou̯: пуговица), kazna mujiu̯ś (но eź mujifť), arau̯syź, lau̯s, ńeu̯sė. — Нѣтъ такого перехода и передъ ks: leu̯ks, Usou̯skėį; нѣтъ его обычно и передъ c: ṕiu̯cyť, lau̯ća, lau̯ćińe, lou̯ca, lou̯ceńe (но встрѣчается и lofca). — Какъ мы видѣли въ § 39, общемордовское χ передъ t перешло въ f, но передъ ks является вмѣсто него u̯: kafta (два), но kau̯ksa (восемь).

§ 53. Неслоговое i (j) въ говорѣ нѣкоторой части жителей Сухого Карбулака (преимущественно мужчинъ) сохраняется передъ t и k безъ измѣненія: ťejťeŕ, ve̕jke. Но другая часть жителей этого села, а также Оркиницы измѣняютъ j (изъ į) въ χ въ

указанномъ положеніи: сухокарб. ťeχťeŕ, v́eχke, kednėχť, mazyχť, odʒačyχť sėŋńan, taįnyχť, colkovoχť, saχť (возьми), v́eχki piľgin (одну мою ногу), v́eχkeška, keľeχka (келейка), daχti (дайте), ṕeχ-ťe (пейте); орк. ťäχťiŕ, äχńiń, maćiχńä (вм. maćiχťńä), ṕäχńiń, ṕäiľχńiń, ľeχńeďä (о рѣкахъ), moń kudyn ploχoχť. Въ Сухомъ Карбулакѣ извѣстно еще произношеніе съ įχ, представляющееся какъ бы комбинаціей произношеній съ į и съ χ: od ďeįχťeŕ, ťeįχ-ťanak.

Примѣчаніе. Передъ s не имѣетъ мѣста подобный переходъ: iľįsa, ḿeįs, saįsa. Также передъ ks: veįksa (но v́eχke).

§ 54. Звуки r, ŕ, l, ľ въ Оркинѣ и у значительной части населенія Сухого Карбулака переходятъ въ глухіе звуки въ положеніи передъ t, ť — r̥, i̥, l̥, ľ̥: напр. skal̥t, skal̥tnė, kaŕ̥ťńe, or̥ta, panar̥t, koŕ̥ťńeť, kuval̥t, nuŕ̥ťiť, val̥t, iľa ṕeľ̥ť: орк. ṕäŕ̥ťkast, Глухія r, l удерживаются и передъ и послѣ выпаденія слѣдовавшаго за нимъ t: орк. ťäχťiŕ̥ńä, tatar̥nä, aŕ̥ńimä, aťamaŕ̥ńe, umaŕ̥-ńe, sazyr̥nė, skal̥nė; также передъ k: ṕäŕ̥kanʒa; но чаще наблюдается переходъ ихъ въ такомъ положеніи въ rχ, lχ, ŕχ, ľχ: sa-zyrχnė, skalχnė, valχnė, kalχnė, ṕisyŕχńä, ṕejeľχńä, aŕχńä.

§ 55. Сочетаніе nt измѣняется въ tt (явленіе общемордовское): lomaťť, sažytt, otamatt, čatt, ott, vakatt, sumaťť, dokuḿett, saraχatt, ćigatt, kaŕćagatt, ḱeŕaťť, śovoťť, lomaťńe. Формы ont, vakant, pont, ćant, χoźaint, sažynt объясняются вліяніемъ формъ ед. числа; равнымъ образомъ грамматическая аналогія сохранила nt съ глагольныхъ формахъ: vant, cź kant, pańť, ďiľińť (звони).

§ 56. Сочетаніе mt измѣняется въ tt, очевидно, черезъ посредство nt: iśťatt (отъ iśťama: такой), końďatt. Въ suŕćamt (гребни) вліяніе грамматической аналогіи.

§ 57. Сочетаніе nb переходитъ въ mb: v́eḿbeŕť, орк. v́äḿ-ḃeŕ̥ť (всю ночь, изъ v́eńpeŕť), v́eľembrumks, pačalkśimbańima, moľem bopońťeń, moľeḿ ḃŕetśedaťiľńiń, ejem bary rakšat, sajim bolaza; какъ видно изъ примѣровъ, ń передъ твердымъ b перешло въ твердое m.

§ 58. Мягкія переднеязычныя ассимилируютъ себѣ въ отношеніи палатальности предшествующія губныя и задненёбныя въ начальномъ слогѣ: ṕŕa, ḱŕiša. Въ серединномъ слогѣ въ положеніи послѣ заднихъ гласныхъ такой ассимиляціи нѣтъ: tonaŕńiḿe, но послѣ переднихъ гласныхъ губныя и заднеиёбныя вообще смягчаются (ср. ниже).

§ 59. Мягкія переднеязычныя ассимилируютъ себѣ въ отношеніи палатальности предшествующія переднеязычныя. Поэтому и въ начальномъ слогѣ и въ серединныхъ, какъ послѣ переднихъ, такъ и послѣ заднихъ гласныхъ видимъ сочетанія двухъ мягкихъ переднеязычныхъ: Maŕt́iń, Oŕt́om, Ḱeńt́a (Викентій), Aŕćeńt́ej (Арсеній), Oźńeśeńja, kuŕńiḱ, kuźńića, rod́ńa, paŕćt́e, kaŕćit́, suŕćam, aŕćiḱ (желай), provoŕńe, avaŕd́iḿe, muŕńan, pupuŕd́an, kań-ǯiryt, tańt́ij, mańčims, ańćak, pańćims, styńǯe; kaźńe (даръ), vaśńa, laśt́e, vad́ŕa, čavuśńida, napuśt́e, ćorat́ńe, kudyt́ńe, ṕŕat́ńiń.

§ 60. Твердыя переднеязычныя ассимилируютъ себѣ предшествующія мягкія переднеязычныя въ отношеніи твердости: v́ed laŋguŋ вм. v́ed́ laŋguŋ, stollaŋks вм. stol̕laŋks.

§ 61. Мягкія губныя ассимилируютъ себѣ предшествующія переднеязычныя въ отношеніи палатальности: t́v́et, ot́v́eče, Mat́v́ij, kuŕḿiš (курмышъ), śv́etej, koŕḿeńeć.

§ 62. Мягкія губныя ассимилируютъ себѣ предшествующія губныя: toḿb́eźe, l̕eḿb́ä.

§ 63. Заднеиёбныя измѣняютъ предшествующія мягкія губныя въ твердыя: eźemga (eźeḿ: скамейка), čud́ifka (čud́if́: текучій), ṕićifka.

> Примѣчаніе. Мягкія переднеиёбныя сохраняютъ свою мягкость передъ твердыми губными и заднеиёбными: v́iśks, śet́ks, орк. śavyŕkšnyśt́, koŕmakaj, ḱeŕksams, puuŕks (мозоль), ṕit́iŕkaj (пиголица), śel̕mukšt.

§ 64. Вмѣсто sożd́a, sożd́eńe (легкій), какъ говорятъ обыкновенно въ Сухомъ Карбулакѣ, я слышалъ тамъ же šożd́eńe, а въ Оркинѣ даже ćożǯeńä съ č вм. š по § 31.

§ 65. *Регрессивная ассимиляція.* Глухая согласная и группа глухихъ согласныхъ въ началѣ слова переходятъ въ соотвѣтствующія звонкія въ положеніи за звонкой согласной и также за i̯ и u̯ предшествующаго слова (явленіе общемордовское): tolǵeľ вм. tol ḱeľ (пламя), v́iŕgaľ вм. v́iŕ ḱaľ (ива), od ʒora вм. odćora (юноша), ob́edb́eľks (югъ), ćińʒarama (подсолнечникъ), ṕei̯zyv́iľ (десна), kasumb́ŕa (затылокъ), ńiľińǵeḿeń (сорокъ), ḱeḿźiśimǵe (семнадцать), mon ʒačyńďaŕan mon gasyńďaŕan, ḱeḿeń ʒolkovoi̯ (десять рублей), čamam vatasa (лицо мое въ фатѣ), moń γ́ŕosnei̯ ďaťam (мой крёстный отецъ), jarmakńiń žľapasy saida (деньги берите шляпами), mońań γočiça (мнѣ хочется), Ščerbatuu̯ gńaźiś; ḱiľi̯ daratt moń ǵeďen, ǵiľi̯ ʒućuft moń zurnyn; moń žǵiń afkam (šḱiń afka: кормилица мать), ton moń zduu̯samak (stuu̯samak: ты меня забудешь), ṕižyń bsaka (psaka: кошка), ḱev́eń źďena (каменная стѣна), numulyń zdada (заячье стадо), karman bžgaďiḿe (начну приговаривать), ďikyi̯ źďeps noldeḿeź (меня пустили въ дикую степь). Но какъ только два подобныхъ слова раздѣлены паузой, глухая согласная второго слова вновь возстанавливается: pačkić v́eľeń ṕes (доѣхалъ до края села), v́eľeń kunčkasy aťat (въ серединѣ села старики). Въ Оркинѣ мнѣ казалось, что дѣйствіе этого закона, въ особенности въ мужской рѣчи, стирается: я слышалъ и въ быстрой рѣчи tuiń syv́iľ, usksyi̯ tou̯, mon synst ḿäľga kulan, nu a možyš utum ťäiḿe, noldeḿeź pažalyi̯sta, toń kudyt ḿiif śińťŕims, ďikyi̯ śťepsa, v́äľiń starysta, v́äŕǵizyń tulup, ronań ćulkat (no oľǵoń ǵŕiša, mon žečas alašaftyma).

Примѣчаніе. Въ kodǵeḿeń, v́edǵeḿeń звонкія согласныя появились подъ вліяніемъ ńiľińǵeḿeń, kau̯ksyńǵeḿeń; можно бы ждать: kotḱeḿeń, v́eťḱeḿeń.

§ 66. Въ Оркинскомъ говорѣ, какъ и во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ, окончанія -tana (-ťana), -tada (-ťada) въ 1-мъ и 2-мъ л. множ. ч. наст. вр., -tan (-ťan), -tadyź (-ťadyź), -tanʒat (-ťanʒat) въ опредѣленномъ спряженіи того же времени переходятъ въ -dana (-ďana), -data (-ďata), -dan (-ďan) и т. д. въ положеніи именно за звонкими согласными и за i̯, u̯ окончанія основъ: moľďana

(мы идемъ), uľďana (мы есмы), ujďada (вы плывете), loudana (мы читаемъ), kaduudana (мы оставляемъ), amaštuudada (вы не можете), poŕďana, poŕďada (poŕems: грызть), ḿeŕďana, ḿeŕďada (ḿeŕems: приказывать), ťäjďan (я тебя заколдую), sajďan (возьму тебя), poŕďadyź (онъ васъ загрызетъ), čaudanʒat (онъ тебя побьётъ) и т. д. Въ Сухомъ Карбулакѣ t въ указанныхъ окончаніяхъ сохраняется: moľťana, uľťada, valtada, ťejťana, sajťan, śiḿťan, poŕťanʒat, eŕťanʒat (оглоушитъ тебя), ńiľťanʒat. — По аналогичное этому измѣненіе t въ d въ склоненіи мѣстоименій имѣетъ мѣсто и въ Сухомъ Карбулакѣ: mońďań, tońďať, syńďast, sońďanʒa.

Примѣчаніе. Въ Оркинѣ появленіе слоговой гласной (хотя бы и вмѣсто дифтонга) тотчасъ же ведетъ за собой возстановленіе t: ńeťana при ńejďada. Неясно, почему въ Оркинѣ держится t въ ṕejeŕťana, ṕejeŕťada (ṕejeŕems: попадать).

§ 67. Въ Сухомъ Карбулакѣ мнѣ пришлось слышать (повторно) произношеніе dumaś kośťama (вм. dumaś gośťama): здѣсь видимъ переходъ звонкой согласной въ началѣ слова въ глухую подъ вліяніемъ конечной глухой предшествующаго слова.

§ 68. Глухая согласная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ шумныя согласныя падежныхъ окончаній въ отношеніи къ звонкости. Такъ окончаніе da (отлож. пад.) переходитъ въ ta послѣ глухой согласной основы: ḿešekta, jarmakta, ošta, suksta, ŕeveľeuksta, Kľučtyńť (о селѣ Ключахъ), орк. pulťa (о снопѣ), орк. roboťńikťä, орк. ťeńťä. Окончаніе ga (пропос. падежъ) переходитъ въ ka: kruta ḱeŕekka, ḱijakska, ḱeukška, tuś v́eďeń ǯuďifka, орк. son sodav́ä ťeškska (ťešks: мѣтка). Частица gak измѣняется въ kak: ḱiťkak, ḱikskak, ḱiskak ср. ḱijak, ḱińgak. Отмѣчу въ Оркинѣ: äśkanʒa, äśkan, äśkat при äźganza, äźgan, äźgat.

§ 69. Твердая переднеязычная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ слѣдующее за нею мягкое n, превращая его въ твердое (а это влечетъ за собой переходъ ńi, ńe въ ny, nė). Такъ имѣемъ въ дат. окончаніе -nyń вм. ńiń: saraznýń, Paznyń, ḃojarnyń, kujarnyń, Ivannyń, malav́iksnyń, godnėń, oŕolnėń, narodnėń,

oḿeduéń; -nė вм. -ńe въ им. мн.: kijaksnė, vasnė, azyrtnė, rusnė, ortnė, v́eŕǵesnė, osnė, otamatnė, орк. tatarnä; -nyń вм. -ńiń въ род. мн.: rasnyń, pulcnyń, kandylasnyń, kaltnyń, ortnėń, koŕotnėń; -nyńiń вм. -ńińiń въ дат. мн.: kaltnyńiń, nurtnyńiń, v́eŕǵesnėńeń, ľeųksnėńeń, ortnėńeń; -nyda вм. -ńida въ отлож. мн.: śukurtnyda, sazyrtnyda, kaltnyda; -nė вм. -ńe въ уменьшительныхъ: tolnė, godnė, onnė, saraznė, vakannyś, ṕiśmarnyś, орк. śukyrnyť; -nyk вм. -ńik въ совмѣстительномъ падежѣ: brusnyk, panarnyk, poŋksnėk. Равнымъ образомъ находимъ при указанныхъ условіяхъ -nyza вм. -ńiza въ именахъ женскаго полу: Taraznyza, Obrannyza, Varlannyza, V́ikilnyza, Ondronnėza. Ср. sy godnė (въ будущемъ году) при čokšńä, ťeľńä.

Примѣчаніе. Здѣсь очевидно стремленіе сохранить характеръ согласной именно основы; сочетаніе: t окончанія им. мн. съ ńe, признакомъ опред. склоненія, даетъ ťńe, а не tnė: alašaťńe. Твердыя губныя и заднепёбныя имѣютъ за собой не отвердѣвшее ń: popńe, čufńiń, Ščerbatufńiń, końofńeń, kudyńb́ŕafńe, pastuχńe, tolkńe (умы), suskumńe (кусочекъ), očkńeńeń, olkńeń alda (ср. олтнэ въ Калейк. говорѣ, Обр. морд. слов. II, 92). При сухокарб. čufńiń въ Оркинѣ: čufnyń, čuftnyń, čufnyńiń.

§ 70. Мягкая переднеязычная въ концѣ основы ассимилируетъ себѣ въ отношеніи палатальности t глагольныхъ окончаній -tana, -tada, -tan и т. д.: ср. v́ečkťana, ḿeŕťana, pańťan, ľukščaťťan, sajťan, uľťada, śeźeųťana, skokaťťana, śińťan.

Примѣчаніе. Звуки š, č, ž не ведутъ къ отвердѣнію ń: ľeųšńe, uŕažńe, ṕenčńeń (но однако Aľekśeičnyń). — Группа kš послѣ переднихъ гласныхъ не ведетъ къ отвердѣнію ń: ḿekšńe, орк. ḿäkšńä, keľkšńe (плёнки въ мясѣ), keŋkšńe: послѣ заднихъ гласныхъ наступаетъ отвердѣніе: aŕakšnė, lukšnė (корки), vatrakšnyń (vatrakš: лягушка).

§ 71. Мягкая согласная основы переднеязычная, губная и среднеязычная ассимилируетъ себѣ въ отношеніи мягкости согласную t окончанія: им. мн. kaťť, keḿť, keťť, ťeťť, 3 л. мн. saśť,

2 пов. śiḿť; 1 л. мн. ḿeŕťana, 2 л.мн. moľťada. Таково же дѣйствіе j̦: ṕej̦ť (зубы), saj̦ťan, uj̦ť, орк. uχť (плыви), орк. ćiχť (бѣги).

Примѣчаніе. Окончаніе 2 л. ед. и мн.—притяжательное t не подвергается смягченію: ṕiľit, ḱeďet, ḱeḿet: орк. śäľḿit, орк. ćeŕďet (сухокарб. ćeŕdet), орк. v́äďit. Изрѣдка въ Оркинѣ я слышалъ мягкое t въ этомъ окончаніи.

§ 72. Мягкая губная основы ассимилируетъ себѣ слѣдующее g (частицы ga) и смягчаетъ его; ǵa переходитъ въ ǵe: śiśiḿǵe.

§ 73. Сочетаніе ńď переходитъ въ ńń, откуда ń: mońań, tońať, sońanʒa, ḿińańiḱ при и вмѣсто mońďań, tońďať, sońďanʒa, ḿińďańiḱ; также въ дат. ńiń вм. ńďiń: avańiń; также ḱeńeŕ, ср. ḱeńďiŕ другихъ говоровъ (Paasonen § 38, 2); орк. kanyrga (глина въ печкѣ) при сухокарб. kandyrgan (уголь).

§ 74. *Неполное приспособленіе звуковъ.* Въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ сочетаніе nk переходитъ не въ ŋk, а въ mk: oromka (воронка), орк. šyrymka (ширинка); а также въ ŋg: naŋgovoj̦ (панковый).

§ 75. Звуки ť и ď въ положеніи за š и ž переходятъ вообще въ č и ǯ: ťešče (звѣзда), ḿešče (грудь), pšči (острый).

§ 76. Звуки s, z, š и ž переходятъ послѣ r, l, n въ c, ʒ, č и ǯ: parc вм. pars, kaldyrca (съ грохотомъ), uźiŕcyńť, sazyrcyńť, paŕcyńť, v́iŕca, synct; ḱev́eŕć (кубаремъ); barckyj̦, źv́erctva, polcapoškat, jorctak (верстакъ), vaj̦ǵiľca, ṕeľca, Aŕćańťej̦ (Арсеній), arčinca, ranc, lomańcyńť, vakancyńť, орк. ugylc: — Borʒoŋ (прозваніе), sońćenʒa (Калейк. сонсэнзэ), sonʒa, Ṕenʒa, ľićanʒa, palatanʒat (онъ тебя поцѣлуетъ), kadyńʒ́e, ńeľʒ́a, ińʒ́ij̦: — mańčiť (Калейк. мапышять, Обр. II, 82), ṕeľarčinčka (съ полъ аршина), Jelčanka, starčina, v́eŕčok, jorč (ершъ); — barǯa (баржа), ḱeńǯe (коготь).

Примѣчаніе. Произношеніе съ z вмѣсто ʒ встрѣчается довольно часто и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ: sonza, avanza и т. д. Нерѣдко сохраняютъ свой звукъ s и š передъ t въ указанномъ выше положеніи: varštaś при varčtaś, sa-

zyrstyńt́. Даже с иного происхожденія можетъ перейти передъ t въ s: karstyńt́ (изъ хлѣва).

§ 77. Подобный же переходъ имѣетъ мѣсто послѣ u̯ въ Оркинскомъ говорѣ, при чемъ u̯ переходитъ въ f: ozafcyź, arafcyź, l̓ifcyź, ńefcėź, orčafcy, kajafcy, pulfca, ср. въ Сухомъ Карбулакѣ: ozau̯syź, arau̯syź (поставятъ), sėu̯sėź (съѣдятъ), čau̯syź (выбьютъ), valuu̯syź (выльютъ), polau̯syź (обмѣняютъ). Впрочемъ, я слышалъ въ Оркинѣ также и säu̯syź, lou̯sa (lou̯: снѣгъ). Въ Сухомъ Карбулакѣ lafća, ср. Калейк. лався, Обр. II, 86, lofca (молоко).

Примѣчаніе. Послѣ i̯ такого перехода нѣтъ ни въ Оркинѣ, ни въ Сухомъ Карбулакѣ; произношеніе v́ii̯ca (силкомъ, Сухокарб.) вмѣсто v́ii̯sa заимствовано, очевидно, изъ такого говора, гдѣ s переходитъ въ c и послѣ i̯.

§ 78. Звукъ s переходитъ въ c послѣ s, š и č въ Оркинскомъ говорѣ: kijakscyńt́, ṕikscyńt́, käŋkšcyńt́, maksca вм. makssa, pańčyź, makscyź, or̯ta v́älksc, son kaść, l̓iść, vakscynʒa, rybnyj labasc, rybnyi̯ labasca: — kuččyńʒä, kyrvaścyź, lokšca (кнутомъ), ušca, stol̓ėst ekšc; — mašć, čačć, vačć, v́äšć. Въ Сухомъ Карбулакѣ: maks̯a, maks̯yź, kučsyńʒe, kirvai̯syź, stol̓ėst ekšs.

§ 79. *Диссимиляція.* Сочетанія ss, śś, śs, sš, замѣнившія подъ вліяніемъ той или иной аналогіи s̱, ś̱, š̱, переходятъ въ Сухокарб. говорѣ по общему правилу послѣ согласной въ i̯s, i̯š: kardai̯s (kardazs), krandai̯sa (krandazsa), tarvai̯sa, rudai̯s (въ грязь), sarai̯s (въ курицу), lai̯sta (отъ доски); ŕiv́ii̯ś (въ лисицу), ŕiv́ii̯styńt́; oi̯śet́, oi̯śeśt́: ei̯sėn (во мнѣ), ei̯stėn, ḿei̯s, ḿei̯sta, śei̯ś (изъ śeźś: изорвался); lai̯ška (съ доску), sarai̯ška (съ курицу), kardai̯ška. Въ Оркинѣ то же, но, кажется, рѣже: krandai̯s, kardai̯sa, tarvai̯sa; ср. тамъ формы sarasc (въ курицу), v́äŕǵisc (въ волка), son god́eźe ŕiv́iśc (онъ попалъ въ лису), kyrvaścyź (см. § 78).

Примѣчаніе. Въ Сухомъ Карбулакѣ говорятъ и lassta, krandassta, rudassta, kuśśt (ср. Калейк. куйсть).

§ 80. *Вставка гласныхъ.* Довольно часто находимъ ее въ начальномъ слогѣ заимствованныхъ словъ: kińiga вм. книга, ṕeŕestol (престолъ), suvat, suvaχa (сватъ, сваха), kuvas (квасъ);

не въ начальномъ слогѣ: roštova (рождество). Произношеніе korom (вм. korm) возникло едва ли не для избѣжанія встрѣчи въ одномъ слогѣ двухъ звонкихъ согласныхъ (ср. § 50). — При alftams находимъ aluftams (обѣщать), ср. въ другихъ говорахъ: alvtams, alstams, altams (Paasonen, § 54, 1).

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ.

§ 81. Заднія гласныя не терпятъ передъ собой мягкихъ губныхъ и средненёбныхъ согласныхъ. Поэтому при śiḿims, śeźev́ems, v́ečḱems 1-е л. паст. вр. śiman, śeževan, v́ečkan (но при paṅims — paṅan, ḱeu̯kśťems — ḱeu̯kśťan); при oχoťńeḱ — oχoťńekan (я охотникъ), при eįďńeḿ — eįďńemat (ты мое дитя); ḱeľmoį вм. ḱeľḿi oį, ḱevalu̯u̯ (подъ камень) вм. ḱeu̯ alu̯u̯; ср. также русскія слова: v́ŕema, ṕľema, b́eŕema, znama. — Ср. § 30.

§ 82. Переднія гласныя имѣютъ передъ собой вообще только смягченныя согласныя: ḿeŕe, ťenʒa, ḱiľďims. Отвердѣніе согласной ведетъ за собой переходъ передней гласной въ соотвѣтствующую среднюю (ср. §§ 13 и 14). Неясно, переходятъ ли всегда i, e въ y, ė послѣ отвердѣвшихъ š, ž, č; мнѣ казалось, что многіе произносятъ šina, laįšima и т. п. съ твердымъ š, но съ i.

§ 83. Передъ средними гласными неизвѣстны вообще палатализованныя согласныя. Въ Сухомъ Карбулакѣ ограничено употребленіе передъ ними и задненёбныхъ согласныхъ: мы находимъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ поддержаны вліяніемъ аналогіи: jarmakyt, kušakynʒa подъ вліяніемъ jarmak, kušak; syrgyźiń, targyźima подъ вліяніемъ syrgams, targams; вообще же ky, gy замѣняются сочетаніями ḱi, ǵi: vačḱiďiń, čaŕḱić, pačḱiďiń (Калейк. пачкодипь), въ русскихъ словахъ: jaǵida, v́iχid, Ḿiḱila. Въ Оркинѣ ky, gy, χy удерживаются: pačkyďiń, čarkyďims, vojangyľä (евангеліе), śalgynysyź, čaŋgyďiza. Равнымъ образомъ при сухокарб. aįǵir, ḱirga, ḱirmalau̯, ḱirvaźims находимъ въ Оркинѣ: aįgyr, kyrmarau̯, kyrga, kyrvaśćyź, kyrnyms (храпѣть), хотя, впрочемъ, ky, gy передъ r + согласная извѣстны и въ Сухомъ Карбулакѣ:

čikyrduma, ajgyr, kyrvajsyź (ср. § 7 прим. и § 16, гдѣ высказано предположеніе о томъ, что въ такихъ случаяхъ слышится сочетаніе αr). Въ положеніи передъ лабіализованными гласными средняго ряда употребленіе заднепёбныхъ k и g довольно обычно: poŋgöms, kotködaŋ, olgöt, ḿešeköś. — Въ Сухомъ Карбулакѣ совсѣмъ неизвѣстны сочетанія губной съ нелабіализованными средними гласными; неясно parmyšča (рѣдкое слово, означающее дощечку, которою закрывается улей и которая втыкается потомъ на шестъ для привлеченія роевъ). Въ русскихъ словахъ сочетанія губная + y переходятъ или въ сочетанія губная + u, напр. pul' (пыль), puž (пыжъ), buka (быкъ), или въ сочетанія губная мягкая + i: v́iχid (выходъ), Sam̌ila, Ḿiśej, kurm̌iš (курмышъ, татарское слово). Въ Оркинѣ сочетанія губной съ y довольно обычны: sodamym, acamyn, lapyža. Въ Сухомъ Карбулакѣ вмѣсто этого находимъ сочетанія съ u или съ o (послѣднія въ слогѣ, слѣдующемъ за слогомъ съ o или e): sodamuś, popoś.

§ 84. Еще въ общемордовскую эпоху сочетанія губная + αį и заднепёбная + αį перешли въ сочетанія мягкая губная + εį (откуда ε съ дальнѣйшими его измѣненіями) и мягкая среднепёбная + εį (откуда ε). Такъ объясняется появленіе: karḿiť, kaduv́iť, raḿiń, vatḱiť, vatḱiń, sokeń, при udyń, sodėń, kandyń; равнымъ образомъ: baḃińe, psaḱińe, lop̌eńe при pulyńe, kudyńe.

§ 85. Губныя и заднепёбныя въ концѣ слога смягчаются въ положеніи послѣ переднихъ гласныхъ, заднепёбныя переходятъ при этомъ въ среднепёбныя: ud'iḿ, uźińiḿ, eźeḿ, jaśŕiṕ, Aŕťiṕ, Ośeṕ, oχoťńeḱ, v́eľeńeḱ, raḿińiḱ, šlaḃiḱ. Законъ о смягченіи дѣйствовалъ еще въ то время, когда дифтонгъ αį не измѣнился въ y; ср. ḱ въ положеніи за y изъ дифтонга αį въ putyḱ (положи, въ опред. спряж.), oznėḱ, sodėḱ, noldėḱ (а въ неопр. спряж.: oznėk, putyk, kulyk). Этотъ законъ дѣйствовалъ также еще до отвердѣнія согласной и передъ i (e), о которомъ см. § 69: ср. ḱ въ krandaznyḱ, poŋksnėḱ, ḱijalnyḿ.

§ 86. Въ рядѣ случаевъ можно установить измѣненіе звука t (d) въ ť (d') въ зависимости отъ предшествующей передней

гласной. Ср. чередованіе t и t́ напр. въ окончаніи им. мн.: avat, kudyt, moret, но ṕiĺit́, v́eĺet́; или напр. въ 3 л. ед. при объектѣ во 2 л. ед.: v́ečḱeńʒet́, iźńińʒit́, tomb́eńʒet́ (прош. вр.) при šnatanʒat, makstanʒat, v́ečḱt́anʒat. Такой же переходъ t въ t́ имѣетъ мѣсто и передъ гласной a въ глагольныхъ окончаніяхъ -tana, -tada, -tan, -tadyź и т. д., напр. t́ejńet́ana, t́ejńet́ada, śeŕńet́ana, v́id́it́ada, mańčit́ada, aŕt́ńit́ana, čijḿit́ada, id́it́an, ńet́anʒat, v́et́anʒat, kaŕćit́anʒat, ср. karmatana, ramatada, makstanʒat. Также смягчается, повидимому, n. Смягченіе t, n при указанныхъ условіяхъ имѣло мѣсто до перехода ai̯ въ y; такъ объясняется мягкость t и n въ формахъ прош. времени: udyń, udyt́, sodeń, karḿiń, soket́.

Примѣчаніе. Личныя постпозитивныя окончанія t для 2-го л. ед., n для 1-го л. ед. и мн., ŋk для 2-го л. мн. не смягчаются въ Сухокарб. и Оркинскомъ говорахъ въ противоположность многимъ другимъ говорамъ: ṕiĺit (твои уши), v́eĺet (твое село), śeĺḿen (мои глаза). Можно думать, что t, n смѣнили здѣсь t́, ń подъ вліяніемъ t, n послѣ гласныхъ заднихъ и среднихъ: avat, kudyt, sazyryn. Впрочемъ, въ Оркинѣ я слышалъ изрѣдка и ń, t́: ṕiĺiń (мои уши), śäĺḿit́ (твои глаза), v́iŕiŋḱ (ваши лѣса).

§ 87. Въ связи съ указаннымъ вліяніемъ переднихъ гласныхъ на слѣдующія согласныя стоитъ и то, что въ коренныхъ слогахъ мы почти не находимъ твердой переднеязычной послѣ переднихъ гласныхъ; могу указать только на заимствованное слово ḿir. Ср. въ своихъ словахъ: v́iŕ, uźiŕ, syv́iĺ, ŕiv́iź, v́eŕ, ḱeŕ, ḱeĺ, čeŕ, v́ed, ḱed́, ńeŕ, ńed́, t́ejt́eŕ, ṕejeĺ, čejeŕ; въ заимствованномъ словѣ: ḿed́ вмѣсто ḿed (мёдъ). — Едва ли не въ зависимости отъ предшествующей передней согласной стоитъ появленіе смягченной переднеязычной въ положеніи передъ задненёбной: ḿet́kaz (ящерица), śeźgan (сорока), ḱet́ks (браслетъ), ńet́ks (стебель), v́eĺks (сливки), v́iśks (стыдъ), ṕeĺks (половина), ḿeńks (перемѣна), ćeŕkams (трястись), ḱeŕksams (натязывать), ṕeŕgaftums (отпрягать), čeŕkstaś (черкнулъ). Ср. сохраненіе ŕ въ заимствованныхъ словахъ: ćeŕkova, źeŕkala, koćeŕgan.

§ 88. Послѣ коренного слога съ i сочетаніе kš измѣнилось въ k̓š̓ въ глагольныхъ образованіяхъ; такимъ образомъ находимъ -k̓š̓ńims, напр. въ ḿik̓š̓ńims (покупать), v́ik̓š̓ńims (вышивать). Неясно однако, почему при tuikšnyś, muikšnyś, ḿeŕekšńėś, moľekšńėś найдемъ въ Оркинѣ и tuik̓š̓ńiśť, puťńik̓š̓ńiśť, avaŕk̓š̓ńimä.

§ 89. Какъ указано въ предыдущихъ §§, согласныя смягчаются передъ гласными передняго ряда. Во многихъ случаяхъ гласная ɛ, также смягчавшая согласныя, исчезла изъ произношенія, но предшествовавшія ей согласныя остались мягкими. Такъ, вѣроятно, объясняется мягкость многихъ согласныхъ, какъ въ концѣ, такъ и въ серединѣ слова. Ср. kaľ, paŕ (кадушка). sêd (мостъ). lomań (человѣкъ), kavuŕ (хрящъ), umaŕ (яблоко). mukuŕ (пенекъ), sumań (кафтанъ), suľť (тѣнь), kańśť (конопель). Сюда же могутъ относиться многія изъ словъ, перечисленныхъ въ § 87. Также выпаденіемъ ɛ объясняется, вѣроятно, мягкость согласныхъ въ словахъ: vaľma (окно), kaśka (подполье). uľma (удочка), uŕva (невѣста), uśkaz (пырей). naŕgams (мучить), kaŕks (бечевка). puvuŕks (мозоль), kudykiľks (сѣни), śkamut (ты одинъ). tuŕkšnums (драться), čapaśkać (скисся): здѣсь всюду за мягкими переднепёбными слѣдуютъ твердыя губныя и задненёбныя.—Возможно. что фонетически мягкія согласныя должны были отвердѣть передъ твердыми переднеязычными: мягкость въ сухокарб. kaŕda. lomańda, umaŕdynt, орк. и сухокарб. bruśsta, śovoństa, paŕca (въ кадушкѣ) была поддержана или вызвана вновь вліяніемъ формъ lomań, lomańiń, lomańć.

§ 90. Мягкія согласныя, появившись тѣмъ или инымъ образомъ въ словѣ, измѣняютъ заднюю гласную α, за ними слѣдующую, въ переднюю ɛ (отсюда i. e): ńeŕťeme, paŕťime отъ ńeŕ, paŕ, ср. saltuma, toltoma. Возможно, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ гласная α переходила въ ɛ подъ вліяніемъ самой передней гласной начальнаго слога. Въ śiśińǵe видимъ переходъ a въ e подъ вліяніемъ предшествующаго ǵ.

§ 91. Отмѣтимъ появленіе мягкихъ согласныхъ подъ вліяніемъ переднихъ гласныхъ въ русскихъ словахъ: Śiďir, śiŕota. Ḿiťŕoχa.

§ 92. Гласная е звучитъ напряженно передъ слѣдующей палатальной согласной: ńéŕ, ḿéd́ при ťenʒa. Гласныя а, о передъ слѣдующей палатальной согласной измѣняются въ индивидуальномъ произношеніи въ ȧ, ȯ и даже въ a^{i}, o^{i} (ср. § 17): suva^{i}ś, sa^{i}ś, ka^{i}ńć, go^{i}śťeńeć.

§ 93. Гласная а между двумя палатальными согласными склонна къ переходу въ ä, что имѣетъ мѣсто особенно въ Оркинѣ: сухокарб. mońďäń, paťäńť, paťäś, ťiťäń, aĺäń, moŕäńť; орк. guĺäjaśť, śťäś, ĺiťťäśť. Въ Оркинѣ также измѣнется а въ концѣ слова послѣ мягкой согласной: aźä, iśťä. Отмѣчу еще syńäst, sońänza. Любопытно, что въ Оркинѣ ä вм. а находимъ и послѣ š, ž и передъ š, ž при условіи, если другая согласная, слѣдующая за а или предшествующая ему, палатализована: alašäń, oďežäń, uŕäžyś, ќrišäńť, kašäń. Въ Сухомъ Карбулакѣ я слышалъ naŕäžä.

§ 94. Въ §§ 4, 5, 11 указано на переходъ *α* въ u или о передъ губными и ų вмѣсто ожидаемыхъ у или ė, также на переходъ *α* въ u или о послѣ губныхъ, наконецъ, на переходъ *α* въ u или о, ȯ послѣ заднепёбныхъ.

§ 95. Въ § 82 указано на то, что отвердѣніе палатальной согласной ведетъ за собой переходъ слѣдующей за нею гласной передняго ряда въ гласную средняго ряда. Это имѣетъ мѣсто послѣ отвердѣвшаго п. при чемъ вмѣсто е и і являются ė и у (ср. § 69). Довольно обычно такой же переходъ і въ у (и е въ ė?) наблюдается послѣ отвердѣвшихъ š, ž, а также и č (ср. § 82).

Удареніе.

§ 96. Къ сожалѣнію, несмотря на неоднократныя наблюденія, я не могу сказать чего-нибудь опредѣленнаго даже о мѣстѣ ударенія. Совершенно ясно, что между слогомъ ударяемымъ и неударяемымъ нѣтъ рѣзкаго отличія. Прислушиваясь къ фонографическимъ записямъ, я нерѣдко колебался относительно мѣста ударенія: передавая запись, я одинъ разъ отмѣчалъ ударяемымъ одинъ слогъ, а другой разъ—другой. Повидимому, колеблется не только

мѣсто ударенія, но и наличность музыкальнаго повышенія слога: одинъ разъ неударяемый слогъ произносится высоко, а другой разъ низко. Весьма важно утвержденіе Р. Ѳ. Учаева, вообще чуждаго какой бы то ни было теоретической подготовки, что удареніе каждаго слова въ Сухомъ Карбулакѣ падаетъ на первый слогъ; это проведено имъ и въ словарѣ. Многочисленныя мои записи разсказовъ Учаева потверждаютъ, что и въ связной рѣчи значительная часть словъ получаетъ въ его произношеніи удареніе на первомъ слогѣ. Но однако нѣкоторыя слова и онъ ударялъ не на первомъ слогѣ: oza·ftyḿiḿ, ku·čiḿiḿ gudu·u̯, kavala·lynʒa, ṕŕikaľe·tkaś, ťefť ƀeŕa·ťť, ortala·ŋks, tona·fńiń, iśťa·k. lau̯šńi·ƙiś, uľńi·ú, ƙemgo·lmova, sundu·kńiń (по su·nduk), χoźa·inyś, kanduma·nʒa, boja·ryś (по bo·jar), robota·ma, sa·ś ťaťam ošo·u̯ (по a·vam u·sƙiḿiḿ o·šou̯), loma·ťńi, ťaťa·m ei̯sė·n eź zai̯ť, avaŕdï·me (по ava·ŕdïń). Не придавая значенія чего-либо непреложнаго дѣлаемымъ ниже наблюденіямъ, я всетаки изложу то, что могъ обобщить на основаніи моихъ записей, провѣренныхъ самимъ Учаевымъ спеціально со стороны ударенія.

§ 97. Въ говорѣ Учаева удареніе стоитъ на первомъ слогѣ при произнесеніи слова не въ связной рѣчи. Въ связной рѣчи (въ теченіи рѣчи) удареніе можетъ стоять на первомъ слогѣ, но передвигается и на другіе. Различаю двусложныя отъ трехсложныхъ и многосложныхъ словъ. Въ двусложныхъ удареніе переходитъ: а) на конечный слогъ, если онъ закрытый: jaƙi·ń, moľe·ť, v́eľe·s, ara·ś, numu·l, ƀeŕa·ťť; čarƙi·ć šty ťe v́eŕǵe·z, na·rodėś tuś kudu·u̯, kra·ndazyńť sai·ms mo·žna; б) на окончаніе 3 лица ед. ė (y), e (i), происшедшее изъ yi̯, ii̯: kundė·, sai̯sė·, eŕe·; в) на открытый конечный слогъ при утвержденіи: Oŕa·, eľďe·. Въ трехсложныхъ словахъ удареніе переходитъ: а) на серединный слогъ, когда конечный слогъ открытый: soda·sa, purna·ma. ťeďe·ďe, ƙeže·i̯sta; б) на конечный слогъ, когда онъ закрытый и гласная въ немъ та же, что въ предшествующемъ серединномъ слогѣ: ḿińiki·ńť, azdasa·k, koromo·ńt, v́eľeńe·ƙ, ŕev́ećńe·ń, kudysy·ńť, uŕidï·ŋ, ťeľeńƀe·ŕť, ortala·ŋks, va·ľiź ƀerčatka·ńť; в) на

серединный слогъ, когда конечный слогъ закрытый, а гласная его не тождественна съ гласной серединнаго слога: kuly·zan, ava·ŕďan, tona·fńan, ḿińa·ńiḱ. но также: kartu·zum, kulcy·nyś. Въ четырехсложныхъ словахъ удареніе переходитъ: а) на предпослѣдній слогъ: oďeŕv́c·ńe, oγota·ma, mašynka·sy, koromo·zy, v́eśeḿe·dy, kuśťima·va, kardazy·za, v́eľafńi·ḿe, čauma·nʒa, mukury·nʒa, avafty·za, ḱemgaftu·va, avaťńi·ńiń, tandady·kšnyń, ťaťaťńi·ńiń; б) на второй отъ начала слогъ, подъ вліяніемъ родственныхъ словъ: tona·fńiḿe (ср. tona·fńań), mora·ftuma (ср. mora·ftan), oťv́e·čamut (ср. oťv́e·čam), pańi·ksyľiń (ср. pańi·ksyľ). Въ пятисложныхъ словахъ удареніе переносится: а) на серединный слогъ: aťama·ŕinyk, uŕiďi·v́ińťiń; б) на второй отъ начала слогъ, подъ вліяніемъ аналогіи: pańi·ksyľiḿiź (ср. pańi·ksyľ) — Нерѣдко весьма отчетливо слышатся въ слогѣ два ударенія въ связной рѣчи: lo·pafty·ź, ko·loda·ńť, ku·nčkav́i·c, na·rodė·ś, ka·baksty·ńť, ve·śńema·st, ḿe·ľezė·nʒy.—Многія слова въ связной рѣчи произносятся энклитически; напр. теряютъ своеудареніе глагольныя двусложныя формы послѣ отрицанія: a·pŕiḿe, a·maksė; ср. еще mo·n ḿeŕan, sa·ś ťaťam.

§ 98. Въ Оркинѣ удареніе еще менѣе прикрѣплено къ первому слогу. Но болѣе подробныя наблюденія надъ мѣстомъ ударенія я думаю изложить въ другомъ мѣстѣ.

Къ исторіи неударяемыхъ слоговъ. Первый экскурсъ.

§ 99. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемордовскомъ праязыкѣ удареніе падало на начальный слогъ; вѣроятно, что оно было экспираторнымъ и сопровождалось сильнымъ ослабленіемъ неударяемыхъ слоговъ. Подъ вліяніемъ этого ослабленія неударяемыя гласныя стали переходить въ гласныя неполнаго образованія. Но при этомъ оказывается, что такому измѣненію подверглись только узкія гласныя, т. е. лабіализованныя и палатализованныя; широкія гласныя — а, а также ä остались въ неударяемыхъ слогахъ безъ измѣненія.

Примѣчаніе. Въ общеэрзянскую эпоху ä перешло въ е, какъ въ начальныхъ, такъ и въ неначальныхъ слогахъ (ср. § 14); е въ неначальныхъ слогахъ подверглось общей судьбѣ узкихъ (палатальныхъ) гласныхъ и перешло въ ɛ: ср. śeŕɛďan (мокш. särädan), čejɛŕ (откуда čeŕ: волосъ, мокш. šäyär), ṕejɛŕan (падаю, мокш. päyäran). — Замѣчательно, однако, что во второй части сложеній ä перешло въ а со смягченіемъ предшествующей согласной (но губная передъ такимъ а отвердѣла): tombaľe (на той сторонѣ, изъ tonα ṕäľɛ), tuľaŋks (поросенокъ, изъ tu ľäŋks, ср. однако мокш. lefks), koďajńe, koďajźe, koďajḱ или kojďajḱ (изъ koŋ ťäjińe, koŋ ťäjiźe, koŋ ťäjiḱ).

Лабіализованныя гласныя (въ положеніи за твердыми согласными) перешли въ гласную неполнаго образованія α (вѣроятно, средняго ряда), а палатализованныя гласныя (въ положеніи за мягкими согласными) перешли въ гласную неполнаго образованія ɛ (вѣроятно, передняго ряда). — Аналогичныя явленія извѣстны изъ исторіи и другихъ языковъ, между прочимъ славянскихъ: такъ въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ узкія гласныя (і, u, ê) сохранялись въ неударяемыхъ слогахъ безъ измѣненія, а широкія (а, о) перешли въ гласныя неполнаго образованія (α послѣ твердыхъ, ɛ послѣ мягкихъ согласныхъ): въ словенскомъ языкѣ широкія гласныя сохраняютъ свой звукъ въ краткихъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ, между тѣмъ узкія (u, і, ê изъ ѣ, â изъ ъ, ь) переходятъ въ гласныя неполнаго образованія въ краткихъ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ; въ болгарскихъ говорахъ, сходно съ указанными русскими, гласныя широкія (а, о, е и др.) въ неударяемыхъ слогахъ переходятъ въ гласныя неполнаго образованія, а узкія сохраняютъ свой звукъ. — Общемордовскія α и ɛ въ эрзянскихъ говорахъ вообще не сохранились въ видѣ гласныхъ неполнаго образованія; они замѣнились различными гласными полнаго образованія. Разсмотрю судьбу α и ɛ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорахъ.

§ 100. Еще въ общеэрзянскую эпоху дифтонги ai̯, äi̯, αi̯, εi̯ перешли черезъ посредство yi̯, ii̯ въ монофтонги y̆, ĭ, которые подверглись затѣмъ редукціи и замѣнѣ гласными неполнаго образованія — α̂ и ε̂; обозначаю такъ напряженные оттѣнки α и ε.

§ 101. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ α въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой перешло въ a, въ противоположность значительному числу другихъ говоровъ, имѣющимъ вмѣсто α въ такомъ положеніи o: kuda, karda, kafta, kardai̯sa, vanuma, tosta, lofca, užyda, ofta, ošsta, kudyza, jalganʒa, ṕraḱtuma, iĺaza, орк. äŕada и т. д. Ср. напр. въ Калейкинскомъ говорѣ Мензелинскаго уѣзда (ср. Образцы морд. нар. слов.): саламо, вадо, овто, плядо, кудо, кудозо, тосто; въ говорѣ села Кардавили Арзамасскаго уѣзда: purnamo, toso, jomaftonzo, valgomo; въ говорѣ села Новой Тепловки Бузулуцкаго уѣзда находимъ a: avaza, morama, sonʒa, potmarca, ťeťaza, kosa, kandyda; также въ говорѣ села Каляева Темниковскаго уѣзда (Paasonen, Proben der mordw. Volksliteratur): kumčkasa, kor̯tama, pul̯tatanʒa. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой α вообще переходитъ въ y: jalganʒy marta, aščiń ošsy kolmy čiť, son vaśiń lacy karmaś ṕižńiḿe, tagy tuśť, ńedĺady ḿeĺje, karḿiń ťaťań marty robotama, karmaś syrgamy mušky v́idiḿe, a kożai̯kazy kudysy araś, orčaś kalady panar, kuly ŕev́e, mui̯i̯ś iśťamy lomań, ṕŕazy golėi̯, čaramy lofca. Но иногда въ положеніи послѣ слога съ o и e слышится не y, a ė: сухокарб. oftė paťkai̯, pondė gruša pondė kumb́ŕa, орк. śestė v́ä ava-nfńiť, kosė kiś jäv́i i ťei̯ i tou̯, ťesė v́äď araśiĺ, орк. sonzė ĺićanza, kosė kolmy kiť. Послѣ губной, если передъ ней слогъ съ o, иногда слышится o: kolmo čyť.

§ 102. Въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ ε въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой перешло вообще въ ä: сухокарб. ńeḿeźďä, kšynyk v́eśä, valćkä, karman avaŕďiḿä, syŕi ṕińä, орк.: v́aťä, ŕev́ä, ŕiśḿä, ťeťeďä, ćoŕeńä, śiḿiḿä, sur ṕŕińiďä kudaťńä, ombоćä и т. д. Въ Сухомъ Карбулакѣ это ä въ говорѣ значительной части населенія звучитъ какъ ä напряженное, а у нѣкоторыхъ оно перешло въ e (не напряженное). Такъ Учаевъ

произноситъ: v́eľe, ṕiľe, aťińe, čuďiŕkske, v́ejke, śeľńe, kadyźe, kadyńe, ayńe и т. д. — Такой же переходъ ε въ e находимъ во многихъ эрзянскихъ говорахъ, напр. въ Калейкинскомъ, Кардавильскомъ, Новотепловскомъ, Каляевскомъ. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой ε переходятъ въ i: roboťńikńi śimiť, śeďi bojkasta, a v́eŕǵezėś kaukśťeďi pokš, koda kapuďiźi šabrań ǵiskińińť, syť ćŕva čińi, ṕeŕt v́eľesty lomaťť, noldėźi ťikšys jarcama, maksyńʒi ťeń jarmakńiń, ŕiv́iśki moľć, kojḿi laŋga, орк. sätḿi v́äďńiś, орк. v́äχḱi latksa, орк. v́äťi celkovyχť и т. д.

§ 103. Какъ указано въ §§ 14 и 69, звукъ e послѣ отвердѣвшей согласной перешелъ въ ė. Въ Оркинѣ и частью въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ въ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой ȧ: nuṛtnȧ (сани), ḱäčȧ, ṕižȧ, ťečȧ (вм. ťeči), tataṛnȧ, godnȧ. Но въ Сухомъ Карбулакѣ это ȧ перешло въ произношеніи многихъ въ ė: v́eŕǵesnė, uskuśť v́eťi osnė, tolnė, saraznė, ḱijalnė. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ не передъ паузой въ связной рѣчи такому ė соотвѣтствуетъ y: aťakšny moraśť.

§ 104. Возникшій изъ дифтонга aj, αj звукъ неполнаго образованія ᾰ (§ 100) перешелъ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ въ неначальномъ открытомъ слогѣ передъ паузой въ звукъ ȧ (Оркино и часть Сухого Карбулака) или ė (часть Сухого Карбулака): jutȧ, kandȧ, maksȧ, vanȧ, ozȧ; vanė, kortė, vancė, ńesė, kortasė. (Въ начальномъ слогѣ въ такомъ же положеніи находимъ y: pry, sy, šty, sty). — Ср. появленіе ы на мѣстѣ α въ Калейкинскомъ говорѣ, гдѣ α перешло въ o: вапы, уды. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ находимъ y: орк. koṛty ťäst, сухокарб. juty bojar, i omboći ľaľazy 'śťaža aluťty ťenʒa, maŕasy son, vany ŕiv́iźińť.

§ 105. Возникшій изъ дифтонговъ αj, εj звукъ неполнаго образованія ε̆ (§ 100) перешелъ въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ въ неначальномъ конечномъ открытомъ слогѣ передъ паузой въ звукъ ȧ (Оркино и часть Сухого Карбулака)

или е (часть Сухого Карбулака): ḿeŕä, moĺä, sokä, śiḿä, орк. äŕav́ä; сухокарб. ḿeŕe, moĺe, uĺe, raḿe, v́ečke. (Въ начальномъ слогѣ въ такомъ же положеніи находимъ i: śti). — Ср. появленіе i на мѣстѣ ε въ Калейкинскомъ говорѣ, где ε перешло въ е: аштп, мерп, пеп. — Въ конечномъ открытомъ слогѣ въ связной рѣчи не передъ паузой въ Сухокарбулацкомъ и Оркинскомъ говорѣ находимъ i: karḿi kortama, eŕav́i moĺems, ḿeŕi vaśiń d́ejťeŕńeś, aśči końeĺkava lou̯ boca, kundasy ĺaśkady, kiŕd́i ejsen͡za, tagy v́id́izyst čii Maťv́ii̯, ḿińik karčy eŕi v́e lomań, орк. ikiĺi laca.

§ 106. Судьба α, ε и α̂, ε̂ въ конечныхъ открытыхъ слогахъ должна быть отдѣляема отъ судьбы тѣхъ же звуковъ въ слогахъ серединныхъ или конечныхъ закрытыхъ. Въ конечныхъ открытыхъ слогахъ измѣненіе редуцированныхъ гласныхъ не зависитъ отъ предшествующихъ или послѣдующихъ звуковъ (хотя и здѣсь возможны исключенія: ср. oftė вм. ofty въ связной рѣчи въ индивидуальномъ произношеніи). Напротивъ, во всѣхъ иныхъ положеніяхъ редуцированный звукъ принималъ ту или иную окраску въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ. Что до α̂, ε̂, то въ неконечныхъ открытыхъ слогахъ они совпали съ α, ε въ обоихъ изслѣдуемыхъ говорахъ, между тѣмъ какъ напр. Калейкинскій и другіе, измѣняющіе α, ε вообще въ о, е, имѣютъ ы, и вмѣсто α̂, ε̂: ваныть, штавтызе, штавтызь, кандынзе, аштить, вечкплизинзе, эрипекъ, бабине, атине, кискинетие.—То или иное измѣненіе α, ε въ обоихъ изслѣдуемыхъ говорахъ зависитъ прежде всего отъ гласной предшествующаго слога: гласныя о (ȯ) и е (ė) вліяютъ на измѣненіе α и ε въ одномъ направленіи, а всѣ остальныя гласныя — въ другомъ. Имѣя въ виду, что α и ε послѣ слога съ о (ȯ) или е (ė) переходятъ сами въ о, е или близкіе къ нимъ звуки (ȯ, ė), заключаемъ, что эти гласныя о, е вліяли на α, ε ассимилирующимъ образомъ; остальныя гласныя не имѣли вообще такого ассимилирующаго вліянія, и измѣненія α, ε послѣ нихъ протекали болѣе самостоятельно. Разсмотримъ отдѣльно судьбу α, ε послѣ гласныхъ, не ассимилировавшихъ ихъ себѣ, и послѣ гласныхъ о, е.

§ 107. Гласныя α, ε въ положеніи за всѣми гласными кромѣ о, е (ȯ, ė) измѣнились въ у, і; ср. переходъ α, ε въ у, і въ открытомъ конечномъ слогѣ не передъ паузой. Примѣры для перехода α въ у: kardazyń, valyś, kudyś, mastyr, sazyr, śadyće, kudydyst, sudystyńť, šabranyk, ṕiŕinyk, kandylaz, ukštyr, vanyda, орк.: lapyža, numyl, äŕavyľ, salmyks, kavyŕks (кочка), śkamyt, kukyrdyť, izamyt, kuryk, čumbylkskä, amyľďä, śukyr; у изъ дифтонга: palyť, naryń, vanyť, sajsyť, kandyńe, kundyźe, putyźe, kadymim, vanyk, andyća; kudyńe, paryńe, ṕizyńe. Примѣры для перехода ε въ і: miŕďiś, ŕiviźiś, ṕiľiť, aviniza, araśiľ, uźiŕ, sufťim, kalťimńe, viškiźim (лавка въ кухнѣ, т. е. viška eźem), kuťmiŕinʒa, sazyrynťiń, psakińiś, uľiviľ, śiśim, kiŕiniks, aťińe, babińe, jalgińiń, ṕiŕiś; і изъ дифтонга: maŕiť, aščiť, jakiť, čaviť, ṕiďiźe, vaľińe, jakiďe, kaduvińik, naviť, navik, maŕiźe, sokaŕiźe, aťińe, vaŕińe, tumińe, psakińe. Какъ указано въ § 14, общемордовское е перешло въ Оркинскомъ говорѣ въ ä; это ä не вліяло ассимилирующимъ образомъ на слѣдующія ε, α не измѣняло ихъ въ е, ė; поэтому находимъ і, напр. въ käńiŕ, mäńiľ, mäźńiń, väťiška, kämiška, käďinʒa (käď: шкура), ṕäkijaza, äjďinʒa, säŕij, ṕäjiľiń, ṕäjit (твои зубы), ťäχťiŕiś, väľiva, väľisynyk, ťäŕďińʒiť, śäľmidľimada, ṕäiďiźiťťiŋk, ńäľgiminʒa, äŕďikstan и т. п. (въ Сухомъ Карбулакѣ, гдѣ е не измѣнилось въ ä, въ такихъ случаяхъ вмѣсто і (у) неначальныхъ слоговъ всюду е (ė): kećeŕ, męńeľ, veľesėnėk, eŕďekstan и т. д.).— Во многихъ говорахъ вмѣсто такихъ у, і Сухокарбулацкаго и Оркинскаго говора слышатся о, е, напр. въ Калейкинскомъ: минек, варянтепь, палксеме, сиеме, сисемь, ривезнень, мирьдепень, лисесь, низельгавтозь, ломанесь, аламодо, витеме, пурнакшнось, прявтомо, крандазонзо, айгоронкъ, и т. д. (по вм. дифтонговъ: ы, и). Въ Каляевскомъ говорѣ вм. α, ε въ такомъ положеніи находимъ u, і: ińazurs, jutkuva, sodamut, tumuń, kuduťes, sarazuń, vajakšnuś, kačamuś, kuduś, martunza, kudusa, masturs, karšuzuń, jandulun vasula; śiśim, iŕić, ŕiviś, keviń, męńiľś, paruńik, ikiľe, ṕŕeviį (въ конечномъ открытомъ слогѣ не передъ паузой тоже u, і: kodamu paruś, načku tumuń, ṕeįńin udalu kekšiť). Въ Новоте-

пловскомъ говорѣ: ińazyr, stuftyźe, pazyś, maksyźe, keŕasyńik, v̇inyńi kandyń, kudys, kardazynyk; eźińim zoda, araśiľ, uľims, śeľmińʒa, ikiľij, ľaľińit.

§ 108. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто y находимъ u и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ. Это имѣетъ именно мѣсто передъ губными неконечными и передъ u̧. Сухокарб.: kalu̧u̧, salu̧u̧, rudazu̧u̧, lazu̧u̧ks, učuft, kaduv́iń, čaċtums, učums, jutkuva, kaftuva; орк.: kardazu̧u̧, kuku̧u̧ks, lazu̧u̧ks, udu̧u̧kšnyś, kudu̧u̧, śuruva, jutkuva, maštuv́ä, rudazuft, panʒumat, vanuma, kaladums, uŕvakstums, śťaftuma, raduvaś, alašaftuma, učumiź, kulums, utumt, mon kandufan, suskumsa, suskumyks, ḱämgau̧ksuva, kaduv́ińik, kadu̧u̧śť.

Примѣчаніе. Въ Оркинѣ очень распространено произношеніе -yma вмѣсто ожидаемого -uma: vanyma, kasymada, kandyma, maštyma, kuľyma, čavyma, ačačyma, čijaftyma, ṕifcyma; также -yms вм. -ums: ardyms, kandyms, salaftyms.

§ 109. Въ Сухомъ Карбулакѣ u вм. y гораздо распространеннѣе, чѣмъ въ Оркинѣ. Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ § условія, u вызывается здѣсь: 1) положеніемъ передъ конечной губной: utum (амбаръ), kudum, skalum, sazyrum, ḃratum; 2) положеніемъ послѣ губной: tumuś, sodamuńť, salmuks, kavuŕ, čavums, lapuža, eŕamuś, kortamus, tuvuks, tuvuń, śuvurks (рубецъ), numul, škamun, alamus, kortamut, puvuŕks, jamuks, kapuďiźe, ťapuŕcė (тяпнеть), pupuŕďan; 3) положеніемъ между двумя слогами съ u: kulcunums (при kulcynan), sudukstuma (насморкъ), čukšturu̧u̧ (смородина), ukšturu̧u̧ (въ клеповникъ, по ukštyr); 4) положеніемъ послѣ слога съ u и послѣ задненёбной: śukur, mukur, mukuŕ, kŕukuś, kukuťńe, kukurdė, pastuχuś, sundukuńť; 5) рѣже простымъ сосѣдствомъ съ слогомъ съ u: kuruk (при kuryk), unduksḱe, masturu̧u̧ (при mastyru̧u̧). — Въ Оркинѣ въ такихъ положеніяхъ находимъ вообще y; гораздо рѣже въ единичныхъ случаяхъ u: kauŕist (при kavyŕist), puvuŕiť (мозоль, при puvyrks), kauńist при kavyńist, kauńiḱ при kavyńik, amuľďäś, čukšturuu, čudužuu (осотъ), śäľmukš, masturu̧u̧, äŕavuľ, dubuškom; довольно обычно

и передъ конечнымъ f: tonaftuf. kanduf. kuluftuf. vajaftuf. putuf, vorkaftuf: рядомъ: vorkaftyf. polaftyf.

Примѣчание. Въ Сухомъ Карбулакѣ въ индивидуальномъ произношеніи я слышалъ: pargyin, moń ǯapaksym. — Вопреки п. 4-му находимъ здѣсь kurgyza. kučkyrdyźe. что объясняется отдѣленіемъ y отъ предшествующаго u группой согласныхъ. — При kulcunums извѣстно и kulcynums подъ вліяніемъ kulcynan.

§ 110. Послѣ слога съ о, е. какъ указано, редуцированныя гласныя α, ε, ассимилируясь гласной предшествующаго слога, переходятъ въ гласныя о (ė), е. Разсмотрю отдѣльно судьбу α и судьбу ε. Звукъ α, ассимилируясь предшествующимъ о, е. переходитъ вообще въ ė: oftėś, tolėś, pokšėńť, lofcėda. loụstėńť, onctėt, kolėngėmeń, kotėće, oznėda, noldėźä. oznėť, ćorėńä, modėńä, sodėľek. loụsėńek; сухокарб.: v́ećtėńť, ṕejsėnʒa, śeľmsėt. v́eľeśėńť, v́eŕǵezėńť, eŕḱeńeśėńť. v́eďekśėńť; орк. и сухокарб.: ḱeďezėst. čokśńestėńť, ḿeščezėst, b́eŕekśėńť. ńefcėź. Но послѣ губныхъ и задненёбныхъ вмѣсто ė находимъ въ Оркинѣ и одной части Сухого Карбулака ȯ (ô). между тѣмъ какъ въ другой части Сухого Карбулака слышится о; въ положеніи же передъ губными и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ о. Положеніе послѣ губныхъ и слога съ о: čopȯda, kolmȯška. ombȯćä, povȯnʒa, kolmȯkśť. čopȯć. орк. kopȯŕ (спина). popȯń, śovȯń. komȯľa. орк. kopȯlfca (галопомъ). topȯń b́ŕaḱińe, potmȯza, kovȯloụ. koromȯś; въ говорѣ напр. Р. О. Учаева: čovoń. śovoń, końovońť. kolmoń b́eľeụ. omboće, komora, komoľa. Arčilovoś, popoń. povoďems и т. д. Положеніе послѣ задненёбныхъ и слога съ о: sokȯr. ćokȯrdan. pokȯľ, torgȯźems (разбухнуть). kočkȯdyk (перепелъ), орк. äź poŋgȯna, poŋgȯnėś. ćokȯza. olgȯza; въ говорѣ Учаева: kotkodaụ, ćokordė, pokoľ, sokor, poŋgońeń (я попался). Въ положеніи послѣ слога съ е и послѣ задненёбной согласной въ Сухомъ Карбулакѣ и также въ Оркинѣ слышится o̊ (напряженное о): ḿešėko̊ś, esko̊nʒa, esko̊ń, орк. esko̊da. Такое же o̊ слышится въ Сухомъ Карбулакѣ и, кажется, также въ Оркинѣ въ положеніи послѣ

слога съ о и послѣ задненёбной, которой предшествуетъ другая согласная: olgôza, olgôt, šolkôń, dolkônʒa, čočkôń, орк.: kotkôdaft, oŋgôźeŋś, poŋgôna, olgôza, očkôńt. Звукъ ô удерживается и въ говорѣ Учаева. Въ положеніи передъ губной и въ Оркинѣ и въ Сухомъ Карбулакѣ находимъ о: odou̯, ošou̯, lou̯noms, poŋgoms, kočkoms, kozoma, todou̯, sornoftėźe; орк.: kočomńä, końou̯, koźoft, ośedou̯, ḱeŕekou̯, śou̯nomsta, ćokou̯ks, ḱämgolmova, potomdėźä, potomksėń, oznoma, lou̯noma; сухокарб.: ḱeṕśekšnoms, koŕt́nekšnoms, nolt́ńekšnoms. (Въ Оркинѣ передъ m, впрочемъ, и ȯ: sornȯma, и даже ė: gorottėma, koromtėma, lofcėftėma, lou̯ftėma). Кажется, и передъ l въ концѣ слога слышится о, не ė: сухокарб. pokšolma, jondol; въ Оркинѣ, кажется, jondôl.

§ 111. Отмѣтимъ въ индивидуальномъ произношеніи въ Сухомъ Карбулакѣ ȯ вмѣсто ė въ слогѣ послѣ слога съ о и послѣ переднеязычной согласной: ozȯnza, ozȯt ṕeśsa śuryda, todovozȯnza.

§ 112. Звукъ ɛ за слогомъ съ е, о, ė, ȯ переходитъ вообще въ е: сухокарб.: śelḿeś, v́etńeda, t́eff́eḿe, vešńeťana; орк. и сухокарб. ḱeďeń, čeŕenʒa, eźemńcś, ńeŕǵemä, ńejeźä, ńesėńeḱ, ḿeŕekšnėź, śeźńemä; oďeŕva, moľeť, ojḿeza, sokeť, loṕeńenʒa, oznėńeḱ, povȯďekšnėźä, moľeda, ćorėńeza, oftėńťeń, sońćeń, poŕńeń, ombȯćeś, moľeńeḱ, tomb́eźe, pokšćeďeń (дѣдъ и другіе семейные: pok-śčaj и ejďen), ľeťkeńe (сырость), ṕeńćŕva (младшая сноха), вм. ṕeńuŕva, ср. Калейк. пенурьва (Образцы, I). Оркинскому tou̯źera соотвѣтствуетъ въ Сухомъ Карбулакѣ tou̯źora, что очевидно указываетъ на позднѣйшій переходъ t́ou̯źura въ tou̯źara, а не tou̯źɛra (подъ вліяніемъ śura); такое же о въ ľomźor (черемуха).

§ 113. Изъ правила, по которому за слогомъ съ о, е слѣдуютъ звуки о, е, ė, ȯ, находимъ лишь очень немного исключеній: сухокарб. śeľmukšt (ср. śäľmukšt въ Оркинѣ) съ непонятнымъ u вмѣсто о; ṕeščuft подъ вліяніемъ čufta.

§ 114. Заимствованныя изъ русскаго слова во многихъ случаяхъ подверглись измѣненіямъ, аналогичнымъ съ тѣми, которыя испытали неначальные слоги мордовскихъ словъ. Отмѣчу рядъ

подобныхъ измѣненій. Разсмотрю отдѣльно слова съ гласными а, u, y, i въ началѣ и отдѣльно слова съ o, e въ началѣ. Слова съ гласными a, i, y, u въ начальномъ слогѣ имѣютъ въ слѣдующихъ слогахъ y, i вмѣсто различныхъ гласныхъ русскаго слова: ďijakyn, ďikyį, mazyŋka, garyz, jaryz, vystyfka, kutyr, puzyŕ, paryz, sundykyt (твой сундукъ, при sundukyt), starysta, radyśť, ṕisyŕ, pustyš, zalyk, ḿilyśťke, musyr; орк.: jagydat, supyń, glupyśťiś, lukyška, kukyš, omyt, čugyn, subyta, skupyį, śivyχť, saχyr, zabyr, ugyľija, ugyl; — jaśŕiṕ, tyśića, truťiń, uťižams (утюжить), braźńik, baďiįka, praviďnyį, učiťiľ, ṕŕiḿita, tabaḱirka, vyviska, dušaguḃić. — Но передъ v вм. y находимъ u: jalufka, kružuva, ṕŕistuŋ (приставъ), ṕŕiguur (приговоръ), uguŕ (угорь), puduŋka, сухок. nakuvľina, орк. nakuľina (наковальня). Въ Сухомъ Карбулакѣ u вмѣсто y является еще послѣ губныхъ и заднепёбныхъ: kukuž, ugul, subuta, kumuχa, kukuľ, supuń, lukuška, glupuį, ḷakumka, kľapuč (клянышъ), garmuńat (гармонія), ďijavul; передъ губными: darum, Stalupin; рѣже послѣ слога съ u послѣ передненёбныхъ: brusuk, butulka, kukšun. Послѣ v является не u, а o передъ į: śioį, kŕivoį.

§ 115. Послѣ слога съ o въ заимствованныхъ словахъ является на мѣстѣ гласныхъ за твердыми согласными въ Оркинѣ вообще ȯ въ положеніи не передъ į и не передъ ŋ: pokȯŕama, osȯďams, zolȯta, kolȯz, loskȯt, Okȯľa, storȯška, storȯna, porȯg, gorȯd, polȯg, moklȯška, obȯz, potȯlȯk, gorȯḃija, oχȯta, morȯz, dobȯvama, borȯzda, prolȯp, bolȯta, pogȯda, podvȯlȯk (подволока), provȯlȯk (проволока). Передъ į находимъ ė: prostėį, voľnėį, borʒėį, golėį, kosėį, rozovėį, но послѣ v—o: puχovoį, jarovoį; передъ ŋ находимъ o: morkoŋ, zdoroŋ, boroŋ, ostroŋ; ė вм. ожидаемаго o: podėška, podėšnėį (подушное). — Въ Сухомъ Карбулакѣ, кажется, преобладаетъ o въ положеніи не передъ į: žolop, goloboi, okoń, omot, dovoľ (вдоволь), komnota, koloz, poloza (полозъ), oromka (воронка), oboška (обухъ), proolok, posoda (посуда), sosolka (сосулька), dobovams; но также ė: opostėl (апостолъ), pozėŕams, kozėŕ (козырь, козырёкъ), kosėŕa (косырь); передъ į обыкновенно ė: ḃezrodnėį, Spornėį banda, gornėį (конецъ свадьбы), Solockėį banda,

duχovnẹ̀i̯, Ṕetrousḱẹ̀i̯, olosnẹ̀i̯, ozornẹ̀i̯, oľnẹ̀i̯, rozmoľnẹ̀i̯ boćt, oχotnẹ̀i̯ ǵiska, prostẹ̀i̯, golẹ̀i̯, śodẹ̀i̯; по послѣ губныхъ находимъ o: puχovoi̯, dušovoi̯, jarovoi̯, goloboi̯, ńomoi̯. — Послѣ слога съ e находимъ ẹ̀, напр. b́elẹ̀i̯, ǵŕešnẹ̀i̯, ṕesẹ̀k, ľekẹ̀ŕ, ṕeŕvẹ̀i̯ (орк.), b́eśẹ̀nẹ̀i̯, ńeḿeckẹ̀i̯, śv́etẹ̀i̯, ǵńedẹ̀i̯, F́edẹ̀r, F́edẹ̀t.

§ 116. Послѣ слога съ о, е въ заимствованныхъ словахъ является на мѣстѣ гласныхъ, слѣдующихъ за мягкими согласными, e. Послѣ слога съ o: oźeḿ, ofćena, ploťńeḱ, gośťeńeć, ťŕošńeḱ, Oŕena, skoťena, toćela, ośena, goŕńeca, stoľeśńeḱ, Troχeḿ, Jogoŕei̯, D́ŕigoŕei̯, koľeja (колъ), орк. garmońejat (гармонія), орк. mokŕeća. орк. koṕejat, орк. gorob́eja, орк. koľeśńeḱ, орк. ob́ežams (грабить); dolžńeḱ, poľena, polťeńńeḱ, rozboi̯ńeḱ, dov́eć, Boŕez. Loǵeḿ. poḿela, mošeľńeḱ, moľeb́ena. poḿenkat, pod́ńez (передъ шлабика), roboťńeḱ, roi̯ńeća, końeḱ, ïzvošćeḱ, kantoŕšćeḱ, rośṕeťja (распятіе), olośńeḱ. Послѣ слога съ e: ćeľńeḱ, ṕeŕena, Ŕeṕešča v́eď (назв. урочища въ Сух. Карб.), v́ećeŕenka, орк. śćḿeja; ḿeľńcća, v́eľekẹ̀i̯ bost. v́erćena (вершина), śeḿešńeḱ, žeńeχeś, ṕľeťeń, ľeb́eď. ťćťeŕa, popeŕešńeḱ, ṕeŕelat (перила). sočeľńck, śŕeťeńja, d́eśťena (десятина), F́ekľest, D́eńez. ćeŕńela, ćećena (щетина). ćeľekom.

§ 117. Отмѣчу, что рядомъ встрѣчается и произношеніе, нарушающее указанныя отношенія, и это прежде всего въ новѣйшихъ заимствованіяхъ: polťińńiḱ, ťŕośńiḱ, roboťńiḱ, izvošćiḱ, stoľeśńiḱ, žeńiχiś; орк. gorb́yľ и сухокарб. gorb́uľ (горбыль), podošuva, toćila. Далѣе находимъ отступленія иного рода: końoχ вмѣсто ожидаемаго końeχ (конюхъ); ср. oŕol, koťol, koćon (качанъ), koŕon. Любопытно ai̯ вмѣсто ei̯ послѣ слога съ a: орк. samai̯, krasnai̯, d́ŕaχlai̯. Нерѣдко a вм. o. что едва ли не подъ вліяніемъ акающаго русскаго нарѣчія: polaga (пологій. при pologa); a вм. e: suľama. goľańišća. Непонятно e въ сухокарб. ponaŕeda. орк. kaŕei̯ (карій).

§ 118. Въ дополненіе къ сказанному относительно судьбы α, ε въ мордовскихъ говорахъ необходимо указать на стремленіе α, ε къ выпаденію, исчезновенію изъ произношенія. Слѣдуетъ, кажется, признать, что вообще они отпадали и выпадали: сохраненіе ихъ

въ серединѣ слова задерживалось стеченіемъ согласныхъ, а также, быть можетъ, и выпаденіемъ этихъ самыхъ звуковъ въ слѣдующемъ слогѣ; сохраненіе же въ конечномъ слогѣ едва ли не обязано вліянію аналогіи: čufta при и вм. čuft подъ вліяніемъ čuftyń; ср. čaų при čava, śokś при śokśe (осень). Ср. uźiŕ (топоръ) при uźeŕe другихъ говоровъ, udïḿ (мозгъ) при udïḿe у Видемана, ḱeḿ (сапогъ) при ḱeḿe у Видемана; орк. kodam' bydá. Появленіе panda, ṕeŋǵe, ṕiľǵe, paŋga, śaŋga и т. п. тѣмъ понятнѣе, что фонетически въ силу § 50 pand, ṕeŋǵ, ṕiľǵ, paŋg, śaŋg обратились бы въ pant, ṕeŋḱ, ṕiľḱ, paŋk, śaŋk и утратили бы связь съ падежами. — Приведу примѣры выпаденія α, ε въ серединѣ слова: makstada (при maksums), śormattana (при śormadums), čaftana (при čavums), vantana (при vanums), valtana (при valums), puttana (при putums), antana (при andums), poŋkś (при poŋgoms), kaśś (при kasums), čačś (при čačums), valkś (при valgums), kanć (при kandums), palć (при palums), vaśśť (при vasums), arćť (при ardums), kaduńśť (при kaduvums), śupalgaćť (при śupalgadums), oŋkt (при oŋgoms). vant (при vanyda), čaŋda и čaft (при čavums). olkt (при olgoń), paŋkt (при paŋgyń). — śeźeťťana (при śeźevems), v́eśťada (при v́ešems), v́ečḱťana (при v́ečḱems), ľeťťana (при ľeďems). skokaťťana (при skokaďïms), pačḱiťťana (при pačḱidïms), uľťada (при uľims). śiḿťana (при śiḿims), saįťana (при sajims), kaśś (при kaźims), ḱiľć (при ḱiľďims), pańć (при pańims), ľiśś (при ľiśims). kuśśť (при kuźims). ľeć (при ľeďems), čopoć (при čopoďems), topoćť (при topoďems). v́eŕeďeḿśť (при v́eŕeďeḿems), ťeįś (при ťejems), moľť (при moľems), ḿeŕť (при ḿeŕems), ṕiľḱť (при ṕiľǵiń), eŕḱť (при eŕḱe), ṕeŋḱť (при ṕeŋǵeń).

Примѣчаніе. Вмѣсто jarcatana. jarcatada находимъ jarctana, jarctada подъ вліяніемъ аналогіи образованій, какъ antana, čaftana и т. п.

§ 119. И въ заимствованныхъ словахъ замѣчается выпаденіе гласныхъ въ неначальныхъ слогахъ: kapsta (капуста), орк. katfa (картофель, изъ kartχa, ср. сухокарб. kartuχa), deśťena, uľća (улица), rukavća (рукавица), pagľiŋka (наголенокъ), okoľca (околица), ṕeća (изъ ṕeťńća: пятница), ńeďľa (недѣля).

§ 120. Изъ сложныхъ словъ выпаденіе гласной переносится и въ простое слово; отсюда случаи выпущенія гласной въ начальномъ слогѣ; ṕŕa вм. ṕiŕa (обычнаго въ пѣсняхъ), ср. c̀aụb́ŕa, kasumb́ŕa; prumiť при purumiť, ср. v́eľeń brumks.

Второй экскурсъ.

§ 121. Въ общемордовскомъ и общеэрзянскомъ праязыкахъ сохранялся старый общефинскій законъ о гармоніи гласныхъ. Согласно этому закону коренной слогъ съ гласной задняго ряда требовалъ за собой въ суффиксальныхъ слогахъ гласныя того же задняго ряда, а слогъ съ гласной передняго ряда имѣлъ за собой въ суффиксальныхъ слогахъ гласныя того же передняго ряда. Этотъ законъ не выдерживается въ первоначальной чистотѣ въ современныхъ эрзянскихъ говорахъ; причиной нарушенія его было, съ одной стороны, появленіе въ языкѣ гласныхъ средняго ряда (изъ *α*), а съ другой, появленіе смягченныхъ согласныхъ въ положеніи за гласными задняго ряда (вслѣдствіе вліянія выпавшаго за ними ε): ср. напр. въ Калейкинскомъ говорѣ, сохранившемъ старыя отношенія лучше говоровъ, здѣсь описываемыхъ, появленіе kadyźe, bab́ińe, sazoryńest, ńesyŋk (съ y и съ происшедшимъ изъ y послѣ губныхъ i, изъ дифтонга), а также формъ какъ аварделанзо, вечкема (любимый), лисема (восходъ), или видьга, вирьга и т. д. Но вообще законъ гармоніи гласныхъ выдержанъ въ этомъ говорѣ въ отношеніи именно къ обоимъ замѣстителямъ *α* и ε, т. е. o и e: o является только послѣ гласныхъ задняго ряда, замѣняясь черезъ e (вѣроятно, ė), несмягчающее предшествующей согласной, послѣ гласныхъ передняго ряда, если согласная, предшествующая этому o, не подлежитъ смягченію (таковы s, st, z); e (смягчающее согласную) находимъ послѣ согласныхъ, подлежащихъ смягченію (t, d, n, m), какъ за гласными передняго ряда, такъ и за смягченными согласными, хотя бы онѣ слѣдовали за гласными задняго ряда. Такъ напр. находимъ o изъ *α*: тятязо, кудозонзо, ялгапзо, варштамо, човъ потсо, пазавадо,

ашкодо, пурнамо, уголсо, куломсто, алашадо, сонзо, сазорозо, илязо, піядо (пива), озномо, ули-паросопокъ; э вмѣсто о: пейсэнзэ (зубами своими), тензэ, сельмстэнзэ, польдерсэ (градомъ), кедстэстъ, вальгейсэ, черензэ, пезэстъ, икелензэ, сестэ, седеезэ, велькеэзэстъ (противъ нихъ), лемсэ, омбоцесэ, улезэ (да будетъ), чизэ (солнце), тевсэнзэ, пильгсэ, чистэ; е находимъ: парьде, теде, седе, пансеме (загонять), пуреде (меду), учпеме; чиде чисъ, недлядо педлясъ, іеде іесъ; весемеде мазы, верьдентъ, мереме, молеме, кельмеде, кудо-чисэнекъ, сельменекъ, кеженекъ. Но первоначальное чередованіе гласныхъ а — ä въ окончаніи пропосительнаго падежа нарушено: извѣстно только одно окончаніе -ga (ср. мокш. va, ga при gä: avava, kudga, louga при virgä, pirfkä); ср. Калейк.: вирьга, кутьмерьга; то же находимъ и въ другихъ эрзянскихъ говорахъ (ǵe вм. gä сохранилось въ нарѣчномъ: śiśimǵe).

§ 122. Какъ въ Сухокарбулацкомъ, такъ и въ Оркинскомъ говорѣ на мѣстѣ о — э Калейкинскаго говора находимъ въ концѣ слова а, а въ серединѣ у или, при предшествующихъ о, е — ė; такимъ образомъ законъ о гармоніи гласныхъ послѣ твердыхъ согласныхъ нарушенъ окончательно. Ср. kecta, źepsta, ťikšista, vaľǵijsa, śovońca, v́ińca, v́irctyńť, ťeńfstėńť, v́äľisyńť, v́ircyńť, ťenʒa, ńeŕeza, ŕeveza, ułiŕiza, v́iŕizyt, ṕejeďeza, ľiśiza, tuŕiza, ṕiŕisa. Въ силу того же, вмѣсто ṕiže (мѣдь, зеленый) находимъ въ Сухомъ Карбулакѣ ṕiža; рядомъ извѣстно и ṕiže, вѣроятно, съ е передняго ряда.

§ 123. Законъ о гармоніи гласныхъ послѣ мягкихъ согласныхъ въ Оркинѣ сохраняется въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Такъ при -da послѣ твердыхъ согласныхъ и заднихъ (среднихъ) гласныхъ находимъ въ Оркинѣ -ďä послѣ мягкихъ согласныхъ и переднихъ гласныхъ въ отложительномъ падежѣ: sarazda, pulyda, kalda, loucėda, v́inada, panarda, aťafta, но umaŕďä, v́äťťä, keťťä, čeŕďä, kaŕďä, gujďä, v́iŕďä, čajďä (čaj: чай), roboťńikťä; также kudydyńť, touzėrėdėńť, sarazdyńť, kardydyńť, ṕäľimadyńť, sońďeďenʒy m̀ajľä, но ṕisyŕďińť, v́iŕďińť, ṕiŕidińť, rożďeńť, v́äťťińť, ṕiľǵidińť, umaŕďinza, syv́iľďinza, ṕiľkťist (объ ихъ ногахъ). Въ Сухомъ Карбулакѣ имѣемъ umaŕda, v́eťta, ćeŕda, kaŕda, paŕdy

baška. viŕda, roboťńikta, načaľńikta, omboćeda, veśeḿeda, viŕdyńť, piŕidyńť, roźdėńť, veťťeńť, piľǵidyńť. Исключенія очень рѣдки: keľḿi veťťä śiḿiḿä, от rozbojńekťä; но даже у Р. Ѳ. Учаева: kežďenʒa при keždėnʒa, ḿeľďenʒa при ḿeľdėnʒa; чаще ńeḿeźďä при ńeḿeźda, а также въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: bojaryńť veľďe. tyŋk peľďe, varčtaś veŕďe, veŕďe piźimks piźiza, śeďi parćťe, kauŋkśťeďe (вдвое), vepeľďe (однажды), ikiľďe (спереди). Но Оркинскій говоръ согласно съ Сухокарбулацкимъ устранилъ окончаніе -ďä во 2 л. мн. повел. наклоненія, ср. въ Калейк. говорѣ: моледе, лиседе, саеде при ванодо, эрядо, пекстадо. Въ Оркинѣ находимъ: kyrvaśťida, ťäŕďida, kuźida, ľiśida, ḿeŕeda, ľeďeda, въ Сухомъ Карбулакѣ: moľeda, śiḿďida, kepeďeda, ľeḿďeda, śińťŕida. Также притяж. окончаніе 1-го лица множ. въ Оркинѣ и Сухомъ Карбулакѣ звучитъ только nyk (nėk); оно вытѣснило ńek (ńik) послѣ переднихъ гласныхъ; орк.: piŕinyk, suŕinyk, piľǵinyk, viŕinyk, väľinyk, śäľḿinyk, keďenėk (наши шкуры), сухокарб.: pekenėk, ojḿenėk, śeľḿenėk, veďenėk, kńaźinyk, uźiŕinyk, suŕinyk. Указанныя нарушенія закона о гармоніи гласныхъ вызваны несомнѣнно вліяніемъ аналогіи: moľeda подъ вліяніемъ suvada, vanyda; umaŕda подъ вліяніемъ panarda, sarazda и т. п. — Напротивъ, въ совмѣстительномъ падежѣ находимъ распространеніе окончанія ńik (ńek) и послѣ основъ на твердую согласную и заднія гласныя: итакъ, не только veľeńek, piŕińik, но и kudyńik, modańik, орк. pologńek, kiskańik, skoŕenańik (въ krandaznyk, skalnyk, sadnyk и т. п. y явилось слѣдствіемъ отвердѣнія n послѣ твердой согласной основы). Въ Калейк. говорѣ -нек находимъ также при всякихъ основахъ: утомонекъ отъ утомо (амбаръ).

§ 124. Во многихъ случаяхъ и Оркинскій и Сухокарбулацкій говоры соблюдаютъ до сихъ поръ гармонію гласныхъ. Напр. въ окончаніи 2 л. мн. прош. вр. находимъ -ďe: styďe, pańiďe, ḿeŕeďe, śiḿiďe, uľńiďe, ср. -da въ окончаніи 2 л. мн. наст. вр.: jakatada, louŋnėtada; въ окончаніи 1 л. мн. прош. вр. находимъ -ńik (ńek): syńik, ramińik, sokeńek, ср. -nak (которое вмѣсто nyk, подъ вліяніемъ -na) въ 1 л. мн. наст. вр.: jakatanak, ozatanak, vantanak. Болѣе

интересно чередованіе гласныхъ въ окончаніи изъятельнаго падежа, вызванное старымъ закономъ о гармоніи: рядомъ съ -ftuma, -ftyma (-ftoma) послѣ твердыхъ согласныхъ и заднихъ гласныхъ, находимъ -ftime (-fteme) послѣ мягкихъ согласныхъ и переднихъ гласныхъ; сухокарб.: ṕraftuma, alašaftuma, kuduftuma, joroktoma, oštoma, но v́elcfteme, v́efteme, piliftime, mirdiftime, piźimiftime, ṕejšteme, орк. skalftyma, lofceftema, sudyftyma, gorottema, panarftyma, но viŕftime, tajftime, väliftime, kaŕtime, kemteme. Въ окончаніи супина находимъ -ma послѣ гласныхъ заднихъ, -me послѣ переднихъ: сухокарб.: eŕama, vanuma, lounoma, kuluma, ramama, но kirdime, čijime, šimtime, lišime, kuźime, v́ečkeme, keṕedeme, ṕejdeme; орк.: avaŕkšnimä, v́äšnimä, moŕcemä, aŕχnimä, šukyńaf́nime.

§ 125. Особаго разсмотрѣнія заслуживаютъ отглагольныя существительныя. Въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ глагольныя основы на a имѣютъ для нихъ окончанія -ma (изъ -mα), -mun (myn, изъ mαń), muda (myda, изъ mαda) и т. д.; между тѣмъ какъ глагольныя основы на u, i, e, o имѣютъ окончаніе -ma (съ первон. a), mań, mada. Ср., съ одной стороны, сухокарб.: sodamuś, čiǯaramut, jakšamuś, jarcamuńt, čuramum, šukuńamuda, maŕamuda, kortamut, lapaksamut (врачи), ojmamut, keŕamunʒa, meĺaftumada; съ другой: andumat, učumada, uŕvakstumada, kulumadynʒa, maksumada, čavumast, kandumast, kozomada, ŕeźemada (отъ чахотки), šimimam, targyźimada, avaŕdimada, aščimat, pandalimada (отъ испуга), šeŕńemam, ekšcĺemada, meŕemat, ṕejdemaza. Здѣсь видимъ какъ будто диссимиляцію; за слогомъ съ a слѣдуетъ узкое α, а за слогомъ съ узкими гласными широкое a. Ср. то же въ Калейк.: ярсамотъ, но симеметъ; эрямомъ, но аштимамъ (стр. 108 и 110 Обр. нар. сл. II, гдѣ опечатка аштомамъ?), содамоть (120). Калейкинскому чiемеде лоткинь (с. 90) соотвѣтствовало бы въ Сухомъ Карбулакѣ lotkeń ǯijimada (я пересталъ бѣжать); но здѣсь различіе синтактическое: въ Калейкинѣ употреблена глагольная склоняемая форма, а въ Сухомъ Карбулакѣ—отглагольное существительное.

Краткій очеркъ морфологіи.

А. Склоненіе существительныхъ и мѣстоименій.

§ 126. Въ эрзянскомъ нарѣчіи различаются два склоненія: неопредѣленное и опредѣленное; окончанія второго изъ этихъ склоненій принимаютъ слова, получившія въ рѣчи значеніе опредѣленныхъ, уже извѣстныхъ слушателю лицъ или предметовъ. Остановлюсь сначала на неопредѣленномъ склоненіи.

§ 127. *Признакъ множественнаго числа.* Именительная форма множественнаго числа отличается отъ соотвѣтствующей формы единственнаго числа неопредѣленнаго склоненія особымъ признакомъ, а именно согласною t (съ фонетическимъ ея измѣненіемъ въ t́), приставляемою къ основѣ: ava (женщина, мать) — avat, v́eĺe (село) — v́eĺet́. Для образованія падежей множ. числа къ окончанію t можетъ присоединяться еще другое окончаніе ńe (nė, ńi, ny), которое само по себѣ вноситъ значеніе опредѣленности: ava-ń (матери, род.)—avat́-ńi-ń (матерей), v́eĺe-ń (села̀)—v́eĺet́-ńe-ń (селъ).

§ 128. *Падежныя окончанія неопредѣленнаго склоненія.* Окончанія падежей множественнаго и единственнаго тождественны. Значеніе падежей можетъ быть выяснено только въ отдѣлѣ синтаксиса. Приблизительное представленіе о значеніи падежей дается ихъ названіями. Перечислю здѣсь падежныя окончанія.

ń для родительнаго падежа (genitivus): avań, v́iŕiń (v́iŕ: лѣсъ), орк. v́äĺiń (v́äĺä: село), sarazyń (saraz: курица). — Множ.: t́ńi-ń: avat́ńiń, valtnyń (val: слово).

ńiń (ńeń, nėń, nyń изъ ńeń) для дательнаго падежа (dativus): avańiń, v́iŕńiń, v́eĺeńeń, at́akšnyń (at́akš: пѣтухъ). — Множ.: t́ńińiń: avat́ńińiń, орк. t́äχtiŕt́ńińiń (t́äχtiŕ: дочь), kaltnyńiń (kal: рыба).

Примѣчаніе. Кажется ńiń явилось вмѣсто ńďiń, при чемъ къ формѣ род. на ń присоединено окончаніе дат. ťi (ср. мокш. avańdi).

da (ďä, изъ *dα*, *dε*) для отложительнаго (ablativus): avada, syv́iľda (syv́iľ: мясо), kańda (kań: лапоть); въ Оркинѣ является ďä, мало извѣстное вообще въ Сухомъ Карбулакѣ, послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ: śiv́iďä (śiv́e: воротъ), v́ińďä. kańďä. — Множ.: ťńi-da: ǩiskaťńida (ǩiska: собака), орк. v́ińńiďä, ƀratnyďä (ƀrat: брат), ŕepsńėďä (ŕeps: рѣпа).

Примѣчаніе. Ср. da въ нарѣчныхъ образованіяхъ: alda (исподъ), udalda (сзади), vasylda (издали); ďä (ďe): v́eŕďe (сверху), iǩiľďe (спереди), ṕeľďe (со стороны), v́eľďe (черезъ, за), kaŋkśťeďe (вдвое).

sa (изъ *sα*) для вмѣстительнаго (inessivus): avasa, pakśasa (pakśa: поле), utumsa (utum: амбаръ), tarvajsa (tarvaz: серпъ), орк. ṕäľca (ṕäľ: облако).

Примѣчаніе. Ср. sa въ нарѣчныхъ образованіяхъ: ṕesa (въ концѣ), ǩisa (изъ за), vakssa (близъ), v́iďisa (благодаря), maľasa (вблизи), jutksa (между), ejsa (изъ eśsa: посредствомъ), poca (изъ potca: подъ), kuńčkasa (посреди), ṕŕasa (на), ekśsa (у, за), v́eľkssa (надъ), laŋksa (у, около), ǩeca (изъ ǩeďsa: у).

sta (изъ *stα*) для выносительнаго (elativus): alašasta (alaša: лошадь), ṕiľista (ṕiľe: ухо), jarmaksta (jarmak: деньги).

Примѣчаніе. Ср. sta въ нарѣчныхъ образованіяхъ: jutksta (во время, въ серединѣ), laŋksta (съ, сверху), kuńčkasta (изъ середины), ǩecta (отъ), ejsta (отъ, изъ), ṕŕasta (сверху).

s (изъ *z*) для вносительнаго (illativus): modas (moda: земля), utums, v́ińńis (v́ińńe: лѣсокъ).

Примѣчаніе. Ср. s въ нарѣчныхъ образованіяхъ: troks (черезъ), ǩis (для), vakss (объ, къ), čiŕis (на край), v́iďis (прямо въ), kuńčkas (на середку), ǩec (въ), v́ic (до), ṕŕas (на, поверхъ), potmakss (на дно), ṕes (къ, надо что-нибудь), poc (въ, подъ), laŋks (на), v́eľkss (надо что-нибудь), ekśs (за кого-нибудь).

va, послѣ согласныхъ *ga*, для проносительнаго (prolativus): vaľmava (vaľma: окно), veľeva, karduva (karda: хлѣвъ), viŕga, eźemga (eźem: лавка).

Примѣчание. Ср. va, ga въ нарѣчныхъ образованіяхъ: ṕeva (по), kunčkava (посреди), alga (подъ), udalga (позади), viďga (до), veŕga (выше, повыше), ḿeľga (за), ṕeľga (по), veľkska (черезъ), vakska (по близости), jutkuva (между), laŋga (по).

ks для переносительнаго (translativus): avaks, kudyks (на домъ), eľďeks (eľďe: кобыла), viŕks, veŕgezeks (волкомъ, отъ veŕgez).

Примѣчание. Ср. ks въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: ḿeks (почему), śeks (оттого).

v (u̯, i̯ послѣ гласныхъ, ou̯, uu̯, eі̯, ii̯ послѣ согласныхъ) для приносительнаго (lativus): pakśau̯ (въ поле), veľei̯, viŕii̯, kuduu̯, ošou̯ (oš: городъ), mastyruu̯ (mastyr: земля).

Примѣчание. Ср. u̯ въ нарѣчныхъ выраженіяхъ: aluu̯ (подъ), ṕei̯ (на конецъ), udaluu̯ (назадъ), turtuu̯ (къ), malau̯ (близъ), ṕeľci̯ (на сторону), ṕŕau̯ (по), kovolou̯ (на какую сторону), vasuu̯ (далеко), turtuu̯ (къ).

ftuma (ftoma, fťiḿe, fťeḿe, послѣ согласныхъ обыкновенно tuma, ťiḿe, toma, ťeḿe, изъ ftαmα, fťεmε) для изъятельнаго (caritivus): alašaftuma, ṕŕaftuma (ṕŕa: голова), saltuma (sal: соль), ṕiźiḿifťiḿe (ṕiźiḿe: дождь), joroktoma (jorok: толкъ).

ška для сравнительнаго (comparativus): pakśaška, kudyška, saldyrksyška (saldyrks: солонка), kulakška (kulak: кулакъ), lomańška (lomań: человѣкъ).

ńiḱ (ńeḱ, nyḱ, neḱ, изъ ńεḱ) для совмѣстительнаго (comitativus): keďńeḱ ṕiľǵińiḱ (keď: рука, ṕiľǵe: нога), kudyńiḱ (со всѣмъ домомъ), aškyńiḱ (aška: хомутъ).

Укажу здѣсь на нѣсколько окончаній, имѣющихъ также надежное значеніе, но сохранившихся только въ нарѣчныхъ образованіяхъ: a (послѣ твердыхъ согласныхъ), e (послѣ мягкихъ) для обозначенія мѣста: udala (сзади), ṕeľe (на, въ сторонѣ, напр. oďeďľeľe: на югѣ), ikiľe (передъ); — ť для обозначенія продолжи-

тельности во времени: kuvať (долго), v́eť (ночью), čiť (днемъ), vandyį čiť (завтра днёмъ); — t (а послѣ мягкихъ согласныхъ ť) означаетъ движеніе съ мѣста: v́eŕi mastyrt (высоко надъ землей), ḿeį ǵeńeŕť (наотмашь, ḱeńeŕ: локоть); — ńa означаетъ время: ťeľńa (зимой), śokśńa (осенью), vaśńa (сначала); — ńe (ńė послѣ твердыхъ согласныхъ) означаетъ время: v́eškańe (однажды). ṕśi-škańe (въ жаркое время), орк. oḃetškańä (въ обѣдъ), čokšńä (вечеромъ), kažnyį ćińe (каждый день), ťeľi kunčkańe (среди зимы), kažnyį ḃuŕańe (въ каждую бурю), mazyį ḃorańe (въ хорошее время), eŕva v́eńe (каждую ночь), sy godnė (на будущій годъ).

§ 129. *О звуковой сторонѣ падежныхъ окончаній.* Окончаніе множ. числа t переходитъ въ ť, во-первыхъ. послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ: alašat, v́eŕǵest, alt (al: яйцо), но ṕiľiť, v́eľeť, v́eť (v́e: ночь), stoľť (stoľ: столъ), v́iŕť, орк. guįť (guį: змѣя); во-вторыхъ, передъ мягкимъ ń въ окончаніи множ. числа ńe (ńi): avaťńiń, alašaťńińiń, ср. avat, alašat.

Примѣчаніе. Въ valnyť (valnė: словечко), godnėť (godnė: годокъ) и т. п. ť явилось еще до отвердѣнія ńi, ńe въ ny, nė.

Окончанія ńiń (ńeń) дат. ед., ťńiń (ťńeń) род. мн., ťńińiń (ťńeńeń) дат. мн., ťńida (ťńeda) отлож. мн., ńiḱ (ńeḱ) совмѣст. переходятъ въ nyń (nėń), tnyń (tnėń), tnyńiń (tnėńeń), tnyda (tnėda) послѣ твердыхъ переднеязычныхъ согласныхъ (ср. § 69): kujarnyń дат. ед. (kujar: огурецъ), aťakšnyń дат. ед. (aťakš: пѣтухъ), valtnyń род. мн., sazyrtnyń род. мн. (sazyr: сестры). ľeųksnėńeń дат. мн. (ľeųks: дитя), śukurtnyda (śukur: лепешка), ḃrusnyḱ совмѣст. (ḃrus: брусъ), krandaznyḱ (krandaz: телѣга).

Чередованіе гласныхъ i и e въ окончаніяхъ ńiń — ńeń, ťńiń — ťńeń, ťńińiń — ťńeńeń, ťńida — ťńeda, ńiḱ — ńeḱ, ťťiḿe — ťťeḿe зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; если онъ содержитъ e или o, то является звукъ e, а если другую гласную, то звукъ i (§§ 107 и 110): съ одной стороны — ŕev́eťńeń (ŕev́e: овца), gośńeń (gośť: гость), očḱńeńeń (očka: корыто), stoľťeḿe, v́eľeťťeḿe, čejeŕťńeńeń (čejeŕ: мышь), съ другой — avaťńiń, kudyńiń, ṕiľǵiťťiḿe, ŕiv́iźiń, орк. v́äľińiń.

Чередованіе гласныхъ u и o въ окончаніи ftuma — ftoma зависитъ отъ того же; послѣ слога съ o является ftoma, а послѣ слога съ иною гласною u: oštoma, kolostoma (koloz: колосъ), но avaftuma, kuduftuma.

О чередованіи окончаній da — d́ä (d́e) сказано выше; оно обычно въ Оркинѣ и почти изчезло въ Сухомъ Карбулакѣ; примѣры d́e для Сухого Карбулака указаны въ § 123.

Звонкія согласныя окончаній da и ga переходятъ въ глухія (ta, ka) въ положеніи послѣ глухой согласной въ окончаніи основы (ср. § 68): ḿešekta, ŕeveľeųksta, počta (вм. počtta), suksta, ḃrusta, ṕićifta (отъ ожога), čud́ifta (о текучемъ), pancta (вм. panctta; panct: узда); — čud́ifka (по текучему), ḃeŕekka, ḱijakska, ḱeŋkška, ťešksa (ťešks: мѣтка; по мѣткѣ).

Согласная s въ окончаніяхъ s, sa, sta переходитъ въ c послѣ r, l, n (ср. § 76): ćotmarca (ćotmar: палка съ круглымъ наконечникомъ), ḃazarca (ḃazar: базаръ), v́irca, salca (sal: соль), орк. ṕäľca, onca (во снѣ), podvalcta (podval: подвалъ), ukštyrcta (ukštyr: клёнъ), tolc (въ огнѣ), ŕidvanc (въ рыдванъ), mastyrc, aťamarc, śeźganc, skalc.

Въ Оркинѣ такой же переходъ s въ c наблюдается послѣ окончаній основы s, š (§ 78): sarasc (въ курицу), v́äŕgisc (въ волка), ŕiv́iśc (въ лису), lokšca (кнутомъ). — Въ Сухомъ Карбулакѣ слышится долгое s или ss: salmukssa, v́essa (v́es: вѣсы) ṕiŕaųkssa (ṕiŕaųks: ограда), ńeťkssa (ńeťks: стебель), rudassta, krandassta.

Согласная š въ окончаніи ška переходитъ въ č послѣ r, l, n (§ 76): alčka, skalčka, ḃaraḃančka. Впрочемъ, въ Оркинѣ и lomańška.

Въ окончаніяхъ ťńiń, ťńińiń, ťńida согласная ť выпадаетъ послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ r, l, į (§ 46): malaųksnyń (malaųks: ближній), rasnyń (raz: разъ), vatrakšnyń (vatrakš: лягушка), ľeųksńeńeń, kandylasnyńiń (kandylast: гробъ), rotńeńeń, nurtnyńiń (nurt: сани), taratnyń (tarad: сучокъ, вѣтка), roḃoťńiḱńida, pastuχńińiń, popńeń, ḱeŋkšńeń, čufńiń, ḱńaśńiń, eŕḱńeń, ṕiľḱńiń, jarmaḱńiń, očḱńeńeń (očka: корыто), ŕiv́iśńiń. — Въ

Оркинѣ ť можетъ выпадать и послѣ ŗ, ļ, χ̧ (изъ j̧), которыя при этомъ не измѣняются: skaļnyń, ṕäχ̧ńiń (ṕäj̧: зубъ), čäjiŗńiŋń, uźiŗńińiń, sazyŗnyďe, kaļnyďe, stoļńeďe, ľeχ̧ńeďe, äχ̧ńiďe, viŗńiďe.

Въ окончаніи ftuma — ftoma согласная f выпадаетъ послѣ всѣхъ согласныхъ (§ 48): орк. vakantyma, ḱeḿťeḿä, jarmaktyma, сухокарб.: saltuma, salmukstuma (salmuks: игла), jurtuma (jur: корень, домъ), panartuma. Но въ Оркинѣ f удерживается послѣ r, l, u̧, j̧: viŕftimä, bojarftyma, ṕäjľftimä, ṕäj̧ftimä, panarftyma, końouftoma. Въ Сухомъ Карбулакѣ при paj̧tuma является и paj̧stuma, при ṕej̧ťeḿe — ṕej̧śťeḿe (§ 39).

§ 130. *Замѣчанія о склоненіи нѣкоторыхъ падежныхъ формъ.* Нѣкоторыя падежныя формы могутъ подлежать измѣненію по числамъ и даже падежамъ, получивъ значеніе какъ бы именъ прилагательныхъ: такъ kuduftuma (безъ дома) можетъ имѣть значеніе и бездомный; отсюда возможность образовать падежи: kuduftumuń (бездомнаго), kuduftumut (бездомные): ср. kaŕist pulujftumut (ихъ лапти безхвостые), jurtumuks (бездомнымъ), syń aščiť čapkaftumut (они сидятъ безъ шапокъ; возможно и čapkaftuma).— Равнымъ образомъ отъ kaḃaksa, ḱeťkśḱesa, ḱeca, ponasa и т. д. возможно образовать формы множ. числа: kaḃaksyt (a pastuχ̧ńi kaḃaksyt, т.-е. въ кабакахъ или въ кабакѣ). ḱeťkśḱesėt (въ браслеткахъ), ḱecėt (jarmakńi poṕońť ḱecėt: въ рукахъ; впрочемъ, ḱeca получило значеніе предлога у), ḱeu̧ńesėt (въ камушкахъ), ḱeḿńesət (въ сапожкахъ), čuḃińisyt (въ шубкахъ), kudyńisyt (въ домочкахъ). — Kudystyń korom (кормъ изъ дому привезенный или принесенный).— Образованія на -ks обозначаютъ матеріалъ, изъ котораго что-нибудь сдѣлано или дѣлается: kudyks не только переносительный падежъ отъ kuda, но и самостоятельное слово (матеріалъ для постройки дома) и образуетъ формы: kudykst и т. п.; ср. ťe utumuńťiń vačksaśť ṕiksykst (въ этотъ амбаръ сложили матеріалъ для изготовленія веревокъ; ṕiks: веревка).

§ 131. *Объ окончаніяхъ опредѣленнаго склоненія.* По происхожденію своему окончанія опредѣленнаго склоненія представляются указательными мѣстоименіями: -ś, ср. śe (тотъ), -ť, ср. ťe

(этотъ), -ńe, ср. ńe (эти). Повидимому, первоначально эти окончанія приставлялись только къ формамъ имен. ед. и имен. мн., а также къ формѣ родит. падежа, падежа прямого дополненія: ava-ś, avat-ńe, avań-ť; впослѣдствіи avańť (р. опр.) при avań (р. неопр.) вызвало при avań-iń (д. неопр.) — avańť-iń (д. опр.); а затѣмъ окончаніе -ńť (р. опр.) приставлялось къ окончаніямъ другихъ падежей ед. числа, кромѣ, однако, вносительнаго и переносительнаго, не вошедшихъ въ систему опредѣленнаго склоненія. Перечислю окончанія опредѣленнаго склоненія и звуковыя ихъ измѣненія:

ś для имен. ед.: avaś, kudyś, v́eľeś, vazyś (vaz: теленокъ), tolneś (tolnė: огонёкъ). — Вмѣсто -ś находимъ -ć послѣ согласныхъ r, l, n основы: kijalć (kijal: золовка), ćaraχmanć (ćaraχman: градъ), panarć (panar: рубашка), mastyrć, numulć.

-ńť для родит. ед.: lapańť (lapa: крыло), pakśańť (pakśa: ребенокъ), skalyńť, oftėńť (ofta: медвѣдь), eľďeńť (eľďe: кобыла), uźiŕińť, kiźyńť (kiza: лѣто). Замѣчу, что во многихъ другихъ говорахъ соотвѣтствующимъ окончаніемъ является -śť.

-ńťiń (ńťeń) для дательнаго ед.: aťańťiń (aťa: старикъ), tarkańťiń (tarka: мѣсто), iviźińťiń, oftėńťeń, v́eŕǵezėńťeń, v́eľeńťeń. Какъ видно изъ примѣровъ, -ńťeń вмѣсто -ńťiń является послѣ слога съ e, o. Вмѣсто ńťiń (ńťeń) извѣстно произношеніе ńťij (ńťej) и ńťi (ńťe): послѣднее особенно распространено въ Оркинѣ: v́iŕińťi, v́äľińťi, gorodėńťä, ŕev́eńťe.

dyńť (dėńť) для отложительнаго ед.: ṕŕadyńť, kudydyńť, v́edėńť (v́e: ночь), sazyrdyńť, v́eľedėńť. Въ Оркинѣ, гораздо рѣже въ Сухомъ Карбулакѣ, послѣ гласныхъ переднихъ и согласныхъ мягкихъ является -ďińť (ďeńť): roźďeńť, ṕiźimiďińť, v́äľiďińť, ojḿeďeńť, lomańďińť. Чередованіе dyńť (ďińť) и dėńť (ďeńť) зависитъ отъ предшествующей согласной: формы съ ė, e являются послѣ слога съ o, e. Вмѣсто dyńť и т. д. является tyńť и т. д. послѣ глухихъ согласныхъ основы: kijakstyńť, ḿešėktėńť, орк. načaľńikťińť.

syńť (sėńť) для вмѣстительнаго ед.: goŕńećasyńť (goŕńeća: горница), ṕiľksyńť, moŕėsėńť (mora: пѣсня), ojsėńť (oj: масло), utum-

syńt́. Окончаніе sėńt́ замѣняетъ syńt́ послѣ слога съ о, е. Вмѣсто syńt́ (sėńt́) является cyńt́ (cėńt́) въ Сухомъ Карбулакѣ послѣ r, l, n, а въ Оркинѣ и послѣ s, š основы: uźircyńt́, umaŕcyńt́, lomańcyńt́. орк. ṕäjiĺćyńt́ (päjiĺ: ножъ), орк. ḱijakscyńt́, ṕikscyńt́, ḱäŋkšcyńt́.

styńt́ (stėńt́) для выносительнаго ед.: turvastyńt́ (turva: губа), ḱiĺiįstyńt́ (ḱiĺiį: береза), sazyrstyńt́, t́eįt́eŕńestėńt́ (t́eįt́eŕńe: дочка), sudystyńt́ (suda: носъ). Окончаніе stėńt́ замѣняетъ styńt́ послѣ слога съ о, е. Вмѣсто styńt́ (stėńt́) является, по далеко не постоянно, ctyńt́ (ctėńt́) послѣ r. l. n: v́iŕctyńt́, numulctyńt́, śovońctėńt́.

vańt́ (gańt́) для проносительнаго ед.: vaĺmavańt́, pakšavańt́. troṕeńevańt́ (troṕeńe: тропинка), ḿeščevańt́ (ḿešče: грудь), kardazgańt́, kalgańt́, v́iŕgańt́. sadgańt́. Послѣ глухой согласной основы вмѣсто gańt́ находимъ kańt́: ḱijakskańt́, ḱeŋkškańt́.

ksyńt́ (ksėńt́) для переносительнаго ед.; примѣры недостовѣрны: сухокарб. v́eďeksėńt́.

ftumuńt́ (ftomońt́) и f́t́imińt́ (f́t́emeńt́) для изъятельнаго ед.: ḱiskaftumuńt́, kuduftumuńt́, ṕisyŕf́t́imińt́, t́ikšif́t́imińt́. oįf́t́emeńt́. Въ Оркинѣ вмѣсто ftumuńt́ находимъ ftymyńt́: sodamyftymyńt́, matkaftymyńt́. Окончанія ftomońt́, f́t́emeńt́ имѣютъ мѣсто послѣ слога съ о, е. Окончанія f́t́imińt́ (f́t́emeńt́) употребляются послѣ переднихъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ. Послѣ согласныхъ употребляются окончанія tumuńt́ и т. д., но въ Оркинѣ послѣ r, l также ftymyńt́: sazyrtumuńt́, saltumuńt́, орк. sazyrftymyńt́.

škańt́ для сравнительнаго ед.: Vańaškańt́ (съ этого Ивана).

-t́ńe (tnė) для именительнаго мн.: ćorat́ńe, lopat́ńe (lopa: листъ), tulyt́ńe (tula: гвоздь), numultnė. skaltnė, morėt́ńe. Окончаніе tnė находимъ послѣ твердой переднеиёбной согласной основы. Звукъ t́ (t) въ окончаніяхъ t́ńe (tnė) между согласными выпадаетъ: pastuχńe, ṕeŋḱńe, t́eśńe, gośńe, vasnė, v́eŕgeśńė, tuĺaŋksnė (tuĺaŋks: поросенокъ), bratnė, rusnė (русскіе). Въ Сухомъ Карбулакѣ t удерживается послѣ r, l: sazyrtnė, skaltnė, ortnė, въ Оркинѣ оно выпадаетъ, но r, l удерживаются глухими: skaḷnė, sazyṛnė, umaṛ́ńe, рядомъ и skalχnė; въ Оркинѣ при äχt́ńä (дѣти) также äχńä.

Опредѣленное склоненіе не имѣетъ особыхъ формъ для другихъ падежей множ. числа; формы на -ťńiń, -ťńińiń, -ťńida въ род., дат., отлож. множ. числа относятся, какъ мы видѣли, къ склоненію неопредѣленному, хотя онѣ и образованы отъ основы на -ťńe, являющейся въ имен. падежѣ множ. числа склоненія опредѣленнаго. — Вмѣсто падежей ед. числа вносительнаго и приносительнаго въ опредѣленномъ склоненіи употребляется дательный.

§ 132. *О формѣ звательнаго падежа.* Имена, обозначающія лица, могутъ образовывать особую звательную форму на -aj̯ и -kaj̯. Такъ находимъ: dugaj̯ (duga: сестра), paťaj̯ (paťa: старшая сестра), ťaťaj̯ (ťaťa: отецъ), jalgaj̯ (jalga: другъ), suvaχaj̯ (suvaχa: сваха), roďńaj̯ (roďńa: родственникъ), pokšćaj̯ (pokšća: дѣдъ), paťušaj̯ (paťuša: старшая сестрица), Kuľaj̯ (Kuľa: Акулина), uŕaj̯ (uŕe: братнина жена), afkaj̯ (afka: матушка), avaj̯, babaj̯, paťkaj̯, ťaťkaj̯, ej̯kaj̯ (ej̯ďe: дитя), avakaj̯, odavakaj̯ (odava: мачеха), ťaťakaj̯, dočakaj̯, ťiŕakaj̯ (кормилецъ), ej̯ďakaj̯, pokšćakaj̯, ľaľakaj̯ (ľaľa: старшій братъ), koŕmakaj̯ (кормилецъ), jalgakaj̯, ojakaj̯ (oja: душа).

§ 133. *О звуковой формѣ основы существительныхъ.* Основы именъ существительныхъ различаются по своему окончанію: 1) основы на a (не измѣняющееся и въ косвенныхъ падежахъ): ava, aťa, moda (земля), końa (лобъ), ṕŕa, kšna (ремень); 2) односложныя основы на e (орк. e и ä) и на i: v́e, ṕe, орк. ṕä (конецъ), ći, ḱi (дорога), kši (хлѣбъ), kšńi (желѣзо), ṕši (жаръ); 3) основы на согласную, на j̯, u̯, ü̯, и на гласныя α, ε. Эти послѣднія основы въ свою очередь дѣлятся: а) на основы, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на неслоговые звуки — твердые или мягкіе: aťakš (пѣтухъ), oš (городъ), koct (полотно), χŕost (крестъ), saraz (курица), lou̯ (снѣгъ), ksnau̯ (горохъ) — lau̯ś (зыбка), ťrušńiḱ (копейка), v́iŕ (лѣсъ), syv́iľ (мясо), v́eď (вода), орк. ľej̯ (рѣка); б) на основы, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на -a послѣ твердой согласной и на -e (-ä) послѣ мягкой, причемъ эти a, e восходятъ къ звукамъ редуцированнымъ, α, ε: kuva, tuva (свинья), čufta (дерево), olga (солома), śura (хлѣбъ) — eľďe, oj̯ḿe, au̯ńe (золовка), ṕiŕe (гумно), ej̯ďe, ŕiv́iźńe

(лисичка), aťakšḱe (пѣтушокъ); вм. -ńe послѣ твердой передненебной согласной основы находимъ -nė: tolnė, saraznė (курочка), baranne (барашекъ).

Основы на гласныя полнаго образованія во всемъ склоненіи не измѣняютъ гласной основы: moda, modań, modaś, modada, modastyńť, modaťńe; ḱiń, ḱiť; ṕe, ṕeńeń, ṕeda, орк. ṕä, ṕäńiń, ṕäďä. Къ основамъ на i относится нѣсколько многосложныхъ словъ, а именно сложенныя съ či: ḃednoįǯi (бѣдность), skupoįǯi (скупость), arašči (бѣдность). — Что касается основъ на гласныя неполнаго образованія и на неслоговые звуки, то нѣкогда тѣ и другія основы различались рѣзче, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху жизни языка, когда гласныя неполнаго образованія исчезали изъ произношенія при стеченіи благопріятныхъ условій; особенно благопріятствовало исчезновенію гласной неполнаго образованія положеніе въ концѣ слова; поэтому рядъ словъ, оканчивающихся на согласную въ имен. ед., можетъ быть отнесенъ по происхожденію къ основамъ на гласную неполнаго образованія. Иногда находимъ параллельныя образованія и въ современномъ языкѣ: numyl орк. (заяцъ), при numyla (въ Сухомъ Карбулакѣ только numul). Во многихъ косвенныхъ падежахъ видимъ выпаденіе гласной, являющейся въ имен. пад. въ видѣ a или e: tunťńiń при tunda, olkńe при olga, paŋkt при paŋga. Основы на неслоговые звуки и на гласныя неполнаго образованія имѣютъ то общее между собою, что представляютъ одинаковыя гласныя передъ падежными окончаніями: въ основахъ на согласную эти гласныя, восходящія къ гласнымъ неполнаго образованія α и ε, представляются вставными гласными, явившимися для устраненія тѣхъ или иныхъ неудобо-произносимыхъ группъ согласныхъ; въ основахъ на гласныя неполнаго образованія эти гласныя оказываются старыми гласными, сохранившимися благодаря частью неудобо-произносимымъ группамъ согласныхъ, а частью благодаря разнымъ другимъ условіямъ. Разсмотримъ ближе эти «бѣглыя» въ однѣхъ, устойчивыя въ другихъ основахъ гласныя. — Названныя основы имѣютъ всегда подобную гласную, во-первыхъ, передъ оконча-

ніемъ ń въ род. ед., ńť въ род. опред., ńťiń въ дат. опред.: jarmak — jarmakyń, jarmakyńť, jarmakyńťiń; ḿešėk — ḿešėkėń, ḿešėkėńť, ḿešėkėńťeń; sazyr — sazyryń, sazyryńť, al — alyń, sur (палецъ) — suryń, mact — mactyńťiń, ksnau̯ — ksnavuń, śupau̯ — śupavuńť, narod — narodėń, lou̯ — lovoń, porog — porogońť, počt — počtėń, ŕiv́iź — ŕiv́iźiń, śeźgan — śeźganyń, орк. v́äŕǵiz — v́äŕǵizyń, v́iŕ — v́iŕiń, kardaz — kardazyń, kuda — kudyń, čufta — čuftyń, ťeľe — ťeľeń, utum — utumyń, и т. д.; во-вторыхъ, передъ окончаніемъ u̯ (ü̯) въ приносительномъ падежѣ: jarmaku̯, ḿešeko̯u̯, b́eŕeke̯i, Kuźńećkeje̯u̯, орк. v́äľiü̯, v́eŕeü̯, ḱeŋkšeü̯ (къ двери), gorodou̯, mastyruu̯, ošou̯, kaluu̯. Передъ окончаніемъ ś въ им. ед. опред. склоненія наличность соединительной гласной въ Оркинскомъ нарѣчіи обязательна, а въ Сухокарбулацкомъ эта гласная иногда опускается: koctėś, orėś, tolėś, jamuś, śupavuś, ksnavuś, oroχoś, klokoś, popoś, v́eŕeś, uźiŕiś, syv́iľiś; сухокарб.: śupau̯ś, ksnau̯ś, Ščerbatuu̯ś, ťeü̯ś, b́ednėi̯ś, maći̯ś, uŕiďiü̯ś, śepei̯ś, portnoi̯ś, ťei̯ńei̯ś, tatarć, Oprakśinć, ośolć, ai̯gyrć, bojarć, stulć, numulć, panarć, čaraχmanć, mastyrć, lagunć, čugunć, koromś, syv́iľć (итакъ послѣ u̯, r, l, n, m, но также: durakś); въ переносительномъ сухокарб. и орк.: jarmakyks, ḿešėkėks, čeü̯ (лучина) — čev́eks, gośť—gośťeks, pop—popoks, krandazyks, v́eŕǵezėks, сухокарб. jondolks (при jondolóks), ai̯ǵirks (при ai̯gyryks), ḱŕeśjanks, panarks, rusks (отъ ruz: русскій), gub́ernatyrks; въ орк.: lomańks (сухокарб. lomańks и lomańiks), bojarks, ṕisyŕks, učiťiľks. Передъ окончаніемъ сравнит. падежа -ška соединительная гласная обязательна только послѣ согласныхъ s, z: kardazyška, saldyrksyška, časyška; но въ Сухомъ Карбулакѣ извѣстны и образованія: kardai̯ška, sarai̯ška, восходящія непосредственно къ kardazška, sarazška, ср. kulakška, čapka krukška, lomańška, jarmakška.

Всѣ остальныя окончанія приставляются къ основѣ безъ соединительной гласной. Если тѣмъ не менѣе мы находимъ передъ ними соединительныя гласныя, то, кажется, только отъ основъ, оканчивающихъ на a, e въ именительномъ, почему можно

думать, что гласная эта перенесена изъ имен. падежа. Какъ общее правило можно выставить, что гласная, появившись въ имен. падежѣ ед., удерживается и въ прочихъ падежахъ: pula — pulysa, pulyda; ura (шило) — urysa, uryda, mora (пѣсня) — morėt, morėda; t́eĺe — t́eĺeńeń; morama — moramuda, v́iŕńe — v́iŕńiś, ṕiĺe — ṕiĺista, ṕiĺisa, ṕiĺida, орк. v́äĺe — v́äĺis, v́äĺid́ä, v́äĺiva, v́äĺińiń; vaša — vašyt, vašyda, и т. п. Напротивъ, слова, оканчивающіяся въ имен. на согласную, образуютъ всѣ падежи, кромѣ отмѣченныхъ выше, безъ соединительной гласной: v́iŕ — v́iŕca, v́iŕda, орк. v́iŕd́ä; орк. v́äd́ — v́äca, v́ät́t́ä; ŕiv́iź — ŕiv́ijs (въ лису), rudaz — rudajs (въ грязь), moroz — morojsta (въ морозъ), utum — utumsta, ukštyr — ukštyrcta, stoĺ — stoĺt́eme, oš — oška, oštoma, ošta; vajǵiĺ — vajǵiĺca, sazyr — sazyrda, sazyrga, sazyrnyń, и т. д. — Но рядомъ находимъ и много исключеній, а именно видимъ опущеніе гласной, являющейся въ окончаніи именительнаго ед.: ṕiĺǵe — ṕiĺks, ṕilksa, ṕiĺkta (и ṕiĺǵida), lokša — lokšsa (и lokšėsa), para — parca, parc (но paryda), karda (хлѣвъ) — karca (и kardysa), орк. kart (хлѣва), śeĺḿe — śeĺmsa, śeĺmt́ (орк. śäĺmit́), kuda — kuca (и kudysa), kudga (при kuduva), ĺeŋǵe — ĺeŋksa (лыкомъ), ćoka — ćoksa (и ćokosa), t́eš́će — t́ešćsa (звѣздами), tombalaŋga — tombalaŋksa, čufta — čufsta, čuŋsa, čuŋs, źeṕe — źepsta, źeps, kurga — kurks, paŋga — paŋks, eŕḱe — eŕks, ṕešće — ṕešćs (за орѣхами), aška (хомутъ) — aškta (и aškyda), komora — komorca (горстями, и komorėsa), parga (кузовъ) — parks, kalma (могила) — kalms, eĺd́e — eĺca, eĺc; eska (гвоздь) — eksta, esksa, ejd́e (дитя) — ejt́, ṕiźiḿe (дождь) — ṕiźimt́iḿe (при ṕiźimift́iḿe), latka (оврагъ) — latkt. Особенно послѣдовательно опущеніе гласной въ отглагольныхъ существительныхъ на ma: suskumda, kortamsa, ṕeĺikulums, orožjams, putumsta, aŕt́ńimsta, čavumsta, moĺemsta, suńd́irgadumsta (въ сумеркахъ), kalmamga, jumamga, aramga, v́ed́eńb́ŕams.

§ 134. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно измѣненія конечныхъ согласныхъ основъ передъ падежными окончаніями. Согласныя z, ž передъ t переходятъ въ s, š: ost, v́eŕǵest,

kolost, sarast, čuvašt, kukušt, vasnė; dt переходитъ въ tt: keťť, gorȯtt, rott, gott; nt переходитъ въ tt: sažytt, atamatt, dokuḿett, ćigatt, vakatt, kaŕćagatt, tarakatt, saraχatt, kŕeśjatt, studéttnė, vagott, lomaťńe; но рядомъ и vakant, χoźaint, sažynt, а также въ односложныхъ: ont, čant (но въ Оркинѣ: ott, čatt); въ pant, pont nt удерживается, ибо t замѣнило dt; gt переходитъ въ kt: olkt, орк. ṕäŋkť, ṕiľkť; u̯ передъ t переходитъ въ f: loft (снѣга), čuft, karft, ťeft, keft, śupaft, ulaft; i̯ въ Оркинѣ передъ t переходитъ въ χ: ṕäχť, suľiχť, vaľǵiχť. Сочетанія zs, ss, zš, sš переходятъ въ i̯s, i̯š: tarvai̯sa, krandai̯sa, kardai̯s, lai̯sta, rudai̯styńť, moroi̯sta, ŕiv́ii̯s (рядомъ krandassta, rudassta, lassta), lai̯ška, sarai̯ška, kardai̯ška. Вмѣсто gs находимъ ks: ostroks, paŋks. Звукъ f слова čufta является въ видѣ u̯ передъ s въ вмѣстительномъ и выносительномъ падежахъ: čuu̯sa, čuu̯s. Мягкія губныя и среднепёбныя отвердѣваютъ передъ твердыми окончаніями: eźemga, ḱeŕeksa, rozḃoińikta. Сочетанія ds, ts переходятъ въ c: ḱeca, v́eca, ḿec, ńec (къ черенку); вмѣсто c подъ вліяніемъ аналогіи tc: ḱeťca (шкурой), но ḱeca (рукой). Вмѣсто šč́ находимъ šť: v́ešť (вещи), ṕešť (орѣхи). Сочетаніе ťť замѣняется сочетаніемъ ćť: ḱećťeḿe (безъ рукъ; но ḱeťťeḿe: безъ шкуръ, подъ вліяніемъ ḱeď).

§ 135. Образцы склоненія неопредѣленнаго и опредѣленнаго.

Неопредѣленное склоненіе.

Единств. число.

Им.	moda	ṕiľe	ḱeḿ
Род.	modań	ṕiľiń	ḱeḿeń
Дат.	modańiń	ṕiľińiń	ḱeḿeńeń
Отлож.	modada	ṕiľida [1])	ḱemda [2])
Вмѣст.	modasa	ṕiľisa	ḱemsa
Вынос.	modasta	ṕiľista	ḱemsta
Внос.	modas	ṕiľis	ḱems

1) Орк. ṕiľidä. 2) Орк. ḱemdä.

Пронос.	modava	pilʹiva	kemga
Перенос.	modaks	pilʹiks	kemks
Изъят.	modaftuma	pilʹiftʹimc	kemʹtʹeme
Принос.	modaų	pilʹiį	kemeį
Сравнит.	modaška	pilʹiška	kemʹeška
Совмѣст.	modańik	pilʹińik	kemńek

Опредѣленное склоненіе.

Единств. число.

Им.	modaś	pilʹiś	kemʹeś
Род.	modańtʹ	pilʹińtʹ	kemʹeńtʹ
Дат.	modańtʹiń	pilʹińtʹiń	kemʹeńtʹeń
Отлож.	modadyńtʹ	pilʹidyńtʹ [1])	kemʹdéńtʹ [2])
Вмѣст.	modasyńtʹ	pilʹisyńtʹ	kemséńtʹ
Вынос.	modastyńtʹ	pilʹistyńtʹ	kemstéńtʹ
Пронос.	modavańtʹ	pilʹivańtʹ	kemgańtʹ
Изъят.	modaftumuńtʹ	pilʹiftʹimińtʹ	kemʹtʹemeńtʹ
Сравнит.	modaškańtʹ	pilʹiškańtʹ	kemškańtʹ

Неопредѣленное. Опредѣленное.

Множ. число.

Им.	modat	pilʹitʹ	kemʹtʹ	modatʹńe	pilʹitʹńe	kemʹtʹńe
Род.				modatʹńiń	pilʹitʹńiń	kemʹtʹńeń
Дат.				modatʹńińiń	pilʹitʹńińiń	kemʹtʹńeńeń
Отл.				modatʹńida	pilʹitʹńida [3])	kemʹtʹńeda [4])
Пронос.				modatʹńiva	pilʹitʹńiva	kemʹtʹńeva

1) Орк pilʹidińt. 2) Орк. kemʹleńtʹ. 3 Орк. pilʹitʹńidä. 4) Орк. kemʹtʹńedʹä.

Склоненіе прилагательныхъ, причастій и числительныхъ.

§ 136. Имена прилагательныя, когда употребляются не въ качествѣ аттрибута, склоняются какъ существительныя. Напр. štapa (голый): štapuń, štapuńiń, štapuda, štapusta, štapuva, štapuška, štapuks, štapuftuma, множ. štaput, štapuťńiń, štapuťńińiń, štapuťńida; para (хорошій) — paruń, paruńiń, paryda, parysta (или parcta), parys (или parc), paruva, paryška (или parčka), paryks (или parks), partuma, part, partnyń, partnyńiń, partnyda.

Такъ же склоняются причастія на yį (ėį) и iį (eį): kulyį, (умирающій), moľeį (входящій), kortėį (говорящій), kiŕďiį (держащій): kulyjiń, moľejeń, kortėjeń, kiŕďijiń и т. д. Также причастія на -ft, когда имѣютъ значеніе существительныхъ: tuś veďeń ʒuďifka (пошелъ по теченію воды), daį mekeu̯ maksufńiń (дай назадъ отданныя).

Такъ же склоняются числительныя: veįke (одинъ), veįkeda, veįkesta, veįkes, veįkeška, veįkeffeme; kolma (три) — kolmoń, kolmońeń, kolmoftoma и т. д.; kafta (два) — kaftyń, kaftyftuma и т. д.; keмeń — kemeńeń, kemeńńeń, kemeńda, kemeńca, kemeństa, kemeńc, kemeńčka, kemeńťeme; komś — komśeń, komśńeń, komśsa, отл. komśta, вынос. komśsta, пронос. komśka, сравн. komśška, изъят. komśťeme; формы veįkeń-veįkeń, kaftyń-gaftyń имѣютъ значеніе: по одному, по два; veįkeu̯ значитъ сразу, kaftuu̯ — надвое.

Порядковыя числительныя, какъ vaśiń, vaśińće, omboće, kolmoće, śiśimće, kemeńće, komśeće и т. д., также подвергаются склоненію: vaśiń (vaśińće) образуетъ: vaśińćiń, vaśińćińiń, vaśinda (vaśińćida), vaśińca (vaśińćisa), vaśincta (vaśińćista), vaśińčka (vaśińćiška), vaśińga (vaśińćiva), vaśińćtiḿe.

Отмѣчу соединеніе числительныхъ съ личными мѣстоименіями: veįkeńek (мы одни), kau̯ńik (мы оба), kau̯ńijk (вы оба), kolmońek (мы трое), kolmońejk (вы трое). Вмѣсто -st въ 3 л. мн. находимъ sk: kau̯ńisk (они оба), kolmońesk, ńiľńisk, veįksėńesk.

Склоненіе именъ, соединенныхъ съ притяжательными мѣстоименіями.

§ 137. Для опредѣленія отношенія того или другого предмета или дѣйствія къ лицу, названіе предмета или дѣйствія можетъ принимать за собой сокращенныя формы личныхъ мѣстоименій. А именно для опредѣленія принадлежности или ближайшаго отношенія къ 1-му лицу ед. присоединяется окончаніе -m (ср. moń мой) въ имен. пад. ед., окончаніе -n въ прочихъ падежахъ ед. и мн. ч.; ближайшее отношеніе къ 1-му лицу множ. выражается окончаніемъ nyk (ср. ḿi-ńiḱ: мы); ближайшее отношеніе ко 2-му лицу ед. — окончаніемъ t (ср. toń: твой); ближайшее отношеніе ко 2-му лицу множ. — окончаніемъ ŋk (ср. tyŋḱ: вы); ближайшее отношеніе къ 3-му лицу ед. — окончаніемъ -za для имен. падежа и -nʒa для прочихъ падежей (ср. sonza, sonʒa: его); ближайшее отношеніе къ 3-му лицу множ. ч. — окончаніемъ -st (ср. synct изъ synst: ихъ). Отмѣчу, что -za (-nʒa) въ нѣкоторыхъ словахъ не вноситъ значенія притяж. мѣстоименія 3-го лица: čiza значитъ солнце, v́eza — ночь; въ Оркинѣ: koŋ iśt́a v́änzylaŋks (ночью) tutada? Ср. еще v́eśeḿeza въ значеніи всего: v́eśeḿezy śiśiḿ ul̕ińiḱ (насъ было всего семеро).

§ 138. Названныя окончанія подвергаются слѣдующимъ измѣненіямъ. Окончаніе -m смягчается, переходитъ въ ḿ, подъ вліяніемъ предшествующей гласной передняго ряда: avam, но ṕiŕiḿ, v́el̕eḿ, ḱijalnyḿ (непосредственно изъ ḱijalniḿ); другія окончанія не подвергаются подобному смягченію: avat и ṕiŕit, v́el̕et, ḱijalnyt, ṕiŕiŋk, v́el̕eŋk. Впрочемъ, въ индивидуальномъ произношеніи употребляются и смягченныя окончанія t́, ŋḱ при указанныхъ условіяхъ: v́iŕiŋḱ (Оркино); такія смягченныя окончанія свойственны многимъ эрзянскимъ говорамъ. Въ Оркинѣ весьма обычно произношеніе съ m вм. ḿ: šuŕińim, äjd́im, al̕ńim. Чередованіе nyk съ nėk зависитъ отъ предшествующей гласной; o и e въ предыдущемъ слогѣ обусловливаютъ появленіе nėk: avanyk, ṕiŕinyk, но v́el̕enėk, koromonėk; вмѣсто nyk (nėk) неиз-

вѣстно ńik (ńek) въ положеніи за гласными передняго ряда, ср. такое ńek во многихъ другихъ эрзянскихъ говорахъ. — При -nʒa извѣстно и произношеніе -nza.

§ 139. Названныя окончанія присоединяются къ основамъ на гласныя полнаго и неполнаго образованія непосредственно; послѣднія подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ какъ гласныхъ предшествующаго слога, такъ и сосѣднихъ согласныхъ; α переходитъ въ y, u, ė, o, ȯ: skalyn, kudum, ćokot, olgȯt, oftėza; ε переходитъ въ i, e: ṕiŕiḿ, v́eĺest, ojest (ср. §§ 107 и 110). Къ основамъ на согласныя названныя окончанія присоединяются при помощи соединительной гласной α или ε, подвергающейся соотвѣтственнымъ измѣненіямъ: bratum, sazyryt, valynʒa, kaŕist. Соединительная гласная не можетъ быть выпущена: формы какъ ḱedza (ḱedzė), sazyrza (sazyrzo) въ изслѣдуемыхъ говорахъ неизвѣстны. Ср. jarmakyt: твои деньги, jarmakt: деньги. Вставка гласной послѣ окончанія вносительнаго падежа дѣлаетъ возможнымъ отличить его отъ вмѣстительнаго, въ виду того что окончаніе s вносит. падежа переходитъ въ z: kudyzynza, ḱeďezėnza; отъ краткихъ формъ того же падежа, какъ kuc, ḱec, поэтому не образуется форма съ мѣстоименнымъ окончаніемъ.

§ 140. Впрочемъ, присоединеніе указанныхъ окончаній къ согласнымъ можетъ имѣть мѣсто вообще только въ формѣ именительнаго единственнаго; падежи, оканчивающіеся на согласную, не принимаютъ этихъ окончаній: поэтому, напр., отлож. kudydyn, вмѣст. kudysyn, выносит. kudystyn, внос. kudyzyn, пропос. kuduvan, сравн. kudyškat, но отъ род. kudyń, дат. kudyńiń формъ съ мѣстоименіями притяжательными не образуется. Им. мн. образуется путемъ присоединенія окончаній n, t, nyk, ŋk, nʒa, st къ основѣ: kudyn (мои дома), kudyt (твои дома), kudynyk (наши дома), kudyŋk (ваши дома), kudynʒa (его дома), kudyst (ихъ дома). Только окончанія nʒa и st присоединяются и къ согласнымъ падежнымъ окончаніямъ: alašań-nʒa даетъ alašanʒa въ род.; отсюда образуется форма дат. падежа съ присоединеніемъ окончанія -ťiń: alašanʒαťiń даетъ alašanctyń

или alašanstyń; alašań-st даетъ alašast; отсюда образуется форма дат. пад. съ присоединеніемъ окончанія -ťiń: alašast-ťiń даетъ alašastyń. Отмѣтимъ, что всѣ формы, образованныя посредствомъ указанныхъ окончаній (кромѣ однако формъ на -m), имѣютъ значеніе не только единств., но и множ. числа.

§ 141. Приведу примѣры для существительныхъ съ притяжательными мѣстоименіями.

Первое лицо единств. числа (мой, моя).

Имен.: modam, ďedam, ćoram; сухокарб.: skalum, uŕažum, lazum, aťaftum; орк.: skalym, sudym, utymym, kardazym; сухокарб.: ozom, pondom, końovom; орк.: końovȯm; сухокарб.: ḱeľeḿ, ṕeḱeḿ, ťeɉťeŕeḿ, kuťḿiŕiḿ, av́iniḿ; орк.: uźiŕim, roźem, ŕev́em, ťeńŕem, ťäχťiŕim, kšim.

Слова на -ma образуютъ форму косв. падежа (родительнаго) на -man или -mun: syť moń gundamun (идутъ, чтобы взять меня); karḿiť ḱeŋḱśńeman (начнутъ спрашивать меня).

Отлож.: avadyn, vazdyn, krandazdyn, brattyn; сухокарб.: v́eďńedėn, ṕiľidyn, ṕiŕidyn; орк.: uźiŕdin, ṕiŕiďin.

Вмѣст.: pulysyn, alašasyn, śeďeɉsėn, ḱecėn, panarcyn, ḿeščėn (на моей груди), ṕiŕisyn, kucyn.

Вынос.: skalstyn, čamastyn, ṕiľistyn, onctėn, krandaɉstyn, sactyn, źepstėn.

Вносит.: ṕŕazyn, kurgyzyn, mukuryzyn, noftazyn, ḱeďezėn, ṕeḱezėn, eľezėn, kuťḿiŕizyn, v́iŕizyn, орк.: śäľḿizyn, źepezän.

Пронос.: pakśavan, ṕiľǵivan, kurguvan, ťelavan, kardazgan, sadgan, kudgan, ḱijakskan.

Имен. множ.: bratyn, utumun, prakstan, jalgan, uŕvan, ćoran. sazyryn, śulyn ḃeḱen (мои внутренности), godėn, orčamun, ťeɉťeŕen, ṕeŋǵen, umaŕin, uźiŕin.

§ 142. Второе лицо единств. числа (твой, твоя).

Имен.: alašat, ṕŕat, pakšat, valyt, sadyt, kudyt, bratyt; ćokot, potmot, olgėt; ŕev́et, ṕiŕit, ḱeḿet, koɉḿet, ojet, орк. v́äďit, орк. äɉďit, орк. vaľǵiit.

Косв. падежъ (родительный): karman v́ečkemat, tonaftumat, andumat, karḿe naŕgamut, syń varčamut.

Отлож.: skaldyt, vašydyt, pakšadyt, sattyst, čudikiľkstyt, kijakstyt; орк.: v́iŕd́it, ḿiŕd́idit, čeŕd́et, ṕiŕidit; сухокарб.: ṕiŕidyt, ḱeťtėt.

Вмѣст.: kudysyt, palkasyt, v́iŕcyt, surcyt, čovońcėt, šelmsėt, ḱecėt, šukurcyt, ṕiľisyt, ṕiľksyt, орк. ḱijakscyt.

Вынос.: kudystyt, v́eďńestėt, ṕŕińistyt, onctėt, ṕŕastyt, орк. kyrgastyt, mactyt (изъ твоего выхода), krandajstyt.

Вносит.: krandazyt, tarkazyt, ťicazyt, šuryzyt, andumazyt, ejďezėt, ḿeľezėt, źeṕezėt.

Пропос.: kurguvat, ťelavat, ṕiľǵivat.

Сравнит.: kudyškat, ṕiľǵisurčkat.

Имен. множ.: azyryt, bratyt, šulyt ṕeḱet, ḱeďet, орк. pologot, орк. šäľḿit.

§ 143. Третье лицо единств. числа (его, ея).

Имен.: avaza, sazyryza, skalyza, орк. ťäχťiŕiza; сухокарб.: ćokoza, obrokoza, koromoza; ḱijalyza, pulyza, sarazyza, kardazyza, χ́rostėza, počtėza; v́ijiza, ṕŕińiza, сухокарб. vajǵiľiza; ľeḿeza, ńeŕeza, sėŕeza, ľezėza (облегченіе, польза), sonʒy sajimazy možna.

Родит.: avanʒa, šabranʒa, ṕenʒa, ťaťanʒy avanʒa, brovanʒa; ṕiľinʒa, sazyrynza, rodėnʒa, komorėnʒy poc, kundamunʒa, štamunʒa, v́eľenʒa.

Дат.: jalganctyń, ojanctyń, babanctyń, avanctyj, nučkanctyń, ťejťeŕńenctėń, ḿiŕďinctyń; орк.: jalgansty, sodamunsty, ťäχťiŕinsty, paťansty, ćoŕeńenstė. Образуется, кажется, только отъ одушевленныхъ.

Отлож.: goŕadynʒa, afkadynʒa, kulumadynʒa, сухокарб.: ťeuďėnʒa, b́ednėjǵidynʒa, орк.: b́ednyjǵiďinʒa, umaŕďinʒa, syv́iľďinʒa.

Вмѣст.: ṕŕasynʒa, lopasynʒa, v́ijsynʒa, pulyńisynʒa, ḱenčsėnʒa, ṕejsėnʒa, ṕeksėnʒa, panarcynʒa, kurksynʒa, орк. lokščėnʒa.

Вынос.: ḱirgastynʒa, ud́imstynʒa, lovažastynʒa, tuimstynʒa, kuctynʒa, ḱectėnʒa, očkstėnʒa, krandajstynʒa.

Вносит.: tarkazynʒa, pooskazynʒa, ṕrazynʒa, ṕiľǵizynʒa, samuzynʒa, kudyzynʒa, eľezėnʒa, koŕonėzėnʒa, źeṕezėnʒa, орк. śäľḿizynʒa, keďezėnʒa.

Пропос.: kijavanʒa, lugavanʒa, v́iŕganʒa, орк. ľeiganʒa, сухо-карб. kirgavanʒa.

Сравнит.: kudyškanʒa.

Имен. мн.: alašanʒa; орк.: ṕäŋǵinʒa, ṕäinʒa; sazyrynʒa, šabranʒa, sakalynʒa, keḿenʒa, орк. pologonʒa.

§ 144. Первое лицо множ. числа (нашъ, наша).

Имен.: luganyk, turbanyk, psakanyk, šabranyk, v́inanyk, śurynyk, kudynyk, ṕiľinyk, орк. v́äľinyk, v́iŕinyk, ojḿenėk, poponėk, koromonėk, solodėnėk (солодъ).

Косв. падежъ (родительный): andumanyk, suvaftymanyk.

Отлож.: kudydynyk, орк. kšiďinyk, орк. ksnaudėnėk, śukyrdynyk, jamdynyk.

Вмѣст.: kudysynyk, орк. v́äľisynyk, орк. ṕŕäusynyk (въ нашихъ умахъ), sacynyk.

Вынос.: kudystynyk, onctėnėk, орк. kuctynyk, v́iŕctynyk.

Вносит.: końazynyk, kudyzynyk, sadyzynyk, źeṕezėnėk, орк. v́äľizynyk.

Пропос.: kuduvanyk, pakśavanyk, ṕŕavanyk, ṕiľǵivanyk, sadganyk, krandazganyk.

Сравнит.: kudyškanyk.

Изъят.: sodamuftumunyk, kuduftumunyk.

Имен. мн.: ortanyk, jarmakynyk, kiskanyk, aťamaŕinyk, keďenėk, ṕiľǵinyk, орк. śäďiinyk, орк. śäľḿinyk.

§ 145. Второе лицо множ. числа (вашъ, ваша).

Имен.: paksaŋk, modaŋk, ťaťaŋk, ojḿeŋk, sodamuŋk, moχoŋk, kińigaŋk.

Косв. падежъ (родительный): andumaŋk.

Отлож.: kudydyŋk, skaldyŋk, alašadyŋk, орк.: aťamaŕďiŋk, kojḿeďeŋk, ŕeveďeŋk, v́iŕďiŋk.

Вмѣст.: ṕŕeusėŋk (на умѣ у васъ), kudysyŋk.

Вынос.: kudystyŋk, kardaistyŋk, орк. kuctyŋk, onctėŋk.

Вносит.: lugazyŋk, kardyzyŋk, орк. utymyzyŋk, ḿešėkėzėŋk, źeṕezėŋk, boćkazyŋk, ṕŕazyŋk, v́eďńezėŋk, b́eŕeḱezėŋk.

Пронос.: kuduvaŋk, krandyżgaŋk.

Сравнит.: kudyškaŋk.

Изъят.: sodamuftymuŋk, t́ikšyf́t́iḿiŋk, орк.: bojarftymyŋk, kudyftymyŋk, strażńikt́iḿiŋk.

Имен. мн.: sazyryŋk, kudyŋk, орк. śäĺḿiŋk, jarmakyŋk, ṕiŕiŋk.

§ 146. Третье лицо множ. числа (ихъ).

Имен.: modast, t́at́ast, ružyjast, ďedast, орк. t́äχt́iŕist, орк. v́äĺist, rodėst, t́ev́est, ejďest, sazyryst, ḿeĺest.

Косвенный падежъ (родительный): udumast, palćimast, t́eŕďemast, sasamust, vaćkamust.

Дательный: sazyrystyj, орк.: t́at́asty, äjďisty, ćorasty, ćorėńestė, starystasty, uŕadńiḱisty. Образуется, кажется, только отъ одушевленныхъ.

Отлож.: kudydyst, sajimadyst, pandydyst и орк. pantyst, орк. pulftyst, орк.: ḱet́t́est, ṕiĺḱt́ist, rożďest, ŕev́eďest.

Вмѣст.: kudysyst, ḿeĺcėst.

Вынос.: kudystyst, čistyst, орк. v́äĺistyst, орк. utymstyst, ploščećstėst, ḿešėkstėst.

Вносит.: ṕŕazyst, ḿeĺezėst, ḱeďezėst. ṕiĺǵizyst, ćot́ńazyst (въ ихъ контору), v́iŕizyst, bruďizyst, орк. v́äĺizyst.

Пронос.: t́elavast, ṕiĺǵivast, krandazgast, v́eďgast, źeṕevast, v́iŕgast.

Сравн.: kudyškast.

Изъят.: kuduftumust, орк.: alašaftymyst, sodamyftymyst.

Имен. мн.: vaĺmast, nurdyst, jarmakyst, kaŕist, skalnyst, oďežast, skalyst, ŕev́est, kotast.

Склоненіе нѣкоторыхъ именъ личныхъ.

§ 147. Нѣкоторыя имена преимущественно родства сохранили въ отдѣльныхъ падежахъ особыя окончанія, неизвѣстныя въ

склоненіи другихъ именъ. Такъ имена родства avat (твоя мать), ťaťat (твой отецъ), paťat (твоя старшая сестра) и т. п. образуютъ въ род. (косв.) падежѣ: avať, ťaťať, paťať, suvaχať, sazyryť, sazyrnyť, ľaľať, mačkať, baťkať; въ Оркинѣ mon ѵečksa avat значитъ я люблю твою бабу, а mon ѵečksa avať — я люблю твою мать; ср. тамъ же avať kecta (у твоей матери), sodamyť kecta, aľńiť kecta, bratyť kecta, toń ʒorať čaviź (твоего сына убили), toń zodamyť ѵečkseź (твоего зятя любятъ), toń ťaťať śoǫnez (твоего отца бранили), pokš ľaľať skalyś (корова старшаго брата). Въ дат. падежѣ тѣ же имена имѣютъ окончаніе ťį: ťaťaťį (твоему отцу), avaťį, suvaχaťį, sazyryťį. Относительно такихъ именъ родства, какъ avam (моя мать), ťaťam, pokščam, отмѣтимъ, что род. и дат. неопредѣленнаго склоненія: avań, afkań, ťaťań, pokščań, ľaľań, avańiń, paťańiń, afkańiń, ťaťkańiń относятся преимущественно къ имъ: avań и avańiń означаютъ моей матери (род.) и моей матери (дат.); mon čavińe ťaťań (я ударилъ своего отца), mon ѵečksa (я люблю) ťaťań, avań, paťań, babań, ľaľań, но mon večksa sazyrym, а не sazyryń, bratym, kożaįkam, орк.: äįďim, sodamym. Замѣчательно, что при постпозиціи отъ именъ какъ avat (твоя мать), ťaťat употребляются формы ťaťať, avať, напр. ťaťať turtuŋ, между тѣмъ какъ paťkań, afkań, avań и т. п. замѣняются, какъ кажется, обыкновенно формами paťkam, afkam, avam: paťkam durtuŋ.

Склоненіе мѣстоименій.

§ 148. Указательныя мѣстоименія: ťe этотъ, śe тотъ, tona тотъ, iśťama такой, ťeke этотъ же, śeke тотъ же. Отмѣтимъ еще основу ńe, означающую эти.

§ 149. Склоненіе ťe и ťeke.

	Ед. число.		Мн. число.	
Имен.	ťe	ťeke	ńe (ńeť)	ńeke
Родит.	ťeń	ťekeń	ńeń (ńeťńeń)	ńekeń

午ател.	ťeńeń	ťekeńeń	ńeńeń (ńeťńeńeń)	ńekeńeń
Отлож.	ťeda[1])	ťekeda[1])	ńeda (ńeťńeda)[2])	ńekeda[2])
Вмѣст.	ťesa	ťekesa	ńesa	ńekesa
Вынос.	ťesta	ťekesta	ńesta	ńekesta
Внос.	ťes	ťekes	ńes	ńekes
Пронос.	ťeva	ťekeva	ńeva	ńekeva
Перенос.	ťeks	ťekeks		ńekeks
Изъят.	ťeťťeme	ťekeťťeme	ńeťťeme (ńeťńeťťeme)	ńekeťťeme
Сравн.	ťeška	ťekeška	ńeška	ńekeška

Отъ основы ťe образуется рядъ нарѣчій, которыя можно разсматривать какъ падежныя формы этого мѣстоименія: ťesa (здѣсь), ťeda (отъ этого), ťesta (отсюда), ťesk (тутъ), ťezėń и ťezėį (сюда), ťeį (сюда, изъ ťeй); ťi вмѣсто ťe передъ j въ нарѣчіяхъ: ťija (по этому мѣсту), ťijak, ťijańa (то же).

§ 150. Склоненіе śe и śeke.

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	śe	śeke	śeť (śeťńe)	śekeť
Род.	śeń	śekeń	śeťńeń	śekeťńeń
Дат.	śeńeń	śekeńeń	śeťńeńeń	śekeťńeńeń
Отлож.	śeda[3])	śekeda[3])	śeťńeda[4])	śekeťńeda[4])
Вмѣст.	śesa	śekesa		
Вынос.	śesta	śekesta		
Внос.	śes	śekes		
Пронос.	śeva	śekeva		
Изъят.	śeťťeme	śekeťťeme		
Сравн.	śeška	śekeška		

Къ этой основѣ возводится рядъ нарѣчныхъ образованій: śesa (тамъ, потому), śesta (оттуда, тогда), śeks (оттого, потому), śezėń и śezėį (туда, въ извѣстное мѣсто), śesk (тотчасъ же, тутъ

1) Въ Оркинѣ ťeďä, ťekeďä. 2) Въ Оркинѣ ńeďä, ńeťńeďä, ńekeďä. 3) Въ Оркинѣ śeďä, śekeďä. 4) Въ Оркинѣ śeťńeďä, śekeťńeďä.

же). Передъ j вм. śe является śi: śija (по тому мѣсту), śijak, śijańa (тамъ же, по тому же мѣсту).

§ 151. Мѣстоименіе tona образуетъ, кажется, только падежи ед. числа: mon saińe tonań kecta; mon tonańiń gortéń; mon tonada kortéń; орк. tonaftyma t́äviś ploχoį (безъ него дѣло плохо). Отъ основы to образуются нарѣчныя выраженія: tou̯ (туда), tozéń и tozéį (туда, тамъ), tosta (оттуда), tostéń (тамошній), tosk (тамъ).

§ 152. Склоненіе мѣстоименія iśt́ama.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	iśt́ama	iśt́amut iśt́att
Род.	iśt́amuń	iśt́attnyń
Дат.	iśt́amuńiń, iśt́amńiń	iśt́attnyńiń
Отлож.	iśt́am(u)da	iśt́attnyda
Вмѣст.	iśt́am(u)sa	
Выносит.	iśt́am(u)sta	
Вносит.	iśt́am(u)s	
Пропос.	iśt́amuva iśt́amga	
Перенос.	iśt́am(u)ks	
Изъят.	iśt́amuftuma iśt́amtuma	[(iśt́aškat)
Сравн.	iśt́amuška iśt́amška (iśt́aška)	iśt́amuškat iśt́amškat

Это мѣстоименіе можетъ принимать и окончанія опредѣленнаго склоненія: iśt́amuś, iśt́amuńt́.

§ 153. Относительныя и вопросательныя мѣстоименія: ḱi (кто), kona (который), kodama (какой), końd́ama (какой, подобный), ḿeźe (что).

§ 154. Склоненіе ḱi.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	ḱi или ḱije	ḱit́ и ḱit́ńe
Род.	ḱiń	ḱit́ńiń
Дат.	ḱińiń	ḱit́ńińiń
Отлож.	ḱida[1])	ḱit́ńida[2])

1) Въ Оркинѣ ḱidä. 2) Въ Оркинѣ ḱit́ńidä.

Вмѣст.	ḱisa
Вынос.	ḱista
Внос.	ḱis
Пронос.	ḱiva
Перенос.	ḱiks
Изъят.	ḱifťiḿe

§ 155. Мѣстоименіе kona склоняется какъ tona; во множ. konat и konaťńe, konaťńiń, konaťńińiń, konaťńida, konaťńifťiḿe. Отъ основы ko образуются нарѣчныя выраженія: kozėȷ̹ и kozėń (куда), kosta (откуда), kosa (гдѣ), koda (какъ); ko передъ v переходитъ въ ku: kuva (гдѣ, по какому мѣсту). Мѣстоименія kodama и końďama склоняются какъ iśťama: kodamuńiń и kodamńiń, kodamuva и koďamga, kodamuška и kodamška (kodaška), kodamutt и kodatt, kodamuťńiń и kodattnyń.

§ 156. Склоненіе ḿeźe (орк. ḿäźä).

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	ḿeźe	ḿeśť, ḿeśńe
Род.	ḿeźeń, ḿeń	ḿeśńeń
Дат.	ḿeźeńeń, ḿeźńeń	ḿeśńeńeń
Отлож.	ḿeźda [1])	ḿeśńeda [2])
Вмѣст.	ḿeȷ̹sa	
Вынос.	ḿeȷ̹sta	
Внос.	ḿeȷ̹s, ḿeȷ̹ś	
Пронос.	ḿeźga	
Перенос.	ḿeźeks	
Изъят.	ḿeźefťeḿe, ḿeśťeḿe	
Сравн.	ḿeźeška, ḿeȷ̹ška	

Ḿeśťeȷ̹ńat, ḿeśťeȷ̹ńe вмѣсто ḿeśť ťeȷ̹ńat, ḿeśť ťeȷ̹ńe. Отъ основы ḿe образуются нарѣчія: ḿeks (почему), ńeḿezda и ńeḿeźďe (нечего), ḿeȷ̹źbuťi (зачѣмъ то), ḿeźeń (отчего), ḿeń (что за).

1) Въ Оркинѣ ḿäźďä и также частью и въ Сухомъ Карбулакѣ: ḿeźďe.
2) Въ Оркинѣ ḿeśńeďä.

§ 157. Отрицательное ḱijak (никто) склоняется какъ ḱi съ присоединеніемъ частицы gak (jak): ḱińgak, ḱińińgak, ḱidyjak, ḱikskak, ḱivajak, ḱiťkak и т. д.

§ 158. Склоненіе v́eśe (всѣ).

Им.	v́eśe, v́eśeḿe
Род.	v́eśeń, v́eśeḿeń
Дат.	v́eśeńeń, v́eśeḿeńeń
Отлож.	v́eśeda, v́eśeḿeda [1])
Вмѣст.	
Вынос.	v́eśesta, v́eśeḿesta
Внос.	v́eśes, v́eśeḿes
Пронос.	v́eśeva, v́eśeḿeva
Изъят.	v́eśefťeḿe, v́eśeḿefťeḿe
Сравн.	v́eśčka, v́eśeḿeška

§ 159. Слово ḿińićuna означаетъ всякую всячину, всякое; ср. ḿińidy ćunyda kandyť, ḿińiks ćunyks (всячески); ḿińiń ʒunyń имѣетъ значеніе прилагательнаго: ḿińiń ʒunyń źŕapńat (всяческія кушанья), ḿińiń ʒunyń vajǵiľca, suvaśť ḿińińʒunyń lomaťť; въ дат. ḿińiń ʒunyńiń, во множ. ḿińiń ʒunyt.

§ 160. Личныя мѣстоименія: mon (я), ton (ты), son (онъ), ḿiń (мы), tyń (вы), syń (они). Формы, сложенныя съ мѣстоименіемъ eś (самъ) — mońć, tońć, sońć, ḿińć, tyńć, syńć означаютъ я самъ, ты самъ, они сами и т. д. Род. mońćeń вм. mоń eśeń, дат. mońćťań вм. mоń eśťań, отлож. mońćťedėn вм. mоń eśťedėn и т. д. Гласная е вмѣсто і въ сухокарб.: ḿińďedėnėk, ḿińćťeḿenėk, tyńďedėŋk, tyńćťeḿeŋk, syńďedėst, syńćťeḿest являются подъ вліяніемъ mońďedėn, mońćťedėn, tońćťeḿet, sońćťeḿenʒa; въ Оркинѣ удерживается i: ḿińďiďińik, tyńďiďiŋk, syńćťiḿist и т. д. Замѣчательно, что въ Оркинѣ вмѣсто -nėk, -ŋk въ склоненіи ḿiń и tyń являются -ńik, -ŋ́k: ḿińďiďińik, tyńďiďiŋk. Въ дат. ед. вмѣсто mońań, tońať, sońanʒa употребляются и формы ťeń, ťeť, ťenʒa (орк.: ťäń, ťäť, ťänʒa), а вмѣсто ḿińańik, tyńaŋk, syńast—

1) Въ Оркинѣ: v́eśeďä, v́eśeḿeďä.

ťeńek, ťeŋk, ťest (орк. ťäńik, ťäŋk, ťäst). Вмѣсто mońć, ḿińć, tyńć, syńć говорятъ и mon mońć, ḿiń ḿińć, tyń dyńć, syń zyńć и т. д.

§ 161. Склоненіе mon, mońć и ḿiń, ḿińć.

Им. ед.	mon	mońć
Род.	moń	mońćeń
Дат.	mońań, mońďań (ťeń)	mońćťań
Отлож.	mońďedėn [1])	mońćťedėn [1])
Изъят.		mońćťemen
Им. мн.	ḿiń	ḿińć
Род.	ḿińik	ḿińćińik
Дат.	ḿińańik, ḿińďańik (ťeńek)	ḿińćťańik
Отлож.	ḿińďedėnėk [2])	ḿińćťedėnėk [2])
Изъят.		ḿińćťemenėk

§ 162. Склоненіе ton, tońć и tyń, tyńć.

Им.	ton	tońć
Род.	toń	tońćeť
Дат.	tońať, tońďať (ťeť)	tońćťať
Отлож.	tońďedėt [3])	tońćťedėt [3])
Изъят.		tońćťemet
Им.	tyń	tyńć
Род.	tyŋk	tyńćińk
Дат.	tyńaŋk, tyńďaŋk (ťeŋk)	tyńćťaŋk
Отлож.	tyńďedėŋk [4])	tyńćťedėŋk [4])
Изъят.		tyńćťemeŋk

§ 163. Склоненіе son, sońć и syń, syńć.

Им.	son	sońć
Род.	sonʒa	sońćėnʒa
Дат.	sońanʒa, sońďanʒa (ťenʒa)	sońćťanʒa
Отлож.	sońďedėnʒa [5])	sońćťedėnʒa [5])
Изъят.		sońćťemenʒa

1) Въ Оркинѣ mondeden, moncteden. 2) Въ Оркинѣ mindidinik, minctidinik. 3) Въ Оркинѣ tondedet, tonctedet. 4) Въ Оркинѣ tyndidiŋk, tynctidiŋk. 5) Въ Оркинѣ sondedenza, sonctedenza.

Им.	syń	syńć
Род.	synct	syńćist
Дат.	syńast, syńďast (ťest)	syńćťast
Отлож.	syńďedėst [1])	syńćťedėst [1])
Изъят.		syńćťemest

§ 164. Недостающіе падежи отъ мѣстоименій личныхъ образуются посредствомъ постпозиціи съ нарѣчіями ejsa (вмѣст. пад.), ejsta (вынос.), ejs (внос.), ezga (пронос.); итакъ: moń ejsa, toń ejsta, sonʒa ejs; ḿińik, tyŋk, synct ezga.

§ 166. Возвратное мѣстоименіе образуется отъ основы eś (орк. äś), чередующейся съ ejs (которое явилось вмѣсто eś въ падежахъ съ окончаніемъ на s). Приведу формы склоненія возвратнаго мѣстоименія.

1-е л. ед.

Род.	esėn, ejsėn
Дат.	eśťań
Отлож.	estėn, ejstėn; eśťedėn, ejstėdėn
Вмѣст.	ejsėn, esėn
Вынос.	estėn, ejstėn
Внос.	ezėn
Пронос.	ezgan
Изъят.	eśťeḿen

2-е л. ед.

Род.	esėt, ejsėt
Дат.	eśťať
Отлож.	estėt, ejstėt; eśťedėt, ejstėdėt
Вмѣст.	ejsėt, esėt
Вынос.	estėt, ejstėt
Внос.	ezėt
Пронос.	ezgat
Изъят.	eśťeḿet

1) Въ Оркинѣ syndidist, synctidist.

3-е л. ед.

Род.	eś, esėnʒa, ejsėnʒa
Дат.	eśťanʒa
Отлож.	estėnʒa, ejstėnʒa; eśťedėnʒa, ejstėdėnʒa
Вмѣст.	ejsėnʒa, esėnʒa
Выпос.	estėnʒa, ejstėnʒa
Внос.	ezėnʒa
Пронос.	ezganʒa
Изъят.	eśťemenʒa

1-е л. мн.

Род.	esėnėk, ejsėnėk
Дат.	eśťańik
Отлож.	estėnėk, ejstėnėk; eśťedėnėk, ejstėdėnėk
Вмѣст.	ejsėnėk, esėnėk
Вынос.	ejstėnėk, estėnėk
Внос.	ezėnėk
Пронос.	ezganyk
Изъят.	eśťemenėk

2-е л. мн.

Род.	esėŋk, ejsėŋk
Дат.	eśťaŋk
Отлож.	estėŋk, ejstėŋk; eśťedėŋk, ejstėdėŋk
Вмѣст.	ejsėŋk, esėŋk
Выпос.	ejstėŋk, estėŋk
Внос.	ezėŋk
Пронос.	ezgaŋk
Изъят.	eśťemeŋk

3-е л. мн.

Род.	esėst, ejsėst
Дат.	eśťast
Отлож.	estėst, ejstėst; eśťedėst, ejstėdėst
Вмѣст.	ejsėst, esėst
Вынос.	ejstėst, estėst
Внос.	ezėst
Пронос.	ezgast
Изъят.	eśťeḿest

Въ Оркинѣ: äjsyn, äjśťaú, äjstyn (отлож.), äjsyn (вмѣст.), äźgan и äśkan (пронос.); äjzyt (внос.), äźgat и äśkat (пронос.); äjsynʒa (вмѣст.), äjzynʒa (внос.), äźganʒa и äśkanʒa (пронос.); äjstynyk (отлож.), äjzynyk (внос.), äjsynyk (родит.), äjsyst (родит.), äjzyst (внос.).

§ 166. Въ соединеніи съ предлогами и нарѣчіями личныя мѣстоименія подвергаются постпозиціи. При этомъ 1-е лицо ед. опредѣляется въ разныхъ падежахъ окончаніями -n, -syn, -styn -zyn, -gan (-kan): martyn (со мной), ikiľin (передъ меня), laŋksyn (надо мной), karčyn (противъ меня), kuvalman (мимо меня), laŋkstyn (съ меня), laŋgyzyn (на меня), vaksyzyn (около меня), malazyn (близко ко мнѣ), ḿeľgan (за мной), krugomgan (вокругъ меня), vakskan (около меня). 2-е лицо опредѣляется окончаніями -t, -syt, -styt, -zyt, -gat (-kat): martyt, alyt (подъ тебя), kuvalmut (вдоль тебя), laŋksyt, laŋkstyt, vakzyzyt, ḿeľgat, ṕrazyt (тебѣ на голову), račkat (сквозь тебя), ṕeŕkat (вокругъ тебя), vakskat (около тебя). 3-е лицо опредѣляется окончаніями -nʒa, -dynʒa, -synʒa, -stynʒa, -zynʒa, -ganʒa (-kanʒa): ṕeľďenʒa (съ него), kisynʒa (у него), ḱecėnʒa (у него), laŋksynʒa, v̇iďizynʒa (до него), malazynʒa, langanʒa, račkanʒa. 1-е л. мн. ч. опредѣляется окончаніями -nyk, -dynyk, -synyk, -stynyk, -zynyk, -ganyk: aldynyk (изъ подъ насъ), martynyk, vaksyzynyk. 2-е л. мн. опредѣляется окончаніями -ŋk, -dyŋk, -syŋk, -styŋk, -zyŋk, -gaŋk:

martyŋk, jutkstyŋk (между вами). 3-е л. мн. ч. опредѣляется окончаніями -st, -dyst, -syst, -styst, -zyst, -gast: martyst, karčyst, ḱectést (отъ нихъ), langyzyst (на нихъ), ḱeďezést (имъ въ руки), v́iďizyst (до нихъ), v́eľkskast (черезъ нихъ), langast (по нихъ), vakskast (рядомъ съ ними), vaksyzyst.

Передъ такими нарѣчными выраженіями употребляется eś, вносящее возвратное значеніе: eś langyzyn (на меня), eś ḱisyn (для меня), eś ḿeľganʒa (за нимъ), eś ṕranʒa (самого себя), eś laŋkstyst (съ себя), eś jutkuvast (между собой), eś pačkanʒa (про себя), eś ekšezén (за себя), орк. mon äś ṕram šľasa, mon äś äjstyn duman, äś ḱecén (у меня въ рукахъ).

§ 167. Притяжательныя личныя мѣстоименія могутъ склоняться въ опредѣленной формѣ, образуясь частью отъ основы, тождественной съ формой род. пад. личныхъ мѣстоименій: sonʒéś (его), и далѣе: sonʒéńť, sonʒéńťeń, sonʒévańť и т. д., во мн.: sonʒéťńe, sonʒéťńeda; synctyś (ихъ), и далѣе: synctyńť, synctyńťiń, synctyńť (вынос.), synctyńť (отлож.), syncsyńť (вмѣст.), śyncťimińť (изъят.), synčkańť (сравн.), множ.: syncné, syncnyń, syncnyńiń, syncnyda; ḿińikiś (нашъ), и далѣе: ḿińikińť, ḿińikstyńť, ḿińiksyńť, ḿińikťimińť, во множ.: ḿińikńe, ḿińikńiińi, ḿińikńida; ḿińćińikiś, и далѣе: ḿińćińikńe (множ.); tyŋḱiś (вашъ), и далѣе: tyŋḱińť, tyŋkstyńť, tyŋksyńť, tyŋḱťimińť, tyŋkškańť. Кромѣ этихъ образованій извѣстны и другія. Отъ mon — mońeḱeś и mońeḱś, и далѣе: mońeḱeńť, mońektéńť, mońekstéńť, mońeḱťemeńť, mońekkańť, mońekškańť, во множ. mońeḱńe; также еще: mońćeś и далѣе: mońćeńť, mońćeńťeń; еще mońćeťeś, и далѣе: mońćeťeńť, mońćeťeńťeń. Отъ ton — tońeḱeś и tońeḱś, и далѣе: tońeḱeńť, во мн. tońeḱńe, еще tońćeś и tońćťeś, и далѣе ťońćeńť и tońćeťeńť. Отъ tyń образуется еще tyńikiś, и далѣе tyńikińť, tyńikstyńť, tyńiksyńť, tyńikťimińť, tyńikškańť.

§ 168. Въ соединеніи съ опредѣленными существительными и частью съ личными мѣстоименіями предлоги подвергаются постпозиціи. Сами предлоги получаютъ тѣ или иныя падежныя окончанія. Обороты съ предлогами замѣняютъ во многихъ случаяхъ

падежныя формы. Назову наиболѣе употребительные предлоги, отмѣтивъ, что предшествующія имъ существительныя употребляются какъ въ формѣ имен., такъ и родительнаго падежа; послѣдній, кажется, обязателенъ въ опредѣленномъ склоненіи.

ala, alda, aluu̯, alga (подъ, исподъ, внизъ, по): śadyška deśatiina veľeńt ala (около ста десятинъ подъ деревней), mon ľiśiń olkńeń alda (я вылѣзъ изъ подъ соломы), maďiń grandaz aluu̯ (я легъ подъ телѣгу), utkaś jaki eźeḿ alga (утка ходитъ подъ скамейкой).

boka, bokas (у, при): ki bokas eľďi vašyjaś (у дороги ожеребилась кобыла).

baška (за, сзади): kudydyńt baška aščí viška kardyńe (за домомъ находится небольшой дворикъ).

čiŕisa, čiŕis, čiŕiva (на берегу, на край, по краю): ľiťťaś latkyńt čiŕis (онъ полетѣлъ на край оврага), moľć-moľć viŕińt čiŕiva (шелъ-шелъ по краю лѣса), veď ʒiŕisa piva piďiť (на берегу рѣки варятъ пиво).

ei̯sa (при помощи, съ), ei̯sta (изъ, отъ): pščiďiź alašańńiń ei̯sa (сжали народъ лошадьми), ćeŕkovańt ei̯sta (изъ церкви).

ekšsa, ekšs (за): aščiť stoľekšsa (сидятъ за столомъ), oi̯śeśť stoľekšs obedama (сѣли за столъ обѣдать).

ikiľe, ikiľiu̯, ikiľďe (спереди, напереди): uprava ikiľiu̯ targaśť pokš skamja (передъ управу вытащили большую скамейку), ľiśś veśemedy ikiľi (вышелъ раньше всѣхъ).

jutksa, jutksta, jutkuva (между): aťaťńiń jutksa uľńiś (былъ между стариками), varče eś narodėnʒa jutksta (онъ наблюдаетъ свой народъ), javiźe veśe modanʒa... kafta sodamunʒa jutkuva (онъ раздѣлилъ всю землю между двумя своими зятьями).

karča (противъ): od godėń garča (наканунѣ новаго года). Кажется, всегда съ родительнымъ.

kisa, kis (ради): tośna saiźi koźai̯kanʒy kisa (скучно стало ему по женѣ), pravdańt kis soslaľi (сослали за правду).

keca, kecta (у, отъ): moń ģeca (у меня), pastuχuń kecta (отъ пастуха). Кажется, всегда съ родительнымъ.

kuvalt, kuvalma (вдоль, по): ardan uľćań guvalt (скачу вдоль улицы), v́eďeń guvalma (вдоль рѣки).

kunčkasa, kunčkas, kunčkasta, kunčkava (въ серединѣ, въ середину, изъ середины, посреди): purnyź uľća kunčkas (собрали на середину улицы), ḱeď gunčkasa čoṷśeńʒe (потерла на ладони), vastyźe ḱnaźińt́ uľća kunčkasta (встрѣтилъ князя посреди улицы), v́eń gunčkava (среди ночи).

laŋga, laŋksa, laŋksta, laŋks (на, по, съ, за): jaḱiń oχotama moŕa b́eŕek laŋga (я ходилъ охотиться на берегу моря), panda laŋksa (подъ горой), valkś ṕećka laŋksta (слѣзъ съ печки), ḱiśit́ orta laŋks (выйдутъ за ворота).

laca (какъ, наподобіе): kuky lacy kukyrdė (кукуетъ какъ кукушка).

malasa, malas, malaṷ (близъ): v́eľeńt́ malasa (близъ села), a ńej ṕeľev́e malaṷ (а теперь близъ полночи).

ḿeľga (за): tuś moń ḿeľga (онъ пошелъ за мной).

marta (съ): sunduk jarmak marta (сундукъ съ деньгами).

ṕesa, ṕesta, ṕes, ṕeṷ, ṕeva (въ концѣ, въ конецъ): seď b́esa (въ концѣ моста), v́eŕe ṕesta ala ṕeṷ (съ верхняго конца на нижній), v́eľeńt́ ṕeva čuďi v́eďńe (по концу села течетъ рѣчка).

poca, poc (подъ): olgy poca (въ соломѣ), ḱekšt́ polog boc (спрячься подъ пологъ).

ṕeľe, ṕeľďe, ṕelǵa, ṕeľeṷ (сзади, въ сторонѣ, въ сторону): śukuńit́ kudy ṕeľeṷ (кланяются въ сторону дома), sajsyź kafty ṕeľďe (его взяли съ двухъ сторонъ), paŕamak końeľ ṕeľďe (вспарь меня комлемъ), Alatyr b́eľeṷ (въ сторону Алатыря).

pačk (сквозь): ṕejeń bačk oćv́eče (отвѣчаетъ сквозь зубы).

ṕŕa, ṕŕas, ṕŕasa, ṕŕaṷ (на, у): v́e ḱeďezy eźeḿ b́ŕasa (одна рука его на скамейкѣ), valgan mon okoľća ṕŕas (я слѣзу у околицы), jutaś eźeḿ b́ŕaṷ.

potmakss (внизъ, внутрь): krandaz botmakss kaiŋḱ (бросьте въ телѣгу).

ṕeŕt́, ṕeŕka (со всѣхъ сторонъ): ńeďľań b́eŕt́ (всю недѣлю), śe

kaŕksyś v́eśi eŕǵań mastyryńt́ ṕeŕka satyć (эта бечевка охватила всю вокругъ мордовскую землю),

troks (черезъ): pokš pakśań droks (черезъ большое поле).

tarka, tarkasa, tarkas (въ разстояніи, вмѣсто): ḱev́eťeje vaj-ǵilʼbeń darkasa Arčiloudėńt́ ašči v́eľe (въ разстояніи 25 верстъ отъ Арчилова находится село), kopnańt́ tarkas purnyt́ moda ku-ćińe (вмѣсто копны собираютъ кучу земли).

turtuu (къ): ḿeŕet́ ťaťast turtuu (говорятъ ихъ отцу), saśt́ rodėst turtuu (пришли къ родственникамъ).

udala, udaluu (за): ašči ḱeŋkš udala (стоитъ за дверью), moľć aťańt́ udaluu (пошелъ за старикомъ).

v́eŕe, v́eŕga (выше): karksamdy v́eŕga ušys kadumak (оставь меня наружу повыше пояса).

v́eľďe (черезъ): ṕiksyńt́ v́eľďe valǵiń (я влѣзъ по веревкѣ).

vakssa, vakss, vakska (близъ, около, объ): mastyr vakss vački-ďiť (ударь ихъ о землю), ḿińiḱ mastyryńt́ vakssa uľńiś ruzyń mastyr (близъ нашей земли была русская земля), moľe durakyś v́iŕ vakska (идетъ дуракъ близъ лѣса).

v́iďisa, v́iďis, v́iďga, v́ic (до, черезъ, по): karksam v́iďis śuku-ńaś (поклонился по поясъ), karksamńi v́iďga śukuńaś (поклонился по самый поясокъ), lomań v́iďisa ṕŕast ťŕiť (они кормятъ себя благодаря людямъ).

Спряженіе глагола.

Спряженіе неопредѣленное (безъ опредѣленнаго объекта).

§ 169. *Личныя окончанія неопредѣленнаго спряженія.* Времена настоящее и прошедшее имѣютъ какъ будто разныя окончанія, возводящіяся однако къ слѣдующимъ:

1-е лицо ед. оканчивается на -n, которое въ прошедшемъ времени, подъ вліяніемъ предшествующаго i̯ (въ дифтонгѣ ai̯, αi̯, εi̯), переходитъ въ -ń: наст. вр. stan, karman, ľeďan; прош. styń, karḿiń, ľeďeń.

1-е лицо мн. оканчивается на -nαk, а въ прошедшемъ, подъ вліяніемъ предшествующаго į, -nαk перешло въ -nεk. Въ сухокарб. говорѣ -nαk измѣнялось при извѣстныхъ условіяхъ въ -nα, откуда, согласно § 101, -na. Чередованіе -na и -nyk (изъ -nαk) вызывало -nak вм. -nyk. Наст. вр. stata-nak, stata-na; karmata-nak, karmatana; ľeťťanak, ľeťťana; прош. вр. styńik, karḿińik, ľeďeńek.

2-е лицо ед. оканчивается на -t, которое въ прошедшемъ времени, подъ вліяніемъ предшествующаго į, переходитъ въ ť: наст. вр. stat, karmat, ľeďat; прош. styť, karḿiť, ľeďeť.

2-е лицо мн. оканчивается на -da, которое въ прошедшемъ времени, подъ вліяніемъ предшествующаго į, переходитъ въ ďe: наст. stata-da, karmata-da, ľeťťa-da; прош. styďe, karḿiďe. ľeďeďe.

3-е лицо ед. ни въ настоящемъ вр., ни въ прошедшемъ не имѣетъ окончанія: въ настоящемъ оно оканчивается на дифтонгъ aį, αį, εį, откуда yį, iį (y, i, e), а въ прошедшемъ на ś. Наст. sty, karḿe, ľeďe; прош. staś, karmaś, ľeć.

3-е лицо мн. образуется изъ формы 3 л. ед. посредствомъ прибавленія t (ť), т. е. окончанія мн. числа: наст. вр. styť, karḿiť. ľeďeť; прош. staśť, karmaśť, ľećť.

Окончанія наст. вр. изъявительнаго наклоненія -n, -na, -t, -da находимъ и въ желательномъ наклоненіи наст. вр.: ramaza-n, ramasta-na; ramaza-t, ramasta-da—и въ условномъ наклоненіи наст. вр.: ramańďaŕa-n, ramańďaŕa-t, ramańďaŕata-na, ramańďaŕata-da; 3-е л. ед. представляетъ основу, а 3-е л. мн. основу + окончаніе t (ť): ramaza (вм. ramazα), ramast (изъ ramazαt); ramańďaŕaį, ramańďaŕaįť. Также находимъ окончаніе -da въ повелит. накл.; 2 л. мн.: sa-da, korta-da, moľe-da, ľeďe-da.

Примѣчаніе. -da во 2 л. мн. повел. отъ основъ на переднюю гласную въ сухокарб. и оркинскомъ говорахъ замѣнило -ďe другихъ говоровъ, подъ вліяніемъ -da въ основахъ на гласную задняго ряда.

Окончанія изъяв. прош. вр. -ń, -ńiḱ (-ńeḱ), -ť, -ďe находимъ въ желат. прош. вр.: kapšaksyľi-ń, kapšaksyľi-ńiḱ, kapšaksyľi-ť, kapšaksyľi-ďe; и въ сосл. прош. вр. kapšaľi-ń (орк. kapšaџľiń), kapšaľi-ť, kapšaľi-ńiḱ, kapšaľi-ďe. 3-е л. ед. представляетъ основу, а 3-е л. мн. основу + окончаніе ť: kapšaksyľ, kapšaksyľť; kapšaľ (орк. kapšavyľ), kapšaľť.

Къ личнымъ окончаніямъ неопредѣленнаго спряженія принадлежитъ еще окончаніе 2 л. ед. пов. k (ḱ), которое послѣ согласныхъ переходитъ въ t (ť): sak, kortak, pidiḱ; vant, meŕť, moľť.

§ 170. *Основа изъявительнаго наклоненія наст. времени и спряженіе ея.* Основа наст. времени является производной по отношенію къ основѣ другихъ глагольныхъ формъ. Въ спряженіи настоящаго времени различаются три основы: 1) основа на -a для образованія 1-го и 2-го л. ед.; передъ этимъ a исчезаютъ гласныя окончанія глагольной основы; мягкость предшествующей окончанію язычной согласной сохраняется (кромѣ однако отвердѣвшихъ š, ž), мягкость предшествующей губной и среднеепёбной исчезаетъ, при чемъ среднепёбныя переходятъ въ задненёбныя: korta, korta-a-n, kortan; suskα (suskums), suskα-a-n, suskan; ľeďε (ľeďems), ľeďε-a-n, ľeďan; śimε (śimims), śimε-a-n, śiman.

2) Основа на -ta для образованія 1 и 2 л. мн.; ta приставляется къ глагольной основѣ, которая при благопріятныхъ условіяхъ (отсутствіи сложной группы согласныхъ) утрачиваетъ свое окончаніе, если оно восходитъ къ α, ε, а иначе сохраняетъ его: korta-, korta-ta-na; suskα-, suskα-ta-na, susktana; kraśa-, kraśatana; vanα vantana; loџnα-, lounėtada; tukšnα-, tukšnytana. Въ положеніи за окончаніемъ ε (e, i) основы, ta переходитъ въ ťa: ťejε, ťejε-ťa-na, ťejťana; ľedε, ľeďεťana, ľeťťana; kanľi- kanľiťana.

Примѣчаніе. Въ сухокарбулацкомъ говорѣ ta (ťa) удерживается и послѣ r, l, m, n, џ, j̣, тогда какъ во многихъ говорахъ вмѣсто ta (ťa) въ такомъ положеніи является da (ďa): сухокарб. valtana, орк. valdana; сухокарб. čaftada, орк. čaџdada; сухокарб. ťejťana, орк. ťaj̣ďana; сухокарб.

śiḿťana, орк. śiḿďana. Неясно, почему въ Оркинѣ иногда удерживается t, напр. въ vantana, ǩäḿťada, pańťana.

3) Основа на i̯ для 3 л. ед. и мн. Въ соединеніи съ предшествующими a, α, ε i̯ образуетъ дифтонги αi̯, εi̯, при чемъ губныя и заднепёбныя передъ α переходятъ въ мягкія губныя и мягкія среднепёбныя. Не въ концѣ слова (въ 3 л. мн. передъ окончаніемъ ť) αi̯, εi̯ стянулись въ α, ε (съ дальнѣйшими ихъ измѣненіями), а въ концѣ слова они перешли въ y̆i̯, ĭi̯, откуда y, i (а передъ паузой ė, e): korta-i̯, korta-i̯-ť—kortαi̯, kortαi̯ť—korty̆i̯, kortαť — kortė, kortėť; palai̯ — palė, sokai̯ — soǩe, ramai̯ť — raḿiť.

§ 171. *Образцы спряженія настоящаго времени изъявительнаго наклоненія.*

Основы на a.

palan	kortan	raman	sokan
palat	kortat	ramat	sokat
palė	kortė	raḿe	soǩe
palatana(k)	kortatana(k)	ramatana(k)	sokatana(k)
palatada	kortatada	ramatada	sokatada
palyť	kortėť	raḿiť	soǩeť

Основы на α.

maksan	lou̯nan	suskan	čavan
maksat	lou̯nat	suskat	čavat
maksė	lou̯nė	susǩe	čav́e
makstana(k)	lou̯nėtana(k)	susktana(k)	čaftana(k)
makstada	lou̯nėtada	susktada	čaftada
maksyť	lou̯nėť	susǩiť	čav́iť

Основы на ε.

kai̯śan	ťei̯ńan	v́ečkan	śiman
kai̯śat	ťei̯ńat	v́ečkat	śimat
kai̯śe	ťei̯ńe	v́ečǩe	śiḿe

kaj̨śiťana(k)	ťej̨ńeťana(k)	v́ečḱťana(k)	śimťana(k)
kaj̨śiťada	ťej̨ńeťada	v́ečḱťada	śimťada
kaj̨śiť	ťej̨ńeť	v́ečḱeť	śimiť

Замѣчанія къ 1-му образцу. Такъ же спрягаются основы на a съ предшествующею мягкою согласною: kraśan, kraśatada, kraśe, kraśiť; oťv́ečan; srojan.

Изъ основы на a только jarca можетъ опускать a передъ окончаніями tada, tana: jarctana при jarcatana.

Замѣчанія ко 2-му образцу. Не выпускаютъ гласной α въ окончаніи основы только основы на nα, если этому n предшествуетъ другая согласная, иногда также если ему предшествуетъ гласная: tukšnytana, kuńćikšnytada, kulcynytada (но vantana). Также udytana, kulytana, śudytana (клянемъ). Ср. kandα: kantana; eńaldα: eńaltada (вы выспрашиваете); oŋgα: oŋktada (вы лаете).

Замѣчанія къ 3-му образцу. Не выпускаютъ гласной ε въ окончаніи основы основы на ńε, если согласной ń предшествуетъ другая согласная: ťejńeťana, v́ešńeťana, śeźńeťana, aťńiťada, čij-ńiťada. Также основы на śe съ предшествующей согласной: jum-śiťada, uskśiťada,—основы на ćε, čε съ предшествующею согласной: kuńćiťada, mańčiťada, aščiťada. Также v́idiťana. Ср. орк. ṕäj̨ďε: ṕäj̨ťťana (мы смѣемся), сухокарб. maďε: maťťana (мы ложимся), ṕej̨eŕε: ṕej̨eŕťana (мы попадаемъ); śeŕeďε: śeŕeťťana (мы хвораемъ). Въ § 21 было указано на выпаденіе j̨ въ положеніи послѣ u, послѣ чего ťa переходитъ въ ta: nutana, nutada. Вм. aj̨ε является aj̨ (saj̨ťana) и aj̨i или ai (skokaiťana). Въ орк. при ńej̨ďada, ńej̨ďana отъ ńejems (смотрѣть) употребляется и ńeťana, ńeťada.

Замѣчанія ко всѣмъ тремъ образцамъ. Чередованіе гласныхъ y, ė съ гласными i, e въ 3 л. ед. и мн. зависитъ отъ того, предшествуетъ ли имъ твердая язычная или задненёбная, губная, мягкая язычная: valyť, ardyť, purnyť, ozėť, jofťė, jutė, но laḱe, tarǵe, puv́e, taṕiť, nav́iť, śalǵiť, nuŕǵiť, jav́iť, purnav́iť, ḱeṕeďet, uĺiť. Чередованіе y, i съ гласными ė, e въ 3 л. мн. зависитъ отъ гласной предшествующаго слога: если гласная эта a, i, u, y, въ

Оркинѣ еще ä, то окончаніе является въ видѣ yť, iť, если же гласная e, o, то — éť, eť: kundyť, salyť, ṕŕašnyť, śulḿiť, kučiť, ṕiŋcyť, ľiśiť, ṕiďiť, но kodéť, moŕéť, orčeť, oḃedéť, provožéť, śoŋnéť, toŋǵeť, ńcjeť, śeŕǵeďet, v́eŕeďeḿeť, kašmoľeť; оркинск. äŕiť, käŕiť.

§ 172. *Желательное наклоненіе настоящаго времени.* Формы спряженія принадлежатъ къ тремъ основамъ: 1) основа для 3 л. ед. на -*zα* (въ концѣ слова za), которое присоединяется къ глагольной основѣ: ramaza, uľiza, v́ečḱeza, śupalgadyza, louněza, čaŋgyďiza, орк. mon karman Veŕepazyńť prośiť, štoby panaryś stavyza (я начну просить Всевышняго, чтобы рубашка сшилась); 3 л. мн. образуется посредствомъ присоединенія t къ формѣ 3 л. ед.: zαt переходитъ вслѣдствіе выпаденія α въ zt — st: ramast, v́iďist, ľiśist, morast, kasyst, čačist, lounést; орк. mon χoču, štoby śyń udyst (я хочу, чтобы они спали).

2) основа на -za для 1-го и 2 л. ед., которая образуется черезъ присоединеніе основы на -a- (ср. эту основу въ паст. вр. изъяв.) къ основѣ на zα (3 л. ед.): ramazan, kandyzan, ťejezat, tujizat.

3) основа на -sta для 1-го и 2 л. мн., которая образовалась черезъ присоединеніе основы на -ta- (ср. эту основу въ наст. вр.) къ основѣ на zα (3 л. ед.): zαta перешло въ sta послѣ выпаденія α: tuŕistata, morastada, karmastana, орк. mon oznan, štoby tyń uistada tona bokaŋ (я прошу, чтобы вы переплыли на тотъ бокъ); saistana.

ramazan	uľizan	moľezan	kandyzan
ramazat	uľizat	moľezat	kandyzat
ramaza	uľiza	moľeza	kandyza
ramastana	uľistana	moľestana	kandystana
ramastada	uľistada	moľestada	kandystada
ramast	uľist	moľest	kandyst

§ 173. *Условное наклоненіе настоящаго времени* образуется посредствомъ присоединенія слоговъ ďaŕa къ глагольной основѣ, обосложненной окончаніемъ -ń (вѣроятно, къ причастію наст. вр.).

Въ спряженіи тѣ же три основы, что въ спряженіи изъяв. наклоненія: 1) основа на -а- для 1 и 2 л. ед.: ramańd'ańan, kulyńd'ańat; 2) основа на -ta- для 1 и 2 л. мн.: sańd'ańatana, ramańd'ańatada; 3) основа на ḁ для 3 л. ед., отъ которой образуется и 3 л. мн. посредствомъ окончанія t́: sańd'ańaḁ, kasyńd'ańaḁt́, ḱeŕav́ińd'ańaḁt́ (неясно, почему aḁ не стянулось въ ε).

ramańd'ańan	kulyńd'ańan	śimińd'ańan
ramańd'ańat	kulyńd'ańat	śimińd'ańat
ramańd'ańaḁ	kulyńd'ańaḁ	śimińd'ańaḁ
ramańd'ańatana	kulyńd'ańatana	śimińd'ańatana
ramańd'ańatada	kulyńd'ańatada	śimińd'ańatada
ramańd'ańaḁt́	kulyńd'ańaḁt́	śimińd'ańaḁt́.

Замѣчаніе. Основы на а, очевидно, подъ вліяніемъ прочихъ основъ, образуютъ условное наклоненіе въ Сухокарб. говорѣ не только отъ глагольной основы съ окончаніемъ -ań, но также съ окончаніемъ -yń (послѣ мягкихъ согласныхъ, губныхъ и заднепёбныхъ -iń): palyńd'ańaḁ, ramińd'ańan, salyńd'ańan и salańd'ańan.

Образованія какъ ramand'ańaḁ, ramatd'ańaḁ, извѣстныя въ другихъ говорахъ, въ Сухокарб. и Орк. не встрѣчаются.

Въ Оркинѣ вмѣсто aḁt́ является aχt́: syń ramańd'ańaχt́ v́iŕ, karḿit́ uguľjat pultama (если они купятъ лѣсъ, то станутъ жечь уголья); jeśľi učit́iľt́ńä karmańd'ańaχt́ tonaftyma, to učińikńä karḿit́ sodama (если учителя станутъ учить, ученики будутъ знать).

§ 174. *Повелительное наклоненіе.* Окончанія -k (2 ед.), -da (2 мн.) присоединяются прямо къ глагольной основѣ. При этомъ конечная гласная основы передъ -k выпадаетъ при благопріятномъ стеченіи согласныхъ, а передъ -da всегда сохраняется; по сухокарб. saḁda, čaṵda, ср. purnavuda, panǯuvuda. Послѣ гласныхъ передняго ряда k измѣняется въ ḱ: śulmśiḱ, kuńćiḱ, v́ešńeḱ, aščiḱ, śeŕńeḱ, aŕćiḱ, оркинск. ťaŕd'iḱ (позови), v́äšńiḱ (ищи). Послѣ согласныхъ k измѣняется въ t, которое послѣ мягкихъ согласныхъ звучитъ какъ t́: oḁkt (лай), čačt, ṕeznaft (воткни), čaft, vant, kučt, tonaft, kaduft, jaft, uskt, орк. susk (вм. suskt),

usk (вм. uskt), pančt, ant, art (скачи), орк. vaļt, uľť, moľť, ľiśť, śimť, meŕť, v́ečkť (орк. v́ečk), ťejeŕť, keľkť (полѣзай), čangyť, v́ešť, kekšť, paniť, орк. v́äšť, орк. ṕäčk (зарѣжь), ľeťť, kiŕťť, startaťť (попробуй), kuśť, pańť, saįť, nuįť, čiįť (орк. saχť, čiχť, uχť).

Примѣчаніе. При nuįť извѣстно и nuk.

kortak	vant	lonněk	aščik	śimť
kortada	vanyda	lonněda	aščida	śimida

v́ešńek	teŕťť	ťeįť
v́ešńeda	ťeŕďeda	ťejeda

Для усиленія 2 л. ед. употребляется частица a, передъ которой вм. k является k: sodaka, varčtaka, vanyka, keŕaka, poŋgaftyka, vačkidika, lonněka, putta, pańťa, saįťa, ťeįťa, орк. čiχťa, орк. ľeťťa. При a извѣстно и aja: keŕakaja; ajať: vanykajať, nuŕćikajať, uštykajať, ramakajať, ľiśťajať. Кажется, кромѣ того извѣстно окончаніе -ka (съ русскаго): uštka bańa (вытопи-ка баню), ťeįťka, moľťka, vantka, орк. ľeťťka. Отмѣтимъ заимствованное изъ татарскаго: aďa (иди, подойди), aďi, aď, aďka, adida; aźa (ступай), aźi, aźaka, aźika, орк. aźida. Неясно: panďa (довольно); aška и uška (погоди-ка). Изъ русскаго: daj, davaj, dajka, dajťi, proščaj, na, naka. Обратилось въ нарѣчіе: vanak (вѣроятно).

§ 175. *Прошедшее время изъявительнаго наклоненія* имѣетъ: 1) для 1 и 2 л. ед. и мн. окончанія -ń, -ť, -ńik (ńek), -ďe, присоединяемыя къ глагольной основѣ, осложненной примѣтою į, при чемъ aį, αį и εį измѣнились въ α и ε (α переходитъ въ ε послѣ губныхъ и задненёбныхъ); 2) для 3 л. ед. окончаніе ś, присоединяемое къ основѣ, при чемъ 3 л. мн. образуется посредствомъ прибавленія еще ť (признака множ. числа).

Основы на a.

purnyń	ozěń	uľmiń	lotkeń
purnyť	ozěť	uľmiť	lotkeť
purnaś	ozaś	uľmaś	lotkaś

purnyńik	ozėńek	uľḿińik	lotḱeńek
purnyďe	ozėďe	uľḿiďe	lotḱeďe
purnaśť	ozaśť	uľmaśť	lotkaśť

Основы на α.

kadyń	jordėń	kaduv́iń	usḱiń
kadyť	jordėś	kaduv́iť	usḱiť
kać	jorć	kaduu̯ś	uskś
kadyńik	jordėńek	kaduv́ińik	usḱińik
kadyďe	jordėďe	kaduv́iďe	usḱiďe
kaćť	jorćť	kaduu̯śť	uskśť

Основы на ε.

śiḿiń	moľeń	ťejeń	avaŕďiń
śiḿiť	moľeť	ťejeť	avaŕďiť
śiḿś	moľć	ťej̯ś	avaŕć
śiḿińik	moľeńek	ťejeńek	avaŕďińik
śiḿiďe	moľeďe	ťejeďe	avaŕďiďe
śiḿśť	moľćť	ťej̯śť	avaŕćť

Замѣчанія къ 1-му образцу. Такъ же спрягаются основы на -а съ предшествующею мягкой согласной: eŕeń, eŕaś, kajińik, kajaśť, орк. čeḱeń (я молился), äŕiń, äŕaśť.

Замѣчанія ко 2-му образцу. Не выпускаютъ гласной α въ 3 л. ед. и мн. тѣ основы, въ концѣ которыхъ значительное стеченіе согласныхъ: такъ послѣ kšn: moľekšnėś, ežekšnėś (согрѣлся), lotkśekšnėś, lou̯nėkšnėś, ťejńekšnėśť, śou̯nėkšnėśť; такъ же, напр. lou̯nėś, kulyś, udyś, ṕifcyś. Ср. maksć, v́eľafć, śupalgać, śormać, orčafć, puć, suskś, орк. säu̯ś.

Замѣчанія къ 3-му образцу. Выпаденіе гласной ε въ 3 л. ед. и мн. задерживается группою согласныхъ: v́iďiś, uľńiś, muŕńiś, naľkśiś, śulmśiś, lakśiś (натесалъ), kaj̯śiś, śiźiś, čuďiś, čijńiś, ľiŕńiś, ṕižńiś, aŕćiś (разсудилъ), ičiś (мѣсилъ), nuŕćiś, aščiś, aščiśť, draź-

ńiśt́, uŕvakšńiśt́, uskśiśt́, orgoĺeś, keĺḿeś, ećeś, t́eŕt́ńeś, jofńeś, v́ešńeśt́.

Отмѣтимъ выпаденіе jɛ: ṕiś, ṕiśt́, muś, tuś, nuś, ḿiś (продалъ), ńeś, но ujś, čijś, tujś, mujś, ḿijś, t́ejś, ńejś. Звуки ś, śt́ послѣ r, l, n переходятъ въ ć, ćt́: kščiŕćt́, pańć, ḿeŕć, ṕeĺć.

Сочетаніе źś, śś извѣстны въ Сухомъ Карбулакѣ, вмѣсто чего также jś: syrgyjś (проснулся), kirvajś, ĺijś, но также kuśś, kaśś (kaźims), liśś, kuśśt́, ĺiśśt́. Въ Оркинѣ вмѣсто этого ść, а вмѣсто šś — šć: ĺiść, v́ašć, kekšć.

Замѣчанія ко всѣмъ тремъ образцамъ. Чередованіе гласныхъ основы y, ė, съ одной стороны, i, e, съ другой, стоитъ въ зависимости отъ предшествующей согласной: послѣ твердой язычной является y, ė, послѣ мягкой язычной, а также губной и средне-нёбной (вм. задненёбной) i, e. — Чередованіе же въ окончаніи основы, съ одной стороны, звуковъ y, i, съ другой, ė, e зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; послѣ гласныхъ a, i, u, y, а въ Оркинѣ и послѣ ä, являются y, i, а послѣ гласныхъ e, o являются ė, e: karḿiń, naryń, varštyń, aryń, sajiń, syrgyźiń, stukad́iń, paćkid́iń, kuźiń, śiźiń, kadyt́, satyńik (достались), kulyśt́, орк. äŕiń, äŕińik, säv́iń, käųkśńiń, śäŕgid́it́; но joftėń, moŕėń, ozėń, lotkeńek, nejekšńėń, louņėkšńėń, ećeś (полѣзъ), сухокарб. eŕeń, keĺḿeś (примерзъ), ṕeĺeń, roŕńeń.

§ 176. *Сослагательное наклоненіе со значеніемъ прошедшаго и настоящаго времени* образуется отъ глагольной основы посредствомъ присоединенія -ulɛ (первоначально глагольной основы, ср. uĺims: быть). Къ этому суффиксу присоединяются въ 1 и 2 л. ед. и мн. окончанія прошедшаго времени при посредствѣ суффикса прошедшаго времени j (ɛj переходитъ въ ɛ). Въ 3 л. ед. и мн. является основа безъ окончаній, при чемъ 3 л. мн. образуется изъ 3-го л. ед. посредствомъ окончанія мн. числа t́. Гласная u суффикса uĺɛ въ соединеніи съ окончаніемъ основы образуетъ дифтонги: aų, yų, oų, eų, ių. Эти дифтонги сохраняются въ Оркинѣ, но въ Сухомъ Карбулакѣ вмѣсто нихъ: a, y, o, e, i: орк. kapšauĺiń, ḿeŕeųĺeńek, śormadyųĺit́, сухокарб. čauĺiń вм. čauųĺiń, čavuųĺiń.

Употребляется обыкновенно съ русской частицей by (bu). Въ сухокарбулацкомъ говорѣ:

kapšaĺiń	udyĺiń	pańiĺiń	ḿeŕeĺeń
kapšaĺiť	udyĺiť	pańiĺiť	ḿeŕeĺeť
kapšaĺ	udyĺ	pańiĺ	ḿeŕeĺ
kapšaĺińik	udyĺińik	pańiĺińik	ḿeŕeĺeńek
kapšaĺiďe	udyĺiďe	pańiĺiďe	ḿeŕeĺeďe
kapšaĺť	udyĺť	pańiĺť	ḿeŕeĺť

Замѣчанія. Въ сухокарб. выраженіяхъ ṕŕazy pravuĺ, savuĺ (при praĺ), tujiviĺ (при tujiĺ), uĺiviĺ сохранились старыя формы 3 л. ед. Ср. орк. son by udyvyĺ, da pši (онъ бы заснулъ, да жарко), ṕiďiviĺ, moĺeveĺ; son by jarcavyĺ, da kšiza araś (онъ бы поѣлъ, да нѣтъ у него хлѣба); lonnovoĺ, valuvyĺ, oŋgovoĺ, putyvyĺ, voŕgeďeveĺ. Другія орк. формы: ḿeŕevĺeńek, naraŋĺiďa, ekšeĺavyĺť, śormadyuĺiť, čauvĺiń, čaŕkyďiviĺť.

§ 177. Та же форма желат. наклоненія употребляется и въ значеніи прошедшаго вр. изъявительнаго наклоненія, но рѣдко; съ такимъ значеніемъ она выходитъ изъ употребленія. Такъ son zokaĺ значитъ онъ пахалъ; орк. śeďikiĺi mon jaly kapšaĺiń (въ старину я все торопился) (Р. Ѳ. Учаевъ скажетъ: kapšyń); орк. śeďikiĺi ḿiń jaly śeďi eŕaĺińik (въ старину мы жили лучше); орк. son sakšnyĺ (онъ приходилъ), śyń sakšnyĺť, son ńekšńeĺ (онъ видѣлъ), syń ńekšńeĺť.

§ 178. *Желательное наклоненіе прошедшаго времени* образуется черезъ присоединеніе къ основѣ суффикса -ks- и глагольныхъ формъ uĺiń, uĺiť и т. д., при чемъ u переходитъ въ α (откуда y, ė).

kapšaksyĺiń	udyksyĺiń	ḿeŕeksėĺeń
kapšaksyĺiť	udyksyĺiť	ḿeŕeksėĺeť
kapšaksyĺ	udyksyĺ	ḿeŕeksėĺ
kapšaksyĺińik	udyksyĺińik	ḿeŕeksėĺeńek
kapšaksyĺiďe	udyksyĺiďe	ḿeŕeksėĺeďe
kapšaksyĺť	udyksyĺť	ḿeŕeksėĺť

Отмѣтимъ нѣсколько примѣровъ: lou̯nėksėľeń, putyksyľiń, vanyksyľiń, uŕvakstyksyľ (онъ хотѣлъ жениться), varštaksyľiń, čav́iksyľiń, ḿeŕekšnėľ (онъ сталъ было говорить), eŕaksyľiń, śťaksyľiń (я всталъ было), karmaksyľ (началъ было); орк. ton udyksyľiť, ˝da äźiďiź katt (ты хотѣлъ спать, да тебѣ не дали). Употребляется и съ частицей by: орк. tyń by ekšeľaksyľiďä, da v́äďiś käľmä (вы хотѣли бы выкупаться, да вода холодна). Чередованіе е и і въ глагольной флексіи обусловливается вліяніемъ предшествующей гласной: послѣ у — і, послѣ ė — е.

§ 179. *Условное наклоненіе прошедшаго времени* образуется изъ соединенія формъ сослагательнаго наклоненія прош. вр. съ частицей ďaŕa (ďaŕak): uľiľiń ďaŕa, uľiľiť ďaŕa, uľiľ ďaŕa; ḿeŕeľeń ďaŕa, uľiľiń ďaŕa ńeјgak odʒora; орк. mon lou̯nou̯ľeń ďaŕa, to sodau̯ľiń ďaŕa (если бы я читалъ, то узналъ бы); syń tonaftyv́iľ̥ť ďaŕa, ćoŕėńeťńä čaŕkyďiv́iľ̥ť ďaŕa (если бы вы учили, мальчики бы понимали); tyń oznovľeďe ďaŕa, možet byť i ṕiźińe tuiv́iľ (если бы вы помолились, то, быть можетъ, пошелъ бы дождь).

§ 180. *Спряженіе съ отрицаніемъ.* Въ соединеніи съ отрицаніемъ формы наст. вр. изъяв. наклоненія спрягаются такъ же, какъ безъ отрицанія: asodan (или azdan), amaŕat, aśińe, ajandan (вм. a andan, не кормлю), aj̥arďan (вм. a arďan, не скачу) и т. д. Кромѣ того съ отрицаніемъ соединяются формы сослагательнаго наклоненія наст. времени: орк. syń akočkańďaŕaχ̥ť umaŕ̥ť, to bazaru̯ amoľeť (если они не станутъ собирать яблоки, то не поѣдутъ на базаръ); son ajarcańďaŕaį, ṕäkiza vačä (если онъ не поѣстъ, то будетъ голоденъ). Равнымъ образомъ и формы прош. вр. желательнаго наклоненія, напр. mon ańeŕeksėľeń (я бы не совѣтовалъ), mon a ťejeksėľeń (я желалъ бы не дѣлать), a moľeksėľeń (я было не хотѣлъ идти). Всѣ остальныя наклоненія и времена образуются посредствомъ соединенія глагольной основы (при извѣстныхъ условіяхъ обособленной окончаніемъ -k) съ формами вспомогательныхъ глаголовъ, содержащими въ себѣ и отрицаніе (iľa-, eźɛ-, auľɛ-). Простую основу находимъ отъ тѣхъ глаголовъ, которые въ спряженіи не выпускаютъ конечной гласной (это

прежде всего основы на -a, затѣмъ основы на ε, α съ предшествующею сложною группою согласныхъ): soda, juta, karma, ekšel̕a, mad̕ńe, ul̕ńe, v́et́ńe, ašče, ramśe, ṕiće, l̕iśńe, ozna, mukšna, śou̯na, sata, tarna. Также на неслоговой звукъ: v́it́iu̯, sajiu̯, kiŕd̕iu̯. Основу, обосложненную окончаніемъ -k, имѣютъ тѣ глаголы, которые выпускаютъ конечную гласную основы. При этомъ k послѣ согласныхъ переходитъ въ t: tuk, ńeḱ, muk; mašt (вм. maštt), kant (вм. kandt), palt, čaft, tonatt, tonaft, vanuft, katt, ou̯kt, lovoft, targaft, putt, uskt, učuft, ant, panćt, ḿel̕aft; t́ejt́, v́it́ift́, mol̕t́, l̕iśt́, čaŕkit́t́, sajift́, mujift́; poŕńeft́, ḱeńeŕt́, avaŕt́. — Рѣже является -k въ основахъ на гласную: sak, jakak, sokak, kuńćiḱ, žyv́ijak. — Въ Оркинѣ извѣстны и формы какъ čau̯, pal, van, kadu̯u̯, mol̕, saj, ḱäḿ, tuŕ, poŕ (безъ окончанія t изъ k).

1) Сослагательное наклоненіе прошедшаго времени образуется черезъ соединеніе желательнаго наклоненія прош. вр. глагола aul̕ε — съ указанными выше формами на гласную или k (ḱ, t, t́), къ которымъ присоединена частица d̕aŕa: avul̕ ul̕ d̕aŕa; avul̕it́ ḿeŕt́ d̕aŕa; avul̕iń ḿeŕt́ d̕aŕa; avul̕ińiḱ, avul̕id̕i, avul̕t́ ḿeŕt́ d̕aŕa; орк. jeśl̕iby ḿiń avyl̕ińiḱ jarca, to śupaft ul̕ińiḱ (еслибы мы не ѣли, то были бы богаты).

2) Желательное наклоненіе настоящаго времени образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

il̕azan
il̕azat
il̕aza
il̕astana
il̕astada
il̕ast

Напр. il̕aza ḱeńeŕt́; il̕ast ul̕t́, ḿeŕt́; ton joftak t́est, štobu syń il̕ast ḿeŕ; орк. koda mon il̕azan mol̕, śorou̯no apačkyd̕an (какъ бы я ни шелъ, все равно не дойду); koda ḿiń il̕astana kapša, śorou̯no akäńiŕd̕ana (какъ бы ни спѣшили, все равно не поспѣемъ).

3) Повелительное наклоненіе образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

iľa, iľak, iľaka
iľada.

Напр. iľa jaka (не ходи), kapša, soka, kula, śukyńa, ŕizna, ant, moľť, ṕejeťť, kuńćik, boroća; iľaka ŕizna, ḿeľaft, putt; iľak tokšê, iľak vant (не смотри); орк. iľa moľ, iľa saį; iľady jaka (не ходите), śouna, jakak, sokak, pančt, moľť; орк. iľady van.

4) Прошедшее время изъявительнаго наклоненія образуется посредствомъ соединенія указанныхъ выше формъ съ глагольными формами:

eźeń
eźeť
eź
eźeńeḱ
eźėďe
eśť

Напр. eźeń vaja, eź v́eťńe, eśť karma, eźeť madńe, eź kiŕť, eśť korta, eź za, eśť ṕiće, eźeť mašt, eźeť čikyr (ты не скрипѣлъ), eź moľť; орк. äźiń, äźiť, äź, äźińiḱ, äźiďä, äśť, напр. korta, v́eľaft, čačt, ṕižakatt (закричалъ), jumśä (пропалъ), pal (сгорѣлъ), čaų (билъ) и т. д.

§ 181. *Причастія.* Извѣстны четыре образованія:

1) Причастія настоящаго времени съ окончаніемъ į, которое сливается съ окончаніями основы a, α, ε въ дифтонги уį, iį, откуда въ концѣ слова и фразы ė, e, а иначе—у, i (ср. форму 3 л. ед.); рядомъ — и окончанія уį, iį, восходящія, очевидно, къ тѣмъ же дифтонгамъ. Эти причастія употребляются и какъ существительныя и какъ прилагательныя. Значеніе дѣйствительное и среднее; χŕostėń gańďij aťańť; śijaks čudij v́edńestėt, jarcyį gudysta (изъ дома гдѣ ѣдятъ; изъ трактира), zolotaks keveŕeį ǵevńestėt, śijaks

ľišịį ľišmapŕińistyt, śińiį gudysta, kudy varčiį numulyś, karavľiį aťa (караулящій старикъ), ḿeľ vanyį (угождающій), korc ḱirďiį, paly toléś (горящій огонь), ľiši čińiḿ (восходящее солнышко), ṕeš-ḱeďe koŋńeḿ (наполняющееся мѣсячко), ḱičḱirďe skalyń, ṕšťiďi alašań, čama nardyį ťeįťeŕeńť, ṕizyń burnyį.

Формы склоненія: ṕeńčeń ǵirďiįška; śejecta kortėįś; čavus oŋǵeįś (лающій попусту); karksyń godėįś; čačtajińť; kudyń ǵirďi-jiś; kulyįť; jumiįť. Въ соединеніи съ личными мѣстоименіями: ľišiįza, vastyįza, dumiįza, kortėįza, purnyįza.

Тождественны по значенію существительныя на -ća, образованныя посредствомъ присоединенія этого окончанія къ сокращенной формѣ причастія настоящаго времени: kortėća, andyća, kulyća, čaŕḱiďića, orčeća, śėŕeďeća, syća, čačtyća, kośťećaś, saly-ćaś, čačića (родившійся), ḱiskaś oŋǵeća, орк. mon ńejeń ḱäŕića (я видѣлъ рубящаго), ťäjića.

2) Причастіе прошедшаго времени на -ń, присоединяемое къ глагольной основѣ (значеніе страдательное): noldań galtnyń, andyń boroŋ (откормленный боровъ), ḱiľďiń alašaza, ḱiľďiń alaša ḿeľga, ḱirvaśťiń χonaŕ (зажженный фонарь), ḱekšeń zuskumńińť, pur-nyńǯe kaįšiń jarmakńiń (онъ собралъ разсыпанныя деньги), čijań baťa, śišiḿ mоń bovoďen laŋšin (у меня семь подвѣшенныхъ зыбокъ), anykstań ṕŕakińe, v́eťesa kodań bulysa, putyń gudysa, ḱeŕań v́iŕ (срубленный лѣсъ), šulmań źeľḿť, srojań gardazum, vačkań gopnada. Отмѣтимъ ťiŕiń ťaťa, šḱiń aŋka (кормилецъ отецъ, кормилица мать), ср. ťŕams (кормить).

3) Причастіе прошедшаго времени на -ź, присоединяемое къ глагольной основѣ (значеніе и страдательное и среднее). При среднемъ значеніи эти причастія можно признать дѣепричастіями: čijiź (бѣжа), madiź (лежа), avaŕďiź (плача, рыдая), ŕiznaź, jakaź, toškaź (шепотомъ), moraź (поя), aščiź (погодя), uŕńiź (воня), vačḱiďiź (ударивши), oznéź (помолившись), ardyź (вскачь), ṕeįďeź (смѣясь), raduvaź (радостно), naďijaź (надѣясь), jutaź (проходя), varčńiź (ощупью), kulakyń ǵeṕeďeź; či jutaź gak v́eľeń brumks; mon dońav́iń ekšeľaź (я усталъ купаясь), ḿiń tuińiḱ jarcaź (мы пошли поѣвши), —

страд. sokaź moda, śulmaź, kundaź, anykstaź, kolaź (испорченъ), ramaź (купленный), ṕekstaź (запертый), rańaź (раненый), tapaź (затоптанный), keŕaź, salaź (украденный), v́el'taź, naŕažaź, šl'aź, štaź, uŕadaź, ḿeńd'eź (согнутая), oŋkstaź (взвѣшена), orčaź (одѣта), ćeź (наполненный), kodaź (сплетенный), kalaftyź (разоренъ), kandyź (занесенъ), putyź (положенъ), komaftyź (опрокинутъ), śiv́id'iź ǵiskaťńe, ṕilćiź (напиленъ), nujiź (сжатъ), mujiź (найденъ), l'ekeź (вылаканъ), putyź kudysa, kirvaśťiź χonaŕ, kil'd'iź alašasa.

Формы склоненія: v́el'taźiń (покрытаго), kundaźiń (пойманнаго, напр. čubaś kundaźiń: шуба пойманнаго), v́eśi latyťńi v́el'taśť, v́eśi kudyťńi kraśaśť, v́eśi lomaťńe tonaftyśť, skoťinaťńe andyśť, štaźga, nardaźga, v́eśi čavuśńida žiṷsta kaduṷśť ńil'i el' v́eťe (изъ всѣхъ побитыхъ остались въ живыхъ четверо или пятеро), р. мн. kundaśńiń, дат. мн. kundaśńińiń.

4) Причастіе прошедшаго времени на ft (f́ť), присоединяемое къ глагольной основѣ. Имѣетъ страдательное значеніе. — Напр. uŕadaft, štaft, uskaft, laznuft, śuduft, vad'ńif́ť, sajif́ť, ťejef́ť.

Формы склоненія: ťicaś valkś štaftyń (раскрытый) utum laŋks; ťe panaryś štafńiń nardafńiń (это полотенце для вымытаго и вытертаго), štafka nardafka jak śiť jakiť (вши ходятъ и по вымытому и вытертому); v́eśi pakšaťńi štaft nardaft (всѣ ребята вымыты и вытерты).

Въ Оркинѣ причастіе это оканчивается не на -f́ť, а на -f: śormaś śormaduf (письмо это написано), son kuluftuf (онъ умерщвленъ), naraf, ťäif́, ḿiif́, v́id'if́, kundaf, śulmaf, sokaf, и т. д. Во мн. ч. kučuft, sokaft, l'ed'ef́ť, čauft, и т. д.

§ 182. Дѣепричастіе съ отрицаніемъ образуется посредствомъ соединенія отрицанія apak съ указанными въ § 180 глагольными формами: apak duma (не думая), žal'a, loṷna; ojḿeń apak targa (не переводя духъ), apak kapša (не спѣша), apak faťa, soboŕja, soda, orča, kaŕće, орк. apak koṛta, apak śiḿ duś (пошелъ не напившись), apak rama kaduṷś (осталось не купленнымъ), apak čaṷ tuś (ушелъ не битый), сухокарбул. apak l'eḿť, śiḿť, muśkť, keṷkśť, ṕiŋǵiťť, uŕvakst.

§ 183. Глагольныя окончанія -an, -at, -tana (-ťana), -tada (-ťada) въ наст. времени, -ľiń, -ľiť, -ľ, -ľińik, -ľiďe, -ľť въ прош. времени употребляются въ соединеніи съ существительными, прилагательными, мѣстоименіями и нарѣчіями въ видѣ связки. Примѣры для наст. времени: mon roďńan, mon oχoťńikan, mon ćolakan (я лѣнтяй), ton roďńat, ton bokš kurgy oftat, ejďńemat, mon uŕidľivan, ton uŕidľivat, ľeųksǩemat, ton auľ roďńat ťeńeń? (ты не родня этому?), mon syŕan, ćut živan, v́išǩińan, vasylan, paran, ton pokšat (ты большой), v́išǩińat, mazyjat, parat, ǩijat (кто ты),— mon rogasan (я владѣю рогами), kop̌itasan, mon pakśasan, v́iŕcan, ton uľćasat, — ťesan (я здѣсь), kosan, ťesat, kosat.

Прошедшее время: odʒoraľiń paryľiń (я былъ молодъ, красивъ), son ḃeǩ paryľ, ton ḃeǩ paryľiť, syń ḃeǩ paryľť; paryľińiǩ, paryľiďe; орк. syń v́iŕcyļť (они были въ лѣсу), son uľćaśyľ, ḿiń pakśasyľińiǩ; mon araśiľiń (меня не было), ton araśiľiť, son araśiľ, и т. д.

§ 184. Соединеніе причастій прош. стр. на -ź и -ft (f) съ окончаніями -an, -at, -tana, -tada даетъ возможность образовать формы наст. вр. страд. залога: paŕaźan (я выпарена), alftaźan (я обѣщана), śiḿdiźan (я напоенъ), ḿeźda śiv́idiśťada? ḿeźda karmaftyśťada? (за какую цѣну васъ заставили?), ton ḃaŕaźat (тебя попарили), son ḃaŕaź, ḿiń ǩeŕaśťana, орк. mon kandufan (я оставленъ), śiv́idľifan, kor̥tafan, ton uskufat, ťäifat, tyń p̌äčǩifťada, ľeďefťada; ḿiń naraftana.

Другія времена и наклоненія образуются при помощи вспомогательнаго глагола uľi: uľiza v́eľťaź, uľńiś lopaftyź.

§ 185. Соединеніе -ľ съ отглагол. существительнымъ на -ma образуетъ безличный оборотъ для выраженія желательнаго наклоненія: moľemaľ ďeť (надо бы тебѣ идти), son čaŕǩić, šty aťańť a naŕgamaľ (онъ понялъ, что не надо было мучить отца); a čijimaľ (не надо бы бѣжать) — ťeť (тебѣ), ťeń (мнѣ), ťeńeǩ (намъ) и т. д.

§ 186. Инфинитивъ и супинъ образуются при помощи суффиксовъ ma, mɛ, присоединяемыхъ къ глагольной основѣ. Гласная основы (α, ε) передъ этими суффиксами обыкновенно не

выпускается. Формы эти подлежатъ измѣненію по падежамъ: suvama, moľeme, avarďiḿe, oznoma, kortama, uduma; suvams, moľems, suvamsta, moľemsta, suvamda, moľemda, suvamga, moľemga, suvamsa; mon ńejeń moľemda или moľemada (я видѣлъ, какъ онъ шелъ), v́e suamsa ťejś aťejev́e (однимъ входомъ это дѣло не дѣлается), v́e jakamsa ťeį aťejat (однимъ приходомъ дѣло не дѣлается).

Замѣчаніе. Основы на -a имѣютъ непремѣнно -ama. Въ прочихъ основахъ чередованіе -oma, -uma, съ одной стороны, и -eḿe, -iḿe, съ другой, зависитъ отъ предшествующей согласной. Послѣ мягкой язычной является -iḿe, -eḿe, послѣ твердой язычной, губной и заднепёбной -oma, -uma. Чередованіе -oma, -eḿe, съ одной стороны, -uma, -iḿe, съ другой, зависитъ отъ гласной предшествующаго слога; въ положеніи за слогомъ съ o, e является -oma, -eḿe, въ положеніи же за другой гласной -uma, -iḿe: čavuma, uduma, kščiŕďiḿe, pškaďiḿe, kańľiḿe, ťeŕťńeḿe, lou̯noma, śou̯noma, tujiń moľeḿe, ľiśińik moľeḿe.

Отдѣльно стоитъ отглагольное существительное на -ma (между тѣмъ какъ инфинитивъ и супинъ оканчиваются на -mα, -mε): moľema, udumam, avaŕďima (склоненіе: avaŕďimada и т. п.), ḿeľezėn duś moľemaś (мнѣ захотѣлось пойти).

§ 187. Отмѣтимъ нѣсколько заимствованій изъ русскаго языка въ области глагольныхъ образованій. Частица bu (by) отмѣчена выше.

mon byl (я было): a mon byl sońanʒa śijan v́iľkińe kandykšnyń; a mon byl zyrgakšnyń (a я было собрался).

Также формы прошедшаго времени на ľ: egzaḿen zdal, zdaľi; χoťol son въ значеніи dumaś son (онъ захотѣлъ, хотѣлъ).

Также прошедшее время на la, ľi: mon, ton, son ǯala (я думалъ, чаялъ), ḿiń, tyń, syń ǯaľi (чаяли), ṕiu̯cyćaťńi čaľi (молотильщики думали). Орк. mon χoču (я хочу).

Спряженіе опредѣленное (съ опредѣленнымъ объектомъ).

§ 188. Формы этого спряженія употребляются при опредѣленномъ объектѣ, выраженномъ или личнымъ мѣстоименіемъ или существительнымъ. Въ зависимости отъ объекта измѣняются и самыя формы спряженія. Такимъ образомъ получается шесть разрядовъ глагольныхъ формъ въ зависимости отъ шести возможныхъ объектовъ: 1) объекта въ 1 л. ед., 2) объекта во 2 л. ед., 3) объекта въ 3 л. ед. или въ формѣ того или иного существительнаго въ ед. ч. въ формѣ опредѣленнаго склоненія, 4) объекта въ 1 л. мн., 5) объекта во 2 л. мн., 6) объекта въ 3-мъ лицѣ мн. или въ формѣ того или иного существительнаго во мн. ч. въ формѣ опредѣленнаго склоненія.

§ 189. Формы опредѣленнаго спряженія въ прошедшемъ времени образуются отъ глагольной основы, обосложненной суффиксомъ i̯. Напротивъ, формы опредѣленнаго спряженія настоящаго времени образуются при помощи особыхъ суффиксовъ, а именно: 1) суффикса -sa для формъ съ объектомъ въ 1 л. ед. и мн. и 3 л. ед. и мн.: šnasa-, noldasa-, ńesa-, vanca-, sajsa-, v́ečksa-, и 2) суффикса -ta (ťa) для формъ съ объектомъ 2 л. ед. и мн. šnata-, noldata-, ńeťa-, vanta-, sai̯ťa-, v́ečḱťa-.

§ 190. Бо̀льшая часть личныхъ окончаній настоящаго и прошедшаго времени—одной формы, одного происхожденія. Общими окончаніями являются: *при объектѣ въ 1 л. ед.*: ḿiź для 2 и 3 мн.; *при объектѣ въ 1 л. мн.*: ḿiź для 2 и 3 ед. и мн.; *при объектѣ въ 3 л. ед.*: ńiḱ для 1 мн., ŋḱ для 2 мн., ź для 3 мн.; *при объектѣ въ 3 л. мн.*: ń для 1 ед., ť для 2 ед.; ńǯe для 3 ед., ńiḱ для 1 мн., ŋḱ для 2 мн., ź для 3 мн.

Нѣкоторыя отличія зависятъ отъ той формы, которую эти окончанія получили, благодаря соединенію съ i̯ — примѣтою прошедшаго времени. *При объектѣ въ 1 л. ед.* находимъ для 2 ед. въ настоящемъ mak, а въ прошедшемъ ḿɛḱ; это ḿɛḱ восходитъ къ mai̯k; въ 3 л. ед. въ настоящемъ mam, а въ прошедшемъ

ḿεḿ изъ majm. *При объектѣ во 2 л. ед.* находимъ для 1 ед. въ настоящемъ tan, а въ прошедшемъ ťεń: это ťεń восходитъ къ tajn; для 3 ед. въ настоящемъ nʒat, въ прошедшемъ ńʒ́εť изъ nʒajt; для 1 и 3 мн. въ настоящемъ dyź (изъ daź), а въ прошедшемъ ďεź изъ dajz. *При объектѣ во 2 л. мн.* находимъ въ настоящемъ для 1 и 3 ед. и мн. dyź, а въ прошедшемъ ďεź. *При объектѣ во 2 л. ед.* для 1 и 3 мн. находимъ въ настоящемъ dyź, а въ прошедшемъ ďεź. *При объектѣ въ 3 л. ед.* находимъ для 2 ед. въ настоящемъ k (šnasak), а въ прошедшемъ ḱ подъ вліяніемъ предшествующаго i̯ (šnyḱ изъ šnai̯k).

Исходными оказываются окончанія для 1 л. ед. *при объектѣ въ 3 л. ед.*: въ настоящемъ находимъ -a (šnasa), восходящее, быть можетъ, къ aja (šnasa-ja), а въ прошедшемъ -ńε (ńe), вмѣсто чего въ другихъ говорахъ -ja (сухокарб. и орк. štyńe, а въ другихъ говорахъ štyja). Далѣе несходны окончанія для 3 л. ед. *при объектѣ въ 3 л. ед.*: въ настоящемъ находимъ ė (y) неяснаго происхожденія, напр. šnasė (šnasy), а въ прошедшемъ źε (šnyźε изъ šnai̯źε, šnai̯zα).

§ 191. Настоящее время изъявительнаго наклоненія.

Объектъ въ 1 л. ед.

ед.	2	šnasamak	v́ečksamak	kacamak	iďimak
	3	šnasamam	v́ečksamam	kacamam	iďimam
мн.	2	šnasaḿiź	v́ečksaḿiź	kacaḿiź	idiḿiź
	3	šnasaḿiź	v́ečksaḿiź	kacaḿiź	iďiḿiź

2 ед. ancamak, kacamak (ты меня оставишь), stuu̯samak, palasamak (ты меня поцѣлуешь), орк. säu̯samak (ты меня съѣшь), uduf-camak (ты даешь мнѣ спать), śimsamak.

3 ед. ramamam (онъ меня купитъ), starcamam (онъ меня настигнетъ), noldasamam, arafcamam (онъ меня поставитъ).

2 мн. mańasaḿiź, mańčisaḿiź, noldasaḿiz (вы меня пустите).

3 мн. noldasaḿiź (они меня пустятъ), lou̯saḿiź, kundasaḿiź, śeźńesaḿiź, ṕrimasaḿiź, čau̯saḿiź, ozafcaḿiź (они меня посадятъ),

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2 3 мн. 2 3	šnasamiź, večksamiź (ты насъ любишь), орк. ton ťärcamiź miňik (ты насъ позовешь), čausamiź (вы насъ побьете), paňcamiź (они насъ погонятъ), śimsamiź.

Объектъ во 2 л. ед.

ед.	1	šnatan	večkťan
	3	šnatanzat	večkťanzat
мн.	1	šnatadyź	večkťadyź
	3	šnatadyź	večkťadyź

1 ед. palatan (я тебя поцѣлую), usktan, lastan, antan, ramatan, povatan, baslavatan, kučtan, arduftan, noldatan; орк. čaudan, sajťan, idiťan, śimťan, kiviťťan, ľukščaťťan, paňťan, pejeťťan; орк. sajďan, ťäjďan (я тебя заколдую).

3 ед. tonaftanzat, makstanzat (онъ тебя отдастъ), iźnatanzat, veťatanzat, sasatanzat, kundatanzat, ńiľťanzat, prośťatanzat, poŕťanzat, veľaftanzat, ńeťanzat, eŕťanzat (оглоушитъ), орк. son toń čaudanzat (онъ тебя побьетъ), son toń karćiťanzat od gaŕńisa (онъ тебя обуетъ въ новыя лапотки).

1 и 3 мн. ukstadyź (мы тебя отведемъ), noldatadyź, učytadyź, veščadyź, venčatadyź, орк. miń päčkťadyź toń (мы тебя зарѣжемъ), syń toń ťäjďadyź (они тебя сдѣлаютъ).

Объектъ во 2 л. мн.

ед. 1 3 мн. 1 3	šnatadyź, večkťadyź, miťadyź, iźnatadyź, ťejťadyź, mutadyź, salćitadyź, pultatadyź, sajťadyź, kiľťadyź, paňťadyź, орк. miń tyŋk robotaftadyź (мы васъ заставимъ работать), miń tyŋk śormattadyź (мы васъ запишемъ), son dyŋk miťadyź (онъ васъ продастъ), орк. mon sajďadyź tyŋk (я васъ возьму), targaftadyź (я дамъ вамъ покурить), śyń tyŋk jumaftadyź (они васъ погубятъ).

Объектъ въ 3 л. ед.

ед.	1	šnasa	v́ečksa
	2	šnasak	v́ečksak
	3	šnasė	v́ečksė
мн.	1	šnasyńik	v́ečksėńek
	2	šnasyŋ́k	v́ečksėŋ́k
	2	šnasyź	v́ečksėź

1 ед. čausa, sai̯sa, ḿisa, t́ei̯sa, stuu̯sa, nusa, ńeu̯sa, орк. ńefca, prau̯sa, jumau̯sa, musa, maŕasa (val'ģiińt́), v́id́isa, jovarca, kanca, kičkiŕca, valca, śimsa t́e čaškańt́ (выпью эту чашку), kadca, makssa, vačkit́ca, keu̯kśsa, pančsa, ṕśt́itca, pačsa (доставлю его или это).

2 ед. vancak, śopsak, musak, ńesak, muśksak, sodasak, jumau̯sak, tusak, ṕečksak, śt́au̯sak, ton sokasak umat (ты вспашешь свое поле), ton ńefcak umańt́ (ты покажешь поле).

3 ед. kortasė, prośt́asė, azdasė, iźńasė, palasė, id́isė, ńesė, kirkśisė, poŋgau̯sė, ozau̯sė, kortau̯sė, čau̯sė, jumau̯sė, tokau̯sė, sėu̯sė, sai̯sė; śimsė, vancė, kancė, valcsė (сниметъ), počotcė (обсыплетъ), stukat́cė, kel'ksė, keṕet́cė, keu̯kśsė, t́aput́cė, v́ećcsė (протянетъ), pančsė (откроетъ), pucė (поставитъ). Въ Оркинѣ: čau̯si̯, tonafci̯, kšnasi̯, но śei̯sė, ńesė, ńefcė, śou̯nėsė.

1 мн. ḿiń sonʒy palasyńik (мы его поцѣлуемъ), kavańasyńik (угостимъ).

2 мн. tyń śorḿacyŋ́k sonʒa (вы его запишете), орк. ṕäčksyŋ́k (вы его зарѣжете).

3 мн. syń zonʒa ancyź (они его накормятъ), ozafcyś (посадятъ), орк. v́äŕijafcyź (окровянятъ).

Объектъ въ 3 л. мн.

ед.	1	šnasyń	v́ečksėń
	2	šnasyt́	v́ečksėt́
	3	šnasyńʒe	v́ečksėńʒe

мн. 1 šnasyńiḱ v́ečkséńeḱ
2 šnasyŋ́ḱ v́ečkséŋ́ḱ
3 šnasyź v́ečkséź

1 ед. ḱeŕasyń, sodasyń, śulmasyń (я ихъ свяжу), ḱičḱiŕisyń, jovŕeséń, tarkśisyń, uskśisyń, sajsyń, t́ejséń, ṕečkséń, ḱeŋkséń, makssyń, орк. ńe čaškat́ńiń v́äśi śimsyń (я вымою всѣ эти чашки).

2 ед. sajsyt́, орк. ton kšnasyt́ synct (ты ихъ хвалишь), ton v́äšńisyt́ synct (ты ихъ разыщешь), ton čaŋsyt́ t́icat́ńiń (ты убьешь этихъ птицъ).

3 ед. sodasyńʒe (онъ ихъ узнаетъ), iźńasyńʒe, tokaŋsyńʒe, laznysyńʒe, stakšnysyńʒe, kaśsyńʒe, kortaŋsyńʒe, aŕt́ńiŋsyńʒe, kancyńʒe, орк. son kacyńʒä synst (онъ ихъ оставитъ), ḱeŕćeséńʒe, loŋséńʒe, ćotcéńʒe, орк. son ńeséńʒä synct (онъ ихъ видитъ).

1 мн. ḿiń ḿińć mańasyńiḱ synct (мы сами ихъ обманываемъ), ḿiń ḿińć modat́ńiń sokasyńiḱ (мы сами вспашемъ эти земли).

2 мн. tyń t́ŕasyŋ́ḱ synct (вы пропитаете ихъ), tyń śormacyŋ́ḱ synct (вы ихъ запишете).

3 мн. syń synct mańčisyź (они ихъ обманутъ), орк. syń synct v́äl̆t́asyź (они ихъ покроютъ), pozéŕasyź (срамятъ).

§ 192. Повелительное наклоненіе.

	Объектъ въ 1 л. ед.	Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2	noldamak	noldaḿiź
мн. 2	noldaḿiź	noldaḿiź

ед. kandumak, kuśt́imak, kadumak (оставь меня), paŕamak, uskumak, sodamak, sajimak (возьми меня), nuŕćimak, ozaftumak, śt́aftumak, ḿijimak, kundamak, putumak (поставь меня), toŋgomak (всунь меня)

мн. maŕaḿiź, ḱekšeḿeź, sajiḿiź, ńel̆ǵeḿeź, palaḿiź, kandyḿiź, toŋǵeḿeź (всунь насъ).

Объектъ въ 3 л. ед.			Объектъ въ 3 л. мн.		
2 noldėḱ	putyḱ	sajiḱ	noldėť	putyť	sajiť
2 noldėŋḱ	putyŋḱ	sajiŋḱ	noldėŋḱ	putyŋḱ	sajiŋḱ

1 palyḱ (поцѣлуй его), učyḱ, varčyḱ, vanyḱ, kundyḱ, vanctyḱ, prośťeḱ, oznėḱ, karavľiḱ, varčiḱ, tonaftyḱ, sokeḱ, jokstėḱ.

2 putyť (поставь ихъ), lounėť, ḱeŕksėť, vanyť, otorftėť (дерни ихъ), artyť (покрой ихъ дымомъ), śormadyť, purnyť, naviť, ḱajiť, palčiť (поцѣлуй ихъ), vačḱiďiť, śeŕgeďeť, veťeť, ťejeť, końeť, ťeŕďeť, orčeť.

3 tonaftyŋḱ, maksyŋḱ, kadyŋḱ, uskiŋḱ, sajiŋḱ, javiŋḱ, śińďiŋḱ, ľiťiŋḱ, veťeŋḱ, ḱeŕeŋḱ, veśńeŋḱ, ḱepeďeŋḱ, ťejeŋḱ.

Какъ и въ неопредѣленномъ спряженіи, къ формамъ 2 л. ед. и мн. можетъ присоединяться -a, передъ которымъ ḱ отвердѣваетъ.

2 ед. noldamaka (пусти-ка меня), sajimaka, targamaka, śińďimaka, maŕamaka, uŕadamaka, vaďńimaka (вычисти-ка меня).

2 ед. varčiťa (пусти-ка ихъ), pultyťa.

2 мн. uskiŋka (везите его или ихъ), vijiŋka.

§ 193. Сослагательное наклоненіе. Окончанія тѣ же, что въ изъявительномъ. Но между глагольной основой и примѣтами -sa, -ta вставлена частица ďaŕa.

Объектъ въ 1 л. ед.: 2 ед. palańďaŕasamak (если ты меня поцѣлуешь), večḱeńďaŕasamak; 3 ед. čavińďaŕasamam, večḱeńďaŕasamam, stuftyńďaŕasamam (если онъ меня забудетъ). — Объектъ въ 1 л. мн.: 2, 3 ед. и мн. ńejeńďaŕasamiź (если ты насъ увидишь); 3 мн. ńejeńďaŕasamiź (если они насъ увидятъ).—Объектъ во 2 л. ед.: 1 ед. palańďaŕatan (если я тебя поцѣлую), večḱeńďaŕatan; 1 мн. kundańďaŕatadyź (если мы тебя схватимъ); 3 мн. ḱeŋkśťeńďaŕatadyź (если они тебя спросятъ). — Объектъ во 2 л. мн.: 1, 2, 3 ед. и мн. ťeŕďeńďaŕatadyź, palańďaŕatadyź (если я васъ поцѣлую).—Объектъ въ 3 л. ед.: 1 ед. palańďaŕasa, ramańďaŕasa (если я его куплю), орк. mon orčańďaŕasa oďežam, to tujan uľčańgualt (если я надѣну свое платье, то пойду вдоль улицы); 2 ед.

palańďaŕasak (если ты его поцѣлуешь); 3 ед. čavińďaŕasė (если онъ его убьетъ), орк. ramańďaŕasy, v́ečkeńďaŕasy: son ṕäčkińďaŕasy lomańińt́, to son dolžen tuims Ćibiŕiu̯ (если онъ убьетъ человѣка, то долженъ идти въ Сибирь); 1 мн. mujińďarasyńik (если мы его найдемъ); 3 мн. ramańďaŕasyź (если они его купятъ). — Объектъ въ 3 л. мн.: 1 ед. ramańďaŕasyń (если я ихъ куплю), v́ečkeńďaŕasyń, 2 ед. ńejeńďaŕasyt́ (если ты ихъ увидишь), 3 ед. purnańďaŕasyńʒe (если онъ ихъ соберетъ), 1 мн. ḱeu̯ḱśt́eńďaŕasyńiḱ (если мы ихъ спросимъ), 2 мн. tandaftyńďaŕasyŋḱ (если вы ихъ напугаете), 3 мн. mujińďaŕasyź (если они ихъ найдутъ).

§ 194. *Желательное наклоненіе.* — Объектъ въ 1 л. ед.: 2 ramamak, purnamak, sajimak, ńejemak, 3 ramamam, purnamam, ľeďemam. 2 мн. ramamiź, purnamiź, ńejemeź, 3 мн. ńejemeź. — Объектъ въ 1 л. мн.: 2 purnamiź, ńejemeź, sajimiź, 3 sajimiź, 2 мн. purnamiź, sajimiź, 3 мн. ńejemeź. — Объектъ во 2 л. ед.: 1 ramatan, purnatan, ńejetan, 3 ramanʒat, purnanʒat, ľeďenʒat, ńejenʒat, sajinʒat, lazynʒat, t́ejenʒat, śeźenʒat, 1 мн. ramaďiź, sajiďiź, ńejeďeź, ramaďiź, purnaďiź, paladiź, 3 мн. nejeďeź. — Объектъ во 2 л. мн.: 1 ramaďiź, ńejeďeź, 3 purnaďiź ńejeďeź, 1 мн. ńejeďeź, 3 мн. ńejeďeź. — Объектъ въ 3 л. ед.: 1 ramasa, sasasa, ńejesa, sajisa, t́ejesa, kundasa, targasa, maksysa, 2 purnyḱ, ńejeḱ, ramiḱ, 3 purnasa, kundasa, ńejesa, kandysa, sajisa (чтобы онъ его взялъ), 1 мн. ńejesėńeḱ, purnasyńiḱ, 2 мн. ńejesėŋḱ, purnasyŋḱ, 3 мн. ńejeź, kundyź, sajiź, t́ejeź; также: sasasyź (sasyź), keŕasyź (ḱeŕeź), toŋgasyź (toŋǵeź). — Объектъ въ 3 л. мн.: 1 ramasyń, ńejesėń, 2 ramasyt́, purnasyt́, ńejesėt́, 3 sasanʒa, ńejenʒa, t́ejenʒa, sajinʒa, kundanʒa, čavinʒa, purnanʒa, pultanʒa, ľeďenʒa, 1 мн.: ńejesėńeḱ, 2 мн. ńejesėŋḱ, 3 мн.: ńejeź, kundyź; также: pultasyź.

§ 195. *Прошедшее время.*

Объектъ въ 1 л. ед.

ед.	2	štymiḱ	v́ečḱemeḱ
	3	štymim	v́ečḱemem

мн. 2 štymiź večkemeź
3 štymiź večkemeź

2 śimďimik, kiŕďimik, mańimik, kadymik (ты меня оставилъ), toń mоń palymik (ты меня поцѣловалъ), vačkyďimik (ударилъ).
3 kadymim, putymim, alftymim, vanctymim, kučymim, jakimim, uskimim, čavimim, ńejemem, keŋkśťemem, pońemem, pečkememem, moŕemem, son moń joftėmem (онъ про меня сказалъ), piďimim, kajimim, pańimim, maćťimim.
3 мн. kadymiź, veťemeź, sajimiź, jovŕemeź, sėvemeź, čavimiź, karmaftymiź, śtaftymiź, syń mоń čavimiź (они меня побили).

Объектъ въ 1 л. мн.

ед. 2 }
3 } kadymiź, štymiź, večkemeź, son
мн. 2 } ramimiź mińik (онъ насъ купилъ).
3 }

Объектъ во 2 л. ед.

ед. 1 štyťiń večkťeń
3 štyńʒiť večkeńʒeť
мн. 1 štyďiź večkeďeź
3 štyďiź večkėďeź

1 pokordėťeń, kandyťiń, mon ramiťiń toń (я тебя купилъ).
3 iźńińʒiť, tombeńʒeť, čijińʒiť, jakińʒiť, čavińʒiť, panʒińʒiť, son toń morėńʒeť (онъ про тебя пѣлъ).
3 мн. andyďiź, syń toń tombeďeź (они тебя ушибли).

Объектъ во 2 л. мн.

ед. 1 }
3 } štyďiź, vечkeďeź, syń tyŋk šeškeďeź (они ихъ мяли), son
мн. 1 } tyŋk kyrvaśťiftyďiź (онъ заставилъ васъ зажечь), mon
3 } tyŋk uduťtyďiź (я далъ вамъ спать).

Объектъ въ 3 л. ед.

ед.	1	štyńe	v́ečḱeńe
	2	štyḱ	v́ečḱeḱ
	3	štyźe	v́ečḱeźe
мн.	1	štyńiḱ	v́ečḱeńeḱ
	2	štyŋḱ	v́ečḱeŋḱ
	3	štyź	v́ečḱeź

1 kandyńe (я его принесъ), kadyńe, ṕeŕgafťyńe, maksyńe, śormadyńe, otkazyńe, ṕekstêńe, noldêńe, ḱeŕćefťekšńeńe, soḱeńe, śulḿińe, ťejeńe, sajińe, ḱiľďińe.
2 kadyḱ, kandyḱ, kalmafťyḱ, čav́iḱ, taŕgiḱ, vaľiḱ, uskiḱ, pońeḱ, sev́eḱ, ťeťḱeḱ (ты слопалъ его).
3 palyźe (онъ поцѣловалъ его), uštyźe, andyźe, putyźe (онъ поставилъ его), rańiźe, vatḱiźe, kapuďiźe, pańiźe, noldêźe, jordêźe (онъ его вытряхнулъ), ťejeźe, ḱeŋḱśťeźe, орк. ḱäŋkśńiźä, säv́iźä.

Объектъ въ 3 л. мн.

ед.	1	štyń	v́ečḱeń
	2	štyť	v́ečḱeť
	3	štyńʒe	v́ečḱeńʒe
мн.	1	štyńiḱ	v́ečḱeńeḱ
	2	štyŋḱ	v́ečḱeŋḱ
	3	štyź	v́ečḱeź

1 л. ṕekstêń, vaľiń, ḿijiń, sodêń, mon synct maćťiń (я ихъ уложилъ).
2 л. ṕekstêť, śeźeť, orčeť, орк. ton synct ḱäŕiť (ты срубилъ ихъ)
3 л. kandyńʒe, pultyńʒe, lopafťyńʒe (намочила), maksyńʒe, kortafťyńʒe, lakafťyńʒe (вскипятилъ), sasyńʒe, śulḿińʒe, čav́ińʒe, pupśińʒe (тыкалъ), mińʒe (продалъ), ṕekstêńʒe, son synct pońeńʒe (онъ ихъ загрызъ), орк. son synct ťäŕďińʒä (онъ ихъ позвалъ).

§ 196. *Сослагательное наклоненіе прошедшаго времени.* Въ Оркинѣ основы: ramaṷl'i, v́ečkeṷl'e, sokaṷl'i, ṕäčkiṷl'i и т. д., а въ Сухомъ Карбулакѣ: ramal'i, v́ečkel'e, sokal'i, ṕečkel'e.

Объектъ въ 1 л. ед.: ед. 2 paṅil'iṁik, śiṁd'il'iṁik, орк. v́ečkev-l'eṁek, 3 paṅil'iṁiṅ, орк. anduvl'iṁiṅ, мн. 2 paṅil'iṁiź, орк. śoṷnovl'eṁeź, śiṁd'ivl'iṁiź, 3 paṅil'iṁiź, орк. sukuvl'iṁiź. — Объектъ въ 1 л. мн.: ед. 2, 3, мн. 2, 3: paṅil'iṁiź, орк. tyṅ by ṁiṅik ramavl'iṁiź, ton ṁiṅik v́ečkevl'eṁeź, son by ṁiṅik palćivl'iṁiź, syṅ by ṁiṅik stukad'ivl'iṁiź. — Объектъ во 2 л. ед.: ед. 1 noldal'iťiṅ, paṅil'iťiṅ, śeźel'eťeṅ, ṅil'il'iťiṅ, орк. palaṷl'iťiṅ, 3 paṅil'iṅʒiť, žal'al'iṅʒiť, zdoχṅal'iṅʒiť, орк. son by toṅ v́ečkevl'eṅʒeť, ramavl'iṅʒiť, мн. 1 paṅil'id'iź, орк. ṁiṅ by toṅ kekševl'ed'eź. 3 paṅil'id'iź, орк. syṅ by toṅ muivl'id'iź. — Объектъ во 2 л. мн.: ед. 1, 3, мн. 1, 3: paṅil'id'iź, орк. mon tyŋḱ käṁivl'id'iź (я повѣрилъ бы вамъ), son by tyŋḱ śormadyvl'id'iź (онъ бы васъ записалъ). — Объектъ въ 3 л. ед.: ед. 1 paṅil'iṅe, ćavil'iṅe, орк. mon sonʒa ramaṷl'iṅe, ťäŕd'ivl'iṅe, 2 paṅil'iḱ, орк. ton sonʒa v́ečkevl'eḱ, 3 paṅil'iźe, орк. son sonʒa jakaṷl'iźe (выѣздилъ бы его), мн. 1 paṅil'iṅiḱ, 2 paṅil'iŋḱ, 3 paṅil'iź. — Объектъ въ 3 л. мн.: ед. 1 paṅil'iṅ, орк. mon synct kalmaṷl'iṅ, 2 paṅil'iť, орк. ton synct v́ečkevl'eť, 3 paṅil'iṅʒe, орк. son by synct sokaṷl'iṅʒä, мн. 1 paṅil'iṁik, орк. ṁiṅ by synct śoṷnovl'eṅeḱ, 2 paṅil'iŋḱ, орк. tyṅ by synct kočkaṷl'iŋḱ, 3 paṅil'iź, орк. syṅ by synct maŕaṷl'iź.

§ 197. *Желательное наклоненіе прошедшаго времени.*

Объектъ въ 1 л. ед.: ед. 2 ramaksyl'iṁiḱ, 3 ramaksyl'iṁiṁ, мн. 2 ramaksyl'iṁiź, 3 ramaksyl'iṁiź. — Объектъ въ 1 л. мн.: ед. 2, 3, мн. 2, 3: ramaksyl'iṁiź, paṅiksyl'iṁiź. — Объектъ во 2 л. ед.: ед. 1 ramaksyl'iťiṅ, 3 ramaksyl'iṅʒiť, мн. 1 ramaksyl'id'iź, 3 ramaksyl'id'iź. — Объектъ во 2 л. мн.: ед. 1, 3, мн. 1, 3: ramaksyl'id'iź. — Объектъ въ 3 л. ед.: ед. 1 ramaksyl'iṅe, 2 ramaksyl'iḱ, 3 ramaksyl'iźe, мн. 1 ramaksyl'iṅiḱ, 2 ramaksyl'iŋḱ, 3 ramaksyl'iź. — Объектъ въ 3 л. мн.: ед. 1 ramaksyl'iṅ, 2 ramaksyl'iť, 3 ramaksyl'iṅʒe, мн. 1 ramaksyl'iṅiḱ, 2 ramaksyl'iŋḱ, 3 ramaksyl'iź.

§ 198. *Условное наклоненіе прошедшаго времени* образуется изъ соединенія формъ сослагательнаго наклоненія прошедшаго времени съ частицей ďaŕa (ďaŕak): орк. mon ḿiiv́Ïińe ďaŕa alašańť, ramavÏiń by skal (если бы я продалъ лошадь, я купилъ бы корову); ton tapavÏiḱ ďaŕa vaÏmańť, to panduu̯Ïiḱ (если бы ты разбилъ окошко, то заплатилъ бы), jeśÏi by mon tońv́ečḱev́Ïeťeń ďaŕa, to ton avyÏiḿiḱ mańa mon (если бы я тебя полюбилъ, ты бы не обманывалъ меня); jeśÏi by syń äẑ̆au̯ÏiḿiźďaŕA, to by ḿiń auÏińiḱ prostuďau̯ (если бы они согрѣли насъ, то мы бы не простудились); son ḿiiv́Ïiźe ďaŕa alašańť, to savyÏ by jalga (если бы онъ продалъ лошадь, то пришелъ бы пѣшкомъ).

§ 199. *Опредѣленное спряженіе въ соединеніи съ отрицаніемъ.* Къ формамъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, настоящаго времени условнаго наклоненія, а также сослагательнаго наклоненія присоединяется отрицаніе a: av́ečksa (я его не люблю), azdasė (онъ этого не знаетъ), aramańďaŕatan (если я тебя не куплю), mon dońaramaksyÏiťiń (я бы желалъ тебя не купить), mon asasaksyÏiťiń (я желалъ бы тебя не догнать).

Всѣ остальныя наклоненія настоящаго времени, а также прошедшее время во всѣхъ его наклоненіяхъ образуются посредствомъ соединенія вспомогательныхъ глаголовъ, слитыхъ съ отрицаніемъ, и глагольныхъ формъ указанныхъ выше, въ § 180.

§ 200. *Желательное наклоненіе съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

	Объектъ въ 1 л. ед.	Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2	iÏamak	iÏaḿiź (iÏiḿiź)
3	iÏamam	
мн. 2	iÏaḿiź (iÏiḿiź)	
3	iÏaḿiź (iÏiḿiź)	

Объектъ во 2 л. ед.	Объектъ во 2 л. мн.
ед. 1 iľatan (iľazatan)	iľadyź (iľid'iź)
3 iľanӡat	
мн. 1 iľadyź (iľid'iź)	
3 iľadyź (iľid'iź)	

Объектъ въ 3 л. ед.	Объектъ въ 3 л. мн.
ед. 1 iľasa	iľasyń (iľiń)
2 iľak, iľasak	iľasyť (iľiť)
3 iľasė, iľasy (iľassa)	iľanӡa, iľasyńӡe (iľińӡe)
мн. 1 iľasyńiḱ (iľińiḱ)	iľasyńiḱ (iľińiḱ)
2 iľasyŋḱ (iľiŋḱ)	iľasyŋḱ (iľiŋḱ)
3 iľaź, iľasyź (iľiź)	iľaź, iľasyź (iľiź)

Примѣры: iľasa ťeįť kudyńť (чтобы я не сдѣлалъ дома), son nakazaś, iľasak čaft alašańť (онъ наказывалъ, чтобы ты не билъ лошади), iľasy čaft (чтобы онъ не билъ), iľasyń ӡaft sonӡy alašanӡa (чтобы я не билъ его лошадей), iľasyť čaft — (чтобы ты не билъ его лошадей), iľanӡa čaft —(чтобы онъ не билъ его лошадей), iľasyńiḱ čaft; iľaź ӡaft; iľaź gundak или gunda (какъ бы его не поймали), iľasyź gunda (то же); iľanӡa или iľasyńӡe čaft (какъ бы онъ ихъ не побилъ); iľamak stuft (какъ бы ты забылъ меня); орк. ṕŕikazak ťänӡa, štoby son boįkasta pańiza, iľassa sasa lomań (прикажи ему, чтобы онъ погонялъ скорѣй, какъ бы его не догналъ человѣкъ), ton ḿäľgan vant, son iľamam čaŋ (ты смотри вокругъ меня, чтобы онъ меня не побилъ). — Заключенныя въ скобки формы употребляются въ Оркинѣ: ton moľat marys‌t, da vanyk iľid'iź čaŋ (ты пойдешь съ ними, да смотри, чтобы они тебя не побили); vanyk, iľiź kunda alašańť (смотри, чтобы они не взяли лошадь).

§ 201. *Повелительное наклоненіе съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.	Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2 iľamak	iľamiź (iľimiź)
мн. 2 iľamiź (iľimiź)	

Объектъ въ 3 л. ед.	Объектъ въ 3 л. мн.
ед. 2 iľak	iľat́ (iľit́)
мн. 2 iľaŋk (iľiŋk)	iľaŋk (iľiŋk)

Примѣры: iľak čaft (не бей его), iľat́ čaft (не бей ихъ), iľamak keľmeft́ (не заморозь меня), iľamak rama, iľaŋk kaja (не накидывайте на нихъ), iľat́ kaǰśe sortnen (не выбрасывай моихъ соринокъ). Съ усиливающей частицей -a: iľaŋka noldak (не пускайте его). Формы, заключенныя въ скобки, употребляются въ Оркинѣ.

§ 202. *Прошедшее время изъявительнаго наклоненія съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.	Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2 eźemek	eźemeź
3 eźemem	
мн. 2 eźemeź	
3 eźemeź	

Объектъ во 2 л. ед.	Объектъ во 2 л. мн.
ед. 1 eźeťeń	eźeďeź
3 eźeńʒet	
мн. 1 eźeďeź	
3 eźeďeź	

Объектъ въ 3 л. ед.	Объектъ въ 3 л. мн.
ед. 1 eźeńe	eźeń
2 eźek	eźet́
3 eźeźe (eśe)	eźeńʒe

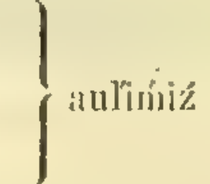
мн. 1	eźeńek	eźeńek
2	eźeŋk	eźeŋk
3	eźeź	eźeź

Въ Оркинѣ: äźiḿik, äźiḿiḿ, äźiḿiź, äźiťiń, äźińǯiť, äźidľiź, äźińä, äźik, äźiźä (äśśä), äźińik, äźiŋk, äźiź, äźiń, äźiť, äźińǯä, и т. д.

Примѣры: eźeḿeḿ ƀŕima (онъ меня не принялъ), eźeḿek vaďńe (ты меня не вычистилъ), eźek puťńi (ты его не клалъ), eźeďeź ǯija (они не просватали тебя), eźeńǯe sasa (онъ не догналъ ихъ).

§ 203. *Прошедшее время сослагательнаго наклоненія съ отрицаніемъ.* Спряженіе вспомогательнаго глагола.

Объектъ въ 1 л. ед.		Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 2	auľiḿik	auľiḿiź
3	auľiḿiḿ	
мн. 2	auľiḿiź	
3	auľiḿiź	



Объектъ во 2 л. ед.		Объектъ во 2 л. мн.
ед. 1	auľiťiń	auľidľiź
3	auľińǯiť	
мн. 1	auľiďiź	
3	auľiďiź	

Объектъ въ 3 л. ед.		Объектъ въ 1 л. мн.
ед. 1	auľińe	auľiń
2	auľik	auľiť
3	auľiźe	auľińǯe
мн. 1	auľińik	auľińik
2	auľiŋk	auľiŋk
3	auľiź	auľiź

Въ Оркинѣ: avyľimiḱ, avyľimiń, avyľimiź, avyľiņ́ǯiť, avyľiź и т. д.

Примѣры: auľiź zala или zalak (какъ бы не украли его, ихъ), ṕeľeń kabu avuľimiź gunda (боюсь, какъ бы меня не поймали), auľidiź ǯaft (какъ бы они тебя или васъ не побили), auľińe jumaft (какъ бы я не потерялъ), auľiḿi tapa butulkańť (какъ бы я не разбилъ бутылку), kudyťńiń auľińǯe pulta (какъ бы онъ не сжегъ эти дома); орк. miń toń avyľidiź saj, jeśľiby avyľiť eŕaų (мы бы тебя не взяли, если бы ты не былъ нуженъ), tyń avyľijḱ śesta ľeťť umańť (вы бы не скосили тогда загона), kaby mon avyľiťiń tandaf (какъ бы я тебя не напугалъ), kaby mon avyľiťiń rama, to jarmakyn ešćo kaduvyľť (еслибы я тебя не купилъ, то у меня осталисъ бы еще деньги).

§ 204. *Прошедшее время условнаго наклоненія съ отрицаніемъ.* Образуется посредствомъ присоединенія частицы ďaŕa (ďaŕak) къ формамъ прошедшаго времени сослагательнаго наклоненія: auľiź makst ďaŕa (если бы онъ или они не дали его или ихъ): ḱiskańť auľińi čaft ďaŕa (если бы я не убилъ собаку).

Оглавленіе.

СТРАНИЦА.

СТРАНИЦА.

Опечатки.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
6	5 снизу	съ	ея
26	12 снизу	господское	мѣсто господское
171	2 снизу	которыя	который
189	2 сверху	v́ăšä	v́ăšä»
251	1 сверху	Отдѣлъ III	Отдѣлъ IV
259	9 сверху	ma·sćyńiḱ	ma·kscyńiḱ
413	16 сверху	Стихъ испорченъ	Стихъ испорченъ. Варіантъ (Оркинскій): Верь ортава лифтизя.
435	12 сверху	Capam’	Čapam’
439	4 сверху	soń	son
525	12 сверху	ёфтака	ёфтака:

2007056094